

ХРИСТОМАТІЯ
по
РУССКОЙ ИСТОРИИ.

ХРИСТОМАТІЯ
ПО
РУССКОЙ ИСТОРИИ

ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ

ДРЕВНЕ-РУССКОЙ ЖИЗНИ, ПИСЬМЕННОСТИ И ЛИТЕРАТУРЫ,

ОТЪ НАЧАЛА ПИСЬМЕННОСТИ ДО XVI ВѢКА.

(ОДОБРЕНА УЧЕНЫМЪ КОМИТЕТОМЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ).

СОСТАВИЛЪ

Н. Я. АРИСТОВЪ

ПРОФЕССОРЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ ВАРШАВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ВАРШАВА.

ИЗДАНИЕ В. Ф. ГОЛУВИНСКАГО.

—
1870.

Дозволено Цензурою. Варшава. 15 Октября 1870 года.

**Печатано въ Типографіи Варшавскаго Жандармскаго Округа.
На Королевской улицѣ, домъ С. Клеменсовской, № 413аа,**

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издаваемые у насъ Хрестоматіи назначаются преимущественно для изученія русскаго языка и словесности; я представляю опытъ „Хрестоматіи по Русской Исторіи“, въ которомъ содержаніе древнихъ памятниковъ выдвигается на первый планъ, поэзія уступаетъ мѣсто исторіи, виѣшняя сторона подчиняется внутренней.

Такимъ образомъ я даю средства желающимъ ознакомиться съ дѣйствительной, а не идеальной древне-русской жизнью по самымъ памятникамъ. Затѣмъ помѣщалъ я въ Хрестоматіи статьи изъ новыхъ сочиненій по Русской Исторіи и Словесности, съ цѣлью показать, какимъ образомъ ученые дѣлаютъ выводы на основаніи историческихъ данныхъ. Въ этомъ случаѣ я не держался одного опредѣленнаго направленія, а выбиралъ разнообразныя статьи, желая познакомить съ воззрѣніями на русскую жизнь прежнихъ историческихъ дѣятелей, и потому не стѣснялся ни противорѣчіями статей, ни невѣрностями въ частностяхъ или въ общемъ взглядѣ.—Я хотѣлъ-было сообщить читателямъ еще цѣлый отдѣлъ памятниковъ археологическихъ, приложить къ Хрестоматіи снимки съ древнихъ рисунковъ, монетъ, крюковыхъ нотъ и т. под.; но дороговизна подобнаго изданія разрушила мои планы.

Хрестоматію свою я назначаю для лицъ болѣе или менѣе уже подготовленныхъ: для воспитанниковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, для студентовъ Университета и другихъ высшихъ заведеній, а также для учителей. Имѣя въ виду такой кругъ читателей, я постоянно дѣлалъ указанія на сочиненія и статьи, изъ которыхъ можно получить свѣдѣнія по разнымъ отраслямъ древне-русской жизни. Указанія эти не полны; но для желающаго заниматься онѣ не бесполезны, какъ руководящія нити.

Порядокъ статей и распредѣленіе предмета у меня въ Хрестоматіи довольно произвольны, (что много зависитъ отъ личнаго взгляда); по этому я счелъ нужнымъ приложить одинъ указатель древнихъ памятниковъ, вошедшихъ

въ Христоматию, въ хронологическомъ порядкѣ, а другой—по родамъ и видамъ различныхъ произведений письменности и народной поэзи.

Издаваемая мною книга доведена до московскаго періода (1462 г.) и можетъ служить пособіемъ при изученіи древне русской областной жизни. Продолженіе Христомати, которое должно обнимать московскій періодъ или среднюю Русскую Исторію, появится въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени, если будутъ благоприятствовать обстоятельства.

Н. Аристовъ.

Варшава 20 октября 1870 года.

О П Е Ч А Т К И.

Стр.	Стро-ка.	Напечатано.	Слѣдуетъ чи-тать.	Стр.	Стро-ка.	Напечатано.	Слѣдуетъ чи-тать.
9	22	пересмтрила	пересмтрила	714	29	посужити	посужати
135	16	хозяеву	хозяину	715	16	утворится	уговорится
140	40	встрѣчаетъ	встрѣчаемъ	726	35	(помощника)	(отреченье, отказъ)
157	7	въ	къ	728	43	орудка	орудна
165	26	князя	князя	732	12	часть	часть
244	28	мяземъ	можемъ	733	19	корьмы	корьмы
251 (прѣч.)		творѣ	дворѣ	737	25	или	или
302	12	Русскихъ	Русскихъ	738	19	служити	служити
362	6	Мотивы	Мотивы	740	3	созидаети	созидаети
374	39	шедшо	сѣдшо	752	4	ротѣшьдъ	ротѣ шдъ
387	10	закопавъ	заковавъ	754	2	руроку	рукоу
388	31	подъ ять	подъять	755	18	оучичтъ	оучинитъ
394	38	Анорею	Андрею	760	17	и него	и его
395	22	сборби	скорби	761	13	польберьковика	польберьковска
419	35	заматия	заматия	762	25	намѣстники	намѣстника
425	36	нмать	нмамъ	770	10	ее	се
426	8	брота	доброта	794	20	укоренные	укорененные
429	22	пишу	пищу	820	25	каванъ	каванъ
437	2	своимъ	своимъ	822	13	наречетися	наречешися
439	8	благодатити	благодарити	822	38	но	ни
448	19	Ощира	Ощѣра	840	15	пандуси	пандуси
457	25	своему	твоему	847	13	гробъ	гробѣ
497	30	поможети	поможети	853	21	черство	черичство
510	37	мирскаго	мирскаго	857	29	1156	1156
522	15	подъ ния	подъ ния	861	2	этай	отай
551	7	да ни же	данн же	864	18	обътовъ	отвѣтовъ
556	38	Моску	Москву	866	7	владыкъ	владыко
569	4	тысяцой	тысяцой	869	21	одежды	одежды
572	33	внокахъ	внокахъ	883	19	сѣлю	сѣмо
598	37	Орминьское	Орминьское	892	38	показался	показался
599	32	червчатѣ	червчатѣ	898	4	(Азъякъ)	(Азъякъ)
602	7	поки	паки	903	20	тогъ пустити	того пустити
603	4	Завотскую	Заволотскую	905	20	прилучаго	прилучаю
605	37	московскынь	московскіѣ	910	31	подотливые	податливые
605	45	Городецъ	Городецъ	914	15	носла	посла
614	26	онъ	онъ	914	25	бреги	бреги
627	27	отрожекъ	острожекъ	914	48	сѣси	сѣси
660	5	Н. Д.	И. Д.	914	56	сочтется	сочтется
677	7	штужница	штужница	915	13	дѣвнанаго струцю	дѣвнано
679	32	посаннику	посаднику	915	12	едина	едианаго струца
679	41	послуживай	послуживай	916	5	отвѣщая	отвѣщая
681	25	свои	трон	918	16	нищивъ	нащивъ
—	—	половочникъ	половочникъ	921	26	го	ко
682	15	мишенюу	мишенюу	923	1	Сатвъръ	Ставръ
687	1	въ колы	въполы	925	2	конницу	оконницу
687	39	за божественное	за рождественное	925	21	повѣливѣ	повѣливѣ
696	18	Бородѣль	Городѣль	928	28	мытница	мытница
699	22	(беревень)	(бережень)	934	17	соединялось	соединялась
700	32	нашего	нашея	936	23	Вагры	Вагры
705	43	христіаново	христіанство	938	19	епископъ	епископъ
707	5	попче	попъ	940	10	исповѣдывали	исповѣдывали
709	13	Парамшина	Парамшина	941	41	инострца	иностраница

Стр.	Стр-ка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.	Стр.	Стр-ка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
987	16	16 п	іѣп	1123	30	Ізв.	Изв.
988	4	къ путеш.	путеш.	1129	3	нарѣй	царѣй
988	10	Нынѣ	Ибнѣ	1134	27	на вашь	за вашь
995	6	Вручею	Вручегю	1136	9	пшвы	пшвы
997	16	воимина	воимина	1142	30	толкмо	толкмо
998	15	въ семь	въ селѣ	1146	38	<i>Промнець</i>	<i>Просинець</i>
1002	15 и 22	скальи	скальи	1147	4	есе	еси
1006	43	но	не	1148	11	нгуменомъ	нгуменомъ
1008	4	отложитъ	отложншь	1167	10	Воломеру	Володимеру
1010	10	Русути	Русу ти	1169	20	внязь	князь
1013	16	третника	третники	1171	13	Волоримерь	Володимерь
1014	26	мой	мом	1179	24	огъ	отъ
1018	16	предати	продати	1184	23	Бѣжи цахъ	Бѣжицахъ
1018	31	посторожъ	посторонъ	1194	15	на московъ	на московской
1027	39	и	а	1200	32	Дивяне	Дивняне
1031	41	но	ни	1219	40	паче	паче
1040	46	борты	борти	1220	6	внезану	внезапу
1044	35	слобии	слободии	1225	1	истебляла	истребляла
1045	28	кунець	купецъ	1228	4	нв	не
1046	23	куницею	купцею	1233	13	Новгоргда	Новгорода
1046	44	деять	девать	1237	40	минты	минуты
1058	25	по	ко	1242	7	<i>Н. Д.</i>	<i>И. Д.</i>
1061	6	Георгіево	Георгіево	1243	24	Печечентъи	Печентъи
1061	18	зѣбра	зѣбри	1267	30	ведеть	ведеть
1066	42	тѣ	то	1276	16	ковіа	ковіа
1069	55	на	да	1277	33	тололемъ	гоголемъ
1073	8	описаніи	описанію	1284	33	<i>многородн ы</i>	<i>многородцы</i>
1084	25	спискивать	спискивать	1286	32	Болгаре	Болгаре
—	41	послѣдствіа	послѣдствіа	1290	26	пожрени	пожрети
1093	18	перемѣны	перемѣны	1310	42	щитъ	щитъ
1094	37	начальчикахъ	начальникахъ	1312	30	тѣтомъ	тѣломъ
1098	4	человчю	человѣку	1343	4	никаго	ниваго
1108	39	были	была	1351	24	тотовъ	готовъ
1118	15	углое	цѣлое	1357	39	оряскіе	оряскіе
1120	26	<i>Прохорева</i>	<i>Прохорова</i>	1364	25	<i>Суражане</i>	<i>Суражане</i>

О Г Л А В Л Е Н І Е.

I. Язычество и христианство въ древней Руси.

	Стр.		Стр.
<i>А. Памятники письменные:</i>			
Правы и обычаи Славянъ	1	О идолахъ русскихъ	65
Извѣстія о Славянахъ X в.	4	<i>Б. Памятники народной поэзіи и ихъ историческое значеніе:</i>	
Объ Андреѣ Первозванномъ	7	Идолище поганое	68
Крещеніе св. Ольги	8	Добрыня Никитичъ	70
Идолы языческіе	12	Два стиха	73
Русскіе первоученики	13	Стихъ о грѣшницѣ	74
Испытаніе вѣры	14	<i>Объ-историческомъ значеніи русскихъ пѣсенъ</i>	
Крещеніе Руси	18		76
Новгородскій Перунъ	21	Сказка и мѣлъ	87
Крещеніе Новгородцевъ	22	<i>Пословицы, заговоры, загадки и примѣты</i>	
Слово Иларіона	24		96
О Волхвахъ	35	<i>В. Статьи изъ новыхъ сочиненій:</i>	
Поученіе Θεодосія	40	Развитіе языческихъ вѣрованій. <i>Аванасьева</i>	111
Изъ слова Григорія Богослова	45	О славянской мифологіи. <i>Ербена</i>	124
Языческія божества	46	Богослужебные обряды Славянъ-язычниковъ. <i>Срезневскаго</i>	142
Слово Серапіона	49	<i>Распространеніе христианства. Преосв. Макарія</i>	
Слово пророка Исаіи	51		153
Изъ слова Григорія Богослова	53	<i>О борьбѣ христианства съ язычествомъ. Знаменскаго</i>	
Изъ слова отъ евангелія	54		159
Слово Христолюбца	55		
Изъ слова Златоуста	59		
Тоже	62		
Слово Моисея	64		

II. Состояніе образованія.

1) Взглядъ на ученіе книжное.

<i>А. Памятники письменные:</i>		Предисловіе къ житію Θεодосія	188
Кириллъ и Меѳодій	179	Надпись на евангеліи	190
О письменахъ черноризца Храбра	181	Послѣсловіе евангелія	191
Ярославъ любитель книгъ	185	Гаданье на книгѣ	—
Послѣсловія рукописей	186	Владиміръ вольнскій	—

	<i>Стр.</i>		<i>Стр.</i>
Древняя тайнопись	194	Запись на книгѣ	197
Послѣсловіе Лаврентьевской лѣтописи	196	Слово о четыи книгѣ	198

2. Взглядъ на явленія природы.

Знаменія въ XI в.	169	Дивныя явленія	217
Знаменіе въ Киевопечерскомъ мон.	202	Морь	219
Сѣверныя сіянія	204	Вихрь, дождь, громъ	221
Солнечныя затмѣнія	205	Сказаніе о трусѣ	223
Землетрясенія	207	<i>Б. Преданія и легенды:</i>	
Гаданія по явленіямъ природы	209	Пророчество Варлаама о сѣтѣ	227
Безводріе	—	Изъ бесѣды Андрея съ Епифаніемъ	229
Голодь	211	О сотвореніи солнца	231
Кометы	213	Суетврія и примѣты	232
Пожары	214		

3. Византійское и славянское вліяніе.

<i>А. Памятники письменные:</i>		<i>Б. Памятники народной поэзіи:</i>	
О различныхъ мѣсяцахъ	235	Легенда о Патницѣ	293
О злыхъ женахъ	—	Легенда о Ноѣ	294
О Югрѣ и дикихъ народахъ	242	Изъ повѣсти: «Александрія»	298
Изъ слова Кирилла Туровскаго	243	Стихъ объ Іосафѣ	302
Слово Данила Заточника	247	Стихъ о страшномъ судѣ	304
Хожденіе Богородицы по мукамъ	257	Стихъ о Ѳеодорѣ Тиронѣ	306
Слово о мытарствахъ	261	О Голубиной книгѣ	310
Посланіе Іакова болгарскаго м-ту Кириллу	267	<i>В. Статьи изъ новыхъ сочиненій:</i>	
Хожденія въ Царьградъ	269	Историческіе очерки міросозерцанія.	
Посланіе о раѣ	276	Щапова	315
Перечень ложныхъ книгъ	281.	Характеръ древне-русской образованности. II. Курьевскаго	332
Имена ангеловъ	285	О Книжной литературѣ. Пытина	352
Сказаніе о сотвореніи Адама	285		
Лживыя молитвы и заговоры	289		
О сотвореніи міра	291		

III. Значеніе христіанства въ развитіи древне-русской жизни.

<i>А. Памятники письменные:</i>			
Изъ житія Ѳеодосія	365	Житіе Антонія	386
Киевопечерскіе иноки	379	Изъ житія Агапита	399
Духовная Антонія	385	Житіе Авраамія	401
		Объ Алексѣѣ м-тѣ	413

	<i>Стр.</i>		<i>Стр.</i>
Житіє Стефана Перискаго	423	<i>Б. Памятники народной поэ-</i>	
Плачь о смерти Стефана	425	<i>зи.—Былина:</i>	
Изъ житія Сергія	429	О Василіѣ Буслаевѣ	463
Посланіе Кирилла Бѣлозерскаго	434	<i>В. Статьи изъ новыхъ сочи-</i>	
Другое посланіе его же	438	<i>неній:</i>	
Вліяніе новгородскаго владыки	441	Нравственный характеръ древне-рус-	
Дѣйствія м. Фотія	444	скаго человѣка. <i>Соловьева</i>	467
Дѣйствія Іоны	446	Вліяніе христіанства на народъ	472
Посланіе духовенства Димитрію Юрь-		Государственное значеніе православія.	
евичу	449	<i>Кавелина</i>	488

IV. Управление древней Руси.

1. Власть духовная.

<i>А. Памятники письменные:</i>		Уставная Діонисія	533
О Латинахъ	493	Избраніе архіепископа	537
Слово Θεодосія	495	Изъ посланія патріарха Антонія	538
Избраніе владыки	499	Настольная м-та Кипріана	548
Посланіе Симона къ Поликарпу	500	Грамота Кипріана	550
Посланіе патріарха Германа	506	Отдѣленіе кievской митрополіи	551
Посольство папы къ Даніилу	508	Посланіе м-та Фотія	552
Изъ правила м-та Кирилла	509	Поученіе владыки Семіона	554
Изъ поученія его же	513	Благословенная грамота Павлу Об-	
Ярлыкъ Узбека	515	норскому	555
Ярлыкъ Тайдулы	520	О м-тѣ Сидорѣ	556
Дѣйствія м-та Θεогноста	521	<i>Б. Легенда:</i>	
Грамота Θεогноста	524	О построеніи Варяжской божницы	563
Повѣсть о Митяи	525		

2. Власть свѣтская.

<i>А. Памятники письменные:</i>		Воленіе въ Новгородѣ	592
Отношеніе Владиміра къ дружинѣ	565	<u>Договорная Новгородъ съ кн. Яро-</u>	
Отношеніе Новгорода къ князю	567	<u>славомъ</u>	593
Убіеніе Игоря 1147 г.	—	Изгнаніе князя изъ Новгорода	595
Убіеніе Андрея Боголюбскаго	571	Борьба Новгорода съ тверскимъ кня-	
Обращеніе къ князьямъ	579	земъ	597
Романъ Галицкій	—	<u>Духовная І. Д. Калиты</u>	598
Борьба Мстислава съ боярами	580	<u>Возстаніе въ Торжкѣ</u>	601
Борьба Даніила съ боярами	583	Лука Вороблошъ и сбійчатые люди	602
Борьба Пскова съ княземъ	589	Слово о князяхъ	604
Борьба Новгорода съ княземъ	591		

	<i>Стр.</i>		<i>Стр.</i>
Договорная Василія Дим. съ кн. Владиміромъ	604	Замыслы папы. <i>Филарета</i>	615
<i>В. Статьи изъ новыхъ сочиненій:</i>		Отношеніе придыѣировскихъ городовъ къ варяжскимъ князьямъ. <i>И. Блѣва</i>	619
Отношеніе епископовъ къ князьямъ и народу. <i>Макарія</i>	607	Дружина княжеская. <i>Соловьева</i>	624
		Въче и князь. <i>Сергѣевича</i>	631

V. Законы и суды.

1. По дѣламъ духовнымъ.

<i>А. Памятники письменные:</i>		Ярыкъ Агюляка	682
<u>Уставъ св. Владиміра</u>	661	Грамота Кипріана Псковичамъ	634
<u>Уставъ Ярослава</u>	663	Уставная в. к. Василія Дим. и м-та Кипріана	685
<u>Уставъ Всеволода</u>	669	Грамота архіеп. Іоны	688
<u>Уставная церкви Іоанна на Опокахъ</u>	674	<i>Б. Преданіе:</i>	
<u>Уставная смоленской епископш</u>	676	Видѣніе Спасова образа	689
Ярыкъ Тайдулы до 1357 г.	681		

2. По дѣламъ свѣтскимъ.

<i>А. Памятники письменные:</i>		Духовная в. кн. Іоанна 1356 г.	707
Правда русская	691	Договорная Д. Ив. Донскаго и Владиміра Андр. съ Михаиломъ Александров.	711
Завѣщаніе Владиміра галицкаго	695	Кабальная	716
Духовная Климента	696	Уставная	719
Рядная Тѣшаты	698	Жалованная новгородская	721
Жалованная Калиты	699	Изъ Псковской судной грамоты.	722
Изъ Вислицкаго статута	—		
Купчія	706		

3. О недостаткахъ древняго судопроизводства.

Изъ посланія м. Никфора къ Мономаху	735	<i>Б. Памятники народной поэзіи:</i>	
Бесѣда еп. Симеона съ кн. Константѣиномъ	741	Повѣсть о Шемякинѣмъ судѣ	741

4. Памятники, касающіеся сношеній Руси съ иностранцами.

Договоръ Игоря	745	Грамота смоленскаго кн. Феодора къ рижскому епископу.	759
Мирная Новгородцевъ съ Нѣмцами	751	Договоръ смоленскаго кн. Ивана съ рижскимъ Гермейстеромъ	760
Договоръ Мстислава смоленскаго съ Нѣмцами	752		

	<i>Стр.</i>		<i>Стр.</i>
Договорная Полоцка съ Ливонс. орденю	760	Значеніе Божьихъ судовъ по рус. праву. <i>А. Лохвицкаго</i>	771
Полоцкая грамота Ливонскому ордену	762	О юридическомъ значеніи духовенства. <i>Н. Калачова</i>	787
Договорная Казимира со Псковомъ	763	О Магдебургскомъ правѣ. <i>Мацьевскаго</i>	802
Договорная в. кн. Василя съ Казиміромъ	765		
<i>В. Статьи изъ новыхъ сочиненій:</i>			

VI. Общественная жизнь, нравы и обычаи.

<i>А. Памятники письменные:</i>			
Извѣстія о Русскихъ 922 г.	817	Поученіе отъ всѣхъ книгъ	892
Поученіе Луки Жидяты	821	Слово о пьянствѣ	896
Поученіе Θεодосія	823	Слово о челяди	897
Изъ посланія м. Іоанна	825	Идеаль князя	898
Паломникъ Данила	829	Убіеніе Юліанія Вяземской	899
Поученіе Владиміра Мономаха до 1125 г.	851	О началѣ Колоцкаго монастыря	900
Каноническіе вопросы Кирика	857	Исповѣданіе архіеписк. Θεодосія	904
Споръ о постѣ	864	<i>Б. Памятники народной поэзіи:</i>	
Раскаяніе Игоря въ плѣну	865	Объ образѣ Спаса преданіе	907
Изъ слова о богатомъ и убогомъ	866	Сказаніе о Михаицкомъ монастырѣ	908
Похвалы княгинямъ	868	Стихъ о страшномъ судѣ	909
Похвалы князьямъ	870	О Петрѣ и Феврошѣ	911
Похвалы епископамъ	872	Данила и Василиса	919
Слово Серапіона о кончинѣ міра	875	Добрыня Никитичъ	923
Его же слово о мятежи житія сего	876	<i>В. Статьи изъ новыхъ сочиненій:</i>	
Поученіе м. Петра	877	Характеръ Балтійскихъ Славянъ. <i>Гильфердинга</i>	929
Грабежъ на пожарахъ	882	Религіозные обычаи. <i>Филарета</i>	944
Изъ поученія до 1350 г.	884	Несвободныя состоянія въ древней Россіи. <i>Чичерина</i>	952
Морь	886		
Ушкуйники	890		

VII. Промышленность и торговля

<i>А. Памятники письменные:</i>			
Грамота Мстислава	989	Убранство войска Данила	999
Уставъ Святослава	991	Украшеніе г. Холма	1000
Надпись на крестѣ Евфросиніи	992	Мирная Новгородцевъ съ Нѣмцами	1001
Защита торговцевъ	993	Грамота кн. Андрея на Двину	1003
Владимірскія церкви	995	Грамота Рязань	—
Вкладная Варлаама	997	Грамота архіеп. Θεоктиста	1008
Данная Васильевскому монаст.	998	Грамота Ганзейскому союзу	—

	<i>Стр.</i>
Договорная Новгорода съ кн. Ми- ханломъ	1009
Торговый договоръ Полоцка съ Ригой	1011
Грамота Калиты на Двину	1012
Жалованная сокольникамъ	1013
Грамота Кестутія и Любарта	—
Жалованная Ярославскому мон.	1014
Закладная Власья	1015
Духовная игумена Василя	1016
Три купчія	1017
Жалованная Отрочу монаст.	1019
Жалованная Евсевку	1021
Духовная Остафья	—
Жалованная Андрею Фрязину	1025
Духовная Дмитрія Донскаго	—
Уставная Кипріяна	1033
Жалованная Спасскому монаст.	1035
Жалованная Толгскому монаст.	—
Обводная запись	1036
Купчая Червонно-русская	1037
Жалованная Солотчинскому мон.	1038
Жалованная Савво-сторожевскому мон	—
Договорная Полоцка съ Ригой	1041
Таможенная Молдавскаго господаря	1043

	<i>Стр.</i>
Неурожай въ 1422 г.	1047
Жалованная Троицкому Сергіеву мон.	1048
Ввозныя послушныя грамоты	1049
Заемная и закладная	1050
Данная Московс. Успенскому собору	1051
Показаніе Микулинича	1052
Денежное дѣло въ Новгородѣ	—
Жалованная Чухломскому мон.	1054
Купчая Кирилова мон.	1056
<i>Б. Памятники народной по- эзіи:</i>	
Сказаніе о Щиловѣ мон.	1055
Стихъ о Егоріѣ	1059
Олегъ Святославичъ	1065
Микула Селяниновичъ	1067
Садко богатый	1070
<i>В. Статьи изъ новыхъ сочи- неній:</i>	
Торговля древней Руся. <i>Карам- зина</i>	1073
Объ имуществѣхъ рус. духовенства. <i>Вл. Милютина</i>	1076
О поземельномъ владѣніи. <i>Н. Бл- лева</i>	1102

VIII. Областная борьба и возвышеніе Москвы.

<i>А. Памятники письменные:</i>	
Племена славянскія	1123
О народѣ русскомъ изъ Синописа	1127
Смерть Игоря и месть Ольги	1132
Убіеніе Бориса и Глѣба	1137
Ослѣпленіе Василька	1142
Борьба между князьями 1146 г.	1155
Переговоры съ Володимиркомъ	1159
Борьба Новгородцевъ съ Суздаль- цами	1162
Междоусобія въ Рязани	1166
Борьба города Владиміра съ Ряза- нью 1207.	1168
Лищицкая битва	1171
Междоусобія во Владимірѣ	1182

Договорная Новгорода съ вел. кн. тверскимъ Александромъ Михай- ловичемъ 1327 г.	1184
Отношенія между Новгородомъ и Псковомъ	1186
Борьба Москвы съ Рязанью 1371	1187
Борьба Новгорода съ Тверью 1372.	1188
Борьба Москвы съ Тверью 1375.	1191
Договорная в. кн. рязанскаго Оле- га Ив. съ в. кн. Дмитріемъ Ив. и братьемъ его кн. Владиміромъ Андреевичемъ 1381.	1193
Подчиненіе Нижняго Новгорода Мо- сквѣ	1196

<i>Стр.</i>	<i>Стр.</i>
Борьба Москвы съ В. Новгородомъ	Пророчество о Москвѣ святителя
Подчиненіе Суздаль Москвѣ 1204	Петра 1219
Изъиманіе московскаго князя въ	Былина о Василіѣ Буслаевѣ 1220
Троицкомъ мон. 1446 г. 1205	<i>В. Статьи изъ новыхъ со-</i>
Посланіе Іоны Вятчанамъ 1209	<i>чиненій:</i>
Усмиреніе Новгорода московскимъ	Взглядъ на древне-русскую исто-
княземъ 1211	рію. <i>Н. Полеваго</i> 1223
<i>Б. Народныя преданія:</i>	Единство русской земли при обла-
Сказаніе о началѣ Москвы 1213	стной раздробленности. <i>К. Ак-</i>
	<i>сакова</i> 1234

IX. Борьба Руси съ разными племенами и народами.

1. Степники.

<i>А. Памятники письменные:</i>	Нашествіе Боняка 1255
Авары, Хозары и Печенѣги 1243	Походъ Игоря на Половцевъ 1256
Набѣгъ Печенѣговъ 992 г. 1246	<i>Б. Памятники народной по-</i>
Осада Бѣлгорода 1248	<i>эзи:</i>
Косогы 1250	Слово о полку Игоревѣ 1265
Половцы —	Сказаніе о плѣнномъ Половчинѣ 1278
Борьба съ половцами 1251	

2. Волжскіе Болгары.

<i>А. Памятники письменные:</i>	Отношенія къ Болгарамъ въ XIII в. 1291
Сношенія и борьба съ Болгарами 1285	Битва съ Болгарами и казанскими
Побѣды надъ Болгарами 1287	Татарами 1293

3. Татары.

Битва при Калкѣ 1295	Нашествіе Тохтамыша 1361
Нашествіе Батыя 1301	Крещеніе Татаръ 1390 г. 1373
Побѣще Батыево 1307	Нашествіе Тамерлана 1374
Сказаніе о татарахъ. <i>Младо-Кар-</i>	Нашествіе Едигея 1380
<i>пини</i> 1312	Посланіе Едигея 1385
Кончина кн. Мухамла въ Ордѣ 1316	Плѣненіе г. Владиміра Талычемъ 1387
Даніилъ Галицкій въ Ордѣ 1322	<i>Б. Памятники народной</i>
Возстаніе противъ Татаръ 1262 г. 1324	<i>поэзи:</i>
Убіеніе кн. Романа 1325	Отъ чего перевелись витязи на св.
Житіе Петра ордынскаго 1326	Руси 1387
Сказаніе о Михаилѣ тверскомъ 1337	Шелканъ Дудентьевичъ 1389
Житіе Александра тверскаго 1349	Илья и Батый 1391
Битва съ Арашшей 1352	Изъ пѣснопѣній въ честь Меркурія 1396
Слово о Задонщинѣ 1354	Легенда о Егоріѣ и Татарахъ 1398

4. Племена Финскія.

	<i>Стр.</i>		<i>Стр.</i>
Борьба съ Финнами въ XI и XII в.	1401	Борьба съ ними въ XIV в.	1407
Борьба съ ними въ XIII	1404	Мордва	1408

5. Нѣмцы и Шведы.

Отношеніе Новгорода къ Нѣмцамъ и Шведамъ.	1411	Борьба съ Шведами въ XIV в..	1425
Повѣсть объ Александрѣ Невскомъ.	1412	Борьба съ Нѣмцами	1427
Борьба съ Шведами.	1421	О королѣ Магнусѣ	1428
Договоръ Новгорода съ Шведами 1323 г.	1423	Рукѳписаніе Магнуша.	1430
		Борьба съ Нѣмцами.	1432
		О томъ же	1434

6. Датинскія племена.

Ятвяги.	1437	Подчиненіе Смоленска Литвѣ. . .	1459
Отношенія Руси къ Ятвягамъ . .	1441	Нашествіе Витовта на Псковъ . .	1460
Литовскія вѣрованія	1443	Тоже	1462
Борьба съ Литвой.	1445	<i>В. Статьи изъ новыхъ со-</i>	
Сказанія о кн. Довмонтѣ.	1446	<i>чиненій:</i>	
Гедиминъ.	1450	Слѣдствія татарскаго нашествія.	
Казимиръ.	1451	<i>В. Стоюнина.</i>	1465
Походъ Ольгерда на Новгородъ . .	1452	Куликовская битва. <i>Н. Костома-</i>	
Первый походъ его къ Москвѣ . .	1453	<i>рова</i>	1474
Второй походъ.	1455	О литовскомъ княжествѣ. <i>Кояло-</i>	
Битва подъ Мстиславлемъ	1456	<i>вича</i>	1494
Листъ перемирный тверскаго кн. Бориса съ Витовтомъ	1457		

Указатель древнихъ памятниковъ въ хронологи- ческомъ порядкѣ	1509
Указатель памятниковъ по родамъ и видамъ	1511

І. ЯЗЫЧЕСТВО И ХРИСТИАНСТВО ВЪ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

А. ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННЫЕ.

1. Прави и обычаи Славянъ.

Имяху бо обычаи свои (*Славяне*) и законъ отецъ своихъ и преданья, кождо (*каждое племя*) свой нравъ.

Поляне (*Кіевляне*) бо своихъ отецъ обычаи имуть кротокъ и тихъ, и стыденье къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матеремъ и къ родителемъ своимъ, къ свекровемъ и къ деверемъ велико стыденье имѣху; брачныи обычаи имяху; не хожаше зять по неvěсту, но приводяху вечеръ, а завѣтра приношаху по ней, что владуче⁽¹⁾. А *Древляне* живяху зверинскимъ образомъ, живуще скотски: убиваху другъ друга, ядаху вся нечисто, и брака у нихъ не бываше, но *умыкиваху*⁽²⁾ у воды дѣвница. И *Радимичи*, и *Вятичи*, и *Сѣверь* (*Сѣверяне*)⁽³⁾ одинъ обычаи имяху: живяху въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь, ядуще вся нечисто; срамное слово въ нихъ предъ отци и предъ снохами; браци не бываху въ нихъ, но игрища межю селы. Схожахуся на игрища,

(1) Т. е. съ вечера приводили неvěсту, а на другой день приносили приданое. Похвала лѣтописца обычаямъ Полянъ или Кіевлянъ и униженіе другихъ племенъ справедливо считаются пристрастными, п. ч. лѣтопись писана въ Кіевѣ.

(2) *Умыкать*—умчать, увести, похитить.

(3) О разныхъ племенахъ Славянскихъ см. въ этой Христоматіи далѣе.

на плясанье и на вся бѣсовская игрища, и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто съвѣщашеся (*соглагошася*); имяху же по двѣ и по три жены. Аще кто умряше, творяху *трызну*⁽¹⁾ надъ нимъ, и по семь творяху кладу (*костерь дровь*) велику, и възложашуть и на кладу мертвеца, сожъжаху, а по семь собравше кости, вложашу въ судину (*посуду*) малу и поставяху на столпѣ на путехъ, еже творять Вятичи и нынѣ. Си же творяху обычаи *Кривичи*, прочіи поганіи, не вѣдуще закона божья, но творяще сами собѣ законъ...

(*Лаврент. списокъ лѣтописи, помѣщенный въ Пол. Собр. Рус. Лѣтоп., изд. Археогр. Ком. т. I, стр. 6.*)

См. также „Лѣтопись Несторова по древнѣйш. сп. мнѣхъ Лаврентія,“ изд. *Профес. Тимковскаго*. М. 1824, списокъ Радзивиловскій въ *Рос. Историч. Библ.*, изд. Акад. Н. I. 1767. Соѣйс. Времен. въ *Пол. С. Лѣт.* V. 81—155. Воскресенс. списокъ. Тамъ же т. VII, 260—345.

Лаврентьевская лѣтопись получила названіе свое отъ имени писца монаха Лаврентія, который переписалъ ее въ 1577 г., и этотъ списокъ досель считается древнѣйшимъ. Въ немъ заключается первоначальная лѣтопись, которая приписывается преп. Нестору (до

(1) *Трызна*—языческіе похоронные и поминальные обряды.

1110 г.) и летопись Суздальская (св 1112 до 1305 г.), сохранившая преимущественно события Ростовской, Владимирской и Суздальской областей. *Временник Нестора, современник Зонарь и Космъ Пражскому, и предваривший Гельмольда и Кадлубека, составляет первоначальный памятник отечественнаго бытописанія, по справедливости пользующійся всемірною извѣстностью. Она проливаетъ свѣтъ на глубокой стѣнѣ IX, X и XI столѣтій, увѣковѣчиваетъ бытіе Руси непреложностью сказаній о ея происхожденіи и сообщаетъ свѣдѣнія о дѣяніяхъ древнихъ князей, на пространствахъ вѣковъ, непосредственно слѣдовавшихъ за эпохою государственнаго возрожденія. Это—священная книга народа.*

Летопись составлена изъ народныхъ преданій, статей греческихъ хроникъ, отдѣльныхъ повѣстей о частныхъ лицахъ, напр. о Кириллѣ и Мефодіѣ, Борисѣ и Глѣбѣ, ослѣпленіи Василька, изъ поученій и летописныхъ замѣтокъ современниковъ, которыя можно видѣть до 986 и 1054 г. (Лавр. 8).

О русскихъ летописяхъ можно читать слѣд. статьи и сочиненія: Несторъ, рус. летописи на древне-словенск. яз. Авт. Шлецера, въ перев. Языкова 1809—1819, 3 ч. Исслѣдов. замѣч. и лекціи М. П. Поюдина 1, 94—97; IV, 4—70. Оборона летописца Нестора П. Буткова. Спб. 1840. О Несторѣ и его продолжателяхъ. Н. Б.—ва. Вѣстн. Евр. 1810, ч. 53, № 20, стр. 279; ч. 53. Сынъ Отеч. 1834, СЕХVІІІ; 1835, СLXІХ и СLXX. Вѣстн. Евр. 1811, ч. 59, № 18, стр. 19, 106; 1809, ч. 48, № 18, 133. О мнимой древности, первообычномъ состояніи и источникахъ нашей летописи. С. Строева Спб. 1834. О летописяхъ статьи во Временникѣ, кн. 1, 2, 3, 5, 7, 13. Историко-критич. разсужд. о началѣ рус. летописей. М. П. Поюдина. М. 1839. Рус. Историч. Сборн. IV. О рус. летописяхъ и летописателяхъ по 1240 г. В. Перевощикова. Спб. 1836. О летописяхъ Польшова. Уч. Зеп. Акад. II, 1, 59. Ж. Мин. Народ. Просв. XVIII. 1. Библиографич. обзоръ рус. летописей. Польшова. Спб. 1850. О Несторѣ. П. С. Казанскаго. От. Зап. 1851, LXXIV, 8, с. 80. О значеніи рус. летописи въ духовн. развитіи народа. Клеванова. Чт. общ. 1848, кн. I. О древней летописи, какъ памяти. Литературнонь. М. И. Сухомлинова. Уч. Зап. 2 отд. Акад. III. Ист. Рос. С. М. Соловьева. III. 116, 133. IV, 371—84. Замѣчанія Я. И. Срезневскаго: Изв. Акад. II, 23, 26, 77. О южно-рус. летописи. Н. Бѣлозерский. Н. И. Костомарова. От. Зап. 1857, СХ, II, 114—23. Рус. Бѣстѣя 1857, III, 45. Лекціи по Рус. Ист. Костомарова. Спб. 1861. Взглядъ на летописи. Прав. Собес. 1859, II, 45, 414; 1860, I, 385; II, 46, 176. Духъ Христіан. 1861, № 2, 3. Чт. общ. Ист. Годъ 2-й. V. О преданіяхъ въ древне-рус. летописи. Сухомлинова. Основа. 1861, № 7. О составѣ рус. летописи до конца XIV в. Бестужева—Рюмина. Летопис. занятія Археогр. Ком. 1868, IV кн.

и отдѣльно. По вопросу о первыхъ рус. летописцахъ. А. Разсудова. Моск. Универс. изв. 1868, № 9.

2. Извѣстія о Славянахъ начала X вѣка.

Славяне не имѣютъ ни виноградниковъ, ни пашень. Изъ дерева выдѣлываютъ они родъ кувшиновъ, въ которыхъ находятся у нихъ и ульи для пчелъ и собирается медъ пчелиный. Зовутся эти кувшины *уллици* и заключаютъ въ себѣ каждый около 10 кружекъ меду. Разведеніемъ свиней занимаются они, равно какъ другіе овцеводствомъ (1). Когда умираетъ кто-либо изъ нихъ, они сожигаютъ трупъ его. Женщины ихъ, когда случится у нихъ покойникъ, параютъ себѣ ножемъ руки и лица. На другой день по соженіи покойника, отправляются на мѣсто, гдѣ оно происходило, собираютъ пепель и кладутъ его въ урну, которую ставятъ за тѣмъ на холмъ. Черезъ годъ, по смерти покойника, берутъ кувшиновъ 20 меду, иногда нѣсколько больше, а иногда меньше, и несутъ ихъ на тотъ холмъ, гдѣ родственники покойнаго собираются, ѣдятъ, пьютъ и затѣмъ расходятся. Если у покойника было 3 жены, то та изъ нихъ, которая утверждаетъ, что она особенно любила его, приноситъ къ трупу его 2 столба и вбиваетъ ихъ стоймя въ землю, потомъ кладетъ третій столбъ поперекъ, привязываетъ посреди этой перекладины веревку, становится на скамью, и конецъ этой веревки завязываетъ вокругъ своей шеи: тогда скамью вытаскиваютъ изъ подъ нея, и женщина остается повисшею, пока не задохнется и не умретъ. Послѣ этого трупъ ея бросаютъ въ огонь, гдѣ онъ и сгораетъ.

Всѣ Славяне—огнепоклонники. Хлѣбъ наиболѣе ими воздѣлываемый—просо. Въ

(1) Мусульманна, которому запрещала религія употребленіе свинины, поражаемо это обстоятельство.

пору жатвы кладутъ они просыныя зерна въ ковшъ, поднимаютъ его къ небу и говорятъ: „Господи, ты, который даешь намъ пищу, снабди теперь насъ ею въ полной мѣрѣ!“ Есть у нихъ разнаго рода лютни, гусли и свирѣли; послѣдняя длиною въ два локтя, лютня же ихъ осмиструнная. Хмѣльной напитокъ приготавливаютъ изъ меду. При сожиганіи покойниковъ предаются шумному веселью, выражая тѣмъ радость свою, что Богъ оказалъ милость покойному, взявъ его къ себѣ. Рабочаго скота у нихъ мало, а верховыхъ лошадей имѣетъ только одинъ человѣкъ (?). Вооруженіе ихъ состоитъ изъ дротиковъ, щитовъ и копій; другаго оружія не имѣютъ...

Въ землѣ Славянъ холодъ бываетъ до того силенъ, что каждый изъ нихъ выкапываетъ себѣ въ землѣ родъ погреба, который покрываетъ деревянною остроконечною крышею, какія видимъ у христіанскихъ церквей, и на крышу эту накладываютъ земли. Въ такіе погреба переселяются со всею семействомъ, и взявъ нѣсколько дровъ и камней, раскаляютъ послѣдніе на огнѣ до красна. Когда же раскалятся камни до высшей степени, поливаютъ ихъ водою, отчего распространяется паръ, нагрѣвающій жилье до того, что снимаютъ уже одежду. Въ такомъ жильѣ остаются до самой весны...⁽¹⁾

Когда у кого изъ Русей родится сынъ, отецъ новорожденнаго беретъ обнаженный мечъ, кладетъ его предъ дитятею и говоритъ: „Не оставляю въ наслѣдство тебѣ никакого имущества: будешь имѣть только то, что приобрѣтешь себѣ этимъ мечемъ...“ Единственный промыселъ ихъ—торговля собольими, бѣличьими и другими мѣхами, которые и продаютъ они же-

⁽¹⁾ Очевидно, здѣсь описываются землянки, которыя устраивали наши предки для бань, а иногда и для жилья. См. ниже преданіе объ Андрѣй Первозванномъ.

лающимъ; плату же получаемую деньгами, завязываютъ накрѣпко въ пояса свои. Съ рабами обращаются хорошо... Гостямъ оказываютъ почетъ и обращаются хорошо съ чужеземцами, которые ищутъ у нихъ покровительства, да и со всею, кто часто бываетъ у нихъ, не позволяя никому изъ своихъ обижать или притѣснять такихъ людей. Въ случаѣ же, если кто изъ нихъ обидитъ или притѣснитъ чужеземца, помогаютъ послѣднему и защищаютъ его... Когда кто изъ нихъ имѣетъ дѣло противъ другаго, то зоветъ его на судъ къ царю, предъ которымъ и препираются; когда царь произнесетъ приговоръ, исполняется то, что онъ велитъ; если же обѣ стороны приговоромъ царя не довольны, то, по его приказанію, должны предоставить окончательное рѣшеніе оружію; чей мечъ острѣе, тотъ и одерживаетъ верхъ. На борьбу эту родственники (обѣихъ тяжущихся сторонъ) приходятъ вооруженными и становятся. Тогда соперники вступаютъ въ бой, и побѣдитель можетъ требовать отъ побѣжденнаго, чего хочетъ.

Есть у нихъ, изъ среды ихъ, *врачи* (*жрецы*), имѣющіе такое вліяніе на царя ихъ, какъ будто они начальники ему. Случается, что приказываютъ они приносить въ жертву творцу ихъ, что ни вздумается имъ: женщинъ, мужчинъ и лошадей; а ужъ когда прикажетъ врачъ,—не исполнить приказанія его нельзя никакимъ образомъ. Взявъ человѣка или животное, врачъ накидываетъ ему петлю на шею, навѣшивая жертву на бревно и жметъ, пока она не задохнется. Тогда говоритъ: „вотъ это—жертва Богу...“ Когда умираетъ у нихъ кто-либо изъ знатныхъ, то выкапываютъ ему могилу въ видѣ большаго дома, кладутъ его туда и вмѣстѣ съ нимъ кладутъ въ ту же могилу какъ одежду его, такъ и браслеты золотые, которые онъ носилъ; далѣе опускаютъ туда множество съѣстныхъ припасовъ, со-

суды съ напитками и чеканеную монету. Наконецъ кладутъ въ могилу живую и любимую жену покойника. Затѣмъ отверзатіе могилы закладывается, и жена умираетъ въ заключеніи.

(Извѣстія арабс. писателя Ибнъ-Даста. Изд. Д. А. Хвольсона 1869 г. стр. 28—40).

Обратить вниманіе на языческій бытъ Славянъ.— Съ другими арабскими писателями о Россіи можно познакомиться изъ сочиненія Френа Ibn—Fozzlans und anderer Araber Berichte... Слб. 1823; также Шармуа Memoires de l'Academie Imper. des Sciens de St. Peterb. 1834, VI. 317; Аделума Объ иностранныхъ путешественникахъ по Россіи М. 1866.

3. Объ Андрѣи Первозванномъ.

А Днѣпръ втечетъ въ Понетское море жерломъ⁽¹⁾, еже море словеть Руское, по нему же училъ св. Оньдрѣи, братъ Петровъ. Оньдрѣю учащу въ Синопіи и пришедшу ему въ Корсунъ (Херсонъ), увидѣ, яко изъ Корсуни близъ устья днѣпрское, въсхотѣ поити въ Римъ, и приде въ устье днѣпрское; оттолѣ поиде по Днѣпру горѣ (вверхъ) и по приключаяю (случаяю) приде и ста подъ горами на березѣ. Заутра вѣставъ и рече къ сущимъ съ нимъ ученикомъ: „видите ли горы сія? яко на сихъ горахъ возсіяетъ благодать божья, иматъ градъ великъ быти, и церкви многи Богъ въздвигнути иматъ.“ Въшедъ на горы сія, благослови я, постави крестъ, и помоливъся Богу и сълѣзъ съ горы сея, идѣже послѣже бысть Кіевъ, и поиде по Днѣпру горѣ. И приде въ Словѣни, идѣже нынѣ Новъгородъ; и видѣ ту люди сущая, како есть обычаи имъ, и какъ ся мыють, хвоцутся (парятся вѣнникомъ), и удивися

(¹) Понетское — Черное море. Жерломъ — жерло, устье.

имъ. Иде въ Вараги и приде въ Римъ, исповѣда, елико (сколько) научи и елико видѣ и рѣче имъ: „дивно видѣхъ Словенскую землю, идучи ми сѣмо видѣхъ бани древены, и пережыгутъ е рамяно⁽¹⁾, совлокутся и будутъ нази, и обляются квасомъ усніянымъ⁽²⁾, и возмутъ на ся (себя) прутье младое, бьются сами и того ся добьютъ, егда влѣзуть ли (еле) живи, и обляются водою студеною, тако оживутъ; и то творять по вся дни немучими никимъже, но сами ся мучать, и то творять не мовенъе собѣ, а мученъе.“ Тъ слышаще дивляхуся; Оньдрѣи же бывъ въ Римѣ, приде съ Синопію.

(П. Собр. Лѣт. 1, 3—4).

Объ апостолахъ Андрѣи см. Изслѣд. объ ист. и древн. Херсонеса Таврич. Кене. Слб. 1848.

4. Крещеніе св. Ольги и характеръ Святослава.

а. Въ лѣто 6456. Въ лѣто 6457. Въ лѣто 6458. Въ лѣто 6459. Въ лѣто 6460. Въ лѣто 6461. Въ лѣто 6462. Въ лѣто 6463⁽³⁾ (955). Иде Ольга въ Греки и приде Царюгороду. Бѣ тогда царь имянемъ Цѣмьскій; и ириде къ нему Ольга, и видѣвъ ю добру сущю зѣло лицемъ и смыслену, удививъ ся царь разуму ся, бесѣдова къ ней и рекъ ей: „подобна еси царствовати въ градѣ съ нами.“ Она же разумѣвши рече ко царю: „азъ погана есмь (язычница), да аще мя хоцещи крестити, то крести мя самъ; аще ни, то не крещося,“ и крести ю царь съ патрархомъ. Просвѣщена же бывъши, ра-

(¹) Накалятъ ихъ до красна.

(²) Уснѣе — кожа; квасомъ кислымъ, которымъ отквашиваютъ овчины.

(³) Такая форма означенія годовъ доказываетъ, что первоначально дѣлали таблицы годовъ и подъ ними отмѣчали достойное памяти, пропускали годъ, когда не случилось ничего замѣчательнаго.

довашеся душею и тѣломъ; и поучи ю патрархъ о вѣрѣ, рече ей: „благословена ты въ женахъ русскихъ, яко возлюби свѣтъ, а тьму остави; благословити тя хотять сынове рустии въ послѣдній родъ внуку твоихъ.“ И заповѣда ей о церковномъ уставѣ, о молитвѣ и о постѣ, о милостыни и о въздержаньи тѣла чиста: она же поклонивши главу, стояше аки губа напаяема внимаючи ученья; поклонившися патрарху, глаголющи: »молитвами твоими, владыко, да сохранена буду отъ сѣти неприязньны.« Бѣ же речено имя ей во крещеньи Олена, якоже и древняя царица, мати великаго Костянтина. Благослови ю патрархъ, и отпусти ю. И по крещеньи возва ю царь и рече ей: »хощю ты пояти собѣ женѣ.« Она же рече: »яко хочеши мя пояти, крестивъ мя самъ и нарекъ мя дщерею? а въ хрестеянехъ того нѣсть закома, а ты самъ вѣси.« И рече царь: »переклюкала (*переклюкала*) мя еси, Ольга;« и дасть ей дары многи, злато и сребро, паволоки и съсуды различныя, и отпусти ю, нарекъ ю дщерею собѣ. Она же хотящи домови, приде къ патрарху, благословенья просящи на домъ, и рече ему: »люды мои погани и сынъ мой, дабы мя Богъ съблюждь отъ всякого зла.« И рече патрархъ: »чадо вѣрное! во Христа крестилася еси и во Христа облечеся. Христосъ имать сохранити тя; якоже срани Еноха въ первыя роды, и потомъ Ноя въ ковчезѣ, Аврама отъ Авимелеха, Лота отъ Содомлянъ, Моисѣя отъ Фараона, Давыда отъ Саула, 3 етроци отъ пеци, Данила отъ звѣрий, тако и ты избавить отъ неприязни и отъ сѣтій его;« благослови ю патрархъ, и иде съ миромъ въ свою землю и приде Кіеву. Се же бысть, якоже при Соломанѣ, приде царица Евіопская къ Соломану, слышати хотящи премудрости Соломани, и многу мудрость видѣ и знамянья: такоже и си блаженная Ольга искаше доброѣ мудрости божьи, но

она человѣчьски, а си божья. Ищущи бо мудрости обряцють. Премудрость на исходящихъ поется, на путехъ же дерзновеенью водить, на краяхъ же забральныхъ (*на крѣпостяхъ*) проповѣдаеть, во вратѣхъ же градныхъ дерзаючи глаголетъ; елико бо лѣтъ незлобивии держатся по правду, не постыдятся. Си бо отъ възраста блаженная Ольга искаше мудростью все въ свѣтъ семя, налѣзе (*нашла*) блисеръ многоцѣнныхъ, еже есть Христосъ. Рече бо Соломанъ: желанье благовѣрныхъ наслаждаетъ душу; и приложивши сердце твое въ разумъ; азъ любящая мя люблю, и ищущи мене обряцють мя. Господь рече: приходящаго ко мнѣ не иждену вонъ. Си же Ольга приде Кіеву и присла къ ней царь гречьскій, глаголя: »яко много дарихъ ты; ты бо глаголаше ко мнѣ, яко аще возъвращося въ Русь, многи дары прислю ти, челядь, воскъ и скъру (1), и вои въ помощь.« Отвѣщавши Ольга и рече къ словъ: »аще ты,« рьци, »такоже постойши у мене въ Почайнѣ, якоже азъ въ Суду (2), то тогда ти дамъ«—и отпусти слы (*послы*) съ рѣкъши.

Живяше же Ольга съ сыномъ своимъ Святославомъ, и учашеть и мати креститися, и не брѣжаше того ни во уши примати; но аще кто хотяше креститися, не браняху, но ругахуся тому. Невѣрныи бо вѣра хрестьянска уродство есть; не смыслиша бо, ни разумѣша во тѣмъ ходящии, и не вѣдаютъ славы господни, одобльша бо сердца ихъ, ушима тяжько слышати, очима видѣти. Рече бо Соломанъ: дѣла нечестивыхъ далече отъ разума; понеже завахъ вы и не послушасте мене, прострѣхъ словеса и не внимасте, но отметасте моя свѣты, моихъ же обличений не внимасте; възненавидѣша бо пре-

(1) Челядь — рабовъ, скъру — шкуры, мѣха, оттуда сл. скорнякъ.

(2) Суду — гавань царегрэдская.

мудрость, а страха господня не шволяша, ни хотяху моихъ внимати съвѣтъ, подражаху же мои обличенья. Якоже бо Ольга часто глаголаше: »азъ, сыну мой, Бога познавъ и радуюся; аще ты познаеши, и радоватися почнешь.« Онъ же не внимаше того, глаголя: »како азъ хочу нѣтъ законъ пріяти единъ? а дружина сему смѣяться начнутъ.« Она же рече ему: »аще ты крестиниши, вси имуть тоже створити.« Онъ же не послуша матере, творяше норовы (*обычаи*) поганьскія, не вѣдый, аще кто матере не послушаетъ, въ бѣду впадаетъ; яко же рече аще кто отца, ли матере не постушаетъ, во смерть пріиметь. Се же ктому гнѣваша на матеръ. Соломанъ бо рече: кажай злыя пріемлетъ собѣ посаженье, обличай нечестиваго поречеть себе; обличенья бо нечестивымъ мозолье суть; не обличай злыхъ, да не възненавидятъ тебе. Но обаче любяше Ольга сына своего Святослава, рѣкущи: »воля божья да будетъ; аще Богъ хоцетъ помилувати рода моего и землѣ Рускѣ, да възложитъ ликъ на сердце обратитися къ Богу, якоже и мнѣ Богъ дарова.« И се рекши, моляшеся за сына и за люди по вся нощи и дни, кормящи сына своего до мужества его и до возраста его.

6. Въ лѣто 6464. Въ лѣто 6465. Въ лѣто 6466. Въ лѣто 6467. Въ лѣто 6468. Въ лѣто 6469. Въ лѣто 6470. Въ лѣто 6471. Въ лѣто 6472 (964). Князю Святославу възростышу и възмужавшу, нача вон совкупляти многи и храбры, и легко ходя аки лардусъ (*леопардъ*), войны многи творяше. Ходя возъ по собѣ не возяше, ни котъла, ни мясъ варя, но потонку нарѣзавъ конину ли, звѣрину ли, или говядину, на углекъ испекъ ядыше, ни шатра имаше, но подъкладъ (*войлокъ*) постлавъ и сѣдло въ головахъ: такоже и прочи вон его вси бяху. Посылаше къ странамъ глаголя: »хочю на вы ити« ...

в. Въ лѣто 6477 (969). Рече Свято-

славъ къ матери своей и къ болгаромъ своимъ: »нелюбо ми есть въ Кіевѣ быти, хочю жити въ Переяславци на Дунаи, яко то есть середя въ земли моей, яко ту вся благая сходятся: отъ Грекъ злато, паволоки, вина, оwoщеве разноличныя, изъ Чехъ же, изъ Угоръ (*Венгровъ*) сребро и комони (*кони*), изъ Руси же скоро и воскъ, медъ и челядь.« Рече ему Волга: «видиши мя большое сущю, камо (*куда*) хоцеша отъ мене ити?» бѣ бо разболѣлася уже, рече же ему: »погребѣ (*схоронивъ*) мя, иди же аможе (*куда*) хоцеша.« По трехъ днехъ умре Ольга, и плакася по ней сынъ ея, и внуци ея, и людье вси плачешъ великимъ, несоша и погребоша ю на мѣстѣ; и бѣ заповѣдала Ольга не творити трызны надъ собою, бѣ бо имущи презвутеръ ⁽¹⁾, сей похорони блаженую Ольгу. Си бысть предътекущія крестьянствѣи земли, аки деньница предъ солнцемъ и аки зоря предъ свѣтомъ, си бо съяше аки луна въ нощи, тако и си въ невѣрныхъ человекѣхъ свѣтащеса аки бисеръ въ (*грязи*) калѣ; калъни бо бѣша, грѣхъ не омовени крещеньемъ святымъ. Си бо омыся купѣлю святою, и совлечеса грѣховныя одежа ветхаго человека Адама, и въ новыи Адамъ облечеса, еже есть Христосъ...

(П. Собр. Лѣт. 1, 25—29).

5. Идоимъ языческіе.

И нача княжити Володимеръ въ Кіевѣ единъ (980), и постави кумиры (*идолы*) на холму внѣ двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а усъ златъ ⁽²⁾, и Хърса, Дажьбога, и Стрибога, и Симарьгла, и Мокошь. Жря-

⁽¹⁾ Языческыхъ похоронныхъ и поминальныхъ обрядовъ не дѣлать, п. ч. имѣла священника.

⁽²⁾ Изъ этого *уса злата* поздніе лѣтописцы, Герберштейнъ и польскіе историки сдѣлали бога *Услава*.

ху (*приносили жертвы*) имъ, наричюще я боги, привожаху сыны своя и дщери, и жряху бѣсомъ, оскверняху землю теребани (*жертвами*) своими, и осквернися кровью земля Руска и холмъ — отъ. . . Володимеръ же посади Добрыну уя (*дядю*) своего въ Новѣгородѣ; и пришедъ Добрына Ноугороду, постави кумира надъ рѣкою Волховомъ, и жряху ему людье ноугородстїи аки Богу.

(Лавр. 34).

6. Русскіе первоученики.

В лѣто 6491 (983). Иде Володимеръ на Явтяги, и побѣди Явтяги и взя землю ихъ, и иде Киеву, и творяще потребу кумиромъ с людьми своими. И рѣша старци и боляре: мчемъ (*бросаемъ*) жребии на отрока и дѣвицу; на негоже падеть, того зарѣжемъ богомъ. Бяше Варягъ единъ, и бѣ дворъ его, идеже есть церкви Святая Богородица, юже сдѣла Володимеръ: бѣ же Варягъ то пришедъ изъ Грекъ, держаше вѣру хрестеянъску, и бѣ оу него сынъ красенъ (*красивъ*) лицомъ и душею, на сего паде жребии по зависти дьяволи. Не терпяшеть бо дьяволъ, власть имыи надо всѣми, и се бяшеть ему аки тернъ в сорацїи, тѣшашеся (*старался*) потребити окаяннымъ и наоустїи (*подучилъ*) люди. Рѣша пришедше послании к нему: яко паде жребии на сынъ твой, изволиша бо и бози собѣ; да створимъ потребу богомъ. И рече Варягъ: »не суть бо бози, но древо; днесъ есть, а оутро изгинеетъ; не ядятъ бо, ни пьютъ, ни молвятъ, но суть дѣлани руками в деревѣ; а Богъ есть единъ, емуже служатъ Гръци и кланяются, иже створилъ небо, и землю, звѣзды, и луну, и солнце, и человекъ, далъ есть ему житъ на земли; а си бози что сдѣлаша? сами дѣлани суть; не дамъ сына своего бѣсомъ.« Они же шедше повѣдаша людемъ; они же

вземше оружье, поидоша нанъ, и розѣша дворъ около его, онъ же стояше на сѣнехъ съ сыномъ своимъ. Рѣша ему: вдай сына своего, да вдамы богомъ. Онъ же рече: »аще суть бози, то единого собе пошлютъ бога, да имуть сынъ мой; а вы чему претребуете?« И кликнуша и посѣкоша сѣни подъ нима, и тако побѣди я, и не свѣсть никтоже, гдѣ положиша я. Бяху бо тогда человекъ невѣголоси (*невѣжи*) и погани; дьяволъ радовашеся сему, невѣдыи, яко близъ погибель хотяше быти ему. Тако бо тѣшашеся погубити родъ хрестеянъскїи, но прогонимъ бяше хрестомъ честнымъ и в оубѣхъ странахъ; сде же мнѣшася окаянными: яко сде ми есть жилище, сде бо не суть апостоли учили, ни пророци прорекли. Невѣдыи пророка глаголюща: и нарекъ не дуди моя люди моя; о апостолѣхъ бо рече: во всю землю изидоша вѣщанья ихъ, и в конецъ вселенныя глаголи ихъ. Аще и тѣломъ апостоли не суть сде были, но оученья ихъ аки трубы гласятъ по вселеннѣи в церквахъ. Имъже оученьемъ побежаемъ противнаго врага, попирающе подъ ноzi; якоже попраста и си, приемше вѣнецъ небесныи съ святыми мученики и праведники.

(Издъ Гилков. 50—51. II. Собр. Лѣт. 1, 35).

7. Испытаніе вѣри.

В лѣто 6494 (986). Придоша Болгары вѣры Бохмичѣ (¹), глаголюще (*Владимиру*): яко ты князь еси мудръ и смысленъ, не вѣси закона; но вѣруи в законъ нашъ, и поклонися Бохмиту. И рече Володимеръ: како есть вѣра ваша? Они же рѣша: вѣруемъ Богу, а Бохмичѣ ны оучитъ, глаголя: свинины не ясти,

(¹) Магометовой, мусульманской.

вина не пяти; дасть Божитъ комуждо по семидесять женъ красныхъ, исбереть едину красну, и всѣхъ красоту възложить на едину, та будетъ ему жена; Володимеръ же слушаше ихъ, бѣ бо самъ любя жены, послушаше сладко; но се ему бѣ нелюбю, и о неяденьи мясъ свинныхъ, а о питьи отгнудъ; рѣка: *Руси есть веселье питье, не можемъ без того быти.* Потѣмъ же придоша Нѣмци глаголюще: придохомъ послании отъ напежа (*папы*); и рѣша ему: реклъ ти тако напежь: земля твоя яко и земля наша, а вѣра ваша не яко вѣра наша; вѣра бо наша свѣтъ есть, кланяемся и Богу, иже створилъ небо и землю, звѣзды, мѣсяць и всяко дыханье, а бози ваши древо суть. Володимеръ же рече: кака заповѣдь ваша? они рѣша: пощенье по силѣ; аще кто пьеть или ясть, то все въ славу божью, рече оучитель нашъ Павелъ. Рече же Володимеръ Нѣмцемъ: *идѣте опять, яко отци наши сею не прияли суть.* Се слышавше Жидове Козарьстия придоша, рекуще: слышахомъ, яко приходиша Болгаре и Хрестеяне, оучаще тя ктоже (*каждый*) вѣрѣ свои; Хрестеяне бо вѣрують, егоже мы распяхомъ, а мы вѣруемъ единому Богу авраамову, исакову, яковлю. И рече Волидимеръ: что есть законъ вашъ? они же рѣша: обрѣзатися, свинины не ясти, ни зайчины, субботу хранити. Он же рече: *то идѣ есть земля ваша?* они же рѣша: въ Ерусалимѣ. Онъ же рече: *то тамо ли есть?* они же рѣша: разгнѣвася Богъ на отци наши, и расточи ны по странамъ грѣхъ ради нашихъ, и предана бысть земля наша Хрестеяномъ. Он же рече: *то како вы инѣхъ оучите, а сами отвержени отъ Бога и расточени? аще бы Богъ любилъ васъ и законъ вашъ, то не бысте расточени по чужимъ землямъ; еда намъ тоже мыслите прияти?*

Посемъ же прислаша Гръци къ Воло-

димеру Философа, глаголюще сице: слышахомъ, яко приходиша суть Болгаре, оучаще тя прияти вѣру свою, ихъже вѣра оскверняетъ небо и землю, иже суть прокляти паче всѣхъ чловѣкъ, оуподоблшесе Содому и Гомору... Слышахомъ же и се, яко приходиша отъ Рима поучити васъ к вѣрѣ свои, ихъже вѣра маломъ с нами развращена (*малымъ отъ нашей разнится*); служить бо опрѣсноки, рекше (*т. е.*) оплатки, ихъже Богъ не преда, но повелѣ хлѣбомъ служити... Рече же Володимеръ: придоша ко мнѣ Жидове, глаголюще: *яко Нѣмци и Гръци вѣрують, и егоже мы распяхомъ.* Философъ же рече: вѣистину в того вѣруемъ, тѣхъ бо пророци прорѣцаху, яко Богу родитися, а друзии, распяту быти, и погребену, а 3-й день воскреснути и на небеса взити; они же пророки избиваху, другия претираху. Егда же сбьтесе прореченье сихъ сниде на землю, и распятые прия, и въскресъ, на небеса взиде: на сихъ же ожидаше покаянья за 46 лѣтъ, и не покаяшася и посла на ня Римляны, грады ихъ разбиша, и самы расточиша по странамъ, и работаютъ въ странахъ. Рече же Володимеръ: *то что ради сниде Богъ на землю, и страсть такою прия?* отвѣщавъ же Философъ рече: аще хощѣши послушати, да скажу ти из начала, чьсо ради сниде Богъ на землю. Володимеръ же рече: послушаю радъ ⁽¹⁾.

В лѣто 987. Созва Володимеръ бояры своя и старци градскыи, и рече имъ: се приходиша ко мнѣ Болгаре, рѣкуще: прими законъ нашъ; посемъ же приходиша Нѣмци и ти хваляху законъ свои; по сихъ придоша Жидове. Се же послѣже придоша Гръци, хуляще вси законы, свои же хваляще и много глаголаша ска-

⁽¹⁾ Далѣ въ лѣтописи изложена свящ. исторія отъ сотворенія міра, какъ написана въ *Псалмѣ*, книгѣ древоостей, отъ греч. *палеосъ*—древній.

зающе отъ начала миру, о бытїи всего мира; суть же хитро сказующе, и чудно слышати ихъ, любо комуждо слышати ихъ, и другїи свѣтъ повѣдаютъ быти: да аще кто, дѣветь (*де*), в нашу вѣру ступить, то пакы, оумерь, станеть и не оумреті ему в вѣки; аще ли въ инъ законъ ступить, то на ономъ свѣтѣ в огнѣ горѣти: да что оума придасте? что отвѣщаете? И рѣша бояре и старци: *вѣси, княже, яко своего никтоже не хулитъ, но хвалитъ*: аще хочещи испытати гораздо, то имаша оу себе мужи; пославъ испытати кождо ихъ службу, и како служатъ Богу. И бысть любя рѣчь князю и всѣмъ людемъ; избраша мужи добры и смыслены числомъ 10, и рѣша имъ: идѣте первое в Болгары, и испытайте первое вѣру ихъ. Они же идоша, и пришедше видѣша скверная дѣла и кланянье в ропати (*капищъ*); придоша в землю свою, и рече имъ Володимерь: идѣте пакы в Нѣмци, и съгляданте такоже, и оттудѣ идѣте въ Греки. Они же придоша в Нѣмци, съгляданше церковную службу ихъ, придоша Царюгороду, и видоша ко царю; царь же испытъ, коея ради вины придоша, они же сповѣдаша ему вся бывшая. Се слышавъ царь, радъ бывъ, и честь велику створи имъ во тот же день. Иауотрїя посла къ патрeарху, глаголя сице: придоша Русь пытающе вѣры нашея, да дристрои церковь и крилость, и самъ причинися въ святительския ризы, да видятъ славу Бога нашего. Си слышавъ патрeархъ, повелѣ создать крилость, по обычаю створиша праздникъ, и кадїла вожьгоша, цѣнья и лики съставиша. И иде с ними въ церковь, и поставиша я на пространїѣ мѣстѣ, показующе красоту церковную, цѣнья и службы архїерѣйски, предстояще дьяконъ, сказующе имъ служенье Бога своего; они же во изумѣнїи бывше, оудивившесь, похвалиша службу ихъ. И призваша е царя Василия и Костянтинъ, рѣста имъ:

идѣте в землю ващю, и отпустища я с дары велики и съ честью. Они же придоша в землю свою, и созва князь бояры своя и старца. Рече Володимерь: се придоша послании нами мужи, да слышимъ отъ нихъ бывшее, и рече: скажите предъ дружиною. Они же рѣша: *яко ходихомъ в Болгары, смотрихомъ, како ся поклоняють въ храмѣ, рѣкше в ропати, стояще бес пояса; поклонився, сядеть и глядитъ сѣмо и оамо яко бѣшенъ, бо нѣсть веселья в нихъ, но печаль и смрадъ великъ, нѣсть добро законъ ихъ. И приходомъ в Нѣмци, и видѣхомъ въ храмѣхъ многи службы творяща, а красоты не видѣхомъ никоюже. И приходомъ же въ Греки, и vedoша ны, идеже служить Богу своему, и не свѣмы, на небѣ ли есмь были, ли на земли; нѣсть бо на земли такога вида, ли красоты такая, и недооумѣемъ бо сказати; токмото вѣмы, яко онгдѣ (*тамъ*) Богъ с челоуѣки пребываетъ, и естъ служба ихъ паче всѣхъ странъ. Мы оубо не можемъ забыти красоты тоя; всякъ бо челоуѣкъ, аще оукуситъ сладка, послѣди горести не причинаеть, тако и мы не имамы сле быти.* Отвѣщавше же бояре рекоша: *аще бы михъ законъ греческии, то не бы баба твоя прияла Ольга, яже бѣ мудрѣиши всѣхъ челоуѣк.* Отвѣщавъ же Володимерь, рече: кде крещенье приимемъ? они же рекоша: гдѣ ти любо.

(Изд. Тимковс. 52. 55. 72—74.
II. Собр. Лѣт. 1, 36—46).

8. Крещеніе Руси 988 г.

Володимерь же посемъ поемъ царицю (¹) и Настаса, и попы корсуньски с мощи святаго Климента и Фифа, оученика его, поима съсуды церковныя, иконы на бла-

(¹) Анну, сестру цара греческаго, за нукъ за себя.

гословенъе себѣ. Постави же церковь в Корсунѣ на горѣ, юже съсыпаша средѣ града, крадуще приспу⁽¹⁾, яже перкви стоять и до сего дне. Взя же, ида (*идя*), иѣднѣ двѣ капищи, и 4 конѣ иѣднѣ, иже и нынѣ стоять за святою Богородицею, якоже невѣдуще мнѣ я мрамаряны суца. Вдасть же за вѣно Грекомѣ Корсунѣ опять царицѣ дѣля⁽²⁾, а самъ приде Киеву. Яко приде, повелѣ кумиры испроврещи (*ниспровринути*), овы осѣчи, а другия огневи предати; Перуна же повелѣ привязати коневѣ къ хвосту, и плещи съ горы по Боричеву на Ручаю, 1? мужа пристави тети жезлнемъ (*бить палками*). Се же не яко древу чююцю, но на поруганье бѣсу, иже прельщаше сямъ образомъ чловѣкъ, да възмездье прииметь отъ чловѣкъ, а поругаемъ. Влекому же ему по Ручаю к Днѣпру, плакахуся его невѣрнии людье, еще бо не бяху прияли святаго крещенья; и привлекуше, вринуша и въ Днѣпръ. И пристави Володимерь, рекъ: аще кде пристанеть вы, то отрѣванте его отъ берега, дондеже пороги проидеть; то тогда охабитесь (*оросьте*) его, они же повелѣная створиша. Яко пустиша и проиде сквозѣ пороги, изверже и вѣтръ...

Посемъ же Володимерь посла по всему граду, глаголя: аще не обращайся кто рѣцѣ, богатъ ли, ли оубогъ, или нищъ, ли работникъ,—противенъ мнѣ да будетъ. Се слышавше людье, с радостью идяху, радующеса и глаголяще: *аще бы се не добро было, не бы сего князь и боляре приали*. Наутриа же изиде Володимерь с пошы царицны и с корсуньскими на Днѣпръ, и спидеса бещисла люди; влѣзоша в воду и стояху

(¹) *Приспа*, т. е. насыпь, которую дѣлали Русскіе при осадѣ Корсуна, а Греки по ночамъ *крали*.

(²) *Дѣля* — ради царицы, т. е. Анны, на которой женился Владимиръ; за нее и возвратилъ онъ Корсунъ въ видѣ *ольна* (выкупа за невѣсту).

овы до шие, а друзи до персии (*груды*), младии же отъ берега, друзии же млади держаще, свершении же бродяху, попове же стояще молитвы творяху. И баше си вѣдѣти радость на небеси и на земли, толико душъ спасаемыхъ; а дьяволъ стѣня гляголаше: оувы мнѣ, яко отсюда прогонимъ есмь! се бо мнѣхъ жилище имѣти, яко се не суть оученья апостольска, ни суть вѣдуще Бога, но веселяхъся о службѣ ихъ, иже служаху мнѣ; и се оуже побѣженъ есмь отъ невѣгласъ (*невѣждѣ*), а не отъ апостола, ни отъ мученикъ; не имамъ оуже царствовать въ странахъ сихъ. Крестившимъ же ся людемъ, идоша кождо въ дома своя; Володимерь же радъ бывъ, яко позна Бога самъ и людье его, възрѣвъ на небо, рече: »Боже створивши небо и землю! призири на новыя люди сия, и даждь имъ, Господи, оувѣдѣти тебе истиннаго Бога, якоже оувѣдѣша страны хрестьянскыя; оутверди и вѣру в нихъ праву и несоувратьну, и мнѣ помози, Господи, на супротивнаго врага, да надѣяся на тя и на твою державу, побѣжю козани его.« И се рекъ, повелѣ рубити церкви и поставляти по мѣстомъ, идеже стояху кумиры; и постави перковь святаго Василья на холмѣ, идеже стояше кумиръ Перунъ и прочии, идеже творяху потребы князь и людье; и нача ставити по градомъ церкви и пошы, и люди на крещенье приводити по вѣсѣмъ градомъ и селомъ. Пославъ нача поимати оу нарочитое чади⁽¹⁾ дѣти, и даяти нача на оученье книжное; матере же чадъ сихъ плакахуся по нихъ, еще бо не бяху ся оутвердили вѣрою, но акы по мертвецѣ плакахуся. Симъ же раздаяномъ на оученье книгамъ, събысться пророчество на Русьтѣи земли, глаголющее: во оны дние оуслышать глусіи словеса книжная, и яснѣ будетъ языкъ гугнивыхъ.

(¹) Знатныхъ людей.

Св бо не бѣша преди слышали словесе книжного, но по божью строю, и по милости своей помилова Богъ, якоже рече пророкъ: помилюю, егоже аще помилюю. Помилова бо ны паки банею бытъя и обновленьемъ духа, по изволеню божью, а не по нашимъ дѣломъ. Благословенъ Господь Иисусъ Христосъ, иже възлюбилъ новыя люди, Руськую землю, просвяти ю крещеньемъ святымъ.

(Изд. Тимков. 81—83. II. Собр. Лѣт. 1, 50—51. Здѣсь заимствовано изъ Христоматіи Ореста Θ. Миллера)

9. Новгородскій Перуцъ.

Въ лѣто 6496 (988) прииде епископъ Іоакимъ, и требища разори и Перуца посьче, что въ Вел. Новѣградѣ стоялъ на Перыни, и повелѣ повлести въ Волховъ; и повязавше ужь (веревками), влечаху и по калу, біюще жезлиемъ и плающе, и въ то время бяше вшелъ бѣсъ въ Перуна и нача кричати: „о горе мнѣ! охъ! достался немилостивымъ судіямъ симъ“ — и вринуша (бросили) его въ Волховъ. Онъ же пловяше сквозѣ великій мостъ, верже палицу (палку) свою на мостъ, ею же безуміи убивающесе утѣху творятъ бѣсомъ. И заповѣда никому же ни гдѣ же не переняти его. И иде Пядбланинъ рано на рѣку, хотя горницы (горшки) везти въ городъ, и Перунъ приплылъ къ берегу, къ бервы (1), и отрину его шестомъ, и рѣче ему: Перунице! досыти еси ѣлъ и пилъ, а нынѣ прочь плови—и шлы изъ свѣта некощное (въ пресподнее окно), сирѣчь во тму кромѣшную.

(Новгородс. III лѣт. въ Полн. Собр. Рус. Лѣт. т. III, стр. 207).

(1) Verme, Bräme — закраина. Линде Słownik 1, 71 и Словарь Даля.

Новгородскіе лѣтописи напечатано въ Полн. Собраніи Археогр. Ком. 4. Самая важная изъ нихъ 1-я лѣтопись, которая отличается болѣе древнимъ составомъ, чѣмъ другія лѣтописи, и необыкновенной силой, сжатостью и энергіей выраженія. Она дошла до насъ въ спискѣ XIV в.

Всѣ Новгородскія лѣтописи изображаютъ древнее гражданское устройство Новгорода, дѣла церковныя, отличающіяся своеобразными чертами, союзы и раздоры Новгородцевъ съ князьями, войны съ Чудью, Щедами, Литвою, Ливонскими рыцарями и русскими областями, раннюю торговлю съ Европою (Даніей, Готландомъ, Ганзой), внутренніе мятежи, народныя бѣдствія, напр. голодъ, морь, пожары и проч. Достоверность содержанія лѣтописей простекаетъ изъ самаго свойства матеріаловъ, состоящихъ или изъ сказаній, основанныхъ на свѣдѣніи преданій, или изъ правительственныхъ актовъ, или изъ замѣтокъ людей, бывшихъ очевидцами описанныхъ въ нихъ событій. Начало Новгородскихъ лѣтописей положено весьма рано, именно не позже 1-й половины XI вѣка. (I Новгород. 121; III Новгород. 210).

См. о писателѣ 1-й Новгород. лѣтоп. Прозоровскаго. Ж. Мин. Нар. Просв. 1825, № 7; Срезневскаго. Изв. Акад. 2-го отд. II; Погодина о Новгород. лѣт. Тамъ же, VI.

10. Крещеніе Новгородцевъ.

Въ Новѣградѣ людие увидавше (990), еже Добрыня идетъ креститя, учиниша вече, и заклѣшася всѣ, не пустити во градъ, и не дати идола опровергнути, и егда приидохомъ, они разметавше мостъ великій, изыдоша со оружіемъ, и аще Добрыня прельщеніемъ и лагодными словы увѣщевая ихъ, обаче они не слышати хотяху, и вывесше два порока великіе со множествомъ каменія поставиша на мосту, яко на сущіе враги своя, выштіи же надъ жрецы Славянъ Богомилъ, сладкорѣчія ради нареченъ Солозей, вельми претя люду покоритися. Мы же стоимъ на торговой странѣ, ходихомъ по торжищамъ и улицамъ, учахомъ люди елнко можахомъ; но гиблющимъ въ нечестіи слово крестное, яко апостолъ рекъ, явися безуміемъ и обманомъ. И тако пребыхомъ два дни, нѣколико сотъ крестя. Тогда ты-

сяцкій новгородскій Угоняй, їзда всюду воицъ: лучше намъ помрети, неже боги наша дати на поруганіе. Народъ же оныя страны разсвирѣвъ, домъ Добрыинъ раззориша, имѣніе разграбиша, жену и нѣкіихъ отъ сродникъ его избивша. Тысяцкій же Владимировъ Путята, яко мужъ смысленный и храбрый уготовавъ лодія, избравъ отъ Ростовцевъ пять сотъ мужей, ноцію перевезеся выше града на ону страну, и вшелъ во градъ никому же пострегшу; вси бо видѣвши чаяху своихъ воевъ быти. Онъ же дошедь до двора Угонаева, онаго и другихъ преднихъ мужей ятъ, и абіе посла къ Добрынѣ за рѣку. Людіе же страны оныя услышавше сіе, собравшася до пяти тысящъ, оступиша Путяту и бысть между ними сѣча зла. Нѣкіе шедше церковь Преображенія господня разметаша, и дома христіанъ грабляху. На разсвѣтаніи Добрыня со всіми сущими при немъ приспѣ, и повелѣ у берега нѣкіе дома зажещи, чимъ люди устрашены бывше, бѣжаху огонь тушити, и абіе преста сѣчь. Тогда предніи мужи пришедши къ Добрынѣ, просиша мира.

Добрыня же, собравъ вой, запрети грабленіе и абіе идолы сокруши, деревянни сожгоша а каменни изломавъ въ рѣку ввергоша, и бысть нечестивымъ печаль велика. Мужіе и жены видѣвшіе тое съ воплемъ великимъ и слезами просяще за ны, яко за суще ихъ боги. Добрыня же насмѣхаяся имъ вѣща: *что безумиіи сожальете о тѣхъ, которіе себя оброчити не могутъ! кую пользу вы отъ нихъ чаять можете!*—и посла всюду объявляя, чтобы шли ко крещенію. Воробей же посадникъ, сынъ Стояновъ, иже при Владимірѣ воспитанъ, и бѣ велими сладкорѣчивъ, сей иде на торжище, и паче всѣхъ увѣща. Идоша мнози, а нехотящихъ креститися, воини влачаху и крещаху, мужи выше моста, а женѣ ниже моста. Тогда мнози некрещенни повѣдаху о себѣ крещенными быти, того ради

повелѣхомъ всімъ крещенымъ кресты на шеѣ, ово деревянны, ово мѣдяны, а каперовы (сіе видится греческое оловяны испорчено) на выю возлогати, а иже того не имуть, не вѣрити и крестити, и абіе разметанную церковь иаки сооружимъ, и тако крестя Путята, иде ко Кіеву. Сего дѣля людіе поносятъ Новгородцевъ: *Путята крести мечемъ, а Добрыня огнемъ.*

(Ист. Рос. Татищева. 1, 38—40).

Этотъ отрывокъ заимствованъ изъ лѣтописи Якимовской, сохранившейся въ сводной лѣтописи Татищева. Названіе она получила отъ перваго архіепископа новгородскаго Іоакима. Долгое время ученые отвергали ея подлинность и обвиняли Татищева, будто онъ самъ написалъ эту лѣтопись; но въ послѣднее время изслѣдованія показали, что Татищевъ имѣлъ подъ руками списокъ Якимовской лѣтописи, хотя это не даетъ права приписывать составленіе ея Іоакиму и вѣрить ея показаніямъ безусловно: ихъ можно принимать какъ народныя преданія.

См. Изслѣдов. о Хронографѣхъ. Н. А. Иванова. Изслѣд. о Якимовск. лѣтоп. Н. А. Лавровскаго. Уч. Зап. Акад. 2 отд. II, вып. 1. В. Н. Татищевъ и его время. Н. А. Попова. Архивъ Колочова 2, 1, III, 45—40. Труды Кіевск. Акад. 1862, N. 2, 197—228.

11. Слово о законѣ и благодати митрополита Іларіона 1051.

Благословенъ Господь Богъ израилевъ, Богъ христіанескъ, яко поспѣти и створи избавленіе людемъ своимъ, яко не прѣзрѣ твари своя до конца идолскимъ ираченіемъ гибнути, но оправді прежде племени авраамле, скрижалми и закономъ; послѣдъ же Сыномъ своимъ вся языки спасе, еуангелиемъ, и крещеніемъ, и вводи въ обновленіе бытія, в жизнь вѣчную.

Да хвалимъ убо и прославляемъ хвалимаго отъ ангель безпрестани, кланяются херувими и серафими, яко призря призрѣ на люди своя, и не солъ (не

посоле), ни вѣстникъ, но Самъ спасе ны; не привидѣниемъ, пришедъ на землю, но истинно пострадавъ за ны, къ живущимъ бо на земли челоѣкомъ, и в плоти одѣвша прииде, къ сущимъ же въ адѣ распятенъ и в гробѣ положенъ есиде. Да обои—и живши, и мертви—познають посъщение свое и божие прихождение, и разумѣють, яко есть живымъ и мертвымъ, крѣпокъ и силенъ Богъ. Кто бо великъ, яко Богъ нашъ! тѣ единъ творитъ чудеса, положи въ законъ, на проуготованіе истины и благодати, да в нешъ обвинеть челоѣческое естество, отъ многобожества идольскаго укланяся, въ единого Бога вѣровати. Да яко съсудъ скверненъ челоѣчество помъвенъ водою закономъ и обрѣзаниемъ прииметь мѣтко; благодати и крещенья законъ бо, предтеча бѣ и слуга будущому вѣку, жизни нетленнѣй: яко законъ привождаше законныя къ благодѣтному крещенью; крещеніе же прѣпускаетъ сыны своя на вѣчную жизнь... И что успѣ законъ, что ли благодати прѣжде закона, ти потомъ благодати; прѣжѣ стѣнь, ти потомъ истина, образъ же закону и благодати—Агарь и Сарра, работнаа Агарь и свободнаа Сарра; работнаа прѣже, ти потомъ свободнаа,—да разумѣетъ иже чететь... Кое бо причастіе, стѣни съ истинною? и юдейству съ христіанствомъ? Отгнана бысть Агарь раба, съ сыномъ ея Исмаиломъ, и Исакъ сынъ свободнаа наследникъ бысть отцю своему Аврааму; и отгнани быша Иудеи, и расточени по странамъ,—и чада благодатная христіани — наследники быша Господу и Отцу. Отъиде бо свѣтъ луны, солнцю въснвшу, тако и законъ благодати явльшися, и студенство ночное погыбе, солнечнѣй теплотѣ землю съгрѣвши; и уже не гроздится в законѣ челоѣчество, но въ благодати пространно ходитъ. Иудеи бо прі свѣци законнѣи дѣлаху свое оправданіе; христіани же, при благодатнѣи солнци свое спасеніе зѣ-

жуть... законъ бо прежде взнеся внагѣ, и отъиде. Вѣра же христіанская послѣждъ явльшися болши пръвья бысть, и расплодись на множество языки, и христіана благодати всю землю исполни ш; яко вода морская, покры ея оботнвшу завистью иудейскою, и по пророчеству Исаиу: ветха иже идоша и новая вамъ възвѣщаю... Сего ради приходя Исусъ къ Іерусалиму, видѣвъ градъ, прослезися о немъ, глаголя: яко аще бы разумѣлъ ты в день твой съ, яже к ииру твоему, нынѣ же съкрыся отъ очю моею, яко приидуть дѣе на тя, и обложить врази твои острогъ (крѣпость) о тебѣ, и обидуть тя всюду, и разбитъ ти и чада твоя в тебѣ, понеже не разумѣ посѣщениа твоего... Се оставляеть домъ вашъ пустъ, яко же и быеть; Приидеть бо Римляне, плѣниша Іерусалимъ, и разбиша и до основанія его,—и іудейство отголѣ погыбе, и законъ носенъ, яко вечерняя заря погасе; и разобни быша Иудеи по странамъ, да не вкупѣ злое пребываетъ. Прииде бо Спасъ, и неприятъ бысть отъ Израиля, и по евангельскому слову: въ своя прииде, и свои его не приима, отъ языкъ же пріятъ бысть, яко же рече Ияковъ: и тѣ (тои) чащине изыномъ. Ибо и в роженни его волеви отъ языкъ прѣжде поклоннаеи ему, а Иудеи искахуть его убити, его же ради и младенца избѣша; и събысть—слово Спасово: яко мнози отъ востокъ и западъ приидуть и возлягутъ съ Авраамомъ, Исакомъ и Яковомъ во царствіи небеснѣи; а сынове царствна изгнани будутъ во тму кромѣшнюю...

Не могше бо закона стѣня удржати; но многожды идоломъ ся поклоняюще, како истинныа благодати удржати учение! Но, ново учение, новы шѣлы—новы языки, новое и соблюдется, яко же и есть. Вѣра бо благодатная по всей земли распрострѣся и до нашего языка русьскаго доиде, и законное езеро пресне.

Гуангельскій же источникъ наводнився, и всю землю покрывъ, и до насъ проліявся. Се бо уже и мы съ всѣми христіанами славимъ св. Троицу, а Иудеи молчатъ; Христось славимъ бываетъ, а Иудеи мълкомъ (*мълмы?*) языцы привидени, а Иудеи отринувени... И уже не идолослужителе зовемся, христіанами; не в еще безнадежници, но уповающе жизнь вѣчную; и уже не кашпщъ сыраждаемъ, но христовы церкви зиждаемъ; уже не закалаемъ бѣсомъ другъ друга, но Христось за ны закалаемъ бываетъ, и дробимъ в жертву Богу и Отцу; и уже не жертвенныя крове вкушающе погибаемъ, но Христовы пречистыя крове вкушающе спасаемся. Вся страны благый Богъ помилова, и насъ не презрѣ: въсхотѣ—и спасъ ны, и в разумъ истинный приведе. Пустьъ бо и происъхши, земли нашей сущи, вънезапну потече источникъ гуангельскій, напаяя всю землю нашу, якоже рече Исаия: и будетъ безводная въ блата, и в земли жадней источникъ воды будетъ; и бывшимъ намъ слѣпымъ, истиннаго свѣта невидящемъ, но въ лъсти идальстѣй блудящемъ, ксему же и глухому отъ спасеннаго ученья,—помилова ны Богъ и въсиялъ на насъ свѣтъ разума, еже познати Его... Къ сему же и гунахомъ языки нашими, молающе идолы, а не Бога своего и творца. Посѣти насъ челоувѣколюбие божие, и уже не послѣдуемъ бѣсомъ, но ясно славимъ Христа Бога нашего, по пророчеству: тогда скочитъ яко олень хромый, и ясенъ будетъ языкъ гугнивыхъ. И прѣжѣ бывшимъ намъ, аки звѣремъ и скотомъ, неразумьющемъ десницѣ и шуйцѣ, и земельныхъ прилежащемъ, и ни мала отъ небесныхъ попкущемся, посла и к намъ Господь заповади, ведуща в жизнь вѣчную... И тако странни суще, людие божии нарекохомся—и друзи божии нарекохомся, а не иудейскы хулимъ, но христьянскы благословимъ; не свѣта творимъ, якоже распята,

но яко распятому поклонитися; не распинаемъ Спаса, но руки к нему въздымаемъ; не прободаемъ ребръ, но отъ нихъ пиемъ источникъ нетлѣния; не тридесять сребра взимаемъ на немъ, но другъ друга и весь животъ тому прѣдающе; не таимъ воскресенія, но во всѣхъ домахъ своихъ зовемъ: Христось воскресе изъ мертвыхъ! Не глаголемъ, яко украденъ бысть, но яко възнесеса, идѣже и бѣ; не невѣруемъ, но яко Петръ к нему глаголемъ: ты еси Христось, сынъ Бога живаго,—съ Фомою: Господь нашъ и Богъ, ты еси,—с разбойникомъ: помияи ны Господи, егда придеши во царствѣ еси!...

Хвалитъ же похвалными гласы римская страна Петра и Павла, има же въроваша въ Исуса Христа Сына божія, Асія и Ефесъ, Патьмъ—Юана Богослова, Индіа—Фому, Егупотъ—Марка; вся страны, гради, и людие чтуть и славятъ коегождо ихъ учителя, иже научиша православнѣй вѣрѣ. Похвалимъ же и мы, по силѣ нашей малыми похвалами, великая і дивнаа створшаго, нашего учителя и наставника, великаго кагана (князя) наша земля—Владимера, внука стараго Игоря, сына же славнаго Святослава, иже в своя лѣта владычествующа, мужьствомъ же и храбрѣствомъ прослуша (*прослылъ*) въ странахъ многихъ, и непоминаются ныиѣ и словуть. Не в худѣ бо, и не въ невѣдомѣ земли владычествоваша, но в Руской, аже вѣдома и слышима есть всѣми концы земля. Сій славный, отъ славныхъ рождейся, благородный отъ благородныхъ, каганъ нашъ Владимерь и въздрасъ (*выросъ*), и укрьпивъ, отъ дѣтскыа младости, паче възмуждавъ крѣпостію, и смлою свершася мужьствомъ же и смыслоу прѣдсѣя, и единодержецъ бывъ земли своей, покоривъ подъ ся округныя (*окрестныя*) страны, овы миромъ, а непокоривыа мечемъ. И тако ему живущу в дні своя, и землю свою пасущу правдоу, мужьствомъ же и смыслоу, прииде нанъ посѣщение Вышняаго,

призрѣ нань всемогущее око благаго Бога, и всѣя разумъ в сердца его, яко разумѣти суету идольскыя лети, и възскасти единого Бога, створившаго всю тварь видимую и невидимую. Паче же слышано ему бѣ всегда о благовѣрнѣй земли греческѣй, христілюбивѣй же и сильнѣй вѣроу, како единого Бога въ трехъ (лицехъ) чтуть и кланяются, каковни дѣются люди и чудеса и знаменія, како церкви людїи исполнены, како веси (села) и гради благовѣрнїи вси молятвахъ прилежать, вси готови предстоять,—и си слышавъ, възвѣла сердцемъ, и възгорѣя духомъ, якоже быти ему крѣстьянину и земли есть, еже и бысть, Богу тако изволившу и възлюбившу челоуѣческое естество. Съвлекешя убо каганъ и с ризами ветхаго челоуѣка, сложи тѣлнныя, оттрясе прахъ невѣрствна, и вшедъ в святую купѣль, породися отъ Духа и воды, въ Христа крестися, въ Христа облечешя, и изыде отъ купѣли, бѣлообразуяся; сынъ бысть нетѣлнъ, имя приимъ вѣчно и імянито в роды и роды, Василїй (1), имже написася в книги животныя в вышнїи градъ, і нетѣлнныи Ерусалимъ. Семужъ бывшу не доселѣ стави подвига благовѣрнѣя, ни о томъ токмо яви сущую в немъ к Богу любовь, но подвижися паче и заповѣда по всей земли своей: крестити въ имя Отца и Сына и св. Духа, и ясно и велегласно—въ всѣхъ градѣхъ славитися святїи Троицѣ и всѣмъ быти крѣстьяниномъ, малымъ і великимъ, рабомъ и свободнымъ, унымъ і старымъ, богатымъ и убогимъ. И не бысть ни единого же противлещеся, благочествому его повелѣнію; *да аще кто и не любовью, но страхомъ повелѣшаго крещашуся*; понеже бѣ благовѣрне его съ властью съпряжено, и въ единое время вся земля наша възслави Христа съ Отцемъ и съ св. Духомъ.

Тогда начать прахъ идольскїй отъ насъ

(1) Въ крещенїи Владимїру дано имя Василїй.

отходити, и заря благовѣрнѣя явишася; тогда тма бѣсовскаго служенья погыбѣ, и солнце еуангельское землю нашу осия; капища раздрушишася и церкви поставляются; идоли скрушаются и іконы святыхъ являхуся, бѣси побѣгаху; крестъ грады освѣщааше, и пастыри словесныхъ овецъ христовъ стана, епископи и презвутери, и дякони бескверную жертву възносяще, и весь кляросъ украсиша в лѣпоту и одѣна св. церкви. Апостольская труба и еуангельскїи громъ вся грады оглася, темнѣнъ (1) Богу възсущаемъ, въздухъ освяти; монастыреве на горахъ сташа; мужи и жены, малыи и велии, вся людье, исплѣнише св. церкви, възславши, глаголюще: Единъ святъ, единъ Господь Иисусъ Христоръ, въ славу Богу Отцу аминь. Христоръ побѣди, Христоръ одолѣ, Христоръ въцарися, Христоръ прославися! Велии еси Господи, и чудна дѣла твоя, Боже нашъ, слава тобѣ!

Тебе же како похвалиши, отче честнїи і славнїи в земляныхъ владыкахъ, премужественнїи Василье, како добротѣ ти (твоей) почюднїи, крѣпости же и силѣ! Како ти благодаренне въздадимъ, яко тобою познахомъ Господа и лѣсти идольскыя изыхомъ, яко твоимъ повелѣниемъ Христоръ по всей земли славитися! Ли (или) что ти приречешъ, христілюбче: друже правдѣ, смыслу мѣсто, милостыннѣ гнѣздо, како вѣрова, како разгорѣся в любовь христову, како видѣ в тя разумъ, выше разума земляныхъ мудрець, еже възлюбити невидимаго и о небесныхъ подвигнути, како възлюбї ты Христа, како прѣдася ему! Повѣждь намъ, рабомъ твоимъ, повѣждь намъ, учителю нашъ, откуда ти припахну воня св. Духа, откуда испи памяти будущая жизни сладкую чашу, откуда вкуси и видѣ, яко блягъ Господь? Не видѣлъ еси Христа, не ходилъ еси по немъ,—како ученикъ его обрѣтешя, и не-

(1) Темнѣнъ, ладомъ.

видѣше его вѣроваша? По истинѣ събыт-ся на тобѣ блаженство Господа Иисуса, речанное къ Фомѣ: блаженни не видѣвши — и вѣроваша. Гѣмже съ дръзновенемъ несуменно зовемъ ти: О блаженче, са-мому ты Спасу нарекшу; блаженъ еси, яко вѣрова к нему і не съблазнися о немъ, по словеси его не ложному: блаженъ есть, иже не соблазнитъся имъ. Вѣдущен бо законъ и пророки распяша и, ты же ни закона, ни пророкъ почитавъ, распятому поклонися. Како ті сердце разверзеша, какъ видѣ в ти страхъ божій и како при-лѣбися любви Его! Не видѣ апостола при-шедши в землю твою, ницетою своею и нагачою, и гладомъ и жаждою, сердце твое клоняща на смѣрненіе. Не видѣ бѣсъ изгонящъ именемъ христовымъ, болящущихъ здравствующъ, огна на хладъ прелагаема, мертвыхъ встающе. Сихъ всѣхъ не ви-дѣлъ, како убо вѣрова? Дивно чудо! Ини даріе и властеле видяще вся си бы-вающа отъ святыхъ мужъ, не вѣроваша, но паче на отрасти и муки прѣдаша ихъ. Ты же, о блаженниче, безъ всѣхъ сихъ притече ко Христу, токмо отъ благаго помысла и остроумия разумѣвъ, яко есть Богъ единъ творецъ, видимымъ и невиди-мымъ, небеснымъ и земнымъ, и яко по-сла въ миръ спасенъе возлюбленнаго свое-го Сына; с едими и помысли видѣ в свя-тую кузаль; и еже живѣмъ уродство мнѣт-ся, тебѣ—слава нагѣнися. Къ сему же кто исповѣть многия твоя нощныя милосты-ня, и денныя щедроты, аже къ убогы-амъ творяше, къ сирымъ же и боля-щимъ, къ жаднымъ, къ вдовамъ и ко-всімъ тѣбующимъ милости! Слышалъ бо бѣ глаголъ господень, Даниломъ Навухо-доносору царю: свѣтъ твой да будетъ ти вгоденъ, прѣхи твоя милостивыми очисти, и несправды твоя щедротами нищнихъ. Еже слышавъ ты, о честниче (о *чест-нымъ*), дѣломъ скорча слышанное просящимъ подавая, нагя одѣвая жадныя и алчныя на-сыщая, болящимъ велико утѣшаніе послаа

должныя искупая, работная свободяа: твоя бо щедроты и милостыня и нынѣ въ человѣ-цѣхъ помнемы суть, и предъ Богомъ и анге-лы его; ея же ради добродлюбныя прѣдъ Богомъ милостыня, много дръзновеніе имѣ-еши къ Нему, яко присный христовъ рабъ. Помогаетъ ни слово написаво: ми-лостъ хвалится на судѣ; милостыни мужу аки печать с нимъ; всецелнаго и мило-сердаго Бога глаголь: блаженни милости-виі, яко ти помиловани будутъ. Ино же апостолское послушество приведемъ о те-бѣ отъ святыхъ писаніи, рѣченое отъ Іакова: яко обративый грѣшника отъ заблужденна пути его, спасеть душу отъ смерти, и покрыеть множество грѣ-ховъ. Да аще единого человѣка обрати-шу, толико безмездие отъ благаго Бога; то каково убо спасеніе обрѣте, о Васи-лие, колико брѣмя грѣховно расыпа,—не единого обративъ человѣка отъ заблуж-енія идольския лети, ни десяти, ни гра-да, но всю область свою. Показаетъ ны и увѣряетъ самъ Спасъ Христосъ, какою ты славы и чести сподобилъ есть на не-бесѣхъ, глаголя: иже исповѣсь мя прѣдъ челоуѣкы, исповѣмъ і и азъ прѣдъ Отцѣмъ Моимъ, иже есть на небесѣхъ. Колико ты похваленъ имаши быти, не токмо испо-вѣдавъ, яко Сынъ божій есть Христосъ, но и вѣру уставль, по всей земли сей, и церкви христовы поставль, и служи-теля его введе, подобниче великаго Ковъ-стянтина, равноумне, равнохристілюбче ра-вночестителю служителемъ его. Онъ съ св. отци Никейскаго сбора законъ челоуѣкомъ по-лагааше; ты же съ новыми отци нашими епископы снимаяся часто, съ многимъ смѣ-реніемъ съвѣщаваашеся, како въ челоуѣ-цѣхъ сихъ новопознавшихъ законъ уста-вити. Онъ въ Елліиѣхъ и в Римлянѣхъ царство Богу покори; ты же, о блажен-ниче, подобно: уже бо и въ онѣхъ и в насъ Христосъ царемъ зовется. Онъ, съ матерію своею Еленою, крестъ отъ Еру-салима принесша и по всему миру своему

разъславша, вѣру утвердиша; ты же убо подобенъ тѣма, принесе крестъ отъ новаго Іерусалима, Константія града, и сего на землѣ своей поставивъ утверди. Его убо подобникъ сы с тѣм же единая славы и чести обещника створи Господь на небесѣхъ, благовѣрѣя твоего раді, еже имѣ въ животѣ своемъ.

Добръ послухъ (*свидѣтель*) благовѣрью твоему, о блаженниче, святаа церкви св. Богородица Марья, юже създа на правовѣрнѣй основѣ, идеже мужественное твое тѣло лежѣтъ, ожидая трубы ангеловы. Добръ зѣло послухъ, слыг твой Георгіи, его же створи Господь намѣстника по тебѣ твоему владычеству, не рушаша твои уставъ, но утвержающа; ни умалюща твоему благовѣрью положенъа, но паче прилагающа; не казяща, но учиняюща,—иже недокончаная твоя закончавая, аки Соломонъ Давиду, иже домъ божий великъ святой въ премудрости създа, на святость и украшение граду твоему, иже всякою красотою украси, златомъ и серебромъ и каменіемъ драгимъ, и съсуды честными, яже церкви дивна и славна веѣмъ округнымъ странамъ, якоже ина не обращаетъ въ всемъ полунощи земнѣмъ, отъ востока дъ запада. И славный градъ твой Кыевъ величствомъ, яко вѣнцемъ, обложигъ, предалъ люди твоя и градъ всеславнѣй, скорѣй на помощь христіаномъ, святѣй Богородици, ей же и церковь на великихъ вратѣхъ създа въ имя первааго господскааго праздника св. Благовѣщенія, да еже цѣлованіе архангелъ дастъ Дѣвицы, будетъ и граду сему. Къ оной бо: радуйся, обрадованная, Господь съ тобою! Къ граду же: радуйся, благовѣрный граде, Господь съ тобою!

Встани, о честнаа главо, отъ гроба твоего, встани, отряси сонъ! Нѣси бо умерлъ, нѣсть бо ти лѣпо умерети, вѣровавшу въ Христа, живота всему міру. Отряси сонъ, взведи очи, да видиши, какою ты чести Господь тамо сподобивъ, и на земли не безпамятна оставилъ сыномъ тво-

имъ. Встани, виждь чадо свое Георгіа, виждь утробу свою, виждь милааго своего, виждь, его же Господь изведе отъ чреслъ твоихъ; виждь красящааго столъ земля твоей, и возрадуйся, възвеселися. Къ сему же виждь и благовѣрную сноху твою Ерину, виждь вѣнуки твоя и правнуки, како живутъ, како храними суть Господемъ, како благовѣрїе держать по предаію твоему, како въ святаа церкви чистять (1), како славятъ Христа, како поклоняются имени Его. Виждь же и градъ величствомъ сіяющъ, виждь церкви цвѣтуци, виждь христіанство растуще, виждь градъ иконами святыхъ освѣщаемъ блистающа, и тиміаномъ обухаемъ (*благовухающъ*) и хвалами и божественными пѣніи святими оглашаемъ. И си вся видѣвъ, възрадуйся, и възвеселися, и похвали благаго Бога, веѣмъ симъ строителя (2).

(Чтен. общ. Ист. 1848 г. № 7).

Слово Иларіона, свидѣтельство о умѣ и образованности его, важно по изображенію заслугъ св. Владиміра и описанію Руси въ религіозномъ отношеніи. О. Н. Бодянский справедливо замѣтилъ: «Слово Иларіона, кромѣ указанныхъ уже достоинствъ его первымъ издателемъ, т. е. глубокаго познанія догматовъ вѣры, обширной начитанности въ св. писаніи, знанія исторіи церкви, сильнаго христіанскаго чувства, свѣтлаго ума, живаго воображенія, умѣнья пользоваться словами ветхаго и новаго заветовъ, (что, между прочимъ, указываетъ на существованіе у насъ уже въ то время всей Библии въ переводѣ), правильности расположенія мыслей, остроумныхъ сравненій и оборотовъ рѣчи, силы и обилія слова, короче—достоинствъ вообще великаго духовнаго оратора,—въ особенности драгоцѣнно для насъ взлядомъ его на юное христіанство у нашихъ предковъ, отношеніемъ крещенія Руси къ прочимъ хри-

(1) Учащаютъ, часто ходятъ.

(2) Эту похвалу Иларіона Волынской летописецъ приспособляетъ къ умершему князю Владиміру Васильковичу и преемнику его брату Мстиславу. съ небольшими измѣненіями. (См. Ипат. лѣт. стр. 221, 222). Въ заключеніе слова помѣщена молитва, въ которой Иларіонъ обращается къ Богу отъ лица всей Русской земли. (Ист. Рус. Ц. Макарія 1, пр. 222).

стѣскими странами и царствою благодати, равно какъ и сужденіемъ о виновникѣ всего этого... Признаюсь, я во всей нашей словесности, древней и новой, ничего не знаю, чтобы лучше, вѣрнѣе и живѣе, съ такою правдой исторической, чувствомъ сердечнымъ, прелестью и свѣжестью выраженій и поэтическимъ колоритомъ, изображало намъ нашего Владиміра Великаго; это, по справедливому замѣчанію народа, дѣйствительно красное солнышко Руси. Видно въ каждомъ словѣ, что говоритъ человекъ по собственному наглядному опыту, коротко знакомый съ своимъ любимцемъ, слѣдующій долю и съ любовью за нимъ, который всматривался и вдумывался въ подвиги своего единоподержца Рускія земли, и когда его не стало, въ одинъ разъ весь доломлялъ думы и чувства сердца высказавъ въ своей огненной рѣчи, запечатлѣвъ въ образъ, которымъ этотъ чудный и святой государь является глазами самаго поздняго потомства какъ бы присутствующимъ, живымъ. Такъ живописуютъ одни, лишь великіе художники.

См. Прибав. къ Твор. св. От. 1844, № 2 и 3, стр. 223—252. Ист. рус. ц. просв. Макарія I, 90—100. Разборъ слова у С. П. Шевырева въ Ист. рус. Литер. I.

Житіе и похвала св. Ольгѣ и Владиміру мнѣха Іакова. Хр. Чт. 1849, II, 317—329. 336. Ж. Мнѣ. Нар. Пр. ч. 79, VI. 25. О мнѣхѣ Іаковѣ Пододина. Изв. Акад. I. 326—334. Макарія. Тамъ же: II, 145—157.

12. О волхвахъ.

Въ лѣто 6579 (1074). Воеваша Половци у Ростовца и у Неятина... Въ сѣ времена приде волхвъ, прелщенъ бѣсомъ; пришедъ бо Киеву глаголаше сице, повѣдая людемъ, яко на пятое лѣто Днѣпру потещи вспяты и землямъ преступати на ина мѣста, яко стати Гречьскы земли на Руской, а Русьскѣи на Гречьской, и прочимъ землямъ намѣнитися; его же невѣгласи (невѣжи) послушаху, вѣрніи же насмѣхаются, глаголюще ему: „бѣсъ тобою играетъ на пагубу тобѣ.“ Се же и бысть ему: въ едину бо ночь бысть безъ вѣсти. Бѣси бо подѣтокше на зло вводятъ, посемъ же насмѣшаются ввергше и въ пропасть смертнѣю, научивше глаголати; якоже се скажемъ бѣсовское наущенъе и дѣйство. Бывши бо единою скудости въ

Ростовьскѣи области, встаста два волхва отъ Ярославля, глаголюща: „яко въ сѣбѣ вѣ (узнали), кто обилье держитъ;“ и пошдоста по Волзѣ, кдѣ придуть въ погостѣ, ту же нарицаху лучышѣ жены, глаголюща, яко си жито держитъ, а си медъ, а си рыбы, а си скору (мѣха, шкуры). И привожаху къ нима сестры своя, матери и жены своя; она же въ мечтѣ прорѣзавше за плечемъ, вынишаста любо жито, любо рыбу, и убивашета многы жены, имѣнне ихъ отънимашета собѣ. И придоста на Бѣлоозеро; и бѣ у нее людіи вѣ 300. Въ се же время приключиса прити отъ Святослава дань емлющю Яневи, сыну Вышатину: повѣдаша ему Бѣлозерци, яко два кудесника (колдуна) избѣла уже многы жены по Волзѣ и по Шекснѣ и пришла еста сѣмо. Янъ же иснытавъ, чья еста смедра (люди протые), и увѣдѣвъ, яко своего князя, пославъ къ нимъ иже около ею суть, рѣче имъ: „выдайте волхва та сѣмо, яко смедра еста моего князя;“ они же сего не послушаша. Янъ же поиде самъ безъ оружья, и рѣша ему отроки его: „не ходи безъ оружья, осоромятъ тя;“ онъ же повелѣ възяти оружья отрокомъ, и бѣста 12 отрока съ нимъ, и поиде къ нимъ по лѣсу. Они же сташа исполчившеся противу, Яневи же идущю съ топорцемъ, выступиша отъ нихъ 3 мужи, придоша къ Яневи, рекуще ему: „вида идеши на смерть, не ходи;“ оному повелѣвшю обити я, къ прочимъ же поиде. Они же сунушася на Яня, единъ грѣшися Яня топоромъ. Янъ же оборотя топоръ удари и тыльемъ, повелѣ отрокомъ сѣчи я; они же бѣжаша въ лѣсъ, убиша же ту попина Янева. Янъ же вшедъ въ градъ къ Бѣлозерцемъ, рече имъ: „аще не имете волхву сею, не идю отъ васъ и за лѣто.“ Бѣлозерци же шедше яша я, и приведоша къ Яневи, и рече има: „что ради погубиша толико человекъ?“ Онѣма же рекшема: „яко ти держатъ обилье, да аще истре-

бнѣ снхъ, будетъ гобино (*изобиліе*); аще ли хочеши, то передъ тобою вынемевѣ жито, ли рыбу, ли ино что.“ Янъ же рече: „по истинѣ лжа то: створиъ Богъ чловѣка отъ землѣ, оставленъ костьми и жылами отъ крове, нѣсть въ немъ ничтоже; и не вѣсть ничтоже, но токмо единъ Богъ вѣсть.“ Она же рекоста „вѣ вѣвѣ (*мы знаемъ*), како есть чловѣкъ створенъ.“ Онъ же рече: „како?“ Она же рекоста: „Богъ мывъся въ мовници и вспотивъся, отерся ветъхомъ (*ветишкой*), и верже съ небесе на землю: и распрѣся (*заспорилъ*) сотона съ Богомъ, кому въ немъ створити чловѣка? и створи дьяволь чловѣка, а Богъ душу въ нѣ вложи; тѣмъже аще умреть чловѣкъ, въ землю идеть тѣло, а душа къ Богу.“ Рече има Янъ: „по истинѣ прельстилъ васъ есть бѣсъ; коему Богу вѣруета?“ Она же рекоста: „антихристу.“ Онъ же рече има: „то кдѣ есть?“ Она же рекоста: „сѣдять въ безднѣ.“ Рече има Янъ: „какой то богъ, сѣдя въ безднѣ? то есть бѣсъ, а Богъ есть на небеси, сѣдя на престолѣ славимъ отъ ангель, иже предстоятъ ему со страхомъ, не могуще на нь зрѣти; снхъ бо ангель сверженъ быеть егоже вы глаголета антихрестъ, за величашье его низверженъ быеть съ небесе, и есть въ безднѣ, якоже то вы глаголета, жда, егда придетъ Богъ съ небесе, сего имъ антихриста свяжетъ узами и посадитъ и емъ его съ слугами его и иже къ нему вѣрують: вама же и здѣ муку пріяти отъ мене и по смерти тамо.“ Онѣма же рекшема: „нама бози повѣдають: не можеша нама створити ничтоже.“ Онъ же рече има: „лжють вама бози.“ Она же рекоста: „нама стати предъ Святославомъ, а ты не можеша створити ничтоже.“ Янъ же повелѣ бити я, и потергати (*дергать*) брадѣ ею. Сима же тепенома (*битымъ*), и брадѣ ею поторганѣ проскѣпомъ, рече има Янъ: „что вама бози молвять?“ Онѣма же рекшема:

„стати намъ предъ Святославомъ.“ И повелѣ Янъ вложити рубль (*отрубокъ*) въ уста има, и привазати я къ упругу (*дуга въ лодкѣ*), и пусти предъ собою лодѣ, и самъ по нихъ иде. Сташа на устьи Шексны, и рече има Янъ: „что вамъ бози молвять?“ Она же реста: „снце нама бози молвять, не быти нама живымъ отъ тебе.“ И рече има Янъ: „то ти вама право повѣдали.“ Она же рекоста: „но аще наю (*насъ*) пустиши, много ти добра будетъ; аще ли наю погубиши, многу печаль приимеши и зло.“ Онъ же рече има: „аще ваю пуцю, то зло ми будетъ отъ Бога.“ И рече Янъ повозникомъ: „ци (*или*) кому васъ кто родинъ (*родственникъ*) убьенъ отъ сею?“ Они же рѣша: „мнѣ мати, другому сеестра, иному роженъе (*дѣти*).“ Онъ же рече имъ: „мститѣ своихъ.“ Они же поимше, убивша я и повѣснша е на дубѣ: отмъстѣе приимша отъ Бога по правдѣ. Яневи же идущю домови, въ другую ношь медвѣдъ възлѣзъ, угрызъ ею и снѣсть; и тако погыбнуста науценьемъ бѣсовьскимъ, и нѣмъ вѣдуща, а своее пагубы не вѣдуча. Аще ли быста вѣдала, то не быста пришла на мѣсто се, идеже ятома (*взлетымъ*) има быти; аще ли и ята быста, то почто глаголаста: „не умрети нама,“ оному мыслящю убити я? Но се есть бѣсовьское наученье; бѣси бо не вѣдять мысли чловѣчьское, но влагають помыслъ въ чловѣка, тайны не свѣдущѣ. Богъ единъ свѣсть помышленья чловѣчьская, бѣси же не свѣдають ничтоже, суть бо немощни и худи взоромъ. Яко и се скажемъ о взорѣ ихъ и о мраченнѣ ихъ. Въ си бо времена, въ лѣта си, приключисл нѣкоему Новгородцю прити въ Чюдь, и приде къ кудеснику (*колдуну*), хотя волхвованья отъ него; онъ же, по обычаю своему, нача призывать бѣсы въ хранину свою. Новгородцю же сѣдящу на порогѣ тоя же хранины, кудесникъ же лежаще оцѣпѣвъ (*оцѣпеныль*), и шибѣ имъ

бѣсъ; кудесникъ же вставъ рече Новгородцю: „бози не смѣють прити, нѣчто имаши на собѣ, его же боятсѣ.“ Онъ же помянувъ на собѣ крестъ, и отшедъ постави кромѣ (*виль*) храмины тое; онъ же нача оцять призывать бѣсы, бѣся же метавше имъ, повѣдаша, что ради пришесть есть. Посемъ же поча прашати его: „что ради боятсѣ его, его же се носимъ на собѣ креста?“ Онъ же рече: „то есть знаменье небеснаго Бога, его же наши бози боятсѣ.“ Онъ же рече: „то каци (*какіе*) суть бози ваши кдѣ живутъ?“ Онъ же рече: „въ безднахъ; суть же образомъ черни, крилаты, хвосты имуще, всходятъ же и подъ небо, слушающе вашихъ боговъ; ваши бо ангели на небеси суть, аще кто умреть отъ вашихъ людій, то възносимъ есть на небо; аще ли отъ нашихъ умираетъ, то носимъ къ нашимъ богомъ въ бездну.“ Якоже и есть: грѣшници бо въ адѣ суть, ждуще муки вѣчныя, а праведници въ небеснѣмъ жилищѣ водворяются со ангелы. Сиця (*такоеа*) ти есть бѣсовская сила, и лѣнота, и немощь; тѣмъ же прелщаютъ чловѣкъ, веляще имъ глаголати видѣнья, являющеся имъ несвершенымъ вѣроу, являющеся во снѣ, инѣмъ въ мечтѣ, и тако волхвуютъ наученьемъ бѣсовскимъ. Паче же женами бѣсовская вѣлшвенья бывають, искони бо бѣсъ жену прелсти, ся же мужа; тако въ си роди (*въ это время*), много волхвуютъ жены чародѣйствомъ, и отравою, и инѣми бѣсовскими козньми. Но и мужи прелщени бывають отъ бѣсовъ невѣрніи; яко се въ первыя роды при апостолѣхъ бо бысть Симонъ волхвъ, иже творяше волшьствомъ псомъ глаголати чловѣчскы, и самъ прешняшеться, ово старъ, ово молодъ, ово ли и много прешняше во много образъ, въ мечтаньи сице творяше: Ании и Мамврій волшьвеннемъ чюдеса творяшеть противу Моисіюви, но вскорѣ не възмогоста противу Моисіюви; но и Конобъ творяше мечтанья

бѣсовско, яко и по водамъ ходити, ина мечтанья творяше, бѣсомъ лстимъ, на шагубу собѣ и инѣмъ. Сиць бѣ волхвъ исталъ при Глѣбѣ Новгородѣ; глаголетъ бо людемъ, творяся акы Богъ, многы прельсти, мало не всего града; глаголашеть бо, яко „все вѣдаю,“ и хуля вѣру хрестьянскую, глаголашеть бо: „яко периду по Волхову предъ всѣми.“ И бысть мятежь въ градѣ, и вси яша ему вѣру, и хотяху погубити епископа; епископъ же вземъ крестъ и облекъся въ ризы, старекъ: „иже хочеть вѣру яти волхву, то да идеть за нь; аще ли вѣруеть кто, то ко кресту да идеть.“ И раздѣлишася на двое: князь бо Глѣбъ и дружина его идоша и сташа у епископа, а людье вси идоша за волхва; и бысть мятежь великъ межи ими. Глѣбъ же возма топоръ подъ skutомъ (*подъ полою*), приде къ волхву и рече ему: „то вѣси ли, что утро хочеть быти, и что ли до вечера?“ Онъ же рече: „все вѣдаю.“ И рече Глѣбъ: „то вѣси ли, что хочеть быти днесъ?“ „Чюдеса велика створюю“ рече. Глѣбъ же вынемъ топоръ, ростя (*разрубилъ*) и, и паде мертвъ, и людье разошася; онъ же погыбе тѣломъ и душею, предавъся дьяволу...

Въ лѣто 6599 волхвъ явися Ростовѣ, иже вскорѣ погыбе.

(II. Собр. Лѣт. 1, 75—78. 92).

О Волхвахъ см. Руднева „Разсуд. о ересяхъ и расколахъ“ Ж. М. Н. Просв. ч. XIV, стр. 213.

13. Поученіе о казняхъ божиихъ преп. Феодосія Печерскаго 1068—1073 г.

Наводитъ Богъ, по гнѣву своему, казнь каку любо, или поганья, зане не встѣгнемся к Богу; а усобнаа рать бываетъ отъ соблажненія діаволя и отъ злыхъ чловѣкъ. Богъ бо не хочеть зла чловѣкомъ, но блага, а діаволь радуется все-

му злону, творимому въ человѣцѣхъ: искони бо той есть врагъ намъ, хощеть убійства и кровопролитья, подвизаа на свары и убійства, и зависти, и братоненавидѣнія, и клеветы. Странѣ убо съгрѣшивши коей либо, казнить Богъ смертью, или гладомъ, или наведеніемъ поганыхъ, или бездождіемъ, и инѣми различными казньми. Аще ли покаявшеся будемъ, в немже ны Богъ велить быти, — глаголетъ бо намъ пророкомъ: *обратитесь ко мнѣ всѣмъ сердцемъ вашимъ, постомъ и плачемъ* (Ионл. 2, 12), — въ семь волю божію творяще, да аще быхомъ в заповѣдѣхъ божіихъ пребыли: то и сдѣ, ходяще, примемъ блага земнаа, и по отшествіи сего свѣта — жизнь вѣчную. Но мы присно, аки свиния в калѣ (*грязи*) грѣховнѣмъ валяясь, грѣхи къ грѣхохъ прилагающе, во всемъ гнѣвѣе Бога, злое предъ очима его творяще по вся дни. Того ради пророкомъ глаголетъ к намъ: разумѣхъ, рече, яко жестоція, каменосердіи, лениви есте творити волю; того ради удержихъ отъ васъ дождь, и предѣлъ единъ одождихъ, а другаго не одождихъ, и ише земля нивъ вашихъ, и поразихъ вы различными казньми; то и тако не обратитесь ко мнѣ. Сего ради винограды ваша и древа всякаа, носящаа плодъ, и нивы, и все истрохъ, глаголетъ Господь, а злобъ вашихъ не могу истерги; но посылаю на вы помалу различныя напасти, иѣкли покаявшеся встегнетесь отъ злобъ вашихъ. . . Се слышите, подвигнемся на добро; възщите судъ, избавите обидимаго, и на покаяніе приидѣте, не въздающе зла за зло, ни клеветы за клевету, но любовію привлекемся Господеви, постомъ, рыданіемъ и слезами омывающе прегрѣшенія наша, не словомъ нарицающесеа христіане, а погански живуще. Се бо не погански ли творимъ? Аще кто усрящеть черныца или черницю, то възвращаются, ли свинію, ли конь лысъ: то се не погански ли есть? Се бо, по дьяволу наученью, кобъ дер-

жать. Друзіи зачиханью вѣрують, яже бынаеть многожды на здравіе главѣ; но сими дьяволъ лститъ и другими нравы, и всяческими лестми превабляемы отъ Бога, влѣхвованіемъ, чародѣяніемъ, заповствомъ, рѣзонманіемъ, (*процентами*) приклады, татбою, и лжею, завистию, клеветою, зубами (*дракой*), скоморохи (¹), гусльми, сопѣлами и всякими играми, и дѣлеса неподобными. Видимъ бо и ина злаа дѣла: вси дрѣзливы (*надки*) на піанство, и на игры злыя, и хъже иѣсть лѣтъ христіаномъ тако творити. И се пакы, егда стоимъ въ церкви: то како смѣемъ смѣтиса, или шепоть творити? Припадаетъ бо окаанный дьяволъ и влагаетъ въ ухо наше смѣхъ, и шепоть, и ина неподобная творити, въ церкви стояще предъ небеснымъ Царемъ: какія муки иѣсть мы достойни? Ты же, брате, стоа въ церкви и видиши кого неподобно стоаща, възбрани ему и поноси ему тяжцѣ. Молю вы, братіе, съ страхомъ и любовію другъ другу стоимъ на молитвѣ, и во истину молящесеа, речешъ: »да ся исправитъ молитва моя, яко кадило предъ тобою, въздѣвнѣ руку моею жертва вечерняя.« Да аще руцѣ твой ничтоже имата грабленія: добрѣ то глаголеши, река: »въздѣвнѣ руку моею.« Оглядай убо руцѣ си и испытай о нею, да аще ничтоже имата грабленія и нечистаго рѣзонманья. Аще ли еси грабилъ, или приклады ималъ, или корчемный прикупъ, или кого чѣмъ приобидѣлъ еси, еже святое писаніе отрекло: то не глаголи, не възвышай руки си, дондеже очистишися отъ всего зла. Аще бо възмеша въздѣти руцѣ попущеніемъ божіемъ: то молитва ти будетъ гнусна и неприятна Богу. Но слыша Господа, глаголюща пророкомъ: егда руцѣ твой прострещи ко мнѣ, отвращю очи свои отъ васъ и аще умножиши молитву,

(¹) О скоморохахъ. *И. Д. Бѣльева. См. Времен. общ. ист. кн. XX, 69—92.*

не послушаю тебѣ, глаголетъ Господь, руцѣ твои исполнь неправды. И се, възлюбленнаа чада, будете вѣдуще: святїи отци наши уставили постныя дни, по наученію господню и по заповѣди святыхъ апостолъ, святыя праздники праздновати духовно заповѣдаша, а не тѣлесно, не чреву работающе безгоднымъ (*безвременнымъ*) пьянствомъ, но Богу молящесе о своихъ сѣгрѣшенїихъ, немощныя накормляюще с собою в подобно время, тѣло кормяще земнымъ брашномъ, а душу духовнымъ. Тоже брашно в судѣхъ (*сосудахъ*) книжныхъ с небесе снесено, иже глаголется, хлѣбъ аггельскїй ясть чловѣкъ, брашно посла имъ до изобилїа, рекше—писанїе святыхъ книгъ... На праздники же великіа пировъ не творити, пьянства бѣгати, испити мало и блюсти душа своя, и стеречи часа, в онъже Богу молитися трезвымъ умомъ, а не пьянымъ, якоже Петръ апостолъ рече: братїя, будите трезвы, якоже супостатъ вашъ діаволь шцетъ пьяныхъ, да я пожретъ. О горе, пакы реку, о горе пребывающимъ въ пьянствѣ! Пьянствомъ аггела хранителя своего отгонимъ отъ себе, и злаго бѣса привлечимъ к себѣ, и Святаго Духа далече есмы пьянства ради, и близ ада, и слова божїа не имуще въ устѣхъ своихъ, гнили ради пьянственныа. Бѣси бо ради бывають о нашемъ пьянствѣ, и радующесе приносятъ къ діаволу жертву пьянственную отъ пьяницъ; діаволь же, радуясь, глаголетъ: яко николиже тако веселюся и радуюся о жертвахъ поганыхъ языкъ, якоже о пьянствѣ христіаныхъ; всяка бо дѣла моего хотѣнїа въ пьянцахъ суть. Писано бо есть: яко и поганыа набдигъ Богъ, а пьяницъ ненавидитъ и отвращаетъ отъ нихъ. Но толико супостатъ нашъ радуется о нашемъ пьянствѣ, а искоимъ бо не хоцетъ добра роду чловѣчю, и глаголетъ: яко мои суть пьяни, а трезвины суть божїи. И посылаетъ діаволь бѣсы, рекъ: идѣте, поучайте хри-

стіаны на пьянство и на всяку дѣтель моего хотѣнїа. Анггели же святїи, приходяще, повѣдали се святымъ отцамъ с печалїю великою, да быша писанїемъ отлучили христіанъ отъ пьянства, а не отъ питьа: ино бо пьянство есть злое, а ино питье в мѣру, и в законъ, и в подобно время, и въ славу божїю. Святїи же отци, написавше честное сіе святое правотѣрное ученїе, предаша христіаномъ, на провоженїе жизни сеа, и на причастїе вѣчныа жизни, да кто послушаетъ сего правила св. отецъ и поживетъ лѣта своа, творя волю божїю,—житель будетъ вѣчныа жизни; не послушавшїи сихъ книгъ, осужденъ будетъ съ діаволомъ в муку вѣчную.

Се слышаще, братїе, подвижемся работати Господеви, и заповѣди Его творити, и в законѣ Его поживемъ вся дни живота нашего, о Христѣ Іисусѣ, Ему же слава съ Отцемъ и Св. Духомъ и нынѣ и присно.

(Учен. Зап. 2 отд. Акад. Н. т. II, вып. 2).

Это слово «о ведрѣ и о казняхъ божїихъ» приписываемое Феодосію, извлечено изъ греческаго Златоструя (*О малоизв. и неизв. памяти. Срезневскаго, III, 34—43*). Но по всей вѣроятности, оно приспособлено къ русской жизни. Въ первоначальной лѣтописи слово это передается нѣскольکو иначе (*П. С. Л., 173*).

Поученїа Феодосїа имѣють характеръ преимущественно обличительный: съ одной стороны языческія вѣрованїа, остававшїяся въ жизни народной, съ другой — грубыя нравы, не сдерживаемыя нравственнымъ закономъ, а главнымъ образомъ недостатки монастырской жизни,—вызывали на обличенїе любвеобильнаго пастыря. По этому сочиненїа Феодосїа написаны не на отвлеченныя произвольныя задачи, но рисуютъ состоянїе современнаго ему общества и выражаютъ практическое направленїе—привести семена нравственности къ народу, монахамъ и князьямъ. Краткость и изящная простота формы составляютъ отличительную черту поученїй этого замѣчательнаго древне-рускаго подвижника.

О сочиненїяхъ Феодосїа см. Уч. Зап. 2 отд. Акад. Н. т. II, в. 2. Москвит. 1850,

№ 23. Поуч. объ-умѣренности въ застольномъ иптъѣ. Прав. Собес. 1858. III, 255. Другія поученія и житіе Θεодосіа см. ниже.

14. Изъ слова Григорія Богослова до 1100 г.

...Овъ (*иной*) путь съмѣреномъ уклони и прѣврати на неправдѣныя правду. Овъ възненавидѣ въ вратѣхъ обличающа, и слово божіе възненавидѣ. Овъ пожьре (*жертву принесе*) неводу своему нѣмъшно много. Овъ трѣбу (*жертву*) сътвори на студеньци (*колодци*), дѣжда иски отъ него, забывъ, яко Богъ съ небесе дѣждь даетъ. Овъ несущимъ Богомъ жьреть, и Бога створьшаго небо и землю раздражаеть. Овъ рѣку богыню нарицаеть, и звѣрь живуць въ ней яко Бога нарицая, трѣбу творить—овъ Дью, а други Дивии. А нѣ градъ чѣтеть ⁽¹⁾. Овъ же дѣрънъ *вѣскруць*, на главѣ покладая, присягу творить ⁽²⁾; овъ присягы костью чловѣчями творить. Овъ *кобени* птичь (*ворожбуноптицамъ*) смотреть ⁽³⁾. Овъ сѣрътениа сумьнитъся ⁽⁴⁾. Овъ муцьнъ (?) скоть твоя убияеть. Овъ въ неделю и въ святыя дѣни дѣлаеть, прибытъкъ себѣ твоя (*на*) свою погыбѣль, да елико всею недѣлею съдѣлаеть

⁽¹⁾ Въ этомъ словѣ преслѣдуется языческое поклоненіе студенцамъ и колодезямъ, Дію или Зевсу, Дію или Дивію (Діанѣ? Въ Сл. о пол. упоминается *Дивъ*), обоготвореніе рѣкъ и звѣря или животнаго рѣчнаго. Въ поученіи Серапіона означено, что водянному божеству бросали людей во время голода. См. ниже.

⁽²⁾ Здѣсь разумѣется дерновая присяга; по скандинавскому обычаю, во время вѣтвы клали кусокъ дерна на голову (воскучали?); тоже было и въ Россіи.

⁽³⁾ Говорится о гаданіяхъ и предсказаніяхъ по птицамъ.

⁽⁴⁾ Т. е. вѣрять во стрѣчу, что бываетъ счастливая и несчастная (*Лавр. 73*).

тѣмъ дѣньмъ погубить. Овъ на мощьхъ лѣжею присязаетъ.

(Изд. Ак. Н. 2-го отд. 1855 г.)

15. Языческія божества.

Пришедшо ми въ Ладугу (1111), повѣдаша ми Ладожане: яко сдѣ есть, егда будетъ туча велика, и находятъ дѣти наши глазки стекляныи, и малыи и великыи, повертаны, а другыя подлѣ Волховъ берутъ, еже выполоскываетъ вода, отъ нихъ же взяхъ болѣ ста; суть же различна. Сему же ми ся дивляню, рекоша ми: се не дивно; и еще мужи старіи ходили за Югру и за Самоядь ⁽¹⁾, яко видивши сами на полунощныхъ (*сѣ сѣверныхъ*) странахъ, спаде туча, и въ той тучи спаде вѣверица (*бѣлка, векша*) млада, акы *топерво* ⁽²⁾ рожена, и възрастшии и расходится по земли, и пакы бываетъ другая туча, и спадають оленци мали въ ней, и възрастають и расходится по земли. Сему же ми есть послухъ (*свидѣтель*) посадникъ Павелъ ладожскій и вси Ладожане. Аще ли кто сему вѣры не иметь, да прочтеть Хронографа ⁽³⁾: Въ царство право (*Прова*), дожгъцю бывшою и тучи велици, пшеница съ водою многою смѣшена спаде, юже собравше насыпаша сусѣкы (*закрома*) велія; такоже при Аврильянѣ крохти сребренныя спадоша, а въ Африкѣ тріе камени спадоша превелици. И бысть по потоупѣ и по раздѣленьи языкъ, поча царьствовати первое Местромъ отъ рода Хамова, по немъ Еремія (*Гермесъ*), по немъ Феоста (*Гефестъ*), иже и *Соварога* нарекоша Егуптяне; царствующю сему Феостѣ въ Егуп-

⁽¹⁾ Эти страны лежали на сѣверѣ Азіи между Уральскими горами и р. Обью.

⁽²⁾ Какъ сейчасъ.

⁽³⁾ Тоже, что Летописецъ, Временникъ отъ *хромосъ*—время, *графо*—пишу.

16. Слово блаженнаго Серапіона о маловѣрнѣхъ до 1275 г.

Печаль многу имамъ въ сердци о васъ, чада: никакоже не премѣните отъ злобы обычая своего; вся злая творите въ ненависть Богу на пагубу души своей. Правду есте оставили, любве не имате, зависть и лесть жируетъ (*живетъ*) въ васъ и вознесеси умъ вашъ. Обычаи поганскіи имате, во хламъ (*волхвамъ*) вѣру имате и пожигаете огнемъ не повинныя человѣки. Гдѣ се есть въ писаньи, еже человѣкомъ владѣть обильемъ или скудостью, подавати или дождь или теплоту. О неразумни, вся Богъ творитъ, якоже хочетъ, бѣды и скудость (*голодь*) посылаетъ за грѣхи наши и наказая насъ, приводя на покаянье. О маловѣрніи, слышасте казни отъ Бога: въ первыхъ родѣхъ потопа на гиганты, огнемъ пожжени, а Садомляне огнемъ же сожжени, а при Фаронѣ 10 казней на Египеть, при Ханани—камень огнеиное съ небесъ пусти, при Судьяхъ—рати наведе, при Давидѣ—моръ на люди, при Титѣ—плѣнь на Ерусалимъ, потомъ трясенье земли и паденье града. И въ наша лѣта, чего не видѣхомъ зла, многи бѣды и скорби, рати, голодь, отъ поганыхъ (*отъ Татаръ*) насиле; но никакоже премѣнимся отъ злыхъ обычай нашихъ. Нынѣ же гнѣвъ божій видяши и заповѣдаете хто буде удувленика или утопленика погребль, не погубите люди сихъ, выгребите ⁽¹⁾. О безумье злое, о маловѣрье! Полни есмы зла исполнени, о томъ не каемся. Потопъ бысть при Нои не про удувленаго, ни про утопленика, но за людскія неправды, и яныя казни безчисленныя. Драчъградъ 4000 лѣтъ стоялъ, отъ моря потопленъ бысть и нынѣ въ мо-

(1) Сувѣрній обычай откапывать утопленика или удувленика доселѣ окончательно не искоренился въ русскомъ простонародьѣ.

ри ⁽¹⁾; въ Лясѣхъ (*въ Польшѣ*) отъ умноженья дожда 600 люди потопло, а инѣ въ Перемышлѣ градѣ 200 потоплоша и гладъ былъ 4 лѣта тамо жъ. Се все бысть въ сія лѣта за грѣхи наша. О человѣци, се ли ваше покаянье, симъ ли Бога умолите, что утопла или удувленика выгребсти, симъ ли божию казнь хочете утишити. Лучше, братья, престанемъ отъ зла, лишимся всѣхъ дѣлъ злыхъ, разбоя, грабленья, пьявства, скупости, лихвы, обиды, татбы, лжива послушства, гнѣва, ярости, злопоминанья, лжи, клеветы, рѣзюманья (*роста, процентовъ*). Азъ бо, грѣшный, всегда учю вы, чада, велю вамъ каяться; вы же не престанете отъ злыхъ дѣлъ. Егда кая на насъ казнь отъ Бога придетъ, то болѣ прогнѣваемъ, извѣты кладуче: ⁽²⁾ того ради ведро, сего дѣля дождь, того дѣля житю не родится,—и бываете стромтели божіей твари, а о безумьи своемъ почто не скорбите? Поганіи (*язычники*) бо, закона божія не вѣдуще, не убиваютъ единовѣрникъ своихъ, ни ограбляютъ, ни обадятъ (*не обманываютъ*), ни поклепятъ, ни украдутъ, ни запрутся чужаго, всякъ поганый брата своего; (но) кого въ нихъ постигнетъ бѣда, то искупятъ его и на промыслъ дадутъ ему, а найденыя—въ торгу проявляютъ. А мы творимся вѣрніи, во имя божіе крещени есмы и заповѣди его слышаще всегда,—неправды есмы исполнени и зависти, немилосердыя; братью свою ограбляемъ, убиваемъ, въ погань продаемъ, обадями, завистью,—аще бы мощно, снѣли бы другъ друга, но вся Богъ боронитъ. Аще вельможа или простый, то весь (всякій) добытка желаетъ, како бы обидѣть кого. Окаянне, кого снѣдаеш? Не такой же ли человѣкъ, якоже и ты? Не звѣрь есть, ни иновѣрецъ. Почто плачь и

(1) Преданіе.

(2) Ложно говоряще.

клятву на ся влечеши? Или безсмертенъ еси, не чаеши ли суда божіа, ни воздаянья комуждо по дѣломъ его? Отъ сна бо вставъ не на молбу умъ прилагаеши, но како бы кого озлобити, лжами преочи кого. Аще не оставете сихъ, то горшая бѣды почаете посемъ; но моляся вамъ глаголю: примемъ покаянье отъ сердца, да Богъ оставитъ гнѣвъ свой и обратится отъ всѣхъ дѣлъ злыхъ, да Господь Богъ обратится къ намъ. Се вѣдѣ, азъ поучаю вы, яко за моя грѣхи бѣды сія дѣются; придѣте же со мною на покаянье, да умолимъ Бога, вѣдѣ убо, аще ся покаевѣ, будемъ помиловани; аще ли не останетесь безумья и неправды, то узрите горшая напоследѣ.

(Пользка Шевырева въ Бѣлоз. мон. II, 36).

Тоже слово съ измѣненіями см. въ Приб. къ твор. св. Отцевъ 1843, кн. 3.

Еще слово Серапіона въ Ж. М. Н. Просв. ч. 39, VI, 42. О писателѣ см. Лѣт. Литер. 1859, 1. Сюда же относится „Поученье къ духовн. сыну“ Зарубскаго черноризца Георгія XIII в. Здѣсь излагаются нравств. наставленія и сильно вооружается писатель противъ лихаго скомороха, гулда и свирца (свирельника?), что ихъ водятъ въ доша *лама ради*: „поганско то есть, а не крестьянско.“ (О маломъ и неизв. намят. Срезневскаго 1, 54—57. См. также Слово Кирилла о злыхъ дусьхъ по сп. XV в. Москвит. 1844, I. 241).

17. Слово пророка Исаіа, истолковано св. I. Златоустомъ. (1)

...Рече Господь: *наследятъ гору святую мою избраннїи мои, раби мои.* Раби суть то, иже служатъ Богу и волю его творять, а не Роду, ни Рожаницамъ, ни кумпромъ суетнымъ: то суть слуги божіа, иже приносятъ честную жертву живу Богу въ крѣпости сердца своего съ разумомъ добраго ученія. *И будутъ въ лузѣ (на лугу) огради овцамъ.*

(1) Слово это постоянно входитъ въ составъ сборниковъ. известныхъ подъ именемъ *Златоустовъ*.

Лугъ наречется рай, а огради райская мѣста, а овцѣ—вѣрнїи людіе, иже работаютъ Богу, а не Рожаницамъ. *И дебрь Охорьска въ покой воломъ.* Дебрь есть вышняго Іерусалима пажить, а волоче—кротціи епископи и попове, иже ходя по црѣковному ученію и ивѣхъ добрѣ учаще, иже възыскають врѣмена и не оставляють святыя горы. *Вы же оставше мя и забывающе гору святую мою и готовяще трапезу Роду и Рожаницамъ, наплннюще бѣсомъ чръпаніа.* Азъ прѣдамъ вы на оружїе и вси заколенїемъ падете. Заколенїе есть смерть, а оружїе—мука вѣчная. *Яко възвахъ вы,—не отвастеся, глаголахъ—и не слышасте, и творите злое прѣдъ мною, и хже не хочу,—то избрасте.* Сею ради тако глаголетъ Господь: *се работающїи ми ясти начнутъ, вы же възалчете;* но тою състи есте трапезою, яже готовасте Рожаницамъ. *Се работающїи ми пити начнутъ, вы же възжадасте;* но то пїйте, иже то исполниваете чръпаніа бѣсомъ. *Се работающїи мнѣ възвеселятся, вы же постыдитесь.* *Се работающїи ми възрадутся въ веселїи сердца, вы же, работающїи бѣсомъ и служащїи идоломъ и ставляюще трапезу Роду и Рожаницамъ, възопїете въ болезни сердца вашего и отъ скрушенїа духа възплачетеся.* (1) Тому же ся събыти нѣсть zde, но въ ономъ вѣцѣ: остависте бо утѣшенїе ваше и покой будущаго вѣка избраннымъ моимъ, васъ же убїетъ Господь Богъ; а работающїи ми благословятся, поють Богу истинному, а вы поете пѣсни бѣсовскыя идоломъ, Роду и Рожаницамъ. Въ велику пагубу вводитъ невѣжество книжное. Велико зло, еже не разумѣти почитаемаго, и велико зло, еже не слышати разумнѣйша себе, или разумѣя честна, не творити воля бо-

(1) Прор. Исаіа гл. 63, ст. 9—14.

жіа по писанному закону. Се же, чада, слышащє останѣте ся пустошнаго того твореніа и службы тоя сатанины, наста-вѣніе (и ставленія) трапезы тоя ку-мирскыя, нареченыя Роду и Рожани-цамъ. Братіа, творите воля божіа, яко-же ны учать книги пророчскыя и апо-стольскыя и отчьскыя, да прїимемъ оста-вленіе грѣхонъ и получимъ жизнь вѣч-ную о Христѣ Іесуѣ Господи нашемъ, ему жь слава въ вѣкы, аминь.

(По ркн. Спб. Публ. Библ. Q. отд. I. № 18. См. Архивъ исто-рико-юридич. свѣд. 2, 1. отд. 1. 100—101; II, отд. VI, 66).

18. Изъ слова Григорія Богослова XIV в.

Еллины дѣлають «требокладенъе (жертвоприношеніе) грому и молънѣи и Ви-лу, богу вавилоньскому, его же разби Данило пророкъ; тѣмъ же богамъ требу кладуть и творять. И словенскыи языкъ Виламъ⁽¹⁾ и Мокоши, Дивѣ⁽²⁾, Пе-руну, Хърсу, Роду и Рожаницѣ⁽³⁾, Упи-ремъ и Берегынѣмъ⁽⁴⁾ и Пенеплуту, — и вертѣчеся пьютъ ему въ розѣхъ⁽⁵⁾, и огневи Сварожницю моляться и навѣмъ (мертвымъ) ивъ творять и въ тѣстѣ мосты дѣлають и колодязѣ и ина многая...

(1) Вилы—русалки, въ другомъ сп. смѣшаны съ вавилонскимъ Виломъ.

(2) Дива—вѣроятно, Дія, Диана.

(3) Рожаница — богиня судьбы, надѣляющая счастьемъ при рожденіи челоуѣка. О Рожаницѣхъ упоминается въ ркн. 1271 г., гдѣ сказано, что люди приготовляли счастью (случаю) раствореніе или чърпаніе, т. е. разбавленное питье. О Родѣ го-ворится въ Вопросахъ Кирика и въ Словѣ Зато-чника.

(4) Упирь—вампиръ, волкодлакъ, пережѣтчикъ. Берегиня—водяное существо, русалка.

(5) Т. е. изъ роговъ, которые въ древнее время служили вмѣсто стакановъ.

Начаша Еллины ставити трапезу Роду и Рожаницѣмъ, таже Римляне, даже и до Словенъ доиде. Се же Словене начали трапезу ставити Роду и Рожаницѣмъ, пе-реже Перуна бога ихъ, а преже того кла-ли требы Упиремъ и Берегынѣмъ. По святѣмъ же крещеніи Перуна отринуша, а по Христа Бога яшася; нъ и нынѣ по Украинѣмъ ихъ моляться проклятому богу ихъ Перуну, Хърсу и Мокоши и Виламъ; нъ то творять акы отай, сего же не могутъ ся лишити, наченше въ поганствѣ⁽¹⁾, да-же и доселѣ проклятаго того ставленія вторыя трапезы Роду и Рожаницѣмъ⁽²⁾ на прѣльствѣ вѣрнымъ хрестыаномъ и на хулу святому крещенію и на гнѣвъ Богу. По святѣмъ крещеніи череву работни по-пове уставивша трепарь прикладати Рож-ства Богородици къ Рожаницѣмъ трапе-зѣ отклады дѣбуюче⁽³⁾. Таковыи нари-цаются кармогузѣи (обжоры?), а не раби божи. И недѣля день и кланяют-ся написавше жему въ челоуѣчскѣ образѣ тварь⁽⁴⁾.

(Лит. рус. лит. Тихонрав. IV, 100—101; также 97).

19. Изъ слова отъ св. овангелѣа XIV в.

...Тѣлесции грѣси инаци и душевнии инаци... Тѣлесции же суть грѣси: уби-ства, чародѣиства, потвори, волшьба,

(1) Со времени язычества.

(2) Вторая трапеза—secunda mensa, состоящая изъ плодовъ и вина.

(3) Преп. Θεодосій преслѣдовалъ сильно этотъ обычай въ словѣ «О тропарѣхъ и пѣанствѣхъ».

(4) Въ Коричей 1280 г. въ правилахъ VI все-ленскаго собора упоминаются коляды (calendae?), Рожаницы, обладопрогонничи и преслѣдуются игры, переряживанья и обычаи—скакать черезъ зажженный костеръ (Истор. Христ. Буслаева. 381—382).

наузи ⁽¹⁾, идоломоленіе, грѣбы идоломъ бесомъ, по мѣзде лихоиманіе, еже есть всему злу мати, пьянство и всего нужно писати. А се душевнии грѣси: хула, зли помысли, ереси, злопоминаніе, зависть, клеветѣ, ненависть, прозорьство, (*презрѣніе?*), уныніе, отчаяніе, неупованіе еже къ Богу, иновѣрье, еже чюжю вѣру хвалити и примѣшатися къ иной вѣрѣ, и лгати, не право глаголати, росокы дѣяти, облыговати правыя и клятися и инаго клятвы догонити (*принуждати*) и ротѣ (*къ присягѣ*) водити и къ иной вѣрѣ поганой приступати и по кривѣмъ прю дѣяти (*защитити неправдоу*) и учитися острономин (*острологы*) и вѣровати в метаніе (*мечтаніе, сонъ?*) и въ лживая писанія и въ елиньскыя книги, кошуны и въ баснотворья и устряцю и въ чехъ и въ Мокочь и въ сносудецъ (*въ сновидѣніи*), птицы чарове, въ громникъ и в колядникъ и въ весь мартолой проклятыи, и иже творять злы дни и часы да будетъ пѣреть (*прокляти*)... Се же мало написахомъ о тѣлесныхъ грѣсѣхъ и о душевныхъ: мужа бо есть много писати, да сами пакы расьсмотрите.

(Лит. литер. Тихонр. IV, отд. III, стр. 105 — 106. Ркп. Соф. библ. № 1262).

20. Слово Христолюбца ревнителя по правой вѣрѣ, около 1400 г.⁽²⁾

Яко Илья Фезвитянинъ ⁽³⁾, заклавъ ерея жерца идольскія числомъ 300, и

⁽¹⁾ *Наузы* — волшебныя навязки, амулеты. *Потвори* — претворенія, или волшебныя измѣненія людей и явленій (оборотни).

⁽²⁾ Слово это помѣщено въ *Златой чепи* и въ *Паміевск. Сборникъ* XIV в. Содержаніе Сборника представлено Шевыревымъ. *Пользѣка въ Бѣлозерск. мон. II, 32—39* Содержаніе Чепи въ *Чт. общ. ист. 1846, № 2. Смысь 46*.

⁽³⁾ Илья пророкъ изъ города Фесвы.

рече: ревнуоя поревнувахъ по Господѣ вседержителю. Тако и сей не мога терпѣти хрестьянъ *двоевѣрно* живущихъ, — и вѣрують въ Перуна, и въ Хорса, и въ Мокочь, и въ Сима и Рѣгла, и въ Вилы, ихъ же числомъ тридевятъ сестрѣнщъ, глаголять невѣгласи и мнать богинями, и та подкладывахуть имъ теребы, и куры имъ рѣжють, и огневѣ молятся, зовуще его *Сварожичемъ* ⁽¹⁾ и *чесновитокъ* (*теорятъ?*); ⁽²⁾ богомъ же его творять. Егда же у кого будетъ пиръ, тогда же кладуть въ ведра и въ чаши и пьють о идолѣхъ своихъ, веселящися; не хужьши суть еретиковъ, ни жидовъ, иже в вере и во крещенъ тако творять, не токмо невѣжи, но и вѣжи (*просвѣщенные*), попове и книжници. Аще ли не творять того вѣжи, да пьють и ядятъ моленое (*жертвенное*) то брашно. Аще ли не пьють, ни ядятъ, да видять дѣннія ихъ злая; яще ли не видять, да слышать — и не хотять ихъ поучити. О таковыхъ бо пророкъ речеть: «окаменѣ сердце людій сихъ, оушима тяжко слышать, очи свои смѣжиша...» Самъ Господь рече: «мнози пастуси погубиша виноградъ мой.» Пастуси суть книжници, а виноградъ — вѣра: человекъ въ вѣрѣ погибають лхими пастуси. Учителя безумныхъ, аще не лишаться (*не отстануть*) проклятаго моленья и службы дьяволя, то достойни огню негасимому. Си же учителя будуть имъ подгнѣтати, аще ихъ не обратять отъ дѣла того сотонина. Глаголетъ бо пророкъ отъ лица невѣрныхъ людій, приходящихъ во крещенъе и оученю добрыхъ дѣлъ: «да обратять ны боящися тебе, и вѣдуще свидѣнныя твоя...» Рече Господь: «ниже добре научить хто, то великъ на-

⁽¹⁾ Т. е. сыномъ Сварога. См. выше Ипат. лѣт.

⁽²⁾ Доселѣ въ Галиціи соблюдается въ праздникъ Коляды обрядъ чеснока. Бытъ рус. народа. Терещенко. Опис. празд. коляды.

речется во царствѣхъ небеснѣхъ. Павель рече къ Римляномъ: »аще мнози наста-вники имате о Христѣ, но не мнози от-дѣ, о Христѣ бо Исусъ азъ вы родихъ еуангелиемъ. Молю же вы ся, подобни-ци (подобны) мнѣ будите, и попове и книжници. » Будете же вы подобни Пав-лу великому учителю, оучите же люди на добро и обращайтесь ихъ ото лсти дья-воля къ вѣрѣ истиннѣй, служите истин-ному Богу, да і вы речете предъ Богомъ пророчимъ гласомъ: »се азъ и дѣти моя, яже ми далъ еси, Господи, и азъ наро-дихъ оучениемъ. Того ради пьете, ясте и дары емлете отъ нихъ. Аще ли не хотите оучити ихъ, то не примѣшайтесь имъ по еуангельскому слову: »аще има-ши око свое лукаво, то исткни е вонъ, аще ли руку, то отсѣчи ю,—лучше бо одинъ оудъ погибнетъ, нежели все тѣло. Не можетъ бо погібнуть праведникъ про беззаконника. Кое причастье Христу съ бѣсомъ? Тако и служащихъ Богу кое при-частье къ служащимъ бѣсомъ і оугодья дьяволя творящимъ? Павель бо Кореню-емъ рече: »братья, писалъ вамъ въ псе-ланьяхъ, не примѣшайтесь къ рѣзоня-цемъ (1), ни грабителемъ, ни корчми-томъ (2) і къ служащимъ кумиромъ, но должни есте отъ міра сего изыти, рекше оумрети. Нынѣ же писалъ вамъ, съ та-ковымъ ни пити, ни ясти, не въ законъ, но въ упои и быша пьяни, і восташа играти,—и того дни погйбе ихъ 620 за свое не истовое пьанство. Того ради не по-добаетъ крестьяномъ игръ бѣсовскихъ играти, еже есть плясанье, гуденье, пѣ-сни мирскія, и жертвы идольскія; еже молятъ ся огневѣ подъ овиномъ, и Ви-ламъ, и Мокоши, и Сяму, и Рыглу, и Перуну, и Роду и Рожаницѣ, и всѣмъ тѣмъ,

(1) Берущимъ ляху, проценты.

(2) Обмѣривающимъ при продажѣ вина или мѣ-шающимъ вино съ водою.

иже суть тѣмъ подобни (1). Се же оу-чение намъ висася въ конецъ вѣка. Да не во лжи будемъ рекли, крещающеса, отрицаемса сотоны и всѣхъ дѣлъ его и всѣхъ ангель его, и всего студа его, да обещахомся Христови. Да аще ся объ-щаномъ Христови; то чему ему не слу-жимъ, но бѣсомъ служимъ, и вся угодыя имъ творимъ на пагубу душамъ своимъ. Не тако же зло творимъ просто, но и мѣшаемъ итѣкія чистыя молитвы со про-клятымъ молениемъ идольскимъ, иже ста-вять лише кутья ныи трапезы, законнаго объда, иже нарицается беззаконная тра-пеза, мѣшная (приносимая) Роду и Ро-жаницамъ и въ прогнѣванье Богу. Самъ бо Господь речеть: не всякъ видеть во царствіе мое, рекъ ми— Господи, Госпо-ди, но творяй волю отца моего“ (2). Павель рече: видѣхъ облакъ кровавъ ра-сиростертъ надъ всѣмъ міромъ и вопро-сихъ, глаголя: Господи, что се есть? И рече ми: се есть молитва человѣческая, смѣшена съ беззаконьемъ; того ради Го-сподь речеть: „не можетъ рабъ работати двѣма господинома; одного возлюбить, а другаго возненавидитъ. Тако и мы, бра-тья, возненавидимъ дьяволя, а Христа возлюбимъ,— вонъ бо престоихомся, вонъ облекохомся; его хлѣбъ ямы и чашу его пиемы; оумираемъ, здрави бываемъ о немъ. Рече: слава тебѣ о всемъ, данымъ намъ тобою, не токмо здѣ, но и въ будущемъ вѣще. Рече же Павель: то оубо требы

(1) Въ другомъ спискѣ это мѣсто читается такъ: »Того ради не подобаетъ хръстьяномъ въ пиреть и на свадьбахъ бѣсовскихъ игръ играти; аще ли то не бракъ наричется, и (мо) идолослужение, иже есть пляска, гудба (мира на музыкальныхъ ин-струменталъ), пѣсни бѣсовскія, сопѣли, бубныи и вся жертва идольска. Иже молятся огневи, Ви-ламъ, Мокоши, Сяму, Рыглу, Перуну, Хърсу, Роду и Рожаницамъ и всѣмъ проклятымъ богомъ ихъ. Ркп. Сѣб. библ. конца XV в. № 1285.

(2) Далѣе мѣсто взято изъ апокрифическаго сказа-занія: »Хождение апостола Павла по мукамъ. Пам. отречен литер. II, 43.

кладуть страны бѣсомъ, а не Богу. Не вѣлю же вамъ общникомъ быти бѣсомъ, и не можете бо пити чаши господня, и не можете бо причаститися трапезѣ господни, да не разгнѣваемъ Бога. Аще кто повѣсть вамъ, яко се требно (*жертвенное*) куміромъ, не ядите того; аще ль пьете, или ясте, то все въ славу Богу творите: господня бо земля и конци ея... Братія, не вѣлю же вамъ не вѣдати бесѣды сія, но имѣмъ будите на пользу хотящимъ спастися. Истергнитесь отъ сѣти дьяволя. Да придемъ къ пречистому свѣту Господа нашего Иисуса Христа. Беззаконнымъ неокоривымъ, противящимся здоровому оученю, нечестивымъ, худящимъ отца и матеръ, славы божія не наслѣдовати.

(Лѣтоп. литер. Тихонравова. IV, 93).

21. Изъ слова, приписываемаго Златоусту до 1400 г. (1).

Горе вамъ, воже вѣ слѣпни: ни сами въходите, но и хотящимъ внити не даете. Человѣчи забывше страха божія небрежениемъ и крѣщения отвѣргошася, и приступиша къ идоломъ, и начаша жрети молнии и грому, и солнцю и лунѣ. А друзи Перену, Хурсу, Виламъ и Мокоши, Улиремъ и Берегынямъ, ихже нарицають три—9 сестриницъ; а инии въ Сварожитца вѣруютъ, и въ Артемиду, имже неведглаши (*неведжи*) человѣчи молятся, и куры имъ режутъ. О убогая курята! оже не на честь святымъ породишася, ни на

(1) Иное заглавіе памятника слѣдующее: «Слово св. отца нашего І. Златоустаго, архіеп. Костянтина града, о томъ, како первое погани вѣрвали въ идолы, и требы имъ клали, и имена имъ нарекали, аже и нынѣ мнози тако творять и въ крестьянствѣ суще; а не вѣдаютъ, что есть крестьянство.» Изъ Златой Чеши.

честь вѣрнымъ чловѣкомъ; но на жертву идоломъ режются,—и то *блутивше* сами ядятъ, и инѣми въ водахъ потопляеми суть. А друзи къ кладязѣмъ приходяще молятся, и въ воду мечють велеару (*сатань*) жертву приносяще. А друзи огнѣви и камению и рѣкамъ, и источникамъ, и Берегынямъ, и въ дрова; не токмо же преже в поганьствѣ (1), но мнози и нынѣ то творять; а крестьяны ся наричающе, мосты и просвѣты, и бѣлники, и чересь огонь скачють, мнишеся (*кажутся*) крестьяны, а поганьская дѣла творять; навѣмъ мовь творять (*окликають жертвыхъ*) и попель посреде сыплютъ, и проповедающе мясо и молоко, и масла и яйца, и вся потребная бесомъ; и на печь и льюще въ бани, мытися имъ велятъ. Чехолъ и убрूसъ (*платокъ*) вѣшающе въ молвици, (*въ молвици, т. е. въ бань*). Беси же злоумно ихъ смѣющеся пороирѣшются (*пройдутся*) в пещеду томъ, и следъ свои показываютъ, на прелщенье имъ; они же видѣвше то отходятъ, поведюще другъ другу, и то все проповѣдающе сами ядятъ и пьютъ, ихже не достоятъ ни нсомъ ясти. О злая дьяволя прельсть, иже ни догани того не творять! А друзи вѣрють въ Стрибога, Дажьбога (2), и Переллута, иже вѣртачеса ему щють въ розѣхъ, забывше Бога, створившаго небо и землю, моря и реки и источники, —и тако веселяшеся о долѣхъ своихъ.... Словомъ бо и слытьемъ (*сливуть*) мнози суть крестьяны, а образомъ мало ихъ; образомъ же аки и ученики христови, а деломъ предатели; словѣсемъ богобоязливи, а деломъ нечестивни; словѣсемъ милосерди, а образомъ

(1) Въ Златой Чеши XIV в. упоминается о вѣрѣ народа въ домового или «бѣса хоморожителя.» Очерки древн. Буслаева. II, 125. Опис. Рум. Муз. Востокова 552.

(2) Стрибогъ и Дажьбогъ упоминаются въ Сл. о Пол. Нюор.

Елини (*язычники*); нарономъ (*по названью, нареченью*) крестьяни, а деломъ страньници: съсмѣсишабося съ странами и навькоша дѣла ихъ. По истинѣ въ насъ ся сконца пророчество: каци бо суть крестьяни, а послушающе кощонъ елиньскихъ и басни жидовскихъ, и рождество (*рожанницу*) и почитании звездныхъ, и птица гласа ⁽¹⁾, и чаровъ, и волхвованія, и заскопня денни, и лѣтъ и сновъ, и надъ источники свѣща вжагающа, и кумирскую жертву ядять, и кровь и удавленину, и звѣремъ уядено, и птицами угнѣтено. Многа ина подобная сии: како крестьяни нарещися имуть, а сице творяще? Кимъли (*какимъ*) дерзновеннемъ смѣють нарчатися крестьяни? Како ли смѣють къ святымъ тайнамъ прити? а горше суще Елянъ. Послушайте бо пакы: каци (*какіе*) убо крестьяни, а поганыхъ образъ носяще и прокужающе (*намазывающе, надъвающе маску*) лице, или утварь (*нарядъ*) женскую на мужехъ си творяще? И нѣсть имъ никоея же пользы нарчатися крестьяномъ.... Разумѣите же вси възлюблении, яко малыми словесы всѣхъ свѣхъ отвѣргохомся глаголюще: »Отмѣтаемся сотоны и всѣхъ дѣлъ его,« и рече же при всѣхъ да помысли, что всѣхъ дѣлъ его да блюди и помысли кому си обеща? ни ангелу земному, ни царю, ни князю вѣка сего; но царю царствующимъ, и князю князьствующимъ, — тому же ся и обеща и исповеда предъ многими нослухы, да уже в руку его ты и словеса твоя. Или к тому жди его приходяща съ небеси ждеши его? несущая написаныи книги твоя, виже почестися есть предъ ангелы и чловѣкы. Тѣмже, брате, сохранися, поне нынѣ отъ пога-

(1) Т. е. гадають и дѣлають предказанія по крику птицъ. Доселѣ еще сохранилось много примѣтъ: если ворона кричитъ — дождь будетъ, воронъ каркаетъ — къ покойнику или другому несчастью и т. п.

ныхъ странъ писанія... Мнози учителя изгыбели, и еще умножитися имуть.

(*Летопис. литерат. Тихонрахова. IV, стр. 105 — 110 въ концѣ*).

22 Тоже слово измѣненное.

Слышите убо: мнози суть слытьемъ (*на словахъ*) крестьяни, а обычаемъ и делы аки погани невѣрнии; навькоша бо елиньскы дѣяти. О насъ бо сконца пророчество: како есте вѣрнии, обыкше кощоны и елиньскыи басни жидовскыя, и у родословья (*рожанницы?*) и глумление на улицахъ, и на беседахъ рада, (*родъ?*), чары же и волхвованіе, и спове и кровияденіе и давленіи, ина неподобная многа дѣюще. Како крестьяни есте, аще си творите, и како святыи тайны смѣете принимати, а горша будуще Елинъ? Навькосте бо поганьскон дѣла творити: плясаніе, плесканіе руку сотонину, пѣсни, пиянство, блудня, гнѣвъ, зависть и иная же, нѣсть аже ни глаголати ихъ здѣ. Творяи бо сии, како крестьяни есте, а горее невѣрныхъ?..... Мнози бо вѣрнии творятся, а не вѣдають что есть крестьянство, како есть въ вѣрѣ и въ законѣ в zakonено. Не вижю убо не умъ токмо неистовы что и неразумны, но и старыя, о нихъ же вельми тужю, егда на беседахъ и на улицахъ града вижю мужа отъ сединъ честна, а злая и неподобная вѣстующа (*разказывающаго*), или на позоры или въ ипръ дѣти съ собою влекуща. О вернии, како ся на погыбель деете! сквернѣво бо се и зло. Отець свои чада ведеть на зло дѣло. А крестьяномъ бы подобно закону божію своя дѣти учити, а не пагубѣ. Аще же кто вѣспроситъ бесстыдныхъ (*безсовѣстныхъ*) тѣхъ старечъ, како пророчи и апостоли положили, и колко апо-

столь и пророкъ,—не вѣдать убо и не умѣють о томъ что рещи. Аще ли о конехъ или о птячахъ, или о иномъ о чемъ; то философи, хитреци. Еще же и се глаголють: въ глумлении (*осселяи, смѣхъ*) нѣ грѣха. О человѣче, даль ти Богъ пожити время, да ему угодиши и волю его створиши и правду дѣяи; а ты же на пиянство, и на блудню, и на вся злая вдався..... Аще здѣ учение слово продолжать, то мнози (*въ церкви*) аки у некоего зла с нужею предъстоятъ; або будетъ на беседѣ града, или на улицы, или на игрищи,—то ту пребудете и дале. А будетъ пшти, то и ноци не спать, пагубная дѣяи. Како вы крестьяни есте, а се творяще, а горее поганыхъ? Сотонпно бо замышление, тои бо и позоры научяль есть, смѣхотворца, и коцюньники, и игръца, да тыхъ злыми дѣлы и зрящая ихъ погубить. Како бо позорующая не тоеже ли творять. Аще пустошникъ ⁽¹⁾ глумяся что изорчетъ, тогда сии боле насмѣются, егоже бы дея злословнаго коцюньника биюще отгнати. Но сии зряще чюдятся, ти учаться злу, друзии же мзды игречемъ дають ⁽²⁾. Да темъ болии огнь на свою главу вжагають. Но аще бы ни зрели, ни дивилися имъ; то оставили бы тѣи пустованія. Но не токмо дивятся зряще, но и словеси ихъ извыкли. Да егда зберутся в пиру или инде гдѣ, то подобно бы крестьяномъ глаголати было о пророчествѣ, о учении святыхъ, то сии в того мѣсто вѣщаютъ,—се глаголють: онси скоморохъ, или онъ игречо. Да тѣмъ многы собе пути готовятъ, вѣдуцѣ в муку вѣчную. Се бо нѣсть крестьянско, аще игръ и бесѣды дѣемъ, и коцюны и злы грѣхы, смѣхы и блудъ творимъ, а не-

⁽¹⁾ Пустой человекъ. Здѣсь преслѣдуются позоры или зрѣлища скоморохъ, которые были игрецами — актерами и гудцами — музыкантами, веселыми пѣсенниками и рассказчиками, смѣхотворцами.

⁽²⁾ Временникъ, кн. XX.

правды не останемся и прочихъ злобъ. Но се есть тѣхъ дѣло, иже диаволи суть угодниви, иже нѣсть чаяннїя жизни; но с бесы осужени будутъ в неугашимыи огнь...

(Лѣтоп. литер. Тихонова,
IV. стр. 110—112).

23. Слово св. отца Моксея о ротахъ и о клятвахъ ок. 1400 г.

Пророкъ глаголетъ: яко того ради затворися небо—не пустити дожда на землю, зане кленуться человекъ Богомъ и его святыми, и другъ друга догоняеть клятвы, и св. церковь, невѣсту христову, ротою (*клятвою*) скверняще; приходяше зкалають Сына предъ Матерью, слуги же тоя матеръ рожсшагося по духу брата своего св. крещеньемъ, пьютъ кровь заколенаго Сына Матере тоя. И того ради вся силы небесныя трепещютъ со страхомъ, зане же не велитъ Господь Богъ догонити (*доходить*) до клятвы и роты. По истинѣ бо Спасъ нашъ Христосъ рече: человекъ си токмо ротою кля знаютъ; сего ради съ небесѣ съходяще серпъ огненъ пророкъ Захарья видѣ идущъ на землю, в долготу 50 локоть, а в ширину 9 локоть; и о семъ молящеся Богу, да проливить ему. И сииде к нему гласъ глаголющъ: се есть серпъ гнѣвъ божий, исходящїя на тѣхъ, иже ся на кривѣ ротятъ ⁽¹⁾, да поженеть я, и ихъ огню негасямому предасть. Семуже другая вина подобна тому—жертву приносять бѣсомъ, недуги (*болѣзни*) лѣчатъ чарами, и наузы, немощнаго бѣса, глаголемаго тряцю (*лихорадку*) мняться прогоняюще нѣкими ложными писмяны про-

⁽¹⁾ Криво. ложно клянутся.

клятыхъ бѣсовъ еленьскихъ ⁽¹⁾; пиша пняна на яблоцѣхъ, покладаютъ на святѣй трапезѣ в годъ люторгѣгрѣи (*во время литургии, службы*), и тогда ужаснуться со страхомъ ангельская воинства. И того ради разгнѣвленъ Господь Богъ, не пускаетъ дождя на землю, овогда же пожаромъ, и ратми (*войнами*) частыми, и прочими бѣдами многими казни намъ посылаетъ,—да мы предстанемъ отъ злобъ, и на покаянье обратимся; но мы одинако пребываемъ, не оставушеся грѣхъ, яко велми претитъ Господь святыми своими и не велитъ чарамъ недухъ лѣчити, и ни наузы, ни бѣсъ искати, ни въ стрѣчу въровати, ни в ловы идуще, или на куплю отходящи, или отъ князя милости хотаще сихъ искати ⁽²⁾. Аще ли кто отъ хрестьянъ волхвуя и кобленья (*чародѣлнѣя*) творяще, горше поганыхъ (*язычниковъ*) осудятъся таковыи, аще покаянья о томъ не примуть, ни остануться.

(Изв. Акад. Н. Х. стр. 703—704).

24. О идолахъ русскихъ.

Здѣ нѣчто скажемъ о богахъ русскихъ, не яко достойни суть воспоминавѣя, но да увидимъ, каковою слѣпотою тогда діаволъ помрачилъ бѣше человекъ и въ таковое безуміе приведе, яко не токмо не знаху истиннаго Бога, но еще приведе ихъ въ се, яко худымъ и бездушнымъ вещемъ и стхіяемъ богоподобную честь воздаваху. Во 1, *Перконосъ*, си есть Перунъ, бѣше у нихъ старѣйшій богъ, созданъ на

⁽¹⁾ Здѣсь не нѣмаетъ вспомнить ложное сказаніе о св. Сисиніи и о 12 трысаицахъ. 1. *Вкзархъ Боларскъ. Калайдовича.* стр. 240.

⁽²⁾ Т. е. заговоры, когда идетъ кто на олоту, на торгъ или въ судъ къ князю.

подобіе человекъ, ему же въ рукахъ бѣше камень многоцѣнный аки огонь, ему же яко Богу жертву приношаху и огонь неугающій зъ дубового древія неперестанио паляху; аще ли бы случилось за нерацѣніемъ служащаго іерея когда сему огню угаснути, такового іерея безъ всякаго извѣта (*пощады*) и милости убиваху. 2, *Волосъ*, богъ скотій, бѣше у нихъ во великой чести. 3, *Позвиздъ*, Ляхи его нарицаху Похвистъ, сего вѣрили быти бога аеру, си есть воздуху, а иныя погоды и непогоды, иныи его вихромъ нарицаху, и сему Позвизду, или вихру, яко богу кланяющеся моляхуся. 4, *Лудо* (си есть Pluton), богъ печельный (*адскій*); сего вѣрили быти богомъ женитвы, веселія, утѣшенія и всякаго благополучія, якоже Еллинны Бахуса; сему жертвы приношаху хотащии женитися, дабы его помощію бракъ добрый и любовный былъ, сего *Ладона*, бѣса, по нѣкакихъ странахъ, и донынѣ на крестинахъ и на брацѣхъ величаютъ, поюще своя нѣкія пѣсни, и руками о руки или о столъ плещуще—*Лудо, Лудо*, прешлетаютъ пѣсни своя, многожды поминаютъ. 5, *Купало*, якоже мню, бѣше богъ обилія, якоже у Елинъ Цересь (*Церера*), ему же безумныи за обиліе благодареніе приношаху въ то время, егда кнѣженастати жатва. Сему Купалу, бѣсу, еще и доннынѣ по нѣкоихъ странахъ безумныи память совершають, начевше іюня 23 дня, въ навечеріе рождества Іоанна Предтечи, даже до жатвы и далѣй, сицевымъ образомъ: съ вечера собираются простая чадь, обоего полу, и соплетають себѣ вѣнцы изъ ядомого зелія (*травы*), или коренія, и препоясавшеся быліемъ возгнѣтають огонь, индѣ же поставляютъ зеленую вѣтвь, и емшеся за руцѣ около обращаются окрестъ оногю огня, поюще своя пѣсни, прешлетаютъ Купаломъ; потомъ чрезъ оный огонь прескакають, оному бѣсу жертву себѣ приносяще. 6, *Коляда*, ему же празд-

никъ прескверный быше деж. 24. Сего ради и нынѣ, аще и благодать Христовымъ Рождествомъ осія насъ и идолы погибоша, но единаче (однако) діаволь еще и доселѣ во безумныхъ память свою удържа: сему бѣсу въ память простая чадь слодятся въ навечеріе Рождества Христова, и поють пѣсни нѣкія, въ нихъ же аще и о Рождествѣ Христовомъ поминають, но боліе Коляду бѣса величаютъ. И негодѣ бысть безумнымъ людемъ сихъ боговъ: не довѣряху бо имъ, ниже смѣлаху положить на нихъ совершенную надежду, и въ лѣпноту не бысть бо на кого уповати; но имѣяху еще и болѣй боговъ, си есть: *Хорса, Дажбога, Стрибога, Семаргла, Мокоша*, иныи же кладяземъ, езеромъ, рощеніямъ жертвы приношаху. Отъ сихъ единому нѣкоему богу на жертву людей топяху, ему же и доннынѣ по нѣкомъ странахъ безумнымъ память творятъ: во день пресвѣтлаго Воскресенія Христова, собравшеса юни и играюще, вметають человекъ въ воду, и бываетъ иногда дѣйствомъ тыхъ боговъ, си есть бѣсовъ, яко вометаемымъ въ воду, или о древо, или о камень, въ водѣ разбиваются и умирають, или утопають; по иныхъ же странахъ не вкидають въ воду, но токмо водою обливають, но единаче тому же бѣсу жертву сотворяють.

(Пол. Собр. Лѣт. II, 256—257).

Этотъ отрывокъ заимствованъ изъ Густынской лѣтописи, которая такъ названа по монастырю, которому принадлежала рукопись. Эта лѣтопись составлена въ 1670 г. на основаніи польскихъ хроникъ Стрыйковскаго, Кромера и другихъ. Въ нее занесены позднѣйшіе взгляды и разныя не вѣроятныя рассказы о дивныхъ явленіяхъ. По всему этому Густынская лѣтопись болѣе другихъ нуждается въ строгой критикѣ.

Кромѣ указанныхъ памятниковъ, о языческихъ обычаяхъ и вѣрованіяхъ можно еще читать въ слѣд. статьяхъ этой хрестоматіи: въ *Церковн. Уставѣ* св. Владиміра преслѣдуются умычка и обычай красть сыръ про дѣвку; а въ *Уставѣ Ярославѣ*—внрища. *Лука Жидята* и *м-ть Іоаннѣ* (до 1089 г.)

вооружаются противъ скверноденія и срамословія; послѣдній говоритъ, что ядять удавленнику и не зарѣзанную мячь и кровь, не соблюдаютъ постовъ, живутъ безъ вѣчанія, имѣють по двѣ жены, вѣрять волхвамъ и чародѣямъ, приносятъ жертвы болотамъ и колодезямъ, ходятъ на игры и т. п. Въ *Вопросахъ Кирика* читаемъ о жертвоприношеніяхъ богамъ языческимъ, о приносахъ больныхъ дѣтей къ волхвамъ для излѣченія. *Хожд. Богородицы по мучкамъ* говоритъ о поклоненіи Хорсу и другимъ языч. богамъ. Въ поученіи *Кирилла Туровскаго* есть выраженіе, что не нарекутся уже богомъ стихіи, кончилось идолослуженіе и закаланія илдеицевъ бѣсамъ. Относительно жертвоприношенія водяному божеству, можно напомнить былинну о Садкѣ богатымъ и замѣтки въ Рус. Бесѣдѣ, какъ пчеловоды *топили первую рюл*, совершая жертву водяному на богатство дому и на удачный разводъ пчелы (1860, I, 4, 82. См. *Густынс. л. 257*). *М-ть Кирилль* (1274) вооружался противъ позоровъ бѣсовскихъ — свистанія, воплей, кулачной борьбы и убійства. Въ *словѣ о мѣтарствахъ* упоминается о игрищахъ, наузахъ, чародѣйствѣ, вѣрѣ во встрѣчу, въ птичій грай и ворожбу, сказываніи басенъ, игрѣ на музыкальныхъ инструментахъ. См. также *Вопросы І. Богослова* и *легенду о Февроніи Муромской*.

25. Идолице поганое.

Пріѣжалъ идблище поганое въ стольно-Кіевъ градъ.

Со грозою, со страхомъ со великимъ
 Ко тому ко князю ко Владиміру,
 И становился онъ на княженскій дворъ,
 Посылалъ посла ко князю Владиміру,
 Чтобы князь Владиміръ стольно-кіевскій
 Ладилъ бы онъ ему поединщика,
 Супротивъ его силушки супротивника...
 Тутъ Владиміръ князь ужаснулся,
 Приужаснулся, да и закручинился.
 Говорить Илья таковы слова:
 «Не кручинься, Владиміръ, не печалуйся:
 «На бою мнѣ-ка смерть не написана,
 «Поѣду я въ раздольице чисто поле
 И убью-то я идблища поганого.»
 Обуль Илья лапотники шелкъвые,
 Подсумокъ одѣлъ онъ черна бархата,
 На головушку надѣлъ шляпку земли грече-
 ской

И пошелъ онъ ко идолицу ко поганому.
 И сдѣлалъ онъ ошибочку не малую:
 Не взялъ съ собой палицы булатнія
 И не взялъ онъ съ собой сабли вострыя,
 Идеть-то дорожкой—пораздумался:
 «Хоть иду-то я къ идолицу поганому,
 «Ижели будетъ не пора мнѣ-ка, не времячко,
 «И съ чѣмъ мнѣ съ идолицемъ будетъ по-
 правиться?»

На ту пору на то времячко
 Идеть ему въ стрѣчу калчище Иванище,

Несетъ на рукахъ клюху девяноста пудъ.
 Говорилъ ему Илья таковы слова:
 -Ай же ты, каличище Иванище!
 -Уступи-тко мнѣ клюхи на времячко,—
 «Сходить мнѣ къ идолицу къ поганому?»
 Не дасть ему каличище Иванище,
 Не дасть ему клюхи своей багатырской.
 Говорилъ ему Илья таковы слова:
 -Ай же ты каличище Иванище!
 -Сдѣлаемъ мы бой рукошашечный:
 -Мнѣ на бою вѣдь смерть не написана,
 -Я тебя убью, мнѣ клюха и достанется.
 Разсердился каличище Иванище,
 Зыкнулъ эту клюху выше головы,
 Спустилъ онъ клюху во сыру землю,
 Пошелъ каличище—завбрыдалъ.
 Илья Муромецъ едва досталъ клюху изъ сы-
 рой земли.
 И пришелъ онъ во палату бѣлокаменну
 Ко этому идолицу поганому.
 Пришелъ къ нему и проздравствовалъ.
 Говорилъ ему идолице поганое:
 -Ай же ты калика переходяя!
 -Какъ великъ у васъ богатырь Илья Муромецъ?
 Говорилъ ему Илья таковы слова:
 -Толь великъ Илья, какъ и я,
 Говорилъ ему идолице поганое:
 -По многу ли Илья вашъ хлѣба ѣсть,
 -По многу ли Илья вашъ пива пьеть?
 Говорилъ Илья таковы слова:
 -По столько ѣсть Илья, какъ и я,
 -По столько пьеть Илья, какъ и я.
 Говорилъ ему идолице поганое:
 -Экой вашъ богатырь Илья:
 -Я вотъ по семи ведръ пива пью,
 -По семи пудъ хлѣба кушаю.
 Говорилъ ему Илья таковы слова:
 -У нашего Илья Муромца батюшка былъ
 крестьянинъ,
 -У него была корова ѣдучая:
 -Она много пила и ѣла, и лопнула.
 Это идолицу не слюбилося:
 Схватилъ свое кинжалище булатное
 И махнулъ онъ въ калику переходяю
 Со всея со силушки великия.
 И пристранился Илья Муромецъ въ сторонущ-
 ку маленьку,
 Пролетѣлъ его мимо-то булатнй пожь,
 Пролетѣлъ онъ на воиную сторону съ про-
 стѣночкомъ.
 У Илья Муромца разгорѣлось сердце бога-
 тырское,
 Схватилъ съ головушки шляпку земля греческой,
 И ляпнулъ онъ въ идолице поганое,
 И разсѣкъ онъ идолице на полы.

(Писки Рыбникова. I, 85—87).

26. Добрыня Никитичъ.

Доселѣла Рязань она селомъ слыла,
 А нынѣ Рязань слыветъ городомъ.
 А жилъ въ Рязани тутъ богатый гость,
 А гостя-то звали Никитою;
 Живучи-то Никита состарѣлся, переставилъ.
 После вѣку его долгаго
 Оставались житье—бытье, богатство,
 Осталась его матера жена
 Амелѣа Тимофеевна,
 Осталось чадо милое
 Добрынюшка Никитичъ младъ.
 А и будетъ Добрыня семи годовъ.
 Присадила его матушка грамотѣ учиться:
 А грамота Никитичу въ наукъ пошла.
 Присадила его матушка перомъ писать.
 А будетъ Добрынюшка въ 12 лѣтъ,
 Изволилъ Добрыня погулять молодець
 Со своею дружиною хороброю,
 Во тѣ жары во петровскіе;
 Просился Добрыня у матушки:
 -Пусти меня матушка купатися,
 Купатися на Израй-рѣку.
 Она вдова многоразумная,
 Добрынѣ матушка наказывала,
 Тихонько ему благословенье дасть:
 -Гой еси ты, чадо милое,
 А и Добрыня Никитичъ младъ!
 Пойдешь ты Добрыня на Израй-рѣку,
 На Израй-рѣкѣ станешь купатися,—
 Израй рѣка она быстрая (1),
 А быстрая она сердятая:
 Не плавай, Добрыня, за первую струю,
 Не плавай ты, Никитичъ, за другу струю.
 Добрыня-то матушки не слушался:
 Надѣлъ на себя шляпу земля греческой,
 Надъ собой онъ невзгоды не вѣдаетъ,
 Пришелъ онъ на Израй на рѣку,
 Говорилъ онъ дружинишкѣ хоробря:
 -А и гой еси вы, молодцы удалые!
 Не мнѣ вода грѣть, не тѣшити ее (2).
 А всѣ молодцы разболокались (3).
 И тутъ Добрыня Никитичъ младъ.
 Никто молодцы не смѣеть, никто нейдетъ,—
 А Добрынюшка Никитичъ младъ,
 Черекрестясь въ Израй-рѣку пошелъ.

(1) Въ другихъ спискахъ рѣка называется или *Сабаты-рѣкой* или *Пучай-рѣкой*, и все это мѣсто читается такъ:

Добрынюшкѣ матушка говорила:
 -Что молодъ началъ ѣздить во чисто поле,
 На тую гору Сорочинскую,
 Топтать-то молодыхъ зміенышей,
 Выручать-то полоновъ русскіихъ.
 Не купилъ, Добрыня, во Пучай-рѣкѣ,
 Пучай-рѣка есть свирѣпая:
 Середня струйка, какъ огонь, сѣчетъ.
 (2) Т. е. не мнѣ первому идти въ воду.
 (3) Разблалались, раздѣвались.

А поплыль Добрынюшка за перву струю:
 А двѣ-то струи самъ перешлыль,
 А третья струя подхватила молодца,
 Унесла во пещеры бѣлокаменны;
 Ни отколь взялся тутъ лютый звѣрь,
 Налетѣль на Добрынюшку Никитича,
 А самъ-то говоритъ Горынчице,
 А самъ онъ змѣй приговариваетъ:
 «А стары люди пророчили,
 Что быть змѣю убитому
 Отъ молодца Добрыни Никитича,
 А нынѣ Добрыня у меня самъ въ рукахъ.»
 Взмолилася Добрыня Никитичъ младъ:
 «А и гой еси, змѣице Горынчице!
 Не честь хвала молодецкая—
 На нагое тѣло напущаешься!»
 И тутъ змѣй Горынчице
 Мимо его пролетѣль.
 А стали его ноги рѣзвыя,
 А молода Добрынюшка Никитьевича,
 А гребится онъ ко желту песку,
 А выбѣжалъ добрый молодець,
 Нагребъ онъ шляпу песку желтаго;
 Налетѣль на его змѣй Горынчице,
 Хочетъ Добрыню огнемъ спалить,
 Огнемъ спалить, хоботомъ ушибить:
 На то-то Добрынюшка не робокъ былъ,
 Бросаетъ шляпу земли греческой
 Со тѣми пески жолтыми
 Ко лютому змѣю Горынчицу:
 Глаза запыришилъ и два хобота ушибъ.
 Упалъ змѣй Горынчице
 Во ту во матушку во Израй-рѣку...
 Когда ли змѣй исправляется!
 Въ то время и во тотъ же часъ
 Схваталъ Добрыня дубину, тутъ убилъ до
 смерти,

А вытасилъ змѣя на берегъ,
 Его повѣсилъ на осину на согнутую;
 «Сушился ты, змѣй Горынчице,
 На той-то осинѣ на согнутой!»
 А и поплыль Добрынюшка
 По славной матушкѣ по Израй-рѣкѣ,
 А запыль въ пещеры бѣлокаменны,
 Гдѣ жилъ змѣй Горынчице,
 Засталъ въ гнѣздѣ его малыхъ дѣтущекъ,
 А всѣхъ прибилъ, пополамъ перервалъ;
 Нашелъ въ пещарахъ бѣлокаменныхъ
 У лютаго змѣица Горынчица
 Нашелъ онъ много злата серебра,
 Нашелъ онъ въ палатахъ у змѣица
 Свою онъ любимую тетушку,
 Тоя-то Марью Дивовну,—
 Выводить изъ пещеры бѣлокаменны,
 И собралъ злата—серебра,
 Пошелъ къ матушкѣ родимыя своей:
 А матушка дома не годилася⁽¹⁾,
 Сидитъ у князя Владиміра;
 Пришелъ—де онъ во хоромы свои,
 И спрягалъ онъ свою тетушку,

(1) Не случилася, отъ сл. *юдѣ*, время.

И пошелъ ко князю явиться.
 Владиміръ князь запечалился,
 Сидитъ онъ, ничего свѣту не видѣть.
 Пришелъ Добрынюшка
 Къ великому князю Владиміру,
 Онъ Спасову образу молится,
 Владиміру князю поклоняется.
 Спрыгалъ Владиміръ на рѣзвыя ноги,
 Хватя Добрынюшку Никитича,
 Цѣловалъ его во уста сахарныя;
 Бросилася его матушка родимая,
 Схватала Добрыню за бѣлы руки,
 Цѣловала его во уста сахарныя,—
 И тутъ съ Добрынею разговоръ пошелъ,
 А стали у Добрыни выспрашивать:
 А гдѣ побывалъ, гдѣ ночевалъ?
 Говорить Добрыня таково слово:
 «Ты гой еси, мой сударь дякуюшка⁽¹⁾,
 Князь Владиміръ солнце кievско!
 А былъ я въ пещерахъ бѣлокаменныхъ,
 У лютаго змѣица Горынчица,
 А всю породу змѣиную я убилъ
 И дѣтей всѣхъ погубилъ,
 Родимую тетушку повыручилъ.»
 А скоро послы побѣжали по ея,
 Ведуть родимую его тетушку,
 Повели ко князю во свѣтлу гридню.
 Владиміръ князь свѣтелъ, радошенъ,—
 Пошла-то у нихъ пиръ-радость великая,
 А для ради Добрынюшки Никитича,
 А для другой сестрицы родимыя—Марьи Дивовны.

(Древ. рос. стих. 345—354).

Въ формѣ уродливыхъ великановъ и животныхъ Русскіе представляли не рѣдко враждебные народы (Очерки Буслаева. II, 27).

Былевой богатырскій кругъ распадается у насъ на двѣ рѣзко-различающіяся между собою ступени. Къ первой принадлежатъ богатыри—старшіе. Они еще очень походятъ на существа сверхъестественныя; нѣкоторые изъ нихъ надълены, между прочимъ, способностію обращаться въ животныя (оборотни); силы этихъ богатырей до того чрезмѣрны, что не рѣдко становятся имъ самимъ въ тягость. Эти богатыри (первоначально боги), соотвѣтственно греческимъ титанамъ, отличаются силами исполинскими и часто разрушительными. Вторую ступень занимаютъ такіе богатыри, которые уже ближе къ людямъ и не мѣняютъ никогда человѣческаго обрза; силы еще и у нихъ громадны, но уже въ меньшей степени, и служатъ имъ въ прокъ, употребляются ими по большей части съ благою человѣческою цѣлью. Это—богатыри младшіе; собственно они-то, по народному вѣрованью, и жили во времена Владиміра, и въ пѣсняхъ объ-нихъ уже постоянно является и онъ самъ.

(1) Добрыня былъ дядей Владиміра, а не на оборотъ.

Такимъ образомъ въ богатырскій изъ круивъ входитъ уже непремьнымъ членомъ лицо историческое и тутъ, какъ и вездѣ въ народной поэзіи, одна ступень развитія не разграничивается рѣзко съ другою, а онъ заходятъ одна въ другую, какъ звенья въ цѣпи.

Богатыри постоянно представляются въ борьбѣ съ разными немирными существами. Борьба—ихъ доля; имому и не хочется, да надобно—не переводятся въ конецъ злыхъ чудища, Соловьи-разбойники, да Тугарины Змиевичи, жи зучиони, онаянные, и налетаютъ бѣдою на Русскую землю. Чудища эти, сперва имѣвшія мифическое значеніе, впоследствии стали обозначать и враговъ Русь: Добрыня выводитъ изъ пещеры змѣя Горыныча полону русскіе. Налетали на землю Русскую по Печеныи, по Половцы: богатыри были необходимы и борьба неизбежна. Такъ мѣвъ съ теченіемъ времени затемнялся все болѣе и болѣе очеловѣчивался; самыя чудища, получая значеніе историческихъ враговъ Русской земли, какъ бы вступали въ человѣческой круивъ, иной же разъ замѣнялись прямо человѣческими образами разбойниковъ, воинской силы и т. п. Съ принятіемъ христіанства завязалась борьба ея съ язычествомъ,—и эту борьбу не упустила изъ виду былина объ идолищѣ поганомъ. Этими именемъ, придуманнымъ, очевидно, уже въ христіанскія времена, для презрительнаго обозначенія имъ враждебнаго языческаго начала,—этими именемъ только прикрывается древнѣйшее, мифически чудовищное значеніе этою существа, въ сущности тождественное съ Соловьемъ-разбойникомъ и т. п. Это та же первоначально физическая темная сила, которая напала на ясное солнышко, и только позже стала, въ качествѣ собирательнаго лица съ бытовымъ значеніемъ, нападать на солнце Русской земли—св. Владимира. Такимъ образомъ борьба богатырей въ былинахъ вѣдетъ и съ внешними врагами и съ внутренними—язычниками и разбойниками, которые при Владимирѣ были одно и то же: не желая новыхъ христіанскихъ порядковъ, становились открытыми врагами государственными—разбойниками. Но особенно замѣчательны дѣянія былинны, когда Илья Муромецъ спасаетъ отъ идолища не Русскую землю, а Царьградъ, средоточіе православнаго христіанства (Опытъ историч. обзор. рус. словесн. О. Ѳ. Миллера. Спб. 1866. стр. 203—228).

См. Русскій богатырскій эпосъ. Ѳ. Ив. Булава. Рус. Вѣстн. 1862 г. № 3. 9. 10.

27. а, Намекъ на мертвеннопріименіе.

Уродилаеъ Коляда
На канунѣ Рождества

За рѣкою за быстрою.
Въ тѣхъ мѣсгахъ огни горятъ,
Огни горятъ великіе ⁽¹⁾,
Вокругъ огней скамьи стоятъ,
Скамьи стоятъ дубовыя,
На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,
Добры молодцы, красны дѣвцы,
Поютъ пѣсни каледушки,
Въ серединѣ ихъ старикъ сидитъ,
Онъ точитъ свой булатный ножъ,
Котель кипитъ горячій,
Возлѣ котла козелъ стоитъ:
Хотятъ козла зарѣзати.

б, Изъ стиха о страшномъ судѣ.

Вступилась расплакалась
Матушка сыра земля
Передъ Господомъ Богомъ:
«Тяжелъ то мнѣ, тяжелъ, Господи, вольный
свѣтъ;
Тяжелъ много грѣшниковъ, боги беззаконни-
ковъ.»
Речетъ же самъ Господь сырой землѣ:
—Потерпи же ты, матушка сыра земля!
Не придутъ ли рабы грѣшники
Къ самому Богу съ чистымъ покаяніемъ?
Ежели придутъ, прибавлю я имъ свѣту воль-
наго,
Царство небесное.
Ежели не придутъ ко мнѣ къ Богу,
Убавлю я имъ свѣту вольнаго,
Прибавлю я имъ муки вѣчныя ⁽²⁾.

(Ист. р. слов. С. Шевырева. I, стр. 245)

28. Стихъ о воинкой грѣшницѣ.

По морю по синему, по Хвалынскому
Тутъ шли, пробѣгали черезъ корабли,
Во этихъ корабляхъ св. ангели сидятъ;
На срѣчу имъ самъ Іисусъ Христосъ;
Самъ небесный царь.
Сталь онъ въ ангелахъ выпрашивать и вы-
спытывать:
«Св. ангели, архангели,
Гдѣ вы хаживали, гдѣ вы гуливали?»
—Самъ Іисусъ Христосъ, самъ небесный царь!

⁽¹⁾ Доселѣ въ тамбовс. губ. по селамъ въ ночь на Рождество и преимущественно во время утрени на многихъ дворахъ сгребаютъ въ кучи навозъ и соломѣ и зажигаютъ ихъ. Это называется—пурьми жечь.

⁽²⁾ Обратитъ вниманіе на олицетвореніе земли.

Мы хаживали на вольномъ на свѣту,
 Много слышали, много видѣли,
 Какъ душа съ бѣлымъ тѣломъ разставалася.
 Разставши душа, сама прочь пошла
 И отошедши душа, взворотилася,
 Со своимъ съ бѣломъ тѣломъ попростилася:
 Ты прости тѣло бѣлое мое,
 Ты пойдешь, тѣло, во сыру землю,
 Червамъ тѣло на источеніе,
 Вы кости земли на преданіе,
 А я, душа, къ самому Христу на спокоеаніе.—
 На стрѣчу души самъ Исусъ Христосъ:
 Почему же ты, душа, грѣхи угадываешь?
 Потому я, душа, грѣхи угадываю,
 Что я жила на вольномъ на свѣту,
 —Середы и пятницы не пащивалась,
 Великого гоненія не гавливалась,
 —Заутрени, вечерни просыпывала я,
 Въ воскресный день обѣдни прогуливала,
 —Въ полюшкахъ душа много хаживала,
 Не по праведну землю раздѣливала:
 Я межку черезъ межу перекладывала,
 Съ чужой нивы земли украдывала.
 Во этихъ грѣхахъ Богу не каялась,
 И отцу духовному не сказывала⁽¹⁾,
 Безкорыстный грѣхъ себѣ получивала.
 —Вице душа Богу согрѣшила:
 Не по праведну покосы я раздѣливала,
 Вѣшку за вѣшку позатаривала,
 Чужую полосу позакашивала:
 —Еще душа Богу согрѣшила:
 Въ соломахъ я заломы заламывала,
 Со всякаго хлѣба споръ отнимывала⁽²⁾.
 —Еще душа Богу согрѣшила:
 Я въ поляхъ душа много хаживала,
 Проворы⁽³⁾ въ поляхъ пораскладывала,
 Скотину въ поле понаущивала,
 Сусѣдній хлѣбъ повыстраивала,

(1) Эти два стиха повторяются послѣ описанія
 каждаго грѣха!

(2) *Заломомъ* называется особый видъ колдов-
 ства: связываютъ на корню узломъ рожь или на чью-
 нибудь голову, или чтобы вынуть спорышью изъ
 хлѣба. Точно также крадутъ землю съ чужой ни-
 вы для этой послѣдней цѣли: стихъ упоминаетъ
 объ этой ворожбѣ выше.

(3) Отъ сл. *воръ, ворокъ*—загородки изъ жердей.

(4) Это дѣлаютъ, по суевѣрному взгляду, чтобы
 корова не давала молока, или чтобы молоко испорти-
 лось у ней. Вѣсто корня употребляютъ оспивый
 сучокъ; а въ одномъ стихѣ такимъ образомъ гово-
 рится объ этой порчѣ:

Четвертая душа согрѣшила—
 Въ чистомъ полѣ корову заклякала,
 У коровки молочко отымала,
 Во сыру землю выливала,
 Горькую осину забивала,
 Горькую осину засушила.

Калѣки, вып. 6 стр. 165.

Я добрыхъ людей оголаживала.
 —Еще душа Богу согрѣшила:
 Смалешеньку дитя своего проклинывала,
 Во бѣлыхъ во грудяхъ его я засыпывала,
 Въ утробы младенца запорчивала.
 —Еще душа Богу согрѣшила:
 Мужа съ женой я поразваживала,
 Золотые вѣнцы поразлучивала.
 —По улицамъ душа много хаживала,
 По подокошью душа много слушивала,
 Хоть не слышала, скажу—слышала,
 Хоть не видѣла, скажу—видѣла.
 —По свадьбамъ душа много хаживала,
 Свадьбы звѣрми оборачивала.
 —По игрищамъ душа много хаживала,
 Подъ всякія игры много плясывала,
 Самаго сатану воспотѣшивала;
 Въ этихъ во грѣхахъ Богу не каялась.
 Напила душа зеленого вина,
 Отъ зеленого вина душа пьяна была;
 Померла эта душа безъ покаянья,
 Безъ того ли безъ прѣна, безъ духовнаго.
 Провалилася душа въ пресподій адъ,
 Вѣкъ мучиться душѣ и не отлучиться
 За свое великое согрѣшеніе,
 За свое великое беззаконіе.

(Сборн. Якушкина 39—44 Сборникъ Ва-
 ренцова 144—148).

*Въ этомъ духовномъ стихѣ душа грѣшила
 кается въ чародѣйской силѣ, которая, разу-
 мѣется, существовала только въ воображеніи
 народа. Вообще по характеру самыхъ грѣховъ
 можно заключать, что стихъ этотъ сложился
 у насъ въ первые вѣка по принятіи хри-
 стианства. Плаваніе ангеловъ здѣсь сохрани-
 лось, по всей вѣроятности, отъ старинны мн-
 ошеской и они явились въ христіанствѣ и за-
 мѣнили какихъ—нибудь языческихъ перевозчи-
 ковъ душъ черезъ море, подобныхъ греческому
 Харону. Самые грѣхи суть ни больше, ни
 меньше, какъ обряды языческіе, которые про-
 должали совершать и въ христіанствѣ подъ
 именемъ колдовства и чародѣйства.*

29. Объ историческомъ значеніи русскихъ пѣсней.

Устная словесность, которою не обдѣ-
 лень рѣшительно ни одинъ народъ, у на-
 родовъ, отличающихся своей развитостью,
 волинь историческихъ, является важною
 потому, что въ ней замѣчаются корни
 всего ихъ дальнѣйшаго нравственнаго раз-
 витія. Уже до появленія первыхъ при-
 знаковъ письменности, устная словесность
 успѣваетъ прожить не одинъ весьма дол-

гій періодъ.. Устная поэзія неподвижна только въ сравненіи съ тою быстротою движенія, какою отлчается вполне развитая литература. Вслѣдствіе такой быстроты, идеи и идеалы, увлекавшіе одно поколѣніе, могутъ уже оставлять равнодушными людей поколѣнія слѣдующаго. При такой быстротѣ періоды такъ и сѣнаютъ другъ друга; они срокомъ своимъ коротки, и въ тоже самое время обширны по содержанію. Напротивъ того, при той незначительной, едва замѣтной степени подвижности, какая однако же ощущается и въ устной словесности, періоды делятся цѣлыми вѣками, и въ тоже самое время содержаніе ихъ весьма ограничено. Тѣмъ не менѣе цѣлые періоды и словесностью устною—не столько *переживаютъ*, сколько такъ сказать *проживаютъ*. Другими словами: старое изъ устной словесности вполне никогда не уходитъ, хотя это и не мѣшаетъ малю по малу входить въ нее новому.

При такой, такъ сказать, *живучести старины* въ народной словесности, въ ней до сихъ поръ удѣлялы остатки даже самой отдаленной поры *миѳической*. Удѣлявъ подъ позднѣйшею христіанскою оболочкою, они могутъ быть выдвинуты изъ подъ нея, соединены, сопоставлены, и изъ нихъ можетъ снова сложиться передъ нами нѣчто цѣлое...

Первою по времени формою народной поэзіи является пѣсня *миѳическо-обрядовая*. Только позже отдѣляется отъ обряда миѳическое повѣствованіе, и возникаютъ различные виды уже собственно *эпоса*—сказка, загадка и т. п. Первоначально же смутные зародыши и лирики, и эпоса, и драмы сливались въ служеніи одной цѣли—спасительно-дѣйствующему *обряду*. Тутъ именно была опредѣленная цѣль, и цѣль еще практическая, житейская. Человѣкъ признавалъ себя совершенно зависящимъ отъ явленій природы;—нужно было подумать о томъ,

чтобы исходъ ихъ постоянно былъ благопріятенъ для человѣка. Дѣло въ томъ, что въ этихъ явленіяхъ видѣлъ человѣкъ настоящія *дѣйствія*, въ этихъ дѣйствіяхъ—*настоящія живыя силы*, или лучше сказать, *существа*...

Съ сознаніемъ торжествующей, перевѣшивающей силы свѣта явилось и благоговѣніе передъ нею, и теплая къ ней благодарность—за то, что лавала она человѣку. Только съ этихъ поръ могло явиться понятіе о благоволеніи божествъ къ людямъ, о тѣсной пріязненной связи между небеснымъ и человѣческимъ міромъ. Только съ этихъ поръ въ *миѳологии* зарождалась и *религія*, которая именно и основывается на такой связи. Только съ этихъ поръ прежнее обращеніе чувствъ къ свѣтлымъ силамъ становится *молитвеннымъ* обращеніемъ къ нимъ, изъ прежняго соединенія пѣсенъ съ обрядами возникаетъ *богослуженіе*.

Относясь къ благоварнымъ явленіямъ свѣта, возвеличивая ихъ торжество надъ силами тьмы, оно особенное значеніе должно было получать въ извѣстные сроки, когда яснѣе сказывалось и послѣдовательно возрастало это торжество. Каждому новому усилію въ годичной борьбѣ свѣта съ непріязненною тьмою долженъ былъ посвятиться особенный праздникъ, а всѣ они вмѣстѣ составили цѣлый годичный праздничный кругъ, съ особыми пѣснями и обрядами для каждаго составнаго его звена. Вотъ изъ этихъ—то праздничныхъ пѣсенъ и дошли до насъ нѣкоторыя, до сихъ поръ воспѣваемые народомъ, только относимыя уже къ праздникамъ христіанскимъ, по времени ихъ справленія, соотвѣствующимъ прежнимъ языческимъ празднествамъ.

Началомъ праздничнаго языческаго года можно считать время, непосредственно слѣдовавшее за зимнимъ солнцеворотомъ, т. е. то, когда, послѣ рѣшительнаго преобладанія *ночи*, снова начинается *вѣ-*

бывать *день*. Какъ ни незначительно еще пребываніе свѣта въ концѣ декабря, въ это время праздновали уже возвращеніе свѣтлыхъ явленій желаннаго лѣта, и вотъ языческій праздникъ *рожденія свѣта физическаго* и замѣтился впоследствии *духовнымъ* праздникомъ *христіанскаго Рождества*....

Названіе, придаваемое пѣснямъ, распѣваемымъ о Рождествѣ—*колядки*; въ самыхъ же пѣсняхъ упоминается не рѣдко *Коляда*, какъ бы имя собственное. Въ прежнее время видѣли въ немъ *особое божество*, не смотря на то, что такое имя не встрѣчается въ числѣ Владиміровыхъ боговъ у Нестора, а упоминается только у Дмитрія Ростовскаго въ позднѣйшемъ четѣ—минейномъ житіи Владиміра (Снегирева • Рус. простонародн. праздн. и обряды • II, 28. Сравни Napus, Bajeslowny Kalendarz Słowanski 49). По смыслу колядскихъ пѣсень выходитъ, что *Коляда* (отъ сл. *коло*—символъ солнца)—это было имя свѣтлаго солнечнаго божества, т. е. одно изъ множества его именъ, соответствовавшего множеству его образовъ... Въ одной великорусской пѣснѣ небесныя свѣтла уподобляются: мѣсяцъ—хозяйну, солнце—хозяйкѣ, частыя звѣзды—дѣтямъ ихъ. Это примѣненіе, конечно, явилось позже, а первоначально мѣсяцъ, солнце и звѣзды были тутъ сами по себѣ, какъ совершенно самостоятельная *семья небесная*... Это рѣшительно подтверждается сходными пѣснями изъ другихъ краевъ. Такъ въ одной карпато-русиинской не хозяйшкѣ, хозяйну и ихъ дѣтямъ уподобляются свѣтлыя явленія неба, а *Богу, Сыну божьему и божьимъ дѣтямъ*...

На служеніе богу—громовнику (во время святокъ или колядокъ) указываетъ пѣсня, въ которой описывается принесеніе въ жертву козла. Что тутъ именно принесеніе жертвы—это ясно уже изъ са-

мага мѣста дѣйствія—за быстрой рѣкой въ дремучихъ лѣсахъ: у Славянъ, за немѣннѣемъ храмовъ, мѣстами богослуженія служили лѣса и берега рѣкъ, почитавшіеся обиталищами божествъ и проч...

Такимъ образомъ праздникъ Коляды былъ праздникомъ возвращенія всѣхъ вообще явленій, господствующихъ въ лѣтнюю пору, т. е. праздникомъ вообще *поворота на лѣто*...

Канунъ нашего теперешняго новаго года ознаменовывается своими особыми пѣснями, въ которыхъ воспѣвается какой—то добрый молодецъ *Овсень* (Ясень). Его, какъ и Коляду, приходится считать однимъ изъ множества образовъ солнечнаго божества. Самое имя его заключаетъ въ себѣ понятіе о *ясности*, этомъ основномъ свойствѣ солнца... Васильевымъ этотъ вечеръ называется уже отъ христіанскаго празднованія въ день новаго года памяти св. Василія Великаго. Въ малороссійской пѣснѣ, относящейся къ этому вечеру, на Василія ходитъ *Илья*;—христіанскимъ же именемъ замѣнился въ народныхъ преданіяхъ языческій богъ громовникъ, что произошло вслѣдствіе представленія себѣ этого бога раскатывающимся по небу въ колесницѣ, которой народъ и уподобилъ огненную колесницу *Ильи пророка*. Въ нашей пѣснѣ такимъ образомъ ходящимъ на Васильевъ день первоначально являлся *Перунъ*, слѣдствіемъ же его появленія становится въ пѣснѣ зарожденіе пшеницы и всякаго хлѣба. Мальчики, ходящіе съ такими пѣснями по домамъ, посыпаютъ при этомъ изъ рукава различными зёрнами, что соблюдается до сихъ поръ у различныхъ Славянъ....

Къ красному солнцу имѣлъ отношеніе народный праздникъ, справляемый въ Оумино воскресенье и на возвышенностяхъ, отчего праздникъ—и называется *Красной горкой*. Съ этого дня начинается рядъ хороводовъ и продолжается до конца іюня. Самое наименованіе *хоровода* можно свя-

зывать съ *Хорсомъ*—однимъ изъ названий солнечнаго божества (1).

Съ хороводами соединяется множество пѣсенъ, относящихся большею частію уже къ позднѣйшему времени и являющихся предметомъ любви или различныхъ отношеній семейной жизни. Но между этими пѣснями попадаетъ въ различныхъ вариантахъ одна, въ которой повѣствуется о какомъ—то *свѣтломъ* князѣ, ищущемъ своей *свѣтлой* княгини. Чтобы добыть ее, онъ сѣчетъ и рубитъ своимъ мечемъ ворота,—черта уже рѣшительно выходящая за предѣлы обычнаго народнаго быта. Такого рода воинственное добываніе невѣсты очень часто попадаетъ въ сказкахъ, и тамъ оно объясняется мифически. Между тѣмъ нашей пѣснью, которой содержаніе при томъ и разыгрывается, соответствуетъ у Сербовъ, Чеховъ и Мораванъ такъ называемое *хожденіе краля и кралицы*. Въ нашей свѣтломъ князѣ, сербскомъ кралѣ слѣдуетъ видѣть или бога—громовника, разсѣкающаго облака и выводящаго изъ—за нихъ дѣву—солнце; или же солнечнаго молодца, пробивающаго своими лучами зимній покровъ земли, отворяющаго себѣ входъ къ ней, и вступающаго въ бракъ съ освобожденною имъ землею.

Съ наступленіемъ весенняго времени желанными становятся плодотворно дѣйствующіе на землю дожди. Весной его усиленно призываютъ—въ настоящее время уже только дѣти, общающія выставить ему на дубокъ горшокъ борщу, въ чемъ сохранился, какъ надобно думать, намекъ на приносившуюся дождю жертву...

Но вотъ наступаетъ *Егорьевъ день*, о которомъ говоритъ чешская пѣсня, какъ о настоящемъ вѣнцѣ весенняго празднованія. Въ русскихъ пѣсняхъ Егорій вели-

Архивъ Колачова 4, 32. Ж. Мил. Н. Просв. 1841, Февр. 1846. Июль. Чт. Общ. Ист. 1846 № 2.

чается *Храбрымъ*,—чѣмъ указывается на побѣду его надъ змѣемъ и спасеніе отъ него царевны. Подвигъ этотъ существуетъ въ мифологіи всѣхъ народовъ, и то обстоятельство, что его приписали почти всюду св. Георгію, прямо указываетъ на замѣну этимъ послѣднимъ древняго языческаго божества,—какаго именно, солнечнаго или громоваго, этого навѣрное рѣшить еще нельзя. И то, и другое божество представлялось благопріятствующимъ какъ скотоводству, такъ и земледѣлію; а такимъ представляется и Егорій въ величающихся его праздничныхъ пѣсняхъ. Отсюда и обычай въ Егорьевъ день выгонять стада въ поле. Въ Болгаріи при этомъ до сихъ поръ еще совершается какъ бы цѣлое жертвоприношеніе,—а именно съ торжественными обрядами закаляются *стариками* бараны, дѣвушки же подбираютъ траву, на которую льется ихъ кровь...

Съ приближеніемъ лѣта наступаютъ новые праздники, сопоставляемые въ великорусской пѣснѣ:

Первый праздникъ—Семякъ честной,
Другой праздникъ—Троицынъ день,
А третій праздникъ—Купальница.

Семякомъ завершается рядъ весеннихъ праздниковъ. Въ эту пору гѣда даже въ суровомъ климатѣ уже окончательно распускаются—по крайней мѣрѣ *березки*; обряды совершаются съ деревьями и цвѣтами. Въ пѣсняхъ, сопровождающихъ эти обряды, обращаются къ березамъ, какъ къ живымъ существамъ; упоминаются въ нихъ и небесныя существа, способствующія растительности, каковы *туча и грозь*, собирающіеся гулять виѣсть; упоминаются наконецъ два человѣкообразныя существа, молодецъ и дѣвица, которые уже не просто гуляютъ, а борются. Быть можетъ, это—только новые образы для тѣхъ же небесныхъ существъ, какъ можно судить по одной сербской пѣснѣ, въ которой *дьявица—молнія* борется съ

молодцемъ — громомъ и побѣждаетъ его (1).

Въ седмицкихъ пѣсняхъ мѣсы уже являются значительно затемненными; то же еще болѣе относится къ пѣснямъ, поющимъ на Троицу и на Петровъ день...

Праздникъ Ивана— Купалы установленъ въ честь солнечнаго существа; это доказывается многими обрядами Ивановой ночи, сходными у всѣхъ индо-европейскихъ народовъ. Между ними особенно замѣчательно скатываніе съ горы зажженнаго колеса. Если оно и вообще служило подобіемъ солнца, то тѣмъ болѣе это достигалось *горьніемъ* колеса... Съ первыми признаками умаленія дня народъ уже предвидитъ постепенное приближеніе зимы, и потому самыя пѣсни имѣютъ пагѣвъ унылый... Купальскія пѣсни отличаются темнотою и сходятся въ томъ, что въ нихъ указывается на что-то трагическое; имѣется еще рядъ зѣсень, столько же неясныхъ, но указывающихъ на брачныя отношенія....

Наступаетъ іюль съ его усиленными жарами, но и со свѣтомъ, все болѣе и болѣе убывающимъ, сулящимъ впереди— зиму. Самый жаръ этого времени,— жгучій, часто губительный жаръ, а уже не то благотворное, живительное тепло, которое *растворяетъ* и дѣлаетъ плодотворною землю. И тѣмъ теплѣе климатъ, тѣмъ скорѣе и самый жаръ судить уже впереди— желтый листъ, этотъ признакъ умиранья природы, провозвѣстникъ зимы. Понятно послѣ этого, почему живое воображеніе народа замѣчаетъ уже съ этой поры— поворотъ на зиму. По народному дневнику, 20 іюля уже первый *осенній праздникъ*. Но служба только переходомъ къ осени, онъ еще ознаменовывается лѣтнимъ явленіемъ— громомъ, долженствующимъ проявиться во всей своей си-

лѣ— какъ бы на прощаніе. Онъ, по народному вѣрованію, не можетъ не быть въ этотъ день;— потому что это былъ день, когда то посвященный Перуну, богу грома и молніи, въ настоящее время скрывающемуся подъ именемъ *Ильи-громовника*. Одинъ изъ величайшихъ народныхъ праздниковъ, Ильинъ день, при всемъ томъ уже не отличается какими—либо особыми пѣснями. Такія пѣсни слышатся за то въ августѣ, въ самомъ началѣ котораго, замѣчая уже быстрое убываніе дня, стерегутъ солнышко на закатѣ и обращаются къ нему съ мольбою подождать. Особыми пѣснями ознаменовывается жатва, начало и конецъ которой отличаются и обрядами особаго рода. Жатва, это собираніе даровъ благодатнаго лѣта, не могла не представляться дѣломъ священнымъ. И теперь еще въ Малороссіи мѣстами ее долженъ начинать священникъ, въ языческія же времена она, надо думать, начиналась старѣйшиною. Въ другихъ мѣстахъ зачищицею жатвы должна еще и теперь быть женщина, отличающаяся безукоризненностью своей жизни. Въ Малороссіи употребительно убираніе послѣдняго сжатого снопа въ сарафанъ и отнесеніе его на хозяйскій дворъ, гдѣ принимаютъ его съ почетомъ. При этомъ поются пѣсни, воспѣвающія хозяйина; первоначально же въ нихъ, повидимому, воспѣвалось какое—то свѣтлое божество.

Съ окончательнымъ наступленіемъ осени многое мѣняется въ народномъ быту. И трудъ, и веселье происходятъ уже не на вольномъ воздухѣ, а въ избѣ. И тутъ раздается пѣсня, никогда и нигдѣ не покидающая народа,— но это уже пѣсня съ позднѣйшимъ характеромъ, не носящая мифическо-обрядоваго характера. И въ промежутокъ времени отъ начала осени до Коляды имѣются свои праздники, но уже не имѣется собственно къ нимъ относящихся обрядовыхъ пѣсень, и мифическій смыслъ въ нихъ уже меньше замѣтенъ..

(1) Сербскія пѣсни Вука Караджича. 1. 451—452.

Что же касается до свадебных русских пѣсень, то въ нихъ находятся множество языческихъ воззрѣній. Въ этихъ пѣсняхъ свекоръ съ дѣтьми угождается свѣтлому мѣсяцу со звѣздами, свекровь же съ ея дочерьми—красному солнышку съ яркими его лучами. Если же припомнить мѣщанскія отношенія мѣсяца къ солнцу, какъ мужа къ женѣ, и мѣщанское значеніе звѣздъ, какъ дѣтей ихъ, то не трудно будетъ понять, что въ нашей пѣснѣ земная семья служитъ какъ бы отраженіемъ семьи небесной....

Уподобленіе брачныхъ отношеній между людьми брачному союзу между богами замѣтно и въ томъ, что въ одной болгарской свадебной пѣснѣ говорится объ огненномъ змѣѣ, уносящемъ свою вѣрную любовь; а въ немъ слѣдуетъ видѣть божество молніи, оплодотворяющее весеннюю землю—дѣву. Замѣчательно, что въ другой болгарской пѣснѣ говорится объ отправленіи юнака въ походъ на другой же день свадьбы, при чемъ онъ даетъ позволеніе своей молодой женѣ, ежели въ теченіе 10 лѣтъ она его не дожидается обратно, выбрать себѣ другаго мужа. Въ нашихъ народныхъ былинахъ тоже самое повѣствуется о Добрынѣ Никитичѣ; въ основѣ же этого сказанія заключается мифъ—о бракѣ и продолжительномъ удаленіи вслѣдъ за тѣмъ *свѣтлаго лѣтняго божества* ...

Отъ мысли о томъ, что земной, человѣческой бракъ есть только отраженіе брака божескаго, небеснаго, уже не далеко переходъ къ представленью себѣ боговъ первоначальными учредителями и дальнѣйшими покровителями и оберегателями неразрывности брака. А какъ на мѣщанскомъ языкѣ неразрывнымъ считается только то, что *выковано*, то и брачныя узы стали *коваться*,—но кому же было приписать это дѣло, какъ не тому же небесному ковачу, изначальному производителю молніи? Подобно *первому*

плугу, и *первый брачный вѣнецъ* былъ приписанъ его божественному искусству... И вотъ уже въ святочныхъ пѣсняхъ сопровождаются гаданья о суженомъ, обращаются къ кузнецу съ просьбою сковать золотой венецъ, а изъ остатковъ обручальный перстень и булавку для притыканья брачнаго покрывала. А что подъ этимъ кузнецомъ разумѣется именно ковачъ небесный, то это доказывается призываніемъ на свадьбу Кузьмы—Демьяна, этихъ христіанскихъ святыхъ, слившихся у народа какъ бы въ одно лицо, и лицо съ характеромъ именно ковача, только носящаго христіанскія имена, а по основѣ своей—мѣщанскаго. Наконецъ въ одной пѣснѣ приглашаютъ на свадьбу *боженьку* и просятъ его *сковать* свадьбу такъ, чтобы вѣтеръ не рязвѣялъ, ни дождикъ не размочилъ, ни солнце не засушило.

Всѣ эти мѣщанско-свадебныя пѣсни въ высшей степени важны. Если въ нихъ человѣческій бракъ является установленнымъ самими богами по образцу брачныхъ отношеній, существующихъ въ ихъ небесномъ мірѣ, то послѣ этого не трудно понять, что на самомъ дѣлѣ происходило скорѣе нечто совершенно обратное. Такъ какъ человекъ переносилъ вообще въ міръ боговъ все, совершившееся въ его собственномъ мірѣ, то и брачныя отношенія могли быть туда только *перенесены*,—а для этого надобно прежде всего, чтобы бракъ, какъ постоянный, священный союзъ, установился въ быту человека. Отсюда же слѣдуетъ заключить, что уже въ пору мѣщанскую (на высшей ступени развитія мифологіи), и отъ древнѣйшаго *умыканія*, и отъ немного позднѣйшей *купли* невесты былъ совершенъ переходъ къ добровольнымъ, основаннымъ на взаимности любви, отношеніямъ между женою и мужемъ.

(*Опытъ историч. обзоренія рус. словесности. О. Ф. Миллера. Спб.*)

1866. ч. 1, вып. I. стр. 21—61.
122—125).

Образчики пѣсенъ и сказокъ можно читать въ Христоматіи *О. Миллера*. Спб. 1866 г.

30. Сказка и мифъ.

До послѣдняго времени существовалъ нѣсколько странный взглядъ на народныя сказки... Въ основѣ сказочныхъ повѣствованій и въ ихъ чудесной обстановкѣ, видѣли праздную игру ума и произволъ фантазіи, увлекающейся за предѣлы вѣроятности и дѣйствительности. Сказка—складка, пѣсня — была, говорила старая пословица, стараясь провести рѣзкую границу между эпосомъ сказочнымъ и эпосомъ историческимъ. Извращая дѣйствительный смыслъ этой пословицы, принимали сказку за чистую ложь, за поэтическій обманъ, имѣющій единую цѣлью запясть свободный досугъ небывалыми и невозможными вымыслами. Несостоятельность такого воззрѣнія уже давно бросалась въ глаза. Трудно было объяснить, какимъ образомъ народъ, вымышляя фантастическія лица, ставя ихъ въ извѣстные положенія и надѣляя ихъ разными волшебными диковинками, могъ постоянно и до такой степени оставаться вѣренъ самому себѣ, и на всемъ протяженіи населенной имъ страны повторять одни и тѣже представленія. Еще удивительнѣе, что цѣлыя массы родственныхъ народовъ сохранили тождественныя сказанія, — сходство которыхъ, не смотря на устную передачу ихъ, въ теченіе многихъ вѣковъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію, несмотря на позднѣйшія примѣсы и на разнообразіе мѣстныхъ и историческихъ условій, обнаруживается не только въ главныхъ основахъ преданія, но и во всѣхъ подробностяхъ и въ самыхъ приемахъ. Что творится произволомъ ничѣмъ не сдержанной фантазіи, то не въ состояніи произ-

вести такого полнаго согласія и не могло бы уцѣлѣть въ такой свѣжести; творчество не остановилось бы на скучномъ, тождественномъ повтореніи однихъ и тѣхъ же чудесъ, а стало бы выдумывать новыя. Доказательствомъ служатъ всѣ искусственныя поддѣлки подъ народныя разсказы, поддѣлки въ которыхъ чудесное близко граничитъ съ нелѣпицей и бессмыслиемъ. И къ чему народъ сталъ бы беречь, какъ драгоценное наследіе старины, — то, въ чемъ самъ бы видѣлъ только вздорную забаву? Нѣтъ, сказка не пустая складка; въ ней, какъ и вообще во всѣхъ созданіяхъ цѣлаго народа, не могло быть и въ самомъ дѣлѣ нѣтъ ни нарочно-сочиненной лжи, ни намѣреннаго уклоненія отъ дѣйствительнаго міра. Точно также старинная пѣсня не всегда была; она большею частію только переноситъ сказочныя преданія на историческую почву, связываетъ ихъ съ извѣстными событіями народной жизни и прославившимися личностями, и чрезъ то вставляетъ стародавнее содержаніе въ новую рамку и придаетъ ему значеніе дѣйствительно-прожитой былинны. Сказка же чужда всего историческаго; у ней другая задача, другія цѣли. Предметомъ ея повѣствованій былъ ни человекъ, ни общественныя тревоги и подвиги, а разнообразныя явленія всей обоготворенной природы, и потому въ собственномъ смыслѣ она нисколько не выходитъ за предѣлы естественности, и если поражаетъ насъ своею невѣроятностью, то единственно потому, что мы утратили непосредственную связь съ древними преданіями и ихъ живое пониманіе.

Происхожденіе тѣхъ баснословныхъ представленій и образовъ, изъ которыхъ создались народныя сказки, тѣсно связано съ происхожденіемъ самаго языка и начальныхъ воззрѣній человека на природу. Первобытные языки, какъ убѣдительно доказано новѣйшими филологическими ра-

зысканіями, были исполнены метафоръ, и это условлялось самою сущностью человѣческаго слова. Въ эпоху своего созданія, слово являлось не техническимъ обозначеніемъ извѣстнаго понятія, а живописующимъ, нагляднымъ эпитетомъ, выражающимъ ту или другую особенность видимаго предмета и явленія, оно не въ состояніи было уловить всего объема передаваемого имъ понятія, а указывало на одну изъ болѣе рѣзкихъ, болѣе бросающихся въ глаза его сторонъ. Отсюда во 1, возникла потребность въ сопоставленіи многихъ словъ, выражающихъ различныя качества одного и того же предмета, чтобы такимъ образомъ яснѣе описать его съ различныхъ сторонъ; во 2, родилось неудержимое стремленіе сблизить видимые предметы и явленія по нѣкоторымъ сходнымъ ихъ признакамъ, давать имъ одинаковыя названія, и одно понятіе объяснять чрезъ посредство другаго. Если это и лишало первобытные языки строгой определенности, за то щедро надѣляло ихъ поэтическимъ колоритомъ. Всякій предметъ рисовался въ его наиболѣе характерныхъ свойствахъ или въ самомъ дѣйствіи — не какъ отвлеченная мысль, а какъ живой образъ. Такъ какъ весь интересъ младенческихъ народовъ сосредоточивался на матери-природѣ, отъ которой зависѣло все ихъ благосостояніе, то понятно, что она по преимуществу сдѣлалась предметомъ обожанія и наблюденій. Обоотворяя природу, признавая въ ней живое существо, человѣкъ всѣ свои первыя воззрѣнія на ея силы и явленія, или прямѣе — всѣ свои вѣрованія необходимо выразилъ въ поэтическихъ описаніяхъ, гдѣ большая часть представленій были чистыя метафоры; иначе онъ и не могъ выразиться. Словомъ, мифъ и поэзія были одно и тоже. Метафорическій языкъ, общедоступный вначалѣ, съ теченіемъ времени, при забвеніи кореннаго значенія словъ и при возникшемъ

стремленіи усвоить за каждымъ словомъ одно определенное понятіе, — становится *загадочнымъ*. До сихъ поръ поэты называютъ молодой мѣсяцъ золотымъ серпомъ, полную луну — ночною лампадою, солнце — всемірнымъ окомъ, озирающимъ съ высоты пространную землю; но всѣ эти выраженія намъ понятны и произносятся ихъ, мы нисколько не думаемъ, что они были извѣстны въ самую раннюю эпоху жизни человѣчества и породили множество мифическихъ сказаній, которыя непремѣнно покажутся намъ странными вымысломъ, если мы не обратимъ вниманія на источникъ ихъ происхожденія. А сколько такихъ метафоръ, которыя давнымъ-давно отжили свой вѣкъ, хотя порожденныя ими басни доселѣ живутъ въ памяти различныхъ народовъ. Если разоблачить всѣ метафорическіе образы, встрѣчающіеся въ народномъ эпосѣ, то все фантастическое, все загадочное въ немъ объяснится само собою; и надобно замѣтить, что въ послѣднее время, при тѣхъ громаднхъ успѣхахъ, какіе сдѣлала наука языкованія, ученые уже начинаютъ выступать на эту настоящую дорогу.

Съ такой точки зрѣнія обратимъ мы вниманіе на нѣкоторыя русскія сказки, и прежде всего остановимся на преданіи *объ окамененномъ царствѣ*.

Преданіе это составляетъ общее достояніе всѣхъ индо-европейскихъ народовъ. (См. Народ. рус. сказки, вып. V, № 40 и 42, вып. VII, № 2). Обыкновенно рассказывается, что прекрасная королева отъ укола веретеномъ или спиалькой засыпаетъ непробуднымъ сномъ, за нею засыпаютъ всѣ придворные, всѣ животныя и все царство какъ-будто окаменѣваетъ. Случайно наталкивается на замокъ король, видитъ спящую красавицу, цѣлуетъ ее — и она пробуждается, а за нею все царство. Король и королева обыкновенно вѣнчаются.

Во всѣхъ видоизмѣненіяхъ, сказка о спящемъ или окамененномъ царствѣ выражаетъ одну идею: зимній сонъ природы и ея весеннее пробужденіе, когда богиня земля вступаетъ въ бракъ съ юнымъ свѣтоноснымъ женихомъ — солнцемъ и начинаетъ свои рѣды. Зимній сонъ или зимняя смерть природы (миѳъ роднитъ эти понятія и называетъ Сонъ и Смерть братьями) уподобляется окаменѣнію, п. ч. скованная морозомъ земля твердѣетъ, какъ камень. Временное усыпленіе природы, по указанію народныхъ памятникѳвъ, происходитъ отъ губительнаго укола зимы; по русскому выраженію, зима на Николу съ *воздежъ* ходитъ. Воплощая естественныя явленія въ живые образы, греческій миѳъ эту гибель плодородныхъ силъ природы выразилъ въ сказаніи о красавцѣ Адонисѣ, который былъ сраженъ *зубомъ* или *клыкомъ* вепря (зооморфическое олицетвореніе зимы). Когда Адонисъ умеръ, Афродита умолила Зевса дозволить, чтобы онъ, оставаясь полгода въ подземномъ царствѣ тѣней, другую половину года проводилъ въ обителѣ свѣтлыхъ боговъ. Съ тѣхъ поръ Адонисъ попеременно переходитъ изъ объятій Венеры въ объятія подземной богини Прозерпины. Это—представленіе круговаго оборота, замѣчаемаго въ жизни природы, поэтическая картина ея цвѣтенія и увяданія. Зимній сонъ природы,—сонъ долгій и непремѣнно продолжающійся до извѣстнаго срока; отсюда понятно, по чему сильно-могучіе богатыри русскихъ сказокъ, вслѣдъ за необычайными подвигами, повергаются въ непробудный, такъ называемый богатырскій сонъ, который длится нѣсколько сутокъ, недѣль и мѣсяцевъ. Любопытно свидѣтельство одной сказки (вып. VIII, № 12), что какъ скоро добрый молодецъ впалъ въ такой сонъ, то на всѣхъ деревьяхъ стали увядать верхушки. Поэтическій языкъ доселѣ удерживаетъ метафору, по выраженію кото-

рой весеннее солнце *горячо лобзаетъ* землю и она, словно невѣста передъ вѣнцомъ, убирается въ яркую зелень и цвѣты...

Прекрасная царевна—солнце въ одной изъ русскихъ сказокъ является подъ именемъ *Марьи-Моревны* (дочь моря). Содержаніе сказки таково: прилетаютъ Соколы, Орелъ и Воронъ, сватаются за трехъ царевенъ и уносятъ ихъ въ свои далекія царства. Эти птицы олицетворяютъ въ своихъ образахъ естественныя явленія природы, неразлучныя съ лѣтними грозами; самый прилетъ ихъ сопровождается темными тучами, вихремъ и молніей. Бурное дыханіе вѣтровъ надревле уподоблялось птичьему полету, и миѳъ иначе не представляетъ вихри и вѣтры,—какъ существами крылатыми. Орелъ (носитель Зевсовыхъ громовъ) воздымаетъ бурю и съ помощію своихъ товарищей оживляетъ убитаго царевича: Воронъ приноситъ цѣлящей, а Соколъ живой воды (*дождь*). Въ другихъ сказкахъ, вмѣсто этихъ чудесныхъ птицъ, прямо выведены силы природы подъ собственными своими названіями: *Вѣтеръ*, *Градъ* или *Дождь* и *Громъ*, которые тоже женятся на трехъ царевнахъ—сестрахъ. Эти дѣвицы суть небесныя свѣтила: закрытіе блестящихъ звездъ, луны и солнца на языкѣ метафорическомъ называлось похищеніемъ красавицъ драконами, великанами, добрыми молодцами—Орломъ, Соколомъ и Ворономъ. Въ нѣкоторыхъ сказкахъ уносимыя вихремъ дѣвицы прямо называются *Луной* и *Звездой*.

Выдавъ своихъ сестеръ за Орла, Сокола и Ворона, царевичъ идетъ посмотрѣть на ихъ житье-бытье, и на пути женится на Марьѣ-Моревнѣ; но бракъ ихъ не продолжителенъ: Марью-Моревну уносятъ *Змѣй*, или по другимъ сказкамъ—*Кощей Безсмертный*. Змѣй или царь морской—дожденосная туча, помирающая солнечный свѣтъ; онъ виситъ въ

запертой комнатѣ на желѣзныхъ цѣпахъ, что означаетъ тучу, окованную зимнимъ холодомъ, и тогда только срывается, когда напьется вдоволь воды (*живая вода*). Согласно съ этимъ представленіемъ Змѣя въ зимнихъ оковахъ, ему дается названіе Кошца (отъ слова *кость, костенить*—застыть, цѣпнуть; *Баба-Яга* тоже *Костяная нога*).

Царевичу удалось увести изъ заключенія Марью-Моревну; но Змѣй нагоняетъ, отнимаетъ бѣглянку и запираетъ въ свой городъ или гору. Царевичъ рѣшается добыть коня сильнѣе и быстрѣе Змѣинаго, и за трудную службу у Бабы-Яги ему удается достигнуть своей цѣли. Онъ опять увозитъ Марью-Моревну. Змѣй бросается въ погоню, но богатырскій конь царевича убиваетъ его ударомъ своего копыта. Царевичъ есть самъ Перунъ, разбивающій тучи и чрезъ то выводящій солнце изъ за темныхъ Змѣиныхъ горъ; конь его соответствуетъ греческому Пегасу: какъ тотъ ударомъ копыта творилъ новые живые источники, такъ этотъ убиваетъ копытомъ Змѣя, т. е. уничтожаетъ тучу, заставляя ее пролиться обильнымъ дождемъ.

Добываніе *живой воды* составляетъ одинъ изъ любимѣйшихъ мотивовъ народнаго эпоса (вып. № 4 и 5). Старая вѣдьма Зима, представляемая въ сказкахъ злою мачихой⁽¹⁾, скрадываетъ съ неба дожди и губитъ плодородіе; сами Змѣи и Великаны, согласно усвоенному имъ демоническому характеру, представляются задерживающими дождевые ливни—до тѣхъ поръ, пока не будутъ побѣждены всео-

(1) Въ ркп. такъ описывается зима: «Зима подобна есть женѣ *мачель*, злѣ и неустроенѣ, не жалостливѣ и арѣи (ярой) и немилостивѣи; егда добра, и тогда знобитъ; егда илдуеть, но и тогда казнитъ, знобитъ и гладомъ моритъ и мучитъ грѣхъ рзда нашихъ. Сицева есть зима, сицева и мачела.— *Сборн. Соловец. библ. № 860, л. 27 об кончл.*

крушительнымъ оружіемъ Перуна. „Егда дождь идетъ, говоритъ апокрифъ, тогда дьяволъ станетъ предъ дождемъ — да не грядетъ на землю; того ради ангелъ господень гонитъ его. Громъ есть оружіе ангельское.“ (Пам. отреч. лит. Тихонравова II, 455). Драконы и Великаны охраняютъ живую воду и моложавыя яблочки, которыя даютъ крѣпость и здорovie старику и жизнь мертвому, — и богъ громовержецъ ведетъ постоянную борьбу съ этими демоническими существами, похитителями дождевой животворной влаги.

Быстрота полета бурной грозовой тучи заставила фантазію сблизить ее съ быстроногимъ конемъ, а проливаемые ею потоки съ дойною коровою; самый дождь на метафорическомъ языкѣ назывался молокомъ. Буря-богатырь, коровиный сынъ нашей сказки, есть собственно сынъ тучи, т. е. молнія или божество грома — славянскій Перунъ; понятно, что удары его должны быть неотразимы. Перунъ (Торъ) велъ постоянную борьбу съ великанами тучами и разбивалъ ихъ своею боевою палицею и штыкми стрѣлами; точно тоже свидѣтельствуетъ сказка объ Иванѣ—коровьемъ сынѣ, заставляя его побивать многоглавыхъ, сыплющихъ искры Змѣевъ. Чудовищные Змѣи, владѣтели *сильной воды* (дожда), и въ пылу битвы бросаются испить этого нектара, чтобы укрѣпить себя для новой схватки. Такъ появленіе сіяющаго солнца изъ-за темныхъ тучъ народный эпосъ представляетъ освобожденіемъ изъ-подъ власти чудовищныхъ Змѣевъ похищенной ими красавицы.

Дѣва—солнце, обезсиленная вѣдьмою Зимой и помраченная туманами или злыми Змѣемъ—тучею, утрачиваетъ на извѣстное время и свой блескъ и свою красоту, и въ этомъ смыслѣ подчиняется вліянію колдовства. *Заколдованная или очарованная* царица-красавица, царствомъ которой овладѣваетъ нечистая сила, тер-

еть свой ясный, блестящий цвѣтъ и дѣлается черною, а бѣлые кони, на которыхъ выѣзжаетъ ея колесница, превращаются въ вороныхъ. Но по шѣрѣ того, какъ приближается срокъ ея избавленія, чернота все болѣе и болѣе умалется: и царевна, и кони становятся бѣлыми — сначала до пояса, потомъ до колѣнъ, а наконецъ и совсѣмъ освобождаются отъ влiянiя нечистой силы.

Вѣчныя, нескончаемыя битвы Перуна съ тучами представлялись въ разнообразныхъ поэтическихъ образахъ, запечатлѣнныхъ глубочайшею древностью...

Солнце, удаляющееся на зиму, не всегда представляется въ сказкахъ царевною заколдованною или насильно-похищаемою злымъ демономъ. Цѣлый разрядъ сказокъ говоритъ объ-измѣнѣ красавицы — жены своему мужу-богатырю; она отдается другому враждебному королю, уходитъ съ нимъ въ далекое государство и уноситъ съ собою разныя диковинки, символы лѣтней природы; чтобы возвратить все это, покинутый мужъ долженъ бороться съ величайшими затрудненiями, но въ свое время онъ все-таки одолеваетъ ихъ и получаетъ обратно и жену и диковинныя вещи. Въ основѣ этого преданiя скрывается мысль о временномъ союзѣ красавицы-солнца съ лѣтнею природою, о переходѣ ея во власть враждебной зимы, когда она какъ бы измѣняетъ своему законному супругу и предается коварному обольстителю, и о восстановленiи съ новою весною прежняго благодатнаго брака...

Поэзія и мифологія найдеть въ сказочномъ эпосѣ прекрасныя и обильныя матеріалы. Вѣщiе звѣри, птицы, деревья и травы, разнообразныя превращенiя, волшебныя диковинки, змѣи, великаны и карлики—все это имѣетъ свое значеніе, свой смыслъ. Добрый молодецъ съ солнцемъ во лбу напоминаетъ Одина, а герой, у котораго по всему тѣлу часты звѣзды,— многоочитаго Аргуса; сказка о

Снѣгуркѣ родственна съ германскими представленiями о королѣ Снѣгѣ и его дочеряхъ; сказка о богатыряхъ безногомъ и слѣпомъ передаетъ тотъ же сюжетъ, который въ такихъ поэтическихъ краскахъ и въ такой суровой драматической обстановкѣ развитъ въ поэмѣ о Нибелунгахъ и проч...

(Изъ статьи: „Сказка и мифъ“
А. Аванасьева. Филолог. зап. изд.
Хованскимъ. 1864 г. Воронежъ.
Вып. I и II, стр. 1—68).

Къ этому нужно добавить, что сказка, какъ и всякое народное произведеніе, подвергалась влiянiю времени и мѣнѣе возрѣній. Такъ подъ влiянiемъ христіанства мифическія существа стали замѣняться лицами дѣйствительными, которымъ приписывается сверхъестественная сила или олицетворенiемъ разныя добродѣтели и пороковъ, — и сказка стала принимать легендарный характеръ. На примѣръ, въ одной русской сказкѣ являются дѣйствующими лицами „Правда и Кривда;“ а въ сербской сказкѣ того же склада сохранился древній мифическій характеръ: тамъ вмѣсто Правды и Кривды являются дѣйствующими лицами Вилы, а въ норвежской—завръ, волкъ, медвѣдь, лиса, заяцъ. На нѣкоторыхъ сказкахъ отразились черты возрѣній и обычаевъ позднѣйшаго времени и на мѣсто старинныхъ таинственныхъ явленiй рассказываются обыкновенныя житейскіе случаи съ рациональными объясненiями.

Рус. сказки изданы А. П. Аванасьевымъ въ 8 выпускахъ съ 1855 г. О рус. народ. сказкахъ А. П. Пыпина. От. Зап. 1856, N. 4 и 5.

31. Пословицы, заговоры, загадки и примѣты.

Пословицы суть краткія изреченія, въ которыхъ выражаются вѣрованія и убѣжденія народа, его бытъ и нравственные интересы; какъ плодъ здраваго смысла и многолѣтней опытности, онѣ пользуются большимъ почетомъ въ народѣ. Но для насъ важно то, что въ пословицахъ отражаются черты старинныхъ возрѣній и быта, которыя даютъ возможность уяснить многія стороны давно угас-

шей до-исторической жизни. Рядомъ съ пословицей, въ которой видны слѣды *ми-вической міросозерцанія*, занимаетъ мѣсто пословица *историческая*, указывающая на дѣйствительныя лица и событія,—и пословица *христіанская*, слагавшаяся подъ вліяніемъ библейскихъ сказаній и поученій Отцевъ церкви.

1. Въ нѣкоторыхъ пословицахъ, образовавшихся въ темную языческую пору, отразились старинныя воззрѣнія нашихъ предковъ: »Солнце днемъ работаетъ, а ночью отдыхъ беретъ.« Здѣсь высказывается понятіе язычника о свѣтилѣ, какъ о живомъ существѣ изъ породы божествъ; а въ Галиціи сохранились пословицы, свидѣтельствующія о поклоненіи небеснымъ свѣтиламъ: »Передъ богомъ сонцемъ, судице царице,« — »Мѣсяцъ нашъ божокъ; а кто жъ намъ буде боговати, якъ его не стане?« Намекъ на мнѳическое значеніе Коляды заключается въ пословицѣ: »Полно коляду томитъ.« О погребальныхъ языческихъ поминкахъ или тризнѣ, сопровождавшейся пирами, играми и битвой, упомянуто въ пословицѣ: »По дѣдѣ *сшибокъ* (бой), а по бабкѣ *щипокъ*.« Принимая во вниманіе подобныя пословицы, мы можемъ прослѣдить, какъ въ этихъ изреченіяхъ отразился бытъ русскихъ Славянъ, когда они вели еще охотничій и пастушескій образъ жизни, потомъ когда стали заниматься земледѣліемъ.

а) Когда наши предки вели жизнь звѣролововъ и пастуховъ и жили въ лѣсу, *яко всякій забрь, ядуще вся не чисто*; тогда они поклонялись деревьямъ, и были у нихъ заповѣдныя священныя рощи, *божельсья*, въ которыхъ приносили жертвы (1). Въ Житіи муромскаго князя

(1) По свидѣтельству Макарова, въ Тульск. и Рязанск. губ. еще въ 1792 г. призывали въ лѣсъ *заказчи-ковъ* для совершенія обрядовъ. Завываніе вѣнковъ въ Троицкѣ день ведетъ начало отъ язычества, когда въ лѣсу были праздники.

Константина говорится: »*Дуплинамъ* деревянымъ, вѣтви убрисемъ обвѣшивающе, и сямъ поклоняющеся.« (И. гос. рос. I, пр. 216). Это согласно съ пословицей, которая представляетъ дупло жилища бѣса: »Изъ пустаго *дупла* или сычъ или сова, или самъ сатана,« — »Тетка родила, жилъ въ лѣсу, молился пнямъ.« Къ этому же времени надобно отнести обоготвореніе овраговъ и болотъ; пословицы говорятъ: »Горы да овраги—чортово житье« (житье Змѣя Горыничца),— »Всякому чорту вольно въ своемъ болотѣ жить.« Тутъ можно припомнить рассказъ о томъ, какъ архангелъ погналъ копьемъ бѣсовъ съ неба, и они остались на житье, какой куда упалъ.

Жертвоприношеніе болѣе въ ходу у пастуховъ, чѣмъ у земледѣльческихъ народовъ языческихъ; по этому къ первой порѣ относятся пословицы въ родѣ такихъ: »*Моленой* боранъ отлучился, инъ гулящій прилучился.« Слово *молить* значило встарь тоже, что приносить въ жертву. »Обреченная (т. е. въ жертву) скотина—не животина.« Брачныя языческія обряды совершались у воды или подъ деревьями; въ быліяхъ говорится объ одной парѣ въ эпоху богатырской жизни: »Тутъ они обручались, кругъ ракитова куста вѣнчались.« (Пѣс. Кириши 96). Съ ракитовымъ кустомъ связывалась мысль о женидѣбѣ:

Ракитовый кустикъ
Зеленый кудреватый,—
Да кто у насъ холость
Да кто не женатый?

По этому въ пословицѣ намекается на старинный брачный обычай: »Вѣнчали вокругъ ели, а черти пѣли.«

Камни и дубина, лукъ и стрѣлы составляли необходимую принадлежность охотниковъ; борьба ихъ со звѣрями развила воинственный бытъ, по словамъ лѣтописца: »живуще скотьски: убиваху другъ друга.« Вооруженіями язычники надѣляли и

боговъ своихъ: Перунъ бросалъ съ неба камни и стрѣлы; сохранилась пословица, напоминающая эти понятія: »Бдетъ божокъ съ *перищемъ*, стучитъ колесомъ.« Онъ стучитъ своей телѣгой и производитъ громъ, а стрѣлою бьетъ злое существо; пословица, вытекающая изъ этого способа представленія, гласитъ: »Завертѣлся, какъ дьяволъ передъ громомъ.« Лукъ, мечъ, копьѣ служили признакомъ раздора; въ это-то время народъ ознакомился съ ковкой металловъ. Самыя изображенія поэтическія рисуютъ народъ боевыми красками: »Подъ трубами повити, подъ шеломи взелѣяны, конецъ копья въскоръмлени.« Какъ постоянный товарищъ бойца, конь надѣляется умомъ и всѣми понятіями человѣка, даже предсказываетъ будущее. Преданія объ-охотѣ такъ живы были еще во времена первыхъ русскихъ князей, что ловля птицъ и звѣрей поддерживается сильно законодательствомъ, и эпическія выраженія заимствуются изъ быта пастушьяго и охотничьяго, наприм. въ Словѣ о полку Игоря и въ Волынской лѣтописи. Древляне говорятъ Ольгѣ: »аще ся въвадитъ волкъ въ овцѣ, то выносить все стадо, аще не убьютъ его.« Въ первобытное время въ лѣсной глуши народъ невольно присматривался къ свойствамъ характера животныхъ и придавалъ имъ людской взглядъ и смыслъ: »Волкомъ родясь лисицей не бывать.« Отсюда вытекало мионическое воззрѣніе на птицъ и звѣрей, на ихъ нравы и обычаи, оттого первоначально образовались рассказы, или сказки о животныхъ, въ эпоху охотничью и пастушескую. Отъ этого же времени сохранилось повѣрье въ оборотней, которые выходятъ изъ могилъ и путешествуютъ подъ видомъ волка или свиньи; на это понятіе указываетъ пословица: »Коль бы тебѣ осиноый въ землю.« Это первое средство—остановить вочныя похождения оборотней. Оттуда же ведетъ свое начало суевѣріе, что волки

скрадываютъ съ неба свѣтила и оттого бывають затмѣнія: »Невъгласи глаголютъ снѣдаему суцу,« или какъ говорить пословица: »Сѣрый волкъ на небѣ звѣзды ловить.« Известную пословицу: »Съ волками жить по волчьи выть« — прежде понимаемую буквально, надо объяснять въ духѣ времени: выли для привлеченія звѣрей на охотѣ, но потомъ придали этому обстоятельству значеніе гаданья и предсказанья, какъ дѣлалъ половчанинъ Бонакъ: »И волкъ отвыся ему« (Лавр. 115). Переходъ изъ лѣсной глуши на поле и отъ быта звѣроловнаго къ земледѣльческому, по понятіямъ крестьянъ, облегчилъ св. Егорій, который устраивалъ землю, велѣлъ непроходимымъ лѣсамъ разступиться, стадамъ звѣрей разойтись, ѣсть и пить повелѣнное; онъ называется богомъ волковъ: »Что у волка въ зубахъ то Егорій далъ,« — »Егорій да Власъ— всему богатству глазъ« Понятно, что Власъ, какъ покровитель стадъ, и Егорій—устроитель дикой земли, сберегали, по понятіямъ крестьянъ, *скотъ*, *обиліе*, *жизнотъ*, въ которыхъ было все ихъ богатство.

Въ періодъ звѣроловства одеждой служили кожи, а для домашняго обихода — большею частью кора деревъ, которыхъ такъ было много, и потому лыко было въ большомъ ходу въ лѣсныхъ мѣстностяхъ. Но на юго-западѣ Руси рано уничтожились лѣса и оставалось степное пространство, которое необходимо измѣняло условія экономическаго быта населенія. Поэтому въ Малороссіи составила поговорка о Москаляхъ: »Лыкомъ вязане, у лыкахъ ходить, пидъ лыкомъ спыть.«

б) Въ пору развитія земледѣлія образовалось обоготвореніе земли; она стала *матерью* и *кормилицей*, такъ что доселѣ въ Галиціи называютъ землю *святою*. Въ Вятской губерніи на Троицу бываетъ *мать-земля* имянинница и, по понятіямъ крестьянъ, грѣхъ въ этотъ

день копать ямки или вколачивать что-нибудь въ землю. Мѣсто звѣриныхъ кожъ у земледѣльца заняли ленъ и пенька; самыя божества буйнаго воинскаго времени принимали осядлый мирный характеръ, стали покровительствовать земледѣлю и занимались пряжей, какъ валькирии, или выходили на поле съ серпомъ, какъ чешскія полудницы. Но, конечно, это случилось не вдругъ: какъ люди не скоро оставили прежнія боевыя наклонности, такъ и языческіе боги; вѣроятно, память объ этой дикой борьбѣ новаго поколѣнія съ старымъ сберегла пословица: »Отъ кикиморы рубашки не дождешься.« Самыя краски эпическій поэтъ этого времени беретъ уже изъ быта земледѣльческаго даже для изображенія войны: »земля сѣлась и росла усобицами, поливалась кровью; жизнь людей пожинали враги и клали на току какъ колосья, молотили цѣнами булатными и вѣяли душу отъ тѣла « (Сл. о пол.).

Въ осядлую пору явилось обоготвореніе огня и домашнего очага, который способствуетъ приготовленію пищи и согреваетъ, спасая отъ двухъ страшныхъ не признанныхъ враговъ—голода и холода. Сербская пословица говоритъ: »Безъ стара панья сиротно огниште « Въ это время огнище и печь служили для жертвоприношенія: »И огневи молятся подъ овиномъ;« къ той же порѣ относится обоготвореніе домового, какъ покровителя дома и семейнаго очага. Онъ обыкновенно сидитъ на печкѣ, за печкой или подъ печкой и до такой степени привязанъ къ своему пепелвищу, что стонетъ, если предвидитъ перемѣну въ домѣ, и не уйдетъ съ стараго мѣста, если хозяинъ забудетъ его позвать въ новый домъ. Понятіе объ этомъ бытѣ удержалось въ пословицахъ: »На печкѣ сидѣль, кирпичамъ молился,« — »Церкви не овини, въ нихъ образа все едны.« Да и самая печь (*пещь*), была сначала ямой, оттуда слово: *пещера*.

Въ періодъ земледѣльческій упрочились семейныя связи: слово — *дымъ* сталъ употребляться вмѣсто *домъ*, — »я вдаша отъ дыма мечь.« Пословица говоритъ: »Вспомнишь ты дымную шапку,« т. е. старшаго, опытнаго; съ уваженіемъ старшихъ, которые передавали молодежи много рассказовъ изъ старинной жизни своей и другихъ людей, возникло уваженіе къ преданію и старинѣ. По рассказамъ, тогда и люди были умнѣй и права и жизнь отличалась всѣмъ лучшимъ: »Что изстари ведется, то не минется.« Выходъ изъ семьи тяжелъ былъ въ то время, когда еще связи общегитія не установились, особенно на всю жизнь, какъ напр. за мужъ; поэтому говорятъ дѣвицѣ: »Не вздыхай тяжело, не отдадимъ далеко, хоть за Ооку да подѣ боку.« Значитъ, сосѣди служили первыми хорошими знакомыми; »а чужая сторона горемъ огорожена и слезами поливана,« какъ поютъ дѣвушки на дѣвишникахъ.

Съ образованіемъ сельскаго союза, власть и судъ переходятъ ко всѣмъ старшимъ и дѣла рѣшаются общественнымъ приговоромъ: »Братчина судитъ, ватага рядитъ,« — »Братчина судитъ какъ судья.« Обстановка суда съ разными формальными уловками, судебными испытаніями водой и раскаленнымъ желѣзомъ, рисуется въ слѣдующихъ пословицахъ: »Хотя солгать да было бы на кого послаться,« — »Свидѣтеля за волосы тянуть,« — »Желѣза и змѣя боится.« Такъ какъ въ прежнее время лежало много свободной земли и другихъ угодій, то собственностью каждаго было, что онъ посѣялъ и занялъ: »Чье море, того и край« (сербс. послов.), — »Чья земля, того и хлѣбъ.«

По переходѣ въ христіанство, народъ сталъ смотрѣть на прежнихъ боговъ враждебно и замѣнилъ ихъ бѣсами: »Взялъ боженьку за ноженку да и объ полѣ.« Домовой, котораго жильѣ было подъ порогомъ, пре-

вратился въ чорта,—и доселѣ на этомъ основаніи ведется старинная примѣта, что здороваться черезъ порогъ не хорошо.

2) Историческія пословицы очень мѣтко рисуютъ дѣйствительныя событія и лица, а чрезъ это указываютъ характеристическія стороны извѣстнаго явленія или дѣйствія и выражаютъ воззрѣнія на нихъ современниковъ. Такъ можно указать на пословицы, занесенныя въ лѣтопись; о гибели Аваровъ сложилась поговорка: «Погибоша, аки Обрѣ;» неудача Радимичей на рѣкѣ Пищанѣ въ битвѣ съ воеводой великаго князя Владимира, по прозванью—Волчій Хвостъ, послужила къ составленію насмѣшливой притчи: «Радимичи волчья хвоста бѣгаютъ.» Отношенія дружины къ князю и народу изображаетъ Даниилъ Заточникъ въ пословицахъ: «Мужи злато добудутъ, а златомъ людей не добыти,» — «Тіунъ (княжій) яко огнь трепетицею накладенъ, а рядовичи его яко искры: аще отъ огня устережешися, но отъ искры не можешь устережися жженія портъ,» — «Съ добрымъ думцею князь высока стола додумается, а съ лихвмъ—и малаго стола лишецъ будетъ.» Отвращеніе къ татарскому порабоженію Россіи высказалось въ пословицахъ: «Не во время гость хуже Татарина,» — «Тутъ словно Мѣмай воевалъ.» О Ермакѣ Тимофеевичѣ и его немногихъ сподвижникахъ, а потомъ уже вообще объ уральскихъ казакахъ, говорится: «Семеро пойдутъ, Сибирь возьмутъ.» Такъ какъ въ Россіи болѣе двухъ сотъ лѣтъ были весьма значительные разбои, особенно на Волгѣ и ея притокахъ; то на этотъ счетъ дошло до насъ много самыхъ мѣткихъ пословицъ: «Это не покоръ, что за поясомъ топоръ, скажутъ—плотникъ, а не воръ,» — «На Волгѣ жить—ворами (грабителями) слыть,» — «Ахтуба цуста, а безъ караула не гулай,» — «Кому лопата а намъ ломъ; кому острогъ, а намъ домъ,» — «Вору висѣлица—неизмѣнный другъ.»

О братчинахъ сохранилась пословица: «Съ нимъ пива не сварить.» Особенно важны для изучающаго историческую жизнь своего отечества, тѣ присловья и мѣткія изреченія, въ которыхъ населеніе одной мѣстности характеризуетъ жителей другой области. Большая часть изъ нихъ сложились исторически; такъ наприм. первоначальное населеніе Орловской губерніи было пограничнымъ, собралось оно изъ бѣглыхъ и удалцовъ и постоянно рубилось съ крымскими Татарами; по этому и говорятъ пословицы: «Орловцы — проломленные головы,» — «Орелъ да Кромы старинные воры,» — «Ливны—всѣмъ ворами дивны, а Елецъ — всѣмъ ворами отецъ.»

3) Что же касается до пословицъ христіанскихъ, то ихъ можно читать въ Словѣ Даниила Заточника; а подробный разборъ былъ бы здѣсь не у мѣста. Переходя изъ устъ въ уста, пословицы въ позднее время мало по малу принимаютъ на правленіе сатирическое, а чрезъ это болѣе и болѣе сглаживаются съ нихъ старинныя черты, такъ дорогія для историка.

Заговоры и заклятія, какъ и пословицы, ведутъ свое происхожденіе изъ глубокой языческой старины и первоначально служили мольбами при жертвоприношеніяхъ и сопровождались обрядовыми дѣйствіями. Но потомъ эти прославленія божествъ и выраженія прошеній постепенно теряли свой смыслъ и низшли до заклятія и наговора. Такъ клятва передъ Перуномъ: «да будемъ золоти яко золото» — для насъ непонятна; но произносившіе ее имѣли въ виду страшную болѣзнь проказу, которая за неправду, сожигая тѣло, сообщаетъ ему желтый цвѣтъ похожій на золото. Одна изъ дочерей Иродовыхъ, лихорадка желчная, называется желтѣя, желтуха, *латеница*. Заклятія солнцемъ сохранились отъ времени его обожанія; въ Нижегородской губерніи божатся въ подтвержденіе истины показавіи: «Вѣтъ

тебѣ красное солнышко! — А въ Галиціи говорятъ: »Солнце бы тебя побилло!« Въ Словѣ о полку Ярославна обращается съ мольбой къ солнцу, водѣ и вѣтру, называя каждую стихію *господиномъ*. И рѣдкій заговоръ не заключаетъ въ себѣ припоминанія свѣтилъ небесныхъ, зори, воды, вѣтра и другихъ предметовъ языческаго обожанія природы. Съ этой точки зрѣнія многіе заговоры, повидимому бессмысленные, помогутъ выяснитъ религіозныя воззрѣнія древняго русскаго человека. Такъ въ заговорѣ одной рукописи говорится: »Встахомъ заутра и помолїхсе Господу Богу и *оънимце*«⁽¹⁾, — ясный признакъ языческаго поклоненія свѣтиламъ. »Зря-зарница, красная дѣвица, швед-мастераца!« Въ другихъ заговорахъ есть такого рода обращенія: »Матушка вода, обмываешь ты круты берега, желты пески, бѣль горючъ камень своей быстриной и золотой струей!« — »Ты небо, слышишь! Ты небо видишь!« — »Ахти мати, бѣлая печь! Не знаешь ты себѣ ни скорби, ни болѣзни, ни щипоты, ни ломоты... — »Мѣсяць, ты мѣсяць, серебряные рожки, золатыя твои щипки! Сойди ты мѣсяць, сними мою скорбь зубную, унеси боль подѣ облака. Моя скорбь ни мала, ни тяжка, а твоя сила могуча.« Есть также обращенія къ Огню-полымя и къ Вѣтру буйному.

Приведемъ одинъ заговоръ вполнѣ, въ которомъ перемѣшиваются языческія понятія съ христіанскими. »Господи І. Хр. Сыне божій, помилуй насъ. Аминь. Стану я, рабъ божій благословясь, пойду перекрестясь изъ избы въ двери, изъ двора въ ворота, въ чистое поле на востокъ, въ восточную сторону, подѣ красное солнце, подѣ младъ мѣсяць, подѣ частыя звѣзды, подѣ утреннюю зору, къ окіану

(1) Архивъ истор. юрид. кн. 2. пол. 2. отд. VI, 50.

мору. У окіана мора на крутомъ берегу лежитъ Латырь камень, на Латырь камнѣ церковь соборная, въ церкви соборной златъ престолъ, на златѣ престолѣ сидитъ бабушка Соломонія, Христа повивала, щепоты, ломоты унимала, садестїи и болѣзни, порѣзи и постѣки отъ удару и отъ укладу и булату унимала, и запирала. Какъ изъ Латыря камня не воды, такъоже изъ раба божія ни руды, ни садели, ни болѣзни; изъ курвицы не молока, изъ цѣтуха ни яйца, ни изъ раба божія *Н* ни руды; какъ Илья пророкъ изсушилъ рѣки, источники, такъоже бы у раба божія *Н* твердо утвердились (?). Рука заключись въ море, ключи въ небесахъ, замки достану; эти ключи и замки св. молитвами зашу и укрѣплю, постѣки и удары, во вѣки вѣковъ. Аминь.« Обратимъ вниманіе, какое значеніе въ этомъ заговорѣ и во многихъ другихъ имѣютъ *частыя звѣзды*; ихъ Славяне даже призываютъ иногда сойти съ неба: »Звѣзды ясныя, сойдите въ чашу брачную.« — »Мѣсяць ты красный, звѣзды вы ясныя, солнышко ты привольное! сойдите, уйдите раба божія отъ зашол!« Вѣрованіе въ Рожаницъ или богинь судьбы, которыя какъ Парки надѣляли человека при рожденіи дарами счастья и благами жизни, соединилось съ вѣрованіемъ въ счастливую звѣзду. Въ одной пѣснѣ молодець спрашиваетъ:

Ты скажи, скажи моя матушка родина:
Подѣ которой ты меня звѣздой породила,
Ты какимъ же меня счастьемъ надѣлила?

Василій Буслаевъ говоритъ въ былинѣ:
»Не даромъ мнѣ моя счастливая звѣзда
дала силу богатырскую.« Такая вѣра въ предопредѣленія судьбы только и могла создать подобныя пословицы: »Такъ ему на роду написано,« — »Не родись ни умень, ни пригожь, а родись счастливъ,« — »Суженаго конемъ не объѣдешь,« — »Ни хитру, ни гораду, ни птицю гораду суда божія не минути.« Вѣрованіе во влѣд-

ніе звѣздъ на судьбу людей привело къ мысли, что какъ скоро падаетъ звѣзда, такъ умираетъ человѣкъ:

Упадаетъ звѣзда поднебесная,
Угасаетъ свѣча воску ярова:

Не становится у насъ млада царевича.

Языческія моленія обращались въ кругу обыденныхъ нуждъ житейскихъ; нездоровые спрашивали себѣ облегченія; глѣченіе сопровождалось навязками—*наузами*, чтеніемъ молитвъ надъ водой; давали больнымъ священную глину и уголи отъ жертвенника, соль, хлѣбъ и другія жертвенныя принадлежности. Замѣчательно, что всѣ эти атрибуты не рѣдко сопровождаютъ заговариванья и доселѣ, но, разумѣется, употребляются безъ всякаго сознанія ихъ значенія. Какъ прежде хорошо знали заклинательныя и умилостивительныя молитвы приносившіе жертву, и они только давали силу разнымъ вещамъ; такъ впоследствии составилось понятіе о знахаряхъ, вѣдунахъ и колдуньяхъ, какъ о лицахъ, близкихъ съ нечистой силой. Другіе заговоры имѣютъ цѣлью сохраненіе семьи и имущества отъ грозы, нападенія звѣрей, потопленія, отъ лука и меча вражескаго, отъ лихаго глаза, налета саранчи на хлѣбъ и т. п. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Курской губерніи употреблялся еще обрядъ умилостивленія мороза въ такомъ родѣ. Варили ячный кисель на молокѣ, ставили на окно и приговаривали: »Эй морозъ! иди къ намъ кисель ѣсть; не тронь нашихъ житъ—пшеницы.«

Въ связи съ пословицей въ древнее время находилась *загадка*. Обѣ онѣ составляли часть поучительнаго наставленія, дидактическаго эпоса, и передавали изъ рода въ родъ познанія о мірѣ и жизни. Въ загадкахъ выразилось неодолимое стремленіе пытливаго ума неразвитаго язычника удовлетворить любознательности, рѣшать вопросы о загадочныхъ силахъ и явленіяхъ природы.

Рѣшеніе этихъ вопросовъ сначала предоставлялось божествамъ въ родѣ Одина и мудрыхъ Виль, а потомъ вѣщимъ дѣвицамъ, наиримѣръ, Февроніи Муромской (См. ея житіе ниже). Въ одной пѣснѣ Симбирской губерніи также рѣшается замысловатая загадка семилѣтняя дѣвица:

Какъ по лугу 2 по зеленому

Идетъ дѣвка 2 семилѣтка;

За ней парень 2 бѣлудравый:

»Постой дѣвка 2 семилѣтка!«

Загану я 2 три загадки,

Изволь дѣвка 2 разгадати:

Да что растетъ 2 безъ кореньевъ?

—Ростетъ камень 2 безъ кореньевъ.

»Да что цвѣтетъ 2 безо цвѣту?«

—Цвѣтетъ сосна 2 безо цвѣту.

»Да что шумитъ 2 безо вѣтру?«

—Шумитъ вода 2 безо вѣтру.

Потомъ загадка испытала на себѣ вліяніе христіанства. Въ стихѣ о Голубиной книгѣ рѣшаются важнѣйшія задачи старины, имѣющія основу въ древнихъ космогоническихъ воззрѣніяхъ. (См. стихъ ниже). Впоследствии какъ языческій обрядъ перешелъ въ игры, такъ и загадка съ своимъ стариннымъ міросозерцаніемъ стала художественною забавою и игрою словъ.

Загадка имѣетъ родство съ *примѣтками*, выражая языческую мудрость давнишняго времени. Въ нѣкоторыя пословицы и загадки привходятъ прямо примѣты: »Ржетъ конь къ печалу, ногою топаетъ къ погонкѣ.« Известно, что въ воинскую пору конь былъ товарищемъ, соратникомъ бойца и отличался вѣщими предсказаніями, какъ говорятъ пѣсни о Маркѣ Краевичѣ (См. Пушкина: »Что ты ржешь, мой конь ретивый«). При сочувствіи къ природѣ и обоготвореніи ея силъ, Славянинъ чутко прислушивался къ ея звукамъ, присматривался къ перемѣнамъ и дѣйствіямъ въ жизни животныхъ, къ явленіямъ въ средѣ стихійной борьбы и т. д. По разнымъ отступленіямъ отъ обычнаго

теченія вещей онъ заключалъ о волѣ боговъ, выражающихъ ее человѣку чрезъ видоизмѣненія природы. Такъ воронъ предвѣщаетъ бѣду; лебедь летитъ къ теплу, а гусь—къ холоду; стѣна трещитъ къ покойнику; соль разсыпается къ ссорѣ; если на крещенье на небѣ звѣзды, куры будутъ нески и горохъ родится, а будетъ наволочъ — коровы молочны. Эти примѣты служили руководящей нитью въ практическомъ быту, и кто больше умѣлъ разрѣшать эти загадки природы, тотъ былъ мудрецомъ. (См. I. Экз. Болгар. 211—212 и ниже о примѣтахъ).

Такъ пословица, вмѣстѣ съ заговоромъ загадкой, всякимъ стариннымъ изреченіемъ и примѣтой, составляетъ часть эпического воззрѣнія нашихъ предковъ. Перехода отъ поколѣнія къ поколѣнію, она донесла до насъ изъ отдаленныхъ временъ черты и краски языческаго міросозерцанія, нравовъ, и обычаевъ, складъ характера и быта. Изучая народную поэзію, мы можемъ возстановить до нѣкоторой степени ходъ и направленіе темной жизни нашихъ предковъ. Въ народѣ живетъ множество суевѣрныхъ понятій, игръ и увеселеній, которыя вытекли изъ языческаго взгляда и утратили свой смыслъ; поэтому для разъясненія до-исторической судьбы русскаго народа необходимо изучать его этнографію.

(Составлено по статьѣ *Θ. И. Буслая*: „Русскія пословицы и поговорки.“ *Архивъ истор.-юрид. зн.* 2, пол. 2, отд. IV, 1—176. *См. Ист. рус. слов. Галахова. 1863 г. I, 6—29.*)

Указатель статей: Поэтич. воззрѣнія Славянъ на природу. *А. Н. Аванасьева.* 3 тома, 1866—9. О значеніи, значеніи обрядовъ и повѣрій. *А. А. Потебни.* Чт. общ. 1865, II, 1—84, III, 85—232.

IV, 233—310 и отдѣльно. М. 1865. Очерки *Буслая*. Спб. 1861, два тома. Рус. богатыр. эпосъ. *Буслая*. Рус. Вѣстн. 1862. Пѣсни историко-мифическія. Рус. Бес. 1860. I, 1, 42—47, 82, 99, 165—167. Собр. пѣсень. *К. Калайдовича*, 1818 г. Пѣсни, собр. *П. И. Якушкинымъ*. Лѣт. рус. литер. 1859, 2, 17—20. Отеч. Зап. 1859 и отдѣльно 1865. Рус. престонородн. праздники и обряды. *Снеирева*, М. 1848. Сказанія рус. народа. *Сахарова*. Спб. 1844—46 г. Бытъ рус. народа. *Тереженко*. Спб. 1848 г. Разборъ этой книги въ Современ. т. XI, крѣт. 1—48, 85—139; XII, 95—138, также въ Полн. собр. соч. *К. Д. Кавелина* т. IV. Записки рус. Этнограф. общ. Спб. 1867. Годъ рус. земледѣльца. *Селиванова*. Рус. Бес. 1857. кн. 1—IV, отд. 4. О сагахъ въ отношеніи ихъ къ древ. Рус. Исторіи. *С. Руссова*. Спб. 1834. О сагахъ см. Моск. Телеграфъ 1825, VII, 221—230; XV, 208—213; XVIII, 57—60. Библ. для чт. 1834. I, 1—38; II, 1—72. 1836, XIX, 20—32. Ж. М. Н. Просв. ч. 80, VI, 34. Словарь рус. суевѣрій *М.* 1782 г. Тоже почти: «Преданія о народ. рус. суевѣріяхъ.» 1861. Велико-русскіе сказки *Худякова*. М. 1860—2. Малорос. пѣсни. *Максимовича*. М. 1827. Кіевъ 1847. Пѣсни собран. *Рыбниковымъ*. 4 тома. 1861—67. Этнографическій вѣстникъ. Народныя южно-рус. пѣсни. *А. Метлинскаго*. Кіевъ 1835. Письмо *Буслая* къ Соловьеву. Ист. Рос. II, въ прилож. Записанія о праздн. у Малорос. *Сементовскаго*. Маякъ 1843, т. XI. Молодикъ. Украинс. Сборн. на 1843 г. X. Памяти. народн. быта Болгаръ съ 1862 г. *Каравелова*. Вѣjeslownij Kalendar' Slovansky. Гануша. Прага 1860. Lud Ukrain-sky. *Новосельскаго*. Болгарскія повѣрья. Ж. М. Н. Пр. ч. 52, II, стр. 204. Литер. прибавл. къ Ж. М. Н. Пр. 1846, 65. Объ историч. знач. рус. народной поэзіи. *Костомарова*. Харьк. 1843. Литовскія народныя пѣсни. *Юшкевича*. Спб. 1867. Народныя белорусскія пѣсни. Собр. *Е. П.* Спб. 1854. Народн. пѣсни Вологодс., Олонец. губ. собр. *Студитскимъ*. Спб. 1844. Народныя сказки, собр. сельскими учителями. Изд. *Эрленвейна*. М. 1863. Обычай, повѣрья и проч. Малоросіянъ. *Маркевича*. Кіевъ 1860. Пѣсни, думки и шутки на Подолі... *Коцінськаго*. Кіевъ 1862. Пословицы русскаго народа Далъ. М. 1862. Пѣсни крестьянъ Владимірс. и Костромс. губ. *Смирнова*. М. 1847. Пѣсни рус. народа, собр. *Сахаровымъ*. Спб. 1838—9. Пѣсни, собр. *П. В. Кирьевскимъ*. М. 1860—68. Русскіе въ своихъ пословицахъ *Н. Снеирева*. М. 1832. Сборникъ Донскихъ народныхъ пѣсень. *А. Савельева*. Спб. 1866. Сборникъ пѣсень Самарскаго края. *Варенцова*. Спб. 1862. Сборникъ рус. духовн. стиховъ. *Еюже*. Спб. 1860. Собр. малоросійскихъ народныхъ пѣсень. *Едлички*. Спб. 1861. Уральцы *И. Жельмова*. М. 1859. Этнографич. Сборникъ. Спб. 1853—1862, 1864.

В. СТАТЬИ ИЗЪ НОВЫХЪ СОЧИНЕНІЙ.

32. Развѣтіе языческихъ вѣрованій.

Языческія вѣрованія у всѣхъ народовъ имѣютъ свою исторію; они создаются не вдругъ, а постепенно съ развитіемъ народной жизни, съ медленнымъ усвоеніемъ уму и памяти внѣшнихъ явленій природы. Первоначально религіозныя языческія вѣрованія создаются одинаковымъ образомъ у всѣхъ различныхъ народовъ, потому что все основывается на не посредственныхъ чисто естественныхъ условіяхъ. Впоследствии приходятъ рѣзкія отличія ради мѣстныхъ особенностей и разныхъ историческихъ вліяній и событій. Безъ сомнѣнія, излагая народныя вѣрованія въ процессѣ ихъ созданія, надобно будетъ основываться на логическихъ законахъ всякаго развитія, ибо осязательнаго указанія хронологическаго не имѣемъ. Но это не должно устрашать: самый характеръ того или другаго преданія и повѣрья укажетъ на ближайшее или отдаленнѣйшее время его появленія. Всякое развитіе начинается ab ovo: какъ изъ непримѣтнаго зародыша вырастаетъ цѣлый организмъ, такъ изъ едва сознаваемыхъ зачатковъ какой-либо идеи образуется полная система. Обращаясь къ славянскому язычеству, замѣчаемъ, что вопросъ религіи воплощалъ въ себѣ всѣ усилія народнаго развитія въ его стремленія отъ непосредственности къ жизни ума и чувства. Первый шагъ этого развитія долженъ былъ состоять въ смутно-зародившейся въ челоѣкѣ мысли объ отношеніяхъ его къ міру окружающему. Славянинъ почувствовалъ, что есть что-то могучее, имѣющее сильное вліяніе на его собственное существованіе; отдѣлившіи себя отъ остальной природы, онъ увидѣлъ свою слабость и ничтожность предъ тою силою, которая заставляла его

испытывать жаръ и холодъ, свѣтъ и отсутствіе свѣта, которая могла дать ему пищу и лишить пищи. Природа явилась челоѣку и могучею силою, требующею полного и безотчетнаго подчиненія, и матерью, которая вскормила его собственною грудью. Онъ призналъ ее за нечто высочайшее и повергся предъ нею съ смиреннымъ чувствомъ младенческаго благоговѣнія. Челоѣкъ былъ еще дитя, которое впервые улыбалось блестящей, красивой формѣ и впервые чувствовало боязнь при взглядѣ на что-нибудь безобразное или ему чуждое. Для него еще не существовалъ анализъ. Вся природа представлялась цѣльною, единою; вся она являлась однимъ великимъ чудомъ; слово «божество», вылетѣвшее изъ устъ челоѣка, обняло собою все богатство и все разнообразіе образовъ и силъ, составляющихъ природу. Отсюда понятно, что языческая міеологія начинается съ единобожія, но единственно вслѣдствіе отсутствія анализа: божествомъ является недѣлимая природа. Слѣдовательно отъ этого представленія еще далеко до единобожія, признаваемаго при конечномъ развитіи язычества, вслѣдствіе вліянія философскаго. Съ большими усиліями ума, обусловливаемыми наблюдательностію и новостью впечатлѣній, челоѣкъ начинаетъ знакомиться съ многообразіемъ явленій природы, умъ вызывается къ работѣ и понятіе о божествѣ дробится. Слѣдовательно, въ эпоху первоначальнаго язычества, многобожіе указываетъ на большую или меньшую развитость народа. Исчерпавши источникъ познанія, заключенный въ живомъ наблюденіи явленій природы, умъ челоѣческій обращается въ область чистаго мышленія, и тогда начинается отрицаніе многобожія.

Въ періодъ своего младенчества Славя-

нить былъ погруженъ въ жизнь не посредственную; онъ любилъ природу съ дѣтскимъ простодушіемъ, и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за ея явленіями, которыми опредѣлялись его естественныя нужды. Въ ней находилъ онъ живое существо, сочувствующее человѣку; въ ней видѣлъ онъ родное...

Когда настала пора анализа, тогда болѣе уловимыя для впечатлѣнія силы природы отдѣлялись прежде и обоготворялись въ особенныхъ божествахъ. При такомъ раздробленіи общее понятіе о божествѣ, воплотившее въ себѣ всю природу, какъ единую, мало помалу затѣмнялось, потому что съ нимъ не соединялась опредѣленная субстанція. Могущество, старѣйшинство, благотворное вліяніе, соединившіяся съ этимъ понятіемъ, переносились на другихъ главныхъ боговъ. Вотъ почему тамъ, гдѣ еще не утратилось со всѣмъ преданіе о божествѣ, какъ общемъ, безъ всякаго опредѣленія его существа, тамъ смѣло можно говорить о неразвитости язычества. Такое преданіе встрѣчаемъ мы у Славянъ: въ договорѣ Игоря съ Греками читаемъ: «да не имутъ помощи отъ Бога, ни отъ Перуна;» «да будетъ онъ клясть отъ Бога и отъ Перуна;» то же преданіе занесено въ записки Прокопія и Гельмольда. Этому-то «бога» могли называть старымъ, великимъ (*т. е. старшимъ*), прабогомъ (*сличи—прагдѣ*); слѣдовательно его ставили въ родоначальники боговъ, за которыми потому оставляли названіе прибоговъ. Послѣ это старѣйшинство было перенесено на Сварога (отъ санскрит. *сварга*: *свар*—небо, *га*—хождение—небесный, солнечный, путь). Съ дальнѣйшимъ развитіемъ умъ человѣческій подмѣчалъ различныя проявленія элемента свѣта и тепла, понимаемаго имъ въ началѣ цѣлостно. Такое дѣленіе, вносимое познающею способностью, не противорѣчило поэтическому чувству, которое все облекаетъ въ живой образъ. Дѣло

ума поэтически выразилось въ естественной формѣ рожденія новыхъ божествъ отъ Сварога. Здѣсь первый актъ обожествленія человѣческой субстанціи. Одни только отношенія и зналъ и понималъ человѣкъ; въ нихъ онъ самъ обращался и ихъ перенесъ на божества, какъ отношенія, воспитывающія въ человѣкѣ нравственное чувство. Изъ классическаго мѣста Ипатьевской лѣтописи, указаннаго Шафарикомъ, ясно видно, что у Сварога былъ сынъ Дажь-богъ—солнце, отъ *дажь*—день, дневной свѣтъ; *дажь*—прилагательное притяжательное. У Сварога былъ и другой сынъ; въ Словѣ Христолюбца читаемъ: «и огневи молятся, зовуть Сварожичемъ.» Отечественная форма прямо указываетъ, что огонь Сварожичъ былъ сынъ Сварога, братъ Дажьбога. И такъ небо родило свѣтъ солнечный (*небесный*) и огонь. Всѣми археологами Перунъ былъ принимаемъ за божество молніи, что подтверждаетъ и филологія. Сварогъ есть общій источникъ небеснаго свѣта, Дажь-богъ—свѣтъ солнечный, Перунъ—свѣтъ молніи; какъ Дажьбогъ различенъ отъ Сварога такъ и Перунъ: и тотъ и другой особенныя проявленія силъ природы (1).

Но въ какихъ родственныхъ отношеніяхъ былъ Перунъ къ прочимъ свѣтлымъ божествамъ, рѣшить трудно, ибо опредѣлительныхъ свидѣтельствъ нѣтъ. По преданію, Сварогъ, оставаясь въ вѣчномъ покоѣ, предоставляетъ творчество и управленіе міра своему роду. Творческая оплодотворяющая сила бога приписана Славянскому Дажьбогу, безъ животворящихъ лучей котораго не возможно никакое развитіе: холодъ и мракъ убиваютъ жизнь. Отдѣляемыми отъ себя лучами солнце ожи-

О неутѣренности отождествленія г. Соловьевымъ Перуна съ Сварогомъ говорить в г. Шеппингъ въ своей рецензій въ Москвит. 1850 г. № 7 стр. 86—87.

вляеть природу и даетъ ей возможность производить. Когда восходитъ солнце, то отъ лучей его разбѣгается мракъ; темную, нечистую силу божества, по повѣрїямъ, разитъ молнія. Какъ лучамъ солнца приписывается сила, возбуждающая плодородіе, такъ та же сила приписана и молніи. Сербская пѣсня говоритъ о гармоніи, данной міру молніею; а хорутанское преданіе свидѣтельствуетъ, что на землѣ началась жизнь только съ того времени, какъ внутри ея загорѣлся огонь. У насъ вѣрятъ, что первый весенній громъ оживляетъ природу послѣ зимняго сна; только съ того времени деревья начинаютъ распускаться. Когда раздается ударъ перваго грома, то всѣ спѣшатъ умыться водою, которая въ это время молодитъ и краситъ лицо, даетъ здоровье и счастье. Тоже говорятъ и о первомъ весеннемъ дождѣ...

Славянинъ не могъ не обратить вниманія на различіе проявленій свѣта въ лунѣ, звѣздахъ, зарѣ и радугѣ, и всѣ эти проявленія свѣтлой силы обоготворилъ въ особенныхъ божествахъ. Въ преданіяхъ западныхъ Славянъ находимъ прямые указанія на родственныя связи этихъ божествъ: князь (*старшій*)—солнце имѣетъ двѣнадцать сыновей, которые живутъ на звѣздахъ. Солнце, какъ источникъ жизни, представляется молодымъ и прекраснымъ юношею; оно сидитъ на золотомъ престолѣ и ѣздитъ въ колесницѣ, запряженной бѣлыми лошадьми, ему прислуживаютъ двѣ солнцевы дѣвы: заря утренняя и заря вечерняя, которыя всегда сопровождаютъ солнце. Въ одной русской пѣснѣ заря названа сестрой солнца:

Заря-ль моя зоришка,
Заря, солнцева сестрица!

Утренняя заря выводитъ бѣлыхъ коней Дажьбога; потому въ Каринтіи ее называютъ дѣжницею, т. е. утренницею—слово, близкое съ денницею (*Венерой*). Эта звѣзда въ сербской пѣснѣ также называется сестрой солнца. Изъ того повѣрїя,

что сыновья солнца жили на звѣздахъ, можно представлять звѣзды дѣтьми Дажьбога; отчасти это подтверждается нашими колядками, въ которыхъ отецъ (*домочладыка*) сравнивается съ мѣсяцемъ, жена его съ солнцемъ, дѣти съ звѣздами. По литовскимъ преданіямъ, звѣзды родились отъ божественной четы солнца и мѣсяца.

Та же оплодотворяющая сила, которую народная фантазія отнесла къ Дажьбогу и Перуну, приписывается преданіями и звѣздамъ... Оплодотворяющее вліяніе звѣздъ, вѣроятно, простиралось не на однихъ овецъ, а на всѣхъ животныхъ. Этимъ преданіемъ Велесъ (*Волось*) получаетъ тѣсную связь съ божествомъ свѣта и тепла. Г. Срезневскій въ своей статьѣ «Объ обожаніи солнца у древнихъ Славянъ» утверждаетъ эту связь самыми положительными доказательствами. Г. Соловьевъ напрасно видитъ въ божествѣ Велеса финское вліяніе. Изъ сравненія Святославова договора съ Греками и Несторова показанія объ языческихъ божествахъ отчасти видно тождество Велеса съ Дажьбогомъ; у Нестора второе мѣсто послѣ Перуна занимаетъ Хорсъ и вовсе нѣтъ имени Велеса; въ договорѣ же второе мѣсто послѣ Перуна занимаетъ Волось. На то же тождество указываетъ и названіе Бояна Велесовымъ внукомъ, ибо дѣломъ всѣхъ людей преданіе называетъ Дажьбога. Вопросъ этотъ заслуживаетъ особеннаго и обстоятельнаго разсмотрѣнія (*О Велесѣ въ Соверм. 1852 г. № 10, крит., стр. 24—25*).

Не менѣе трудный вопросъ представляется при разсмотрѣніи родственныхъ отношеній солнца къ мѣсяцу. Въ одной сербской пѣснѣ солнцева сестра называется «мѣсечева пѣрвобрату чеда», т. е. племянница мѣсяца, слѣдовательно мѣсяцъ является дядею солнцу; въ другихъ же пѣсняхъ онъ называется братомъ солнца. По изъ нашихъ колядокъ можно заключить, что мѣсяцъ почитается мужемъ

солнца, которое представлялось въ женскомъ полѣ; такому олицетворенію солнца въ образѣ женщины соотвѣтствуютъ и нѣкоторыя народныя преданія. Поворачивая на лѣто, солнце наряжается въ праздничный сарафанъ и кокошникъ; на Ивановъ день оно выѣзжаетъ на встрѣчу къ своему супругу мѣсяцу, пляшетъ и разсыпаетъ по небу плодотворныя лучи; когда съ окончаніемъ лѣта погрѣбаютъ Ладу (*имя придаваемое солнцу*), то куклу, ее представляющую, одѣваютъ въ женскій нарядъ. Г. Буслаевъ прекрасно доказываетъ, что самое слово «солнце» въ первоначальной своей формѣ, было женскаго рода. Это предположеніе имѣло связь съ большою непосредственностію челоѣка, который силу творческую видѣлъ и признавалъ только въ актѣ рожденія. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ Славянннъ убѣдился, что солнце не само рождаетъ, но что воздѣйствіемъ своихъ лучей оно оплодотворяетъ мать сырую—землю, которая все производитъ изъ своихъ нѣдръ. Тогда-то солнце женскій полъ перемѣнило на мужскій. Такимъ образомъ въ нашихъ преданіяхъ о солнцѣ и мѣсяцѣ уцѣлѣли гораздо древнѣйшія вѣрованія язычества, нежели у западныхъ Славянъ...

Въ такихъ образахъ Славянннъ поклонялся творческой силѣ жизни, которая для живаго существа есть благо, добро, красота. Челоѣку естественно чувствовать привязанность къ жизни и страхъ смерти. Обоотворивъ, какъ благо, все связанное съ развитіемъ и жизнью, Славянннъ долженъ былъ инстинктивно отступать съ боязнью отъ всего, что было противно развитію жизни. Это противоположное начало должно было высказаться въ явленіяхъ, совершенно отлнчныхъ отъ явленій, признанныхъ благими и прекрасными: въ этомъ случаѣ также должна была сказаться внѣшная, физическая природа. Когда скрывается благотворный

свѣтъ солнца—наступаетъ темнота: иногда свѣтъ этотъ потемняется и днемъ туманомъ и тучами. Съ элементомъ свѣта сливается элементъ теплоты, отсутствіе котораго производитъ враждебный челоѣку холодъ. Мракъ отнимаетъ способность видѣть и различать вѣчную дѣятельность природы; съ нимъ соединяется сонъ, образъ смерти; вѣчная тьма вредна прожрательности. Холодъ убиваетъ развитіе и жизнь во всѣхъ царствахъ природы, если не будетъ отстранено это губительное вліяніе; онъ вызываетъ челоѣка на непріятный трудъ строить жилища, заготовлять пищу и теплую одежду. Челоѣкъ долженъ поселиться у домашнего очага. Вотъ почему эти физическія явленія (*мракъ и холодъ*) для Славянннъ были выраженіемъ силы недобрѣй, нечистой (*чистый—свѣтлый, очищеніе въ религиозномъ смыслѣ*). Будучи младенцемъ, находясь въ полной власти природы, Славянннъ обоотворилъ и эту силу, какъ высшую, неотвратимую; за темнотою до сихъ поръ остается въ народѣ понятіе чего-то таинственно страшнаго. Такъ возникъ дуализмъ: въ началѣ онъ истекалъ не изъ нравственной основы челоѣка, а изъ естественныхъ физическихъ условій и ихъ различнаго воздѣйствія на живой организмъ. Нравственныя основанія приходятъ послѣ и прикрѣпляются уже къ готовымъ положеніямъ дуализма. Первоначально все понимается съ внѣшней матеріальной стороны. У западныхъ Славянъ такой дуализмъ прямо выразился въ божествахъ: Бѣлбогъ (*бѣлый-свѣтлый*) и Чернобогъ. Подобное выраженіе дуализма существовало и у Славянъ восточныхъ, о чемъ ясно свидѣлствуютъ географическія названія урочищъ и городищъ, собранныя Хомяковскимъ. У Бѣлоруссовъ преданіе о Бѣлбогѣ сохранилось въ разсказахъ о мнѣческомъ лицѣ Бѣлунѣ (*Смол. Приб. къ Жур. М. Н. Пр., 1846 г. кн. I, стр. 7—*

8). Филологія превосходно подтверждает существованіе у Славянъ дуализма. Слова, означающія блескъ и свѣтъ, выражаютъ понятія блага, счастья и красоты, тогда какъ слова, означающія темноту, выражаютъ понятія зла, бѣдствія, безобразія; такъ: красный (*красное солнышко, красная дѣвица, красный молодецъ*), прекрасный, краса, красота; черный—черная душа; черти всегда представляются черными и безобразными. Со свѣтлыми, бѣлыми божествами Славянинъ сознавалъ свое родство, ибо отъ нихъ ниспосылается человѣку жизнь, между тѣмъ какъ боги темные, нечистые все мертвятъ и убиваютъ. Боги свѣта и тепла, какъ представители жизни, были олицетворены народною фантазіею въ юныхъ прекрасныхъ образахъ; съ ними соединилось понятіе о высшей справедливости и благѣ. Во многихъ славянскихъ нарѣчійхъ «солнце» значитъ счастье; къ свѣтиламъ дня и ночи обращены все заговоры съ мольбою о помощи. Подобное обращеніе къ солнцу высказывается и въ словахъ Ярославны и въ слѣдующемъ причитаніи, сохранившемся въ устахъ нашего народа:

Солнышко, солнышко,
Выгляни въ окошечко,
Твой дѣтки плачуть,
Нить—ѣсть просятъ.

Напротивъ съ темною и холодною силою природы, съ черными божествами, было соединено все старое, безобразное, злое. Отсюда объясняется и филологическая связь всѣхъ понятій, означающихъ что-либо неприятое или враждебное чело-вѣку, сличн слова: мракъ, мразъ, (*морозъ*), моръ, морена, смерть, мерзость, хмара (*туча*), марать, смрадъ, смердѣть. Главнымъ олицетвореніемъ нечистой силы была Морена (*смерть—отъ моръ, морить*), имя, до сихъ поръ упоминаемое въ малоросійскихъ пѣсняхъ. Понятно, по чему смерть на лубочныхъ картинахъ пред-

ставляется черною и уродливою; почему моры и болѣзни олицетворены народною фантазіею въ безобразныхъ формахъ, почему наконецъ нѣкоторые недуги почитаются испорченностію, насланною при помощи нечистой силы, а животныя, родившіяся съ какимъ-нибудь порокомъ, признаются порожденіемъ той же силы и потому—нечистыми.

Божества свѣтлыя и темныя имѣли свои особенныя жилища, соотвѣтственно своему различному характеру, и находились между собою въ постоянной борьбѣ...

Жилище свѣтлыхъ боговъ, по преданію западныхъ Славянъ, полагается на востокѣ, откуда восходитъ солнце. Здѣсь—то вѣстѣ съ своимъ родомъ живетъ оно въ чертогахъ и отсюда отправляется гулять по небу. Здѣсь страна вѣчнаго лѣта. Противоположно жилищу свѣтлыхъ боговъ, жилище нечистой силы представляется въ безплодныхъ горахъ, гдѣ царствуютъ вѣчный холодъ и вѣчная тьма. Можно думать не безъ основанія, что язычники полагали страну нечистой силы на западѣ; въ одномъ словѣ Туровскаго сказаніи: «мужка далеко лежитъ на западѣ.» Преданія говорятъ, что лихоманки (*лихорадки*) жили въ свѣжныхъ горахъ, а морозы на лѣто заключались въ желѣзные горы; все олицетворенія нечистой силы представляются замороженными...

Между божествами свѣта и тьмы, тепла и холода, происходитъ вѣчная нескончаемая борьба, потому что обоготворенныя въ нихъ естественныя явленія не совместны и взаимно другъ друга исключаютъ. У Словаковъ сохранилось слѣдующее знаменательное преланіе: когда солнце выходитъ изъ своихъ чертоговъ гулять по свѣту, то нечистая сила собирается и ожидаетъ его возвращенія, надѣясь захватить нечаянно свѣтло дня и умертвить его. Но при одномъ приближеніи солнца она разбѣгается, чувствуя свое безсиліе. Въ этой эпической формѣ раз-

сказано, как первые солнечные лучи, прорѣзавшіе горизонтъ, прогоняють мракъ; будто испуганный онъ прячется въ разсѣлины скалъ, бѣжитъ къ подошвамъ горъ и останавливается только въ глубинѣ пещеръ и въ безднахъ, куда не достигаютъ лучи солнца. Каждый день повторяется борьба, и каждый день побѣждаетъ солнце. Въ день святаго Иліи, Перунъ поражаетъ нечистую силу, крестьяне ожидаютъ въ это время дождя и тучъ. Такимъ образомъ молнія (*Перунъ*) разбиваетъ тучи, затемняющія небо и благотворныя лучи солнца.... Оттого всякое затмѣніе солнца, особенно во время необыкновенное, почиталось худымъ предзнаменованіемъ. »Погибе солнце и бысть яко мѣсяць, его же глаголють невѣглази снѣдаемо солнцемъ.« Божествамъ свѣтлымъ былъ посвященъ пѣтухъ, предвѣщающій утро; вотъ почему крикъ его былъ страшенъ нечистой силѣ, которая убѣгаетъ тотчасъ, какъ закричитъ пѣтухъ. Дѣятельность нечистой силы соединяется преданіями съ ночью и зимой; напротивъ того свѣтлымъ божества любятъ день и лѣто. 9 ноября зима вступаетъ на ноги, нечистая сила выходитъ изъ ада и своимъ выходеніемъ производитъ холода, мятеля, вьюги, окочывающіе природу; отъ желѣзныхъ горъ прилетаютъ морозы. 12 декабря »солнце поворачиваетъ на лѣто, а зима на морозъ.« Начинаются самые сильные холода, истребляющіе сады, огороды и хлѣба: являются простудныя болѣзни, и нечистая сила, вылетающая на бѣлый свѣтъ, связывается съ вѣдьмами, бѣгаетъ по полямъ и дуется въ кулакъ, отъ чего бываетъ трескъ и мятель, морозъ и холодный вѣтеръ. Пятаго января на всѣхъ окнахъ и дверяхъ чертятъ противъ нечистой силы кресты, ходя съ двумя пирогами. Пирогъ говоритъ о жертвѣ; извѣстно, что жертвы приносились и нечистой силѣ: такъ предъ великимъ днемъ даютъ морозу дожку киселя, чтобы не

билъ льну, коноплей и овса. Нечистая сила любитъ темноту и во время пребыванія своего на землѣ, поселяется въ мрачныхъ лѣсахъ и болотахъ: »въ тихомъ омутѣ (*мутный, темный*) черти водятся.« Всѣ чары, при совершеніи которыхъ призывается нечистая сила, и собираніе чародѣйственныхъ травъ совершаются ночью. Вѣрнѣйшимъ средствомъ противъ нечистой силы считаютъ начертанный кругъ, какъ знаменіе образа небесныхъ свѣтилъ и ихъ оборота. Обрядъ »ошахиванья« состоитъ въ начертаніи около села круга, потому что черезъ эту черту не можетъ перейти смерть. И такъ нечистая сила обнимаетъ всѣ явленія смерти, мрака, холода...

Мы разсмотрѣли обожаніе одной стихіи свѣта и связаннаго съ нимъ тепла; но Славяне обожали и другія стихіи: землю, и воздухъ, и воду, которую признавали искони-сущою и изъ которой родилась земля. На все это преданія представляютъ несомнѣнныя доказательства. Эти преданія собраны съ сочиненіи г. Срезневскаго »О богослуженіи языческихъ Славянъ.« Мы припомнимъ только, что преданія наши говорятъ о водныхъ и морскомъ чудѣ, что Стрибогъ (*Стри* на моравскомъ языкѣ значитъ воздухъ) былъ дѣдъ вѣтровъ, что мать сыра— земля обожалась: къ ней обращался Славянинъ въ августѣ, заговаривая жниву отъ враждебной нечистой силы: »Мать сыра— земля! уйми ты всякую гадину нечистую отъ приворота, оборота и ляхаго дѣла« и пр... Земля, воздухъ и вода, какъ стихіи, влияющія на развитіе жизни обоготворились Славяниномъ, но не могли стать въ основаніе его религіозной системы. Причина та, что главное условіе жизни находится внѣ ихъ— въ элементѣ свѣта и тепла. Только дѣйствіемъ благотворныхъ весеннихъ лучей солнца, земля получаетъ силу производительности, вода сбрасываетъ ледяныя оковы и воздухъ наполняется живи-

тельною теплою. Съ отсутствіемъ этихъ лучей земля застываетъ, воды скочиваются льдами, воздухъ сгущается и начинаются вихри и мятели. Зима мертвитъ природу во всѣхъ ея стихіяхъ, а весна ея возрождаетъ. Оттого основнымъ исходнымъ началомъ славянской религіи былъ элементъ свѣта и тепла; для выраженія этого поклоненія народная фантазія создала столько божественныхъ образовъ. Обоотвореніе другихъ стихій развивалось по мѣрѣ участія ихъ въ творчество и по степени ближайшей или отдаленнѣйшей связи съ свѣтомъ и теплою. Такъ вѣтры зимніе почитались порожденіемъ нечистой силы, которая бѣгаетъ по полямъ и дуетъ въ кулакъ. Напротивъ лѣтніе и весенніе вѣтры сопровождаютъ молнію и громъ, прогоняютъ вредныя испаренія и очищаютъ атмосферу, они приносятъ весною семена на землю изъ страны вѣчнаго лѣта; они навѣвають въ грудь человѣка любовь; наконецъ ими доносится и молнія, все оплодотворяющая въ природѣ. Дождь и росы по связи перваго съ громомъ, а послѣднихъ съ зарями, получили особенно важное значеніе въ обрядахъ; снѣгу мартовскому приписали благотворную силу и проч. Такимъ образомъ обожаніе свѣта и теплоты проникало въ повѣрья и въ образы славянскаго язычества.

Стихи обожались въ началѣ какъ не посредственныя явленія природы; но впоследствии они принимаютъ человѣческіе образы. Такое перенесеніе человѣческой субстанціи на божества было плодомъ долгаго развитія. Нѣкоторыя силы природы не достигли полного олицетворенія, что опять указываетъ на неразвитость нашей мифологіи. Кромѣ указанныхъ выше божествъ, Несторъ упоминаетъ еще о кумирахъ Мокоша и Симаргла (*Сима и Регла*), о которыхъ въ настоящее время нельзя предложить ничего вѣрнаго...

Перейдемъ въ избу Славянина; сюда

перенесъ онъ тоже обожаніе стихійныхъ божествъ. Очагъ, доставлявшій человѣку свѣтъ и тепло, обожался какъ пенатъ, охранявшій домашнее счастье; съ развитіемъ язычества это божество олицетворено въ дѣдушкѣ домовомъ, что подтверждается обрядомъ при переходѣ на новое село. Въ Польшѣ домовый называется »Выгрище,« а у Бѣлоруссовъ — »Подпечка.« Въ домовомъ выразилось идеальное представленіе русскаго хозяина, домовладѣтеля. По повѣрью должно отличать своего домового отъ чужаго; послѣдній — лихой, тогда какъ первый — добрый. Оттого въ заговорахъ испрашивается защита »отъ чужаго домового,« а при переходѣ въ новый домъ перезываютъ съ собою стараго домового, чтобы чужой не разорилъ двора. По связи съ огнемъ домовый живетъ за печкою, и ему приносили въ жертву пѣтуха. Поклоненіе источникамъ и рѣкамъ особенно наглядно выразилось въ образѣ дѣдушки-водянаго, которому былъ посвященъ гусь. Своего водянаго тоже должно отличать отъ чужаго. Преданіе о водяномъ тѣсно связывается съ вѣрованіемъ въ русалокъ и мавокъ. О русалкахъ въ статьѣ г. Соловьева находимъ превосходное изслѣдованіе (*въ Архивъ Колачова*). Жаль только, что онъ не постарался опредѣлить, что въ данныхъ повѣрьяхъ древнѣйшее и что принадлежитъ позднѣйшимъ олицетвореніямъ. Догматизмъ здѣсь особенно былъ не у мѣста.

(*А. Н. Аванасьева. Арх. Колач. II*).

33. О Славянской мифологіи.

...Дѣло несомнѣнное, что всѣ Славяне въ своихъ языческихъ вѣрованіяхъ вышли изъ одного начала, именно — обожанія видимыхъ силъ природы и признанія единаго небеснаго Бога (*называемого также Сварогомъ*); но столь же вѣрно и то, что въ дальнѣйшемъ развитіи ми-

ологін не всѣ они слѣдовали одному пути и не всѣ ушли одинаково далеко. Это развитіе должно было зависть отъ обстоятельство, и въ особенности отъ того, съ какими народами соприкасалась та или другая славянская вѣтвь... Славяне балтійскіе олицетворяли въ богахъ силы природы; боговъ они изображали въ кумирахъ, кумирамъ воздвигали храмы, для присмотра за храмами и служенія богамъ назначали особыхъ жрецовъ, которые совершали богослуженія по извѣстному чину, съ извѣстными обрядами; наконецъ на содержаніе жрецовъ и на богослуженіе опредѣляли доходы, частію постоянные, частію случайные,—и это іерархическое устройство съ теченіемъ времени, усилилось до такой степени, что князь или воевода (гех) сдѣлался просто исполнителемъ жреческой воли (¹)...

До такой крайности богослужебное устройство не достигло нигдѣ у другихъ славянскихъ племенъ. Племена эти не стояли на одинаковой степени въ отношеніи къ господству кумировъ и храмовъ въ ихъ языческой религіи. Русскіе Славяне лишь подъ вліяніемъ Варяговъ пришли къ мысли изображать своихъ боговъ въ истуканахъ, и первые истуканы поставлены были Владиміромъ, княземъ кievскимъ, на холмѣ Перуну, Хорсу, Дажьбогу и др., и подобнымъ образомъ Добрынею въ Новгородѣ—Перуну надъ Волховомъ рѣкою. Однако, при этомъ же Владимірѣ уже являются на Руси храмы, вѣроятно, имъ же сооруженные, въ которыхъ онъ, по словамъ саги объ Олавѣ Тригвесонѣ, самъ приносилъ жертвы. О другихъ храмахъ на Руси есть только намеки въ позднѣйшихъ извѣстіяхъ. Еще менѣе находимъ указаній у чешскихъ Славянъ. Въ Краледворской рукописи въ пѣснѣ »Эъ чръна лѣса« говорится: »Гдѣ

(¹) См. Ист. балтійск. Славянъ. А. Ф. Гильфердинга. М. 1855 г.

батюшка давалъ кормъ (*жертвы*) богамъ, куда онъ хаживалъ къ нимъ на возглашеніе, тамъ порубили всѣ деревья и разрушили всѣхъ боговъ.« Козьма Пражскій, по случаю разсказа о княжѣ Тетѣ, обращается къ своему времени (ум. въ 1125) и говоритъ: »И доселѣ между многими изъ поселянъ, точно между язычниками, иной чтитъ источники или огни, иной обожаетъ лѣса и деревья, либо каменя, иной приносить жертвы горамъ или холмамъ, иной кланяется *идоламъ* глухимъ и нѣмымъ, *которые самъ себѣ сдѣлалъ*, моля, чтобы они правили домою его и имъ самимъ« (стр. 10). Но эти слова Козьмы относятся, очевидно, только къ домашнимъ, частнымъ божкамъ, которыхъ у Чеховъ называли *Скрытками* и *Шетками*, у Русскихъ—домовыми и т. п. ...

Ни въ одномъ изъ достоверныхъ источниковъ нѣтъ ни малѣйшаго намека, чтобы у Чеховъ и Моравянъ были когда-либо общественные, чтимые всенародно, куміры или храмы боговъ языческихъ, какъ Перунъ кievскій, Свитовитъ арконскій и др. Нужно при этомъ взять во вниманіе, что Франки и Нѣмцы уже съ начала IX стол., когда язычество находилось у Чеховъ и Моравянъ въ полной силѣ, стали къ нимъ не однократно вторгаться, и что борьба ихъ съ этими Славянами, равно какъ съ балтійскими, имѣла, кромѣ государственной, также и вѣросповѣдную цѣль, истребленіе у нихъ язычества; и, не смотря на это, въ ихъ лѣтописяхъ мы не находимъ нигдѣ извѣстія, чтобы они встрѣтили или разрушили въ Чешской и Моравской землѣ какой-либо языческой храмъ, какой-либо идолъ...

Какъ на Руси (¹), такъ и здѣсь, въ Чехіи и Моравіи, нѣтъ никакого слѣда

(¹) Объ-отсутствіи у нашихъ предковъ языческихъ храмовъ и жрецовъ весьма вѣрно разсуждалъ еще митроп. Платонъ въ своей «Краткой церков. рос. исторіи».

особаго сословія, назначеннаго для бого-служенія, для исполненія языческихъ обрядовъ, нѣтъ никакого упоминенія о жрецахъ. Въ пѣснѣ объ Некланѣ Войшнрѣ самъ, на вершинѣ скалы, зажигаетъ жертву богамъ спасаемъ; Забой зоветъ вѣтязя Славоя принести множество жертвъ и т. д. Не забудьте, что пѣснь принадлежитъ, по крайней мѣрѣ, половинѣ IX в., когда язычество уже вело у Чеховъ отчаянную, предсмертную борьбу за свое существованіе: потому нельзя предполагать, чтобы въ послѣдствіи еще, при самомъ паденіи язычества, Чехи принялись строить храмы и учреждать жреческое сословіе. И такъ, съ полною увѣренностію можно сказать, что чешскіе Славяне никогда не имѣли жрецовъ, а тѣмъ менѣе такихъ, какіе образовались у Славянъ балтійскихъ. Гдѣ не было общественныхъ кумировъ и храмовъ, тамъ не было никакой нужды въ жрецахъ. Въ этомъ-то именно я вижу одну изъ главныхъ причинъ, почему всѣ славянскія племена, за исключеніемъ балтійскихъ, вездѣ свободно и охотно принимали христіанскую вѣру, какъ скоро проповѣдники ея приходили вѣстниками мира, а не съ оружіемъ въ рукѣ. Ибо не было никого, кто бы терялъ отъ принятія новой вѣры, какъ теряли жрецы у балтійскихъ Славянъ, (а также у Пруссовъ и Литвы), которые лишались чрезъ это своихъ доходовъ и богатствъ, своего значенія, словомъ—всего своего существованія, и потому употребляли всевозможныя средства, дабы отвратить отъ себя гибель, подстрѣкали народъ къ сопротивленію, къ кровавымъ и истребительнымъ войнамъ и, не щадя даже мирныхъ проповѣдниковъ евангелія, убивали ихъ и приносили въ жертву своимъ богамъ, вѣрнѣе сказать—своимъ выгодамъ...

Иные предполагаютъ, что двѣ премудрыя дѣвы выученныя вѣщаніямъ, которыхъ изображаетъ древнѣйшая чешская пѣснь о Любушиномъ судѣ, были жрицы,

или какія-нибудь другія служительницы языческихъ боговъ... Дѣвы тутъ простыя служительницы суда, *судныя дѣвы*, какъ пѣснь ихъ дѣйствительно называетъ; онѣ тутъ для того, чтобы своею вѣщею мудростію извлечь, въ случаѣ нужды, изъ огня и воды обличеніе виновнаго (*на Судъ Божию*), дабы, согласно съ этимъ, княжна, съ своими *дедами и владыками*, произнесла приговоръ «по закону въкожизныхъ боговъ».

...Замѣчательнѣйшее и важнѣйшее свѣдѣтельство находится въ житіи Оттона Бамбергскаго, и относится къ поклоненію *Триглаву* въ Щетинѣ (Stetin). Въ этомъ городѣ было 3 холма; средній и самый высокій былъ посвященъ верховному богу языческому—Триглаву. Жрецы языческіе говорили, что ихъ верховный богъ (истуканъ) для того имѣетъ три головы, дабы знали, что онъ печется о трехъ царствахъ, небесномъ, земномъ и превсподнемъ... По другому извѣстію въ Щетинѣ находились 4 *континны* или храма, и въ одной изъ этихъ континъ, самой лучшей, изукрашенной рѣзбою и разноцвѣтною живописью всѣмъ на удивленіе, стоялъ истуканъ Триглава, у котораго, говорятъ, головы были посеребренны. При этомъ храмѣ содержался конь Триглавовъ, огромный и необыкновенно тучный, вороной и весьма ретивый. Его не заставляли работать, и ни кто на него не садился, ибо онъ посвященъ божеству; одинъ изъ четырехъ жрецовъ, представленныхъ при тѣхъ храмахъ, долженъ былъ тщательно ходить за нимъ. Его сѣдо, богато украшенное золотомъ и серебромъ, висѣло въ храмѣ Триглава. Когда хотѣли идти въ поле противъ непріятеля, или отправлялись на грабежъ, то посредствомъ коня гадали объ-успѣхѣхъ предпріятія. Именно, жрецъ, которому конь былъ порученъ, водилъ его 3 раза черезъ 9 положенныхъ на землѣ копій взадъ и впередъ, и смотрѣлъ, задѣнетъ ли онъ конья

ногами или нѣтъ: удача предвѣщалась тогда, когда копы оставались нетронутыми.

Въ Волинѣ идолъ Триглава былъ золотой и имѣлъ также храмъ, и жрецовъ; на стѣнѣ храма висѣло также сѣдло, которое было очень старо и готово было разрушиться. Какъ Щегинѣ имѣлъ свои три освященные холма, въ знакъ мѣстопробыванія здѣсь Триглава, такъ точно и Волинѣ, бывший по свидѣтельству Адама Бременскаго, обширнѣйшимъ и славнѣйшимъ городомъ въ цѣлой Европѣ, имѣлъ у себя три символическихъ предмета; это троякій цвѣтъ моря, окружающаго островъ, именно: зеленый, бѣлый и черный—цвѣтъ неба, земли и преисподней, означающій 3 области Триглава. Такимъ образомъ мы приходимъ къ заключенію, что поклоненіе Триглаву волинскому имѣло тотъ же смыслъ, на который указывали жрецы щетинскіе.

У Славянъ балтійскихъ было еще больше кумировъ Триглава. Объ этомъ говоритъ Гельмольдъ (1, 83), и есть ясное свидѣтельство, что эти Славяне, какъ и въ Волинѣ, когда имъ запрещено было поклоненіе Триглаву, скрывали его куміры въ пещерахъ и дуплахъ, а потомъ опять вынимали ихъ, возвращаясь къ своему богослуженію. Славяне браунсбургскіе тоже почитали триглаваго бога въ главномъ городѣ земли своей, какъ свидѣтельствуемъ летописи Пулковы подъ 1156 г. (1). И еще въ началѣ XVI в. въ этой землѣ, равно какъ и въ сосѣдней сторонѣ—Мишенской (Meissen), указывали въ различныхъ мѣстахъ каменные истуканы, изъ которыхъ каждый имѣлъ, правда, одну голову, но съ тремя лицами.—Имя горы Триглавъ въ Крайнѣ (Terjlo) и названіе, существовавшее когда-то въ Славоніи, города Троеглава—тоже напоминаютъ бога Триглава, какъ

(1) Monum. hist. Boh. III, 167.

деревенька Тригловъ близъ Грейфенберга въ Поморьѣ..

Сербская пѣсня о Балачкѣ, треглавоиъ воеводѣ »Ледяна города Латинскаго,«—чешско-словенское преданіе о стеклянной т. е. ледяной горѣ (подземной области), гдѣ треглавыи драконъ держитъ въ пасть трехъ королевенъ,—чешская сказка, въ которой колдунъ, живущій въ желѣзномъ замкѣ съ тремя желѣзными обручами на тѣлѣ, скрывающій королевну въ воздухѣ, землѣ и водѣ,—и еще многія другія сказанія и повѣсти народныя суть только варіаціи на одну и ту же тему. Этотъ непріятель,—драконъ, желѣзный быкъ, колдунъ, исполнитъ (Obg), водяной и т. д. есть лютые морозы, или, по мѣстному положенію, такое дождливое время зимнее, находясь въ которомъ природа, эта дѣвица, стѣснена, угнетена и погружена какъ будто въ смертельный сонъ. А такъ какъ жизнь природы, какъ и трехъ дѣвицъ въ сказаніяхъ, совершается въ трехъ стихіяхъ, въ воздухѣ (на небѣ), на землѣ и въ водѣ (въ преисподней), по этому и зимнее время въ своемъ олицетвореніи является, какъ три врага, три дракона и т. д. Но для означенія единства вещи представляется одинъ треглавыи драконъ, трехглавыи Балачекъ, колдунъ съ тремя обручами и проч...

Этотъ-то князь смерти и мрака, врагъ природы, настоящій, дѣйствительный Чернобогъ находитъ себѣ противника и борца, а природа своего отмстителя и освободителя въ молодомъ, (какъ передается въ народныхъ разсказахъ), ясномъ королевичѣ, въ солдцѣ—Бѣлбогѣ, который со времени своего новаго народженья, т. е. поворота (солонворота), воюетъ съ этимъ непріятелемъ и наконецъ побѣждаетъ его. А такъ какъ этотъ злой богъ, эта »змѣя лютая,« которую по древнѣйшей чешской пѣснѣ, уничтожилъ Трутъ, является въ трехъ стихіяхъ природы, то и противникъ его, добрый богъ, является часто въ трехъ

лицахъ. Противъ триглаваго Чернобога стоитъ триглавый Бѣлбогъ, это—*пресвятное солнце*, къ которому обращается Ярославна въ Словѣ о полку Игоревѣ. Онъ же есть и Триглавъ балтійскихъ Славянъ, высшій языческій богъ яхъ, добраго свойства, который, какъ боецъ, конечно, имѣлъ также своего коня, подобно Святовиту арконскому (орекундскому); только его конь былъ черный, въ знакъ того, что его дѣло совершается зимою, въ желѣзномъ или ледяномъ городѣ, въ подземной области, въ водной стихіи и т. д. Триглавъ добрый былъ, конечно, такимъ же *вышнимъ* богомъ, какъ и Святовитъ орекундскій, и въ самомъ дѣлѣ, къ нему именно должны относиться предсказанія и гаданія, до нынѣ совершающіяся послѣ солнворота въ рождественскіе святки. Въ это время природа, исторгнутая изъ власти Чернобога и пробужденная къ жизни, скрываетъ уже въ себѣ зародыши всяческихъ плодовъ и даровъ, всяческихъ событій на цѣлый слѣдующій годъ. Тутъ уже напередъ опредѣляется, что должно случиться въ наступающемъ году, и каждому заранее опредѣлено, что его ожидаетъ. Человѣкъ, не въ состояніи будучи терпѣливо дожидаться, что ему принесетъ этотъ годъ, хотѣлъ еще заранее узнать свою участь, и употреблялъ для этого различныя способы, особенно же такіе, которые какъ-нибудь касались Трибога, такъ, какъ бы это божество гѣшилось ими и ихъ одобряло... Замѣчательно, что способъ гаданья, употреблявшійся у балтійскихъ Славянъ, до сихъ поръ еще употребляется русскими дѣвушками, которыя водятъ коня чрезъ оглобли телеги: если онъ заденетъ за оглоблю, то у дѣвушки будетъ злой суженый, а если нѣтъ, то мужъ ея будетъ добрый и тихій (Сказ. Сахарова 1, 2, 67).

Сравнивая щетинскаго Триглава съ орекундскимъ Святовитомъ, мы найдемъ

въ нихъ очень много родственнаго, и ч. въ основаніи того и другаго одно существо—солнце. Но если обратимъ вниманіе на ихъ свойства, выражающіяся въ числѣ главъ, то найдемъ и существенную разницу. Триглавъ, владѣющій воздухомъ, землею и водою, представляется богомъ пространства; напротивъ Святовитъ своими четырьмя главами указываетъ намъ, что онъ—повелитель, не столько четырехъ странъ свѣта, сколько четырехъ частей года, т. е. вообще—богъ времени... Массуди, въ своихъ путешествіяхъ по славянскимъ землямъ, видѣлъ гдѣ-то при морѣ, въ нагорномъ храмѣ, кумиръ этого бога, котораго члены были сдѣланы изъ драгоценныхъ камней четырехъ родовъ: изъ зеленаго хризолита, изъ краснаго рубина, желтаго карнеола и бѣлаго кристалла, голова же была изъ краснаго золота (320—321). Эти цвѣта суть тѣ же самыя и идутъ въ томъ же порядкѣ, какъ цвѣта четырехъ временъ года: зеленый означаетъ весну, красный—лѣто, желтый—осень, бѣлый—зиму, а золотая голова надъ ними—солнце, производящее всѣ годовыя перемены⁽¹⁾.

Изъ многихъ сказаній о Триглавѣ—зломъ богѣ, и о побѣдѣ надъ нимъ, обращаетъ на себя вниманіе известная сербская повѣсть о королевичѣ Троянѣ, который не могъ снести солнечнаго свѣта; когда однажды, противъ воли, онъ слѣшкомъ замѣшкался на своей почной прогулкѣ, то, не будучи въ состояніи укрыться отъ лучей солнечныхъ, растаялъ. Уже самое имя *Троянъ* (тройной, троеличный) заключаетъ въ себѣ тотъ же смыслъ, что и Триглавъ; къ этому присоединимъ еще то, что въ немъ олицетворено зимнее время, вракъ, ледъ и снѣгъ, которые таютъ и исчезаютъ, какъ скоро упадутъ на нихъ лучи солнца... вмѣстѣ съ

⁽¹⁾ См. *Časopis českého Museja*. 1849. 170.

ясными днями, которые наступают послѣ солннворота (solstitium), жестокость зимы съ этого времени еще усиливается, и отсюда пошло сказаніе, что солнце борется съ зимою, Бѣлбогъ—съ Чернобогомъ.

Русскому простонародному слову—солннворотъ я приравниваю по смыслу старочешское имя—*Sitivratъ* (отъ слова *sijati, siti*—свѣтлый), т. е. поворотъ свѣтла. Самое имя Ситивратъ находимъ въ одномъ актѣ фульдскаго монастыря 874 г. въ мѣстномъ названіи *Zitemorotenstenni (Sivivratenstein), Sivivratovъ камень*. Подобнымъ образомъ въ русскихъ лѣтописяхъ находимъ *Корочуновъ камень*—камень бога Крачуна, *Волосовъ камень*—камень бога Велеса; въ Краледворской ркп. также говорится о скалѣ, посвященной богамъ, на вершинѣ которой Воймѣръ принесъ жертву. По этому справедливо, кажется, можно заключить, что *Sivivratenstein* назывался камень, посвященный богу Ситиврату, солннвороту... Вацерадъ (въ XII в.) написалъ надъ текстомъ: *Picus, Saturni filius — Сорока Ситивратовъ сынъ*. По древне-итальянскому сказанію, *Picus* былъ лѣсной, вѣщій богъ, сынъ Сатурна и отецъ Фавновъ, котораго, говорятъ, Цирцея, за презрѣніе имъ ея любви, превратила въ птицу, названную по немъ *Picus*—сорока, *Strasek* или *Strakorot*. По этому-то сорока у древне-итальянскихъ народовъ считалась вѣщею птицей... Существенные признаки, согласно указываемые въ этой птицѣ древними народными преданіями и загадками славянскими, суть ея цвѣта: бѣлый, зеленый и черный (загадка чешск: »Стоитъ въ росѣ, какъ дѣвица, бѣла какъ свѣтъ, зелена какъ дитлина, черна какъ уголь»). Это тѣ же самые цвѣта, которые, какъ особенная замѣчательность, были указываемы Адаму Бременскому на островѣ, окружавшемъ Волинъ, и по значенію которыхъ тамъ было мѣстопробываніе Триглава. Такъ какъ Триглавъ, богъ неба,

земли и преисподней, или—воздуха, земли и воды, означался тѣми же цвѣтами, которые носить и сорока, то по этому самому Славяне-язычники могли почитать эту птицу, какъ явленіе или воплощеніе ихъ высшаго Бога. По этому сорока у нихъ была вѣщей птицей, какъ и самъ Триглавъ, и такъ осталось у нихъ въ народныхъ повѣрьяхъ до сихъ поръ: »сорока стрекочетъ—будутъ гости.« И такъ какъ время борьбы солнца съ морозомъ, этотъ Триглавъ—Бѣлбогъ, является послѣ солннворота, какъ будто онъ отъ солннворота родился, то Ситивратъ—солннворотъ по праву можетъ въ сказаніяхъ славянскихъ называться отцемъ Триглава—Бѣлбога, а слѣдовательно и сорока, какъ воплощенный Триглавъ—есть сынъ Ситивратовъ. Ситивратъ уравнивается съ Сатурномъ и въ томъ, что праздники тому и другому приходились въ одно время года: солннворотъ начинался съ 12 декабря и празднованіе въ честь его было около святокъ, а Сатурналии совершались 17 декабря.

Саксонскій Сатурнъ, по лѣтописи XI в., назывался въ простомъ народѣ *Кродо*; а Вацерадъ имя *Krt* объясняетъ какъ имя дѣда Радегостова и Радегостомъ называетъ Меркурія, внука Сатурнова, слѣдовательно и онъ признаетъ Кръта за Сатурна. Имя *Krt* издавна, въ до-историческую эпоху, было любимымъ именемъ личнымъ у Чеховъ и Моравовъ... Въ 1591 г. Штельцаръ Желетавскій вставалъ противъ священниковъ, которые не иначе давали имя мальчику 6 января, какъ *Krten (Krten, Krtny)*. Причина, по чему оно приложено къ празднику *Крещенія* господня, которое приходится во время зимняго солннворота, заключается не столько въ случайномъ сходствѣ словъ *Krten* и *Krsten (Krten)*, сколько потому, что слово *Krt* пришлось теперь въ пору по самому первоначальному своему значенію. Какъ имя народнаго язычес-

каго бога, оно значить производителя, *живителя*, виновника свѣта и жизни, а это свойство Ситивратово. Въ Тульской губерніи есть повѣрье, что со дня Крепченья появляется огненный змѣй и навѣщаетъ красныхъ дѣвушекъ. Смысль этой аллегоріи, кажется довольно ясенъ: огненный змѣй, появляющійся въ это время, есть солнечный свѣтъ (Ситивратъ, Крътъ), а красная дѣвица, которую онъ навѣщаетъ каждый годъ,—есть вся земля господня. У западныхъ Славянъ распространено повѣрье объ удивительномъ существѣ домашнемъ, которое также въ родѣ огненного змѣя, прилетаетъ черезъ трубу и приноситъ своему хозяеву всякаго хлѣба и другихъ плодовъ земныхъ, а иногда и разныя сокровища. Чешское названіе его *Křet*, словенск. *Skrat*, латышск. *Krat*... Такимъ образомъ и этотъ огненный змѣй въ основаніи своемъ имѣетъ не что иное, какъ зимній солнноротъ, начало солнечной части года, которая заботливому хозяину приноситъ урожай плодовъ земныхъ и вообще умноженіе имѣнія ⁽¹⁾. Это рускій дѣдушка, Домовой, Сусѣдко. Изображался *Krt* въ маленькихъ бронзовыхъ статуйкахъ величиною съ палець, отъ чего Чехи называли его *Paleček* (Рус. Мальчикъ—съ пальчикъ).

Если въ сл. *Krt* смягчать первый звукъ *k*, переходящій въ *s*, то выдетъ *Crt* (чертъ), изъ зиждителя Бѣлбога—Чернобогъ, существо отрицательное,—какъ тьма есть отрицаніе свѣта, зима отрицаніе лѣта, и эти двѣ противоположности знаменуются словами *Krtъ* и *Чртъ*... Отрицательное свойство Черта и борьба его съ божествомъ свѣта, нигдѣ не выражается съ такой очевидностью, какъ въ славянскихъ преданіяхъ о твореніи міра и о похищеніи съ неба солнца Чертомъ и

(1) Кладъ также прилетаетъ черезъ трубу и разсыпается деньгами. С.м. *Зап. рус. Ггор. общ.* 1867 г. I. 727.

отнятіе его ангеломъ... Разсказъ о томъ какъ Чертъ поклонилъ на землю, и изъ слюны его родилась сорока, означаетъ, безъ сомнѣнія, что зима, темная половинна солннорота, выпустила изъ себя назадъ солнце—тресвѣтлаго владыку воздуха, земли и воды—Триглава. Съ этимъ разсказомъ о сотвореніи сороки изъ слюны Черта, по всему вѣроятію, находится въ связи господствующее между южными Чехами повѣрье, будто эта птица есть Чертъ (а въ Рос. вѣдьма), и отъ того никто не ѣстъ ея мяса.

Чешское и польское преданіе о *Кро-кль* или *Кракль* имѣетъ связь съ языческими вѣрованіями въ Трибога: *Кракль* былъ мудрый и справедливый судья и правитель народа, по сказанію Козьмы Пражскаго, имѣлъ трехъ дочерей—прорицательницъ, а по хроникамъ *Кадлубка* и *Богухвала*—двухъ сыновей и прекрасную дочь—*Ванду* (вода), которая посвятила себя богамъ и бросилась въ Вислу. Послѣ нея, говорятъ, правилъ землею воевода съ 12 владыками или судьями. Славяне имѣли понятіе изстари о 12 знакахъ зодіака, который *Вацерадъ* въ началѣ XIII в. называлъ *Svor*, а чешскій переводчикъ 1411 г.—*кругомъ звѣринымъ*. Если прибавить къ сл. *Svor* образовательный слогъ *oh* (напр. *пиръ*—*пирогъ*), то получимъ названіе *Svaroh*. Именемъ *Сварогъ* языческіе Славяне означали бога небесъ, или точнѣе—бога небеснаго круга, состоящаго изъ 12 знаковъ; а сыномъ этого бога называли *солнце*, которое совершаетъ въ небесномъ кругу обычный ходъ свой. Чешскій *Премысль*, мужъ вѣщей *Любуши*, дочери *Крока*, пашущій повину въ 12 шаговъ, есть не что иное, какъ *Сварожичъ*—солнце, идущее на пути своемъ по 12 знакамъ небеснымъ. Тоже самое значеніе первоначально имѣетъ и польскій воевода, окруженный 12 владыками...

Своръ или кругъ 12 небесныхъ знаковъ дѣлится на двѣ равныя части или

полукружия, а взаимною связью между ними служат зимнее и лѣтнее солнцестоянія: одна половина круга, гдѣ солнце, вновь родившись, идетъ на высоту и побѣждаетъ своихъ противниковъ — тьму и смерть; а другая половина, гдѣ оно снова поникаетъ, склоняется къ своей смерти, уступая побѣду и владычество своему противнику, или говоря проще: одна половина, когда дни прибываютъ, а ночи убываютъ, а другая когда ночи прибываютъ, а дни убываютъ. Такимъ образомъ въ этомъ кругу господствуютъ вмѣстѣ двѣ силы, одна другой противныя, но всегда нераздѣльныя: свѣтъ и тьма, лѣто и зима, жизнь и смерть, Бѣлбогъ и Чернобогъ, Кртъ и Чртъ, добро и зло—безпрестанно слѣдуютъ одно за другимъ и попеременно побѣждая одно другаго..

Оба эти владыки небеснаго круга, добрый и злой, Бѣлбогъ и Чернобогъ, солнце и противникъ его, являются въ трехъ лицахъ Триглава; троица доброй соответствуетъ троица злая—Триглаву Бѣлбога—Триглаву Чернобога; троячность эта въ обоихъ случаяхъ знаменуетъ собою троякое владычество: на небѣ, на землѣ и на водѣ. Въ чешско-польской баснѣ о Кракѣ эта троячность является лишь относительно добраго бога: чешскій Кракъ тронится въ своихъ дочеряхъ, изъ которыхъ послѣдняя Любуша достигаетъ совершенства отца и судитъ двухъ братьевъ; польскій Кракъ тоже тронится въ своихъ дѣтяхъ и младшая дочь Ванда является опять съ троякимъ значеніемъ, ибо называется владычицею неба, земли и воды; сама она переходитъ въ третье, водное царство, бросается въ воду, что значитъ и ея имя *Ванда* (1). Во всѣхъ славянскихъ народныхъ сказкахъ изъ трехъ сыновей или дочерей оба старшіе всегда представляются бездарными и негодными, и лишь третій, знаменующій собою вла-

(1) *Шафарика, -Славянс. древн.* 725.

дыку водѣ, достигаетъ совершенства и заступаетъ собою мѣсто отца: такъ точно изъ воднаго царства, послѣ зимы, ежегодно возникаетъ властелинъ всѣхъ трехъ царствъ, солнце тресвѣтлое, Триглавъ Бѣлбогъ. Изъ всего доселѣ сказаннаго о Кракѣ и его потомствѣ видно, что это чешско-польское преданіе имѣетъ вполне мифологическое значеніе...

Въ одной греческой баснѣ о происхожденіи Скивовъ разсказывается, что Геркулесъ, угнавъ стада Геріона, пришелъ въ землю, которая названа была потомъ Скивскою. Тамъ застигла его зима. Завернувшись въ львиную шкуру свою, онъ заснулъ, а тѣмъ временемъ исчезли кони съ его пастбища. ...Солнце на пути своемъ по 12 значному небесному кругу, въ греческихъ мифахъ, знаменуется Геркулесомъ и его 12 подвигами, изъ коихъ одинъ состоитъ въ отганіи стада Геріона и въ его убіеніи. Триглавый Геріонъ есть тоже, что славянскій Триглавъ Чернобогъ, т. е. зимнее время, когда солнце, какъ бы ослабѣвъ и умалившись въ силѣ своей, останавливается. Это—Геркулесъ спитъ, его кони уведены Ехидной, время переходное, состояніе вполнину зимнее (ползми) и въ половину лѣтнее (полдѣвцы). Какъ скоро проходитъ такое время—Геркулесъ пробуждается, возродившись отъ Ехидны, и снова воспринимаетъ свою тройственность (Триглавъ Бѣлбогъ), т. е. производитъ отъ Ехидны троихъ сыновей. Въ третьемъ, младшемъ изъ этихъ сыновей, Скиоѣ, который напягаетъ отцовскій лукъ и опоясываетъ его поясъ, обновляется самъ Геркулесъ. Поясомъ геркулесовымъ опять знаменуется небесный кругъ—Зодіакъ, а золотая чашка (символь солнца), которою покрываются соединенные концы пояса, означаетъ то время, когда солнце находится на пути къ своему возрожденію,—время зимнаго солноворота...

Много можно насчитать мѣстъ въ сла-

вянскихъ земляхъ, получившихъ названіе отъ Крака. Нѣмецкіе слово-толкователи объясняютъ сл. *Кракъ* словомъ *карликъ* или малорослый, и въ этомъ объясненіи сходится съ чешскимъ Краткомъ, уменьшительною формою бога Крета или Кръта, который по происхожденію и по смыслу слова, есть то же, что Кракъ. Богухваль считаетъ имя Крака за одно съ польскимъ *krak* — воронъ, и объясненіе это хотя и бессознательное, оказывается справедливымъ въ томъ отношеніи, что оба эти слова происходятъ отъ одного корня (*кря*), и что въ басняхъ и повѣрьяхъ какъ у Славянъ, такъ и у другихъ одноплеменныхъ народовъ, воронъ дѣйствительно всегда сближается съ новорожденнымъ солнцемъ, славянскимъ Кракомъ. Воронъ приноситъ живую и мертвую воду, подъ которыми разумѣется вода текучая и ледъ; а воскрешающее и оживляющее дѣйствіе выражаетъ собою, конечно, сущность Крака, который изъ зимы рождаетъ лѣто, изъ тьмы свѣтъ, изъ смерти жизнь... И въ греческой мифологіи воронъ—любимая птица Аполлона, бога солнечнаго, который также посылаетъ его принести себѣ изъ колодца свѣжей, т. е. живой воды. Нѣмецкій Водень, по описанію младшей Эдды, сидитъ на престолѣ, съ двумя волками у ногъ своихъ и съ двумя ворованми на плечахъ; про него рассказывается, что онъ ежедневно посылаетъ отъ себя этихъ ворововъ узнавать, что дѣлается на свѣтѣ. По объясненію нѣмецкихъ ученыхъ, волки означаютъ смерть, всегубительное время, а вороны—возрожденіе, новую жизнь. Хотя, можетъ быть, въ этомъ объясненіи есть нѣкоторая изысканность, но въ выводѣ своемъ оно вѣрно. Одно изъ прозвищъ Водена, *Solnir* или *Solfadir*, богъ или отецъ зимняго солноворота; а животныя, при немъ находящіяся, опять означаютъ не что иное, какъ, съ одной стороны, минувшую зиму, смерть

(волки), а съ другой наступающую жизнь, весну (вороны).

Этотъ же переходъ отъ зимней половины года къ лѣтней, изображаемый въ нѣмецкомъ мифѣ волкомъ и ворономъ, въ скиѣской баснѣ (греч. извода) является подъ видомъ Ехидны, полудѣви, полудѣвицы; въ нѣмецкой баснѣ Ехидну замѣняетъ бигиня *Гель*, у которой половина лица бѣлаго и половина чернаго. Позднѣйшая басня развила лишь одну черную сторону Гели и сдѣлала изъ нее страшную богиню смерти и преисподней: она пожираетъ людей, питается ихъ мозгомъ. Равнымъ образомъ и древне-итальянскій Янусъ выражаетъ переходное свое значеніе двумя лицами на одной головѣ: на одной сторонѣ старое лице, а на другой молодое...

И у Славянъ было свое божество, въ которомъ простымъ и естественнымъ образомъ олицетворялся этотъ переходъ зимы въ лѣто. Арабскій писатель X вѣка, Массуди видѣлъ у Славянъ (балтійскихъ?) храмъ на черной горѣ; около храма были чудотворныя воды различныхъ цвѣтовъ и разнаго вкуса, и цѣлебная сила этихъ водъ была всѣмъ вообще извѣстна. Въ этомъ храмѣ находился большой истуканъ представляющій Сатурна въ образѣ старца, съ палкою въ рукахъ, которою онъ разгребалъ или разбивалъ могильныя кости мертвыхъ. Подъ правою ногою истукана изображены были разнаго рода муравьи, а подъ лѣвою черныя вороны и другія подобныя птицы⁽¹⁾. Черными птицами, вѣроятно, означалось зимнее время, а лѣтними насѣкомыми подъ правою ногою—время лѣтнее, и мы тутъ опять встрѣчаемъ двойное бытіе, зимнее и лѣтнее, черное и свѣтлое, смерть и жизнь,— что вполне соотвѣтствуетъ двуглавному Янусу и двувѣтной Гелѣ... Богъ ста-

(1) Mémoires de l'Acad. S. P. burg. V-ème serie, II, 320—1.

рецъ, попирающій въ шестви своемъ воздушныхъ и земляныхъ животныхъ и разрывающій могилы умершихъ, олицетворяетъ собою всегубительное время: это настоящій Сатурнъ въ позднѣйшемъ смыслѣ этого имени, истинное изображеніе славянскаго бога смерти. Мѣсто его, какъ бога природы, въ кругу годовомъ между зимою и лѣтомъ, соответствуетъ зимнему солнвороту. По всей вѣроятности, имя этого бога—*Корочунъ* (у Карпаторус. *Керечунъ*, сочельникъ — *керечунъ вечеръ*; у Болг. и Словенц. *Крачунъ*), который выражаетъ темную сторону времени, а *Кракъ* — свѣтлую; названіе его происходитъ не отъ слова *краткій*—отъ малыхъ зимнихъ дней, а отъ слова *крити*—творять. По этому *Крачунъ* есть возбудитель творческой дѣятельности, знаменуемой словомъ *Кракъ*, и отецъ Крака или творящаго солнца. У Чеховъ и на Моравѣ, вмѣсто названія Крачуна, богъ смерти означается словомъ *Костомлатъ*, что согласно съ описаніемъ бога Массуди. Такимъ образомъ Крачунъ, какъ отецъ солнца, отождествляется съ Сварогомъ, богомъ небеснаго круга,—только Сварогъ представляетъ собою нераздѣльный цѣлый кругъ, а съ понятіемъ о Крачунѣ связано раздѣленіе круга на двѣ половины, лѣтнюю и зимнюю; Крачунъ есть посредникъ между ними. Въ этомъ же значеніи посредника между зимою и лѣтомъ, между тьмою и свѣтомъ, между смертью и жизнью, и Ситивратъ есть отецъ солнца, слѣдовательно одной и той же самой сущности съ Крачуномъ. Это тѣмъ болѣе было возможно, что Славяне не имѣли одного имени для означенія зимняго солнворота.

...О Ситивратѣ нѣтъ никакого указанія, чтобы онъ, подобно Крачуну, съ теченіемъ времени, также получилъ одностороннее значеніе бога смерти; напротивъ онъ, какъ отецъ Триглава Бѣлбога, сталъ богомъ свѣта и жизни, и

вполнѣ принялъ значеніе древне-итальянскаго свѣтлаго бога Сатурна. Въ этомъ смыслѣ Ситивратъ представляетъ тождество съ Кртомъ или Кракомъ; это божество новорожденнаго солнца, Сварожича и, будучи властителемъ воздуха, земли и воды, *тресвѣтлымъ солнцемъ*, облекается въ образы Триглава Бѣлбога, трехцвѣтной сороки (сына Ситивратова), трехъ дѣтей краковыхъ и т. д.

Все сказанное нами о мифологическомъ значеніи лѣтняго годоваго полукружія, можетъ быть отнесено, въ обратномъ или отрицательномъ смыслѣ, и къ зимнему полукружію. По относительно этихъ явленій славянская мифологія, сравнительно съ предыдущимъ, гораздо бѣднѣе и уступаетъ мифологіи другихъ народовъ, напр. нѣмецкихъ. Отъ лѣтняго солнцестоянія рождается царь смерти и тьмы: Чернобогъ, Чертъ, Зміи, Водникъ и т. д.; онъ начинаетъ бороться съ богомъ свѣта; онъ причиняетъ общее умаленіе свѣта какъ физическаго, такъ и нравственнаго; онъ приводитъ съ собою злой вѣкъ. За тѣмъ этотъ богъ вытѣсняетъ добраго бога изъ трехъ его царствъ, самъ становится тройнымъ богомъ, облекается въ образы Триглава—Чернобога, триглаваго Балачка или Змія, въ образъ Чернокижника съ тремя желѣзными обручами вокругъ себя и т. д., и окончательно одолеваетъ Бѣлбога.

(Изъ статьи Карла Яромира Ербена. Рус. Бес. 1857, IV, 11. 71—128).

Г. Ербенъ, одинъ изъ лучшихъ представителей чешской словесности и науки: онъ и поэтъ, и изслѣдователь народной старины, и трудолюбивый издатель историческихъ документовъ.

34. Богослужбные обряды Славянъ-язычниковъ.

Чувствуя силу природы, Славянинъ всюду, гдѣ замѣчалъ ее, видѣлъ божество.

ство и по ея дѣйствию, были ли они благодѣтельны для него или вредны, благословлялъ боговъ или страшился ихъ гнѣва. На землѣ божество жило, по его понятію, въ водахъ, горахъ, лѣсахъ, поляхъ, жилищахъ человеческихъ; на небѣ — въ громѣ и молніи, въ вѣтрахъ, въ солнцѣ, мѣсяцѣ, звѣздахъ и пр. О духахъ водъ, горъ, лѣсовъ и полей сохранились повѣртія въ народѣ и до сихъ поръ, равно какъ и о домовыхъ.

Особенно было распространено поклоненіе божествамъ воды и огня. Славяне, поклоняясь воднымъ божествамъ, призывали ихъ въ своихъ клятвахъ въ подтвержденіе даннаго слова, супружескаго обѣта и т. п., очищались водою, какъ стіхіей священной; молились надъ водою, приносили воднымъ божествамъ въ жертву цвѣточныя вѣнки, яства, деньги, шѣтуховъ, даже живыхъ людей; вѣруя въ пророческую силу божествъ водныхъ, относились къ нимъ, какъ къ оракуламъ, гадали на водахъ и изъ воды получали знаменія о будущемъ; вѣра также, что имъ извѣстно было и прошедшее, утаенное отъ людей, отъ нихъ ожидали рѣшеній въ дѣлахъ, въ которыхъ сами не могли быть судіями. Воднымъ существамъ были посвящены особенные дни для совершенія празднествъ въ ихъ честь, для совершенія передъ ними торжественнаго служенія и таинствъ, съ нимъ соединенныхъ: это было особенно весною и среди лѣта. Съ вѣроятностью можно заключить, что святилищами служенія воднымъ божествамъ были особенныя мѣста у береговъ, священныхъ озеръ, рѣкъ, потоковъ и ключей, куда народъ собирался преимущественно для исполненія своихъ священныхъ обрядовъ.

Поклоненіе огню также опиралось, хоть отчасти, на понятіи древнихъ Славянъ, что огонь подобно водѣ, былъ первою стихіей, которой сила участвовала при сотвореніи міра. Огонь, какъ первою данная стихія, какъ обиталище бже-

ственного духа, какъ само божество, будучи предметомъ поклоненія, служилъ для совершенія таинствъ, очищенія и гаданія: Ему молились на очагѣ, подъ овномъ, у костра; ему приносили жертвы. Его брали судію при рѣшеніи дѣлъ, человеку не ясныхъ. Служеніе огню совершалось въ важнѣйшіе годовые праздники, каковы: Коляда и Куцало; ему посвящался особенный день въ недѣлѣ: четвергъ и служеніе ему предоставлялось дѣвять.

Горы, скалы и камни считались обиталищами божества и по этому не могли не быть почитаемы, какъ священныя мѣста богослуженія. «Не нарицайте себѣ бога въ камнѣ», говорилъ русскій проповѣдникъ XII стол. Кириллъ, увѣщевая Русскихъ, еще не крѣпкихъ въ вѣрѣ христовой, отставать отъ языческихъ вѣрованій и обычаевъ. Божествамъ горнымъ молились, приносили жертвы, къ нимъ обращались, когда желали узнать будущее; и вершины горъ, скалы и камни были святилищами этого богослуженія. У горныхъ Славянъ были и жертвенники, которыхъ слѣды видны до сихъ поръ въ Карпатахъ, Судетахъ, Исполинахъ и проч.

Лѣса, рощи и деревья были также почитаемы жилищами боговъ. Къ нимъ питали Славяне и сохранили отчасти до нынѣ чувство религіознаго почтенія и страха. Въ лѣсахъ и рощахъ или у отдѣльныхъ деревьевъ, какъ въ мѣстахъ священныхъ поклонялись божеству. Судя по сказаніямъ современниковъ и по народнымъ преданіямъ, это вѣропаніе было общимъ для всѣхъ Славянъ.

Вѣра, что божество управляетъ всѣмъ міромъ, всѣми переворотами въ мірѣ, и на землѣ, Славянинъ вѣрилъ, что все, чѣмъ онъ пользуется въ жизни, есть даръ благодати божества, что онъ долженъ поступать въ своихъ предначинаніяхъ по божественнымъ знаменіямъ, что всякая удача во всякомъ его дѣлѣ зависитъ отъ помощи божества. Божество управляло по

вѣрованію Славянъ жизнию каждого человека. Славяне вѣровали въ двѣ жизни; преданіе о нихъ сохранилось у нѣкоторыхъ Славянъ и до сихъ поръ. Хорутане называютъ ихъ роженцами, и рассказываютъ, что всякій человекъ, какъ только родится, получаетъ въ небѣ свою звѣзду, а на землѣ свою роженцу, которая предсказываетъ ему судьбу его. Русскіе Славяне вѣрили также въ эти существа, называя ихъ *рожаницами*. «Молятся и роду и рожаницамъ», говоритъ одинъ христіанскій обличитель языческихъ вѣрованій. У всѣхъ Славянъ есть пословицы, намекающія на древнее вѣрованіе въ предопредѣленіе божіе. Русскіе говорятъ: «чему быть, тому не миновать; суженаго конемъ не объѣдешь» или, какъ выражались прежде: «ни хитру, ни гораду суда божія не минути». Сербы говорятъ: отъ божіей воли нельзя никуда уйти. Славяне вѣрили, что боги и въ милости и въ гнѣвѣ предсказываютъ человеку будущее сами, безъ его моленій, и различными знаменіями, земными и небесными, даютъ ему знать, ждуть ли ему удачи въ дѣлѣ или какой бѣды. На небѣ они искали такихъ знаменій въ сонцѣ, мѣсяцѣ, звѣздахъ, кометахъ, метеорахъ; на землѣ во встрѣчѣ съ животными, въ разныхъ явленіяхъ, въ снахъ. Это вѣрованіе доселѣ осталось у Славянъ. «Вѣруемъ», говоритъ Кириллъ, «въ дятловъ, въ воронъ и сляницъ. Когда идемъ куда и если которая впереди заиграетъ, то мы останавливаемся и слушаемъ: правая ли играетъ или лѣвая? если играетъ по нашей мысли, то мы говоримъ себѣ: добро намъ эта птица, доброе предвѣщаетъ она намъ. Если что на дорогѣ случится дурного, то говоримъ окружающимъ насъ: а что не воротиться ли? Когда отправляемся куда, заходимъ къ волхвамъ, вѣруемъ въ нихъ,— въ встрѣчу, а когда идемъ въ долгій путь, мы слушаемъ птицу!»

Славянинъ вѣрилъ, что безъ помощи своихъ боговъ онъ не можетъ ни въ чемъ имѣть успѣха. Все зависѣло отъ боговъ, отъ ихъ милости и гнѣва,—все—и жизнь, и счастье, и несчастіе человека; богами насылались бѣдствія подобныя мору и голоду; богами казнили люди за неправоту, за нецѣломудріе, и пр. О вѣрованіи Славянъ въ безсмертіе души мы находимъ доказательства и въ свѣдѣтельствахъ современниковъ, и въ обычаяхъ древнихъ Славянъ, и въ преданіяхъ народныхъ, сохранившихся до нашего времени. Сожженіе мертвыхъ и съ ними не только ихъ вещей, но животныхъ и людей, или же погребеніе съ мертвыми всего, что было ими любимо въ жизни, предполагаютъ, что умершихъ ожидаетъ воскресеніе и жизнь, въ которой они опять желали бы пользоваться тѣмъ, чѣмъ пользовались до смерти. На могилахъ было въ обычаѣ праздновать веселые пиры: ихъ бы не могло быть, если бы у оставшихся въ живыхъ не было надежды увидѣться съ усопшими въ другой жизни. Славяне представляли себѣ рай чудеснымъ садомъ, и садомъ не земнымъ, а находящимся гдѣ-то въ небесахъ, во владѣніяхъ бога солнца и свѣта, какъ рассказываютъ объ этомъ преданія Словаковъ и Хорутанъ,— садомъ вѣчно зеленымъ и цвѣтущимъ, откуда сѣмена жизни залетаютъ и на землю,— жилищемъ божества и душъ чистыхъ, безгрѣшныхъ. Впрочемъ, рисуя себѣ жизнь загробную со всѣмъ разнообразіемъ условій жизни здѣшней, они вѣрили, что не всѣхъ ожидала по смерти одна и таже участь, что и тамъ, какъ здѣсь, они могли терпѣть лишенія и страдать, если того заслуживали своей неправотою. Славяне боялись мукъ въ неугасимомъ огнѣ пекла, вѣрованіе въ которое, вмѣстѣ съ самымъ словомъ, принадлежитъ до сихъ поръ большей части Славянъ. Это пекло представляли Славяне подъ землею, гдѣ живутъ

злые духи огня и тьмы и откуда появляются на землю, на страхъ боязливымъ. Не смотря впрочемъ на эти опасенія Славянна—язычника, для него всегда оставалась надежда заслужить отъ боговъ прощенье за грѣхи. Его религія не была религія отчаянія, она оживлялась мыслию о благодати боговъ, и страхъ кары соединялся въ ней съ возможностью очищенія. Онъ очищалъ себя при жизни молитвой и жертвой, а по смерти обрядомъ поминовенья, молитвами и жертвами другихъ. Служеніе богамъ совершалось или подъ отдѣльнымъ деревомъ (дубомъ, липой, орѣхомъ), старымъ, не рѣдко дуплистымъ, такъ, что иногда мѣсто святилища было отгорожено копьями, иногда завѣшено тканями, брошенными на вѣтви, или около куста, или же въ рошѣ, гдѣ деревья, святилища были отдѣляемы оградой, за которую не было никому позволено переступать безъ особенной нужды. Служеніе состояло въ моленіяхъ, жертвоприношеніяхъ и гаданіяхъ; въ жертву приносили яства, животныхъ, вещи; гадали по знаменіямъ и жертвамъ.

Въ мѣстахъ освященныхъ, по вѣрованію народа, присутствіемъ божественнаго духа, какъ передъ лицомъ самаго божества, нельзя было садиться, надобно было удерживать въ святилищѣ дыханіе; а обращаясь къ богу, моельщики выражали свое благоговеніе тѣмъ, что падали ницъ и били челомъ. На все это есть свидѣтельства современниковъ, болѣе или менѣе опредѣленные. Славянннъ обращался къ своимъ богамъ съ молитвой славословія, просьбы и благодарности. Отъ молитвъ славословія дошло до насъ нѣсколько остатковъ, менѣе или болѣе любопытныхъ. Въ русскихъ святочныхъ пѣсняхъ до сихъ поръ сохранялся припѣвъ: «слава Богу на небѣ, слава!» Въ южно-русскихъ пѣсняхъ также повторяются припѣвы, подобные этимъ: «славенъ есь, гей, славенъ есь, нашъ милый Боже, на вы-

сокости!» или: «благословенъ еси, Господь, благословивъ сыновъ своихъ.» Сербь, во время праздника Свечара, посвященнаго патрону дома, поютъ пѣсни «за славу божию.» У Хорватовъ сохранилась славословная пѣсня въ честь бога Ладо: «Лепи Иво терга роже, теби, Ладо, свети боже! Ладо, слушаі насъ, Ладо! Песме, Ладо, певамо ти, сердца наша кланямо ти! Ладо, слушаі насъ, Ладо!» Въ молитвахъ просительныхъ, Славянннъ поручалъ себя своимъ богамъ, чтобы они управляли имъ и его домомъ, чтобы даровали ему долгое и счастливое жительство, чтобы всѣ были счастливы, богаты и одерживали побѣды надъ врагами. Отъ этого рода молитвъ намъ остались также отрывки въ народныхъ пѣсняхъ. Такъ въ пѣсняхъ колядныхъ, которыя пѣлись при встрѣчѣ новаго года, повторяются и до сихъ поръ разныя пожеланія, обращенныя къ Богу. Въ русскихъ пѣсняхъ слышны: «дай Боже» или «роди Боже!» напр: «Дай, дай, Боже, тебѣ хозяйну съ борзыхъ коней сыновей женить,— дай, дай, Боже, тебѣ хозяйку съ высокихъ теремовъ дочерей выдавать», или: «Роди, Боже, жито, пшеницу, усяку пашницу, у поли ядро, а въ доми добро.» Въ одной колядкѣ есть припѣвъ: «Подуй же, подуй, Господи, и съ духомъ святымъ по землѣ.» Въ польскихъ колядкахъ поется: «чтобы водилась пшеница и горохъ во дворѣ, въ избѣ, дай тебѣ, Господи, Боже!» Словаки припѣваютъ въ колядкахъ: «дай, Боже, счастья, дай, Боже, долю!» или: «пусть васъ панъ Богъ обогатитъ!» или: «сіяй, сіяй, Боже!» Въ молитвахъ благодарственныхъ Славянннъ выражалъ свою признательность къ богамъ за ихъ благодѣяніе и помощь во всѣхъ дѣлахъ частныхъ и общественныхъ. Молитвы пѣлись, хотъ и не всѣ, однако многія. Вотъ почему въ чешскихъ пѣсняхъ «возглашать любимыя слова» (hlasati milich slov) и просто «возглашать» (hlasati) значитъ

молиться; вотъ почему тамъ же читаемъ, что Войміръ, обращаясь къ богамъ, «воскликнулъ со скалы» (vzuolas skali). «Не слѣдуетъ христіанамъ совершать бѣсовскія игры,» говоритъ одинъ обличитель остатковъ язычества у Русскихъ, «плясбу, гудьбу, пѣсни бѣсовскія и жертвы идольскія.» Вообще пѣніе было принадлежностью языческой религіи Славянь, и вотъ почему у нихъ могло быть понятіе, что «пѣвца добра милуютъ боги» и что пѣвецъ Баянь былъ внукомъ бога солнца Велеса.

Молитвы сопровождались жертвоприношеніями. Между ними нельзя не отличать простыхъ возношеній отъ собственныхъ жертвъ. Съ первыми соединялось или понятіе объ освященіи приносимаго, объ отрѣшеніи отъ него зла божествомъ, злу враждебнымъ, или мирное чувство благодарности божеству, принимающему милостивое участіе въ судьбѣ и дѣлахъ человѣка, благому, заботящемуся о своемъ созданіи, ему помогающему, чувство благодарности человѣка, въ простотѣ сердца вѣрующаго, что божеству можетъ быть пріятно это чувство, какъ бы ни было оно выражено. Съ собственными жертвами, напротивъ, соединялось понятіе о божествѣ, хотъ благомъ, но разгнѣванномъ и страшашемъ, которое надобно было умилостивлять, у котораго надобно было исправивать пощады, которое въ самой пощадѣ остается грознымъ, требующимъ смерти, крови и огня, какъ искупленія зломъ меньшимъ зла большаго. Возношенія чаще всего были огнемъ и яствами. Обычай разложенія огня сохранился до сихъ поръ у многихъ Славянь, несовсѣмъ забывшихъ древніе языческіе обряды. Судя по этому обычаю, торжественное возношеніе пламени совершалось преимущественно два раза въ годъ: въ праздникъ Коляды или новогодія и въ праздникъ Купалы или Креса въ половинѣ года. Передъ идоломъ Перуна, по увѣренію гѣто-

писцевъ, пламя возношенія горѣло постоянно: «ему какъ Богу жертву приносили и огонь неугасающій съ дубоваго дерева непрестанно палили.» Возношенія яствами были также обыкновенны: «ты, Перунище, до сыта ѣлъ и пилъ, а теперь плави дальше,» говорилъ Перуну одинъ изъ его прежнихъ почитателей. «Кладутъ имъ требы, короваи имъ ломаютъ, моленное то брашно дають и ядятъ, ставятъ кумирамъ трапезы котѣйныя,» сообщаетъ одно обличительное русское слово. У балтійскихъ Славянь на островѣ Ранъ—(Рюгенъ) былъ такой обычай: пекли пирогъ сладкій, круглый и такой величины, что въ вышину былъ почти въ ростъ человѣка. Жрецъ, поставя его между собою и народомъ, спрашивалъ у Руянъ: видятъ ли они его. Когда они говорили, что видятъ, то онъ желалъ, чтобы на слѣдующій годъ его за пирогомъ совсѣмъ не было видно. Вѣрили, что этотъ обрядъ способствуетъ счастью народа и обилію слѣдующей жатвы. Этотъ обычай до сихъ поръ соблюдается кое-гдѣ въ Малороссіи. На щедрый или богатый вечеръ (31 декабря) каждая хозяйка готовитъ множество варениковъ, книшей, пироговъ, и поставивши все это кучею на столѣ, затепливъ свѣчу передъ образами, накуривъ ладономъ, просятъ мужа исполнить законъ. Отецъ семейства долженъ сѣсть на покути, за кучей печеня. Когда дѣти, войдя и молясь, спрашиваютъ: «де жъ нашъ батко?» онъ, вмѣсто отвѣта, спрашиваетъ ихъ въ свою очередь: «Хиба-жъ вы мене не бачите!»—и на отзывъ ихъ: «не бачимо тату!» говоритъ имъ: «дай же, Боже, щобъ и на той рикъ не побачили!» Этими словами онъ выражаетъ желаніе, чтобы и въ будущемъ году было такое же изобиліе всего, какъ въ настоящемъ. Что касается собственныхъ жертвъ, то онѣ были вообще двухъ родовъ: жертвы закланія и жертвы сожженія. Жертвы закланія возносились были ежегодно

съ жребіями въ церковь Николы Голстунскаго. Судъ по жребію былъ также обыченъ у Славянъ, особенно *Судъ божій*. И здѣсь, какъ и всюду, гдѣ жребій имѣлъ религиозное значеніе, видно не равнодушіе къ рѣшенію случая, а желаніе предоставить высшей волѣ тѣ, что выше воли человѣческой. Гаданьемъ рѣшали предпріятія общественныя: походы и битвы, сухопутныя и морскіе; гаданьемъ назначались дни богослужебныхъ празднествъ; гаданьемъ назначалось и принесеніе жертвъ божествамъ.

(Святилища и обряды языч. богослуж. древн. Славянъ, И. И. Срезневскаго. Харьковъ, 1846. Спб. 1848 г.).

35. Распространеніе христіанства.

Послѣ Новгорода святитель Михайлъ посѣтилъ (въ 991) съ своею проповѣдію область ростовскую, сопровождаемый четырьмя епископами, Добрынею и Анастасомъ. Ревностные благовѣстники крестили здѣсь безчисленное множество людей, воздвигли многія церкви, рукоположили пресвитеровъ и діаконовъ, устроили клиръ, но не искоренили язычества. Въ самомъ Ростовѣ, куда въ слѣдующемъ году поставленъ былъ особый епископъ Оеодоръ, многіе еще не принимали крещенія и были столько упорны и непріязненны къ архипастырю, что онъ, взнемогши въ борьбѣ съ ихъ злобою, нашелся вынужденнымъ покинуть Ростовъ и скончался, вѣроятно въ Суздаль, гдѣ доселѣ почиваютъ его св. мощи. Преемникъ Оеодора Иларіонъ, прибывшій изъ Константинополя, такъ же послѣ напрасныхъ усилій покорить упорныхъ вѣрѣ, оставилъ каеодру и возвратился въ отечество. Съ нѣкоторою вѣроятностію можно допустить, что въ это время явился въ Ростовѣ съ

проповѣдію св. Авраамій ростовскій. Въ житіи его, которое встрѣчается въ разныхъ спискахъ, ясно говорится, что онъ дѣйствовалъ въ Ростовѣ во дни ростовскаго князя Бориса, когда въ Ростовѣ были еще какіе-то низшіе князи, какъ бывало и въ другихъ городахъ при началѣ Русскаго государства; дѣйствовалъ при первомъ ростовскомъ епископѣ Оеодорѣ и преемникѣ его Иларіонѣ и имѣлъ сношеніе съ самимъ равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ; говорится также, что когда Авраамій поселился близъ Ростова, тамъ еще цѣлый конецъ Чудскій поклонялся каменному идолу Велесу, и что преподобный, съ помощію явившагося ему Іоанна Богослова, сокрушилъ этого идола, и хотя много потерпѣлъ отъ невѣрныхъ, но своими молитвами, наставленіями, терпѣніемъ и благоразуміемъ мало-помалу привлекъ всѣхъ ихъ ко Христу отъ мала до велика. Правда, въ настоящемъ житіи Авраамія встрѣчаются значительныя несообразности, которыя и расположили нѣкоторыхъ относить время подвиговъ его то къ первой, то даже ко второй половинѣ XII вѣка... Но не трудно понять, какъ могли вкрасться въ житіе Авраамія несообразности: оно составлено, судя по содержанію его, послѣ прославленія преподобнаго, т. е. послѣ открытія мощей его, которое послѣдовало уже во дни великаго князя владимірскаго Всеволода Юрьевича, внука Мономахова (1176—1212)...

Считая только болѣе вѣроятнымъ, а отнюдь не несомнѣннымъ, что Авраамій жилъ при самомъ началѣ у насъ христіанства, мы должны допустить, или онъ обратился къ св. вѣрѣ не всѣхъ жителей Ростова, или многіе изъ нихъ вскорѣ снова впали въ язычество: потому что, во второй половинѣ XI вѣка, третьему ростовскому епископу Леонтію пришлось еще много бороться здѣсь съ закоренѣлыми язычниками....

Св. Леонтій еп. ростовскій былъ, по выраженію св. Симона, еп. владимірскаго—*первопрестольникъ* въ томъ смыслѣ, что первый изъ киевпечерскихъ иноковъ возведенъ былъ на сископскій престолъ; слѣдовательно возведенъ не позже 1051 г., когда удостоился епископскаго сана и второй изъ ностриженниковъ преп. Антонія—Иларіонъ, митрополитъ кievскій⁽¹⁾. Прибывъ въ Ростовъ, Леонтій хотя еще нашелъ въ немъ слѣды христіанства послѣ первыхъ двухъ ростовскихъ епископовъ Феодора и Иларіона, которые впрочемъ вынуждены были удалиться изъ города отъ гоненія язычниковъ и особенно послѣ св. Авраамія ростовскаго, усилившаго крестить многихъ изъ нихъ, и даже основать близъ города монастырь, но нашелъ также глубокіе слѣды язычества, — почему прежде всего рѣшился на подвигъ апостольскій. Чтобы усиливше достигнуть цѣли, святитель, благовѣствуя всѣмъ, но встрѣчая упорное противленіе со стороны старцевъ и мужей, обратилъ особенное вниманіе на дѣтей, собиралъ ихъ въ церковь, самъ наставлялъ въ истинахъ спасительной вѣры и крестилъ. Закорепѣлые въ язычествѣ родители тѣмъ съ большимъ ожесточеніемъ устремлялись на него и подвергали его мученіямъ и побоямъ; но мученикъ христовъ не ослабѣвалъ въ своемъ трудѣ, пока не просвѣтилъ вѣрою самыхъ своихъ враговъ. Однажды, когда они съ оружіемъ и дреколіемъ собрались вокругъ церкви, гдѣ онъ поучалъ дѣтей, положили между собою не только изгнать его изъ города, но и умертвить, — Леонтій, облекшись во всѣ святительскія одежды, съ крестомъ въ рукахъ и сопутствующимъ освященнымъ соборомъ также въ полномъ облаченіи—явился предъ ними, и язычники, пораженные

⁽¹⁾ Житіе Леонтія ростовс. въ Правосл. Собес. 1858. I. 297. 420.

чуднымъ видѣніемъ, поверглись всѣ на землю, какъ бы мертвые. Леонтій простеръ къ нимъ слово, исполненное духа и силы: они увѣровали во Христа и крестились. Съ того времени своимъ ученіемъ и чудесами Леонтій привлекъ ко Христу всѣхъ жителей Ростова, и хотя скончался въ мирѣ (прежде 1077 г.), но тѣмъ не менше заслужилъ вѣнецъ мученическій, вслѣдъ за двумя Варягами, пострадавшими у насъ еще прежде за имя христово. Мощи святителя обрѣтены неслѣдственными въ 1164 г., мая 23 и почитаются въ ростовской соборной церкви.

Св. Исаія, епископъ ростовскій, родился въ области кievской; принялъ постриженіе въ Печерскомъ монастырѣ во дни преп. Антонія и Оеодосія; за высокіе подвиги благочестія избранъ (въ 1062 г.) во игумена, устроеннаго великимъ княземъ Изяславомъ Дмитріевскаго монастыря, а потомъ (въ 1077 г.) возведенъ на кафедру ростовской епархіи. Здѣсь ожидали святителя великіе труды: въ самомъ Ростовѣ были христіане, большею частію только новопросвѣщенные, которыхъ надлежало утверждать въ вѣрѣ и укрѣплять; а въ предѣлахъ епархіи ростовской находилось еще весьма много язычниковъ. И св. Исаія, ревностно наизада словомъ спасенія жителей Ростова, обтекалъ прочіе грады и веси области ростовской и суздальской, невѣрныхъ увѣщевалъ вѣровать во св. Троицу и крестилъ, а вѣрныхъ убѣждалъ быть твердыми и не поколебимыми въ вѣрѣ; гдѣ находилъ идоловъ, предавалъ ихъ огню, и сопутствуя себѣ дѣлами милосердія, повсюду привлекалъ къ себѣ сердца своихъ духовныхъ чадъ. Этотъ благовѣстникъ, котораго еще при жизни Господь удостоилъ дара чудотвореній, окончательно насадилъ христіанство въ ростовскомъ краѣ и, по смерти своей (въ 1090 г.), къ концу XI в. чтимъ уже былъ своею цаствою въ ликѣ святыхъ. Неслѣдныя мощи его обрѣтены въ 1164 г. мая

23, и почиваютъ въ ростовской соборной церкви.

Кромѣ Ростова и ростовской области, св. церковь распространилась въ этотъ періодъ еще въ Муромѣ, въ странѣ Вятчей и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ нашего отечества въ сѣверу и юго-востоку.

Просвѣтителемъ Муромъ былъ св. благовѣрный князь муромскій Константинъ (1). Въ житіи его, которое одно сохранило намъ преданія объ этомъ событіи, говорится, что послѣ перваго муромскаго князя, св. мученика Глѣба, который не успѣлъ насадить въ Муромѣ христіанство частію по сопротивленію жителей, а частію и по краткости своего здѣсь пребыванія, Муромцы оставались язычниками до тѣхъ поръ, пока другой благовѣрный князь Константинъ Святославичъ не испросилъ у отца своего въ удѣлъ себѣ Муромъ, желая не только господствовать въ немъ, но и просвѣтить его св. вѣрою. Святославъ долго не соглашался на просьбу сына, опасаясь, чтобы невѣрные не умертвили его, или не прогнали отъ себя. Наконецъ согласился, и отпустилъ съ нимъ жену его Ирину и чадъ Михаила и Оеодора, такъ же нужное число духовенства, воеводъ, воиновъ и другихъ людей, съ ихъ семействами и имуществами. Приближаясь къ Мурому, Константинъ послалъ напередъ сына своего Михаила съ нѣсколькими людьми для убѣжденія Муромцевъ покориться отцу его безъ кровопролитія. Но упорные и коварные язычники умертвили посланнаго имъ князя, выбросили тѣло его вонъ изъ города. Тогда Константинъ приступилъ къ Мурому съ войскомъ. Муромцы хотѣли сначала сразиться съ нимъ, потомъ заключились въ го-

(1) Вообще вся эта статья преосв. Макарія составлена на основаніи житій святыхъ поздняго состава, и содержаніе ея нельзя считать совершенно достовернымъ.

родѣ и выслали сказать князю, что они согласны принять его къ себѣ на княженье, но не желаютъ принимать новой вѣры. Константинъ вошелъ въ городъ, утвердился въ немъ со всѣми своими спутниками и началъ строить церкви. Первая, построенная имъ церковь, въ которой онъ положилъ и тѣло убиеннаго сына своего Михаила, была церковь во имя Благовѣщенія пресв. Богородицы; вторая — во имя благовѣрныхъ князей Бориса и Глѣба. Объ обращеніи Муромцевъ князь усердно молился Богу и въ то же время призывалъ къ себѣ старѣйшинъ города, бесѣдовалъ съ ними о вѣрѣ, убѣждалъ ихъ принять св. крещеніе, то ласками, то дарами, то обѣщаніемъ различныхъ льготъ для жителей; но все напрасно. Язычники враждовали за это на князя, и однажды, положивъ между собою клятву убить его или изгнать изъ города, собрались всѣ съ оружіемъ и дреколіемъ ко двору княжескому. Христіане устрашились и нѣкоторые, заключившись въ домахъ своихъ, стали готовить оружіе; но благовѣрный князь Константинъ, вмѣстѣ съ семействомъ своимъ, духовенствомъ и многими другими христіанами, обратился съ молитвою къ Богу. По окончаніи молитвы одинъ, съ иконою пресв. Богородицы въ рукахъ, явился предъ безчисленнымъ сборищемъ бунтовщиковъ, и язычники, пораженные ужасомъ, пали всѣ на землю и единогласно просили себѣ крещенія. Обрадованный князь, воздавъ благодареніе Господу и Его пречистой Матери, повелѣлъ въ определенный день всѣмъ невѣрнымъ явиться на рѣку Оку, и тамъ совершилось торжественно крещеніе Муромцевъ точно такъ же, какъ совершилось нѣкогда крещеніе Кіевлянъ въ Дибѣрѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ благовѣрный князь Константинъ скончался и погребенъ вмѣстѣ съ дѣтьми своими Михаиломъ и Оеодоромъ въ перво-созданной имъ Благовѣщенской церкви. Св. мощи ихъ открыты въ 1533 г. и

почиваютъ въ одной изъ ракъ въ муромскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ.

(Ист. Рус. Цер. преосв. Макарія I, 6—9. II, 15—19).

36. О борьбѣ христіанства съ язычествомъ въ Россіи.

Славяно-русское язычество еще не успѣло совершенно развиться, когда начала распространяться въ Россіи христіанская вѣра. Оно застигнуто было послѣднею на переходной степені отъ непосредственнаго поклоненія силамъ и явленіямъ природы къ олицетворенію этихъ силъ и явленій, въ образахъ личныхъ божествъ, отъ первичнаго домашняго служенія богамъ, — къ служенію имъ общественному съ храмами, определенной обрядностію и сословіемъ жрецовъ.

Славянинъ успѣлъ выработать въ сознаніи своемъ образы, личности только для низшихъ боговъ, олицетворявшихъ русскую природу съ ея широкими рѣками и непроглядными лѣсами, водяныхъ, русалокъ и лѣшихъ, также для домовыхъ, божествъ семьи и домашняго крова. Эти только божества являются намъ съ рѣзко обрисованными личностями, съ вполне развитою личною жизнью. Имена высшихъ божествъ—Сварога, Перуна, Дажбога—не возбуждаютъ въ умѣ никакого опредѣленнаго представленія. Мы не имѣемъ свѣдѣній ни объ ихъ характерѣ, ни объ ихъ личной жизни; въ народѣ они совершенно забыты. Если ясность и подробности, съ каковыми въ народѣ хранится память о низшихъ богахъ, показываютъ удивительную живучесть вѣрованій, даютъ право заключать о древности и большемъ развитіи этого вѣрованія въ язычествѣ; то наоборотъ забвеніе высшихъ божествъ обнаруживаетъ, что вѣра въ нихъ была сра-

внительно молода, не успѣла пустить крѣпкихъ корней въ сознаніи народа. Такъ по наружному виду дерева можно догадываться о глубинѣ и крѣпости его корней. Созданіе личностей для высшихъ божествъ требовало большаго отвлеченія, мало доступнаго для дѣтской фантазіи и мысли народа.

За областью поэтическихъ сказаній о лѣшихъ, водяныхъ, русалкахъ, домовыхъ открывается первобытное поле непосредственнаго служенія предметамъ и явленіямъ природы. Можно положительно сказать, говорить г. Шешингъ въ своихъ очеркахъ славяно-русской мифологіи, что имена и личности божествъ играютъ самую второстепенную роль въ нашей русской мифологіи. Обогащеніе же природы и жизни во всѣхъ ихъ многообразныхъ проявленіяхъ, — вотъ главнѣйшая основа всѣхъ вѣрованій нашего язычества. Пѣсни, загадки, пословицы и изреченія всякаго рода, обычныя сравненія и качественные эпитеты носятъ еще доселѣ въ языкѣ нашемъ глубокіе слѣды этого наблюдательнаго благоговѣнія челоука передъ вѣчными законами природы и жизни.

Въ сохранившихся доселѣ остаткахъ языческаго богослуженія непосредственное поклоненіе природѣ видимо преобладаетъ надъ олицетвореніями этихъ предметовъ, надъ аллегорическою обрядностію, изъ которой въ развитыхъ вѣрахъ древняго міра выродились, такъ называемыя, языческія мистеріи. Жертвы и молитвы относились непосредственно къ солнцу, лунѣ, звѣздамъ, огню, дереву и т. д. Олицетворенія носятъ еще первичный, наивный характеръ; вотъ народъ нарядилъ въ сарафанъ или зипунъ первый снопъ и представилъ его ликующимъ иванинникомъ; вотъ топятъ соломенную чучелу зими, составляется хороводъ около троицкой березки—Лады, является на улицѣ комическій старикъ-представитель Ярилы или съ гамомъ ѣдетъ на дровняхъ пьяная ма-

сляница съ полштофомъ въ рукахъ. Съ другой стороны, всѣ подобные обряды измѣняются по мѣсту, времени, по расположенію духа толпы, зависятъ отъ произвола; они еще не успѣли окаменѣть, сдѣлаться условными, постоянными и необходимыми, чѣмъ отличаются обряды вполне опредѣлившейся вѣры. Въ одномъ напримѣръ мѣстѣ весенній хороводъ кружится около березки, въ другомъ около разряженной чучелы, въ третьемъ около дѣвушки. Одинъ и тотъ же предметъ празднованія выражается въ различныхъ образахъ въ началѣ, среднѣ и концѣ праздника. Все это показываетъ, что богослуженіе только лишь стало освобождаться отъ своего первичнаго, непосредственнаго характера, допускало произволъ, зависѣло отъ временнаго, случайнаго удобства и вдохновенія.

Очень естественно, что у нашихъ предковъ не было ни храмовъ, ни жрецовъ; это, кажется, нужно почитать вполне доказаннымъ положеніемъ нашей исторіи. Храмы и жрецы являются съ развитіемъ общественнаго богослуженія. Но у насъ самая жизнь въ языческое время не развилась до обществности. Когда каждый жилъ замкнуто съ родомъ своимъ на своемъ мѣстѣ, то необходимо преобладало домашнее богослуженіе. Каждая семья молилась отдѣльно; жрецомъ былъ большакъ семейства; изба была самымъ обычнымъ храмомъ. Вотъ почему въ нашей мифологій болѣе всего развитъ мифъ о домовомъ, вотъ почему также гораздо болѣе сохранилось у насъ языческихъ обрядовъ зимняго, чѣмъ лѣтняго полугодія; зима проводится въ избѣ, среди семьи; лѣтомъ крестьянинъ живетъ въ полѣ. Семейственность составляетъ самую отличительную черту русскаго язычества. Общественное богослуженіе было еще въ зародышѣ. Нѣсколько семействъ, даже деревень собирались на игрище «межи селы» и совершали здѣсь свои обрядовыя игры и пиры.

Эти сборища стали приурочиваться къ определеннымъ мѣстамъ, рѣкѣ, озеру, лѣсу и пр. и наложили на послѣднія печать особенной святости. Явились богатырскія, священныя дубровы, камни, криницы, ручьи и озера, которыя доселѣ пользуются суевѣрнымъ почтеніемъ. Всѣ подобныя водныя, лѣсныя, горныя урочища несомнѣнно были колыбелью общественнаго богослуженія; при дальнѣйшемъ развитіи язычества мы увидѣли бы на нихъ языческія храмы. Наиболѣе замѣчательными начатками определенныхъ мѣстъ богослуженія, начатками храмовъ, служатъ городища.

Кто же совершалъ богослуженіе, когда семьи собирались вмѣстѣ, когда въ обществѣ собраніи ихъ терялось значеніе частныхъ большаковъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служатъ русскій хороводъ, обрядовыя игры и русская братчина; въ богослуженіи общественномъ участвовали всѣ одинаково. Только въ немногихъ случаяхъ нуженъ былъ представитель общины: когда напримѣръ нужно было завести пѣсню, руководить хороводомъ или игрою, распорядиться общественными приношеніями или пиромъ. Тогда выступало выборное начало. Выборъ обыкновенно падалъ или на дѣвушку или на старца патриарха селенія, главаря, большака цѣлой общины. Это были жрецы тоже, если можно такъ выразиться, въ зародышѣ. Такое же значеніе имѣли при общественномъ богослуженіи пѣвцы, гудцы и прегудницы, гусяры, плясцы и т. п. люди, которые ввремя христіанскія извѣстны подъ именемъ *скомороховъ* (*Времен. кн. XX*).

Болѣе всѣхъ этихъ представителей общины жреческій характеръ выразился въ классѣ волхвовъ, вѣдуновъ и вѣдьмъ, которые служили переходною ступенью къ образованію настоящаго жреческаго класса. Каждая вѣра, какъ бы она ни была въ началѣ жизненна и свободна въ своихъ проявленіяхъ, вслѣдствіе односторонне-благоговѣйнаго отношенія къ ней людей,

закаменѣваетъ въ своихъ формахъ и низводится въ обрядность все болѣе и болѣе, по мѣрѣ продолжительности своего существованія. Священное дѣйствіе, въ началѣ свободное, основанное на движеніи благочестиваго чувства одного лица, обращается въ обязательный обрядъ. Благочестивая пѣснь, излившаяся изъ сердца одного вѣрующаго, естественное обращеніе его къ божеству съ словами молитвы превращаются наконецъ въ такую молитву, изъ которой слова не выкинешь, въ заговоръ и заклятіе. Въ самыхъ словахъ, въ ихъ томъ или другомъ сочетаніи поставляется сила молитвы, преклоняющая боговъ къ милости и исполненію желанія. Чѣмъ дальше идетъ развитіе общественнаго богослуженія, тѣмъ болѣе развивается эта обрядность его. Не всякій, даже старецъ, можетъ уже прочитать молитву, употребить именно тѣ слова, какія нужно, и въ томъ именно порядкѣ, въ какомъ определено; не всякій способенъ выполнить и всѣ подробности обрядоваго дѣйствія. Все это можетъ сдѣлать только человѣкъ, исключительно посвятившій себя свящ. вѣдѣнію—вѣдунъ, волхвъ. Ему извѣстны всѣ тайны вѣры и его призываютъ на помощь во всѣхъ чрезвычайныхъ случаяхъ, гдѣ недостаточно кажется обыкновенная молитва. Но волхвъ все-таки далеко не жрецъ. Чтобы получить послѣднее значеніе, ему нужно сдѣлаться постояннымъ и необходимымъ посредникомъ между людьми и богами.

Съ такимъ запасомъ вѣрованій и съ такимъ богослуженіемъ имѣли войти Славяне въ семью христіанскихъ народовъ. Нельзя не видѣть, какъ бѣденъ былъ этотъ запасъ, какъ скудна была его обстановка и какъ слабы были силы этого дѣтскаго міросозерцанія въ сравненіи съ силами и средствами новой вѣры. О вѣдѣннѣйшей борьбѣ между старою и новою вѣрою не можетъ быть и рѣчи. Христіанскіе пастыри не встрѣтили себѣ противниковъ, равныхъ по силамъ и вѣдѣннѣйшему положенію

въ обществѣ, жрецовъ, которые служатъ всегда носителями религіознаго сознанія народа. А безъ нихъ народъ могъ выставить только безсознательное отрицательное противодѣйствіе новой вѣрѣ, во имя народной старины, противодѣйствіе подземное, не обнаруживавшееся въ видѣ вѣдѣннѣйшей борьбы. Христіанскія церкви строились на пустомъ мѣстѣ; неужно было разчищать для нихъ мѣсто чрезъ разрушеніе языческихъ капищъ. Христіанское богослуженіе было первымъ развитымъ общественнымъ богослуженіемъ на Руси. Своимъ благолѣпнѣмъ оно совершенно затмило убогія языческія сборища «межи селы» съ ихъ естественною обстановкою и хороводами; эти сборища сразу явились предъ нимъ одною игрою. Раскрытое, объясненное и снабженное всѣми средствами византійскаго образованія, православіе встрѣтилось у насъ съ бѣднымъ и совершенно неопределеннымъ языческимъ міросозерцаніемъ. Не пускаясь еще въ обстоятельное изслѣдованіе дѣла, можемъ напередъ сказать, что всѣ Свароги, Перуны, Дажбоги будутъ забыты при новыхъ вѣрованнѣяхъ, но что напротивъ низшіе собирательныи духи, домовые, водяные, лѣшіе, русалки, кикиморы и пр., останутся цѣликомъ въ народныхъ повѣрнѣяхъ, что новая вѣра скоро не подавитъ это благоговѣнное служеніе природѣ. Можемъ папередъ также сказать, что языческая вѣра скоро уступитъ христіанству и своихъ кумировъ, а свои богослужебныя собранія, всю свою общественную сторону, но не уступитъ ему другой стороны—внутренней, привычныхъ взглядовъ на вещи, всѣхъ своихъ принадлежностей, которыя были внѣ ея общественнаго значенія. Будучи вѣрою частныхъ лицъ, семьи, дома, оно крѣпко засядетъ въ избѣ и отсюда его уже не выживутъ скоро никакія мѣры духовной и свѣтской власти, кромѣ просвѣщенія. Эти мѣры могутъ выгнать его только съ улицы съ

поля, изъ священнаго богодѣся, но оно особенно и не нуждалось въ этихъ священныхъ мѣстахъ...

Въ первоначальной исторіи христіанства на Руси, очень выразительно то обстоятельство, что народъ принималъ его съ покорностію въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ была сильна княжеская власть; гдѣ она была слаба, тамъ мы и въ XII вѣкѣ видимъ, съ одной стороны, проповѣдниковъ — мучениковъ, а съ другой — толпы волхвовъ. Очень естественно, что новопросвѣщенная власть усердно помогала дѣятельности пастырей церкви. При этомъ не надобно упускать изъ виду того, что іерархія, явившись на Руси, какъ священно-началіе церкви христовой, приняла государство подъ свое руководство; она воспитывала верховную власть въ благочестивыхъ началахъ, внушала князю, что онъ «поставленъ отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на помилованіе» (*Лавр. 54*), т. е. расширяла его власть, кромѣ юридической области, еще на нравственную жизнь...

Дѣйствуя совокупными силами, князя и пастыри церкви толпами собирали народъ позорить языческихъ боговъ и креститься, воздвигали множество церквей, выписывали новыхъ священно-служителей изъ Византіи и Болгаріи, переводили священныя книги, заставляли новообращенныхъ ходить къ богослуженію, учить христіанскія молитвы, даже греческое «кириелейсонъ». Но чѣмъ быстрее шло это дѣло, чѣмъ покорнѣе слушался народъ своихъ властей, тѣмъ было хуже. При той быстротѣ, съ какою возрастало число обращенныхъ, нельзя и предполагать нравственнаго перевоспитанія новопросвѣщеннаго общества. Подъ христіанскою внѣшностію во всей своей свѣжести оставалось старое язычество. Это было даже не двоевѣріе, потому что двоевѣріе, смѣшеніе христіанства съ язычествомъ, предполагаетъ уже нѣкоторую степень усвоенія новаго ученія, це-

реработку его на народный ладъ. Оно составляетъ уже дальнѣйшую степень въ исторіи христіанства; съ него начинается постепенный ходъ внутренняго перевоспитанія народа...

Поученія пастырей церкви до XIV в. прямо направлены противъ язычества, обнаруживаютъ самостоятельность его, существованіе его на ряду съ христіанствомъ.

Новая вѣра не вытѣснила еще старую, даже не измѣнила ее; обѣ онѣ соединились между собою чисто механически, а не органически. Народъ ясно помнилъ свою прежнюю догматику и обрядность; и ту и другую поученія представляютъ еще въ животрепещущихъ образахъ. Послѣ XIV вѣка язычество видимо ступовалось; его догматика забывается; въ поученіяхъ является на первомъ планѣ обличеніе не мѣа, а языческой обрядности, которая пережила мѣа, но безъ него и сама поблѣднѣла и потеряла свой смыслъ. Послѣ грубаго двоевѣрія постепенно является другое двоевѣріе, состоявшее не въ механическомъ, а въ органическомъ соединеніи двухъ вѣръ, при чемъ язычество поглощалось христіанствомъ и примѣшивало къ нему своеобразный народный оттѣнокъ.

...Съ новымъ Богомъ народу хотѣлось удержать и своихъ прежнихъ доморожденныхъ боговъ. Онъ исполнялъ это желаніе всегда и вездѣ, когда и гдѣ было возможно, гдѣ князь и духовенство не могли замѣтить его служенія по старой вѣрѣ, куда не могли проникать мѣры той и другой власти.

Послѣ обязательной молитвы въ христіанскомъ храмѣ, Славянинъ полуязычникъ отправлялся въ священную дуброву, къ озеру, рѣкѣ, къ студенцу, къ старому дупластому дубу, березѣ, къ священному камню или подъ овинъ и творилъ тутъ свою убогую молитву по обычаю отцевъ и дѣдовъ. Онъ поклонялся и приносилъ жертвы бѣсамъ — Перуну, Хорсу,

Мокошу, Велесу, Дажбогу и др., пѣль свои старинныя пѣсни, въ которыхъ призывалъ солнце красное, младъ свѣтелъ мѣсяцъ, звѣзды частыя; въ домахъ съ иконами стояли божки языческіе; да онъ и церковь звалъ «божницею», христіанскія святыни ставилъ на одну доску съ языческими. Среди семьи совершались всѣ старинныя богослужебныя обряды, ставились законныя обѣды Роду и Рожаницамъ, домовому и проч. Составлялись и языческія торжества: то сойдутся люди на жальникъ для котейной трапезы и тризны по умершимъ, то тихонько отъ строгаго церковнаго и гражданскаго надзора соберутся на старинныя игрища межъ селы, гдѣ возобновятся всѣ языческія безчинія и разгулъ. Но общественное богослуженіе строго преслѣдовалось, и язычество поневолѣ должно было ограничиваться предѣлами одной избы, одного семейнаго быта. Здѣсь царилъ чистѣйшая старина. Долго церковь не могла завязать самаго основнаго узла законной семейной жизни—правильнаго брака. Въ простонародѣ было искреннее убѣжденіе, что церковный бракъ существуетъ только для князей и бояръ. Свидѣтельство на это имѣемъ въ церковномъ Правилѣ митрополита Іоанна (XI вѣка). Не только были въ свѣжей памяти, но и на самоѣ дѣлѣ происходили умыканія невѣсть, браки съ языческимъ обычаемъ плесканія, съ пѣснями въ честь Лады или съ обхожденіемъ въ лѣсу около ракитова куста, около священнаго озера. Наши былины постоянно говорятъ, что богатыри, кромѣ вѣнчанія церковнаго, обходили вокругъ ракитоваго куста. Тоже правило XI вѣка свидѣтельствуемъ, что мужъ держалъ по двѣ жены и больше, прогонялъ одну и бралъ другую.

Славянинъ полуязычникъ повиновался духовенству, потому что за духовенство былъ князь; но онъ не любилъ священника, бѣжалъ отъ него, чувствуя за собою много языческыхъ грѣховъ, и встрѣ-

чу съ духовнымъ лицомъ почиталъ дурною для себя. Въ тоже время въ обществѣ большимъ уваженіемъ пользовались волхвы и кудесники—эти начатки языческаго жречества. Ихъ призывали на родины сотворить трапезу Роду, наречь или младенцу, избавить его наговорами отъ порчи, глаза и притки, навазать ему чародѣйскій наузъ, совершить обрядъ постриговъ и проч. На свадьбахъ имъ давалось первое мѣсто. Къ нимъ обращались во всѣхъ важныхъ случаяхъ домашней жизни, по случаю чьей-нибудь болѣзни, пропажи, семейнаго раздора и т. п. Въ общественныхъ бѣдствіяхъ тоже: произойдетъ засуха, случится наводненіе, появится зараза, народъ думалъ, что все это дѣло колдовства чародѣевъ и обращался къ нимъ съ мольбою о помощи. Не только по деревнямъ и селамъ, но и по городамъ ходили толпы вѣщихъ мужиковъ и бабъ, особенно старухъ, которыя были окружены языческою таинственностію и держали въ рукахъ суевѣрное народонаселеніе древней Руси. Лѣтопись показываетъ, что къ волхвамъ ходили не только простая чадь, но и князья. Знаменитый Всеславъ полоцкій, герой былинъ, оборотень «Слова о полку Игоревѣ», былъ рожденъ и воспитанъ среди волхвованія.

Если припомнимъ, какое значеніе волхвы имѣли въ язычествѣ, то всѣ эти знаки общаго уваженія къ нимъ и ихъ вѣса въ обществѣ опредѣляютъ для насъ степень распространенія христіанскихъ понятій и укоренѣнія ихъ въ народномъ сознаніи. Волхвъ былъ противоположность священника, онъ былъ представитель язычества, какъ священникъ христіанства. Торжество того или другаго было торжествомъ той или другой вѣры. Какъ служители языческихъ боговъ, какъ главныя хранители суевѣрныхъ обычаевъ и священныхъ знаній стараго времени, волхвы даже вступали въ открытую борьбу съ христіанствомъ; они ходили всюду съ

своею языческою проповѣдью и волновали чернь. Проповѣдь ихъ тѣмъ болѣе была сильна, что они почти всегда появлялись въ то время, когда народъ, еще не утвержденный въ христіанствѣ, былъ особенно расположенъ слушать ихъ, въ морозную язву, въ голодъ, въ засуху, въ години разнаго рода народныхъ бѣдствій. Народъ толпами ходилъ за ними, видя въ нихъ представителей боговъ. Не передавая подробныхъ лѣтописныхъ извѣстій о волхвахъ, укажемъ на одно наиболѣе выразительное явленіе, опредѣляющее степень распространенности христіанства между разными слоями общества. Въ XI вѣкѣ волхвъ явился въ Новгородѣ; когда епископъ съ крестомъ въ рукахъ вышелъ на вѣче, на его сторону стали только князь съ дружиною, весь народъ сталъ на сторонѣ волхва. Если такъ было въ одномъ изъ главныхъ и образованнѣйшихъ городовъ; то что сказать о селахъ, деревняхъ, починкахъ, разбросанныхъ въ разсыпку по разнымъ захолустьямъ Русской земли, въ лѣсахъ и степяхъ, вдали отъ правительственныхъ и церковныхъ центровъ?... На такую грубую почву пало сѣмя христіанства. Около него росли старыя сорныя травы, пробиваясь по всѣмъ мѣстамъ вновь воздѣлываемаго поля, гдѣ наскоро пропустили клочки первые ратаи—правительство и духовенство. Христіанству нуженъ былъ усиленный ростъ, чтобы заглушить эти сорныя травы. Съ самаго начала принятія новой вѣры идетъ непрерывное противодѣйствіе ей со стороны вѣковыхъ привычекъ и старинныхъ народныхъ вѣрованій, наслѣдованныхъ отъ отцевъ и дѣдовъ...

Веселое, хороводное и пѣсенное богослуженіе язычества увлекало новообращенныхъ христіанъ; изъ церкви народъ съ удовольствіемъ бѣжалъ на свои игрища. Обличенія въ холодности къ богослуженію, происходящей не отъ лѣности, а именно отъ языческаго расположенія ду-

ха, составляютъ поэтому главную тему поученій нашихъ древнихъ іерарховъ.

Древніе пастыри наши хорошо понимали, какъ вредна для христіанства эта любовь народа къ своимъ игрищамъ и пѣснямъ и что она значитъ. Пѣть пѣсни, участвовать въ игрищахъ прямо почиталось дѣломъ языческимъ... Народъ, сохраняя еще свѣжее языческое чувство, охотнѣе стремился на языческія празднества, чѣмъ въ христіанскій храмъ...

Народныя игрища были совершенно языческаго дула. Всѣ эти купальскія, семницкія, радонецкія и т. п. торжества съ бубнами, сопѣлями, пѣснями и плясіемъ были вовсе не то, что нынѣ; они имѣли еще смыслъ (языческій), теперь уже забытый... »Ноузъ, ношеніе, кощуны, идолослуженіе, моленія кладезная и рѣчная, пѣсни *бьсовскія*, плясаніе, бубны и сопѣли, козицы (качцы—трощкія качели), *игранія бьсовская*.« И проводились эти празднества по-язычески. Поученія съ отвращеніемъ описываютъ нѣжный и грязный разгулъ, который производился на нихъ и перешелъ цѣлкомъ изъ языческаго времени. Здѣсь происходили сцены разврата, который прежде имѣлъ другое значеніе—законнаго брака, а теперь сталъ совершенно въ разрѣзъ съ заботливостію церкви объ устройствѣ домашняго быта посредствомъ христіанскаго брака. Рассказавъ о языческомъ обрядѣ умыканія дѣвицъ, пр. Несторъ непосредственно затѣмъ замѣчаетъ, что въ нѣкоторыхъ краяхъ Руси этотъ обрядъ совершался еще и въ его время. Объ умыканіи говорится въ церковныхъ Уставахъ Владимира и Ярослава, въ церковномъ Правилѣ митрополита Іоанна II.

Особенно свѣжи были остатки язычества въ менѣе открытыхъ и многочисленныхъ собраніяхъ около священныхъ деревьевъ, камней, водъ. Въ уставѣ Владимира къ церковному суду отнесено: »кто подъ овинномъ молится, или во ржи, или

подъ рощеніемъ, (съ льсу) или у воды. Тоже повторяютъ Уставъ Всеволода и церковное Правило митрополита Іоанна. Въ этихъ укромныхъ мѣстахъ менѣе мѣшалъ язычнику строгій церковный надзоръ. Русскій переводчикъ твореній св. Григорія Богослова вставилъ отъ себя въ текстъ слова его на Богоявленіе господне замѣчаніе, которое обнаруживаетъ въ людяхъ его времени еще самую живую вѣру въ олицетворенія силъ и явленій природы⁽¹⁾. Подобныя свидѣтельства ясно обнаруживаютъ предъ нами ту почву, на которой стоялъ народъ въ первые вѣка христіанства. Другія поученія еще болѣе разъясняютъ дѣло, представляя въ своихъ обличеніяхъ живую олицетворенность силъ и явленій природы въ знакомыхъ образахъ прямо подъ именами Перуновъ, Хорсовъ, Дажбоговъ и пр., свѣжую память о старинныхъ мѣоахъ...

Поученія обличаютъ преимущественно общественныя игры, пѣсни, пляски, развратъ. Въ празднествахъ, имѣвшихъ семейный характеръ, они подмѣтили почти только такіе обряды, которые выходили изъ предѣловъ семьи и избы, напримѣръ въ праздникъ Коляды — собираніе припасовъ для общей жертвы, переряживание, попойки. Во внутренній міръ семьи, этотъ міръ суевѣрій тайныхъ, неоткрытыхъ, какъ видится, не могла совершенно проникнуть наша первобытная церковь. Поученія мало знаютъ даже о главномъ божествѣ дома — домовомъ⁽²⁾. Церковь могла слѣдить только за взаимными отношеніями членовъ семьи и устраивать ихъ по началамъ христіанскаго брака.

(1) Библіогр. листы Кеппена. Спб. 1825 г. № 7, стр. 88.

(2) Встрѣчается голословное упоминаніе «бѣса хороможителя» въ Златой Чени XIV в. (*Очерки Бусл. 11, 123*) и указаніе на обрядъ въ честь домового при новосельи: «въ новосельи идетъ съ копкомъ черною и съ курюю чернымъ». (*Отис. Рум. Муз. Востокова, 552*).

Изъ всѣхъ отраслей семейнаго богослуженія церковь болѣе всего знала о служеніи Роду и Рожаницамъ, и то также преимущественно съ его виѣшней стороны, насколько это служеніе выступало изъ недоступныхъ предѣловъ семьи. Вѣрованіе въ Родъ и Рожаницъ получило особенно широкое развитіе у славянскихъ племенъ и долго крѣпилось противъ христіанства. Наши обличенія особенно много и долго останавливаются на немъ...

На югѣ и въ мѣстахъ болѣе населенныхъ, гдѣ дѣло новаго образованія мало успѣшило, языческіе боги были забыты еще въ XII и XIII вѣкахъ. Не то было въ отдаленныхъ углахъ и захолустьяхъ Руси... На крайнахъ, по свидѣтельству извѣстнаго намъ слова св. Григорія, еще продолжали тайкомъ молиться и Перуну, и Хорсу, и Мокошу, и Виламъ, продолжали ставить и беззаконную трапезу Роду и Рожаницамъ, на великую прелесть вѣрнымъ христіанамъ. Свѣжая память старой мѣологии по украинамъ поддерживала знаніе этой мѣологии и въ другихъ мѣстахъ; но потомъ эта память начала темнѣть и тамъ. Обличенія начинаютъ толковать просто объ идолослуженіи вообще и о разныхъ языческихъ обрядахъ безъ яснаго пониманія ихъ первоначальнаго смысла. Мы еще встрѣчаемъ имена боговъ, но онѣ уже смѣшиваются съ именами греческой мѣологии и одно замѣняетъ другое, кромѣ того искажаются такъ, что ихъ и узнать нельзя; напримѣръ имя Хорса превращается въ Нахора...

Около XIV вѣка борьба христіанства съ язычествомъ на Руси замѣтно принимаетъ новое направленіе; она главнымъ образомъ устремляется противъ остатковъ языческаго богослуженія, которое будило еще отжившія вѣрованія, хотя уже не могло вполне осмыслиться ими. Все, что сохранилось въ народѣ преданіемъ отъ древняго богопочтенія, болѣе и болѣе

принимало значеніе суевѣрія, и, теряя свой старинный смыслъ, примыкало къ христіанскимъ праздникамъ и обрядамъ въ видѣ стараго обычая и повѣрья. Закоренѣлая привычка смѣшивала принадлежности старыхъ боговъ съ принадлежностями христіанскихъ святыхъ, обряды идольскихъ торжествъ съ торжествами церкви. Не возможно было искоренить однимъ разомъ то, съ чѣмъ свыклась душа и что вошло въ самую народность Славянъ русскихъ. Даже христіанскія торжества церкви получили языческія названія, наприимѣръ Русальная недѣля, Купало, Коляда и проч. Христіанство затмило боговъ, превратило ихъ во второстепенныя существа, большею частію въ демоновъ, но служеніе ниъ долго сквозило и доселѣ отчасти сквозитъ среди христіанскихъ обрядовъ. Въ старинныхъ пѣсняхъ, которыми сопровождаются народные праздники, слышимъ припѣвы, въ которыхъ уродливо соеполагаются Богородица и Троица съ Дидомъ, Ладюю. Христіанскій праздникъ переходилъ въ открытый языческій разгулъ съ языческими обрядами, которыхъ нельзя было не узнать, хотя память объ ихъ значеніи и была затеряна; пастыри церкви прямо называютъ ихъ невѣрными, погаными, идольскими, еллинскими. А тамъ, за предѣлами общественныхъ праздниковъ, таился цѣлый міръ тайныхъ суевѣрій, вѣроваій въ собрательныхъ духовъ водныхъ, лѣшихъ, домовыхъ, особое потаенное богослуженіе дома и семьи съ множествомъ суевѣрій, примѣтъ и обрядовъ...

Во главѣ языческаго общественнаго богослуженія, какъ мы знаемъ, стояли волхвы, потомъ гудцы, прегудницы, пѣсельники, плясцы и другіе люди, необходимые при совершеніи обрядовъ и распорядженій праздничнымъ торжествомъ. Какъ представители язычества, волхвы въ началѣ дѣлали открытыя возстанія противъ христіанства. Съ XIII вѣка мы не видимъ уже этихъ возстаній, — знакъ, что

христіанство успѣло занять господствующее положеніе среди народа. Но еще долго спустя послѣ этого они продолжали удерживать за собою прежнее значеніе и пользовались благоговѣннымъ уваженіемъ народа въ разныхъ мѣстностяхъ..... Такъ въ 1410 году м. Фотій писалъ къ новгородскому духовенству: «учите своихъ дѣтей духовныхъ, чтобы басней не слушали, лихихъ бабъ не принимали, ни узловъ, ни примолвленья, ни зелія, ни вороженья и елика такова, занеже съ того гнѣвъ божій приходитъ; и гдѣ таковыя лихія бабы находятся, учите ихъ, чтобы перестали и каялись бы, а не имутъ слушати, не благословляйте ихъ, христіаномъ заказывайте, чтобы не держали ихъ между себе ни гдѣ, гонимы бы ихъ отъ себе, а сами бы отъ нихъ бѣгали, аки отъ нечистоты; а кто не имать слушати васъ, и вы тѣхъ такоже отъ церкви отлучайте» (А. Эксп. I, № 369).

Прежде колдунъ, волхвъ призывался въ качествѣ служителя боговъ; его дѣйствіи имѣли значеніе религіознаго врачеванія, очищенія, благословенія, молитвы и заклятія боговъ. Но когда язычество стало падать, когда въ народѣ стала усвоиваться общая мысль проповѣдниковъ, что старая вѣра есть служеніе бѣсамъ и бѣсовское изобрѣтеніе, къ числу бѣсовскихъ козней, злыхъ обаяній, пагубныхъ чаръ отнесены были, разумѣется, и дѣйствія волхвовъ. На волхва, вѣдуна и вѣдъму народъ взглянулъ, какъ на существа злобыя, исполненныя грѣха, которыя продали бѣсу свою душу, дѣйствуютъ по его волѣ и его силую, какъ на рабовъ его. Всѣ принадлежности ихъ получили худое, черное значеніе; у нихъ черная кошка, черная собака, черная книга, по которой они волхвуютъ среди черной ночи. Они дѣлаютъ одно только зло и людямъ и животнымъ, своими заговорами насылаютъ болѣзни, скрадываютъ дождь, ро-

су, свѣтъ, производятъ голодъ, бесплодіе, вредятъ всѣмъ и всему (1)...

Наряду съ волхвами почти одинаково преслѣдовались другіе представители общественной стороны язычества, — скомо-рохи...

Пересматривая увѣщанія и заирещенія, мы легко можемъ судить о слѣдствіяхъ ихъ. Всѣ они, равно какъ и полицейскія мѣры правительства, бьютъ именно на ту сторону язычества, которая была особенно слаба и не развита, которая вовсе не составляла его сущности, на вышнюю общественную его сторону. Мы видѣли, что она только еще устанавливалась, только еще выходила съ опредѣленными очерками изъ области народной поэзіи и народныхъ увеселеній на игрищахъ межъ селъ; очень не мудро, что ее легко было опять обратить въ ея первобытное состояніе, въ ту же область поэзіи и увеселеній. Но ни мѣры правительства, ни дѣятельность церкви не коснулись или слегка, тоже только снаружи, коснулись сущности языческаго міросозерцанія. Славишинъ и не нуждался особенно въ обрядахъ, которые преслѣдовались; его боги жили около него, на его печкѣ, подъ порогомъ, въ овинѣ, въ рѣкѣ, гдѣ онъ ловилъ рыбу, въ студенцѣ, изъ котораго пилъ, въ лѣсу, гдѣ онъ ходилъ съ своимъ топоромъ, косою и сохою; сила этихъ боговъ, ихъ дѣйствія и знаменія сопровождали его на каждомъ шагу въ его немудреной жизни и каждый шагъ, каждое занятіе, каждый предметъ его домашняго обихода были окружены множествомъ обрядовъ, примѣтъ, суевѣрій. Вотъ гдѣ была суть его религіи, а сюда-то и не проникали вышнія мѣры противъ язычества. Отлученія и обличенія церкви, батоги и опалы государства проносились въ

(1) Развитие этихъ мыслей см. въ Альман. „Комета.“ въ статьѣ г. Аванасьева „О вѣдунѣ и вѣдьмѣ.“

воздухъ, не задѣвая этого темнаго міра политическихъ убѣжденій и суевѣрнаго, таинственнаго взгляда на природу и жизнь. Этотъ темный міръ требовалъ не угрозы, обличеній и наказаній, а свѣта, христіанскаго просвѣщенія.

Древніе просвѣтители народа, разрушая куміры и требища, старались строить на ихъ мѣстахъ христіанскіе храмы; новая святыня ставилась на развалинахъ старой. Нужно расширить смыслъ этого выразительнаго явленія въ исторіи христіанства. Только тамъ уничтожалось язычество, гдѣ христіанство его замѣнило, гдѣ старыя вѣрованія и обряды замѣнялись новыми. Гдѣ подобной замѣны не было, гдѣ новыя понятія не усвоивались народомъ, язычество оставалось цѣликомъ. Какъ ни величественно возвышалось новое зданіе христіанства на старой почвѣ, не очищенной образованіемъ, эта почва всегда подновляла и оживляла свои обычныя произрастанія, и пробивались они изъ подъ давящаго ихъ зданія во всѣ стороны, дѣлали во всѣ его щели и не замѣненные мѣста.

У насъ не было главнаго средства противъ язычества — христіанскаго просвѣщенія, которое могло бы преобразовать суевѣрныя понятія народа. Какъ бы мы ни старались доказывать обиліе духовнаго просвѣщенія въ древней Руси множествомъ просвѣтительныхъ твореній, трогательною заботливостію о томъ церкви, современное намъ состояніе большинства русскихъ людей выразительно обозначаетъ темный историческій путь, по которому шелъ народъ. Не касаясь исторіи собственно простаго народа, заглянемъ лишь въ исторію его ближайшихъ просвѣтителей — низшаго духовенства. Мы видимъ въ низшемъ духовенствѣ главную просвѣтительную силу для народа, которая находилась въ непосредственномъ соприкосновеніи съ нимъ. Въ вопросѣ о народномъ образованіи нужно

брать во вниманіе именно эту силу, а не высшую іерархію, которая вращалась среди высшихъ классовъ и во всё времена была болѣе или менѣе далека отъ народа, имѣла мало просвѣтительнаго вліянія даже на низшее духовенство.

Низшее духовенство было плоть отъ плоти и кость отъ костей простонародья. Когда приходская сходка разсуждала о томъ, кого послать ко владыкѣ для посвященія въ попы, ея выборъ падалъ, разумѣется, на лучшаго человѣка, болѣе сроднаго съ избирательною общиною по духу, грамотѣя, извѣстнаго по всему околотку. Это былъ не просвѣтитель народа, который распространялъ бы около себя новыя лучшія понятія, а скорѣе представитель тѣхъ вѣрованій и понятій, которыя были распространены въ массѣ и которыя онъ усвоилъ лучше всѣхъ.

(Изъ статьи П. В. Знаменскаго. Правосл. Собесѣдн. 1865 г. кн. 8).

Статьи по рус. мѣологии можно читать слѣд: Перунъ. П. Калайдовича. Вѣстн. Евр. 1807, ч. 36, № 24, стр. 267. О Волосѣ. Водкова, ч. 107 № 19, стр. 174. Замѣч. на эту статью, ч. 108, № 21, стр. 38. О язык. религій древ. Польши. Бандтке. 1826 ч. 146, № 7, стр. 191; 1827 ч. 152, № 5, стр. 27. О Чернобогѣ. Прейса. Ж. Мин. Н. Прос. ч. XVIII, 1. 227. *Его же* о мѣологии, ч. XXIX, IV, 32. Кушало, ч. XXXI, II, 4: Волосъ ч. XL, II, 17. Обожаніе солнца. Срезневскаго. Хорсъ и Дажбогъ. Бодянскаго. ч. LI, II, 36. О кумирахъ, ч. LXXI, VII, 32; LXXII VI, 26. LXXIII, VII, 22. Язык. преданія Польши и Литвы. Сынъ Отеч. 1842, VII, 1. Объ идолахъ кievскихъ. Ст. Руссова. Тамъ же 1824, XCVI, 145—161. О литовск. мѣологии, тамъ же 1836, CLXXVI, 166; CLXXVII, 90. 1837, CLXXXV, 298. 1838, VI, 84. Сѣверн. Архивъ ч. 1. № 3. стр. 291. ч. 4. № 24, стр. 463 ч. 9. № 3, 131. № 4, 191. О тожествѣ мѣологии скандинавской, финской, славянорус. Библ. для чт. 1842, LV, 33—64. О рус. народ. мѣвахъ и сагахъ. Н. Не. Надеждина. Рус. Бес. 1857, кн. III и IV, смѣсь. О времени язычка Владиміра. Рус. Бес. 1856,

кн. 1, от. 2. Очеркъ нравовъ и язык. религій Славянъ. С. М. Соловьева. Архивъ историко-юрид. свѣд. кн. 1, отд. 1, 1—54. О язык. взглядахъ и обычаяхъ. Ф. И. Буслаява. Тамъ же I, IV, 1—48. Домовой. А. Н. Аванасьева, т-же VI, 13—29. О Рожаницахъ, Срезневскаго и Аванасьева, т-же кн. II, полов. 1. отд. 1, 35—96, 123—142. Зоморочич. божества. Аванасьева. Отеч. Зап. 1852 LXXX, II, 1, 95. LXXXI, II, 1. *Его же* Религиозно-языч. значеніе язы Славянна. 1851, LXXVI II, 53. Истуканъ Святотвда, найденный въ Подоліи. О. З. 1854, LXXVII, VIII, 66. Мифы славянс. язык. Шеннича 1850 г. Кригич. разборъ въ От. Зап. 1850, LXVIII, V, 17. Дажбогъ. Рус. Ист. Сбор. VII, 150. О Рожаницахъ. Времени, 9, 28. Письмо Буслаява, въ прилож. ко 2 т. Ист. рос. Соловьева. О языческихъ суевѣріяхъ. Москвит. 1854, II, № 5. Свѣтовидъ. Шеннича. Времени. кн. 13. Смѣсь 1. О Русскалахъ. Шафарика. Саворіа Сельскаго Музеумъ 1863, 257. Коляда. С. Микучкаю. Вѣстн. 1860. № 37. О Кунахъ и Колядѣ. П. Собр. Соч. К. С. Аксакова. 1861, 1, 325. Славянс. мѣология. Журн. Ваза, 1861, № 9 и 10. Объ источникахъ и формахъ рус. баснословія. Д. Щепкина. М. 1859. О мифич. вѣрованія. П. А. Лавровскаго. Спб. 1862; (извлечено изъ Учен. Зап. II отд. Акад. Н.). Славянс. и рос. мѣология. Касайрова. М. 1810. Краткое обозрѣніе мѣологии Славянъ. рос. П. Строева. М. 1845. Опис. древ. славянс. баснословія. М. Попова Спб. 1768. Древ. религія Славянъ, Г. Глинки. Митава 1804. Словарь рус. суевѣрій. М. Чулкова. Спб. 1782. Тоже съ дополненіями: „Абелега рус. суевѣрій“ М. 1786. Опытъ о идолахъ, Владиміромъ въ Кіевѣ поставленнымъ во времена язычества. С. Руссова. Спб. 1824. О статуй Чернобога въ Бамбергѣ. Шафарика. Рус. Ист. Сборн. т. 1. кн. 1. 1—30. О значеніи кумировъ при св. Владимірѣ поставл. Москвит. 1851, IX и X, 99—120; XI, 105—145. Свидѣтельство Писциевс. Сборн. о язык. суевѣріяхъ рус. Срезневскаго. Тамъ же 1854, V, 52—64. О двухъ серебряныхъ идолахъ, вырытыхъ въ Черниговѣ въ 1702 г. Тамъ же 1846, IV, 200. Начертаніе славянс. мѣологии. М. Касторскаго. Спб. 1844. Восточн. изв. о Руссахъ. Френа. Сѣвер. Арх. 1826, 22. Сказанія иностр. обитѣ и нравахъ Славянъ. В. Макушева. Спб. 1861. Архитектура храмовъ язык. Славянъ. Срезневскаго. Чт. общ. ист. 1846, № 3, смѣсь 44—54. Погребальныя обряды у древнихъ Славянъ. А. А. Котляревскаго. М. 1867 г. Славянс. мѣология П. Не. Костомарова. Кіевъ 1847. Извлеченія изъ Краледворс. ркп. касательно религіозн. вѣрованій и обрядовъ. Ж. М. II. Пр. 1840, № 42. Смѣсь христіанства съ язычествомъ и ересями въ древне-рус. сказаніяхъ о мѣрѣ. Прав. Собес. 1861, 1, 249.

II. СОСТОЯНІЕ ОБРАЗОВАНІЯ.

1) ВЗГЛЯДЪ НА УЧЕНІЕ КНИЖНОЕ.

А. ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННЫЕ.

37. Кирилъ и Меодій.

Словѣномъ жпоущимъ крещенымъ и княземъ ихъ, Ростиславъ, и Святополкъ, и Коцель послаша ко царю Михаилу глаголюще: земля наша крещена, и нѣтъ оу насъ оучителя, иже бы ны наказалъ (*наставилъ*) и поучалъ насъ, и протолковалъ святыя книги; не разумѣемъ ни гречьску языку, ни латыньску; они бо ны онако оучать, а они бо ны и онако, (*одни такъ, другіе иначе*), тѣмже не разумѣемъ книжнаго образа, ни силы ихъ: и послѣте ны оучителя, иже ны могутъ сказати книжная словеса и разумъ ихъ. Се слыша царь Михаилъ, и созва философы вся, и сказа имъ рѣчи вся словѣнскихъ книзь, и рѣша философи: есть мужь в Селуни, именовъ Левъ; суть оу него сынове разумиви языку словѣнску, хитра два сына оу него философа. Се слышавъ царь, посла по ня в Селунь ко Лвови, глаголя: посля к намъ въскорѣ сына свол Мефодія и Костянтина. Се слышавъ Левъ, въскорѣ посла я, и придоста ко цареви, и рече има: се прислалася ко мнѣ Словѣнска земля, просящи оучителя собѣ, иже бы могъ имъ проголковать св. книги; сего бо желаютъ.

Оумолена быста царемъ, и послаша я въ Словѣнскую землю къ Ростиславу, и Святополку, и Къцьлови. Сима же пришедшема, начаста съставлявати писмена азбуковная словѣнски, и преложиста апостолъ и еуангеліе. Радн быша Словѣни, яко слышаша величья божья своимъ языкомъ; посемже преложиста псалтырь и охтанькы и прочая книги. Нѣцы же начаша хуляти словѣнскія книги, глаголюще: яко не достоятъ некоторому же языку имѣти буквѣвъ своихъ, развѣ Еврѣи, и Грекъ, Латинъ, по Платооу писанью, еже на крестѣ господни написа. Се же слышавъ папѣжь римскни, похули тѣхъ, иже ропщють на книги словѣнскни, река: да ся исполнить книжное слово, яко възхвалять Бога вси языци; другое же: вси възъглаголють языки велпчья божья, яко же дасть имъ св. Духъ отвѣщевати, да аще кто хулитъ словѣнскую грамоту, да будетъ отлученъ отъ церкви, дондеже ся исправять; ти бо суть волци, а не овца, яже достоятъ отъ плода знати я, хранитися ихъ: вы же чада божья, послушайте оученья, и не отрините наказанья церковнаго, якоже вы наказалъ Мефодий оучитель вашъ. Костянтинъ же възратився въсять, и иде оучить бол-

гарьскаго языка, а Мефодии оста в Моравѣ. Посем же Коцель князь постави Мефодья епископа въ Пании на столѣ св. Онѣдроника апостола, единого отъ 40 оученика св. апостола Павла. Мефодии же посади два попа скорописца зѣло, и приложи вся книги исполнь отъ гречьска языка въ словенскѣ 6-ю мѣсяць, наченъ отъ марта мѣсяца до двудесату и 9-ю день октября мѣсяца. Окончавъ же достойно хвалу и славу Богу въздасть, дающему такую благодать епископу Мефодью.

(Лѣтоп. Нестора, по изд. Тимковскаго, 16—17. II. Собр. Лѣтоп. I, 11—12).

38. О письменехъ чръноризца Храбра, по лѣтописи X вѣка.

Прѣжде убо Словѣне не имѣху книгъ, но чрътами и рѣзами чьтаху и гадаху, ногани (*язычници*) суще. Кръстивше жеся, римьскими и гречьскими письмены нуждахуся, словѣньскы рѣчь безъ устроения; но како можетъ ся писати добрѣ гречьскими письмены: Богъ, или животь, или зѣло, или церковь, или чаанне, или широта, или ядь, или удъ, или юность, или языкъ (*здѣсь должно быть правьписаніе юсовое*), и инаа подобнаа сямъ. И тако бѣша многа лѣта. Потомже челоувѣколюбець Богъ, строяи всѣ (*вся на пользу*), и не оставляя челоувѣча рода безъ разума, но въся къ разуму приводя и спасенію, помиловавъ родъ челоувѣчъ, посла имъ св. Костантина философа, нарицаемаго (*во мнишскомъ чину*) Кирилла, мужа праведна и истинна, и створи имъ 30 писмена и 8, ова убо по чину гречьскыхъ письменъ, ова же по словѣньскѣи рѣчи. Отъ прьваго же наченъ по Грьчьску: они убо *алфа*, а съи *азъ*, отъ аза начать обое; и якоже они цо-

добльшеся жидовьскимъ письменемъ створиши, тако и съи гречьскимъ. Жидове бо прьвое писмя имуть *алефъ*, еже ся сказаеть учинение съвершающе, въводи-му дѣтищу, и глаголаще: *учися*, еже есть алефъ; и Грьци подобящеся тому *алфа* рѣша. И сподобися реченне сказанна жидовьска Грьчьску языку. Да речеть дѣтищу въ учениа мѣсто, *ици*: алфа бо—ици ся речеть гречьскомъ языкомъ. Тѣмъ бо подобяся св. Кирилъ створи прьвое писмя *азъ*. По яко и прьвому сущу писмени азъ, и отъ Бога дану роду Словѣньскому на отвѣстие усть, въ разумъ учащимься буквамъ, великомъ раздвиженнемъ усть възгласится, а она писмена маломъ раздвиженнемъ усть възгласятся исповѣдаются. Се же суть писмена словѣньскаа, сице а подобаеть писати и глаголати: *а, б, в, и....*

Друзии же глаголють: »почто есть 38 писменъ створилъ? а можетъ ся и меньшимъ того писати, якоже и Грьци 24 пишуть.« И не вѣдять колицимъ пишуть Грьци; есть бо убо 24 писменъ, но не нащлѣвѣются тѣми книги, но приложили суть двогласныхъ 11 и въ численехъ же (*въ числахъ же*) 3, 6-е и 9-десятое и 9-стѣное, и събираются ихъ 38. Тѣмже потому подобно и въ тѣжде образъ створи св. Кирилъ 38 писменъ.

Друзии же глаголють: »чесому суть Словѣньскы книги? ни того бо есть Богъ створилъ, ни то аггели, ни суть ижде конии (*законни*), яко жидовьскы и римьскы и еллиньскы, ижде отъ кона (*отъ закона*) суть и приаты суть Богомъ.«

А друзии мнѣть, яко Богъ намъ есть створилъ писмена, и не вѣдятся, что глаголюще окаянии. И яко трими языки есть Богъ повелѣлъ книгамъ быти, якоже въ евангелии пишеть: »и бѣ дѣска написана жидовьскы и римьскы и еллиньскы, а словеньскы нѣсть ту; тѣмже иѣ суть словѣньскы книги отъ Бога. Къ тѣмъ что глаголемъ, или что речемъ къ

тацѣмъ безумнымъ? Обаче речемъ отъ св. книгъ, якоже научимся: яко всѣ по ряду бывають отъ Бога, а не отъ иного. Нѣсть бо Богъ створилъ жидовска языка прѣжде, ни римска, ни еллинска, ни сирьскы, иже и Адамъ глагола, и отъ Адама до потопа, и отъ потопа, дондеже Богъ раздѣли языки при стълпотвореніи, якоже пишеть: «размѣшеном же бывшемъ языкомъ.» И якоже ся языци разиѣшиа, тако и прави, и обычае, и уставы, и законы и хытрости на (кождо) языку. Египтѣном же землетрѣние; а Персомъ и Халдеомъ и Асиреомъ звѣздочтѣние, вльшвенне, врачеванне, чарованна и всѣ хытрость человекъ; жидовом же св. книги, въ нихже есть писано, яко Богъ створи и землю, и всѣ яже на ней, и человекъ, и всѣ по ряду, якоже пишеть; Еллиномъ Граматикія, Риторикія, Философія. По прѣжде сего Еллини не пишѣху своимъ языкомъ писемей, но финичьскыи писмены писаху свою си рѣчь, и тако бѣша многа лѣта. Панамидъ же (Панамидъ) послѣжде пришелъ, наченъ отъ *алфы* и *зеты*, 16 писменъ тѣкмо Еллиномъ обрѣте, приложи (ли) же имъ Кадѣмъ Милвсін (и *Милкиій*) писмена 3, (и составишася 19 писменъ); тѣмже многа лѣта 19 писаху. И потомъ Симоидъ обрѣтъ, приложи двѣ писмени, Епихаріи же Сказатель 3 писмена обрѣте; и събраси ихъ 24. По мнозѣхъ же лѣтѣхъ Дионисъ Граматикъ 6 двогласныхъ обрѣте, потомже другимъ 5, и другимъ 3 писменятаа; и тако мнози многыи лѣты едва събраша 38 писменъ. Потомъ же многомъ лѣтомъ минувшемъ, Божиемъ повелѣниемъ, обрѣтеса 70 мужъ, яже прѣложиша отъ жидовскаа (языки книги) на грѣчьскыи языкъ. А словѣнскыи книги единъ св. Костантинъ, нарицаемыи Кирилъ, и писмена створи и книги прѣложи въ малѣхъ лѣтѣхъ (отъ греческиихъ на словенскій языкъ), а они мнози многи лѣты 7 ихъ писмена устроили, а

70 прѣложенне (седми мужми писмена устроиша, а 70 мужей книги прѣведоша): тѣмже словѣнскыи писмена свѣтѣшии суть и чѣстѣиша, свѣтъ бо мужъ створилъ ѿ естъ, а грѣчьскыи Еллини погани.

Аще ли кто речеть: «яко нѣсть устроилъ добръ, понеже ся постраяють и ещо.» Отвѣтъ речемъ сямъ: и грѣчьскыи такожде многажды суть постраили, Акилла и Симмахъ, и потомъ ни мнози; удобѣе бо есть послѣжде потворити, неже прѣвое створити.

Аще бо въпросиши книгъчя (книжника) грѣчьскыи, глаголя: «кто вы естъ писмена створилъ, или книги прѣложилъ, или въ кое время?»—то рѣдци отъ нихъ вѣдять. Аще ли въпросиши словѣнскыи букаря (букарей), глаголя: «кто вы писмена створилъ естъ, или книги прѣложилъ?»—то вси вѣдять, и отвѣщавше рекутъ: св. Костантинъ философъ, нарицаемыи Кирилъ, ты намъ писмена створи и книги прѣложи, и Меодие братъ его (епископъ моравскій). Иаще въпросиши—въ кое время?—то вѣдять и рекутъ: яко въ врѣмена Михаила царя грѣчьскаго (по седмоу собору въ 44 лѣто), и Бориса князя Българскаго, и Раствца князя Моравска и Коцелѣ князя Блатенска, въ лѣта же отъ създанна всѣего мира 6363. Суть же и ни отвѣти, яже и инде речемъ, а ни нѣсть врѣмя (!). Такъ (таковъ естъ) разумъ, братие, Богъ естъ далъ (словѣномъ, ему же слава и чѣсть и дрѣжава и цоклащѣние, ни нѣсть и приено и въ бесконечныи вѣкы, аминь.

(Иоаннъ Экзархъ Болгарск. Изслѣд. К. Калайдовичи. М. 1824 г., стр. 189—192).

(!) По изъ писаній черноризца Храбра доселѣ извѣстны только эти «Отвѣти о писменехъ.»

39. Ярославъ любитель книгъ.

Въ лѣто 6545 (1037). Заложилъ Ярославъ городъ великій Кіевъ, у него же града суть Златая врата; заложилъ же и церковь св. Софьи, митрополію, и посемъ церковь на Золотыхъ воротѣхъ св. Богородицѣ Благовѣщенъе, посемъ св. Георгія монастырь и св. Ирины. И при семъ нача вѣра хрестыанская плодотися и расшпрати, и черноризци почаша множитися, и монастыреве починаху быти. И бѣ Ярославъ любя церковныя уставы, попы любяше повеліку, малыхъ же черноризцѣ, и книгамъ прилежа и почитая е (ихъ) часто въ ноци и въ дне; и собра ишъцѣ многы и прекладаше (переводилъ) отъ Грекъ на словѣнское писмо и списаша книги многы, и списка (розыскалъ), ими же поучаша вѣрныя людье, наслажаются ученья божественнаго. Якоже бо се нѣкто землю разореть (распахать) другый же насѣть, ими же пожинають и ядятъ пищу бескудну (вдоволь): тако и съ отецъ бо сего Володимерь взора и унягчи, рекше крещенъемъ просвѣтивъ; съ же насѣя книжными словеса сердца вѣрныхъ людий, а мы пожинаемъ, ученье приемяще книжное. Велика бо бываетъ полза отъ ученья книжного; книгами бо кажемъ (наставляемъ) и учимъ есмы пути покаянью, мудрость бо обрѣтаемъ и въдержанье отъ словесъ книжныхъ; се бо суть рѣкы, напаяющы вселеную, се суть исходнища мудрости; книгамъ бо есть неисчетная глубина, сими бо въ печали утѣшаемъ есмы, си суть узда въдержанью. Мудрость бо велика есть, якоже и Соломонъ хваля е глаголаше: азъ премудрость вселихъ, свѣтъ, разумъ и смыслъ, азъ призвахъ страхъ господень; мой свѣтъ, моя мудрость, мое утверженье, моя крѣпость, мною царева царствують, а силнии пишутъ правду, мною вельможи величаются и мучители держатъ землю; азъ любящая мя люблю, люци

мене обращать благодать (Притчи Солом. VIII, 12, 14—17). Аще бо пощещи въ книгахъ мудрости прилежно, то обратиши великую ползу души своей; иже бо книги часто чтеть, то бесѣдуеть съ Богомъ, или святыми мужи; почитая пророческыя бесѣды, и еуангельская ученья и апостольская, житья св. отецъ, въсприемлетъ душа велику ползу. Ярославъ же се, якоже рекохомъ, любимъ бѣ книгамъ, многы написавъ положи въ церкви св. Софьи, юже созда самъ, украси ю златомъ и серебромъ и съсуды церковными, въ ней же обычныя пѣсни Богу въздають, въ годы обычныя. И нынѣ церкви ставляше по градомъ и по шѣстомъ, поставляя попы и дая имъ отъ имѣнья своего урокъ, веля имъ учить людья, понеже тѣмъ есть поручено Богомъ, и приходити часто къ церквамъ; и умножишася прозвутери, людье хрестыаньстїи. Радовашася Ярославъ, видя множество церквей и людья хрестыаны зѣло; а врагъ сѣтовашеться, побѣжаемъ новыми людьями хрестыанскими.

(Лавр. 65—6).

40. Постѣловія XI в.

А.—Остромирова Евангелія 1056—7.

Слава тебѣ, Господи, царю небеснымъ, яко съподоби ми написати еуангеліе се: почяхъ же е писати въ лѣто 6564, а коньчяхъ е въ лѣто 6565. Написахъ же еуангеліе се рабоу божию, нареченую сущоу въ крещении Иосифъ, а мирьскы Остромиръ, близокоу сущоу Изяславоу князю, тогда прѣдрѣжящоу обѣ власти—и отца своего Ярослава, и брата своего Володимира; самъ же Изяславъ князь правляше столъ отца своего Ярослава Кіевѣ, а брата своего столъ поручи правити близокоу своему Остромиру Новѣ-

городѣ. Многа же лѣта даруи Богъ сътяжавъшоумоу еуангелие се на оутѣшеніе многамъ душамъ крестиянъскамъ. Дай емоу Господь Богъ благословеніе святыхъ евангелистъ Иоана, Матѳеа, Луку, Марка и, св. праотець Авраама и Исаака и Іакова, самому емоу и подружю его Теофанѣ и чядомъ ею (*ихъ*) и подружнемъ чядъ ею. Съравъствоуйте же многа лѣта съдръжяще пороученіе свое. Аминь.

Азь Григории дьяконъ написахъ еуангелие се, да иже горазиѣ сего напише, то не мози зазърѣти мнѣ грѣшныноу. Почахъ же писаги мѣсяца октябрия 21 на память Иларіона, а оконъчахъ мѣсяца мая въ 12, на память Елифана. Молю же всѣхъ почитающихъ, не мוזѣте кляти, нъ исправъше почитайте; тако бо и св. апостолъ Паулъ глаголетъ: благословите, а не кляните. Аминь.

(Историч. Христом. Буслава. 1—2).

Б.—Святославова Изборника 1073.

А коньць всеѣмъ книгамъ: оже ти собѣ не любо, то того и друогу не твори.

Въ лѣто 6581 паписа Іоанъ днакъ изборъникъ съ (*сей*) великоумоу князю Святославоу. Великий въ князьхъ князь Святославъ въжделаниемъ зѣло въжделавъ дрѣждливый владыка обавити покръвенныя разоумы въ глубинѣ многострѣпътныихъ снхъ кънигъ премудрааго Василя въ разумѣхъ пове.ѣ мнѣ немоудроувѣдну прѣмѣноу сътворигі рѣчи инако набъдните тождество разоумъ его, яже акы бѣчела любодѣлна съ всякого цвѣта псиноу събравъ акы въ единѣ сътъ въ вельмысльное срьдце свое проливаетъ акы сътъ сладкъ изъ оуетъ своихъ прѣдъ боляры на въразумише тѣхъ мыслемъ являся имъ новый Птолемей не вѣроу, но желаниемъ паче и събора дѣля многочѣстныхъ божьствъныхъ кънигъ всѣхъ

имя же и свои полаты испѣлнь вѣчную си память сътвори еже памяти вишу въсирнати буди христолюбивѣи его души въ отъмыштеніе вѣнцешъ блаженныхъ и святыхъ мужъ въ непрѣбръдомый вѣкъ вѣкомъ.

(Христом. Буслава 261—2).

41. Предисловіе къ житію препод. Феодосіа Печерскаго до 1093.

Благодарю тя, владыко мой, Господи І. Христе, яко сподобилъ мя еси недостойнаго съновѣдателя (*повѣствователя*) быти святымъ твоимъ въгодникомъ; се бо испрѣва писавшю ми о житии и убиении и о чудесѣхъ святою и блаженою стратотрѣцю, Борису и Гѣбба, понудяся и на другое исповѣданіе прити, еже выше в (*естъ*) моя сила, емоу же и не бѣхъ достоенъ, грубъ сы и не разумичешъ, къ симъ же яко и не бѣхъ ученъ никоеи же хитрости. Нъ въспоманухъ, Господи, слово твое, рекъшее: аще имате вѣру, яко и зрно горушью, и речете горѣ сен: *преиди и сверзи сея въ море, и абне послушаетъ васъ*; си на умѣ азь грѣшныи, Нестеръ, принимъ и оградивъся вѣроу и упованиемъ, яко вся възможна отъ тебе суть; начаткъ слову съписания положихъ, еже о житии преподобнааго отца нашего Феодосія, бывша игумена монастыря сего, святыхъ владичицъ нашея Богородицѣ, его же и день успѣнне нынѣ празъднующе (*3 мая*), память творимъ. Се же яко же, о братне, въспоминающю ми житие преподобнааго, не сушу же съписану ни отъ кого же, печалю по вся дни съдръжимъ бѣхъ и моляхъся Богу, да сподобитъ мя вся по ряду съписати о житии богопосънааго отца нашего Феодосія, да и по насъ сущи черноризци, примше писаніе, почитающе ти видяще

мужа доблесть, въсхвалять Бога и уго-
дника его прославляюще, на прочия под-
виги укрѣпляются, наипаче же, яко и
въ странѣ сев такъ син мужъ явися и
угодникъ божии. О семъ бо и самъ Го-
сподь прорече: *яко мнози придуть
отъ востокъ и западъ, и възлзуть
съ Авраамь и Иаковь въ цар-
ствии небесьныхъ; и пакы: мнози бу-
дуть послѣднии прьви.* Ибо син
послѣднии вщии прьвыхъ отецъ явися,
житиемъ бо подражая святѣаго и прь-
вааго начальника чьрньчьскому образу,
великого мнью Антония; и се же чюдъ-
нѣе, яко же пишеть въ отьчьскихъ
кѣнигахъ, славу быти послѣднему роду,
сега же Христосъ въ послѣднихъ родѣ
семъ такого себѣ съдѣльника показа и
пастуха инокиниъ. Бѣ бо измолада жи-
тиемъ чистымъ украшенъ, добрыми дѣ-
лесы, вѣрю же и смыслемъ паче, его
же нынѣ отьсюду уже начну съповѣда-
ти, еже отъ уны вѣрсты житие блаже-
нааго Феодосия; нѣ послушайте, братие, съ
всѣмъ прилежаннемъ, испльнъ бо
есть пользы слово се въсѣмъ слушаю-
щимъ. Молю же вы, о възлюбленни,
да не зазрите пакы грубости моеи,
сържимъ бо сынъ любовию, еже къ
преподобьному, чего ради укусихъ съпи-
сати вься си, яже о святѣмъ; къ снмъ
же и блюдыи, да не къ мнѣ речено бу-
детъ: *злымъ рабе лънивымъ, подоба-
ше ти дати сребро мое тържсьни-
комъ, и азъ приидѣ, быхъ съ лихъ-
вою истязалъ е.* Тѣмъ же яко же и
нѣсть лѣпо, братие, таити чюдесъ блаженни,
наипаче Богу рекъшуму: ученикомъ своимъ:
*яко еже глаголю вамъ въ тѣмъ, по-
вѣдите на свѣтъ, и еже въ уши слы-
шасте, проповѣдите въ домѣхъ;* си
на успѣхъ и на устроение бесѣдующимъ
списати хощю, и о снхъ Бога славяще,
мъзды отданіе примете. Хотящю же ми
исповѣдати начати, преже молюся Госпо-
деви, глаголя сице: «Владыко мой, Го-

споди, въсѣдръжителю, блаженъ подателю,
отче Господа нашего Ис. Христа, прии-
ди на помощь мнѣ, и просвѣти сердце
мое на разумѣние заповѣдн твоихъ и
отъверзи устынѣ мои на исповѣданне чю-
десъ твоихъ и на похваление св. вѣгод-
ника твоего, да прославится имя твое,
яко ты еси помощникъ всѣмъ, уповаю-
щимъ на Тя въ вѣкы! Аминъ.»

(По списку XII в. Чт. общ.
ист. 1858, кн. 3. III, 1—2).

Обратить вниманіе, съ какииъ страхомъ и бла-
гоговѣннымъ чувствомъ приступали къ составленію
житій святыхъ, какъ и вообще другихъ сочине-
ній духовнаго содержанія.

42. Падисъ на евангеліи послѣ 1125.

Азъ рабъ божии, недостойный, худыи,
грѣшныи, съписьхъ памяти дѣла ца-
рю нашему и людемъ о съконьчаньи
еуангелія, еже башеть казалъ Мьстиславъ
кѣнязь худому Наславу, и возивъ Царю-
городу, и учинихъ хмипетъ (*переплетъ*),
божиею же волею възратихъ ся исъ Царя-
города, исъправихъ вьсе злато и сребро
и драгыи камень, пришедъ Кыеву и съ-
коньчася вьсе дѣло м. августа въ 20.
Цѣну же евангелія сега единъ Богъ
вѣдае.

Азъ же худыи Наславъ много труда
подѣхъ и печали, нѣ Богъ утѣши мя
добрааго кѣнязя молитвою... и даи Богъ
его молитву... и мнѣ худому Наславу,
правящи его орудія въ правду и обрѣ-
сти честь и милость отъ Бога и отъ
своего царя и отъ братие.

(Изв. Акад. Н. X, стр. 90).

Здѣсь весьма характеристично изображается укра-
шеніе книгъ, какъ дѣло святое. Наши предки смо-
трѣли на книги не какъ на средство пріобрѣтенія
познаній и духовнаго просвѣщенія, но какъ на сред-
ство спасенія.

43. Псалтырское евангеліе 1164.

Въ лѣто 6672 написаны быша книги сія м. августа въ 20 день мною, грѣшнымъ рабомъ и дьякомъ святыхъ апостолъ, Константиномъ, а мірскы Добрило, Се-меону попови св. Іоанна Предтеча. А братья и отци, аже вы гдѣ криво, а исправивъше чѣтѣте же, а не кльнѣте. Яко же радуется женихъ о невѣстѣ, тако радуется писецъ, видя послѣдній листъ.

(Іоаннъ Экзархъ. 28. 31. 107. 110. Востокова Опис. Рум. Музея, стр. 171.)

44. Гаданье на книгѣ ок. 1276.

Вложи Богъ въ сердце мысль благо Володимерови (Васильковичу), нача собѣ думати, абы гдѣ за Берестьемъ поставити городъ. И взя книги пророческия, да тако собѣ въ срдци мысль рече: «Господи Боже сильный и всемогъ (всемогуцій), вся съзидаи и разстраи, што ми, Господи, проявишь грѣшному рабу своему—и на томъ стану.» Розъгънувъ же книги, и выняся ему пророчество Исаяно: *Духъ Господень на мнѣ...* (гл. 51, 1—4). Князь же Володимеръ отъ сего пророчества уразумѣ милость божью до себѣ, и нача искати мѣста, абы гдѣ поставити городъ. Ся же земля опустѣла по 80 лѣтѣхъ по Романѣ.

(Ипат. 206.)

О гаданіи на псалтыри упомянуто въ Поученіи Мономаха. См. Употребленіе псалтыри въ древн. быту рус. народа. Правосл. Собес. 1857, IV, 814. О гаданіи на псалтыри. Срезневскаго. О малорус. и неизв. памяти. IV, 34—37.

45. Владиміръ Васильковичъ волыніскій.

Князь Володимеръ (до 1288 г.) въ княженіи своемъ многы города сруби

по отци своемъ: сруби *Берестій* и за Берестіемъ сруби городъ на пустомъ мѣстѣ, нарицаемѣмъ *Льстнѣ*, и нарече имя ему *Каменецъ*, заче бысть камена земля. Създа же въ немъ столицъ камень, высотой 17 сажень, подобенъ удивленію вѣмъ зрящимъ на нѣ; и церковь постави Благовѣщенія св. Богородица, и украси ю иконами златыми, и съсуды скова служебныя серебряны, и еуангеліе опракосъ оковано серебромъ, апостолъ опракосъ, и шарамья, и съборникъ⁽¹⁾ отца своего туто жъ положи, и крестъ въздвизалный положи. Тако же и у Бѣлску поустрои церковь иконами и книгами. У Володимери же списа (*рописалъ*) св. Дмитрея всего, и съсуды служебныя серебряныя скова, и икону пречистыа Богородица окова серебромъ съ каменіемъ дорогымъ, и завѣсы золотомъ шиты, а другыя оксамитныя съдрбнищею (*металлическими укрупненіями*), и вѣми узорочіи (*узорами, рѣдкостями*) украси ю. У епископѣи же, у святоа Богородица образъ Спаса великаго окова серебромъ, еуангеліе списавъ и окова серебромъ и да (*далъ*) св. Богородици, и апостолъ списа апракосъ св. Богородици да и съсуды служебныя жѣзвеного (*червоного?*) золота съ каменіемъ драгымъ Богородици же да, образъ Спасовъ золотомъ съ драгымъ каменіемъ оковавъ постави у св. Богородица, въ память събѣ. Въ монастырь свой апостолы да еуангеліе апракосъ⁽²⁾, и апостолъ самъ списавъ, и съборникъ великій

⁽¹⁾ Сборникъ—книга, въ которой помѣщены статьи изъ различныхъ писателей и о разныхъ предметахъ.

⁽²⁾ Евангеліе и апостолъ назывались *Апракосъ* тѣ, которые расположены были по порядку богослужебныхъ чтеній; обыкновенное же евангеліе *Тетръ* (четвероевангеліе) расположено по порядку евангелистовъ и главъ.

отца своего туто же положи, и крестъ възвизалный и молитвенникъ да. Въ епископью перемышльскую да еуангеліе апракосъ, оковано сребромъ съ земчюгомъ, самъ же съписалъ баше; а до Чернѣгова пославъ въ епископью еуангеліе апракосъ золотомъ писано, а оковано сребромъ съ земчюгомъ, и среди его Спасъ съ финифтомъ (*финифтью*); въ луцкую епископью да крестъ великъ серебрянъ позлотистъ, съ честнымъ деревомъ. Созда же и церкви многы: въ Любомли же постави церковь камену св. и великого мученика христова Георгіа, украси ю иконами коваными, и съсуды служебныя серебряны скова, и платци (*платки, воодухи*) оксамитны (*золотнаю бархата*) шиты золотомъ съ жемчюгомъ, херувимъ и серафимъ, и шьдѣтя (*напрестольная одежда*) золотомъ шита вся, а другаа паволокы бѣлчатое (*шелковая ткань*), а въ малюю олтару обѣ шьдѣти бѣлчатое же паволокы; еуангеліе списа апракосъ, окова е все златомъ и каменіемъ дорогымъ съ жемчюгомъ, и денсусъ на немъ скованъ отъ злата, цѣты, (*бляшки, подальски*) великы съ финифтомъ, чюдно видѣніемъ, а другое еуангеліе апракосъ же волочено оловиромъ (*бирляной тканью*), и пѣту възложи на не съ финифтомъ, а на ней святаа мученика Глѣбъ и Борисъ, апостола апракосъ, прологы списа 12 мѣсяца ⁽¹⁾, нложено житіа св. отецъ и дѣаніа св. мученикъ, како вѣнчашася своею кровію за Христа, и мѣней 12 списа, и тріоди, и охтай (*октоихъ*) и ершолой (*ермологій*), списа же и служебникъ св. Георгію, и молитвы вечерніи и утрѣніи списа, особъ молитвенника, молитвенникъ же курилъ въ протопопное (*для протопопа?*) и да въ цемъ 8 гривень кунъ, и да св.

⁽¹⁾ Сказаніа о свитыхъ на каждый день года въ родѣ четьвиной.

Георгію; кадилница двѣ, одна сребрена а другаа мѣденаа, и крестъ възвизалный да св. Георгію; икону же списа намѣстную св. Георгіа, и гривну (*цѣль*) златую възложи на нь съ женчюгомъ, и св. Богородицю списа на золотѣ же мѣстную, и възложи на ню монисто (*ожерелье*) золото съ каменіемъ дорогымъ; и двери солиа мѣдяны; почалъ же баше писати ю и списа все три олтарѣ, и шія (*подъ куполомъ*) вся съписана бысть, но не скончана, зайде бо ѿ болѣсть; поля же и колоколы дивны слышаніемъ (*звукомъ*), такихъ же не бысть въ всей земли. Въ Берестинъ же създа стѣлпъ каменъ, высокою яко и каменецкый; постави же и церковь св. Петра, и еуангеліе да апракосъ оковано сребромъ, и служебны съсуды скованы серебряны, и кадилница сребрена, и крестъ възвизалный туто положи; и ниаа многаа добродѣаніа съдѣа въ животѣ своемъ, яже словуть по всемъ землямъ. Туто же положимъ конецъ Вѣлодимеру княженію.

(Ипат. 222—3).

46. Древняя тайнопись:

а) Надпись на прологъ 1229 г.

Маць щыльк томансь нменсышви нугипу ромьлтую като хе и ниледь топгашви тьпичулю, аринѣ. Это значитъ: «радъ бысть корабль, преплывши пучину морскую, тако же и писецъ кончавши книгу сию».

Такая тайнопись доселѣ употребляется въ духовныхъ училищахъ и навывается *тарабарскою грамотою*. Здѣсь буквы замѣняются одна другою въ такомъ видѣ:

б в г д ж з к л м н
щ ш ч ц х ф ш с р п

Гласныя, а также Ъ и Ь остаются безъ перемѣны.

(Изв. Акад. т. X, стр. 182).

б) Занисъ на рукописи 1307 г.

Си же апостолъ книги вда святому Пантелеимону Изосиѣ игуменъ сего же мапастыря. Сего же лѣта бысть бой на Русьской земли: Михаилъ съ Юрьемъ о княженъ новгородское. При сихъ князехъ спяшется и ростяте усобицами, гымяше жизнь наша въ князьехъ которы (раздоры) и вѣщи скоротихася челоукомъ. А псалъ ѡѡ. КК. КК. ѡѡ. ѡѡ. Ъ. рекше: Давыдъ, Органъ, Мысль, Истпна, Д(обро?)—Ъ... (Конецъ огрѣзанъ въ рукописи). Ъ З. З. ЗЗЗ. К. Море. пять земель. двѣ тмѣ... море, — мудры разумѣть. Имя писца оказывается Домидъ.

Это выходитъ такимъ образомъ: вв (2+2=4=ѡ), нк (50+20=70=ѡ), кк (20+20=40=м), дд (4+4=8=и), вв (=2+2=4=ѡ) ѡ, т. е. Домидъ. Другая напись называется *кравранскіемъ* и означаетъ тоже: она напочинаетъ акростихъ. Выраженіе, напечатанное курсивомъ, заимствовано писцомъ изъ Слова о полку Игоревѣ.

(Изв. Акад. II, X, 280—281).

в) Надписъ на колоколѣ соборной юрьевской церкви во Львовѣ 1311 г.

ѢХѢН Въ лѣто 6849 сольямъ бысть колоколъ снѣ святому Юрью при ѡУѢИ князи Дмитріи игуменомъ Евѣфимьемъ. Ъвоки араке гласиѣ а.

Это надобно читать наоборотъ и выходить: А писалъ Скара Яковъ.

(Изв. Акад. X, 297).

На рукописи Евангельскихъ чтеній 1335 года писецъ Леонидъ замѣтилъ: Лѣхое перо, невольнѣ имъ писати. (Изв. Акад. X, 311).

г) Занисъ на евангеліи 1355 г.

Въ лѣто 6863 написано бысть еуангліе се, повелѣниемъ боголюбиваго архіепископа новгородскаго Моисея, а рукою многогрѣшныхъ КІ. ГВ. О. КЛ. ДД. ВВ. А. БЕ. ВА. ШІ. ДД. АВ. МЛ. ШІ. Ъ. Я. (т. е.

Леонида и Григорья). Аще будемъ грубо написали, или кдѣ преступилъ, или въ глаголаніи съ другомъ, или въ дреманіи, а вы преподобніи отци игумены и попове собою исправяче чтите, а насъ грѣшныхъ не покленѣте, Бога дѣля, занеже за священничьяская клятва, а добро есть благословеніе. А. КК. ДД. КК. Ъ. П. ВВВ. ШІ. Ъ. ГВ. КК. Ъ. ДД. РР. А. ЛН. Ъ. (т. е. Аминь, керье мысомъ = Господи помилуй).

(Чт. общ. ист. 1867 г. кн. 2, III, 9).

Эта тайнопись самая не хитрая: здѣсь буквы указываются счетомъ, напримѣръ л означается 30 (к=20 и і=10), и (8) сложено изъ двухъ 4, т. е. дд и т. д. Такая же тайнопись разобрана выше.

47. Послѣслоііе Лаврентьевской лѣтописи 1373 г.

Радуется купецъ прикупъ створишь (барышъ получивъ), и корибчій въ отишь приставъ, и странникъ въ отечество свое пришедъ; такоже радуется и книжный списатель, дошедъ конца книгашъ, такоже и азъ худый, недостойный и многогрѣшный рабъ божій Лаврентей мнихъ. Началъ есмь писати книги сія, глаголемый Лѣтописецъ, м. генваря въ 14, на память св. Отець нашихъ аввадъ, въ Синаи и въ Раифѣ избъеныхъ, князю вел. Дмитрію Костянтиновичю, а по благословенію священнаго епископа Діонисья, и кончалъ есмь м. марта въ 20, на память св. Отець нашихъ иже въ монастыри св. Савы избъеныхъ отъ Срацигъ, въ лѣто 6885, при благовѣрнѣмъ и христілюбивѣмъ князи в. Дмитріи Костянтиновичи, и при епископѣ нашемъ христілюбивѣмъ священномъ Діонисѣ суждальскомъ и новгородскомъ и городскомъ. И нынѣ, господа отци и братья, оже се

гдѣ буду описалъ, или переписалъ, или не дописалъ, чтите исправляя Бога дѣла, а не клените, занеже книги ветшаны, а умъ молодъ не дошелъ; слышите Павла апостола глаголюща: *не клените, но благословите*. А со всѣми нами хрестьяны Христосъ Богъ нашъ, Сынъ Бога живаго, ему же слава и держава и честь и поклонянье со Отцемъ и съ пресв. Духомъ, и нынѣ и присно въ вѣки, аминь.

(Лавр. I, 209).

48. Запись на книгѣ Архангельскихъ чтеній XIV вѣка.

Поклонъ отъ Фрола господину игумену Микитѣ. Доправи ми, господине, Бога дѣла книги си на Двину къ св. Михаилу; книги же си дадутъ Григорию Свринну. А ты, господине, Григорию возми собѣ у игумена Акакіа 5 сорочекъ, а евангеліе даи ему; а миѣ дали Степанъ да Василию два сорока; а ты, господине Григорию, возми 5 сороковъ, — и всего будетъ 7 сороковъ. А рядъ мой: отъ писмени взяти 6 сороковъ *да телатины* (за пергаментъ) ми было взяти, за телатины же сорочекъ, а 6 отъ писмени. А се жъ вамъ книги. А язъ вамъ бню челомъ своимъ старѣишимъ Степану и Василию, Григору.

Изъ этой записи видно, что игумень двинскаго Арханг. монастыря Акакій поручалъ монаст. старостѣ Степану и Василию заказать списокъ евангелія. Дѣло это принялъ на себя Фролъ и получалъ въ задатокъ два сорочка, но поручилъ писать другому лицу. Книгу онъ отправилъ къ игумену Микитѣ, чтобы тотъ переслалъ ее въ Архангельскъ къ его знакомому Григорию Свринну; а этого просилъ передать Акакію и взяти съ него 5 сороковъ — 4 за писанье, а еще сорочекъ за пергаментъ. Очень любопытна форма этой записи къ разнымъ лицамъ; а еще любопытнѣе записи, какъ одно изъ очень не многихъ показаній о цѣнности книгъ на Русѣ въ древности.

По выводу И. И. Срезневскаго, Фролъ получалъ за написаніе евангелія около 50 к. сер. за листокъ, т. е. около 80 нынѣшнихъ рублей; за пергаментъ 12 р. 60 коп. Вся книга стоила безъ переноса приблизительно около 92 р. 60 к. Съ переносомъ цѣнность ея доходила вѣроятно до 100 руб. на наши деньги по ихъ нынѣшней цѣнности.

(Свѣд. и зам. о малоизв. и неизв. пам. И. И. Срезневскаго. 1867 г. Спб. вып. II, стр. 91—96).

49. Слово пѣвскаго калугера о четвѣ книгъ (1).

Добро есть, братие, почитанье книжное, паче всякому хрестьяну; блаженно бо, рече, испытующимъ свѣдѣніа его всѣмъ сердцьмъ възвѣстуютъ его. Чьто бо рече испытующимъ свѣдѣніа его? Егда чьтеша книги, не тьтятся бързо иштисти (*быстро прочитати*) до другыя главизны, нъ поразумѣи, чьто глаголютъ книги и словеса та, — и тришды обращаяся о единой главизнѣ; рече бо: въ сьрдци моемъ съкрыхъ словеса твоя, да не съгрѣшю тебѣ. Не рече: усты тьчью изглаголаахъ, нъ и въ сьрдци съкрыхъ, да не съгрѣшю тебѣ, — и поразумѣвая убо истинныи писанія правды есть ими. Реку же: узда коневи правитель есть и въздержаніе, правдыику же книги я. Не съставитъ бо ся корабль безъ гвоздїи, ни правдыику бес почитанія книжнааго, — и якоже плѣнникомъ умъ стоитъ у родителъ своихъ, тако и правдыику о почитаньи книжномъ. Красота воину оружие — и кораблю вѣтрила; тако и правдыику почитанье книжное. Открыи бо, рече, очи мои, да разумѣю чудеса отъ закона твое-

(1) По мнѣнію Буслева это слово, вѣроятно, славянское. *Историч. Христ.* 300. *Калугер* — добрый старецъ.

го; очи бо глаголетъ размыслъ сердечными и прочее. Не съкрыи отъ мене заповѣди твоихъ; разумѣи, яко не отъ очию скрыи, нѣ отъ разума и сердца; тѣмъ же и похвали непоучающагся, глаголя: проклѣти уклоняющагся отъ заповѣди твоихъ. Тѣмъ же и самъ ся похвали, глаголя: Коль складка словеса твоя, паче меда устомъ моимъ, и законъ устъ твоихъ паче тысяща злата и сребра,—и въспѣтъ глаголя: Въздрадоюся азъ о словесехъ твоихъ, яко обрѣтая користи мнѣгоу. Користи бо нарече словеса божия, глаголя: Яко обрѣтохъ недостойнъ сы такъ даръ, еже ми ся поучати словесемъ твоимъ днь и ношть. То мы, братия, поразумѣмъ и послушамъ разумными ушима і поразумѣмъ силу и поучение святыхъ книгъ. По слушан ты житья св. Василия и св. Іоана Златоустаго, и св. Кирила Філософа и нѣхъ много святыхъ,—како ти съшрва повѣдаютъ о нихъ рекуште: из млада прилежаху святыхъ книгъ; то же и на ина добрая дѣла подвигнушася. Вижь, како ти начятъкъ добрымъ дѣломъ поучение святыхъ книгъ, да тѣми, братия, и сими подвигѣмъся на путь жития ихъ, и поучамъся въ ину книжныи словесемъ, творяще волю ихъ, якоже велеть, да и вѣчная жизни достойни будемъ, въ вѣки аминь.

(Изв. Акад. Н. X. 426—427).

Въ этомъ словѣ прекрасно выражается взглядъ древняго книжника на занятіе чтеніемъ, какъ на дѣло нравственное, которое было началомъ истиннаго христіанскаго пути и достиженія праведности для святыхъ. Книги всѣ разумются святыи и божественныи. См. Списываніе книгъ въ древнія времена. Прев. Собес. 1862, I. 134. 350. О древнерус. училищахъ Н. Лауровскаго, Харьковъ 1854. Древнія рус. книги. Срезневскаго. Христ. Древн. и Археологія, 1864 № 2 и 3. Зайтѣки по исторіи книжнаго просвѣщ. Грмчорьскаго Эпоха 1864.

Съ принятіемъ христіанства проникла къ намъ цѣлая почти цѣловая литература преимущественно духовнаго содержанія. Образовалась эта литература у соплеменныхъ намъ Болгаръ, особенно въ языкъ славана царя Симеона (889—927). Неотъемлемое преимущество составляла для насъ возможность познакомиться сразу на языкъ намъ понятномъ и съ самымъ священнымъ писаніемъ, и съ лучшими его толкователями. Это должно было чрезвычайно облегчить распространеніе у насъ христіанства, которое съ другой стороны находило благодарную почву во многихъ сторонахъ славянскаго быта и нравовъ.

Книги приносились къ намъ впрямую мало по малу, а у насъ ихъ усердно списывали и распространяли. Немедленно послѣ крещенія Руси, Владиміръ позаботился о томъ, чтобы родители отдавали дѣтей на ученіе книжествъ; учили конечно священники, присланные къ намъ греческимъ духовенствомъ, а въ числѣ ихъ, по всей вѣроятности, было много Болгаръ. Первые обученные грамотъ, сами становились священниками, а потомъ учили другихъ. Примѣру Владиміра, „любившаго словеса книжствъ“, слѣдовали многие изъ его сыновей, особенно же Борисъ и Ярославъ. Полудній положилъ начало книгохраненію при Кіево-собійскомъ соборѣ. Въ первое время, по всей вѣроятности, учили грамотъ только будущахъ священниковъ (Опытъ историч. обзор. рус. словесн. О. Миллера, Спб. 1866. 242—244).

2) ВЗГЛЯДЪ НА ЯВЛЕНІЯ ПРИРОДЫ.

50. Знаменія въ XI в.

Въ лѣто 6570. Въ лѣто 6571 (1063) Судиславъ преставися, Ярославъ братъ, и погребоша ѿ въ церкви св. Георгія. Въ се же лѣто Новѣгородѣ иде Волховъ вспять, дній 5; се же знаменье

(явленіе) не добро бысть, на 4-о бо лѣто поже Всеславъ градъ...

Въ лѣто 6572. Всеславъ рать почалъ. Въ си же времена бысть знаменье на западѣ, звѣзда превелика, лучѣ игуши акы кровавы, въсходящи съ вечера по заходѣ солнѣчяемъ, и пребысть за 7

дній. Се же проявляше не на добро: посемъ бо быша усобицѣ много и намешествовѣ поганыхъ (*Половецѣ*) на Русьскую землю, си бо звѣзда бѣ акы кровава, проявляючи кровопролитѣе. Въ си же времена бысть дѣтищѣ вверженъ въ Сѣ-томль, сего же дѣтища выволокоша рыболове въ неводѣ, его же позоровахомъ (*смѣялись, дмѣялись*) до вечера, и пакы ввергоша ѥ въ воду, бжеть бо сице: на лицѣ ему срамнии удове, много нехѣ казати срама ради. Предъ симъ же временемъ и солнце прешѣнися, и не бысть свѣтло, но акы мѣсяцъ бысть; его же невѣгласѣ (*невѣжии*) глаголють свѣдаему сущю. Се же бывають сица (*такія*) знаменья не на добро, мы бо по сему разуждемъ. Яко же древле, при Антиосѣ, въ Иерусалимѣ, случися внезапно по всему граду за 10 дній являтися на въздухѣ на конихъ ршщущимъ (*скачуцимъ*), въ оружьи, златыи и муца одежѣ, и полки обояваемы, и оружьемъ движущимся; се же проявляше нахоженъе Антиохова на Иерусалимѣ. Посемъ же при Неронѣ царѣ въ томъ же Иерусалимѣ возсія звѣзда, на образъ копійный, надъ градомъ; се же проявляше нахоженъе рати отъ Римлянъ. И пакы сице же бысть при Устиньянѣ царѣ, звѣзда возсія на западѣ, испущаючи луча, юже прозываху *блестаниро*, и бысть блистаючи дній 20, посемъ же бысть звѣздамъ теченье, съ вечера до заутрѣя, акы ииѣти вѣтъ, акы падаютъ звѣзды, и пакы солнце безъ лучъ съяше; се же проявляше крамолы (*драки*), веузы, человекомъ умертвѣе бжше. Пакы же при Маврикинѣ царѣ бысть сице: жена дѣтищѣ роди безъ очю и безъ руку, въ чересла (*къ чреву*) бѣ ему рыбій хвостъ прирослъ; и песь родися шестопогъ; въ Африкѣ же 2 дѣтища родистася, единъ о 4-хъ ногахъ, а другій о двою главу. Посемъ же бысть при Костянтинѣ иконоборци, сына Леонова, теченье звѣздное бысть на небѣ,

отторгаху бо ся на землю, акы видящимъ ииѣти кончину; тогда же въздухъ възліася повелюку. Въ Суріи (*въ Сиріи*) же бысть трусь (*землетрясеніе*) великъ, земля разсѣдшися трій поприщѣ (*на 3 версты*), изиде дивно изъ землѣ мѣсна (*лошакъ*), человекьскимъ гласомъ глаголющи и проповѣдаючи наитѣ языка (*намештоѣ иноплемныхъ*); оже и бысть: наидоша бо Срацини на Палестиньскую землю. Знаменья бо въ небеси, или звѣздахъ, ли солнци, ли пущами, ли етеромъ (*друзимъ*) чимъ, не благо бывають: но знаменья сица на зло бывають, ли проявленъе рати, ли гладу, ли смертъ проявляють.

(*Лавр. 70—71*).

См. въ 1-мъ отд. статьи: «Языческія божества». Какъ тамъ, такъ и здѣсь глгошесѣ объясняютъ разныя явленія по византийскимъ хроникамъ.

51. Знаменіе въ Киевопечерскомъ монастырѣ.

Томъ же глѣ (1110) бысть знаменъе въ Печерстѣмъ монастырѣ, въ 11 день февраля мѣсяца: явися столпъ огненъ отъ земли до небеси, а молнья освѣтиша всю землю, и въ небеси погрешѣ въ часъ 1 ноци; и весь миръ видѣ. Се же столпъ первѣе ста на трапезници каменѣи, акы не видѣти бысть креста, и постоявъ мало, съступи на церковь и ста надъ гробомъ Феодосѣевымъ, и потомъ ступи на верхъ, акы ко востоку лицѣ, и потомъ невидимъ бысть. Се же бжше не огненный столпъ, но видѣ ангелескъ: ангелъ бо сице является, ово столпомъ огненнымъ, ово же пламенемъ, акы жѣ рече Давыдъ: «творя ангелы своя духы и слугы своя огнь палащѣ.» И шлени суть повѣлѣнъемъ божьимъ, яможе хочеть Владыка и Творецъ всѣхъ. Ангелъ бо приходитъ, кдѣ благая мѣста и молитвенніи домове, и ту показаютъ нѣчто мало видѣнъя своего, акы мощно видѣти человекомъ; не мощно бо зрѣти человекомъ естества ангельскаго,

яко и Моисей великий не возможе видѣти ангельскаго естества, водяшетъ бо ѿ въ день столбъ облаченъ, а въ нощи столпъ огненъ; то се не столпъ водяше ихъ, но ангель видяше предъ ними въ нощи и въ дне. Тако и се явленье нѣкоторое показываше, ему же бѣ быти, еже и бысть; на 2-е бо лѣто не се ли ангель вождь бысть на иноплеменники и супостаты, якоже рече: ангель предъ тобою предъидеть,—и пабы: ангель твой буди съ тобою? Якоже пишетъ *премудрый Елифаній*: къ коей же твари ангель приставленъ: ангель облакомъ и мъгламъ, и снѣгу и граду и мразу, ангель гласомъ и громомъ, ангель зими и зноєви, и осени и весны и лѣта, всему духу твари его на земли, и тайныя бездны, и суть скровены подъ землею, и пренсодни тмы, и сущи во безднахъ, бывшия древле верху земля, отъ нея же тмы, вечеръ и ношь, и свѣтъ и день, ко всемъ тваремъ ангели приставленн. Такоже ангель приставленъ къ которой убо земли, да соблюдаютъ куюждо землю, аще суть и погани; аще божій гнѣвъ будетъ на куюлюбо землю бранью ити, то оной землѣ ангель не воспротивится повелѣнью божью. Яко и се бяше и на ны навелъ Богъ, грѣхъ ради нашихъ, иноплеменники поганиа, и побѣжахуть ны повелѣниемъ божьимъ: они бо бяху водими ангеломъ, по повелѣнью божью. Аще ли кто речеть, яко ангела нѣсть у поганныхъ, да слышитъ, яко Олександру Макидоньскому ополчившу на Дарья и пошедшу ему и побѣдившу землю всю отъ вѣстокъ и до западъ, и поби землю Египетскую, и поби Арама, и приде въ острова морьскыя; и врати лице свое възги въ Ерусалимъ, побѣдити Жиды, занеже бяху мирни со Дарьемъ, и поиде со всеми вои его, и ста на товарищъ и почя. И пріспѣ ношь, и лежа на ложи своемъ посреде шатра, отверзъ очи свои, види мужа стояща надъ нимъ, и мечъ нагъ

въ руцѣ его, и обличіе меча его, яко молонія, и зауряже мечемъ своимъ на главу цареву. И ужасеса царь вельми и рече: не бій мене!—И рече ему ангель: »посла мя Богъ уммати царѣ великѣи предъ тобою и люди многи, азъ же хожю предъ тобою, помогая ти; а нынѣ вѣдай, яко умереши, понеже помыслилъ еси взити въ Ерусалимъ, зло створити ерѣемъ божьимъ и къ людямъ его». И рече царь: молю тя, о господи, отпусти нынѣ грѣхъ раба твоего; аче не люблю ти, а ворочуся дому моему.— И рече ангель: »не бойся, иди путемъ твоимъ къ Іерусалиму, и узриши ту въ Іерусалими мужа въ облаченъи моемъ, борзо пади на лица своемъ и поклонися мужю тому, и все, еже речеть къ тобѣ, створи, не преступи рѣчи ему; въ онъ же день преступиши рѣчь его, и умреши». И вѣставъ царь, иде въ Ерусалимъ, и пришедъ въспроси ерѣевъ: иду ли на Дарья? И показаша ему книги Даниила пророка, и рекоша ему: »ты еси козелъ, а онъ овенъ, и поточчеша и возмеша царство его«. Се убо не ангель ли вожаше Олександра? Не поганъ ли побѣжаше, и вси Елини кумирслужебници? Тако и си поганія поущени грѣхъ ради нашихъ. Се же вѣдомо буди, яко въ хрестьянехъ не единъ ангель, но еднко крестисаша, паче же къ благовѣрнымъ княземъ нашимъ: но противу божью повелѣнью не могутъ противитися, но молятъ Бога прилѣжно за хрестьяньскыя люди.

(И. Собр. Лѣт. 1, 121—122).

Здѣсь опять явленія объясняются по мнѣніямъ ученыхъ богослововъ византійскихъ.

52. Створеніа сіишн:

а) Въ 1102 лѣто бысть знаменье на небеси, м. генваря въ 29 день, по 3 дни: акы пожарная заря отъ востока и

уга и запада и сѣвера, и бысть тако свѣтъ всю ночь, акы отъ луны полны свѣтащяся. Въ то же лѣто бысть знаменье въ лунѣ, м. февраля въ 5 день. Того же мѣсяца въ 7 день бысть знаменье въ солнци: огородилося бяше солнце въ 3 дуги (*полукруга*), и быша другыя дугы хребты къ собѣ (*выпуклостями другъ къ другу*). И сія видяще знаменья, благовѣрнии чловѣци со въздыханьемъ моляхуся къ Богу и со слезами, дабы Богъ обратилъ знаменья си на добро: знаменья бо бывають ова на зло, ова ли на добро.

(*П. С. Лѣт. I, 117*).

б) Тое же зимы (1203) знаменія бысть многа на небеси, едино же отъ нихъ скажемъ: бысть во едину ночь, въ 5 часъ ночи, потече небо все и бысть чермно (*красно*) по земли же и по хоромомъ свѣгъ, мѣти же всѣмъ чловѣкомъ зряче, акы кровь прольана на свѣгу; и видѣша же вѣщи теченіе звѣздное бысть на небеси, отторгаху бо ся звѣзды на землю, мѣти видящимъ я яко кончину (*мира*). Знаменья бо въ небеси, или въ звѣздахъ, или въ солнци, или въ лунѣ, или естеромъ (*иньми*) чимъ, не на добро бывають: но знаменія сица на зло бывають, или проявляютъ рати, или гладъ, или смерти проявляютъ.

(*П. С. Лѣт. I, 176*).

53. Солнечныя затмѣнія:

а) Того же лѣта (1187) бысть знаменіе м. сентября 15: тма бысть по всей землѣ, якоже дивится всимъ чловѣкомъ, солнце бо погибе, а небо погорѣ облакы огнезрачными. Таковая бо знаменія не на добро бывають: въ той бо день того мѣсяца взятъ бысть Ерусалимъ

безбожными Срацины; знаменія же та не по всей землѣ бывають, но на ню же страну Владыка что хоцеть навести. Тогда бо глаголахуть тму бывшую въ Галичи, яко и звѣзды видети середѣ дни, солнцю померькшю; въ кievьской сторонѣ никто же не види въ тѣ часъ. Мы же о семъ поглаголемъ. Аще во дни наша преда Господь градъ Ерусалимъ святы безаконнымъ тѣмъ Агаряномъ; да кто свѣсть умъ господень, кто ли свѣсть тайная его створенная? Обрѣтаемъ бо въ Судійскихъ книгахъ, яко Ильи жерцо судящю во дни оны во Израили, и възидоша иноплеменници на Ерусалимъ, и взявши дщцю скрижали Завѣта господня, уполчившеса и възидоша на бой во срѣтеніе имъ: Богу же тако попустившю гнѣвъ свой на Израиля, и побужени бывше Израилтяни отъ иноплеменичъ и святыню Завѣта господня плѣбниша и нѣ по колницѣхъ лѣтъ, якоже исповѣдають Царскыя книги, опять возвратитъ Господь скрижали Завѣта господня во Ерусалимъ, предъ ними же Богоотець Давыдъ веселія исполнися, скакаше играя. Намъ же укоренымъ сущимъ, поношеніе приемлющимъ отъ безаконныхъ тѣхъ Агарянь, а чающе есмы божія благодати и лика преславна.

(*Ипат. 135*).

По астрономическимъ таблицамъ, солнечное затмѣніе въ 1187 г. было 4 сентября, когда взятъ былъ Арабами у престолоносцевъ г. Аскалонъ, а Ерусалимъ отнятъ былъ 3 окт. Слѣдоват. лѣтопись отиѣтала и день взятія Ерусалима и день затмѣнія не вѣрно.

б) Тое же зимы (1206) бысть знаменье на небесѣхъ въ солнци, м. февраля въ 28 день, въ среду сырное недѣли, и стоя отъ полудне до мѣфимона⁽¹⁾, стало бо ся его бяше акы мѣсяць въ началѣ (*въ началѣ*) 1 дне; мнози бо вѣрнии чловѣци зряще моляхуся Богу,

(1) *Мѣфимоны*, *сѣфимоны* — ирмосы на вечерни.

дабы Богъ обратилъ знаменье то на добро.

(Ш. С. Лѣт. I, 180—181).

О солнечныхъ затмѣнїяхъ, П. И. Мельникова. Отч. Зап. 1842 г. № 6 XXII, II, 47. Вѣстникъ гѣописцевъ на событія мїра. Прав. Собес. 1859.

54. Землетрясенїя:

а) Тое же зны (1195), по Федоровѣ недѣль во вторникъ, въ 9 часъ, потрясся земля по всей области кїевской и по Кїеву: церквы каменная и деревяныя колебахуся, и вси людїе видяще отъ страха не можаху стояти, овїи падаху нищи, ивїи же трепетаху. И рекоша игумену блаженїи: «се Богъ проявилъ есть показавъ силу свою за грѣхи наша, да быхомся остави отъ злаго пути своего;» ивїи же молвахуть другъ ко другу: «сїи знаменїи не на добро бывають, но на паденїе многимъ, и на кровопролитье, и на мятежъ много въ Руской землѣ,» — еже и сбысться.

(Ипат. 147).

б) Того же лѣта (1230), м. мая въ 3 день, на память св. Фодосья игумена Печерьскаго, въ пятокъ, во время св. литургїи чтому св. еуангелю въ церкви сборнѣй св. Богородица въ Володимери, потрясся земля, и церквы и трапеза, и иконы подвижшася по стѣнамъ, и паникадило съ свѣщами и свѣтила поколебашася, и людѣ мнози изумѣшася, и мняхутся тако, яко голова обивла коего нхъ⁽¹⁾, и яко другъ къ другу и глаголаху, не вси бо разумѣваху дивнаго того чюдесе; бысть же се въ многихъ церквахъ и въ доштѣхъ господьскихъ. Бысть же се и во иныхъ городѣхъ, и въ Кїевѣ

(1) Дивилсь и думали, что это головокруженье.

градѣ велии болма того бысть потрясенье, а въ монастыри Печерьской церкви св. Богородица каменная на 4 части раступись, ту сушю м-ту Кирилу и кн. Володимеру, и бояромъ и Кїиномъ множеству и людемъ спешшимся, празникъ бо быше отъ дие св. отца Фодосья; ту и тризницею потрясе каменю, снесена бывше корму и питью, все то потре каменье дробное (*мелкое*), сверху пада, и столы и скамьи, но обаче вся трапезница не падеся, ни верхъ ея. Также и въ Переяславля рускомъ церкви св. Михаила каменная расѣдеся на двое и паде переводъ (*сводъ*) съ кровлю 3-хъ конаръ, и потроша иконы и паникадила свѣщани и свѣтила. То же все бысть по всей земли одного дня, одного часа, въ годъ (*во время*) св. литургїи, м. мая въ 3 день, въ пятокъ 4-й недѣли по пасхѣ. Тако слышахомъ у самовидѣцъ, бывшихъ тамо въ то время. Того же м. мая въ 10 день, въ пятокъ 5 недѣли по пасхѣ, гвѣци видѣша рано, въсходящу солнцю бысть на 3 углы, яко и коврига, потому мѣти (*меньше*) бысть аки зѣзда, тако и погыбе, потому мало опять взиде въ своемъ чину. Того же мѣсяца въ 14 день, во вторникъ 6 недѣли по пасхѣ, въ торговъ годъ, солнце нача погыбати, зрящимъ всемъ людемъ, мало остася его и бысть аки мѣсяць 3 дни, и нача опять полнитися, и мнози мняху мѣсяць идуще чрезъ небо, заве бышетъ межимѣсячье то (*ущербъ*), а друзїи мняхуть солнце идуще въспять, понеже облоци малїи, частїи, съ полунощныя страны борзо бѣжаху на солнце, на полуденную страну (*съ сѣвера на югъ*). Того же дни и часа бысть тако и того грознѣе въ Кїевѣ, всемъ зрящимъ, бывше солнцю мѣсяцемъ, явишася столпове черлени, зелени, синїи, обаполы (*съ обѣихъ сторонъ*) солнца; таче (*потомъ*) сниде огнь съ небеси, аки облакъ великъ надъ ручай Лыбедь, людемъ всемъ отчаявшимъ-

ся своего житя, мнѣще уже кончину суицю, цѣлююще другъ друга, прощенье инаху, плачуще горко, воспиша (*возопиша*) къ Богови слезами: и милостью своею Богъ преведе страшный тотъ огонь черезъ весь градъ безъ надости, и паде въ Днѣпръ рѣку, ту и погибе. Тако сказаша намъ самовидци, бывши тамъ.

(*П. С. Лѣт. I, 193*).

55. Гаданія по явленіямъ природы.

Ростиславъ (въ 1249 г.) взявъ въ помощь Ляховъ и осадилъ Ярославль въ Волынской землѣ. Хвалящю же ся ему предъ вои своими и рекущу: «аще быхъ извѣдалъ, кдѣ Данила и Василка, ѣхалъ быхъ на ня, аще бы ми съ 10-ю волянь, ѣхалъ бы на ня;» гордящю же ся ему, и створи игру предъ градомъ, и сразивъшуся ему съ Воршежь, и падеся подъ нимъ конь и вырвалъ собѣ плече, и не на добро случися ему знаменіе. Слышавъ же Данило и Василко ратное пришествіе его, помолистася Богу, начаста сбирати воѣ .. Не дошедшимъ же воемъ рѣкы Сяну, сосѣднимъ же на поли ворузиться, и бывшу знаменію надъ полкомъ сице: пришедшимъ орломъ и многимъ ворономъ, яко оболочку велику, играющимъ же птицамъ, орломъ же клекъшущимъ и плавающимъ крыловы своими и восприметающимъ на воздухъ, якоже иногда и николиже не бѣ; и се знаменіе на добро бысть... Яви же Богъ милость свою и дасть побѣду Данилу на канунъ великую мученику Фрола и Лавра.

(*Ипат. 183—184*).

56. Безводіе.

Тои же осени (1228) въ Новгородѣ наиде дѣжгъ великъ и день и ночь, на

Госпожинъ день⁽¹⁾, оли и до Никулина дни не видѣхомъ свѣтла дни; ни стѣна людемъ бѣше лѣтъ добыти, ни нивъ дѣлати. Тѣгда же оканьный дѣволъ, испърва не хотяи добра роду чловѣчю и завидѣвъ ему, зане прогоняшеть его ношнымъ стояніемъ, шѣніемъ и молитвами, и въздвиже на Арсенія, мужа кротка и смѣрена крамолу велику, простую чядь; и створше вѣче на Ярослави дворѣ, и поидоша на владычьнъ дворъ, рекуче: «того дѣля стоить тепло дѣло,» — выпроводилъ Антонія владыку на Хутино, а самъ сълдавъ мзду князю; «—и аки злодѣя пѣхюще за воротъ выгнаша, малъ ублюде Богъ отъ сирѣти, затворися въ церкви святѣи Софїи, иде на Хутино; а заутра введоша оиътъ Антонія архенископа, и посадила съ нимъ 2 мужъ, Якуна Мовсеѣвича, Микфора Щитника, — и не досыти бы зла, нѣ еще болѣ того: възмятеся весь городъ, и поидоша съ вѣца въ оружїи на тысяческого Вяцеслава, и розграбиша дворъ его, и брата его Богуслава, и Андренчевъ владычня столыника, и Давыдковъ Софїйскаго, и Судимировъ; а на Душильця на Лишьнскаго старосту тамо послаша грабить, а самага хотѣша повѣсити, нѣ ускоци (*убльжалъ*) къ Ярославу, а жену его яша, рекуче: «яко ти на зло князя водять,» — и бысть мятежь въ городѣ великъ.

(*I Новг. 43—44*).

Подобное же происшествіе было во Псковѣ 1407. Витовтъ воевалъ волость псковскія, а Новгородцы не помогли своимъ братьямъ; къ тому же настала морь; время было притужное: «А тогда бѣше морь во Псковѣ великъ; и тогда отрекопаса Псковичи князю Данилу Александровичу: *тѣбе ради морь сей у насъ, — и выѣда князь Данило изо Пскова (I Псков. 198)*. См. ниже.

⁽¹⁾ *Госпожинъ день* — Успенье; постъ успенскїй догелѣ въ престонародѣ называется *Спожинками* и, вѣроятно, приспособлено названїе къ слову — *пожни*, спожатому хлѣбу.

57. Голодъ въ Новгородѣ.

Въ лѣто 6738 (1230). Богъ видя наша безаконія, и братоненавидѣніе, и непокореніе другъ къ другу, и зависть, и крестомъ вѣрящеса въ лжю; его же ангели не могутъ зрѣти и многоочити крылы закрываются, того же мы въ рукахъ держаще скверными усты цѣлуемъ; и зато Богъ на насъ поганяя наведе и землю нашу пусту положиша, а шное сами не блюдуче безъ милости истеряхомъ свою власть (*область*), и тако бысть пусто; и тако ны Господь Богъ възда по дѣломъ нашимъ. Изби иразъ на Въздвигеніе честнаго хреста обилѣе (*озимое*) по волости нашей, и отголѣ горе уставися велико: почахомъ купати хлѣбъ по 8 кунъ, а ржи кадъ по 20 гривнъ, а въ дворѣхъ по полъ—30, а пшеницѣ по 40 гривнъ, а пшека по 50, а овса по 13 гривнъ, и разидеса градъ нашъ и волость наша, и полни быша чюжія грады и страны братья нашей и сестръ, а останкъ почаша мерети. И кто не просльзится о семъ, видяще мѣртвѣца по улицамъ лежаща и младенца отъ пьсь изъѣдаемы? И вѣложи Богъ въ сердце благое створити архієпископу Спуридону, и постави скудельницу у св. апостолъ въ ямѣ на Прусъкон улиці, и пристави мужа блага смѣрена, именемъ Станила, возити мѣртвѣца на кони кдѣ обидуце по городу; и тако безпрестани по вся дни влачаше, и наполни до върха, иже бысть въ немъ числомъ 3000 и 30. На ту же зиму поиде княжиць Ростиславъ съ посадникомъ Вънѣдомъ на Тържкъ, м. декабря въ 8, въ недѣлю. А заутра убпша Смена Борисовица въ 9, а домъ его весь розграбиша и села, а жену его яша, а самого погребоша у святого Гюргя въ манастыри; такоже и Водовиковъ дворъ и села, и брата его Михаля, и Даньслава, и Борисовъ тысячьскаго, и Творимирьцъ,

иныхъ много дворовъ... Той же зимѣ въведоша съ Хутина отъ св. Спаса Арсенія игумена, мужа кротка и смѣрена, князь Ярославъ, владыка Спуридонъ и весь Новгородъ, и даша игуменьство у св. Георгія; а Саву лишиша, посадиша ѣ въ келіи, и разболѣси, лежа въ 6 недѣль и преставися марта въ 15, въ субботу, предъ обѣдней, и тако погребенъ бысть игуменомъ Арсеніемъ и всею братьею, а дан Богъ молитва его святая всѣмъ крестьяномъ и мнѣ грѣшному Тимоѣю понаманарю: бѣшеть бо мужъ благъ, кроткъ, смѣренъ и незлобивъ, покон Богъ душу его съ всѣми правдыми въ царствіи небеснѣмъ! —Мы же на преднее възвратимся, на горкую и бѣдную память тоя весны. Что бо рещи, или что глаголати о бывшей на насъ отъ Бога казни? яко ниш простая чадъ рѣзаху люди живыя и ядаху, а ниш мѣртвая мяса и трупіе обрѣзающе ядаху, а друзіи конину, псину, кошки, ниш мѣхъ ядаху, ушь, сосну, кору линову и листь мѣльмъ, кто что замысла. А ниш пакы зліи челоувѣци почаша добрыхъ людіи дома зажигати, кдѣ чююче рожъ и тако разграблвахуть имѣніе ихъ, и тѣхъ осочивъше (*нашли*) тако творяще овѣхъ огньмъ изжоша, а другыхъ осѣкоша, иныхъ извѣшаша. Въ покаяніи мѣсто злое и горчилиши того быхомъ на зло, а видящи предъ очима нашими гнѣвъ божіи: мѣртвѣци по улицамъ и по търгу и по мосту по Великому, отъ пьсь изъѣдаемы, оже не можаху погребати. И поставиша другую скудельницу на поли, коньць Чюднѣчевѣ улиці, и бысть та пълна, въ ней же числа нѣсть; а 3—ю поставиша на Колѣни, за св. Рожьствомъ, и та же бысть пълна, въ ней же числа нѣсть. То же бы намъ все видяще предъ очима, лучшымъ быти, мы же быхомъ пуцьши: братъ брату не съжалашеться, ни отецъ сынові, ни мати дѣчери, ни сусѣдъ сусѣду не уломляше хлѣба; не бысть милости межи нами, нѣ бѣше туга и печаль, на

уличи скръбь другъ съ другомъ, дома тьска, зряще дѣти плачуще хлѣба, а другая умирающа. И купляхомъ по гривнѣ хлѣбъ и поболшо, а ржи 4-ю часть кади купляхомъ по гривнѣ серебра; и даху отци и матери дѣти свое одрени изъ хлѣба гостемъ. Се же горе бысть не въ нашей земли во единомъ, нъ по всей области Русьстѣи, кромѣ Кыева одного. И тако ны Богъ възда по дѣломъ нашимъ.

(I Новг. 46—47).

58. Кометы:

а) Въ лѣто 6772 (1264). Явися звѣзда страшная, свѣтащи презъ мѣсяцей 3, луча ку полудню испущающи; и по томъ бысть великій моръ въ скотѣхъ.

(Густ 343).

б) Въ лѣто 6773 (1265). Явися звѣзда на востоцѣ хвостатая, образомъ страшнымъ, испущающе отъ себе лучъ великъ, си же звѣзда нарѣчается власатая; отъ видѣнія же сея звѣзды страхъ объя вся человекы и ужасть; хитреци же смотрѣвши тако рекоша: «оже мятежъ великъ будетъ въ земли;» но Богъ спасе своею волею, и не бысть ничтоже.

(Ипат. 202).

О явленіи кометы см. още «Повѣсть о нашихъ Голтамша.»

в) Въ великое говѣніе м. марта (1402) являшеся нѣкое знаменіе на небеси: въ вечернюю зарю на западѣ звѣзда немала, аки копейнымъ образомъ, верху же ея аки лучъ сіяше, иже на востоцѣ восходящи и на западѣ лѣтнемъ являшеся, юже видѣхомъ весь той мѣсяць тако восходящю. Се же является грѣхъ ради на-

шихъ, прообразуетъ и претить и велить намъ покаятися отъ грѣхъ нашихъ; убо смѣю рещи сбывается слово еуангельское, якоже самъ Спасъ въ еуангеліи рече: «въ послѣдняя дни будутъ знаменія велика на небеси, въ солнцѣ и въ лунѣ и въ звѣздахъ, услышати же имать слухъ рати и нестроеніе и слышанія брани, встанеть бо языкъ на языкъ, и страна на страну, и царство на царство, и будутъ гладове и мятежи и пагубы, и трусы (землетрясенія) величїи по мѣстомъ, и страхованія въ моря, все же начало болѣземъ, предасть же братъ брата на смерть и отецъ чадо, и возстанутъ чада на родителя своя и убьютъ ѿ, и другъ друга предасть и возненавидитъ и прельститъ, и за умноженіе безаконія изсякнетъ любви многихъ; будетъ бо тогда печаль велика и скорьбь человекомъ, и туга (тужба, горе) языкомъ, и гнѣвъ на людехъ и страхъ повсюду.» Да еже то въ еуангеліи прежде Спасъ нашъ глаголаше, то нынѣ въ послѣдняя времена все сбывается, а реченная знаменія на небеси въ солнцѣ и въ лунѣ и во звѣздахъ являющеса.

(II. Собр. Лѣт. IV, стр. 105).

59. Пожары въ Новгородѣ:

а) Въ лѣто 6807 (1299), м. апрѣля 18, въ субботу вел., въ 1 часъ ночи, загорѣся на Варяжской улицѣ, и створися горе велико, по нашимъ грѣхомъ: въздвижеся буря съ вихромъ, и тако бысть силенъ огонь въборѣ, кто мало что похвативъ выбѣжа изъ своего двора, а иноу все огонь взя. И вержеся огонь изъ Пѣмечьского двора въ Неревьскыи конецъ, загорѣся на Холошьи улицѣ, а тамо силенъ огонь, а Неревляне на оной сторонѣ, а мостъ Великыи огонь заялъ; и тако створися пагуба велика, оная на свѣтѣ (при

разсвѣтъ) Богъ и добріи люди уяша. А зліи челоѣци падоша на грабежи, что въ церквахъ все разграбиша, Бога не боячеса, а въдуче казнь божію, въ покаянія мѣсто горше зло створиша, въ св. Иванѣ (*въ церкви*) надъ товаромъ сторожа убиша, а въ св. Иконѣ сторожъ сгорѣ. На торговомъ полу 12 церквѣи сгорѣ, иконъ не всѣхъ успѣша вынести, ни книгъ,—а въ Христовѣ церкви ико-ляко головъ сгорѣ, и два пона сгорѣша, въ Перевскомъ концѣ 10 церквѣи сгорѣ и многа узорочья въ церквахъ, и мужъ добръ сгорѣ Елееріи Лазоревичъ. И бысть завтра печаль и сѣтованіе, въ радости мѣсто: то же все бысть грѣхъ дѣла нашихъ; сбытсѣя пророчество Псаіа пророка, еже рече: *предложу праздники ваша въ плачь, и ширца ваша въ сѣтованіе*. То же, братіе, Богъ казнитъ за грѣхы наша, кажа насъ на покаяніе, да быхомъ ся остали отъ злобъ своихъ; аще съгрѣшихомъ, нѣ не огчаемся твоеа милости, твоя бо есть, Господи, власть казнити и пакы милovati,—казнивъ, Господи, помилуй ны!

(I Нов. 66—67).

б) Въ лѣто 6848 (1340 г.) м. іюня въ 7 загорѣся на Церковѣ улицѣ, въ полдніи, и погорѣ Перевскій конецъ до св. Якова, а сѣмо и до Чюдинцевы улицѣ, и дворъ владыченъ, и св. Софїи, церкви и дворы въ дѣтинци (*въ крѣпости*) и Людинъ конецъ до св. Алексія, а сѣмо и до Пруской улицѣ, лють бѣ пожаръ съ бурєю и съвихромъ, но водѣ огонь ходя горяше, много людей потоне на Волховѣ, и перевержеся чрезъ Волховъ на ону сторону, и погорѣ вся сторона отъ Оедоропа ручья въ Славно и до поля, до вечерній, и церквѣи каменныи и деревянныи; изъ многыхъ церквѣи не успѣша вынести ни иконъ, ни книгъ, ни изъ домовъ, а хотя кто что вынеслъ на поле, или на огоро-

ды, или въ греблю или въ лодыи и въ учаны (*большіи судна*), то все положенемъ взялось, а иное зліи челоѣци пограбиша. Не токмо же то у своей братїи хрестьянъ, а иныхъ надъ своимъ товаромъ побѣша, а товары собѣ поймаша, и въ св. церквахъ, идѣже бы всякому хрестьянину хотя бы и свой домъ повергя (*бросить*), а церкви постеречи. Но мы пакы Бога не боющеса, ни чающе въскресенія мертвымъ, ни суда божіа, ни възданія по дѣломъ, а выдаче казнь божію надъ нами, въ покаянія мѣсто горше творимъ: церковь Святыхъ 41) (*мученикъ*), яже бѣ устроена иконами и шпеченемъ (*росписана*) и кованіемъ и крутою (*металлическими украшенїями*), запершеся въ церкви товаръ (*пожитки*) весь разграбиша, а иконъ и книгъ не даша носити, а сами избѣгоша изъ церкви, все съгорѣ, и сторожа два убиша, а у св. Богородици въ торгу пошъ сгорѣ, а церковь вся погорѣ, иконы и книги, сего же ни властѣ огонь не прикоснуса, а товаръ весь пограбиша, а въ св. Пятницѣ сторожъ съ сыномъ сгорѣ, и церковь та надеся, и другая Борисъ и Глѣбъ на Подолѣ, а всѣхъ церквѣи погорѣ 30, а людей 70 душъ сгорѣ въ домѣхъ, а Великій мостъ (1) сгорѣ весь по воду. А Смоленскъ погорѣ на Спасовъ день (*1-го августа*).

(II. С. Лѣт. IV, 54).

в) Того же лѣта (1442) бысть пожаръ въ Плотничскомъ концѣ: загорѣся отъ Щитной улицѣ мая въ 4, и погорѣ половина Коноховы ул. и Запольская вся, и за городъ перешедъ погорѣ. И пакы, того же мѣсяца въ 11, на память священномуч. Мокія, загорѣся на Подолѣ, и бысть пожаръ лють и пакости людемъ

(1) Мостъ великій устроены быль въ Новгородъ чрезъ р. Волховъ.

много, и церкви каменных огорѣ 12, а христіанскихъ душъ, Богъ вѣсть, колико сгорѣ, и Конецъ весь погорѣ до св. Георгія, и ту преста на Лубяницѣ. И по малѣ времени, того же мѣсяца, погорѣ Заподіе Микитины ул.; и бысть пакость велика людемъ, кои вносилися къ нимъ съ животы своими. Сѣмъ пожары бывають грѣхъ ради нашихъ, да ся быхомъ покаали отъ злобъ своихъ. Въ то же время людіе, отъ скорби тоа великія пожарныя, похвативше люди, глаголюще отъ ярости смущени: «втайнѣ ходите и людемъ не являетесь, и зажигаете градъ, и люди губите»,—право ли есть глаголющее? Богъ вѣсть испытанія чловѣчьска.

(I Нови. 114).

60. Разныя дивныя явленія и случаи:

а) Въ лѣто 6777 (1269). Дивныя великіе являхутся: видяху люди на небѣ войска ве зброяхъ, и раздѣлены на два полка, и едны зъ другими бѣхуса; поточъ, не далече отъ Кракова, една пани Вербославская Малгората еднимъ роженемъ породила дѣтей живыхъ 36, генваря 21. Въ то же лѣто, декаврѣ 6, въ ноци, явися свѣтъ на небѣ крестообразно, яко не токмо градъ, но и оную всю страну просвѣти. Въ то же лѣто, во 8 день по Рожд., въ Каляшу родися телець со седмю ногъ телчихъ и двома пешими главами, едина по обычаю напредѣ, а другая меншая надъ опашію: сего трупу никтоже отъ животныхъ не хотяше ясти, ни птица, ни пси, ни волци; на Шлонску (въ Силезіи) засъ дождъ кровавый идяше, а потомъ засъ бысть дождъ великъ и поводъ, яко и села и людей вода забираше.

б) Въ лѣто 6783 (1275). Родися въ Краковѣ дѣтище со зубами, яке гла-

голаше абіе, егда же окрещени бысть, испадоша ему зубы и преста глаголати; второе же дѣтище родися, яке по шестію мѣсяць своего рождества яснымъ языкомъ глаголаше и пророчествоваше нашествіе Татаръ., приложи же и се, яко и оно имать пострадати отъ Татаръ, еже и сбобыется.

в) Въ сіе лѣто (1277) видѣша на небѣ свѣтъ, акы бы небо отверзато. Въ сіе лѣто уловиша рыбитвы диво бѣсовское, страшное, въ езерѣ, въ повѣтѣ краковскомъ, яке ижѣше главу козію зъ рогами, а очи акы свѣщи свѣтахуся ему; людей же тамо бѣ множество, яке се видѣвше убоишася, отъ страха всѣ побѣгоша, сіе же диво такожде побѣже подъ ледъ рычаша.

г) Въ лѣто 6847 (1339). Една пани уродила разомъ дѣтей 12,—11 померли заразъ, а еднѣ выховался и былъ потомъ бискупъ.

(Густыис. 344. 345. 349).

д) Той же весны (1360), въ великое говѣнье, акы огненныя зарѣ явишася, отъ востока восходя чрезъ небо. И бысть мятежь силенъ въ ордѣ; мисай царь, и царевичи, и радци, насѣкошася межю собою.

(II Нови. 132).

е) Того же лѣта (1406) погибе мѣсяць передъ раннею зарею, и бысть яко кровь на мѣстѣ его, и заиде не исполнися. Того же лѣта, по Петровѣ дни, въ Нижнемъ Новгородѣ бысть буря велика, и вихоръ вземъ чловѣка на лошади и съ колесницею понесе, доидеже невидимъ бысть; на другій же день обрѣтоша на другой странѣ рѣки великія Волги колесницу его на дрѣвѣ высоцѣ висящу, а чловѣкъ безъ вѣсти.

(II. С. Лѣт. VI. 133).

ж) Того же осени (1430) вода бысть мала вельми, и земля и лѣсы горяху, и дымъ много вельми, иногда другъ друга не видѣти; и съ того дыма мряху рыбы и птица, а рыба дымомъ воняше и по два года.

(I Нови. 111)

з) Того же лѣта (1440) бысть знаменіе въ Вороночи: отъ иконы св. Николы изъ лѣваго ока, изъ суха древа, истече кровь напрасно, на заутрени въ Спасъ день; и послаша по икону събора 3-го два попа, Ивана да Семена, и привезена бысть икона во Псковъ на Усѣкновенье главы Іоана Предотеча, и усрѣтоша икону вся 3 събора и архимандритъ Геласій и вся священники, молящеся Богу, и бысть страхъ великъ крестіаномъ о чудесахъ св. Николы.

(П. С. Лит. IV, 211).

и) Да и сіе не забвено будетъ въ послѣднихъ родѣхъ: 1447 г. генваря 3, бысть облакъ тученосенъ и съ дождемъ, и паде вкупиѣ пшеница и рожь и жито на полѣ и на лѣсѣ, отъ града за 5 верстѣ, вѣдалѣ отъ Волховца и до Мыстѣ рѣки на 15 верстѣ; людіе събраше, елико кто избрѣте, и принесоша въ градъ, граждани же стекошася видѣти сіе преславное чудо, откуда и како бысть.

(П. Собр. Лит. IV, 125).

61. Моръ:

а) Въ 1352 г. моръ былъ во Псковѣ чрезъ все лѣто: почалося изъ весны на пятной (вербной) недѣля, то же и до самыя осень, уже предъ зимою преста. Того же лѣта Псковичи поставиша церковь св. Богородица честному ея Покрову за стѣною, въ странѣ св. Дми-

трея. Тогда же архіеп. Василей пріѣздилъ во Псковъ не въ свои лѣта, ни во свою череду, но тако, хотя благославити дѣтей своихъ Псковичъ и поповъ; и обоиде весь градъ съ кресты, и съ всемъ священнымъ съборомъ и съ всемъ крѣпосомъ, и съ мощми святыхъ, и съ пѣніями и съ молитвами и слезами, молящеся Господу Іесу Христу и пречистѣй его Матери, св. госпожѣ Богородици, о заступленіи града и о всехъ людехъ живущихъ въ немъ о Христѣ въ вѣрѣ крестіанстѣй, дабы Господь преста-вилъ (остановилъ) многоналежащую тогда смерть на людехъ; такоже и весь народъ и люди, мужи и жены, отъ мала и до велика вси вослѣдствующе со многими слезами зваху: *Господи помилуй!* Архіепископъ же Василей мало дній ту побывъ, поѣха паки изъ Пскова здравъ, бысть ему на пути наборѣ (быстро) разболѣся, мало поболѣвъ преставился на рѣцѣ на Узѣ. Сана свѣтлостью не умолена бываетъ смерть: на всехъ вынизааетъ многоязныя своя зубы. Нѣкоторія же рѣша: «той моръ изъ Индѣйской земли, отъ Солнца—града».

(Пол. Собр. Лит. IV, 191).

По представлениахъ народнымъ, навѣяннымъ византійскими сказаніями, солнце имѣетъ свой городъ, который находится въ странѣ Врэхмановъ (Браммановъ), т. е. въ Индіи, гдѣ живутъ разные уродливые народы. Оттуда—то приносятъ вѣтеръ разными смертельными болѣзнями.

б) Псковичи послаша послы своя (1407) въ В. Новгородъ и биша челоуъ, абы помогли на Пѣмець,—и не помогоша. И потомъ биша чолоуъ ки. в. Василю Дмитріевичю, абы помоглъ бѣднымъ Псковичемъ въ тошна времени: и князь вел. разверже миръ съ своимъ тестемъ, съ ки. Витовтомъ, псковскыя ради обиды. И бѣше тогда въ Псковѣ моръ непрестаненъ; и выпроводиша ки. Данила Александровича, глаголюще: «тебе ради моръ сій есть въ насъ»,—и

поѣха изо Пскова въ Новгородъ, въ самый николинъ день во осень. И послана Псковичи посла своя къ в. кн. Василью Дмитріевичю, и испросиша собе князя, брата князя вел. меньшаго Костянтина; и приѣха кн. Костянтинъ, во вторникъ на вербоной недѣли. И кн. Костянтинъ съ Псковичами смысливше и помолившеся Богу, създаша церковь въ имя св. отца Аванасія, въ единъ день, въ недѣлю (*въ воскресенье*) и освящаша и службу свершиша, м. марта въ 29 день.

(П. С. Лѣт. V, 19—20).

62. Вихрь, дождь, громъ:

а) Того же лѣта (1419), априля 9, въ недѣлю при вечери, буря бысть велика вѣтрена, съ вихромъ, и туча и дожди умножены со градомъ, и источници потекоша вода, аки рѣка сильная и молнія блистанія и громъ страшный; и отъ того страха потрясеса земля, а люде ницъ падоша, а пономарь церковный бысть мертвъ; и во дву церквахъ, во св. Богородици на градныхъ воротѣхъ и св. цари Константитѣ на Росткинѣхъ улицы, иконы ополѣша отъ огня небеснаго. Якоже рече писаііе о громѣхъ и о молніяхъ: «аще отъ сраженія облакомъ точію молнія будетъ, нѣсть вреждающа, но абіе мимоходить и изгинетъ; аще ли съ ударяющимся облакомъ, и къ снмъ сидеть небесный блескъ огня, пламенно-виденъ, и съвокупится съ молніею, исходита долу (*внизъ*) творить сгорѣніе, его же налучить; се же наречетса пожаръ. Не всѣхъ бо Владыка казнитъ, смергью тою напрасною осуждаетъ. Якоже бо и во единой болниці мнози на одрѣ лежать, да ниіи отъ нихъ въставляются, друзіи же отъ нихъ различными суды кончаются: тако же бо и о громогласнѣмъ томъ шибеніи, отъ матернихъ идръ

младенца извергъ снабжаетъ, друговци же отъ рукъ матернихъ истергъ младенецъ суду предаетъ, мать же младенца снабжаетъ; то кто изглаголетъ силы господня, како ли увѣстеса смотрѣніе? Не видимъ есть громъ, ни рукъ человѣческы имѣть, прерѣвая, превращая и растерзая подруга отъ ужикъ своихъ и чадо отъ родитель своихъ; но токмо повелѣніе владычне съ страхомъ творить, но прещеніемъ тѣмъ на молитву въставляетъ.

(П. С. Лѣт. III, 138; IV, 118—119).

б) Въ лѣто 6929 (1421). Въ Новгородѣ поводъ велика бысть въ Волховѣ, и снесе 20 городень Великого мосту, и бурѣ велицѣ бывши и разбиша отъ воды и уличніи мости, и храми мнози отъ основанія исторжени быша, мнози же воды ради на верхъ хоромъ живяше; а монастыревъ 19 обіять вода, яко ни пѣнію быти въ нихъ, и толицѣ скорби бывше, *яко уже людемъ чающимъ потопу нашедшу на нихъ*. И еще же паки и туча велика взиде, мая 19, съ полудени, съ громомъ страшнымъ и съ шумомъ великимъ, въ полуноци молнія блистающа и яко прозрѣти не мочно бѣ, яко бо чающимъ людемъ сожженнымъ быти отъ огня одного; понеже бо и туча она пришедше надъ градомъ ста, измѣниса отъ дожденосія огненное видѣніе, люде же всяко чающа пламени быти и пожигающа грѣшники, и ужасошася и начаша вопити: *Господи помилуй*, и прочер многое моленъ, и обѣты приношоу Господеву и преч. Его Матери и всѣмъ святымъ, понеже бо каменіе изо облака являшеся. Архіепископъ же Семенъ съ чинномъ священнымъ и вси богобоязніи люде, внидѣ въ церковь Премудрости божіи, ницъ надше со многими слезами изъ глубины сердца со воздыханіи молящеся, такоже и по прочимъ церквамъ

священники и людіе творяху, и тако прїеде ношь та страхомъ онѣмъ; прїшедну же дню и бысть тишина, и туча она бысть не видима, и едва людіе въ себе прїдоша отъ страха оногo.

(П. Собр. Лѣт. VI, 141—142).

См. еще IV, 207 подъ 1433 г.

в) Того же лѣта (1450) бысть чудо страшно во градѣ Москвѣ: м. августа 3 день, канунъ дни Спасова, предъ вечернею за единъ часъ, ввезану прїде туча со вѣстока на градъ, и бысть громъ страшень; по разгнѣванію Господа Саваоѳа, по умноженію грѣхъ хрестіянскихъ, прострѣян громъ верхъ у церкви у каменья св. Михаила архангела на площади, и поиде стрѣла въ церкви, и бысть чудо страшно, яко не мощно сказати, како ходила по церкви. Того же м. августа 13 день, прїде туча отъ западныхъ странъ на градъ Москву и вѣтръ великъ зѣло, и сломило крестъ у церкви св. архангела Михайла на площади.

(П. С. Лѣт. V, 270).

63. Сказаніе о труса.

(Твореніе Родіона Кожуха, дьяка митрополича).

Въ лѣто 6968 (1460) іюня 14. Нынѣ убо въ лѣта живота нашего прояви Богъ людемъ своимъ дивное и страшное чудо, въ день прїити св. пророка Іелісея. Мы убо и домыиѣ знаменія прже сего бывшаго въ писаніи св. книгъ прочитахомъ, а видѣніемъ такового страха во многоспредшая лѣта никогда же узрѣхомъ, яко днесь очима нашими страшнаго сего труса бывшая видѣхомъ и ушеса наша исполнишася трепета сердець нашихъ, таковая отъ небесъ прїшедша

грозная слышаша. Бысть бо веліе знаменіе во градѣ Москвѣ сицево. Прже взыде подъ небесы туча на облацѣхъ и вѣсѣмъ зрѣти, яко обычнѣ шествоваше воздухи носимо, и тако поиде отъ юга совокуляяся обланы по аеру воздуха (sic!) парящаго, по пророческому словеси: «сбирая яко въ мѣхъ воды морскія и полагаю во скровищахъ бездны»; и тако поиде ко вѣстоку солнечному на облацѣхъ, и яко уже совокупивъ свое величество, исполнены водоточнаго естества, и тако распростанися надо многими мѣсты, и бысть видѣнietъ туча грозна и велика велии. И пакы скоро шествіе свое возврати отъ востокъ къ западу, якоже скоростъ молонья, и проліяше дождь великъ на градъ Москву, на многіе села и мѣста далече отъ града; возвѣяше въ ней вихоръ, вѣтръ силенъ велии, и по граду много св. церквей и покровеніе ихъ снесе, а на стѣнахъ града кровы разлома, въ долу поверже силнымъ возвѣянiемъ вихра паряща по аеру, и безчисленное хранииѣ множество верки ихъ сбиваше и на земли яко прахъ поверже, а иніи храминны до основанія земли разоряшася; а по селомъ и по многимъ мѣстамъ града того многи храмы св. церквей разнесе, а живущихъ людей въ вѣсѣхъ многи дома восхищая разметаше, твердо укрѣпленная человѣческая зданія, яко вивочтоже виѣнiивъ разбиаше; сице же и древесъ неизглаголанное множество на лица поля падошася по многымъ мѣстамъ окрестъ града, исторзаемы и преломляемы возвѣянiемъ нужнаго и скоромниувшаго оногo вихра, яко же въ писаніи о семъ глаголетъ: «трясе землю и смяте ю». Къ сему же прїшедшему на нь вихру, и молоніямъ тогда блистаніе веліе быше и громъ тутняше; но не толикъ и страшень, яко вихръ онъ возвѣяше велии. Якоже рече Господь: «не сія ли вса собрашася у мене, и запечатлѣшася во скровищахъ моихъ?» И сія рече: «по-

острю мечь мой яко молнію и воздамъ месть врагомъ моимъ, во время соблазна ихъ; азъ, рече, убію и жити сотворю, и нѣсть иже изметъ отъ руку моею. Того ради Богомъ посланнаго великаго страха, пришедшаго на ны, мнози во градѣхъ и въ селѣхъ людіе въ той часъ живота своего отчаяшася, и другъ отъ друга прошенія прошаху, и слезы проливающе со въздыханіемъ къ Богу и моленія приносяще пользовахуся, и тако многими скорбями и сѣтованіемъ въ то время одержими бывше, мирноснои гласъ восприемши, ркуще: »Господи! утоли наше рыданіе слезное«; и тако плачущеся чающе уже конечнѣ своего живота лишитися. Мнози убо свидѣтельствоваху огонь въ тучи той видѣвши яко пламень распыхаяся отъ великіа ярости вихра, но нигдѣ же чему коснуса божіимъ запрещеніемъ. Тако же и въ селѣхъ отъ древесъ преломляемыхъ, отъ хранивъ разрушеныхъ, отъ верховъ нивъ рассыпанныхъ, ничѣмъ же не вреду никого же отъ всѣхъ чловѣкъ народа, ниже скота ихъ; но вся Богъ соблюде цѣлы отъ смерти, ничѣмъ не врежены, развіе храмовъ разрушеныхъ и потребныхъ въ нихъ; а пахатное жито сѣмена на лица поля со землею смяте. И тако молитвами великихъ нашихъ святителей и чудотворецъ, предстоящихъ престолу божію, Николы великаго, и Петра м-та, и Алексѣя снаторьника его, и Леонтіа еп. ростовскаго, и св. чудотворецъ препод. Сергіа и Варлама и Кирила молитвами и предстояніемъ ихъ къ Богу, благопріемъ князей вел. Василья и Ивана сына его, также и архіепископа нашего Юны м-та молитвою и всѣхъ православныхъ, вскорѣ сотвори Господь милость свою на боящихся его и воцадѣ насъ. Якоже нѣкогда пощадѣ о Ниневіи градъ величїемъ и обратися отъ злобъ своихъ, еже, рече, восхотѣ сотворити нивъ и не сотвори: и нынѣ также въ малѣ часѣ переведе черезъ градъ ве-

ликую тучю, и того нужнѣ волнуемаго на ны вихра укроти, и тишину воздуха всячески намъ дарова; по пророческому, яко же рече: »не до конца прогнѣвается, ни въ вѣки враждуетъ Господь, ни по безаконію нашему сотвори намъ, ни по грѣхомъ нашимъ воздасть; но утверди Господь милость свою на боящихся его.« Того ради снцевая страшная намъ знаменія являя, наказая ны, хотя ны отлучити отъ грѣхъ, да не до конца увязнемъ въ сѣтѣхъ козней дьяволя ловленія; яко же рече Господь: »обратитесь ко мнѣ, сынове чловѣчестіи, и покажу на васъ милость свою и возвращу ярость свою отъ васъ; зане яко тысяща лѣтъ предъ очима его, яко день вчерашній, иже мимо идетъ; лѣта же ваша яко паучина паучахся съ трудомъ и болѣзнію въ животѣ нашемъ.« И тако мало днїи препроводивше въ будущая онамо преходимъ; иже здѣ богоугоднѣ поживши, то и онамо отъ Бога благая воспримуть, а творящїи злая въ муку послани будутъ. Того ради, братїа, видѣвше таковая намъ страшная знаменія бываемая, да разумѣемъ яко Богомъ снцевая послана суть; мы же видѣвши сіа воспрнемъ яко отъ сна убудившеся отъ помраченїи грѣховныхъ, и умягчимъ нивы сердце нашихъ, и притечемъ къ Богу, со умиленіемъ принадающе и со слезами воиюще, милости просимъ, покаяніа о грѣсѣхъ положивше спасеніе получимъ, сердечнѣ слезы проліявше грѣховъ очистимся, милостыню подавше спасеніе получимъ; и таковая убо сотворше, добрѣ благыхъ отъ Господа насладимся, небесная селенія воспримемъ, во святыхъ кровѣхъ упокоимся, идѣже праведни почиваютъ. Аще ли же такового на ны отъ Бога посланнаго великаго и страшнаго труса, еже впагѣ отъ глубокихъ сокровищъ своихъ показа намъ отринговеніемъ оного духа, паряющаго по воздуху, и толики отъ него страсти бывшаа презримъ; то како не прогнѣваемъ своего

Владыку и зижителя всей твари? Якоже Приточникъ рече: «Господь гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать»; чго же ли смиреніе? не обѣщаніе ли отъ злыхъ, еже творити молитва съ покаишемъ и со умилинемъ къ Богу? по апостолу, яко же рече: «да отъ злыхъ избѣгше съ правдою поживемъ, чающе блажена упованія; страшно бо есть впасти въ руцѣ Богу живу, не имущу кому благыхъ дѣлъ». Того ради покаемся отъ злыхъ, и тако помолшеса умилиственнымъ своего Владыку, да ны, прогнѣвавшая рабы, избавитъ отъ

толлка страшнаго труса, отъ глада же и губителства, и отъ пашествія иноплемненныхъ, и отъ междуусобныя брани, и отъ всякія нужда, и отъ всякого зла; Богу нашему слава въ вѣки, аминь.

(П. Собр. Лѣт. VI, 182—184; VIII, 148—149).

Это твореніе московскаго дьяка Кожуха служить характеристическимъ образцомъ краснорѣчія XV в. Тогда простой, краткій и сильный языкъ считался низкимъ: витиеватость же, напыщенная украшенность и растянутость составляла отличительныя черты высокихъ твореній.

Б. ПРЕДАНІЯ И ЛЕГЕНДЫ.

64. Пророчество св. Варлаама о снѣгѣ и о мразѣ.

Егда бяше въ животѣ препод. Варлаамъ, и приѣде св. Варлаамъ в вел. Новѣградъ ко архиеп. Антонію благословитися. Архиепископъ же заповѣда препод. Варлааму паки с недѣлю помедливъ приѣхать к себѣ нѣ о какихъ духовныхъ дѣлахъ побесѣдовати. Св. же Варлаамъ рече ко архиепископу: «аще Господь повелитъ, господине св. владыко Антоніе, буду оу твоєи святыни благословитися на перьвой недѣлѣ петрова постоу в пятокъ на санехъ.» Святитель же, слышавъ от оустъ св. Варлаама, в сумнѣніи бысть, что хоцетъ святыи в пятокъ перьвыи недѣлѣ петрова посту приѣхати на санѣхъ. Стыдише же (си) вопрошити святаго о вѣщи. Бысть же по пророчеству св. Варлаама в петровъ постъ на перьвой недѣлѣ к пятку на ноцѣ паде снѣгъ великъ въ поляхъ челоуѣка, или болши, и мразъ великъ. Того дни на оутрѣи приѣде св. Варлаамъ в вел. Новѣградъ ко архиеп. Антонію на санѣхъ. Архиепископъ же нача тужити о хлѣбѣ, яко рожь въ цвѣтѣ прибило. Св. же Варлаамъ нача утѣшати святиеля душеполезными словесы: «Не скоробѣ (ти), по наче благодарити Господа нашего Ис. Христа и пречис. его Матерь Богородицу и всѣхъ св. великихъ чудотворцевъ, яко призрѣлъ Господь Богъ на насъ милость свою; аще, св. владыко Антоніе, не послалъ бы Господь Богъ

снѣгу и мразу, погыбнути было людемъ от глада: хоцаще Господь Богъ за умноженіе грѣхъ нашихъ попустити гладъ, и молитвъ ради преч. Богородица и всѣхъ св. великихъ чудотворцевъ дарова Господь Богъ снѣгъ и мразъ, да в коренѣ ржаномъ во всякомъ обилии черви измороза, и единъ день пребуде снѣгъ на земли, и божимъ промысломъ и повелѣниемъ будетъ теплота, и той снѣгъ за дождевую тучу опонитъ землю и плоды всякия земныя.» Еже и бысть по пророчеству св. Варлаама. Святитель же архиеп. Антоніи, сия слышавъ глаголы от св. Варлаама, велими оужасеся о предивномъ божии милосердїи и о неизрѣченныхъ божихъ судбахъ, начатъ славити Бога. И посла святитель св. владыка Антоній на поле слугъ своихъ от предстоящихъ ту въ келии его, да исторгнуть класы ржаные и с корнемъ. Шедше посланнии на ржаное поле, исторгнуша класы ржаные и с корнемъ, принесоша тоу въ келію предъ архиепископа Антонія. И видѣ Антоній в корени ржаномъ много множество червей и измершихъ от снѣга и от мраза, прославиша Бога о бывшей божии милости. По пророчеству же св. Варлаама, на оутрѣ; еже в субботу, и въ недѣлю, теплота велика бысть, и растая снѣгъ и оупон землю, и оувлажи яко же дождевою тучю. Божимъ промысломъ и повелѣниемъ, рожь тогда цвѣла, а цвѣтоу не прибило мразомъ, молитвами пречистыи Богородица и великихъ чудотворцевъ, и молитвами св. Варлаама чудотворца. Святитель

же видѣтъ збывшееся пророчество св. Варлаама, того же дѣла оубогаеніе велико бысть всѣмъ плодомъ земнымъ, молитвами пречистыя Богородица и всѣхъ святыхъ ради великихъ чудотворцевъ, и молитвами св. Варлаама чудотворца.

(Пам. стар. рус. лит. I, 277—278).

65. Изъ бесѣды св. Андрея съ Епифаніемъ.

Вода, яже изъ облака исходитъ дождьми, съ небеси ли исходитъ ци (или?) отъинудъ въ облаки входитъ?—Андрей рече: дугу мою поставлю, рече Богъ, на облацѣхъ. Да и дуга бо повелѣніемъ божіимъ собираетъ морскую воду, какъ въ мѣхы, и наливаетъ облачную воду; да егда повелитъ Богъ вдати дождь на землю, восходитъ шумъ изъ трубы дужной, а той духъ есть бурень вельми и смущаяся; да какъ духъ начнетъ раздирати облаки, уготовати путь водѣ и проливати ю въ ширину вданому тому облаку, да тѣмъ путемъ великимъ скрежетъ сотворится: сей скрежетъ чловѣцы навькли называть *громомъ*; понеже скрежетъ облаки, готова путь, да быша прияли воду, да егда приидетъ духъ правый громный и отпуститъ облаки, тогда паки входятъ другій духъ воду кропя, скрежеща и гремя, наполняя облаки водой, яко же и губу. И посемъ отверзается другое сокровище одержашее ихъ и воду, и прежь поидетъ духъ суцій въ немъ съ громомъ, пути творя водами, хотаящимъ пріяти на облацѣхъ, да тако пуцаетъ, отверзаетъ сокровище водокровно: служба бываетъ, гromови гromятъ; гromъ бо приходитъ предъ водою, множицею же и безъ грома бываетъ дождь. Но не о себѣ сами тѣ облаци дожди даютъ, а владыка Богъ ангелъ къ нимъ приставилъ есть, да ихъ направляють и на всю тварь небесную. Епифаній рече: откуда исходитъ молнія?—Андрей рече: трубы облачныя собирають отъ моря и отъ рѣкъ воды и отъ озеръ, и написавшися восходятъ изливаютъ изъ себе воду ту, а входяще скорбныя бѣдныя приелють ю въ сокровенныя бездны: да егда наполнятся отъ нея, тогда проливаются на землю и вся наполняютъ и отходятъ на страну свою и на мѣста своя и пребываютъ недвижущеся. Потомъ же рече: молнія есть утверженіе, есть сокровище тѣхъ и содержитъ въ себѣ воду ту, поадаетъ ее всю соль и всю скверну, аще есть нечиста или морская вода во облацѣхъ тѣхъ, и сходитъ ангелъ господень явѣ, древомъ чеснаго креста разслаждаетъ и очищаетъ воды ты, та же потомъ молнія приходитъ предъ громомъ, устрояюще путь суцій во облацѣхъ на низу земли и прежь очищаетъ и приготавлиетъ: да аще случится бездождіе, то облацы рѣдцы слагаетъ на напра-

во, множицею же аще будетъ пообилу (*обильное*) исхожденіе ея, да свѣтлаци ходитъ до земли свѣтлациа обдистающися, всему же ся прикоснетъ, а ужиганія бо силу иматъ въ себе силу большую земнаго огня, хладнѣй же небеснаго неугасимаго огня, якоже Богъ сію молнію сотворивъ на потребу гromови; не мое есть сіе слово едино,—и пророковъ псаломъ 134 се же глаголетъ о ней: «молнію въ дождь сотвори Богъ,» — и паки другій пророкъ глаголетъ: «молнія, рече, направляя воды подремлею (*поиреманіемъ*), разсѣкая капля по облакомъ.» — Дождь есть же молниинъ родъ отъ небеснаго огня, якоже солнце имѣетъ заря сіяніе есть сущему верху на тверди, на ны же огонь разумѣй таковъ существомъ, его же Илія пророкъ молитвою сведе на полѣна и на жертву волову и на іерея посрамленія на вся силы Езавеловы; и того огня сіяніе молнія есть, яже спаде съ небесъ молитвами пророка. Полизавшася и полѣна, воду и землю, его же силу видѣвши вси возопиша: *единъ Богъ Израилевъ, а многа нѣсть.* ... Епифаній рече: по правилу ли се нѣцы глаголють, яко Илія пророкъ на колесницѣхъ гремятъ и молнію пуцаетъ по облакомъ и гонитъ змѣя? — Святій рече: не буди, чадю, того сему тако быть. Велико бо безуміе се есть, еже и слухомъ примати слышати: чловѣцы убо умомъ сущи не полни первіе, и тако по своему безумію прельщеніи и тако написаша се. Ино глаголаше, яко Христосъ вrabя дѣлаша каломъ предъ Жидами, и дунувъ на ня пуцаше, — и леташе; и паки глаголаше, яко снѣгъ мука есть бѣла; да якоже се лжа, тако и то есть лжа, — естествомъ написали, но всякому чловѣку достоятъ отнюдь не слышати ихъ всякому хрестіанину. Много бо лжуще лишеницы написали: Илія бо на небеса не възде; не буди того, ни на колесницы сѣдитъ и благодать имѣетъ на дожди, да ся помолитъ Бога, да въ годину бездождія милосердовавъ дастъ дождь жаждущимъ людемъ, а на небо не вшелъ есть никтоже, но единъ Сынъ божій, яже есть на небеси; а Илія живъ есть, но есть на земли во плоти своей, — никто же его не знаетъ. Живъ есть и Енохъ, посредѣ людей ходитъ и никтоже его не знаетъ и не вѣсто (*не вѣдомо*); но единъ сущи достойни прилѣпляющися Богу по праву. Живъ есть и Іоаннъ Богословъ и есть въ мірѣ семъ, якоже жемчюгъ посредѣ каала, и оставленъ есть на земли во плоти вмѣсто Іис. Христа... Да тріе сіи живи суть до кончины вѣка сего, со антихристомъ борющеся и обличать и тако мученія вѣнцы примуть отъ Христа Бога. А яже молнія ждетъ, сія не про, (*объ этомъ не спорю*): право бо то есть, но не св. Илія пуцаетъ молнію, не буди того; но ангелъ господень приставленъ есть на се... И егда (дьяволъ въ образѣ змѣя) изыдетъ изъ гнѣзда своего, хотя вредити или погубити

человѣка, да видятъ его Богъ съ высоты своея, не хотя насильнику проклятому воли ему дати надъ родомъ симъ человѣческимъ, велитъ ангелу *авио* (?), грѣмѣти начнеть на змію и посылаетъ молвину трубу и пождетъ его; дѣволъ же икъ есть змія защитити его хотя, занимаетъ его и бѣжитъ съ нимъ, бояся молвни. Бѣгая же дабы ся и человекъ пригнѣтися, да не того же ради избавитя онъ; но вѣдая Богъ мысль, проси я того знаменія, далъ есть ангелу молвину, рекъ: либо другъ, либо врагъ, сирѣчь—либо еще инъ св. человекъ пригнѣтеть, да зажжетъ и того съ нимъ; да я святому, гдѣ его постигнетъ, либо у древа, либо на полѣ, либо во храмѣ, либо въ кораблѣ, или къ человекъ пригнѣтеть,—ту его поразивъ сожжетъ, а тѣло зміево невидимаго змія, оного сатану пожигая молвиею союзы нерѣшимыми свяжетъ до скончанія праваго возданія.

(Ркп. Казанс. Духовн. Акад. №А. № 219 и 813, л. 544).

Также ркп. профессора Казанскаго Университета Н. Н. Булича, л. 40—42. Въ заглавіи этой ркп. вмѣсто Епифанія означено — *Евмилъ*. Ркп. эта XVIII в., но весьма вѣрна древнему тексту.

66. О солнцѣ, како сотворено новозвѣстемъ божиимъ.

(Изъ книги Грапографы).

Величество солнца больше 30 поприщъ, видимо же мало есть, понеже отъ земли отстоятъ высоко. Одожда и вѣнецъ царскій на немъ, а ангеловъ господнихъ 15 тысящъ, по вся дни хождяху съ нимъ. И егда зайдетъ солнце на западъ, тогда ангелы господни совлекаютъ съ него одежду тою и вѣнецъ царскій на престоли господни; а у солнца останутся по три ангела и снабдѣваютъ солнце. И далъ Богъ 100 ангеловъ облачати солнце въ царскую одежду и вѣнецъ, и егда пойдетъ солнце отъ востока къ западу, тогда огнеыя птицы, нарицаемая *фениксы* и *ксалавы*, летаютъ предъ солнцемъ и омакаютъ крылія свои въ водѣ окѣянстой, и кропятъ ими солнце, да не попалятъ лучами своими. Отъ огня солнечнаго и тѣмъ птицамъ періе обгараетъ, и бывають голи, яко окрошени и паки куплются въ окѣанѣ, и обновляются. Того ради и *петель* пророкъ нарицается, имѣетъ подъ крылами своими перо бѣло инехъ птицъ. И егда солнце (зайдетъ?) на западъ, тогда у петеля посвербитъ перо, когда же двинуть ангела господни одежду и вѣнецъ отъ престола господни, тогда пробуждается петель, поднимаетъ гласъ свой и плещетъ крылами

своима: 1) проповѣдуетъ широи воскресенію и ангелъ правдѣ, 2) подай, светадаво чю Христе, и послалъ свѣтъ твой всему міру, 3) Христось животь есть и вся совершаетъ, и такъ петель пѣснить до свѣта, творца своего величаетъ, праведнымъ радость возвѣщаетъ. Аминь.

(Пѣсни Рыбникова. IV, 184—185).

См. Очерки Булаева I, 501—502.

67. Суевѣрія и пригнѣтн.

При исчисленіи *идательныхъ* и *астрологическихъ* книгъ, также *суевѣрній* *народныхъ*, *русскіе* *грамотники* *могли* *руководиться* *статьями* *греческаго* *происхожденія*. Въ *Рязанской* *кормчѣ* *1284* *г.* *многія* *статьи* *направлены* *противъ* *волхвовъ* *и* *обавниковъ*, *чародѣевъ* *и* *узольниковъ*, *преслѣдуются* *срамныя* *шриванія*, *какъ* *еллинская* *прелесть*, *сколорози*, *возожденіе* *медвѣдей* *на* *кумленіе*, *каланды*, *которыя* *смышамъ* *съ* *Коллдой*, *иже* *въ* *получей* *(въ* *случай*, *въ* *судьбу)* *впрыгуютъ* *и* *въ* *родословіе*, *рекше* *въ* *Рожаница*.— Въ *Писисовскомъ* *сборникѣ* *XIV* *в.* *въ* *правилахъ* *Греческаго* *собора* *сказано*: *«Аще* *кто* *обрицетъ* *колесника* *ио-нець* *(актеръ?)*, *или* *соплника*, *или* *яласоць*, *или* *(и)подрумника*, *любя* *рекше* *ирица*, *или* *и-рець*, *или* *корчелника*, *или* *вербопановець*, *или* *чародѣецъ*, *или* *обавника*, *или* *чарамъ* *учинель*, *или* *наузотворецъ*, *или* *зельдочтець*, *или* *волхвовъ*, *или* *ускопецъ*, *или* *громника*, *или* *коллдоникъ* *ттець*, *или* *метаньеймець*, *или* *розоме-чець*, *или* *въ* *стрячо* *впрыя*,—*да* *осталутъ* *ся* *тою*, *или* *да* *отлучатъ* *ся* *отъ* *церкви*.— На основаніи *подобныхъ* *правилъ* *въ* *статьи* *о* *Ложныхъ* *книгахъ* *постоянно* *заносили* *указанія* *на* *различныя* *чисто-русскія* *суевѣрія* *и* *так.* *обр.* *составился* *изъ* *длинный* *перечень*, *который* *служить* *богатымъ* *материаломъ* *для* *изученія* *воззрѣній* *нашихъ* *предковъ* *на* *міръ* *и* *жизнь*. *Представляемъ* *полный* *списокъ* *суевѣрій*:

А се есть мудрованіе тѣхъ, ими же отводятъ отъ Бога и приводятъ къ бѣсомъ въ пагубу. Первая книга *Мартолой*, рекше *Остро-ролю*; вторая книга *Острономля*; третья *Землемѣрїе*; четвертая *Чароуникъ*,— въ нихъ же суть 12 главизнъ, стихи, двоицъдесять опрометныхъ лицъ звѣриныхъ и птичїихъ,— се же есть первое, тѣло свое хранитъ мертво, и летаетъ орлоимъ, и ястребомъ, и ворономъ, и дятломъ,— и совою,— рыщутъ лютымъ звѣремъ и ведремъ дикимъ, и волкомъ, летаютъ зміемъ, и рыщутъ рысію и медвѣдемъ; 5) *Громникъ*, 6) *Молніяникъ*, 7) *Мѣсяць* *окуритъ*, 8) *Коллдоникъ*, 9) *Метань*, 10) *Мысленикъ*, 11) *Сносудецъ*, 12) *Волхвовникъ*,— волхвующе птицами и звѣрами, еже есть се:

храмъ (*храмина, домъ*) трещить, уловонъ, вороноградъ, куроликъ, окомигъ, огонь бучить песь выть, мышенискъ, мышь порты (*блѣе*) грызеть, жаба воркочеть (*жюкочеть*), кошка въ окнѣ, мышца подрожать, сонъ страшень, слѣнца стрѣтять, изгорить нѣчто, огонь пштитъ, искра изъ огня прянетъ, кошка мявкаетъ, падеть человекъ, свѣща угаснетъ, конь ржетъ, волъ на волъ (*восходитъ*), потоchnikъ различныхъ птицъ, пчела (*коеть*), рыба (*вострепечеть*), трава шумить, древо о древо скрипнуть, листь шумить, сорова пощечочеть, дятель, желна, волкъ воетъ, гость (*горестъ*) придетъ, стѣнощелкъ, лопаточникъ (*лопатничикъ*) и прочая волхвованія различная (*).

Путникъ, книга, въ ней же есть написано о стрѣчахъ и коби всякыя еретическыя, о частяхъ злыхъ и добрыхъ, еже есть Богомъ

(*). Весьма интересны объясненія и прибавки въ спискѣ XVIII в.: ...И пса слушаютъ, и кошки мявкуютъ, или гусь кокочеть, или утица иракнеть, и металъ стоя поетъ, и курица поетъ—худо будетъ; конь ржетъ, волъ реветъ, и мышь порты грызеть, и хорь порты портитъ, и таракановъ много—богату быти, и свершцовъ—также, и мышь въ живнѣ высоко гнѣздо соиетъ—и свѣтъ великъ будетъ и погода будетъ; кости болятъ и подколѣнки свербятъ—путь будетъ; и длани свербятъ—пѣсни имать; очи свербятъ—плакати будутъ; и встрѣча добрая и злая—и скотская, и птичья, и звѣриная, и человѣчская; вѣбо хруститъ, огонь бучить, и искра прянетъ и дымъ высоко въ изѣбѣ ходить—къ погодю; и берегъ подымается и море дичится, и вѣтры сухіе или мокрые тануть, и облаки дождевыя и снѣжныя и вѣтренныя, и громъ гремитъ, и буря вѣетъ, и листь шумить, и древо о древо скрипаетъ, и волки воютъ, и бѣлки скачутъ—морь будетъ и война встанеть, и вода пребудеть, и плодоть въ лѣтѣ въ коемъ не будетъ или умножится, и зори смотрятъ, небо *дреселуетъ*—ведро будетъ; и пчелы шумятъ—рой будетъ; и у яблоня хвостыки колотятъ, да яблоня будутъ велики.... (Сіе творяще да будутъ проклѣти • (Опис. Рум. Муз. 551—552). Словоиъ—*дреселуетъ* въ Костромс. губер. означаютъ волненіе воздуха, которое бываетъ среди самаго жаркаго лѣтняго дня, и считаютъ это явленіе предвѣстиемъ надолго установившейся хорошей погоды. Въ одной церковной пѣснѣ сказано: «Чермичеть бо ся небо дреселуетъ.» (Замѣчаніе А. М. Груздева).

отречено, о днѣхъ лунныхъ (*лукавыхъ*), что въ первый день луны небесныя сотвори Богъ Адама, — еретикъ написано. А не въ первый день луны створи Богъ Адама, — понеже солнце и луна и звѣзды небесныя сотвори Богъ въ четвертый день въ среду, Адама же сотвори Богъ въ шестой день въ пятокъ. Како хоцещи, невѣгласе, во единъ день рожденіе Адаму съ луною исповѣдати, прже солнца и луны; (почто неразумне) вѣруещи еретическимъ лжамъ, а оставя божіе писаніе, иже ти (еретицы) всю тридцать дни на лжу списаша? Также и прочалъ коби о мученицѣхъ и о благовѣщеніи, еже суть книги еретическыя, — Рафли и Алманаки, Звѣздочетецъ, о 12 звѣздахъ, другій Звѣздочетецъ, ему же ния Шестодневецъ, въ нихъ же безумніи людие вѣрующе, волхвуютъ, ищуще днѣй рожденія своего, сановъ полученія (*самомъ почитемія*), и урока житію, и бѣдныхъ напастей, и различныхъ смертей и вазней (*счастій*) въ службахъ и въ купляхъ и въ ремеслахъ, (и въ службахъ, и времени) ищутъ своимъ безуміемъ, оставя божію помощь, и призываютъ бѣсовъ на помощь, а не вѣдуще божіихъ судьбъ, яко нѣсть се божіе повелѣніе, ни отъ св. апостолъ св. отцемъ иредано, но Богомъ ненавистно и мерзко Богу бысть, второе идиологѣріе, отъ бѣсовъ еретикъ нашьяно невѣжамъ, на пагубу душамъ, аки плывель посреди пшеница, раздизающе пламень вѣчныхъ мукъ, по Господню словеси, еже рече: «червь ихъ не умреть, и огонь ихъ не угаснетъ.»

(Лѣт. зам. Археогр. ком. 1864. вып. 1; изд. 28—44, 52—3).

См. 1. Экз. Болгар. 208—212; Обзор. Корж. Розенкампфа, изд. 2. Спб. 1839 г., 186—190; Рус. раск. старообр. Шапова, 449—452.

Взглядъ на землю, какъ на живое существо въ Слово Серапіона. О дуалистич. созданиіи міра: въ статьѣ «О Волхвахъ.» Также: Лѣт. рус. литер. 1859, II, 100; Рус. Бес. 1857. IV, 2, 101—103. Паденіе бѣсовъ съ неба въ разныхъ мѣста: Прав. Собес. 1859, февр. 250. Отписки и заговоры: Слово Моисея о ротяхъ. Глодь отъ волхвованья, откапыванье изъ земли утопленника и удавленника: «Слово Серапіона». Мысль о коммуніи міра: Сл. Кирилла 1274, Сл. Серапіона.

3) ВИЗАНТИЙСКОЕ И СЛАВЯНСКОЕ ВЛИЯНИЕ.

А. ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННЫЕ.

68. Из Сборника Святослава 1073.

Мѣсяци по Римлянемъ, о различ-
ныхъ мѣсяцихъ. 1) марта 31 сладко
яждь и пий, 2) априля 30 рѣпы не
ѣжь, 3) мая 31 поросате не яждь, 4) июня
30 въ часъ вѣторый пий воды мало,
5) июля... 6) августа слѣза не яждь,
7) септемвра 30 мѣка не яждь, 8) ок-
тявря 31 не яждь оцтыана, 9) октября
30 не мыйся часто, 10) декабря 31 ка-
поусты не яждь, 11) януара 31 въ
часъ 2-й пий вина цѣла мало, 12) фе-
уруаря 28 сеукла не яжь.

(Христ. Буслаева 265)

Оцты—уксусъ, *оцтыана*—кислаго. *Цѣла*—
цѣльнаго, безъ прибавки воды. *Сеукль*, *сеутль*,
греч. *сеутлон*—свекла. Описание сборника Свято-
слава 1073 г. помещено въ „Опис ркп. Рум.
Муз.“ А. Х. Востокова. „О дняхъ и часахъ до-
брыхъ и злыхъ“ см. Памяти. отречен. р. лнтер.
Тихомирова. II, стр. 389—395 по. ркп. XV в.

Замѣчательно, что союзы Изборника
Святослава занесены въ Лѣчебникъ XVII в.
почти буквально (Ркп. Соловец. библ. № 28,
л. 53).

69. О злыхъ женахъ:

а) Чьсо ради рече апостоля, учити же-
нѣ не велю.

Имь же учи единою злѣ (на зло)
Адама: прѣжде бо прѣслушания равно-
чѣстна бѣ мужу жена небожь ими же
бесѣдова Богъ глаголы о създании мужь-
сцѣ, яко же бо и о томъ рече: ство-
римъ челоувѣка по образу и по подобию
нашему, а не рече: да будетъ челоувѣкъ;
такоже и о той не рече: да будетъ же-

на, нѣ (но) и съде створимъ ему по-
моштьницю по нему. По грѣсѣ же:—нѣ
мужу твоему обращение твое и тѣ (той)
тобою обладаетъ, створи хъ та, рече, рав-
ночѣстну и не потребова добрѣ властнѣю
да прѣступи на повинование не сътрѣпѣ
свободы, то прими работу, не умѣ вла-
сти, то буди убо обладама и мужа позна
и господина, и тѣ да господствуетъ ти:
къ мужу твоему обращение твое, рекъ-
ше: подѣбѣжище твое, пристанище твое,
безблазие твое,—да сего ради убо жонѣ
учити не велю рече ни власти мужьнѣ,
небожь учи единою и господствова и въсо
разврати, нѣ быти въ мѣчаннн глаго-
летъ же и вину. Адамъ бо, рече, нѣ
прѣльштень бы, жена же прѣльщена
въ прѣступѣ (въ преступленнн) бысть,
сего ради и отъ учительскааго съврѣже
прѣстола, иже бо учити не вѣсть,
то да выкнетъ (1), аште ли не хо-
штеть учитися, нѣ учити, то и себе
и учаштаяся припогуба (погубитъ) е оже
убо и о женѣ тѣгда бысть, да сего дѣла
рече: жена въ мѣчаннн да выкнетъ въ
всякомъ повиновении; неповиновение бо
ея и прѣзорство (презрение, дерзость)
всемпрную бо пагубу и погряzenie наве-
де, рече бо мудрыи: отъ жены начало
въсему грѣху и тою умпраемъ вси.
Глаголетъ же и притѣчникъ: многы аз-
вивъши съврѣже и бе числа суть, яже
измори, тѣмъ же учить, рекый: не по-
слушай злы жены, медъ бо каплетъ отъ
устъ жены блудны, иже въ мало врѣмя
осладитъ твой грѣтанъ, послѣжде же горь-
чяе злыи (жслчи) обряштеши и обо-

(1) Въ молчаннн пребываетъ, навмкаетъ.

стренѣ паче ножа обоюду остра и жена чьстныхъ мужъ улавляе душа и въкрилена есть и блудна въ дому не млъчите нозѣ еѣ, время бо нѣколько вѣнѣ плавае, врѣмя же въ стьгнахъ въ вьсѣхъ яглахъ заесть и путѣ адоу—пути ея, съводяште въ кровншта смърти, и не вѣсть студа, сѣде бо въ двѣрхъ своего дому на одрѣ явѣ въ стьгнахъ прязываюшти мимоходы, и адъ и похоть женска—и гроза и земля ненасыташтися воды, и огнь и вода,—не рече та: довьле, и такъ путь жены: любодѣца, яже егда сътвори отъмывъшися, ничто же ся мни сътвориши бесъчинна; и уне жити въ землѣ пустѣ или съ женоу язычноу и которивоу, и акы чрвь въ дрѣвѣ, тако же мужа погубить жена злодѣца,—и яко же капля изгонять челоуѣка, такоже и жена язычна отъ хлѣвны его; и яко усерязъ златъ въ ноздрѣхъ свинни, тако же и женѣ злосъмыслнѣ краса,—и съборникъ обрѣтая рече: горяче паче смърти жену, яже есть ловъ и сѣтъ срѣдечная узы въ руку ея и благыи прѣдъ лъцымъ е божиемъ избудеть ея, съгрѣшани же увязнеть въ неи и челоуѣка единого отъ тысяштъ обрѣтохъ блага, жены же въ вьсѣхъ тѣхъ (*тѣмахъ?*) не обрѣтохъ, тако же убо и Сирахъ учить глаголя: не дажь женѣ наступити на силу свою и уньши злоба мужьска и еже добро творящи жена и всяку язву, а не язву срѣдечную и всяку злобу, а не злобу женску, выше главы зинны мнать злобы выше злобы женьскы, и жити съ львѣмъ и съ змѣемъ изволи и ли жити съ женоу зълоу; злоба бо женьска прѣмѣнить очи свои и посушитъ лице свое, акы медвѣдица и акы въсходъ вѣсьчнѣ подъ ногами старьцю, тако же жена мужу млъчливу и волун и ярьгъ зыбася жена зла, дрѣжася по ну акы дрѣжася по скаръпию; и не упадася на доброту женьску и жены не възделѣи; и не дажь водѣ исхода, ни женѣ злѣ дрѣновения на ся;

аште ходитъ подъ руку твою, отъ плоти своя отъсѣци я, и гнѣвъ великъ жена пьяна; и студа своего не прикръеть, и акы жажда путникъ уста отъврѣзе и отъ всякой воды ближней испыеть и у всякого колу сядеть и противу стрѣлѣ отъврѣзеть туль, и блудъ женьскъ въ възирани очнѣмъ и въ вѣждахъ ея познана будеть; и аште дѣштери имашши, блуди тѣлесъ ихъ и не утиши лица своего къ нимъ о дѣштери свои утвърди хранение, да не обряште прѣсторъ и възлѣзе въ прокуду, и сътворитъ тя смѣху врагомъ и потяжьбу въ градъ и острамитъ тя въ множество народъ; и жена зъла чьсть зла мужу грѣшну дасться, да въ лѣпоту бо глаголаше Богъ къ неи по прѣступѣ: мнозя умножу печали твоя, многы бо печали и стенания и болѣзни и тугы, намъ бысть податъница; тѣмъ же рече въ печали родиши чадо и къ мужу твоему обращение твое и тѣ да обладаеть тобою. И сего дѣля законъ полагаеть апостолъ рекши: жены своиѣ мужемъ повинуетеся, акы господеви, яко глава есть женѣ мужъ, яко Христосъ глава есть церкви, да яко же церквы повинуется Христу, тако же и жены мужемъ своимъ и съжде и хошту вы да вѣсте яко всякому мужу бо вѣсть дѣльнѣ покрывати главы, образъ и слава божиа сы, жена же слава мужови есть, не бо есть мужъ отъ жены, нѣ жена отъ мужа, не бо създанъ бы мужъ жены дѣля, нѣ жена мужа дѣля, и жены ваша въ съборншти да млъчатъ, не бо есть повѣлено имъ глаголати, яко же и законъ глаголетъ: аште ли что хотять навькнуги, въ дому своихъ мужъ да въпрашають: гнусно бо есть женѣ въ съборѣ бесѣдовати...

б) Тогожде отъ того еже о Иродиадѣ.

Никыи же убо звѣрь тѣчнѣ (*модобнѣ*) женѣ злѣ и язычнѣ, чьто бо есть

льва люте въ четырьножинаахъ, что ли буй е змья плѣжущтиихъ, въ ничьто же тѣхъ развѣ злы жены; а яко же левъ и змья хужде есть въ злѣ съвѣдѣтельствуеть мудрыи глагола: жити съ левымъ и съ змиемъ изволи, неже съ женою злою, небонъ и льви Данила въ ямѣ усумнѣшася, Науѣя же Иезавель уби; китъ же въ утробѣ Иону съхрані, Далида же Сампсона остригъши иноплеменникомъ прѣда; змья же и аспиды и и рогатыи Иоанна въ пустыни вѣстрепеташа, Иродясъ же на обѣдѣ и усѣкну; врани Илью въ пустыни прѣкръмиша, Иезавель же по благодѣти дѣждевнѣи на убои гоняше и, и убоявѣся бѣжа въ пустыню, путь четырьдесяти днни и уставъ прошаше съмръти, рекый: Господи Боже, долѣветъ ныня убо, възми душу мою, яко не уни есмь отецъ моихъ. Ухъ мнѣ, пророкъ убояся жены, иже бо всего мира дѣждъ въ языкѣ пошаше, иже огонь съ небесе словѣмъ съведе и молитвою мрътвѣца въскрѣсивъ, жены убояся! Ни една бо злоба нѣсть тѣчна (*равна*) женѣ злѣ, съвѣдѣтельствуеть ми и слово мудрый, рекый: нѣсть главы выше главы змины, и нѣсть злобы выше зли женьскы. О злое же диволое и острое оружие! Женою бо испрѣва Адама въ породѣ потопа, женою Иосифа затвори въ тѣмьници, женою Давыда на Урино убийство възбѣси, женою прѣмудраго Соломона на прѣступленне разврати, женою Сампсона ослѣпи, женою Илью прогъна и Прѣдтечу христову усѣкну, женою вся заколаеть, вся корить, вся убиваеть вся хулить, вся потязаетъ (*ругаетъ*); жена бо безстудна ничьсо же не сумнѣшася, ни пророка стыдѣшася, ни святиителя срамляеться, ни сѣднѣ чѣтеть. О зло, зла злѣе жена зла! Аште убо и убога есть, то злыю (*зломъ*) богата есть; аште ли и богатство имать золотъ ея помогающе, сугубо зло: не сътрѣци животъ, нецѣлѣющтии недугъ, не

укротимыи звѣрь. Азъ бо видѣхъ и аспиды кротимыи украштатся, и львы и тигры и рыси ласкаемы кроташтася, жена же злыя и корина бѣсится и квочина вышится. Аще и мужа има князя, пошты и дѣнь словесы и поуштающі на убийство: остричь аки Иродова Ирода; аште ли имать убога мужа, на гѣбвы и на которы (*ссоры*) и подвизае: аште и вдова есть, сама собою вся корить, вся потязаетъ страхъмъ бо божемъ не въсхлѣштаетъ (*не обуздываетъ*) си языка, ни на будущее судище възираеть, ни къ Богу възводи очью, ни любьнаго вѣсть закона хранити. Ни что же бо есть женѣ злѣ прѣдати мужа своего на съмръти, небонъ и праведнаго Иова своя жена на съмръти предааша рекушти: «рекъ нѣчто слово къ Господу, и умри». О, изволения зла! О разума не прѣподобья! Не помиллова видѣшти своего мужа утробу отъ възгарающтиихъ прѣштій, аки на углѣхъ лежашти и вся плѣти его чръми издаему, не прѣклониса на милость, видѣшти и всего всячески стѣнушта и тужашта и чисто изъ боку гнои испушташта, не умягчиса на милосердѣе, видѣшти нынѣ на гнои лежашта нага и гниюшта, иже бо нѣкъгда въ цѣсарьствѣ и багърѣници, не помяну бывшная прѣвѣе къ нему любьве и обичае, и елико же его дѣлма велика бѣ и славна, нѣ рекъ что слово къ Господу умрѣти. О благодѣти женьска, о утѣшеніе болезнѣмъ, и любьве супруга! То не долѣяше ли ему малогодная болѣзанъ, нѣ вѣчную ему подаеше хулы дѣла муку. Хощтеши ли и другую видѣти злыя сея супружьню жену? Съмотри ми Далиды, како своего мужа остригъши и съвязавши, иноплеменникомъ прѣда свои удѣ, своего мужа, его же грѣаше, его же ласкаше, его же обლობаше, его же паче себе любяшти лицемѣрваше, его же въчера любяще, дньсь прѣльшташе, его же въчера грѣаше любяшти: то еда не

бѣ краснѣ, то кто его бѣ краснѣ, иже и седмь плениць на главѣ ношааше, седмеросвѣтливый благодати образъ носи, или еда не бѣ добръ, то кто его бѣ добръ, иже и льва единъ на пути срѣтъ уби, и одною челюстью осьлею тысяшту ино-племеньникъ побѣ, нѣ и тольми бѣаше святъ, якоже въжаждавшю ему дрѣвле въ оскудѣвши воды помолитися и отъ дрѣжнмыя въ рудѣ челюсти ирѣтъ воду источити и отъгуду почърпаті. Тоже таково красна и таково добла, таково свята, своя жена акы ратника съвязавши ино-племеньникомъ прѣда, его же ослѣпивше ииѣяху игриште, ему же ни льви, ни иноплеменници противитися можяху,—сего своя жена погуби. Отъкуду же то възможе? Отъ мужня благостыня: тавну бо силы его ноштью лъстью украдъши, акы вага закла. Сего дѣла запрештаетъ ти пророкъ, рекъи: отъ съложя (*ложя*) своего съхраняи повѣдати еи что. Къи бо, повѣждъ ии, звѣрь на своего мужа толяко възглагола, какъ змья тако своего съпруга погубити хоштеть, какъ ли львица мужа на закланне прѣдетъ!—Да, въ истину нѣсть золоби, паче злоби женьскы, да иже убо зъгу жену да нѣсть уже безаконни своихъ пріямяся илды. Рече бо мудрыи: жена лукава мужю грѣшну дастся.

(Изъ Сборника Святослава. Изв. Акад. Н. X, 220—226).

Подобныя разсужденія о злыхъ женахъ служили издавна образцами для русскихъ грамотельевъ; такъ апокрифическое слово *Златоуста* распустило множество статей противъ злыхъ женъ. Даниль заточникъ въ своихъ глобныхъ выходкахъ противъ женщинъ пользовался какъ идеей, такъ и выраженіями греческихъ писателей и часто выписывалъ изъ статьи, подобной Сборнику Святослава, буквально. Слова о злыхъ женахъ во множествѣ появились въ Пчелѣ съ различными измѣненіями и вариціями на одну и ту же тему. И потому мы жестоко бы ошиблись, если бы стали рисовать картину дѣйствительной жизни и характера древней русской женщины по книжнымъ аскетическимъ отвлеченнымъ разсужденіямъ, принесеннымъ изъ Греціи, зотя не отвѣраемъ,

что они имѣли отвѣдственн долю влияния на положеніе женщины.

Слича эти выписки съ разсужденіемъ Данила заточника о злыхъ женахъ; также съ выдержками изъ книги Пчела. Москвит. 1856, № 8, стр. 410—44. Рус. Бес. 1856, кн. 2. Пчела издавна въ 25 кн. Временника. О ней см. въ Изв. Акад. II, 222—34 статью М. И. Сухомлинова. О женахъ злыхъ, тамъ же IV, 426 и дал. Архивъ Н. В. Колачова II, 2, 44. См. также посл. Іакова къ в. кн. Изяславу. Ист. Р. Ц. Макарія II, пр. 254.

70. О Югрѣ и дикихъ народахъ.

Се же хоцю сказати, яже слышахъ преже сихъ 4 лѣтъ (1092), яже сказа ми Гурята (*Юрій*) Роговичъ Новгородецъ, глаголя сице: яко послахъ отрокъ свой въ Печеру, люди яже суть дань дающе Новгороду; и пришедшю отроку моему къ нимъ, и отгуду иде въ Югру. Югра же людье есть языкъ нѣмъ, и сѣдять съ Самоядю на полуночныхъ (*съ сѣверныхъ*) странахъ. Югра же рекоша отроку моему: «дивно мы находимохъ чюдо, его же нѣсмь слышали преже сихъ лѣтъ; се же третье лѣто поча быти: суть горы зайдуче луку моря⁽¹⁾, ииѣ же высота ако до небесе, и въ горахъ тѣхъ кличъ великъ и говоръ, и сѣкутъ гору, хотяще выстѣися и въ горѣ той просѣчено оконце мало, и тудѣ молвятъ, и есть не разумѣти языку ихъ, но покажутъ на желѣзо и помавають рукою, просяще желѣза; и аще кто дастъ имъ вожь ли, ли сѣкиру, дають скорою противу. Есть же путь до горъ тѣхъ непроходимъ пропастьми, снѣгомъ и лѣсомъ; тѣмже не доходимъ ихъ всегда, есть же и подалъ на полунощи». Миѣ же рекъи къ Гурятѣ: си суть людье закланіи Александромъ Македонскимъ царемъ. Якоже сказаеть о нихъ Меодій Патаринскій: и взиде на восточныя страны до моря, нареченое *Солнце мѣсто*,

(1) Отъ ооры лука—вагитъ, валучина, залитъ морской.

и видѣ ту челоуѣкы нечистыя, отъ племени Афетова; ихъ же нечистоту видѣхъ: ядаху скверну всяку, комары и мухы, коткы, змѣи, и мертвецъ не погребяху, но ядаху и жеиьскыя изворогы (*изверженія*) и скоты вся нечистыя. То видѣвъ Александръ убоися, еда како умножаться и осквернять землю, и загна ихъ на полунощныя страны въ горы высокія; и Богу повелѣвшю, сступишася о нихъ горы на 12 локотъ, и ту створишася врата мѣдяна, и помазашася сунклитомъ, и аще хотятъ огнемъ взяти, не възмогутъ ѿ жеици; вещь бо сунклитова сица есть: ни огнь можетъ вжести его, ни желѣзо его приметъ (*возметъ*); въ послѣдняя же дни по сихъ изидутъ 8 колѣвъ отъ пустыни Етревьскыя, изидутъ и си скверніи языкы, яже суть въ горахъ полунощныхъ, по повелѣнію божию.

(Ш. С. *Лѣт.* I, 117).

Лѣтописецъ дѣлаетъ объясненіе на основаніи византійскихъ источниковъ. См. также разсказ Павла посадника ладожскаго, набѣгъ Половецъ 1096 г. и нашествіе Батыево.

71. Изъ слова Кирилла Туровскаго въ новуу недѣлю по пасхѣ до 1174.

Велика учителя и мудра сказателя требуетъ церкви на украшеніе праздника. Мы же ниши есмы словомъ и мутни умомъ, не имуще огня св. Духа, наслажденіе душеполезныхъ словесъ; обаче любве ради сущихъ со мною братій, мало нѣчто скажемъ о поповленіи воскресенія христова. Въ минувшую бо недѣлю св. пасхы удивленіе бѣ небеса и устрашеніе преисподнимъ, обновленіе твари и избавленіе міру, разрушеніе адово и пограние смерти, воскресеніе мертвымъ и погубленіе прелестныя власти діаволя, спасеніе же челоуѣческому роду христовымъ

въскресеніемъ; обнищаніе ветхому закону и порабощеніе суботѣ, обогащеніе христовѣ церкви и въцареніе недѣли. Въ минувшую недѣлю всему премѣненіе бысть; створишася небо и земля, очищена Богомъ отъ бѣсовскихъ сквернъ, и ангели съ женами раболѣпно въскресенію служажашу. Обновишася тварь, *уже бо не нарекуются богомъ стихія, ни солнце, ни огонь, ни источники, ни дресса; отсель бо не приимлетъ требы адъ заклаемыхъ отци младенецъ, ни смерти почести, преста бо идоолслуженіе и погубишася бѣсовское насиліе крестнымъ таинствомъ*, и не токмо спасеся челоуѣчь родъ, но и освятися христовою вѣроу. Ветхій же законъ отнудъ обнища, отврѣженіемъ телчаа крови и козлихъ жьртвъ, единъ бо Христосъ собою самъ къ Отцу за всѣхъ жьртву принесе; тѣмъ и праздникъ суботѣ преста, а недѣли (*воскресенію*) благодать дана бысть въскресенія ради, и царствуетъ уже въ днехъ недѣли, яко въ ту въскресе Христосъ изъ мертвыхъ. Въначимъ царицю днень, братіе, и дары честны съ вѣроу той принесемъ, дадимъ послѣ, якоже мяжемъ: овъ (*одимъ*) милостыню, безлобіе и любовь, други дѣвство чисто и вѣру праву и смиреніе нелицемѣрно, инъ исаломское пѣніе, апостольское ученіе и молитву съ въздыханіемъ предъ Богомъ... Днесъ ветхаа конецъ приаша, и се быша вся нова, видимаа же и невидимаа. Нынѣ небеса просвѣтишася, отъ темныхъ облакъ, яко врептица (*грубой одежды*) съвлекъшися и свѣтлымъ въздухомъ славу господню исповѣдаютъ; не сію, глаголю, видимаа небеса, нѣ разумнаа; апостолы, иже днесъ на Сіонѣ вшедша къ нимъ познавше Господа, и всю печаль забывше и скръбь іудейска страха отврѣгше св. Духомъ осѣнившеся, въскресеніе христово ясно проповѣдаютъ. Ныня солнце красуеся къ высотѣ възсходитъ и радуеся землю огрѣ-

васть, вѣде бо намъ отъ гроба праведное солнце—Христось и вся вѣрующая ему спасаетъ. Ныня луна съ вышняго съступивъши степени, болшему свѣтлу честь подаваетъ; уже ветхый законъ, по писанію, съ суботами преста и пророкы христову закону съ недѣлею честь подаютъ. Ныня зима грѣховная покаяніемъ престаала есть и ледъ невѣрія благоразуміемъ растаяся. Днесъ весна красуется, оживляючи земное естество; бурніи вѣтри, тихо повѣвающе, плоды гобъзуютъ и земля сѣмена питающе зеленую траву ражаетъ. Весна убо красная вѣра есть христова, яже крещеніемъ поражаетъ человѣчское пакы естество; бурніи же вѣтри грѣхотвореній помысли, иже покаяніемъ претворшеса на добродѣтели душеполезныя плоды гобъзуютъ: земля же естества нашего, акы сѣмя Слово божіе приимиши, и страхомъ его присно болящи, духъ спасенія ражаетъ. Ныня новорождаеміи агнцы и унцы (*ягнцѣ и телѣтѣ*) быстро путь перуще, скачють, и скоро къ матеремъ възрашающеся веселяться, да и пастыри свиряюще (*шрѣя на свирѣли*), веселіемъ Христа хвалятъ. Агнеца, глаголю, кроткыя отъ языкъ люди, а унца кумирслужителя невѣрныхъ странъ, яже христовомъ въчеловѣченіемъ и апостольскимъ ученіемъ и чудеса, скоро по законъ емъшеса, къ св. церкви възвратившеса, млеко ученія есуть; да и учителя христова стада о всѣхъ молашеса, Христа Бога славятъ, вся волкы и агнцы въ едино стадо собравшаго. Ныня древа лѣторасли (*отпрыски*) испущаютъ и цвѣты благоуханія процвѣтають, и се уже ограды сладкую подавають воню (*запахъ пріятный*), и дѣлатели съ надежею тружающеся плододавецъ Христа призываютъ. Бѣхомъ бо преже акы древа дубравная, не имуща плода, ныня же присадися христова вѣра въ нашемъ невѣрїи, и уже держашеса корене Іосѣва, яко цвѣты добродѣтели пушающе, рай-

скаго пакыбытья о Христѣ ожидаютъ; да и святители о церкви тружающеся отъ Христа мѣды (*награды*) ожидаютъ. Ныня ратаи (*пахари*) слова, словесная унца къ духовному ярму приводяще, и крестьяное рало въ мысленныхъ браздахъ погружающе, и бразду покаянія почерпающе, сѣмя духовное въсыпающе, надежами будущихъ благъ веселяться. Днесъ ветхая конецъ прїяша, и се быша вся нова, въскресенія ради. Ныня рѣкы апостольскыя наводняются, и язычныя рыбы плодъ пушають и рыбари, глубину божія въчеловѣченія испытавъше, полну церковную ирежу ловитвы обрѣтають. рѣкыми бо, рече пророкъ, расадеться земля, узрять и разболеться нечестивїи люди. Ныня мнишьскаго образа трудолюбивая бчела (*пчела*) свою мудрость показавши, вся удивляетъ;—якоже бо они въ пустыняхъ самокѣрміемъ живуше, ангелы и челоуѣкы удивляютъ, и си на цвѣты излетаютъ, медвенныя сты стваряетъ, да челоуѣкомъ сладость и церкви потребная подасть. Ныня вся доброголасныя птица церковныхъ ликовъ гвѣздящеса веселяться. Днесъ новымъ людемъ въскресенія христова поновленія праздникъ, и вся новая Богови приносятся: отъ языкъ вѣра, отъ крестьянъ требы (*жертвы*), отъ іерей—св. жертвы, отъ міродержителъ (*отъ властей*)—боголюбныя милостыня, отъ велможъ—церковное печеніе, отъ праведникъ—смиреномудріе, отъ грѣшникъ—истинное покаяніе, отъ нечестивыхъ—обращеніе къ Богу, отъ ненавидящихъся—духовная любви.

(Пам. XII в. 18—24).

Сочиненія Кирилла Туровскаго важны для изученія чуждаго вліянїя, до какой степени онъ подражалъ византїйскимъ образцамъ, какъ творенія св. Отцовъ увлекали талантливыхъ проповѣдниковъ отъ оригинальности, потребностей времени, мѣста и т. п.

Поученія Кирилла Туровскаго поражаютъ обиліемъ переносныхъ иносказательныхъ объясненій, не рѣдко произвольныхъ и принужден-

мысль; во мнѣ много искусственности и изысканности, которая, можетъ быть, происходитъ изъ подражанія сваятѣйскимъ образцамъ, а въ некоторыхъ поученіяхъ даже на половину азлы изъ пророка, какъ доказалъ В. М. Ундольскій. Проловъ дѣлаетъ простымъ если маленькаго, вытѣснено, приближаетъ къ символамъ и упрощеніямъ, дополняетъ фантастическими подробностями сказанія сваятѣйскія и вообще есть его сочиненія отличаются средневѣковой туманностью и неопредѣленностью теоретическихъ разсужденій. По этому современные слушатели и читатели не могли вывести для себя изъ поученій Кирилла никакихъ нравственныхъ практическихъ примѣненій и заключеній, хотя есть его сочиненія запечатлѣны яркими чертами литературнаго дарованія и теологической оригинальности.

Изъ сочиненій Кирилла Туровскаго известны. 1. Десять воскресныхъ словъ отъ вербнаго воскресенія до троицы или пятидесятницы; 2. Слово на вознесеніе; 3. Слово о пренудности; 4. Сказаніе о черноризствѣ чину; 5. Наказаніе къ братьямъ; 6. Притча о тѣлѣ человѣчествѣ и о душѣ (Изв. Акад. II, 309); 7. Два посланія къ Василію игумену Петерскому (Пам. XII в. 117. Приб. къ Теор. св. Отц. X, 346); 8. Молитвы на всю седмицу (Изв. св. Правосл. Собес. 1857 г. I, 242. II, 273. Изв. Акад. V, 249—255. 306. Ист. Рус. Ц. III, 340—349); 9. Капоть медовый (Изв. Акад. V, 255—257); 10. Исповѣданіе (Изв. Акад. V, 307). См. изд. Судомлинова: Рип. гр. Уварова, т. II. Изв. Акад. X, 225; Ист. Рус. Ц. III, 99—149; Вѣст. Евр. 1822, ч. 124, № 1, 44. № 2, 130.

72. Слово Данила заточника до 1199 г.

Вострубилъ, братіе, яко во златоконнанныя трубы, въ разумъ ума своего, и начнемъ бити во сребренныя органы, и возвѣмъ мудрости своя. *Боже, Боже мой!* вскую мя еси оставилъ? *Возстани слава моя, возстани въ псалтыри и въ гусляхъ; возстану рано, исповѣмътися.* Да разверзу во притчахъ гаданіе мое; провѣщаю во азыцѣхъ славу мою. Сердце бо смысленнаго укрѣпляется въ тѣлеси его мудростію. *Бысть языкъ мой яко трость книжника скоротисца, и увѣтлѣва уста, аки рѣчница быстрості; сего ради покушахся напи-*

сати всякъ союзъ сердца моего, и разбихъ азъ, аки древняя младенца о камень. Но боюся, господине, похуленія твоего на мя; азъ бо есмь яко та смоковница проклятая, не имѣя плода покаянію: *внѣ бо сердце, аки лице безъ очію, и бысть умъ мой, яко нощный врагъ на нарици, и разсынася животь мой, аки ланаонски царь буетію, и покры мя нищета аки Черное море Фараона.* Се же бѣхъ наивсахъ, бѣжахъ отъ лица художества моего, аки Агара рабыня отъ Сарры госложи своя. Но гдѣхъ, господине княже, твое добросердіе къ себѣ, и притекохъ ко обычной твоей любви, глаголетъ бо писаніе: *прослицему у тебе дай, толкущему отързы, да не лишентъ будещи црствва небснаго; писано бо есть: возверзи на Господа печаль свою, той ты пропитиеть чю алы.* Азъ бо есмь, княже господине, яко трава блещанна, растуще за стѣною, на ноще ни солнце сіяеть, ни дождъ идеть: тако и азъ, княже господине, всѣми обидямъ есмь, зане ораженъ есмь страхомъ грозы твоея, яко онлотошъ твердымъ. Но не возри на мя, княже господине, яко вѣкъ на агня; но возри на мя, господине мой, аки мати на младенца. Возри, господине, на птицы небснаы, яко ты ни орютъ, ни сѣють, ни въ житнищу собирають, но уповають на милость божію; тако и мы, княже господине, желемъ твоея милости: зане, господине, кому любовь, а мнѣ юре лотое; кому Бѣлоозеро, а мнѣ черныя смолы; кому Дачь озеро, а мнѣ, на немъ спдл, плачь юрки; кому ты есть Новгородъ, а мнѣ углы омали, зане не процальте часть моя (1). Дру-

(1) Въ ред. XIII в. этому мѣсту соотвѣтствуетъ слѣд.: Не остави мене, яко отецъ мой и мати моя остависта ма. А ты, господине, прими милостію свою. Кому ты есть Переславль, а мнѣ Гореславль, зане часть не прорасте въ немъ.- (Рус. Бес. 1856, II, 109).

ах же мои и ближнии мои и ти отвергошася мене: заче не поставихъ предъ ними трапезы многообразныхъ брашенъ. Мнози бо дружатся со мною, а погнетающе руки въ солило, а при напастахъ аки врази обрѣтаются, и паки помогающе подразити (*подбить*) нозии мои: очима бо плачють со мною, а сердцемъ смѣются. Тѣмже не иму другу вѣры, не надѣюся на брата. Не лгалъ бо ми Ростиславъ князь: лѣпши бы ми смерть, а не курское княженіе. Также и мужеви: лѣпше бы ми смерть, нежели продолженъ животъ въ нищеть, яко же бо Соломонъ рече: ни богатства, ни убожества не дай ми, Господи; аще ли буду богатъ, гордость восприиму; аще ли буду убогъ, помышлю на татьбу и на разбои. Тѣмже вошю къ тебѣ, княже мой, господине мой, одержимъ есмь нищетою: *помилуй мя, сыне великаго царя Владимира* (1). Да не восплачуся рыдая, яко Адамъ рай. Пусти тучю художества моего на землю: заче, княже господине, богатъ мужъ ведаѣ знаеши есть, и въ чужой землѣ друзи имѣеть, а убогъ и во своихъ невидимо ходить. Богатъ возглаголетъ, вси возмолчатъ и слово его вознесуть дооблакъ; а убогъ возглаголетъ, вси нани кланяють и уста ему заграды: ихъ же рдзы свѣтлы, тѣхъ и рѣчь честна.

Княже мой, господине мой! избави мя отъ нищеты сая, яко серну отъ тенету, яко птицу отъ кляпцы (*кляпки*), яко ути отъ ногтей носимаго ястреба, яко овцу отъ устъ львовыхъ. Азъ бо есмь, княже господине, яко древо при пути: мнози поскѣкуютъ его и на огнь вмещуть; такоже и азъ всѣми обидимъ есмь, заче не ограженъ есмь страхомъ грозы твоея.

(1) Въ ред. XIII в. «помяни мя, сыне великаго царя Всеволода». Въ другомъ мѣстѣ: «возглаголетъ къ господину своему всемогущему князю Ярославу Всеволодовичу,» какъ и въ заглавіи: «Давида заточника моленіе къ своему князю Ярославу Всеволодовичу.» (Рус. Бес. 1886, II, 401, 402, 410).

Якоже бо олово гинеть, часто разваряемо; тако и человекъ приемлетъ многія бѣды. Никто же можетъ соли зобати, ни въ печали смыслати; всякъ бо человекъ хитритъ и мудритъ о чужей бѣдѣ, а о своей не можетъ смыслати. Злато искушается огнемъ, а человекъ напастями; пищица бо, много мучима, чистъ хлѣбъ подаеть, а въ печали обрѣтаеть человекъ умъ совершенъ. Молеве ризы извѣдаютъ, а человекъ—печаль; печалу мужу засушуть кости. Аще кто человека въ печали призритъ, какъ студеною водою напойтъ во знойный день. Птица бо радуется веснѣ, а младенецъ матери, тако и азъ, княже господине, радуюся твоей милости; весна убо украшаетъ цвѣты землю, а ты, княже господине, оживляеши вса человекы своею милостью, сироты и вдовицы, отъ вельможъ погружаеши. Княже господине! яви ми зракъ лица твоего, яко гласъ твой сладокъ, и образъ твой государевъ красенъ, и лице твое свѣтло и благогѣбно, и разумъ твой государевъ, якоже прекрасный рай, плодовитъ. Азъ же худый добръ дивляюся. Но егда веселишися многими брашны, а мене помяни сухъ хлѣбъ ядуща, или пиши сладкое питіе; а мене помяни тенлу воду пьюща, и праха напаша отъ мѣста завѣтрена. Егда ляжеши на мягкихъ постеляхъ подъ собольими одѣялы, а мене помяни подъ единымъ платомъ лежаща, и зимою умирающа, и каплями дождевыми яко стрѣлами сердце пронизающе. Да не буди, княже, рука твоя согбена на поданіе убогимъ; ни чашею бо моря расчерпати, ни нашимъ яманіемъ твоего дому истощити. Якоже бо неводъ не удержитъ воды, но точію едины рыбы: тако и ты, княже господине, не воздержи злата и сребра, но роздай людямъ. Паволока, исцещрена многими шелки, красно лице льяеть: тако и князь многими людьми честенъ и славенъ по всѣмъ странамъ; якоже рече Соломонъ: *Слава царю во*

многозлазъ азималъ: тако и тебе, княже, слава и вѣсть велика во мнѣзѣхъ людѣхъ. Якоже бо похваляе Езекій царь величїя царя Вавилонскаго, и показана нѣтъ мнѣзѣхъ: азата и сребра; они же рѣка есуть: нѣтъ царь богатѣе тебя, не мнѣзѣхъ азата, но мнѣзѣхъ воя. занеже нѣтъ азато добудуть, а азатомъ людѣмъ не добыти (1). Якоже рече Святославъ князь Игоревъ. идѣи на царя съ малою дружиною и рече къ: братіе! нѣтъ ли отъ града погибнути, или граду отъ насъ пѣтвену быти? Якоже Богъ повелѣтъ, тако и будетъ: «Поженеть бо единъ сто, а отъ ста двигнется тысяща; нагнѣйся на Господа, яко гора Сионъ не водвигнется во вѣки». Диво ли за бѣзновѣтъ кони паствити, а за добрымъ княземъ—воевати. Многожды бо безнарадіемъ полшы погибаютъ. Видѣхъ великъ звѣрь, а главы не имѣеть: тако и добрыя полши безъ добраго князя погибаютъ. Гусли бо строятся шерсты, а тѣло основается жылами, а дубъ крѣпится множествомъ коренія: тако и градъ нашъ крѣпится твоею державою (2): зане князь щедръ

(1) Въ ред. XIII в. прибавлено: «Вода мать рыбамъ, а ты, княже, людямъ своимъ. Весна украшаетъ землю цвѣтѣмъ, а ты, княже, насъ украшаеша милостію своею. Се былъ осмъ въ величїи нѣтъ, полъ работнымъ времемъ пострадалъ. Все тое искусахъ, яко зло есть. Луче бы ми видѣти нога своя въ личици въ дому твоємъ, нежели въ черлени сапогъ въ боярстемъ дворѣ. Луче бы ми тебѣ въ трудѣ служити, нежели въ багряницѣ въ боярстемъ дворѣ. Нелѣно бо усорязъ азатъ въ ноздрѣ свини, ни на холопехъ добрый портъ. Аще бы котлу золоты колпа во ушю; но дну его не избыти черности, и жения его; тако же и холону. Аще паче мѣры гордѣль и бузль, то укора ему своего не избыти—холопя иже ни. Луче бы ми вода пити въ дому твоємъ, нежели пити медъ въ боярстемъ дворѣ. Луче бы ми воробей испеченъ прїимати отъ руки твоея, нежели плечи барана отъ руки злыхъ государь. Многожды бо ми ся обретають работный хлѣбъ акы пельны во устахъ мнѣхъ. И питіе съ плачемъ растворяю (Рус. Бес. 106—107).

(2) Въ ред. XIII в. «Княже мой господине! Орелъ царь надъ птицами, а осетръ надъ рыбами, а зель надъ звери, а ты, княже, надъ Перекла-вцы. Левъ рынеть, кто не устрашитъ,—а ты, кня-

отень есть всѣмъ: слуги бо мнѣзи оти и матери лишаются и въ немъ прибѣгаютъ. Добру бо господину служба, дослужится свободы; а алу господину служба, дослужится болшиа работы. Зане князь щедръ, акы рѣка безъ береговъ текуще сквозъ дѣбравы, напоише не токмо челоуѣцы, но и скоти и вси звѣри; а князь скупъ, акы рѣка, великъ брегъ именуе каменны: не ля пшты, ни коня напоити. А бояринъ щедръ, акы кладезъ сладокъ; а скупъ бояринъ, акы кладезъ солонъ. Не имѣй себѣ двора близъ княжа двора; не держи села близъ княжа села; тѣмъ бо его, яко огонь трепетницею накладеи, а радовичи его яко искры; аще отъ огня устережешися, но отъ искры не можешъ устрещися жения портъ.

Княже, господине мой! не лишн хлѣба ниша мудра, ни вознеси до облакъ богата безумна, несмыслена: нищъ бо мудръ, яко азато въ каинѣ сосудѣ, а богаты красенъ несмысленъ, то акы поволочитое столовье, соломы наткано. Господине мой! не зри вѣшняя моя, но зри внутреня: азъ бо одѣянїемъ есмь скудеи, но разумомъ обленъ; юнъ возрастъ имѣю, а старъ смысломъ; быхъ мыслию яко орелъ паряи по воздуху. Но постави сосуды скудельничьи подъ потокъ капли языка моего, да накаплютъ ти сладчайши меду словеса усть мнѣхъ (1); якоже рече Давидъ: «сладка словеса твоя паче меда устомъ мнѣмъ;» Соломонъ рече: «словеса добра напоютъ душу, покрываетъ же печаль сердце безумному.» Мужа бо мудра посылай, мало ему кажи; а безумна по-

же, речеши, кто не убоятся? Яко жъ бо змїи страшенъ свистанїемъ своимъ, тако и ты, княже нашъ, грозенъ множествомъ сильныхъ вой. Злато—красота женамъ, а ты княже, людямъ своимъ.» (Рус. Бес. 114).

(1) Въ ред. XIII в. «Княже мой господине! Азъ бо аще не во Авиныхъ растохъ, ни у филосоовъ учихся, но быхъ падеа акы пчела по книгамъ, по различнымъ цвѣтамъ. Оттуда избираю сладость словесную. Совокупля мудрость яко въ мѣхъ воду морскую.» (Рус. Бес., 109).

, самъ не лѣнися по немъ итти. Ю мудрыхъ желаютъ благыхъ, а бѣ дому пировнаго. Лѣпши слыша-тѣвнѣ умныхъ, нежели безумныхъ шнѣ. Дай премудру вину, премуд-будетъ. Не стѣи бо на браздахъ ни мудрости на сердце безумныхъ: ныхъ бо ни орютъ, ни сѣютъ, ни гницы собираютъ, но сами ся ро- . Какъ во утѣлѣ мѣхъ воду лити, безумна учити; псомъ и свинямъ обно алато, ни сребро, ни безумному г словеса; ни мертвеца разсмѣшити, ваумна наказати. Дѣти бѣгають (1), а Господь—пьянаго человѣка. пожретъ синица орла, коли каме-сплыветъ по водѣ, коли свиня по-на бѣлку лаяти,—тогда безумный аучится. Или ми речеши: отъ бе-ми еси молвилъ: то не видалъ неба полетяна, ни звѣздъ лутова-ни безумна мудрость глаголюща. ми речеши: солга ми еси аки пѣсь,—о бо пса князи и бояре любятъ. ми речеши: солгалъ ми еси аки аще быхъ умѣлъ украсти, толико скорбѣхъ. Погубляетъ мужъ му-о свое татьбою.... Княже мой го-зе! не море топятъ корабли, но вѣ-и не огонь творитъ разжженіе желѣ-) надыманіе мѣшное: также и князь мѣ въпадаетъ во многія въ вещи но думцы вводятъ. Съ добрымъ ицею князь высока стола додумаетъ— съ лихимъ думцею думаетъ, и на-стола лишень будетъ.

иголетъ бо въ мирскихъ притчахъ: отъ въ скотѣхъ коза, а не звѣрь врѣхъ ежъ, пе рыба въ рыбахъ не птица во птицахъ ногопырь, а жъ въ мужѣхъ, кѣмъ своя жена

Родъ—мифическое существо, которое про-агается истинному Богу. (Хр. Бусл. 644). 17 этой Христом.

владѣть; не работа въ работахъ—подъ жонками возъ возити. Дивѣдива, кто пои-мааетъ жену злообразну, прибытка радн. Нѣкогда же видѣхъ жену злообразну при-ничующе къ зеркалу и мажущися румянцемъ, и рѣхъ ей: не зри въ зеркало, видѣвше лѣпость лица своего, зане большую пе-чаль приммеша себѣ. Или речеши: же-ниися у богатаго тестя, чти дѣла, а ту пей, и яжь, и веселися въ великой ра-дости и любви; то лѣпше волъ ввести въ домъ свой, нежели злая жена поняти: волъ бо не молвить, ни зла мыслить; а злая жена бѣема бѣсится, а кротима вы-сится, въ богачествѣ гордится, а во убо-жествѣ иныхъ осуждаетъ (1). Что есть жена злая? гостница неусыпаемая, купни-ца бѣсовская. Что есть жена зла? мир-скы мятежь, ослѣпленіе уму, начальни-ца всякой злобѣ, во церкви бѣсовская мытница, поборница грѣху, засада спа-сенію. Аще который мужъ имѣетъ смо-трѣти на красоту жены своея и на ея ласковая словеса, а дѣлъ ея не испы-таеть: то дай Богъ ему трясею (*ми-хорадкой*) бѣлѣти. Но по сему раз-смотрите злу жену, иже речеть мужу своему: господине мой, свѣте очію моею! азъ на тя не могу зрѣти; егда глаголе-ши ми, тогда взираю на тя и обоумираю, и возрожатъ ми уды тѣла моего. По-слушайте жены слова апостола Павла, глаголюща: крестъ есть глава церкви, а мужъ женѣ своей. Жены же у цер-

(1) Въ ред. XIII в. за этимъ слѣдуетъ: -Или речеши, княже, пострижися въ черницы. Не видалъ есми мертвеца на свиняхъ ѣдачи, ни черта на ба-бѣ, ни ѣдалъ есмь отъ шнѣи смокви. Луче ми есть тако скончати животъ свой, нежели воспримши ангельскій образъ, Богу солгати. Аки бо, рече, ми-рови, а не Богу: Богу нельзя лгати, ни великии итрати. Мнози бо отшедше мира сего, пакы возвра-щаются, аки пси на своя блевотины, на мирское гоненіе. Обиходятъ села и дома славныхъ мира сего, яко пси ласкосердіи; вѣдъ жъ брацы и пирове,— ту черницы и черницы, и беззаконни, отеческій имѣа на собѣ санъ, а обычаемъ золь. (Рус. Бус. 118—119).

кви стоятъ молящися Богу и святѣй Богородицы; а чему ся хотите учить, и вы учитесь въ домѣхъ, у мужей своихъ, а вы мужи по закону держите жены своя, поне борзо обрѣсти добрыхъ женъ. Жена добра вѣнецъ мужу своему и безпечаліе; а зла жена—люта печаль, изощаіе дому. Червь бо древо глѣтъ, а зла жена домъ мужа своего теряетъ. Лучи есть во углѣ лодѣ по водѣ ѣздити, нежели злѣ женѣ тайны повѣдати: утлая лодья порты помочить, а злая жена всю жизнь мужа своего погубляетъ. Лѣпши есть камень долотити, нежели зла жена учить, или желѣзо варити:—желѣзо уварить, а злы жены не научить; злая бо жена ни ученія слушаетъ, ни Бога ся боить, ни людей стыдится, но вся укоряетъ и вся осужаетъ. Что два злѣ въ четвероногихъ? и что зми лютѣйши въ ползущихъ по земли? всего того злая жена злѣ. Нѣсть на земли болши женскія злобы: женою бо сперва прадѣдъ нашъ Адамъ изгнанъ бысть изъ рая; жены ради Іосифъ прекрасный въ темницѣ затворенъ бысть; жены ради пророка Давида въ ровъ вверже, и лвы ему нозѣ лизаху. О злое орудіе, остро дѣявое! Нѣкому же умре жена зла, онъ же, по смерти ея, начать дѣти продавать, людѣ же рѣша ему: чему продаешь дѣти? онъ же рече имъ: аще ли будутъ родилися въ мать, и они возрастше, меня продадутъ ⁽¹⁾.

Еще возвратимся на переднія словеса. Азъ бо, княже господине, ни за море ходилъ, ни отъ философа научился, но быхъ яко падающая пчела по различнымъ цвѣтомъ и совокупляя яко медвеный сотъ; тако и азъ по многимъ книгамъ собирая сладость словесную и разумъ, совокупихъ яко мѣхъ воды морскія, а не отъ свое-

⁽¹⁾ Въ ред. XIII в. нападокъ на злыхъ женъ мѣтѣ.

го разума, но отъ божія промысла. Ся суть словеса, да не уже много глаголю.

Здѣсь въ нѣкоторыхъ спискахъ прибавлено: «Ся словеса азъ Давидъ писахъ въ заточеніи на Вавилонѣ, и запечатахъ въ воскъ, и пустихъ въ море, и вземъ рыба поже, и эта бысть рыба рыбарекъ, и принесена бысть ко князю, и нача ся порота, и урѣ князь сіе написаніе, и повелѣ Давида свободити отъ горькаго заточенія.» Очевидно, эта вставка поздняго времени.

Уже бо престану глаголати, да не буду яко мѣхъ утлый, роняя богатство убѣгимъ; да не уподоблюся жерновамъ, азѣ тѣ многія люди насыщаютъ, а сами себе не могутъ насытитися; да не возненавидѣнъ буду міру со мноюю бѣздою, яко же бо птица учащаетъ пѣсни своя, скоро возненавидима бываетъ. Глаголетъ бо въ мірскихъ притчахъ: рѣчь продолжена не добро, продолжена паволоки. Господи, дай же князю нашему силу Самсонову, храбрость Александрову, Іосифовъ разумъ, мудрость Соломонову, кротость Давидову, и умножи, Господи, вся челоуки подъ руку его! Лютъ бѣснующемуся дѣти ножъ, а лукавому власть. Паче всего ненавнѣе сторонника перетерплива, Амивъ.

(Пам. XII в. стр. 229—240).

См. Рус. Бес. 1856, кн. 2, 90. Сказ. Рус. Нар. Сахарова, I, IV. 59—60. Изв. Акад. Н. X. 111, 263—272. Отеч. Запис. 1842 г. т. XXII. Сибирь. 57—59.

Вышесказанное изъ Слова въ сравненіи съ подобными мѣстами другихъ древнихъ памятниковъ, равно какъ и замѣчанія объ этомъ произведеніи, см. въ Москвит. 1856 г. №№ 7 и 8. П. Безсонова. Г. Сахаровъ первый открылъ сходство Слова съ Пчелю. (Москвит. 1843 г. № 9, стр. 149—155). Затѣмъ М. И. Сухомлиновъ представилъ способъ составленія древнихъ произведеній вообще, слово, Пчель и другихъ памятниковъ старины. (Извѣст. Акад. Н. 1853 г. стр. 222—234. 1854—55 г. стр. 159—220). См. замеченія изъ книги «Златоустъ» Забѣлина. Архивъ историко-юрид. Колячова II. 2.

Слово Давида составлено почти все изъ различныхъ изреченій свящ. писанія, мѣтѣмъ, изъ пословицъ и другихъ источниковъ, какъ самъ писатель говоритъ, что онъ отсюда выбиралъ изъ книгъ, какъ пчела соки изъ цвѣтѣвъ. Въ Слово весьма мало историческаго элемента, скорѣе можно отыскать въ немъ

личныя черты и выраженіе вкуса грамотника XII в. Составъ Слова похожъ на многа древнія произведенія книжниковъ, которые заимствовали изъ книгъ все, что имъ нравилось, и соединили въ одно цѣлое. Поэтому Слово заточника имѣетъ сходство съ древними поученіями—О злыхъ женахъ, поученіемъ Кирилла философа, съ статьями Пчелъ и т. под. Слово имѣло много читателей особенно потому, что оно отличается своими пѣдками выходящими противъ некоторыхъ общественныхъ злоупотребленій, жертвою которыхъ были сами писатели. Неизвѣстно, кто такой былъ Даниилъ и за что былъ сосланъ на Лохъ озеро (Олонец. губ.), но имя и мѣсто ссылки занесено въ летопись подъ 1378 г. Неизвѣстно также, кто былъ выковникомъ нечестія этого мудреца древности. «Если жалка была самая дѣйствительность, говоритъ проф. Буслаевъ о старинной жизни, то утѣшился крайней мѣрѣ тѣмъ, что лучшие люди той эпохи, хотя смутно, но все же сознавали тягостный шестъ ея. Надобно однако замѣтить, что по недостатку ли ясно уразумѣнія своихъ общественныхъ отношеній, или естественнѣе твердой вѣры въ лучшую будущность, не доходили они въ своемъ умнѣніи до отчаянія; и какъ горькому заточнику, и на берегахъ дикаго озера, утѣшительно мерцалъ отъ далекаго Переяслава свѣтъ примиренія, милости и правды, такъ и читатели его краснорѣчиво плача были вполне увѣрены, что рано или поздно недоразумѣнія прекратятся, правда восторжествуетъ, и заточникъ будетъ помилосованъ и примиренъ съ жизнью, хотя бы и помощью какого нибудь чуда. Поэтому—то тысячи, для собственнаго своего утѣшенія, внесли въ позднѣйшую редакцію Слова замысловатую повесть о томъ, какъ заточникъ запечатал свое молчаніе въ воскъ и бросилъ въ озеро... (Древн.-рус. литер. и искус. Рус. В. 1857 г. кн. 16).

73. Хожаніе преев. Богородица на мукамъ XII в.

1. Хотѣ св. Богородица помолитися къ Господу Богу нашему на горѣ Еліонствѣй, во имя Отца и Сына и св. Духа, да сидеть архангелъ Михаилъ и 400 ангелъ съ нимъ: 100 отъ востока, 100

(*) Заглавіе этой визант. поэмы слѣд.: «Слово преев. Богородицы велика душеполезно — О покое еста мира. Господи, благослови отче.»

отъ запада, 100 отъ полудня (съ юга), 100 отъ полуночь (съ сѣвера)... 2. Богородица хотяши дабы видѣла, како ся душа мучать (въ аду); и рече Михаилу архистратигу: «Исповѣждь ми, аже суть на земли всяческая?» И рече къ ней Михаилъ: якоже речеши, благодатная, азъ всяческая тебѣ исповѣмъ. И рече къ нему св. Богородица: «Кoliko есть мукъ, ядѣ же мучится родъ христіанскій?» И рече къ ней архистратигъ: неизрекомыи суть муки. Рече же къ нему благодатная: «Исповѣждь ми на небеси и на земли.» 3. Тогда повелѣ архистратигъ явитися ангеломъ отъ полудне, и отвѣрзая адъ. И видѣ въ адѣ мучающаяся и баше ту множество мужъ и женъ, и воцѣль много баше. И вопроси благодатная архистратига: «Кто си суть?» И рече архистратигъ: сіи суть, иже не вѣроваши въ Отца и Сына и св. Духа, въ забыши Бога, и вѣроваши, юже ны бѣ тварь Богъ на работу створиалъ, то они все боги прозвана—солнце и мѣсяцъ, землю и воду, звѣри и гады, тосетивныи и челоувѣчска мена та утриа (?). Трояна, Хърса, Велеса, Перуна на боги обративша, бѣсомъ алыниъ вѣроваши, до и доселѣ иракъмъ алыниъ одѣржиши суть, того ради сде тако мучаться... 5. И рече къ ней архистратигъ: кудѣ хоцещи, благодатная, да нзидемъ—на полудни или на полуночь? И рече благодатная: «да нзидемъ на полудни.» И тгда обратившася хървини и серафими и 400 ангелъ нзведоша Богородицю на полудне... 6. И увидѣ св. Богородица мужа висаща за ногѣ, и чървѣ ядаху его, — и въпроси ангела: «кто съ есть что ли грѣхъ створиалъ есть?» И рече къ ней архистратигъ: съ есть иже приклады (проценты) имаше на злато свое и на сребро, да за то на вѣкы мучиться. И видѣ жену висащю по зубы, и различныи змїя исхождаху изъ усть ея и ядаху тѣло ея,—и видѣвшии Пресвятая въпро-

си ангела: «что есть жена си, что ли грѣхъ ея?» И отвѣща архистратигъ и рече: та есть, госпоже, еже хожаше по бляжняа своя и посуѣдомъ послушаючи что глаголють, и слагаючи словеса неприязнина, съважаша на сварь⁽¹⁾, да того ради сице мучиться. И рече св. Богородица: «добръ бы было человѣку тому, да ся бы не рожазь⁽²⁾...» 9. И увидѣ Святая древо желѣзно, имѣюще отрасли и вѣтвие желѣзно, и вршше вѣтвия того имѣаше уды (крючьа) желѣзны, и бяше ту всящихъ множество мужъ и жевъ за языки. И видѣвши Святая просльзвися, и въпроси Михаила: «кто си суть, что ли съгрѣшеніе ихъ?» И рече архистратигъ: се суть клеветьници, съвадъници и еже разлучиша брата отъ брата и мужѣ отъ жевъ своихъ. И рече Михаилъ: послушай, Пресвятая, да ти азъ окажу о сихъ,—аще кто хотяше креститься, или покаятися грѣхъ своихъ; то ти разглаголаху и не поучаху спасению, да того ради тако ся мучать съдѣ на вѣкы... 14. И видѣ Пресвятая жены всяща за вся ногти, и пламени исхожаше изъ устѣ ихъ и опалаше вся, и зміа исхожаше изъ пламени того, и прилѣзяху къ нимъ и вопіяху, глаголаше: помилуйте насъ, яко мы едины мучимся паче всѣхъ мукъ. И рече Святая прослезившися: «Что есть согрѣшеніе тѣхъ?» И рече архистратигъ: то суть попадьи; иже поповъ своихъ не почътоша, и по смерти ихъ идоша за мужъ, да того ради мучаться. И рече пресв. Богородица: «омигун, владыко, грѣшныя, яко ти еуангелие твое прияша, и законъ твой съхраниша;» тогда рече къ ней Господь: послушай, Пресвятая, аще кто тѣхъ сътво-

(1) Силетничала, чтобы раздоръ пропозвести между ближними.

(2) Лучше бы тому человѣку не родиться.

ри зло не покайся, ни отъ работы да добръ глаголеши, якоже закону твоему поучишася, и пакы сътвориша зло, егда не отдамъ злаго; азъ что да реку, яко есть речено: «дасть тѣмъ противу злобѣ ихъ.» Тогда и вси святимъ слышавъше владыку, не смѣша что отвѣцати.

(Изв. Акад. Н. X, стр. 551—573).

Тамъ это слово напечатано съ греческимъ подлинникомъ. Хождение Богородицы по мукамъ доселѣ ходять въ простонародьи въ безчисленныхъ видоизмѣненіяхъ.

Отреченныя книги стали входить въ Россію очень рано: такъ *Аванасіевы отъѣмы* и *Слово Меводія Патарскаго* помѣщены въ Изборникѣ 1073 г.; въ рукахъ Кирика была книга, гдѣ говорилось, что 10 литургій, заказанныхъ въ видѣ епитиміи, избавляютъ отъ грѣховъ за 4 мѣсяца, 20—покрываютъ 8 мѣсяцевъ, а 30 цѣлый годъ; Кирикъ говорилъ Инонту, что онъ читалъ тетрадку, въ которой значилось: «Аще зачтется дѣтище подъ пятницю...», а эти слова находятся въ апокрифич. статьѣ о 12 пятницахъ. (Памяти. отреч. литер. Тихонова, II, 338). У Аврамія смоленскаго была книга *Глубины* (до 1206). Отрывокъ изъ апокрифич. *Слова І. Богослова* «О покои Богородицы» 12 в. съ греч. подлин. см. Срезневскаго «О малозв. и неизвѣстн. памяти.» IV, 61. О ложныхъ книгахъ замѣчено въ Сл. Кирилла до 1280; Заветы 12 патриарховъ находятся въ Палей до 1240; *Сказаніе Афродитіана* есть въ спискѣ ркп. XIII в. Въ Спльвестровс. Сборн. до 1350 г. помѣщены: *Откровеніе Авраама* и *Посланіе Пилата къ Тиверію*.

О другихъ ложныхъ книгахъ см. Памяти. отр. рус. литер. Тихонова. Спб. 1863. два тома. *Ею же* Лѣтоп. рус. литерат. 1859. I. Моск. Вѣд. 1859, № 232. Памяти. старин. рус. лит. изд. Кушелева-Безбородко. О древне-рус. литер. *Пычина*. От. Зап. 1857, № XI. Очерки *Буслаева*. I. 480—504. Историч. Христом. его же 533. 543—4. *Гильбердинна* о Богомилехъ. Рус. Бес. 1859. № 4, 117—130. Срезневскаго О малозв. и неизв. памяти. II, 65, IV, 53. I. Екзархъ Болгарскій *Калайдовича* 202—212. Опис. Румиц. Музея № 449. Апокрифич. сочиненія въ древне-рус. письменности *И. Я. Порфирьева*. Правосл. Собес. 1869 г. Евангеліе Никодима. Тамъ же 1860 г. О средѣ и пяткѣ. Тамъ же 1859 г. кн. 2.

74. Слово о штарствѣхъ (1).

Понеже тайна си не всѣми откровенна бысть, и многими чловѣкъ не вѣдома, но якоже Кирилъ философъ рече: не того ради сътворени быхомъ, да ямы и шемъ и въ одежи различныя облечемся; но да угодимъ Богови и будущая и благая получимъ. Но понеже испытаніемъ божественныхъ писаній заблудихомъ отъ истиннаго пути, ни помышляемъ, како ны есть постигъ Богъ и създавъ, въ утробѣ матерній души вложилъ, и пакы и отгуду ны изведе. Егда убо, рече, всякъ младенецъ крещаемъ бываетъ, тогда посылается отъ Бога ангелъ на храненіе въ все житіе чловѣческое: лукаваго сатаны ангелъ даемъ бываетъ, егда въ смыслъ, въ разумъ будетъ о всемъ добрѣ и о злѣ. Егда же начнетъ въ правдѣ пребывать чловѣкъ, то приимлетъ старѣйшинство надъ нимъ божій ангелъ, и съхраняетъ ѿ отъ всякого лукавства дьявола въ ноци и во дни. Имать же съвѣщаніе въ себѣ душа та съ ангеломъ, написаетъ ангелъ вся благая дѣла ея отъ юности и до старости. Егда пакы начнетъ чловѣкъ пребывать въ злыхъ дѣлахъ, тогда приимлетъ власть и старѣйшинство лукавый ангелъ сатанинъ надъ таковымъ чловѣкомъ, и въ слѣдъ его ходя, вся грѣхы написаетъ нощныя и дневныя; ангелъ же господень плачется такового чловѣка. Ащели покается, то прииметъ ангелъ божій старѣйшинство и власть; тогда ангелъ сатанинъ плачется его. Пакы же суть мнози и не вѣрующе, ни послушати хотяще, яко испытана суть душа чловѣкомъ по смерти, егдаже исходятъ отъ тѣла. Понеже поставилъ есть Богъ

(1) Слово это прежде приписывалось Кириллу Туровскому, но кажется принадлежить Кириллу философу (Макар. Ист. Р. Церкви, ч. III, стр. 146), и подверглось позднѣйшей передѣлкѣ. Буслевъ и Шевыревъ полагаютъ, что слово это можно скорѣе приписать Авраамію смоленскому. (Очерки рус. нар. слов. II, 119; Изв. Акад. VIII, 326. IX, 182).

испытанія всякому чловѣку. Первое испытаніе, егда хочеть разлучитися душа отъ тѣлеси. Преже бо придуть бѣси и представлять ея вся дѣла, яже будетъ съгрѣшила отъ юности и до старости; отвивающе харатейныя свиткы, и начнутъ обличати душу, исповѣдающе грѣхи ея, яже въ всемъ житіи съгрѣши, ркуще ей: цю забыда еси, яже съгрѣши въ всемъ житіи; но мы ихъ не забудомъ, и списахомъ ясно. Посемъ предстанета два аггела, посланная по душу отъ Бога. Егда же узритъ ея душа, ужаснется, образъ весь и лѣпота (красота) и лице измѣнится, рупцѣ и нозѣ премоукнота и слуха съ нима, и языкъ молчаніемъ затворится, и будетъ весь уныль, и дряхль, и скорбень, и за сими явится смерть. И тако, и нужею страшною душа отъ тѣлеси изидеть, и станеть одержима душа, зрящи на свое тѣло; якоже бо кто изволкъся изъ ризы своея, и потомъ сталъ бы, зря ея: тако станеть душа на свое тѣло зрящи, отъ него же изыде, умиленно къ ангеломъ взирающи, и видѣ дѣла своя предъ собою поставлена, или добрая, или злая, и яко въ всѣхъ извѣщаема.

И посемъ взявши душу, повесутъ ю на въздухъ, къ второму испытанію, надъ же есть 20 мытарствъ, Богомъ поставлена на въздухъ предъ враты небесныи, на испытаніе всякой души, исходящей же отъ тѣлеси, грядущей къ небеси.

1-е мытарство: обоганіе, елико будемъ аггали, отъ юности и до старости; 2, оклеветаніе, елико чловѣца оклеветахомъ; 3, зависть, елико завидѣхомъ кому; 4, яже когда будемъ гнѣвъ на кого долго имѣли; 5, ярость съ гнѣвомъ, или на чада, или на рабы, или на всякого чловѣка; 6, гордость, елико разгордѣхомъ; 7, буе слово, срамословіе, бестудная слова и плясаніе, еже въ пиру и на свадьбахъ, и въ павечерницяхъ, и на игрицахъ и на улицахъ; 8, рѣзонманіе и грабленіе, насилное мздоиманіе; 9,

иже тщеславіе когда сътворихомъ, хвалы ради и славы человѣческия; 10, златолюбіе и сребролюбіе; 11, пьянство и запоиство; и всѣ чаши наши изочтени суть отъ бѣсовъ въ запоиствѣ; 12, злопоминаніе, елико зло поминахомъ когда, глаголющи: не забуду ти ни до смерти; 13, чародѣйство и волхованіе, наузы (*магьжы*); 14, обьяденіе и ранное яденіе и питіе, отъ юности наша и до старости; 15, всяка ересь, вѣрують въ стрѣчу, въ полазъ и въ птичьи граи, ворожю, и еже басни бають и въ гусли гудуть; и еже уиш блудъ творять; 16, прелюбодѣаніе, еже мужи отъ женъ своихъ блудъ творять, а жены иже отъ своихъ мужъ съ чужими мужи; 17, убойство и всякая рама, или бѣеніа и рванія за власы до крове; 18, тадба и всякое краденіе; 19, всякъ блудъ; 20, скупость, немилосердіе.

Сдѣ бо обличаютъ бѣси душу, аще будемъ коли брату досадили, или нищему, или изгнали изъ дому своего, или грезилъ на кого: то ту обличающе ны бѣси, препярающе. Аще бо и вся заповѣди божія исправите, а будемъ немилостивы, и на нищія немилосердѣи, или на рабы свои, не подавающа имъ доволнаго одѣанія, пища, дѣломъ же насилующе, ниѣми бѣдами; то о всѣхъ сихъ испытана будеть душа, истязана отъ въздушныхъ бѣсовъ.

Да аще имать душа добрая дѣла, истинное покаяніе, о томъ испытающе вся си, переходить; и потомъ възходитъ въ врата небеснаа, радующеса, яко избывши лукавыхъ въздушныхъ бѣсовъ. И потомъ устрѣтають друзіи аггели, посылаеми по душа ниѣхъ чловѣкъ, веселящеса, радуются о ней, яко избѣже лукавныхъ бѣсовъ, и цѣлуютъ обьямающе. Потомъ принесени быша къ престолу Бога вседержителя, и поклонитя подножію Господа; и потомъ предасть ю Михаилу, завѣща: иди, душу сію веди, и покажи ей

обители святыхъ и небесныхъ полкы райскія, душа праведныхъ сущая въ рай, и душа грѣшныхъ сущая на муку грѣшныхъ, въ ниже имуть быти мучими въ день великый суда. И носима бывааетъ преже по поднебесіи, показавъ ей полкы святыхъ градъ, горній Іерусалимъ, его же самъ Господь по възнесеніи създа; потомъ внесома бывааетъ въ рай къ праведнымъ душамъ, и исподомъ же душа праведны, и срѣтають обьямающе, и цѣлуютъ ю; и потомъ сведеть ю въ пропасть, идѣже затворены суть душа грѣшныхъ отъ вѣка, показавъ ей мѣсто, идѣже ягъ мучитися, понеже мука даше че міра есть на западѣ⁽¹⁾. Си же вся мѣста обходитъ душа праведнаго за 40 дни, и потомъ внесома будеть въ рай, мѣсто покойно до послѣдняго възкрешенія.

Всѣхъ же грѣшныхъ душа, огда изведе изъ тѣлеси, представуть ей аггели бѣсовьстіи, принесуть предъ ню вся ея сѣгрѣшенія, якоже будеть сътворила отъ юности и до старости, написаны въ свѣтъцѣхъ; и начнутъ, отвивающа, обличати ю.

Да велѣтъ се ихъ запрети (*осторимы*), понеже лѣта и мѣсяци, и времена, и дни, и часы и праздници съ памятью имуть исписаны, сѣгрѣшихомъ когда, или въ кое лѣто, и въ которы мѣсяцъ, или въ кое время и въ часъ, или въ который праздникъ, или до обѣда, или по обѣдѣ, или въ день и въ ночь. Да аще исповѣдалъ ѣ будеть отцу духовному, и каився пакы се не възратилъ къ нимъ будеть, то обрѣтають ѣ заглажены, понеже невидомъ заглажаетъ у нихъ Духъ св.; бѣси же вѣдають, яко истиннымъ покаяніемъ загладишася, и скорбятъ не улучивше. Аще ли будеть утаилъ свои грѣхи; а не исповѣдалъ отцу, то не заглажены тѣхъ

(¹) Представленіе о томъ, что душѣ показавать адъ и рай чисто народное, которое не изгладилось доселѣ.— Адъ на западѣ, на востокъ рай.

святни обрѣтаются. Аще ли будетъ непо-
вѣдалъ отцу, отецъ же, дара дѣла, не по-
ложилъ ему будетъ општемы за ты грѣ-
хи, рекше на добрая дѣла не наказалъ,
на молитвы, на поклоненіе, на постъ, на
милостыню, на прочая добрая дѣла не
научилъ, ни въстапулъ, дабы не сътвори-
ли ни сгрѣшилъ; то такового грѣси незагла-
жени обрѣтаются въ святцѣхъ бѣсовскихъ;
но воѣ ясно съ памятью писаны; то оба
таковая примета бесконечную муку, поне-
же онъ вѣдая грѣхи его, не положилъ ему
општемы за то, а сѣи также вѣдаютъ,
вника собѣ потаковника, и покася у та-
коваго, и оба осудятся (1). И потому
всехитина бывасть душа лукавыи бѣсы и
бѣма лютѣ, не даючи и ни до перваго
мытарства заны, и затворима бывасть
въ адѣ и въ тмѣ и въ сѣни смертвѣи,
идше душа грѣшныхъ отъ вѣка суть дер-
жани; ту сѣдять плачущесе, ожидающе
дне великаго, суднаго. Но на преже гла-
голанная вѣдомъ, понеже мнози събла-
жняются, ркуще: якоже вѣсть святыхъ
на земли, и тако глаголюще мнози заблу-
дивисея погибона, и мнози нынѣ въ сла-
бость вѣдома: они же слышана, и на
нихъ взирающе, ступившесе съ истиннаго
пути и заблудившесе, послушающе тако-
выи невѣгласъ (невѣждѣ), понеже не-
вѣдѣніе злое есть сгрѣшеніе. Аще ли
была пытали божіихъ евангелій св. книгъ,
яже божіи усты речены быша: не преи-
де родъ сѣи, дондеже вся си будутъ; пра-
во глаголю вѣи, небо и земля мимо идеть,
а словеса моя не инутъ преити, ни из-
мѣнятся... Павелъ апостолъ рече: не вси
убо укремъ; вси же измѣнимся въ не-
гволеніи ока, рекше—вборзѣ. Егда же вси
человѣци изобруть, тогда останутся мнози
праведници живи, храними Богомъ, не
разлучившимся души съ тѣломъ. И ни

(1) Мнѣніе объ-општемы значително, что
она заглаживасть грѣхи.

мнози о семъ прорекше; аще бо кто пы-
тати въсхоцеть о семъ, то обрѣдетъ.

И се уже видимъ конецъ міру прибли-
жающеся, урокъ житію скончавшесе, уже
бо мало нашего живота и вѣка: вси же,
яко Господь рече, испыташесе, вѣстати
имать языкъ на языкъ, царство на цар-
ство, и страна на страну, и царь на
царя, князь на князя, епискупъ на епи-
скупа, чернецъ на чернца, и братъ на
брата, и будутъ гладъ и пагубы и тру-
си по мѣстомъ: вся же та въ начало бо-
лѣземъ. По скончаніи же томъ, солнце
и мѣсяцъ померчета, небеса съвѣются въ
свѣтомъ, и силы небесныя явятся, и по-
семь Сынъ божій съ славою приидеть,
хотя судити всему міру. Скончавшесе
року житіи, оставшимшесе 3 лѣтомъ сед-
мыи тысящи, будетъ въ 3 лѣта цар-
ство антихристово; по скончаніи же 3
лѣтъ царства его, послетъ Господь Ми-
хаила и Гавріила, въструбита въ рота
овня, и въ мгновеніи ока въскреснутъ
мертвѣи; и праведници же въскреснутъ
преже, свѣтли по добродѣтели ихъ, по-
слѣди же грѣшници, омрачени по злымъ
ихъ дѣломъ. Посемь огонь неугасимый
потечеть отъ вѣтока до запада, полая
горы, и каменіе и древа, и море засу-
шая, твердь же яко бересто свертителъ,
и вся видима сущія вещи, развѣ чело-
вѣкъ, вся отъ ярости огненна, яко вося
встануть, и згоритъ вся земля; и сѣвозъ
ити сѣи огонь неугасимый подобасть все-
му человеческому роду проити. Не бу-
детъ гдѣ убѣжати и ни съкрытиса, но
будетъ болѣзнь и скорбь, не иници ни
единои же утѣхи, паче же грѣшныи
не покаавшимся, ни единою скорби итѣв-
шимъ о души своей, но точию въ покои
и мнозии пицѣ и въ пятин, и въ про-
чихъ итѣхъ грѣсѣхъ лѣта своя скончана;
да тѣмъ явится имъ ярость божія, полна
гнѣва и яру, бѣду отищенія носящи; не
явѣтъ бо ся имъ яко тремъ отрокомъ, хладъ:
хладъ праведнымъ же, а не огнь. Въ

слиже суть нѣкотори, мала имущи съгрѣшенія, и не исправлена яко человекѣци, понеже есть Богъ единъ безъ грѣха, иже плоть взя нашего ради спасенія, да самъ огнемъ искусивъ, одштитъ я, и просвѣтятся тѣлеса имъ, яко солнце по добродѣтели ихъ: праведнымъ даетъ свѣтъ, а грѣшнымъ же опаленіе и омраченіе. Прешедшимъ же имъ огненую сію рѣку, огненная си рѣка, по божію повелѣнію, послуживши, отшедши къ западу, учинится озеро огненное, на мученіе грѣшнымъ. Посемъ будетъ земля нова и равна, якоже бѣ искони, и бѣла паче снѣга; и потомъ повелѣніемъ божіимъ премѣнится, и будетъ яко золото, изидеть изъ нея трава и цвѣтии многообразнии и неувидающіи никогда же, понеже суть духовни, и посемъ возрастуть древа, не яко видима си суще, но высокою и глѣботою, величествомъ невъзможно есть изъглаголати усты человекѣскими, понеже суть духовна, о Христѣ Ісусѣ о Господѣ нашемъ.

(Памятн. XII в., стр. 92—101).

Въ началѣ «Слова о мытарствахъ» имѣетъ большое сходство съ апокрифическимъ сказаніемъ о «Хожденіи ап. Павла по южакъ» (Памятн. отр. рус. литер. II, 40 и дал.); потомъ съ стихомъ «О страшномъ судѣ.» О вліаніи житія св. Василія Нового на сочинителя «Слова о мытарствахъ» см. въ Очеркахъ Буслева, II, 139. О мытарствахъ говорится въ «Житіи Авраамія смоленскаго» и въ «Житіи Антонія Римлянина.»

Къ числу подражательныхъ сочиненій относится «Поученіе Владиміра Мономаха»; но такъ какъ въ немъ находится много данныхъ для изученія княжескаго быта XI—XII в., — поэтому оно отнесено въ отдѣлъ статей объ «Обществе. жизни.»

75. Посланіе Іакова Святослава болгарскаго Деспота м-ту Кириллу до 1262.

Богомъ избраному пастырю и учителю словеснаго стада правовѣрныхъ вѣры на-

шея, отцу ми по духу, святому прѣсвятищенному архиепископу Кириллу прѣславнаго града Кыева, учителю же всеи Русии, и свѣтильнику цркви бѣ богоспасенаго града Кыева. И о семъ благодарю господство ми вѣподобствіе твое, еже о Христѣ, принявъ азъ писаніе святаго ти владычества, благодарихъ святую ти волю, прѣсвятищенный архиепископе всеи Русьскыя земля, благодѣявнаго родна моего, ихъ же отрасль и корень азъ быхъ святыхъ прѣотць моихъ. Пишу тобѣ, възлюбленны Богомъ, архиепископе Кириле, протоерою, да ся словомъ твоимъ вселенаа Русьская просвѣтитъ, а писаніемъ сию Зонару (Кормчую) до ся нигдѣ не прѣишеть, понеже тако подобно есть сѣи Зонарѣ во всякомъ царствѣ единой быти на съборѣ, якоже святымъ отци уставнии и упрѣдаша намъ. Того ради азъ испросивъ патриарха а прѣпустихъ за святопочившихъ родителей моихъ и за поминна ради душа своя (1)...

Написана же бысть сѣя Зонара въ лѣто 6770-а, 5 индикта, въ дѣни благовѣрнаго царя Костянтина прѣдрѣжаша столъ блѣгарьскыи, повелѣниемъ же и по цѣнѣ великаго господина Якова Святислава деспотѣ блѣгарьскаго. Мы же раздѣливъше на 3 чѣсти исписахомъ за 50 днѣи, почавъше мѣсяца ноября 10 днѣе, кончана же бысть мѣсяца генваря 7 днѣе. Азъ же худоумнымъ многогрѣшнымъ Іоанъ, зовомъ Драгословъ, молю съзъно: отци и братиа, чѣтящии и прѣписующии, легко исправляюще чѣтѣте, а не злословите, понеже не бѣхъ до тамо писецъ...

(Изв. Акад. Н. X, 203—4).

(1) Въ XII в. Зонара сдѣлалъ систематическій сводъ, въ которомъ сливаются свѣтскіи и духовныи элементы законовъ и составляютъ сборникъ, извѣстный подъ именемъ Кормчей, которая и называется здѣсь Зонарой.

76. Хожденія въ Царьградѣ:

а) Стефана Новгородца послѣ 1347.

Въ недѣлю страстную приидомъ въ Царьградъ и идеомъ къ св. Софіи. И видѣхомъ: ту стоитъ столпъ чуденъ велими, толстотою и высотой и красотою издалеца смотря видѣти его, и наверху его сидитъ Юстиніанъ великій на конѣ, велими чуденъ, аки живъ, въ доспѣсѣхъ одѣянъ срацинскомъ, грозно видѣти его, а въ рудѣ держитъ яблоко злато велико, а на яблоцѣ крестъ, а правую руку отъ себя прострѣ буйно наподани, на Срацинскую землю къ Іерусалиму. Суть же много и внѣхъ столповъ по граду стоятъ отъ камня мрамора, много же на нихъ писанія, отъ верху и до долу, писано рытїю (*рытѣбой*) великою, и словеса всѣ позлощены быша, а инѣ черны. Много бо есть дивитися и умъ сказати не можетъ: како бо толико лѣтъ камня того ничто не иметъ!

А отъ столпа Юстиніанова внити въ двери св. Софіи; въ первыя двери поступивъ мало, нѣти въ другія, и третья, и четвертая, и пятая, и въ шестая тоже, а въ седмыя двери внити въ св. Софію, въ великую церковь. И пошедъ мало обратитисъ назадъ, и возрѣвъ горѣ на двери, видѣти: ту стоитъ икона св. Спасъ, и о той иконѣ рѣчь въ книгахъ пишется, и того всего не мочно исписати. Ту бо погани иконоборцы лѣстницу приставили восхогѣвъ содрати вѣнецъ златыи, и св. Θεодосія опроверже лѣстницу, и разби поганина, и ту святую заклаша рогомъ козымъ. И отъ того мимо пошедъ, видѣхомъ множество народа цѣлюуще съ умилениемъ Страсти господни, и возрадовахомся велими; зане бо безъ слезъ не мочно приидти къ Страстямъ господнимъ. И ту видѣ насъ царевъ бояринъ, ему же имя простое: Бетаръ, и той видѣ тѣсноту и нужду нашу, допродви ны къ

Страстямъ господнимъ, Бога дѣла, и ту мы цѣловахомъ грѣшніи. Потомъ идеомъ, поступивше мало на сторону, и увидѣхомъ ту на стѣнѣ Спасъ мусією утворенъ (*мозаикой устроенъ*), и вода святая отъ язвъ гвоздинныхъ отъ ногу его идетъ, и ту цѣловахомъ грѣшніи, и помаза ны единъ отъ іермонаховъ масломъ и напои водою святою. И ту стоятъ многи столпове отъ камня краснаго мрамора, окривани чудно, въ нихъ же лежать мощи св., ту люди прикасаются, и иже кто болятъ, и абіе съ вѣрою здравіе приемлетъ. И ту виде насъ св. патриархъ Царьграда, ему же имя Исидоръ, а на патриаршество призванъ и благословихомся и цѣловахомъ въ руку, и бесѣдова съ нами, понеже бо велими любитъ Русь. О великое чудо! колѣно смиренія бысть ему, иже бесѣдова съ странники ны грѣшніи; не нашъ бо обычай ижебѣтъ.

И ту близъ трепеза каменна: св. Авраамъ, ему же Богъ въ Троицѣ явился подъ дубомъ Мамврійскимъ. Мы же грѣшніи видѣхомъ той дубъ Мамврійскій, егда быхомъ въ Іерусалимъ и окрестъ его, а листвіе зеленые уродилися у дуба того и стоятъ и зимѣ и лѣтѣ, глаголютъ бо, яко будутъ стоять до скончанія вѣка, огороженъ камнемъ высоко, и Срацины стерегутъ его. Ту же одръ лежитъ желѣзныи, на немъ же св. мученикъ мучили, на огнь поставивши; у тогожъ одра множество людей приходятъ и приемлютъ изцѣленіе, и мы грѣшніи цѣловахомъ его. И ту стоятъ столпове отъ камня багряна, красны велими, прострїе аспиду подобно, видѣти челоуѣку лица своего образъ, аки въ зеркало, отъ великаго Рима привезены бо суть. Имать же св. Софія множество кладязей съ сладкими водами, опрїчь тѣхъ, иже въ стѣнахъ церковныхъ и промежъ стѣнъ, и не познати ихъ равно съ дномъ, рекше: помостомъ церковнымъ. Надъ тѣми бо кладязи вбиты суть кольца желѣзныя во мраморъ,

а мраморъ ся зоветъ камень гладокъ. Тако жъ и кандиль развѣшено многое множество несчетно въ св. Софїи: иная жъ въ предѣлахъ и каморахъ, а иныя въ стѣнахъ и промежъ стѣнъ, и въ улицахъ церковныхъ, идѣ же иконы великія стоятъ, и ту кандилья съ масломъ деревяннымъ горятъ, и ту мы грѣшніи приходимъ со слезами и съ радостію, по силѣ свѣщи подавакомъ, тако жъ и у мощей святыхъ...

Идучи жъ отъ св. Софїи мимо столповъ Юстиніановыхъ, и мимо малыхъ трехъ и мимо св. Теодора, на гору поидти великою улицю, *Царевымъ путемъ*, прошедъ недалѣчь добраго перестрѣла, ту стоитъ столпъ правовѣрнаго царя Константина, отъ багряна камня створенъ отъ Рима привезенъ; на верху его вдѣланъ крестъ; въ томъ же столпѣ лежатъ 12 кошъ округъ; тужъ и сѣкира Ноева лежитъ; ту патріархъ гѣто провозжааетъ. И оттолѣ идомъ назадъ къ св. Софїи. Ту бо близъ двѣ церкви великія стоятъ: Ирина великая церковь, а оттолѣ недалече св. Богородицы монастырь женскій: ту лежитъ св. Евдокія. И оттуду на подолъ къ морю идучи, есть холмъ св. великомуч. Георгія, рекше: *непобѣдимая сила*; ту стоятъ Страсти господни, замчены и запечатаны церковною печатію. На страстной недѣлѣ царь самъ съ патріархомъ отпечатываютъ и цѣлуютъ, а потомъ невозможно видѣть никому же. Ту лежитъ тѣло св. Анны, и цѣловакомъ грѣшніи, и ту за стѣною, надъ моремъ, явися Христосъ самъ, и ту церковь наречуть: *Христосъ*. Стоять многесто болящихъ, и отъ всѣхъ гредовъ привозятъ—и приемятъ изцѣленія: и ту лежитъ св. Аверній, и цѣловакомъ тѣло его. То бо все мѣсто подобно есть Соломоновой купѣли, ижъ въ Іерусалимѣ. И оттолѣ идомъ въ монастырь Панагранъ: ту лежитъ глава св. Васліа. И оттолѣ недалече мона-

стырь Панагнасий: ту бо лежатъ замчены Страсти господни на двое раздѣлены. И оттолѣ идомъ во вторникъ къ св. Богородицѣ поклонитися выходней икопѣ; ту бо икону евангелистъ Лука наикса, понарови самую госпожу дѣву Богородицу, еще сущей живу; ту бо икону во всахъ вторникъ выносятъ. Чудно вельми зрѣти, како сходится народъ а людѣ изъ многихъ городовъ! Икона жъ та велика вельми, окована гораздо, и пѣвцы предъ нею поють красно, а народи вси зовуть: *Дивріе елейсонъ!* съ плачемъ. Единому человеку на плеча вставятъ руку, а онъ руцѣ распростретъ, аки распятъ, также и очи ему запровержутъ, видѣти грѣша, по ходбицу мечеть его семо и овамо, вельми сильно повертываетъ ижъ, а онъ не помнится, куда его икона носить. Потомъ 2-й подходитъ, и той также, также 3-й и 4-й подхватываютъ, и тѣмъ вси тако жъ. А они поють пѣніе съ дѣлнн великое, и народъ зоветь: *Господи помилуй!* съ плачемъ. Два діакона держатъ репиды, а иныи кивотъ предъ иконою. Дивное видѣніе! 3 человека вставятъ на плеча единому человеку, а онъ аки простъ ходитъ, изволеніемъ божиимъ...

Та жъ идомъ къ Теодору въ Студійскій монастырь. Много бо суть видѣномъ въ Царѣградѣ видѣнія, еже не мочно всего написать. Толико бо Богъ прославилъ св. мѣста, еже не мочно разстатися. Въ монастырь Студійскомъ быкомъ и цѣловакомъ тѣло св. Саввы. И церковь та велика вельми, и высоко палатомъ сведена; икона въ ней аки солнце сіяеть, вельми украшена златомъ, много дивитися, аки жемчугомъ изсажена, и писцу тако не мочно вписать... Тако жъ и трапеза устроена, идѣ же братія ѣдятъ, вельми чудно, паче всѣхъ монастырей, а стоятъ на краю, близъ Златыхъ вратъ. Ту лежитъ Теодоръ Студійскій. Изъ того бо монастыря въ Русь

посылали много книгъ: уставъ, тріоди и мнѣя книги...

И на утріе въ пятокъ, идохомъ съ други мѣми по св. монастырямъ и обрѣтохомъ на пути Ивана и Добрилу, своихъ Новгородцевъ, и возрадовахомся зѣло, ижъ нѣколи бѣ мочно было свидѣтися, за не бо безъ вѣсти пропали, и нынѣ живутъ тутю, списаючи въ монастырѣ Студійскомъ отъ книгъ св. писанія, за не бо искусни зѣло книжному списанію. И идохомъ съ ними къ св. Ивану Дамаскиму, въ монастырь женскій. А оттогѣ идохомъ въ монастырь Ивана Предтеча, зовутъ: Ивана Бога богатыхъ; и та церковь вельми удивлена мусією, и ту цѣловахомъ руку св. Іоанна Ктитора, иже устрои церковь, иконы окова златомъ и съ драгимъ каменіемъ и жемчугомъ. И глаголютъ бо нѣщны, что та рука Ивана Предтеча; но нѣсть тако, не Предтечева рука, ижъ у прекрасной Богородицѣ, близъ Студійскаго монастыря, та есть рука св. Ивана Предтеча правая, а лѣвая на Іорданѣ...

Сподоби ны Богъ видѣти вся въ добрѣ, еже ся надѣяхомъ, а въ Царьградѣ бо аки въ дуброву вшити, и безъ добра вожа (*вожака*) не возможно ходити, а скупо или убого не можетъ видѣти, ни цѣловати единого святаго, развѣ на праздникъ котораго святаго будетъ и тогда видѣти и цѣловати.

(Сказ. рус. народа, Сахарова II, 8. стр. 51—55).

б) Хожденіе въ Царьградъ дьяка Александра 1395.

При патріарси Антоніи, при цари Манулѣ, се азъ дьякъ Александръ приходихомъ куплею въ Царьградъ и придохомъ поклонитися въ св. Софїю. Величество ея или красоту не мочно исповѣдати: входя въ великія двери, на правой сторонѣ

стоитъ икона св. Богородицы, что гласъ отъ нея изшелъ Марія Египетской въ Іерусалимѣ, а великія двери отъ Ноева ковчега, на лѣвой сторонѣ преобразилъ Спасъ на мраморѣ; внутрь церкви трапеза Авраамля, на ней же явился Спасъ въ Троици Аврааму подъ дубомъ Мамврѣйскимъ; близъ того одръ желѣзень, на немъ же жьгли св. мученикъ, мощи св. патріарха Арсеонія; во алтарѣ есть камень, на немъ же съдѣлъ Спасъ, бесѣдуя женѣ Самаряныни при кладязѣ Іаковлѣ. А въ монастырь въ *Маньянѣ* Страсти спасовы вси и багряница, кровь, копье, трость, губа, и отъ браны св. мощей множество въ томъ монастыри. Назадн того монастыря церковь св. Спасъ: мощи св. Аверкія и вода цѣлебная тутю есть. Близъ того монастырь женскій: ту глава св. Василья Кесарійскаго. Въ *Одигитри* икона св. Богородицы: выходитъ въ всякой вторникъ и творятъ чюдеса, и кто съ вѣрою приходитъ, здравіе получаетъ, писаль же сію икону Лука евангелистъ; нѣкогда бысть иконобореніе, и съхраниша сію икону въ *Пантократори* монастыри въ стѣнѣ, зажегше кандило предъ нею, и тоже кандило 60 лѣтъ не угасло предъ нею. Въ Апостольской церкви отъ мощей св. апостола, во алтари зазданы мощи св. великаго Спиридона, мощи св. Полуекта, гробъ св. Іоанна Златоустаго, гробъ Костантина царя и матере его Елены, столпъ есть мраморянъ, у него же привязанъ былъ Спасъ, коли мучили его Жидова; тутю есть камень, у него же плакалъ Петръ апостолъ о отверженіи Господни и алекторъ (*куръ*) его възгласилъ. А въ *Пантократори* монастыри: доска Спасова, на ней же несли его къ гробу, корчага во олтари, что воду въ вино претворилъ Спасъ въ Канахъ Галилейскихъ, глава св. Флора и Лавра, глава св. Іанова Перьскаго, близъ того Феодосья дѣвица въ тѣлѣ. Въ *Панмакаристѣ* въ монастырѣ: глава св. Игнатія Богоносца. Въ *Подромѣ* въ монастыри,

иже именуется «Богомъ богатый»: отъ мощей св. Іоанна Предтечи, леонтей Славовъ, кровь, рука св. Іоанна Постника, глава св. Внифантія, отъ мощей св. Пантелеймона; у сего монастыря нѣсть ни сель, ни виноградовъ, но милостію божіею всѣхъ монастырей богатѣе. Близъ того монастырь женьскій св. *Никола*: и отъ мощей тутю есть, въ хорѣ мощи св. Мухаяла Сигела (*Синкелла*). Въ *Лазернѣ*: риза св. Богородици и отъ пояса ея; нѣкогда бысть иконобореніе въ Цариградѣ, приидоша и по суху и по морю, Сергій же патриархъ омочи въ морѣ сію ризу св. Богородици и море жекигѣ, и ратни побѣгоша; ту есть икона св. Богородици, юже видѣ св. Андрѣй на всадусѣ за мѣръ моляшуся. Близъ того монастырь св. *Козмы* и *Дамьяна*: и отъ мощей главъ ихъ обѣ. Въ монастыри св. пророка Данила: пророкъ Данилъ въ гробѣ, св. великій Никита въ гробѣ, Романъ пѣвецъ въ гробѣ. Въ *Пеловрентѣ* монастыри: рука правая св. І. Крестителя господня, глава великаго Григорья, отъ мощій Семіона Богопринца, и отъ мощей 10 мученикъ, и иныхъ св. мощей много, есть икона св. Богородици, что покололъ Жидовинъ въ пахматной игрѣ, и изопла кровь и нынѣ знати кровь. Въ *Студіи* въ монастыри Θεодора: муро св. вел. муч. Дмитрія, и отъ мощей святыхъ много. Въ монастыри *Царициномъ*, иже именуется *Курь-марта*: отъ мощей св. Іоанна милостиваго, Марія Клеопова апостолова сестра, св. Орина, Θεодосья мученица, что рогомъ козлинымъ заклали ю въ св. Софьи. Близъ Костянтинова двора царева есть монастырь св. *Сергія* и *Вакла*: отъ мощей ею обѣ главъ; близъ того игрища идѣже ядъ змиинъ запечатанъ въ трехъ жѣдяныхъ змиихъ, и иныхъ дивесъ (*чудесъ*) много тутю сѣтворено Авомъ Премудрымъ царемъ. Въ монастыри св. *Лазаря*: Лазарь святой и сестрѣ его обѣ, Марѣа и Марія зазданы во олтарѣ. Сія

же св. монастыри или св. мощи, или чудотворенія, ово видяхомъ, иная же не видяхомъ, не мощно бо есть исходити св. монастырей, или св. мощей, или писати, тысяща тысящами; и нынѣ есть св. мощей или чудотвореніе много—не мощно бо исповѣдати.

(П. С. Лѣт. IV, 357—358).

При чтеніи путешествій, обратитъ вниманіе, какъ Византія дѣствовала на русскихъ путешественниковъ чудесами своей снѣтныи и искусства.

78. Посланіе о раѣ ок. 1347.

Василіе, милостію божіею архіепископу Новгороду, священному епископу Θεодору тетрскому, еже о Господѣ брату, благодать и миръ отъ Бога Отца вседержителя твоему священству и всему священному събору, игуменомъ, іереомъ и дѣтемъ твоимъ. Понеже увѣда спиревіе наше и св. съборъ священныи, игумены, іерен, что ся учинило у васъ во Тѣтри промежи вами, въ тѣхъ людехъ божіихъ, поспѣшеніемъ и по совѣту диволу и лхихъ людей, якоже бо слышахомъ распрю, бывшую въ васъ о ономъ честномъ раю: и пребыхъ много днѣй во възисканіи исправленія божественаго закона, тѣмъ еже изискахъ и се шшю къ тебѣ, понеже, брате, по божію повелѣнію, должны есмы другъ другу покаянія творити о исправленныхъ намъ божественныхъ писаній, отъ св. апостола, и великихъ святитель, якоже бо тѣ св. апостоли беспрестанн посланія творяху другъ ко другу, такоже и намъ подобно есть; въ нихъ бо мѣсто поставлены есмы, кто во что позванъ, тотъ въ томъ да пребываетъ. Слышахъ, брате, что повѣстуети: «рай погыблъ, въ немъ же былъ Адамъ;» ино, брате, о того есмя погыбелн не слыхали, ни въ писаніи кдѣ обрѣли о томъ св. раю, но вси вѣдаемъ отъ св. писанія, что насади Богъ

рай на вѣстоцѣ въ Едемѣ, и въведе в оныя человека и заповѣда ему, рекъ: «аще соблюдеши слово мое, живѣ будещи; аще ли преступиши, смертию да умрещи и въ ту же землю выидеши, отъ нея же взятъ еси.» Онъ же преступи заповѣдь божию и изгнани бысть изъ рай, и плачася горько вошия: о рай пресвятый, иже мене ради насажденъ и Евгы ради затворенъ! помози тебе створшаго и мене создавшаго, да некли твоихъ цвѣтцъ насыщюся (1).

Тѣмъ къ нему Спасъ глаголя: моего созданія не хоцю погубити, но хоцю спасти и въ разумъ истинный привести; обѣща ему паки внити въ рай. Въ пареміи (2) же имѣются 4 рѣкы идуть изъ рай: Тигръ, Нилъ, Фисонъ, Евфратъ со восточа, Нилъ же подъ Египтомъ, доходятъ на немъ *силлолои*(?), течеть же съ высокихъ горъ, иже суть отъ земля и до небеси, а мѣсто непроходимо есть человекомъ, а верху его Раамане (3) живутъ. А се, брате въ прилозѣ (*пролозъ*) вѣтъмъ явѣ есть, въ чудесехъ св. архангела Михаила, что возма праведнаго Еноха въ рай посадилъ честитѣмъ; а се Илья св. въ рай же съидеть, находилъ его и Агапій св. и часть хлѣба взялъ; а св. Макарій за 20 поприщъ жилъ отъ св. рай; а Ефросимъ св. былъ въ рай и 3 яблока принеслъ изъ рай и далъ игумену своему Василію, отъ нихъ же исцѣленія многа быша. И нынѣ, брате, мнитъ ся ти мысленный, но все мыслено мнитъ ся видѣніемъ; а еже рече Христосъ въ евангелии о второмъ пришествіи, и то ли мы-

(1) Это мѣсто есть въ духовномъ стихѣ: «О рай, мой рай, прекрасный мой рай» (Сборн. Кн. рѣсв. въ Чт. общ. вѣст. № XIII), и взято изъ апокрифа: «Плачь Адама.»

(2) *Пареміи*—выбранныя мѣста ветхаго завета для богослужебнаго чтенія.

(3) *Браамны, брааманы*—Индійцы, которые считались счастливыми изъ смертныхъ.

слено скажете? Сущимъ одесную себе рече: «приидите благословеніи Отца моего, наследуйте уготованное вамъ царствіе прежде сложенія міру;» и сущимъ опшюю себе рече: «отгидѣте отъ мене проклятій въ огонь вѣчный, уготованный діаволу и ангеломъ его;» не вамъ бо, рече, уготовахъ муки, но діаволу и ангеломъ его. Отъ двю мѣсту I. Златоустъ рече: «насади Богъ рай на вѣстоцѣ, а на западѣ муки уготова; якоже бо въ царевѣ дворѣ утѣха и веселіе, а внѣ двора темница.» А се священномуч. Патрехъ глаголетъ: «двѣ мѣстѣ уготова, едино исполнено благихъ, а другое тмы и огня исполнено.» То же, брате, не речено Богомъ видѣти св. рай человекомъ, а муки и нынѣ суть на западѣ; много дѣтей моихъ Новогородцевъ видоки (*свидѣтели*) тому: на дышущемъ морѣ червь неусыпающій, скрежетъ зубный и рѣка молнивая *Моръ*, и что вода въходить въ прешподная и паки исходить трижда днемъ. И та вся мѣста мучимая не погибоша, а мѣсто се святое како погibe, повѣжь ми, брате, въ немъ же есть пречистая Богородица и множество святыхъ, еже по воскресеніи господни явишася многимъ въ Іерусалимѣ и паки видоша въ рай? Речено бо имъ есть: уже пламенное оружіе не хранитъ вратъ Едемскихъ; приде бо Спасъ мой, вошия вѣрнымъ: видете паки въ рай. А се, брате, въ Блаженнѣ молвить: сиѣди ради древняя изведе изъ рай врагъ Адама, крестошъ же разбойника Христосъ в оныя введе. Егда же приближися преставленіе владычица наша Богородица, ангелъ правіе (*масличную*?) принесе вѣтвь изъ рай, явля гдѣ ей быти; а еже рай мысленный есть, то почто принесе вѣтвь сію ангелъ, а не мыслену есть? Апостоли видѣша, множество и невѣрныхъ Жидовъ вѣтвь ту видѣша. Ни едино же, брате, дѣло божіе тлѣнно есть; но вся дѣла божія нетлѣнна суть. Самовидецъ еси сему, брате, егда Христосъ идый въ Іерусалимѣ

на страсть волную, и затвори своими руками врата градная, и до сего дни неотворими суть; а егда постися Христосъ надъ Ерданомъ, своими очима видѣлъ есмь постыицю его, и сто Феникъ Христосъ посади, недвижими суть и доныиѣ, не погибли, ни погнили. Или, брате, имешь себѣ мыслити, аще насади Богъ на вѣстоцѣ рай, почто обрѣтесе въ Иерусалимѣ тѣло Адамле? то не вѣси ли, брате, службу ангельскую, коль скоро свершаютъ, безъ наносимыхъ рѣчей служить Богу, въ мгновениіа ока землю прерищаютъ и небеса прѣходятъ? мощно бо есть Богови единѣмъ словомъ Адама изъ рая въ Ерусалимѣ поставити, и херувиму повелѣи хранити врата Едемская, и по воскресеніи своемъ повелѣи Адаму въ рай вниити и множество святыхъ съ нимъ, слово и дѣло есть въскорѣ. А то мѣсто св. рая находилъ Моиславъ Новгородець и сынъ его Яковъ, и всѣхъ было ихъ 3 юмы (*судна*), и одна отъ нихъ погубла много блудивъ, а 2 ихъ потомъ долго носла море вѣгромъ, и принесло ихъ къ высокимъ горамъ. И видѣша на горѣ той написанъ Деисусъ лазоремъ чуднымъ и велии издввленъ паче мѣры, яко не человѣчьскыма руками творенъ, но божіею благодатию; и свѣтъ бысть въ мѣстѣ томъ самосіянень, яко не мощи человѣку исповѣдати: и пребыша долго время на мѣстѣ томъ, а солнца не видѣша, но свѣтъ бысть многочастный, свѣтлуяся паче солнца: а на горахъ тѣхъ ликованія многа слышахуть, и веселія гласы вѣщающа. И повелѣша одному другу своему взити по шеглѣ (*ломачиль*) на гору ту, видѣти свѣтъ и ликованія гласы; и бысть яко взиде на гору ту, и абіе всплеснувъ руками и застѣся, и побѣже отъ друзей своихъ къ сущему гласу. Они же велии удивлешеся, и другаго послаша, запретивъ ему, да обратився скажетъ имъ, что есть бывшее на горѣ; и той также створи, низажа възвратися къ своимъ, но съ вели-

кою радостию побѣже отъ нихъ. Они же страха наполнишася, и начаша размыслити къ себѣ, глаголюще: «аще ли и смерть случится, но видѣли бѣхомъ свѣтасть мѣста сего» — и послаша третіаго на гору, привязавъ ужищемъ (*сережкою*) за ногу его; также и той створи хотѣ, всплескавъ радостно и побѣже, въ радости забывъ ужища на ногахъ своей, ои же сдернула его ужищемъ, и въ томъ часѣ обрѣтесе мертвъ. Они же побѣгоша вснати: не дано есть имъ далѣ того видѣти свѣтлости тѣя неизреченныя, и веселія и ликованія тамо слышащаго; а тѣхъ, брате, мужей и нынѣча дѣти и внучата добры здорови. А что, брате, молвишь рай мысленъ, ино, брате, такъ то и есть, мысленный и будетъ, а сажень (*насажденный*) не погублъ и нынѣ есть, а на немъ свѣтъ самосіянень, а твердъ зашта есть до горъ тѣхъ раевыхъ; а мысленный рай то есть, брате, егда вся земля искушена огнемъ будетъ, по апостольску словеси: чаемъ небесъ новыхъ и земли новые, егда истинный свѣтъ Христосъ снидеть на землю. Размысли себѣ, брате, коль свѣтелъ свѣтъ именуется въ Бытіи запятый твердію, паче же много двинѣе и свѣтлѣе свѣтъ — Христосъ истинный есть, а съ нимъ 9 чиновъ свѣти суть служить ему: 1, чинъ Ангели, 2, Архангели, 3, Начала, 4, Власти, 5, Силы, 6, Престоли, 7, Господства, 8, Херувими многоочитія, 9, Серафими шестокрилати. Егда Господь нашъ явится въ свѣтлости божества своего на земли и силы небесныя двинутся, ангелы престануть отъ дѣлъ своихъ, и явятъ свѣтлость свою створеную отъ Бога; то есть, брате, мысленный рай, егда вся земля просвѣщена будетъ свѣтомъ неизреченнымъ, исполнена радости и веселія, якоже апостоль Павелъ глаголетъ, егда вслшщенъ бысть до третіаго небеса: «око не видѣ, ни ухо не слыша, ни на сердце человеку не взиде, оже уготова Богъ любящимъ

его. • О семъ раю мысленомъ Христосъ рече: «суть етери (*нѣкоторыя*) отъ адѣ стоящихъ, иже не имуть вкусити смерти, дондеже узрятъ царствіе божіе пришедшее въ свѣтъ. • То суть, брата, видѣвше царствіе божіе Моисій и Илія, Петръ и Яковъ и Іоанъ на Фаворьстѣи горѣ. Якоже видѣвше ученици его, ударивша собою о перстную землю, не могуще видѣти свѣтлости божества его; не възможно бо его, брата, ни святымъ видѣти, мысленаго рая, въ плоти суще, того ради си святіи видѣвше не могла стояти, ницѣ на землю падоша.

(Ш. С. *Лѣт. VI, 87—89*).

См. также *Степен. книги I, 480—484*. Владика Василій, очевидно, воспользовался апокрифомъ «О трехъ книгахъ, како находили Макарія у рая» (*Пам. старин. литер. 3, 137—139. Пам. отреч. рус. литер. Тихомирова 1863 г. II, 59*); также имѣлъ онъ подъ руками отреченное «Слово объ Адамѣ».

79. Пороченъ докинулъ книгъ XIV в.

Яко ни мирскихъ составленныхъ псалмовъ глаголетъ церкви, ни не исправленныхъ книгъ чтеть, но токмо исправлены новаго и ветхаго завета, а иже кто лже-написаныя и несправленыя книги полагаетъ въ церкви, акы святы, да извержется, а книги да сожгутся.

Неисправленыя же книги се суть имена имъ: Адамъ. Енохъ. Ламехъ. Патриарси. Молитва Иосифова. Псалми Соломоу. Пѣсни Давидови. Обавления Илиина. Обавления Софонина. Обавления Петроу. Обиходи апостольстия. Варнаме послание. Въпроси Іоанна Осолога, еже въпраша Аврама праотца на горѣ Елеонстѣи. Того же въпроси къ Господу: слыши, праведный Іоанне, еже есть баснемъ законъ. Въпроси Варсоломеевы къ Богородици: до-

жная писания. Еуангеліе отъ Варнавы. Еуангеліе отъ Фомы: еретичи списали. Видѣние Павла апостола, еже епископьюю именууютъ. Паралипомена Иеремѣина о плененнхъ, что орла слали въ Вавилонъ съ грамотою къ Іеремѣи. Житие апостола Петра, что рыбы по суку ходили. Дѣяство Христово, что Господа отрочатемъ продавалъ: еретикъ писалъ. Два на 10 яковича, глаголемая дѣястица. Іосифтоу о недѣли. По мукамъ хоженіе Богородици. Имена аггеломъ. Прѣвше діаволе съ Христомъ. Недугъ естественный, его же трясавицами именууютъ, яко же баеть Еремия попь болгарский; глаголетъ бо оканныи сице: яко сѣдѣшу св. отцю Сисѣвню на горѣ Синаистѣи и ангела Сихаила именууетъ, еже на соблазнѣ мнозиѣмъ, и семь трясавиць Иродовы дщери басньствоваше злыи, иже ни еуангелісти и ни единъ же отъ св. седми (*соборъ?*) именоваше. Но едина испрошшия главу Предтечеву устѣци, о ней же явѣ есть, яко Филипова дщи (*дочь*) бѣ, а не Иродова; великий же Сисѣвний патриархъ Костянтиня града въ своихъ ему словесѣхъ глаголаше сице: не мните мя оного Сисѣвня лживаго, его же написа Иеремя попь, неразумнымъ на соблазнѣ. О древѣ крѣстнѣмъ—извѣщеніе св. Троицы, и о Господѣ нашемъ І. Христѣ, како в попы ставленъ: тоже Иеремя что си изолга. О Соломоніи царіи и о китоврасѣ басни и кошуны. О службѣ таниъ Христовъ, что опоздять обѣдню, рекии врата затворятся, и о семъ попа кленуть: еретикъ писалъ (1).

Суть же и мученическая словеса криво складена, не тако, якоже о нихъ истина де-

(1) Въ словѣ Еерема (*Пам. Сборн. XIV в.*) къ числу отреченныхъ книгъ отнесены: остроносія, звѣздочета, сонникъ, волховникъ, птичій чаровъ, землѣнѣрье, чаровѣрье, стѣнекъ знаменье, лунное и солнечная, яко 3 бывають солнца, зеленіи, колданикъ, грошникъ, благоуханья вода и т. п.

жить, яко се Георгиево мучение, решше отъ Дадияна мучень бысть. Никитино мучение вменующишъ его, яко царевъ сынъ, еже не бысть тако. Еупатрово мучение. Климента знгврьскаго и инѣхъ мнозѣхъ.

Суть же ложная писанія, яко се худыи ся номоканонци, у поповъ, по молитвенникомъ и лживымъ молитвы, еже о трясаивцахъ. Еретичи быша, исказали предания св. апостола, пишуче на соблазнь грубымъ ложная словеса. Полн сборъ обыскалъ и нищистилъ и проклялъ.

(Литон. занятій Археогр. Ком. 1861. I, 25—7).

Подобный список ложныхъ книгъ находится въ Изборникъ Святослава 1073 г. и буквально переведенъ съ греческаго языка. Представленный здѣсь списокъ, который относить къ XIV в., сходенъ съ индексомъ, приписываемымъ патріарху константиноп. Никѳору.

Ложныя или отреченныя книги представляютъ одно изъ важнѣйшихъ явленій старейшей русской письменности, отъ которой отцѣпки котораго зависятъ рѣшеніе многихъ существенныхъ вопросовъ въ исторіи внутренняго развитія русскаго народа. Давно указанныя и запрещаемыя духовными учителями, они держались однако въ народѣ и вліяніе ихъ начинается съ первыхъ памятниковъ нашей литературы и отъ перваго знакомства съ Византіей. Въ тотъ средній періодъ древней Руси, въ которомъ до сихъ поръ остается столько темнаго для исторіи, обширный циклъ этой литературы является уже въ полномъ развитіи, — и его дѣйствіе на массу было такъ глубоко, что даже и теперь есть иногда полная возможность услѣдить послѣдніе отпрыски древняго апокрифа или въ современномъ преданіи и суевѣрїи народа, или въ рукописныхъ тетрадкахъ раскольниковъ. Главное содержаніе апокрифовъ вращалось на ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ личностяхъ и событіяхъ, къ которымъ сведена была вся подпочва, занимавшая стариннаго простаго человека. Большая часть этихъ преданій явилась въ первый разъ на Востокъ и въ Византію, и тамъ еще получили политическій народный откликъ, — сначала незамѣченный и проникавшій даже въ оффиціальныя произведенія церковныхъ отцовъ, но наконецъ развившійся до чисто фанта-

стическаго характера, который и былъ потомъ причиною ихъ запрещенія. Апокрифы сравнились съ суевѣрїемъ, даже съ еретическими: въ апокрифы видѣли чуть не старинное «волшебствіе»; его стали считать дьявольскимъ писаніемъ, и въ разрядъ апокрифа и въ самомъ дѣлѣ начали причислять волшебныя и гадательныя книги, астрологію и т. д. Этотъ взглядъ перешелъ и въ понятія нашихъ старинныхъ благодѣтелей и цензоровъ народной вѣры; но нашимъ памятникамъ, ложная книга была «сторыма идолаверіемъ»... Не смотря на то, этия книги, «насытныи отъ бгса на пазубу душамъ», — представляли огромный уступъ въ нашей старой письменности. Апокрифы политически дополняли догматическую литературу; легко дѣйствуя своимъ сказочнымъ характеромъ на неразвитое воображеніе, они крепко засѣли въ понятіяхъ народа, мѣшались иногда съ старыми повѣрїями времени язычества и породили сами цѣлую массу новыхъ народныхъ легендъ и суевѣрїи. Старинный читатель находилъ въ нихъ отвѣты на пытливые запросы младенческой мысли — о твореніи міра, о судьбѣ человека, о будущей жизни, о природѣ и повседневной дѣятельности человека; апокрифы какъ нельзя лучше подходили къ народнымъ представленіямъ, въ которыхъ фантастическое и волшебное мѣшалось съ самымъ наивнымъ и матеріальнымъ подробностями и образами. Черезъ посредство «ложныхъ книгъ» до сихъ поръ можно объяснять этимъ литературнымъ путемъ многое изъ современныхъ понятій и суевѣрїи народа. Русская древность опредѣлила объемъ этой литературы въ подробномъ указателѣ, известномъ подъ именемъ статьи: О книгахъ истинныхъ и ложныхъ...

Вмѣстѣ съ первыми памятниками византійской литературы являются и списки книгъ истинныхъ — каноническихъ, и ложныхъ, т. е. апокрифическихъ писаній. Тамъ, они находятъ уже въ Святославовомъ сборникѣ (1073 г.)⁽¹⁾, пришедшемъ къ намъ черезъ Болгаръ изъ византійскаго источника. Но индексы византійскіе не были похожи на позднюю статью «О книгахъ истинныхъ и ложныхъ»: одни были явно чуждые, въ нихъ было только самое короткое обозначеніе древне-христіанскихъ каноническихъ книгъ и апокрифовъ; въ другой, кроме длиннаго перечисленія ихъ, мы находимъ и еще множество другихъ книгъ, легендъ, даже суевѣрїи и народныхъ преданій, — что было явно приращено къ русскимъ правамъ и къ содержанію рус-

(1) Статьи о ложныхъ книгахъ встрѣчаются въ коричнѣ XIII и XIV в. въ молитвенникѣ и. Кипріяна до 1406 г.

ской письменности. Статья о ложных книгах была таким образом уже чисто русским произведением: она была адресована къ русскому православному читателю и направлена против русских ложных книг и народных суевѣрій.

80. Имена ангеловъ.

А се имена аггельска, иже обладаютъ и виноградъ и градинами:

1, Име ему *Полутось*: напиши ему на кресте и постави по средѣ виноградъ, или нивъ, или градине (*въ огородъ*),—и проженеть въсакого дѣвола отътуду; св. Духъ умножить въ дому твоему жита и вина и вса блага въ обители.

2, Аггель *Ефимъ*, иже дозови обладаетъ въсакому христіанину, и пиши име ему на кресте и поставы въ дому твоему, и проженеть отъ дому того въсакого дѣвола,—и не прикоснетъсе николиже.

3, Аггель надъ водами, имаи его въ память и помоли его съхранити тебѣ отъ потопа воднаго.

4, Аггель *Михаиль*: егда спиши и пробудашесе, имей его въ память и помолвесе ему..... (*конца не достаетъ*).

(Памяти. отречен. р. литер. Тихонравова. II, 345. Изъ сербской рук. XV в.)

81. Словазіе, како сотвори Богъ Адама.

.....Создати въ земли Мадіамстей чловѣка, вземъ земли горсть ото осьми частей: 1) отъ земли—тѣло, 2) отъ каменн.—кости, 3) отъ моря—кровь, 4) отъ солнца—очи, 5) отъ облака—мысли, 6) отъ свѣта—свѣтъ, 7) отъ вѣтра—дыханіе, 8) отъ огня—оттепла. И поиде Господь Богъ очи имати отъ солнца, и оста-

ви Адама единого лежаща на земли; прииде же окаянный сотона ко Адаму и намаза его каломъ и тиною и возгряни (*сеплями*). И прииде Господь ко Адаму и восхотѣ очи вложити во Адама, и виде его мужа измазанна, и разгнѣвася Господь на дѣвола и нача глаголати: окаянне дѣволе, проклятый, не достогъ ли твоя погибель? Что ради чловѣку сему сотворишь еси пакость, намаза его? и проклять ты буди, —и дѣволъ исчезе, аки молнія, сквозь землю отъ лица господня. Господь же, снемъ съ него пакости сотонныи, и въ томъ сотвори Господь собаку, и смѣсиль сео Адамовыми слезами, и теслою ⁽¹⁾ очисти его аки зеркало отъ всѣхъ сквернъ, и постави собаку и повелѣ стрѣщи Адама, а самъ Господь отиде въ горній Іерусалимъ по дыханіе Адамлево. И прииде вторые сотона и восхотѣ на Адама напустити злую скверну, и видѣ собаку при ногахъ Адамлевыхъ лежаща, и убоася велими сотона. Собака начала зло лаяти на дѣвола, окаянный же сотона, вземъ древо, и истыка всего чловѣка Адама, и сотвори ему въ немъ 70 недуговъ. И прииде Ісусъ изъ горнево Іерусалима, и видѣ Адама древомъ исколото, и милосердова о немъ и рече сотонѣ: проклятый дѣволе, что сотворишь чловѣку сему, почто вложилъ недуги сія? —Тогда отвѣща дѣволъ, окаянный сотона Господу, глаголя: аще приидеть кая болѣзнь чловѣку сему, да не постигнетъ, до скончанія всего тебя не помянетъ; аще ль поболитъ, кой недугъ въ немъ постраждетъ, тогда всегда тебя иматъ на помощь призывати въ недузехъ свѣхъ. И отгна Господь дѣвола, и наче дѣволъ, прогна (*мо*), аки тма свѣтомъ, и обороти вся недуги въ него ⁽²⁾.

⁽¹⁾ Скобелком, тесло — полукруглое долото, насаженное на рукоятку въ родѣ топора.

⁽²⁾ Т. е. всѣ недуги обращены были во внутри чловѣческаго тѣла, гдѣ они всегда скрываются.

И посла Господь ангела своего, повелѣтъ взяти *азѣ* на востоцѣ, *добро* на западѣ, *мыслете* на сѣверѣ и (ѣ) на юзѣ. И бысть человекъ въ душу живу, нарече имя ему *Адамъ*. А костей сотвори Богъ во *Адамѣ* 345, и бысть *Адамъ* царь всѣмъ землямъ и птицамъ небеснымъ и звѣремъ земнымъ и рыбамъ морскимъ и самовласть дасть ему Богъ. И рече Господь *Адаму*, глаголя: »тебѣ работаетъ солнце и луна и звѣзды, и птицы небесныя и рыбы морскія, и птицы и скоты и гады.—И насади Господь Богъ рай на востоцѣ и велѣтъ *Адаму* пребыти, а жена *Адаму* еще не сотворена бысть. И вложи Господи Богъ сонъ во *Адама*, и усне *Адамъ*, и взять его ребро лѣвое, и въ томъ ребрѣ протяже руцѣ и ногѣ и главу, и созда ему жену въ 6-й день, и показа ему Господь свою смерть и распятіе и воскресеніе, и провидѣтъ вознесеніе за полшесты (за 5½) тысящъ лѣтъ. И видѣтъ *Адамъ* Господа распята, а *Петра* въ Римѣ ходяща, а *Павла* въ Дамасцѣ учаща народъ и проповѣдующе твое (sic) воскресеніе, и вознесеніе Господь....

И воста *Адамъ* отъ сна своего и трепетенъ бысть во ужасѣ велицѣ о провидѣніи. И вожа (sic) Господь *Адама* въ рай ходяща и рече ему: »*Адаме*, *Адаме*, повѣжь ми.« *Адамъ* же убояся велии, не смѣя Богу повѣдати того видѣнія. И рече ему Господь Богъ: »*Адаме*, *Адаме*!« —*Адамъ* же рече ему: Господи владыко, тебе видѣхъ на крестѣ распята во *Иерусалимѣ*, а ученики твои видѣ(хъ) ходяща *Петра* въ Римѣ, а *Павла* въ Дамасцѣ, проповѣдующе твое распятіе и воскресеніе. —И рече ему Господь: »подобаетъ ми тебе ради снати на землю и распяту быти и въ 3-й день воскреснути; а ты же не повѣдай никомуже видѣнія сего, дондеже увидиши мя въ раю сѣдяща одесную Отца, и ты о томъ поскорби, *Адаме*.«

И бысть *Адамъ* въ рай 7 двій, прообразуя Господь Богъ житіе человеческое:

10 лѣтъ исполнися роженіе, 20 лѣтъ — юноша, 30 лѣтъ — свершеніе, 40 лѣтъ — средовѣчіе, 50 лѣтъ — сѣдина, 60 лѣтъ — старость, 70 лѣтъ — скончаніе.

И сотвори Господь Богъ всю тварь, море и рѣки и скоти своею хитростію, а та 7 дней противъ 7 тысящъ лѣтъ. И постави Господь Богъ двѣ свѣтила велицѣ на тверди небеснѣй — освѣтити землю и разлучи между днемъ и ноцію, да будетъ во знаменіи дне и лѣта, а будетъ просвѣщеніе на тверди небеснѣй: свѣтила великая въ начатокъ дни, второе свѣтило — въ начатокъ нощи. И звѣзды постави Господь Богъ на тверди небеснѣй, яко свѣтити по земли и обладати днемъ и ноцію и свѣтомъ. И бысть вечеръ и бысть утро — день четвертый.

Постави Господь Богъ планеты и облацы зарьныя и дуги на облацѣхъ, еже пуцати дожди и грози, и молнія человекомъ всея земли просвѣщати древа плодошата. И рече Господь Богъ: »изведу воды живыхъ во вѣки, птицъ перящеса по заводемъ (¹) на тверди небеснѣй (?).« И бысть, яко сотвори Господь Богъ 4 киты великія, изведе отъ нихъ всяку птицу и всякъ гадъ на земли; и иныя благослови ясти, и глаголя: »раститесь и умножитесь и наполните (землю) и обладайте ею.« А в 7 бо дне(й) обходятъ кругъ, а 7 лѣтъ за всю 7000 лѣтъ, и 8-й тысящи нѣсть конца, еже есть безконечный. Въ недѣлю (въ воскресеніе) воскресе Христосъ отъ мертвыхъ, и въ той же день Господь на облацѣхъ (придетъ) судити всему міру, иже не имать конца свѣта и воздастъ комуждо по дѣломъ его...

(Памят. старин. литер. III,
12—14.)

(¹) Заводы — тихія мѣста въ рѣкѣ, заводѣ.

82. Книжна молитва и заговоры.

1. Молитва апостола Павла, аще змиа уськиеть человека или скотину (1).

Воими сосудъ чистъ и влѣи воду чисту, молитву сію рекъ, напои болащаго и помажь мѣсто уяденное и исцѣлеть. Аще ли далече больной, напои повѣдавшаго ти и помажь мѣсто уяденное, и исцѣлеть врежденный.

Молитва. Во имя Отца и Сына и св. Духа. Се азъ Павелъ, преже нареченный Савлъ, бысть гонитель и каменіемъ вся сосуды св. Духа побивахъ, а нынѣ рабъ и аностаъ христовъ: плывущу ми по морю къ странамъ ливинскимъ и, ко острову потщавшеся, възпадоша вси изъ корабля, изыдохъ и азъ, еже собрати рождіа нѣкая. И скочивши отонуду, ехидна нѣкая обѣси ми ся на десной рудѣ. Азъ же, имѣя въ себѣ св. Духа, и отрясохъ ю на восходящій пламень, и сожжена бысть до конца, и ни единыя же покости пріяхъ отъ уськнове-нія ея, и въ сонъ преложихся. И явися во снѣ архангелъ Михаилъ и возгласи мя, глаголя: «Павле, рабе господень! возтани и приими книгу сію и обрященіи въ ней воображеніе написано не о единомъ страждущемъ, но о многихъ.» И возставъ, приимъ книгу, обрѣтохъ въ ней написано свце: «Заклинаю васъ 400 и 90 и 5 и половину родъ звѣрнѣ, ползающихъ по земли, во имя Господа нашего І. Христа, сотворившаго небо и землю, и въ престолъ его неподвижимый и во огненную рѣку, исходящую отъ подножія Господа нашего І. Христа и во множество св. ангелъ его, приимшихъ отъ него власть наступати на змию и на скорпію и на всю силу вражію, змию вредящую и василиска, и аспіда, и змию облаковидную, змию огне-видную, змию власяновидную, змию дубо-

(1) Печатается по списку XVII в., но оба находятся въ сербск. грѣбникѣ 1423 г.

востодную, змию врановидную, змию слѣпую, змию стрѣльную, змию черную, змию триглавную, змию, удающую жены, ехидну морскую, и мушью ядъ въ десной челюсти, еще же и скорпію, духовеніе дѣволе.» Идѣже преспееть апостола Павла преещеніе, еже проповѣдася, звѣри ради всяко всегда умретъ звѣрь, а врежденный исцѣлеть во славу божію. Аминь.

2. Молитва отъ всякое болѣзни нечестиваго духа и отъ главы (1).

Отче святы, всемоги, прѣвечни Боже, отърхни все болѣсти отъ чловѣка сего, отъ главы, отъ власи, отъ върха, отъ тѣмена, отъ очл, отъ уши, отъ вустъ, отъ езика, отъ подъезика, отъ грътани, отъ рудѣ, отъ прѣсти, отъ сраце, отъ жири, отъ телѣси всего, отъ всеохъ съставѣхъ чльновнихъ, отъ внутрь, отъ езу, отъ гласа, отъ юности, отъ всеакого тела раба божіа *имер.* въ имя Отца и Сына и св. Духа. Аминь.

3. Молитва родильницѣ. Аще коли жена дѣтятемъ болить, сію молитву напиши на бумазѣ, вели глаголати попу трижды надъ тою женою да вели облизати около главы ея (2).

«Господи благослови отче. Обрѣте Господь нашъ І. Христосъ надъ св. Іоаномъ Богословомъ и обрѣте жену *имрк* родящу и чревомъ болящую и не могущу родити ей, и рече Господь нашъ І. Христосъ св. Іоанну Богослову: иди, Іоанне, и рци ей во правое ухо: отъ Бога родимое и отъ Бога питаемо, выгиди младенецъ ко Христу,—Христосъ ты зоветъ, во имя Отца и

(1) Заимствована изъ сербской рукоп. XV в. Такая же заговорная молитва, только пространнѣе, находится въ Сборн. 1476 г.

(2) Эта молитва встрѣчается въ числѣ заговоровъ въ грѣбникѣхъ XVII в.

Сына и св. Духа всегда и нынѣ и присно и в вѣки вѣкомъ. Аминь.»

Глаголи и се тоужь: «Помяни Господи сыны Едомскія въ день Іерусалима глаголющая—истощайте, истощайте.»

4. Молитва св. священномуч. Антипы зубная. Положити поклонъ 12, Господи помилуй 40 и положити челоусть на камени, глаголи молитву сію:

«Радуйся, стѣно и кореніе ея, измій Господи болѣзнь отъ моихъ челюстей и зубовъ моихъ, да не обрушатся стѣною въ вѣкъ, Христе Боже, и даждь помощь, Христе, и здравіе исцѣленіе главѣ и челюстемъ рабу твоему *іжрк*, молитвами св. священ. Антипы и св. Богородица и св. безмездникъ Козмы и Даміана и всѣхъ святыхъ твоихъ, нынѣ и присно и в вѣки вѣкомъ. Аминь.»

Великому Антипѣ литургію створи и дай на службу по силѣ.

5. Молитва егда претси вода.

Обонъ полъ Іердана стоять трие аггели, мѣдна чрева имуще; единъ вяжетъ і единъ рѣшптъ, третій Бога молятъ, и сіе глаголетъ: святъ, святъ, трисвятый Господи, пусти проходъ, Онсонъ, Геонъ, Тигръ, Ефратъ, пусти проходъ да потечетъ вода, куды есть текла, во имя Отца и Сына и св. Духа, нынѣ и присно и в вѣки вѣкомъ. Аминь (1).

(Памяти. отреч. рус. литер. Тихонравова, II, 353—360).

83. Сербско-болгарскій рассказъ о сотвореніи міра.

Прежь земли бысть Господь Саваофъ—въ трехъ комарехъ на воздухѣхъ. И по-

(1) Подобная молитва есть въ сербскомъ требникѣ 1423 г. Последнія три молитвы взяты изъ рукоп. 1476.

мысли себѣ Господь Саваофъ, безначальный отецъ, и тако отригну отъ сердца и роди возлюбленнаго Сына божіа Господа нашего І. Христа, изъ устъ своихъ Духъ свой св. испусти о голубинѣ образѣ. И рече Господь: буди небо хрустальное на столпѣхъ желѣзныхъ, на 70 тьмахъ (1) тысящъ и будите озера и облаки и звѣзды и свѣтъ и вѣтръ, и луну изъ нѣдръ своихъ, раи на востоцѣ насади; вразъ—отъ лица господня, а громъ—гласъ господень въ колесницѣ огненнѣй утверждень, а молніе—слово господно изъ устъ божіихъ исходитъ, а солнце—отъ внутренія ризы господни, понеже Господь лицу своему. И рече Господь: буди тма столповъ на воздухѣхъ. И рече Господь: буди на земли море Тивиріадское, вода соленая. И сице Господь по воздуху на море Тивиріадское и узрѣ Господь плавающаго на томъ морѣ гоголя, и ста надъ нимъ Господь и рече ему, гоголе, ты кто еси? И рече: сатана азъ есмь. И рече Господь сатанѣ: понурися (*нырни*) въ море, и вынь землю и камень, и преломи надвое, изъ лѣвыя руки дасть сатанѣ половину камня, удари Господь железомъ на камень. И сотвори Богъ отъ искръ огненныхъ Михаила архангела и Гавріила—валетѣи ангели. Сатана жъ изъ камня (*сотвори*) ѡбсовскую безчисленную силу боговъ. И рече Господь: будите 33 кита на морѣ Тивиріадскомъ, и буди на тѣхъ китахъ земля.

(Изъ сборника М. Слѣпче, принадлежащаго В. И. Григоровичу. Ж. Мин. Н. Пр. 1863, кн. 3, IV. 91).

Подобныя повѣсти о сотвореніи міра доселѣ рассказываются въ простонароды какъ у насъ, такъ и у другихъ славянскихъ народовъ (*Лѣт. литер. Тихонр. III*).

(1) Тьма—значить счетъ: 10,000.

Б. ПАМЯТНИКИ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ.

84. Легенда о Пятнице.

Когда-то одна баба не почтила матушку Пятницу и начала прядево мыкать да вертеть. Пропрала она до обѣда, и вдругъ сонъ на нее нашель—такой могучій сонъ! Уснула она, вдругъ отворилась дверь и входитъ, выше, матушка Пятница въочью встѣтъ, въ бѣломъ шушунѣ, да сердитая така! и шмыгъ прямо къ бабѣ, що прыла-то. Набрала горсть кастрики съ пола, какал отлетала—то отъ мочекъ (прядей льна или пскома), и ну посыпать ей глаза, и ну посыпаты! посыпала да и была такова: поминай, какъ звали! Ничего и не молвила, сердешная. Та баба какъ проснулася, такъ и взыла благимъ матомъ отъ глазъ, и ни вѣдал, отъ чего они заболѣли. Другія бабы смдять въ ужасы и учали вопить: „Ухъ ты, окаянная! Заслужила казнь лютую отъ матушки Пятницы!“ — и сказали ей все що было. Та баба слушала—слушала и ну просить: „матушка Пятница! вмилуйся мнѣ, помилуй меня грѣшную: поставлю тебѣ свѣчку, и другу — недругу закажу обижать тебя, матушка!“ И що жъ ты думаешь? Ночью, амшь, опять приходила она и выбила изъ глазъ у той бабы кастрику-то, и она опять встала. Грѣхъ великій обижать матушку Пятницу—прядево мыкать да прядеть.

(Записана въ Липецк. у. Тамб. губер. сельс. учит. Елисеємъ Сабуровымъ. У Аванасьева стр. 47).

Почитаніе Пятницы ведетъ свое начало изъ старя: этотъ день посвящался богинѣ Венерѣ или Фрей, Прии. Какъ у Славянъ, такъ и у Русскихъ доселѣ передаются разсказы о св. Пятницѣ, хотя первоначальный смыслъ ихъ утратился. (См. Арх. истор.-юр. кн. 2, пол. 2, отд. IV, 42—43. I. Экзархъ Болгар. 210. Моск. Вѣдом. 1851, № 75. Прав. Собес. 1839, № 2, 188. См. также Легенды Аванасьева, стр. 144—150).

Суевѣрный взглядъ сталъ находить объясненіе старыхъ преданій въ христіанской исторіи; въ одномъ духовномъ стихѣ передается эта легенда такъ:

Молмса трудникъ во кустыни,
Не сладиль онъ ни руками, ни ногами,
Пришла Пятница Парасковія,
Трудника свячесо осветила,
Трудника крестомъ оградила,
Божьмъ рѣчи говорила:
Поди же, трудникъ, на Россюю,
Скажи трудникъ есеу міру,
Чтобы матернымъ словомъ не бранились;
Отъ матерна слова погибають;
Чтобы родители дѣтей не проклинали
И жидовьемъ дѣтей не называли:
Жида у Христа проклятые;
Чтобы мужнія жены честныя
Поимляли три дни въ недѣлю:
Пятницу и середу почитали,
Въ воскресный бы день не работали,
Чтобы въ середу зоды не зодили,
Чтобы на чистую воду не пуцали,
А въ пятницу пыли не пылили (!),
Что въ пятницу Жида Христа распинали,
Горькую кровь пропущали.

(Калмык, в. 6, стр. 164—165).

85. Легенда о Ное Праведномъ.

Въ древнее время былъ человекъ, имя ему Ной, праведенъ во всѣхъ человекѣхъ; люди же тогда жили въ великомъ согрѣшеніи. И вослѣтъ Господь скверну человекскихъ дѣлъ очистить и сотворить потопъ на землѣ. И послалъ къ нему, Ною Праведному, ангела своего, и повелѣлъ Ною сотворить ковчегъ. Ной же по ангелову благовѣстію созидалъ ковчегъ 13 мѣсцевъ, а женѣ своей не сказывалъ, куда ходитъ и что дѣлаетъ.... Дьяволъ сказалъ женѣ Ноевой: жено! повѣдай мнѣ, куда ходитъ Ной, мужъ твой?— Она же сказала ему: „крѣпокъ мой мужъ, не говорить мнѣ своей тайны.“ Дьяволъ же сказалъ ей: жено! послушай меня, есть трава по рѣкамъ, вѣется по деревьямъ; имя ей

(!) Чтобы не варили щелока и бѣлья не поло-
скали, чтобы ленъ не трепали, не мали, не мыкали
и не прали, п. 4. отъ пыли при этой работѣ заса-
ривается лице св. Пятницы.

хмель. И ты ступай, наравь травы той цвѣту, упарь и уквась ее, и твѣть его напои, и онъ повѣдаетъ тебѣ все, куда ходитъ и что дѣлаеть. — И сошелъ Ной съ горы по обычаю, пищи ради, и сказалъ женѣ своей: „жено, дай мнѣ квасу; отъ работы своей сильно хочу испить.“ Жена же, наливъ чашу, подала ему. Ной выпилъ и похвалилъ, и сказалъ: „нѣтъ ли еще?“ Жена дала ему еще двѣ чаши. Испивши, Ной легъ опочить; а жена начала его ласковыми словами спрашивать: „куда господине мой, ходишь и что творишь?“ Ной и разсказалъ ей все... Наутро пошелъ въ горы, и увидѣлъ ковчегъ свой разоренъ, и сталъ плакать. И явился ему ангелъ господень, и сказалъ ему: не волѣлъ я тебѣ повѣдать дѣла этого женѣ твоей; услышалъ про то дьяволъ и разорилъ твой ковчегъ.

(*Легенды*, изд. А. Азовласевымъ, стр. 181—183).

См. еще 48—53. Рус. Вѣстн. 1858 г. № 13, стр. 21—23. Очеркъ литер. исторіи старин. пов. и сказокъ, А. Пышина. 204—205.

Эта легенда цѣлкомъ взята изъ апокрифическаго „Сказанія о Ноѣ“ (*Пам. стар. литер. III, 17—18*). Незвѣстно, когда и гдѣ составилось это сказаніе, но оно перошло въ Россію и получило мѣстный колоритъ. Такъ подъ травой, выходящей около дерева, разумѣется хмель, вмѣсто винограда; а поелъ пивьемъ изъ этой травы—пиво или хмельная брага, вмѣсто винограднаго вина.

О легендахъ:

На ряду съ другими эпическими сказаніями, живущими въ устахъ народа, существуетъ цѣлый отдѣлъ небольшихъ повѣстей, запечатленныхъ тѣмъ особеннымъ, отличительнымъ характеромъ, вследствие котораго получили онѣ названіе легенды. Для своихъ эпическихъ произведеній народъ, какъ извѣстно, беретъ содержаніе изъ преданій своего прошлаго, вноситъ въ нихъ свои собственныя вѣрованія и нравственныя убѣжденія, присущія ему въ ту или другую эпоху его развитія; и потому если языческая старина служила обильнымъ матеріаломъ для народной поэзіи, то въ свою очередь и христіанскія представленія, воспринятія книжми новообращенными племенами, должны были найдти въ ней свой живой отголосокъ. Народная пѣсня и сказка въ самомъ дѣлѣ не разъ обращались къ священному писанію и житіямъ святыхъ, и отсюда почерпали матеріалъ для своихъ

повѣствованій; такое заимствованіе событий и лицъ изъ библейской исторіи, самый взглядъ на все житійское, выработавшійся подъ вліяніемъ священныя книги и отчасти отразившійся въ народныхъ произведеніяхъ, придали этимъ послѣднимъ интересъ болѣе значительный дуговыми; пѣсня обратилась въ стиговъ, сказка—въ легенду. Само собою разумѣется, какъ въ стигахъ, такъ и въ легендахъ заимствованный матеріалъ передается далеко не въ совершенной чистотѣ; напротивъ, онъ болѣе или менѣе подчиняется произволу народной фантазіи, видоизмѣняется сообразно ея требованіямъ и даже связывается съ тѣми преданіями и повѣрьюми, которыя уцѣлели отъ эпохи до-исторической и которыя повидимому такъ противоположны началамъ христіанскаго ученія. Исторія совершаетъ свой путь послѣдовательно, и въ малоразвитыхъ массахъ населенія старое не только надолго уживается съ новымъ, но и взаимно проникаются другъ другомъ, перепутываются, пока истинное просвѣщеніе не укажетъ на состоятельность подобной связи. Такъ возникли многія средневѣковыя апокрифическія сочиненія: такъ возникли и народныя легенды, повѣствующія о созданіи міра, потопѣ и страшномъ судѣ, съ примѣсью древнѣйшихъ суевѣрій и окружающія некоторыя угодниковъ атрибутами чисто-сказочнаго эпоса. Поэтому, хотя простолюдины смотрятъ на легенду, какъ на что—то священное, хотя въ самомъ разсказѣ слышатся иногда библейскія обороты, тѣмъ не менѣе странно было бы въ этихъ поэтическихъ произведеніяхъ искать религіозно-догматическаго откровенія народа въ его современномъ состояніи. Нѣтъ, это все памятники глубокой старины, того давно прошедшаго времени, когда благочестивый летописецъ, пораженный дѣйствительными смущеніемъ въ жизни христіанскихъ идей и обрядовъ съ языческими, назвалъ народъ нашъ двое-вѣрнымъ.

Если они и уцѣлели въ устахъ народа до нашего времени, если и подвергались въ теченіи многихъ и многихъ лѣтъ различнымъ измѣненіямъ, если наконецъ и замѣтны въ нихъ некоторые яркіе слѣды позднѣйшихъ вліяній, то все—таки главнымъ образомъ они любопытны для насъ, какъ плоды поэтическаго творчества народа въ древнѣйшій періодъ его исторіи.

Старинный эпосъ, согласно съ воззрѣніемъ первобытнаго человѣка на природу и съ значеніемъ самыхъ живовъ язычества, далъ въ своихъ повѣствованіяхъ довольно-видное мѣсто различнымъ животнымъ. Конь, быкъ, собака, волъ, воронъ и другіе звери и птицы одилены въ нихъ характеромъ и принимаютъ въ дѣяніяхъ и судьбахъ людей живое и непосредственное участіе.

Съ содержанием новыя христианскія начала, породилъ фантазія не позабыла и не отринула тѣхъ прежнихъ образовъ, въ которыхъ представлялись ей взаимныя отношенія человека и природы; она по старому любила обращаться къ міру животныхъ; любила надѣлать ихъ умомъ и волею, и казалась событія, описанныя въ ветхомъ и новомъ заветѣхъ, свободно допустила ихъ въ свои легендарныя сказанія.

Такъ, по народнымъ повѣртіямъ, собака первоначально была создана юною; но чертъ желалъ ее соблазнить, далъ ей шубу, т. е. шерсть. Мышь прогрызаетъ Ноевъ ковчегъ; ужъ затыкаетъ эту дыру своей головою, за что Богъ позолотилъ ему голову. Когда родился Христосъ и начались юнениа Прода, Богородица положила божественнаго младенца въ ясли и прикрыла его сномъ. Прожорливая лошадь всю ночь ѣла кормъ и непрерывно открывала зубъжище Спасителя, а волъ не только пересталъ пастъ, но еще собиралъ разбросанное сѣно рогами и набрасывалъ его на младенца. Богъ проклялъ лошадь за ея жадность, а вола благословилъ; оттого-то лошадь постоянно жретъ и никогда не насыщается, оттого-то волъ употребляется человекомъ въ пищу, а лошадь нѣтъ.

Во время земной своей жизни зашелъ однажды Спаситель въ домъ Еврей. Толпа окружила его. Неверующій хозяинъ вздумалъ помыльшеть, и сказалъ Спасителю: „если ты Богъ, скажи намъ, что подъ этими корытами?“ — Свѣтъ свѣтъ, три порослята, — отвѣчалъ Господь.

Какой ужасъ оковалъ престолницѣхъ, когда вѣсто спрятавшися хозяйки и дѣтей выпала изъ подъ корыта большая свѣтъ свѣтъ, три порослята. Вотъ почему Евреи не подятъ свѣтъ свѣтъ. — Медведь, говорять поселане, былъ прежде человекомъ; онъ и теперь пьетъ водку, пастъ альба, ходитъ на заднихъ лапахъ, плюетъ и не имѣетъ хвоста....

Легенды хотя и касаются некоторыхъ действительныхъ событій и лицъ, тѣмъ не менее, подобно-всѣмъ другимъ народнымъ произведеніямъ, не знаютъ и не преслѣдуютъ исторической вѣрности. Онѣ даже раскрываютъ передъ нами цѣлый рядъ происшествій, связанныхъ съ именемъ Спасителя, о которыхъ не упоминается въ источникахъ, но которыя справедливо обращаютъ на себя вниманіе ученыхъ. Въ этихъ разказахъ не столько важна историческая правда передаваннаго событія, сколько правда гуманнаго христианскаго одушевленія, проникающая собой все поэтическое созданіе.“ (Народ. рус. легенды, собр. А. Н. Давыдовымъ. М. 1859 г. Въ предис. стр. V—XIV).

36. Изъ византийскаго повѣсти: «Александръ»

Житіе и последованіе достопочтеннаго человека и воиномъ оустраивающима на браки, еже убо чтити и разумѣти и слышати блаженнаго мужа цара Александра, како воюва и како назвасе царь всѣхъ земли подсолнечной. Начнемъ уже о рожденіи и о смерти его.

Бать великой премудрости и храбрости и крѣпости утвердившихся въ лѣто.... рождѣся сынъ ему тогда и нарече иже ему Александръ, еже по греческомъ языку зовется избранъ, и по истиннѣ избранъ и благахъ всѣхъ являшеся; не бѣ же ему отъ плѣскаго рожденія, ни отъ человеческого утвора, но божіимъ промысломъ, иже всегда помогаше ему. Имаше къ высакому истинную любовь и языкъ непотворный; податливъ и милостивъ къ всемъ съгрѣшающимъ, и правъ судъ имаше; сими 4-ми добродѣтели четыремъ краемъ земли царь сомодръжаць назвасе, и сими добродѣтели высай царь свое царство требуе држати. И тако Александръ творо, великимъ градомъ и странамъ царь назвасе, колико ни умъ человекъ постигнути възможе, ни на разумъ дойти Александрове добродѣтели, душевнѣй же и пласцей.

Начнемъ убо о рожденіи Александрове. Говоре сынъ Филиповъ бити ему, но небуди то, но Нектевана цара Египетскаго сынъ есть, и Олимпиди, жены Филиповы. Сій Нектеванъ, Египетскимъ странамъ царь, влховною хитростию и звѣздочѣтиемъ царь бѣше, къ бою и рати нейдеше, ни войскомъ ни оружіемъ противляшеся, но на помощь себе имаше влховную хитрость, и всемъ околнимъ езикамъ противляшеся и одолеваше. И вси околніе царіе туждахуся, что учинити лукавому сему влхву, Егупетскому царю, — вѣса бо благая земли нашей и богатство влховною хитростию възеть и къ своимъ земли приложи, ни же страждемо; но обаче нетрпимъ вещь сію влховную, нѣ васи събравшеся на землю Егупетскую поидемо, и Нектевана отъ царства изгнавше, и блага наша опеть къ себе въземемо, а онъ есть бездѣтъ и безъ наследія влховный и страшливъ, и вѣса земля та противитсе. Бѣху же свѣтъ свѣтъ ови езицы на Нектевана: Перси, Ивери и Арапи, и Аксіани, Віоии, и Елапи, и иніе восточны езицы; и то видевъ Егупетскій царь краиншій, царь немецъ Вѣрвѣрихъ, и всплакавсѣ, и рече: „о тѣшко тебе, великій въ градовехъ Егупте, до небесъ възнесесе, и до ада.... сънидеш; рука твоя бѣ на всехъ, ныня же рука всехъ на те; адъ сладости насытисе еси, ныня же горкаго яда насытисе, но идомъ къ Нектевану царю и исповѣчь ему бившее, понеже

незначенніе восточніе дариве и войско идуць нань.“ И пришьде, приступивъ къ нему, и рече: „всто ти буди царю, понеже въскоре свой животъ въ самртъ премѣниши, Даріе бо царь Персидскій, кой бу такматсе (?) приде на межде земле твоее съ вѣсьми восточными войсками, и хошетъ поразити Егупать тебе ради, но савѣкуши свою войску на бой, и изиди прѣма ихъ, нь никто же можетъ одолѣти сильной войсцѣ и храброемъ витеномъ ихъ.“ — царь рече,—царь на цара и юнакъ на юнака и коня, и тако чьсть и помощь имать; царство многими людьми сьстоитсе, како и море многими внами, и тако страшно являетеся плавающимъ по немь. И то Нектенаву Верберихъ рече, и насмѣясе царь и рече: добро сьтворилъ еси, понеже възвестилъ еси мнѣ дошастіе цара Дарія и другихъ восточныхъ царей на Егупать; мудрій страшливъ небываетъ, раты многими людьми небываютъ, но добримъ и храбримъ сердцемъ; многаци единъ волкъ многи елєнь гонить, и единого влка скоченіемъ много стадъ овецъ разгонитсе, нь ти поиди и реченное ти отъ мене створи нивяхъ съсоходи и мне гласъ послиай. И се рекъ Верверика отирави, самъ же писа книге по вьсехъ градовѣхъ и странахъ Егупатскихъ готовитсе на брань, битисе за землю и за царство свое; но гдѣ Богъ не хошетъ, человекъ не можетъ. И сіе рекъ, вьниде въ полату царску и волховно врачеваніе сьтвори и злату руоумирію водѣ наполни и отъ воска на водѣ двѣ войскѣ учини, сьпротивну войску свою, и хитростію сьтвори битисе войскамъ, и видѣ свою войску отъ Персійской войске побіену, и виде царь бѣгущіе Егуптскіе кормеще корабли ратніе и уважаху войску въ Егупть, и велми всплакасе и рече: о горе тебе, Египте, во много лѣтєхъ прославилсе еси съ царемъ своимъ Нектенавомъ и въ единомъ лѣте погибнете; несть бо на земли радости, иже непрѣмнитсе въ жалость, ни слава, коя не погибаетъ, но, о горе тѣмъ, иже надѣютсе въ волшебную хитрость и помощь; прилично есть насланяющемсе на воду когда се опре, тогда въ воду погрезнеть. И въ безчастіе приде царь Нектенавъ, и въ Египте не могаше бити, ни съ войскомъ битисе, жалосте исполнивсе, браду и главу свою оструга, и въ погуноци исъ царскихъ полатъ избѣже и удалисе, въ пеанане стране земле отїде, и приде въ Филипусъ градъ, идеже его ни кто же не знаяше, и седеше въ нѣкоемъ мѣсте скровнѣ въ граду, и врача себе нааоваше и майстора хитра отъ Егуптскихъ звездочатыць.

О нашедшихъ войскахъ на Егупть. Войску свою Египтєне многу изгубише и къ дворомъ цара своего Нектенава придоше и не обретоше его въ царскихъ полатахъ, и велми всплакашесе, и обретоше писаніе царєво на одру его, глаголюще сице: „милии мои

Египтєни, ала вашего не могахъ зрѣти, но отидохъ отъ васъ старъ въ мну землю до 30 лѣтъ, и по тридесетєхъ лєтєхъ цаки прииду къ вамъ младъ.“ И то писаніе вьзьмиши Егуптєне, маляше у злату столпъ високо срдѣ Египта поставише въ мѣсто цара, и въ руку его положены писаніе, его же самъ писалъ бѣше, и вьзложє вѣнцѣ на главу его, сами же къ Пасидону богу своему притекоше, и за Нектенава цара своего молишесе и выпрашаху его: гдѣ естъ? Онъ же къ нимъ въ сѣтѣ явисе и рече имъ: „до 30 лѣтъ имать прити къ вамъ младъ, и мѣчъ не уломленъ десницѣмъ Перской притущити и враги ваше Перси подѣ ноги положить.“

Въ Македоніи ораць великъ бысть Нектенавъ. Филиппъ же царь Македонскій имаше царицу, име ея бистъ Олимпіада, и вьсегда скорбѣ имаше заєе неплодна бѣше, но образомъ красна бѣше зѣло, и въ великой любве царь съ нею пребиваше. Егда же иде яше царь Филиппъ на воску, и призва царицу къ себе Олимпіаду и целова ея вьсєсрдѣчно и рече ей: „милая моя Олимпіадо, аще не зачнеши отроче до пришьствія моего, не има дуже видѣти очи мои.“—и сіе рекъ на войску отїде. Олимпіада же оскрбе и въ тузе велицей оста, не вѣде что сьтворити. Едина же отъ рабинь знаяше ю, понеже скорбитъ отрочети ради неимѣнія, и рече къ Олимпіади царицы, госпожи своей: „не скорби, госпоже моя, естъ въ нешемъ граду человекъ Египтєнинъ, мужъ хитръ словомъ и дѣломъ; инитисе, когда те види, сьтворитъ ти сердпу хотєніе.“—сіе же слыша Олимпіада въскорѣ за Нектенава посла.

Приде же Нектенавъ къ царицы. И рече ему Олимпіада: „о человекѣ Египтєнинє, истинна ли естъ; что азъ слышала о тебе, понеже хитростію твоею мошєшь раздрешити утробу мою, и сильному царю Филиппу срдѣе обвеселити, и великую мою жалость на радость обратити; да аще се истинна будетъ, твори несумненно еже вѣси, и великую чєсть и даръ отъ мене примєши, и великъ у Македоніи наречєшисе.“

Нектенавъ же видѣвъ Олимпіаду. И велми дивляшесе лѣпоте лица ея и очьма взираше нань, и главу преклонявъ стояше: она же поминяше еда хошетъ въскорѣ бѣседовати са нею, онъ же стое молче. И рече ему Олимпіада: „что те трудити, о человекѣ, аще имаши силу творити, твори еже вѣси.“ Онъ же видѣвъ красоту лица ея устрємєнь бистъ въ срдѣе любовію, и рече къ Олимпіадѣ:—вижду, црице, понеже божи хотєть бити съ тобою, Амона и Финєса, да аще припустиши къ себе, мати великому царю наречєшисе.—

И се слыша Олимпиада и възрыдовасе радостію великою зъло, пошеже своему сыну матери назоветсе, и повелѣ Олимпиада, да сътворѣтъ ему камару малу близъ полате царскіе, яко да казуеть ей дохожденіе бога Амона и Финеса. И приде Нектенавъ къ ней самъ въ образѣ бога Амона и рече—таковъ есть образъ Амоновъ:—глава орля, на ней рози визилисковы, опашь асимдовъ, ноги львови, крила грифова злата и червленна, — еще въобразисе Нектенавъ и вниде къ Олимпидѣ, и бисть съ нею, и рече ей:—блаженна ти въ женахъ Олимпіадо, яко днешь зачеть сына, въсему свѣту цара.—И сіе рекъ изшъдъ вьнь, она же осталствивна, — и приде завтра къ ней и рече ей:—хранисе въ чистотѣ, и тако приходишь к' тебе богъ Амонъ, и егда приде време родити ти, призови ме къ себѣ, и что ти азъ реку створи. И сему тако бившу...

Присивъ часъ рожденія и приступи Нектенавъ къ царицы и рече ей:

Придржи въ себе не родити, дондоже благій часъ придесть, зане аще въ сій часъ... родиши, раба и непотребца челоуѣка, зане коло круга небснаго въ луцѣ стоитъ; мало потерпи, дондоже небесніе планиты науставу стануть, и стіхіе преступленіе створеть, тогда родити хоцещи цара царемъ, зъло мудра челоуѣка. Она же претрѣвши се и роди сына великого Александра,....

(Очеркъ литер. исторіи старин. повѣстей и сказокъ рус. А. Н. Пыпина. По списку ркп. Рум. Музея, № 175, л. 1 и дал. См. Уч. Зап. 2 отд. Акад. Н. IV, 303—306).

Наша „Александриѣ“ представляет особенный видъ того произведенія греческой литературы, которое обыкновенно приписывается псевдо-Каллисмену, и которое, распространившись въ латинскихъ редакціяхъ во всей западной Европѣ среднихъ вѣковъ, сдѣлалось источникомъ множества поэтическихъ сказаній и романовъ, описывавшихъ подвиги и славу Александра Македонскаго. Перехода отъ одного народа къ другому, сказанія объ Александрѣ мѣнялись въ духѣ разныхъ національностей, и такимъ образомъ явились отдѣльныя ихъ редакціи, сходныя въ главныхъ фактахъ и отличныя въ подробностяхъ и колоритѣ событій и преданій; частіе шло получали большее развитіе и новый смыслъ или вставлялись цѣликомъ изъ другаго источника, хотя бы и не допускали первобытннй видъ сказанія. Старинная русская повѣсть ведетъ начало отъ византійскихъ редакцій, а не отъ латинскихъ, какъ у Чеховъ и Поляковъ, и взята въ сербскомъ переводѣ, который считается весьма древнимъ. Повѣсть встрѣчается въ хроникѣ Георгія Амаврола и у Меводія Патарскаго, переводы которыхъ на Русь были известны первоначальному летописцу, и онъ упоминаеть въсколькo разъ о дикихъ людяхъ, заключенныхъ въ горѣ Александрѣ Македонскомъ. Давидъ Зотоуику

зналъ о храбрости Александровой. Большая известность Александриѣ въ старинной русской литературѣ прямо опредѣляется большимъ количествомъ списковъ; извѣстество нѣкоторыхъ рукописей исторіи показываетъ, что она принадлежала къ числу любимыхъ чтенія. Повѣсть о разрушеніи Трои, занесенная въ сочиненіе византійца Маламы, известнаго въ переводѣ славянскомъ, также знакома была ишимъ предкамъ; позитивнѣе русскіе тексты сохраняютъ слѣды древняго южно-славянскаго подлинника. Византійскому источнику принадлежитъ знакомство Русскихъ съ Восточными сказаніями, которые относятся чисто къ области фантазіи. Одинъ изъ этихъ памятниковъ *Смагаринъ царь Адоросъ и Налискаскія страны* есть сказка изъ „Тысячи и одной ночи“ сохранившаяся въ замѣчательномъ сборникѣ XIV или XV в., въ которомъ найдено Слово о полку Игоревѣ. Эта же сказка въ другихъ рукописяхъ озаглавляется: *Сказаніе объ Акмръ премудромъ* (т. е. о Гейкарѣ, министрѣ Семхаріба, цара Миневиш). Въ русскомъ переводѣ сохранились нѣкоторыя особенности южно-славянскаго подлинника; формы языка, отдѣльныя слова и обороты указываютъ на древность произведенія, быть можетъ современную Слово о полку Игоревѣ. Въ изложеніи уцѣлѣли слѣды и греческаго перевода арабской сказки, по которому эта послѣдняя стала известна въ литературѣ южно-славянскихъ. Такая же передѣлка сказки арабской „Дѣланіе и житіе Девгеніева Акрита“ находилось въ томъ же Пушкинскомъ Сборникѣ и „Сказаніе о Индіи богатой“, письмо пресвитера Іоанна къ императору Мануилу. Это средневѣковое преданіе о существованіи сильнаго христіанскаго государства въ Азіи, которымъ управлялъ царь и вѣдѣлъ священникъ Іоаннъ, встрѣчается въ путевыхъ запискахъ Плано-Карпини, Рубрикаса и другихъ. „Повѣсть о Китоврасѣ“, сказанія о Соломонѣ, легенда о Варлаамѣ и Іосафатѣ тоже перешли изъ Византіи чрезъ посредство Славянъ, кажется, ранѣе XV столѣтія.

Исторія Варлаама и Іосафа—духовный романъ, чрезвычайно любимый въ средніе вѣка. Сюжетъ состоитъ въ разсказѣ о томъ, какъ мудрый пустыжникъ Варлаамъ (жившій въ III—IV ст. въ землѣ Синаарѣ въ Азіи) обратилъ въ христіанство индійскаго царевича Іосафа, не смотря на всѣ гоненія жестокаго отца его Авенира. Варлаамъ явился къ царевичу подъ видомъ купца, продающаго драгоценный камень, и объяснилъ, что камень изображаетъ царство небесное, котораго всего легче достигнуть уединеніемъ и молитвою. Большая известность этой исторіи послужила источникомъ для русскихъ духовныхъ стиховъ объ Осоевѣ царевичѣ и о пустынѣ. (Чт. общ. 1848 г. 9, 184).

87. Объ Іосафѣ царевичѣ.

Во дальней во долитѣ,
Тамъ стояла мать прекрасная пустыня;
Приходить ли во пустыню
Младой царевичъ Іосафъ;

„Любная моя мати,
Прекрасная мати пустыня!
Приняла мене во пустыню,
Отъ юности прелестная;
Научи мене, мати пустыня,
Какъ божью волю творити:
Достави мене, пустыня,
Къ своему ко небесному царствію.“

Отвѣщаетъ ему мати пустыня:
—Любное мое чадо,
О молодой царевичъ Іосафій!
На кого свое царство спускаешь,
Кому владѣть твоими царствомъ,
Твоими бѣлыми каменными палатами,
Твоею казною золотою?—

Отвѣщаетъ ко пустынь
Молодой царевичъ Іосафій:
„Любная моя мати,
Прекрасная мати пустыня!
Не хочу я зрѣть на вольный свѣтъ,
На свои каменны бѣлы палаты
И на свою казну золотую.
Хочу я пребыть во пустынь,
Я радъ на тебя, мати, работати,
Земные поклоны исправляти,
До своего до смертнаго часу.“

Отвѣщаетъ ли мати пустыня
Ко младому царевичу Іосафію:
—Чадо ты мое, ты любное,
Молодой царевичъ Іосафій!
Какъ придетъ весна красная,
Всѣ луга, болота разольются,
Древы листвою одѣнутся,
На древахъ запоетъ птица райская
Архангельскими голосами:
Но ты изъ пустыни вонъ изойдешь,
Меня мати прекрасную пустыню позабудешь.—

Отвѣщаетъ ли ко пустынь
Молодой царевичъ Іосафій:
„Любная моя мати,
Прекрасная мати пустыня!
Какъ придетъ весна, мати, красная,
Всѣ луга, болота разольются,
И всѣ древа листвою одѣнутся,
На древахъ запоютъ птицы райскія
Архангельскими голосами:
Но я изъ пустыни вонъ не изойду,
Тебя, мати прекрасная, не покину.“

Отвѣщаетъ ли мати пустыня
Ко младому царевичу Іосафію:
—Чадо ты мое, ты любное,
О молодой царевичъ Іосафій!
Дарю тебя златымъ вѣнцомъ;
Я вѣрныхъ дарю на спасеніе,
Безвѣрныхъ дарю на дѣволю.—

Усь ангелы возрадовалися
И архангелы студесалися
Премладому его смыслу,
Превеликому его разуму.

А мы запоетъ аллилуйя, аллилуйя,
О слава тебѣ, Христе Боже нашъ!

(„Калѣки“ *Бессонова, сын. I, стр. 206*
—208).

88. Стихъ о страшномъ судѣ.

Воскреснетъ небесный царь
И вознесетъ рука Его
Да на вышній небеса!
Егда будетъ страшный судъ,
Вострубятъ въ трубы ангелы,
Въ трубы позлащенные;
Ужаснется вся вселенная,
Померкнетъ красное солнышко,
Потемнѣетъ свѣтелъ мѣсяць,
Падутъ звѣзды на землю,
Яко листвіе со древа,
Престолы поставятся,
Всѣ книги поразгнубятся:
Дѣла наши прочитаются,
Всѣ грѣхи объявятся.
Отъ востоку и до запада,
Съ восточныя со стороны
Идутъ души праведныя,
Идутъ все любимыя;
Стрѣчаетъ ихъ небесный царь
Съ милостью, со жалостью
И съ великою со любовію:
„Вы подите, праведныя,
Подите мои, любимыя,
Во мой во прекрасный рай,
Во царствіе небесное:
Весь вамъ рай радуется,
Царствіе вамъ ликуется!“

(*Вамъ райскія древа отверзаются
И украсены вамъ рай красуется!*)

Съ западныя стороны,
Съ полуночныя—темныя,
Идутъ души грѣшныя,
Идутъ все беззаконныя;
Проречетъ имъ небесный царь
Съ грубостью, со яростью,
Со великою съ нелюбовію:
„Подите, грѣшныя,
Зыдите, проклятыя,
Къ сотоны—ко дьяволу,
Кому вы работали,
Во тьму во кромѣшную,
Въ пропасти глубокия!“
Роспачутся грѣшныя
Во многіе голоса:
„Увы, нашъ небесный царь,
Солнце наше красное!
Прими насъ въ прекрасный рай,
Во царствіе небесное!“
Проречетъ имъ небесный царь:

„Я топерь васъ, грѣшныихъ,
 Всѣхъ къ себѣ на судъ дождатъ,
 Всѣмъ вамъ по дѣламъ воздамъ:
 —Инымъ будетъ грѣшникамъ,
 Перемъ —священникамъ
 И судямъ неправеднымъ, —
 Погребѣ имъ будутъ глубокиѣ,
 Мразы имъ будутъ лютыѣ:
 То имъ мука вѣчная,
 Житіе безконечное!
 —Инымъ будетъ грѣшникамъ,
 Мужамъ беззаконникамъ,
 Инымъ будетъ грѣшницамъ,
 Женамъ—беззаконницамъ
 И младенческимъ душегубницамъ, —
 Котлы имъ будутъ мѣдныѣ,
 Огни raznоличныѣ,
 Змѣи груди ихъ высосаемы,
 И сердце вытягаемо:
 То имъ мука вѣчная,
 Житіе безконечное!
 —Инымъ будетъ грѣшникамъ,
 Глумотворцамъ и просмѣшникамъ, —
 Смола имъ кипучая
 И зубная скрѣжанія,
 И плачь имъ непрестанный:
 То имъ мука вѣчная
 И житіе безконечное!
 —Инымъ будетъ грѣшникамъ,
 Клеветникамъ и язычникамъ, —
 Языкъ въ темѣ вытягуютъ
 И за языки повѣшены
 На удахъ желѣзныхъ (!):

(За языки повѣшены
 На крюки юрлячи,
 На древа каменны).

То имъ мука вѣчная,
 Житіе безконечное!
 —Инымъ будетъ грѣшникамъ,
 Шьяницамъ и корчемникамъ, —
 Чады имъ будутъ горькіѣ
 И сирады имъ великіѣ:
 То имъ мука вѣчная,
 Житіе безконечное!
 —Инымъ будетъ грѣшникамъ,
 Плясунамъ и водыщникамъ, —
 За хребты они будутъ повѣшены
 Надъ плитами надъ каменнымъ
 И на гвоздѣ желѣзномъ:
 То имъ мука вѣчная,
 Житіе безконечное!
 —Инымъ будетъ грѣшникамъ,
 Сребролюбцамъ и грабителямъ, —
 Червь имъ будетъ неусыпаемая:
 То имъ мука вѣчная,
 Житіе безконечное!“ —

(!) На крючьяхъ. Слѣди это выраженіе съ подобнымъ, встрѣчающимся въ „Ходѣ Богородицы по мукамъ“.

Припадутъ вси грѣшныѣ
 Ко матушкѣ ко сырой землѣ,
 Начнутъ оны горько плакати.
 „Увы, отцы—матери!
 Почто насъ породили,
 На бѣлый свѣтъ попустили,
 На добры дѣла не учили?
 Чего ради мы, грѣшныѣ,
 Маленьки не померли?
 Мы бы были ангелы,
 Съ Богомъ за единое:
 А топерь намъ, грѣшнымъ,
 Дѣламъ нашимъ судъ прищель
 Отъ царя небеснаго!“

(И помятъ насъ, грѣшныихъ,
 Въ западную сторону,
 Во мѣсто во адовоѣ,
 Во пропасть глубокую.
 Не слышно отъ грѣшныихъ
 Ни писку, ни вереску,
 Отъмыль и до-вѣску).

(Калыки Безсонова, вып. 5, 176).

Въ другихъ вариантахъ того же стиха много встрѣчается разнообразныхъ приговоровъ въ распредѣленіи сорта мученій извѣстнымъ грѣшникамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что на русскіе стихи о страшномъ судѣ имѣло большое вліяніе „Хожденіе Богородицы по мукамъ.“ Оно же находится въ связи съ сюжетомъ картины „страшнаго суда,“ и съ содержаніемъ лубочной картинки „адское дерево,“ которая встрѣчается у раскольниковъ.

89. Стихъ о Федорѣ Тиронѣ.

Царь Константинъ Самофловичъ молился у заутрени, чтобы Господь спасъ его отъ силы жидовской, которая облегла его городъ Врусалимъ. Никто не беретъся защищать его, всѣ перетрусили угрозы, вдругъ вызывается двѣнадцатилѣтній сынъ царя Федоръ Тиронъ, надѣясь на силу небесную. Рубился онъ три дня и три ночи и покорилъ силу жидовскую: крови такъ было много, что Федоръ молился, чтобы разступилась мать сыра земля и пожрала кровь іудейскую. На радостяхъ отецъ съ сыномъ сѣли за скатерти за бранныя, пьютъ —вдѣтъ, прохлаждаются. Родимая матушка Федора, милующи и жалѣючи добра коня, привязаннаго ко столбу точеному. —

Отъязала отъ кольца позлаченаго,
 Повезла на санѣ море,
 Поить, обмыть кровь іудейскую
 И всею кровью жидовскую.
 А гдѣ ни вался змѣй огненный,

Двѣнадцати-крылыхъ хоботовъ,
 Онъ прожралъ коня добраго,
 Положилъ его матушку
 И унесъ его матушку
 Во пещеры во зминыя,
 Ко двѣнадцати змѣенышювъ.
 А гдѣ не ваялись два ангела божіихъ.
 Рѣкли человѣчимъ да и голосомъ:
 „А младъ человекъ, Федоръ Тиронъ!
 Ты пьешь и ѣшь прохлаждаешься,
 Надъ собой бѣды ты не знаешь:
 Твою родимую матушку
 Положилъ змѣй огненный,
 Прожралъ твое коня добраго“... (1).
 (При этой вѣсти Федоръ Тиронъ)
 Что въ устахъ было, то проглотилъ,
 Что въ рукахъ, то такъ пустилъ;
 Восходить скоро въ церковь соборную,
 Онъ беретъ съ собой слово божіе,
 Святу-честну книгу евангеліе,
 Онъ беретъ съ собой збрую ратную,
 Копье булатное,
 Саблю вострую, палицу желѣзную,
 Еще крѣпкой лукъ, двѣ стрѣлы калены;
 Онъ приходитъ къ морю синему,
 Становится на крутомъ, красномъ бережечкѣ,
 Онъ читаетъ слово божіе,
 Святу-честну книгу евангеліе;
 Во слезахъ письма не видитъ,
 Во рыданьи слова не вымолвить.
 Гдѣ ни возметса тамо китъ рыба,
 Прорѣщитъ та китъ рыба
 Человѣчимъ языкомъ:
 „А младый человекъ, Федоръ Тиронъ!
 Ты поди по мнѣ, по китъ рыбѣ,
 Яко по мосту, яко по суху,
 Выручи свою родимую матушку
 Изъ тое муки зминыя,
 Отъ двѣнадцати отъ змѣенышей“.
 А младый человекъ Федоръ Тиронъ
 Переходитъ море синее,
 Становится на крутомъ, красномъ бережечкѣ,
 Читаетъ слово божіе,
 Святу-честну книгу евангеліе,
 Во слезахъ письма не видитъ,
 Во рыданьи слово не вымолвить.
 Завидѣла его родимая матушка
 Изъ тое изъ муки изъ зминыя,
 Отъ двѣнадцати отъ змѣенышей,
 Кричить—вопить громкимъ голосомъ:
 „Ой, дитятко, съ тобою мы погинули.
 Родимое, съ тобою погинули!“
 А младый человекъ Федоръ Тиронъ,
 Самъ возговоритъ таково слово:
 „Не убойся, моя матушка, не погинули,
 Родимая, не погинули;
 Еще съ нами Богъ и надъ нами Богъ,
 Со мною слово божіе,
 Со мною збруя ратная, копье булатное,
 Сабля вострая, палица желѣзная,

(1) *Кальки перекожіе. III, 526—530.*

Еще крѣпкой лукъ, двѣ стрѣлы калены.“
 А молодой человекъ Федоръ Тиронъ,
 Онъ натягивалъ свой крѣпкой лукъ,
 Онъ накладывалъ двѣ стрѣлы калены;
 Онъ стрѣлялъ въ двѣнадцать змѣенышей,
 Побивалъ двѣнадцать змѣенышей;
 Выручилъ свою родимую матушку
 Изъ тое изъ муки зминыя
 Отъ двѣнадцати змѣенышей;
 Онъ посадилъ ее на голову на тяжелую (1),
 Понесъ ее къ морю синему.
 Его родимая матушка
 Назадъ себя оглянулася,
 Завидѣла змѣя лютаго,
 Люта змѣя, люта-огненна,
 О двѣнадцати хоботовъ,
 Кричить-вопить громкимъ голосомъ:
 „Ой, дитятко, съ тобою мы погинули,
 Родимое, съ тобою погинули!“
 А младый человекъ Федоръ Тиронъ
 Самъ возговоритъ таково слово:
 „Не убойся, моя матушка, не погинули,
 Родимая не погинули;
 Еще съ нами Богъ и надъ нами Богъ,
 Со мною слово божіе“...
 А младый человекъ Федоръ Тиронъ,
 Онъ натягивалъ свой крѣпкой лукъ,
 Онъ накладывалъ двѣ стрѣлы калены,
 Онъ стрѣлялъ супротивъ змѣя лютаго,
 Люта змѣя, люта огненна
 О двѣнадцати хоботовъ,
 Вышибалъ ему сердце со печенью;
 Обливала его кровь зминая
 Не по козѣно, не по посяю,
 По самы груди бѣлыя.
 А младый человекъ Федоръ Тиронъ,
 Онъ и бьетъ копьемъ во сыру землю,
 Самъ возговоритъ таково слово:
 —„Ужъ ты матушка мать сыра земля
 Раступи на четыре четверти,
 На всѣ на четыре стороны!
 Ты пожри въ себя кровь зминую!“
 По божию изволенію
 Раствупалася мать сыра земля
 На четыре на четверти,
 Пожирала въ себя кровь зминую.
 А младый человекъ Федоръ Тиронъ
 Очищалъ землю свято-русскую,
 Приходилъ ко синю морю,
 Становится на крутомъ красномъ бережечкѣ,
 Читаетъ слово божіе
 Святу-честну книгу евангеліе:
 Во слезахъ письма не видитъ,
 Во рыданьи слово не вымолвить.
 Гдѣ не возметса та же китъ рыба,
 Прорѣщитъ китъ рыба
 Человѣчимъ языкомъ:
 „А младый человекъ Федоръ Тиронъ,
 Ты поди по мнѣ по китъ рыбѣ,

(1) *Можетъ быть „на голову— на темячко.“*

Яко по мосту, яко по суху,
 Понеси свою родимую матушку,
 Изъ тые изъ муки амѣнные.
 А младый человекъ Федоръ Тиронъ
 Переходить море синее,
 Становится на крутомъ на красномъ бережечкѣ,
 Самъ возговорить таково слово:
 — „Государыня моя родимая матушка,
 А что стоять мое похождение
 Супротивъ твоего порождения?“
 Его родимая матушка
 Горючимъ слезамъ заливалась,
 Сама говорила таково слово:
 „Ой горе, чадо милое!
 А младый человекъ Федоръ Тиронъ,
 Всего тебѣ отъ роду двѣнадцать лѣтъ,
 Какъ твое то похождение,
 Нампаче моего порождения“ (1).

(Изъ пьесы Якушкина, стр. 56—59).

См. апокрифич. житіе Феодора въ Пам. стар. литерат. 143—145.

Содержаніе русскихъ духовныхъ стиховъ, точно такъ же какъ и легенды, чисто религиозное и было въ старое время дѣломъ благочестія и христіанскаго любопытства народа. Онѣ брались изъ рассказовъ свящ. писанія, церковныхъ преданій, принесенныхъ изъ Византии, изъ отреченныхъ или апокрифическихъ книгъ, а также изъ преданій языческой старины. „Въ свяжкахъ народа въ Европы, говоритъ А. Н. Пыпинъ, христіанство нашло сильный отзвѣкъ (въ средніе вѣка); личности и событія свящ. исторіи заняли мѣсто языческой мифологіи, хотя на чина безсознательность тогдашнихъ людей не рѣдко мѣшала языческое съ христіанскими и даже повторала ту же языческую старину подъ новыми формами. ... Легенда отъ безпрестаннаго обращенія въ народъ иногда слышалась съ другими рассказами; въ ея христіанскіе рассказы влетали разныя постороннія черты изъ старыхъ мифическихъ воспоминаній: къ библейскому сказанію о сотвореніи міра приключалась космогонія древнихъ обрядныхъ пьесъ, въ исторію благочестивыхъ людей попадали подробности изъ народныхъ сказокъ, въ преданія объ-адѣ и раѣ вошли принадлежности новѣйшаго быта и т. д.“ Происхожденіе міра и конецъ ея составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ русскихъ духовныхъ стиховъ, а также жизнь Спасителя,

(1) Твое похождение, т. е. то, что сдѣлалъ ты для меня, нампаче, т. е. болѣе, выше чѣмъ мое порожденіе, чѣмъ-то, что я тебя родила.

дѣлнѣя святыхъ мужей и воздаяніе на судѣ праведникамъ и грѣшникамъ.

90. О Голубиной книгѣ.

Восходила туча сильна грозная,
 Выпала книга Голубиная,
 И не малая, не великая:
 Долины книга сороку сажень,
 Поперечины двадцати сажень.
 Ко той книгѣ ко божественной
 Сходилися, соизжались
 Сорокъ царей со царевичамъ,
 Сорокъ князей со князевичамъ,
 Сорокъ поповъ, сорокъ дяконовъ,
 Много народу, людей мелкихъ,
 Христіанъ православныхъ.
 Никто ко книгѣ не приступится,
 Никто ко божьей не пришатнется.
 Приходилъ ко книгѣ премудрый царь,
 Премудрый царь Давыдъ Евсеевичъ:
 До божьей до книги онъ доступается;
 Передъ нимъ книга разгибается,
 Все божественное писаніе ему объявляется.
 Еще приходилъ ко книгѣ Володиміръ князь,
 Володиміръ князь Володиміровичъ.
 Возговорилъ Володиміръ князь:
 „Ты премудрый царь Давыдъ Евсеевичъ!
 Скажи, сударь, проповѣдуй намъ,
 Кто сію книгу написывалъ,
 Голубину кто напечатывалъ?“
 Имъ отвѣтъ держалъ премудрый царь,
 Премудрый царь Давыдъ Евсеевичъ:
 „Писалъ сію книгу самъ Исусъ Христосъ,
 Исусъ Христосъ царь небесный;
 Читалъ сію книгу самъ Исая пророкъ,
 Читалъ онъ книгу ровно три года,
 Прочиталъ изъ книги ровно три листа.“
 — „Ой ты гой еси, нашъ премудрый царь,
 Премудрый царь, Давыдъ Евсеевичъ!
 Прочти, сударь, книгу божію,
 Объяви, сударь, дѣла божіи,
 Про наше житіе, про свято-русское,
 Про наше житіе свѣту вольнаго:
 Отъ чего у насъ начался бѣлый вольный свѣтъ?
 Отъ чего у насъ солнце красное? и пр.
 Отъ чего у насъ въ землѣ цари пошли,
 Отъ чего зачались князья-бояры,
 Отъ чего крестьяны православные?“
 Возговорить премудрый царь,
 Премудрый царь Давыдъ Евсеевичъ:
 — „Ой ты гой еси, Володиміръ князь,
 Не могу я прочесть книгу божію,
 Ужь мнѣ честь книгу, — не прочесть божью;
 Эта книга не малая, книга великая,
 На рукахъ держать, — не сдержать будетъ;
 На налоѣ положить божій, — не уложится,
 Умомъ намъ сей книги не сосчитать,
 И очамъ намъ книгу не обозрѣти,
 Великая книга Голубиная!

Я по старой по своей по памяти
 Расскажу вамъ, какъ по грамотѣ;
 У насъ бѣлый вольный свѣтъ зачался отъ
 суда божія;

Солнце красное отъ лица божьяго,
 Самого Христа царя небеснаго;
 Младъ-свѣтелъ мѣсяцъ отъ груди его;
 Звѣзды частыя отъ рязъ божихъ;
 Ночи темныя отъ думъ господнихъ;
 Зори утренни отъ очей господнихъ;
 Вѣтры буйныя отъ свята Духа;
 Дробень дождекъ отъ слезъ Христа,
 Самого Христа, царя небеснаго.
 У насъ умъ-разумъ самого Христа,
 Наши помыслы отъ облацъ небесныхъ,
 У насъ мѣръ-народъ отъ Адамія;
 Кости крѣпкія отъ камня;
 Тѣлеса наши отъ сырой земли;
 Кровь-руда наша отъ черна моря.
 Оттого у насъ въ землѣ цари пошлѣ
 Отъ святой главы отъ адамовой;
 Оттого зачались князья, бояры
 Отъ святыхъ мощей отъ адамовыхъ,
 Отъ того крестьяны православныя
 Отъ свята колѣна отъ адамова.
 Возговоритъ Володиміръ князь,
 Володиміръ князь Володиміровичъ:
 „Премудрый царь, Давыдъ Евсеевичъ!
 Скажи ты намъ, проповѣдай:
 Который царь надъ царями царь?
 Какъ земля всѣмъ землямъ мати?“ и пр.
 Возговоритъ премудрый царь,
 Премудрый царь Давыдъ Евсеевичъ:
 —У насъ Бѣлый царь надъ царями царь.
 Почему жъ Бѣлый царь надъ царями царь?
 И онъ держитъ въру крещеную,
 Въру крещеную, богомольную;
 Стоять аа въру христіанскую,
 За домъ пресвятыя Богородицы.
 Потому Бѣлый царь надъ царями царь.
 Свята Русь земля всѣмъ землямъ мати;
 На ней строятъ церкви апостольскія;
 Они молятся Богу распятому,
 Самому Христу царю небесному;
 Потому свято-Русь земля всѣмъ землямъ мати!
 А глава главамъ мати—глава адамова,
 Потому что когда жнды Христа
 Распинали на лобномъ мѣстѣ,
 То крестъ поставили на святой главѣ адамо-
 вой.

Иерусалимъ городъ городамъ отецъ.
 Почему тотъ городъ городамъ отецъ?
 Потому Иерусалимъ городамъ отецъ:
 Во тѣмъ во градѣ во Иерусалимѣ
 Тутъ у насъ среда землѣ (!).
 Соборъ-церковь всѣмъ церквамъ мати.
 Почему же соборъ-церковь церквамъ мати?

(!) См. путеш. *Даніила*. Сличъ также „Ле-
 жиме в отр. янги рус. старинъ“ *А. Н. Пыпина*
 на 177, в „Памяти. старин. Литер. вып. 3.

Стоять соборъ-церква посреди града Иеруса-
 лими;

Во той во церкви во соборной
 Стоять престолъ божественный;
 На томъ на престолѣ на божественномъ
 Стоять гробница бѣла каменная,
 Во той гробницѣ бѣлой каменной
 Почиваютъ ризы самого Христа,
 Самого Христа, царя небеснаго;
 Потому соборъ-церква церквамъ мати.
 Ильмень озеро озерамъ мати;
 Не тотъ Ильмень (!) который подъ Новымъ

Градомъ,
 Не тотъ Ильмень, который во Царь-градѣ.
 А тотъ Ильмень, который въ Турецкой землѣ
 Надъ начальнымъ градомъ Иерусалимомъ.
 Почему жъ Ильмень озеро озерамъ мати?
 Выпадала съ его матушка Иорданъ рѣка,
 Иорданъ рѣка всѣмъ рѣкамъ мати.
 Почему Иорданъ всѣмъ рѣкамъ мати?
 Окрестился въ ней самъ Иисусъ Христосъ,
 Со силою со небесною,
 Со ангелами со хранителями,
 Со Иоанномъ, свѣтомъ, со Крестителемъ;
 Потому Иорданъ рѣка всѣмъ рѣкамъ мати.
 Фаворъ гора всѣмъ горамъ мати.
 Почему Фаворъ гора горамъ мати?
 Преобразился на ней самъ Иисусъ Христосъ,
 Иисусъ Христосъ, царь небесный, свѣтъ.
 Съ Петромъ, со Иоанномъ, со Иаковомъ,
 Съ двенадцатью апостолами,
 Показалъ славу ученикамъ своимъ;
 Потому Фаворъ гора горамъ мати.
 Бѣлый латырь камень всѣмъ камнямъ мати.
 На бѣломъ латырѣ на камени,
 Бесѣдовалъ да опочивъ держалъ
 Самъ Иисусъ Христосъ царь небесный
 Съ двенадцати со апостоламъ,
 Съ двенадцати со учителямъ;
 Утвердилъ онъ въру на камени,
 Распуцалъ онъ книгу Голубиную;
 По всей землѣ, по вселенныя;
 Потому латырь камень всѣмъ камнямъ мати (!).
 Кипарисъ древо всѣмъ древамъ мати.
 Почему то древо всѣмъ древамъ мати?
 На тѣмъ дрѣвѣ на кипарисѣ
 Объявился намъ животворящій крестъ,
 На тѣмъ на крестѣ на животворищемъ
 Распятъ былъ самъ Иисусъ Христосъ,
 Иисусъ Христосъ, царь небесный свѣтъ;
 Потому кипарисъ всѣмъ древамъ мати (!).

(!) *Ильмень* въ областномъ языкѣ употреблѣ-
 ется въ общемъ значеніи озера, низменности, по-
 крытой водою, высохшаго русла рѣки, съ остатками
 мелкихъ озеръ (Буслаева, *Очерки нар. слов.* т. I,
 стр. 460).

(2) Латырь—плектръ, янтарь. (Безсонова къ
 4 вып. пѣсенъ Кирѣвскаго, стр. I—IX).

(3) О кипарисѣ, какъ дрѣво распятія —
 въ апокрифѣ „о крестномъ дрѣвѣ.“ (Пыпина,
Отреч. книги, стр. 82 в 85).

Плакутъ трава всѣмъ травамъ мати.
 Почему плакутъ всѣмъ травамъ мати?
 Когда жидовья Христа распяли,
 Святую кровь Его пролили,
 Мать пречистая Богородица
 По Иисусу Христу сильно плакала,
 По своему сыну по возлюбленному;
 Ронила слезы пречистыи
 На магушку на сыру землю;
 Отъ тѣхъ огъ слезъ отъ пречистыхъ
 Зарождалася плакутъ трава;
 Потому плакутъ трава травамъ мати.
 Океанъ море всѣмъ морямъ мати.
 Почему океанъ всѣмъ морямъ мати?
 Посреди моря океанскаго
 Выходила церковь соборная,
 Соборная, богомольная,
 Святого Климента попа римскаго;
 На церкви главы мраморныя,
 На главахъ кресты золотыя.
 Изъ той изъ церкви изъ соборной,
 Изъ соборной, изъ богомольной,
 Выходила царица небесная;
 Изъ океана моря она омывалася,
 На соборъ-церковь она Богу молилася,
 Отъ того океанъ всемъ морямъ мати.
 Кить рыба всѣмъ рыбамъ мати.
 Почему же кить рыба всѣмъ рыбамъ мати?
 На трехъ рыбахъ земля основана.
 Стоитъ кить рыба—не сворохнется;
 Когда жъ кить рыба поверотится,
 Тогда мать земля восколыхнется,
 Тогда бѣлый свѣтъ нашъ покончится;
 Потому кить рыба всѣмъ рыбамъ мати.
 Основана земля святымъ духомъ,
 А содержана словомъ божьимъ.
 Стратимъ птица всѣмъ птицамъ мати.
 Почему она всѣмъ птицамъ мати?
 Живетъ стратимъ птица на океанѣ морѣ,
 И дѣтей производить на океанѣ морѣ.
 По божьему все повелѣнью,
 Стратимъ птица вострепенется,
 Океанъ море восколыхнется;
 Топить она корабли гостинныя
 Со товарами драгоценными;
 Потому стратимъ птица всѣмъ птицамъ мати⁽¹⁾.
 У насъ Индрикъ звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ.
 Почему индрикъ звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ?
 Ходитъ онъ по подземелью,
 Прочищаетъ ручьи и проточины,
 Куда звѣрь пройдетъ,
 Тута ключъ кипитъ,
 Куда звѣрь тотъ поверотится,
 Всѣ звѣри звѣрю поклонятся.
 Живетъ онъ во святой горѣ,

⁽¹⁾ Въ другихъ вариантахъ *Страфиль* — греческое: *стронеос* — *Страусъ*, въ другомъ славянскомъ образѣ *ноя*, или *ноа*, сербск. *ной*, птица „великая страховитая.“ (Калита Переходка, вып. 2, стр. 369).

Пьетъ и ѣсть во святой горѣ,
 Куды хочетъ, идѣтъ по подземелью,
 Какъ солнушко по поднебесью;
 Потому же у насъ индрикъ звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ.—

Возговорилъ Володимиръ князь:
 „Ой ты гой еси, премудрый царь,
 Премудрый царь, Давидъ Евсеевичъ!
 Мнѣ вочесъ, сударь, мало спалось,
 Мнѣ во снѣ много видѣлось:
 Кабы съ той страны со восточной,
 А съ другой страны со полуденной,
 Кабы два звѣря собиралися,
 Кабы два лютые собѣгалися,
 Промежду собой дралися билися,
 Одинъ одного звѣрь одолѣть хочеть.“
 Возговорилъ премудрый царь,
 Премудрый царь Давидъ Евсеевичъ:
 —Это не два звѣря собиралися,
 Не два лютые собѣгалися;
 Это кривда съ правдой соходилася,
 Промежду собой билися-дралися,
 Кривда правду одолѣть хочеть;
 Правда кривду переспорила.
 Правда пошла на небеса,
 Къ самому Христу, царю небесному;
 А кривда пошла у насъ вся по всей землѣ,
 По всей землѣ по свѣтъ-русской,
 По всему народу христіанскому;
 Отъ кривды земля восколебалася,
 Отъ того народъ весь возмущается;
 Отъ кривды сталъ народъ неправильный,
 Неправильный сталъ, злопамятный;
 Они другъ друга обмануть хотять,
 Другъ друга поѣсть хотять.
 Кто не будетъ кривдой житьъ,
 Тотъ причащенный ко Господу,
 Та душа и наследуетъ
 Себе царство небесное.—
 Старымъ людямъ на послушанье,
 А молодымъ людямъ для памяти.
 Славу поемъ Давиду Евсеевичу,
 Во вѣки его слава не минуется.

(Христом. О. Ф. Миллера).

Сравни стихъ съ іерусалимской бесѣдой. Пам. стар. литер. 2, 307—308.

„Въ стихѣ о Голубиной книгѣ христіанскія имена и преданія смѣшиваются съ апокрифическими выдумками и языческими въроваемыми отдаленной эпохи. Вѣсть Володимира въ другомъ вариантѣ, этою произведеніемъ является, то Володѣ Володотичъ (т. е. доисторическій великанъ), то какой то Володотичъ Володотичовичъ. Разговоръ Давида съ Владимиромъ ведется въ стилѣ древнѣйшихъ эпическихъ составленій о мудрости и еялохъ знаній. Большая часть старинныхъ помятъ въ этомъ стихѣ

заимствованы из апокрифическаго сочиненія, известнаго подъ именемъ Бесѣды—будто бы—трехъ святителей. Понятія о чудесныхъ животныхъ взяты изъ средневьковыхъ Бестиаріевъ, или сборниковъ о свойствахъ зверей, птицъ, рыбъ и пресмыкающихся.

Нѣкоторыя подробности восходятъ своимъ началомъ къ мифической эпохѣ, каковы: о созданіи земли, воздуха, солнца и проч. изъ составныхъ частей какого-то мифическаго существа, а также происхождение костей отъ человекъ отъ камней, крови отъ моря и т. д. Въ одномъ вариантѣ стиха о Голубиной книгѣ сохранилось преданіе о

происхожденіи сословій, напоминающее Индійскій мифъ о происхожденіи кастъ изъ устъ, отъ рукъ и отъ ногъ Брами; а именно:
Зачадились ⁽¹⁾ цари со царицами
Отъ честной главы отъ Адамовой;
Зачадились князья со боярами
Отъ честныхъ мощей ⁽²⁾ отъ Адамовыхъ;
Завелось крестьянство православное
Отъ того колѣна отъ Адамова.

Вмѣсто запря Идрика въ друицѣхъ вариантѣхъ: едикорогъ и ипорогъ, ипорогъ.

(Примѣч. проф. Буслаева. Христ. 1620—1621).

В. СТАТЬИ ИЗЪ НОВЫХЪ СОЧИНЕНІЙ.

91. Историческіе очерки народнаго міросозерцанія и суевѣрія.

....Извѣстно, что церковные учителя древней Руси строго преслѣдовали народныя мифологическія воззрѣнія на природу, какъ «блговскія мечтанья», искореняли всѣ эти живые эпические образы народнаго міросозерцанія — естественныя выраженія младепческой фантазіи народа. На мѣсто того, они вкореняли въ народныя понятія или библейскія изображенія природы, библейскую физикку, или мѣнія и воззрѣнія отцевъ и учителей восточно—византійскихъ. Сами они, какъ воспитанники церковно—византійской школы, учились христіанскому міросозерцанію вполне по библейскимъ и византійскимъ источникамъ. Древне—русскіе книжники, писатели и учителя почерпали понятія о мірѣ, во 1-хъ изъ книги Бытія, псалмовъ Давида и вообще изъ книгъ библейскихъ; во 2-хъ

изъ разныхъ греко—восточныхъ толкованій на книгу бытія Епифанія Кипрскаго, изъ Шестоднева Василія В., изъ передѣлки его Шестоднева Іоанна экзарха Болгарскаго, изъ толкованія Аванасія Александрійскаго на псалтирь, изъ твореній Григорія Богослова, изъ книги «Небеса» Іоанна Дамаскина; въ 3-хъ изъ богослужебныхъ книгъ, въ которыхъ вполне выразилось восточно—библейское міросозерцаніе; въ 4-хъ изъ византійскихъ космографій, хронографовъ, палей и т. п. Церковные писатели послѣдующихъ вѣковъ прибавляли къ этому нѣкоторые другіе, болѣе спеціальныя источники. Такъ напр. Кириллъ Бѣлозерскій читалъ и списывалъ статьи изъ Галена о происхожденіи грома и молніи, о падающихъ звѣздахъ, объ

(1) Т. зародились, отъ сл. чадо.

(2) Т. е. отъ тѣла.

устройствъ земли, о землетрясеніяхъ, о четырехъ стихіяхъ, о моряхъ и проч. Въ 1385 году (*Татищ. Ист. Рос. IV, 313*) Дмитрій Зографъ перевелъ съ греческаго на русскій языкъ сочиненіе Георгія Писиды «Похвала Творцу міра», книгу весьма обильную средневѣковыми и преимущественно восточными сказаніями и понятіями о природѣ, о разныхъ ея явленіяхъ и предметахъ....

Стараясь уничтожить народную вѣру въ зооморфическую и антропоморфическую одицетворенность силъ, стихій и явленій природы, церковные учителя внушали народу, на основаніи греко-восточнаго христіанскаго міровоззрѣнія, что надъ каждой стихіей, надъ каждымъ явленіемъ природы, Богъ поставилъ особу духовъ, ангеловъ. Такъ въ церквахъ русскихъ съ XI вѣка читалось народу толкованіе Епифанія Кипрскаго на книгу Бытія, гдѣ подробно раскрывается мысль, что ангелы представлены управлять стихіями и явленіями природы. Толкованіе это, особенно то мѣсто изъ него, гдѣ говорится объ ангелахъ грома, молніи, вѣтра и проч., переносилось въ многочисленныхъ сборникахъ и занесено было въ такіе сборники, которые преимущественно или даже исключительно наполнены статьями народнаго чтенія... (*Сборн. Соловецк. библ. при Казанск. Дух. Акад. № 993*). Такъ напр. читаемъ въ сборникѣ Епифанія сказаніе, какъ «Богъ сотвори отъ начала до седьмаго дни: въ 1-й день небеса вышняя и землю и воду, отъ нихъ же есть снѣгъ и градъ, и ледъ, и роса, и духъ, и служащій предъ ними, суть сіи ангелы: ангелъ духомъ и бурѣ, ангелъ облакомъ и мглѣ и снѣгу, ангелъ студени и звою, и зимѣ и осени и всѣмъ духомъ, ангелъ земли, тмѣ и проч. (1).

(1) Епифаній, согласно съ мнѣніями другихъ греко-восточныхъ учителей, признавалъ также особу ангеловъ, гениевъ народныхъ.

Мысль эта, развитая учителями грековосточными и сообщенная въ нихъ твореніяхъ славяно-русской церковной письменности, съ самыхъ первыхъ вѣковъ стала догматомъ для нашихъ книжниковъ. Уже лѣтописецъ Несторъ съ полною вѣрою записалъ въ своей лѣтописи (6618 г.) знаменіе въ Печерскомъ монастырѣ и по поводу его высказалъ свое убѣжденіе въ дѣйствительности присутствія ангеловъ въ природѣ....

По русскимъ апокрифическимъ сказаніямъ, имѣющимъ связь съ византійско-гностическими апокрифами, во всѣхъ явленіяхъ и силахъ природы представляются дѣйствующими духи божіи—ангелы, напр. былъ особый, «ангелъ въ солнцѣ». Непрочтѣнные грамотники еще болѣе утверждались въ такомъ убѣжденіи, если читали апокрифическую книгу «о всей твари чтеніе», гдѣ сказано «какъ 300 ангелъ солнце воротятъ». Въ глубокой древности образовалось, и доселѣ существуетъ между нашими поселянами, повѣрье, что *каждое свѣтило имѣетъ своего ангела: одинъ ангелъ носитъ по небу солнце, другіе луну и звѣзды*. Вечеромъ каждый ангелъ *зажигаетъ свою звѣзду какъ лампаду, а къ утру тушитъ ее (1)*.

Вѣра въ ангельское міроуправленіе, въ живое участіе ихъ въ жизни природы, народное этическое міросозерцаніе представляло ихъ духами или силами, борющимися съ враждебными началами и силами мнелоогического міросозерцанія. Это, по народному представленію, были добрые духи или начала, поборающія зловредныя силы и начала физической жизни (2). Въ такомъ значеніи, они, вмѣстѣ съ святы-

(1) См. Отеч. Зап. 1842 г. № 6, стр. 51. Архив. истор.-юрд. Казачова 1854 г. кн. 1, VI, 8.

(2) Какъ у древнихъ Грековъ были особые по небесные, воздушные духи, у Нѣмцевъ и Скандинавовъ—свои; такъ и по славянскимъ представленіямъ духи были и добрые и злые въ природѣ.

ской земли... «Пустыня была непроходимая» (большая часть московской области съ XIV в.), писалъ напр. въ половинѣ XVII в. Троицкій келарь Симонъ Азаринъ въ предисловіи къ сказанію о чудесахъ Сергія Радонежскаго, — «нынѣ же всѣмъ зрѣны окрестъ обители поля, мірскія села и деревни многолюдныя. Страны не была тогда и непроходно бысть человеческими стопами, нынѣ же пути дороги велиа и проѣзды всякаго чина людямъ, днемъ и ночью безпрестанно идущимъ. Много же тогда гадовъ и ползущихъ змѣевъ являхуся ему на устрашение безстрастному его житію, нынѣ же окрестъ обители его, за 10 поприщъ и вѣдшее ползущихъ змѣевъ и ужемъ не бывають. И елико людей во обители и около обители въ слободахъ множишася, толико по премногу вода и всякая потреба изобилуашася. Тогда въ рощахъ тѣхъ и деревьяхъ толико не бысть, елико нынѣ многолюдственное число человекъ въ слободахъ, на тѣхъ мѣстахъ, идѣже рощи велицы быша»..... (Времен. X. Смысл).

Древне-русскій человекъ, представляя, что въ области природы дѣйствуютъ не физическія силы, а силы святыхъ, что одинъ святой особенно дѣйствуетъ напр. стихіей огня или воды, другой поставленъ надъ растеніями, третій надъ тѣми или другими животными, четвертый изцѣляетъ болѣзни и что одинъ святой особенно изцѣляетъ ту, другой другую болѣзнь и проч., — древне-русскій простолюдинъ иногда наввно вопрошалъ явившагося ему во свѣдѣнн святого: кому, какому святому молиться въ случаѣ какого-либо бѣдствія или матеріальной нужды; святой указывалъ, кого когда призывать. И такъ мало помалу составились особыя народныя, такъ сказать, святцы, по которымъ знали, какой именно святой чѣмъ въ природѣ обладаетъ, и что у какого святого просить.....

Отъ времени отдаленнаго пастушескаго быта до настоящаго времени, нашъ простой, сельскій народъ почти нисколько не подвинулся дальше первоначальнаго, узкаго, пастушески-земледѣльческаго и домашне-очаговаго возрѣнія на вселенную. Деревенскій мужикъ нашъ, а также и необразованный купецъ и мѣщанинъ, столько уменъ, находчивъ, хитеръ, ловко изворотливъ въ практикѣ житейской, особенно въ практикѣ мірской, закрѣпленной вѣковыми смыслами и опытомъ народнымъ, столько же, къ прискорбію, близорукъ, невѣжественъ и суевѣренъ въ міросозерцаніи, — въ чемъ, впрочемъ, все не онъ одинъ виноватъ.....

Своеобразныя и заимствованныя народныя понятія о мірѣ особенно характеристично выразились въ разныхъ сказаніяхъ о началѣ и концѣ міра... По всѣмъ этимъ сказаніямъ, міръ творили Богъ и сатаналъ или чортъ вмѣстѣ: сатана все больше портилъ и творилъ безобразныя созданія — гадовъ, мошекъ или неровности земныя — горы, и т. п.; а Богъ творилъ все высшее и прекрасное, все приводилъ въ порядокъ и гармонию. Міръ производится ими изъ горсти земли, или изъ песка, либо камня, взятаго со дна морскаго, и проч. Мы приведемъ простонародный русскій рассказъ о *сотвореніи міра*, изъ сборника г. Якушкина: «Сталъ Господи міръ творить, гдѣ народу жить. Распустилъ онъ море-окіяны: надо землю съять. Прибѣжалъ лукавый чортъ, да и говоритъ Господи: «ты, Господи, все творишь: весь міръ сотворишь, окіяны море напустишь; дай мнѣ хоть землю насѣять!» — «Сѣй!» сказалъ Господи. Сѣялъ, сѣялъ лукавый, — никакого толку! — «Опускайся ты, лукавый, сказалъ Господи, на самое дно моря, достань ты, лукавый, горсть земли.» Опустился лукавый на дно моря, захватилъ лукавый горсть земли, вынырнулъ: глядь — всю землю водою размыло. Опустился въ дру-

гой,—тоже: въ горсти нѣтъ земли. Опустился лукавый въ третій разъ, и, по божьему повелѣнью, оставалась за ногтемъ песчиночка. Богъ взялъ ту песчиночку, и насыпалъ всю землю, съ травами, съ гѣсами, со всякими для человѣка угодами.—«Будемъ съ тобою, Господи, братьями родными, сказалъ лукавый Господу:—ты будешь меньшей братъ, я большой!»—Господи усмѣхнулся. «Будемъ, Господи, братьями ровными».—Господи усмѣхнулся оиать.—«Ну, Господи, ты будешь старшій братъ, я меньшей!»—Возьми, говоритъ Господи, возьми меня за ручку повыше локотка: пожми ты ручку ту изъ всей силы».—Лукaвый взялъ Господи за ручку выше локотка; жаль ручку изъ всей силы; усталъ отъ вѣтуги, а Господи стоитъ да только усмѣхается. Тутъ Господь только взялъ лукаваго за руку: лукавый такъ и присѣлъ. Господи наложилъ на лукаваго крестное знаменіе, лукавый и убѣжалъ въ преисподнюю.—Люди, да еще святые люди, нарицаются сыны божіи; а лукавый хотѣлъ къ Господу въ братья загнѣсть».
(Лит. литер. II, 100).

...Вовсе не зная и не подозрѣвая въ мірѣ дѣятельности силъ, сопряженныхъ съ веществомъ и съ механизмомъ мірозданія,—Славяно-язычники повсюду въ природѣ видѣли дѣйствующими боговъ и другихъ высшихъ, сверхъестественныхъ существъ: въ небѣ видѣли напр. Сварога, въ солнцѣ—Хорса, Дажьбога, въ громѣ и молніи—Перуна, въ огнѣ—Сварожича, въ водѣ и воздухѣ—Вилъ и русалокъ, въ деревьяхъ—дѣвъ и т. д. Церковь, хотя съ большимъ и продолжительнымъ трудомъ, но мало по малу успѣла привить къ сохранившейся у Славянъ вѣрѣ въ единого верховнаго бога природы вѣру въ библейско-христіанскаго Бога, какъ владыку и повелителя міра. Сама церковь вполне усвоила это восточно-библейское міровоззрѣніе.

По этому міросозерцанію, весь міръ есть непосредственное проявленіе воли и дѣятельности Господа, грознаго владыки и повелителя вселенной. Не только все на земной планетѣ, но и весь звѣздный міръ представляются существующими для службы человѣку и для безусловнаго исполненія воли вездѣущаго и всемогущаго владыки мірозданія. Въ такомъ смыслѣ церковь передавала свое воззрѣніе на міръ массамъ русскаго народа... Такой взглядъ на міроуправленіе проникъ и въ памятники народной письменности. Здѣсь вся природа представляется послушною служебницею, покорною рабою Господа вселенной, глубоко сочувствующею правосудію Его, соболѣзнующею о грѣхахъ людскихъ, готовою всѣми силами своими наказывать людей за оскорбленіе Владыки міра...

Подъ вліяніемъ такихъ церковныхъ и апокрифическихъ богословскихъ воззрѣній на физическое міроуправленіе, мало по малу глубоко укоренилась и въ народномъ міросозерцаніи вѣра въ міровую державу единого Бога вселенной, вмѣсто владычества многочисленныхъ языческихъ боговъ природы. Солнце, мѣсяцъ, громъ, молнія, дождь, земля, самыя священныя божества въ циклѣ земледѣльческаго міровоззрѣнія, низшли съ высоты религиозно-языческой апотеозы, божественнаго міродержавія,—и уступили мѣсто единому Богу, творцу и вседержителю вселенной...

Въ нашемъ народномъ міросозерцаніи, суевѣрное ожиданіе кончины міра стоитъ въ связи съ языческими преданіями. Какъ произошелъ міръ, по языческой космогоніи, отъ *царя-огня* и *царицы-воды* и основался на *китахъ*, такъ и будущее разрушеніе его приписывается тому же огню подземному и мнѣческому огнеродному чудовищу океана—киту великому...

Обозрѣвая полный историческій циклъ русскаго народнаго звѣзднаго міросо-

Зорцанія, мы прикличемо въ себѣ два отличительныхъ направленія: гранатичье, книжное, заимствованное, и собственно-народное, непосредственно—натуральное. Въ книжномъ или гранатичьемъ міросозерцаніи преобладаютъ сѣсь еврейски-кабалистическихъ, аристотельскихъ и западныхъ схоластико и физико-теологическихъ воззрѣній на звѣздное небо. Въ собственно-народномъ воззрѣніи преобладаютъ непосредственно-наглядныя и мифологическія представленія о небѣ и небесныхъ явленіяхъ...

Отъ тѣхъ временъ, когда небо представлялось божествомъ, или жилищемъ божества, сохранилось донынѣ существующее въ народной вокаліи представленіе свѣтилъ небесныхъ очами неба или лицами небснаго Бога. Эпическое уподобленіе свѣтилъ небесныхъ глазамъ или представленіе ихъ очами неба—общее всѣмъ народамъ. Скандинавскіе поэты солнце, луну и звѣзды называютъ очами неба...

Изъ безчисленныхъ системъ звѣзднаго неба, народное міросозерцаніе подѣлило весьма не много звѣздныхъ группъ. И тѣ оно подѣлило крайне поверливо и представляло баснословно, ни сколько не изображая ихъ истинной космической природы... Въ средніе вѣка, когда вообще въ небесныхъ свѣтилахъ видѣли знашенія земныхъ событій, наши предки назвали млечный путь, по нашествію Татаръ, *батыевымъ путемъ*, думая, что на небѣ именно въ млечномъ пути отобразилась страшная путь Батыя. Названіе это сохраняется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и теперь...

Безъ разумнаго, научнаго знанія звѣзднаго неба, нашъ простой народъ неизбѣжно долженъ былъ, подобно всѣмъ націямъ, чуждымъ астрономическаго просвѣщенія, съ рабскимъ суевѣріемъ предаваться всякимъ предрасудочнымъ и невѣжествен-

ными представленіями о вліяніи небесныхъ свѣтилъ на земную природу и организмъ человека...

Такіе предрасудки относительно луны мастера господствовали и доселѣ сохраняются и въ нашемъ народѣ, чуждомъ просвѣщенія. Первоначальнѣйшій источникъ ихъ должно полагать языческую вѣру въ мѣсяць, какъ въ живое, божественное существо... Съ другой стороны русскіе народные гранатики много предрасудочныхъ притѣтъ о лунѣ заимствовали изъ общахъ славянскихъ астрономическихъ источниковъ. Напримѣръ, у Сербовъ распространены были подробныя гномоники или «Сказанія о животѣ и о гаданіи», въ которыхъ по мѣсяцамъ раскрывается вліяніе луны на землю, на плодородіе, на здоровье людей, на погоду и проч. Эти суевѣрныя сказанія отъ Сербовъ перешли и къ Русскимъ...

У крестьянъ нашихъ отъ вѣковъ языческаго міросозерцанія сохранилось много суевѣрныхъ притѣтъ относительно вліянія новолунія или полнолунія на разные земледѣльческія работы. Вспомни подѣ вліяніемъ языческаго суевѣрнаго воззрѣнія на мѣсяць, какъ на живое, божественное существо, предрасудки эти, переходя изъ рода въ родъ, крѣпко держатся между крестьянами, единственно во совершенному незнанію «языческой» сущности луны, вообще естественныхъ наукъ и, въ частности, метеорологіи...

Для непросвѣщенныхъ и суевѣрныхъ людей и народовъ, кажется, ничто на небѣ такъ не изумительно и не страшно, какъ затмѣнія солнца и луны. Ужъ самый необычайный видъ этихъ явленій, одно неожиданное нарушеніе въ нихъ обычнаго цвѣта или диска солнца и луны возбуждали ужасъ въ суевѣрныхъ умахъ. Вотъ, напримѣръ, луна вступаетъ въ земную тѣнь, вдругъ часть ея помрачается и принимаетъ сѣрый цвѣтъ; луна болѣе и болѣе погружается въ земную тѣнь;

сѣрый цвѣтъ все переходитъ въ красный, наконецъ, наступаетъ полное затмѣніе, и весь лунный кругъ представляетъ особенно темно-красный цвѣтъ, происходящій отъ того, что разсѣянный свѣтъ освѣщенной земной атмосферы попадаетъ въ тѣнь. Суевѣріе видитъ въ этомъ темно-красномъ цвѣтѣ превращеніе луны въ кровь, и ужасается. Еще въ большой страхъ и изумленіе приходятъ суевѣрные массы, когда бываютъ полныя затмѣнія солнца, то есть, когда земля проходитъ черезъ тѣнь луны, ядро лунной тѣни падаетъ прямо на извѣстныя жѣста земли, и солнечный кругъ совершенно закрывается луною. Тамъ, гдѣ бываетъ полное затмѣніе, распространяется особенная темнота, небо кажется сѣрымъ и замѣтны въкоторыя изъ самыхъ блестящихъ звѣздъ. Черный лунный кругъ окруженъ широкимъ волнующимся сіяніемъ отъ котораго распространяются желтые лучи. Во время полнаго солнечнаго затмѣнія, все животное царство приходитъ въ тревожное состояніе: птицы кружатся, какъ испуганныя, собаки воютъ, лошади и другія животныя выказываютъ безпокойную болзливость. Неудивительно по этому, если это чрезвычайно-рѣдкое явленіе всегда приводило въ ужасъ и людей необразованныхъ и суевѣрныхъ...

Въ языческія времена, въ эпоху зѣрловнаго и пастушескаго быта, въ періодъ космогоническаго міровоззрѣнія, суевѣрію Славянъ такъ же, какъ и другимъ невѣжественнымъ народамъ, мерещились на небѣ злыя существа—*солнцодлаки*, которые будто бы и пожирали солнце и луну, и производили затмѣнія... Въ лѣтописи читаемъ: «погибе солнце и бысть яко мѣсяць, его же глаголютъ невѣгласи: *сильдагмо солнце*» (*Ипат. 7*). Лѣтописцамъ, вообще, затмѣнія казались *погибелью* или уничтоженіемъ солнца и луны; они постоянно отыѣчаютъ эти явленія такими словами: *погибе солнце,*

погибе мѣсяць ось или бысть погубь лунь. Христіанское народное суевѣріе то относитъ затмѣнія солнца и луны къ дѣйствіямъ Бога, то приписываетъ ихъ злымъ духамъ. Во всякомъ случаѣ они возбуждали ужасъ въ невѣжественномъ народѣ...

Какъ затмѣнія солнца и луны, такъ и всѣ другія, свѣтотѣныя видоизмѣненія небесныхъ тѣлъ невѣжественнымъ народамъ казались и кажутся не постижимыми, сверхъестественными знаменіями. Въ средніе вѣка, всѣ убѣждены были, не только простолюдины, но и церковныя книжники, начиная отъ лѣтописца Нестора, что различныя измѣненія въ солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ назначены быть знаменіями къ добру или къ худу. Тогда и за весь вообще физическій міръ, и на звѣздный въ особенности, смотрѣли, какъ на вѣщаго оракула судебъ земли и людей. Ко всякому звуку въ природѣ съ чутокъ суевѣріемъ прислушивались, ко всякому явленію зорко и боязливо присматривались. Такое воззрѣніе на природу отчасти наследовано было отъ языческаго, непосредственно-натуральнаго міросозерцанія. И оно особенно отнеслось къ чудесамъ неба... Наши старинныя книжники видѣли на небѣ книгу судебъ міра и церкви, откровеніе гнѣва или милосердія небеснаго, отраженіе судебъ земли и земства. Суевѣрное церковно-народное міросозерцаніе придавало свѣтлымъ небеснымъ, ихъ различнымъ явленіямъ и видоизмѣненіямъ, такое могущественное, міронравительное значеніе въ дѣятельности земной природы и въ исторической жизни земства, что всѣ лѣтописи, съ XI до XVI в. и далѣе были вмѣстѣ лѣтописями физическихъ явленій и, въ частности, явленій звѣзднаго неба, затмѣній солнца и луны, явленій различныхъ новыхъ звѣздъ, кометъ, и проч...

Вѣрованіе во вліяніе звѣздъ на земную жизнь въ нашемъ простомъ народѣ ведетъ

ся съ языческихъ временъ. Въ язычествѣ, напримѣръ, приписывалось звѣздамъ вліяніе на плодородіе овецъ... Что касается до рожденія и судьбы человека, то въ этомъ отношеніи суевѣріе это первоначально происходило изъ началъ языческаго міросозерцанія, а потомъ подкрѣплялось иноземными астрологическими преданіями...

Какъ неподвижнымъ звѣздамъ народное суевѣріе усвоило вліяніе на рожденіе и характеръ людей, такъ въ *падающихъ звѣздахъ* видѣли знакъ чьей-либо смерти. Есть народный разсказъ о трехъ сестрахъ-вѣдьмахъ, которымъ послѣ смерти досталось весь вѣкъ *ворять на небѣ тремъ звѣздами*, близъ млечнаго пути: звѣзды эти называются *оплечьи зори*. Падающая звѣзда до сихъ поръ почитается въ народѣ знакомъ чьей-либо смерти въ семьѣ; потому, увидя паденіе звѣзды, обыкновенно говорятъ: «кто-то умеръ!» или: «чья-то душа покатылась» (*Архивъ Калачова 1855, IV, 128*). Въ настоящее время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр. въ Симбирской губ., падающія звѣзды почитаютъ также за огненныхъ змѣй или демоновъ, которые будто бы летаютъ къ людямъ и вселяются въ нихъ, отъ чего такъ много бѣснующихся (*Этнограф. сборникъ V, 9*). Падающія звѣзды слыгутъ также въ народѣ за признакъ лишенія дѣвицы невиновности. Надъ чьимъ домоу упадетъ звѣзда, въ той семьѣ, по повѣрью, дѣвица утратила дѣвственность..

Явленіе кометъ, какъ извѣстно, также всегда было страшнымъ знаменіемъ для суевѣрія. Въ древней Руси, невѣжество видѣло въ кометахъ знаменіе политическихъ или общественныхъ несчастій. Напримѣръ, въ лѣтописяхъ часто встрѣчаемъ такіа сказанія: «Въ лѣто 1382 бысть такое проявленіе: по многія нощи являшеся таковое знаменіе на небеси: на востоцѣ, предъ раннею зарею, *звѣзда* вѣкала,

какъ *хвостата* и акоче *комльнма* образомъ овогда вечерней зарѣ, овогда же и во утренней, тоже многыжды бываше. Се же знаменіе проявляше злѣе пришествіе Тохтамышева на русскую землю и горькое поганыхъ татаръ нахожденіе на крестьяны... Небо для нашего простаго народа—темна вода во облацѣхъ небесныхъ, необъятный предметъ грубыхъ суевѣрій и предразсудковъ. Кромѣ суевѣрій славянской мѣологии и средневѣковой астрологіи, въ народныхъ астрономическихкихъ заблужденіяхъ и суевѣріяхъ отразились въ грубыхъ формахъ византизмъ и финскія суевѣрія.

(Изъ сочин. А. П. Щанова. Жур. Мин. Народ. Пр. 1863 г. кн. 1—6 отд. IV).

92. Характеръ древне-русской образованности сравнительно съ западно-европейскою.

...Въ то время, какъ римское богословіе развивалось посредствомъ схоластической философіи, писатели восточной церкви, не увлекаясь въ односторонность силлогистическихъ построений, держались постоянно той полноты и цѣльности умозрѣнія, которыя составляютъ отличительный признакъ христіанскаго любознудія. Ибо не надобно забывать, что все современное просвѣщеніе тогда сосредоточивалось въ Византіи. Древніе писатели христіанскіе и языческіе, и особенно писатели философы, были коротко знакомы образованнымъ Грекамъ,—и очевидные слѣды ихъ основательнаго изученія видны въ большей части духовныхъ твореній, до самой половины XV в., между тѣмъ какъ Западъ необразованный и, можно даже сказать, невѣжественный сравнительно съ Византіей, до самаго почти XIV в. обращался въ своемъ мышленіи почти единственно въ кругу однихъ латинскихъ писателей, за исключеніемъ только немногихъ грече-

скихъ. Только въ половинѣ XIV в. основана была первая ученая академія въ Италіи знаменитымъ монахомъ Варлаамомъ, учителемъ Петрарки.—тѣмъ самымъ несчастнымъ предателемъ православной церкви, который, заразившись западною увѣренностью въ своей логической разумности, отвергалъ нѣкоторыя, непонятныя ему, догматы христіанскаго ученія и былъ за то осужденъ Константинопольскимъ соборомъ и изгнанъ изъ Греціи съ безчестіемъ; но за то — тѣмъ съ большою честію принятъ въ Италіи.

Аристотель, безъ всякаго сомнѣнія, былъ лучше и основательнѣе извѣстенъ Грекамъ, чѣмъ Латинянамъ,—хотя, можетъ быть, безъ тѣхъ дополненій, которыми обогатили его арабскіе и латинскіе ученые, и которыя, до самаго паденія схоластическаго воспитанія въ Европѣ, составляли необходимое условіе всякаго развитія ума на Западѣ. Однакоже въ греческихъ мыслителяхъ не только не видимъ мы особаго пристрастія къ Аристотелю, но напротивъ того, въ большей части изъ нихъ замѣчаемъ явное предпочтеніе Платона;—не потому, конечно, чтобы христіанскіе мыслители усвоивали себѣ языческія понятія того или другаго; но потому, вѣроятно, что самый способъ мышленія Платона представляетъ болѣе цѣльности въ умственныхъ движеніяхъ, болѣе теплоты и гармоніи въ умозрительной дѣятельности разума. Отъ того, почти тоже отношеніе, какое мы замѣчаемъ между двумя философами древности, существовало и между философіей латинскаго міра, какъ она выработывалась въ схоластикѣ, и тою духовною философіей, которую находимъ въ писателяхъ церкви восточной, особенно ясно выраженную въ св. отцахъ, жившихъ послѣ римскаго паденія.

Достоинно замѣчанія, что эта духовная философія восточныхъ отцевъ церкви, ли-

савшихъ послѣ X в., — философія прямо и чисто христіанская, глубокая, живая, возвышающая разумъ отъ разсудочнаго механизма къ высшему, нравственно свободному умозрѣнію;—философія, которая даже и для невѣрующаго мыслителя могла бы быть поучительною, по удивительному богатству и глубинѣ и тонкости своихъ психологическихъ наблюденій,—не смотря однако же на всѣ свои достоинства (умозрительныя) была такъ мало доступна разсудочному направленію Запада, что не только никогда не была оцѣнена западными мыслителями; но, что еще увидѣтельнѣе, до сихъ поръ осталась имъ почти вовсе неизвѣстною. По крайней мѣрѣ ни одинъ философъ, ни одинъ историкъ философіи, не упоминаетъ объ-ней,—хотя въ каждой исторіи философіи находимъ мы длинныя трактаты о философіи индѣйской, китайской и персидской. Самыя творенія восточныхъ писателей оставались долго неизвѣстными въ Европѣ; многія до сихъ поръ еще остаются незнакомы имъ; другія хотя извѣстны, но оставлены безъ вниманія, ибо не были поняты; нѣкоторыя изданы еще весьма недавно, и тоже не оцѣнены. — Нѣкоторые богословскіе писатели Запада, хотя и упоминали о нѣкоторыхъ особенностяхъ писателей восточныхъ, но такъ мало могли постигать эту особенность, что изъ ихъ словъ часто должно вывести заключеніе, прямо противоположное истинѣ.—Наконецъ ни въ одномъ почти изъ богословскихъ писателей Запада не замѣтно живаго слѣда того вліянія, которое необходимо должны бы были оставить на нихъ писанія восточной церкви, если бы они были извѣстны имъ хотя въ половину противъ того, какъ имъ извѣстны были писатели древне-языческіе: изъ этого должно исключить, можетъ быть, одного Оому Кемпійскаго,—или Герсона, если только книга, имъ приписываемая, принадлежитъ дѣйствительно имъ и не есть, какъ нѣкоторые полагаютъ, пере-

воду съ греческаго, передѣланный нѣсколько по латинскимъ понятіямъ.

Конечно, въ писателяхъ восточной церкви, жившихъ послѣ отдѣленія римской, нельзя искать ничего новаго относительно христіанскаго ученія; ничего такого, что бы не находилось въ писателяхъ первыхъ вѣковъ. Но въ томъ-то и заключается ихъ достоинство;— въ томъ-то и особенность ихъ, что они сохраняли и поддерживали во всей чистотѣ и полнотѣ ученіе существенно христіанское, и—держась постоянно въ самомъ, такъ сказать, средоточіи истиннаго убѣжденія—отсюда могли легче видѣть и законы ума человѣческаго, и путь, ведущій его къ истинному знанію, и вѣнныя признаки, и внутреннія пружины его разнообразныхъ уклоновъ.

Впрочемъ и древніе отцы церкви, жившіе еще до отдѣленія Рима и слѣдовательно равно признаваемые Востокомъ и Западомъ, не всегда одинаково понимались на Западѣ и на Востоку. — Это различіе могло произойти отъ того, что Востоку всегда были вполне извѣстны *все* писатели и учителя вселенской церкви; западнымъ же ученымъ были знакомы преимущественно латинскіе и только нѣкоторые изъ греческихъ писателей, на которыхъ они тоже смотрѣли сквозь готовые уже понятія, почерпнутыя ими у римскихъ учителей. Отъ того и въ новѣйшія времена, когда они уже короче познакомились съ греческою литературою, то все еще невольно продолжали смотрѣть на нее сквозь тоже ограниченное око, если не съ крѣпкими, то съ туманными стеклами. Этими только можно объяснить себѣ, какими образомъ они могли такъ долго удерживаться въ односторонности своего разсудочнаго направленія, которое иначе должно бы было разрушиться отъ совокупнаго дѣйствія всѣхъ древнихъ отцовъ церкви. Сохраняя же свою односторонность, они или не замѣчали, или иногда даже

вовсе не знали тѣхъ изъ древнихъ писателей, въ которыхъ особенно выражалась сторона, прямо противоположная этой ограниченности, и самодовольно отвергали ее подъ названіемъ *мистицизмъ!*

Отсюда, кромѣ различія понятій, на Востокъ и Западъ происходитъ еще различіе и въ самомъ способѣ мышленія богословско-философскомъ. Ибо, стремясь къ истиннѣ умозрѣнію, восточные мыслители заботятся прежде всего о правильности внутренняго состоянія мыслящаго духа; западные— болѣе о вѣннѣй связи понятій. Восточные, для достиженія полноты истины, ищутъ внутренней цѣльности разума: того, такъ сказать, средоточія умственныхъ силъ, гдѣ всѣ отдѣльныя дѣятельности духа сливаются въ одно живое и высшее единство. Западные напротивъ того, полагаютъ, что достиженіе полной истины возможно и для раздѣлившихся силъ ума, самодвижно дѣйствующихъ въ своей одинокой отдѣльности. Однимъ чувствомъ понимаютъ они нравственное; другимъ—вѣщное; полезное опять особымъ смысломъ. Истинное понимаютъ они отвлеченнымъ разсудкомъ, и ни одна способность не знаетъ, что дѣлаетъ другая, покуда ея дѣйствіе совершится. Каждый путь, какъ предполагаютъ они, ведетъ къ послѣдней цѣли, прежде чѣмъ всѣ пути сойдутся въ одно совокупное движеніе.—Безчувственный холодъ разсужденія и крайнее увлеченіе сердечныхъ движеній—почитаютъ они равно законными состояніями чловѣка; и когда въ XIV в. узнали ученые Запада о стремленіи восточныхъ созерцателей: сохранять безмятежность внутренней цѣльности духа, — то издѣвались надъ этою мыслію, изобрѣтая для нее всякаго рода насмѣшливыя прозванія. Правда, они употребляютъ иногда тѣ же выраженія, какія и восточные, говоря «о внутреннемъ сосредоточеніи духа», «о собраніи ума въ себѣ» и т. д.; но подъ этими словами

обыкновенно разумѣютъ они другое: не сосредоточеніе, не собраніе, не цѣльность внутреннихъ силъ, а только ихъ крайнее напряженіе.—Вообще можно сказать, что центръ духовнаго бытія ими не видѣется. Западный челоѣкъ не понимаетъ той живой совокупности высшихъ умственныхъ силъ, гдѣ ни одна не движется безъ сочувствія другихъ; то равновѣсіе внутренней жизни, которое отличаетъ даже самыя наружныя движенія челоѣка, воспитаннаго въ обычныхъ преданіяхъ православнаго міра: ибо есть въ его движеніяхъ,—даже въ самыя крутыя переломы жизни,—что—то глубоко спокойное, какъ—то неискusstвенная мѣрность, достоинство и вѣстѣ смиреніе, свидѣтельствующія о равновѣсіи духа, о глубинѣ и цѣльности обычнаго міросозерцанія. Евронецъ, напротивъ того, всегда готовъ къ крайнимъ порывамъ, всегда суевѣрный, —когда не театралный,—всегда безукойный въ своихъ внутреннихъ и вѣшнихъ движеніяхъ, только преданіями усиленъ можетъ придать имъ искусственную соразмѣрность.

Ученіа св. Отцовъ православной церкви перешли въ Россію, можно сказать, вѣстѣ съ первымъ благоѣстомъ христіанскаго колокола. Подъ ихъ руководствомъ сложился и воспитался коренной русскій умъ, лежащій въ основѣ русскаго быта.

Обширная русская земля, даже во времена раздѣленія своего на мелкія княжества, всегда сознавала себя какъ одно живое тѣло и не столько въ единствѣ языка находила свое притягательное средоточіе, сколько въ единствѣ убѣжденій, простирающихся изъ единства вѣрованія въ церковныя постановленія. Ибо ея необозримое пространство было все покрыто, какъ—бы одною непрерывною сѣтью, неисчислимымъ множествомъ уединенныхъ монастырей, связанныхъ между собою сочувственными нитями духовнаго общенія.

Изъ нихъ единообразно и единомысленно разливался свѣтъ сознанія и науки во все отдѣльныя племена и княжества. Ибо не только духовныя понятія народа изъ нихъ исходили, но и все его понятія нравственныя, общежительныя и юридическія, переходя черезъ нихъ образовательное вліяніе, опять отъ нихъ возвращались въ общественное сознаніе, принявъ одно общее направленіе. Безразлично составляясь изъ всехъ классовъ народа, изъ высшихъ и низшихъ ступеней общества, духовенство въ свою очередь во все классы и ступени распространяло свою высшую образованность, почерпая ее прямо изъ первыхъ источниковъ, изъ самаго центра современнаго просвѣщенія, который тогда находился въ Царьградѣ, Сиріи и на св. Горѣ. И образованность эта такъ скоро возрасла въ Россіи и до такой степени, что и теперь даже она кажется намъ изумительною, когда мы вспомнимъ, что нѣкоторые изъ удѣльныхъ князей XII и XIII в. уже имѣли такія библіотеки, съ которыми многочисленностью томовъ едва могла равняться первая тогда на Западѣ библіотека парижская (!); что многіе изъ нихъ говорили на греческомъ и латинскомъ языкѣ такъ же свободно, какъ на русскомъ, а нѣкоторые знали притомъ и другіе языки европейскіе,—что въ уединенной тишинѣ монашескихъ келій, часто въ глуши лѣсовъ, изучались и переписывались—и до сихъ поръ еще уцѣлѣли въ старинныхъ рукописяхъ словенскіе переводы тѣхъ отцовъ церкви, которыхъ глубокомысленныя писанія, исполненные высшихъ богословскихъ и философскихъ умозрѣній, даже въ настоящее время едва ли каждому нѣмецкому профессору любознудрія придутся по силамъ мудрости. Наконецъ когда мы вспомнимъ, что эта

(!) Несторъ Шлефера, 4.

русская образованность была такъ распространена, такъ крѣпка, такъ развита, и потому пустила такіе глубокіе корни въ жизнь русскую, что не смотря на то, что уже полтораста лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ монастыри наши перестали быть центромъ просвѣщенія; не смотря на то, что вся смыслящая часть народа своимъ воспитаніемъ и своими понятіями значительно уклонилась, а въ нѣкоторыхъ и совсѣмъ отдѣлилась отъ прежняго русскаго быта, изгладивъ даже и память о немъ изъ сердца своего:—этотъ русскій бытъ, созданный по понятіямъ прежней образованности и проникнутый ими, еще уцѣлѣлъ почти неизмѣнно въ высшихъ классахъ народа: онъ уцѣлѣлъ,—хотя живетъ въ нихъ уже почти безсознательно, уже въ одномъ обычаѣхъ преданіи, уже не связанный господствомъ образующей мысли.

Какая же сила должна была существовать для того, чтобы произвести такое прочное дѣйствіе!—И эта твердость быта, слѣдствіе прежней образованности, замѣчается въ томъ самомъ народѣ, который такъ легко могъ измѣнить свою образованность языческую, когда принялъ христіанское ученіе.

Потому этотъ русскій бытъ и эта прежняя, въ немъ отзывающаяся, жизнь Россіи—драгоценны для насъ особенно по тѣмъ слѣдамъ, которые оставили на нихъ чистыя христіанскія начала, дѣйствовавшія безпрепятственно на добровольно покорившія имъ племена словенскія. И не природныя какія-нибудь преимущества Словенскаго племени заставляютъ насъ надѣяться на будущее его процвѣтаніе: нѣтъ! племенные особенности, какъ земля, на которую падаетъ умственное сѣмя, могутъ только ускорить или замедлить его первое развитіе; онѣ могутъ сообщить ему здоровую или тощую пищу; могутъ наконецъ ему дать свободный ходъ на божьемъ свѣтѣ или заглушить

его чужими растеніями; но самое свойство плода зависитъ отъ свойства сѣмени.

Какое бы ни было наше мнѣніе о пришествіи Варяговъ: добровольно ли вся русская земля призвала ихъ, или одна партія наклекала на другую, но ни въ какомъ случаѣ это пришествіе не было нашествіемъ чужаго племени; ни въ какомъ случаѣ также оно не могло быть завоеваніемъ; ибо, если черезъ полтораста лѣтъ такъ легко можно было выгнать ихъ изъ Россіи, или по крайней мѣрѣ значительную ихъ часть, то какъ же могли бы они такъ легко завоевать ее прежде? Какъ могли бы такъ безмятежно держаться въ ней противъ ея воли? (1). При нихъ спокойно и естественно совершалось образованіе ея общественныхъ и государственныхъ отношеній, безъ всякихъ насильственныхъ нововведеній; единственно въ слѣдствіе внутренняго устройства ея нравственныхъ понятій. Со введеніемъ же христіанства нравственныя понятія рус. человѣка измѣнились; а вмѣстѣ съ ними и его общежительныя отношенія, и потому все общественное устройство рус. земли должно было въ своемъ развитіи принять также направленіе христіанское.

Лучшимъ выраженіемъ той готовности, съ какою Русскій человѣкъ стремился съ самаго начала осуществить въ своей жизни всю полноту принятаго имъ новаго убѣжденія, можетъ служить первое, еще необдуманное желаніе св. Владиміра: прощать всѣмъ преступникамъ. Сама церковь первая остановила его отъ исполненія этого желанія, положивъ так. обр. различіе между обязанностями лично-духовными и свѣтски-правительственными. Вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлила она, съ начала навсегда, твердыя границы между

(1) См. о древ. Рус. Исторіи П. В. Кирѣевскаго Москвит. 1845 г. № 3.

собою и государствомъ, между безусловною чистотою своихъ высшихъ началъ и житейскою смѣшанностію общественнаго устройства: всегда оставаясь внѣ государства и его мірскихъ отношеній, высоко надъ ними, какъ недосягаемый свѣтлый идеаль, къ которому они должны стремиться, и который самъ не смѣшивался съ ихъ земными пружинами. Управляя личнымъ убѣжденіемъ людей, церковь православная никогда не имѣла притязанія насильственно управлять ихъ волею, или пріобрѣтать себѣ власть свѣтски—правительственную, или еще менѣе,—искать формальнаго господства надъ правительственною властію. Государство, правда, стояло церковью: оно было тѣмъ крѣпче въ своихъ основахъ, тѣмъ связнѣе въ своемъ устройствѣ, тѣмъ цѣльнѣе въ своей внутренней жизни, тѣмъ болѣе проникалось ею. Но церковь никогда не стремилась быть государствомъ, какъ и государство въ свою очередь, смиренно сознавая свое мірское назначеніе, никогда не называло себя *святымъ*. Ибо, если рус. землю иногда называли: *св. Русь*, то это единственно съ мыслию о тѣхъ святыняхъ мощей и монастырей и храмовъ божіихъ, которые въ ней находились; а не потому, чтобы ея устройство представляло сопроищаніе церковности и свѣтскости, какъ устройство «Св. Римской Имперіи».

Управляя такимъ образомъ общественнымъ составомъ, какъ духъ управляетъ составомъ тѣлеснымъ, церковь не обладала характеромъ церковности мірскихъ устройствъ, подобныхъ рыцарско-монашескимъ орденамъ, инквизиціоннымъ судилищамъ и другимъ свѣтско-духовнымъ постановленіямъ Запада; но, проникая все умственное и нравственное убѣжденія людей, она невидимо вела государство къ осуществленію высшихъ христіанскихъ началъ, никогда не имѣя его естественному развитію. И духовное вліяніе церкви

на это естественное развитіе общественности могло быть тѣмъ полнѣе и чище, что никакое историческое препятствіе не имѣло внутреннимъ убѣжденіямъ людей выразиться въ ихъ внѣшнихъ отношеніяхъ. Невскаженная завоеваніемъ русская земля въ своемъ внутреннемъ устройствѣ не стѣснялась тѣми насильственными формами, какія должны возникать изъ борьбы двухъ ненавистныхъ другъ другу племенъ, принужденныхъ въ постоянной враждѣ устроить свою совмѣстную жизнь. Въ ней не было ни завоевателей, ни завоеванныхъ. Она не знала ни желѣзнаго разграниченія неподвижныхъ сословій, ни стѣснительныхъ для одного преимуществъ другаго; ни истекающей отсюда политической и нравственной борьбы; ни сословнаго презрѣнія, ни сословной ненависти, ни сословной зависти. Она не знала, слѣдственно, и необходимаго порожденія этой борьбы: искусственной формальности общественныхъ отношеній и болѣзненнаго процесса общественнаго развитія, совершающагося насильственными измѣненіями законовъ и бурными переломами постановленій. И князья, и бояре, и духовенство, и народъ, и дружины княжескія, и дружины боярскія, и дружины городскія и дружина земская, все классы и виды населенія, были проникнуты однимъ духомъ, однимъ убѣжденіемъ, однородными понятіями, однакою потребностью общаго блага. Могло быть разномысліе въ какомъ-нибудь частномъ обстоятельстве; но въ вопросахъ существенныхъ—слѣдовъ разномыслія почти не встрѣчается.

Такимъ образомъ русское общество выросло самобытно и естественно, подъ вліяніемъ одного внутренняго убѣжденія, церковью и бытовымъ преданіемъ воспитаннаго. По тому именно въ немъ не было и мечтательнаго равенства, какъ не было и стѣснительныхъ преимуществъ. Оно представляетъ не плоскость, а лѣсницу, на

которой было множество ступеней; но эти ступени не были вѣчно неподвижны, ибо устанавливались естественно, какъ необходимые сосуды общественнаго организма: а не искусственно, случайности или войны, и не преднамеренно, но категорично разуть...

Вообразая себѣ русское общество древнѣе вѣнецъ, не видя въ немъ ни окружавшей его мягкой черни; ни благороднѣе рыцарей, ни борющихся съ ними гераль. Видя въ безчисленное множество маленькихъ общинъ, во всюду лежку земли русской расселенныхъ и нѣтъ-ничего, каждая на кивѣтнхъ правахъ, своего распорядителю, и составившихъ, каждая свое особое согласіе, или свой маленькій міръ: эти маленькіе міры или согласія сливаются въ другія большія согласія, которыя въ свою очередь составляютъ согласія областныя и наконецъ всеобщими. Изъ вторыхъ уже слѣдуетъ одно общее, аграрное согласіе всей русской земли, нѣтъ-ничего какъ себѣ великаго князя всея Руси, изъ вторыхъ утверждается вся крайя общественнаго дѣла, обираются всѣ силы его верховнаго устройства (1).

Вѣдѣніе такія естественно, простыя и единичныя отношенія, и законы, выражающіе эти отношенія, не могли имѣть характера искусственной формальности: но, исходя изъ дѣла истиннаго: изъ бытоваго преданія и изъ внутренняго убѣжденія, они должны были въ своемъ дѣлѣ, въ своемъ составѣ и въ своемъ приложеніи, имѣть характеръ болѣе внутренней, чѣмъ внѣшней правды: предвѣтная очевидность существующей справедливости — буквальный смыслъ формы, святость преданія — логическому закону

правдивости требований — внѣшней правды. Я говорю, разуться, не о томъ или другомъ законѣ отдѣльно; но о всей, такъ сказать, направленности (тенденціи) древнерусскаго права. Внутренняя справедливость брала въ себя веревку какъ внѣшней формальности.

Между тѣмъ, какъ римско-западныя юридическія отвлеченно выводили логическія заключенія изъ каждаго званнаго условія, говоря: форма — это смыслъ закона, — и старается всѣ формы свести въ одну разунную систему, гдѣ бы каждая часть, но отвлеченно усвоенной необходимости, правильно развивалась изъ каждаго, и все кивѣтнхъ составляло, итакъ-же разунное дѣло, но самымъ логическимъ разуннымъ: право обычное, напротивъ того, какъ оно было въ Россіи, выростало изъ жизни, совершенно чуждалось ригиднаго отвлеченно-логическаго. Законъ въ Россіи не изобрѣтался предварительно какими-нибудь учеными юристами; такъ не обсуждался глубокомысленно и проработанно въ какомъ-нибудь законодательномъ собраніи, и не падалъ потомъ, какъ свѣтъ на голубу, востраемъ всей удивленной толпы гражданъ, долма у нихъ какаго-нибудь уже законнаго вердикта отъ народа...

Въ кивѣтнхъ различны характера правосудія западно-европейскаго и древнерусскаго остаются слѣдующія черты: христианство: правосудіе въ умѣ западныхъ народовъ черезъ ученіе одной римской церкви. — въ Россіи оно заключалось въ свѣдѣніи каждаго верка правосудивой; божественное на Западѣ приняло характеръ разсудочной отвлеченности. — въ правосудивомъ мірѣ оно сохранило внутреннюю кивѣтнхъ дѣла: такъ разноеміе силъ разума, гдѣсь стремленіе къ ней посредствомъ внутренняго возвышенія пониманія къ сердечной кивѣтнхъ и средноточью разума, такъ всякое партикулярное, частное единство. — гдѣсь стремленіе къ внутреннему, живому такъ верховно свѣ-

(1) Этого-всего-смысла-содержанія-и-правды-и-формы-закона-исследовалъ А. П. Шадруковъ. См.

шалась съ государствомъ, соединивъ духовную власть со свѣтскою и слиявъ церковное и мирское значеніе въ одно устройство, сѣмшаннаго характера, — въ Россіи она оставалась не смѣшанною съ мирскими цѣлями и устройствомъ; тамъ схоластическіе и юридическіе университеты, — въ древней Россіи молитвенные монастыри, сосредоточивавшіе въ себѣ высшее знаніе; тамъ разсудочное и школьное изученіе высшихъ истинъ, — здѣсь стремленіе къ ихъ живому и цѣльному познаванію; тамъ взаимное прорастаніе образованности языческой и христіанской, — здѣсь постоянное стремленіе къ очищенію истины; тамъ государственность изъ насилій завоеванія, — здѣсь изъ естественнаго развитія народнаго быта, проникнутаго единствомъ основнаго убѣжденія; тамъ враждебная разграниченность сословій, — въ древней Россіи ихъ единодушная совокупность, при естественной разновидности; тамъ искусственная связь рыцарскихъ замковъ съ ихъ принадлежностями составляетъ отдѣльныя государства, — здѣсь совокупное согласіе всей земли духовно выражаетъ нераздѣлимое единство; тамъ земельная собственность — первое основаніе гражданскихъ отношеній, — здѣсь собственность только случайное выраженіе отношеній личныхъ; тамъ законность формально-логическая, — здѣсь выходящая изъ быта; тамъ наклонность права къ справедливости внѣшней, — здѣсь предпочтеніе внутренней; тамъ юриспруденція стремится къ логическому кодексу, — здѣсь, вѣсть наружной связности формы съ формою, ищетъ она внутренней связи правомѣрнаго убѣжденія съ убѣжденіями вѣры и быта; тамъ законы исходятъ искусственно изъ господствующаго мнѣнія, — здѣсь они рождались естественно изъ быта; тамъ улучшения всегда совершались насильственными перемѣнами, — здѣсь стройнымъ естественнымъ возрастаніемъ; тамъ волненіе духа партій, — здѣсь неизбежность основнаго

убѣжденія; тамъ прихоть моды, — здѣсь твердость быта; тамъ шаткость личной самозаконности, — здѣсь крѣпость семейныхъ и общественныхъ связей; тамъ щеголеватость роскоши и искусственность жизни, — здѣсь простота жизненныхъ потребностей и бодрость нравственнаго мужества; тамъ изнѣженность мечтательности, — здѣсь здоровая цѣльность разумныхъ силъ; тамъ внутренняя тревожность духа, при разсудочной увѣренности въ своемъ нравственномъ совершенствѣ, — у Русскаго — глубокая тишина и спокойствіе внутренняго самосознанія, при постоянной недоувѣренности къ себѣ и при неограниченной требовательности нравственнаго усовершенія. Однимъ словомъ — тамъ раздвоеніе духа, раздвоеніе мыслей, раздвоеніе наукъ, раздвоеніе государства, раздвоеніе сословій, раздвоеніе общества, раздвоеніе семейныхъ правъ и обязанностей, раздвоеніе нравственнаго и сердечнаго состоянія, раздвоеніе всей совокупности и всѣхъ отдѣльныхъ видовъ бытія человѣческаго, общаго и частнаго; — въ Россіи, напротивъ того, преимущественное стремленіе къ цѣльности бытія внутренняго и внѣшняго, общаго и частнаго, умозрительнаго и житейскаго, искусственнаго и нравственнаго...

Отъ чего же образованность русская не развилась полнѣе образованности европейской, прежде введенія въ Россію просвѣщенія западнаго? Отъ чего не опередила Россія Европу?...

Особенность Россіи заключалась въ самой полнотѣ и чистотѣ того выраженія, которое христіанское ученіе получило въ ней, — во всемъ объемѣ ея общаго и частнаго быта. Въ этомъ состояла главная сила ея образованности; но въ этомъ же таилась и главная опасность для ея развитія. Чистота выраженія такъ сливалась съ выражаемымъ духомъ, что человѣку легко было смѣшать ихъ значи-

тельность, и наружную форму уважать наравнѣ съ ея внутреннимъ смысломъ.

...Можетъ быть, начало этого неравновѣсія должно искать рано; но въ XVI в. оно уже становится видимымъ... Уваженіе къ предавію, которымъ стояла Россія, нечувствительно для нея самой, перешло въ уваженіе болѣе наружныхъ формъ его, чѣмъ его оживляющаго духа.— Оттуда произошла та односторонность въ русской образованности, которой рѣзкимъ послѣдствіемъ былъ Іоаннъ Грозный, и которая, черезъ вѣкъ послѣ, была причиною расколовъ, и потомъ своею ограниченностью должна была въ нѣкоторой части мыслящихъ людей произвести противоположную себѣ, другую односторонность: стремленіе къ формамъ чужимъ и къ чужому духу.

(Изъ статьи П. В. Кирьевскаго: „О характеръ просвѣщенія Европы и о его отношеніи къ просвѣщенію Россіи.“ Моск. Собрн. 1852 г. I, 1—68, Москва. 1845 III, 11—52).

Русскую исторію сначала разработывали Нѣмцы—Шлегель, Эверс, Миллеръ,—и впоследствии въ нее ходила нѣмецкія теоріи, которыми рѣзки слѣдовали русскіе историки и не смѣли подвергать ихъ собственному анализу. Формы государственной жизни служили главнымъ предметомъ историческихъ изслѣдованій: о народѣ многочисленнымъ историки совсѣмъ забыли. К. С. Аксаковъ и вообще все славянофилы являются первыми защитниками русскаго народа и противниками узкихъ нѣмецкихъ теорій (*). Не принадлежа къ народу и не имѣя съ нимъ жизненной связи, Нѣмцы не могли истолковать правильно минушую судьбу русской жизни. Изображеніе князей, войны, дипломатическихъ переговоровъ недостаточно для знанія русской исторіи, какъ твердили западные ученые. Намъ нужно знаніе народнаго быта, изученіе общественныхъ внутреннихъ причинъ

(*) Москов. Собрн. 1852 г., т. I, стр. 49—140, въ статьѣ: „О древнѣмъ бытѣ у Славянъ и у русскіихъ въ особенности.“

явленій русской жизни. Соловьевъ, по словамъ Аксакова, содѣлался послѣдователемъ Нѣмца Эверса, провозгласивъ въ наукѣ ученіе о родовомъ бытѣ и образовалъ свою ученическую партію (*). Все народы проходили черезъ первоначальную степень родоваго быта, думаютъ послѣдователи Соловьева; но Аксаковъ доказалъ, что эта теорія о родовомъ бытѣ у русскіихъ Славянъ, совершенно произвольна. Заслуга Аксакова очень значительна въ томъ отношеніи, что онъ убилъ фальшивую теорію родоваго быта и указалъ на основаніе быта общинное или вѣчевое. Народъ управлялся своимъ вѣчемъ и вмѣшивался въ княжескую борьбу въ крайнемъ случаѣ; дружина была стигнута чуждою народомъ. Главный недостатокъ возрѣвнѣй славянофиловъ тотъ, что они представляли слишкомъ идеально древне-русскую жизнь и проводили рѣзкія черты тамъ, гдѣ ихъ не было. Сознывая, какими явленіями должно быть, они мало обращали вниманія на то, что это явленіе было не такимъ на самомъ дѣлѣ, какъ они его представляютъ отвлеченно отъ жизни. Они черезчуръ увлекались московскимъ патріотизмомъ, въ противоположность теоріи западниковъ, превозносившихъ все не русское, и потому у нихъ картина древняго русскаго быта нарисована слишкомъ идеально, пріятельскими чертами и въ грандіозныхъ размѣрахъ.

О заслугахъ славянофиловъ вообще и въ частности о трудахъ К. С. Аксакова по русской исторіи см. рѣчь Н. И. Костомарова. Актъ спб. ун-верс. 1861 г.; также въ Рус. Словѣ. 1861.

93. О книжной литературѣ.

Древній періодъ нашей писменности представляетъ много началъ, развитіе которыхъ могло бы дать средства къ самостоятельной и разнообразной дѣятельности въ литературѣ; характеръ первыхъ произведеній ея обнаруживаетъ благопріятныя условія, въ которыхъ народныя поэтическія стремленія не были заглушаемы вліяніемъ чужой литературы, и, напротивъ, очень ярко выражали свои права. Высшія отношенія ставили правда русскіихъ авторовъ въ зависимость отъ литературы византийской, наследованную нами черезъ южно-славянское посредничество; но эта зависимость не была совершеннымъ подчиненіемъ, и ея дѣйствіе умѣрялось свѣжей привязан-

(*) Мнѣніе о родовомъ бытѣ принято было и проповѣдывано Кавелинымъ, Леонасьевымъ, Колячимъ и друг.

ностью къ началамъ національнымъ. Тринадцатое столѣтіе открыло новый періодъ въ умственной и нравственной жизни древней Руси: внѣшнія несчастія, стѣсненіе самобытности должны были невыгодно отразиться и въ литературѣ, и дѣйствительно эпоха татарскаго владычества положила замѣтный отпечатокъ на ея памятникахъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, многія произведенія до татарскаго періода или совершенно погибли, или остались уединенными свидѣтелями того, въ какихъ размѣрахъ и въ какомъ направленіи могло совершаться прежде литературное движеніе. До насъ дошло только незначительное число рукописей этого времени; рукописи, а съ ними и самыя сочиненія, терялись отъ разныхъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, такъ что о многихъ памятникахъ мы можемъ только догадываться; потому очень часто трудъ изслѣдователя древнѣйшей русской словесности состоитъ только въ томъ, чтобы возстановить по возможности ея фактической составъ и объемъ.

Во внѣшней ея исторіи прежде всего обращаетъ на себя вниманіе тѣсная связь ея съ византійской литературой среднихъ вѣковъ, связь, которая и по извѣстнымъ нынѣ памятникамъ можетъ быть опредѣлена довольно точно. Не говоря о множествѣ сочиненій духовнаго содержанія, принятыхъ нами вмѣстѣ съ христіанствомъ, и которыхъ весьма древніе списки удѣлялы до сихъ поръ, — переводы греческихъ хронографовъ начались почти одновременно съ первыми попытками русской литературной дѣятельности. Знаніе хронографовъ дало первому нашему лѣтописцу возможность представить въ началѣ своего труда короткій, но точный космографическій очеркъ; переводъ Малалы несомнѣнно принадлежитъ десятому вѣку, столько же древнѣе и Амартоль, слѣды котораго въ Несторѣ указывалъ еще Альтеръ (*Philol. krit. Miscell. Wien 1799. 99—100*). Въ историческихъ хронографахъ заключался переходъ къ произведеніямъ чисто-литературнаго характера, какія перешли къ намъ въ послѣдствіи также изъ византійскаго источника; по тѣмъ, которыми, неяснымъ впрочемъ, намекамъ и эти послѣднія можно отнести къ отдаленной старинѣ. Были ли всѣ эти произведенія трудомъ собственно русскихъ переводчиковъ — другой вопросъ, по крайней мѣрѣ ихъ не прямо — русское происхожденіе не мѣшало ихъ дѣйствию на читателей и они помогали между тѣмъ расширенію русскаго литературнаго запаса.

Тотъ широкій путь, которымъ переходили къ русскимъ читателямъ византійскія произведенія, составляли болгарская и сербская письменность, во все время ихъ цвѣтущаго состоянія. Многое, на что у насъ смотрѣли иногда какъ на русское, было принадлежно-

стию литературъ южно-славянскихъ; но переходъ къ намъ, въ нихъ оно иногда не оставило никакихъ слѣдовъ своего существованія. Памятники болгарскіе сохранились большею частью въ русскихъ спискахъ, передѣлывавшихъ особенности старо-славянскаго текста и только у насъ они получили въ послѣдствіи важное значеніе, — какъ древніе переводы византійцевъ для позднѣйшихъ составителей хронографовъ. Сближеніе словесности южно-славянской съ нашею, обуславливалось съ одной стороны единствомъ литературнаго языка, съ другою единствомъ исповѣданія и происхожденія изъ него обстоятельствъ. Взаимное общеніе народовъ приводило къ намъ духовныхъ учителей изъ Болгаріи и Сербіи; они приносили къ намъ памятники своей литературы, важные тѣмъ болѣе, что были очень понятны и для русскаго читателя. Въ числѣ главныхъ органовъ этого посредничества долго была Аѳонская гора; уже давно упоминаются путешествія русскихъ къ святогорскимъ обителямъ, и давно русскіе получили тамъ право гражданства. Тамъ составлялись переводы греческихъ писателей; тамъ писалось множество рукописей, которыя приносились были потомъ въ Россію и расходились по разнымъ ея краямъ. Въ послѣдствіи характеръ сношеній много измѣнился, когда съ паденіемъ Византіи и Аѳонская гора подвергалась преслѣдованію и угнетенію; и тогда однако она не переставала посвящать русскимъ плоды своей дѣятельности; въ XVI столѣтіи имя Максима Грека блистательнымъ образомъ напоминало объ Аѳонской горѣ. Наконецъ, аѳонскіе иноки приходили въ Россію всего больше въ надеждѣ на помощь и за милостынею отъ царя и народа. Еще раньше кончилось содѣйствіе нашему образованію со стороны Болгаръ и Сербовъ: съ паденіемъ политическимъ прервалось у нихъ и развитіе литературное, такъ что наконецъ у нихъ не появлялось ни своихъ новыхъ произведеній, ни переводовъ; литература сербскаго языка жила только въ Дубровницкихъ памятникахъ, явившихся независимо отъ старинной словесности Сербіи православной. Какъ бы въ замѣнъ прежняго, въ Болгаріи и Сербіи распространялись уже русскіе памятники, даже самыя списки русской редакціи.

Несомнѣнны однако и прямыя отношенія нашей литературы съ византійскою. Переводы съ греческаго дѣлались и дома на Руси; языкъ этотъ былъ извѣстенъ многимъ; при томъ къ намъ постоянно собиралось много греческихъ выходцевъ. Лѣтопись отмѣчаетъ иногда самыя переводы, какъ фактъ любопытный; такъ въ софійскомъ временникѣ упомянуто о переводѣ поэмы Георгія Писиды — Похвала къ Богу о сотвореніи всякаго твари. — Въ соединеніи съ тѣмъ, что досталось намъ изъ южно-

славянского источника, русская письменность обнаруживает обширное знакомство с разными отраслями византийской литературы, и теперь сохраняет многие памятники этой последней, не известные в греческом подлиннике; точно также она сберегала многие южно-славянские переводы. При изучении памятников византийской повествовательной или поэтической литературы, известной вообще очень мало, необходимо обратиться и к старинной русской письменности, где иногда остается их единственный след....

У нас были известны и любимы очень многие из тех произведений, которые были знамениты в средневековой литературе и принадлежали к самым характеристическим явлениям ее. Старинная повесть наша представляет и другая любопытная стороны. Прежде всего она имеет право на внимание историка литературы, как популярное чтение старого времени, очень любимое и распространенное; в своем отношении к читателю, она не имела тех интересов, какие соединялись с произведениями историческими и чисто-назидательными,—при сильном господстве дидактических требований, она занимала своим более или менее поэтическим содержанием, и следовательно отвечала только чисто литературным потребностям читателей. С другой стороны повесть наша представляет не мало данных по отношению к народной жизни и понятиям, которые она в себя отражала...

Как главную отрицательную черту надобно заметить особенную бедность произведений самобытно-русских в этом большом собрании разнообразных сказаний, повестей, сказок и романов. Народный эпос не сдвинулся у нас источником для письменных произведений, как было у Чехов, имевших судъ Любуши и Кракедворскую рукопись. Напротив, наша народная словесность, как болгарская и сербская, издавна заключалась в самой себе и начала отдельное существование. Слово о полку Игореве становится явлением, как произведение, нераздельно связанное с народным эпосом и по духу и по внешней отделке. Известные условия старинного образования выдвинули на первый план историческую и духовную отрасль литературы, и это направление почти с одинакой силой удерживалось во всем старом периоде. Строгая исключительность этого направления не допустила свободного выражения начал народно-поэтических: эти последние слишком сильно проникались всем богатством народных вставок и вместе с ними вызвали против себя горячую и непрерывную полемику. Как древние наши писатели вооружались против «писец и игрищъ бѣсовскихъ», так XVII столетие считало предосудительным и потому запрещало

«сказки сказывать небылыя и загадки загадывать.»

Восполнением недостатка в повести русской, по содержанию и происхождению, служила обширная и популярная литература иноземных сказаний. Любовь к занимательному чтению и охота к фантастическим и романтическим рассказам находили пищу в многочисленных переводах, которыми словесность наша наводнена была с древнейшего времени. От X до XVIII столетия, сначала старо-славянская, потом русская письменность наполнялась переводами или даже и самостоятельными редакциями сказаний, расхвалившихся в то же время и в западно-европейской литературе. Чтобы верно понять, какая роль предназначена была этим переводам в нашем популярном чтении древней эпохи, не должно забывать, что в старину смотрели на перевод вовсе не с той точки зрения, как смотрят теперь. И перевод и передѣлка в наше время не могут усвоить литературе чужаго произведения и ничего не прибавляют к собственным ее результатам, потому что внутренний смысл переводнаго сочинения остается по прежнему не сроденъ литературе. В старину, напротив, быть может от не слишком большей разборчивости читателей, чужое и переводное принимали, как свое оригинальное. О книгѣ судили по ближайшим чертам содержания, и считая перевод за русское сочинение, также легко и часто-русское произведение приписывали чужимъ писателямъ: такъ многія русскія поучительныя слова отнесены, в рукописяхъ, къ I. Златоусту. При этомъ взглядѣ переводъ терялъ и свою иноземную внѣшность: оставая безъ измѣненія общія мысли, переводчикъ или лучше сказать передѣльватель замѣнялъ частныя, національныя черты подлинника другими, взятыми изъ русскаго быта, потому, что хотѣлъ быть понятнѣе для читателей, или же самъ понималъ такимъ образомъ свое дѣло. Отъ того книга, передѣланная на русскіе нравы, теряла свою исключительную физиономію и находила больше сочувствія у читателей. То же явление, но иногда въ размѣрахъ гораздо большихъ, повторилось въ западныхъ литературахъ этого времени и вообще очень естественно въ литературе начинающейся, которая не имеетъ понятія о литературной собственности и слѣдуетъ не хитрому правилу «брать свое добро тамъ, гдѣ находишь его.» Простодушие, съ какимъ тогда поддѣльвали и тривестиrowали чужое произведение, даетъ много цѣны этимъ новымъ вставкамъ и перемѣнамъ, потому что онѣ прямо взяты изъ той среды, къ которой авторъ ихъ принадлежалъ. Однако, здѣсь не было обыкновенно никакого преднамѣреннаго желанія передѣлывать; оно было бы выше понятій того времени, дѣло совершалось

само собой. Писанныя литературы всегда и вездѣ подвержены были влиянію интерполяціи: каждый усердный читатель дѣлалъ на поляхъ своей рукописи различныя замѣтки, прибавлялъ глоссы и синонимы, которые другой вносилъ въ самый текстъ, такъ что мало по малу начиналась сильная порча текста, отъ которой недалеко до передѣлки. Одинъ могъ прибавить толкованіе неизвѣстнаго слова или названія; другой оставлялъ текстъ и удерживалъ комментарий, третій распространялъ его и т. д., и въ крайнемъ предѣлѣ интерполяціи переводное произведеніе получало уже новый колоритъ, приближавшій его къ національности переводчика, и до нѣкоторой степени могло замѣнить недостатокъ сочиненій оригинальныхъ.

Къ такому разряду переводовъ принадлежали первыя повѣсти, занесенныя къ намъ изъ византійской литературы и отличающія первый періодъ нашей письменности. Эта эпоха была у насъ временемъ тѣснаго общенія съ дѣятельностію южно-славянской. Русскіе пріобрѣтали по большей части готовыя сказанія, которыя появлялись сперва въ южно-славянской письменности и потомъ легко переходили въ русскую, при единствѣ литературнаго языка и одинаковости интересовъ образованія. Новые памятники богѣе и богѣе укрѣплялись на русской почвѣ, такъ что впоследствии уже только на ней продолжали свое существованіе: многіе изъ памятниковъ южно-славянскихъ, извѣстные теперь по нашимъ древнимъ редакціямъ, до сихъ поръ еще не были встрѣчены въ рукописяхъ сербскихъ и болгарскихъ. Греческая литература легко могла удовлетворять потребностямъ старославянской письменности, потому что въ повѣствовательномъ отдѣлѣ ея сохранялось многое изъ классическаго наслѣдія, и, кромѣ того, находилось значительное собраніе восточныхъ и западныхъ сказаній, повѣстей и легендъ. Она стояла тогда на границѣ между литературами западной Европы и востока: Византія, съ одной стороны, сообщала Арабамъ произведенія блестящаго времени греческой литературы—творенія Аристотеля, Эвклида, Гиппократя, Птоломея, Платона, съ другой сама знакомялась съ поэтическими сказаніями востока, даже съ эпосомъ индѣйскимъ, доходившимъ до нея путемъ сирійскихъ, арабскихъ и персидскихъ переводовъ; по связи съ народами германскими и романскими, для нея доступны были и сказанія западно-европейскія. Южно-славянское посредничество принесло къ намъ многія повѣсти изъ этого источника: и сказанія классической древности, передѣланныя подѣ влияніемъ позднѣйшихъ понятій и одѣтыя въ средневѣковую одежду, какъ баснословная исторія Александра Македонскаго, приписываемая псевдо-Каллисѣену, повѣсть о троянской войнѣ и сказочныя произведенія востока, или извѣстныя и западной

Европѣ въ новѣйшихъ обработкахъ, какъ знаменитая Калила-и-Димна, или Стефанитъ и Икнилатъ, или же знакомыя только въ литературѣ византійской, какъ любопытная сказка изъ Тысячи и одной ночи, Синагрипъ и ну-дромъ его министръ; и произведенія, навлеченныя христіанскою жизнью, отчасти сохранявшія легендарный характеръ, отчасти сѣтъшанныя съ другими формами повѣсти, какъ исторія Варлаама и Иосафата; и средневѣковыя преданія о чудныхъ странахъ, одинаково любимыя и въ Византіи и въ западной Европѣ, какъ преданіе о царѣ-пресвитерѣ Іоаннѣ. По старинной повѣсти о Дѣвѣ Девгеніевѣ можно заключать, что у насъ не были чужды и византійскія героическія сказанія, до сихъ поръ очень мало разработанныя: противоположность византійскаго міра съ азіатскимъ, какъ борьба западныхъ народовъ съ завоевателями Палестины, несомнѣнно должна была выразиться подобными сказаніями, не смотря на то, что по своему схоластическому направленію греческая литература византійской эпохи всего менѣе способна была къ чему-либо, похожему на героическій эпосъ. Наконецъ уже давно между произведеніями, явившимися въ южно-славянской письменности изъ Византіи, показываются тѣ народно-апокрифическія преданія, какія вообще играли очень важную роль въ средніе вѣка и у насъ получали развитіе довольно своеобразное. Ихъ извѣстность не ограничивалась и не обуславливалась только письменными памятниками: основанныя первоначально на чужомъ преданіи, эти рассказы расходились не столько письменно, сколько путемъ устной передачи, и потому не мудрено, что въ томъ видѣ, какъ мы знаемъ ихъ по спискамъ позднимъ, онѣ обпаруживаютъ извѣстное родство съ формами и даже содержаніемъ чисто народнаго эпоса. Такъ наши повѣсти о Соломонѣ или отдѣльными подробностями или и въ цѣломъ составѣ повторяются въ народной словесности: одна изъ сербскихъ сказокъ «о премудромъ Соломонѣ», представляеть неоспоримые слѣды единства съ нашимъ стариннымъ памятникомъ.

Весьма отличительная черта богѣе древнихъ повѣстей нашихъ заключается именно въ томъ, что онѣ принимаемы были со всею свѣжестью интереса и приходились къ понятіямъ читателей: на нихъ уже скоро оказалъ русскій отбѣнокъ и потому въ ихъ заимствованномъ содержаніи можно иногда встрѣтиться съ такими же вѣрными замѣтками или упоминаніями о русскомъ бытѣ и съ выраженіемъ господствовавшихъ у насъ понятій, какъ въ русскихъ сочиненіяхъ того же времени. Впрочемъ, это можно сказать почти только о древнихъ повѣстяхъ и сказаніяхъ. Произведенія письменности южно-славянской перестали приходить къ намъ, по крайней мѣрѣ въ вѣрномъ количествѣ, уже около

XIV столѣтія: съ паденіемъ политической независимости южно-славянскихъ государствъ, упала и литературная дѣятельность; читалось и списывалось только то, что осталось отъ предыдущей эпохи. Русская письменность не могла вознаградить этого недостатка уже потому, что и въ ней время татарскаго владычества отозвалось замѣтнымъ усыпленіемъ и застоємъ. По этому XIV и XVI столѣтія нашей литературы представляютъ не только мало замѣчательнаго въ повѣствовательномъ родѣ, но даже и мало рукописей, посвященныхъ повѣсти и сказкѣ. Древнѣйшіе списки болѣею частью вовсе не дошли до нашего времени, и почти все содержаніе старинной повѣсти нашей извѣстно теперь изъ рукописей и сборниковъ XVII вѣка, обнаруживающаго большую любовь къ этому чтенію. Съ этой поры открывается новый періодъ нашей повѣсти, оставаясь, какъ и прежде, переводною по преимуществу, она увеличивала свой объемъ и, усвоивая мало-по-малу чужіе рассказы, перешла и къ собственнымъ попыткамъ, болѣе или менѣе замѣчательнымъ. Но для нея былъ уже закрытъ источникъ, которымъ она пользовалась прежде, литература падшей Византіи не доставляла намъ своихъ памятниковъ, хотя пріѣзды ученыхъ Грековъ, приносившихъ съ собою разныя произведенія, не прекращались до Петра В. Въ замѣнъ того образовались новыя литературныя сношенія, сближавшія нашу повѣсть съ романтической поэзіей средневѣковой Европы...

Западные памятники, хотя и очень охотно приняты были нашими читателями, но вообще не получали въ глазахъ ихъ такой цѣны, какую имѣли въ свое время сказанія византійской эпохи. Они любопытны, впрочемъ, иногда и по своей роли въ нашей словесности, и по отношенію къ средневѣковой романтической литературѣ. Большая часть и византійскихъ и западныхъ произведеній, извѣстныхъ у насъ въ старину, принадлежатъ къ тому кругу поэтическихъ созданій, которымъ ученые изслѣдователи романтическаго эпоса дали удачное названіе «странствующихъ» (*Wandernde Dichtungen*). При всемъ различіи своего происхожденія—восточнаго или западнаго азіатскаго или европейскаго, онѣ сходны были въ одномъ, своей всеобщей извѣстности. Это странствованіе поэтическихъ произведеній было до того обыкновеннымъ и почти необходимымъ явленіемъ, что каждое замѣчательное сказаніе или повѣсть расходилась повсюду, и у разныхъ народовъ, видоизмѣняя свою фазію, получала длинную литературную исторію, не лишённую характеристическихъ особенностей. Такъ было съ германскими и романскими сказаніями, которыя хотя и возникали въ отдѣльной національности, какъ саги о Дитрихѣ Бернскомъ, романы объ Артурѣ или Карлѣ В., но тѣмъ не менѣе стано-

вились общимъ достояніемъ народовъ западно-европейскихъ, отчасти по причинѣ ихъ тѣснаго политическаго сближенія, отчасти по единству ихъ нравственныхъ интересовъ, развившихся подъ одинаковыми условіями образованія. Тоже было и съ преданіями о событіяхъ и лицахъ классическаго міра, и рассказами, пришедшими изъ Византіи и съ Востока: баснословная исторія Александра, Троицкія сказанія, повѣсть о семи мудрецахъ, Каллиа-и-Димна, въ каждой западной литературѣ имѣли своихъ представителей и пользовались почетомъ. Множество мелкихъ рассказовъ, новеллы, анекдотическія повѣсти, отчасти принадлежавшія народной словесности, распространялись также быстро и обширно, какъ и основные памятники романтическаго эпоса.... Памятники русской старинной письменности еще на одну степень раздвигаютъ этотъ кругъ странствованій, открывая иногда до сихъ поръ неопредѣленные факты его исторіи. Такимъ образомъ, нашъ переводъ одной сказки изъ Тысячи и одной ночи, сдѣланный безъ сомнѣнія съ греческаго, указываетъ, что въ литературѣ византійской извѣстенъ былъ и этотъ знаменитый сборникъ вмѣстѣ съ другими сказочными сборниками Востока, и слѣдовательно даетъ новое средство объяснять сходство, какое находятъ въ его содержаніи со многими изъ старинныхъ повѣстей западно-европейскихъ. «Дѣяніе Девгеніево», переведенное въ древнюю эпоху нашей письменности, и кажется не извѣстное изъ греческихъ источниковъ, имѣетъ не малую цѣну для исторіи средневѣковаго эпоса въ литературѣ византійской, какъ остатокъ самобытнаго героическаго романа византійской эпохи. Подобнымъ образомъ, болѣе позданое русское сказаніе, основанное на мѣтахъ о Соломонѣ, подтверждаетъ родственность нѣкоторыхъ памятниковъ германскаго эпоса съ преданіями византійскими, сближая нѣмецкое стихотвореніе XV вѣка съ его предполагаемымъ греческимъ источникомъ....

Народная поэзія не была въ нашей письменности корнемъ литературнаго развитія и даже не имѣла въ ней замѣтной роли; но, говоря о старинной повѣсти, нельзя незамѣтить нѣкоторыхъ, болѣею частью внѣшнихъ, отношеній и связей народной поэзіи, съ произведеніями книжными. Легко ожидать подобнаго явленія, если старинная повѣсть обращалась въ обширной массѣ разнородныхъ читателей, и, какъ мы видѣли, встрѣчала иногда живое сочувствіе. Достаточно нѣсколькихъ сближеній, чтобы убѣдиться, что, какъ элементы книжные входили въ содержаніе народнаго эпоса, такъ и въ сказаніяхъ переводныхъ, извѣстныхъ по стариннымъ сборникамъ, многое преобразовалось въ нныя формы отъ вліянія народно-поэтическаго взгляда.

Чужія повѣсти иногда особенно занимали читателей по какимъ нибудь чертамъ своего содержанія, безпрестанно переписывались и расходились въ новыхъ спискахъ. Известно, какимъ удивительнымъ превращеніемъ подвергается иногда въ рукописныхъ литературныхъ одно и тоже произведене: сравнивъ нѣсколько списковъ какой нибудь любимой встарину повѣсти, можно безъ труда видѣть, что все множество вариантовъ часто бываетъ только слѣдствіемъ обширнаго распространенія повѣсти, переходившей во всѣ стороны и во всѣ разряды читателей. Не говоря о томъ, что при подобномъ распространеніи вышнія подробности сглаживались подъ русскія формы, самое изложеніе много выигрывало въ пользу народности склада и языка. На этомъ и останавливались болѣе частью передовыя повѣсти. Но случалось, что эти травестированные рассказы смѣшивались съ оригинальными произведеніями народа и, не смотря на чужое происхожденіе, получали право гражданства въ нашемъ сказочномъ эпосѣ; герои переведенныхъ повѣстей изображались тѣми же красками, какъ богатыри сказокъ и былинь. Такъ, по свидѣтельству знатоковъ, варианты рукописныхъ сказаній о Соломонѣ повторяются въ малорусскихъ преданіяхъ; такъ итальянскій романъ XIII—XIV вѣка превратился въ русскую народную сказку о Бовѣ королевичѣ. Тѣми же путемъ произошли многіе изъ нашихъ народныхъ анекдотовъ, въ которыхъ хотѣли видѣть проявленіе русскаго юмора, и которые однако составляютъ принадлежность нѣмецкой или вообще западной анекдотической литературы среднихъ вѣковъ. Известныя лубочныя изданія, съ XVII вѣка занимающія важное мѣсто въ народномъ чтеніи, представляютъ много заимствованныхъ рассказовъ, принадлежащихъ старинной рукописной повѣсти.

Съ другой стороны чисто-народныя произведенія подвергались книжному влиянію. Въ нихъ очень легко могли явиться отдѣльныя подробности чуждаго происхожденія; въ кругъ народныхъ званій давно перешли новыя повѣрья о чудныхъ далекихъ странахъ, дивныхъ звѣряхъ и птицахъ, заключенныя сначала въ передовыхъ сборникахъ, въ родѣ средневѣковаго «эзюлога», и потомъ распространившіяся посредствомъ азбуковниковъ и имъ подобныхъ популярныхъ книгъ; отсюда они появлялись въ пѣснѣ, былинь, и можетъ быть въ сказкѣ. Такой переходъ мнѣювъ во мисгяхъ случаяхъ можно считать болѣе естественнымъ, чѣмъ живое преданіе, которому нерѣдко даютъ слишкомъ обширное значеніе. Иногда народная поэзія заимствовала и цѣлыя сюжеты изъ книжныхъ преданій и повѣстей; это должно было произойти конечно тамъ, гдѣ сфера книжнаго знанія относилась къ живѣйшей струѣ въ народныхъ понятіяхъ и могла по этому служить эпическимъ ма-

териаломъ, и отсюда являлись опустивро-ванные сюжеты духовныхъ стиховъ «объ Алексѣѣ божіемъ чловѣкѣ», о «Федорѣ Тиронѣ», о «Борисѣ и Глѣбѣ», даже стихи о «Голубиной книгѣ», о «Георгіи храбромъ» и другіе. Молитвы послѣднихъ не всегда принадлежать народной фантазіи, но давно ею восприняты, они связаны съ національными мѣрами и развиты наравнѣ съ ними. Не всѣ духовные стихи одинаково древни, но многіе принадлежатъ далекой старинѣ; стихъ о Голубиной книгѣ, одно изъ любознѣтнѣйшихъ произведеній русской эпической поэзіи, въ XVII столѣтіи является уже какъ нѣчто законченное: очевидно, чтобы распространиться въ народѣ, отразить его понятія и принять самый складъ выраженія—преданіе, служащее основой стиха, должно было давно усвоиться народу. Наконецъ въ народной поэзіи обнаруживалось влияніе и книжной повѣсти. Въ былинахъ съ героями Владимірова времени выставляются иногда богатыри переводныхъ сказаній, какъ обру-стившій «Полканъ-богатырь». Народная сказка къ своему оригинальному содержанію при-мѣшивала частности, заимствованныя изъ того же источника: «мечъ-кладенецъ», необходимый спутникъ сказочнаго героя, едвали не былъ чертой заимствованной, также какъ магнитная гора, притягивавшая далеко плывущіе корабли, или Ногай птица, выносившая сказочнаго царевича изъ подземной страны на св. Русь. Даже цѣлые эпизоды могли быть обработаны на основаніи чужихъ рассказовъ; къ числу заимствованныхъ относится, быть можетъ, наша сказка «о злой жентѣ», попавшей въ яму и напугавшей бѣса, очень известная и въ средневѣковой западной повѣсти.

(Очеркъ лит. исторіи старин. пов. и сказокъ рус. А. Н. Пыпина. Учен. зап. 2 отд. Акад. Н. IV, 2—10. 17—19. 22—25).

Указатель сочиненій и статей: Хронографъ Георгія Амартола въ гречес. подлин. Изд. Муральта. Учен. зап. акад. О переводѣ Манассіиной гѣтоп. на славян. язык. М. 1842. Визант. исторія, перевод. при Слб. Духовн. Акад. Спб. 1860—62. О жизни и трудахъ Константина Порфироп. Зермина. Хар. 1858. Василій Македонякъ. Его же. О родѣ греческихъ князей Комниныхъ. М. 1852. Очеркъ жизни патр. Фотія. М. 1858. Патріархъ Фотій. Вѣстн. Европ. 1868. 1 и 2. Какъ выражались отношенія Константинопол. церкви къ окрест. сѣвернымъ народамъ и особенно къ Болгарамъ въ X в. В. И. Григоровича. Одесса 1866. Geschichte der kirchlichen Trennung zwischen Orient und Occident von den ersten Anfängen bis zur jüngsten Gegenwart. Пислера, Мюнхенъ. 1865. Царь-

Онѣмъ же шедшимъ и поклонившимся ему, яко же есть лѣпо (*прилично*) вельможѣ, онъ же пакы имъ поклонися до земля; потомъ же, снемъ съ себе одежу боярьскую, положи предъ старцемъ, такоже и коня, суцая въ твари, постави предъ нимъ, глаголя: «се вся, отче, красная прелесть мира сего суть, и яко хочещи, тако створи о нитъ, — азъ бо уже вся си презрѣвъ, хочу мнѣхъ быти, и съ вами жити въ пещерѣ сей, и къ тому не имамъ възвратитися въ домъ свой». Таче (*потомъ*) старецъ къ нему:—блуди, чадо, кому общаешися, чии воинъ хочещи быти, се бо невидимо предстоятъ ангели божии, приемлюще общанья твоя; но егда како пришедши отцю твоему съ многою властью изведеть тя отсюду, намъ же не могуцимъ помощи, ты же предъ Богомъ явишися яко ложь и отметникъ его.—Глагола ему отрокъ: «вѣрую Богу моему, отче, яко аще и мучити мя начнетъ отецъ мой, не имамъ послушати его, еже възвратитися къ миру; молю же ти ся, отче, да въскорѣ острижешь мя». Тогда повелѣ преп. Антонии великому Никону, да острижеть ѿ и облечетъ въ мнѣшскую одежу; онъ же по обычаю молиτωавъ, и остриже ѿ, и въ черны ризы облече, Варламъ тому ния нарекъ. Тогда же приде кажникъ (*сколонецъ*) нѣкто отъ князя дому, иже бѣ зѣло любить княземъ, придержи у него вся ⁽¹⁾, и моляшеса старцю Антонью, хотя быти чернецъ; его же поучивъ старецъ еже о спасеньи душѣ, предасть Никону, да и того острижеть; онъ же того остригъ, облече въ мнѣшскую одежу, Ефремъ ния того нарекъ. Итѣсть бо лѣпо тавти, и еже навесе врагъ скорбь на преподобныя ею (*ихъ*) ради... Увѣдѣ бо князь Изяславъ бывшею о бояринѣ и о кажникѣ его, раз-

(1) т. е. былъ распорядителемъ или экономомъ.

гнѣвася зѣло, тогда же повелѣ ту, абы шедше, единого отъ нихъ привести, дерзнувшя таковая створити, иже шедше, и великого Никона приведоша предъ него. Тогда князь, възрѣвъ съ гнѣвомъ и Никона, глагола ему: «ты ли еси остригъ боярина бес повелѣнья моего?» Никонъ же отвѣща:—благодатню божиею азъ есмь пострити ѿ, повелѣньемъ царя небеснаго, Исусъ Христа, призвавшагъ ѿ на таковы подвигъ. — Князь рече «то или увѣщан ѿ въ домъ свои понти, или на поточенье послю ти и суцая съ тобою, и пещеру вашу вели раскопати». Къ симъ же Никонъ отвѣща:—се, еже есть, владыко, угодно предъ очима твоима, тако створи, мнѣ же нѣсти отвращати воинъ отъ царя небеснаго.— Антонии же и иже съ нимъ, взялише одежа своя, и отъидоша отъ мѣсти своего, хотище отъити во нну область; князю же, ещо сварящю (*рулящю*) Никона, и се единъ отъ отрокъ шедъ повѣдаше, яко Антонии съ суцими съ нимъ отходить отъ града сего въ нну область. Тъгда глагола ему жена его: «послушан, господи, (*господине*) и не гнѣвася, яко такоже бысть и въ странѣ нашей, отбѣжавшемъ нѣкоя бѣды ради чрънецемъ, много зѣла створися въ землѣи томъ ихъ ради, нъ блуди, господи, да не тако въ области твоеи будетъ». Тожъ слышавъ князь, убоивъсѣ гнѣва божия, отпусти великааго Никона, повелѣвъ ему ити въ пещеру свою; по онѣхъ же посла рекымъ, да съ мольбою възвратятсѣ въспнать, иже едва по три дни увѣщанъ быша възвратитися въ свою пещеру. (*Посль того бояринъ Иоаннъ со многими отроками распудилъ стадо Христово и взялъ сына своего Варлаама силой домой; но онъ отомалъ въ грязь свѣтлыя одежды, и дня не пль ничего и не поддавалсѣ на ласки своей жены. Кіевопечерскіи иноки молились о немъ, и отецъ*

сжалился надъ нимъ, отпустилъ его въ монастырь и провозжали его рабы, жена, отецъ и мать съ великимъ плачемъ, какъ мертвеца, а братія радовалась великою радостью)...

Тогда блаженный отецъ нашъ Феодосий поставленъ бысть презвύτεрьмъ повелѣниемъ преп. Антонія, и бѣ по вся дни божественную службу съвършая съ всякимъ съмѣреніемъ: баше бо кротокъ нравъмъ и тихъ смыслъмъ, и простъ умъмъ, и духовныя вся мудрости исполненъ, любовь же нечорочну имѣа къ всемъ братіи: бѣ бо уже съвѣкуплюся братія яко до пятнадцате...

А еже испрва житіе ихъ въ пещерѣ, и елико скръби и печали приаша, тѣсноты ради мѣста того, Богу единому съвѣдущю, а устомъ чловчѣскомъ не мощно исповѣдати. Къ симъ же и ядъ (пища) ихъ бѣ ржанъ хлѣбъ тѣкмо ти (да) вода, въ субботу же ти въ недѣлю сочива въкушашуть, многашды же и въ та дни не обрѣтѣшюся сочиву, зеле (зелень, трава) съваривъше едино, и то ядаху. Еще же и рукама своимъ дѣлахуть дѣло, ово ли копыта (чулки?) плетущи и клобуки (шапки), и ина ручная дѣла строяще, и тако носяще въ градъ, продаху, и тѣмъ житю купяху, и се раздѣлахуть, да кждо въ ноци свою часть имѣлаше на строеніе хлѣбомъ... и тако въкусивъше мало хлѣба и пакы дѣлѣ ся своемъ кждо имашеть, и тако по вся дни трудящися, пребывашуть въ любви божии. Отецъ же нашъ Феодосий съмѣренъмъ смыслъмъ и послушаніемъ вса пресѣвааше, тридѣмъ и подвижаніемъ (подвигомъ) и дѣлѣмъ телѣснымъ, баше бо и тѣмъ благъ (красотъ) и крѣпкъ, и съоспѣшествымъ вѣмъ служаше, и воду нося и дрѣва изъ лѣса на своею плещю, бѣда же по вся ноци въ славословеніи божии; и братія же на оочители суще, блаженнымъ же възъмъ раздѣленное житю, и кожедо

часть имѣа, и поставише на своемъ мѣстѣ. Другомци же оводу (слѣннѣмъ) сущу многу, и комаромъ въ ноци, жалѣзъ надъ пещеру и обнаживъ тѣло свое до пояса, съдяше, пряди вълну (шерсть) на съплетѣнне копытьдемъ, и псалтырь же Давидову поя, отъ множества же овода и комара все тѣло его покрывено будаше, и ядахъ плѣть его о немъ, пивоще кровь его; отецъ же нашъ пребываше неподвижимъ, ни вѣстая отъ мѣста того, дндеже годъ (время) будаше утрѣни, и тако преже всѣхъ обрѣташеся въ церкви, и ставъ на своемъ мѣстѣ, неоступишь сы, ни мятсы умъмъ, божественное славословне съвършаше, ти тако пакы и (мѣ) церкви послѣ же всѣхъ налажаше (выходилъ): и сего ради вса люблахути и зѣло, и яко отца имяхути и, зѣло дивлящися съмѣренію его и покоренію.

Таче по сихъ божественны Варлаамъ, игуменъ сы братіи въ пещерѣ, изведенъ бысть княземъ повелѣнемъ въ манастирь св. муч. Дмитрія, и ту игуменъмъ поставленъ; тогда же братія, ту сущая въ пещерѣ, събравъшеся изволенемъ всѣхъ, възвѣстивъше преп. Антонию, блажен. отца нашего Феодосия игуменъмъ себѣ нарекоша, ако и чьрнчскую жизнь управивъша, и божия извѣсто (знатию, хороши) заповѣди имѣа (отлично) вѣдуща. Отецъ же нашъ Феодосий, аще и старѣшннство приимъ, не измѣни съмѣренія своего правила... Видя мѣсто скръбно суще и тѣсно, и еще же скудно при вѣмъ, и братія множащися, церкви же мали сущи на съвѣкупшеимъ имъ, и николи же въпаде о темъ въ печаль, ни поскрбѣ отъмъ, но по вся дни братію всю утѣшая, учаще никако же попечися о плѣтьмъ (о телѣсномъ, материальномъ). Послъ тою на новомъ мѣстѣ, недалеко отъ пещеры, Феодосій скоро создалъ церковь съ орадой, поставилъ много келій и переселилъ братію въ 1062 г.,

вымысли Студійскій уставъ изъ Царяграда и ввелъ его въ свой монастырь; помогалъ убогимъ и въ посты заворачался въ пещеръ, поучивъ братію на исполненіе подвиговъ. Въ пещерѣ онъ велъ сильную борьбу съ злыми духами и побѣдилъ ихъ).

Имѣше же обычай сице великыи чтець нашъ Феодосіи, яко же по вся нощи обиходити ему келнѣ мниховы всѣхъ, хотя увѣдѣти когождо ихъ како житие; егда бо услышаше кого молитву творяща, ти тогда ставъ, прославяше о немъ Бога, егда же ли паки кого слышаша бесѣдующа, два ли или три съшедшеса въкупѣхъ, тоже ту ударявъ своею руною въ дщри, ти тако отъхожааше, назнаменавъ тѣмъ свои приходъ. Таче въ утрои день, призвавъ я, нъ не ту абие обличааше ихъ, нъ яко же издавеча притъчани нагона, глаголаше къ нимъ, хотя увѣдѣти, еже къ Богу тѣщаніе ихъ. *(Далѣе слѣдуетъ, чему поучалъ братію Феодосій).*

Тѣмъ же слышаше князи и бояре доброе ихъ житие, прихожааху къ великому Феодосію, исповѣдающе тому грѣхы свои, иже велику пользу принимаше отъ того отъхождааху, ти тако паки приношаху ему нѣчто мало отъ житія своихъ на утѣшеніе братни, на строеніе монастырю своему, друзи же и села въдавающе на попеченіе имъ. Наипаче же зѣло любляше блаженааго христоролюбивыи князь Изяславъ, предръжанъ тогда столъ отца своего, и часто же и призываше къ собѣ, множицею же и самъ прихожааше, яко же и отътогъ тако Богъ възвеличаше мѣсто то, умножая всѣхъ благыихъ въ немъ молитвами въгодника своего.

(Далѣе слѣдуетъ разсказъ, какъ пришелъ Изяславъ въ монастырь, ворота были заперты и призратникъ не отворилъ ему безъ повелѣнія Феодосія, — какъ умеръ Варлаамъ, — какъ Никонъ умоленъ былъ отъ людей пойти въ Кіевъ изъ Тмутороканя

просить сына святославова Глѣба княземъ на мѣсто умершааго Ростислава, — какъ Феодосій прежде естъ изъ братій смиренно носилъ воду, рубилъ дрова для кухни, пралъ митки для переплета книгъ, чинуралъ сабя бдѣніемъ, носилъ худыя одежды, такъ что носмысленныи смѣялись надъ нимъ и проч).

И се въ единъ день иедѣню великому отцу нашему Феодосію нѣкоторааго ради орудія *(по нѣкоему дѣлу)* къ Христоролюбцю князю Изяславу, далече ему сущю отъ града, таче яко пришель, и до вечера ему бывшю орудія ради, и повелѣ христоролюбць поповааго ради посъщании ему, на возѣ допроводити до монастыри его. И яко бысть идыи путьмъ и возан *(еззшій)* его видѣвъ и въ такомъ едѣни сущааго, и мнѣвъ, яко единъ отъ убогыихъ естъ, глагола ему: чрпоришъче! се бо ты по вся дни пораздытъ еси, азъ же труднѣ бы *(въ работѣ)*, и се не могу на кони ѣхати, нъ сице сътворишъ: да азъ ти лягу на возѣ, ты же погыи на кони ѣхати, всади на конь. То же блаженыи съ всякыимъ смѣреннень вѣставъ, сѣде на конѣ, а оному же легъшю на возѣ, и идыше путьмъ, радуаяся и слава Бога, и егда же въздремаашесе, тогда же съсѣдъ и тець, идыаше въскран коня, дондеже утрудашесе, ти тако паки на конь въсидаше. Часто уже зорямъ възходящемъ и ведможанъ вдуцемъ къ князю, и издавечи познавъше блаженааго, и съсѣдъше съ конь, покланяахуса убо блаженуму отцу нашему Феодосію; тогда же глагола отроку: се уже, чадо, свѣтъ естъ, въсиди на конь свои. Онъ же видѣвъ, еже тако вси покланяахуться ему, и ужасесе въ умѣ и трепетьнъ бы, вѣста и вѣсѣде на конь, ти тако повде путьмъ, а преп. Феодосію на возѣ сѣдящю, вси же бояре съртѣшше покланяахуса ему. Таче дошъдъшю ему монастыря и се иедѣню

гнѣя, поклонившася ему до земли, рокъ болши (ошибка, велики) і, помышляя въ себѣ, кто съ не тако всемъ поманяются ему; и за руку, введе и въ трапезни о новелѣ ему дати ѣсти и пити, кощеть, еще же и нумани тому гшпусти и. Ся же съвоудя бравозвѣнкъ тѣ, а блаженному о самъ же явившю. (Потомъ излапоученія Феодосія къ брати, ю окъ укрѣплялъ на братѣ в искушеній дьявольскихъ, ю а расширеніи монастыря и ии разбойниковъ, поученіи бо князя).

ему же блаженному нѣколи приразбойники съвязаны, нѣтъ же бѣ (поймалъ) въ единомъ селѣ маскѣ, жетяща красти; блаженны же, и съвязаны и въ таионъ скърби гжамъ си зѣло, и прослызвѣся, разаршати и дати же тѣмъ пити, и тако пакы тѣмъ учаше еще инокоме прѣбидѣти и нию зѣла створити, подастъ же гѣ нѣтъ дозвѣлюе, еже на , и тако тѣмъ съ ширѣнъ и, ошванца Бога, якоже отъогѣ шлѣтися и никому же зѣла створѣ своимъ дѣлы дозвѣлюе быти. бо бѣ милосердие великаго отца Феодосія: аще бо видяше нища га, въ скърби суца и въ одежи калаане си его ради и велики о семь, и съ влачѣмъ того ни; и сего ради створи дворъ близъ ря своего, и церквь възгради въ і. пръвемученника Стефана,—ту авѣ пребывати нищии, и слѣ и хромии, и трудовати, и ветыри подаваше имъ, еже на и отъ всего сущаго монастыръюсѣяту часть дающе имъ, и еще) вся суботы посылаше въ поужь хлѣбъ суцати въ узакъ...

(Потомъ говорится о презорливости Феодосія и милостыняхъ, которыя присылали въ монастырь христолюбцы, о чудесахъ его и видѣніяхъ избранныхъ).—Се бо и сицѣ обычанъ ямаше блаженнымъ, яко же многашды въ ноци вѣстанъ, и отамъ вѣсѣхъ исхожающе къ Жидомъ, и тѣмъ, еже о Христѣ, прѣширая, коря же и досажая тѣмъ, и яко отъметники и безаконьники тѣмъ нарицающа, жадаше бо еже о Христовѣ исповѣданніи убиенъ быти. (1)

Бысть в то время смятеніе ибнако отъ вселукаваго врага въ трехъ князехъ, брати суцати по плоти, на единого старшого брата, христолюбца, иже по истинѣ христолюбца, Иаислава. Тѣмъ таиоме прогнанъ бысть отъ града стольнаго. Ошѣма пришедшиа въ градъ отъ, нѣсыласта же по блаженнаго отца нашего Феодосія, бѣдѣща (убѣждае) того прити к нѣма на обѣдѣ, причататися (стать учаотникомъ) неправеднѣмъ тѣмъ съвѣтѣ (совѣтѣ). То же иже бѣ исполненъ Духа Св. прешедобны—иже разумѣвъ, еже не праведному суцу изгнаныю, еже о христолюбца, глаголетъ посланому, яко не ямаъ нѣти на трапезу Евзеланину и причатитися брашьяна того, испѣднѣ убо крови, убивства. И ина же многа укоризна глаголавъ, отпустѣ того, рекъ, яко да възвѣстѣши вся си пославшимъ тѣ. Но обаче ова аще слышаста снѣ, но не възмогоста прогнѣватися на нь; видяща бо праведнаго суца челоуѣка бѣжнѣ; ни пакы же послушаста того, не устрѣмѣстася на прогнанье брата своего; иже отъ всяя той области отгнаста того, и тако възвратѣстася вѣпнѣ, единому шеднию на столѣ темъ брата и отца своего,

(1) Здѣсь напечатанъ текстъ житія по самымъ древнимъ спискамъ. (Чт. Общ. Ист. 1858, 3, III). Далѣе представляется образчикъ изложенія житія по спискамъ болѣе позднимъ. (Изъ житія Феодосія отрывки см. въ Лавр. Лѣт. стр. 69, 79—80, 89—91, 121, 257, 265—7). Объ основаніи Иерусалимскаго монастыря. Тамъ же—67—9.

другому же възвратившуся въ область свою. Тогда же отецъ нашъ Феодоси, наполнився Духа Св. нача того обличати, яко неправедно створивша, не по закону сѣдша на столѣ томъ, ако отца си, брата старшого прогнавше. То же тако обличаше того: овѣгда (*иногда*) епистолю пиша, посылаше тому; овогда же велможамъ его приходящимъ к нему обличаше того о неправеднѣмъ прогнаннѣ брата, вела тѣмъ повѣдати тому. Сеже послѣже вписа к нему епистолю велику зѣло, обличая того и глагола: Гласъ крови брата твоего въпнеть на тя къ Богу, яко Авелева на Каина. Инѣхъ многихъ древнихъ гонитель и убойникъ братоненавдникъ привода и притчами тому вся, еже о нешѣ, указавъ и тако вписавъ и посла. Яко то прочте епистолю ту, разгрѣвася зѣло, яко левъ рикнувъ на праведнаго, и удари тою о землю; якоже оттолѣ промчеса въсть, еже на поточенье осужену быти блажену. То же братия в велицѣ печали бывше и молахуть блаженнаго остатися и не обличати его. То же тако же отъ бояръ мнози приходяще повѣдаху ему гнѣвъ князь на того сущъ и молахутъ и не супротивитися ему. Се бо, глаголаху, на заточенье тя хочеть послати. Си же слышавъ блаженны, яко о заточеньи его рѣша, возрадовася духомъ и рече к тѣмъ: Се бо о семъ велии радуюся братие, яко ни что же ни блаже (*лучше*) въ житиі семъ. Еда бѣгства, шѣнья лашенья мудитъ мя, или дѣтнѣ отлученья и селъ опечалуетъ мя? Ничто же отъ таковыхъ принесохомъ в мир ось; но назнѣ родихомся; тако же подобаетъ намъ нагомъ пренти отъ свѣта сего: тѣмъ же готовъ есмь или на поточенья, или на смѣрть. Оттолѣ начать того укарати о братоненавднѣннѣ; жадаше бо зѣло, еже поточену быти. Но обаче онъ, аще велии разгрѣвася бѣ на блаженнаго, но не дерану ни единого же зла, ни скорбѣна створити тому: видяше

бо мужа преподобнаго и праведна суща его: якоже преже многожды его ради завидѣше брату своему, еже такова свѣтлника имать въ области свои, якоже сповѣдаше слышавъ отъ того черноризецъ Павель, игумень сы отъ единого монастыря сущихъ въ области его. Блаженны же отецъ нашъ Феодоси много молихъ бывъ отъ братии и отъ велможъ, наипаче же разумѣвъ, яко ничто же усѣеть тѣми словесы тому, остатися (*остатися*) его; оттолѣ не укараше его о томъ, помысливъ же в себѣ, яко уне есть жолбою того молити, дабы възвратилъ братъ си (*брата своего*) въ область свою.

Не по мнозѣхъ же днѣхъ разумѣвъ благии князь предложенья блаженнаго Феодосѣя отъ гнѣва, и утѣшенья же отъ обличенья того, възрадовася зѣло; жаднаго бо жадаше бесѣдовати с нимъ, духовныхъ словесъ его насытитися. Таче посылаеть къ блажену, аще повелитъ тому прити в монастырь свой, или ни. Оному повелѣвшю тому прити, то же съ радостью въставъ приде и с бояры в монастырь его. И великому Феодосью съ братиею пришедшу нсѣ церкви, по обычаю срѣтшу того, поклоншемся, якоже гнѣво князю, и тому же цѣловашу блаженнаго, таче глаголаше ему: Се, отче, не дерзахъ прити къ тебѣ, помышляя, еда како гнѣвася на мя, и не въпустиши насъ в монастырь. То же блаженны отвѣща: что бо, благии владыко! усѣеть гнѣвъ нашъ, еже на державу твою. Но се намъ подобаетъ обличити, и глаголати вамъ, еже на спасенья души; и вамъ гнѣво есть послушати того. Тако же вшедшима въ церковь, и бывши молитвѣ сѣдоста, блажену Феодосью наченшу глаголати тому отъ святыхъ книгъ, и много указавшу ему о любви брата, и оному пакн многу вину нзносящу на брата своего, и того ради не хотящу тому с тѣмъ мира створити. И тако пакн по мнозѣ бесѣдѣ той отыде князь въ домъ свой слава Бога,

яко сподобися е такимъ мужемъ бесѣдовать. И оттогда часто приходиле к нему духовнаго того брашна насыщаяся паче медвена ста. Се же суть словеса блаженнаго, яже исходяхуть отъ медоточивыхъ усть тѣхъ!

Многашедъ же великии Феодосии к тому ходяше; и тако въспоминаше тому страхъ божии, и любовь, еже къ брату. И единъ отъ дни шедшу къ тому благому богоносному отцю нашему Феодосью, яко видѣ въ храмъ (въ комнату) идѣже бѣ князь, сѣде; и се видѣ многия играюща предъ нимъ: овы гусленныя гласы испущающа, другия же органныя гласы поюща, и нѣмъ писки гласящимъ; и тако всѣмъ играющимъ и веселящимся, яко же обычанъ есть предъ княземъ. Блажены же бѣ въкраи его сѣдани и долу нича (*покинувъ головой*). И яко мало въсклонився, и рече къ тому: то будетъ ли сице на ономъ свѣтѣ? То же ту абие съ словомъ блаженнаго умилися, и малы прослезиса; повелѣ тѣмъ престати. И оттогда еще коли прешаваше тыя играти, ти слышаше блаженнаго прешедша, то повелѣваше тѣмъ престати отъ таковыя игры. И многашедше паки егда възвѣстухуть приходъ тому блаженнаго, то же того тако срѣташе радуясь предъ дверни храму, и тако вхожаста оба въ храмъ. Се же якоже веселяся, и глаголаше преподобному: Се, отче! истину ти глаголю, яко аще быша ми възвѣстали отца въставшаго отъ мертвыхъ, не быхъ ся тако радовалъ, яко о приходѣ твоёмъ, не быхъ того тако боялъ, или сумнѣлъ, яко же преподобныя твоя душа. Блажены же: то же аще тако боишися мене, тогда створи волю мою, възврати брата своего на столъ, яже ему благовѣрныи отецъ твой предасть. Он же о семъ умолче, не моги что отвѣцати к сямъ. Толи (*до такой степени*) бо бѣ врагъ (*дьяволъ*) ражегъ (*его*) гнѣвомъ на брата своего, яко ни слухомъ хотяше того слышати.

Отецъ же нашъ Феодосии бѣ по вся дни и нощи моля Бога о христолюбцѣ Изяславѣ; еще же въ октении воля того поминати, яко столному тому князю и старшию всѣхъ, сего же, (т. е. *Святослава*) яко, рече, чресь законъ сѣдшу на столѣ томъ, не веляше поминати въ своемъ монастыри. О семъ же едва умоленъ бывъ отъ братни, повелѣ того с нимъ (т. е. *обоихъ*) поминати; и обаче же первое христолюбца (*Изяслава*), тогда сего благаго (*Святослава*).

(Христом. Галахова, стр. 27—30).

Въ Лавр. л. (67—9) см. объ-основаніи Киево-печерскаго монастыря. Въ Степен. кн. (I, 167) и въ ркп. гр. Толстаго (Опис. 595) сохранилось сказаніе о нѣкомъ славномъ разбойникѣ Могутѣ времени св. Владимира: онъ раскаялся и спасся. Какъ образчикъ распространенія древнихъ житій въ XVI в., см. отрывокъ изъ житія св. Ольги (Ист. Рус. Ц. Макарія. I, пр. 153).

Житія святыхъ содержатъ богатые и разнообразныя данныя для исторіи внутренней жизни нашихъ предковъ и много отличительныхъ особенностей областной жизни. Къ летописнымъ извѣстіямъ прибавляютъ они подробныя объясненія и дополненія; касаются частной жизни лицъ и народа. Въ сказаніяхъ о русскихъ святыхъ можно познакомиться съ подробностями экономической жизни народа, не говоря уже о монастырской жизни и религиозно-правителескомъ ея вліяніи на народъ. Но въ тоже время относительно житій надобно вообще замѣтить, что пользоваться ими для выводовъ о нашей отечественной жизни надо весьма осмотрительно. Вмѣстѣ съ другими родами произведеній, перешедшихъ къ намъ отъ южныхъ Славянъ и изъ Византии, явились и житія святыхъ; и какъ во всякъ родѣ мы стали, весьма естественно, подражать образцамъ чуждымъ, такъ и въ житіяхъ отечественныхъ святыхъ должны были вноситься черты, свойственныя житіямъ вообще. За древнюю письменность замѣчаются нѣкоторыя приемы, сходные съ приемами народнаго эпоса: и въ ней не столько творится новое, сколько передѣлывается изъ прежняго, изъ ютоваго. Такъ и многія житія должны оказались не болѣе, какъ переименованіемъ, варіировкою другихъ житій; чуждыя, византійскія служили основною нашимъ, и тотъ при этомъ и передѣлывались, такъ сказать, на наши края, но во многихъ мѣстахъ должны были ясно сквозить и чуждые. Едвали не такъ оно въ первой половинѣ житія Феодосіева—въ описаніи дѣтства его и молодости. О. Миллеръ.

95. Киселочерціє шани.

(Подъ 1074 г.). Бѣ же се дивно чюдо видѣти, братіе: съвоуши Богъ таки черноризци въ обители Матери своея, аки свѣтила въ Русской земли сіяху, овин бо баху постници, овин же на бдѣніе, инин же на колѣнопоклоненіе, овин же на пощеніе чрезъ донь или чрезъ два дни, инин же ядуше хлѣбъ съ водою, инин же зеліе варено, друзи же сыро. Въ любви пребывающе, меньшии поклариющеся старѣйшимъ, не смѣюще предъ ними глаголати, но все съ покореніемъ и послушаніемъ великимъ; такоже и старѣйшии имѣяху любовь къ меньшимъ, наказуаху ихъ, утѣшающе аки чада своя възлюбленная. И аще который братъ впадале нѣ въ кое (*сѣ мько*) прегрѣшеніе, утѣшаху его и единого епитимью раздѣляху—любо тріе, любо четьре, за великую любовь: такова бо баше любовь въ той святѣй братіи, въдержаніе и смиреніе. И аще нѣкій братъ отхожаше отъ монастыря, вся братія о томъ имѣяху печаль, послаху по нь (*по нему, за нимъ*), и призываху въ монастырь брата; и шедше къ игумену вси поклоняхуся за брата, и умолаху игумена, и приимаху брата въ монастырь съ радостію. Такови бо бяху тогда черноризци, постници, въдержники, отъ нихъ же на нѣню (*отъ мьчу*) нѣколко мужъ чюдныхъ. Яко се убо бысть первый *Даміанъ* прозвиръ: баше таковъ постникъ и въдержаникъ, яко развѣ хлѣба и воды ничегоже вкуси до смерти своея. Егда же приношаху дѣти болныя въ монастырь къ блаженому *Теодосію*, повелѣваше сему *Деміану*, да молитву створивъ помажетъ ѿ св. масломъ; и приимахутъ ицѣленія, ацимъ (*какимъ*) же недугомъ одержими бяху ⁽¹⁾. Посемъ же разболѣвша, конечь

⁽¹⁾ Этотъ замѣчательный рассказъ свидѣлствуетъ, какое значеніе имѣли монастыри для бдѣ-

житію пріять: пріиде къ нему ангель во образѣ *Теодосіевъ*, обща ему царство небесное; посемъ пріиде *Теодосій* съ братъею, и сѣдаху у него, онъ же игумену рече: «господи! не забывай, что ми еси въ нощи общалъ»; разумѣвъ же *Теодосій*, яко явленіе видѣ, и рече: «что ти общалъ, буди ти»; онъ же предасть духъ, и тако честно похоронивша тѣло его. Бѣ же и другій братъ, именовъ *Еремійя*, иже помняше крещеніе Руса: сій пріидаръ отъ провидѣнія прежебудуща; аще видяше кого въ помышленіи, обличаше и наказаше втайнѣ блюстися діавола; аще ли умыслить ити изъ монастыря, и пріиде обличаше мысль его и утѣшаше брата, и аще что кому рече, сбывашеся глаголь его.

Бѣ же инъ старецъ, именовъ *Матросъ*, прозорливъ. Стоящу ему въ церкви, и видѣ бѣса во образѣ *Ляха (Поляка)*, носяща цвѣтки въ приполцѣ (*сѣ поля*), иже глаголються гѣпки; обходя меташе на братью: ему же приляше цвѣтокъ, мало постоавъ, разслабленъ бывъ, вину створе ея же ради изведе изъ церкви, и шедъ усняше; аще ли къ кому не приляше цвѣтокъ, стояше крѣпко въ пѣтѣй, дондеже отпокутъ утренюю; се видѣвъ старецъ, повѣдаше братья своей. Паки же старецъ той же видѣвъ: отпѣвшю инъ заутренюю, идущимъ братьямъ въ келіи, се же опочиваше подъ биломъ ⁽¹⁾, баше бо келія его подалъ церкви, и видѣ, и се аки толпа отъ воротъ, и единого сѣднца на свиньи, и ины около его текуца; и рече инъ старецъ: «камо идете?» и рече бѣсъ: «по *Михаля* по *Тоболковича*»; старецъ же знаменася крестомъ, и пріиде въ келію свою; яко бысть свѣтъ, рече келейнику: «иди, впрашай, есть ли

инъ болныхъ. См. далѣе отрывокъ изъ житія *Агапита*.

⁽¹⁾ Мѣсто, гдѣ были или звонили для собранія къ службѣ церковной.

Михалъ въ каѣн?« и рѣша: »давѣ (да-асеча) скочилъ черезъ столпѣ (ораду) заутренѣн; повѣда же старецъ игумену и братѣмъ видѣнѣю. При семъ старци Θεодосіѣ престависа, и быеть Стефанъ игумень, и по Стефанѣ Никонъ. Сему старцю и еще сужю, стояцю ему на заутренѣи, возрѣвъ, видѣ бѣса на игуменѣ мѣстѣ сонца: и разумѣвъ старецъ, яко игумень не всталъ есть. Такоже многа провидаше видѣнѣя старецъ, и почти съ мѣромъ о господѣ.

Нѣтъ чернецъ бѣше, преже кумецъ богатъ, родомъ Торопчанинъ, именованъ Чернъ: вскопѣ быти мнѣтъ, раздая все имѣнѣе свое нацимъ, приде къ великому Антонію; Антоній же постриже его, и нарече имя ему Исакій. Се же Исакій обмечеса во власницю, и повелѣтъ купити козелъ и одрати ѣ мѣхомъ, и извлече на власницю, и осше (оысохла) около его кожа сыра; и затвориса въ пещерѣ въ единой уличн, въ келѣйци малѣ, яко 4 локотъ; и ту моляше Бога со слезами. Бѣ же адъ (тѣмца) его проскура една, и та же чрезъ день, и воды въ мѣру пѣше; великій же Антоній приномаше ему пшню, подаваше оконцеиъ, яко рука видаетъ. И того створи 7 лѣтъ: на свѣтъ не выходя, на реброхъ не лега, но сѣдя мало сна приномаше. Единою по обычаю вечеръ нача кланятися, цоя псалмы, доже до полуночѣя трудиса сѣдяше, свѣчю погасивъ: внезапно свѣтъ восія въ пещерѣ яко отъ сонца, и се 2 уюми явистася ему красна, блистающа лица ею (мхъ) аки солнце, глаголюща къ нему: »Исакіе! въ свѣтъ (мы осмы) ангела, се Христосъ иде къ тобѣ со ангелы«. И вставъ Исакій, и видѣ толпу, и лица ихъ аки солнце, и единъ посреде ихъ сіяше, луча отъ него паче всѣхъ, и глаголаста уюми: »Исакіе! той есть Христосъ, падъ поклониса ему«; онъ же не разумѣ бѣсовскаго дѣйства, ни памяти прекреститиса, выстуца поклониса аки

Христу. Бѣси же кликнуша и рѣша: »нашъ еси, Исакій«, и введоша ѣ въ келѣйцю малу, и посадиша ѣ, и сѣдоша около его, полна келѣйца и улича пещерная. И рече старѣйши ихъ: »возвѣте сопѣли и бубны и гусли (1), и ударайте, атъ ны (пустъ намъ) слышеть Исакій«; и удариша въ сопѣли и въ гусли и въ бубны, и почаша имъ играти, и утомише ѣ, оставиша лѣ (але) жива, отъ идоша поругавшеся ему. Заутра же приспѣвшю укуженію хлѣба, приде Антоній по обычаю и глагола: »благослови, отче,« и не бѣ гласа и не бѣ отвѣта; и посла въ монастырь по Θεодосію и по братью, мнѣвъ, яко прѣстависа есть. Отконавше ваина ѣ мертваго, вынесше положиша ѣ, и уарѣша яко живъ есть; и рече: »яко се имать быти отъ бѣсовскаго дѣйства«; и положиша ѣ на одрѣ (на кровати), и служаше около его Антоній. Въ се же время приключиса Изяславу прити изъ Ляховъ, и поча гнѣватиса Изяславъ на Антонія за Восслава; присла Святославъ ночи, цоя Антонія къ Чернигову. Антоній же пришедъ Чернигову, възлюбѣ Болдины горы, исконавъ пещеру, ту и вселиса; и есть монастырь св. Богородица на Болдинныхъ горахъ и до сего дни. Θεодосіѣ же увѣдавъ, яко Антоній шель есть Чернигову, шедъ съ братьею, взя Исакія и принесе къ собѣ въ келію, и служаше около его: бѣ бо расслабленъ умомъ и тѣломъ, яко не моци ему обратитиса на другую страну (бокъ), ни встати, ни сѣсти, но лежаше на единой странѣ, водъ ся поливаше, и червѣ кляхуся ему подъ бедру съ мочевіа и съ поливаніа. Θεодосіѣ же самъ своимъ руками спрятываше ѣ, служаше около его и омываше; се створи за 2 лѣта. Се же быеть

(1) Бубель—барabanъ, сопѣли—дуговой музыкальнѣй инструментъ, а гусли — струннѣй, вѣроятно въ родѣ балалайка.

чюдно и дивно: яко за два лѣта лежася, ни хлѣба вкуса, ни воды, никакого же брашна, ни овоща, ни азыкомъ проглагола, но нѣмъ и глухъ. Θεодосій же моляше Бога за нь, и молитву творяше надъ нимъ день и ночь; и на 3-еє лѣто проглагола, и прослыша, и на ноги поча встаети и аки младенець ходити. И не брежаше въ церковь входить, ну жею привлечаютъ ѣ къ церкви; и тако помалу поча ходити къ церкви. Посемъ поча ходити на трипезу, и посажаютъ ѣ прощѣ (отдѣльно) братья, положить предъ нимъ хлѣбъ, не емляше, но ли (пока) въ рупѣ вдаютъ; Θεодосій же рече: «положите предъ нимъ, ать самъ возьметъ»; не бреже недѣлю ясти, и помалу оглядася поча ясти, и тако научися ясти; и тако избави ѣ Θεодосій отъ козни дьявола. Θεодосію же преставлешюся, бысть Стефанъ въ него мѣсто, Исакій же пакы всерія жестокое житіе и рече: «о дьяволе! прелстивъ мя еси, сѣдяща на единомъ мѣстѣ; уже не затворюся въ пещерѣ, во побѣжю тя ходя въ монастыри;» и облечеса во власяницу, и на власяницю свиту воляну (полотняную), и поча уродьствовати, и нача въ поварни служити, варити на братью. На заутреню преже всѣхъ входя, и стояше недвижимо, змѣ же стояше въ прабошняхъ (съ котлахъ) въ протоптаныхъ, дондеже примѣрзаше ноги его къ камени; и по заутреніи идяше въ поварню, приготовляше дрова и огонь и воду. Единъ же поварь, такоже именемъ Исакій, рече посмихася: «Исакій! воно сѣдятъ воронъ, иди, имъ (поймай)»; онъ же поклонився до земли, шедъ имъ ворона и принесе ему предъ всѣми повары; и ужасошася, повѣдавши игумену и братья, и почаша братья честити ѣ. Онъ же не хотяше славы человеческія, поча уродьствовати и пакостити игумену, и братья, и мірскимъ человекомъ; лнїи же біахуть ѣ. И поча по міру ходити, и вселися въ пещеру, въ

ней же преже былъ, и собра къ собѣ младыхъ и вскладываше на нихъ порты (ризы) чернечскія, да овогда отъ игумена Никона раны принимаше, овогда отъ родитель дѣтескъ; се же все терпаше, раны, наготу и студень. Единую же вжешю ему пещь въ пещерѣ, поча палити углянами, оному же нѣчимъ заложити, вступи ногами на поломя, дондеже изгорѣ, и излѣзе. И нна многа повѣдаютъ о немъ, другое и самъ видѣхъ. И тако взя побѣду на бѣсы, нивотже имяше устрашенія ихъ, яко мухъ, мечтанія ихъ. Бѣси же напасти ему дѣаху, глаголюще: «нашъ еси, Исакіе! се поклонился еси нашему старшину»; онъ же рече имъ: «имаю Ісуса Христа Бога и пречистую его Матерь и молитву Θεодосія и тако побѣжю злохитрія вама и мечтанія», — знаменашеса знаменіемъ крестнымъ, и тако изчезаху бѣси. Тогда въ ноци прихожаху бѣси съ мотыками и рыскари, (съ скребками и лопатами), глаголюще: «роскопаемъ пещеру сію, и сего загребемъ сдѣ»; ннїи же глаголаху: «бѣжи, Исакіе! хотять тя загрести»; онъ же рече: «аще бысте человекъ были, то въ день бысте являлися, но тма есте, во тмѣ ходите», — и знаменашеса крестомъ и изчезаху. Пакы же являхуса ему звѣриномъ образомъ, и змїевомъ и гадовьгчъ, всякимъ привидѣніемъ страшаще, и не возмогоша ему ничтоже сѣтворити, и вопіяху: «о Исакіе! одолѣ и побѣди нн еси»; онъ же рече: «якоже бысте вы мене прелстили во образѣ христовѣ и ангелскомъ, недостойни суще проклятїи того видѣнія, нынѣ же являетеса звѣриномъ и гадовомъ, аци (каковы) же и есте». — Оттолѣ не бысть ему пакости отъ бѣсовъ; якоже самъ повѣдаше: «яко се бысть ми за 3 лѣта брань». Потомъ поча крѣплѣ жити вздержаніемъ, пощеніемъ и бдѣніемъ, и въ такомъ житїи скончася: разболѣвся, внесоша ѣ въ монастырь, до 8-го дне скончася о Госпо-

дѣ; игуменъ же и братья спрятавшѣ тѣло его, погребоша. Тацѣи бяху (*таковы были*) черницы Феодисіева монастыря, иже и по смерти сіяютъ яко свѣтила, и молятъ за сдѣ сущію братью и за приносящя въ монастырь, въ немъ же и нынѣ добродѣтели живутъ обще всм, въ пѣніи и въ молитвахъ, на славу всемогущему Богу, Феодосіевыми молитвами, аминь.

(Изъ Кіевопечерскаго Патерика.
П. С. Длѣт. 1, 259—261. 81—85).

Исслѣд. о Патерикѣ *Кубарева*. Ж. М. Н. Просв. 1838, № 10; ч. XX, I; ч. XXVI, II, 121. О Патерикѣ Изв. Акад. V, 129—138. Чт. общ. 1846—47, кн. IV, отд. 4, 5—10; кн. IX, 1—40 1858, III. Труды Моск. общ. ист. I. Критич. разборъ Патерика П. *Казанскаго*. Времен. VII. См. Опис. Кіево-печерс. лавры. М. *Евгенія*. Кіевъ 1831.

96. Духовная Антонія до 1147.

Се азъ Антоній, хужши во мнѣсѣхъ, изыдохъ на мѣсто се, не пріяхъ ни мѣстїи ото князя, ни отъ епископа, но токмо благословеніе отъ Никиты епископа, и наша по чужей землѣ ни вдвое, ни во одно, ни себѣ покоя не дахъ, и братіи и сиротамъ, и здѣ крестьяномъ досажая: да то все управитъ Мати Божіа, что есмь бѣды прінялъ о мѣстѣ семъ. Се поручаю Богу и св. Богородицѣ и крестьяномъ, и даю въ свободу и поручаю мѣсто се на игуменство. Кто мое слово худое преступитъ, судитъ ему Богъ и св. Богородица, или Богъ отведетъ. А кого изберутъ братья и отъ братья ниже кто въ мѣстѣ семъ терпитъ. А которой братъ нашъ да отъ мѣста сего начнетъ хотѣти игуменства или мадою или насильемъ, да будетъ проклятъ. Или ото князя начнетъ по насилью дѣяти кому или по мадѣ, да

будетъ проклятъ. И се возвѣщаю: да егда съдохъ на мѣстѣ семъ, далъ есмь на земли и на тони 70 гривенъ, на селѣ есмь далъ гривенъ 100. На Волховскомъ Тудорѣ съ женою и съ дѣтми одеревъ, Волосъ (*Власть*) съ женою и дѣтми одеревъ, Василій съ женою и дѣтми одеревъ. Аще сю грамоту кто преступитъ, да будетъ проклятъ тремѣ сты св. отецъ и осмьюнадесятъ и буди ему со Юдою причастье.

(Ист. Рус. Иерархїи III, 124—126).

См. подлѣго состава Житіе Евроскинъ Полоцкой Степен. книга I, 273; Житіе Никиты Новгород. Ист. Р. Ц. *Макарїа* II, пр. 54—57. О житїи Леонтія Ростов. Тамже II, 59. Нисеонтъ епис. Новгород. II. *Зернина*. Архивъ Калачова 2, 1. отд. III, 107—115. Рус. святые *Араханъ*. *Филарета*. Черниговъ. 1861. О житїяхъ Вологодс. святыхъ. Москва. 1850. XX, 68; XXIII, 40; 1851, III, 227.

97. Житіе Антонія Римлянина до 1157⁽¹⁾.

Сей преподобный и богоносный отецъ нашъ Антоніе родися во градѣ въ велицѣмъ Римѣ, иже отъ западна части отъ Италиискїа земля, отъ латынска языка, отъ христіану родителю, и навъче вѣрѣ христіанстѣи, ея же деръжаста родители его втайнѣ, крыющесе в дождѣхъ своихъ; понеже Римъ отпаде вѣры христіанскїа, и предложашася в латыню, конечнѣ отпаде от паны Формоса, даже и до днесь. И ина многа о отпаденїи римскомъ повѣда ми, и о богомерской ереси ихъ; но убо о семъ да премолчимъ, о преподобнѣмъ же да глаголемъ. Отецъ же его и мати, в добрѣ исповѣданїи, отъидоша к Богу, преподобнымъ же навъче грамотѣ и

(1) Это житіе представлено здѣсь въ сокращенномъ видѣ.

изучи вся писанія греческаго языка, и прилежно начатъ чести книги ветхаго и новаго завіта и преданіе св. отецъ 7 соборовъ, еже изложиша и изъясниша въру христіанскую. и возделъ въспріяти иноческіи образъ. И помолился Богу, и раздавъ имѣніе родителей своихъ нищимъ, а прочее отъ имѣнія своего положи въ сосудъ древянъ в дельву, рекше в бочку, и закопавъ ѿ всякою крѣпостію утвердивъ, сокры, и вверже в море. Самъ же поиде от града в дальніе пустыни разыскати мниховъ живущихъ и тружющихся Бога ради, крыющихся отъ еретикъ, в пещерахъ и в разсѣлинахъ земныхъ. И божиимъ промысломъ вскорѣ избобрѣте мнихы, в пустыни живущихъ; в нихъже бѣ единъ имѣвшіе презвитерскій чинъ. Преподобныи же Антоніе много моляшася имъ со слезами, дабы его присочетали къ своимъ Богомъ избранному стаду. *Ониже много его вопрошаху о христіанствѣ. и о среси римстѣхъ, болящеся искушеніа отъ отступникъ и отъ еретикъ.* Онъ же имъ христіанина себе повѣдавъ, они же ему рекоша: чадо Антоніе, понеже юнъ еси и не можеши трыѣти постническаго житія и трудовъ черническихъ; понеже ему бывшу въ то время 18 лѣтъ, и ина многа ему повѣдаху узкаго и прискорбнаго шестива пути иноческаго трыѣтіа. Он же неослабно моляшася имъ и кланяяся с великимъ умилеіемъ о воспріятіи мнишескаго образа, и едва получи желаніе свое, и постригоша его во иноческіи образъ; и пребысть же преподобныи с ними в пустыни томъ 20 лѣтъ, тружася и постяся, и моляся Богу день и ночь. Бысть же, рече, вдалѣ насъ яко 30 поприщъ в пустыни вознаграена отъ ту живущихъ иноковъ церкви мала. во иии боголѣннаго преображенія Господа Бога и Спаса нашего І. Христа. Обычал же баше всѣмъ инокомъ ис пустыни сходящеся к велицѣи субботѣ.

...Ненавдяи же добра діаволъ воздвиже гоненіе конечное на христіаны, *послаша князи града тою и боюмеракіи отступникъ папа римскія области по пустынямъ, и мачаша имати млиасы, и предаху на мученіе; преподобныи же оныи отцемъ богоизбраннаю Христово стада, отъ страха того разшедшимся по пустыни, и не советаша другъ друга.* Преподобныи же Антоніе начатъ жительство имѣти при мори в непроходныхъ мѣстѣхъ, толико на камени ноцію и во дни безпрестанни стоя и моляся Богу, и никакогожъ погрѣша и хижя (*хижины*) немѣя, тоцію мало нищи вкушавъ отъ недѣля до недѣля, еже принесе изъ пустыни своя. И преблеть ту на томъ камени преподобныи годичное время и мѣсяца два. и толико трудяся къ Богу моляся в постѣ и во бдѣніи и молитвахъ и безъ пища пребывая, елико ангеломъ подобенъ бысть...

Бысть же въ лѣто 6814, и. сентября въ 5 день, на память св. пророка Захаріи, отца предтечеви, *востахъ вътри велицы зело, и море восколебася, яко неколѣже быша тако, и велиахъ морскии до камени восходящихъ, не поимъ же пребывающе стоя и безпрестанни молитвы Божии возсылая, — и абіе везану, едина волна напригнися, и водъ ятъ камень, на немъ же преподобныи стояше, и несе его на камени, якоже на кораблѣи легцѣ, ни како же ничимъ не повреди ни устрои его.* Преподобныи же стояше и безпрестанни моляся Богу... И не свѣтъ, рече, когда день, когда ли ночь, не свѣтомъ неприкосновеннымъ объять бысть, камени же тенущю по водамъ, ни кормилца (*требцовъ*) имущи, ни коритѣа... И отъ Римскія страны шествіе его бысть по теплему морю, изтегоже в рѣку Неву, и из Невы рѣкы въ Невое озеро, из Новаж озера вверхъ по рѣцѣ Волхову, противу быстрины неизреченныхъ, даж и до В. Нова-града, до уреченнаго мѣста ка-

мень не приста нигдѣже. И приста камень, на немже преподобныи стоя и моляшеся, при брѣзѣ великіа рѣны, нарицаемѣй Волхова, на мѣстѣ, идѣже нынѣ божією благодатию и пречистыя Богородица и преподобнаго отца нашего Антонія молитвами обитель стоитъ. В таже времена бысть въ третью стражу ноцы. въ сельцы, еже иныиуемо Волховскогъ, начаша во градѣ звонити к заутреннему пѣнію, якоже обычай есть, и услыша преподобныи звонъ великъ во градѣ, и ста на многъ часъ во страхъ мнозъ и в недоумѣніи. и отъ страха начата быти въ размышленіи, и во умасѣ велицѣ, и чаше яко во граду Риму принесенъ бысть на камени.

Ноши же мимошедши. и дневному свѣту солнцу воссиявшу; преподобному же на камени стоящу, стеконшася людие къ нему, иже ту живуше, и зряще на преподобнаго дивящася, и придоша к нему и начаша вопрошати о имени и о отечествѣ и отъ коеа страны прииде. Преподобному же ни мало русску языку умѣющу, и никотораго отвѣта недоумѣаше иже сказати; но токмо кланялся, самъ же с камени не воступи, и пребысть ту три дни и три ноци, на камени стоя и моляся Богу. Въ 4-й же день преподобныи поклонися Богу на многъ часъ о увѣдѣніи града и о людехъ, и дабы ему послалъ Богъ таковаго человека, иже бы ему повѣдалъ о градѣ и о людехъ. И видѣ преподобныи с камени и поиде во градъ, и обрѣте человека греческіа страны гостбу дѣюща, купецкіи чинъ имуща, иже умѣаше ринскыи и греческыи и русскыи языкомъ.

Узрѣвъ же преподобнаго, вопроси его о имени и о вѣрѣ; преподобныи же ему повѣдаше имя свое, и христіана себе нарече и грѣшна янока и недостойна ангельскаго ичюскаго образа. Кунецъ же оутъ паде къ ногамъ саятаго, прошающе благословеніа отъ него; преподобныи же

ему благословеніе дарова и о христѣ цѣлованіе. Вопросившу же его преподобному о градѣ семъ и о людехъ и о вѣрѣ и о св. божіихъ церквѣхъ; Готѣишъ же преподобному повѣдаше всея по раду...

Преподобныи же слыша отъ греченина сего повѣсти сіа, возрадовася душею, и всемьному Богу веліе благодареніе воздаше во умѣ своемъ. Вопросы же преподобныи греченина Готѣина глагола: еще иже повѣсть, друже, колко разстояние отъ града Рима до града сего. и въ колко время переходятъ людие путь семъ? Онъ же рече: «дальшая страна есть, и нуженъ путь по морю и по суху, едва переходятъ въ полгодичное время, аще кому Богъ поспѣшитъ». Преподобному же размышляющу и дивящуся въ себѣ о величїи Божїи, како в два дни и въ двѣ ноци толику долготу пути преиде, наипаче же, яко и выше естества на камени по водамъ,— и едва отъ слезъ удержашеся въ то время, и поклонися ему до земли, миръ и прощеніе ему даровавъ. И видѣ преподобныи во градѣ помолитися св. Софїи премудрости Божїей, и великаго святителя Никиту видѣти,— и видѣвъ церковное благолѣпіе и чинъ, и святительскїи санъ, вельми возрадовася душею, и помолвися и обхождаше всюду, и пакы отыде на мѣсто свое. Святителю же Никитѣ въ то время никако неявише преподобныи, пожеже еще незнающе словенску и русску обмчаю и языку. Начать же преподобныи молитися стоя на камени своемъ день и ноцъ, дабы ему Богъ открылъ русскїи языкъ, и видѣвъ *Господь Богъ преподобнаю подвигы и труды, и начаша приходитьи къ нему, иже ту близъ живущеи людие и гражане, молитвы ради и благословенїа.* И божїимъ промысломъ, преподобныи вскорѣ отъ нихъ начать разумѣти, и глаголати русскыи языкомъ; людие же вопрошающимъ его о отечествѣ, и ко сея земли рожденіе, и воспитаніе. и о

пришествіи его; преподобныи же ни како не повѣдаше о себѣ, токмо себе грѣшна именуя. По малѣ же времени доиде въ слухъ о немѣ до святителя Никиты того же В. Новаграда; святитель же Никита посла по него и повелѣ его привести предъ себя. Преподобнымъ же во страстѣ велицѣ бывъ, еще же и радостію одержимъ бысть, и иде ко святителю въ велицѣ смиреніи. Святитель же введе его въ келію свою, и сотворивъ молитву преподобнымъ, и рече: аминь, и приѣмлетъ благословеніе отъ святителя со страхомъ и съ любовію, яко отъ Божіа руки. Святитель же Никита провидѣ св. духомъ еже о преподобномъ, и начатъ вопрошати его о отечествѣ, и о пришествіи его въ В. Новградъ: откуда и како прииде? Преподобныи же святителю не хотя повѣдати тайны, славы ради человѣческа, но токмо грѣшна себя именуя. Святитель же Никита съ великимъ прещеніемъ, еще же и съ заклинаніемъ, вопрошая преподобнаго и рече: мнѣ ли брате не повѣси тайны своя, а вѣси яко Богъ имать открыти нашему смиренію, яже о тебѣ, ты же судъ преслушанія приими отъ Бога. Преподобныи же падъ предъ святителемъ на лицы своемъ, и плакаше горько, и моля святителя, да не повѣсть тайны сея никому же, доидеже преподобныи въ жизни сем. И повѣда о себѣ тайну на единѣ святителю Никитѣ вся поряду: о отечествіи своемъ, и о воспитаніи и о прихожденіи своемъ изъ Рима въ В. Новградъ, яже исцрва писана. Святитель же Никита сія слышавъ отъ преподобнаго, не мняше его яко чловѣка, но яко ангела Божіа... И оба лежаша на земли, плакастася, помочая землю на многъ часть, другъ у друга благословенія просяще и молявы...

Святитель же Никита много моляше преподобнаго, дабы избралъ себѣ мѣсто потребно у него, и пребывалъ съ нимъ до исхода душа своя; преподобнымъ же

никако восхотѣ сего сотворити, и отвѣщавъ рече: Господа ради, святче Божій; не нуди мене: долѣеть бо ми на томъ мѣстѣ терпѣти, идѣже мя Богъ повелѣ. *(За тѣмъ идетъ разсказъ о посльщеніи владыкой Антоніа).*

Святитель же хотя поставити ему жилищну близъ камени; преподобнымъ же сего никакоже восхотѣ, но всеку скорбѣ терпѣаше ради Бога. Святитель же Никита хотя истѣе увѣдѣти о чудесахъ, боися искушенія, начатъ, разводя на единѣ солянѣ тѣхъ, вопрошати о явленіи преподобнаго; они же единодушно рѣша ему: во истину святче чловѣкъ сіи Божіи во водахъ принесенъ бысть на камени...

Святитель же Никита *(по примѣду домой)* посылаетъ по посадниковъ, по Ивана и по Прокопіа, по Ивановыхъ дѣтей посадничих, и рече имъ: члца моя, послушайте мене; есть во отечествѣ нашемъ сельцо близъ града реконое Волховско; Богъ изволи и пречистая Богородица на мѣстѣ томъ воздвигнутися храму пречистыа Богородицы честнаго и славнаго ея Рожества, и устронтиса обители страннымъ симъ преподобнымъ Антоніемъ, и возилется молитва къ Богу о спасеніи душъ вашихъ, и воспоминаеніе будетъ родителемъ вашимъ. *Посадницы же съ любовію послушаша святителя, и отмыриша подъ церковь и подъ монастырь земли на вся страны по пятидесяти сажень;* и повелѣ епископъ Никита возградити церковь древану малу, и освати ея, и едину келію постави на прибѣжище мнихомъ.

По дѣтѣ же единомъ пришествіи преподобнаго, близъ камени преподобнаго, рыболовцы ловитву дѣюще, и объ всю ночь тружавшеся и неяша ничтоже: и отъ труда изнемогша, и извлекоша мрежа своя на брегъ и в велицѣи скорби быша. Преподобныи же скончавъ молитву иде къ ловцомъ и глагола имъ: члца моя, токмо имамъ гривенный слитокъ сребра (по-

неже въ то время у новгородскихъ людей не бысть денегъ, но лѣша слитки серебряныя: ово в гривну, ово в полтину, ово в рубль. и тѣмъ куплю дѣяху), — и сію гривну слитокъ вдаю вамъ. Послушайте мене, свержите ирежа своя въ великую сію рѣку Волховъ, и аще что имете, то вдайте пречистыя Богородица. Они же не восхотѣша сего сотворити и отвѣщавше рѣша: объ всю ночь тружавшися и ничтоже яхотъ (*вынули*), толико немногохотъ; преподобныи же съ прилежаніемъ моляше ихъ, дабы послушали его. Они же по повелѣнію преподобнаго свергоша ирежа своя въ рѣку Волховъ, и извлекоша на брегъ множество много великихъ рыбъ, молитвами святаго, едва не проторжеса ирежа, яко николиже тако аша; еще же извлекоша сосудъ древянъ делву, сиречь бочку, оковану всюду обручьми желѣзными. Преподобныи же благословяше ловцовъ глаголя: чаща моя, вѣдите милость Божию, азъ же весь благословляю и вдаю вамъ рыбу, себѣ жь сосудъ делву, сиречь бочку, повеже ми Богъ вручи на созданіе монастыря... И рекоша къ преподобному: »се мы нахотѣхся у тебе рыбы ловити, а бочка наша есть«; еще же и жестокии словеса досаждающе укоряху преподобнаго. (*Пошли къ городскимъ судьямъ, чтобы они рѣшили споръ*). Старецъ же рече: »господіе мой, вопрошайте ловцовъ сихъ, что они нмутъ вложеное въ бочку сію?« Ловцы же недоумѣющеся, что отвѣщати кому; преподобныи же рече: »сія бочка нашаа худости, вана моротѣи водѣ въ Римѣ сущенъ отъ нашихъ грѣшныхъ рукъ; вложеное же въ бочку сосуди церковнии, златіи и серебрянии и хрустальнии, потири и блюда, и иная многа отъ священныхъ вещей церковныхъ, и злато и серебро отъ нѣнѣи родителей моихъ. Вверженное же в море сокровище сіе тоя ради вины, еже бы не осквернились священнии сосуди отъ богомерзкихъ еретикъ. и отъ

отрѣсочныхъ ихъ бѣсовскихъ жортев. Подиши же на сосудехъ римскимъ языкомъ написаные. Судіа же повелѣша разбити бочку, и обрѣтоша вся по словеси преподобнаго. и даша преподобному бочку и отпустиша его с миромъ, и кому никтоже смѣяше вопросити его. Ловцы же отыдоша посрамлени. Преподобныи же Антоніе иде ко святителю Никитѣ, радуяся и благодаря Бога о обрѣтеніи бочки, и повѣда вся святителю...

Антоній полагаетъ сокровище свое во святительствѣи ризницы на соблюденіе, а самъ, вземъ благословеніе у святителя, и начать стровити обитель. *И купи землю около монастыря у посадниковъ градскихъ, и съ живущими, иже на той земли людьми прилучившимися, и въ прочая лѣта, доколе Божиимъ строеніемъ миръ вселенныи стоить, и при великомъ рѣцѣ Волховъ рыбную ловитву купи на потребу монастырю,—и межинами отмежаеъ, и тисму вдаеъ, и въ духовную свою грамоту написаеъ. И начатъ тружатися безпрестани, чрезъ весь день, и труды къ трудамъ прилагая, ноци же безъ сна пребывая, на камени стоя и моляся,—и видя его богоподобное ангельское житіе, ки. в. Мстиславъ, и святитель Никита, и вся старѣйшины града того и людіе начаша блажити и велию въру имѣти.* Тавны же о пришествіи его не вѣдѣше никтоже, развѣ епископъ Никита, и начаша прибрятися братія ко преподобному; онъ же съ любовію приимаше. *Мнѣ же недостойному священноиноку Анорею Богъ сподобилъ воспріяти ангельскіи образъ во обители си, — и быхъ въ послушани и во учени преподобнаго.*

(*Потомъ построили каменную церковь, богато украсили ее, поставили трапезу, келли и ограду монастырскую*)

Имя же преподобныи ни отъ когото не воспріять, ни отъ князей, ни отъ епископа, ни отъ вельможъ градскихъ; но токмо благословеніе отъ чудотворца Никиты епископа. Но все строаше изъ бочки сея, еже изъ Рима Богъ постави водами въ великомъ Новѣградѣ. и поты и труды своими, — и аще кто что принесетъ Бога ради потребная отъ имени своего, или пищу; преподобныи же тѣмъ братію питая, еще же и сиротъ и вдовицъ убогихъ, и нищихъ питая. И потомъ преподобныи зъ братію и сиротами своими начатъ прилагати ко трудомъ труды. Не по мнози же времени святитель христовъ Никита епископъ начатъ изнемогати, и призва преподобнаго, и повѣда ему отшествіе свое отъ жизни сея, и много наказавъ его, отыде къ Богу. Преподобныи же въ велицѣи сборби и в слезахъ бысть о представленіи святителя Никиты, понеже великъ духовный совѣтъ имѣяху между собою.

(Обитель стала распространяться, монахи умолили Антонія, чтобы онъ былъ у нихъ игуменомъ).

И поживе преподобныи во игуменствѣ лѣтъ 16, в добрѣ исправленіи упасе стадо христово.

И увиде преподобныи о своемъ отшествіи къ Богу, *призавъ мене священноинокъ Андрея, и нарече себе мене отца духовнаго, и добрѣ исповѣдавъ со слезами, и повѣда моему окаянству преподобныи свое пришествіе изъ Рима, и о камени, и сосудѣ древяномъ, о делви, сиречь бочки, еже исперва написа. И повелъ ми вся сія написати по представленіи своемъ и церкви Божіей предати, чтущимъ и послушающимъ на пользу души и на исправленіе добрыхъ дѣлъ, въ славу и честь св. и живоначалнѣй Троицы Отцу и Сыну и св. Духу, и пречистѣй Богородицы. Мнѣ же о семъ въ*

велицѣ удивленіи бывшу, и посемъ призва братію и рече имъ: «братіи мои и споспѣшницы! молю убо васъ, се нынѣ отхожу отъ жизни сея ко Господу Богу моему І. Христу, да молитѣ за мя и пречистую Богородицу въ преставленіи моемъ. *Да умрутъ ангели милостивѣи души мою* (1), и да избѣгну сѣтой вражнхъ отъ воздушныхъ мытарствъ нашихъ св. молитвами, понеже грѣшнъ есмь; вы же изберите себе на изумленіе отъ брати на мое мѣсто отца и учителя, и пребудите у него въ постѣ и молитвахъ и в трудѣхъ, во бдѣніи и в слезахъ. Еще же молю вы о немъ же владыцѣ, о томъ и подвижавтесе и о своемъ спасеніи не нерадите, и миръ и любовь между собою имѣйте. и милостивыи яридите, и страннлюбія не забываете, — и аще тако пребудите, обитель сія пречистыя Богородица якогда же не осуждетъ. Еще же молю вы, пребудите въ послушаніи ко игумену и ко отцамъ своимъ духовнымъ, ко старѣйшимъ братіи, шедно бо есть: «блаженн ниции духомъ имѣтъ есть царство небесное» и проч... И многа наказавъ преподобныи братіи и поучивъ, аже ко спасенію; братіи же видѣвши преподобнаго в послѣднемъ издыханіи, быша въ велицѣи умиленіи и в сѣтованіи, и в слезахъ многихъ, и речеша: «о добрый нашъ пастырю и учителю! се нынѣ уже зримъ тя въ послѣднемъ издыханіи на кончинѣ вѣка, и нынѣ къ кому прибѣгнемъ и отъ кого исладимся недоточныхъ словесъ ученія, и кто попечется о нашихъ грѣшныхъ душахъ? Но молимъ тя, угодниче Спасенія, аще обратиши предъ Богомъ благодать и милость и по отшествіи своемъ отъ жизни сея моли о насъ неослабѣи Бога и пречистую Богородицу»... Блаженныи же

(1) См. въ статьѣ о двухъ Лазаряхъ и въ словѣ о мытарствахъ. Выше № 75.

глагола нмъ: «чаща моя, ео уже продаю васъ въ руки Госпади и пречистыя Богородицы, а о игуменъ возложите на Господа Бога и пречистую Богородицу и на наше смиреніе: то уже *наставникомъ вамъ емство мане да будетъ отецъ мой духовный священноинокъ Андрей*. И тако предавъ ему монастырь и братію ему, вручивъ глагола: «са убо, брате Андрей, оставляю тя съ Богомъ строителя и кормника обители сем святѣи и всю братію о Бозѣ собранную; но бляди, брате, прочее, да ничтоже оставится отъ монастырскихъ законъ, отъ св. апостолъ и пророкъ, и св. вселенскихъ соборъ...»

Азъ же аще тѣлеснѣ отхожу отъ васъ, но духомъ съ вами неотступно пребуду, и о семъ разумно да будетъ вамъ, аще обрѣтъ буду благодать предъ Богомъ, то обитель сіа, по отшествіи моемъ умножится немалое,—и соберутся братія множество въ духовной любви, и умножится съ. сіа обитель весть обидствомъ духовнымъ, и въ телесныхъ обидяхъ не будете скорбни.« И тако учивъ ихъ доволно, и духовнымъ лобзаніемъ цѣловавъ ихъ, и кождо по одному, и одаривъ ихъ молитвами и благословеніемъ почитѣ, и впрядъ полагаетъ братіи заповѣдь: *«аще лучишя избрати шумена, то избрати отъ братіи, иже кто на мѣстѣ семъ тръпичъ, и аще князь нацѣлетъ шумена, или епископъ, по нацилю или по мздѣ, или который братъ нашъ отъ мѣста сего, а начметъ жотѣти шуменства, кроль братскаго соборнаго изволенія, еможе не произволятъ братія на шуменство, тоиже мздою или насиліемъ отъ князя или аще епископа поставленъ будетъ, тѣхъ преподобныи проклятію предають»*. Таже и а земли утверждая и глаголетъ: «о братія моя! агда сѣдохъ на мѣстѣ семъ купилъ есмь село сію и землю, и на рецѣ семъ

рыбную ловитву, на строеніе монастыря, и мною изъ пречистыя сосуда, спрочъ изъ бочки,—и аще кто начнетъ обидѣти васъ, или наступати на сію землю, идо нмъ судитъ мати Божіа. И давъ братіи послѣднее прощаніе и о Христѣ цѣлованіе, и старъ на молитвѣ и воздвигъ руки геръ, и азнамена велъ животворящимъ крестомъ, перекрестъ лице свое, раяъ: «миръ весть». И помалився на много часть, аще убо и радость тому быше, емо разрѣшиться отъ плоти, и съ Христомъ быти; но показуя яко весть страшна чаща смертная, и многія же по воздухомъ истазателя ишаны...

(Прочитавъ молитву, чтобы Господь сподобилъ его пройти безвредно огненныя волны и глубины бездонныя и избавилъ отъ темныхъ князей тартара, Антоній) повелъ священноинокъ Андрею, отцу своему духовному, себе покладти и отходя на вѣки,—и возлегъ на одрѣ своемъ и отиде къ Богу—въ вѣчныи покой. И погребенъ бысть честною архіеп. Нисонтомъ съ священнымъ соборомъ и со множествомъ народа града того, со свѣщани и съ кадильи, со всадныи и вѣнчи и вѣщныи духовными въ лѣте 6655 (1147) и. августа въ 3 день, на память преп. и богоносныхъ отецъ нашихъ Исакіа далматіа и Фавста. И положено бысть честное тѣло его въ церкви преп. Богородицы, юже самъ соуд. Поживе же съ пришествіи своего до игуменства лѣтъ 14, въ игуменствѣ же бысть лѣтъ 16, и весть лѣтъ поживе во обители 30. и по благословенію препод. архіеп. Нисонта поставляетъ во игумены ученика преподобнаго священноинокъ Андреа. Сем же Андрей повѣда архіеп. Нисонту и княземъ града того и весть людесѣ, емо слыша отъ преподобнаго о чудесѣхъ сихъ; архіепископъ же и вси людие велики почудившесе и воздаша хвалу Богу и пречистыи Богородицы, и великому чудотворцу Антонію; и оттодѣ

начать зватися Антоніи Римлянинъ. И повелѣ архіеп. Нифонтъ сіе житіе премонобнаго изложити и написати и церкви божіи предати, на утверженіе вѣрѣ христіанскій и на спасеніе душамъ нашимъ; а Римляномъ, еже отступиша отъ православныя греческія вѣры, и предложисася въ латынскую вѣру, на посрамленіе и на укоризну, и проклятіе, въ славу же и честь животоворящей Троицы, Отцу и Сыну и Св. Духу, нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ, аминь.

(Правосл. Собес. 1858 г. кн. 5).

Это житіе написано въ XII в. узеникомъ Антоніи—игуменомъ Андреемъ, но подверглось переделкѣ въ XVI в. См. *Очерки Буссаева II, 97—133.*

98. Изъ житія Агапитова ок. 1235.

Нѣкто отъ Кіева пострижеса именемъ Агапитъ при блаженѣмъ отци нашемъ Антоніи, иже послѣдствовавше житія того ангельскаго, самовидецъ бывъ исправленіемъ его. Яко же бо онъ, великыи, покрывая свою святость, болныя цѣляше отъ своея яди, мняся тѣмъ зелье врачевное подати, тако здрави бываху молитвою его: тако и съ блаженныи Агапитъ, ревнуя святому старцю, помогаше больнымъ. Егда кто отъ братня разболышеса, сим оставивъ кѣлию (не бѣ что крадошаго), пришелъ къ болящому брату, и служаше ему, подъявая же и нолагая того, на свою руку вознося его, подавая тому отъ своея яди, еже варяше зелье; и тако сдравъ бываше больныи молитвою его. Аще же ли продолжашеса недугъ болящому—сице Богу благоволящю, да и вѣру и молитву раба своего умножитъ—сии блаженныи Агапитъ неотступно пребываше у него непрестанно молясь за нь, дождеже Господь сдрави подаетъ бо-

лящему молитвы его ради. И сего ради прозванъ бысть *Лѣчець*. Сему Господь дарова дары ицѣленія. И въ градѣ се слышано бысть: нѣкто въ монастыри лѣчець. И мнози приношаху къ нему болящія, и сдрави бываху.

Бысть же в сего блаженаго время нѣкто, Орменинъ родомъ и вѣрою, кытръ же бѣ врачевати, яковъ же не бысть прежде его, иже токмо видѣвъ боляго познаваше и илѣдаше смерть его нарекъ день же и часъ, и никако же измѣнитъ слово его. Се уже никако же не врачуется. Отъ сихъ единъ болныи принесенъ бысть в печерскыи монастырь, иже первыи бысть у князя у Всеволода, его же Арменинъ в нечаяние введе, прорекъ ему по осни дни смерть. Блаженныи же Агапитъ, давъ тому отъ зелья, еже самъ ѣдаше, сдрави створи. И прочеса слово о немъ по всей земли-русьскои. Арменинъ же утѣченъ бысть завистною стрѣлою, нача укорити блаженаго. Посла в монастырь нѣкого осужена на смерть, повелѣвъ дати ему смертнаго зелья, да предъ нимъ вкуситъ, паде умирати. Блаженныи же сего умирающа, дасть ему монастырскыи яди, и сдрави створи молитвою своею отъ смерти избави повиннаго. Отсе гдѣ вооружаетъ на нь иновѣрныи, научая тоже вѣрныи своя, хотя уморити мниха смертнымъ зельемъ. Блаженныи же пияше безо пакости, ничто же зла приемля. Вѣсть бо Господь благочестивыи избавляти отъ смерти, Иже рече: Аще что и смертно испиють, ничто же ихъ не вредитъ; на недужныи руки възложить, и сдрави бѣдутъ.

(Изъ посланія Поликарпа къ Акиндину. Христомъ Галахова. 57).

Посланіе Поликарпа къ киевочерскому ермандриту Акиндину—служить какбы продолженіемъ посланія Симона къ Поликарпу, потому что Поликарпъ, дѣйствительно, продолжаетъ писать о томъ же предметѣ;

которомъ писалъ и Симонъ,—о киво-печерской обители, и повѣствуетъ именно о тѣхъ печерскихъ черноризцахъ, о которыхъ Симонъ еще не написалъ; а съ другой стороны,—и потому, что въ своихъ сказаніяхъ Поликарпъ почти исключительно пользуется тѣмъ, что слышалъ прежде изъ устъ Симона, изрѣдка только ссылался на неизвѣстное намъ житіе преп. Антонія. Следовательно Поликарпу принадлежить это посланіе болѣе по формѣ, а содержаниемъ своимъ оно облично преимущественно Симону. Трѣхъдѣльныхъ убѣжденія послѣднюю, въроятно, глубоко подѣйствовали на восприимчивую душу юнаго Поликарпа; онъ остался жить въ печерской обители простымъ черноризцемъ, началъ повиноваться настоятелю своему Акиндину и по его желанію принялъ на себя и выполнялъ настоящій трудъ (ок. 1230) въ память и наученіе будущимъ инокамъ.... Какъ памятникъ литературный, это посланіе уступаетъ въ достоинствѣ посланію св. Симона. Разсказъ у Поликарпа также простъ, естественъ, но менѣе проникнутъ теплотою чувства и болѣе растянута; словъ не столько точны и правдивы и замѣтно страждетъ многословіемъ; самыя мысли въ тѣхъ случаяхъ, когда Поликарпъ позволяетъ себѣ говорить отъ своего лица, менѣе зрѣлы и послѣдовательны, нежели у св. Симона. Но какъ сочиненіе историческое, судя по источникамъ, какими пользовался Поликарпъ, посланіе его можетъ быть поставлено совершенно наравнѣ съ посланіемъ св. Симона, и при единствѣ предмета и самыя источники, оба посланія представляются какбы двумя частями одного цѣлаго: они—то, какъ извѣстно, и послужили главнымъ основаніемъ для киво-печерскаго Патерика (Ист. Р. Ц. Макарія, т. III, стр. 162—3. 167).

99. Житіе Авраамія Смоленскаго до 1240⁽¹⁾.

...Владыко мой, Вседержителю, благый подателю, Отче Господа нашего І. Христа! приди на помощь мнѣ и просвѣти сердце мое на разумѣніе заповѣдей твоихъ, и отверзи устнѣ мои на исповѣданіе устенъ твоихъ и чудеса, и на по-

(1) Память Авраамія празднуется авг. 21. Житіе написано ученикомъ его Ерономъ; здѣсь напечатано по позднему списку. Разсказъ вялъ и безжизненъ, можетъ быть, потому, что распространены цѣлыя. И сократилъ его.

зведенію св. твоего угодника, и да прославится имя твое, яко ты еси помощникъ всѣмъ уповающимъ на тя въ вѣки.

Бѣ сей блаженный Аврамей отъ вѣрнѣ родителя рожься, бѣста та въ законѣ господни. добръ живущи въ законѣ благочестно; бѣ же отецъ его всѣми ятамъ и любимъ, отъ князя честь приемля; бѣ бо въ истину отъ всѣхъ опознавъ, яко и правдою украшенъ и многимъ въ бѣдахъ помогая, милостивъ и тихъ къ всѣмъ; къ молитвѣ и къ церквамъ прилежя. Такоже и мати его всѣмъ благочестивъ украшена, таже не яко неплоды бѣста, двѣнадесятъ дочерема отъ него роженнися, и не бѣ имя отрочати, и се бысть имя отъ божия строенія: многимъ желаниемъ моляста Бога подати имя отроча, многы же обѣты и милостыни церквамъ и монастыремъ дающе,—и послуша ею Богъ и дастъ имя отроча. Еще бо юну носиму въ утробѣ матернѣ, обита Христова Благодать в немъ и възванъ бысть святымъ, яко преже Самуилъ; и свершившимся днемъ роженія, родиста блажена дѣтища... И егда же бѣ отрочатемъ въ возрастъ смысла пришедшу, родителя его даста книгамъ учити: не ба умываша отроча, яко прочая дѣти; но и скорымъ прилежаннемъ навича; къ сему же на игры съ прочими съ ивѣми не съезжаша, но на божественная и на церковная ивѣна и почитанія преже имѣхъ притакая, яко о самъ родителя радоватися, а ивѣмъ ходитися таковому дѣтища разуму. Господня бо бѣ благодать на немъ, просвѣщающа разумъ его и наставляюща на путь заповѣди Христовыхъ. Егда же въ большии возрастъ правде, всею тѣлесною красотою и добротою, яко свѣтъ сияше; родителя же его къ браку понужающимъ, но той самъ не восхотѣ, наипаче поучивъ его и наказавъ презрѣти и възненавидѣти житейскую сию славу, предельсть мира сего, и възсприяти иже-

оныхъ чинѣ. Така же отшедшиа жития сего и Богу. онъ же по велику обрадовася, и дастъ Богу славу тако изволюшему; богатство же, еже оставиша родители его, убогимъ раздаде, вдовицамъ и сиротамъ и черноризцамъ... Богодуховныя же книги и святыхъ жития почитая и какобы ихъ жития и труды и подвигъ въсприяти; наѣмися святыхъ ризъ и въ худыя облечеса и хожаше, яко единъ отъ нищихъ, на уродство ся преложи. и рассмотря и проса и молася Богу, како бы спасица и въ кое мѣсто прити. И оставивъ всѣхъ, Богу наставляющу, отшедъ отъ града далече 5 верпръ, остригесе ту, якоже мнози вѣдять св. Богородица монастырь, къ востоку, Селище нарицають е. И бысть оттогда по благодати Христовой болии на подвигъ. и вся труды подвизалася и мыслю вспоинная св. града Иерусалима... И изъ всѣхъ (отець) любя часто почитати учения преп. Ефрема великаго вселенныи учителя, и Иоанна Златоустаго, и Феодосья пещерскаго, бывшаго архимандрита всея Руси, иже въ святыхъ богодуховныхъ книгъ жития ихъ и словеса приходя и унизая почиташе день и ночь, безпрестанно Богу моляшеса, и поклонялася, и просвѣщая свою душу и промышля. и коринѣ словомъ Божиимъ. Яко дѣлолюбивая ичела вся цвѣты обѣтающа, и сладкую себѣ пищу приносяща и готовяща; такоже и вся отъ всѣхъ избирая и снисая, ово своею рукою, ово многими нисци, да якоже пастухъ добрый, вся свѣдыи пастыи и когда на коеи пажити ему пастыи стадо, а не якоже невѣжа невѣдый пастыи: да овогда гладомъ, овогда же во горахъ разыдутся, нини отъ звѣрей свѣдени будутъ. Тако всѣмъ есть вѣдома невѣжамъ, внимающимъ санъ священства...

И пребысть блаженныя Аврааміи пребывша въ монастыри въ трудѣ, и въ бѣдѣни и въ алкании день и ночь, якоже и сего иному игумену зрящу добраго жития ра-

достася, и всея братья. и славити Бога. Мнози отъ мира притекають отъ него утѣшенія приимати отъ св. книгъ,—и бѣ въ всемъ повиновася игумену, и послушаше имѣа къ всѣмъ братьямъ, и любовь и смиренне имни, Бога ради понараяся всѣмъ. Испутивъ же его игуменъ, яко въ всемъ повиновася ему и послушася: бѣ бо и самъ игуменъ хитръ божественнымъ и вся свѣдыи и проходя, якоже мнози свѣдять, и никтоже смѣа предъ нимъ отъ книгъ глаголати; и притуди же блаженнаго Аврааміа приять священнический санъ, и поставлену ему бывшу дьякономъ, и потомъ ереемъ при книженъ вол. Христоролюбиваго Мстислава смоленскаго и всея Русиии земли. Приимъ же св. блаженный священнический санъ, болѣе смиренна приять, яко такую благодать Христосъ ему дарова: божественную литургею съ всѣмъ тѣнѣмъ, юже за всея мира Христосъ повелѣ приносити, и ни единого же дне не остави, яко же и мнози вѣдять его бывша и до самаго смерти, и не оставившаго церковныи правила и божественныи литургия и своего подвига; нищету же и наготу, и укоренія же отъ дьявола, и тугу и искушенія отъ игумена, и отъ всея братія и отъ рабъ, кто можетъ исповѣдати? Якоже ему самому глаголати: «быхъ 5 лѣтъ искушенія терпя, поносимъ, безчестуемъ, яко злодѣй»; якоже не терпя его и видя себе дьяволъ побѣждена отъ сятаго, и вѣдѣше манъ сию крамолу, своимъ совѣты хотя и оттолѣ прогнати, якоже и бысть. Видѣ бо дьяволъ, яко мнози отъ града приходять и учениемъ духовнымъ его множатся, отъ многихъ грѣхъ на покаяние притекають; аще ли снѣ речемъ: Богу хоташу, яко нѣсть гнѣ свѣтлыику въ тѣ снѣти, и укрытися граду выше горы сушу... Оттогда вѣиде въ градъ уча и наказуя вся на страхъ господень. Снѣ же и саму бысть отъ дьявола наученія: ибо нѣдѣи отъ морей,

друзии же отъ черноризецъ како бы нѣтъ вѣстети (возстать); овы же отъ града потапати и укорити исходяще, друзии и спире творяще, яко ничтоже свѣдуще, противу намъ глаголаху, и тако посрамленн съ студомъ отхожаху; и пакы не преставаху крамолы намъ въздвизающе, въ градѣ и вездѣ глаголюще: «се уже весь градъ къ себѣ обратилъ есть». Есть бо, о братиѣ, о семъ приложити слово на утѣшеніе вамъ: тако бо бѣ благодатию христовою утѣшая приходящия и плѣныя ихъ душа и смыслъ ихъ, дабы възможна неотхожашу быти, яко сему и мнози суть послуси, яже и самому игумену нестѣрпѣти, многыя къ нему видѣ притекающія, и хогя того его отлучити и глаголаше: «азъ за тя отвѣщаю убо Богу, тыже престани уча», и много ослобленія намъ възложи. И оттолѣ въниде въ градъ, и пребысть въ единомѣ монастыри у честнаго креста, и ту начаша болѣ приходити и учение его множайшее быти; а врагъ сѣтоваше, а Господь Богъ раба своего прославляше. и съблюдалше на всяко время, благодать и силу подавал рабу своему. И пребысть мало время. и отъ многогъ приемля утѣшенія, подавалу ему на потребу и лише потребности; и потомъ скоро раздавалше вдовицамъ и нищимъ, а самъ, еже въ потребу себѣ принимаше, украси же церковь иконами и свѣщани. И мнози начаша отъ града приходити и послушати церковнаго пѣнія и почитанія божественныхъ книгъ: бѣ бо блаженный хитръ почитати, дасть бо ся ему благодать божия не токмо почитати, но и протолковати, яже многѣмъ не свѣдуцимъ, и отъ него сказанная всѣмъ разумѣта. и слышадимъ ксему изъо устѣ и памятью сказая. Яко ничтоже ся его не утаитъ божественныхъ писаний, якоже николиже умалкоша уста его ко всѣмъ, къ малымъ же и къ великимъ, работъ же и свободнымъ, и руководьнымъ; тѣмъ же ово на молитву, ово на церковныя пѣнія, ово

на утѣшеніе притекающимъ. Яко и въ ноцъ мало сна приимати, но колѣнное поклонение и слезы иногы отъ очию изливъ, и въ перси бѣ, и кричаньемъ Богу припадая — помилovati люди своя, отвратити гнѣвъ свой, и послати милость свою, и належащихъ бѣдъ избавити ны, и миръ и тишину подати молитвами пречистыя Дѣвы Матери Богородицы и всѣхъ святыхъ. Написа же двѣ иконѣ: одну страшныи судъ втораго пришествія, а другую испытанія въздушныхъ мытарствъ, яже всѣмъ нѣсть избѣжати. . И ко всѣмъ приходящимъ онаго страшнаго дня не претая о томъ глаголя и почитая великаго онаго свѣтлаго учителя вселенныя Иоана златоустаго, и препод. Ефрема и всѣхъ богогласныхъ святыхъ св. Духа глаголаннаго ими собѣ у(в)нимая и всѣмъ проповѣдая.

И бѣ блаженный с воздержаннемъ отъ многого питья, пьянства же отивюдь ненавидя, ризы же по смиренню любя, драгыхъ велии бѣгая, и смиреніе присно имѣя, на трапезы же и на пиры отивюдь неисходя, многыхъ ради зазираний, якоже бывають отъ мѣста изборающихъ. и нѣхъ ради многыхъ бывають, отъ многа ради пьянства и бѣды, и того ради сего убѣгаше. Образъ же блаженнаго и тѣло удручена баше, и кости его и съставы, яко мощи вѣщети, и свѣтлость лица его бѣгда имуща отъ великаго труда въздержанія и бѣдннн, отъ многогъ глаголъ, яже тружашеся, поя и почитая, и молитву принося къ Богу... Егда устроишеса въ священническыи санъ, образъ же. и подобие на великаго Василья: чръну браду такую имѣя, плѣшиву развѣ имѣя главу, но не зарите ни братиѣ моеи грубости: не яжа бо си глаголю, или какую хитростию или мудростию, но многыхъ ради, яже его не видѣша и не слышаша... Видя же себе сатана побѣжденна Христовою силою отъ святаго, яко явльшеса ему овогда въ ноцъ, овогда въ день,

грѣхъ, но и славу Богу, тѣрпяще-
 (всѣхъ. И еще тогда блаженному
 о ереемъ сушу, и по Игнатии епи-
 бывшу, истинною рещи, яко побѣр-
 пастухъ Христовы церкви словес-
 овецъ; сынъ бо бѣваше Богъ ради
 лъ епископью свою и за многая
 на св. церкви, иже обидѣтъ зла-
 отъ ивнюще чужая безъ правды, и
 ю вдовицы и сироты. Сии бо видѣ-
 ша, яко вся безъ правды, яже на бла-
 го Авраамия ону крамолу въдвигну-
 оту бо о семъ въложившу, се при-
 глагола къ епископу Игнатію: «ве-
 сть быти онѣмъ граду сему,
 в добръ не опечалиши»,—якоже и
 Блаженный Игнатій сего послуша
 посла ко всѣмъ игуменомъ и ко
 пономъ, заповѣдая и запрещаа
 —отъ всякаго реченія зла престати,
 а блаженнаго Авраамія... Блажен-
 те терпѣ ихъ запрещенія, яко ино
 же не приходити къ нему; мнози же
 цѣ на всѣхъ путехъ стѣбихаху, а въ-
 згрѣблени быша... Скоро онии отъ
 къ, инии же отъ поповъ напрасную
 ; принимаху, яко ведуще и бывше въ
 на блаженнаго тужаху, и припада-
 у на ногу прощенья принимаху, а не
 въ сонѣ радовахуся...
 вшно же бездумядно велику въ гра-
 то изсыхати земля, и садомъ, и ни-
 в воену плоду земному, яко неза-
) бысть время, всѣмъ тужащиму.
 ящимъ Бога; и сами епископъ бла-
 га Игнатій (*оплака крестный*
 ,—и не бысть дождя на земли, и
 въ печали велицѣ. Се же все
 от божия промышления. и хотя Богъ
 ннаго Авраамія объявити; и въмо-
 отъ на сердце въкожу сушу нерею,
 едъ поману христілюбивому еписко-
 Игнатію о блаженнѣмъ Аврааміи,
 я сице: «вси молихомся, не послу-
 етъ Богъ; кая вина такоже на
 Аврааміи, яко лишень бысть бо-

жественныя литургія, еда и того ради
 бысть отъ Бога казнь? Тогда Игнатіи
 вскорѣ посла ко Аврааміи, и призвавъ
 и и слытавъ, яко все яма и оглаголанна
 по зависти и злобѣ днаволи бысть,—и
 прости и глагола: «благослови честный
 отче, за неведение мое; се ти сътворишь,
 послушавше лживыхъ клеветникъ и огла-
 гельникъ». И благослови паки пречистою
 и честною литургію съ връшати; и моли
 Бога о градѣ. и о всѣхъ людехъ, да поми-
 луетъ Господь и подасть богато дождь
 свой на землю... (*Аврааміи дорогой*
сталь молиться) Еще преподобному не
 дошедшу своеа келіи, одожди Богъ на землю
 дождь, яко славити Бога всѣмъ. и глагола-
 ти: «слава тебѣ Господи, яко скоро послу-
 ша раба своего. И бысть многа радость въ
 градѣ и оттогъ начата иретенати въ градъ...

Лико же поманути и о житіи препод.
 отца Θεодосія печерскаго всея Руси: хо-
 та Богъ въру раба своего явити. и от
 того мѣста на другое преселити. и пре-
 свѣтлѣйше церковь въградити; уже умно-
 жившиися брати, и показа Богъ чело в
 ноци яко скажутъ рекуще, яко дуга въ
 образъ отъ верха церковнаго, другой
 ходитъ конецъ ея,—и препод. отца Θεо-
 досія душа съ иконою пречистыя Бого-
 родица и брати въ слѣдъ идуща и пою-
 ще. Тако же и нынѣ помянемъ о преп.
 Аврааміи и о молитвѣ пресв. Богородица
 и брати въ слѣдъ идуща и поюща, яко-
 же бысть потомъ и хотящимъ показати
 мѣста, на немъ же блаженный о Богѣ хо-
 щеть жити явѣи многымъ, иже имутъ с
 нимъ спасатися. Преп. и благочестивый
 Игнатіи мысленне създати церковь каме-
 ну, во имя св. Игнатія, во имя себе,
 въ града таково оуде мѣсто близъ ровно,
 угодно на поставленіе церкви и все мо-
 гуще въ спряти рядъ монастырскъ, и ску-
 пи огради овощными окрестъ его, и по-
 стави церковь во имя Богососца; и по-
 томъ ту разрушивъ. и на ино мѣсто ире-
 сели, и основа большю, и нарече въ имя

св. владычицѣ нашей Богородица положеніе честныхъ ризы и пояса. И быша в немъ неколико братиѣ, блаженнымъ питаемимъ епископомъ Игнатиемъ; нѣкоторые же буйци и несмысленнии уни жадоху глаголаше: »аще хочеть кто да идетъ на игуменьство, имя нарицающе«... По мнозѣ же времени, Богу о семъ промышляюще, стужаше бо в себѣ Авраамии, яко далече сушу града, приходящимъ такоже; блаженный епископъ помянувъ божію волю, тогда призва единого от своего честнаго крылоса, перваго от старѣйшихъ, протопоса именемъ Георгія, глагола к нему о блаженномъ Авраамии. Помянувъ, яко далече ему сушу граду, скорбь ему велика, да призоветь скоро; блаженный прииде по повелѣнію епископа (*Игнатій благослови ег на игуменство*). И оттол прослави Господь боги, зане же злѣ блаженнаго оскорбивше, обращатися начаша и припадати на ногу, просяще прощения, иже всѣми ненавидимъ быти, всѣмъ быти, да иже преже боахуся прияти, то убо не боаясися, но радуящися приходяху. Не точию гражене едины приходяху, но и со женами и съ дѣтми: и нѣ от княз, и от велможь, работни же и свободнии притекаху, вси своя грѣхи исповѣдающе к нему,—и тако отхожаху во дома своя радуящися. Прини же блаженный домъ св. Богородица, и украси ю, яко невѣсту красну... Мнози же хотяху быти черноризци, но не ту абие пострижаше, ведый трудъ искушение велика от общаго всего врага, и се братие числомъ 17. Снце же блаженныи искушаше от Христовымъ благости, вся бо ему Господь откровенная даяша разумѣти житне хотящимъ и к нему притекающимъ, тако отвѣщевая глаголюще, къ послушливымъ и смиреннымъ, веля имъ часто притекати къ себѣ, елико бо ихъ от златолюбства и злобы, тѣхъ удаляася, снце бо от своихъ напастей; мнози от черноризецъ принимаше искушения, да того ради не скоро приема,

искушаше же снце ведый по книгамъ; но слышаше нѣкоего игумена, снце быше точию до 12, то числомъ имене шихъ дваже—въ искусѣ. А огда кто хоташе от него постричься, то знаменана преже, къ коему брату видеть, да аще поидяше къ подвижну брату, то стоя слышаше Бога, рудѣ въздывъ. и о немъ моляся Богу; аще ли не к такому, то печалень бываше... Блаженный епископъ радывашеса, яко такового дарова ему Богъ свята и блаженна мужа; Авраамій же радывашеса яко та въ даръ благодать приимъ от него. Мало же по такой любви пожилъ епископъ и преставися к Богу, по правдѣ рече: въ истину свату и преподобному и к Богу тако подвижався, от юности потрудився: и до самыя сѣдины... Оттолъ боги начать подвижатися блаженный Авраамии, и о такомъ разлучении преподобнаго въ смирении мнозѣ, и в плачи от сердца съ въздыханиемъ. и съ стѣнаніемъ, поминаше бо о себѣ часто. о разлучении души от тѣла. Блаженный Авраамии часто себѣ поминая, како истяжють душу пришедше ангели. и како испытаниемъ на воздусѣ. от бесовскихъ мытаревъ, како есть предъ Богомъ и отвѣтъ о всемъ въздати, и в кое мѣсто поведуть, и како во второе пришествіе предстати предъ судилищемъ страшнаго Бога, и како будеть от судія отвѣтъ, и како огнена рѣка потечеть, пожигаючи вся, и кто помога будеть, развѣ покаяніе, милостыня и безпрестанныя молитвы, и ко всѣмъ любы. и прочая иная дѣла благая, иже обрѣтаются помогающия души. Мы же сего ни на памяти имамъ, но о всѣмъ, а другое о иномъ станемъ, не имуще ни единого слова отвѣщати предъ Богомъ. Пребыть же блаженный въ такомъ подвижаніи вся дни лѣта живота своего, всѣмъ бдя и моляся съ въздыханиемъ; мнози же научивъ. и наказавъ пребывати въ добротрудѣ, въ бдѣнии же, и въ молитвѣ, и въ терпѣнии, иже и смиренни, въ мило-

стни же, и въ любви; и сице утверди
вся съ слезами многими, сих же не за-
бывати николиже, и глаголаше: »и менѣ
смирннаго не забывайте въ молитвах ва-
ших, моляшеся владыцѣ и Богу, и пре-
чистой его Матери съ всеми святыми
его«. И потомъ болѣзнь на божественна-
го нашедши, и тако преставися (не по-
же 1220 г.), предавъ блаженную душу
господеву, его же желаше, и получи
царство небесное. И пребысть блаженный
Авраамъи. подвижася лѣтъ 50 от уности
до конца живота своего, о Христѣ І.
Господѣ нашемъ, Емуже слава и держа-
ва со Отцемъ и св. Духомъ, и нынѣ и
присно и во вся безконечныя вѣкы.
Аминь.

(Праг. Собесѣдн. 1859 г. окт.
и декаб.).

100. Повесть о Алексѣе митрополитѣ вса Русии послѣ 1378.

Тоежъ зныи (1377) м. Февраля въ
12 день, на память иже во св. отца на-
шего Мелентія патриарха великна Анти-
охиа, въ пятокъ въ заутреннюю годину,
преставись пресвещенныи Алексѣй м-тъ
Киевскни вса Русии въ старости чест-
нѣи и глубоце. Се убо блаженный Але-
ксѣй м-тъ родись отъ славныхъ бояръ
черниговскихъ, бываше жъ тогда божинни
судьбами частая варварская плененна на
градъ Черниговъ и на всѣ епархиа тыя,
спречь страны тыя; и того ради отецъ
его Феодоръ и мати его Марія отъидо-
ша отъ отечества своего отъ града Чер-
нигова, и приидоша въ преименитый градъ
Москву, и ту пребывающа родъ ста сего
блаженнаго...

Блаженныи жъ убо Алексѣй старши і
в. кн. Семена сына Иванова, внука Да-
нилова, правнука Александра, прапра-

внука Ярославля 17 лѣтъ; крести же
его еще младенца суца, князь Иванъ Да-
ниловичъ еще сын на вел. княженни, и
наречено бысть имя ему во св. креще-
нии Елеѡерей Семнонъ, и еще дѣтищъ
сынъ изуучися грамоте всей, и во благо-
чиннемъ возрасте пребываше. Пришедшу
жъ ему въ возрастъ 12-мъ лѣтомъ прилу-
чись ему по смотрѣнню нѣкоему, понеже
Богъ хотя проявити о немъ, и прострѣ
сѣтъ на уловленне птицамъ и стрѣжаше
опасно снѣ, і воздремався успѣ; и бысть
ему гласъ глаголя: »Алексѣя что всею
тружаешися, се отселе будеши человекъ
любя«. Блаженному жъ отъ сна возбуй-
шу, и невидѣ никоже, и удивись и
ужасесь, размышляше о семъ, что снѣ
новое званне, еже нарещи мя Алексѣемъ;
и отъ того часа нача во мнозе умиланни
и размышленни быти, и не могъ снѣ раз-
судити, никому же повѣдай о семъ.

Отецъ же его и мати и братья во-
прошаху его глаголюще: »что тако въ
печаль вдался еси, и отнюдь уклоняеши
сь въ молчанне, всегда книзи въ
рукахъ имаши, і въ снѣхъ точию по-
учавшиися, къ намъ же вниднаго отъ
тебѣ слова несть, снѣ бо есть инокская,
а немирская; кто убо тебя наказа иноче-
скимъ житнемъ жити, почто убо тако
изсушилъ еси себя, постомъ и жаж-
дею, не сокрушай убо себя, да не въ
недугъ впадеши и насъ въ скорбь и въ
печаль вдася, и повѣждай намъ, кто тѣ
развратн«. Блаженныи жъ мало утѣшивъ
ихъ пакы держашесь своего воздержанна,
и на позорище не хожаше, и со от-
роки не играше, и всяческихъ кощу
несть и глуминни отбегаше, и преле-
жаше молчанню божественныхъ писанин,
и хожаше во умилении своемъ всегда.
Бывшу жъ ему возрастомъ 20-мъ лѣтомъ
возлюбн Бога всею душою, і вся заповѣ-
ди его тщашесь хранити, и вжелѣ во ино-
ческое житне постричься, и остави отца
и матеръ и братию и сестры, і вся блд-

жени и друзи и женитву, і всякое мирское пристрастие возненавидѣ, но точию Богу единому работати вжелѣ глаголя всебѣ, пророче изволихъ приметатися въ дому господни неже жити ми въ селехъ грѣшннхъ. И тако изыде изъ мира 20 лѣтъ сы возрастомъ или мало вѣщши, и ввиде въ монастырь Богоявления, и пострижесь во св. ангельскни и иноческни образъ, и нарекоша имя ему Алексѣй, преже нареченные отъ Бога, яже во оставлении сетей на уловлении птицамъ въ пустыне; и нача жестокии жестицеи жити, постомъ и бдѣннеи и молитвами и умилениемъ слезами, и всякое писание ветхое и новое изыче.

Прииде жь въ той монастырь Богоявления и старецъ Стефанъ изъ Радонежа духовенъ сынъ подвиженъ, ибо той Стефанъ духовныи и жестокии житиеи живяше, братъ сынъ единого отца и единые матери блаженнаго игумена Сергия, яже въ Радонежѣ о Господи монастырь воздвиже; и тако старецъ Стефанъ со Алексѣеи духовныи житиеи оба купно въ единствѣ живяше. И не точию же съ, но и въ церкви и на крылосе оба поряду стояща пояху, во мнози любви о Господи і смиренни. Также и Геронтей нѣкто нарочитъ и честенъ и славенъ старецъ духовенъ житиеи въ томъ же монастырѣ св. Богоявления живяше, и съ Стефаномъ и съ Алексѣеи во мнози духовне любви о Господи смиренне пребываше. Любаше же ихъ и Оеогность м-тъ всеа Русии, и часто къ себѣ призываше, и упокоиваше и прохладяше и почиташе ихъ добръ. Тако жь по томъ старца Стефана Оеогность постави игумена въ томъ же монастырѣ св. Богоявления; и бысть Стефанъ игумень Богоявленскни духовникъ в. кн. Семену сыну Иванову; такожь Василью Тысяцкому и Оедору брату его, и прочимъ бояромъ старѣшимъ и инымъ многимъ, вси бо возлюбивша его

добраго ради жития его и смиренія.

Тажь потомъ пресвещенни Оеогнасть взя къ себѣ во дворъ изъ монастыря св. Богоявления преп. старца Алексѣя, и учини у себѣ наместникомъ, яже спомогати ему и разсуждати церковныи люди въ правду по свяцнцнстому правиломъ; и бысть во дворѣ у митр. Оеогнаста препод. старецъ Алексѣй лѣтъ 12 и 3 мѣсяцы, во иночество нѣтъ 40 лѣтъ. Таже потомъ Оеогность постави его епискупомъ въ Володимерь н. декабря въ 6 день, хотя его по себѣ на столѣ митрополнцнстемъ быти, любаше бо его zelo блаженныи добродѣтели его ради. И пребысть Алексѣй епискупомъ 4 лѣта, дѣйствуя святительная, дождеи и преставися Оеогнасть м-тъ.

По преставленннжъ Оеогнастове, обции совѣтомъ и избраніемъ святителскимъ, и в. кн. Ivana сына Иванова, и бояръ і велможъ і всѣхъ людей; паче же божиимъ изволеніемъ и избраніемъ понуженъ бысть итти къ патриарху въ Царьградъ ставитися е митрополиты. И сице и не хотя поиде въ Царьградъ на поставленне. Поставленъ бысть въ Царьграде блаженныи Оилоевемъ патриархомъ въ митрополити на Русь. И яко прииде отъ Царьграда на свои столъ на Русь, и прятъ бысть отъ всего православна русскаго радостнн и седа на престолѣ своемъ. И помыслише евангельское слово глаголюще, ему же много дано, много і възщется отъ него, и увѣдевъ рабъ волю Господина своего и не сотвори бьенъ будетъ много; и тавная во умѣ держа большнхъ подвигъ насаше, и труды ко трудомъ прилагаше, и свѣтъ и образъ всѣмъ бжеише.

Помысли жь блаженныи воздвнгнути церковь и составити монастырь общее житие, глаголя: «обѣтъ ми есть Богу, случнбся некогда, егда плавакомъ отъ

Царяграда, возмущенію втрешнему быти, и сокрушатися волнами зельными кораблю, и всѣмъ намъ отчаявшимся живота, и ко-муждо молящуся о себѣ, а азъ обвѣтъ свой дахъ Богу, вон же день до пристанища достигнемъ, въ того прилучившагося святаго состави церковь, и отъ того часа вѣтри и море отъ волнения своего престаша, и бысть тишина велика, и достигхомъ пристанище тихое и. августа въ 16 день. По своему обещанию помыслилъ поставити церковь нерукотворенного образа Господа и Спаса нашего І. Христа и устроить общее житиѣ. И сице рекъ къ своимъ судицѣмъ, изыде къ блаженному Сергію, и вса ему таковая нарече, хоуду, рече, нынѣ исполнити обещаное свое; блаженнымъ жъ Сергію рече ему: добро убо и блаженно дѣло, еже хочещи сотворити, и аще что требуеши отъ насъ снѣ убо вся невозбранна ти есѣ. Митрополитъ же рече, хоуду ученика твоего Андронника въ томъ монастырѣ начальника устроить. Глагола ему преподобнымъ Сергію, якоже хочещи твори. Святый же Алексѣй, даде монастырю милостыню довольно и братію дурьди; и вземъ съ собою инока Андроника изыде изъ монастыря и приде во градъ Москву, и обрете у града Москвы на рѣцѣ на Яузе мѣсто угодно къ монастырскому строенію; и тако, Господу Богу дѣйствующу, и пречистой Богородицѣ споспешествующи, воздвиге церковь во имя нерукотвореннаго образа Христова, ижъ съ собою принесе изъ Царяграда, златомъ и бисеромъ украси, и въ томъ монастырѣ въ церкви постави, иже и до нынѣ стоятъ; и *всѣмъ удоволи той монастырь, и вса яже къ потребе устрои, и села и воды и мѣста.*

Приде же въ тотъ монастырь и преподобнымъ игуменъ Сергію, и похвали и благослови мѣсто, и пакы возвратися въ свой монастырь иже въ Радонеже. По сѣмъ времени явномедшу св. Алексѣй

иде въ Новъгородъ въ нижней, и тамо церковь воздвиге во имя преч. Богородицы, честнаго и славнаго ея Благовѣщенія, и монастырь состави обще житиѣ, и села и воды и мѣста дарова тому монастырю, и всакими потребами удоволи, и всакими красотами украси тую церковь Благовѣщенію преч. Богородицы. Таже потомъ тамъ же крести сына князя Бориса Костянтиновича у внука Васильева, у правнука Михайлова, у праправнука Андрѣева, и нарече имя ему во св. крещеніи Іванъ; и многу честь приять отъ в. кн. Бориса Костянтиновича, и многу требованиа даде, и вещи дѣломъ и недвигомъ, князь в. Борисъ къ тому монастырю преч. Богородицы Благовѣщенію; и есѣ той монастырь въ Нижнемъ Новъгороде и донныѣ митрополитъ, благодатию Христовою, и преч. Богородицы, и св. чудотворца Алексѣя молитвами, хранимъ со всѣми требованіи его.

Таже по сѣмъ приде во градъ Володимѣръ, и тамо состави монастырь обще житиѣ на рѣцѣ на Кляждѣ, и церковь въ немъ воздвиге во имя св. и равна апостоламъ вѣл. царя Костянтина, и всакими потребами удоволи, и села подаде, и избвѣстоулъ всѣмъ; и есѣ и донныѣ той монастырь благодатию Христовою хранимъ со всѣми потребами его. И за премногую добродѣтель святаго происхождаше о немъ слава; не точию въ христіанскихъ странахъ, но и въ неверныхъ татарскихъ странахъ. Въ та бо времена, у Ордынскаго хана Чанибѣга царица Тамдала боляше очима, и тогда приде посолъ изъ Орды отъ царицы Тамдалы въ лѣто 6865 (1357) по блаженнаго Алексѣя м-та всеа Русии, яко да шедъ посетитъ ея, видѣше бо ея мужа свята, и разумъ, яко Богъ слушаеъ ея, и аще проситъ у Бога дасть ему. Он же уготова потребное къ

путному шествию, и нача ꙗвити молебнѣ въ церкви пречистыя Богородицы соборной, и се отъ себя сама загорѣся свѣча у гроба св. Петра чудотворца; онъ же ꙗвѣ молебнѣ со священнымъ соборомъ и свещу ту раздробивъ и роздаде народу на благословеніе, и того воску свещи съ собою взять і воду освятитъ, поиде во Орду ко царице Тамдале. І виде его царица во снѣ во одѣже архиерейстей, такоже и священниковъ его во священныхъ ихъ одеждахъ; и якоже виде во снѣ, царица Тамдала св. Алексѣя; и по тому образу сотвори ему ризы святительскыя, и всѣмъ его священникомъ, якоже виде ихъ во снѣ. И посомъ услышано бысть у царя Чанибѣка во Ордѣ о пришествии святаго, і въ той часъ самъ царь Чанибѣкъ Азбѣковъ сынъ изыде во сретении его и съ сыномъ своимъ Бердѣбѣкомъ, и съ прочими сыны своими, и со князи и съ вельможи своими, и съ великою честію, и тамо писанное исполнися: *мощи и акиецъ окупѣ почитють*. Блаженный жъ соверша молебное ꙗвѣ, и свещу воска онаго, иже отъ себе зажесть, и тамо *повелѣ зажещи и покропи Тамдалу царицу священною водою, і въ той часъ прозрѣ*. Видѣвъ же царь Чанибѣкъ и прочии Татаровя и удивившася и хвалу и честь велию дарова святому, и дары многими почтили его и священниковъ его, и слугъ его, и отпусти его на Русь; а въ Ордѣ великая замятня бысть отъ всѣхъ, и имѣаху его оттоле велика предъ Богомъ. И бысть на святительстемъ престоле митрополю всеа Русии многа лѣта, *учи слову божію*, и по благочестію побораѣ, и *неправая содѣвающихся воспрещяѣ*, и поставляя епископы и презвитеры...

Откровениемъ божіимъ внутрь града Москвы созда монастырь, и постави въ немъ церковь камену во имя св. архистратига Михаила, честнаго сего чудеса, и предѣлъ

водвиже во имя пресв. Богородицы, честнаго и славнаго ея Благовѣщенія, і всяческими добротами украсивъ ту, иконами и книгами и подимсью и златыми сосудами священными, и прочими великими узорочьи, и монастырь тотъ состави общее житіе, еже есть и до сего дни. *Многа жъ села и дома и люди и езера и нивы и мѣста подавалъ есмь святымъ*, и вся, елика довлѣетъ на потребу монастырю; не токмо же преже реченное даише и благодѣянна, но и самого себя въ томъ монастырѣ повелѣ положить преставльшеся, еже и бысть. Есть же и донныѣ гробъ его въ томъ монастырѣ входя въ церковь одесную алтаря, въ немъ же святое его тѣло многая исцеленія сотворяетъ съ вѣрою приходящими. Созда же себѣ таковыи монастырь за 12 лѣтъ до своего преставленія.

Внегда жъ видя себя святыи отъ старости изнемогша и къ концу приближающеся, и призва къ себѣ препод. игумена Сергія изъ Радонежа. Оному же скоро пришедшу, и бесѣдующимъ имъ, и повелѣ Алексѣй мѣтъ изнести крестъ съ перамондомъ, златомъ же и бисеромъ украшенъ, и даруетъ святому. Онъ же со смиреніемъ поклонися глаголя: *простымя, великии архирею Христомъ, яко отъ юности моя не быхъ златоносець, въ старости жъ хошу наипаче въ нищете пребывати*. Архирей же речѣ ему: *вѣмъ чадо, яко и снѣ исправилъ еси, но сотвори послушаніе и прими отъ меня данное ти благословене*; и тако возложи на него своими рукама крестъ златъ съ перамондомъ, златомъ и бисеромъ украшенъ, якоже вѣкое обрученіе. По сихъ хотящихся ему глаголати, таже начатъ глаголати ему: *преподобне Сергіе, веси что призвахъ тя, и что хошу глаголати тебѣ?* Глагола препод. Сергій: *како могу увѣдети, аще не повѣси ми?*—Глагола

св. Алексѣй: «се убо азъ вижу себѣ къ концу приближающесь, и желаю при своемъ животе изобрести мужа могуща по мнѣ паствити стадо Христово, и се убо тебя избрахъ правити слово истинное, и вси убо тебѣ желаютъ и требуютъ; и прежь убо епискупъ поставленъ будещи, по моему же преставленію на моемъ престоле сядещи». Глагола препод. Сергій: прости мя, великии архиереи христовъ, яко выше моя мѣръ есть, еже глаголеши. Хто бо азъ, грѣшнии и худѣшнии паче всѣхъ человекъ, но убо молю тя да кому прочее на мнѣ, ниже иному кому о мнѣ глаголеши, понеже никтоже сия во мнѣ можетъ изобрести.—Св. Алексѣй, видя его непреклонно, и нецреложу ему кому глаголати о семъ, да неопечалився отъидеть во внутренюю пустыню, и такового свѣтлыника лишится, и утѣшивъ его словесы духовными отпусти его въ свой монастырь съ честію съ миромъ и съ любовію.

Самъ же блаженный Алексѣй м-тъ аще и во глубоце старости бе, и во мнозе изнеможении, но не преста уча слову божію и возводя всѣхъ на путь покаяния. И уже хъ концу приближись, и священную литургию соверши, и св. таинъ причастись, и о великомъ князе и о всѣхъ князехъ и боярехъ, іи воинствахъ, и во всѣхъ людехъ помолись, и послѣднее цѣлованіе давъ отиде ко Господу въ бесконечныи вѣкъ, м. февраля въ 12 день, въ пятокъ въ заутреннюю годиву. Не повелѣ же себя святыи положить въ церкви, но внѣ церкви за алтаремъ, и мѣсто указа, и тамо повелѣ себя положить, великого и конечного ради смиренія. *Слышано жь бысть преставленіе его, и стекочаша князи іи вельможи и иноцы; также и епискупы скоростизають со слезами и рыданіемъ.* И удивись князь в. конечному его смиренію, и разсудившись епискупы положиша его въ церкви, въ предѣле Бла-

говѣщенія пречистыя Богородицы, и дѣже суть и донынѣ честныя его мощи, съ вѣрою приходящии исцеления подаютъ...

Изыде же изъ мира блаженный Алексѣй съ горящимъ желаніемъ и любовію работати Богу 20 лѣтъ или мало вѣще, и построжесь во св. ангельскимъ иноческимъ чинѣ въ монастырѣ Богоявленія, и поживе въ монастырѣ время довольно. Также Оеогнасть м-тъ взя его къ себѣ во дворъ, и пребысть у него въ намѣстничествѣ 12 лѣтъ и 3 мѣсяцы. Также постави его при своемъ животѣ въ епискупы въ Володимерь, и пребысть въ епискупѣхъ 4 лѣта. По преставленіи жь Оеогнастове во Царѣградѣ блаженнымъ патриархомъ Филооѣмъ поставленъ бысть въ митрополиты тогда сынъ 60 лѣтъ; въ митрополитѣхъ пребысть 24 лѣта, и бысть всѣхъ лѣтъ житія его 85 лѣтъ, и пребысть въ томъ гробѣ 60 лѣтъ

Въ лѣтожъ 6939 (1431) во княженіе в. кн. Василья Васильевича, при святѣйшемъ Оотѣ м-тѣ Киевскомъ іи всеа Русии обвалися верхъ церковныи и во время священныя литургия и священнику еже неизшедшу изъ алтаря, но не вредивъ бысть: и тако тоя церкви мѣсто очистивше и начаша копати, хотяще основати новую церковь каменную. И сице копающе обретоша священное тѣло Алексѣя м-та Киевского іи всеа Русии, сицеже и ризы его цѣлы, м. Мая въ 20 день. И создавше церковь положиша св. его тѣло въ церкви въ предѣле Благовѣщенія пречис. Богородицы на десной странѣ; и дѣже суть и до сего дни істочаютъ исцѣленія всѣмъ съ вѣрою приходящимъ.

(Никон. лѣтоп. IV, стр. 55).

Почтенія м-та Алексѣя 1354—1378 въ Прибавл. къ твор. св. о. 1847. 1. См. Житіе Петра м-та послѣ 1389 г. Степ. кн. I, 410—424. Иона м-тъ Киевскій. Г. Карпова. Чт. общ. 1864, IV, 1. 103.

**101. Житіе Стефана Пермскаго послѣ
1396.**

Бысть въ лѣта сего благочестиваго, христолюбиваго, в. кн. Василя Дмитріевича сій св. Божій человекъ Стефанъ, священнѣйшій Епископъ, истинный Святитель, равноапостольный учитель и дивный проповѣдникъ благочестія, о немъ же здѣ малѣ речется, прочая же о немъ пространно индѣ явлена суть: яко бѣше родомъ Устьюжанинъ, роди же ся отъ отца именемъ Симеона и матери Маріи, наученъ же бысть грамотѣ, и бысть клирикъ церкви св. Богородица, таже и во мнишескій чинъ пострижеса, еще же и преевтерскій санъ сподобленъ бысть, поставленъ быти отъ Герасима епископа коломенскаго, потомъ же и греческія грамотѣ научися, и пермскій языкъ навывче, и вселяся въ него благодать божія. И тако даровася ему премудрость, яко и азбуковы сложи пермскимъ языкомъ, иже отъ вѣка не бывало. И вземъ благословеніе у святителя, и иде въ невѣрныхъ люди въ Пермскую землю, идѣже бѣху тогда людіе Бога не знающе, и закона не вѣдуще, но поганскимъ обычаемъ живуще бѣху, злымъ кудесомъ поучахуся, и богомерскому волхованію прилѣжаху. Ихъ же неподобныя обычая многія окрестъ ихъ живущія страны навывкоша тогда. Се же имена иноязычнымъ странамъ и мѣстомъ живущихъ около Перми: Двиняне, Устюжано, Виляжано, Вычегжане, Пенежане, Южане, Серьяне, Гангане, Вятчане, Лопь, Корела, Югра, Печера, Вогуличи, Самоядъ, Пертасы, Пермь великая, Гамаль, Чюсовая. Рѣкамъ же странъ тѣхъ имена: 1-я рѣка Вымъ впаде въ Вычегду, 2-я Вычегда обходяще всю землю Пермскую, и потече на Югъ въ землю Татарскую, и впаде въ рѣку Воугу ниже Казани яко 50 верстѣ. И тамо сѣдаху многи языцы. Божій же Стефанъ еще преевтеръ сый всю по даннѣй ему благодати отъ пресв.

и животворящаго Духа всюду во странахъ тѣхъ проповѣда слово Божіе, утверждая истинну. Въ Перми же бездушныя идолы ихъ сокруши и сожже, и люди учениемъ своимъ отъ тьмы на свѣтъ приведе въ познаніе божіе. И тогда первое крести ихъ яко до тысящи, и потомъ отъ пресвещеннаго Пимина м-та всея Русіи поставленъ бысть сій св. Стефанъ первый Пермій епископъ, идѣже грамоту и книги съ Рускаго языка на Пермскій языкъ преложи, и многія люди закону божію научи, и крести ихъ во имя Отца и Сына и св. Духа, и многи св. церкви тамо воздвиге, и попы ставляше, и лютейшаго волхва, именемъ Пама, сотническій радъ держащаго, крѣпко же и злолюбно противящагося благочестивому его ученію, и сего богомудростными словесы посрами, и яко безгласна сотвори и отъ Христова стада отгна... И тако Богу помогающу ему въ невѣрныхъ людехъ утверди православную вѣру, ихъ же многимъ трудомъ и со всяцѣмъ дерзновеніемъ учаше невозбранно, и чудно поживе до конца, о стадѣ своемъ подвизаяся, и съ миромъ представися къ Богу въ царствующемъ градѣ Москвѣ. Святое же и честное священное его и трудолюбное тѣло положено бысть въ церкви всемиловитаго Спаса, иже есть прилѣжнъ у Преображенія Господни, при в. кн. Василя Дмитріевичѣ, и при Кипріянѣ м-тѣ всея Русіи. И сие о сакъ вкратцѣ предложися. Довольно же о семъ блаженномъ Стефанѣ повѣсть трудолюбно собра, и преукрашенно написа священноиннокъ Епифаній, ученикъ препод. игумена великаго чудотворца Сергія.

(Степен. книга, ч. 1, стр. 524—552).

Эту преукрашенную повѣсть см. въ Памяти старша. литер. IV, 134—161. Житіе Стефана писано ученикомъ препод. Сергія Епифаніемъ.

Буквы изобрѣтенныя Стефаномъ для Пермскихъ и Зырянъ и названія ихъ см. въ V т. пр. 125—

137. -Ист. Гос. Рос.- Карамзина. Никон. Лтвон. IV, 267. Зап. Археол. общ. IX, 520.

Кромѣ изобрѣтенія азбуки и перевода на пермскій языкъ Часослова, Осмогласника, пѣсни царя Давида и богослужебныхъ книгъ, Стефанъ написалъ: 1) Посланіе къ в. кн. Дмитрію Донскому объ уменьшеніи налоговъ на Пермскую, Москвит, 1847, I, 121; 2) Посланіе къ м. Кипріану о ново крещенныхъ людяхъ съ извѣстіемъ о странахъ Пермскихъ. Кромѣ того онъ писалъ книги «хитрѣ, и гораздѣ и борзо».

102. Плачь Пермской земли о смерти епископа Стефана.

Горе, горе намъ, братіе! како остахомъ добра господина и учителя! Горе, горе намъ, како лишени быхомъ добра пастуха и правителя! О како отъяся отъ насъ, иже многа добра намъ податель; о како остахомъ очистыника душамъ нашимъ и печальника тѣломъ нашимъ! То перво остахомъ добра промышленника и ходатая, иже былъ намъ ходатай къ Богу и къ челоукомъ: къ Богу убо моляшеся о спасеніи душъ нашихъ, а ко князю о жалобѣ нашей, и о льготѣ и о пользѣ нашей, и ходатайствоваше и промышленяше ко бояромъ же, къ началамъ, властемъ міра сего былъ заступникъ теплый, многожды избавляя ны отъ насилія, и работы, и тивунскія продажа (*взятокъ судей*) и тяжкыя дни облегчая ны. Но и сами ти новгородци, ушкунници; разбойници словеса его увѣщеванни бываху, еже не воевати ны; нынѣ же обоюдо погрѣшихомъ и отвсюду лишени быхомъ: къ Богу не имать молитвенника тепла, къ челоукомъ же не имамъ заступника тепла. О како и откуда се бысть поруха житию нашему! быхомъ повошеніе сусѣдомъ нашимъ иноязычникомъ: Лопи, Вогулцамъ, Югрѣ и Пинежѣ. О епископъ нашъ добрый, акы къ живому тебѣ глаголемъ: о добрый подвижнике правыя вѣ-

ры, о священнотанниче и богопроповѣднике, иже Бога намъ проповѣдавый, а идолы поправый, невестный нашъ возю и наставниче, проводниче заблужшимъ намъ! Аще быхомъ злато потеряли или сребро, то иное въ того мѣсто обрящемъ, а тебе оставше, иного такова не обрящемъ. Камо зайде брота твоя, камо отъиде отъ насъ, или камо ся дѣлъ, отъ насъ изыде, а насъ сырыхъ оставилъ еси, пастуше нашъ добрый? Оставилъ еси свое стадо заблужатися искитатися по горамъ, гороульнныимъ и волкохитцнымъ быти. Кому приказалъ еси стадо свое, еже о пастыи и о печеніи? Кто же ли тако попечется нами, овцами заблужиними? Не терпимъ бо безъ тебѣ быти. Быхомъ яко овца, немущи пастуха, быхомъ имуще печаль безъ утѣшенія. Кто же ли утѣшитъ нашу обдержашую ны, къ кому ли прибѣгнемъ, или къ кому созримъ, гдѣ ли услышимъ словеса твоя сладкая, или гдѣ насладимся бесѣды твоя душеполезныя? Видати ли ся намъ по тебѣ такова господина и учителя или не видати? Да еще будетъ видати, то благословенъ Богъ; аще ли не видати, то воскую ны еси оставилъ, воскую ны отринувъ до конца? Или прогнѣвася на овца пажити твоя? Воскую же пустихомъ ты и на Москву, да тамо почывъ еси! Лучши бы было намъ, дабы былъ гробъ твой въ земли нашей и прямо очима нашимъ, дабы былъ намъ увѣтъ (*увѣщаніе*) нехудъ и утѣха, поне велика сиротству нашему и акы къ живому къ тебѣ приходяще, благословлялися быхомъ у тебе, и по успѣнн акы къ живому, поминнающе твоя Богомъ преданая словеса. Нынѣ же отпнуть всего поряду лишени быхомъ: не токмо бо тебе самого остахомъ, но и гроба твоего не сподобихомся. Почто же и обида ся бысть наны отъ Москвы? Се ли есть правосуды ея: имуще у себе митрополиты, святители, а у насъ былъ единъ епископъ, и того къ себѣ взя, и нынѣ быхомъ не

иному не гроба епископа. Единъ то былъ у насъ епископъ; то же былъ намъ законодавецъ и законоположникъ, то же креститель и апостолъ и проповѣдникъ, и благовѣстникъ, и исповѣдникъ, святитель, учитель, чиститель, посѣтитель, правитель, исцѣлитель, архіерей, стражевожь, пастырь, наставникъ, сказатель, отецъ, епископъ. Москва убо многа архіерея имущи, изобилующи, излившествующи, мы же токмо того одного имѣхомъ, но и того одного не сподобихомся, и быхомъ скудствующе и недостаточствующе и сѣтующе, яко обнищомъ зѣло, яко смирихомся, яко о обожахомъ зѣло... О како нестѣумъ, яко не на своемъ столѣ почилъ еси! Добро же бы было намъ, аще бы рака мощей твоихъ была у насъ, въ нашей странѣ, а въ твоей епископии, не жели на Москвѣ не въ своемъ предѣлѣ. Нетако бо тебе Москвичи почтутъ, яко же мы, ни тако ублажатъ; знаемъ бо мы и тѣхъ, иже и прозвища ти кладаху, отнюду же вѣщии яко и *арпомъ* ты зовоху, неразумѣюще силы и благодати божия, бываемы въ тебѣ и тобою. А мы быхомъ тебѣ должную честь воздали, яко должні суще тебѣ и яко твои есмы ученицы, яко чада твоя признаа; сама же тобою Бога познахомъ и истлѣнія изыдохомъ, тобою отъ прельсти бѣсовския изыдохомся, крещенію сподобихомся. Тѣмже вѣрно-ту(?) убо достойтъ намъ почтити тебе, яко достойна суща хвалы; достойнъ бо, рече, дѣлатель мзды своея. Да како ты возможемъ по достойнію восхвалити или како ты ублажимъ, яко сътворилъ еси дѣло равно :постоломъ? Хвалить римская земля обою апостолу, Петра и Павла⁽¹⁾; чтить же и блажить Асійскаа земля Іоана Богослова, а Египетская Марка еван-

⁽¹⁾ Писателю была известна похвала св. Влади-миру и-та Иларіона. *Смотри выше № 11, стр. 28.*

гелиста, Антиохійская Луку евангелиста, Греческая Андрея апостола, Руская земля великого Володимира, крестившаго ю; Москва же блажить и честить Петра и-та, яко новаго чудотворца; Ростовская же земля Леонтія епископа своего. Тебе же, о епископе Стефане, Пермская земля хвалить и честить, яко апостола, яко учителя, яко вожа, яко наставника, яко показателя, яко проповѣдника и яко тобою ты изыдохомъ, яко тобою свѣтъ познахомъ. Тѣмъ же чтемъ ты яко дѣлателя винограду Христо-ву, яко терніе въ стерзаль еси, и доло-служеніе отъ земля Пермскія, яко плугомъ, проповѣдью взораль еси, яко сѣменемъ ученіемъ словесъ книжныхъ насыль еси въ браздахъ сердечныхъ, отнюду же возрастають классы добродѣтели, иже яко серпомъ вѣры сынове Перметія жнутъ радостныя рукояти, вяжуше снопы душеполезныя и яко сушиломъ воздержанія сушаше, и яко цѣпы терпѣнія млаташе, и яко въ житницахъ душевныхъ собирающе пшеницу, ты тако ядять пищу неоскудную; ядять бо, рече, нищии, насытятся и восхвалятъ Господа взыскающіи его; жива боудутъ сердца ихъ въ вѣкъ вѣка. Но, о преподобный нашъ отче, священный епископе Стефане! аще и престави-ся еси отъ насъ духомъ, аще и гробъ твой далече удалися отъ насъ, но молитва дабудетъ съ нами всегда. Аще и мощи твоя далече отстоятъ отъ насъ, но благословеніе твое дабудетъ близъ, посреди насъ и на насъ присно. Поминай насъ въ своихъ съ молитвахъ, помолися о своемъ си стадѣ.

(По сп. XVI в. Пам. старин. рус. литер. в. IV, стр. 134—161. с.м. далье).

Сказаніе о жизни и трудахъ св. Стефана Пермскаго. А. М. Спб. 1856. См. также Уч. Зап. Казанск. Универс. 1869

103. Отъ житія св. Сергія 1392.

Сей блаженный Сергій родился въ Ростовѣ, отъ блаженнаго родителя, отца Кирилла, матери Маріи. Егда же бѣ въ утробѣ матернѣ, на литургіи трижды пропови (прокричалъ), во время трисвятаго, и херувимской пѣсни, и святая святымъ; посемъ родился; въ среду и въ пятокъ отъ сестру не сосаше, ни отъ млека ядаше. Егда же возрасте, вданъ бысть родителями своими на ученіе божественныхъ писаній. Стефанъ, братъ его, спѣшно изучися, сему же косоно (тупо), и не скоро учашуся. Ходивъ по лѣсу нѣкогда и обрѣтъ старца молитву творяща, и помолился ему (просилъ его), о немъ помолитися, чтобы его молитвами Богъ даровалъ ему разумъ—и помолился о немъ и благословенный Варооломѣй, моли его въ домъ его ити и пищу вкусити: ядаше съ старцемъ, и родители пищу хотяху поставити, старецъ же не хотяше, но повелѣ Варооломѣю въ часовнѣ часы пѣти, онъ же не умѣяше, и старцемъ благословенъ бывъ и начатъ добръ стихословити, яко и старцу дивитися; потомъ ядъ старецъ отъ иде и прорекъ родителемъ его, яко сынъ ею (мать) велий будетъ предъ Богомъ. Потомъ преселился отецъ его отъ Ростова въ Радонежъ, близъ церкви Рождества Христова, братъ же его оженися; не по мнозѣ родители его иноческаго сподобшася образа отъ житія исходить, Варооломѣй же раздавъ имѣніе свое нищимъ, иде къ Покрову, къ брату своему Стефану. Стефанъ бо, братъ святаго, не много поживъ съ женою своею, роди отъ нея сына единого, именовъ Ивана, и та отъиде къ Господу, и Стефанъ пострижеся у Покрова. Варооломѣй же прииде къ нему и моли его въ пустыню ити съ нимъ, и шедше обрѣтоша мѣсто, оставиша монастырь; глаголетъ же древнїи, видяху на томъ мѣстѣ прежде свѣтъ, а нини огнь, а

нини благоуханіе слышаху. Стефанъ мало поживъ отъиде къ Боговленію каменому на Москву. Святый же часто призывая священника и веляше творити литургію, потомъ нѣкимъ пришедшимъ къ нему постриженъ бысть и нареченъ Сергіемъ, и потомъ нѣкимъ братіи собравшеся молиша его игуменомъ быти, онъ же не хотяше; и моляше его ити ко святителю Афанасію епископу волинскому, иже бѣ въ Переяславѣ, «Алексѣй и—тъ того поставилъ во свое мѣсто, а самъ во Царѣградѣ», чтобы имъ далъ игумена, Афанасей же принуди послушаніемъ и постави его игуменомъ, а тогда бѣ братіи святаго 12. Посемъ братъ его Стефанъ, оставя монастырь, прииде ко св. Сергію «бѣ бо кн. в. Семіонъ Ив. имѣлъ себѣ духовнымъ отцемъ», и сына своего Ивана дасть святому, и святый постриже его, и нарече его Ѳеодоромъ. И потомъ оскудѣніе лучися въ монастырь томъ, 3 дни братіи не ядше быша, въ 4-й день вземъ святый сѣкиру иде ко старцу своему, иже хотяше сѣнцы дѣлати, и рече ему святый: «слышахъ яко сѣнцы хочещи дѣлати, сего ради приидохъ». Онъ же рече: «желаю, да жду плотника, а уже все приготова-но». Святый же рече: «азъ сотворю якоже хочещи, изду (награду) возму у тебя, аще хлѣбъ имати». И занесе ему братъ хлѣбы гнилы, святый же рече: «таковыхъ желаетъ духъ мой», и сдѣла ему сѣнцы во единъ день. И въ 9-й часъ нача ясти гнилыя хлѣбы, яко дымъ видѣти отъ нихъ, и братіи роптаху на него, чтобы имъ велѣлъ въ міръ ити; онъ же не велѣ до завтрья ити, и завтра кормля (пища) монастырю привезена бысть отъ христіяноубецъ, и на 2-й день потому же, и на 3-й день такожде привезено бысть, яко довѣсти братіямъ на многи дни, и Сергій похвали Бога. И бысть до 7 лѣтъ, приношаху отдалеча воду, и потомъ роптаху на него братіа, что не близко воды монастырь ставилъ, и глаголаху:

«яко пренесемъ монастырь и поставимъ близъ воды»; и святыи молитвою воду произведе близъ. Потомъ отроча умершее молитвою воскреси, и велможу отъ бѣса мучима исцѣли, и земледѣла увѣри; видѣніе въ нощи видѣ, птицами прообразуемо, колико мнихъ будетъ у него много; потомъ ангела узрѣ служаща съ нимъ, аки во образѣ священника незнаема. Также патриархъ присла отъ Царяграда грамоту и поминка (*дары*); онъ же смиреніемъ поклонися, рече имъ: «блюдитесь, егда къ иному послани будете». Она же рекоша: «ты ли еси Сергѣй, живый въ Радонежѣ»? Онъ же рече: «азъ есмь». И покоивъ ихъ самъ, иде съ поминки и съ грамотою къ Алексѣю м-ту, во градъ Москву, «бѣше же святыи на кони не ѣздяше», прииде и сказа ему вся; митрополитъ же проче грамоту, ино написано: общее житіе велаше патриархъ у себе ему уставити, «не бѣ бо Сергѣй еще во обители своей общее житіе уставилъ»; и сдуша съ митрополитомъ и съ братьею, и устави общее житіе. Потомъ же врагъ завидѣ ему, научи нѣкоторыхъ не хотѣти Сергѣя во старѣйшинахъ. Во единъ отъ днѣй, въ день суботный, поющимъ вечерню, святыи же бѣ во олтарѣ въ ризахъ, Стефанъ же, братъ святаго, стоя на крылосѣ и рече *конарху* ⁽¹⁾: «Кто, рече, повелѣ тебѣ взяти книгу сію»? Онъ же рече: «игумень дасть ми ю». И рече Стефанъ: «кто есть игумень на мѣстѣ семъ? не азъ ли преже сѣдохъ на мѣстѣ и церковь возвигохъ»? и ина нѣкая словѣса негѣная изрече. Блаженный же бѣ во олтарѣ слышавъ; по скончаніи вечерни изыде изъ монастыря, никому же вѣдуще, и пребысть ношь въ пустѣ мѣстѣ моляся, и заутра иде въ монастырь на Махрищѣ, ко игумену Стефану, и ис-

(1) Конархъ—заправляющій на крылосѣ чтеніемъ и пѣніемъ.

проси себе брата у него искусна указати ему мѣсто пустынное—и обрѣтоша ему мѣсто пустынное на Кержатѣ. А братія скорбяще его повсюду искахуть ѿ; прилучися единому отъ братіи во слѣдъ святаго ити на Махрище и тѣмъ увѣдѣша святаго тамо, и начаша братія ходити изъ монастыря его къ нему, иногда 2, иногда 3. И благословеніемъ Алексѣевымъ церковь постави Благовѣщеніе, ово бѣлши, ово мнихи, потомъ келья ставина и монастырь строина. А большей обители старци не терпяху безъ него быти, моляху м-та Алексѣя, чтобы повелѣніемъ его опять возвратился; и митрополитъ посылаетъ два архимандрита, Герасима и Павла, веля ему возвратитися опять, а непокоряющуся братію изгнати изъ монастыря; онъ же возвратися. А Стефановъ слышъ Федоръ, братаничъ святаго, живаше у него въ кельи и въ послушаніи, никоего помысла утая у него, злаго и благаго, и сему възде на мысль еже монастырь создати. Святыи же рече: «азъ хотѣхъ по своему животу тебе здѣ благословити на игуменство, но понеже аще хочещи, сотвори», и отпусти его на възсканіе мѣста съ братьею хотящею, и обрѣтоша мѣсто Симонова; и благословеніемъ митрополитимъ созда церковь во имя Рождества св. Богородица. Сергѣй же пришедъ похвали мѣсто; а сперва не хотяше его пустити, молчанія ради, но молоніемъ князя Дмитрія Ивановича пусти его. Федору таковыи чти сподобленуся, нѣкогда прилучися ему быти во Царѣградѣ, св. же патриархъ Нилъ велми почти его, и архимандритомъ постави, и дары многи честны дасть ему, и учини монастырь Симоновскій во имя патриарше, и дома и села монастырскіе, а къ митрополиту ничѣмъ же ни которыми дѣлы повиноватися, *ананоста* самому себѣ ставити ⁽¹⁾. И

(1) Т. е. зависѣть прямо отъ патриарха, а не отъ митрополита.

посемь молишь в княземъ и святителемъ на епискуство граду Ростову, и основа церковь камену Успеніе св. Богородица и архимандрита постави; а самъ архіепискупомъ поставленъ и стадо добръ упасе, ко Господу отъиде. Таже ученикъ святаго Андроникъ, такоже благословеніемъ святаго и испрошеніемъ его Алексѣя м-та, на рѣцѣ на Яузѣ созда монастырь. Таже святыи и въ Серпоховѣ князю Володиміеру обложи монастырь Высокое, а в. князю на Коломнѣ Голутвино обложи. Потомъ восхотѣ митрополитъ благословити его на свое мѣсто, призва дасть ему крестъ съ паратмандомъ со златымъ и съ жемчугомъ; святыи же не хотѣ ваяти, митрополитъ же велѣ сняти перемантку и самъ на него возложи, а на митрополию не общася. Потомъ князь в. благословися отъ него Мамаю побѣди. Посемь, въ послѣдняя гѣта живота его, умножися братія, святыи же пребываше въ велицѣи нищетѣ, никоего имѣнія прятяжа, ни селѣ, но пребывая уповаю къ Богу. Прилучися оскудѣніе монастырю, Сергѣи же не оскудѣ вѣрою, но моляшеся Пречистой; имѣя же обычай по вся дни нѣти канонъ акафистовъ. Во единъ же отъ днѣи поующу ему той канонъ, быше 40-ница Христова Рожества, день же пятокъ бѣ при вечерѣ, и Пречистую видѣ съ Петромъ и Іоанномъ. Таже пермскій епискупъ Стефанъ мною дорогомъ идый къ Москвѣ, св. Троици поклонися да и св. Сергѣю, вереть отъ монастыря съ 10, святыи въ ту пору за трапезою такоже воста и поклонися ему, и братія спросиша его, онъ же сказа, и гнаша и увидаша ѿ. Епускупа отъ Костянтнаграда пришедша, не вѣрующа, яко святъ есть св. Сергѣи, ослѣплена того ради, святыи исцѣли. Человѣка болна 20 день лежаща, ни пивша, ни ядша, ни спавша, исцѣли. И боярина княжъ Владиміерова обличя, иже ягъ отъ брашенъ и отъ меду пилъ, яже бѣ кормити монастыря его послагъ князь.

Таже о наслѣствѣ человека наказа, что вепрь (*боросъ*) отнягъ кормный, и повелѣ отдати у негоже ваягъ, онъ же обѣщася и не отдасть; и бысть вепрь расчесенъ въ клѣти его, въ зимное время червьми ядомъ, и вземъ изверже его псомъ и птицамъ на снѣдъ, ни тѣмъ же не причастившимся. Потомъ Симонъ еклісїархъ видѣ огнь ходящъ по жртьвеннику, и святыи причастися тѣмъ огнемъ. И отъ Тахтамышнова нахоженія бѣжа во Тѣбрь, и Исакія благослови на молчаніе, огнь отъ руку его изыде. Таже поживъ и преставися съ миромъ.

(Ш. С. Лит. VI, 120—122).

Житіе Сергія Радонежскаго составлено въ XV в. Іеромонахомъ Епифаніемъ - Премудрымъ -. Историч. опис. святотроиц. С. Лавры. М. 1842, 50—56. Житіе Сергія Чудотворца. М. 1862.

104. Посланіе Кирілла Білгородскаго вел. кн. Василію Дмитріевичу ок. 1400.

Господину благовѣрному и боголюбивому кн. в. Василію Дмитріевичу, Киріло черничщо многогрѣшный съ своею братійцею, на твоей, господине (1), доволной еже къ намъ милости, много челомъ бѣемъ, и радуемся о тебѣ, что имѣешь сидеву вѣру къ пречистой Богородици и нашей нищетѣ и о велицемъ твоимъ смиреніи. О семъ же радуемся и скорбимъ, что паче слова и смысла, безмѣрное твое смиреніе: посылаеши ко мнѣ грѣшному и нищему и всякого дѣла блага удалившемуся. Ты князь в. всея земля Русскія, и смиряся, комнѣ посылаешъ грѣшному и страстному и недостойному небеси и зем-

(1) Слово: *Господине* въ посланіи встрѣчается 38 разъ; я его выбрасывалъ, хотя оно весьма характеристично.

ля и того самаго ивоческаго житія; и язъ грѣшнѣйшій истинно о семъ скорблю, недостойнства ради своего, радемъ же ся благого ради твоего произволенія и смиренно-мудраго права, яко симъ подобилъ еси, господне, преблагому нашему Владыцѣ и Господу, отъ толика неизреченныя славы и съ высоты шедшему, насъ ради грѣшнѣйшихъ и смирявшуся даже и до рабїа образа. Сице и ты отъ толика славы міра сего преклонилъ еси смиренїемъ къ нашей нищетѣ, и отъ сего познаваемъ твою великую любовь къ Богу и Пречистѣй его Матери. Елико бо приближаются святїи къ Богу любовїю, толико видятъ себе грѣшны; ты бо симъ смиренїемъ велико себѣ приобретаешь спасенїе и ползу душевную. Тѣмъ язъ грѣшнѣйшій паче печалую душею, что мене недостойнаго и покоршагося всякому грѣху сице ублажаете, не притяжавша ни единаго добродѣтели, но всякой страсти повиннаго, и таково моленїе посылаеши ко мнѣ, немогущему по своимъ грѣсѣхъ Бога умолати. И како о тебѣ Бога умолю, самому ми существу исполнену всякаго дѣла зла? Но писано, что не велитъ отрицатися и грѣшнѣйшимъ молити Бога о великихъ за ся, вѣры ради нхъ. Тѣмъ же вѣры ради твоея великія, не оставитъ тебе Богъ, но помилуетъ и Пречистая Госпожа Богородица и Царица наша поможетъ ти вся дни живота твоего и подаетъ ти исцѣленїе души жъ и тѣлу, что насъ нищихъ ея не забываетъ въ пустомъ семъ мѣстѣ, събравшихся во обители ея, но *часто призираеши доволными милостынями*. Мы же не можемъ о семъ тебѣ воздати ничтоже, но Пречистая Госпожа Богородица, надежа и упованїе наше, испроситъ на тя милость у Сына своего въ сїи вѣкъ и въ будущїи. А язъ грѣшнѣйшій съ своею братицею, сляка сила, радъ Бога молити о тебѣ нашемъ господинѣ, и о твоей княгинѣ и о твоихъ дѣткахъ, и о всѣхъ крестьянѣхъ, Богомъ порученныхъ тебѣ. *Ты же симъ, Бога ради, внем-*

ли себѣ и всему княженїю твоему, въ немъ же ты постави Духъ св. пасти люди Господня, еже стяжа чествою ся кровїю. Якоже бо великія власти сподобилъ еси отъ Бога, толикии болнїи и возданїемъ долженъ еси. *Вздай же убо благодѣтелю долгъ, святѣя его храни заповѣди, всякаго уклоняясь пути ведущаго въ пагубу.* Якоже бо о кораблѣхъ есть, егда убо наемникъ, еже есть гребецъ, съблзнится, малъ вредъ творитъ плавающимъ съ нимъ; егда же кормчїи, тогда всему кораблю сътворяетъ пагубу: такоже и о князехъ. *Аще кто отъ бодръ согрѣшитъ, не творитъ всѣмъ людемъ пакость, но токмо себѣ единому; аще ли же самъ князь, всѣмъ людемъ; иже подъ нимъ сотворяетъ вредъ.* Ты же съ многою твердостїю храни себе въ добрыхъ дѣлѣхъ; рече бо св. Апостолъ: *миръ имѣйте и святѣню, безъ нея же никто же узритъ Господа.* *Возненавиди всяку власть, влекущую тя на грѣхъ; не предложень имѣй благочестїа помысль и не возвышайся временною славою къ суетному шатанїю:* малъ же убо и кратокъ сущїи здѣ животъ и съ плотїю съпряжена смерть. И сїа убо помышляя, не впадеши въ ровъ гордостный; но бойся Бога, истиннаго Царя, и блаженъ будещи: *«блажени бо, рече, боящєся Господа».* Въспоминай же надежу будущаго вѣка и царство небесное, радость Святыхъ, веселїе съ Ангелы, надо всѣми же зрѣнїе пресладкаго лица Божїа; той бо въ истину доброта неизреченная, весь сладость и желанїе и любовь несытная всѣмъ любящимъ его и творящимъ пресв. волю его. *Да слышелъ есми, князь в., что смущенїе велико между тобою и сродники твоими князми Суждальскими.* Ты свою правду сказываешь, а они свою; а въ томъ жежи вась крестьянїю кровопролитїе велико чинитсѣ. Ино посмотри того истинно, въ чемъ

будеть въ правда предъ тобою, и ты соимъ смиреніемъ поступи на себе; а въ чемъ будетъ твоя правда предъ нами, и ты за себе стой по правдѣ. А почнуть ти бити челомъ, и ты бы Бога ради, пожаловалъ ихъ, по ихъ мръ; занеже тако слышелъ есмь, что досель были у тебе въ нужи, да отъ того ся и возбранили. И ты Бога ради, покажи къ нимъ свою любовь и жалованье, чтобы не погибли въ заблуженіи въ Татарскихъ странахъ, да тамо бы не скончались. Занеже ни царство, ни княженіе, ни иная каа власть не можетъ насъ избавити отъ нелицѣмернаго суда Божія; а еже възлюбити ближняго яко себе, и утѣшити души скорбящая и озлобленія, много поможетъ на страшнѣмъ и праведнѣмъ судѣ Христовѣ, понеже пишетъ Апостоль Павелъ ученикъ Христовъ: «аще имамъ вѣру горы престаивати, и аще имамъ раздати все имѣніе свое, любве же не имамъ, ничто же поза мнѣ есть». *Возлюбленный же пишетъ Иоанъ Богословъ: «аще кто речеть: Бога люблю, а брату своего ненавижу, ложь есть». Тѣмъ же и ты възлюби Господа Бога отъ всея душа своея; тако възлюби и братію твою и вся крестьяне: и тако вѣра твоя къ Богу и милостыня твоя къ нищимъ Богомъ пріятна будетъ. А милость Божія и Пречистыя Богородицы на тебѣ на в Князь Васильѣ да будетъ, и на твоей в. Княгинѣ, и на вашихъ дѣткахъ, и мое благословеніе и молитва и моей братіи. Аминь.*

(А. Ист. I. № 12, стр. 21—22).

См. также о м-тѣ Кипріанѣ. Приб. къ твор. св. О. 1848, 2 Ж. М. Н. Просв. XLIV, V, 1. Правосл. Собес. 1962 1, 3.

105. Посланіе Кирилла Бѣлосерскаго къ князю Андрею Дмитріевичу Можайскому.

Господину благовѣрному князю Андрею Дмитріевичу Кирилъ Черныище, грѣшный и непотребный, съ своею братцею много челомъ бьемъ, и Бога молимъ о вашемъ здравіи господей нашихъ, поминая, господине, твою любовь, что имѣши къ Пречистой Богородицы и къ нашей нищетѣ, и поминая твою великую и довольную милостыню нашего господина. Да что мнѣ еси ⁽¹⁾ писалъ о преславномъ чудеси Пречистыя Богородицы, паче слова и смысла преславная ея чудеса, — слава тебѣ Боже, слава тебѣ крѣпкій, слава тебѣ безсмѣртный хвалимый въ Троицы всѣми небесными силами и родомъ человѣческимъ! Молитвами Пречистыя Богородицы матери своея такоу излія милость въ послѣдній сей родъ, услышалъ моленіе Матери своея о роду крестьянскомъ. Слыши, князь Андрей, ветхое писаніе: егда восхочетъ Богъ кую землю показати за нечестіе, посылаетъ прежде проповѣдники, дабы обратились; и аще обратятся, отводитъ Господь отъ нихъ свой гнѣвъ, мимо водить скорбь и предлагаетъ печаль на радость и показываетъ на нихъ свою милость. Господине, князь Андрей! намъ видѣши пречистыя Госпожи Богородицы и преславная ея и великая чудеса, и о томъ ея радоватися сердцемъ и душею устрашитися на всякъ часъ, что сподобилъ насъ Богъ Пречистою своею Матерію въ послѣдній сей родъ таковыми знаменьями и чудесы избавити крестьянскій родъ отъ нашествія иноплемennыхъ врагъ; и намъ нынѣ видѣвши на насъ божію милость и Пречистыя Богородицы помощь, поминати бы грѣхи своя, и о томъ бы

(1) Въ посланіи много разъ встрѣчается слово *юсподиме*, которое я опускалъ.

плакаться и просить у Бога милости и помощи у пречистыя Его матери на благая дѣла; и аще видитъ насъ милосердый Господь въ сокрушеніи и сътованіи лодыща, не презреть насъ, якоже Ниневитяны, но обычнымъ си чловѣколюбіемъ помилуетъ. Благого и преблагаго Бога благодарити должны есмы; того бо есмы созданіе и раби искупленіи есмы честною Его кровію. И ты же, видя чловѣколюбіе и милосердіе Господа нашего І. Христа, что гнѣвъ свой отъ насъ отвелъ, а милость свою явилъ народу крестьянскому молитвами пречистыя Госпожа Богородицы Матере своя; и ты смотри того, властелинъ вотчинъ поставленъ, люди свои уймай отъ ляхаво обычая; суди бо судили праведно какъ предъ Богомъ право, поклеповъ бы не было, подметовъ бы не было; суди бы посуловъ не инали, довольны бы были уроки своими. Понеже сице глаголетъ Господь: «да не оправдани нечестиваго мзды ради; ни сильна, ни богата устыдися на судъ, ни брата свойства ради, ни друга любви ради, ни нища нищеты ради; ни сотвориши неправду на судъ, яко судъ истиненъ есть, прокляты всякъ неправду судя». Пророкъ речеть: «ярость Господня на нихъ нелицьва до вѣка, и огонь поестъ нечестивыя мзды ради, аже неправдою взимають»⁽¹⁾; а суда праведно безъ мзды, спасени будутъ, и царство небесное на слѣдуютъ. И ты, господине, внимай себе, чтобъ корчмы въ твоей вотчинѣ не было; занеже то велика пагуба душамъ, крестьяне ся проииваютъ, а души гибнутъ. Также и *мытовъ* бы у тебя не было, понеже куны (*денги*) неправедныя; а гдѣ *перевозъ*, туто пригоже дати труда ради. Также и разбой бы и татьбы въ твоей вотчинѣ не было, и аще не уймутся сво-

⁽¹⁾ Исхода гл. 23. Второзак. гл. 16; Левит. гл. 19; Второзак. гл. 1; Исаи гл. 5; Іерем. гл. 22.

его злаго дѣла, и ты ихъ воли наказывать своимъ наказаньемъ, чему будутъ достойны. Также уймай подъ собою люди отъ скверныхъ словъ и отъ лавнія, понеже то все прогнѣваетъ Бога; и аще не потщившися всего того управити, все то на тебѣ взыщется, понеже властель есть своимъ людямъ отъ Бога поставленъ. А крестьяномъ не лѣнись управы давати самъ: то выше тебѣ отъ Бога вышится молитвы и поста; а отъ униванія бы есте уймаи; а милостыню бы есте во силъ давали. Занеже поститесь не можете, а молитися лѣнитесь; ино въ те мѣсто вамъ милостыня вашъ недостаткомъ исполнить; а великому Спасу и Пречистѣй Его матери госпожѣ Богородицѣ, заступницѣ крестьянской, чтобы есте велили молебны гѣти по церквамъ; а сами бы есте ко церкви ходити не лѣнились; а въ церкви божіи стойте съ страхомъ и трепетомъ, помышляюще въ себѣ аки на небеси стояще. Занеже церковь наречется земное небо, въ ней же совершаются Христова таинства. Блуди в себе, Господине, опасно: въ церкви стоя бесѣды не твори и не глаголи никакова слова праздна; и аще кого видиши отъ велиможъ твоихъ или отъ простыхъ людей бесѣдующа въ церкви, и ты имъ забраный; понеже то все прогнѣваетъ Бога. И ты, князь Андрей, и о всемъ о томъ внимай себѣ; занеже глава еси и властель отъ Бога поставленъ, иже подъ тобою крестьяномъ. А милость божіи и пречистыя Богородицы на тебѣ, на немемъ господнѣ, и на твоей княгинѣ и на вашихъ дѣткахъ, и мое благословеніе и молитва, и братіи моей. Аминь.

(Ист. Рос. Іер. IV, 413—17).

Три посланія Кирилла и духовная грамота. Ист. рос. іер. IV, 397, 403. Чт. общ. 1859, 3. 4. 70. О Кириллѣ Бѣлозерс. см. Москвит. 1843, № 1. критич. отд. Поѣздка Шевырева. II. Житіе Савватія и Зосимы. М. 1853. Похвальное иже слово.

106. Вліанію Новгородскаго владки.

Въ лѣто 6926 (1418), видикта 11, бысть знаменіе въ церкви св. мученици Анастасиѣ, идяше отъ иконы св. Богородицы Покрова аки кровь по обѣ стороны ризы ея, м. априля въ 19. Сего же мѣсяца 24 сдѣся таково въ В. Новгородѣ: наученіемъ діаволигъ, челоуѣкъ мѣкій Степанко, нзымавъ боярина Данила Ив. Божина внука, держаще вопіаше людемъ: «о друзи! пособствуйте мнѣ на злодѣя сего»; людіе же видяше его вопль, пришедше влечахуть якоже злого къ сонму людскому и казниша ранами близъ смерти. Баше же и се дивно, или на укореніе богатымъ обидящимъ убогіа, или казнь діавола: жена нѣкая, отвергну женскую немощь, взявши мужскую крѣпость, выскочивъ посреди сонмища дасть ему раны, укоряючи его, яко неистова глаголющи: «яко обидна еси мнѣ». И сведши его съ сонма, сринуша его съ мосту аки разбойника и зло дѣюща людемъ много; нѣкто же людинъ, Личко, хотя ему добра, восхити его въ челянъ—и народъ возъярився на того рыболова, домъ его разграбиша, а самъ скрыся. И рекомый бояринъ, хотя безчестіе свое мстити, восхити супостата, нача его мучити; хотя вредъ свой исцѣлити паче язвы воздвижетъ, не помяну рекшего: азъ отищю, глаголетъ. Слышавъ же народъ, яко нзымавъ бысть братъ его, нача звонити вѣче на Ярославъ дворѣ, и сбирашася людіе множество, глаголюще, воплюще по многи дни: поведемъ на оного боярина и домъ его расхитимъ. И пришедше въ доспѣхахъ, стягомъ, на Кузюдемьянскои улицы и на Яневу въ берегъ, пограбиша домъ его. И по грабе-

жѣ томъ, Кузюдемьянцы возъярившеся, да не горѣ чего будетъ на нихъ, отдаша челоуѣка; и пришедше ко архіепископу молиша его, да послетъ на соборъ людскъ. Святитель же послуша моленіе ихъ, посла его съ ценомъ ихъ да и съ своимъ бояриномъ; они же пріяша его. И пакы возъярившеся, аки ціани, отъ ярости лютыя, на много боярина Чюднцовы улицы, и много съ ндмъ разграбиша домовъ боярьскыхъ; нъ и монастырь св. Никоды на подѣ разграбиша, и игумена и чернорѣцъ оскорбиша, ркуще: «здѣ животы христіанскія и болгарскія»⁽¹⁾. И еще того утра на Легощи улицы разграбиша дома многыхъ, глаголюще: «яко намъ супостаты еуть»,—и тогда же на Прускую улицу пойдоща; уедышаша же Пружене то начаша битися съ ними, вооружившися стрѣляти; отъ нихъ и бѣжаша, ннмъ же рѣшуща другъ на друга и грабленіе пометаша. И отъ того часа нача злоба множитися, и прибѣжавше на свою страну Торговую, рѣша: яко Софійскаа страна хочеть на насъ вооружившеся ити, и дома наша грабити; и почаша звонити по всему граду. Того же дни, въ лютую ту брань, бысть громъ великъ и молнія блискаше, дождь и градъ, или того ради, или смотрѣніа вышнего на потребу живущимъ народомъ. И начаша люди срыскатися со обѣихъ странъ, аки на рать, на великій мостъ, въ доспѣсахъ; баше и губленіе, овнъ отъ стрѣлъ, ннмъ отъ коней, быша же мертви аки на рати. Отъ грозы тоа страшна и отъ возмущенія возтрасеся градъ весь, и найде страхъ на обѣ странѣ; и отъ лютыя брани и усобного губительства начаша животы свои носити въ церковь.

Слышавъ же то владыка Семіонъ, усобную рать промощъ своимъ дѣтии,

⁽¹⁾ Т. е. въ монастырѣхъ лежать помяти преставль и болръ.

непусти изъ очію слезы и повелѣ пред-
стоящимъ собрати соборы своя; а въ то
время прилучися быти Варламу архиман-
дриту св. Георгія, и ѣкинъ ради вещей и
слышати отъ него утѣшительныя словеса,
и глагола ему свититель: «архимандрите!
послѣдуй ми»; онъ же рече: «съ радо-
стію, учителю, иду по тебѣ». И вшедъ
архіепископъ въ церковь св. Софіа, нача
молитися со слезами, и вступи въ боже-
ственный олтарь и облечеса въ священ-
ная ризы, своимъ соборомъ, и повелѣ
взяти крестъ господень и Пречистыя Бо-
городица образъ, и поиде на великій
мостъ, и по немъ послѣдующе священни-
ци, и причетъ церковный, и христови-
нитое людство; бяше же на пути тѣсно-
та dospѣшными людьми. И мнози добріи
мужи изъ очію испущаху слезы, глаголю-
ще: «да укротитъ Господь народы, моли-
твами господина нашего святителя», — и
людіе богобоязливѣи, припадающе ко свя-
тителевома ногама, съ плачемъ глагола-
ша: «пойди, святителю, благослови наро-
ды, да оставитъ Господь твоимъ благо-
словеніемъ усобную рать»; нини же гла-
голаху: «да будетъ злоба си на начинаю-
щихъ брань». Пришедъ святитель, ста
среди мосту, и вземъ животворящій крестъ
нача благословляти обѣ страны; овин же
взирающе на честный крестъ кланялуса,
нини видяще архіепископа изъ очію слезы
испускающа, и на нь смотряще просле-
зишася. Услышавъ же она страна святи-
телево прихождение, и приде къ нему по-
садникъ Ѳедоръ Тимоеевичъ, и съ ны-
ми посадники и тысяцкими, и благовѣр-
ніи христіане, и кланяхуса владыцѣ, гла-
голюще: «да оставитъ народы». Владыка
же послуша ихъ моленія, посла архиман-
дрита Варлама, отца своего духовного, и
протодіакона на Ерославль дворъ ко св.
Николаѣ, да подадутъ благословеніе его
степенному посаднику Василью Есиповичу,
и тысяцкому Кузмѣ Терентьевичу, и все-
му народу, да идутъ каждо во свояси.

Они же отвѣщаша: «да повелитъ святи-
тель своей странѣ въ хоромы (съ дома)
ити, а мы своей братіи, по твоему бла-
гословенію, повѣстуетъ и повелѣваемъ
имъ отйти въ жилища», — и събравшимъ
ся по семъ съ нарочитыми мужи рассу-
дити вещи сіа начало — и разыдохася,
благодаряще Бога и пречистую его Ма-
терь, глаголюще сице: «давшаго намъ та-
коваго святителя, могущаго управити свои
дѣти и поучати словеса духовными, сво-
го кротостію, много обличеніемъ, нини
же запрещеніемъ, ноппаче же сію брань
крестомъ господнимъ и поученіемъ сво-
нимъ укроти; да сохранитъ его молитва
насъ и благословеніе отъ такового мте-
жа, въ вѣки, аминь».

(Пол. Сбор. Лѣт. III, стр. 136
—138).

О вліаніи Новгородскаго владыки на народъ,
см. въ статьяхъ о бѣдствіяхъ и знаменіяхъ.

107. Дѣйствія митроп. Фотія.

Въ лѣто 6933 (1425) февр. въ 27
д., въ 3 часъ ноци, преставися благо-
вѣрный и христолюбивый в. кн. Василей
Дмитреевичъ. И м-тъ Фотій тоя же но-
ци посла по князя Юрія, брата его, въ
Звенигородъ, своего боярина Акиѳа Асле-
бיתהва; онъ же не ходя на Москву, иде
къ Галичю. А на вел. княженіи сѣде
кн. Василей Василіевичъ, бѣ же тогда 10
л. безъ 13 дней; а кн. Юрій приславъ
къ нему и вземъ съ вел. княземъ перемирію
до Петрова дни. Да за тѣмъ же переми-
ріемъ, тоя весны, разъсла по всей своей
отчинѣ по всѣхъ людій своихъ, и яко снѣ-
дошася къ нему вси изъ всѣхъ градовъ
его, и въсхотѣ поити на вел. князи; а
кн. великій слышавъ то съвокушеса съ
всѣми силами, съ нимъ же бяху и дяди

его. И поиде князь велики къ Костромѣ, князь же Юрій слышавъ то, что идетъ на него кн. велики съ всѣми силами и съ братьею его, и побѣже въ Новгородъ Нижній, и сѣде тамо съ всѣми людьми своими; а князь велики послалъ на него дядо своего кн. Костянтина съ многою силою. Кн. же Юрій убоявся бѣжа за Суру и ста о брезѣ, а кн. Костянтинъ стоявъ противу его възвратися, понеже бо не лзѣ пренти къ нему за рѣку, и пакы възвратившемуся ему къ Москвѣ, и кн. Юрій иде къ Новгороду, и оттуду къ Галичю, а къ вел. князю присла о перемирии на годъ. Кн. же великій съ отцемъ своимъ Фотиємъ м-томъ, и съ матерію своею в. к-нею Софіею, и съ дядями своимъ кн. Андрѣемъ и Петромъ и Костянтиномъ Дмитреевичи, обосла же ся тогда и съ братомъ своимъ, и дѣдомъ в. кн. лютвскимъ Витофтомъ, и съ всѣми князи и бояры земли-своея здумаша послати къ кн. Юрію отца своего Фотіа м-та; онъ же ни мала отречеса, но вскорѣ и съ радостію поиде къ нему въ Галичъ о миру того же лѣта. И прииде въ Ярославль на Рожество Предтечево, и ту нимало помотчавъ, но точию ужиналъ у кн. Іоана Василевича; молиша же его князи ярославстїи, чтобы у нихъ обѣдни слушалъ наутри, и не послуша ихъ, но поиде въ Галичъ. А кн. Юрій слышавъ то, събра всю отчину свою, и срѣте его съ дѣтми своими и зъ бояры и съ лучшими людьми своими, а чернъ свою събравъ изъ городовъ своихъ и волостей, изъ селъ и деревень, и бысть ихъ многое множество, и постави ихъ на горѣ отъ града съ приѣзда митрополича, кажа ему многихъ людей своихъ. М-тъ же вшедь въ посадь града того, и поиде къ соборной церкви Преображенія, бѣ же церковь та на посадѣ на подолѣ у езера, и бывъ въ церкви помолвися изыде, и възрѣвъ на онъ народъ, иже по горѣ стоящъ и рече кн. Юрью: «сыну! не выдахъ столько народа

въ овчихъ шерстехъ», — вси бо баху въ серыгахъ; князь бо хотя явитися яко много люди имѣ, а святитель въ глумъ си виѣнивъ себѣ. Посемъ же поиде къ келии своей, идѣже стояти ему, и начатъ глаголати князю о миру, чтобы не было кровоцролитіа межи ихъ съ вел. княземъ; кн. же Юрій перемирїа просяше, а о миру не внимаше. Разгнѣвавъ же ся м-тъ и не благословивъ его и града его, скоро изыде изъ него, и въ той часъ бысть моръ на людей града его. Кн. же Юріе слышавъ и видѣвъ то, и всѣдъ на конь и гна по немъ, и постиже его за озеромъ въ с. Пасынковѣ, и начатъ бити ему челомъ и молатися о своемъ съгрѣшеніи, и едва умоли его; и възвратися, благослови самаго и градъ его, и пакы вниде въ градъ, и отъ того часа преста гнѣвъ Божій. М-тъ же поучивъ князя о любви не токмо съ братьею, но и съ всѣми православными; кн. же Юрій много честь въздавъ ему отпусти его, самъ же проводи его съ всѣмъ народомъ, рекъ ему: «пошли о миру къ вел. князю боярь своихъ». И по отшествіи митрополича посла боярина своего Бориса Галичскаго и Данила Чешка, и доконча миръ на томъ, что кн. Юрію не искати княженія великаго собою, но царемъ: котораго царь пожалуетъ, той будетъ князь велики Владимерскій и Новгороду В. и всей Русіи, и крестъ на томъ цѣловаша.

(П. С. Лѣт. VIII, 92—93).

108. Дѣйствїа владиміа Іоанн.

Князь Дмитрей услышавъ (1446), что дѣти в. князя пришедь съли въ Муремъ съ многими людьми, и не въсхотѣ на нихъ посылати, бояся, понеже бо вся людіе негодоваху о княженіи его, но и са-

ного мысляху, хотяще в. кн. Василія на своемъ государствѣ видѣти. Князь же Дмитрей умысливъ сице, призва къ себѣ епископа Рязанскаго Іону на Москву, и пришедшу ему обѣща ему митрополию и начатъ глаголати ему: «отче! чтобы еси шелъ въ свою епископію, въ градъ Муромъ, и взялъ бы еси дѣти в. князя на свой патрахълъ⁽¹⁾; а язь радъ ихъ жаловати, отца, ихъ в. князя выпущу и отчину дамъ доволну, какъ мощно имъ быти съ всемъ». Владыка же Іона поиде къ Мурому въ судѣхъ, и съ тѣми рѣчми княже Дмитревыми приде въ Муромъ, и начатъ говорити рѣчи его бояромъ в. князя дѣтей, тремъ княземъ Рязполовскимъ и прочимъ съ ними. Бояре же много о томъ думавше смыслиша себѣ сице: «аще мы нынѣ святителя непослушаемъ, не поидемъ къ кн. Дмитрію съ сими в. князя дѣтми, и онъ пришедъ ратью городъ возьметъ и сихъ поймавъ, что хоцетъ то творитъ имъ, такоже и отцу ихъ в. князю и всемъ намъ; и въ что будетъ крѣпость наша, непослушавши сихъ глаголъ святителевыхъ? И рѣкоша Іонѣ владыцѣ: «аще пришедъ еси съ сими глаголы отъ кн. Дмитрея къ нашимъ государемъ, в. князя дѣтемъ, да и къ намъ, вно мы собою сего не дерзнемъ сѣтворити, что отпусти намъ съ тобою дѣтей в. князя безъ крѣпости; но недѣ въ соборную церковь Рождества Пречистые и възмени ихъ у Пречистые нсъ пелены на свой патрахълъ, и тако отпустимъ ихъ съ тобою и сами съ ними идемъ». Владыка же Іона обѣщася тако сѣтворити, и вшедъ въ церковь начатъ молебень Пречистые, и сѣвршивъ молебнаа и взять ихъ нсъ пелены у Пречистые на свой патрахълъ и

(1) Взять на патрахълъ—значитъ поручиться и завѣрять въ неприкосновенности святительскимъ словомъ.

поиде съ ними къ кн. Дмитрію въ Переславль, тамо бо тогда ему суку; приде же въ Переславль и, маіа въ 6. Князь же Дмитрій мало почти ихъ, съ лестію на обѣдъ къ себѣ зва ихъ и даривъ ихъ; а на 3-й день послѣ того, съ тѣмъ же владыкою Іоною, посла ихъ на углечъ къ отцу въ заточеніе. Онъ же дошедъ съ ними до отца ихъ и остави ихъ тамо, възвратися къ кн. Дмитрію; онъ же повелъ ему итти къ Москвѣ и сѣсти на дюрѣ митрополичи, Іона же сѣтвори тако. А Рязполовскіе то видѣвше, князь Іонъ и братья его Семенъ и Дмитрей, что кн. Дмитрей Шемяка слово свое изгвѣнилъ въ всемъ и владыцѣ слѣга и начаша мыслити, какъ бы князя в. вынати Бѣ же въ той мысли тогда съ ними к. Иванъ Васильевичъ Стрига, да Иванъ Ощира зъ братомъ зъ Бобромъ, Юшко Драница и иные многіе дѣти боярскіе дворовые в. князя; съ ними же въ думѣ былъ Семенъ Филимоновъ съ дѣтми всеми, да Русалка, да Руно, и иные дѣти боярскіе многіе и учинивша себѣ срокъ всемъ быти подъ Углечемъ на Петровъ день о полудни. И Семенъ Филимоновъ съ всеми своими на тотъ срокъ пришедъ; а про Рязполовскихъ учинилася вѣсть кн. Дмитрію, и не смѣла поити на тотъ срокъ подъ Углечъ, но поидоша за Волгу къ Бѣлуозеру. А князь Дмитрей посла за ними съ Углеча рать съ Васильемъ съ Вепревымъ, да Феодора Михайловича посла за ними съ многими плѣки, а срокъ былъ имъ сѣйтися въ мѣсто на усть Шексны у Всеѣхъ Святыхъ; и Феодоръ неусиѣлъ къ Василію, а Рязполовскіе воротившеся на Василія побѣша его на усть Мологи; а Федоръ въ ту пору перевезеся за Волгу на усть Шексны съ всеми плѣки своими, а Рязполовскимъ вѣсть бысть про него, они же и на того воротившася, Феодоръ же видѣвъ ихъ опять побѣжа за Волгу, а Рязполовскіе поидоша по Новгородской земли къ Литвѣ и придоша къ кн. Василію Яро-

славичю въ Мстиславѣ. А Семь Филімоновъ съ всіми своими отъ Углича иде къ Москвѣ, яко ничто же про тѣхъ вѣдаа; одинъ Руно отворнулъ отъ него за Рязоловскими. И какъ прииде Рязоловскіе, да кн. Иванъ Стрига и прочіе многіе дѣти боярскіе, прежеписанные и пописанные, начаша говорити кн. Василію Ярославичю, какъ бы вынати в. князя, а князь Дмитрей Шемяка вѣда то, что про в. князя мнози люди отступаютъ отъ него, и розосла по владыки и начать думать съ кн. Иваномъ и съ владыками и съ бояры: выпустити ли его или ни? А владыка Іона на всякъ день не престааше глаголати: «неправду еси учинилъ, а меня еси ввелъ въ соромъ и въ грѣхъ; князя ти было великого выпустити, и ты и дѣтей его съ нимъ посадилъ; а мнѣ еси далъ свое правое слово, а они мене послушали и нынѣче язъ въ всей лжи, выпусти его, сведи съ моея души и съ своея; а что можетъ онъ учинити безъ вѣка? а дѣти его малы, а еще его укрѣпи крѣстомъ честнымъ да и нашею братьею владыками»; многа же и ина вѣрече. Князь же Дмитрей много думавъ о семъ положи на томъ, что выпустити великого князя, а дать ему вотчина, на чемъ бы мощно ему быти.

(П. С. Лѣт. VIII, 117—119).

109. Писаніе духовенства Угличскому князю Дмитрію Юрьевичу 1448.

Господину князю Дмитрію Юрьевичу богомолци, господине, твоего брата старѣйшого в. кн. Василія Васильевича и вашего благородіи общін, Евремъ владыка ростовскій, Аврамій владыка суздальскій, Іона владыка рязанскій, Варлаамъ владыка коломенскій, Питиримъ владыка пермскій, и мы сами нищии и молебни-

ци, Геронтій архимандритъ синоховскій, Мартиніанъ игумень сергіева монастыря и съ прочими архимандриты и игумены, нашею братьею, всѣхъ св. обителей настоятели и со всѣмъ еже о Христѣ братствомъ нашимъ, со всѣми священно-иноками и со всѣми священники всѣхъ св. божіихъ церквей, челомъ бьемъ и благословляемъ. А пишемъ къ твоему благородію, по своему долгу, попеченіе творя о твоей единойродной и безсмертной души, и о будущемъ и въ вѣки пребывающемъ о вѣрѣннѣи вашемъ благородіи и о тѣлесномъ многолѣтнемъ здравіи; и о томъ тобѣ своему господину воспоминаемъ, не отъ себе свое, но ото божественнаго вѣтхаго писанія, токмо воспоминающе тобѣ, самовѣдущему прежебывшее, како позначальству вражды общего нашего душегубнаго супоста и врага всему челоуѣчьскому роду дьявола, козньми его и навѣты, како протцу нашему Адаму позавидѣ и положи ему въ сердци равнобожество, яко да будетъ я и Богъ, разумѣвая добро и зло; и его же ради восхотѣ пратець нашъ обожитися и равнѣть Богу быти въ разумѣннѣи, того ради абіе и наготу свою позна и осуженъ отъ Бога бысть, спонити трудомъ и въ потѣ лица хлѣбъ свѣсти. Аще убо онъ великій, еже божію рукою созданный первый челоуѣкъ, пратець нашъ Адамъ толкно и тачево самоинѣтельствомъ обоженіа пострада и о суженію подданъ со всѣмъ челоуѣчскимъ людемъ родомъ, даже и доселѣ воимомъ осуженіи вси мы пребываемъ: и тое убо прежнее, еже отъ божественнаго писанія воспоминаухомъ ти. Къ тому же и сіе бывшее въ наша времена, малымъ прежде сего, еже самъ множае иныхъ, или паче рещи, отъ всѣхъ челоуѣкъ ты тое болши вѣси, како отецъ твой князь Юрій Дмитріевичъ великое тщаніе имѣлъ на начальство В. Княженія, яко же и древній нашъ пратець Адамъ ко обоженію! И въ Орду отецъ вашъ же Царю ходилъ, и ко-

ся еси, попралъ еси свое православіе и крестное цѣлованіе ни во что же вмѣнивъ, ни къ единому своему слову достовѣренъ сѣтворился еси? А св. петра хили наши сквернишь неподобными своими богомерзкими рѣчи; а надѣмся, что и самъ знаешь, что суть тѣ св. петра хили, воображеніе есть муки Господа нашего І. Христа, еже при спасеніи его растять, и что ихъ ты сквернишь злыми рѣчи, не яко христіанинъ буда, но и поганыхъ горши: и петра хили наши твоими рѣчи не могутъ скверниться никакоже, но токмо самъ душу свою губишь. Мы же убо опрежъ створенныхъ тобою твоихъ дѣлъхъ немного глаголемъ, еже ни во христіанѣхъ когда прежъ сего не есть сицево слышано, но о нынѣшнемъ толико твоёмъ преступленіи и къ брату твоему старѣйшему къ в. князю о твоёмъ неистравленіи по крестному цѣлованію и по тѣмъ грамотамъ вашимъ, тобѣ сее нынѣшнее новое твое воспоминаемъ. По тѣмъ вашимъ строкамъ, что еси самъ же на себе написалъ: »что ти быти съ твоимъ братомъ старѣйшимъ съ в. княземъ вездѣ задинъ, и до своего живота; а кто будетъ ему другъ, то и тобѣ другъ, а кто будетъ ему недругъ, то и тобѣ не другъ«; — и ты на него добываясь, а христіанство православное до конца губя, съсылаешься съ иновѣрци, съ поганствомъ и съ иными со многими землями, а хотя его и самого конечнѣ погубити и его дѣтки, и все православное христіанство раздрушити. Ино въ семъ первомъ крестномъ цѣлованіи исполнилъ ли еси, а къ своему брату старѣйшему къ в. князю исправилъ ли еси? Также и то: »съ кѣмъ будешь въ цѣлованіи, и тому ти цѣлованіе сложити«; — и ты въ цѣлованіи съ В. Новымгородомъ, да къ Новугороду В. цѣлованіа не сложилъ, да еще посылалъ еси къ В. Новгороду и посла своего, а зочи себе княземъ в., да просилъ еси у нихъ собѣ помочи, а вво-

да то слово, что Татарове кневолили нашу отчину Москву, и вы ни дайте на нихъ помочи. А все то ты злохитрѣствуешь на своего брата старѣйшаго на в. князя, хотя и ница и досагая самъ собѣ В. Княженя; а что Татарове во христіанствѣ живутъ, а те ся чинить все твоего же дѣла съ твоимъ братомъ старѣйшимъ съ в. княземъ неуправленъ, и тѣ слезы христіанскіе вси на тобѣ же. А котораго часа съ своимъ братомъ старѣйшимъ съ в. княземъ управленъ во всемъ чисто, по крестному цѣлованію; ино мы ся въ томъ знаемъ, что тогожъ часа князь в. Татаръ изъ земли вонъ отшлетъ. Также еси посылалъ ко кн. Ивану Андреевичю посла своего Михайла Сатяна, а все одивачаясь съ нимъ на брата жъ своего старѣйшаго на в. князя; да и то еси съ нимъ приказалъ ко князю къ Ивану, чтобы князь Иванъ и къ в. князю то слово съ своимъ посломъ приказалъ: »толко пожалуешь ты, князь я., кн. Дмитрія Юрьевича, ино то еси и мене князя Ивана пожаловалъ; а толко не пожалуешь кн. Дмитрія, ино то еси и мене князя Ивана не пожаловалъ.« И князь Ивановъ Андреевича посолъ Елизаръ Васильевъ възвѣстилъ то твое слово в. князю отъ кн. Ивана Андреевича. Ино то, господине, князь Дмитрей, самъ посмотри, пригодно ли то, тѣ твои посолства и приказы? А что написано въ вашихъ докончальныхъ грамотахъ: »А добра ти своему брату старѣйшему в. князю хотѣти во всемъ вездѣ«.....

Ино въ сѣхъ строкахъ гдѣ еси своему брату старѣйшему в. князю исправилъ хотя воодно, и по крестному цѣлованію въ которомъ еси жѣстѣ похотѣлъ добра, или что еси ему повѣдалъ, о добрѣ ли его, о лицѣ ли его, и гдѣ его честь и гдѣ его гроза, и какъ подъ нимъ блещеть его отчину все это В. Княженя? А ты самъ посылаешь вездѣ, на его лихо, на его кровь, какъ всюды во хри-

стѣнство; такъ и въ бесерменство, къ Новгороду В. посылаешь, къ кн. Ивану Андреевичю посылаешь, къ Вятчаномъ посылаешь; а въ Вятку ти ся, по докончанью и по крестному цѣлованью, не вступати. Посылалъ еси въ Казань къ царевичю къ Мамотяку, на брата своего старѣйшего в. князя на все лихо и всего православнаго христіанства на неустроеніе, и посолъ его къ тобѣ пришелъ, у себе его и нынѣ держишь. А за твоею посылкою къ Мамотяку, брата твоего старѣйшего в. князя килчѣя царевичъ Мамотякъ поймалъ да скова, и нынѣ держитъ его у себе, въ желѣзѣхъ скованнаго; а братъ твой старѣйшій князь в. посылалъ къ тобѣ, пережи, своего боярина, а опять своихъ дѣтей боярскихъ къ тобѣ посылалъ о томъ, чтобы еси къ нему отпустилъ того посла Мамотякова; и ты къ нему какъ посла не отпустилъ, такъ и видѣтися еси не далъ его боярину и его дѣтямъ боярскимъ съ тѣмъ съ Мамотяковымъ посломъ. А отъ царя Седи-яхамата пришли къ брату своему старѣйшему в. князю его послы, и онъ къ тобѣ посылалъ просити, что ся тобѣ имаетъ дати съ своей отчины въ тѣ татарскіе проторы; и ты не далъ ничего, а не зочи царя Седи-Яхамата царемъ. А того нѣкакъ позабылъ еси, не на томъ ли юргу отецъ твой, кн. Юрій Дмитріевичъ былъ у царя въ Ордѣ съ в. княземъ вмѣстѣ, и на пошлнѣ стояли? Не тѣ же ли пакъ царевичи и великіе князи у сего царя Седи-Яхамата, которыхъ тогда и у того царя были да тоже дѣло дѣлали? Ино, господине, намъ видится такъ, что еси во всемъ въ томъ брату своему старѣйшему в. князю по тѣмъ докончальнымъ грамотамъ и по крестному цѣлованію не исправилъ. А что еси поималъ святости, честные кресты и святые иконы, и Страсти Спасовы, да и казну брата своего старѣйшего в. князя, и его матери в. княгини и его в. княгини (же-

мы) казны и поклажа, и его бояръ и Марьины Ѳеодоровны жены Ѳеодоровича, и гдѣ будешь что ни взялъ казны и поклажа, и тобѣ то все отдавати брату своему старѣйшему в. князю по крестному цѣлованію; а отдавати было то все, а послѣ вашего докончанья, ино ушедъ мѣсяць. Ино уже послѣ того срока болѣ шти(6) мѣсяць книжныхъ; и ты нѣчто малое казны в. князя, и его матери в. княгини, и его в. княгини отдалъ, а болши, все лутшее еще у тебе, того неотдаси, а Марьины Ѳеодоровы жены Ѳеодоровича того неотдаси ничего, а и святость вся у тебе, не отдаси ничего. Также что яса (сала) еси брату своему старѣйшему в. князю отдавати ярлыки и докончальныя грамоты и дефтери и иныя какія грамоты, по крестному цѣлованію, что еси у него поималъ въ его казнѣ; и того ему тѣхъ всѣхъ ярлыковъ и грамотъ не отдалъ еси. »А бояромъ вашнимъ и дѣтемъ боярскимъ и слугамъ межн васъ волнымъ воля; а кто служитъ брату твоему старѣйшему в. князю, а живеть въ твоей отчинѣ, и тѣхъ ти блюсти, какъ и своихъ. И опослѣ того вашего докончанія и крестнаго цѣлованья, которыхъ бояре и дѣти боярскіе отъ тебе били челомъ брату твоему старѣйшему в. князю служить, а села и домы ихъ въ твоей отчинѣ; и ты, черезъ то докончанье и черезъ крестное цѣлованье, тѣхъ еси бояръ и дѣтей боярскихъ пограбилъ, села ихъ и домы ихъ еси у нихъ поотымалъ, и животы и сътакты всѣ, и животину еси у нихъ поималъ. Также, господине, ваша старина, что жити вамъ въ Москвѣ, по духовной грамотѣ дѣда вашего в. кн. Дмитрія Ив.; и ты, господине, шлешь къ своему тіуну къ Ватазину свои грамоты, а велишь ему отзывать отъ своего брата старѣйшего отъ в. князя людей, а велишь звати людей къ собѣ, а все подъ в. княземъ доставая В. Княженъ; и тѣ твои грамоты выиманы у твоего тіуна у Ва-

таина, какъ уже его былъ князь в. отпустилъ къ тобѣ, ино у него тѣ грамоты вынимали на пути. И намъ, господине, вашимъ богомолцемъ видится, что какъ то все ты, господинъ нашъ, дѣлаешь не по докончальной грамотѣ, ни по старинѣ, ни по крестному цѣлованью, какъ есте межъ собѣ кончали, и честный и животворящій крестъ къ своему брату старѣйшему в. князю на чомъ еси цѣловалъ. А иныхъ, господине, рѣчей брата твоего в. князя, что намъ сказывалъ, да и грамотныхъ строкъ, еще и не исписали есмя, что ся надъ нимъ отъ тебе дѣлаеть не по докончанью, ни по крестному цѣлованью. И о томъ тобѣ своему господину и въсьюминаемъ, и челомъ бьемъ, и благословляемъ, и по своему долгу Бога молимъ: пожалуй, господине, поберези своей души и своего христіанства и крестного своего цѣлованья, а передъ своимъ, господине, братомъ передъ старѣйшимъ, передъ в. княземъ исправися во всемъ чисто. Что, господине, его у тебе святости ли, будетъ, казны ли его самого, и его матери в. княгини, и его в. княгини, и его бояръ и Марьины казны Феодоровы жены Феодоровича, и ярлыки его и докончальныя грамоты и дефтеры и ныня какія грамоты, что понманы въ его казнѣ, чего будешь ему недодалъ, то бы еси ему, господине, отдавалъ все; а въ тѣхъ, господине, строкахъ, въ чемъ ся будешь передъ нимъ не исправилъ докончальнымъ грамотамъ и по перемирной грамотѣ и по крестному цѣлованью, а въ томъ, господине, положи передъ Богомъ и передъ пречистою его Богоматерью, и передъ своимъ братомъ старѣйшимъ передъ в. ки. Васильемъ Васильевичемъ, чистое покаянiе, а себе въ томъ во всемъ исправи, а цѣлованье честнаго и животворящаго креста исполни. А мы, господине, ваши богомолци, по своему долгу, били есмы за тебе челомъ своему господину, а твоему брату старѣйшему

в. князю, и господинъ нашъ, братъ твой старѣйшій в. князь, какъ ему Богъ положилъ на сердца, нашего слова своимъ богомолцемъ послушалъ, а тебе своего брата жаловати хочеть и въ братствѣ и въ любви держати по старинѣ; и о всемъ тобѣ управливатися срокъ по крещеніи 2 недѣли. И ты бы, господине, и Бога ради и нашего дѣла къ тобѣ моленія, а и свое дѣла души и своего дѣла христіанства, не въскладывалъ на себе высокомысльства, ни гордости начальства, еже ти что не богодаровано, въспомнивая великаго Богоотца и пророка царя Давида, яко и до трикрата помазанъ быеть на царство, но никако же восхотѣ воидритися, до негѣже и убienъ быеть Саулъ, аще и отнято быеть отъ Саула царство. Но когда же той царь Давидъ, яко человекъ възысися мыслью и рече единъ глаголъ: «азъ рѣхъ, во обилии моеи не подвижуся въ вѣки», и колико за единъ той глаголъ пострада, яко и лукаваго духа попусти на него Богъ, и отъ того впаде въ сугубо согрѣшеніе, въ любодѣніе и убійство, и колико плакася къ Богу о тѣхъ согрѣшеніихъ! Такожъ и Навходоносоръ царь о созданіи града Вавилона похваляся, и колико зато пострада, яко волъ ходя и траву ядый: но пакы умоли о немъ Бога пророкъ Данилъ, и въ человѣчское чюство претвори его пакы Богъ и пояся. Такожъ и арменскій царь Тиридатъ о заточеньи великаго Григорья претворенъ быеть вепремъ, и ходи 2 лѣтъ, нечистоду ядый: но пакы умоленъ бывъ великимъ Григорьемъ отъ сестры его, и сотвори его человекъ, и такожъ покался и крестися самъ и все царство свое крести. И ниѣли быхомъ, господине, еще и много тобѣ писати отъ божественнаго писанія, но самъ, господине, какъ ти далъ Богъ разумъ, потонку разумѣшь божественное писаніе: и молимъ твое благородіе, да ся смиришь съкрушеннымъ сардцемъ; и наше смире-

ніе, и божія благодать и милость, и нашего смиренія молитва и благословеніе будетъ съ твоимъ благородіемъ, по твоему поканію и обращенію. А еще ли единаче въ своемъ жестосердіи тако и хоцещи пребыти и въ своей высоцѣи мысли и не въ покаянномъ сердци, и тако не всхочешъ смирити свою думю съкрушеною мыслию и не всхочешъ обратитися ко всемогущему Богу съ четою совѣстью и истина поканія положить не похочешъ, а таки ставешъ къ брата своего старѣйшего в. князя лиху и къ его крови, а ко христіанскому неустроенію и погибели, и брату своему старѣйшему в. князю челомъ не имешъ бити, а съ чимъ ся не управишъ, а его не отдаси святости, честныя кресты и св. иконы и Страсти Спасовы, и казны в. князя и его матери в. княгини, и его в. княгини казны и поклажаи, и бояръ его, и Марьины казны и поклажаи Федоровы жены Федоровича, и всего, гдѣ еси что ни поималъ казны и поклажаи, и ярлыковъ и грамотъ и докончальныхъ всѣхъ и деоторей и иныхъ какихъ грамотъ, что еси поималъ въ в. князя казнѣ, и что еси ялся, то все отдади брату своему старѣйшему в. князю, по докончальнымъ грамотамъ и по перемирной грамотѣ и покрестному цѣлованью; и толко ему того всего не отдади, а въ тѣхъ строкахъ таки ему не исправиши, которыя у васъ въ докончальныхъ грамотахъ написаны, да и въ перемирной грамотѣ и въ сей нашей грамотѣ вписаны, на томъ еси цѣловалъ честныи и животворящій крестъ къ своему брату старѣйшему, къ в. кн. Василью Васильевичю: но то не мы тобѣ учинимъ, но самъ на себѣ наложишъ тягость церковную духовную; по господню глаголющему словеси: «егоже еще разрѣшите на земли, и будетъ разрѣшенъ на небесѣхъ; и егоже еще свяжете на земли и будетъ связанъ на небесѣхъ»; и пакъ: «Слушай вась, Мене слушають, а отметаайся вась, Мене

ся отменеть; а отметаайся Мене отменеть и пославшаго Мя.» И еще необративши къ Богу, и ко своему брату старѣйшему къ в. князю, съ чистымъ поканіемъ, и по Спасову глаголющему словеси, чюжъ будешъ отъ Бога и отъ церкви божіей, и отъ православныхъ христіанскія вѣры, и чести не имаша съ вѣрными, и не будетъ на тобѣ милости божіей и пречистыи его богематери и силы того честнаго и животворящаго креста, который еси къ своему брату старѣйшему, къ в. князю Василью Васильевичю цѣловалъ, и по св. правиломъ проклятъ да будешъ отъ св. Апостолъ и отъ св. богосенныхъ Отець, отъ всѣхъ 7 вселенскихъ соборовъ, и въ конечную погибель да пойдешъ съ прежними онѣми богомерзкими еретикъ, временно же и будуще. Такожъ и нашего смѣренія, святительскаго и священническаго не будетъ на тобѣ благословенія и молитвы, ни въ ся вѣкъ, ни въ будущій, ни на тѣхъ на всѣхъ, кто иметь тобѣ думати, и на ту кровь къ тобѣ приставити и побѣрати или егъвьствовать, или словомъ, или дѣломъ, или иною какою хитростью, на в. князя лиху и на его кровь и его дѣтей, и всего православнаго христіанства на неустроеніе и на нетишину. А въ томъ твоємъ несправленіи какова, но грѣхомъ, кровь христіанская прольется, и та христіанская кровь вся на тобѣ же будетъ. А писана на Москвѣ, м. декемвриа въ 29 день, въ лѣто 5956, индикта 11.

(А. Истор. 1, № 40).

О юридичес. знач. духовенства см. *Церков. Уставы*. Слово Иларіона и статью Н. В. Калачова въ отдѣлѣ: «Законы и судопроизводство». Обычай печалованія означенъ въ Посл. Викифора къ Мономаху; объ-усмиреніи бунта и кровопролитія см. 1 Новг. лѣтоп. 55—56. 81—82; также «Борьба съ Рязанью 1207». О значеніи духовенства см. въ концѣ «Посл. Симона къ Подьярпу» около 1325. Въ сл. Кирилла 1274, высказывается угроза—не принимать приношеній въ церковь отъ кулачныхъ бойцовъ, а убитыхъ въ бою запрещается погребать, похивать и хоронити около церкви. Духовенство под-держивало Москов. еденодержаніе. См. отдѣл. А. И.

Б. ПАМЯТНИКЪ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ.

110. Былиа о Василіи Буслаевѣ.

Василій уже пережилъ первую молодость; но онъ еще не старъ; онъ въ славѣ и въ чести, — но въ душу ему западаетъ грустная дума. Вспоминаетъ онъ прокаченную буйную молодость; много грѣховъ на душѣ: надобно от-молить; — онъ собирается въ Ерусалимъ. Такое путешествіе было своего рода удаляю. Побывать въ далекой странѣ, поладать всякаго дѣла, поклониться величайшей святыни — это приманчиво для пылкой природы. Василій приплываетъ откуда-то по Ильменю въ В. Новгородъ. Пѣсня не говоритъ, откуда онъ возвращается, можетъ быть съ торговаго дѣла, а можетъ быть съ удалаго; а можетъ быть и отъ В. Новгорода въ посылкѣ былъ; а В. Новгороду такіе молодцы, какъ Буслаевъ, всегда годились. Онъ оставляетъ караульщикова у своихъ суденъ, а самъ идетъ къ матушкѣ; за нимъ храбрая дружина. Онъ проситъ материнскаго благословенія идти въ Ерусалимъ⁽¹⁾.

Приходитъ Василій Буслаевичъ
 Ко своей государынѣ матушкѣ:
 Какъ вьмонъ около ея увивается,
 Проситъ благословеньце великое:
 «Иди мнѣ Василью въ Ерусалимъ градъ
 Со всюю дружиною храброю,
 Мнѣ ко Господу помолитися,
 Святой святынѣ приложитися,
 Во Ерданѣ рѣкѣ искупатися.»

Старуха подозрѣваетъ, что удалой сынъ вмѣсто Ерусалима пойдетъ ушкуйничать на Волгѣ, либо на морѣ Варяжскомъ. Она какъ-будто боится, чтобъ Василій обманомъ не взялъ у ней родительскаго благословенія на дурное дѣло, и говорить:

— Гой еси ты, мое чадо милое,
 Молодой Василій Буслаевичъ!
 То коли ты пойдешь на добрыя дѣла,
 Тебѣ дамъ благословеніе великое;

⁽¹⁾ Замѣчанія къ этой былии записаны у Н. И. Костоморова. Сѣвернорус. народопрвс. II, 142 и дал.

То коли ты, дитя, на разбой пойдешь,
 И не дамъ благословенія великаго.
 А и не носи Василья сыра земля! —
 Камень отъ огня разгарается,
 А и булатъ отъ жару растопляется, —
 Материно сердце распушается;
 И даетъ она много свинцу пороху,
 И даетъ Василью запасы хлѣбныя,
 И даетъ оружье долгомѣрное:
 «Побереги ты, Василій, буйну голову свою.
 Скоро молодцы собираются,
 И съ матерой вдовой прощаются.»

Они плывутъ по Ильменю, а оттуда по волжскому пути. Въ народномъ воображеніи географическія свѣдѣнія очень смутно представлялись. Много судовъ приплывало съ восточной стороны по Ильменю къ Новгороду. А Ерусалимъ гдѣ-то далеко въ восточной сторонѣ. Стало-быть и въ Ерусалимъ можно достигнуть поплывши по Ильменю. Наши паломники плывутъ по Волгѣ: путь ея хорошо былъ извѣстенъ Новгородцамъ.

Бѣгутъ они ужъ не сутки — другія,
 А бѣгутъ уже недѣлю — другую.
 Встрѣчу имъ гости корабельщички:
 — Здравствуй, Василій Буслаевичъ!
 Куда молодецъ изволилъ погулять? —
 Отвѣчалъ Василій Буслаевичъ:
 «А мое-то вѣдъ гулянье не охотное:
 Со молodu бито много, граблено,
 Подъ старость надо душу спасти:
 А скажите вы, молодцы, мнѣ примаго пути
 Ко святому граду Ерусалиму.»

Когда гости сказали ему, что окольной дорогой бѣжать надо полтора года, а прямымъ путемъ 7 недѣль до Ерусалима, да за то на прямомъ пути стоятъ разбойники, Василій отвѣщаетъ имъ:

А не вѣрую я, Васянька, ни въ сонъ, ни въ чохъ,
 А вѣрую въ свой червленый вязъ;
 А бѣгите-ка, ребята, прямымъ путемъ.

Василій, какъ видно, и не робокъ и вѣр-стѣ не суевѣренъ. Это достоинство молодца по народному понятію. Народъ, хотя поддается вѣрованіямъ, но сознаетъ, что его идеаль-

Много Василий не баетъ съ ними,
 Подалъ письмо въ руку имъ,
 Что много трудовъ за нѣхъ положилъ,
 Служилъ обѣдни съ молебнами за нѣхъ, мо-
 лодцовъ.

Атаманы были довольны, что за нѣхъ по-
 молились Богу для очищенія нѣхъ грѣховъ, но
 грѣшить перестать ничуть не думали. Васи-
 лий былъ что то грустенъ. Онъ не сталъ объ-
 дить у атамановъ. Онъ торопился. Его пред-
 чувствіе томило. Молодцы опять приплыва-
 ютъ къ горѣ Сорочинской; опять взошелъ на
 гору Василий, и опять толкнулъ пусту чело-
 вѣчью голову. Голова снова проговорила, что
 и прежде, Василий плюнулъ и прочь пошелъ.
 Далѣе молодцы встрѣтили знакомый камень
 съ надписью. На этотъ разъ отвага беретъ
 верхъ. Не утерпѣлъ Василий.

Сталъ со дружиною тѣшиться и забавляться,
 Поперегъ каменю поскакивати;
 Захотѣлось Василью вдоль скакати,
 Разбѣжался, скочилъ вдоль по каменю,
 И не доскочилъ только четверти,
 И тутъ убился подъ каменемъ.
 Гдѣ лежитъ пуста голова,
 Тамъ Василья схоронили...

Таинственное предвѣщаніе остерегало Ва-
 силья, но не былъ бы онъ и богатырь, уда-
 лецъ, еслибы онъ послушался предостереже-
 ній. То и молодецъ, что ничему не покоря-
 ется, ничего не боится—вѣруеть въ одну свою
 силу! Хотя погѣбъ онъ—да славно, чест-
 но, до конца сохранилъ свою свободу, свою
 мочь—силу. Какъ не сдѣлать новгородской

душѣ того, что запрещается, хотя бы за это
 и грозили! Ужъ лучше пропасть, да не по-
 слушаться!

Дружина возвратилась въ Новгородъ на
 черномомъ кораблѣ безъ любимаго атамана;

Бросали съ носу якорь и съ корны другой,
 Чтобы крѣпко стоялъ и нешатался онъ.
 Пошли къ матерой вдовѣ поклонилися,
 Всѣ письмо въ руки подали;
 Прочитала письмо матера вдова, сама запла-
 кала:

-Гой вы еси, удалы добры молодцы!
 У меня нынѣ вамъ дѣлать нечего.-

Старая матушка теперь осталась круг-
 лой сиротой въ мѣрѣ. Ей ничего не нужно.
 Она отдаетъ казну свою изъ глубокыхъ под-
 валовъ, припасенную для сына, удалымъ
 его товарищамъ; они теперь ей какъ родные;
 они напоминаютъ ей Василья.

Брали они казны по маду числу;
 Пришли они къ матерой вдовѣ,
 Взаговорили таковы слова:

-Спасибо матушка Амелея Тимофеевна,
 Что пошла, кормила, обувала и одѣвала до-
 брыхъ молодцевъ.

Втапору матера вдова Амелея Тимофеевна
 Приказала наливать по чарѣ зелена вина;
 А и выпили они, сами поклонилися,
 И пошли кому куда захотѣлося.

(Др. Рос. Стих. 166—179).

В. СТАТЬИ ИЗЪ НОВЫХЪ СОЧИНЕНІЙ.

144. Нравственный характеръ древне- русскаго членства.

Мотивъ, чѣмъ по прошествіи 150 лѣтъ
 по основаніи государства, религія хри-
 стианская была провозглашена господствующею

на Руси, и легко замѣтить, какъ
 эта религія, въ трудныя времена госу-
 дарственнаго младенчества поддерживала
 общество въ его основѣ. Юный народъ,
 при сильномъ кинѣи стрестей, при
 отсутствіи тѣхъ сдержекъ, которыя мо-

гуть выработаться обществомъ только послѣ долгой государственной жизни, юный народъ увлекался часто къ нарушенію нравственныхъ законовъ; но та же самая сила молодости давала лучшимъ природамъ средства, когда раздались слова спасенія, съ неудержимымъ могуществомъ стремиться въ другую, лучшую сферу, и являть подвигъ добра, подвигъ силы нравственной подлѣ подвига силы матеріальной; подлѣ дѣла насилія; та же самая сила молодости, которая съ неудержимой стремительностію влекла къ паденію, та же самая сила помогала человѣку встать послѣ паденія и загладить дурныя дѣла подвигомъ покаянія. Переходы отъ зла къ добру были быстры въ юномъ, свѣжемъ, могучемъ народѣ, и эта самая быстрота движенія содѣйствовала къ поддержанію общества, дѣлая его способнымъ подчиняться спасительному вліянію ученія христіанскаго. Сильны были болѣзни въ неустроенномъ юномъ тѣлѣ; но, благодаря этой юности, сильны были и противодѣйствія болѣзнямъ, охранявшія тѣло отъ разрушенія: какъ сильны были нравственные безпорядки, какъ часты были насилія, также сильны были и подвиги нравственные лучшихъ людей, такъ же сильна была борьба ихъ съ страстями, съ требованіями матеріальной природы, такъ же велики лишенія, которымъ они подвергались во имя природы нравственной, чтобъ дать ей торжество надъ матеріальною. На вершину богатырю, гордому своею вещественною силою, безнаказанно дающему волю страстямъ своимъ, выходилъ другой богатырь, ополченный нравственною силою, величіемъ нравственнаго подвига, словомъ торжества духа надъ плотію, — выходилъ монахъ, и въ борьбѣ этихъ двухъ богатырей, юное общество было на сторонѣ втораго, ибо хорошо понимало, что его подвигъ выше, труднѣе, и этимъ сочувствіемъ заставляло перваго богатыря признавать себя побѣжденнымъ, снимать

свой желѣзный панцырь, и просить другаго болѣе почетнаго, — мантии монашеской. Таково было значеніе нашего древняго монашества, нашего древняго монастыря. Подлѣ городовъ, острожковъ, строившихся для защиты матеріальной, мы видимъ рядъ монастырей, этихъ твердынь, явившихся для нравственной охраны общества; то были свѣтлыя точки при тогдашнемъ мракѣ; къ нимъ обращались лучшіе люди за совѣтомъ, за подкрѣпленіемъ нравственнымъ; отсюда преимущественно исходили голоса, напоминавшіе о высшихъ, духовныхъ началахъ, которыми должно спасаться общество, отсюда исходила проповѣдь не словомъ только, но дѣломъ, слѣдовательно болѣе дѣйствительная, болѣе благотворная. И общество спаслось тѣмъ, что внимало этой проповѣди, и внимало неравнодушно: обитатели монастырей, умершіе для міра, были такъ живы, такъ исполнены святой ревности, что не могли допустить равнодушія къ тому, къ чему сами были неравнодушны; и общество было такъ юно, такъ свѣжо, сильно и живо, что не могло равнодушно внимать слову, оживленному дѣломъ; общество спаслось тѣмъ, что внимая проповѣди о лучшемъ, не ширилось со зломъ; при увлеченіи грубыми страстями, при паденіи, не терялось сознание о грѣховности паденія, о необходимости удовлетворить высшимъ требованіямъ, и это — то сознание и препятствовало обществу закоснѣть во злѣ, оно — то и двигало его впередъ, и давало возможность выхода въ бытъ лучшій. Эта юность древняго русскаго человѣка, какъ и вообще средневѣковаго Европейца, юность, уславливавшая быстрые переходы отъ зла къ добру, юность, стремительно увлекавшая ко злу, и потомъ дававшая силы загладить зло подвигами добра, при сознаніи о необходимости удовлетворить высшимъ нравственнымъ требованіямъ, эта юность даетъ историкѣ ключъ къ уразу-

мѣню характера дѣйствующихъ лицъ. Герой одной изъ старинныхъ народныхъ пѣсенъ, богатырь Василій Буслаевъ, предпринимаетъ путешествіе ко святымъ мѣстамъ, подвигъ, вовсе не соответствующій его прежнимъ подвигамъ, и при этомъ говоритъ: «Съ молодю много было бито, граблено, подь конецъ надобно душу спасти». Этотъ нашъ Василій Буслаевъ объясняетъ намъ не только характеръ древняго русскаго человѣка, но и характеръ средневѣковаго Европейца вообще: и на Западѣ рыцарь, славный съ молодю насиліями, вдругъ приходилъ въ сознание своей грѣховности и снѣшилъ спасти душу подвигомъ религіознымъ. И здѣсь, и тамъ—и на Востокъ, и на Западъ,—общество поддерживалось тѣмъ, что члены его имѣли способность, имѣли силу быстро переходить отъ зла къ добру; увлекаясь бурными страстями молодости ко злу, сохраняли при этомъ силу не мряться со зломъ, сохраняли способность покаянія—признакъ нравственнаго могущества, залогъ преуспѣянія; общество поддерживалось тѣмъ, что на всѣхъ его явленіяхъ лежала печать юности, которая уравновѣшивала силы нравственныя и матеріальныя: противъ сильной болѣзни выставлялось и сильное лекарство, подлѣ рыцаря или богатыря, представителя силы матеріальной, общество могло выставить монаха, представителя силы нравственной, подвижника духовнаго. Отсюда эти два образа, богатырь (или рыцарь) и монахъ, суть два господствующіе образа среднихъ вѣковъ. И понятно, что оба они часто соединяются въ одинъ, часто подъ мантіею инокъ мы подмѣчаемъ кольчугу богатыря; неудивительно намъ въ древнихъ русскихъ князьяхъ и богатыряхъ видѣть это стремленіе къ монашеству, это желаніе постригаться хотя передъ смертію; неудивительно читать въ сказаніи, что въ первыхъ рядахъ русскаго войска на Куликовомъ-полѣ бились два монаха; на

Западѣ же встрѣчаемъ военно-монашескіе ордена, въ которыхъ средніе вѣка такъ ясно отпечатлѣваются.

(Изъ статьи С. М. Соловьева: „Древняя Русь“. Рус. Вѣстн. 1856 г. кн. 1.)

112. Вліяніе христіанства на народъ русскій.

Христіанство застало нашихъ предковъ на низкой степени умственнаго и нравственнаго развитія. Какъ младенецъ, лежалъ славянинъ—язычникъ на лонѣ природы и не могъ оторваться отъ ея груди, отъ ея власти: его вѣрованія ограничивались обожаніемъ силъ и явленій видимаго міра; мифологія была бѣдна и не развита. Подъ вліяніемъ язычества, общественный бытъ отличался простотой патриархальной жизни со всѣми его неустройствами. Находясь въ такой порѣ духовнаго развитія, русскій человѣкъ ничего не могъ противопоставить сильнаго и зрѣлаго новой возвышенной религіи: его чувственное оружіе было такъ слабо, въ сравненіи съ этой духовной силой, что онъ оказался несостоятельнымъ и сдался послѣ непродолжительной борьбы. Военственный характеръ князя и дружины, содѣйствовавшихъ распространенію христіанства на Руси, помогъ привитію его къ народу мирнаго характера.

Сначала христіанская вѣра была мало понята для многихъ поколѣній древней Руси, жившихъ подъ вліяніемъ стариннаго воззрѣнія и языческихъ обычаевъ; но постепенно она стала прививаться къ народу своей виѣшней обрядовой стороною. Эту вѣру можно назвать *дѣтскою*, *поверхностною* (Римл. 10, 17). Принятая сердцемъ и утверждающаяся на словахъ другихъ, она обыкновенно выража-

ется въ движеніяхъ чувства и въ игрѣ воображенія. Въ человѣкѣ, преданномъ такой вѣрѣ, не можетъ быть ни сомнѣній, ни желанія испытать, изслѣдовать, поразмыслить о своихъ обычаяхъ и убѣжденіяхъ, о своихъ вѣрованіяхъ, привязанностяхъ и стремленіяхъ. Не доступны для него отвѣченныя истины, не нуждается онъ въ доказательствахъ: ему понятенъ только живой фактъ, наглядное явленіе и картина съ любимыми оттѣнками, чертами и красками, простой живописный языкъ. Образъ и дѣйствіе производятъ на него глубокое впечатлѣніе и предъ ними онъ расточаетъ знаки своей любви и преданности; только чрезъ посредство ихъ становится ему доступна истина и добро. Но онъ не въ состояніи дать понятія и отчета въ волнующихъ его религиозныхъ чувствахъ: онъ не уловимъ и не осязаемъ для его сознанія и разсудка, не привычнаго слѣдить за тонкими изгибами душевныхъ движеній. Повторяющіяся религиозныя впечатлѣнія, конечно, не остаются безъ слѣда на душѣ, если онъ искренни и глубоки; онъ воспринимаетъ христіанское чувство и дѣтскую вѣру. Высшими богослужебными принадлежностями и дѣйствіями церковь увлекаетъ неразвитаго человѣка и мало по малу затрогиваетъ его христіанскую любознательность, его умъ и стремленія, чтобы развить въ немъ самосознаніе и поднять на высшую степень духъ его.

Такое явленіе повторялось во всѣхъ неразвитыхъ обществахъ, такъ было и у нашихъ предковъ: прежде всего (и въ какой обстановкѣ или выраженіи вѣры) церковь стала дѣлать поворотъ въ жизни народа. Но не одинъ свѣтъ богопочтенія и богопочтенія вѣра Христова внесла въ темную жизнь нашихъ предковъ: принятая на родномъ языкѣ, превышающая всѣ временныя ей начала народной русской жизни, она сдѣлалась въ древнее время

главнымъ двигателемъ, одушевляющимъ всѣ почти отрасли жизни русскаго человѣка. Она условливала собою другой лучшей гражданскій бытъ, отличный отъ быта языческаго, и отвѣчала стремленію нашихъ предковъ къ сдѣланію порядка и устройству внутренняго быта. Старыя гражданскія отношенія потеряли свое значеніе и, отдѣльно взятая, не имѣли уже самостоятельной опоры; но вѣра православная, не подавляя народности, дала старымъ началамъ новый смыслъ и силу. Вѣсть съ вѣрою, перешли въ наше отечество изъ Византіи гражданскіе и общественные законы и стали мало по малу проникать въ составъ государства. Кормчею руководилась свѣтская власть въ судимыхъ приговорахъ. Церковь русская имѣла сильное и рѣшительное вліяніе на преобразование всего строя гражданской жизни и сообщала внутреннюю силу государству. Далеко развитое, во всѣхъ даже частныхъ отношеніяхъ, христіанство принесло готовые правила на всѣ частныя случаи, прямые отвѣты на всѣ запросы, прежде ихъ возникновенія и ощущенія, и постепенно стало проводить ихъ въ глубину частнаго и семейнаго быта. Такимъ образомъ, вѣра подчинила своему вліянію и водительство всякое духовное развитіе русскаго человѣка, лишившагося слабой опоры язычества, своимъ освященіемъ дала силу всѣмъ стихіямъ народной жизни и сдѣлалась основой народнаго взгляда и характера. И въ этомъ случаѣ церковь дѣйствовала на неразвитаго человѣка своей вышней дисциплиной и обрядовой стороной.

Храмъ являлся въ воззрѣніи на ширь предковъ, какъ живое лицо, исполненное лагодатнаго духа. Вліянію храма приписывали часто побѣду надъ врагомъ; ему предоставляли выборъ епископовъ по жребію и такой выборъ считался священнымъ и угоднымъ Богу и проч. Но кромѣ этого общаго священнаго значенія, храмъ

имѣлъ въ древности особенную силу. При отсутствіи способовъ просвѣщенія, онъ съ своимъ многозначительнымъ богослуженіемъ и изяществомъ былъ почти единственнымъ училищемъ истины и добра для нашихъ предковъ. Въ храмѣ они могли слышать ученіе вѣры и нравственности, въ чтеніи, пѣніи и живомъ словѣ пастырей, на понятномъ языкѣ; тамъ знакомились съ исторіею христіанства даже по священнымъ изображеніямъ. Красота церкви и богослуженія имѣла неотразимую прелесть для нихъ. Князь и народъ жаждали торжественной службы; «изъ окрестностей стекались смотрѣть на замѣчательныя церкви, и всякій возрастъ дивился; не токмо простцы, но и государь самодержецъ, святѣйшіи митрополитъ, преосв. архіепископъ и епископы, и князья, и сановники видяще превеликое созданіе церкви и многочудную подвигъ во истину мнящеса, яко на небеси стояти» (*Двор. л. 173*). Такъ наши предки получали христіанское назиданіе, питались духомъ церкви во внѣшнемъ его облаченіи непосредственнымъ чувствомъ и созерцаніемъ. Повелѣвая родителямъ посылать дѣтей во храмъ, христіанство этимъ дѣлало уже обязательнымъ нравственное воспитаніе молодаго поколѣнія. Конечно, это воспитаніе было безотчетно, какъ основанное на чувствѣ; но все таки храмъ, своимъ общимъ впечатлѣніемъ, возвышалъ духъ.

Въ русскомъ обществѣ, совершенно проникнутомъ началами вѣры, храмъ имѣлъ большое значеніе и въ гражданскомъ и въ житейскомъ быту. Во время преобладанія грубой силы и кичливости страстей юношескихъ, которыя неудержимо стремились наружу и требовали немедленнаго удовлетворенія,—храмъ представлялъ спасительное утѣжище отъ буйной толпы мятежниковъ (*1 Новг. 44. 65. II. Соф. 175*). При нападеніи внѣшнихъ враговъ, въ храмъ шли защищаться, и въ случаѣ опасности—считали счастьемъ принять тамъ

смерть отъ руки невѣрныхъ. Туда стремились имущество во время пожаровъ, въ надеждѣ защитить его крѣпкою постройкой отъ огня и обезпечить святыней мѣста отъ грабителей. При неустройствѣ законнаго порядка въ обществѣ и не зрѣлости законодательства, въ храмахъ соблюдалась важныя грамоты, заключавшія разнаго рода договоры, копіи съ заемныхъ писемъ и проч. Тамъ хранились законы вѣры и вѣсы. Въ оградѣ церковной часто производились судебныя разбирательства. Въ случаѣ голода или общаго несчастія, изъ церкви брали деньги. При переносѣхъ устраивались богадѣльни, въ которыхъ жили больные и бѣдные. Поэтому на всякій храмъ, особенно на главный, смотрѣли какъ на мать и кормилицу, которая насыщаетъ душу словомъ спасенія и правды, наполняетъ сердце высокимъ чувствомъ, питаетъ тѣло въ случаѣ нужды и крайности и защищаетъ въ несчастіяхъ и опасностяхъ. Великое устройство, освященіе, обновленіе и украшеніе храма было значительнымъ событіемъ въ жизни нашихъ предковъ, занимало въ высшей степени всѣхъ и каждого, сопровождалось высокою, единодушною радостію. Не напрасно лучшие люди стараго времени «велики болѣновала духомъ, зря подписаніемъ не украшеному церковь» и заботились день и ночь, не мадали ни силъ, ни трудовъ, ни средствъ на созданіе и украшеніе храмовъ. Это считалось величайшимъ подвигомъ и важнѣйшею заслугою.

По словамъ древнихъ памятниковъ, этимъ они «устроили себѣ память вѣчную и оставленіе грѣховъ и всѣмъ христіанамъ приближице, и радость и веселіе, и похвалу себѣ отъ людей». Все это живо рисуется, какъ глубоко дорожили предки наши святыней храма и какъ велико было его значеніе. «Аще кто къ святымъ приближнетъ церквамъ, тѣмъ велику пользу прииметъ души же и тѣлу», замѣчаетъ летописецъ.

Крестъ былъ святымъ символомъ лучшаго мирнаго порядка дѣлъ, въ противоположность образу меча, сила котораго одна имѣла вліяніе на устройство жизни простаго и грубаго язычника, и который служилъ признакомъ старой неудовлетворительной жизни. Ношеніе креста на груди отличало обновленнаго человека и вошло въ Россію во всеобщій обычай. Св. иконы, необходимыя принадлежности храма, были во всякое почти время предъ глазами христіанна въ домѣ и имѣли сильное вліяніе на улучшение семейнаго быта. При наклонѣ влѣдѣ и выходѣ, по-сѣдѣтвомъ дома ограждалъ себя крестнымъ знаменіемъ предъ иконою; каждый изъ членовъ семейства молился предъ нею утромъ и вечеромъ, предъ обѣдомъ и ужиномъ. Въ присутствіи св. иконъ, древній русскій человекъ считалъ безчестнымъ позволять себѣ какинъ-нибудь пренебрежительныя вольности (*Пол. XII в. 195*). Вместо старшихъ кудесниковъ, стали прибѣгать къ кресту и иконѣ съ молитвою въ надеждѣ получить помощь, въ случаѣ несчастія и болѣзни. Крестъ и икона служили вѣрною порукою въ обществѣ, во время недобѣренности другъ къ другу, призывались во свидѣтельство правоты дѣла и увѣренія были въ ихъ правотѣ судѣ и расправѣ надъ виновными и виновными; крестъ и икона были необходимыми спутниками странствующихъ, которые брали ихъ съ собою въ увѣренности, что они устроятъ счастливый и благополучный путь. Вѣра въ силу креста и надежда на его помощь до того были тверды въ русскемъ народѣ, что они вооружались крестомъ и выходили противъ страшныхъ татарскихъ полчищъ, съ цѣлю побѣдить ихъ. Божь семирійя, все это много сдерживало развитіе и обнаруженіе грубыхъ страстей и стародавннхъ привычекъ и вводило въ отношенія членовъ общества новое нравственное начало. Наконецъ потому, при заключеніи мира,

вставлялось, въ числѣ первыхъ условій, возвращеніе св. иконъ, и личныя неприятельствъ.

Крестные ходы совершались по случаю постигшихъ или грозящихъ народныхъ несчастій, съ цѣлью умилостивленія Бога. Въ минуты общаго бѣдствія, когда чезовѣкъ не ждалъ ни откула земной помощи, крестные ходы усмиряли страждущій духъ его, давая надежду на умилостивленіе и помощь небесную; они располагали къ покаянію и сокрушенію о грѣхахъ и не давали огрубѣть суровому сердцу и дойти до отчаянія и забвенія нравственныхъ обязанностей. Люди жестокосердые, которые рассчитывали воспользоваться общими несчастіемъ, для своихъ корыстныхъ выгодъ, напр. ростовщики во время голода, грабители во время пожара, крамоольники во время мятежа, — они тѣ унижались душою, встрѣчая въ священномъ обрядѣ строгое осужденіе своихъ дѣяній. Этими вліяніемъ крестные ходы, какъ и всѣ священныя церемоніи, благотворны были для неустроеннаго житейскаго быта народа. Торжественныя крестные ходы предпринимались послѣ побѣды, при освященіи храмовъ, при перенесеніи чудотворныхъ иконъ и св. мощей, или въ память прежнихъ благотворныхъ божіихъ и проч. Они соединяли христіанъ въ одномъ чувствѣ радости, какъ братьевъ, разливали въ души протиснутое оцоконное чувство любви и возбуждали высокую благодарность Подателю всякаго дара. Дума юная и свѣжая изучалась благоговѣть предъ Богомъ, не какъ предъ грознымъ владыкою, но и безвѣчно-милующимъ и любящимъ Отцемъ. И, въ обыкновенную пору, крестные ходы имѣли благо значеніе, отвлекая человека отъ малыхъ житейскихъ помысловъ; въ день назначенный для хода, прекращались торговля и другія мирскія занятія.

Тоже высокое значеніе имѣли праздничныя торжества. При оккупативнѣ дождѣ

рія другъ къ другу, при сильномъ стремленіи къ личнымъ исключительнымъ выгодамъ, праздничныя торжества наполняли душу одними общими стремленіями и чувствами, связывали тѣснѣе христіанское общество, поселяя миръ между его членами, и упрочивали общественную нравственность. Введеніемъ праздниковъ и срочнаго отдохновенія, установленъ порядокъ въ работѣ и сбереженіе народныхъ силъ. Праздники считали наши предки живую дѣйствующую силою: «Кто преступитъ крестъ, тотъ проклятъ 12 праздниками церковными» говоритъ іерархъ. Но это—то понятіе о праздникахъ и сопровождалось благотворнымъ вліяніемъ на народную жизнь. Въ первую пору принятія христіанства, торжества церковныя, замѣняя языческія празднества, пріучали народъ къ жизни и обычаямъ христіанскимъ. Съ этой стороны, имѣли большое значеніе и пиршества, которыми сопровождалась духовныя христіанскія торжества. Какъ служители алтара и распорядители общественного богослуженія, какъ орудія, чрезъ которыя Богъ изливаетъ свою благодатную силу и освященіе, какъ истолкователи воли божіей, выраженной во свящ. писаніи,—пастыри древней русской церкви, при господствѣ религіознаго направленія жизни, высоко стояли во взглядѣ нашихъ предковъ, и, при отсутствіи прочнаго государственнаго порядка, пользовались величайшимъ вліяніемъ и значеніемъ.

Составляя высшую, образованную часть народа, духовенство русское стояло во главѣ всякаго добраго движенія общественнаго. Не говоря уже о первыхъ правителяхъ христіанскихъ, когда въ душѣ новообращенныхъ разлито было горячее желаніе подчинить всѣ отношенія и дѣйствія началу религіи, даже по раздробленіи Руси, у каждаго князя было стремленіе водворить и утвердить христіанство въ своей области и по его предписаніямъ

преобразовать внутренній бытъ своихъ подданныхъ. Отсюда необходимая нужда въ помощи и вліяніи духовенства на народъ; отсюда участіе его въ дѣлахъ и бѣсѣдахъ о всѣхъ дѣлахъ государства; отсюда совѣты съ духовенствомъ объ устройствѣ лучшаго порядка общественнаго. Многие изъ князей повторяли своимъ дѣтямъ завѣщаніе равноапостольнаго Владиміра—болѣе всего слушать совѣты духовенства. И оно въ высшей степени оправдывало довѣріе къ нему правителей государства. Пастыри церкви не одними молитвами имѣли вліяніе на исходъ военныхъ предпріятій, — но, сообразно съ общою пользою, иногда побуждали и олушевляли князей и народъ—начинать и продолжать войну, содѣйствовали всѣми силами и зависящими отъ нихъ средствами благополучному ея окончанію, или заботились о мирѣ и противились бесполезнымъ предпріятіямъ. Неправыя дѣйствія самихъ князей вызывали, со стороны іерарховъ, то кроткія и слезныя моленія, то смѣлыя и сильныя обличенія, письменныя и словесныя; а иногда они пользовались правомъ отлученія отъ церкви,—и духовная сила торжествовала надъ матеріальною. Особенно благодѣтельное вліяніе ихъ обнаружилось въ княжескихъ спорахъ и междоусобицахъ, которыя они часто успѣвали погашать своимъ посредничествомъ и тѣмъ вносили благодатный миръ въ взволнованныя сердца и уменьшали страданія народа. На духовныхъ возлагались большою частію обязанности гражданскаго посольства, какъ на лицъ, пользовавшихся общимъ уваженіемъ и слѣдов. безопасныхъ въ этомъ дѣлѣ. И здѣсь они старались направить ходъ дѣла къ общему благу. Значительна также заслуга русскаго духовенства въ государственномъ отношеніи во время владычества Татаръ, которые обходились довольно милостиво съ пастырями церкви. Въ эту тяжелую пору, іерархи облегчали участь недоумѣвающего

правительства и убитого народа не однимъ словомъ утѣшенія и надежды, но принимали на себя трудъ ходатайства въ Ордѣ за народъ христіанскій, и въ это время особенно усилилось вліяніе духовенства. Нося въ себѣ сознаніе закона и правды, пастыри церкви дѣятельно заботились объ улучшеніи общественной нравственности. Они обращали вниманіе гражданскихъ правителей на современные имъ недостатки, для уничтоженія которыхъ необходимы были гражданскія средства. Градскія, торговля и всякія мѣрла, суды, извѣсты, ставила подлежади надзору духовныхъ лицъ. Завѣдывая сами правомъ суда во многихъ случаяхъ, они ослабляли необузданное корыстолюбіе и продажное правосудіе областныхъ правителей и другіе пороки. Народныя возмущенія, сопровождаемыя грабежами и принесившія такъ много горя народу, часто подавляемы были дѣятельными пастырями при первой вспышкѣ. Они старались смягчить грубое самоуправство народа и, въ случаѣ несправедливости и жестокости гражданскаго судебнаго приговора, считали своею обязанностию ходатайствовать за несчастнаго. Вообще, на этомъ поприщѣ, они старались, какъ новгородскій владыка Симеонъ, не словамъ лѣтписи: «управити своя дѣти и поучати словеса духовными, со всею кротостію, много обличеніемъ, мнѣ же запрещеніемъ укротати.»

Русское духовенство не усиливалось соединиться въ отдѣльно замкнутый, самостоятельный кругъ; оно, напротивъ, стояло во главѣ земства, входило въ непосредственную связь съ народомъ, старалось распространить въ средѣ его свѣтлыя понятія. Къ пастырямъ церкви обращался простой народъ, еще незнакомившійся съ первыми правилами нравственности, по принятіи христіанства, съ простодушными вопросами: «что ѣсть и пить? Какіе поклонны творить? Въ послѣдствіи онъ искалъ разрѣшенія у пастырей въ

затруднительныхъ случаяхъ и обстоятельствахъ, недоумѣніяхъ и сомнѣніяхъ; пастыри были единственными его руководителями на всѣхъ путяхъ жизни, защитниками и утѣшителями въ бѣдственныхъ минуты. Власть духовенства простиралась на семейную жизнь народа, на обычаи и привычки, и вездѣ оно поселяло миръ и мягкость, внося новыя начала въ самый домъ христіанина, при семейномъ горѣ и радости, во время праздничныхъ торжествъ, хотя эти начала прививались туго. Оно преслѣдовало вредныя остатки языческаго быта, напр. кровную месть, судебныя поединки, обычай многоженства и проч. На все это образованное духовенство смотрѣло съ негодованіемъ. Духовные были попечителями общины, заботились объ улучшеніи матеріальнаго быта своихъ пасомыхъ, дѣлали пожертвованія на городскія постройки, помогали несостоятельнымъ и т. п. Понятно, что народъ видѣлъ въ пастыряхъ церкви посланниковъ божіихъ, для умноженія его духовнаго сокровища и житейскаго благосостоянія. О благотворномъ вліяніи духовенства древніе памятники передаютъ нерѣдко дорогіе, хотя общіе, факты въ своихъ отзывкахъ объ извѣстныхъ лицахъ: «Князьмъ и боярамъ и всѣмъ вельможамъ былъ на успѣхъ; и все дивно, обидимымъ помогалъ, печальныхъ утѣшалъ, нищихъ милдовалъ... Былъ людямъ заступленіе, сиротамъ кормитель... Былъ обидимымъ помощникъ, вдовамъ заступникъ, избавляя отъ насильнаго, и сильныхъ не стыдился. Возлюбилъ житіе его бояре и люди приходили къ нему, поучаясь отъ него день и ночь, и многихъ утвердилъ и на разумъ истинный наставлялъ» замѣчается о многихъ пастыряхъ того времени.

О нихъ народъ часто могъ тоже сказать, что заключается въ плачѣ о Стефанѣ перискомъ: «теперь мы лишились добраго промышленника и ходатая, который Богу молился о спасеніи душъ на-

шить, а князю доносить ваши жалобы и проч. (См. выше № 102).

Монастырь, как притавище душъ высокихъ, которыя порывались въ область блаженнаго успокоенія отъ заботъ жизни, стремилась къ вѣчнымъ законамъ добра и правды, привлекалъ общее вниманіе нашихъ предковъ. Они смотрѣли на него съ глубокимъ уваженіемъ, какъ на мѣсто селенія славы божіей. Русскіе монахи не чуждались дѣятельности практической, которая способствовала развитію разумно-нравственной жизни народа. Они проповѣдали свѣтъ Христовой вѣры, по окрестнымъ областямъ, въ темное царство язычниковъ, съ самоотверженіемъ проповѣдывали слово божіе и, тяжелыми трудами и усиліями, достигали святой цѣли. Въ монастыряхъ сосредоточивалось духовное образованіе, списывались книги и иконы и распространялись въ народѣ. Тамъ занимались вопросами не о матеріальныхъ средствахъ къ выгодамъ, но о высокой цѣли и назначеніи жизни человѣческой, о трудномъ пути къ достиженію этой цѣли. Тамъ были люди образованные высоко, по своему времени, развитые болѣе другихъ; они всякому страннику и посетителю могли дать мудрый совѣтъ, полезный урокъ для жизни, разрѣшить затрудненіе въ известномъ случаѣ. Крѣпкая и живая бесѣда ихъ вѣзывалась въ памяти жаждущаго истины, стремленіе къ которой необходимо въ душѣ человѣческой, особенно въ душѣ свѣжей и воспріимчивой. Тамъ русскій человѣкъ могъ изучать уроки нравственные, въ самомъ приложеніи къ дѣлу, — что ему особенно дорого. Тамъ «отъ единого видѣнія толпою обычая устрасенію довольно преподавали зрящимъ пользу.» Въ мірѣ, болѣею частью, хотѣли жить и наслаждаться чужими трудами, старались насытить чувственныя страсти, руководились личными расчетами и пускали въ ходъ, для выполненія ихъ, неправду и насилие, об-

манъ и новарство. Въ монастырь, напротивъ, народъ видѣлъ добровольныя лишения, презрѣніе богатства, страшную борьбу съ желаніями, неумолимую строгость къ своему самолюбію, встрѣчалъ правый судъ и готовность къ самообвиненію предъ вѣчною истинною и безконечною благодатью. Взглядъ на эту чудную жизнь приводилъ въ изумленіе посетителей монастыря; а строгіе уроки, осуществляемые въ жизни, возбуждали къ возможному подражанію.

Монастырь привлекалъ всѣхъ: туда «собирались князи и вельможи и прочіе люди, за духовною пользою». Тамъ получали правители народа человеколюбивые совѣты, а часто и угрозы суждѣнъ божіихъ, въ случаѣ несправедливыхъ притязаній. Благочестивые инокъ русскіе были люди практическіе; они обращали свои взоры на міръ и тамъ старались укротить личные страсти и искоренить общественныя безпорядки, нерѣдко съ опасностію жизни. Монастыри служили центромъ торговли, правильнаго труда и распорядками цивилизаціи. Около монастырей скоро собирались жители; — и, такимъ образомъ, заселялось мѣсто пустынныхъ и безплодныхъ. На монастырскія земли никогда бѣжали крестьяне, отъ порабощающаго деспотизма, и находили тамъ живую льготную или защиту отъ неправды. Вообще, русскіе монахи были строгими хранителями и защитниками народныхъ интересовъ. Они принимали подъ свой убогій кровъ и не оставляли безъ участія гонимыхъ и страждущихъ всякаго рода. Въ монастырь находили пріютъ и отраду выходцы разныхъ областей; во время войнъ междуособныхъ и опустошеній вѣнскихъ враговъ, особенно когда Россія стонала подъ игомъ татарскимъ.

Грозившее бѣдствіе, при вѣсти о неприятеляхъ, заставляло прятать, за стѣнами монастырей, какъ въ надежномъ убѣжищѣ, все цѣнное и дорогое, — и монастырь нерѣдко превращался въ крѣ-

пость. Въ монастырскихъ житницахъ хранились запасы, благотѣльные во время неурожаи и голода, и въ обители толпами стекались нуждающіеся, которыхъ иногда до 1000 въ день кормили; бѣдные никогда не получали здѣсь отказа въ пищу и одежду, а больные—во врачевномъ пособіи. Устройство монастырей было великимъ благотѣніемъ, считалось дѣломъ спасительнымъ, сопровождалось душевною радостію создавшихъ ихъ и на эту радость отзывались всѣ.

Конечно, народъ смотрѣлъ на всю эту обрядовую сторону, мало сознавая ея значеніе; но все-таки она имѣла на него образовательное вліяніе.

Высокое благоговѣніе къ предметамъ обрядоваго богослуженія усиливалось отъ ихъ значенія, такъ сказать историческаго. Со многими изъ нихъ неразрывно связано было воспоминаніе великихъ событій отечества. Приписывая обнаруженіе всякаго событія непосредственному вліянію божества, предки наши смотрѣли на храмы, какъ на живыхъ, хотя безмолвныхъ, свидѣтелей небесной милости, оказанной русскому народу. Ихъ строили по обѣту, въ чувствахъ общей народной радости, въ благодарность за избавленіе отъ грозившихъ бѣдствій, или въ память христіанскихъ подвиговъ въ войнѣ съ невѣрными. Храмы были для нашихъ предковъ и величественными памятниками грознаго гнѣва господня, посѣщавшаго непослушныхъ сыновъ своихъ: ихъ воздвигали какъ умилостивительныя жертвы, въ народныхъ бѣдствіяхъ, въ отвращеніе морової язвы, голода, землетрясенія и болѣзней.

Есть еще одна сторона въ священныя предметы, болѣе всего усиливавшая народное благоговѣніе къ нимъ. Это явное обнаруженіе чрезъ нихъ чудодѣйственной силы. Эта сила обнаруживалась именно въ томъ, что особенно любилъ, на что преимущественно взиралъ, съ священнымъ восторгомъ, русскій человѣкъ. Чудеса со-

вершались, болѣею частію, въ храмахъ и монастыряхъ, отъ иконъ Богородицы, какъ особенной заступницы и ходатаицы за Русь православную, и святителя Николая, который пользовался особеннымъ благоговѣніемъ русскаго народа.

Эта крѣпкая вѣра въ чудесныя явленія спасала юное и неустроенное общество христіанъ. Явное покровительство неба добрымъ и страдальцамъ за правду и открыто—чудесное неблаговоленіе къ злымъ поразительно дѣйствовали на *грубаго* человѣка и побуждали его держать сторону первыхъ. Легко себѣ представить, какъ поражали чудесныя явленія простую душу древняго человѣка и какъ онъ повергался въ прахъ предъ ними, ощущая свое недостоинство.

Во время замѣчательныхъ событій, и особенно при видѣ необыкновенныхъ явленій природы, когда сильно возбуждено чувство и настроено воображеніе, болѣе всего появлялось фантастическихъ разсказовъ, и всѣ они проницаны релігиознымъ характеромъ. Вліяніе ихъ на народъ было неотразимо.

Эти разказы въ свою пору съ быстротою перелетали изъ устъ въ уста, возбуждали изумленіе и восторгъ, оставляли въ душѣ каждаго незабываемый слѣдъ; слезы радости, или глубокаго сокрушенія о грѣхахъ, лились изъ глазъ, и человѣкъ ожидалъ событія, которое, по его мнѣнію, предназначено къ известнымъ явленіемъ.

Начала вѣры, нравственныя силы, внесенныя ею въ общество, основанныя на преданіяхъ и обычаяхъ минувшаго, не давали спокойно и сзодовольно примириться съ застоємъ жизни и подвигали юное общество впередъ на пути развитія. При неодолимомъ и необузданномъ стремленіи къ матеріальной жизни, сопротивленіе и противоудѣйствіе этому влеченію представлялось страшнымъ подвигомъ, поражало всѣхъ и каждаго.

Умирщленіе плоти особенно нужно было въ то время для людей грубыхъ, которыхъ только могли обуздывать и смягчать чувственными средствами. Постъ уравнивалъ и богача сластолюбца и бѣдняка въ качествахъ пищи. Сознавая силу и необходимость поста, пастыри древней церкви строго преслѣдовали, кто ѣсть мясо въ великое говѣніе и прямо высказывали основаніе: «Рать въ мясо есть многа и противится плоть духови и духъ плоти. Потребно убо есть по истинѣ быліе постное: то бо кротитъ тѣлесныя страсти, то обуздываетъ противныя стремленія и духови даетъ тѣлесное покореніе... Постъ основаніе есть добродѣтели; того ради во всемъ мірѣ, яко же солнце во всемъ есть».

«Пощеніе очищаетъ душу и тѣло, и ангелы равнѣ сътворяетъ и на небо возводитъ». Всенѣбное господство и разгулъ личнымъ страстямъ стремленіе къ исключительному доминанству мірскихъ, вызывали экономическіе труды въ аскетизмъ ради спасенія души, нѣтешность во св. ибстанцѣ, конкуренціе тѣла и т. п.

При частыхъ дракахъ и неурядицъ, разрываній мѣръ, состраженіи къ бѣднымъ, милосердіи и широты считается одно изъ величайшихъ добродѣтелей въ отношеніи къ ближнимъ: равночестивымъ классамъ, во славянъ исторіи, милостивое рахмилствѣ всѣ грѣши. «Духовна и славила милостивостя ошаваетъ всѣ прегрѣшенія отъ насъ в себѣ, ахъ прота отвораетъ, и ахътѣ бжжю на протачъ и на милостъ протвораетъ: милостивы безъ грѣха на воюса выводитъ в св. равночестивыи и протаво бжжю выставитъ». Вѣдѣно, гдѣ великаго милосердія, вытупитъ на вероуи бжжю въ пречистѣ времѣ.

Особенно откровенными были для древняго русскаго общества различія порочныхъ и добрыхъ и бѣдствіи экономическія, въ то время люди привыкли и жить въ странной сѣтѣ и обращаться въ мнѣ-

лню. Древній писатель замѣчаетъ: «Большая нужда и злая скорбь устрашаетъ и приводитъ человека къ вѣрѣ». Эти слова глубокоистинны въ отношеніи къ древнему русскому человеку. Что могло смирить буйную волю, какъ не мысль о наказаніи? Дикій произволъ и наглые нарушенія утихали предъ мыслью о странномъ судѣ. Страхъ, трепеть и внѣшняя сила обуздывали человека и заставляли на сознанный и бессильный законъ. Доселѣ сохранилась пословица: «грохъ не граниеть, мужикъ не перекрестится».

(Духъ Христіанина 1861, окт. и ноябр. кн.)

113. Государственно значимъ православіи.

Западно-русскіе переселенцы были уже христіанами, когда перешли въ новую родину, и перенесли на сибирскую почву церковное восточнаго исповѣданія, со всѣми ея учрежденіями. Не смотря на то, что политическое нерасходженіе уверно держалось между казахами, даже до послѣднихъ временъ. — исповѣданіе христіанства стало отличительнымъ изъ казаханствѣ посредствомъ вытѣсненія туземнаго и на долго заимствованнаго казахности (древнеисламизма — крестованства). Русскій и православный, въ казаханствѣ исповѣданіи, одно и то же: православный, хотя бы и не русскій по происхожденію, все — такъ считается русскій, казаханствѣ русскій, но не православной вѣры, не признается за русскаго. И такъ, въ Западнороссіи христіанство вѣры восточнаго исповѣданія стало казаханствѣ казаханствѣ: казаханствѣ исповѣданіи. Отнѣтъ объясняется огромное политическое значеніе православія въ Западнороссіи: въ западной Россіи оно получило ея политическое, имѣло величайшее вѣрѣніе съ русскими казаханстванствѣ. Хотя, такія казаханствѣ, они играютъ великую роль въ казаханствѣ русскаго казаханствѣ,

однако характеръ его, на западѣ и востокѣ, былъ весьма различенъ, на что, какъ намъ кажется, не обращено еще должнаго вниманія... Христианство принимается внѣшнимъ или внутреннимъ образомъ, смотря по степени культуры; въ ней, а не въ православіи, должно искать причины различнаго характера, который оно долго имѣло въ восточной и западной Россіи. Пока языческое міросозерцаніе не было вполне отжито Великороссіянами, до тѣхъ поръ они не были въ состояніи усвоить духовное содержаніе христіанства и останавливались преимущественно на его внѣшней, обрядовой сторонѣ, приравляя христіанское ученіе и истины къ своимъ полуязыческимъ представленіямъ и вѣрованіямъ. Задержанные въ своемъ развитіи на новой почвѣ, западно-русскіе поселенцы, естественно гораздо поздне стали доступны внутренней, духовной сторонѣ православія, чѣмъ ихъ братья въ первоначальной родинѣ... Въ западной Россіи развитіе продолжалось на томъ же корню, на которомъ началось, и потому культура была сравнительно выше; вотъ почему и православіе воспринималось здѣсь болѣе и болѣе духовно, что и дало западной Россіи силу бороться съ римскимъ католичествомъ духовнымъ оружіемъ.

Въ Великороссіи православіе, соответствующее ея степени культуры, получило характеръ государственнаго и политическаго учрежденія, подъ покровомъ котораго окрѣпло и выработалось національное сознаніе. Не понимая этого, нельзя понять русской исторіи. А между тѣмъ, еще не такъ давно, люди высокаго образованія, извращая вопросъ, думали, что православіе, отдѣливъ насъ отъ остальнаго образованнаго европейскаго міра, задержало наше развитіе и было главной, если не единственной, причиной нашей видимой отсталости въ культурѣ отъ прочихъ народовъ. На самомъ же дѣлѣ оказывается, что мы сильно отстали въ культурѣ отъ

Европы потому, что жизнь Великороссіи началась съ азбуки, съ самой первой ступени осѣдлаго быта, едва ли ранѣ XII в., при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ, въ какихъ когда-либо находился другой народъ. Не православіе заражено формализмомъ, а мы восприняли его преимущественно съ формальной, внѣшней, обрядовой стороны, п. ч., по степени развитія, были неспособны подняться до внутреннего, духовнаго содержанія христіанства. И при всемъ томъ, православіе оказало Россіи не исчислимыя услуги. Благодаря ему, мы сохраняли сознаніе національнаго единства и не сдѣлались добычей другихъ христіанскихъ народовъ, опередившихъ насъ въ образованности. Православіе дало возможность, въ тиши и уединеніи, сложиться и окрѣпнуть славянскому зародышу, заброшенному въ дебри и пустыни, на край свѣта; оно хранило его и оберегало, до тѣхъ поръ, пока изъ этого слабаго зачатка образовалось могучее политическое тѣло, которому не страшны стали внѣшнія борьбы и бури. Будь мы съ самаго начала колонизаціи римскими католиками, или сдѣлались ими вскорѣ послѣ водворенія на новой почвѣ, мы были бы, роковымъ образомъ, втянуты въ кругъ западно-европейскаго развитія, которое, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, дѣйствовало разлагающимъ образомъ на всѣ славянскія племена, которыхъ коснулось. Последняго термина этой послышки мы не знаемъ: онъ еще впереди. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что славянскія племена не могутъ развиваться, не усвоивши себѣ плодовъ высшей, европейской культуры; но вопросъ во все не въ этомъ, а въ томъ, когда, на какой ступени развитія, они могутъ принимать въ себя европейскій элементъ, не теряя своей политической и народной самостоятельности; на это исторія отвѣчаетъ очень категорически, привѣромъ Россіи и прочихъ славянскихъ государствъ и народовъ.

Православіе замѣнило намъ въ началѣ сознаніе народности. Отсюда тогдашній государственный и политическій характеръ нашей церкви. Сперва одна она и представляла наше народное единство; церковное единеніе задолго предшествовало государственному, и въ теченіе столѣтій подготавлило его. Перевзды митрополитовъ изъ Кіева во Владиміръ, а отсюда въ Москву, были столько же государственными, сколько церковными событіями, даже болѣе государственными, чѣмъ церковными. Алексѣй и-тъ навлекаетъ на себя сѣтованія патріарха за то, что держитъ сторону московскаго князя, въ распряхъ его съ удѣльными. Церковь стоитъ во главѣ народныхъ войнъ противъ Татаръ, благословляетъ на подвигъ Дмитрія Донскаго, склоняетъ колеблющагося Ивана III. Во всѣхъ важнѣйшихъ политическихъ событіяхъ, рѣшавшихъ судьбы нарождающагося государства, церковь играетъ первую роль; она его векормила, выходила, и передала на руки свѣтской государственной власти, когда процессъ образованія политическаго тѣла уже совершился. Не понимая этого высокаго призванія въ судьбахъ Великороссіи, призванія, опредѣлившагося составными стихіями послѣдней,—нельзя понять характера нашей церкви въ древнѣйшую эпоху великорусской исторіи... Церкви приходилось бороться не съ злою волей, или развращеннымъ умомъ, а съ грубѣйшими языческими нравами; съ дикими предрасудками, съ первобытнымъ реализмомъ, при которомъ люди приближались къ звѣрямъ и безсловеснымъ... Ииѣя дѣло съ такой средой, церковь должна была вооружиться не проповѣдью, не поученіемъ,

а внѣшней дисциплиной, чтобъ сперва, хоть наружно, приблизить этихъ людей къ образу и подобию Божію.

(Мысли и замѣтки о рус. ист.
К. Д. Кавелина. Вѣст. Евр. 1866,
II, VI, 351—4, 358—9).

Указатель сочиненій и статей: — Общ. обществ. знач. Христ. Церкви и ея учрежд. на Рус. Н. Д. Бѣлкова. Ж. Мин. Н. Пр. 1856, № 7. Взглядъ на состояніе духовенства древ. Руси. С. М. Соловьева. Чт. Общ. 1846—7, кн. 6. Каведра великоновгор. святительская въ историч. знач. А. Томиллина 1851. О распространеніи православія между Монгол., Литовц. и жителями Біармии. Христ. Чт. 1859, № 6. Отнош. древнерус. общества къ церкв. Вѣстн. Юго-Зап. Рос. 1863 № 11 и 12. Зоботливость паствы объ-улучшеніи народа. жизни въ Россіи. Руквод. для сельск. паствы 1860, № 29. 235. О значеніи отечественной церкви. Ж. Мин. Н. Пр. ч. LVIII, VI, 339. О способахъ духов. просв. древ. Рос. Правосл. Собес. 1858. I, 87. Соудѣствіе рос. монастырей просвѣщенію древ. Рос. Тамъ же 183. О вѣрѣ въ народ. просвѣщеніи Россіи. Тамъ же 1859. I, 77. Просвѣтит. значеніе вѣры для рус. народа. Тамъ же 1858. I, 87. 262. 1859. I, 77. Голосъ древ. рус. церкви объ улучшеніи быта несвободныхъ людей. А. Шапова. Тамъ же, 1859. I, 40. Попезеніе отечества. церква о внутрен. благоустройствѣ гражд. общества. Тамъ же 1861. I, 77. 173. Исторія рус. монашества. П. Казанскаго. и. 1855. Пол. историч. собр. свѣдѣній о мон. А. Ратинна. 1852. Словарь историч. о святыхъ рус. Спб. 1862. Русскіе святые, чтимые всего церковію или мѣстно. Архiep. Филарета. Черниговъ. 1861—2. Біографіи первыхъ десяти Новгород. епископовъ. Тихомирова. Новг. 1862. Біографіи Тверскихъ іерарховъ. Чердышева. Тверь. 1859. Очеркъ изъ исторіи рос. церк. іерархія. Г. Картова. М. 1865. Историч. свѣд. о судьбѣ правосл. церкви въ Минс. епар. Архим. Николая. Спб. 1864. Христіанство въ Ливоніи. Московит. 1843. VII, 85. Ист. правосл. цер. въ Финляндіи и Эстляндіи. Чисточина. Спб. 1856. Призрвіе на Русь. Лешкова. Рус. нар. и госуд. 587—92. О началѣ богадѣльнъ и о бытѣ нищихъ въ Москвѣ. П. М. Снегирова. Литер. вечеръ. М. 1844. О скудельницахъ или убогихъ домахъ въ Россіи Историч. Сборн. общ. ист. III, кн. 1, 235.

IV. УПРАВЛЕНІЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

1) ВЛАСТЬ ДУХОВНАЯ.

А. ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННЫЕ.

114. О Латинахъ.

Не преимай ученья отъ Латынь (¹), ихъ же ученье развращено: влѣзше бо въ церковь, не поклонятся иконамъ, но стоя поклонятся, и поклонився напишеть крестъ на земли и цѣлуеть, вставъ простъ (прямо) станеть на немъ ногами; да легъ цѣлуеть, а вставъ попираеть. Сего бо апостоли не предаша, предали бо суть апостоли крестъ поставленъ цѣловать, и иконы предаша. Лука бо еуангелистъ первое напсавъ посла въ Римъ, якоже глаголетъ Василиій; икона на первый образъ приходитъ. Паки же и землю глаголють матерію. Да аще имъ есть земля мати, то отецъ имъ есть небо, неconi бо створи Богъ небо, таже землю; тако глаголють: »Отче нашъ, иже еси на небеси.« Аще ли по сихъ разуму (по ихъ разсужденью) земля есть мати, то по что плачете на матеръ свою, да сѣмо ѿ лобзаете, и паки оскверняете? Саго же

(¹) Такъ передавали Греки вмѣстѣ съ символомъ вѣры св. Владиіуру въ 988 г.

преже Римляне не твораху, но исправляху на всѣхъ сборѣхъ, сходящеса отъ Рима и отъ всѣхъ престолѣ. На первомъ бо сборѣ, еже на Арѣя въ Никѣи, отъ Рима Силвестръ посла епископы и презвутеры, отъ Олександрѣя Осонаси, отъ Царягорода Митрефанъ посла епископы отъ себе; тако исправляху вѣру... (Далѣе слѣдуетъ перечень посланныхъ представителей на остальные шесть вселенскихъ соборовъ).

И си вси съ своими епископы сходящеса исправляху. По семъ же сборѣ Петръ Гугнивый со иными шедъ въ Римъ и престолъ възхвятивъ, и разврати вѣру, отвергся отъ престола Ярусалииска, и Олександрьскаго, Царяграда и Онтіахійскаго. Взмутиша Италію всю, сѣюще ученье свое разно: ови бо попове единою женою оженѣвса служить, а друзи до семые жены поимаючи служить, ихъ же блюстися ученья: працають же грѣхи на дару, еже есть злѣе всего. Богъ да схранить тя отъ сего.

(Давр. 49—50).

115. Слово св. Феодосія, игумена Иччерьскаго монастыря о вѣрѣ крестыаньской і о латыньской (1).

Господи благослови. Слово ми есть к тобѣ, княже боголюбивый! Азъ Феодосъ, худый робъ пресв. Троица, Отца и Сына и св. Духа, въ чистѣи и вправовѣрнѣи вѣре роженъ, и воспитанъ в добрѣи наказанья правовѣрнымъ отцемъ и матерью, наказывающе ми добру закону, вѣрѣ же латыньстей не прелучаѣтеса, ни обѣчая ихъ держати, і комканья ихъ бѣгати, і всякого ученья ихъ бѣгати, і норова (*нрава*) ихъ гнушатися, и блюсти своіхъ дочереі не давати за нихъ, ни у нихъ поимати, ни брататися, ни поклонитися, ни цѣловати его, ни с нимъ изъ единого судна (*чашики*) ясти, ни пити, ни брашна ихъ приймати. Тѣмже пакы у насъ просящимъ Бога ради ясти и пити дати имъ, но въ ихъ судѣхъ; аще ли не будетъ у нихъ судна, въ своемъ дати; потомъ нзымыши, дати молитву: занеже не право вѣрують, і не чисто живутъ: ядятъ со псы и с кошками, і пьютъ бо свой сець; ядятъ же лвы і дикіе кони, і ослы, и удавленнику, і мертвечину, і иѣдвѣдину, і бобровину, і хвостъ бобровъ, і въ говѣнье ядятъ мяса, пушающе в воду; а 5-ю недѣлю поста во вторникъ черньци ихъ ядятъ лой (*жирь, сало*) і въ субботу постятся, і постившеса вечеръ ядятъ молока и яца. А согрѣшають,—не отъ Бога просятъ прощенья, но прощаютъ понове ихъ на дару (*за подарки*). А понове ихъ не женятся законною женитвою, но с робами дѣти добываютъ, и служатъ невозбранно; а пис-

(1) Посланіе написано 1074 г. къ в. к. Изяславу, который два раза искалъ помощи въ Польшѣ, имѣлъ сношенія съ Латышами, приволилъ оттуда польское войско на Русь, — и для успокоенія совѣсти и разрѣшенія недомыслия самъ князь обратился къ Феодосію съ вопросами о вѣрѣ Варяжской.

купи ихъ наложницы держать, і на войну ходять, і *оплаткомъ* (1) служатъ. Іконъ не цѣлуютъ, ни мощей святыхъ; а крестъ цѣлуютъ написавши на земли и вѣставше поширають его ногами, а рудѣ подонъ подложивше; женяще же ся у нихъ, поимають двѣ сестрѣ; а крещаются во едино погруженье, а мы въ три; мы жъ крещаящеса нажемса мвромъ і масломъ, а они соль сыплютъ крещаемому в ротъ; имя же не нарицають святаго, но кого како прозовуть родители, в то имя крестятъ. А глаголють Духа св. исходяща отъ Отца и отъ Сына. Іна многа злая дѣла суть у нихъ; развращеная погибель полная вѣра ихъ. Его же ни Жидове творять, то они творять. Много же и в Савьску (*Савеллианскую*) ересь вступлють. Мнѣ же рече отецъ мой: ты же, чадо, блюди ся кривовѣрныхъ, і всѣхъ ихъ словесъ, занеже исполнилася і наша земля злыя тоя вѣры (2); да кто спасая спасеть душу свою, въ правовѣрнѣи вѣре живучи. Нѣсть бо иноя вѣры лучше нашей, яко же наша чиста и свята си вѣра правовѣрная. Сею бо вѣрою живущи грѣховъ набыти і муки вѣчныя гознути (*освободитъ*), но жизни вѣчныя причастнику быти і бесъ конца со святыми радоватися; а сущему въ иноі вѣрѣ или въ латыньстѣи, или въ арменьстѣи (3), нѣсть видѣти имъ жизни вѣчныя. Не подобаетъ же, чадо, хвалити чужее вѣры. Аще хвалитъ хто чужю вѣру, то обрѣтается свою вѣру хуля. Аще ли начнетъ непрестанно хвалити и свою, і чужю, то обрѣтается таковыи лвоевѣрецъ,—близъ есть ереси. Ты

(1) Католическое причастіе приготовляемое въ видѣ благо-тоннаго праника.

(2) Вѣроятно, Феодосій намекаетъ на то, что Изяславъ позволилъ польскимъ войскамъ пожинаться на счетъ Русскихъ и побѣдители старались склонять въ католическую вѣру.

(3) Армяне исповѣдуютъ православную вѣру съ ничтожными отступленіями въ обрядахъ церковныхъ.

же, чадо, блюди ся ихъ, и свою вѣру не престанно хвали. Ни свойся к нимъ; но бѣгай ихъ, и подвизаіся въ своей вѣрѣ добрыми дѣлы; милостынею милуі не токмо своя вѣры, но и чужья. Аще ли видиши вага, или голодна, или зимою или бѣдою одержима: аще ли ти будетъ живиити, или Срацинъ, или Болгаринъ ⁽¹⁾, или еретикъ, или латинянинъ, или ото всѣхъ поганыхъ,—всякого помилуі, и отъ бѣды избави ѱ, яже можеши,—и мзды отъ Бога не лишень будеши. Богъ бо и самъ нынѣ поганья набдитъ, яко же и крестьяны. Поганымъ же иновѣрцемъ в семъ вѣцѣ попеченье отъ Бога, а в будущей же чюжи будутъ добрыя дѣтели; мы же, живуще въ правовѣрнѣи вѣрѣ, здѣ есмь набдими Богомъ, а въ будущемъ вѣцѣ спасаеми Господомъ нашимъ Исусъ Христомъ ⁽²⁾. Рече же ми отецъ мой: чадо, аще ти ся случити умрети по святѣи сеі вѣрѣ і Господа ради, то умри съ дерзновенемъ за вѣру христову: святѣи бо по вѣрѣ умроша, да живи суть о Христѣ. Ты же, чадо, аще узриши нѣкія иновѣрныя с вѣрнымъ прю (*распрю, споръ*) дѣющы, лестью хотяща отвести отъ правыя вѣры, ты же вѣдая не скрый въ собѣ, но помози правовѣрнымъ; аще имъ поможети, то яко овча избавиши отъ усть львовыхъ, аще ли умолчиши, то, яко отъ ешь у Христа, предаеши ихъ сотоу. Аще ти речеть прець (*спорщикъ*): сию вѣру і ону Богъ далъ есть, ты же, чадо, рцы: то ты кривовѣренъ, мниши Бога двоевѣра, то не слышиши ли, окаяние, развращене злыя вѣры? Писанье глаголетъ: единъ Богъ, едина вѣра, едино крещенье,—рече Господъ: тако бо лѣпо есть намъ іскон-

⁽¹⁾ Болгары держали магометанскую вѣру. См. Испытаніе вѣры в. кн. Владиміромъ.

⁽²⁾ Это внушеніе преп. Θεοδοσία, чтобы помозати всякому иновѣрцу въ бѣдѣ, дашетъ высокія христіанскыя чувства.

чати всю правду; да се все исполнитъ, толи вознесеса, і ученики посла на проповѣданье. Ты же по проповѣданью апостольскому толико лѣтъ державъ правую вѣру, совратился еси на зловѣрье по наученью сотоинну. Не слышите ли апостола Павла глаголюща: »аще ангель пришедъ съ небесе благовѣститъ вамъ, а не якоже мы благовѣстихомъ, да буди проклятъ? Вы же отринувше проповѣданье апостольское и св. отецъ исправленье, і приясте неправду і вѣру развращену, полну многыя погибели; того ради отъ насъ бысте отвержени, того ради имъ с вами недостоино сужитъя принмати, ни къ божественнымъ тайнамъ обще пристуизти,—ни имъ к нашеі, ни намъ къ ихъ: зане мертвымъ тѣломъ служите, мертва Бога призывающа. А мы служимъ живымъ тѣломъ, самаго Господа жива видящи, одесную отца сядяща: и паки придетъ судити живымъ и мертвымъ. Вы же есте мертви, мерту жертву здѣваете: а мы живу Богу живу жертву приносимъ, чисту, непорочну, і животь вѣчный обрѣсти. Тако бо писано: »воздасться комуждо по дѣломъ его», о Христѣ Исусѣ, о Господѣ нашемъ, Ему же слава. Аминь».

(Прав. Собес. 1865 г. кн. 8. Ист. Христ. Бусл. 1861 г. 518).

Въ этомъ посланіи въ числѣ обвиненій на Латинъ находится такія, которыя могли относиться къ частнымъ лицамъ, а не ко всей латинской церкви, или нима и со всѣмъ не вѣрны. Пр. Θεοδοсій о заблужденіяхъ Латинъ судилъ по рассказамъ другихъ и по греческимъ писаніямъ, въ которыхъ тогда много неблазнь изводили на Латинъ. (Въ посл. конст. патріарха *Мис. Керулларія* къ Петру антиох. патріарху. Сбора. Соловец. № 856, л. 160. № 930 л. 144. См. *Котелерія*; *Eccl. graecae monum.* 135—145. 581—584). Точно также и папскіе послы обвиняли Грековъ во всевозможныхъ ересяхъ и расколахъ.

Посл. м-та Льва объ-опрѣсновахъ. Времен. V. мат. 1—18. Стязанье съ Латинюю м-та Георгія 1075 г. Ист. Рус. Ц. *Макарія*, II. пр. 231.

270—284, стр. 140—154. 297—320. Посл. Иоанна II (1080—1088) къ папѣ Клименту III. Уч. Зап. Акад. III. 4—20. Пам. XII в. 205. Здѣсь оно напечатано съ ошибками, что видно изъ латинскаго текста, переданнаго Герберштейномъ. *О мѣть Иоаннь см. Пол. Сбор. соч. Неволгина. VI, 635.* Посл. м-та Никлеора къ Владиславу Мономаху до 1121. Христом. Буслаяна 1864, 901—7.

Противъ латинскихъ обычаевъ находится замѣчаніе въ «Житіи Антонія Римлянина», а въ «Сказаніи о Домонте» рѣзко выражается презрительный взглядъ на всѣхъ иновѣрцевъ.

При чтеніи этихъ памятниковъ слѣдуетъ за отличіемъ римско-католической церковной администраціи и дисциплины сравнительно съ греко-восточной церковью и выяснять особенности направленія той и другой церкви.

116. Избраніе Владыки 1193.

Преставился Гаврила архиепископъ новгородскій, м. маія въ 24, на святаго Смена, иже на Дивнѣи горѣ, и положенъ бысть въ притворѣ св. Софія, посторонѣ брата, нареченаго въ чирнецствѣ Григоріи. И посемь Новгородци съ княземъ Ярославомъ, и съ игумены и съ Софьяны и съ поны гадаша промежу себе, сіи хотяху поставити Митрофана, а нини Мартурія, а друзи Гричина; и бысть расправа въ нихъ. И положиша на святѣи трапезѣ три жребія, и послаша съ вѣча слѣпца, да, «коего намъ Богъ дастъ,» — и выняся божіею благодатію Мартурія, и послаша по него, и абіе привезоша его изъ Русь и посадиша во дворѣ св. Софія. И послаша о немъ къ митрополиту, глаголюще: «постави намъ владыку,» — и приѣха по него съ великою честію; и иде съ предними (знатными) мужи, и приітрополить, и поставиша ѣ декабра 10, на память св. Мины и Ермогена. И приіде въ Новгородъ генваря въ 16, на спаденіе веригамаъ св. Петра.

(1. Ном. 21).

117. Посланіе св. Смена къ Черноризцу Поликарпу ок. 1225.

Брате, съди въ безмолвіи, събери умъ свой и рци къ себѣ: человекче! Нѣси ли міра оставилъ еси и поплоти родитель, аще же и здѣ пришедъ на спасеніе, а не духовная творишь; что ради (за чьмъ) въ чернеческое имя облжся (облекся) еси? А не избавятъ тебе муки черныя ризы. Се виждь, яко блажнѣи (величаемъ) еси здѣ отъ князь и отъ бояръ и отъ всѣхъ другъ твоимъ, глаголють бо: «блаженъ естъ, яко възненавидѣлъ естъ міра и славы его, уже не печется ничимъ же земнымъ, небесныхъ желая.» Ты же не мнишески живещи. Великъ студи (стыди) обдержити мя тебе ради: аще же блажаще ны здѣ варяють ны (считающе насъ здѣсь блаженными предварятъ насъ) въ царство небесное, и они въ покон обрацуются, мы же мучимы горько възоемъ; и кто помилуеть тя, самому себѣ погубившу?

Въспряни, брате, въспряни и полечи ся о своей души, работой господези съ страхомъ и съ всякою смиренною мудростію. Да не днесь кротокъ, утро лрѣ и золь; емаль молчаніе и паки романтие на своего игумена и на того служители. Не буди лжисъ, виною тѣлесною (подъ предлогомъ болъзи) сбора церковнаго не отлучайся; яко же бо дождь раститъ сѣмя, тако и церквн влечетъ душу на добрыя дѣла: все бо, елико твориши въ келіи, нивъчтоже суть, аще и псалтирь чтеши или обанадесять (12) псалма поеши, ни единому Господи помилуй подобится (несравнится) съборному пѣвію. О семъ, брате, разумѣй, яко верховный апостоль Петръ, самъ церкви сынъ Бога жива, огда ятъ (взятъ) бысть отъ Ирода и всаженъ въ темницу, не отъ церкви ли бывающа

тва избави отъ руку Иродову?...
въмъ тексты св. Писанія: псал.
4; Матѣ. 21, 31; 18, 20).

аще толикъ сборъ болѣ ста себе-
 1, вѣруй, яко ту есть Богъ нашъ.
 того бо божественнаго огня тѣхъ обѣдъ
 яется, его азъ желаю единоа круп-
 паче всего суца иже предо мною.
 Бгелъ ми есть Господь, яко нѣчемуже
 неприсягль (*не прильлялся*) ко
 у брашву, развѣ четверти и гороху,
 енаго на святую братію. Ты же,
 1, *не днесъ похваляй лежащихъ*
зрагелъ и утро на варяцаго и
служащаго брата ропцещи, и
старѣйшинъ пакость творя, и
 цещися мотыгу (*пометь*) ѣдый, яко
 въ Патерици написано..... Терпѣ же,
 1, и досаженія; *претерпѣвый бо до*
да спасетъся (Матѣ. 24, 13). Аще
 ключитѣтся (*случитъся*) озлоблену
 , и пришедъ нѣкто възвѣститъ ти,
 оненца *потаза тѣ зль* ⁽¹⁾, рци же
 1стившему ти: аще и укори мя, но
 ь ми есть и достоинъ бо есмь того,
 себя же творить сего, но врагъ
 гиль (*наострилъ*) есть на се, да
 ду сътворитъ между нами, Господь
 а попереть (*уничтожитъ*) лукава-
 1рата же да помилуетъ. *Рече ми*
яко въ лице ми досади предо
ми; не пристрашенъ буди, чадо, о
 , ни скоро подвигнися на гнѣвъ, но
 поклонися до земля, а брату глаго-
 1прости мя, и исправи въ себѣ пре-
 1еніе, и всю силу вражію побѣдиши.
 ли потязанъ спротивитися, сугубо
 1е) еси себѣ досадилъ. Ты ли боліи
 Давыда царя, енуже Семей досажалъ
 1къ лицѣ, единъ же отъ слугъ ца-
 1нестерпѣ: иду, рече, и отъиму гла-
 1го, почто несть мертвый проклинаеть

господа (*господина*) моего? Но что же
 рече и Давыдъ къ нему: о сыну Сарупь!
 не дѣи сего, да видить Господь смиреніе
 мое и въздасть ми Господь благая, кля-
 твы его ради.

Помысли, чадо, и больша, како Го-
 сподь нашъ смири себѣ, бывъ послушливъ
 съ смерти своему Отцу, *досаждаемъ не*
въ спрецааше, (1 Петр. 2, 23); слыша—
 ся: *блѣсъ и маши*, по лицобіемъ и зау-
 шаемъ, оплеваемъ не гнѣвашеся, но и за
 распинаемая моляшеся, и тебе научилъ
 есть: «молите, рече, за враги своя и
 добро творите ненавидящимъ васъ, благо-
 словите клянущія вы.» (*Мѣ. 5, 44*).
 Довольно же ти буди, брате, твоего кру-
 подушіа (*гордости*) ⁽¹⁾ сътвореное дѣло;
 тѣмже ти плакаться подобаеть да про-
 щенъ будеши, яко оставилъ св. честный
 монастырь и св. отецъ Антоніа и Тео-
 досіа и св. черноризецъ, иже сънима, и
 ягься еси игуменити у св. безмезднику ⁽²⁾.
 Добръ еси сотворилъ, лишився такового
 начинанія пустошнаго, и не далъ еси
 плещу врагу своему, ибо вражіе желаніе
 погубити ти хотяше. Не вѣси ли, яко
 древо часто напаяемо скоро ишедъ (*за-*
сохнетъ), и ты отъ послушанія отча и
 братіи своей оставилъ свое мѣсто, въско-
 рѣ хотяше погинути; овча пребывая въ
 стадѣ неврежено будетъ, а отлучившееся
 въскорѣ погинеетъ и волкомъ изѣдено
 будетъ. Подобае ти преже разсудити,
 что ради въсхотѣлъ еси изыти отъ свя-
 таго и блаженнаго и честнаго и спасе-
 наго того мѣста Печерскаго, въ немъже
 дивившися всякому хотяще спастися? Мню,
 брате, яко *Богъ сотвори се, не терпя*
твоея гордости и изверже тѣ, яко

⁽¹⁾ *Круподушіе* —щекотливость, противопол-
 агается въ древнихъ памятникахъ, *крѣпкодушію* —
 мужеству и терпѣнію.

⁽²⁾ Въ монастырь безсребренниковъ Козмы и
 Даміана.

⁽¹⁾ Вотъ оны укорилъ тебѣ. Въ народѣ сохра-
 1 деселъ сл. *тазалъ*—ругалъ.

же преже сатану со отступными силами, зане (ибо) невосхотѣлъ еси служити своему мужеву, своему господину, а нашему брату архимандриту Анклядину, игумену Печерьскому.

Печерскій монастырь морь есть, не держитъ въ себе много, но измѣщеть вонь. А ежже въписалъ ми еси досаду свою, лють тебѣ, яко поубилъ еси душу свою. Въпрошаю тебѣ: чинъ хочещи спастися? Аще постникъ еси, или трезвитель о всѣмъ, и ноць безъ сна пребывая, а досады не терпя, не получиши спасенія. Но радуется о тебѣ игумень и вся братія, и мы вѣсть слышавше и вси утѣшихомся о обрѣтеніи твоёмъ, яко погубилъ бѣ—и обрѣтешя. *Попустихъ же и еще твоей воли быти, а не игумень, восхотѣлъ еси паки измѣнить у св. Димитрія, а не бы тебѣ принудилъ игумень, или князь или азъ. И се уже искуся еси. Разумный, брате, яко не угодно Богу твоє старьйшинство и сего ради дарова ти оскруднѣе очю, (слабость зрѣнія); то ты ни тако адрогнуся, идеже бѣ рещи: «благо мнѣ, яко смирилъ мя еси, да научюся оправданіемъ твоимъ». Разумныхъ тя самолюбца и славы ищещи отъ человекъ, а не отъ Бога. Не вѣруеша, окаяннѣ, писанному: «никтоже о себѣ възметъ чести, но званнѣй отъ Бога»; аще бо апостолу не вѣруеша, то ни Христу. Что отъ человекъ ищещи сану самъ, а не отъ Бога, сущимъ же отъ Бога не хочещи повинутися и мыслиши высочайшия, идьже дресесе таковыи съ небесъ свержени быша. Азъ несмь ли, глаголющи, достоинъ упритися такому сану? или хуждѣи есмь чимъ иконома сего, или его брата сплюща (приспѣвающаго кушанья)? Самъ не получишь желанія мятешися, хочещи же часто исходити отъ келію въ келію, и ту сваживать (со-*

рить) брата зъ братомъ, глаголя не полезная: или инить сѣи игумень и сѣи икономъ, яко здѣ токмо спастися възможно, а нами что ми не разумѣють. Сидьвольская начинанія, сѣи точныхъ тебѣ извѣствія! Аще ли и самъ кое предсѣяніе (устыжь) получиши яко стати ти на высочайшемъ мѣстѣ, не забывай емиренныя мудрости, да огда прилучитися съ ступиши съ степеню, и обращениа путь свой смиренны, и не впадеши въ скорбѣи различныя. Пишетъ же ми князьми Ростиславая Верхуслава, хотящя тебе поставити епископомъ Новуграду на Онтоніево мѣсто, или Смоленску на Лазарево мѣсто, или Юрьеву на Олексіево мѣсто, — «аще ми и тысяща сребра расточити тебе ради и Поликарпа ради», — и рѣчь ей: тщи (доча) моя Анастасіе! дѣло небогоугодно хочещи сътворити; абы пребылъ въ монастыри нескходно съ чистомъ съвѣстію, въ послушаніи игуменни и всемъ братіи, трезвися о всѣмъ, то не токмо бы въ святительскую одежу обоченъ, но и вышняго царства достоинъ бы былъ. Ты же, брате, епископству ли похотѣлъ еси? Добру дѣлу хочещи, но послушай глаголюща къ Тимофею Павла апостола, почетъ разумѣши, аще еси что отъ того исправля, какому подобаеть быти епископу. Аще бы ты былъ достоинъ такового сана, нѣ быхъ ты пустилъ отъ себе, но своимъ рука на намѣстнѣка ты поставилъ быхъ въ обѣ епископни, Владимірю и Суздалью, якоже князь Георгій хотѣлъ, но азъ ему съзбранилъ, видя твоє еледушиє (гордость). Аще мене преслушаешися, кацѣй-либо (какой-либо) власти възшоуши, или епископству или игуменьству повинишися, буде клятва, а не благословеніе, и кому на видении нѣ святое и честное мѣсто, въ немъже еси остриглься, и аки сосудъ непотребенъ будеша и изверженъ и плакатися инаше много. Брате, не то свершеніе (совершен-

ств) есть, это славы быти отъ
всѣхъ, но еже исправити житіе и
чисто себе снабдети. Отъ того, бра-
те, Печерскаго монастыря мнози епи-
скопи поставлени быша; яко же отъ
самаго Христа Бога нашего апостоли
въ всю вселенную послани быша, такоже
отъ того Матере Господа нашего
Богородица великаго монастыря та,
мнози епископи поставлени быша въ всю
Рускую землю. Первый Ростовскій сви-
щенномученикъ Леонтій, его же Богъ
прослави нетлѣниемъ, и се бысть перво-
престольникъ, его же невѣрніи, много
мучивше, убивша: и се третій гражданинъ
небесный бысть Рускаго міра, съ оубѣна
Варягома вѣнчався отъ Христа, егоже
ради убіенъ бысть. Иларіона и-та чель
есть самъ въ житіи св. Антонія, яко отъ
того постриженъ бысть, и тако свящель-
ства сподобленъ бысть. По сихъ же Ни-
колае, Еврентъ Переяславлю, Исаіа Ро-
стову, Германъ Новуграду, Стефанъ Вла-
димірю, Никонтъ Новуграду, Маринъ
Юрьеву, Мина Полотьску, Николае Тму-
торокану, Феоктистъ Чернигову, Лаврен-
тій Турову, Лука Бѣлуграду, Еврентъ
Суздалью. Аще хочещи вся увидати, поч-
ти лѣтописца старого ростовскаго, есть
бо всѣхъ болѣ 30, а еже потомъ и до
насъ грѣшнихъ, мно, близъ 50. Разумѣй,
brate, колка слава того монастыря, и
постыдився покайся, и изволи си тихое и
безмятежное житіе, къ нему же Господь
привелъ тя. Азъ бы радъ оставилъ епи-
скопство и работалъ игумену, но вѣси,
кака вещь держитъ мя. И кто не вѣсть
мене грѣшнаго епископа Симона и сеа
зборныя (соборной) церкви, красоты вла-
димирьскія и другія суздальскія церкви,
юже самъ осадилъ? Колки же нѣвета
градовъ и солъ, и десятину збирають по
всей земли той, и тѣмъ всѣмъ владѣть
ваша худость! Предъ Богомъ ти мольбу:
всю сію славу и власть яко калъ (зрѣлъ)
иди въ бѣгъ, аще бы ни трескою (мал-

кой) торчати за враты, или сметіемъ
(соромъ, что сжигается) валитися въ
Печерскомъ монастыря и помираему бы-
ти человекъ. Лучшии есть чести времен-
ныя день одинъ въ дому божіа Матере,
наче 5000 лѣтъ, въ немъ же воимъ (из-
воимъ) быти пребывати, наче неже жи-
ти ни въ солъхъ грѣшничѣхъ.

(Пам. XII в., 249—257).

За тѣмъ осталная часть посланія Симона со-
стоитъ изъ поучительныхъ разсказовъ о Печерскихъ
подвижникахъ. Она помѣщается обыкновенно въ Ки-
ево-печерскомъ Патерикѣ. Ист. Рус. Цер. Монарха.
III, 156—160.

118. Посланіе Константиномъ патриархомъ Гер- маномъ II, 1228 г.

Германъ, милостію божіею архіепископъ
всехъ вселенныхъ, патриархъ, сми-
ренный митрополитъ Киевскій Теодоръ, сми-
ренный и-тъ Киевскій Никеооръ, сми-
ренный и-тъ Сардійскій Георгій, смирен-
ный и-тъ Ясскій Теодоръ, смиренный и-тъ
Амастрийскій Никола, смиренный и-тъ
Прусскій Сергій.

Восвещенный митрополите всехъ Ру-
си, о Господи любимый брате и служеб-
нике нашего смиренія, Кирилонтъ (Ки-
рилъ)! Приемъ во слухи нашего смире-
нія, яко вѣди во Русской странѣ прже
снѣющимъ мужи нѣкіа купляцимъ и по-
рабскому игу влекуще, аще и пѣвники
нѣкіа, потому учителей ихъ предающе,
учити священныя грамоты и ученія свя-
щенныя возрастъ, возводятъ по чину ихъ
ко священнодостолю, ко епископомъ
сихъ приводяще, но прже снѣхъ отнущи-
вне работнаго ига (мѣ рабства), аще
же и поставленія священія соврѣменія
работнымъ (рабамъ) быти оидт іероси раби-
ни именемъ божественномъ быти, иже, уды-
ненію дарующи крещеніемъ вѣрующимъ.

Сей убо во слухи воише нашего смиренія и божественному священному собору, священнымъ митрополитамъ всѣмъ, и умишнѣ и скръби исполнены многы; иже отишю дѣется во странѣ христіанствѣ яковое безаконіе. Тѣмже братски пишемъ ко твоему священству и еже под тобою боголюбивымъ епископомъ, да якоже могуще, отсѣцѣте всякое безаконіе и исправито прегрѣшеніе; но еже противная во едно съшедшея не можетъ. Тако бо аще рабъ по Бозѣ свободенъ ходатай вѣрнымъ. И колѣкъ Господеви ходатай, иже господствуи отъ ходатающаго. Павлу же, великому апостолу, не мните сиче; не бо инако Онисима апостольскаго дарованья и сподобилъ, развѣ Филимоновыхъ отпустися рукъ. Мнози же священныхъ и божественныхъ правилъ и законъ безаконіе се отгонять отъ христіанскаго бытія. И помянулъ быхъ и яковое правило и законъ, аще быхомъ не писали к тебѣ, добръ вся вѣдущему. Унастрой убо благовремененъ и невремененъ, съ всѣми боголюбивыми епископы: обличите, запретите, молитесь, отлучите и отъ нашего смиренія священнаго собора, иже таковыи имѣюще прегрѣшенія, да не божественнымъ ругаются, да не честная безчествуютъ; да ни единого же отъ господъ понудите на священіе привести работающихъ имъ. Аще ли хотятъ привести Богови жертву за свое спасеніе, да будетъ жертва во всесоженіе, душою и тѣломъ возложится Богови. Не убо могутъ Богови работати и мамонѣ. Аще ли не угодно будетъ се господствующимъ, да не имѣють своя рабы подручныя себѣ. Вѣдомо же буди всѣмъ, иже отъ тебе, боголюбивымъ епископомъ, иже о семъ, яко никогда же кого работнаго на священіе приводити; но преже отъ своего господина дасть ему списанную свободу, и чадомъ его. Мѣсяца мая, иудикта во 1.

Приказываетъ же наше смиреніе, и о Дусѣ св. и съ неразрушимомъ отлуче-

ніемъ, воститъ благочестивымъ княземъ и прочимъ старѣйшимъ ствующимъ тамо, да огребають отишю у церковныхъ монастырскихъ стязаній прочихъ праведныхъ имъ подобаетъ отъ святительскихъ судовъ распустивъ явѣ яко двѣдѣніа восхищенія. Сіа бо душевныя сущая соблазны. Архіереемъ единѣмъ повелѣваемъ божественнымъ священнымъ канони и законъ христіанскій судити и справляти. Тамъ призываемымъ имъ, якоже рекохомъ, огребатися отъ сихъ.

(Ист. Рус. Ц. Макарія, III, 337—338. Кормч. Рум. Мус. № 233. л. 319—320.)

119. Посольство папы къ Данилу князю Галицкому 1254.

Во Краковѣ бѣша послы папины, носяще благословеніе отъ папы и вѣнецъ и санъ королевства, хотяще видѣти князя Данила; онъ же рече имъ: «не подобаетъ ми видѣтися съ вами въ чужей землѣ, въ паки». Оттуда же пройде землю Судомирскую и приде во градъ Холмъ, съ честью и со славою, въ домъ Пречистой, падъ поклонися и прослави Бога о бывшемъ: не бѣ бо некоторый князь Рускый воевалъ землѣ Чешскоѣ...

Въ лѣто 6763 (1255). Присла папа послы честны, носяще вѣнецъ и скипетръ и коруну, еже наречеться королевскый санъ, рекый: «сыну, приими отъ насъ вѣнецъ королевства». Дрзавле бо то прислакъ къ нему пискупа Беренского и Камонецкого, река ему: «приими вѣнецъ королевства»; онъ же въ то время не приаялъ бѣ, река: «ратъ татарская не престаеть азѣ живущи съ нами; то како могу прияти вѣнецъ, безъ помощи твоей? Описа же (Opiso—*легатъ римскій*) при-

де вѣнецъ нося, обещаваея, яко «помощь имѣти ти отъ папы»; оному же однако не хотящу, и убѣди его мати его, и Болеславъ и Семовитъ, и бояре лядскыѣ, рекуще: дабы пріялъ бы вѣнецъ, «а мы есмь на помощь противу поганымъ». Онъ же вѣнецъ отъ Бога прія, отъ церкви св. апостола и отъ стола св. Петра, и отъ отца своего папы Некентія (*Инокентія*), и отъ всѣхъ епископовъ своихъ. Некентій бо клянеше тѣхъ хулящихъ вѣру гречскую православную, и хотящу ему сборъ (*соборъ*) творити о правой вѣрѣ о воединьи церкви. Данило же прія отъ Бога вѣнецъ въ городъ Дорогычичиѣ.

(Ипат. 190—1).

Палею грамоту 1257 г. Данилу Романовичу смъ въ Hist. Russiae monumenta I, 84—5. До 40 папскихъ посланій по дѣламъ Львови 1246—1240. Тамъ же № 4 и дал. Историч. документа о притязаніи папъ подчинити рус. церковь своей власти. Смъ Отеч. 1847, IV. 1—20.

120. Изъ правила м-та Кирілла II на соборѣ Владимирскомъ 1274.

...Азъ Кюриль Смѣренный митрополитъ всея Руси многа убо видѣниемъ и слышаніемъ неустроение (въ) церквахъ, ово снче дѣржаща, ово инако, несъгласіа многа и грубости или неустроеніемъ пастырскимъ (*пастырскимъ*), или обычаемъ неразумна, или непріхожденіемъ епископъ, или отъ неразумныхъ (*непонятныхъ*) правилъ церковныхъ. Помрачени бо бѣяху прежь сего облакомъ мудрости елинскаго языка (¹), нынѣ же

(¹) Прежь непонятны были книги греческія и переводы. Это выписано изъ Сербской Коричей.

облисташа, рекше истолкованы быша, и благодатью божіею ясно сияють, невѣдѣнія тму отгоняюще, и все просвѣщающе свѣтъ разумнымъ и отъ грѣхъ избавляюще тѣмъ иже невѣдѣніемъ; прочее Богъ да съхранитъ насъ, а грѣхъ да проститъ, а о прочихъ святыхъ правилъ да просвѣтитъ ны Богъ и вразумитъ ны, да никакоже преступающе отеческия заповѣди горе наслѣдуемъ. Кый убо прибытокъ наслѣдовахомъ оставше божія правила? не расѣя ли ны Богъ по лицу всея земля? не взяти ли быша гради наши? не падоша ли силнии наши князи остремъ меча? не поведѣни ли быша въ плѣнь чада наша? не запусѣша ли св. божія церкви? не томимы ли есмь на всякъ день отъ безбожныхъ и нечистыхъ поганъ (*Татаръ*)? Си вся бывають намъ, зане не хранимъ правилъ св. нашихъ и препод. отецъ. Нынѣ же азъ помыслихъ съ св. соборомъ и съ препод. епископы, нѣкако о церковныхъ вещехъ испытаніе извѣстнѣно творити. Приде бо въ слухы наша (*мы услышали*), яко нѣщичи отъ братья наша дѣржануша продати священныи санъ и причитати я къ церквамъ, и взимати отъ нихъ нѣкыя уроки глаголемыя, и забыша правила реченаго св. апостола и препод. отецъ нашихъ, да слышать ясно вен: «поставленнымъ намъздѣ, да извержется и поставше его... *Аще кто явится отъ св. нашего собора, или игумена въ игуменьствѣ, емя отъ него что, свящя на мѣздѣ, рекомое „посошное“, или постригая мурьскаго попъ на мѣздѣ въ игуменьство, или попа поставляетъ къ церкви емя у него что, да будутъ извержени, ходатаиствующи да будутъ проклѣти* (¹). Епископи же

(¹) Замѣчательно, что эта рѣзкая выходка относится къ вѣдѣтельности князей и вообще вѣдѣтельныхъ лицъ, какъ мы видѣли выше въ послѣднѣмъ Симоновѣ къ Поликарпу.

егда хотять поставять попа или дьякона, да истяжутъ (испытуютъ) житье его, како будетъ житье прежде поставленья, да призовуть знаемыхъ сусѣди, его же знаютъ надѣтска, якоже правило седмое глаголетъ Феодила епископа Александрийскаго: да свидѣять поставленье вси священники, аще одинако слышать, и тогда епископъ да испытаетъ, и пришедшии свидѣтельствовавшии о немъ, да поставленъ будетъ. Поставленне же втайнѣ не бываетъ, но всѣмъ намъ вѣдомо будетъ, еда како приходець будетъ иноя страны и утаивъ съгрѣшенне украдетъ священне.... а или въ лживѣ послушствѣ былъ будетъ, или убийство створишь будетъ, волею или нужею, или ревнивнѣ (берущий проценты), или чюладе друча (томить прислугу) голодомъ и наготою, страдою (работой) насилье творя, или дани бѣгая или чародѣецъ. Аще кто отъ прежде реченыхъ сихъ вины хотя единою лтъ будетъ, таковыи не можетъ быти попъ, ни дьяконъ, ни причетникъ.

... Не взимати же у нихъ ничтоже, развѣ якоже азъ уставихъ въ митрополи, да будетъ се въ всѣхъ епископяхъ, да възмутъ клиропане 7 гривень от пошества и от дьяконства от обоого. Аще ли кто по уставе нашемъ бога сего емя от дьякона, ли от попа, или от игумена, или от проскурницѣ, и от нищихъ насилье дѣюще; или на жатву, или стна свчи, или провозъ дѣяти, или иная илкая сборное емлюще (1), или на мльстеники поставляющии на мзды, или десятиныника, или егда божественныя съборы собирая тогда илкакю сбирание собирають от властель церковныхъ, или скареднаго дѣля прибитька отлучаютъ илкую от цер-

(1) Т. е. если будетъ заставлять работать на себя что—нибудь, какъ бывало, вѣроятво, прежде.

ков, не божия дѣля закона, но своего ради прибитка, или угоды илкого дѣля.... Паки же увѣдохомъ бѣсовская еще держаще обычая треклятыхъ Елигъ, въ божественныя правдыны позоры илкакы-бесовския творити, съ свстаннемъ, и съ клчнемъ и въшемъ съзымающе илкы скаредныя пляница, и быдоси дрьколемъ до самыя смерти и возникающе от убиваемыхъ порты (платъ). На укоризну се бываетъ божиниъ правдынкомъ и на досаженне божиниъ церкваиъ. Паче о семъ досажаютъ нашему Спасу и Заступу (заступнику), иже насъ избави от проказы смертныи и от туги (млюости) дьяволя... Паки обрѣдохомъ въ предѣлахъ повородскихъ, дьяконы емлющи божественныи агнь, и прежде поповъ проскурмисаме творяще, и потомъ пришедшеи поповъ послъ проскурмисаме.... Поимъ же увѣдохомъ въ тѣхъ же странахъ неродство творяще, бещенъ (бещенство) святительско, упивающеса безмьры въ св. пречистыя дьны постенныя, от свѣтлыи медль сьрбныи до всѣхъ святыхъ, яко не быти божественному приношеию, ни божественнаго крещенна до всѣхъ святыхъ.... Паки же увѣдохомъ въ тѣхъ же странахъ, яко мльци не свѣщенни освѣщаютъ приносима къ церкви плодоносия, рекше крупы или кутья за мертвыи; повелѣваемъ от сего времени таковому не быти, ни от дьяконовъ да не освѣщено... Аще кто изъобращеться по сихъ правдыгъ бещенъ творя, да изгнани будутъ от св. божиниъ церквъ, а убиеши да будутъ прокляти въ снѣ въкъ и въ будущи. Аще нашему законоположенню противатся, то ни приношенна отъ нихъ приимати, рекше просфоры, и кутьи, ни свѣчи. Аще и умереть, то надъ нихъ ни ходъ иерѣи и службы за нихъ да не творять, ни положити ихъ близъ божиниъ церквъ. Аще которымъ попу дерзнетъ что

створити над ними, да будетъ чюжь своего сана.

(Руко. Дост. I, стр. 107—117).

См. также: опис. Рук. Муз. 221. Чтен. общ. вст. и дрвн. 1847 г. № 8. Сибск.

121. Изъ поученія Кирилла м-та Киевскаго до 1280.

Слышите убо отцы о Господѣ, архирейскій и священноинокескій и нерейскій пренодобный и священный соборе, к вамъ ми слово сказати предлежитъ. По немже вы марекостеся по благодати даннѣй вамъ отъ Бога, и по апостельскому завѣщанію, земнымъ ангеламъ и небеснымъ чюдотвѣдцѣ, и свѣтъ и соль земли, якоже глгодесть божественное писаніе... Тѣмъ же убо, о череве, сохраните убо себе отъ скверныхъ сатанинскихъ всякъма дѣлъ, яко же глаголетъ Златоустъ: отвержете отъ себе пьянство и объяденіе, лишитесь тѣлбы, сваровъ, вражды и худы на друга своего, и сквернаго миданія, клятвы и лжи, скуности и ненависти и лубавства. Сему внимайте, сему учитесь, сему другъ друга монушайте, како бы вамъ не ворочыли отати на страшномъ и грозномъ судѣ во второе пришествіе христово, егда будетъ судити всей вселеннѣй, и како слово водати объ людехъ коемуждо въ частѣ своей. Того ради велико пошещитесь о своемъ спасеніи, и образъ себе сами собою покажуте бо великомъ благочестіи, яко да видятъ вама добрая дѣла и прославятъ Отца нашего, яко есть на небесѣхъ. Вамъ бо есть слово водати о стадѣ своей. Аще бо кто единаго отъ сихъ загубитъ частвы своей небреженіемъ, не все ли свое спривратилъ есть спасеніе, и не лучше

ли сему, яко да обижется жерновъ осли на выю его, и погрузится въ море; души бо единыя отъ чюдотвѣкъ недостонны весь мѣръ: како же многи души соблазнительны отъ васъ, не имать погрузитися во огни негасимомъ въ геенѣ. Простецъ бо сокрѣпительный, за свою едину душу отвѣтъ дастъ Богу, нерей же за многихъ. Тѣмъ же слышите и Иоанна Златоустаго и усрамитесь его реченія, еже рече: *Горе вамъ возжди слѣпцы, оставили слово божіе и чреву служаще, иже же Богъ чрево, и слава ихъ въ судѣ, иже же млеко и волку отъ стада емлюще, а о овцѣхъ не пекущеся, о немъ же слово имате водати въ великій день оный...* Къ сему же, о нерей, божественная писанія любите и въ нихъ поучайтеся, писанія бо прочитавъ небесамъ есть отверженіе. Многи убо не прочитавъ книгъ съ правдою пишу, сокрѣпился, вы же убо избирайте разумія отъ божественныхъ писаній, якоже добрая ичюла пребывающа на пѣстахъ и отъ нихъ взимающа, былія же оставляюща. *Дожныхъ же книгъ не почитайте*, и отъ еретичъ уклоняйтеся, и общенія съ ними не имайте, и бесловцемъ и сквернословцемъ и во всеческихъ богохульникомъ, не отъ божественныхъ писаній и суетная и ложная глаголющихъ, еже на пагубѣ правотверныхъ душамъ, устіе заграждайте и вообранайте, отъ писаней святыхъ слово приимше. Иже убо кто отъ васъ нѣсть чему въ разумѣ достигавъ (*чюю не понимаютъ*), той искуснѣйшаго вопрошае...

Блюдите и чадъ вашихъ, иже родившихся отъ васъ... Челядь свою наказуйте страху Божію, и голодомъ не морите, ни наготомъ не томите, но любите ихъ, яко своя уды, или яко Христосъ насъ весьхъ, тако же творите; дѣти своя дудовныя наказуйте (*учите*). И аще сохраните сія вса завѣщанія, то Бога воз-

веселите, и ангелы удивите, и молитва ваша услышана будетъ отъ Бога, и земли нашей отъ иновѣрныхъ бесерменскихъ странъ обогчатся, и милость божія на вся страны рускія земли умножится, и пагуба и тли (*уничтоженіе*) плодовъ и скотомъ престануть, и гнѣвъ божій утолится, и народы вся рускія земли въ тишинѣ и безболѣвнъ поживуть, и милость божію получать въ нынѣшнемъ вѣдѣ, наче же въ будущемъ... Се уже видимо, любиміи, кончина міру приближися и урокъ (*конецъ, уреченіе*) житію нашему приспѣ, и лѣта сокращаются, и уже мало время житія нашего вѣка сего видѣти. Якоже Господь во евангеліи сице (*рече*): «Востанетъ бо языкъ на языкъ и царство на царство, и страна на страну, и царь на царя, и князь на князя, и сильный на сильнаго»... И вся сія збышася...

(Чт. общ. Ист. и древн. Рос. 1847 г. № 8, Смысь).

См. также: Приб. къ твор. св. От. 1843 г. № 4; 1854 г., I, 414 — 432; Правосл. Собес. 1859, I, 244.

Очень не удивительно, что Кирилль преувеличилъ недостатки духовенства, когда подъ вліяніемъ Татарскаго владычества было строгое обличеніе несправд, какъ причины плѣна Россіи.

Кириллу также приписываютъ Посланіе къ сыну в. кн. Александра, Поученіе в. к. Василію и нѣсколько другихъ словъ, сохранившихся въ Мѣриль Праведномъ 1380. Обзоръ рус. литер. Филарета 52. Прав. Собес. 1861, III, 467.

О недостаткахъ жизни духовенства можно встрѣчать факты еще въ Прав. м-та Іоанна до 1089; въ Сл. Заточника, въ Сл. Серапіона о кончинѣ міра, въ поуч. м-та Петра п. 1308.

122. Длиннъ хана Узбека 1313.

Вышняго и безсмертнаго Бога велею, и силою, и величествомъ, и милостию Его *никогоу*. Албиново слово, всѣмъ нашимъ

княземъ великимъ и среднимъ, и нижнимъ, и сильнымъ воеводамъ, и вельможамъ, и княземъ нашимъ удѣльнымъ, и *дорогамъ* славнымъ, и полчнымъ княземъ высокимъ и нижнимъ, книжникомъ и уставодержательникомъ, и учительнымъ и людскимъ повѣстникомъ, и избирателемъ, и баскакомъ и посломъ нашимъ, и гонцемъ, и даньщикомъ и писцомъ нашимъ, и мнимоудачицмъ посломъ, и ловцомъ нашимъ, и сокольникомъ, и пардусникомъ, и всѣмъ людемъ высокимъ, и нижнимъ, и малымъ, и великимъ, нашего царства, по всѣмъ нашимъ странамъ, по всѣмъ нашимъ улусамъ, гдѣ Бога безсмертнаго силою наша власть держитъ и слово наше владѣть: да никтоже обидитъ (*на Руси*) соборную церковь Петра митрополита, и его людей и церковныхъ его; да никто же възимають стяжаній, ни имѣніемъ, ни людемъ; а знаетъ м-тъ Петръ въ правду и право судитъ, и управляетъ люди своя въ правду; и въ чемъ ни буди— въ разбѣ, и въ полчиномъ, и въ татѣ, и во всякихъ дѣлахъ—вѣдаетъ Петръ м-тъ единъ, или кому прикажетъ; да вся покорятся и повинуются м-ту, вся его церковныя причты по первымъ изъ начала закономъ мѣ, и по первымъ грамотамъ нашимъ, первыхъ царей великихъ грамотамъ и деотеремъ; да не вступаются въ церковное митрополитіе никтоже, занеже то божіе есть все; а кто вступаются, а нашъ ярлыкъ и наше слово престушитъ, той Богу есть повиненъ, и гнѣвъ на себя отъ Него приметъ, а отъ насъ ему казнь будетъ смертная. А м-тъ правымъ путемъ пребываетъ, и тѣшитъ, да правымъ сердцемъ, и правою мыслию своя вся церковная устроетъ, и судитъ, и вѣдаетъ, или кому повелитъ таковая вѣдати и управлять. А намъ въ то не вступатися ни вочтоже, и дѣтомъ нашимъ, ни всѣмъ княземъ нашимъ нашего царства, и всѣхъ нашихъ странъ, и всѣхъ нашихъ улусовъ; да не вступаются никто

ничѣмъ въ церковная и въ митрополича, ни въ грады ихъ, ни въ волости, ни въ села ихъ, ни во всякіе ловли ихъ, ни въ борти ихъ, ни въ земли ихъ, ни въ луга ихъ, ни въ лѣсы ихъ, ни во грады ихъ, ни въ волостныя мѣста ихъ, ни въ винограды ихъ, ни въ мельницы ихъ, ни въ зимовища ихъ, ни въ стада ихъ во конскіе, ни во всякіе скотскіе стада ихъ, ни въ вся стяжанія и имѣнія церковная. И люди, и вся причты ихъ, и вси законы ихъ уложенныя старыя отъ начала ихъ, то все вѣдаетъ м-тъ, или кому да прикажетъ, да nebude ничтоже перечинено, или порушено, или кѣмъ избожено. Да пребываетъ м-тъ въ тихомъ и кроткомъ житіи, безъ всякіе голки (*непріятныхъ притязаній*), да правымъ сердцемъ и правою мыслію молятъ Бога за насъ, и за наши дѣти, и за наше племя. Мы бо также управляемъ и жалуемъ, якоже прежніе цари ярлыкы имъ давали, и жаловали ихъ; а мы по тому же пути и тѣми же ярлыкы жалуемъ ихъ, да Богъ насъ пожалуетъ. А мы божіа брежемъ и даннаго Богу не взимаемъ; а кто взимаетъ божіе, и тотъ будетъ повиненъ, а гнѣвъ божій на него же будетъ, а отъ насъ будетъ казненъ смертною казнію, да то вида нынѣ въ боязни будутъ. А побѣдутъ наши баскаки, тамошники, данышники, поборщики и писцы, по снмъ нашимъ грамотамъ, какъ наше слово молвило, да будутъ всѣ соборныя церкви цѣлы митрополича, ничѣмъ ни отъ кого не избожены вся его люди, и вся его стяжанія, какъ ярлыкъ имѣеть, и архимандриты, и игумены, и попы и вся его причта церковныя, ничѣмъ никто да не будетъ избожень. Данъ ли на насъ емлютъ, или иное что ни буди: тамга ли, поплужное ли, ямъ ли, мытъ ли, мостовщина ли, ловтва ли кая ни буди наша, или егда на службу нашу съ нашихъ улусовъ повелимъ рать сбирати, гдѣ восхотимъ воевати,—а отъ соборныя церкви Петра

м-та никтоже не взимаетъ, и отъ всихъ людей, и отъ всего его причта; тѣ бо за насъ Бога молятъ, и насъ блюдутъ, и наше воинство укрѣпляютъ. Кто бо того и прежде насъ не вѣдаетъ, что бога безсмертнаго силою и волею живутъ всѣ, и воюють? то все вѣдаютъ; и мы, Богу моляся, по первыхъ царей грамотамъ грамоты имъ давали жаловашые, а не назначиваемъ ни въ чемъ: какъ то было прежде насъ, тако молва, и наше слово уставило по первому пути, которая данъ по первому пути наша будетъ, или запросы наши накинеть, или поплужное, или послы наши будутъ, или кормы наши, или коней нашихъ, или подводы, или кормъ пословъ нашихъ, или нашихъ дѣтей, или царіцъ и кто ни есть, и кто ни буди, и да не возьмутъ, и да не просятъ ничтоже; и что возмутъ, и они назадъ дадутъ третницею; и аще будетъ взялъ за нужду великую, а отъ насъ имъ будетъ не кротко, а наше око тихо на нихъ не смотреть. А что будутъ церковныя люди, ремесленники кон, или писцы, или каменные здатели или древодѣльные, или иные мастеры кляковы ни буди, или ловцы, каковаго лова ни буди, или сокольницы, а въ то наши да не вступаютъ никто, и на наше дѣло не емлютъ ихъ, и пардусники наши, и ловцы наши, и сокольницы наши, и побережники наши да не вступаютъ въ нихъ, и да не взимаютъ ихъ, ни у нихъ дѣльных ихъ орудій. А что законы ихъ, и въ законѣ ихъ церкви, и монастыри ихъ, и часовни ихъ, да не вредятъ ихъ, ни хулятъ ихъ; а кто учнетъ вѣру осуждати ихъ и хулити, тотъ человекъ не изменится ничѣмъ же, и умретъ злою смертію. А что попы и диаконы, единъ хлѣбъ ядуще и во единомъ дому живуще, у кого братъ, или сынъ, и тѣмъ по тому же пути наше пожалованіе. Еже кто будетъ отъ нихъ не вступилъ, а м-ту не служить а живетъ себѣ, тотъ именемъ поцовскимъ да не отнимается, но даетъ данъ; а попы, и діа-

коны, и причты церковные пожалованы от насъ по первой нашей грамотѣ и стоять молящеса за насъ Богу правымъ сердцемъ и правою мыслию; а кто учнетъ не правымъ сердцемъ о насъ молитися Богу, то грѣхъ на немъ будетъ. А кто будетъ попъ, или діаконъ, или причетникъ, или церковные иные люди кто ни буди, откуда ни есть, митрополиту похотятъ служить, и о насъ Богу молитися, что будетъ о нихъ у м-та въ мысли, то вѣдаеть м-тъ. Такъ наше слово учинило, и дали есмы Петру м-ту грамоту сію для крѣпости ему, да сію грамоту видяще и слышаще вси людие, и вси перкви, и монастыря, и вси причты церковные да не преслушаютъ его ни въ чемъ, но послушни ему будутъ по закону ихъ, и по старинѣ, какъ у нихъ изстари идетъ. Да пребываетъ митрополитъ правымъ сердцемъ, и безъ печали, и безъ скорби всякія, Бога моля о насъ и о нашемъ царствіи. А кто вступитъ въ церковное и митрополичье, и на того будетъ гнѣвъ божій, а по нашему великому наказанію и истязанію не извинитъ ничимъ же, и умретъ злою смертію казнію. Такъ ярлыкъ нашъ, такъ молва слово наше учинило, таковою данною крѣпостію утвердило. *Зачьего лѣта, осеняго перваго мѣсяца четвертаго ветха* на поляхъ писана и дана.

(Ист. гос. рос. Карамзина IV, пр. 245; Собр. гос. грам. II, № 7).

Кругъ лѣтосчисленія у монголовъ,—такъ же, какъ у восточныхъ Турокъ,—состоялъ изъ 12 лѣтъ: 1-й годъ назывался *мышью*, 2-й *быкомъ*, 3-й *рысью* и *барсомъ*, 4-й *зайцемъ*, 5-й *крокодиломъ*, 6-й *змеемъ*, 7-й *конемъ*, 8-й *бараномъ*, 9-й *обезьяною*, 10-й *курицею*, 11-й *псомъ* 12-й *свиньею*. Мѣсяць раздѣлялся у нихъ на дни *старые* и *новые*, какъ свидѣлствуютъ ярлыки. Здѣсь сказано: «четвертаго *ветха*»; а въ другомъ: «въ 8 нова».

123. Ярлыкъ, данный Тайдуломъ м-ту Феогносту 1333.

По Зенебѣкову ярлыку, Тайдулово слово орднскимъ улуснымъ княземъ, і волостнымъ и огороднымъ и сельскимъ дорогамъ, і таможенникомъ, и побережникомъ, и мимохожимъ посломъ, и кто на каково дѣло поидеть, ко всемъ пошлянникомъ. Отъ давныхъ добрыхъ временъ і доселе, что зовутся богомолцы і весь поповскіи чинъ, тѣмъ не надобе ни которые пошляны, занеже самому Богу молится за насъ і за наше племя в родъ и родъ и молитву воздаютъ. Такъ молва Феогнаста м-та царь пожаловалъ со алою тамгою ярлыкъ далъ, і ны первыхъ ярлыковъ не изыноча, такожь молва Феогносту м-ту с мишенемъ грамоту дали есмя, и како онъ сѣлъ в Володимере молится за Зенебѣка царя і за наши дѣти молитву воздаеть, а пошляна ему не надобе, ни подводы, ни кормъ, ни запросъ, никаковъ даръ, ни почестье не воздаеть никакова, ни люди его; а земли его і воды, ни огородовъ, ни виноградовъ, ни мельницъ, и что ни будетъ церковное, кто ни будетъ нашихъ, не замяють (*не трогаютъ*), ни силы не творять надъ ними, ни істомы никакои і не отымають у нихъ ничего; іли гдѣ стануть, да не емлютъ у нихъ ничего. Такъ есмя молвили; а кто наки безпутно силу учинитъ какову, іли пошляну замыслитъ, тотъ смертію умретъ. І ты, Феогностъ м-тъ, возмолвишь, что такъ есмя пожалованъ, а которые к тебѣ не причастни огороды, винограды, воды, земли, а надъ тѣми какову неправду учинишь, і ты самъ вѣдаешь, каковъ отвѣтъ даси Богу і тотъ грѣхъ на тебѣ, а за насъ молитву воздавай Богу. Тако молва на утверженіе мишененую грамоту дали есмя *зачьего лѣта*, арама мѣсяца въ 8 нова, а жа-

лобу положилъ Танобога, о Кхоча Мухтаръ, учагунъ Карапчи писалъ.

(О достоверн. ханскихъ ярлыковъ. Григорьева. 1842).

Ярлыки издавали ханы, начиная съ Батия, по крайней-мѣрѣ въ Ип. лѣтоп. подъ 6763 г. сказано, что какой то владѣтель Кременецкій въ 1255 г. говорилъ: «Батиева грамота у мене есть». Ярлыки называются также мнѣшными грамотами отъ сл. мнѣшны—мѣтка, знакъ, печать при грамотѣ.

124. Дѣйствія митроп. Феогноста.

Въ лѣто 6835 (1327 г.) в, кн. тверьскій Александръ Михайловичъ избѣ Татары на Твери, великихъ пословъ, Шевкала князя бесерменскаго и дружину его, хотящу ему съѣсти во Твери на княженіи, а иная князя бесерменская посажати по городомъ по рускимъ; хотяше привести христіаны въ бесерменскую вѣру⁽¹⁾, а кн. Александра и братью его побити. И съзва кн. Александръ Тверичъ, нарекъ (*призываетъ*) Бога и рекъ тако: «братья, мужи Тверичи! уповаемъ на милость божію, и стояніемъ дому св. Спаса⁽²⁾, и молитвою св. госпожа Богорича честнаго ея Успенія⁽³⁾, и молитвою св. новоявленною мученику Борися и Глѣба земля Рускія; не я почухъ избивати, но онъ; да будетъ отмстникъ Богъ крови отца моего и брата моего, зане проляхъ кровь Михайлову и Дмитре-

(1) Конечно, это мнѣніе современниковъ составилось изъ ненависти къ Татарамъ, которые были всегда весьма вѣротерпимы, что ясно видно изъ ихъ ярлыковъ.

(2) Церковь св. Спаса была главною и патрональною въ Твери.

(3) Подобныхъ выраженій много въ древнихъ памятникахъ, но онѣ странно на нашъ взглядъ, хотя понятны въ устахъ древнихъ книжниковъ.

еву праведну⁽⁴⁾, егда и мнѣ се же хочеть съ творити и вѣру нашу въ бесерменство превратити?—и поиде на Шевкала. Онъ же слышавъ Александра идуща, и изыде противу и съступившася восходяшу солнцю, и бысть съча зла, и биншася чрезъ весь день, и уже къ вечеру и одолѣ кн. Александръ; а Шевкалъ побѣже на сѣни (*крыльцо высокое*), и зажже кн. Александръ отца своего дворъ и сгорѣ, а Шевкалъ ту же сгорѣвъ пропаде. И тогда же бяше боголюбивый кн. Александръ унъ верстою (*юнъ возрастомъ*), съ вершенъ умошъ, цѣломудренъ душею, подъ имя мало дружинѣ и поѣхавъ во Псковъ градъ; и Псковичи его приима честно, и крестъ къ нему цѣловаше, и посадиша его на княженіе. И на 3-е лѣто вложи океанный врагъ діаволъ въ сердце княземъ рускимъ възискати кн. Александра, повелѣніемъ океаннаго царя Возбяка (*Узбека*): и подъяше всю землю Рускую, и пріѣхавше къ Новгороду, и подъяше Новгородцовъ и всю область новгородскую отъ Бѣла-озера и отъ Заволочья и отъ Корьмы. И ставше у Новгорода, послаша послове во Псковъ, Луку Протасьева съ дружиною, а отъ Новгорода владыку Моисея, и тысяцкого Авраама, и Федора посадника; и рекоша кн. Александру: «поѣди, господине, въ орду, не погуби крестіанъ отъ поганыхъ». Боголюбивый же князь хотѣ поѣхати въ орду за вся крестіаны. И рекоша Псковичи: «не ѣзди, господине, въ орду; оже что будетъ на тобѣ, изомремъ, господине, съ тобою во единомъ мѣстѣ». И догадашася князь Иванъ, оже не вынати кн. Александра, ни выгнати ратию, и намолви (*научилъ*) м-та Феогноста; и посла митрополитъ въ Псковъ проклятіе и отглу-

(4) Здѣсь князь воспоминаетъ страданіемъ за Рускую землю—отца своего Михаила и брата, убитыхъ въ Орду.

ченіе на кн. Александра и на весь Псковъ (1). Боголюбивый же князь Александръ рече Псковичемъ: «братья мои и друзи мои! не буди на васъ проклятія ни отлученія мене ради; гду изъ града вашего вонъ, не буди вашего цѣлованія на мнѣ, ни моего на васъ, только цѣлуйте крестъ на княгини моей, како вамъ не выдати». И Плесковичи цѣловаше крестъ, и выѣха кн. Александръ изъ Пскова пословно съ Псковичи, не мога трѣпѣти проклятія и отлученія, зане кн. Александръ добротою и любовію въ сердца Псковичемъ. Тогда бяшетъ во Псковѣ туга (*тлота, горе*) и печаль и молва (*спору*) многа по боголюбивомъ кн. Александрѣ. И послала Псковичи послове къ кн. Ивану, Селогу посадника, а съ нимъ Олуферья Мандыевича, Омищу Дорожничина, Явила Полуктоевича, Андрѣя попа св. Николы: аже онъ стоятъ у града у Воюки; а хоженіе его отъ Новгорода до Опоки 3 недѣля, не хотя Псковичъ розгнѣвити. И Селога посадникъ, и Олуферей, и Омища, и Явило, и Андрѣй попъ правина слово псковское: «князь Александръ изъ Пскова поѣхалъ прочь; а тобѣ господину своему князю в. весь Псковъ кланяется отъ мала и до велика, и попове и чернци и черницы, и сироты и вдовицы, и жены и малыя дѣти». Боголюбивый же кн. Иванъ услыша отъ псковскихъ пословъ, оже Александръ изъ

(1) Это весьма замѣчательное явленіе и рѣдкое въ Русской исторіи: 1, оно показываетъ сильное развитіе самодержавной власти князя, который распоряжается митрополитомъ и чрезъ него достигаетъ политическихъ цѣлей. 2, Въ XIV в. власть духовная становится не заправляющей дѣлами, а рядомъ и въ связи съ свѣтской властью. 3, На Западѣ проклятія посылались постоянно, гдѣ папа присвоилъ себѣ и свѣтскую и духовную власть, а у насъ это было большимъ исключеніемъ. 4, Отлученіе сильно дѣйствовало на народъ въ средніе вѣка, какъ въ Россіи, такъ и во всѣхъ христіанскихъ странахъ.

Пскова выѣхалъ, и кончаша *миръ свѣтлый* съ псковичи по старинѣ, по отчинѣ и по дѣдинѣ; и благослови м-тъ Теогнастъ и владыка Моисей Селогу посадника и весь Псковъ. И потомъ кн. Александръ, бывъ полтора года въ Литвѣ, и пріѣхаше въ Псковъ ко княгини; и пріиша его Псковичи съ честью, и посадиша его во Псковѣ на княженіи.

(П. С. Лѣт. IV, 185—186; также 50—52).

125. Грамота м-та Теогноста 1353.

Благословенъ Теогноста митроп. всея Руси къ дѣтямъ своимъ къ баскакомъ и къ сотникомъ, и къ игуменомъ, и къ попомъ, и ко всемъ крестьяномъ Черниго Яру и ко всемъ городамъ по великую Ворону. Молюся Богови, да будете душею и тѣломъ добри здорови. Вѣдайте, дѣти заведеже многожды рѣчи и ятежь былъ промежи двѣма владыками, рязанскимъ и сарайскимъ, про передѣлъ тѣ (*ту границу епархіи*), и послалъ бызъ къ вамъ игумена своего, да разсмотришь по правдѣ, чій передѣлъ будетъ; и по того же игумена послушьству дагъ есмь былъ громоту владыцѣ сарайскому Афонасью: нынѣ же пріѣхалъ ко мнѣ владыка рязанскій съ крылошаны своими (1) и привезлъ ко мнѣ громоту брата моего, Максима м-та, а 2-ю грамоту брата моего, Петра м-та, и управливають (*оправдываютъ*) владыку рязанскаго, и велеть ему держати всего передѣла того по великую Ворону; и явилъ ми и 3-ю грамоту владыки сарайскаго Софонья, какъ тѣ (*тотъ*) ся отступилъ того передѣла,

(1) Съ пѣвчими и вообще людьми служащими съ ними.

что ея ему не вступатися: яжеже не сарайскій передѣль, но рязанскій. И ся вся язъ нынѣ видѣвъ, расудилъ есмь по тѣмъ грамотамъ братьи моеи митрополитовъ, что держати владыцѣ рязанскому передѣла того всего по великую Ворону. И оже быхъ переже сикъ грамотъ видѣвъ, ни игумена быхъ не посылаалъ извѣдывать (*узнавати*), ни грамоты быхъ сарайскому владыцѣ не далъ. И нынѣ есмь ту грамоту отложилъ, а грамотъ братьи своей м-товъ не могу порушити. Итого дѣла (*ради*) нынѣ пишу къ вамъ и явно створю (*объявляю*), какъ по тѣмъ грамотамъ братьи моеи м-товъ управляваю владыку рязанскаго, ать (*да*) вѣдаетъ передѣль тѣ весь, и далъ есмь владыцѣ рязанскому Кирилу грамоту правую, какъ и братья моя дали м-ты, и вы имѣйте къ нему любовь и всяко послушанье и покоренье, и исполняйте все, елико (*что*) глаголетъ вамъ душеполезная и спасительная; а что будетъ церковная пошлина, а то ему давайте, по давному обычаю. А милость божья и св. Богородица и мое благословенье да будетъ съ вами.

(Ист. гос. рос. IV, пр. 362).

126. Новѣсть о Митяи архимандритѣ послѣ 1380.

По представленіи иже въ святыхъ отца нашего Алексѣя м-та всея Русіи, взыде на степенъ его нѣкоторый архимандритъ, именованъ Михаилъ, нарицаемый *Митяй* (*уменьшит. имя*), здѣя же незнаемо нѣкако и странно, облечеса въ санъ митрополитъ, възложи на ся бѣлый клобукъ, и манатию съ источники и скрижални, и перемонатку митрополитию и посахъ, и просто реши во весь санъ ми-

трополитъ самъ ся постави. Пржеже бо сего в кн. Дмитрій Ивановичъ просилъ того у Алексѣя м-та, дабы благословилъ Митяя по своемъ животѣ на митрополию; онъ же не хоташе того створити, ижеже новоуку ему суму въ чернечествѣ, якоже апостолъ глаголетъ: подобаетъ епископу непорочну быти и не новоуку, да не развѣличався въ сѣть впадетъ діаволу. Князь же в. много о семъ нуждаше митрополита: овогда самъ приходя, овогда же бояръ старѣйшихъ посылаа къ нему, дабы створилъ волю его, благословилъ бы Митяя на митрополию; Алексѣй же м-тъ, умоленъ бывъ и принуженъ, и ни тако посули быти прошенію его, но навѣстуетъ святительски и старчески, паче же пророчьски, рече: «ахъ не доволенъ благословити его, но оже дастъ ему Богъ, и св. Богородица, и пресвященный патриархъ и вселемскій съборъ». И бысть на немъ зазоръ отъ всѣхъ чюдотѣкъ, и мнози негодоваху о семъ, и священники неключимоваху (*досадовали*) о немъ, понеже еще не поставленъ санъ вселемскимъ патриархомъ, но самъ дрязну на таковой превысокий степенъ, и на дворѣ митрополитѣ живяше, и въ всемъ сану его хождаше, казну же и ризницу язъ, и бояре служажуть ему, и отроки предстѣяху ему, и вся елика подобаетъ митрополиту, тѣмъ всѣмъ обладаше; и нача въоружатися на игумены и на священники и на черноризцы, епископы же и прозвиреры въздыхашу отъ него глаголюще: «воля господня да будетъ». Выискати же и распытывати о семъ, кто есть намѣстникъ сей Митяи, откуда бѣ, и что ради дрязновеніе таково и власть имаше. Бысть убо сей Митяй родомъ Коломенитинъ, саномъ же попъ, единъ отъ сущихъ тамо коломенскихъ поповъ, возрастомъ высокъ, тѣломъ не малъ, плечистъ, рожанствъ (*породистъ*), браду имѣя плоску и велику и съврѣшену, словесы речистъ, гласть имѣя красенъ, грамотѣ гораздъ, пѣти гораздъ,

чести горьдъ, отъ книгъ сказати горьдъ, всѣмъ дѣлы поповскими изащень и по всему нарочить бѣ (знаменитъ былъ). И того ради избранъ бысть изволеніемъ в. князя въ отечество и въ печатники, и бысть Митяй отецъ духовный князю в. и всѣмъ боаромъ старѣйшимъ, еще же и печатникъ⁽¹⁾. И пребысть въ такомъ чину и въ такомъ устроении много лѣтъ, дондеже състарѣся старецъ Іоаннъ, нарицаемый Непейца, архимандритъ Спаскій, иже остави архимандритію въ старости глубоцѣ и сице въ кѣлію молчанія ради; и тогда взыскаи бысть кому быти по Непейцы архимандриту у Спаса, и въпръвыхъ помяненъ бысть Митяй, сего въсхотѣ князь в. архимандритомъ у Спаса, еже и бысть въскорѣ. Въсхищенъ бысть, аки нуждею, Митяй на постриженіе и приведенъ бысть въ церковь св. Спаса, и призванъ бысть ту отъ Михайлова чюда архимандритъ, именемъ Елисей, нарицаемый Четверта, и абіе постризаетъ Митяя въ чернци, и не токмо въ чернци, но и въ архимандриты. И ту быше (видѣти) дива полно: иже до обѣда бѣлещъ сынъ, а по обѣдѣ архимандритъ; иже до обѣда мірянинъ, а по обѣдѣ мнихомъ начальникъ и старцемъ старѣйшина, и наставникъ, и учитель, и вождъ и пастухъ! И пребысть Митяй въ архимандритѣхъ яко два лѣта. По преставленіи же Алексѣя м-та, оставль архимандритію, на пребольшій санъ устремися, повелѣніемъ в. князя на превьсокій степенъ възде, и творяше все, еже достонтъ митрополиту, по всей митрополіи, и съ поповъ дань сбираше, зборное же и рожественое, оброки же и пошлины, то все взимаше, гововяся на митрополію и пристраяшеть себѣ все суцаа, къ путному шествію потребнаа къ Царюграду на поставленіе. Но того лѣта не поиде,

(1) Хранитель печати, въ родѣ секретаря у князя.

хотяше поставитися на Руси въ епископы сущими епископы въ Руской землі. Сице же ему умыслившу, и въ единъ отъ днѣй бесѣдуетъ Митяй къ в. князю, глаголя: »почтохъ правила св. отецъ и обрѣтохъ сице въ нихъ: яко достонтъ спедшимся епископомъ, елицы обрѣтутся 5 или 6, да поставятъ епископа, — и нынѣ аще обрѣтохъ благодать предъ тобою, да повелитъ дрѣжава твоя съ скоростію снитися епископомъ, сущимъ въ Рускѣй землі подъ областію государства твоего, и спеднимся поставятъ и мене въ епископы; князь же в. Дмитрій повелѣ тако сему быти. Спедшимъ же ся епископомъ и ни единъ же отъ нихъ дрѣзну рещи противу Митяю, но токмо Діонисій епископъ суждалскій по многу възбрани князю в. глаголя: »не подобаше сему тако быти«. Митяй же видя себе орамлена и умышленіе его бездѣлно бысть. Нѣцыи же отъ малоумныхъ навадиша Митяю на Діонисіа, а Діонисію на Митяя; Митяй же осуди яко виновата Діонисіа, и посла къ нему, рече: »что ради, о епископе, пришедъ въ градъ сей не приде ко мнѣ преже всѣхъ, ни поклонимъ ся, ни благословенія потребова отъ мене, но яко небрегома створи мя; не веси ли, кто есмь азъ, яко имѣю власть въ всей митрополіи? Діонисій же рече: »да на мнѣ не имаша власти ни единой же; тебѣ подобаше (паче) пріити ко мнѣ, и благословитися и предо мною поклонитися: азъ бо есмь епископъ, ты же попъ, то кто болій есть, епископъ ли, или попъ? Митяй же рече: »ты мя попомъ нарече, а азъ въ тобѣ ни попа доспѣю, а скрижали⁽¹⁾ твои своими руками спорю, но не нынѣ ищю тебѣ, но сгда пріиду изъ Царяграда«. И мнози распрѣ бывши ме-

(1) Скрижали на митіи архіерейской дѣлаются на плечехъ изъ лентъ въ видѣ четверугольных.

жи ими. Пробыть же Митяй на Москвѣ наместникомъ лѣто и 6 мѣсяць, и оттогъ начать Діонисіе помышляти къ Царюграду; се увѣдавъ Митяй и възвѣсти в. князю, да запрѣтитъ Діонисію. Князь же великій отъинудъ възбрани ити ему къ Царюграду, да не сѣтворитъ пакости, ниже которые споны (*препятствія*) Митяю, дондеже въ митрополитехъ приидеть, и повелѣ Діонисіа нуждею удръжати; и держимъ бѣ Діонисіе въ крѣпости, преухитри сице в. князя глаголя: «ослаби ми и отпусти мя въ своей воли жити, а уже къ Царюграду безъ твоего слова не иду, а на томъ на всемъ поручаю тебѣ по себѣ игумена Сергіа». Князь же великій послуша моленія его, и отпусти Діонисіа на томъ словѣ яко не ити ему къ Царюграду, но ждати до году Митяевы митрополіи. Діонисій же ни съ недѣлю не помедли, но вскорѣ (*побѣжаніемъ*) побѣже къ Царюграду изъ своей епископьи изъ Новагорода Нижнего Волгою къ Сарая, обѣтъ свой изгнѣннѣ, а поручника свята выдавъ. Митяй же большее себѣ оправданіе приать, и дръзновеніе стяжа, и повошеніе на Діонисіа и негодованіе.

Князь же в. Дмитрій зѣло любяше Митяя, и въ сласть послушаше его, и егда уже къ путному шествію Митяй устремляшеся, и тогда дръзну просити у в. князя паче мѣры прошенія, глаголя: «аще обрѣтохъ благодать предъ тобою, да дай ми харатю (*бумажу, грамоту*) не написану, а подписану и запечатану твоею печатію в. князя, да възму съ собою на запасъ, да егда что ми будетъ надобѣ заимати сребра тысячу или колико въ оскудѣніи или въ нужи, да напишу си въ ней»; и сѣтвори князь в. по прошенію его и дасть ему такую харатію, глаголя: «да егда что ти будетъ надобе, то се ти буди и кабала (¹) моя съ печатію».

(¹) Кабальная грамота въ родѣ векселя или контракта.

И поиде Митяй къ Царюграду, въ лѣто 887 (1379) по суху; въ то же время и Діонисій поиде по Волгѣ къ Сарая. Поиде Митяй съ Москвы на Коломну, а съ Коломны за Оку рѣку перевезеса къ Рязани, м. іюля 26 день. И проводиша его честно самъ князь в. зѣ бояры старѣйшими, также и епископы, и архимандриты, и игумены, и попове, и діакони, и черныцы и множество народа, и провождѣше его възвратитишася; съ нимъ же поидоша къ Царюграду: трие архимандриты, Іоаннъ Петровскій, и сей бысть первый общему житію начальникъ на Москвѣ, — Пиминъ переаславской, Мартинъ коломенскій, Дорожей печатникъ, Сергій Озаковъ, Степанъ Высокой, Антоній Кошіе, Макарей игумень съ Мусолина, Григорей спаскый діаконъ, Александръ протопопъ московскій, Давыдъ протодіаконъ Даша, и крылошане володимирскіе, и люди дворные, и слугы пошлые (¹) митрополити, и казна и ризница. Бояринъ же бѣ отъ в. князя Юрій Василіевичъ Кочевинъ Олешинскій, то же и посолъ его, тому и старѣйшинство приказано; а митрополити боаре: Федоръ Шолоховъ, Іоанъ Ортеміевичъ Коробьинъ, Андрій братъ его, Невѣръ Барминъ, Степанъ Ильинъ Кловыня, а толмачъ (*переводчикъ*) Василей Кусковъ, а другій Буילו, и бысть ихъ полкъ великъ зѣло. И пройдоша всю землю рязанскую, и приидоша въ мѣста половечская, въ предѣлы татарскія, и уже проходящамъ имъ орду, и атъ (*взять*) бысть Митяй Мамаемъ, и многого дръжавъ его, пакы отпусти ѣ; и прешедше землю Татарскую, приидоша къ морю Кафинскому, и ту въ корабль вѣдоша; и бысть уже прешлавающимъ имъ пучину морскую; яко и Царь бѣ градъ видѣти, тогда внезапно разболѣся Митяй, и

(¹) Слуги пошлые — старинные люди, на видѣніе которымъ есть грамоты.

не всего себѣ приносяще Богу, часть же своихъ похотемъ работающе, ихъ же обрящеть болшее томленіе, якоже сильну сушу Богу душу и тѣло и погубити? Иже въ мнишскій св. образъ одѣяни, и въ въ монастырѣхъ сущимъ, и ни словомъ глѣть рещи: се твое, а се мое, или сего и оного; шбо 5000 суще простыци и вся обща мняху, никто же свое ему быти вѣща: болѣ паче въ общемъ житіи, въ монастыри не нарицати: а се мое. Кдѣ же суть отъ плевелъ сѣющаго діавола възрастша въ общемъ житіи, глаголемая итарица, недостойнѣ нарицати общимъ, на разбойникъ сѣдалища, и священнокраденія и всеа злобы непріязнны зѣльници. Сего бо ради наречется общее житіе, да все обще имуть, и ни единому имѣти діавольска начинанія и своя попеченія, пакостнаа и безумнаа, яко иже во св. В. Василій глаголетъ: «яко имѣяи въ монастыри свое что въ келіи, велико или мало, чюжого себе Божія церкви створи, и господни любве такожь чюжь есть: полѣзныѣ убо есть съ малыми разумными жити, неже съ многими безщными, преобидящи заповѣди господня». *Нынѣ же впадшаа въ сія великаа сѣрпышенія, и презреченнаа правила св. Отець преступльшаа невѣдльнємъ, аще начнутъ каятися достойно и обѣщаются въ та же великоа сѣгрѣшенія не впадати, азъ смиренный архіеп. Діонсій суждальскій, съ благословеніемъ всеев. патріарха, прощаю. Отсега, по повеленію всеев. патріарха вселенскаго, въ честнѣмъ семь монастыри св. Богородица, на Снѣтной Горѣ, уставихомъ ти, въ монастыри семь честнѣмъ, ничто же своего, ни игумену, ни братіи, но все отдати Богу и св. Богородици въ монастырь: ни ѣсти въ келіи ни пити, не у келаря просити; а келарю не дати, ни ключнику не дати никому же ничесоже безъ игуменова слова; ѣсти же и пити въ трапезѣ вкуплъ есьмъ; oprичъ же тра-*

пезѣ ни асти, ни пити, ни какожь, ни до обѣда ни по обѣдѣхъ; а *домана никакожь не пити*. А въ церкви по правилу и по уставу св. отецъ да поють. А на службу идѣже аще прелетъ мниха, безъ ослушенія да идетъ; а *безъ благословенія игумена никакожь не ходити ни куды*. Послушаніе же и покореніе имѣти во всемъ игумену: *аще кто вопреки начнетъ глаголати игумену и въздвигати начнетъ свары, запертъ таковій да будетъ въ темници, дождеже покиется*; а непокориваго мниха, по 1-мъ и 2-мъ и 3-мъ наказаніи, выженуть его изъ монастыря, да не идудуть ему отъ внесеннаго въ монастырь ничтоже. Се же отъ многа мало писаномъ вамъ; а прочее же обращете въ книгахъ св. В. Василія Кесарійскаго и св. Ефрема, и св. Ивана Лѣтвиичина, и св. Теодора Студійскаго и прочіихъ св. отецъ, о послушаніи и о смиреніи и прочіихъ добродѣтелѣхъ, яже свершивше, милость божію получите и св. Богородица, и благословеніе всеев. патріарха вселенскаго, и она будущаа благаа, аже уготова Богъ любящимъ Его. Приде же въ слухи наша и се, яко ктиторъ сего честнаго монастыря, рекше, создатель, создавъ сій монастырь и братью созъкушнѣ, и уставъ въ веде св. Отець, общее житіе, аже многымъ наказаніемъ извѣстнѣ и клятвами утвердивъ, еже есть на спасеніе душамъ чловѣчьскимъ, пребывающимъ въ монастыри семь честнѣмъ, и всемъ христонменнымъ людемъ на пользу и похвалу, пребывающимъ въ богохранимомъ семь градѣ Псковѣ: се азъ, поновляя, пишу на утверженіе сей грамотѣ, яко кто дерзнетъ помышлети, благое се уставленіе превратити лукавымъ обычаемъ, будетъ подъ тягостію отлученія пресв. патріарха вселенскаго.

(Акты Историч. I, № 5).

128. Выбраніе архієпископа 1388.

Съиде Алексѣй владыка съ владычѣства, на преполовленіе праздника владычня, по своей воли, въ монастырь св. Воскресенія на Деревяницю, своего ради нездранія, благословивъ своихъ дѣтей весь В. Новгородъ; сѣдѣвъ 30 лѣтъ безъ лѣта и безъ 5 мѣсяць, изволи молчаливое житіе, въ немощи буда. Посадникъ же Есѣй Захарьиничъ, съ мужи старѣйшими, биша ему челомъ и много молиша и всѣмъ Новгородомъ о томъ, чтобы еще побылъ въ дому св. Софьи, «дождеже извѣдаемъ, кто будетъ митрополитъ Руской земли». Онъ же не послуша ихъ и отречеся отъивудъ, глагола имъ: «дѣти! на мене ся не надѣйте; а васъ благословляю, добывайте собѣ владыкы». Новгородци же рекоша: «кого, отче, благословиши намъ на свое мѣсто святителемъ?» Алексѣй же благослови, рекъ: «изберите собѣ 3 мужи достойны, да положите 3 жребія на св. трапезѣ (на престолѣ) въ имена написавше, да который Богъ дастъ вамъ, того вамъ благословлю». И волею божию, а по святителеву благословенію, много гадавъ посадникъ и тысящикъ, и весь Новгородъ, и игумены и попове, и створиша тако, не изволиша бо собѣ отъ человекъ избраніе сътворити, но отъ Бога пріяти извѣщеніе, и уповаша на милость Его, кого Богъ дастъ, того знаменаетъ; и избраша 3 игумены, и сътвориша 3 жребья: въ 1-й написаша игумена св. Спаса съ Хутынѣ Ивана, Перфурьева сына, а въ 2-й Пароенія игумена въ Благовѣщенскаго монастыря, Сидорова сына, а въ 3-й Аванасья игумена Рождественскаго. И посадникъ Михаилъ Даниловичъ самъ жребья печаталъ, и положиша на престолѣ въ св. Софьи, утвердивше слово таково: «его же въ схоцеть св. Софья премудрость божиа своему престолу служебника имѣти, того жребій да оставитъ на престолѣ своемъ».

И начата ерен съборомъ литургію пѣти, а Новгородци стояша вѣчемъ у св. Софьи; и по отпѣтѣи св. службы, протопоиъ Измайло вземъ съ престола изнесе на вѣче жребій Аванасьевъ, и потомъ Пароеньевъ, а Ивановъ остался на престолѣ, по божию изволенію и по даннѣй благодати, изволи Богъ служителя собѣ и пастуха словесныхъ овецъ Новгороду и всей области его (1). И възлюбиша вси Богомъ назнаменана и избранны мужа, блага и кротка, тиха и смирена и зѣло бояща Бога; и народъ весь отъ мала и до велика течаху на Хутину, и пояша его, и взведоша ѣ честно на сѣни, въ владыченъ дворъ; Алексѣй благослови его въ свое мѣсто своею рукою. А се бысть на Вознесеніе господне, въ четвертокъ, м. мая 7.

(П. С. лѣт. IV, 95—96).

По монастырямъ въ древнее время игумена избирали сами иноки. См. Житіе Антонія Римл. и о киевочерс. инокахъ. По свидѣтельству Герберштейна въ прежнее время и Митрополита выбрали на соборѣ изъ епископовъ и игуменовъ разныхъ монастырей; потомъ выборъ сталъ зависѣть отъ в. князя Московскаго. См. выше въ повѣсти о Мити.

129. Изъ посланія константинопол. патриарха Антонія Псковича 1388 — 1395 г.

Патриархъ Антоній, милостию божию архієпископъ Костантинограда, новаго Рима, и всесенский патриархъ. О боголюбивый епископе В. Новаграда и прочихъ предѣлъ, ты же благородный посадникъ и тысящкый и всѣ бояре, и священници и иноци, и вси людие христовиенити

(1) А при выборѣ владыки въ 1229 г. посмѣли вынимать жребій княжича Ростислава и онъ вынулъ жребій Спиридона. П. С. лѣт. 1, 220.

господи! Смирение наше и божественный и священный съборъ, яже о васъ промыслиюще, по долгу своему же, вездѣ вселенныя крестіаны не престають еже писати и учити о вѣрѣ, елика къ миру и спасенію ихъ сего ради съ многымъ въвести потщаніемъ и прилежаніемъ, еже Рускаго многочеловѣческаго наказати и умирити многихъ и великихъ съблазненій, предварившихъ занестію лукаваго ѡбса. Понеже възвѣщено ми бысть о васъ, моему смирению и всему священному събору предѣдши, о преже варившихъ (*предарившихъ*) въ васъ ересѣхъ, яже суть расколы (¹), занеже съблазняетесь во время оногo Карпа, діакона отлученаго отъ службы, стригольника (*разстригу*), и глаголетъ: *не достойни суть презвитери по мѣдѣ поставляеми, недостойно отъ нихъ причащатися, не каются къ нимъ, ни крещеніа отъ нихъ приимати*. Но мы не мало смутхомся и оскорблхомъ о семъ, вѣдуще душевную бѣду, къ ню же впадосте, и недоумѣхомъ лукаваго ѡбса кознемъ его, и удивлхомся, и въ нынѣ вложимъ пакы на съ искушеніа. Сего ради, посла наше смирение и великий съборъ боголюбиваго архіеп. сузда. Дионисіа къ вамъ съ грамотами, мужа честна и благочестива и добродѣтельна, и священныхъ канунѣ (*правилѣ*) известна хранителя, да видятъ вы отъ насъ и благословитъ вы, и воучитъ и покажетъ, и съвокупитъ вы вси сборнѣи и апостольскѣи церкви: да увѣсте (*узнаете*) вси, яко отлучаясь отъ церкви, самого того Христа отлучается; нѣсть имъ участіа, ни жребіа священныхъ отъ него, ни въ семъ вѣцѣ,

(¹) Врѣмя именуются отступленіе отъ истиннаго ученія Христіанскаго, а расколъ—не вѣрность на общепринятую вѣрность Христіан

ни въ будущемъ... (¹). Исправите же убо и вы себе, стригольники, наипаче еретици, увѣдѣвши, въ кое ало впадосте: покоритесь презвитеромъ вашимъ и покайтесь въ нихъ же съгрѣшите, и отступите отъ ересей своихъ. Азъ бо глаголю се, отецъ вашъ, патриархъ: съединитесь въ благое, въ смирение и любовь къ ереомъ, служахъ божиимъ; въздадите церкви божию должное покореніе. И понеже нѣсть грѣха, побѣждаа человеколюбіе божіе, и аще исповѣстаете въ нихъ же съгрѣшили есте, и просите прощеніе и милосердіе отъ службѣнниковъ св. церквей,—и Богъ... проститъ вамъ вся елика съгрѣшите. Аще бо се nebudeтъ отъ васъ съкрушеннымъ сердцемъ и смиреннымъ, но пребудете даже и до конца неспирени, въ первомъ непокорствѣ вашемъ и жесточествѣ: и никто же отъ насъ разрешитъ васъ, еже на васъ възглашено отлученіе. И аще кто, взявъ рѣчь на презвитеры, расколъ учинитъ кто отъ крестіанъ, проклять да будетъ...

Злохытрствомъ и лживыми словесы прельстилъ диаволъ родъ человѣчь, и тѣмъ древа животнаго удалихомся. Сътворавый же насъ Богъ, неизреченными щедротами подаде намъ причащеніе св. пречистыхъ тавнъ, истиннаго животнаго плода, еже съѣдъ, живу быти въ вѣки. И выгнѣ диаволъ непрестаетъ прельщая родъ человѣчь: тогда бо отпаде самъ славы божіа и отдалися отъ древа животнаго; вынѣ же отъ службы отлучена и отъ церкви изгнана Стригольница въздвиже на правобѣрную вѣру; и оклеветала весь вселенскый съборъ, патриарховъ и митрополитовъ и епископовъ, и игуменовъ и поповъ и весь чинъ священны, и глаголетъ, яко не по достойно поставляеми: и таковою

(¹) Ссылки на священное писаніе и на прованъ отцовъ и мученикъ для удобнаго чтенія.

виною прельщашу худоумныя, отлучашу отъ причастія сѣ, пречистыхъ животворящихъ таинъ христовыхъ, и вуще змишныя прелести постави прелесть: зміа бо прелести, яко смертію умирають; а сею прелестію въ муку вѣчную идуть... Стригольници же, противници Христу, повелѣвають, яко отъ древа животнаго, отъ причащенія удалятися.... *показа имъ писаніе книжное, еже списа, на помощь ереси своей, дабы чимъ уставити народъ на священники, уподобляяся оному Корею и Дафану и Авирону, иже вставши на Моисея и на Арона, глаголюще: освященіи приносити Богу теміанъ, и мы такоже священники есмы; и отлучиша народъ 200 и 50 въ слѣдъ себе... и разгѣвава на ня Господь Богъ, и повелѣ земли зинуть (зіять, разступиться) и пожрети ѿ сѣ женами и сѣ дѣти ихъ, и снидоша живи въ адъ; а оставшихъ огнемъ съжже... Такоже и нынѣ Стригольници, ни священія имуще, ни святительскаго сана, сами сѣ поставляютъ учителя народомъ, отъ тщеславіа и высокоуміа, и слушающая ихъ съводятъ въ погыбель. Христосъ Богъ Спасъ нашъ избра 12 ученикъ и сіа апостолы постави, помолився Богу и Отцу, възложи на ня руки своя и повелѣ имъ учить народы... Сами апостолы взяша рукоположеніе отъ Христа Сына Божія, и тоже рукоположеніе даша патріархомъ и митрополитомъ и прочимъ священникомъ. По тому правилу, и доселѣ избирають патріарси и митрополиты въ которую ждо область и наставляютъ патріарха, а патріархъ съ митрополиты поставляетъ митрополита; митрополитъ съ епископы поставляетъ епископа, а епископъ съ попы и діаконы поставляетъ попы и діаконы: и тако достоинъ намъ имѣти всякого священника, яко апостола Христова. Егда священникъ службу служатъ, тогда имѣти его яко Христа въ*

Сіонѣ и съ ученики вечереваша; и тако достоинъ причаститися отъ руки его, яко отъ руки Христовы вечереваша. И не разсужай и не распытай о ѣрен божіи, аще достоинъ или ни... Смотрите же, Стригольници наипаче же еретици, како ти апостолъ Павелъ рече, себе рассмотреть, а не ѣрея божія. Или речеши: *недостойни суть духопродавци?*

Христосъ, вѣдый Юду, хотяща предати его на вечерю, отъ трапезы, не осуди его преже суда; а ты кто еси осуждай чужего раба? Своему господеву или стоить или падеть: сменѣ Богъ вѣставити его. Рдѣте, еретици, гдѣ хотите пона взяти себѣ? Аще глаголете: *недостойны есть патріархъ, и недостойны суть митрополиты; то по вашему нинѣ слову, ни единого кльсть пона на земли, аще бо который, нищеты дѣля, позна себе, безъ даровъ церковныхъ поставленъ есть. Но мыслию и вѣрою исповѣдаемся и вси причащаемся къ соборнѣй и апостольскѣй церкви; а его же митрополита освятить намъ патріархъ, того вси чтемъ яко Христова наиѣстника, такоже и епископъ въ коемъ ждо градѣ и области презвитеры, яко апостолы Христовы. Вамъ же гдѣ есть поставити пона, по своей окаанной вѣрѣ? Не приде бо Христосъ второе възлѣтитися на землю, ни снидеть ангелъ освятити вамъ пона; аще бы вамъ ангелъ освятитъ пона, то и тому не подобаетъ вѣровати, по апостолу Павлу, рекшему: «аще ангелъ вамъ благовѣститъ наче проповѣданнаго, еже пріаствѣ, проклять да будетъ». *Како дѣрзнуствѣ уничтожити святителя проторы (издержками) церковными, еже взимають у поставляющихся, урокъ церковный, по апостолу Павлу глаголющу: «церковникъ церковію питается и олтарници съ олтаремъ съдѣляются?»...**

Аще вы, Стригольници и еретици, праведници мнитесь, не слышите ли

апостола глаголюща: «аще речемъ, грѣха не имамъ, лжемъ и истины нѣсть въ насъ»? Завѣстію бо (под)стрѣкаемъ вы, *Стригольници, встаете (возстали) на святыхъ и на поповъ, сами себѣ хотяще честь прехватити*. Изучисте словеса книжная, яже суть сладка слышати крестіаномъ, и поставистесе учителя народомъ. А не помянете слова христова, еже рече: «не входай двери въ дворъ овчій,—но пролезя нудя (отъ дру-гомо мѣста), тѣтъ есть и разбойникъ».

Всякъ бо немѣя поставленія святительска, учити поучаяся, и учителя уперти, сей не двери вшелъ есть. Та-ти и разбойници убиваютъ чловѣки оружіемъ; а вы, Стригольници, убиваете чловѣки разумно смертію, удаленія ради отъ пречистыхъ тѣлъ и крови Христовы, Христу Богу глаголющу: «аще кто не съѣсть плоти Моєа, ни пиеть крови Моєа, не имать сѣта ни живота (жизни)...

Глаголютъ Стригольници о нынѣшнихъ святительствѣхъ и о поплехъ: недостойны тѣхъ службы, яко и мѣсто вънимаютъ у христіанъ подаваемое имъ приношение, и за живыхъ и за мертвыхъ; а не разумѣютъ оказаннѣ, еже достойно приняти отъ модающихъ милостыню: самъ бо Христосъ въ домъ Закхеевъ выше обѣдѣти и подаваемая принимаше. Аще бы не пріялъ Христосъ ни отъ кого же ниѣнѣа, чимъ бы ученици шли кунити хлѣбовъ въ градъ самарейскій, егда съѣлъ Христосъ на младиши? И кое бы сребро носилъ Іюда въ кофеецѣ? И по взнесеніи Христовѣ, апостоли проповѣдающе имя христово, приимаху отъ приносящихъ: мнози бо продаху села и стажанія, и цѣны ихъ полагаху предъ ногами апостолскими; Аванія же ұнять (взять, ұмаю) отъ цѣны села, злѣ умре съ женою своею Сампирою предъ ногами апостола Петра. Апостоли бо приимаху отъ приносящихъ, и подаваху отъ того требующимъ; и сами отгелѣ

стажаху себѣ пищу и одѣніе: не камена имъ тѣлеса бѣаше. Вы же, еретици Стригольници, ухарнете ядущихъ и живущихъ святителейъ и поповъ, рекуще, «яко *Жидове христови, трутни, глаголюще: си чловѣкоядци суть и омынители, друзи мѣтаремъ и грѣшникомъ*; а вы, еретици, тако глаголете: *си учителя паници суть, ядятъ и пиютъ съ тѣмицами, и возимаютъ отъ нихъ злато и сребро и порты (платье), отъ живыхъ и мертвыхъ; и такими злыми словесы оказаннѣми прельщаютъ народъ*. И аще будутъ, по вашему слову, недостойни святители и попове, не помяните слово господне, еже рече: «на престолѣ Моисеевѣ сѣдохъ книжници и фарисіи; все еже глаголютъ вамъ творити — творите, по дѣломъ же ихъ не творите; глаголютъ бо вамъ, а не творять». *Вы же Стригольници, почитающе св. евангеліе, то слово преступаете, которое речено: «покоряйтеся учителемъ»; а которое самъ Христосъ изрекъ ученикомъ, то почитаете на укоръ священникомъ, а неразумѣя слова Христова реченнаго въ св. евангеліи: «что видѣши сучецъ въ очеси брата своего, а у себе брѣвна не чюеши? Изни, лицѣмъ, первѣе брѣвно изъ очесе своего»...*

И пакы речено бысть: «да просвѣтит-ся свѣтъ вашъ предъ чловѣки и да видятъ дѣла ваша добра, и прославятъ Отца вашего, иже есть на небесѣхъ». Се же слышавше, не мнимъ, яко предъ чловѣки добродѣтелию не велѣно намъ хвалитися... Вы же, Стригольници, глаголете, еже Павелъ повелѣ и простому чловѣку учити: тогда бо вси невѣрни бѣша, а не вамъ еретикомъ то речено бысть; како вы нынѣ *правосѣрныхъ христіанъ смущаете, святители и церковъ божию преобидѣли*. Не бѣителся въ Маваномѣ (1) писаваго: «всякъ иже учить

(1) *Вомоканомъ*— собраніе церковныхъ правъ, отъ греч. *вомос*—законъ, *канон*—правило.

приобидѣнъ быти церкви божіи, да будетъ проклятъ. Вы, Стригольница, уловяете христіанъ тѣмъ словомъ, еже Христосъ рекъ апостоломъ: «не имайте влагалница, ни мѣди при поясѣхъ вашихъ». Предъ страстію же своею, рече имъ: егда послахъ вы безъ влагалница и безъ мешца, требовасте ли чего? Они же ркоша къ нему: не требовахомъ ничтоже; рече имъ Иисусъ: нынѣ же имѣйте влагалница и мѣхъ (*мльшоукъ*).» Аще повелѣ Христосъ держати влагалнице и мѣхъ ученикомъ, то позорно ли держати влагалнице и мѣхъ? *Аще ли речете еретици: се много собираете имльнїа; то не вы, Стригольници судите имъ: судятся отъ Бога, или отъ большаго святителя. Что ся твориши главою, но іа сый; овчя будя, пастухомъ твоишиися?* А не слушася Григорїа Богослова, рекшаго: «овци не пасты пастуховъ». Еще же и сію ересь прилагаете, Стригольница, *велите къ земли каятися человеку, а не къ попу...* Св. отци уставивша духовныхъ отецъ, да не повѣдуются имъ крестїани... Духовному отцу да исповѣдасть грѣхы своя человекъ, и духовный отецъ отъ грѣха того престати повелѣть, и противу грѣха того вѣдасть ему епитимью понести; того дѣла ему Богъ отдасть грѣха того. А кто исповѣдается къ земли, то исповѣданїю нѣсть ему въ исповѣданїе; земля бо бездушная тварь есть, и не слышитъ и не умѣетъ отвѣщати, и не въспретитъ съгрѣшаемымъ. Того дѣла, не подасть Христосъ Богъ прощенїа грѣховъ къ землїи касающемуся. *Сїю бо злую сѣть положи диаволь Карпомъ діакономъ, что не велѣлъ каятися къ попомъ, дабы отъ поповъ честь іерейскую отвалъ, еже далъ Христосъ вязати и разгьшати грѣхы.* Самъ бо Стригольница связанъ бысть и отлученъ отъ церкви, своея дѣла ереси; того ради нынѣ въ ту несповѣданую погыбель ве-

детъ. Еще въ животѣ своемъ уразумѣлъ то, еже тѣло его не будетъ погребено съ псалмы и пѣснми; того дѣла почалъ людемъ глаголати: *не достоинъ надѣ умрѣшими пѣти, ни поминати, ни службы творити, ни прикоса за жертвля приносити къ церкви, ни пировъ творити, ни милостыни давати за душо умершаю.* Дїаволь отпаде ангелскаго сана; того дѣла многи люди прельщаетъ, дабы не единого свелъ въ погыбель: тако и Стригольница, связанн бывше, нынѣ въ своей сѣзѣ неправедный привлекають, дабы не единн связаны на небеси и на землїи, и отлучены отъ соборныя церкви, злыа ихъ ереси ради. Въ апостольскихъ бо правдѣхъ писано есть, творити память по умершихъ; такоже и св. отци уставивша въ всякой службѣ поминати усопшихъ, и похваля по нихъ пѣти, и явуны заушкѣи уставивша; а по еретикѣ же не повелѣша никакѣ прикосенїа прикосити, ни заушкой поминати его...

Въ пещерѣ ильевской Антошеви единъ мншкъ умре въ гресѣхъ и положенъ бысть въ пещерѣ; злыи смрадъ исхожаще изъ него, и явлено бысть о немъ: повелѣ игуменъ взрещи всемъ на свѣдѣ, послѣди же молитвами св. Антонїа и Феодосїа и прочныхъ святыхъ, положенныхъ въ пещерѣ той, и ту сущихъ живыхъ въ монастыри томъ св. отецъ молитвами, отслана бысть злая таа его воня и преложиса на благоуханїе; се бысть знаменїе ослабѣ его. Мы, живїи, того дѣла, сътворяемъ молитвы за мертвыхъ; того ради Богъ повелѣ молитву творити другъ за друга. Христосъ Богъ нашъ имѣетъ власть и по смерти влещи въ муку или пощадѣти. Слава великому человекѣлюбію его и праведному суду. Подобно есть христіаномъ слышати слова христовы: «блюдитеся отъ книжннкъ хотящихъ ходити въ одеждахъ овчихъ, внутрь суть волци и грабители; отъ плодѣ ихъ познаете ѡ,

А еретици, Стригольники иѣци, безумни, глаголють: «си не грабятъ иѣнія, не собираютъ». Фарисей таѣи же бѣша: поспѣшася двоице на недѣли, весь день не ядуще; мытари же, грѣшници, съ исповѣданіемъ придоша къ Христу и спасошася...

Такови же бѣша и вси еретици, поспѣшници, молебници и книжници, лицемерници, предъ людьми чисти творящеся: аще бо бы нечисто житіе ихъ видѣли люди; то кто бы вѣровалъ ереси ихъ? Или бы не отъ книжнаго писанія глаголали, кто бы послушалъ ихъ? Но въ книжномъ писаніи сами еретици съблазнишася, тѣмъ ныхъ неразумныхъ съвратиша; о сихъ бо пророци прорекоста: «камень претыканія и съблазненію невѣрующимъ въ Христа». Книжное почитаніе, рекша, правобѣрныхъ недвижимо спасеніе: всякъ бо почитая книжное писаніе, безъ смѣренія и кротости, аще кого укорити чинъ, и тѣмъ впадаетъ въ ересь и бываетъ ему съблазненію камень, и на живнѣ вданъа ему заповѣдь обрѣтается ему въ смерть. Еще бо иѣчто и дивнѣе того реку: и бесерменове постанутъ и отъ книгъ глаголють, но не подобаетъ внимати ихъ. О самопоставляющихъ учителейъ апостолъ рече: «яко мнози лживи пророци изыдоша въ мѣръ, но не послушайте словесъ ихъ и въ домы своя не принимайте ихъ, да не приобщаетеся дѣломъ ихъ злымъ; слугы бо льстивыя преобразуются яко слугы истыны, и самъ сатана преобразуется въ ангель свѣтелъ». Тѣмъ же не достойно есть слушати Стригольническихъ ученій никакому крестіанину, да не уловленъ будетъ въ діаволъ пруглѣ (стыи), да не отлучится отъ безсмертнаго источника, отъ тѣла и крови Господа Бога Спааса нашего І. Христа, да не будетъ осужденъ въ вѣчную муку.

Достойно всякому хрестіанину придити въ церкви божіи и слушати пѣнія и чтенія, еже есть въ св. церквахъ, и

внимати писаному въ апостолѣ и въ евангеліи, еже почитаютъ священницы; а недостойно ихъ осуждати, по реченому: «не осужайте, да не осужени будете; имъ же судомъ судите, осудится вамъ». А кто по стригольничьской ереси, начнетъ священникъ осуждати, не токмо неподобно ихъ послушати, но и отъ градъ ихъ отгнати; рече бо писаніе: «извержете злое сами отъ себе; малъ квасъ все смѣшеніе квасить». Христосъ же Спасъ нашъ ученикомъ своимъ рече: «блюдитесь отъ кваса фарисейска», спречь, отъ ученія тщеславна. О всѣхъ сихъ и славимъ Господа Бога Спааса нашего І. Христа, давшего намъ плоть свою ясти и кровь свою пити, ему же слава... и проч.

(*Акты Историч. I, № 6*).

О Стригольничихъ см. Разсуд. о ересяхъ и расколахъ. Руднева М. 1838, 236.

130. Пастельная грамота м-та Кипріана новгородскому архіеп. Іоанну 1392.

Се азъ Кипріанъ митрополитъ Кіевскій и всея Руся, по преданью св. апостолъ и св. Отець уставу, еже то уставилъ предѣлы церквамъ божьимъ, митропольямъ и епископьямъ, да еже что помяло къ которой митрополы или къ епископы монастыре, шумены съ черныци, попы, дьяконы и всякъ церковный челоуць, то вси подѣ властью, въ послушаньи святителю; никто же да несмѣетъ ни едины крестьянинъ, ни малъ ни великъ еступатися въ тая дѣла. Аще ли который отъ тыхъ шумень, или попы, или чернецъ иметъ отыматися мѣрскими властелины отъ святителя, такового божественная правда извергаютъ и отлучаютъ, а кто

по милѣ и мѣнѣ вступатися, того не благословляютъ. А что поусты и села и земли и воды и пошлины, что потягло къ церкви божьей, или купли, или кто далъ по души памати дѣля, а въ то ни единъ христіанинъ не вступатися; а кто вступатися, того не благословляютъ божественная правила. Сего ради, и азъ Кипріянь по тѣмъ божественнымъ правиламъ, далъ есмь сію свою грамоту въ епископью въ новгородскую, въ св. Софью и сыну своему, владыцѣ архіепископу В. Новгорода, Ивану: да елико есть монастыревъ, игумены да будутъ у него въ покореніи и въ послушаніи и весь чинъ свиченнический; также и погосты и села и земля и воды, со всѣми пошлинами, что потягло при первыхъ владыкахъ къ той епископии, къ Софьи святой, какъ при первыхъ владыкахъ тамо что ни было, тако и нынѣча потянетъ къ св. Софьи и къ владыцѣ Ивану. А никто бы не смѣлъ вступатися въ церковныи пошлины, ни въ земли, ни въ воду; бжогся бы казни св. правилъ; а кто будетъ вступатися, а тотъ бы престалъ отъ сего часа. А кто послушаетъ св. апостолъ правилъ и св. сборовъ преданье и мое поученье, на томъ милость божія и Пречистыя его Матери и мое благословенье, а кто не послушаетъ моего благословенья и покушается обидѣти церковь божію, а на томъ не буди милости божіи и Пречистыя ея Матери ни моего благословенія. А дана грамота на Москвѣ, в. августа въ 29 день.

(А. Истор. I, № 7, стр. 16).

Обрѣтивъ вниманіе, какъ въ Новгородѣ и Псковѣ стали рано поднимать вопросъ о владѣніяхъ духовенства; въ Москвѣ онъ возникъ позже.

131. Грамота м-та Кипріяна Псковича 1395.

Се азъ Кипріянь митрополитъ Кіевскій и всея Руси. Что есмь слышалъ, азъ владыка суждальскій Денисей списалъ грамоту, коли былъ во Псковѣ, а приписалъ къ грамотѣ князя в. Александровъ, по чему ходити, какъ ли судити, или кого какъ казнити, да въписалъ и проклятье, кто иметь не по тому ходити: ни то Денисей владыка не свое дѣло дѣлалъ, не по закону и не по правиламъ. Ажь будетъ какову грамоту списавъ, положилъ князь в. Александръ, по чему ходити: ни въ томъ воленъ всякій царь въ своемъ царствѣ, или князь въ своемъ княженіи, всякая дѣла управляетъ и грамоты записываетъ; также и тотъ князь в. Александръ въ своемъ княженіи, а списалъ такую грамоту по чему ходити, на христіанское добро, воленъ въ томъ. А что Денисей владыка въплелъся не во свое дѣло, да списалъ неподобную грамоту, и азъ тую грамоту рушаю. А вы, дѣти мои, Псковичи, ажь будетъ прже сего ходили по той грамотѣ князя в. Александровъ, а будетъ то у васъ старина: и вы по той старинѣ и ходите; а что владычняя грамота Денисьева, а ту грамоту пошлите ко мнѣ, да то я самъ подеру: та грамота не въ грамоту. А что въписалъ проклятіе и неблагословенье патриарше, я то азъ съ васъ снимаю и благословляю васъ: то былъ суждальскій владыка, а дѣлалъ то въ натежное время; а патриархъ ему того не приказалъ дѣяти. А вы, дѣти мои, ходите по своей пошлнѣ, и по старинѣ суды судите; а кого виноватаго покажете ли, — воли есте, покажите ли противу какое вины, — воли же есте; дѣйте по старинѣ, чисто и безъ грѣха, какъ и всякіи христіане дѣють. А милость божья на васъ и мое благословенье.

А дава грамота въ В. Повѣгородѣ, м. майа 12, индикта 3, въ лѣто 6903.

(А. Истор. I, № 10. стр. 18).

132. Отдѣленіе Кіевской митрополіи.

Въ лѣто 6922 (1414). Фотій м-тъ, понеже по обычаю живаше въ Москвѣ, да ни же многія отъ русскихъ священниковъ взымаше, въ сіе лѣто хотѣ пойти презъ Литовскую землю во Цариградъ, и выбирать дани обычныя у священниковъ; Витольтъ же не любаше сего, еже изъ его князства дани во нну область износить, и разгнѣвався на Фотія м-та, и повелѣ его за всего ограбити и живъ члвкъ на Москву отпустити ..

Въ лѣто 6923 (1415). Витольтъ, в. кн. литовскій, видя яко св. Софія, столная церковь митрополіа, не имущи государя, аки вдова осиротѣвшая, красоты своей лишена есть, такожде и во всей митрополіи кіевской строенія нѣсть, а митрополитове пришедши зъ Москвы о семъ токмо пекутся, еже обрѣше што красно въ Софійи себѣ взяти, такожде и дани отъ священниковъ и иныхъ христіанъ собравши въ Московскую землю съ собою отнести, и сожалѣ о томъ, еще же размысли в се, да не умалается богатство въ землѣ Руской: и сего ради повелѣ собратися на соборъ вѣсьмъ епископомъ и ихъ священному клиру. Собравшежеся, по повелѣнію его, епископы вѣсь: Пелагіа Черніговскій, Феодосій Полоцкій, Діонисій Луцкій, Герасимъ Володымерскій, Харитонъ Холмскій, Евфимій Туровскій, и прочіи священники и бояръ множество, имъ же рече Витольтъ: поставите себѣ митрополита въ моеи державѣ, си есть въ Кіевѣ, по прежнему обычаю; аще бо и инной вѣры азъ есмь, но жалѣю оустѣнія и обнищанія вашей митро-

поліи кіевской въ моеи державѣ, понеже московскіе митрополитове не пекутся вами, токмо приходами отъ васъ и проч. аже выше; аще ли же не хотите поставити себѣ здѣ м-та, а потомъ кто пойдетъ къ м-ту въ Москву, относя казну зъ моея державы во нну область, смертію умреть. Они же видяще доброе желаніе князя, повинушася повелѣнію его, и согласившеся вѣсь епископы, и весь освященный соборъ, и вѣсь бояре, избраша себѣ на митрополію благоговѣйна мужа Григорія Цемвляка (*Семивлаха*). А Витольтъ посла грамоту моленія отъ вѣсьмъ епископовъ и отъ себе ко святѣйшему патріарху Каллисту, да благословитъ посвятити ннаго м-та Кіеву, написа же и вины, почто не хочеть м товъ московскихъ; св. же патріархъ Каллистъ не хотѣ, да смятеніе будетъ во православныхъ, благослови Руси посвятити себѣ Григорія на митрополію кіевскую, его же посвятиша (*соборомъ епископовъ*) благословеніемъ патріаршимъ, ноеврія 15. И оттолѣ начаша быти два м-ты, единъ въ Кіевѣ, а другій въ Москвѣ.

(Густинс. лѣт. 353).

133. Посланіе м-та Московскаго Фотія въ Кіевъ 1417.

Яко той мятежникъ церковный Григорій Цамблакъ зовется митрополитомъ кіевскимъ, и поставленъ есть отъ неправеднаго сборища въ литовскомъ Повѣгородѣ, не избраніемъ св. отецъ, не испытаніемъ съборнымъ, не разсужденіемъ правильнымъ, ни рукоположеніемъ патріархъ, ни по преданію церковному; но паче мучительски самозаконно поставленіе его съдѣяше, якоже въ сонномъ привидѣніи играюще, проявленіи си ситшати гнуснѣи, меръскаго оного поставляютъ, въ

священную одежду непотребнаго неспяше-
нъ одеваютъ, еже достоинъ възгласивше
ему, иже многого стыда и лукавства до-
стойнаго, но мѣрскими властями и по
хотѣнію спосму и желанію обрѣте, на
пробывающаго мене, и-та, по достоинію
въ животъ. Яже о немъ первѣе явлена
быша на сборѣ въ Цариградѣ, елико
смуженіе створи на христову церковь,
отъ святѣйшаго вселенскаго патріарха
Евѣимія и божественнаго и священнаго
всего сбора изверженъ бысть изъ сану,
отъ поновства и проклять.

Сего ради божественный и священный
сборъ по случаю събрався, божественны
и священнѣйшія и всесчестѣйшія святи-
тели, и-ты и съ симъ боголюбивіи епи-
скопы, и судомъ сихъ общимъ имѣемъ
сего Цамблака, по божест. священ. пра-
вилѣмъ, извержена и отлучена и прокла-
та; такожде и тѣхъ епископъ его сбори-
ща, нещодобнаго, яко осужденныхъ имѣ-
емъ ихъ, якоже бо не по повелѣнію яви-
шася божест. правилъ, но досадители и
преслушатели, отменни симъ явишася,
отъ единаго по достоинію съгласія лиши-
шася отъ божеств. сборниа и аностол.
Христовы церкви, и мѣнующеся святители
безъ разсужденія святаго великаго патрі-
арха, но отъ мѣрскаго зачала святитель-
ство приима. И како то створи оканный
си Цамблакъ, кто же убо имѣеть его
священникомъ и съпріобщается ему, или
благословеніе его приимаеть, аще епи-
скопъ буди, или священникъ, или кто
мѣрскій человекъ, имѣемъ того изверже-
на и проклята: пріобщаяся не пріобщен-
ночю, и самъ той не пріобщенъ будетъ.
Вамъ же и всѣмъ вашимъ, единци не
пріобщившася незаконному сему дѣлу, отъ
беззаконнаго сего Цамблака, въ всемъ ни-
какко пріобщаеми будите, гнушающесе его
яко несвященна, но осквернена. Аще и
имѣеть къ вамъ, и неурятно буду вамъ
шесаніе его; аще и присылаеть къ вамъ
како, и слова ему не дадите отъинудъ,

понеже то потугленіе принесется душамъ
вашимъ; и который убо рукополагаетъ отъ
него, рекше поставленъ, и помазаетъ его,
имѣеть его извержена, яко того самого
Цамблака, и сихъ его и все, еже онъ
сътвори.гъ и створить, имѣеть дѣло то,
якоже не бысть. Услышите вси, иже
любве съ ними творяще! Како убѣжати
вамъ отъ гнѣва грядущаго на нихъ? или
съ ними сѣдворяющесе и съосверняюще-
ся въ нищи, или въ питіи, или въ лю-
бовѣ дружбѣ! Како сѣдете приступити
къ божественнымъ и страшнымъ тайнамъ
христовымъ? И молю вашу любовь пра-
вославныхъ крестьянъ, еже не сходится
вамъ съ тѣми ни въ которомъ дѣйствѣ,
ни въ пици, ни въ питіи, ни во дружбѣ
ни въ обѣты, ни въ мѣрѣ, ни въ люб-
ви; понеже который сходился съ ними,
чюжда себе творить церкви божіи. А ни-
лостъ божія и наше благословеніе да бу-
детъ со всѣми православными крестьяны.

(П. С. Лст. IV, 116—117).

Фотій и-тъ кіевскій. Приб. къ Твор. св. Ф.
1852, 2. Ист. Рус. Словес. Шевырева III. Об-
зоръ дух. Литер. № 8 — 89 Григорій Цамблакъ.
Тамъ же 89—91. Изв. Акад. VI. Папскія блага
ему дана 1438 г II Собр. Лст. VI, 319—320.
Его поученія. Правосл. Собес.

134. Поученіе владыки Свѣтлана Псков- чанинъ 1418.

Вы благородни и честноповленіи мужи!
Вѣдуще се, яко елико кто честь воздаеть
своему святителю, та же честь самому
Христу приходитъ, отъ него же чающе
изду пріяти сторицею и жизнь вѣчную
наслѣдити; такожде, сынове, честь возда-
вайте своему святителю и отцемъ вашимъ
духовнымъ, наставникомъ вашего спасенія,
всадѣмъ покореніемъ и любовію, не пы-
тающе отъ нихъ ничтоже, ни вопреки

дающею наставнику своему отцу; но смотри саму себя и своего спасения, въ послушаніи и въ наказаніи отца своего духовнаго и во смиреніи, о себѣ же никакже не мудрьствовати, ни выситися, но аки православныя престыни, живущая подъ закономъ божіимъ; да чтобы есте церковь божію не обидѣли, занеже церковь божія не обидѣна бываетъ ни отъ кого же, ни кимъ же. И вы бы, дѣти, въ церковное не вступадиса ни вочтоже, елико назначала епискупіи полагло, при преждебывшихъ архіепискупіихъ мовгородцѣихъ, по правильному навіщенію, въ догь божій св. Софѣя, въ земли, и въ воды, и въ суды, и въ печать, и во всё пошланы церковныя; или будетъ кто въ церковное во что вступился, и вы бы есте, чада, того съступили, а съ своей души сведѣ, по указаннымъ церковнымъ правиламъ не ожидаа на ся богословныя вины, по праву св. отецъ.

(П. С. Лст. IV. 118).

135. Благословенная грамота м-та Фотія инокъ Навлу Оберскому ок. 1420 г.

Благословеніе Фотія, митрополита всея Руси священническому всему и иноческому чину и всякому купно чину же възрасту православному. Вѣсте, еже изъ начала начальственаго всяко ухищреніе лукавственое и поущеніе есть отъ супостата врага дьявола на родъ человеческій, паче же того коварствѣ и многихъ сътей проинаемыхъ на родъ человеческій, убійствомъ и татбами и иными таковыми Богу отуждаемыми мерзостями, и всіми таковыми далече отъ Бога сътворяа душа человеческая и кровь погыбали низпоревая: и се убо оттуду древлѣ, вѣсте, колкымъ ухищреніемъ того общаго врага дьявола, ради лакомства, протца нашего Адама на преслушаніе введе и изъ раа

луга; того же паче врага сътти и коварьствы, и Каина подаше на убійство Авелеве; и по семъ того же супостата врага ухищреніемъ, Іаду отъ дика ама-стольска отлучи и на предательство его введе, еже сребролюбья ради Творца набу и земли Іудѣемъ прода; и по сихъ многочислены суть сътти его, принаемны на родъ христіанскій, великии мерзостыни и мерзостыи душа человеческая отлучая. И также и кимъ, того сътти и занятіемъ и ухищреніемъ, подиреть умъ пѣкоторого, ведучи въ погыбелъ человека того, и на то вятъе дерзновеніе приде, и церкви божіей скровенное вятъ, и много истязаемыхъ не искуши, ни погыди. И о семъ убо ваше смиреніе, съ молитвою и съ благословеніемъ, тако имевшъ: кто будетъ тео съкровене въскитилъ, да не пресритъ словашаго о немъ, и благословлю, да повержють вятое въ церкви божіей и безо всякаго зазора; аще ли сего писанья нашего не радѣти начнетъ и не повержеть, и азъ смиренный, тако имѣи власть отъ Духа св. еже взыати и рѣшити, кимъ того подъ запременіемъ и тагетію церковною и отлученіемъ, подъ своимъ неблагословеніемъ, дождеже тагетрадственное пріобрѣтенъе повержеть раздвождену по немъ и възвратитъ погубишешу, и тако приметь отъ Господа Бога милость и его пречистыя матере, а отъ нашего смиренія свободу разрѣшеніемъ прощеніе о сдѣянныхъ злыхъ его.

(А Истор. I, № 257).

136. О Сидорѣ митрополитѣ.

Въ лѣто 6945 (1437). Приде изъ Царяграда на Москву м-тъ Сидоръ, въ вторникъ свѣтлыя недѣли по Велицѣ дни, и вріать его князь вел. честис; онъ же самъ подстрекаемъ бысть сатаню, и помалѣхъ временехъ своего пришествія начатъ

како убо крѣпота свѣта животнаго иракъ
 дѣла видѣется, како ли вѣра благочестіа
 въ латынскомъ приложися; царь же и пат-
 рiarхъ (греческіе) православіа въ пре-
 фектѣ латынскихъ ересей впадохся, въ
 сѣти злата увануша погубома Сидоро-
 вантъ оболганіемъ, злато приеми отъ Бо-
 ге отлучивша и съ латынею соединивша-
 ся. Что убо, царю въ латынѣхъ доброе
 увидѣлъ еси? Не сіа ли есть почестъ въ
 нѣхъ божию церкви, еже възвысати въ
 ней гласы своя яко безумни, и многи
 языкъ и языкъ и зѣло великъ въшь пѣніа
 нѣхъ; или се есть красота нѣхъ церковная,
 еже ударяють въ бубны, въ трубы же и
 въ органы, руками пласуще и ногами
 топчуще, и многіа игры дѣюще, или же
 бѣсемъ радость бышаотъ; се ли есть сми-
 деніе и благочестіе въ св. церкви, еже
 вама нѣхъ клечить на колѣну свою, и
 оверьшочаа приносятъ и въ рукавицахъ
 служить, и перетни на рукавицахъ по-
 сати, также и архіепископи и епископи
 и учителя нѣхъ творять, и капланове нѣхъ
 клечать, также и вси Ляхове и весь ла-
 тынскій родъ, мужска полу и женска,
 малѣи же и велици, вси надающе на ко-
 лѣну клечать до скончаніа богомръскаго
 нѣхъ пѣніа; тако бо и Жидове сътворивша
 ругающися Христу Богу нашему, еже на
 святыхъ его страстехъ претерпѣ отъ нѣхъ
 досаду и поношеніе; сіи же къ тому еще
 яко наругахуся образу господню: учителя
 нѣхъ, церковніи служителіе, постризають
 браны и усы своя равнующи женскому
 зрѣнію, ркуще же сице благословствуя:
 тако добро есть къ святыхъ приступати;
 а идѣже служатъ и приобщаются, ту и
 иси нѣхъ съ ними ходять. Нѣхъ же свѣ-
 туя похвалаше таковаа Сидоръ злочести-
 выи, и того ради отъ папы Сидору при-
 емну почестъ велію; и тако идущу ему
 отъ Рима въ путь свой на рускую
 митрополию, и присѣвъ въ градъ нарица-
 емый Будинъ, м. марта въ 5 день, и от-
 туду пославшу ему свои писанія къ Лит-

нкою, и Литовскую, и Нѣмецкую землю
 и на всю Русь православнаго христіан-
 ства, сице пиша: «Исидоръ, милостію бо-
 жіею, пресвященныи архіепископъ кiev-
 скій и всея Руси, легатомъ и отъ ре-
 бра апостольскаго сѣдалища латынско и
 литовскаго и нѣмецкаго, всѣмъ и всепо-
 ну христовѣрнымъ съ прибавленіемъ вѣ-
 ры свои вѣчное спасеніе въ Господа.
 Възрадуйтеся и възвеселитеся вси нынѣ,
 яко и церковь вѣсточная и западная, во-
 великое время раздѣленн быша и единыя къ
 единой враждебны, а нынѣ истиннымъ со-
 единеніемъ соединивша въ невѣдательствен-
 нѣйшее свое соединеніе, и въ миръ, и
 въ единчество древнее безъ всякаго раз-
 дѣленія» и проч...

Приде Сидоръ на рускую землю (1440),
 въ богоспасаемый градъ Москву, къ бла-
 гочестивому и благовѣрному в. кн. Ва-
 силію Вас., скрывая прелесть латынскія
 въ собѣ ереси, еже изнесо на истинное
 православіе; и тако почестъ свою латын-
 скаго обычая бѣсованія гордости въскорѣ
 являетъ, нѣмъ же хотя величатся, еще
 сравню и чюже есть отъ православныхъ
 вѣры, еже не достоятъ творити вѣрнымъ:
 преже, убо въ посланіи грамотъ своихъ
 званеса легатомъ и отъ ребра апосто-
 льскаго сѣдалища латцкаго же, и литовска-
 го, и нѣмецкаго, а предъ собою повелѣ-
 ваше носити крыжъ латынскій да 3 ма-
 лицы сребрены, про честъ ераскаго си
 права. Егда же въ молитвенныхъ рече-
 ній св. службы и вѣсто св. патриархъ
 вселенскихъ поминаетъ въ пръвѣхъ и бла-
 житъ Еугеніа пана римскаго, ему же бо
 на златѣ отдаде св. вѣтру Греческаго пра-
 вославіа; по скончаніи же св. службы
 повелеваетъ Сидоръ, вшедь на амбонъ,
 чести ведегласно грамоту 8-ю суемисла-
 наго събора отреченнаго, въ ней же на-
 писано есть богомръско и богоотступно,
 еже суть латынскія прелести: раздѣлаю-
 ще св. Троицу, глаголющи, яко Духъ св.
 отъ Отца исходитъ, Духъ же и отъ Сы-

на, и опрѣсочная мудрѣствующе съединиша ркуце, яко въ безкваснѣмъ и кваснѣмъ хлѣбѣ Тѣлу Христову сътворитися достоинъ; а о усопшихъ сице есть писано: иже въ истинной вѣрѣ и исповѣданіи божиимъ съ смиреніемъ копецъ приима, и покааніа плодъ не доспѣша принести о съгрѣшеніихъ своихъ, о нихъ же имъ духовніи отци заповѣдаша, и такоимъ очищеніемъ мукъ очистятся по смерти;—но вся убо сицева собою мудрѣствующе съдѣлаша, прелести ради истинныя вѣры православна, еже бы прельстивъ отлучити христіанство отъ божественнаго закона. И тако о всѣхъ сихъ бывшихъ дѣлахъ ихъ и самъ Еугеній папа римскій посла свое съ нимъ написаніе къ благовѣрному в. к. Василію Васил. (*За тѣмъ слѣдуетъ грамота папы*).

Сіа же вся услышавъ в. князь, и яко узрѣ бываемаа грамота ихъ сумысленнаго събора укрѣпленія и услышавъ, по изреченіемъ словесъ его, въпрямъхъ папино помяновеніе имени, и позна Сидора вѣрохвѣрнаго ересь, и тако не приять благословенія отъ руки его и *латинскимъ ереснымъ прелестникомъ* нарече его, и скоро обличивъ посрами его и выѣсто пастыря и учителя алькомъ нава его, и скоро повелѣ съ митрополскаго стола съарещи его, яко безуинна прелестника и *отступника* вѣры, и повелѣваетъ пребыти ему въ монастыря, донележе обещетъ о немъ по божественнымъ священнымъ правиламъ св. апостолъ и бгосъставныхъ седми съборовъ св. Отець, и тако истинымъ судомъ правды предъ

архіепископы и епископы земель своихъ и предъ всѣми зборы священныхъ обличитъ сущее въ злыхъ ересехъ бывшее дѣло его, яко да усрамятся таковыхъ и отложитъ ересная дѣла своя, и повинется и покается, и милость получить. Сидоръ же злаго аду насытився, никакоже отругнути могъ и ни нааа времени пождати не стерпѣ, срама ради обличенія своего о злыхъ сихъ ересехъ латынскихъ, еже дѣлаше; и тною своего безвѣрія облѣкся, ношю *бездверіемъ* иснедъ, татъствомъ, бѣгу ятса, и съ ученикомъ своимъ съ черидемъ зъ Григоріамъ, и тако (*убльжало съ Москвы къ Твери, а оттомо къ Литвъ да и къ Риму*) бѣжаша къ Риму, отнюду же приидоша и злыя латынскія ереси внесоша, (къ папѣ своему злочестивому, діаволомъ водимъ къ своей ему погибели). Богоразумный же благочестіа дѣлатель, благовѣрный в. кн. Василей Вас., никакоже не посла по немъ възвратити его, ни всхотѣ удрѣжати его, яко несмыслена суща и богопрѣска, да не приступятся грѣсѣ его; зане бо святая правила божественнаго закона св. апостолъ повелѣвають такового церкви развратника огнемъ съжести, или живаго въ земли загрести...

(*П. С. лѣт. VIII. 100—109*).

Объ исключительномъ и свѣтскомъ значеніи русско-католической церкви и вредномъ ея влияніи на развитіе (словакъ см. «Ист. Балт. Слав.» А. Гильбердинга 1855. 298. О сношеніяхъ папѣ съ Россією Н. А. Невова. Уч. Зап. Каз. Унив. 1842. кн. IV.

В. Л Е Г Е Н Д А.

137. Построеніе Варяжской божницы.

Въ лѣта благочестивыхъ в. князей нашихъ русскихъ, живущимъ Новгородцемъ въ своей свободѣ и со всѣми землями въ мирѣ и совокупленіи, прислаша Нѣмци отъ всѣхъ 70 городовъ посла своего, биша челомъ архіеп. новгородскому, и посадникомъ, и тысяцкимъ и всему В. Новгороду, глаголюще: «имаме наши сосѣды дайте намъ мѣсто у себя, посреди В. Новгорода, гдѣ поставити божница по нашей вѣрѣ и обычаю». И Новгородци отмоливша имъ рекуще: милостию божию и еѣ пречистыя Богоматери, и отца нашего господина архіепископа благословеніемъ и молитвою, у насъ въ вотчинѣ господы нашемъ в. князей русскихъ, въ В. Новгородѣ, стоятъ всѣ церкви православныя наша вѣры христіанска, ино кое причаютье святу ко тѣмъ, такожъ и нашей божницы бытъ какъ въ нашемъ градѣ? Бѣ же тогда посадникъ степенный Добрыня именованъ, и Нѣмци слышавше жестокой отвѣтъ отъ архіепископа и отъ всего народа, и своимъ лукавствомъ биша челомъ посаднику Добрынѣ, и даша ему посулъ великъ (*взялку большую*). О семъ бо и Соломонъ рече: «всѣ послушаютъ злата». Посадникъ же Добрыня и съ злыми своими совѣтниками повелѣ Нѣмцомъ говорити старостамъ купецкимъ и кушцемъ новгородскимъ: «только нашей божницѣ храму св. верховныхъ апостолъ Петра и Павла не быти у насъ въ В. Новгородѣ, и то вашимъ церквамъ у насъ по нашимъ городамъ не быти жѣ.—И то слышавше старосты купецкіе и всѣ гости новгородскіе, начаше бити челомъ господину своему, отцу архіепископу и всему В. Новгороду, рекуще: «пожалуйте, позволите Нѣмцомъ поставити ропату (*божницу, церковь*) по ихъ обычаю и вѣрѣ, и мѣсто имъ дайте гдѣ полюбятъ; зане же не будетъ ихъ божницы адѣ, ино нашимъ церковомъ у ихъ не быти». Тажъ и посадникъ Добрыня за старость и за гости начать говорити: «только не будетъ нашихъ церквей по нѣмецкимъ городомъ, ино нашимъ гостемъ новгородскимъ велии будетъ лужно»,—и архіепископъ и новгородци послуша (*ша*) посадника совѣта и гостей своихъ челобитья, позволиша Нѣмцомъ поставити ропату, а мѣсто имъ укажетъ посадникъ, гдѣ будетъ прилично; и Нѣмци избраша себѣ мѣсто посреди града въ торгу, гдѣ стоятъ

церковь древняго св. Іоанна Предтечи. Посадникъ же Добрыня, ослѣпленъ мздою и наученъ діаволомъ, повелѣтъ церковь св. Предтечи снести на ино мѣсто, а те мѣсто отвелъ Нѣмцомъ; Предтеча жѣ господень не терпя вражія навѣта, и его злаго совѣтника, что испоругалъ святой его храмъ мзды ради; въ ноци убо той услыша пономарь той церкви Предтечовы гласъ глаголющъ ему: «заутра на 3-мъ часу дневномъ иди на Великій мостъ и повели новгородцемъ смотрити Добрынина посадничья чюда». И пономарь заутра возвѣсти Новгородцемъ, якоже слыша, и абіе стекошася множество народа на Великій мостъ видѣти, что хочеть быти. И якоже поѣха посадникъ Добрыня съ вѣча къ своей улицѣ чрезъ Волховъ въ насадѣ съ людьми своими—и внезапно приде вихрь, и вземъ насадѣ, възнесе на высоту, яко болѣ дву саженой и ударя оводу, и ту потоше посадникъ Добрыня ко дну, а прочіиже всѣхъ перенимаша въ судѣхъ въ малыхъ перевозникахъ, и тако неводы, ирежами и ужи одна възмогаша вывлющи тѣло его изъ рѣки; за свое же лукавство, неполучи и погребеніа, якесть обычай православнымъ. Сіи же повѣда игумень Сергій Островскаго монастыря отъ св. Николы, отецъ Занкклевъ, мнѣвшяго игумена Хутынскаго.

И якоже съвръшнша Нѣмцы ропату свою, и наша иконошники новгородскіе, и повелѣша имъ написати образъ Спасовъ на ропатнемъ углу, на полуденнѣй странѣ въ верху, на прелестъ христіаномъ и на соблавы,—и якоже написаша иконошницы образъ Спасовъ на ропатѣ, а архіепископа недоложа, и открыша покровъ, и абіе вскорѣ томъ часѣ приде туча съ дождемъ и съ градомъ, и амбыло градомъ и мѣсто то, идѣже былъ написанъ образъ Спасовъ, и левкасъ (*краска*) смыло дождемъ, яко же неявились ни знаменіа (*ни знаку не осталось*).

(Пам. стар. рус. лит 1, 251—253).

Легенда эта составилась уже по образованіи союза ганзейскихъ городовъ, слѣдов. гораздо позже дѣйствительнаго построенія варяжской божницы (рикско-католической для прибалтійскихъ торговцевъ), существовавшей въ Новгородѣ въ XII в. Тогда же была и русская церковь на Готландѣ, главнымъ центръ балтійской торговли. (*Сѣверно-рус. народопр. Н. И. Костомарова*).

кончати добромъ съ тѣмъ племенемъ, ни вагъ ни нагъ, коля-любо». М-тъ же възбранаше имъ и Лазарь тысяцкой, и Рагуило Володимиръ тысяцкой, како быша не убили Игоря. Они же кликнуша и пойдоша убивать Игоря, и Володимиръ вѣдъ на конь погна, и народи идяху по мосту; онъ же не мога ихъ минути, уворотя коня на право, мимо Глѣбовъ дворъ, и въскорѣша (*предупредили*) Кіане передъ Володимеромъ. Игорь же услышавъ, поиде въ церковь св. Феодора...

Онъ же устремилъся нанъ, яко звѣрье свѣршии, и похитиша его на обѣдни въ церкви св. Феодора, и манотью на немъ отогроша. Онъ же рече имъ: «о законопреступники, врази, всея правды христовы отметьники! почто яко разбойника хотите мя убить? Аще крестъ цѣловалъ есте ко мнѣ, рекуще, яко имѣти мя собѣ княземъ, нынѣ уже и всего того не помянулъ быхъ, зане сподобилъ мя Богъ мнискій чинъ въсприяти». Лукавый же нечестивый сборъ болѣ въпшаше, глаголя: «побейте, побейте!» И тако изъ свитки изволокоша, и онъ же вельми възгласивъ, рече: «о оканьци! не вѣсте ся что творяще, се бо творите невѣднѣемъ; аще и все тѣло мое наго оставите, нагъ бо издохъ изъ чрева матери моея, и нагъ отиду тамо». И то ему глаголющу, и емше, повѣдоша изъ монастыря, и срете ѿ Володимиръ въ вратѣхъ монастырскихъ, и рече Игорь възра на нь: «охъ, брате, камо мя ведутъ!» Исключи Володимиръ съ коня, и огну ѿ коръзномъ (*верхней одеждой*), река Кіаномъ: «братъ мой! не можете сего створити зла, ни убивайте Игоря»; и доведе ѿ Володимиръ воротъ матери своея, и ту начаша Игоря убивати, и удариша Володимира бьюче Игоря. Михаилъ же видѣ то вскочи съ коня, хотя помочи Володимиру, Володимиръ же вича ѿ во дворъ матери своея, Игоря хороня, и затвори ворота; бьюче же Михаила, от-

торгоша крестъ на немъ и съ чепми, а въ немъ гривна золота. Толыку же множеству убивающимъ Игоря, и прыгна Володимиръ Мьстиславичъ, вскочи съ коня, паде на Игоря, и тако Игорь вѣста, и вниде въ дворъ Мьстиславль; и тако людье яша Володимира и хотѣша убить про Игоря. И тако изъ народа стояше, и вврѣша Игоря вѣвгша въ Мьстиславль дворъ, и тако народъ двигашася и выломивша ворота, и тако побивша. Игорь же побиваемъ рече: «Владыко! въ рудѣ твои предаю тебѣ духъ мой, прими въ миръ твой душу мою». Безаконни же, немилостиви, побивше ѿ отъинудъ тѣло его наго оставиша и поверзѣше ужемъ (*привязали веревку*) за ноги уволочивша; и еще живу сущу ему, ручающеса царскому и священному тѣлу, и волокоша ѿ съ Мьстиславля двора черезъ Бабинъ торжекъ на княжъ дворъ, и ту приковаша ѿ. И тако скончаша Игоря князя, сына Олгова. Башеть бо добрый поборникъ отечества своего, въ рудѣ божіи преда духъ свой, и съвлекся ризы тлѣннаго человека, и въ нетлѣнную и многострастную ризу оболкъся Христа, отъ него же и вънцася въсприемъ мученія нетлѣнный вѣнечъ. И тако къ Богу отъиде м. сентября въ 19, въ день пяткъ. И оттуда възложиша ѿ на кола, и везоша ѿ на Подолье, на Торговище; и повергоша поруганью безаконни, несмысленія, ослѣпленія очима своимъ, вѣдуще, яко мьститель есть Богъ и взищетъ крови неповиннаго. Человеци же благовѣрнии, приходяще, ванимаху отъ крове его и отъ прикрова суцаго на немъ на тѣлѣ его, на спасеніе себѣ и на исцѣленіе, и покрывахуть наготу телесе его своими одежами. И повѣдаша Володимиру, яко поверженъ есть на торговищи; и посла тысячьского, и прѣвха видѣ повержена Игоря мертвого, и рече: «се уже Игоря есте убили, но Олговичъ, Давыдовича и Всеволодичъ, оже мыслили

139. Отношеніе Новгородца къ князю.

Въ лѣто 6644 (1136). Новгородци призваша Псковичъ и Ладожанъ, и судиваше яко изгонити князя своего Всеволода, и всадиша ѿ въ епискупль дворъ со княгинею и съ бояры и съ тещею, мая въ 28, и сторожи стрежаху день и ночь по 30 мужъ со оружіемъ; и съдѣвъ два мѣсяца, и пустиша ѿ изъ города, а Володимера сына его приша. А се вины его творяху: 1-е не блюдетъ смердовъ; 2-е чему хотѣлъ еси съести въ Переяславль? 3-е ѣхалъ еси изъ полку напредъ всѣхъ, а отъ того многи ны потяты (убиты); и велѣлъ ны ко Всеволоду приступити, а пакы отступити велитъ. — И не пустиша его, довалѣже нѣтъ князь будетъ. И приде Новгороду князь Святославъ Олговичъ изъ Чернигова отъ брата Всеволода; и Всеволода выгнаша Новгородци отъ себе, онъ же приде къ стрыви своему Ярополку въ Кіевъ, и да ему Вышегородъ, и съдѣ ту лѣто единно.

(1 Софійс. 157).

140. Убіеніе кіевского князя Игоря въ 1147 г.

Изяславъ посла Кіеву къ брату своему Володимиру и къ митр. Климови; и къ Лазореви тысячкому, и рече имъ: «созовите Кіянны на дворъ къ св. Софьи, ать (пустъ) мой посолъ молвить рѣчь мою къ нимъ, и скажетъ лѣсть черниговскихъ князій». Кіаномъ же всимъ съшедшимся отъ мала и до велика къ св. Софьи на дворъ, вѣставшемъ же имъ св. ольчи, и рече имъ Изяславъ посолъ: «цѣловалъ вы князь свой: изъ бяхъ вамъ

авилъ, се думалъ есмь со братомъ своимъ Ростиславомъ, и съ Володимиромъ, съ Изяславомъ Давыдовичема, пойти и стрыи своего на Гюрга, и вась есмь съ собою вабилъ (маниль, звалъ); и нѣтъ есте река (говорили): не можемъ на Володимире (мономаха) племя руку възнати (поднати) на Гюрга, но еше на Олговичи, хотя и съ дѣтми идемъ съ тобою; се же вы являю: се Володимеръ Давыдовичъ и Изяславъ, и Всеволодичъ Святославъ, ему же азъ много добра сторихъ, цѣловали ко мнѣ крестъ, нѣтъ же цѣловали потай (тайно ома) мене крестъ къ Святославу Олговичу, а къ Гюргю ся послали, а надо мною лѣсть учинили, хотѣли мя любо яти, любо убити про Игоря, но Богъ мя заступилъ и крестъ честный, его же ко мнѣ цѣловали; нѣтъ же, братъ Кіане, чего есте хотѣли, чимъ ми ся есте обѣчали, пойдите ко мнѣ къ Чернигову на Олговичъ, досѣвайте отъ мала и до велика, кто нѣтъ коня, кто ли не нѣтъ коня, а въ лѣдѣ, ти бо суть не мене единого хотѣли убити, но и вась искоремити». — Кіане же рекоша: «радъ, оже ли Богъ тебе избавилъ отъ велика лѣсти братью нашу, идемъ по тебѣ и съ дѣтми, якоже хочещи». — И рече единъ человекъ: «по князи своемъ, ради, идемъ; но первое о семъ промыслимы, якоже и преже створиша при Изяславѣ Ярославѣ, выскше Всеслава изъ поруба злихъ ома, и поставиша князя собѣ, и много зли бысть про то граду нашему; а се Игорьъ ворогъ нашего князя и нашъ не въ порубъ, но въ св. Феодоръ, а убивше того къ Чернигову пойдѣмъ, по своемъ князи; кончанмы же ся съ ними». — Тоже слышавше народъ, оттолѣ пойдоша на Игоря въ св. Феодоръ (монастырь). И рече имъ Володимеръ: «того вы братъ мой не велѣлъ, Игоря блюдутъ сторожи, а мы пойдѣмъ къ брату, яко же ны велитъ». Рекоша же Кіане: «мы вѣдаемъ, оже не

кончати добромъ съ тѣмъ племенемъ, ни вамъ ни намъ, коля-любо. М-тъ же възбраняше вмъ и Лазарь тысяцкой, и Рагуило Володимиръ тысяцкой, како быша не убили Игоря. Они же кликнуша и пойдоша убивать Игоря, и Володимиръ вѣдъ на конь погна, и народи наяху по мосту; онъ же не мога ихъ минути, увороти коня на право, мимо Глѣбовъ дворъ, и въскорѣша (*предупредили*) Кіане передъ Володимеромъ. Игорь же услышавъ, поиде въ церковь св. Феодора...

Они же устремившася нанъ, яко звѣрье свѣршии, и похытиша его на обѣдни въ церкви св. Феодора, и манотью на немъ отогроша. Онъ же рече имъ: «о законопреступники, врази, всея правды христовы отметыши! почто яко разбойника хотите мя убити? Аще крестъ цѣловалъ есте ко мнѣ, рекуще, яко живъи мя собѣ княземъ, нынѣ уже и всего того не помянулъ быхъ, зане сподобилъ мя Богъ минский чинъ въсприяти. Лукавый же нечестивый сборъ болъ въиаше, глаголя: «побейте, побейте!» И тако изъ свитки изволокоша, и онъ же вельми възгласивъ, рече: «о оканыи! не вѣсте ся что творяще, се бо творите невѣднншемъ; аще и все тѣло мое наго оставите, нагъ бо издохъ изъ чрева матери моея, и нагъ отъяду тамо». И то ему глаголющу, и емше, повѣдоша изъ монастыря, и срете ѿ Володимиръ въ вратѣхъ монастырскихъ, и рече Игорь възра на нъ: «охъ, брате, камо мя ведутъ!» Искочи Володимиръ съ коня, и огну ѿ коръзномъ (*верхней одеждой*), река Кіаномъ: «брате мой! не можете сего створити зла, ни убивайте Игоря; и доведе ѿ Володимиръ воротъ матери своея, и ту начаша Игоря убивати, и удариша Володимира бьюче Игоря. Михаилъ же видѣ то искочи съ коня, хотя помочи Володимиру, Володимиръ же вича ѿ во дворъ матери своея, Игоря хоропя, и затвори ворота; бьюче же Михаила, от-

торгоша крестъ на немъ и съ чепьми, а въ немъ гривна золота. Толику же множеству убивающимъ Игоря, и прыгна Володимиръ Мьстиславичъ, искочи съ коня, паде на Игоря, и тако Игорь вѣста, и вниде въ дворъ Мьстиславль; и тако людье яша Володимира и хотѣша убити про Игоря. И тако изъ народа стояше, и вврѣша Игоря вѣгша въ Мьстиславль дворъ, и тако народъ двинушася и выломивша ворота, и тако побивша. Игорь же побиваемъ рече: «Владыко! въ рудѣ твои предаю тебѣ духъ мой, прими въ миръ твой душу мою». Безаконни же, немилостивии, побивше ѿ отъинудъ тѣло его наго оставиша и поверзѣше ужемъ (*привязали веревку*) за ноги уволочивша; и еще живу сущу ему, ручающася царскому и священному тѣлу, и волокоша ѿ съ Мьстиславля двора черезъ Бабинъ торжекъ на княжъ дворъ, и ту приковавша ѿ. И тако скончаша Игоря князя, сына Олгова. Башеть бо добрый поборникъ отечества своего, въ рудѣ божии преда духъ свой, и съвлекся ризы тлѣннаго чловѣка, и въ нетлѣнную и многострастную ризу оболкъся Христа, отъ него же и ввнцася въсприемъ мученія нетлѣнный вѣнечъ. И тако къ Богу отъиде м. сентября въ 19, въ день пяттокъ. И оттуда възложиша ѿ на кола, и везоша ѿ на Подолье, на Торговище; и повергоша поруганью безаконни, несмысленни, ослѣпленни очима своимъ, вѣдуще, яко мстителъ есть Богъ и взицетъ крови неповиннаго. Чловѣци же благовѣрнии, приходяще, взимаху отъ крове его и отъ прикрова сущаго на немъ на тѣлѣ его, на спасеніе себѣ и на исцѣленіе, и покрывахуть наготу телесе его своими одежами. И повѣдаша Володимиру, яко поверженъ есть на торговищи; и посла тысячьского, и прѣйха видѣ повержена Игоря мертвого, и рече: «се уже Игоря есте убили, но Олговичъ, Давыдовича и Всеволодичъ, оже мыслили

на нашего князя зло, хотяче погубити лъстью; но Богъ за нашихъ княземъ и св. Софія». И повелѣ тысячкой взяти Игоря, и взявше ѿ положиша въ церкви св. Михаила. На ту ночь Богъ прояви надъ нимъ знаменіе велико, зажгосясъ свѣтъ вси надъ нимъ въ церкви той; наутрѣ же шедше Новгородци новѣдана митрополиту, м-тъ же запрети, да никому же не повѣдятъ, но повелѣ потаити такую благодать Богу явльшию надъ нимъ. Суботѣ свѣтаючи, посла м-тъ игумена Онанью св. Федора; и прѣѣха игумень, и видѣ нагого, и облече ѿ, и отиѣ надъ нимъ обычныи гѣсени, везе на коньцѣ града въ монастырь св. Семеону (бѣ бо монастырь отца его и дѣда его Святослава), тамо положиша.

(Ипат. Л. 32—34).

Въ объясненіе этого отрывка нужно замѣтить, что въ 1147 г. Киевляне, по приглашенію своего князя Изяслава Мстиславича, рѣшили идти на Давыдовичей, которые только что уличены были Изяславомъ въ изменѣ. Но одинъ человекъ сказалъ, что сторонники Игоря, врага Изяслава, въ отсутствіе ихъ, могутъ вывести изъ монастыря постриженнаго Игоря: вѣдь при Изяславѣ (1067 г.) злые люди вывели же Всеслава изъ поруба и много зла было городу, а изъ монастыря Игоря достать легче. Кончили прежде съ ними, убьёмъ его, а потомъ и пойдёмъ къ Чернигову. Киевляне нашли совѣтъ основательнымъ и убили Игоря. Въ такой необходимости смерти Игоря высказалось опасеніе вѣча, какъ бы, въ отсутствіе приверженцевъ Изяслава, не усмилась партія Давыдовичей и въ противность только что состоявшемуся рѣшенію, оставшіеся въ городѣ Киевляне не посадили на столѣ опять Игоря, которому цѣловали крестъ въ предыдущемъ году.

141. Убіеніе Андрея Боголюбскаго.

Въ лѣто 6683 (1175). Убьенъ бысть в. к. Андрей Суздальскій, сынъ Дюрлевъ, вукъ Володимерь Мономаха, м. іюня въ 28-й день, канунъ св. апостола, день бѣ

тогда суббота. Создалъ же бѣшесть собѣ городъ каменъ, именовъ Боголюбый, томъ далече якоже Вышегородъ отъ Києва, такоже и Боголюбый отъ Володимеря. Сый благовѣрный и христьлюбивый князь Андрей отъ млады версты Христа возлюбивъ и пречистую его Матерь, смыслъ бо оставивъ и умъ, яко полату красну, душу украсивъ всеми добрыми нравы; угодился царю Соломону, яко домъ Господу Богу и церковь православну св. Богородица Рожества, посредѣ города, камену созда въ Боголюбомъ, и удивилъ ю нче всехъ церквей, подобна тоѣ Святая Салтыкъ, юже бѣ Соломонъ царь премудрый создалъ...

Посемъ же нныи церкви, многы камены постави различныѣ, и монастырь многы созда. На весь бо церковный чинъ и на церковныи отверзалъ бѣше Богъ сердцемъ очн, не помрачн ума своего милствомъ, и кормитель бѣшесть чернцемъ и черницамъ и убогимъ, и всякому чину, яко възлюбленный отецъ бѣшесть, паче же милостынею бѣше милостивъ; мужество и умъ въ немъ живяше, правда же и истина съ нимъ ходиста, много добродѣтей много въ немъ бѣше, и всякъ обычай добронравенъ имѣшесть: въ ночь въходѣше въ церковь и свѣщи възжигивашеть самъ, и видя образъ божій на иконахъ написанъ, взирая яко на самаго Творца, и всея свѣтѣ написаны на иконахъ видя, смиряя образъ свой, съкрушеномъ сердцемъ, и уздыханье отъ сердца износи и слезы отъ очю испущая, покаянне Давыдово пріимая, плачася о грѣсѣхъ своихъ, възлюбивъ нетлѣнная паче тлѣныхъ и небесная паче временныхъ, и царство святыйи у вседержителя Бога паче претекущаго сего царства земльнаго, и всею добродѣтелью бѣ украсенъ, вторый мудрый Соломонъ; бѣшесть же и св добродѣтель имѣя: велашеть по всея дни возити по городу брашно и питье различное, больнымъ и нищимъ на потребу,

и вида всякого ниша приходящаго къ себѣ просить, подавая имъ прошемя мхъ, глаголю тако: «еда се естъ Христосъ пришедь испытать мене?» и тако приимаше всякого приходящаго къ нему, яко же Христосъ заповѣда. Тѣмъ достойно отъ Бога побѣдныи вѣноши приять еси княже *Андрею* (*тречас. амир—муасъ*), мужеству тесамоните, братама благоумныма святыма страстотерпцама въсѣгдо-валъ еси, крѣвю умывся страданіа ти; аще бо не мазать, то ни вѣнецъ, аще ли не мука, то ни дарове: всякій бо держася добродѣтели не можетъ бо безо многихъ врагъ быти. Князь же Андрей вражное убійство слышавъ напередѣ до себе, душетъ разгорѣся божественнымъ и навечто же вѣстни...

Сей же, боголюбивый князь не за друга, но за самого Творца, создавшаго вселенская отъ небытия въ бытие, душу свою положи. Тѣмъ въ память убьенна твоего, страстотерпче княже Андреа, удлиннися небоснімъ волъ, выдаще кровь проливаему за Христа; рыдаеть же множество праведныхъ, зряще отца сырымъ и кормителя, омрачымъ аждау святоисну попрачаему; онаямъ же убійцѣ огнемъ крестятся конечнымъ и сожигаетъ всякого грѣха душину, рекыше дѣвьяна. Ты же, страстотерпче, молися ко всемогущему Богу о племени своемъ, и о сродницѣхъ, и о землѣ Русьской, дати мірови миръ. Мы же на преднее възра-тимся. Се же быеть въ пятницу, на обѣднѣ, съвѣтъ лукавы и цагубоубій-ственныи. И бѣ у негр Якимъ, слуга вълюбленный имъ, и слыша отъ вѣного, аже брата его князь велѣлъ казнить; и устремися дьяволомъ наученіемъ, и тече воша къ братьи своей къ злымъ съвѣт-нымъ, якоже Юда къ Жидомъ, тѣсяса-ся угодити етцу своему сотонѣ; и печа-ша молвити: «день того назнать, а насъ завтра; а промыслимы о князѣ семь,» и съвѣдша убійство на ночь, якоже Юда

на Господа. И приведши мощи, они же устремившеся поимаше оружье, поидоша на нь яко зѣрье сѣрьши; и идущи имъ къ ложницѣ его, и приѣ въ страхъ и трепеть и блжаша съ стѣнъ, шедше въ медушу (*погребу*) и вима вино; сетова же веселящеть въ медуши и служба имъ невидимо, поспѣвая и крѣпя тѣ, якоже съ ому обѣщали бяхуть; и тако упившеся виномъ поидоша на стѣн. Начальникъ же убійцама быеть Петръ Кучковъ аеть, Амбалъ Яонъ ключникъ, Якимъ Кучковичъ, а венкъ неврныхъ убійцѣ 20 чело-словъ, иже съ бяху слыли на оцаньный съвѣтъ; томъ дни, у Петра у Кучкова за-ти. Постагыни бо вѣчи суботни, на па-мять святуго апостоу Петра и Павла, вземше оружье, яко зѣрье дини, при-идиши имъ къ ложницѣ, идѣже бѣ-жешый князь Андрей, лежеть, и рече одинъ стоя у дверей: «господино!» И князь рече: «кто естъ?» И онъ же рече: «Иро-копы.» И рече князь: «ед паробчы: не Прокшы.» Они же присклонивше къ же-рентъ, слышавше слово княже; и пошана бити въ двери и слыго выломивша двери. Блаженный же вскочи, хота взяти мечъ, и не бѣ ту меча, бѣ бо томъ ани вы-наль и Амбалъ ключникъ его; то бо ночь блжеть са Бориса. И засночива два окаменная и ястеса съ нимъ, и князь поверже одного подъ ся, и мѣтшиши кня-зя повержена и улавиши я свой другъ; и посемъ познавша князя и боравуса съ нимъ велии, бѣшеть бо слышеть и стѣно-ша и меца и сабляма в конишма: звы-даша ему. И рече имъ: «о горе вамъ нечестиви! что уподобистеса Горасѣру? что вы зло учинить? аща кровь мовъ про-дѣасте на землѣ, да Богъ отомститъ вы и мой дѣбѣ.» Се же нечестиви мѣтв-на его убьена до конца, и възьмше дру-га своего и носона вошь, трепещущи отъидоша; онъ же во торопѣ выскочивъ по нихъ, и начать ритать и глаголати въ болѣзани сердца, иде подъ стѣн. Они же

142. Обращеніє къ князьямъ.

Васъ молю; стадо хрестово, съ любовью, приклоните ушеса ваша разумно: како быша древніи князи и мужи ихъ, и како отбаранаху русьскыя земля, и инныя страны пригнаху подъ ся. Ты бо князи не собираху многа имѣнія, не творимыхъ вирь (*судебныхъ денежныхъ замыскаміи*), ни продажъ въскладаху на люди; но оже будаше правая вира, и ту всема, дааше дружнѣ на оружіе. А дружина его кормляхуся, воюючи инныя страны, бѣющи: «братіе! потягнемъ по своимъ князи и по русьской земли». Не жадоху: «мало ни есть, княже, 200 гривенъ»; не клздоху на свои жены златыхъ обручей, но хожуху жены ихъ въ сребрѣ, и расплодили быша землю русьскую. За наше несѣтельство навелъ Богъ на ны поганья, а и скоти наши, и села наша, и имѣнія за тѣми суть; а мы злыхъ своихъ не останемъ. Пишетъ бо ся: «богатство неправдою собираемо, скоро извѣтается». И пакы: «сбираеть,—и не вѣсть кому собираеть». И пакы: «лучше малое праведнику, паче богатства грѣшныхъ многа». Да отселъ, братія вълюбленная моя, останемся отъ несѣтельства своего; доволни будите уроки вашими. Яко и Павелъ пишетъ: «ему же данъ, то данъ, ему же урокъ, то урокъ; никому же насилія творяще, милостынею цвѣтуще, страннолюбіемъ въ страхъ божій и правотвѣрїи свое спасеніе съдѣвающе, да и здѣ добръ поживемъ, и тамо вѣчнѣй жизни причастники будемъ».

(Ш. С. лст. V, 87).

143. Романъ Галицкій.

Въ лѣто 6709 (1201). По смерти вел. кн. Романа, принопамятнаго само-

держца всея Руси, одолѣвши всякъ поганьскыи языкомъ, ува мудростью ходяща по заповѣдѣмъ божїимъ: устремилъ бо ся бѣше на поганья яко и левъ, сердитъ же бысть яко и рысь, и губяше яко корь кодлѣ, и прехожаще землю ихъ яко орелъ, хробрѣ бо бѣ яко и туръ (*дыкѣй быкъ*). Ревноваше бо дѣду своимъ Мономаху, погубившему поганья Измаилитины, рекомыя Половци, изгнавшю Отрока во Обезы за Желѣзная врата (⁴) Сърчанови же оставшю у Дону, рыби ожившю; тогда Володимѣръ Мономахъ пилъ золотомъ шоломомъ Донъ, прїемши земли ихъ всю и загнавшю оканьныя Агаряны. По смерти же Володимѣръ оставшю Сыръчана единому гудыцю же, Орехи по сла и во Обезы, река: «Володимѣръ умеръ: есть, а воротися, брате, поиди къ землѣ своей; молви же ему моя словеса, поиди же ему пѣсни Половецкїя; аже ты не воскоchetъ, дай ему поухати (*понухати*) земли именовъ *свиань*». Оному же не восхотѣвшю обратитися, ни послушати, и дастъ ему зелье; оному же обухавшю и восславявшю, рче: «да лучше есть на своей землѣ костью лечи, нели на чужѣ славу быти». И приде во свою землю, от него родившюся Концаку, иже снесо Сулу пѣшь ходя, котель нося на плечеву Роману же князю ревновавшю за то, и тѣшася погубити иноплеменныкы. Велику мятежу оставшю въ землѣ Руской оставившими же ся двѣма сынома его единъ 4 лѣтъ, а другїи дву лѣтъ.

144. Борьба Мстислава съ боярами.

Въ лѣто 6734 (1226). Мстиславомъ Жirosлаву рекшию къ бояромъ галицкыи

(⁴) *Кавказкія горы*.

яко идти Мьстиславъ въ поле, и хочеть вы предати тествя своему Котаню на избитье, Мьстиславу же праву сущю о семъ и не свѣдущю ничтоже о нихъ, они же емше вѣры отъидоша въ землю Перемышлескую, въ горы Кавокасьскія, рекше во Угорьскыя, на рѣку Днѣпръ, послаша послы своя, рекуще: яко Жирославъ повѣдалъ ны есть. Мьстиславу же пославшу отца своего Тимоою: яко всеу оклеветалъ мя есть къ вамъ Жирославъ, Тимоою же кленюся имъ о семъ, яко не свѣдущю Мьстиславу ничтоже о семъ: и приведе бояре вси къ нему. Князю же обличившю Жирослава, изгна ѿ отъ себе. Якоже изгна Богъ Каина отъ лица своего, рекы: проклять ты буди, стоня и трясыйся на земли, яко же раздвиже земля уста своя прияти кровь брата твоего, якоже и Жирославъ раздвиже уста своя на господина своего: да не будетъ ему пристанька во всихъ земляхъ, въ Рускихъ и во Угорьскихъ (*Венерскихъ*) и ни въ нихъ же странахъ, да ходять шатаюся во странахъ, желаніе брашна да будетъ ему, вина же и олу (*олея, масла*) поскуду да будетъ ему, и да будетъ дворъ его пустъ и въ селѣ его не будетъ живущаго. Оттуда выгнавъ иде ко Изяславу: бѣ бо лукавыи льстець нареченъ, и всихъ стропотливѣе и ложи пламянъ, всеиненитый отцемъ добрымъ, убожество возбраняне злобу его, льжею питашеся языкъ его, но мудростию возложаше вѣру на лжу, красяшеся лестью паче вѣнца лжеименець, зане прелщаше нетокмо чужихъ, но и своихъ возлюбленныхъ, именія ради; того бо дѣла жадаше быти у Изяслава. Мы же на преднее возвратимся. Мьстиславъ же, по совѣтѣ льстивыхъ бояръ галичкихъ, вла дщерь свою меньшую за королевича Андрея, и дасть ему Перемышль. Андрей же послушавъ льстиваго Семьюнка Чермынаго, и бѣжа въ Угры и нача воздвизати рать; бывши же змиѣ, прииде ко Перемышлю,

Юрєви тогда тысящю держащю ⁽¹⁾, переда Перемышль и бѣжа самъ ко Мьстиславу. Королеви же ставшю во Звенигородѣ, и посла вой свои къ Галичю, самъ бо не смѣ ѣхати къ Галичю: повѣдахуть бо ему волхвы угорьскыя, яко узрѣвшю Галичъ не быти ему живу; онъ же тоя ради вина не смѣя ити въ Галичъ, яко вѣрашеть волхвомъ; Днѣстру же наводившюся, не могоша перейти. Мьстиславъ же выѣха противу съ полкы, онѣмъ же позоровавшимъ насъ, и ѣхаша Угре во станы своя: бѣ бо съ королемъ Пакославъ съ Ляхы. Оттуда же поиде король ко Теробовлю и взя Теробовль, и поиде къ Тихомлю и взя Тихомль; оттуда же приде ко Кремянцю, и бися подъ Кремянцемъ, и много Угоръ избиха и раниша. Тогда же Мьстиславъ Судислава посла къ зати своему князю Данилу, рекый: «не отступай отъ мене»: оному же рекшю: «имаю правду во сердци своемъ». Оттуда же приде король ко Звенигороду. Выѣха же Мьстиславъ изъ Галича, Угрѣ же выѣхаша противу ему со становъ королевыхъ, Мьстиславъ же бися съ ними и побѣди ѿ, и гнаша по нихъ до становъ королевыхъ, съкуще ѿ; тогда же Мартиниша убиша, воеводу королева; король же смятесе умомъ и поиде изъ земли борзо. Данилови же пришедшу ко Мьстиславу съ братомъ Васлякомъ ко Городку, и Глѣбъ съ ними, и молващивъ имъ: «пойди, княже, на короля, по Лохти ходить», Судиславъ же браняшеть ему, бѣ бо имѣшеть лестъ во сердци своемъ, не хоташе бо пагубы королеви, имѣяше бо въ немъ надежу велику: бѣаше бо король изнемоглъся. Льстикови же въ то время идущу въ помощь, Данилови же бранящю ему не помогати королеви, оному наипаче хогящю, Даниль же и Васляко посласта лю-

(1) Тысяцкимъ былъ.

ди своя къ брату, не даста ему прити; оттуду же возвратився иде во свою землю, изнемогъ бо ся бѣ ходивъ на войну. А король угорьскы иде во Угры; тогда же угони Изяславъ со льстивымъ Жирославомъ, и доста съ нимъ Угры. Потомъ же Судиславу льстящо, подо Мьстиславомъ, рече ему: «княже! дай дщерь свою обрученую за королевича, и дай ему Галичь: не можешъ бо держати самъ, а бояре не хотять тебе». Оному же не хотящо дати королевичю, наипаче хотящо дати Данилови, Глѣбови же Зеремѣвичю и Судиславу претяща ему не дати Данилови, рѣста бо ему: «аже даси королевичю, когда восхощеша можеша взяти подъ нимъ, даси ли Данилови, въ вѣкы не твой будетъ Галичь», — Галичаномъ бо хотящимъ Данила. Оттуду же послаша въ рѣчихъ, Мьстиславъ дастъ Галичь королевичю Андрееви, а самъ взя понизье, оттуду иде Торьцкому. Мьстиславу же Нѣмому давшу отчину свою князю Данилови, и сына своего поручивъ Ивана, Ивану же умершу, и прія Луческъ Ярославъ, а Черторыескъ Пиняне.

(Ипат. 155. 165—6.

145. а, Борьба Данила съ боярами.

Въ лѣто 6733 (1227). Начнемъ сказати безчисленныя рати, и великыя труды, и частыя войны, и многія крамолы, и частая возстанія, и многія мятежи: изъмлада бо не бы има покоя. Съдящу же Ярославу въ Лучьскѣ, ѣха Данилъ въ Жидигинъ кланятися и молитися св. Николѣ, и зава ѣ Ярославъ къ Лучьску; и рѣша ему бояре его: «прими Луческъ, здѣ ими князи ихъ»; оному же отвѣщавшу, «яко приходихъ здѣ молитву створити св. Николѣ, и не могу того створити», иде въ Володимерь. Оттуду же, собравша рать, посласта на нь Андрей, Вячеслава, Гаври-

ла, Ивана; оному же вѣхавшу ятъ бысть съ женою своею, ятъ же бысть Олексом Орѣшькомъ, бѣ бо борзъ конь подъ нимъ, угонивъ ѣ и я его до города; и затворившася Лучане. Наутрѣ же приде Данилъ и Василко, и предашася Лучане, братъ же да Василкови Луческъ и Пересопницю, Берестій же ему бѣ иже далъ. Повеваша Ятвязи около Берестія, и угониста ѣ изъ Володимера, наѣхавшима же двѣма Моньдуничю Шутрови и Стегугови Зебровичю на полкъ, и убьенъ бысть Даниломъ и Вячеславомъ Шютръ, а Стегутъ убьенъ бысть Шелвомъ. Бѣжащимъ же Ятвяземъ, угони ѣ Данилъ, Небра язви четырьми ранами, древо же выпябе копые изъ руку его; Василкови угонившу его, кликъ бысть великъ: «братъ ти бѣтеса назади»; оному же оставшу, обратися брату на помощь, оному же снмъ утекушу, а нини разбѣгшася. Мы же, се оставлеше, на преднее возвратимся. Данилъ же посла Дмьяна ко тести своему, рече ему: «не подобаетъ Пиняномъ держати Черторыиска, яко не могу имъ терпѣти». Дмьянови же повѣсташу съ нимъ: «сыну! сгрѣшихъ, не давъ тебѣ Галича, но давъ иноплемьнику, Судислава льстяща съвѣтомъ, оболести бо мя; ажь Богъ восхочеть, поидивъ на ня, язъ всажу Половци, а ты своими, аще Богъ дастъ его нама, ты возми Галичь, а язъ Понизье, а Богъ ти поможетъ; а про Черторыескъ правъ еси». Дмьяну же пріѣхавшу въ великую субботу, наутрѣ же на великъ день пріѣхаста Данилъ и Василко ко Черторыиску, въ понедѣльникъ на ночь облодоста градъ; тогда же и конь Даниловъ застрѣленъ бысть съ города; наутрѣ же обѣхаста градъ, Мирославъ и Дамьянъ рекоста: «яко предалъ Богъ врагы наша въ руку ваю», Данилъ же повелѣ приступити ко граду, и взяша градъ ихъ и князя ихъ изымаша. Потомъ же Мьстиславъ великый удатный (удалой) князь умре: жадающе бо ему видети сына свое-

го Данила, Глѣбъ же Зеремѣвичъ, убѣ-
женъ бысть завистью, не пустише его;
оному же хотящу поручити домъ свой и
дѣти въ руку его: бѣ бо имѣя до него
любовь велику во сердцѣ своемъ. И по-
томъ же пустивша Ярославъ, и даста ему
Перемиль и потомъ Межибожіе. Данило-
ви же прѣбывающу ко Галичю (1229), Га-
личъ бо бѣ ся затворилъ, Данилъ же взя
дворъ Судиславъ, якоже вино и овоща и
корма, и копій и стрѣлъ, пристранно ви-
днн; потомъ же Данилъ, видивъ люди
своя яко исполнилися, не хотѣ стати въ
города, но иде на нну страну Днѣстра.
Судиславу же тою нчи вобѣгшию во го-
родъ, яти бывше отъ вой его люди и ре-
коша, яко Судиславъ уже въ Галичи. Да-
нилъ стоаше Угольницѣхъ, на березѣ Днѣ-
стра; выѣхавшимъ же Галичаномъ и Угромъ,
и стрѣляшася на леду, вечеру же бывшу,
и ледомъ возставшимъ и рѣцѣ наводни-
вшимся, зажгоша мостъ на Днѣстрѣ беза-
конный лхый Семьюнко, подобный
лисица черьмности ради (*красоты*);
и приде же Дмьянъ со всими бояры
галичскими, со Мирославомъ и со Воло-
диславомъ, и со многими бояры галич-
скими. Данилови же о семъ веселу бу-
дущю, а о мостѣ печаль имѣющю, какъ
Днѣстръ перейти, гнавъ же Данилъ ко
мосту и узрѣвъ, яко конечь мосту угаслъ
есть, и бысть радость велика; на утрѣя
же приде Володимеръ Инъгаровичъ, и пе-
реидоша мостъ и сташа по берегу Днѣ-
стра. На утрѣя же уставше и объѣха
Данилъ городъ, и собравъ землю Галич-
кую ста на четыре части окрестъ его, и
собра отъ Боброки даже и до рѣкы Уши-
цѣ и Прута, и объѣде въ силѣ тяжцѣ;
онѣмъ же взнемогшимъ передаша градъ.
Данилови же приешу градъ, помянувшю
любовь короля Андрея и пусти сына его
и проводи ѥ до рѣкы Днѣстра; изыде же
съ нимъ единъ Судиславъ на немъ же
метаху каменіе, рекуще: »изыди изъ гра-
да, мятежниче земли! Андрееви же при-

шедшу ко отцю си (*своему*) и брату, и
Судиславу глаголющу непрестанно: »изы-
дѣте на Галичъ и примѣте землю Рус-
скую; аще не поидеши, укрѣпятся на ны«.
Изыде же Бѣла риксъ (*rex* — царь), рекъ-
мый король угорьскый, въ силѣ тяжцѣ,
рекушу ему: »яко не имать остатися грѣхъ
Галичъ, нѣсть кто избавляя ѥ отъ руку
моею«. Вшедшу же ему во горы Угорь-
скыѣ, посла на нь Богъ архангела Ми-
хавла отворити хляби небесныя, конемъ
же потопающимъ и самѣмъ возбѣгающимъ
на высокая мѣсту, оному же одинако
устремившимся пріяти градъ и землю. Да-
нилови же молящуся Богу, избави ѥ Богъ
отъ руки сильныхъ. И обступи градъ
и посла посолъ, и возопи посолъ гласомъ
великомъ и рече: «слышите словеса ве-
ликаго короля угорьского, да не уставляетъ
васъ Дмьянъ, глаголя: изъемля изыметь
ны Богъ; ни да уповаеть вашъ Данилъ
на Господа, глаголя: не имать предати
градъ сесь (*сей*) королеви угорьскому;
только ходилъ на ны страны, то кто мо-
жетъ одержати отъ руку моею и отъ силъ
полковъ моихъ? Дмьянъ же одинако
крѣпяшася, грозы его не убояся: Богъ
поспѣшникъ бысть ему. Данилъ же при-
веде къ собѣ Ляхы и Половцѣ Котяневы,
а у короля бѣаху Половци Бѣговарьсови;
Богъ попусти на нѣ рану Фараонову.
Градъ же крѣпяшася, а Бѣла взнемога-
ше и поиде отъ града; оставившю же ему
люди за собою, оружники многи и фарев-
ники (1), нападшимъ же на нѣ гражда-
номъ, мнози впадаху въ рѣку, ини же
избѣени быша, ини язволн быша, ини

(1) *Фарь*, фаризъ, фerezъ, farisius, fa-
gas, fagius означаютъ хорошаго кона. Въ сказкѣ
«Дѣяніе Девгеніево» говорится: «кто сему не дивит-
ся, како дерзость яви улоша, како лось нагоши
бърже (*скорье*) фаря бързого. Како фаръ подъ нимъ
скакаше, а онъ гораздо на немъ играетъ». Ист.
рос. рос. II, пр. 333. III. 190, 272. Венгерскій
всадникъ назывался *фаревникомъ*.

же изонмани быша, яко иидѣ глаголетъ: Скрытъ рѣка злу игру сыгра гражданомъ, тако и Днѣстръ злу игру сыгра Угромъ⁽¹⁾. Оттуда же поиде король къ Василеву, и перейде Днѣстръ, и поиде ко Пруту. Богъ бо попустилъ бѣяшеть рѣку, ангелъ бѣяшеть ихъ; сице умирающимъ, инѣи же изъ подѣшевѣ выступяхуть, акы изъ червѣи, (*черевиковѣ, башмаковѣ*), инѣи же око-ло огня солѣшеса и мясо ко устомъ при-дѣвше умираху, многими же ранами раз-ными умираху, хляби бо небесныи одина-ко топяхуть ѿ. Упедшю же ему за не-вѣрство бояръ галичкихъ, Данилъ же, бо-жьєю волею, одержжа градъ свой Галичъ.

(Ипат. 166—7, 169—70).

6, Прииде (Данилъ въ 1240 г.) ко граду Дорогычину и восхотѣ внити во градъ, извѣстно бысть ему, яко «не видени во градъ»; оному рекшу, яко «се былъ градъ нашъ и отецъ нашихъ»; «вы же не изволите внити въ оныя—отъиде; и отъиде мысля си, иже Богъ послѣже отмьстѣ створи держателю града того и власть ѿ въ руцѣ Данилу; и обновивъ и созда церковь прекрасну святоѣ Богороди-ци, и рече: «се градъ мой, преже бо прияхъ ѿ копьемъ». Данилови же со братомъ приедшю ко Берестью, и не воз-могоста ити въ поле, смрада ради множ-ства избѣвныхъ: не бѣ бо на Володимерѣ не осталъ живый, церкви св. Богородици исполнена трупья, иныя церкви наполе-ны быша трупья и тѣлесъ мертвыхъ. По-томъ же Михаиль иде отъ уя (*дяди*) сво-его на Володимерь, (сѣ) сыномъ своимъ,

(1) Автописецъ намекаетъ здѣсь на лѣтопись Иоанна Малалы, которая была ему известна, вѣроятно, въ славянскомъ переводѣ. Вотъ что говоритъ греческая лѣтопись о рѣкѣ Скрытѣ: въ то же время городъ Едесса былъ потопленъ совершенно разли-тѣемъ рѣки Скрыта; въ послѣдствіи на томъ мѣстѣ найдена огромная каменная плита съ надписью. «Рѣ-ка Скрытъ недобрый шутки сыгра надъ жителями». (Перев. Лѣт. LVII).

и оттуда иде Пиньску. Ростиславъ же Володимеричъ приде къ Данилу въ Холмъ, одержжалъ бѣаше Богъ отъ безбожныхъ Татаръ, Ростиславъ же показа правду свою, яко не есть во свѣтѣ (*въ согласіи*) съ Михаиломъ; Михаилъ же не показа прав-ды въ добродѣанье Данилу же и Василу, но пройде землю его, ни пославъ посла, иде въ Кіевъ и живаше подъ Кіевомъ во островѣ, а сынъ его иде въ Черниговъ Ростиславъ. Вышедшю же Лвови изъ Угоръ съ бояры галичкими, и приѣха во Водаву ко отцю си, и радъ бысть ему етець. Бояре же галичстѣи, Данила кня-земъ собѣ называху, а самъ всю землю держажу; Доброславъ же вокняжился ѿъ и Судычъ, поповъ внукъ, и грабаше всю землю, и въшедъ во Бакоту все Понизье прія, безъ княжа повелѣнія, Григоръ же Васильевичъ собѣ горную страну Пере-мышльскую мышляше одержати, и бысть мятежъ великъ въ землѣ и грабежъ отъ нихъ. Данилъ же, увѣдавъ, посла Якова столника своего съ великою жалостью ко Доброславу, глаголя къ нимъ: «князь вашъ азъ есмь, повелѣнія моего не тво-рите, землю грабите; черниговскихъ бо-яръ не велѣхъ ти, Доброславе, приимати, нѣ дати волости галичкимъ, а коломый-скую соль отлучити на мя»; оному же рекшу: «да будетъ тако». Во тѣ же часъ Якову сѣдѣшу у него, приидоста Ла-зоръ Домажирѣчь и Иворъ Молибожичъ, два безаконника, отъ племени смерды, и поклонистася ему до землѣ; Якову же удивившюся и прашавшю вины, про что поклонистася; Доброславу же рекшу: «вдахъ има Коломыю»; Якову же рек-шу ему: «како можеша безъ повелѣ-нія княжа одати ѿ сима, яко велиции князи держатъ сию Коломыю на роздава-ніе оружьникомъ; си бо еста недостойна ни Вотьнина держати»; онъ же усмѣяв-ся рече: «то что могу же глаголати»? Яковъ же приѣхавъ вся си сказа князю Данилови; Данилъ же скорбаше и моляще-

ся Богу о отчинѣ своей, яко нечестивымъ симъ держати ю и обладати ею. И малу же времени минувшу, присла Доброславъ на Григора, река: «яко не вѣренъ ти есть», — противляшеся ему, а самъ хоташе всю землю одержити; сводившеся сами и прѣхаша съ великою гордынею, ѣдучю Доброславу во одной сорочьцѣ, гордящу, ни на землю смотрящю, Галичаномъ же текущимъ у стремени его; Данилови же видящу и Василкови гордость его, большую вражду на нь воздвигнуста. Доброславу же и Григорию обонимъ зовящимъ на ся, слышавъ же Даниль рѣчи ихъ, яко полны суть лести, и не хотять по воли его ходити и власть его иному предати, сомысливъ же со братомъ, по нужи же видя незаконіе ихъ, и повелѣ его изоммать.

(Ипат. 178—179.)

Борьба королей съ боярами гъ Галиціи весьма интересна особенно въ томъ-отношеніи, что выходила изъ вліянія, какое имѣли порядки феодальной Европы на сосѣднія славянскія страны.

146. Борьба Пскова съ княземъ.

Томъ же лѣтѣ (1228) князь Ярославъ поиде въ Пльсковъ, съ посадникомъ Иванкомъ и тысячьскымъ Вячеславъ, и слышавше Пльсковичи, яко идетъ къ нимъ князь, и затворишася въ городѣ, не пустиша къ собѣ; князь же постоявъ на Дубровнѣ въсиятися въ Новъгородъ, промѣлаа бо ся вѣсть бяхе си въ Пльсковѣ, яко *везеть оковы зотя кованыя зыцше мужи*. И пришьдъ створи вѣче въ владычьи дворѣ, и рече: «яко не мыслитъ есмь до Пльсковичъ груба ничего же, нѣ везлъ есмь былъ въ коробьяхъ дары, паволоки и овоць, а они мя обьществовали» (*обьзчестили*), — и положи на нихъ жалобу велику. Тѣгда же

приведе пѣлкъ изъ Переяславля, а река: «хочю ити на Ригу». И сташа около Городища шатры, а ииш въ Славнѣ по дворомъ, и въздорожиша все по тѣргу, и хлѣбъ, и мяса, и рыбы. И оттолѣ ста дороговъ: кушляху хлѣбъ по 2 кунѣ, а кадь ржи по 3 гривнѣ, а ишеницю по 5 гривнѣ, а ишена по 7 гр.; и тако ста по 3 лѣта. Тоже слышавше Пльсковичи, яко приведе Ярославъ пѣлкъ, убоявшеся того, взяша миръ съ Рижаны, Новгородъ выложивше, а рекуче: «то вы, а то Новгородци, а намъ ненадобѣ; нѣ оже помдуть на насъ, тѣ вы намъ помозите»; и они рекоша: тако буди, — и поина у нихъ 40 мужъ въ талбу (*съ заложниками*). Новгородци же увѣдавше, рекоша: «князь насъ зоветь на Ригу, а хотя ити на Пльсковъ». Тѣгда же князь посла Мишу въ Пльсковъ, река: «повидите со мною на путь, а гла до васъ не мыслитъ никотораго же, а тѣхъ ми выдайте, кто мя обадмѣ къ вамъ». И рекоша Пльсковичи, приславше Гръчина: «тобѣ ся, княже, кланяемъ и братьи Новгородцемъ, на путь не идомъ, а братьи своен не выдаемъ, а съ Рижаны есме миръ взяли; къ Колываню (*Ревелю*) есте ходивше серебро поммали, а сами помдоте въ Новъгородъ, а правды не створите, города не взяете, а у Кеси также, а у Медвѣжѣ Головѣ также, а за то нашу братью избиша на озерѣ, а ииш поведени (*съ кльнѣ*); а вы роздравше та прочь; или есте на насъ удумали? тѣ мы противу васъ съ св. Богородицею и съ поклономъ, то вы луче насъ изсѣчите, а жены и дѣти поемлѣтъ собѣ, а не луче поганіи; тѣ вамъ ся кланяемъ». Новгородци же князю рекоша: мы безъ своея братья, безъ Пльсковичъ, не инаемъся на Ригу, а тобѣ ся, княже, кланяемъ. — Много же князь нудивъ, и не яшася по путь. Тѣгда же князь Ярославъ поиде съ княгынею изъ Новгорода Переяславлю, а Новъгородъ остави два сына своя Феодо-

ра и Александра, съ Ѳедоромъ Даниловцемъ, съ тиуномъ Якимомъ.

(1 *Нов.* 43).

147. Борба Новгородъ съ княземъ.

Въ лѣто 6763 (1253). Выведоша Новгородци изъ Пльскова Ярослава Ярославича и посадиша его на столѣ, а Василья выгнаша вонъ; и то слышавъ Олександръ, отецъ Васильевъ, поиде ратью къ Новгороду. Идушю Олександру съ многими полки и съ Новоторжци, срѣте ѿ Ратишка (*уменьшит. Ратибора*) съ перевѣтомъ: поступиа, княже! братъ твой Ярославъ побѣглъ. И поставиша Новгородци полкъ за Рождествомъ христовымъ въ конци, а что пѣшца — а ти сташа отъ св. Ильи, противу Городища. И рекоша меншии у св. Николы на вѣчи: братъ, ци (*если*) како речеть князь: «выдайте мои ворогы?» — и цѣловаша св. Богородицю меншии, како стати всѣмъ, любо животь, любо смерть за правду Новгородскую, за свою отчину.

И бысть въ вятныхъ совѣтъ золь, яко побити меншии, а князя вѣвести на своей воли. И побѣжа Михалко изъ города къ св. Георгію, како было ему своимъ полкомъ уразити *нашу сторону* ⁽¹⁾ и измясти люди; увѣдавъ Онанья, хотя ему добра, посла по немъ въ тайнѣ Якуна, и увѣдавшѣ черныи люди погнаша по немъ и хотѣша на дворъ его ударити, и не да Онанья: «братъ, аже того убіете, убіете мене переже»; — не вѣдяше бо, аже о немъ мысль злу свѣщаша самого яти, а посадничество дати Михалку. И присла князь Бориса на вѣче: «выдайте ми

Онанью посадника, или не выдадите, а вамъ не князь, иду на городъ ратью. И послаша Новгородци къ князю владку и Клима тысячьского: «поѣди, княи на свои столъ, а злодѣевъ не слушай. Онанья гнѣва отдаи и всѣмъ муже новгородскимъ». И не послуша ни молбы владычии и Климовы; и реко Новгородци: «аже, братъ, князь не тако сдумалъ съ нашими крестоперестники, оно имъ Богъ и св. Софья, князь безъ грѣха». И стоя весь полкъ 3 дни за свою правду, и въ 4-и дни присла князь, река тако: «аже Онаня лишится посадничества, азъ вамъ гнѣ отдамъ»; — и лишися посадничества Онаня и взяша миръ на всеи воли новгородск. И поиде князь въ городъ, и срѣте ѿ хіеп. Далмать со всѣмъ іеремскимъ номъ, съ кресты, у Прикуповичъ дво и вси радости исполнишася, а злодѣи рачишася: зане хрестьяномъ радость, дьяволу пагуба, яко не бысть хрестномъ кровопролитія велика. И съде князь Олександръ на своемъ столѣ. Въ лѣто же даша посадничество Михалку Степановичю.

(1 *Нов.* 55—56).

148. Волненіе въ Новгородѣ.

Тои же зимы (1259) приѣхаша оканни Татарове сыроядци, Беркаш и Ісачикъ, съ женами своими, и шнѣхъ и го; и бысть мятежъ великъ въ Новгородѣ, и по волости много зла учини беруче *туску* ⁽¹⁾ оканьнымъ Татаромъ

⁽¹⁾ Лѣтописецъ, очевидно, держитъ сторону высшего класса народа.

⁽²⁾ Туска — на татарск. яз. значить вать. Откупщики даней отдавали Хану 9 частей десятую брали себѣ.

И нача оканьныи боятися смерти, рече Олександрю: «дан намъ сторожи, ать (да) не забьютъ насъ»; — и повелъ князь стөречи ихъ сыну посадничю и всемъ дѣтемъ боярскимъ по ночемъ. И рѣша Татарове: «дайте намъ число (1), или бѣжимъ проче»; — и чернь не хотѣша дати числа, но рѣша: «умремъ честно за св. Софью и за дома ангельскыя». Тогда надвоишася люди; кто добрыхъ, тотъ по св. Софьи и по правои вѣрѣ, и створиша супоръ; вятини велятъ ся яти меншимъ по число. И хотѣ оканьныи побѣжати, гонимъ св. Духомъ, и умыслиша съвѣтъ злоу, како ударити на городъ на ону сторону; а друаи озеремъ на сю сторону, и възбрани имъ не видимо сязя христова — и не смѣша. И убоявшеся почашася вояти на одну сторону къ св. Софьи, рекуще: «положимъ главы своя у св. Софьи». И бысть завтра съѣха князь съ Городища, и оканьныи Татарове съ нимъ, и злыхъ съвѣтомъ яшася по число, творяху; бо бояре собѣ легко, а меншимъ зло; и почаша вэдати оканьныи по улпцамъ, лишюче дома христьянскыя, зане наведъ Богъ, за грѣхы наша, нъ пустыня, звѣри двѣя ясти сильныхъ нлти и шти кровь боярскую. И отъѣхаша оканьнии, вземше число, а князь Олександръ ноѣха послѣ, посадикъ сына своего Дмитрия на стелѣ.

(1 *Новг. 56—57*).

149. Договорная Новгородъ съ в. кн. Ярославомъ тверскимъ 1265 г.

Благословенне отъ владыкы, поклоняниче отъ Посадника Михаила, и отъ ты-

(1) Дѣло тло о поголовной переписи или численности народа.

сачьснаго Кондрата, и отъ всего Повагорода, и отъ всехъ старѣйшихъ, и отъ всехъ меньшихъ, къ князю Ярославу. На семь, княже, цѣлуй хрестъ къ всему Новгороду; на цѣмъ-то цѣловали дѣди и отци, и отецъ твой Ярославъ. Новгородъ ти держати въ старинѣ, по пошлени. Что волостей всехъ новгородскихъ, того ты, княже, не держати своими мужи, нѣ держати мужи новгородскими; а дѣръ ниати тобѣ отъ техъ волостей. А безъ посадника тобѣ волостей не раздавати; а кому раздавалъ волости братъ твой Александръ, или Дмитрий съ Новгородци, тобе техъ волостей безъ вины не лишати. А что ты, княже, пошло на Торожку и на Волоцѣ тивунъ свой държати; а Новгородъ на своей чясти държати. А въ Бежицахъ, княже, тобе, ни твоей княгини, ни твоимъ бояромъ, ни твоимъ дворяномъ сель не държати, ни купити, ни даромъ примати, и по всей волости новгородской. А се, княже, волости новгородскыя: Волокъ съ всеми волостями, Тържькъ, Бежицѣ, городъ Палицѣ, а то есме дали Иванкова; потомъ Мелѣча, Шипице, Бѣна, Вологда, Завоцѣ, Стръ, Перемь, Почера, Югра. А въ Русу ты, княже, ездити на Озвато звѣри гонитъ. А въ Ладегу ты, княже, слати оостреникъ и медовара, по грамотѣ отца своего Ярослава. А судъ, княже, отдалъ Дмитрий съ Новгородци Бѣмачевымъ и Обоничаномъ на 3 лѣта, судъ не слати. А изъ Бежицѣ, княже, людей не выволати въ свою землю, ни изъ иной волости новгородской; ни грамотъ ни дати, ни закладниковъ примати, ни княгини твоей, ни бояромъ твоимъ, ни дворяномъ твоимъ, ни смерда, ни купцины. А безъ вины ты мужа волости не лишити; а грамотъ ты, княже, не посукивати. А пожне, княже, что пошло тебе въ твоимъ мужомъ, то твое; а что быль отъ брата твоего Александръ пожне; а то ты, княже, не надобѣ. А что, княже, братъ

твой Александръ дѣялъ насиліе на Новѣгородѣ, а того ся, княже, отступи. Дворянои твои и тивунаи погонѣ (прогоны) имати, какъ то пошло. А на томъ ти, княже, на всеи хрестѣ цѣловати, бесъ перевода, при нашихъ послѣхъ: а мы ти ся, господине княже, кланяемъ. *А что, княже, мытъ (торговая пошлина) по твоей земли, и по иной волости, и по всей Суждальской земли;* а то, княже, имати по 2 векши отъ лодье, и отъ воза, и отъ лну, и отъ хмелна короба. *А дворяномъ твоимъ по селомъ у купцевъ повозовъ не имати, развъ ратной весте.* Тако, княже господине, пошло отъ дѣдъ и отъ отецъ, и отъ твоихъ, и отъ нашихъ, и отъ твоего отця Ярослава.

(Сбор. грам. I, № 1).

См. также Ист. гос. рос. IV, пр. 114. Собр. важнѣйш. памятн. по исторіи древ. рус. права Спб. 1859. 124.

150. Изгнаніе князя изъ Новгорода.

Того же лѣта (1270) бысть мятежь въ Новѣгородѣ, начаша изгонити князя Ярослава изъ города, и съзвонивша вѣче на Ярославли дворѣ, и убиша Иванка, а нии вѣггоша въ Николу святыи; а заутра побѣггоша къ князю на Городище тысячьскыи Ратиборъ, Гаврило Кыяниновъ и ниии пріятели его, и взяша дома ихъ на разграбленіе и хоромы разнесоша, а къ князю послаша на Городище, исписавше на грамоту всю вину его: «чему (зачьмъ) еси отъялъ Волховъ гоголвыми ловци, а поле отъялъ еси заячыми ловци? чему взялъ еси Олексинъ дворъ Морткиничя? чему поималъ еси серебро на Микифоръ Манускиничя, и на Романъ Болдыжевичя, и на Вароломъти? а иное чему выводилъ отъ насъ иноземци, кото-

рыи у насъ живутъ? (а того много вини его); а нынѣ, княже, не можемъ терпѣти твоего насилія, поѣди отъ насъ, а мы собѣ князя промыслимъ». Князь же присла на вѣче Святъслава и Андрея Воротиславича съ поклономъ: того всего лишуся, а крестъ цѣлую на всеи волѣ твоеи. Новгородци же отвѣчаша: «княже, поѣди проче, не хотимъ тебе; али идеиъ весь Новгородъ прогонити тебе». Князь же поиде изъ города поневоли; Новгородци же послаша по Дмитрія Александровича; Дмитрій же отречеся тако река: «искоу взяти стола передъ стрѣмъ своихъ» — и быша Новгородци печални; а Ярославъ нача полкъ копити на Новѣгородъ, и бѣ послалъ къ царю татарьску Ратибору, помочи прося на Новѣгородъ. И се учивъ (узнавъ) князь Василій Ярославичъ, присла послы въ Новѣгородъ, река тако: «кланяюся св. Софьи и мужемъ Новгородцемъ; слышалъ есмь, аже Ярославъ идеиъ на Новѣгородъ, со всею силою своею, Дмитрію съ Переяславци и Глѣбъ съ Смоленяны; жаль ми своея отчины». а самъ поѣха въ Татары, пойма съ собою Петра Рычага и Михаила Пинециничя, и възврати татарьскую рать, тако рекъ цареви: «Новгородци правни, а Ярославъ виноватъ», — уже бо баше царь отпустилъ рать на Новѣгородъ, но Ратиборову живому слову; рече по Ратиборъ царю: «Новгородци тебе не слушаютъ, мы дани прошали тобѣ, и они насъ выгнали, а инѣхъ избяли, а дома наша розграбили, а Ярослава безчъствовали». Новгородци же поставиша острогъ около города, по обѣ странѣ, а товаръ въвозиша въ городъ; и пригониша сторожи Ярославли мало не до Городища, и выидоша въ градъ въ оружіи отъ мала и до велика къ Городищу, и стояша два дни лѣши за Жилотугомъ (название ручья), а коневници за Городищемъ. То увѣдавъ Ярославъ, поиде обѣ оную сторону къ Русѣ, и следе въ Русѣ, а въ Новѣгородѣ

присла Твершшира: «всего что вашего не любя до мене, того лишаюся; а князи вси за мене поручатся». Новгородци же послаша къ нему Лазоря Моисіевича: «княже, судимъ еси на св. Софью; побди; ать изъремъ честно за св. Софью; у насъ князя нѣтуть, но Богъ и правда и св. Софья, а тебе не хотимъ». И совкупися въ Новгородъ вся волость новгородская — Пльсковичи, Ладожане, Корѣла, Ижера, Вожане, — и идоша въ Голыно отъ мала и до велика, истояша мѣлѣю на Бродѣ, а Ярославъ шолкъ объ ону сторону и присла митрополитъ грамоту въ Новгородъ, река тако: «нигъ поручилъ Богъ архіепископию въ Русьской земли, вамъ слушати Бога и мене, крови не проливайте, а Ярославъ всеи злобы лишається, а за то язъ поручаюся; аже будете и крестъ цѣловали, язъ за то прииму опытемя и отвѣчаю за то предъ Богомъ». И не да Богъ кровопролитіа хрестьяномъ, и присла Ярославъ съ неклономъ въ новгородскыи полкъ; и взяша миръ на всеи воли новгородской, и посадиша Ярослава и водина ѿ къ кресту.

(1 Новг. 61—62)

151. Борба Новгорода съ тверскими княземъ.

Въ лѣто 6824 (1316). Выидоша на мѣстници Михайловы изъ Новгорода, и поиде князь Михайло къ Новгороду, со всею Низовскою землею, а Новгородци учиниша острогъ около города по обѣ стороны, и соидеся вся волость Новгородская: Пльсковичи, Ладожане, Рушане, Корѣла, Ижера, Вожане; князь же Михайло, не доидеъ города, ста въ Устьевѣхъ, и тако мира не воза, поиде проче, не успѣвъ ничтоже, но болюю ранау възпримъ: възвративше бо ся

въспять, заблудша въ оверѣхъ и въ болѣхъ, и начаша мерети голодомъ, ядяху же и конину, а снасть свою пожгоша, а иное пометаша, и придоша цѣпи въ дома своя, принише рану немалу. Того же лѣта, еще недошедшу князю Михаилу до города, яша Игната Бѣска, и бима ѿ на вѣчи, и свергоша ѿ съ моста въ Волховъ; творихуть бо его перевѣтъ держаша къ Михаилу, а Богъ то вѣсть. Тогда же и Данило Писцевъ убьенъ бысть, на рли (на луку), отъ своего холопа, обадилъ бо его биеме къ горожаномъ, тако река: «посылаять мя съ грамотами къ Михаилу князю».

(1 Новг. 71).

152. Духовная грамота в. к. Ивана Даниловича Калиты 1328 г.

Въ имя Отца и Сына и св. Духа. Се язъ грѣшный худый рабъ божий Иванъ пишу душевную грамоту, яда въ Орду, ни кимъ не нуженъ, цѣлымъ своимъ умомъ, въ своемъ здоровьи. Аже Богъ что розгадаеть о моемъ животѣ, даю рядъ сыномъ своимъ и княгини своей. Приказываю сыномъ своимъ отчину свою Москву; а се есмь имъ роздѣлъ учинилъ. Се далъ есмь сыну своему болшему Семену: Можескъ, Коломну, со всеми коломенскими волостми, Городенку, Мѣшью, Цѣсочну, Похране, Устьмерьску, Брошевую, Гвоздну, Иваны деревни, Маковецъ, Лѣвчинъ, Скулшевъ, Каневъ, Гжелю, Горѣтову, Горки, село Астафьевское, с. на Сѣверьсѣ въ Похраньскомъ у., с. Костянтиновское, с. Орининьское, с. Островское, с. Колешеньское, селце Миккульское, с. Малыховское, с. Напрудское у города. А при своемъ животѣ далъ есмь сыну своему Семену: 4 чепи золоты, 3 поясы золоты, 2 чаши золоты съ женчуги, блядцо

золото съ женчугомъ съ каменьемъ, а къ тому еще далъ есмь ему 2 чума ⁽¹⁾ золота большая; а изъ судовъ изъ серебряныхъ далъ есмь ему 3 блюда серебряна. А се даю сыну своему Ивану: Звенигородъ, Кремичну, Рузу, Фоминское, Суходоль, Великую свободу, Замошевскую свободу, Угожь, Ростовца, Окатьева свобода, Скирминовское, Тростна, Нѣгуча; а села: Рюховское, Каменичское, Рузское, Бѣляшнское, Максимовское, Андрѣевское, Вяземское, Домонтовское, село въ Замошской свободѣ, с. Семицкое. А изъ золота далъ есмь сыну своему Ивану: 4 чепи золоты, поясъ большой съ женчугомъ съ каменьемъ, поясъ золотъ съ кашторгами, поясъ сердониченъ золотомъ окованъ, 2 овкача золота, 2 чашки круглыи золоты, блюдо серебряно ѣдининское, 2 блюда меншии. А се далъ есмь сыну своему Андрѣю: Лопастну, Сѣверску, Нарунжское, Серпоховъ, Нивну, Темну, Голични, Щитовъ, Перемышль, Растовець, Тухачевъ, а се села: Талжское, Серпоховское, Колбасинское, Нарьское, Перемышльское, Битяговское, Труфоновское, Ясиновское, Колошинское, Ногатинское. А изъ золота далъ есмь сыну своему Андрѣю: 4 чепи золоты, поясъ золотъ фрязьскій съ женчугомъ, съ каменьемъ, поясъ золотъ съ крюкомъ на гервчатѣ шолку, поясъ золотъ Царевскій, 2 чары золоты, 2 чумка золота меньшая; а изъ блюдъ: блюдо серебряно, а два малая. А се даю княгини своей съ меншии дѣтми: Сурожикъ, Мушкину Гору, Радонѣжское, Бѣли, Воря, Черноголовъ, на Воро свобода Сафроньевская, Вохна, Дѣйково Раменье, Данилащова свобода, Машевъ, Стѣна, Гуслиця, Раменье, что было за княгиню; а села: Михайловское, Лу-

(1) Чумъ, чумичка—большая разливная ложка или ковшъ малый съ длинной ручкой.

цинское, село у озера, Радонѣжское, Дѣйгуининское, Тыловское, Ратомъ, Протасьевское, Аристовское, Лопастенскіи, Михайловское на Яузѣ, 2 селѣ Коломенскіи. А изъ городьскихъ волостей на Квягини своей осмиичее; а тамгою и шими волости городьскіи подѣлятся сынове мои: также и шиты, которыи въ томъ уѣздѣ, то тому: а оброкомъ первыми городьскими Василцева вѣданы подѣлятся сынове мои. А что моятъ бортниковъ и оброчниковъ купленыхъ, шитыи въ которой росписи, то того. А во моиѣ грѣхомъ ци имутъ искать Татареве которыхъ волостей, а отошутыи, вамъ сыномъ моиѣ и княгини моеѣ вѣданы вы си опять теми волостми на то мѣсто. А числьнии люди, а тѣ вѣданы сынове мои собча, а блюдутъ вси съ одного: а что мои люди купленни и великомъ свершцѣ, а теми ся подѣлятъ сынове мои. А что золото княгини моеѣ Оленино, а то есмь далъ дочери своей Фетиньи 14 обручи (колець) и ожерелье, матери ее моиисто новое, что есмь сковаль; а чело (юлованую повлаку) и гривну, то есмь далъ при собѣ. А что есмь придобылъ золота, что ми далъ Богъ, и коробочку золотую, а то есмь далъ княгини своей съ меншии дѣтми. А изъ портъ (платья) изъ моихъ сыну моему Семену кожухъ черленый женчужный, шапка золотая; а Ивану сыну моему кожухъ желтая обирь съ женчугомъ, коць великий зъ бармами; Андрѣю сыну моему бугай соболій съ наплечки съ великимъ женчугомъ съ каменьемъ, спорлатное портище сажено зъ бармами. А что естъ нынѣча нарядилъ 2 кожуи съ аламы съ женчугомъ. а то есмь далъ меншии дѣтемъ своимъ Марьи же Федосьи ожерельемъ. А что моихъ поясовъ серебряныхъ, а то роздаять по понынѣ. А что мое 100 рубли у Есени, а то роздаять по церквамъ. А что си остаю изъ моихъ сосудовъ изъ серебряныхъ, а

тыиъ подѣлятся сынове мои и княгини моя. А что ся останеъ моихъ поргъ, а то роздаять по всеиъ попяиъ и на Москвѣ. А блюдо великое серебряное о 4 коца, а то есиъ далъ св. Богородица володимерской. А приказываю тобѣ сыну своему Семену братью твою молодшую и княгиню свою съ меншими дѣтми, по Божѣ ты имъ будешь печальникъ. А что есиъ далъ сыну своему Семену стаде, а другое Ивану; а ныиши стады мои подѣлятся сынове мои и княгини моя. А на се послуши отецъ мой душевный Боръкъ, отецъ мой душевный Федосий, отецъ мой душевный пошъ Давыдъ. А грамоту писалъ дьякъ князя в. Кострома. А кто сю грамоту порушитъ, судитъ ему Богъ.

(Грамота писана на пергаминѣ, къ ней была привѣшена печать—серебряная-вызолоченная).

(Собр. грам. 1, № 22. стр. 33—5)

153. Возстаніе въ Торжкѣ.

Въ то же лѣто (1340) приде князь Семеновъ изъ орды и наслѣ на Торжкѣ дани брати, и почаша слыно дѣяти, Новотръжци же прислаша съ поклономъ въ Новгородъ; и послаша Матееа Вареолюшевича, и Терентѣа Даниловича съ братомъ, и Вареолюеа посадича сына Остафѣина, и Феодора Аврамова, съ полкы, и шедши изгониша Торжкѣ безъ вѣсти, изымаша наместниковъ князя Михаила Давыдовича, Ивана Рыбкина сына, и Борцеа Бориса Семенова сына, и жены ихъ и дѣти исковаша; и съдѣша мѣсяць въ Торжку, городъ утвердивше, а ко князю послаша, преже того, Кузму Твердиславля, изъ Новгорода, съ жалобю, а сице ему ркуще: »еще у насъ не у съде на княженіи, а уже бояре твои

дѣють слыно». И послахуть въ Новгородъ изъ Торжку, что быша Новгородци вѣли на коня въ Торжкѣ, и не въскотѣша чернь; но семъ же видѣше Повотръжци, оже неидеть изъ Новгорода рать, вѣсташа чернь на бояръ и покы рекуще: »почто есте Новгородцевъ призвали, и они князи изымали? намъ въ томъ погыбнути». —И скрутившеся въ броня, нашедше слыно на дворы, выимаша у воеводъ наместники княжи и борци, и жены ихъ, и Новгородцевъ выпроводила изъ града; а бояре новотръжскіи прибѣгоша въ Новгородъ толко душею, кто успѣлъ, а дома ихъ разграбиша и хоромы ихъ развозиша, а Семена внучка убиша на вѣчѣ, потомъ и села ихъ пусто положиша. Того же зимы, м. декабря въ 6, на Николинъ день, убиша Бранци князя Глѣба Святославича; и въ то время и митрополитъ ту быше и не възможе уяти ихъ, нъ вышедше изъ церкви св. Николы и убиша. Того же зимы приде князь Семеновъ съ полкы, въ Торжкѣ съ всею землею Низовьскую; Новгородци же почаша копити волость всю въ городъ, а къ князю послана владыку Василию и Аврааму тысяцкаго, съ ныиши бояры, и докончаша миръ по старымъ грамотамъ, на всеи воли новгородскыи, и крестъ цѣловаша, а князю даша боръ (сборъ) по волости 1000 рублевъ на Повотръжцѣхъ. Баше же ту и митрополитъ, и присла князь наместникъ въ городъ.

(I Новг. 80).

154. Лука Вареолюшевъ и събитіи луди.

Того же лѣта (1342) Лука Вареолюшевъ, не послушавъ Новгорода и митрополита благословеніа и владычя, ско-

ивъ съ собою колоновъ съезъ, и поиде за Волокъ на Двину; и постави городокъ Орлецъ, и скопавъ Енчанъ, и взя землю Завотскую по Двинѣ вся погости на шить. Въ то же время сынъ его Онцифоръ отходилъ на Вагу, Лука же въ дву сту выѣха воевать, и убиша его Заволчане. И приде вѣсть въ Новгородъ, Лука убиенъ бысть и вѣсташа чръныи люди на Ондръшка, на Федора на посадника на Данилова, а тако ркуши: «яко тѣ зашлаша на Луку убити—и пограбиха ихъ дома и села»; а Федоръ и Ондръшка побѣгоша въ Копорью городокъ, в тамо сѣдѣша зиму всю и до великого говѣня. И въ то время приде Онцифоръ, в би челомъ Новгороду на Федора и на Ондръшка: «тѣ зашлаша моего отца убити»,—и владыка в Новгородъ послаша архим. Есица, съ бояры, въ Копорью, по Федора и по Ондръшка; и онѣ приѣхаша и рекоша: «не думали есмы на брата своего на Луку, что его убити, ни засылали на него»,—и Онцифоръ съ Матеемъ възвонн вѣче у св. Софьи, а Федоръ и Ондрюшко другое възвоннша вѣче на Ярославѣ дворѣ; и посла Онцифоръ съ Матеемъ владыку на вѣче, и недождавши владыки съ того вѣча и удариха на Ярославѣ дворѣ; и яша ту Матеев Коску и сына его Игната, всадиша въ церковь, а Онцифоръ убише съ своими пособники. Тоже бысть въ утрѣ, а по обѣдѣ доспѣша весь градъ, ся сторона себѣ, а она себѣ; и владыка Василіи, съ намѣстникомъ Борисомъ, докончаша миръ межи ими. И възвелченъ бысть крестъ, а діаволь посрамленъ бысть.

(1 *Новг.* 81—2).

Когда в. князь мѣисловскій бѣжалъ при нашествіи Тохтамыша, встало народное вѣче въ Москвѣ и распоряжалось самовольно, не слушая ни митрополита, ни бояръ. Московскій вѣтописецъ горько жалуется на это. См. *Повѣсть о нашеств. Тохт.*

155. Слово о князѣ до 1499 г.

Князю земля вашае покарайтеса; и рцѣте ему зла въ сердци своемъ и приидете ему головою своею и нечестъ своимъ и всею мыслюю своею, и невольмогутъ противатиса ниши князю вашему. Аще добръ придете князю вашему, и обогатѣтъ земля ваша и плодъ добръ обьскаете... Аще кто отъ своего князя ко иному князю отъѣдетъ, а достоину чтъ прииди отъ него, то подобенъ естъ Имятъ, иже любѣитъ Господомъ ти умысли продати е ко княземъ жидовскимъ. И купиха имъ село крове и гроба с прочими дѣрми, и отекъ отъ велики печали, сука съмо и овамо, въ Иерусалимѣ отъ всѣхъ люди проклинаемъ, и бѣжа изъ Иерусалима по пути, в туги и великии печали правъ болѣзъ и отекъ с того и яко все злы расѣдеса на полы. И есишество его приметъ и дѣти его въ шугубу издоша. Да и вы, сынове мои и мѣщи, не можете прияти чюжему князю, да не в тоже зло впадете.

(Христол. Буслави 477—504).

Изъ слова видно, что оно относится къ некимъ удѣльнымъ князьямъ, хотя взято изъ рукоп. «Записк. Чень» XIV в.

156. Договорная грамота в. кн. Василія Дмитріевича съ кн. Володимиромъ Андреевичемъ 1495 г.

По благословенные Отца нашего Киприяна м-та Киевского и всея Руси. Сязъ князь в. Василій Дмитріевичъ, что ся есмь былъ отъступилъ брату своему молодшему кн. Володимеру Андрѣевичу Волока съ волостми, Ржевы съ волостми въ вудѣль, и братъ мой кн. Володимеръ отъступиса мнѣ в. князю Волока съ волостми и Ржевы съ волостми, и язъ бра-

воюму молодшему кн. Володимеру
 и его дѣтемъ противу того отъсту-
 въ удѣль и въ вотчину, противу
 а, Городца съ волостми; а волости
 шьскит: Бѣлгороды, Юрьевецъ, Ко-
 а слобода и Чернякова, и Ужинская
 , и что въ Городцѣ и въ тѣхъ ве-
 съ пути и помѣны, то все брату
 кн. Володимеру, и его дѣтемъ. А
 есмь пожаловалъ кн. Ивана Борисо-
 а въ то ся кн. Володимеру и его
 ъ не вступати. А противу Ржевы,
 унлся есмь кн. Володимеру и его
 ъ въ вудѣль и въ вотчину Углича
 ти и съ помѣнами и съ селомъ съ
 орускыи; а кому пожаловалъ
 брата своего молодшего кн. Володи-
 и его дѣтей, въ вудѣль и въ вот-
 далъ есмь имъ Козлескъ, какъ бы-
 мною за в. Княземъ, да Гоголь,
 екени, да куплю Пересѣтову, да
 гь, какъ было за мною за в. Кня-
 А что есмь пожаловалъ кн. Ивана
 льскомъ, какъ есмь ему далъ, и
 ъ нему потягло, въ то ся кн. Во-
 еру и его дѣтемъ не вступати.
 ти ми Московскіи удѣла и вотчины
 своего кн. Володимера и дѣтей
 | всеѣ ихъ вотчины, и тѣхъ мѣсть,
 дхъ ся есмь отъступилъ въ вудѣль
 вотчину, того мнѣ и моиѣ дѣ-
 подъ своимъ братомъ и подъ его
 блюсти и боронити, а не обидети,
 ступатися. А отыметъ Богъ брата
 кн. Володимера, и мнѣ князю и
 дѣтемъ подъ его княгинею и подъ
 дѣтми трети ихъ московскыи, и
 вотчины, и тѣхъ мѣсть, которыѣ
 мѣ отступилъ въ вудѣль и въ вот-
 того ми и моиѣ дѣтемъ подъ ни
 юсти и боронити и печаловатися, а
 идѣти, ни вступатися; а быти ми
 за одинъ. А какими дѣлы отыметъ
 брата моего кн. Володимера или
 го дѣтей Городецъ или Козлескъ,
 ; имъ дати въ Городца мѣсто Томну,

а въ Козельска мѣсто Рожалово да Бо-
 жевку; а искати ны Геродца и Козель-
 ска съ одного; а Богъ дастъ найдеѣ, мои
 мѣста мнѣ в. князю и моиѣ дѣтемъ,
 а брату моему и его дѣтемъ ихъ мѣста
 имъ. А мнѣ, господине князе в., брату
 твоему молодшему кн. Володимеру А. и
 моиѣ дѣтемъ подъ тобою и подъ твоими
 дѣтми твоего удѣла Москвы и Коломны
 съ волостми, и всего твоего вел. кня-
 женья, да Волока и Ржевы съ волостми,
 и Новгорода Нижнего съ волостми и что
 къ нему потягло, и Муромъ съ волостми
 и что къ нему потягло, и Мещеры съ
 волостми и что къ ней потягло, и въ та
 мѣста въ татарская и въ мордовская,
 какъ было, господине, за твоимъ отцомъ
 за в. кн. Дмитриемъ Константиновичемъ,
 и за тобою за в. княземъ, того ми и
 моиѣ дѣтемъ подъ тобою в. княземъ и
 подъ твоими дѣтми блюсти и боронити,
 а не обидѣти, ни вступатися; а быти ми,
 господине, и моиѣ дѣтемъ съ тобою и
 съ твоими дѣтми вездѣ за одинъ. А оты-
 метъ Богъ тебе в. князя и мнѣ, госпо-
 дине, имѣти сына твоего въ твое мѣсто,
 а того мнѣ всего и моиѣ дѣтемъ удѣла
 твоего Москвы и Коломны съ волостми,
 и всего твоего вел. княженья, и Волока
 съ волостми, и Ржевы съ волостми, и
 Новгорода Нижнего съ волостми и что
 къ нему потягло, и Муромъ съ волостми
 и что къ нему потягло, и Мещеры съ
 волостми и что къ ней потягло, и тѣхъ
 мѣсть татарскихъ и мордовскихъ, какъ
 было за твоимъ отцомъ за в. княземъ, и
 за твоимъ дѣдомъ за в. княземъ Димит-
 риемъ Костянт., и за тобою за в. кня-
 земъ, того, господине, мнѣ и моиѣ дѣ-
 темъ подъ твоею княгинею и подъ тво-
 ими дѣтми блюсти, а не обидѣти, ни
 вступатися, печаловатися и боронити; а
 быти ми и моиѣ дѣтемъ съ твоею кня-
 гинею и твоими дѣтми вездѣ за одинъ.
 А дати ми, господине, тебе съ Углича
 поля въ 7000 рублей 100 руб. и 5 р.,

а съ Городца и съ тѣхъ волостей, которые ми еси волости къ Городцю придалъ, дати ми тебѣ въ 1500 р. 100 и 60 р.; а что къ тому прибудеть или убудеть, ино ми дати по розоту. А что ся остало въ Новѣгородѣ на Нижнемъ долгу-старого полчетверты ($3\frac{1}{2}$) тысячи рублевъ, а то ми, господине, тебѣ дати по выходу по розоту. А перемѣнить Богъ, господине, Орду, и миѣ имати дань съ своеѣ вотчины и съ своего удѣла собѣ; а тебѣ ми, в. князю не дати. А тебѣ, князь в., и твоимъ дѣтемъ въ мой удѣлъ и въ мою вотчину не всылати: а миѣ, кн. Володимеру и моимъ дѣтемъ въ твое в. княжене и въ твой удѣлъ, и что ни есть да тобою за в. княземъ, въ то намъ вовсе не всылати. А коли, господине, будеть сынъ твой въ твое мѣсто, и всадеть сынъ твой на конь, ино и миѣ съ нимъ всѣсти на конь: а коли сынъ твой не всадеть на конь, ино и миѣ не всѣсти на конь; а куды сынъ твой пошлетъ моихъ дѣтей, и имъ всѣсти на конь безъ ослужанья. А кто господине князь в., имется держати бояръ твоѣхъ княгини и твоихъ дѣтей, и миѣ кн. Володимеру и моимъ дѣтемъ блюсти тѣхъ бояръ, какъ и своихъ: такъже кто имется держати бояръ моеѣ княгини и моихъ дѣтей, и тебѣ в. князю и твоимъ дѣтемъ блюсти

тѣхъ бояръ, какъ и своихъ. А жити намъ по первой грамотѣ по докончальной, и по сей грамотѣ и нашимъ дѣтемъ; а съ братьею съ моею съ молодшею жити то по первой грамотѣ по докончальной. А на сей грамотѣ изъ кн. в. Василій Дмитр. целовалъ есмь крестъ, и за своего сына за Ивана, и за свои дѣти, кого ми Богъ дастъ, къ своему брату къ молодшему ко князю къ Володимеру А. и къ его дѣтемъ, по любви въ правду, безъ хитрости. А на сей грамотѣ изъ кн. Володимеръ А. съ своими дѣти со княземъ съ Иваномъ и Семеновъ и съ Ярославомъ, и за свои дѣти за меншии за Одрѣя и за Василья, целовали есмы крестъ къ своему господину къ брату старѣйшему къ в. кн. Василью Дмитр., и къ его сыну ко кн. Ивану, и къ его дѣтемъ, кого ему Богъ дастъ, по любви въ правду, безъ хитрости.

(Грамота писана на пергаминѣ, къ ней привѣшены на голубомъ шелковомъ смуркѣ двѣ восковыя печати).

(Собр. Грам. I, № 38, стр. 69—71).

Обратить вниманіе, какъ представляли отношенія муромскаго князя и его супруги къ боярамъ въ житіи Петра и Острога. См. ниже Очерки Буслева I, 269—300.

В. СТАТЬИ ИЗЪ НОВЫХЪ СОЧИНЕНІЙ.

157. Отношеніе епископовъ къ князьямъ и народу.

Участіе князей и народа въ дѣлахъ церковныхъ постоянно обнаруживалось при избраніи епископовъ. Если въ какой-ли-

бо епархіи умиралъ епископъ или оставалъ каеодру: мѣстный князь вмѣстѣ съ своими подданными избиралъ кандидата, отправлялъ его въ Кіевъ къ князю кіевскому и митрополиту и просилъ о рукоположеніи новозбраннаго во епископа:

такое избраніе, согласное съ древними обычаями церкви, считалось законнымъ. Если же митрополитъ самъ, безъ сношенія съ мѣстнымъ княземъ, поставлялъ куда-либо епископа: избраніе признавалось незаконнымъ. Въ 1183 г., когда скончался ростовскій епископъ Леонъ, м-тъ Никифоръ поставилъ въ Ростовъ епископомъ Николая—грека «на мздѣ»: но великій князь владимірскій и суздальскій Всеволодъ Юрьевичъ не принялъ его, говоря: «не избрала сего людіе земли нашея», и послалъ въ Кіевъ просить князя Святослава и м-та, чтобы въ Ростовъ поставленъ былъ епископомъ смиренный игумень Спаскаго монастыря на Берестовѣ Лука. Митрополитъ, съ своей стороны, не хотѣлъ уступить; но «неволею великою Всеволода и Святославею» поставилъ Луку епископомъ въ землю суздальскую, назначивъ Николаю другую епархію, половецкую. Лѣтописецъ при этомъ замѣчаетъ: «нѣсть бо достойно наскакати на святительскій чинъ на мздѣ, но егоже Богъ позоветъ и св. Богородица, князь восхочетъ и люде», указывая тѣмъ на общее правило, какого держались тогда у насъ при избраніи епископовъ. По смерти епископа Луки, тотъ же вел. кн. Всеволодъ послалъ (1190) въ Кіевъ къ князю Святославу и митрополиту, для рукоположенія во епископа, отца своего духовнаго Іоанна, который и былъ рукоположенъ. Когда этотъ епископъ отказался отъ епархіи и отошелъ въ Боголюбовъ монастырь: сынъ князя Всеволода Константинъ отправилъ (1215) къ кievскому м-ту Матеею игумена Петровскаго монастыря Пачомія, для поставленія его епископомъ Ростову, а другой сынъ Всеволода—Юрій, отправилъ туда же игумена Рождественскаго монастыря Симона для поставленія его епископомъ Суздалю и Володимеру. Въ 1231 году ростовскій князь Василько Константиновичъ послалъ въ Кіевъ къ князю Владиміру Рюриковичу и м-ту от-

ца своего духовнаго Кирилла для рукоположенія во епископа Ростову. Вслѣдствіе того близкаго участія князей въ избраніи епископовъ, и говорится въ лѣтописяхъ, что, напримѣръ, кievскій князь Рюрикъ «постави епископомъ въ Бѣлгородъ отца своего духовнаго, выдубицкаго игумена—Адриана» (1190), а суздальскій князь Всеволодъ посла на епископство въ русскій Переяславль Павла (1198).

Въ Новгородѣ, гдѣ всѣ важнѣйшія дѣла рѣшало народное вѣче, и избраніе епископа совершалось вѣчемъ. Въ 1156 году, когда скончался новгородскій епископъ Нифонтъ, «собрались, говорить мѣстная лѣтопись, жители всего города и изволяли поставить (т. е. избрать) себѣ епископомъ мужа, богоизбраннаго Аркадіа и пошли всѣмъ народомъ и взяли его изъ монастыря отъ св. Богородицы, и Князь Мстиславъ Юрьевичъ, и весь Кларъ св. Софій, и всѣ городскіе священники, игумени и чернецы, а ввели его во дворъ св. Софій, и поручили ему епископію». Точно также, по смерти архіепископа Иліи (1186), Новгородцы, сдумавъ съ княземъ своимъ Мстиславомъ и съ игуменами и съ священниками, изволяли поставить себѣ епископомъ брата Иліи Гавріила. Но изъ этихъ случаевъ еще не видно, какъ происходило самое избраніе, хотя одна изъ мѣстныхъ лѣтописей замѣчаетъ, что Аркадіа Новгородцы поставили по жребію. Слѣдующіе примѣры объясняютъ дѣло подробнѣе. Въ 1199 году, по смерти архіеп. Гавріила, Новгородцы вмѣстѣ со княземъ Ярославомъ, игуменами, софійскимъ духовенствомъ и всѣми священниками, гадали между собою, и одни желали избрать на епископію Митрофана, другіе Мартірія, третьи какого-то Гричина (вѣроятно, или мірское имя, или передѣланное изъ Григорія), и была между ними распря. Тогда положили на св. трапезѣ (въ Софійскомъ соборѣ) 3 жребія и послали съ вѣча слѣдща, чтобы онъ

взять жребій того, кого Богъ дастъ, и вынулся божією милостію жребій Мартырія. Немедленно послали за нимъ и привели его изъ Руси и посадили во дворъ св. Софій. Въ 1229 году, при избраніи новаго владыки, опять произошло на вѣчь разногласіе: одни хотѣли Спиридона, іеродіакона Юрьевского монастыря, другіе Іосафа, епископа владимиро-волинскаго, третья Грыцна или Савву, юрьевского архимандрита. Для успокоенія умовъ князь Михаилъ сказалъ: положимъ 3 жребія на св. трацезѣ, напишемъ на нихъ имена избираемыхъ. И дѣйствительно, положили жребіи и послали изъ владычныхъ палатъ княжича Ростислава взять одинъ жребій, и, по волѣ божіей, вынулся жребій Спиридона, котораго немедленно вывели изъ монастыря и посадили во дворъ владычномъ.

Кромѣ того, въ дѣлѣ избраній епископовъ у Новгородцевъ замѣчаемъ и другія особенности. Тогда какъ въ прочихъ епархіяхъ во епископы избирались почти исключительно настоятели обителей, Новгородцы часто избирали себѣ владыкъ изъ простыхъ иноковъ, даже изъ благодуховенства. Такъ Ілія и братъ его Григорій избраны были изъ священниковъ приходскихъ новгородскихъ церквей, а Спиридонъ изъ іеродіаконовъ Юрьевского монастыря, а Антоній и Арсеній изъ простыхъ черноризцевъ Хутыня монастыря. И князь Михаилъ, предлагая Новгородцамъ въ 1229 г. избрать новаго владыку, соотвѣтственно ихъ обычаю, выразился: «поищите себѣ такого мужа, въ пошѣхъ ли, въ игуменѣхъ ли, въ чернцѣхъ ли». Вдругъ, по избраніи новаго епископа, Новгородцы вводили его во дворъ св. Софій и предоставляли ему управлять епархією, а сами отправляли пословъ къ митрополиту съ просьбою поставить имъ избраннаго владыку. Когда митрополитъ изъяслялъ свое согласіе и присылалъ за новоизбраннымъ съ великою честью: тотъ

послѣдній торжественно вѣхалъ въ Кіевъ съ свитою и принималъ тамъ рукоположеніе. Случалось, что избранный во епископа управлялъ новгородскою епархією до своего посвященія довольно долго, дожидаясь пока «будетъ отъ митрополита позваніе»: напримѣръ Аркадій управлялъ около двухъ лѣтъ, Ілія и Митрофанъ постольку же а Арсеній, возведенный на владычьи «сѣни» изъ чернецовъ Хутыня монастыря, хотя правилъ епархією два года, и посвященія вовсе не дождался: потому что по прошествіи двухъ лѣтъ, былъ изгнанъ Новгородцами въ ту же обитель.

Принимая такое полное участіе въ избраніи для себя архипастырей, князья, по мѣстамъ и народу, иногда присвоивъ себѣ право удалять ихъ съ кафедры прежде суда надъ ними церковнаго или даже вовсе безъ этого суда. Въ 1157 г. и гнать былъ изъ своей епархіи Ростовскій епископъ Несторъ за то, что не разрѣшалъ поста въ среду и пятокъ для праздниковъ господскихъ, кромѣ Рождества Христова и Богоявленія, и еще за какія то другія вины, которыя ввоздвигъ на него князь Андрей Боголюбскій. Кіевскій митрополитъ Теодоръ рассмотрѣлъ дѣло Нестора собою и совершенно оправдалъ его: но Боголюбскій не хотѣлъ принять изгнаннаго епископа, и Несторъ долженъ былъ искать себѣ защиты у цареградскаго патріарха. Патріархъ также нашелъ его невиновнымъ и неоднократно просилъ Боголюбскаго о принятіи его: но не видно и послѣ этого, чтобы Несторъ былъ принятъ. Въ 1159 г. Ростовцы и Суздальцы, съ согласія князя своего Андрея Боголюбскаго, изгнали отъ себя епископа Леона: то, что онъ, будучи поставленъ въ Ростовъ незаконно, еще при жизни Нестора безъ нужды умножалъ число церквей и грабилъ духовныхъ. Черезъ нѣсколько времени Боголюбскій принялъ Леона, но въ 1164 г. изгналъ опять. Вскорѣ возвратилъ его снова, впрочемъ только въ Р

стовъ, а не въ Суздаль; но чрезъ 4 мѣсяца изгналъ въ 3-й разъ: п. ч. Леонъ не соглашался разрѣшать постъ въ среду и пяткъ ни для какихъ господскихъ праздниковъ. Въ 1168 г. черниговскій князь Святославъ изгналъ изъ епархіи епископа своего Антонія, будучи недоволенъ тѣмъ, что Антоній строго возбранялъ ему разрѣшать постъ среды и пятка для праздниковъ господскихъ кромѣ двухъ: Рождества Христова и Богоявленія. Не упоминаемъ уже о томъ, что въ дѣлахъ собственно гражданскихъ епископы зависѣли отъ князей. Такъ, когда въ 1208 г. в. кн. Всеволодъ владимірскій, огорченный непокорностію Рязанцевъ, повелѣлъ ихъ городъ сжечь, а самихъ всѣхъ отвезъ въ свою столицу, онъ плѣнилъ и епископа ихъ Арсенія, который и содержался во Владимірѣ 4 года, пока не былъ отпущенъ со всѣми Рязанцами. Въ 1229 г. ростовскій епископъ Кириллъ имѣлъ съ кѣмъ-то тяжбу предъ княземъ Ярославомъ и вслѣдствіе княжескаго суда, происшедшаго «на соннѣ», у епископа отнято было все его богатство; а онъ, по словамъ летописи, былъ такъ богатъ кунями и сѣлами и книгами, и вообще всякимъ добромъ, какъ ни одинъ изъ его предшественниковъ. Кириллъ, страдавшій тогда тяжкою болѣзнію, перенесъ судебный приговоръ съ благодарностію Богу и, оставивъ каведру, принялъ схиму въ Дмитріевской суздальской обители.

Но болѣе всѣхъ позволяли себѣ власти по отношенію къ своимъ владыкамъ Новгородцы. Въ 1212 г. они прогнѣвались за что-то на архіея Митрофана и, не давъ ему оправдаться, удалили его въ Торонецъ, а себѣ избрали новаго владыку, хутынскаго чернеца Антонія. Черезъ 6 лѣтъ Митрофанъ возвратился въ Новгородъ, и Новгородцы проводили его въ Благовѣщенскій монастырь, а въ слѣдующемъ (1219 году), когда Антоній похвѣлъ въ Торжокъ, ввели Митрофана во

дворъ владычный и посадили снова на каведру, пославъ сказать Антонію: «иди себѣ, куда хочешь». Антоній однакожь пришелъ въ Новгородъ и остановился въ Спаскомъ Передницкомъ монастырѣ. Не зная, что дѣлать, Новгородцы отправили обоихъ архіепископовъ на судъ къ митрополиту. М-ть порѣшилъ тѣмъ, что Митрофана возвратилъ въ Новгородъ, а Антонію далъ перемышльскую епархію. По смерти Митрофана (1223), Новгородцы избрали себѣ владыкою Хутынскаго чернеца Арсенія, но чрезъ два года съ радостію принялъ иржеяго своего архіея. Антонія, пришедшаго изъ Перемышля, и Арсеній долженъ былъ оставить свое мѣсто⁽¹⁾. Когда Антоній, лишившись употребленія языка, добровольно отказался отъ каведры (1228) и заключился въ Хутынскомъ мон., Арсенію снова предложено было управление епархіею. Но вскорѣ, по случаю безирестанныхъ дождей, опустошившихъ поля, народъ возсталъ на Арсенія и составилъ противъ него вѣче, говоря: это за то мы страдаемъ, что онъ выпроводилъ Антонія въ Хутынь, а самъ несправедливо занялъ владычній престолъ, подкушивъ князя. Съ шумомъ ворвались безрасудные въ архіерейскій домъ, выгнали изъ него Арсенія и едва не умертвили, такъ что онъ съ трудомъ спасся въ Софійскомъ соборѣ. На другой день извели архіея Антонія, больного и вѣмага, изъ Хутыни мон. и посадили на святительской каведрѣ, давъ ему въ помощники двухъ свѣтскихъ чиновниковъ. Уже князь Михаилъ черниговскій, прибывшій (1229) управлять Новгородцами, убѣдилъ ихъ избрать новаго владыку, вмѣсто больного и взнемогшаго старца.

(Ист. Рус. Цер. пр. Макарія. III, 203—209).

(1) См. выше въ Христом. № 56.

Подробное обозрѣніе хозяйств. управленія духовенства въ Россіи. Соч. *Вл. Миллютина*. «О недавнихъ измѣненіяхъ духовенства въ Рос.» Чт. общ. Ист. 1861, I, 273—334. См. также Ист. Рус. Ц. *Филарета II*, 97. Ист. Рус. Монаш. *Казанскаго*. М. 1855. Очеркъ церков. администраціи. *А. В. Лохвицкаго*. Рус. Вѣстн. 1857. 2. Приходское духовенство на Руси. *П. В. Знаменскаго*. Прав. Обзор. 1867 г. и отдѣльно.

158. Занесли вѣны.

Печально, тяжело было время Монголовъ для Россіи. Западъ прибавлялъ намъ скорби къ скорбямъ. Испытанія для православія съ запада были теперь такъ сильны, какъ не были прежде. Нельзя не удивляться твердости, съ какою Русскіе выдержали нападенія папы въ самое несчастное время. Богъ—хранитель вѣры чистой.

Дѣло запада начато было съ новгородскихъ и полоцкихъ приморскихъ владѣній въ Ливоніи.—Съ начала XIII в., по волѣ папы, толпы бродягъ, которымъ не было мѣста на западѣ, шли одна за другою въ Ливонію грабить другихъ, или, какъ называли это на западѣ, проповѣдывать Христа. Бѣдныхъ Ливонъ, Латышей и Чудь крестили огнемъ и мечемъ въ продолженіе 40 лѣтъ. Грабежъ отнялъ у Россіи все поморье; и восточное христіанство исчезло тамъ.

Папа не довольствовался тѣмъ. Онъ поднималъ крестовые походы на Россію то изъ Ливоніи, то изъ Швеціи; Русскихъ не стыдился онъ называть язычниками. Въ 1240 г. шведскій король, въ слѣдствіе папской буллы, отправилъ войско съ епископами крестить русскихъ. Благочестивый князь *Александръ* вышелъ съ малою дружиною, но съ твердою надеждою на Бога... И славная невская битва оставила за Александромъ громкое имя *Невскаго*. Кончивъ дѣло съ Шведами, Александръ долженъ былъ спѣшить

на помощь Пскову и Изборску противъ пришлецовъ ливонскихъ; защитникъ православія заставилъ трепетать орденъ за собственное существованіе. Тогда папа переѣхнулъ тонъ. Онъ отправилъ легатовъ къ Александру, изъявляя скромное желаніе; чтобы узнали лучшее отъ его учителей. Папѣ сказали: «мы знаемъ исторію вѣры и церкви съ самаго начала міра; къ чему жъ намъ новые учителя?»—«Не такъ казалось папѣ. Ливонскіе поселенцы ручьями лили кровь русскую, и изъ своей корысти и для корысти ея». Мечъ благочестиваго князя *Довмонта* усмиралъ искателей приключеній⁽¹⁾.

Въ 1347 г. *Магнусъ*, король шведскій, въ намѣреніи загладить грѣхи распутной жизни своей въ глазахъ папы, вызвался обратить Россію къ папѣ; онъ явился съ сильнымъ войскомъ въ предѣлахъ новгородскихъ и послалъ сказать: «пришлите умныхъ людей для пренія о вѣрѣ; узнаемъ, чья вѣра лучше, и лучшая принята будетъ всеми; иначе—мой мечъ научитъ всему». Новгородцы отвѣчали: «мы приняли вѣру отъ Грековъ; и потому если король хочетъ узнать, чья вѣра лучше, пусть пошлетъ пословъ къ патриарху; если же онъ имѣетъ другое дѣло до насъ—обиду; пусть объяснитъ ее посламъ». Отвѣтъ достойный истинной, чистой вѣры! Онъ говорилъ, что дѣла вѣры не должно свѣршивать съ дѣломъ меча. Но Магнусъ остался при своемъ, и сказалъ, что желаетъ одного—обратить Русскихъ къ своей вѣрѣ волею или неволею. Орденъ сдался королю, и онъ успѣшилъ перекрестить половину жителей. Но скоро Магнусъ разбитъ былъ на голову. Невольные крестники его стали опять тѣмъ,

⁽¹⁾ Подробнѣе объ этомъ можно читать въ Ист. княж. псковс. м. *Евгенія I*, 692. Москвит. 1843 г. Финск. Вѣст. 1845 г. 4—8

чѣмъ были по волѣ, и въ добавокъ были Шведовъ. Тѣмъ кончились пока миссіи папы на сѣверѣ.

На юго-западѣ Россіи дѣла папы были страны до крайности. Онъ предлагалъ князю галицкому королевскій вѣнецъ за покорность ему. Сокрушаясь о бѣдной отчизнѣ и думая, не поможетъ ли владыка запада свергнуть его Монголовъ съ Россіи, Даниилъ показалъ папѣ, что хочетъ съ нимъ сблизиться. Едва только это узвано, буллы посылались въ Россію одна за другой. Въ 1246 г. Иннокентій IV писалъ къ Даниилу, что по его просьбѣ принимаетъ его и его царство подъ покровительство ап. Петра и свое; въ тотъ же день другою буллою назначалъ ему Доминиканцевъ проповѣдниковъ; третьею буллою повелевалъ послѣднимъ посѣлится въ Россію. Въ томъ же году послалъ буллу къ „русскому королю Іоанну, (хотя сынъ Василько не былъ и владѣтельнымъ княземъ) и отправилъ къ нему прусскаго архіепископа съ правомъ „разрушать и разбивать, насаждать и создавать“. Спустя три мѣсяца, папа объявилъ Даниилу свое дозволеніе отнимать земли у королей, не исповѣдающихъ римской вѣры. Въ тотъ же день онъ буллою на имя Даниила разрешалъ совершать литургію на квасномъ хлѣбѣ и наблюдать обычаи, не принятыя латинскою церковію. Уступка необыкновенная, но на дѣлѣ она могла быть шагомъ впередъ. Новую буллою папа уполномочивалъ прусскаго архіепископа привести въ соединеніе съ римскою церковію *возлюбленнаго сына русскаго короля*. Но папа въ той же буллѣ къ архіепископу прусскому давалъ знать, что онъ не вѣритъ искренности возлюбленнаго сына; онъ наказывалъ епископу, чтобы король Даниилъ со всѣми вельможами далъ присягу на вѣрность. Въ 1249 г. терпѣніе Даниила истощилось. Онъ выгналъ папскаго архіепископа съ его патернами. Черезъ три

года Бала венгерскій помирилъ Даниила съ папою, и папа, приславъ вѣнецъ и скипетръ, обѣщалъ помощь отечеству Даниила. Даниилъ снова сталъ ждать помощи, но помощи не было, и онъ оставилъ папу.

Только тогда, какъ престѣлся родъ князей галицкихъ, и жители Черной Руси и Волыни, угнетаемые Литвою, Польшею, Татарами, предали себя власти Казимира польскаго, папа могъ радоваться нѣкоторому успѣху трудовъ своихъ въ Россіи. Власть Казимира признана была съ тѣмъ, чтобы не стѣснялъ онъ совѣсти Русскихъ. Латинскій король скоро забылъ обѣщаніе. На Волыни Лахи „много зла христіаномъ сотвориша, церкви святыя претвориша въ латинское богомерзое служеніе“. Не это было не надолго. Въ слѣд. же годъ (1350) кн. Любарть выгналъ всю Латынь изъ Волыни и оставилъ въ рукахъ Казимира одинъ Львовъ (*). При преемникѣ Казимира насилія умножились. На югѣ Россіи съ 1375 г. явились латинскіе епископы, но за исключеніемъ галицкаго, эти епископы долго были только титулярные, паствы безъ пасты. Если послѣ сего нужно сказать, какъ Русскіе вѣрны были здѣсь православію: то инквизиція, основанная ок. 1380 г. въ Галичѣ, безъ словъ громко говорить о славѣ православія.

При дочери Людовика, Ядвигѣ, польскіе епископы простирали власть папы какъ на Червонную Русь, такъ и на Литовско-русское княжество. Юной королеѣ обѣщали они царство небесное, если отдастъ руку безобразному Ягайлу, — и Ягайло промѣнялъ православіе на руку Ядвиги и вѣнецъ польскій; онъ далъ клятву епископамъ волею или неволею ввести римскую вѣру въ Литовско-русское княжество. И клятву выполнялъ онъ надъ

(*). Зубрицкаго Ист. Червон. Руси. Hist. Polon. Другога,

самыми Русскими, умертвивъ двухъ вельможъ, не хотѣвшихъ оставить православіе. Православный или православная, вступая въ бракъ съ папистою, силою принуждаемы были къ римской вѣрѣ. Только оружіе Витовта (1388—1390) и Свиригайла (1394) не давало фанатику Ягайлѣ свободы выполнить клятву его въ полной силѣ.

(Ист. Рус. Ц. пр. Филарета. II, 47—51).

159. Отношеніе приднѣпровскихъ городовъ къ варяжскимъ князьямъ до 1171.

...Несторъ ясно свидѣтельствуетъ, что славыншіе и богатѣйшіе города Приднѣпровья не были завоеваны варяжскими князьями, а сами приняли ихъ по взаимному согласію... Смоленскъ, Черниговъ, Кіевъ и Переяславль, видимо покорные князьямъ при началѣ, удерживаютъ свою самостоятельность и политическое значеніе до позднѣйшаго времени, и не рѣдко являются строптивыми и самовластными вѣчниками противъ князей. Чисто же завоеванныя или покоренныя силою племена: Древляне, Радимичи, Вятчи и другіе, показавшіе сильное сопротивленіе при началѣ, почти въ слѣдъ за покореніемъ теряютъ всякое политическое значеніе, дѣлаются безмолвными данниками князей и болѣе уже не показываются на поприщѣ исторической дѣятельности. И такъ отношеніе варяжскихъ князей къ главнымъ приднѣпровскимъ городамъ не было отношеніемъ побѣдителей къ побѣжденнымъ; даже послѣ завоеванные города и покоренныя силою племена не были завоеваны однихъ варяжскихъ князей и ихъ дружины; въ немъ уже сильно участвовали города, принявшіе князей по взаимно-

му согласію; сіи, будучи одинаковаго общинаго свойства съ городами, покоряемыми вновь, препятствовали въ этихъ новыхъ завоеваніяхъ развиваться чужеземному элементу, принесенному князьями и ихъ пришлою дружиною (въ Европѣ же почти всѣ государства основаны завоевателями)... Въ Россіи народъ не лишень былъ своего политическаго значенія и не отказывался отъ участія въ дѣлахъ общественныхъ... Города управлялись своими общинными начальниками, старѣйшинами, мужиками, держащими землю, князья же пользовались доходами, которые первоначально условлено было собирать князю на содержаніе войска (кромѣ того, собирали *полюдье*)... Привыкншіи къ самовластию въ завоеванныхъ земляхъ, Святославъ просто скучалъ въ Кіевѣ, гдѣ и некоторымъ образомъ ограничивалось его власть... Кіевляне явно не принимаютъ участія въ княжескихъ усобицахъ; для нихъ все равно, кто бы ни былъ княземъ (*не вѣрно!*), лишь бы не нарушалъ ихъ правъ; Скандинавы еще не умѣли сродниться съ ними, и рѣжутся только княжескія дружины... (Владиміръ св. не самовольно принявъ вѣру христіанскую и въ другихъ дѣлахъ ничего не предпринималъ безъ совѣта старѣйшинъ).

Раздробленіе княжеской власти по смерти Ярослава и междоусобіе дѣтей его развязали руки вѣчникамъ старыхъ самостоятельныхъ городовъ Приднѣпровья. Отдѣльные владыки, преемники могущественнаго Ярослава, большею частію, не умѣли привязать къ себѣ народа, еще не забывшаго своей прежней независимости. (Такъ Кіевляне выгнали Изяслава въ 1067 г. и разграбили его домъ). Сами князья явно признаютъ посредничество городскихъ жителей въ дѣлѣ государственнаго устройства и защиты. Святополкъ и Владиміръ Мономахъ, приглашая Олега, говорятъ: «поиди Кыеву, да порялъ положиши о Русьстѣй земли, предъ епископы и предъ

игумены и предъ мужи отецъ нашихъ, и предъ людьми градскими, да быхоть оборонили русьскую землю отъ поганыхъ» (*Лавр. 98*)... Въ это время не одни Кіевляне, но и жители другихъ старыхъ городовъ выказывали свою самостоятельность и свободу относительно къ князьямъ. Такъ Муромцы въ 1095 г. добровольно приняли Изяслава Владиміровича и выдали ему Олегова посадника; въ 1096 г. Смольняне не приняли Олега (*Лавр. 98*). А въ слѣдъ за старыми городами, пользуясь обстоятельствами, и младшіе стали собирать вѣча и свободно говорить князьямъ, чтобы они сообразовались съ волею народа...

Привязанность городовъ къ своимъ княжескимъ родамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ какая-то свобода, — отдѣльность народа отъ князей, особенно рѣзко стали проявляться по смерти Мстислава Владиміровича, когда возобновились княжескія усобицы, на время затихшія при Мономахѣ и Мстиславѣ. (Черниговцы принудили князя Всеволода просить мира у Ярополка, *Ип. 15*)... Похоронивъ Всеволода, Игорь созвалъ Кіевлянъ на Ярославль дворъ и привелъ ко вторичной присягѣ, но народъ, возвращаясь съ Ярославова двора, тутъ же собралъ вѣче у Туровой божницы и послалъ звать къ себѣ Игоря. Игорь отправилъ на вѣче своего брата, Святослава, которому граждане стали жаловаться на кіевскаго и вышегородскаго тиуновъ; требовали ихъ смѣны и клятвы отъ князей самимъ разбирать обиды: «А нынѣ, княже Святославе, цѣлуй намъ хрестъ и съ братомъ своимъ: аще кому насъ будетъ обида, то ты прави». Ясное свидѣтельство, что главною обязанностію и правомъ князя было держать судъ и правду. Святославъ обѣщалъ дать тиуна по волѣ народа: «И съѣдъ съ коня, и на томъ цѣлова хрестъ къ нимъ у вѣчи», потомъ съ выборными отъ народа отправился къ Игорю привести его къ присягѣ: «Игорь же

съѣдъ съ коня, и цѣлова къ нимъ хрестъ на всей ихъ воли и на братьи». Прямое доказательство, что граждане были свободны и принимали князей по взаимному согласію; и ежели когда на время держался у нихъ князь, негодный народу, то его поддерживала только его собственная дружина, какъ было и въ настоящее время. Игорь, въ продолженіи вѣча, стоялъ среди своей дружины, готовой къ бою на коняхъ; Кіевляне же отдѣльвались разными предложеніями и требованіями и не изгоняли негоднаго князя, выжидая и выигрывая время, пока подойдетъ Изяславъ, которому уже послали сказать: «пойди, княже, къ намъ, хощемъ тебе». (Народъ отказалъ въ помощи даже любимому князю Изяславу, когда видѣлъ несоразмѣрность силъ съ силами противниковъ въ 1147 и въ 1149 г. *Ипат. 31. 62*)... Въ это время предѣпровскіе города, хотя по привязанности къ родовымъ князьямъ, вступались въ коллоротъ княжескихъ усобицъ, но тѣмъ не менѣе еще удерживали свою самостоятельность, и всегда напередъ соразмѣряли свои силы съ силами противниковъ, и потомъ уже свободно объявляли своимъ князьямъ о готовности, или невозможности вспомошествовать имъ... Кіевляне, возводя Ростислава на кіевскій престолъ, говорили: «Якоже братъ твой, Изяславъ, честилъ Вячеслава, тако же и ты чести; а до твоего живота Кіевъ твой». Очевидно, что граждане сами возводили своихъ князей на престолъ, и отдавались имъ только по жизни: *а до твоего живота Кіевъ твой*. Посему владѣнія отнюдь не были наследственными; слѣдов. преемство княжеской власти зависѣло отъ народа, который, впрочемъ, всегда старался ограничивать свой выборъ своими родовыми князьями, и только въ крайности, застигнутый обстоятельствами, иногда принималъ князей изъ другаго рода... Безъ утвержденія отъ народа на

княжескомъ престолѣ, князь не могъ ни заключать мира, ни вести войну, хотя бы имѣлъ при себѣ городскую рать...

Юрій, хотя не любимый Кіевлянами, а какъ родовой князь, былъ принятъ народомъ съ радостію и владѣлъ спокойно до своей кончины (т. е. три года); но конечно, онъ болѣе держался своею дружиною, приведенною изъ Суздаля; и граждане, освобожденные его смертію, въ самый день похоронъ произвели свою управу съ княжею дружиною; лѣтопись описываетъ это слѣд. обр.: «Розграбиша дворъ его Красный, и другой дворъ его за Днѣпромъ разъграбиша въ городѣ; избивахуть Суждальцы по городомъ и по селомъ, а товаръ ихъ грабаче» (*Ипат. 84*)... По смерти Ростислава, Кіевляне и Черныи Клобуки послали во Владиміръ волынской просить Мстислава Изяславича въ Кіевъ; съ тѣмъ же послали къ нему и его братья. Мстиславъ, хотя съ радостію былъ встрѣченъ въ Кіевѣ, какъ сынъ любимаго Изяслава, вызванный самимъ народомъ; но тѣмъ не менѣе онъ долженъ былъ вступить въ договоръ съ гражданами въ самый же день вступленія въ Кіевъ, точно такъ же, какъ онъ въ тоже время договаривался съ князьями—братьями и съ дружиною Ростислава. Вотъ слова лѣтописи: «А въ Кіевѣ вииде, ту виидоша Кіане вси. Възма рядъ съ братьемъ, и съ дружиною, и съ Кіаны въ тѣ день» (*Ипат. 96*)... Это одно изъ самыхъ ясныхъ свидѣтельствъ о самостоятельности старыхъ приднѣпровскихъ городовъ, которые если иногда и уступали обстоятельствамъ, но тѣмъ не менѣе всегда сознавали свои права и значеніе. Здѣсь мы виидимъ ясно, что Кіевляне на одинаковыхъ правахъ съ князьями договариваются съ великимъ княземъ...

Со взятіемъ Кіева въ 1171 г. (¹),

(¹) Самовластный Андрей суздальскій князь, желая спарить Мстислава Изяславича, а можетъ быть,

кончилась исторія самостоятельности этого города, Кіевъ болѣе уже не воскресалъ, а въ слѣдъ за нимъ мало по малу покорились князьямъ и прочіе города Приднѣпровья; долѣе всѣхъ держались Черниговъ и Смоленскъ; ихъ самостоятельность совершенно уничтожили уже Монголы и литовскіе князья... Мстиславъ Андреевичъ, предводитель войскъ Боголюбскаго, посадилъ тамъ княземъ Глѣба Юрьевича, не справляясь съ волею гражданъ. Во время отсутствія Глѣба въ Суздаль, Кіевляне опять было пригласили Мстислава Изяславича, который, вошедши въ Кіевъ, по прежнему заключилъ договоръ съ гражданами: «вземъ ряды съ братією и съ Кіаны»; но Мстиславъ не могъ уже удержаться въ Кіевѣ. А возвратившійся Глѣбъ не думалъ спрашивать о желаніи гражданъ, и всего ждалъ только отъ своей дружины и отъ распорядка суздальскаго князя Андрея.

(Изъ статьи Н. Вълкова. *Чт. общ. ист. 1848 г. № 7. отд. I, стр. 1—32*);

160. Дружина княжеская.

Вліяніе (на образованіе юнаго общества) сильно обнаружилось посредствомъ дружины, явившейся вмѣстѣ съ князьями. Съ самаго начала мы виидимъ

подчинить Кіевъ, пошелъ вмѣстѣ съ другими князьями, взял приступомъ городъ и произвелъ ужасное опустошеніе. Солданыи войска два дня грабили городъ, разорали церкви, монастыри и дома гражданъ; лѣтописецъ повѣствуетъ: «не бысть помилванія никому же, церкванъ горящихъ, крестьяномъ убиваемымъ, другимъ влжымымъ, жены ведоми быдши въ плѣтъ, разлучаеми нужею отъ мужій своихъ, младенци рыдоху, зряце матерій своихъ» (*Ипат. 100*).

около князя людей, которые сопровождают его на войну, во время мира составляют его советъ, исполняют его приказанія, въ видѣ посадниковъ заступаютъ его мѣсто въ областяхъ. Эти приближенные къ князю люди, эта дружина княжеская могущественно дѣйствуетъ на образованіе новаго общества тѣмъ, что вносятъ въ среду его новое начало, сословное, въ противоположность прежнему родовому. Является общество, члены котораго связаны между собою не родовой связью, но товариществомъ; дружина, пришедшая съ первыми князьями, состоитъ преимущественно изъ Варяговъ, но въ нее открытъ свободный доступъ храбрымъ людямъ изъ всѣхъ странъ и народовъ, преимущественно, разумѣется, по самой близости, туземцамъ; съ появленіемъ дружины среди славянскихъ племенъ для ихъ членовъ открылся свободный и почетный выходъ изъ родового быта въ бытъ основанный на другихъ, новыхъ началахъ; они получили возможность, просторъ развивать свои силы, обнаруживать свои личные достоинства, получили возможность личною доблестью приобретать значеніе, тогда какъ въ родѣ значеніе давалось известною степенью на родовой дѣлствіи; въ дружинѣ члены родовъ получали возможность цѣнить себя и другихъ по степени личной доблести, по степени той пользы, какую они доставляли князю и народу; съ появленіемъ дружины должно было явиться понятіе о лучшихъ, храбрѣйшихъ людяхъ, которые выдѣлились изъ толпы людей темныхъ, неизвѣстныхъ, черныхъ; явилось новое жизненное начало, средство къ возбужденію силъ въ народѣ и къ выходу ихъ; темный безразличный міръ былъ встревоженъ, начали обозначаться формы, отдѣльные образы, разграничительныя линіи.

Обозначивъ вліяніе дружины вообще, мы должны обратиться къ вопросу: въ какомъ отношеніи находилась она къ кня-

зю и къ землѣ? Для легчайшаго рѣшенія этого вопроса сравнимъ отношенія дружины къ князю и землѣ на западѣ и тѣ же самыя отношенія у насъ на Руси. На западѣ около доблестнаго вождя собиралась толпа отважныхъ людей съ цѣлю завоеванія какой-нибудь страны, пріобрѣтенія земель во владѣніе. Здѣсь вождь зависѣлъ болѣе отъ дружины, чѣмъ дружина отъ него; дружина несколько не находилась къ нему въ служебныхъ отношеніяхъ, вождь былъ только первый между равными: «Мы избираемъ тебя въ вождя, говорила ему дружина, и куда поведетъ тебя твоя судьба, туда пойдешь и мы за тобою; но что будетъ пріобрѣтено общими нашими силами, то должно быть раздѣлено между всеми нами, смотря по достоинству каждаго», и проч. И дѣйствительно, когда дружина овладѣвала какою-нибудь страной, то каждый членъ варварскаго ополченія пріобрѣталъ участокъ земли и нужное количество рабовъ для его обработанія. Но подобныя отношенія могли ли имѣть мѣсто у насъ на Руси съ призваніемъ князей? Мы видѣли, что князь былъ призванъ сѣверными племенами, какъ нарядникъ земли; въ значеніи князя известной страны онъ расширяетъ свои владѣнія; съ нимъ приходитъ дружина, которая постоянно пополняется новыми членами, пришельцами и туземцами, но ясно, что эти дружинники не могутъ имѣть значенія дружинниковъ западныхъ; они не могли явиться для того, чтобы дѣлить землю, ими завоеванную, они могли явиться только для того, чтобы служить князю известныхъ племенъ, известной страны; тѣ изъ нихъ, которые приходили за тѣмъ, чтобы получать города и села, какъ напримѣръ Аскольдъ и Диръ, обманывались въ своей надеждѣ, и отправлялись искать лучшаго въ другомъ мѣстѣ. Рюрикъ раздастъ города мужамъ своимъ; Олегъ сажаетъ мужей своихъ въ занятыхъ ими городахъ—Смолен-

скѣ и Любечѣ: они здѣсь начальники отрядовъ, они заступаютъ мѣсто князя; но при этомъ должно строго отличать характеръ правительственной отъ характера владѣльческаго: мы и послѣ постоянно видимъ вездѣ княжихъ посадниковъ, наместниковъ, но вездѣ только съ характеромъ правительственнымъ. Съ другой стороны, если князь съ дружиною покорялъ новыя племена, то это покореніе было особаго рода: покоренныя племена были разсѣяны на огромномъ пустынномъ пространствѣ; волею или неволею соглашались они платить дань—и только ихъ нельзя было подѣлить между членами дружины; мы знаемъ, какъ покорялъ Олегъ племена; одни добровольно соглашались платить ему дань, какую прежде платили они Козарамъ, на другихъ накладывалъ онъ дань легкую; нѣкоторыхъ примучивалъ, то есть силою заставлялъ платить себѣ дань, но опять только дань. Большое различіе, когда дружина займетъ страну цивилизованнаго народа, покрытую городами и селеніями, или когда займетъ страну пустынную, рѣдко населенную, построить отрожекъ, и станеть ходить изъ него къ племенамъ за мѣхами. Земли было много у русскаго князя, онъ могъ, если хотѣлъ, раздавать ее своимъ дружинникамъ, но дѣло въ томъ, выгодно ли было дружинникамъ брать ее безъ народонаселенія, имъ гораздо выгоднѣе было оставаться при князѣ ходить съ нимъ за добычею на войну къ народамъ еще непокореннымъ, за данью къ племенамъ подчиненнымъ, продавать эту дань чужимъ народамъ, однимъ словомъ—получать отъ князя содержаніе непосредственно.

Замѣчено было, что князя принимали въ свою дружину всякаго витязя, изъ какаго бы народа онъ ни былъ: такъ между послами Игоря мы встрѣчаемъ Ятвяга; Святосавъ отовсюду собиралъ воиновъ многихъ и храбрыхъ; Владиміръ

выбралъ изъ наемныхъ Варяговъ мужей добрыхъ, смысленныхъ и храбрыхъ, и роздалъ имъ города; сѣверныя саги говорить о знатныхъ витязяхъ скандинавскихъ, которые служили въ дружинахъ нашихъ князей; каждый пришлецъ получалъ мѣсто, смотря по своей известности; въ древнихъ пѣсняхъ нашихъ читаемъ, что князь встрѣчалъ неизвѣстныхъ витязей слѣдующими словами:

Гой вы еси, добры молодцы!

Скажитесь, какъ васъ по имени зовутъ:

А по имени вамъ мочно мѣсто дать,

По изотчеству можно пожаловать.

Въ сагахъ читаемъ, что при Владиміръ княгиня, жена его, имѣла такую же многочисленную дружину, какъ и самъ князь: мужъ и жена соперничали, у кого будетъ больше знаменитыхъ витазей; если являлся храбрый пришлецъ, то каждый изъ нихъ старался привлечь его въ свою дружину. Подтверженіе этому известію находимъ также въ нашихъ старинныхъ пѣсняхъ: такъ Владиміръ, посылавъ богатыря на подвигъ, обращается къ нему съ слѣдующими словами:

Гой еси, Иванъ Годиновичъ!

Возьми ты у меня, Князя, сто человекъ

Русскихъ могучихъ богатырей,

У Княгини ты бери другое сто.

Чѣмъ знаменитѣе былъ князь, тѣмъ храбрѣе и многочисленнѣе были его сподвижники; каковъ былъ князь, такова была и дружина; дружина Игоря говорила: «Кто съ моремъ совѣтенъ?» и шла домой безъ боя; сподвижники Святослава были все похожи на него: «Гдѣ ляжетъ твоя голова, тамъ и все мы головы свои сложимъ», говорили они ему, п. ч. оставить поле битвы, потерявши князя, считалось ужаснымъ позоромъ для добраго дружинника. И хорошій вождь считалъ постыднымъ покинуть войско въ опасности; такъ во время похода Владиміра Ярославича на Грековъ, тысяцкій Вышата сошелъ на берегъ къ выброшен-

нымъ. бурею воинамъ и сказалъ: »Если буду живъ, то съ ними; если погибну, то съ дружиною«. Было уже замѣчено, что дружина получала содержаніе отъ князя—пищу, одежду, коней и оружіе; дружина говоритъ Игорю: »отроки Свѣнелдовы богаты оружіемъ и платьемъ, а мы босы и наги; пойдѣмъ съ нами въ дань. Хорошій князь не жалѣлъ ничего для дружины: онъ зналъ, что съ многочисленными и храбрыми сподвижниками могъ всегда пріобрѣсть богатую добычу; такъ говорилъ Владиміръ, и давалъ частые, обильные пиры дружинѣ; такъ о сынѣ его Мстиславѣ говорится, что онъ очень любилъ дружину, имѣнія не щадилъ, въ питѣ и пищѣ ей не отказывалъ. При такой жизни вмѣстѣ, въ братскомъ кругу, когда князь не жалѣлъ ничего для дружины, ясно, что онъ не скрывалъ отъ нея своихъ думъ, что члены дружины были главными его совѣтниками во всѣхъ дѣлахъ; такъ о Владимірѣ говорится: Владиміръ любилъ дружину, и думалъ съ нею о строѣ земскомъ, о ратахъ, объ уставѣ земскомъ. Святославъ не хочетъ принимать христіанства, п. ч. дружина станетъ смѣяться. Бояре вмѣстѣ съ городскими старцами рѣшаютъ, что должно принести человѣческую жертву; Владиміръ созываетъ бояръ и старцевъ совѣтываться о перемѣнѣ вѣры.

Изъ приведенныхъ извѣстій видно, что одни бояре, одни старшіе члены дружины были совѣтниками князя; два послѣднія извѣстія ограничиваютъ первое, показываютъ съ какою дружиною думалъ Владиміръ. Какъ же раздѣлялась дружина, какъ назывались младшіе ея члены, не бояре?—Для означенія отдѣльнаго члена дружины, дружинника, безъ различія степеней, упогреблялось слово *мужъ*. Мужъ, мужи значило человѣкъ, люди, но преимущественно съ почетнымъ значеніемъ; мужъ съ притяжательнымъ мѣстоименіемъ, относящимся къ князю, означалъ дружинника; мужъ свой, мужъ его. Но,

какъ видно, слово мужъ имѣло и болѣе тѣсное значеніе, означало дружинниковъ втораго разряда, низшихъ, младшихъ членовъ дружины, въ противоположность боярамъ; это видно изъ слѣдующаго мѣста лѣтописи, хотя относящагося къ позднѣйшему времени. Князь Игорь Сѣверскій, попавшись въ плѣнъ къ Половцамъ, такъ горюетъ объ истребленіи своего войска: »Гдѣ бояре думающіе, гдѣ мужи храбрующіе, гдѣ рядъ полчный?« И такъ, бояре были лучшіе, старшіе въ дружинѣ, совѣтники, думцы князя по преимуществу; мужи были воины по преимуществу; другое, болѣе опредѣленное названіе для этого разряда дружинниковъ было *гриди*, *гридь* *гридьба*, что означаетъ также сборище, толпу, дружину. Комната во дворѣ княжескомъ, гдѣ собиралась дружина, называлась *гридницею*: такъ говорится о Владимірѣ: »Онъ учредилъ на дворѣ въ гриднищѣ пиры, куда приходили бояре и гриди, соціе и десятиціе, и нарочитые мужи, при князѣ и безъ князя«. Мужи княжіе, жившіе по городамъ, занимавшіе тамъ разныя должности, въ отличіе отъ бояръ жившихъ при князѣ, въ стольномъ его городѣ, назывались уменьшительнымъ *болярцы*. Въ Русской Правдѣ и въ Новгородской лѣтописи мы встрѣчаемъ названіе *огнищанина*, подавшее поводъ къ различнымъ объясненіямъ. Подъ огнищаниномъ разумѣлся только мужъ княжъ высшаго разряда, бояринъ, думецъ княжескій, но не гридь, не простой членъ дружины, который собственно не принадлежалъ къ огнищу или двору княжескому (позднѣе: *дворянинъ*)...

Ист. Россіи, Соловьева. I, 242—8).

161. Вѣча и Князь.

Народъ и князь суть два одинаково существенныхъ элемента древнерусскаго общественнаго быта: съ одной стороны, народъ не можетъ жить безъ князя, съ другой—главную силу князя составляетъ тотъ же народъ. — Участіе народа въ общественныхъ дѣлахъ проявляется подъ формою—*вѣча* (¹). Вѣче не создано княземъ; оно составляетъ первоначальную форму быта. Отечественные памятники рассказываютъ о народныхъ рѣшеніяхъ еще до призванія Рюрика (*Лавр.* 7). Призваніе Рюрика было также дѣломъ народнаго постановленія.

Во времена князей Рюриковичей форма эта встрѣчается на всемъ пространствѣ княжеской Россіи: гдѣ были князья, тамъ было и вѣче. Новгородъ не представляетъ въ этомъ отношеніи исключительнаго явленія: его бытъ есть бытъ общій всемъ городамъ русскимъ. Разница, которая замѣчается въ его жизни и жизни другихъ городовъ, — есть разница количественная, а не качественная. Богатѣйшій и населеннѣйшій изъ всехъ городовъ русскихъ, Новгородъ распадался на многочисленныя и сильныя партіи, которыя имѣли не одинъ поводъ къ враждебному между собой столкновению. Существованіе сильныхъ партій и легкая возможность столкновения между ними, условливаемая вѣчевымъ бытомъ, и была причиною, что новгородская вѣчевая жизнь текла шумливѣе, чѣмъ жизнь другихъ городовъ, менѣе населенныхъ и менѣе богатыхъ, и вслѣдствіе того представлявшихъ большее однообразіе и спокойствіе жизни. Кромѣ того Новгородъ имѣлъ еще и то великое преимущество передъ

(¹) *Вѣче* происходитъ отъ одного корня съ сл. *вѣщать*, говорить, оттуда сл. *отвѣчать*.

другими городами, что татарскій разгромъ вовсе его не коснулся. Благодаря этому обстоятельству, вѣчевая жизнь сохранилась въ его стѣнахъ гораздо долѣе, чѣмъ въ остальной Россіи.

Не смотря на неполноту нашихъ лѣтописныхъ источниковъ, они представляютъ, однако, указанія на существованіе вѣча не только во всехъ главныхъ городахъ, но и въ очень многихъ изъ городовъ второстепеннаго и даже третьестепеннаго значенія... Помимо отдельныхъ указаній на существованіе вѣчеваго быта въ томъ или другомъ городѣ, мы можемъ привести и прямое свидѣтельство современника въ пользу его всеобщности. Суздальскій лѣтописецъ, размышляя по поводу знаменитой въ его время борьбы Владиміра съ Ростовомъ и Суздаlemъ, говоритъ: «Новгородцы бо изначала, и Смоленяне, и Кіевне, и Полочане, и *всѣ власти* (волости) якоже на думу на вѣча сходятся». И такъ по свидѣтельству лѣтописца (1176 г.), во всехъ волостяхъ тогдашней Россіи существовалъ старинный обычай—сходиться на вѣче, какъ на думу; въ этомъ отношеніи онъ нисколько не различаетъ Новгорода отъ Смоленска, Кіева, Полоцка, Ростова и всехъ другихъ волостей, сколько бы ихъ ни было. Отсутствие прямого свидѣтельства лѣтописца о вѣчевыхъ собраніяхъ въ известномъ городѣ и въ известное время никакъ не можетъ служить доказательствомъ существованія въ этомъ городѣ иного порядка вещей. Въ только что приведенномъ мѣстѣ лѣтописца Смоленскъ названъ вѣчевымъ городомъ; а между тѣмъ лѣтописца ни разу не говорятъ о вѣчѣ въ Смоленскѣ. Ростовскую волость въ своихъ общихъ размышленіяхъ лѣтописецъ причисляетъ къ вѣчевымъ еще во второй половинѣ XII в.; а прямое свидѣтельство о вѣчѣ въ городахъ Ростовской волости сохранилось только отъ 2-й половины XIII ст., цѣлымъ вѣкомъ позднѣе,

Вѣчевой бытъ былъ явленіемъ *необходимымъ* въ древней Россіи, а потому и *всеобщимъ*. Князь, призванный элементъ волости, не имѣлъ еще своихъ собственныхъ, достаточно развитыхъ орудій управленія. У него не было ни полиціи, ни войска въ теперешнемъ смыслѣ слова. Между княземъ и исполнителями его воли не было даже той земельной связи, которая даетъ такую прочность отношеніямъ феодальнымъ и помѣстнымъ. Отношенія служилыхъ людей къ князю были до крайности шатки, они могли прерваться ежминутно и по односторонней волѣ служилаго человѣка. Эта слабость собственныхъ силъ князя естественно заставляла его искать опоры въ согласіи съ народомъ, выдвигала народъ на первый планъ. Хотя вѣче и не было создано княземъ, но онъ долженъ былъ обращаться къ нему. — Так. обр. вѣче не есть явленіе одностороннее, стоящее внѣ прямой связи съ другими учрежденіями княжеской Россіи: оно составляетъ необходимое къ нимъ дополненіе.

Какъ по возникновенію своему вѣче было безыскусственнымъ произведеніемъ самой жизни, а не зрѣлымъ плодомъ законодательнаго акта; такъ точно и отиѣна его совершилась не столько въ силу сознательной воли законодателя, сколько въ силу изиѣненій въ древнемъ общественномъ бытѣ, которыя хотя и не были направлены къ отиѣнѣ вѣчевыхъ учрежденій, но произвели то, что народныя собранія сдѣлались ненужными и мало во малу вышли изъ употребленія; только поздъ конецъ княжескаго періода встрѣчаемся съ законодательной волей, сознательно направленной къ отиѣнѣ послѣднихъ остатковъ вѣчеваго устройства. —

Первый шагъ на новомъ пути былъ сдѣланъ татарскимъ завоеваніемъ. Хотя Татары не остались въ Россіи и не подѣляли между собой завоеванныхъ земель,

тѣмъ не менѣе Русская земля сдѣлалась «улусомъ» ордынскаго царя. Вѣстѣ съ этимъ центръ Русской политической жизни перемѣстился за предѣлы Россіи — въ Орду. Князья нисходятъ на стѣпень ханскихъ подручниковъ, для которыхъ исполненіе воли Хана составляетъ безусловную обязанность. Народъ, также какъ и князья, не имѣя возможности сопротивляться преобладающей силѣ Татаръ, находится въ необходимости подчиняться всѣмъ требованіямъ Орды, для удовлетворенія которой возникаютъ новыя и обременительныя налоги. Занятіе столовъ перестаетъ завѣсть отъ воли народа: ханы жалуютъ ихъ, кому хотѣтъ. Так. обр. самостоятельное рѣшеніе важнейшихъ общественныхъ вопросовъ въ силу взаимодѣйствія народа и князя сѣняется молчаливымъ исполненіемъ воли сильнаго завоевателя. — Татары не отиѣнили вѣча; но какъ скоро центръ государственной жизни перемѣстился въ Орду, исчезли поводы, призывавшіе гражданъ къ участію въ общественныхъ дѣлахъ. Съ другой стороны, большая часть Русской земли повторяющимися нашествіями Татаръ была доведена до крайняго опустошенія, уровень общественного благосостоянія сильно понижался, и города, которые подвергались почти періодическимъ разореніямъ, было не до разсужденія объ общественныхъ дѣлахъ. Право сходиться на вѣча существовало не прежнему, но къ его осуществленію или вообще не приходилось обращаться, или, если и обращались, то въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ. Так. обр. вѣчевыя собранія начинаютъ выходить изъ употребленія, хотя объ отиѣнѣ ихъ еще никто и не думалъ.

Дѣло, начатое Татарями, завершилось окончательно: во 1-хъ изиѣненіяхъ, происшедшихъ въ отношеніяхъ служилыхъ людей къ князю, и во 2-хъ объединеніемъ Россіи. Установленіе помѣстной

связи между служилыми людьми и князьями вызвали начало самостоятельной военной силе населения и его независимости от силы и воли князя. Объединение же России в одно государство с центром в Москве сделало возможным участие народа в общественных делах под формой вече, а новой формы, более соответствующей изменившимся потребностям времени, не было, да и история княжеского периода вовсе не к тому шла, чтобы ее выработать.

Концы XV и начало XIV в. можно считать тем временем, когда новые условия общественного строя достигли значительной зрелости и перешли в общественное сознание. По мере приближения к этому времени старый порядок вещей все более и более утрачивает свои силы. Вечевые собрания, следы которых сохранились от второй половины XIV и XV в., составляют исключение, а не правило; это—последние отголоски древнего быта. К концу XV в. Россия представляется раздвоенной на две мало похожих одна на другую части: Новгород и Псков являются представителями старого порядка, Москва—нового. Вечевое устройство, сохранившееся в северо-западном углу Русской земли, мало является с устройством остальной России: последние Московские князья вступают в прямую борьбу с ними и вытесняют победителями: в 1478 г. Ивану Васильевичу удается отбить вечевое бытие Новгорода, а в 1510 г. сын его, Василий, уничтожает и Псковское вече.

Волею, составлявшая народное собрание, есть не что иное, как отдельное княжение, в состав которого входило, обыкновенно, несколько различных по своему значению пунктов поселения. Более значительные из них обращались в города, которые в свою очередь подразделялись на главные, или *города* про-

сто и на пригороды. Земли, часто и очень значительные простирались от города, составляли собственность его жителей. Обладание землей было таким образом условием политической силы в древней России, что количество имущественной собственности, принадлежавшей гражданам того или другого города, может быть прямо считано измерением их политического значения. Раскинутость земельной собственности горожанам мало за чертой города делала необходимым учреждение пригородов. Небольшие укрепленные пункты, расположенные по окрестности волости, могли быть очень важны во время княжеских интрижек, стали обыкновенными в древнее время. Пригороды, следовательно, составляли настоятельную потребность. Пригороды, благодаря своему стечению выгодных условий положения и исторического развития, мог не только сравняться, но и превзойти главный город, как поселением, так и богатством. Выходя с этим он должен был все же и не мог чувствовать необходимость в императивности своей метрополии; более или менее развитые интересы жизни могли даже повести его и право к враждебным столкновениям с ней. Результатом такого нового положения дел является обособление пригорода в особую самостоятельную волость, в пределах которой в свою очередь возникают пригороды.

Участие в вечевых собраниях было мало в древней России как право; право это принадлежало всем свободным. Принимающие участие на вече обыкновенно обозначаются в источниках самыми общими терминами: это *люди* без всяких ограничений. На вече участвуют все слои населения, начиная с высших и до последних: лучшие люди, средние и меньшие, черные, купцы, смерды даже худые мужики — все люди. Дети, хо-

тя бы и взрослые, при жизни отца, устранялись от личнаго участія въ народныхъ собраніяхъ, по общепринятому взгляду. Но въ источникахъ нѣтъ указаній относительно вліянія, которое оказывало на право участія въ вѣчевыхъ собраніяхъ состояніе наймитовъ и закуповъ. Вѣчевая жизнь пригородовъ проявляется двоякимъ путемъ: они или участвуютъ непосредственно въ собраніяхъ главныхъ городовъ, или составляютъ свои особые собранія въ предѣлахъ пригорода.

Русское вѣче не имѣетъ ничего общаго съ тою формою народнаго участія въ общественныхъ дѣлахъ, которую представляетъ Англійскій парламентъ и подражанія этому учрежденію на европейскомъ континентѣ. Участіе народа въ палатѣ общинъ сложилось подъ вліаніемъ сильной королевской власти. Представители городовъ и графствъ не сами сходились, они *призывались* королями и только для обсужденія и рѣшенія тѣхъ вопросовъ, по которымъ были призваны; но всѣмъ же другимъ—ихъ дѣятельность ограничивалась почтительными прошеніями. Въ древнѣйшее время это участіе въ королевской думѣ рассматривалось болѣе съ точки зрѣнія *обязанности*, чѣмъ права. Представители *обязаны были* являться. Члены палаты общинъ говорили не во имя *личныхъ* своихъ интересовъ; они были представителями тѣхъ общинъ, которыя ихъ посылали, и голосъ ихъ былъ голосомъ цѣлой общины.

Совсѣмъ иной характеръ нашего вѣча. Народъ участвуетъ въ общественныхъ дѣлахъ *не по призыванію* князя, который самъ призванъ вѣчемъ, а въ силу присущаго каждому «мужу» права устроить свои собственныя дѣла, изъ которыхъ еще не выдѣлялись общественныя, какъ нѣчто особое, живущее своей самостоятельной жизнью. Присутствуя на вѣчѣ въ силу личнаго права, народъ является для обсужденія общественныхъ дѣлъ

не чрезъ представителей, а поголовно; а съ другой стороны онъ не ограниченъ въ предметахъ своего разсужденія: онъ обсуждаетъ какіе хочетъ вопросы и самъ приводитъ въ исполненіе свои рѣшенія. Собраніе, каждый отдѣльный членъ котораго представляетъ только себя и говорить только во имя своихъ личныхъ интересовъ, составляетъ *цѣлое* только въ случаѣ соглашенія *всѣхъ*. Если этого соглашенія нѣтъ, оно распадается на части, между которыми возгорается война. У насъ требовалось или единогласное *имѣніе всѣхъ*, или такое подавляющее большинство, которое заставляло бы смолкать всѣхъ разномыслящихъ. Это и понятно. Рѣшеніе простымъ большинствомъ можетъ имѣть мѣсто тамъ, гдѣ есть самостоятельная исполнительная власть, достаточно сильная для того, чтобы привести въ исполненіе народное рѣшеніе, не смотря на противорѣчіе многочисленнаго меньшинства. Так. обр. характеръ нашего вѣча опредѣляется двумя условіями: *слабостью* княжеской власти и *всемоуществомъ* личной свободы, столь обыкновеннымъ въ первоначальномъ обществѣ. Всего ближе къ нашему вѣчевому быту подходитъ бытъ древнихъ Германцевъ. При неограниченной свободѣ отдѣльной личности и при слабости исполнительной власти, не было иного исхода — какъ соглашеніе всѣхъ, или война всѣхъ. Если соглашеніе послѣдовало, власть находилась въ состояніи мира, если нѣтъ—въ состояніи размирья. И такъ начало представительства не входило въ систему нашей вѣчевой жизни: мы не встрѣчаемъ на него никакихъ указаній. Вѣче—есть форма *непосредственнаго* участія народа въ общественныхъ дѣлахъ, а не чрезъ представителей. Участіе на вѣчѣ понималось въ древней Россіи, какъ *право*, а не обязанность. Изъ имѣющихъ право — никто не былъ *обязанъ* посѣщать вѣчевыя собранія; бывалъ, кто хотѣлъ.

Что касается до времени созванія вѣча, должно замѣтить, что наши вѣчевыя собранія не были періодическими. Они созывались смотря по потребности. Так. обр. въ одну недѣлю могло быть нѣсколько вѣчевыхъ собраній, и на оборотъ—въ цѣлый годъ—ни одного. *Порядокъ созванія* вѣча опредѣляется сущностью этого учрежденія. Это форма участія народа въ общественныхъ дѣлахъ въ силу присущаго народу права, а потому вѣче *можетъ* быть созвано — какъ самими народомъ, такъ и княземъ, если онъ находилъ это нужнымъ. Мы имѣемъ много свидѣтельствъ о созваніи вѣча народомъ, не смотря на присутствіе въ городѣ князя или его посадника. Но такъ какъ не было обязанности являться на вѣче, то понятно, что для того, чтобы вѣче дѣйствительно состоялось, еще мало одного призыва; надо, чтобы народъ *желалъ* совѣщаться о томъ или другомъ предметѣ. Безъ народнаго желанія вѣче не состоится, хотя бы призывъ исходилъ и отъ самаго князя. Колокольный звонъ былъ обыкновеннымъ способомъ призыва къ вѣчевымъ собраніямъ. Необходимаго мѣста для вѣчевыхъ собраній не было. Вѣче могло собраться вездѣ — какъ въ городѣ, такъ и внѣ города, и «на поляхъ». Въ случаѣ раздѣленія мѣтній, сторонники разныхъ партій сходились обыкновенно въ разныхъ мѣстахъ; так. обр. въ одно и тоже время было нѣсколько вѣчевыхъ собраній, которыя или вступали въ бой одно съ другимъ, или мирились на какомъ нибудь общемъ мѣтній. *Продолжительность* вѣча опредѣлялась не временемъ, а предметомъ. Вѣче созывалось не на опредѣленный промежутокъ времени, а для рѣшенія известнаго вопроса и продолжалось до тѣхъ поръ, пока этотъ вопросъ не былъ улаженъ.

Что же касается до самаго порядка совѣщаній, онъ былъ словесный и совершенно безформенный. Мы не встречаемъ

никакихъ указаній на предсѣдателя и руководителя прѣвій. Первый вопросъ къ кому предлагался, обыкновенно, тѣмъ, кто его созвалъ, — княземъ, или кѣмъ-ли изъ народа; за тѣмъ начиналось совѣщаніе самаго народа. При этомъ случалось, что говорили лучшіе люди, бояре и ступцы, а остальные—слушали въ молчаніи только подъ конецъ выражали свое мнѣніе. Всѣ люди имѣли одинаковое право слова, и говорить самимъ или слышать другихъ — зависѣло исключительно отъ ихъ личнаго такта. Мы имѣемъ указанія, что люди богатые подкупали людей бѣдныхъ — смердовъ, худыхъ мужиковъ—для того, чтобы они своимъ гоморомъ и крикомъ на вѣчѣ заглушали или лучшихъ людей, ихъ противниковъ, тѣмъ способствовали проведенію ихъ собственныхъ мѣтній. Когда этого требовало дѣло, рѣшеніе вѣча записывалось.

Такъ какъ рѣшеніе вѣча было выраженіемъ воли народной, не подчиненнымъ никакимъ внѣшнимъ формамъ, — то безформенность не могла не отразити ослабляющимъ образомъ на окончательномъ смыслѣ самаго рѣшенія. При вѣчевыхъ собраніяхъ не требовалось присутствія *важныхъ* лицъ и *въ извѣстномъ* числѣ. По этому составъ вѣча могъ быть очень не постоянный: сего дня могли братья такія лица, большинство которыхъ, по совершенно случайнымъ причинамъ, вовсе не принимало участія во вѣчаномъ рѣшеніи. Но даже и въ случаѣ равнаго самому себѣ личнаго состава вѣча, твердость его рѣшеній, при отсутствіи формъ, зависѣла исключительно отъ настроенія духа всегда подвижной массы народа. Если это настроеніе мѣнялось довольно было двухъ-трехъ часовъ, то бы оно перешло въ новое рѣшеніе, совершенно противоположное старому. Такой порядокъ вещей, естественно, давалъ полную свободу образованію политическихъ партій и полный просторъ ихъ воз-

ной борьбѣ. Наши партіи группировались обыкновенно около князей и имѣли цѣлью доставить столъ тому изъ нихъ, на сторонѣ котораго онѣ стояли, что вело: 1, къ господству самой партіи, ибо князь раздавалъ мѣста и, конечно, прежде всего отдѣлялъ своихъ *пріятелей*; и 2, къ устраненію тѣхъ неудобствъ, которыми могла подвергаться эта партія во время господства противной. Лѣтописи даютъ многочисленные примѣры раздѣленія городовъ на княжескія партіи. Удаленіе вѣстѣ съ княземъ и пріятелей его, потерпѣвшихъ поражение на вѣчѣ, довольно обыкновенное явленіе.

Вѣче, какъ основная форма быта, вѣдаетъ все, кромѣ тѣхъ предметовъ, которые передаются въ исключительное завѣдываніе князей. Къ предметамъ послѣдняго рода относятся: управленіе и судъ. Хотя народъ не отправляетъ на вѣчѣ ни суда, ни управленія; но такъ какъ главная сила князя заключается въ народѣ, то, понятно, что онъ не могъ оставаться безъ вліянія на княжескій судъ и управленіе; а при всеобъемлющемъ значеніи вѣча въ нашей древней жизни, это вліяніе переходило иногда и въ непосредственное отправленіе народомъ какъ суда (впрочемъ, только въ чрезвычайныхъ случаяхъ), такъ и нѣкоторыхъ отраслей управленія.

Главнѣйшую дѣятельность вѣча составляетъ призваніе князя. Существованіе права призванія доказывается: 1, народнымъ сознаніемъ, которое проявляется въ повторяющихся фактахъ призванія, и 2, условіями призванія, изъ которыхъ видно, что призваніе не переносило на князя права распоряженія столомъ послѣ его смерти, что рано или поздно дѣлало необходимымъ новое призваніе. Хотя на практикѣ переходъ столовъ совершался подъ вліяніемъ весьма разнообразной борьбы, хотя столы не рѣдко занимали князья безъ предварительнаго призванія и даже

прямо противъ воли народа въ силу военнаго превосходства князя; но право призванія жило не въ одномъ сознаніи народа, но и въ сознаніи князей, а только въ дѣйствительности это право должно было иногда уступать болѣе сильному праву войны. При равенствѣ всѣхъ слоевъ населенія, при отсутствіи почему бы то ни было выдающихся родовъ изъ общаго уровня, у насъ не представлялось возможности изъ своихъ собственныхъ элементовъ создать главу сколько-нибудь сильной правительственной власти, не возбуждая непримиримой вражды партій. Призваніе князей *извонь* являлось единственнымъ средствомъ установить власть, независимую отъ внутреннихъ партій. Призваніе Рюрика 862 г. имѣло рѣшительныя послѣдствія для всей Русской земли: оно положило начало особой породѣ людей, которые въ силу своего происхожденія отъ призваннаго князя считались способными къ отправленію высшей судебной и правительственной дѣятельности. Съ этого времени призванія дѣлаются изъ среды потомковъ Рюрика, которые образуютъ особое, не смѣшивающееся съ остальнымъ населеніемъ, *замкнутое* и *потомственное сословіе* князей. Призваніе, обыкновенно, было *временное*, но безъ установленія опредѣленнаго срока, по истеченіи котораго оно теряло бы свою силу. Оно простиралось *на неопредѣленное* время, до тѣхъ поръ, пока съ обѣихъ сторонъ соблюдаются условія призванія или пока господствуетъ *единеніе* между народомъ и княземъ. Рядомъ съ временнымъ встрѣчается и *пожизненное* призваніе; но пожизненный характеръ призванія не разумѣется самъ собой, онъ долженъ быть именно установленъ условіями призванія. Призваніе того или другого князя *наслѣдственнымъ* неизвѣстно древней Россіи; но встрѣчаются случаи добровольнаго ограниченія права призванія только одной какой-либо отраслью по-

томковъ Гюрика. *Соглашеніе* народа съ княземъ о его иременикѣ, есть тоже призваніе, но состоявшееся подъ вліяніемъ особаго расположенія къ прежнему князю. Изъ временнаго, но не срочнаго характера призванія, слѣдуетъ, что новое призваніе можетъ состояться еще во время присутствія въ городѣ прежде призваннаго князя, по отношенію къ которому оно получаетъ значеніе—смины или изгнанія. Случаи такихъ призваній встрѣчаются не только въ Новгородѣ, но и въ Кіевѣ, Галичѣ, Полоцкѣ, Владимірѣ на Клязьмѣ и другихъ волостяхъ. Вѣче не только постановляетъ рѣшеніе о призваніи, но и принимаетъ всѣ необходимыя мѣры для его осуществленія: помогаетъ призванному князю войти въ городъ, затворяется въ городѣ отъ его противниковъ и пр. Так. обр. по отношенію къ призванію, вѣчу принадлежитъ какъ самое постановленіе, такъ и приведеніе его въ исполненіе.

Въ самой тѣсной и необходимой связи съ призваніемъ князя стоитъ законодательная дѣятельность вѣча. Призваніе безусловное, безъ опредѣленія правъ и обязанностей призываемаго князя, не мыслимо. Мы встрѣчаемъ случаи договоровъ не только съ призванными князьями, но и такими, которые завладѣли столицей въ силу военной удачи. Это и понятно. Княжескія войны изъ—за обладанія волостями велись не столько противъ народа, сколько противъ князя. Побѣдитель далеко не всегда являлся завоевателемъ. Устранивъ своего личнаго противника, онъ не рѣдко встрѣчался съ народомъ, который принималъ его охотно, или, по крайнѣй мѣрѣ, безъ прямого сопротивленія. Заключить съ нимъ рядъ о порядкѣ управленія представлялось необходимымъ средствомъ, чтобы укрѣпить его за собой. Безъ этого соглашенія, народъ имѣлъ бы однимъ и чрезвычайно важнымъ поводомъ больше—къ неудоволь-

ствію, къ образованію партій враждебныхъ князю, а наконецъ, и къ призванію ваго князя, болѣе удовлетворяющаго роднымъ желаніямъ. Для условій, которыя заключались между народомъ и княземъ, въ древней Россіи было употребительно названіе—*ряда* или *ряда*. *Рядъ* съ княземъ есть отдѣльный *отъ призванія* актъ и по времени слѣдуетъ за нимъ.

Третью отрасль дѣятельности вѣча составляетъ рѣшеніе вопроса о мирѣ и войнѣ. Существованіе этого права доказывается весьма многочисленными свидетельствами лѣтописей, изъ которыхъ слѣдуетъ: 1, что народъ самъ объявлялъ войну и заключаетъ миръ и требуетъ отъ князя; 2, что князь для того, чтобы вести войну силами своей волости, долженъ былъ получить согласіе вѣча, а въ противномъ случаѣ, если предстояло или заключить миръ, или вести войну на собственный страхъ съ помощью однихъ охотниковъ.

Этими тремя предметами—призваніемъ князя, законодательствомъ и рѣшеніемъ вопроса о войнѣ и мирѣ, почти исчерпывается вся дѣятельность вѣча; управленіе и судъ не принадлежали ему. За исключеніемъ князя, вѣче не назначало никакихъ чиновниковъ. На князя переносились безъ исключенія всѣ заботы управленія, ему принадлежало право руководить войсками на войнѣ и назначать всѣхъ должностныхъ лицъ: посадниковъ, тысяцкихъ, тиуновъ и пр. Только въ Новгородѣ и Псковѣ встрѣчаемся съ правомъ вѣча—назначать помимо князя еще двухъ высшихъ гражданскихъ сановниковъ—посадника и тысяцкаго. Но это право не можетъ быть относимо къ числу первоначальныхъ правъ вѣча; оно сложилось не ранѣе второй половины XII в. и представляетъ особенность новгородской волости, которая свидѣтельствуетъ о томъ, что въ княжескій періодъ Новгородъ

сдѣлали шагъ впередъ на пути развитія своего мѣстнаго самоуправленія. Народъ не только рѣшаетъ вопросъ о войнѣ и мирѣ, но онъ не рѣдко участвуетъ и въ самыхъ расноразженіяхъ ходомъ военныхъ дѣйствій, опредѣляетъ напр. мѣсто битвы, моментъ нападенія и под. Это внимательство народа въ военное управленіе не могло, конечно, способствовать успѣшному веденію войны; но, при слабости чисто правительственныхъ органовъ того времени, оно было совершенно естественно. — Подобно управленію и судъ завѣдывался исключительно княземъ. Вѣче не было даже верховнымъ апелляціоннымъ судищемъ. Но какъ высшая власть волости, вѣче давало защиту гражданамъ въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда обыкновенные суды оказывались не достаточными. Но и въ вопросѣ о судѣ позднѣйшая исторія Новгородца и Пскова представляетъ также особенность, какъ и въ вопросѣ объ управленіи. Право назначать посадниковъ и тысяцкихъ принадлежало въ этихъ городахъ вѣчу; ему же принадлежало и право политическаго суда надъ этими сановниками. Въ этомъ смыслѣ надо понимать слова Всеволода, сказанныя имъ Новгородцамъ въ 1209 г. въ Коложнѣ: «кто вы добръ, того любите, а злыхъ казните».

Князь и вѣче стояли другъ подле друга, какъ двѣ неподчиненныя одна другой власти, для совокупнаго дѣйствія которыхъ было необходимо взаимное соглашеніе; иначе безъ этого, при нежеланіи уступить, князь и вѣче стояли другъ противъ друга какъ двѣ самостоятельныхъ власти, разногласіе которыхъ могло быть устранено только судомъ божіимъ (*соймою*). Если исходъ борьбы былъ въ пользу князя по большинству его партій, онъ оставался на занимаемомъ имъ столѣ, а побѣжденная партія должна была подчиниться волѣ побѣдителя, часто очень суровой. Если перевѣсъ былъ на сторонѣ партій вѣча, противной князю, послѣдній

лишался стола. Изгнанные князья не рѣдко находили поддержку въ другихъ волостяхъ и съ ихъ помощью мстили своимъ обиды. Личность князя оставалась неприкосновенною, какъ бы далеко ни заходила рознь между нимъ и вѣчемъ. Самые крайнія желанія недовольнаго княземъ вѣча состояли въ томъ, чтобы князь оставилъ волость. Это общее правило подвергалось только одному ограниченію: князь присуждался иногда къ *временному* заключенію въ видахъ безопасности до пріѣзда новаго князя. Имущество изгнаннаго князя подвергалось иногда грабежу. Потерпѣвъ поражение, князь могъ войти въ новое соглашеніе съ вѣчемъ. Какъ князья нерѣдко находили опору въ одной изъ народныхъ партій, такъ точно и вѣче въ борьбѣ съ княземъ опиралось иногда на помощь другихъ князей. Война ведется только противъ отдѣльныхъ личностей княжескаго рода; а самый принципъ княжескаго правленія остается неизмѣнимымъ. Князь есть въ высшей степени народная власть, и въ отношеніяхъ къ нему народа преобладаетъ характеръ *добраго довѣрія*. Князь, пользующійся популярностью, можетъ выступать на войну во главѣ сильнаго народнаго войска и безъ постановленія вѣча, хотя бы война задумана была исключительно въ личныхъ интересахъ князя. Также призванный для отправленія правосудія, князь не только судилъ, но и устанавливалъ самъ формы своего суда и размѣры продажъ и вирь. Народъ же высказывался по этимъ вопросамъ только въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда постановленія князей противорѣчили его справедливымъ ожиданіямъ. Такъ напр., чрезвычайная высота продажъ и вирь возбуждала протесты вѣча, а иногда и прямо приводила къ изгнанію князя (*Воскр. лѣт. 1146 г. Ипат. 1175*).

Въ силу преобладанія личнаго элемента въ нашей древней исторіи, взаимныя отношенія князей не составляютъ непре-

мѣнно взаимныхъ отношеній волостей: волости могутъ оставаться совершенно чуждыми тѣмъ войнамъ, которыя ведутъ между собою ихъ князья. Хотя для волости князь и составляетъ необходимость; но волость поддержаніе своего князя противъ противника должна была считать не необходимымъ во что бы то ни стало. Кромѣ того, князь могъ совершить преступленіе и тѣмъ возбудить противъ себя враждебныя дѣйствія другихъ князей. Стоять за такого князя, значить дѣлаться его сообщникомъ. Хотя княжескія войны возникаютъ по побужденіямъ, чуждымъ интересамъ волости, и требуютъ строгаго невмѣшательства, но народъ иногда участіе въ войнѣ вмѣняетъ себѣ въ обязанность. Волости сознавали, что княжескія усобицы были источникомъ многихъ бѣдствій, а потому и прибѣгали къ некоторымъ мѣрамъ съ цѣлью ограничить ихъ. Но это были исключительно частныя мѣры отдѣльныхъ волостей, изъ которыхъ не выработалось никакихъ общихъ нормъ для всей Русской земли, что одно могло бы быть дѣйствительнымъ средствомъ противъ княжескихъ усобицъ.

Взаимныя отношенія князей, какъ и всякихъ независимыхъ одинъ отъ другаго правителей, опредѣляются *договорами*. Право вступать въ договоры принадлежитъ каждому князю, не смотря ни на степень родства, соединяющую его съ другими князьями, ни на относительное значеніе управляемой имъ волости. Княжескіе *сѣзды* служили самымъ обыкновеннымъ средствомъ для всякихъ соглашеній, имѣвшихъ цѣлью какое-либо совокупное дѣйствіе нѣсколькихъ князей. На устройствѣ этихъ сѣздовъ, или *думъ* князей, и на порядкѣ самыхъ переговоровъ отражается характеръ полной свободы и независимости. Князья имѣли право сѣзжаться для достиженія общихъ цѣлей, но не были къ тому *обязаны*; ихъ сѣзды не имѣли ни опредѣленнаго состава, ни

опредѣленнаго времени собранія: князья сѣзжались, когда хотѣли, и въ такомъ составѣ, въ какомъ хотѣли. И нынѣ не встрѣчаемъ ни одного сѣзда, на которомъ участвовали бы все князья Русской земли. При заключеніи княжескихъ договоровъ иногда принимали на себя посредничество между князьями *третьи лица*, которыя сводили ихъ въ *любви*. Въ качествѣ такихъ посредниковъ могли выступить не только князья, но и духовенство. Участіе третьихъ совершенно добровольное и необязательное: враждующія стороны свободны принять или не принять ихъ посредничество. Договоры устанавливали не *подчиненіе* князя князю, а *однородіе* князей, въ силу котораго воля одного князя имѣла совершенно такое же значеніе, какъ и воля другаго, не смотря ни на степень родства, ни на старшинство глѣтъ князей, ни на относительное значеніе управляемыхъ волостей. И притомъ условія эти касаются одной *внѣшней* политики, а не *внутренняго* управленія князя: каждый князь вѣдалъ судъ, финансы и военное управленіе своей волости въ всякой зависимости отъ какого-либо другаго князя. Обеспеченіемъ силы княжескихъ договоровъ были слѣд. средства: крестное цѣлованіе обѣихъ договаривающихся сторонъ, обязательство подчиниться извѣстному наказанію въ случаѣ неисполненія условій договора и установленіе особыхъ блюстителей точнаго исполненія договора. Какъ скоро одинъ князь начиналъ дѣйствовать несогласно съ договоромъ, договоръ терялъ свою обязательную силу и для другой стороны. Состояніе противоположное соглашенію и любви есть состояніе розни и войны. Такъ было въ отношеніяхъ князей, какъ вообще во всѣхъ явленіяхъ древней русской общественной жизни.

Какъ *люди* вообще, при равенствѣ правъ, рознятся достоинствомъ, такъ точно и *князья*, при полномъ равенствѣ съ точки

зрѣнія принадлежавшей имъ власти, не были совершенно равны *по достоинству*. Такимъ князьямъ усвоивались наименованія—старѣйшихъ, отцевъ, господъ, великихъ князей. 1, Прежде всего старшинство представляется какъ естественное преимущество дѣтъ: всякій старшій дѣтъна по отношенію ко всѣмъ «младшимъ князьямъ». Преимущества старшихъ дѣтъми не принадлежали къ области права. Имъ усвоены только тотъ особый почетъ, съ которымъ обыкновенно дѣти относятся къ своимъ родителямъ. Помимо прямого значенія, слово—старѣйшина употребляется еще и въ переносномъ: отъ старшинства и преобладанія города надъ другими и князь назывался старшимъ. Обладаніе старшимъ городомъ, какъ *лучшимъ*,—есть предметъ особаго честолюбія князей. 2, Другое почетное наименованіе князя есть слово—отецъ. Оно вытекаетъ изъ чувства уваженія младшаго къ старшему и по обязанности изъ договора и изъ завѣщанія. 3, Наименованіе великимъ княземъ совпадаетъ съ названіемъ старѣйшимой по городу и усвоется обыкновенно князьямъ лучшимъ волостей. Великіе князья, какъ и старѣйшими, не пользовались никакими лучшими правами сравнительно съ другими князьями. 4, Наименованіе господиномъ имѣетъ тоже значеніе почтенія, какъ и наименованіе старѣйшиной и отцевъ, только выражаетъ еще нѣкоторую приниженность того лица, которымъ употребляется. Такъ обр. въ отношеніяхъ князей Рюрикова дома не было родоваго быта, какъ утверждали Эверсъ, Рейцъ, Соловьевъ и другіе.

Обладаніе волостью составляетъ доходную статью для князя: онъ пользуется пошлинами съ суда, торговли и проч. А потому ближайшее *побужденіе* къ добыванію заключается въ желаніи получить доходъ, съ котораго можно было бы

быть сыту. Дѣйствіями добыванія были: занятіе волости, которая имѣетъ свободный столъ; захватъ чужой волости посредствомъ завоеванія или только устраненія личности ея князя; приобрѣтеніе въ силу добровольной уступки; наконецъ, съ Татарь, явился новый способъ приобрѣтенія посредствомъ ханскихъ ярлыковъ. Добывать волости могли не только Рюриковичи, но и князья чужихъ родовъ, наприм. Болеславъ Польскій, Андрей Венгерскій, Литовскіе князья и проч. Способы добыванія имѣли такое же мѣсто между дядями и племянниками, какъ и между родными братьями и двоюродными. Но понятно, что зрѣлость дѣтъ и личные преимущества давали фактическое преимущество предъ молодыми князьями. Назначеніе преемника обыкновенно совершалось посредствомъ завѣщанія, которое впрочемъ не ограничивало право добыванія: оно могло только облегчить занятіе стола, когда завѣщатель еще при жизни передавалъ преемнику обладаніе важнѣйшими пунктами завѣщаемой волости. Согласно естественной обязанности родителей—обезпечить участь дѣтей, преемниками обыкновенно назначаются сыновья. Когда сыновей не бывало, преемникомъ назначался тотъ изъ князей, кто былъ ближе къ завѣщателю по чувствамъ любви, внѣ всякой зависимости отъ степени родства. И такъ въ завѣщаніяхъ проявляется тоже начало свободной воли князя, управляемое однимъ только соображеніями о томъ, что желательно и возможно, какъ и въ добываніи. Отчина есть нечто иное, какъ *столъ отца* извѣстнаго князя. Согласно стремленію князей удерживать за собою отчины, стремленію, находившему признаніе и въ самыхъ договорахъ, волости *дѣйствительно переходили* по отчинѣ къ сыновьямъ, хотя и далеко не всегда.

Правительственное дѣленіе Русской земли представляетъ три степени округовъ

и каждому изъ нихъ соответствовали особые органы управленія. Высшую степень составляет *княженіе, волость* (область) *удѣль* или *члѣдъ*; за тѣмъ слѣдуетъ подраздѣленіе княженій на *города, волости* въ тѣсной смыслѣ, *станы* или *члѣды*; эти послѣдніе въ свою очередь дѣлятся на *сотни, потуги и погосты*. Самъ князь, вѣдавшій всѣ дѣла волости, назывался *волостелемъ* и отправлялъ правосудіе, почему и самая правда носитъ наименованіе «княжой правды». Соединяя всѣ вѣтви управленія въ рукахъ, князь не могъ обходиться безъ помощниковъ. И дѣйствительно, съ древнѣйшихъ временъ мы встрѣчаемъ указанія на существованіе второстепенныхъ властей, вѣдѣнію которыхъ поручались отдѣльныя отрасли управленія и суда. Князь не былъ исключительно центральной властью: онъ имѣлъ на ряду съ мѣстными правителями извѣстный округъ и вѣдалъ его, какъ всякая мѣстная власть.

Между служилыми людьми князя должно различать два разряда лицъ—нижшій и высшій; на долю перваго доставались дѣла меньшей важности, на долю втораго большей. Первый разрядъ слугъ составляли *отроки* князя или *дѣтскіе*; послѣднее впрочемъ не означаетъ для названія рабовъ. Ихъ должностію было находиться при особѣ князя въ качествѣ ключниковъ, тиуновъ, конюховъ, вонновъ и т. п. Одно изъ древнѣйшихъ названій *гриди* въ болѣе позднее время извѣстно стало подъ именемъ *дворовыхъ людей, дворныхъ слугъ и дворянъ*. Въ этомъ разрядѣ слугъ встрѣчаемъ особы придворныя должности — постельниковъ, столбниковъ, окольныхъ и проч. Въ составъ высшаго разряда слугъ входили не одни рабы и дѣти бояръ, пользовавшихся высокимъ положеніемъ въ обществѣ. Съ теченіемъ времени этимъ лучшимъ членамъ княжескаго двора, въ отличіе отъ другихъ ме-

нѣ именитыхъ, усвоилось названіе *дѣтвой боярскіихъ*.

Высшій разрядъ княжескихъ слугъ составляютъ *мужи и бояре*; состоявшіе изъ нихъ на службѣ князя назывались *княжими*. Княжіе бояре и мужи, поскольду послѣдніе принадлежали къ лучшимъ людямъ, пользовались независимымъ отъ княжеской службы положеніемъ, въ чемъ и заключается ихъ существенное различіе отъ слугъ низшаго разряда. Къ концу княжескаго періода къ послѣднимъ много присоединилось князей и ихъ называли *боярами*. Мужья и въ высшемъ разрядѣ обладали не равнымъ значеніемъ: были мужья «передніе, «лѣвшіе», т. е. лучшіе, вліятельные, «великіе», «большіе», «сильные». И высшіе и низшіе разряды слугъ носили названіе *дружинны*: большая или старшая дружина означала мужей и бояръ, молодшая отроковъ. Люди пользовавшіеся особымъ расположеніемъ князя, назывались *милостниками*.

Обязанности служить въ древней Россіи не было; служилые свободнаго состоянія вольны были оставить службу, когда хотѣли. Отдѣльными органами управленія были: 1), *Княжеская дума*, составъ и предметы занятій которой исключительно зависѣли отъ усмотрѣнія князя: онъ призывалъ для совѣщаній, кого хотѣлъ, и только въ тѣхъ случаяхъ, когда хотѣлъ. Особаго званія «совѣтниковъ князя», въ которое возводились бы служилые, входившіе въ составъ думы, не было. Дума составлялась всякій разъ вновь, по особому приглашенію служилыхъ. Княжескимъ совѣтникамъ принадлежалъ совѣщательный голосъ. 2), *Мѣстные правители*, вѣдѣнію которыхъ поручались отдѣльныя волости, въ древнѣйшее время именовались *посадниками*. Какъ въ лицѣ князя судъ не былъ отдѣленъ отъ управленія, а управленіе военное отъ гражданскаго; также точно управленіе и судъ были слиты и въ лицѣ

иѣстныхъ представителей его власти. Одна изъ главнѣйшихъ обязанностей посадника заключалась въ охраненіи власти своего князя надъ вѣрною ему волостью. Для защиты ся онъ ставилъ «Города» и, въ случаѣ нападенія, отражалъ непріятеля силой; кромѣ того, отиравалъ судъ. Право избирать въ должности посадниковъ принадлежало князьямъ, равно какъ и увольненіе и судъ надъ ними; исключеніе было только въ Новгородѣ и Псковѣ съ XIII в., когда выборъ посадниковъ и судъ надъ ними зависѣлъ отъ воли вѣча. Храбрость и знакомство съ военнымъ дѣломъ были до такой степени необходимыми качествами посадниковъ, что ихъ должности не рѣдко замѣщались *воводами*. 3), Съ самаго начала XIII в. представители князя въ Новгородѣ называются уже не посадниками, а *наместниками* князя и *волостелями*. Намѣстники вѣдаютъ обыкновенно города, а волостели—волости. Волостель пользовался совершенно независимымъ положеніемъ отъ наместника и на ряду съ нимъ стоялъ въ непосредственномъ подчиненіи князю. Намѣстники обладали тою же властью, которая прежде принадлежала посадникамъ, и иногда назывались *воводами*. Волостели, также какъ и наместники, вѣдали судъ гражданскій и уголовный; но иногда высшій уголовный судъ, въ душегубствѣ, разбоѣ и пр. вынимался изъ ихъ вѣдѣнія и предоставлялся наместнику. Впрочемъ это не устанавливало подчиненія волостеля наместнику, а только ограничивало объемъ дѣятельности перваго. Надо думать, что военное управленіе исключительно сосредоточивалось въ рукахъ наместниковъ, и что волостели не имѣли къ нему никакого отношенія. Кромѣ того, на наместниковъ и волостелей возлагалась еще обязанность «блюсти» людей и въкоторыя другія заботы по части благоустройства, какъ напр. наблюденіе за исполненіемъ рабочими людьми установленныхъ сроковъ

перехода отъ одного владѣльца къ другому и пр. Намѣстники и волостели назначались княземъ и оставались въ своихъ должностяхъ, пока это ему нравилось. 4), при князьяхъ, какъ иѣстныхъ правителей, посадникахъ, наместникахъ и волостеляхъ состояли помощники. Въ древнѣйшее время они назывались *тиунами*; позднѣе удерживаемый княземъ для себя лично судъ передавался обыкновенно *седенымъ боярамъ*. О военномъ управленіи тиуновъ нѣтъ указаній; надо думать, что на нихъ переносилась только одна судебная власть. О пространствѣ ихъ власти нельзя составить точнаго представленія; тиуны назначались изъ княжескихъ слугъ и даже рабовъ. Намѣстники и волостели были свободны въ выборѣ своихъ тиуновъ и только по отношенію къ увольненію подлежали одному ограниченію, впрочемъ, исключительно финансоваго свойства: они не могли мѣнять тиуновъ ранѣе года послѣ ихъ назначенія. Тиуны вѣдали судъ *амьсто* наместниковъ и волостелей; они замѣняли ихъ, но не составляли съ ними одной коллегіи. 5), Въ мелкихъ сотняхъ, погостахъ или потугахъ завѣдывали *сотские* и *старосты*. Сначала они, какъ и тысяцкіе, стояли на мѣстницѣ военной администраціи; но, по мѣрѣ усиленія въ войскѣ служилого элемента, военная дѣятельность ихъ должна была значительно сократиться. Область ихъ гражданского вѣдѣнія составляли: а), надзоръ за исполненіемъ разнаго рода натуральныхъ и денежныхъ повинностей, напр. сооруженіе городскихъ укрѣпленій, постройка дворовъ для князя, наместника и волостеля, нарядъ для косыбы сѣна княжескаго, въ помощь ловчимъ, сборъ и внось кормовъ правителямъ, оброка, пошлинъ и т. п. б), мѣстная полиція и в), присутствіе на судѣ княжескихъ чиновниковъ. Сотскіе и старосты были выборные люди, а не назначались князьями, или ихъ чиновни-

кани. *Десняцкіе*, какъ показываетъ ихъ имя, относятся къ одному роду властей съ сотскими; они были ихъ помощниками. 6), Въ позднѣйшее время встрѣчаемъ особую *приказную*, назначавшихся для вспомоганія мало развитыхъ органовъ ибстнаго полицейскаго управленія. Эти приставы получали разныя спеціальныя назначенія, какъ напр.: оберегать известныя селенія отъ воровъ и разбойничества, леса отъ корубокъ, наблюдать за манарушеиетъ жалованныхъ грамотъ и проч. Назначались они самимъ княземъ и по просьбѣ заинтересованныхъ лицъ. 7), Управление финансовъ находилось въ непосредственномъ заведѣваніи самаго князя. Для сбора пошлинъ и даней назначались или особые чиновники—*мытники*, *маломошники*, *даныщники*, *платенщники* и другіе должностныя, которые стояли въ всякой зависимости отъ наместничества и волостей. Намѣстники и волостели иногда занимались сборами пошлинъ, но не какъ финансовые чиновники, а какъ правители, которымъ жаловалась та или другая пошлина для увеличенія ихъ содержанія. 8), Храненіемъ княжескихъ пошлинъ и даней и выдачею ихъ занимались особые чиновники, которые одинаково вѣдали имущества князя, какъ правителя, и его имущества, какъ частнаго человека. Это были: *дворскіе* (дворецкіе), которые вѣдали недвижимыя имущества князя и повинности, соединенныя съ ними, напр. постройки, работы; *казначей*, заведывавшіе денежною казною князя и полученіемъ доходовъ въ мѣстахъ ихъ сбора; *оляки* и *подьячіе*, которые заведывали движимыиъ имуществомъ князя и сборами доходовъ съ таможенниковъ; *ключники* или *тѣны*, храняшіе у себя ключи зданий, въ которыхъ складывались дворцовыя запасы. Ключники и домашніе тѣны назначались по большой части изъ рабовъ князя. Последнее мѣсто на гѣстницѣ властей занимаютъ кня-

жескіе *посальскіе*, которые управляютъ деревнями князя, уборкой хлѣба, выдачей хозяйственныхъ запасовъ. Назначаются ихъ рабовъ. Въ заключеніе необходимо остановиться на особенностяхъ управленія теми княжескими имуществами, которые несли названіе путей. Князья владѣли свои земли разными дѣловыми людьми, чтобы разводили княжескихъ лошадей, пчелъ, занимались варкой воска, ловлей бобровъ, рыбы, содержали собакъ и ловили птицъ. Соединенныя въ разныя группы съ цѣлями управленія, они несли наименованіе путей: путь дощій, путь совольничій, путь конюшій, путь боброничій и т. п. под. Бояре, вѣдѣвшіе которыхъ поручались эти *пути*, носили названіе въ XIV в. *путыиыхъ бояръ*; а въ болѣе раннее время заведывались дворскими, тѣнами, ключниками и подьячниками.

Всѣ эти служилые люди, въ рукахъ которыхъ находилось управленіе, поручаемое княземъ, получали вознагражденіе изъ судебныхъ пошлинъ и за выдачу правды грамоты, пошлины съ браковъ, недвижимой подѣ именемъ выведной мундцы и невожженнаго убруса, пошлины съ иѣкоторыхъ частей торговли и кормы, т. е. известное количество ежедневныхъ запасовъ маторой. Всѣ вообще доходы служилыхъ назывались *кормленіемъ*. Бояре, которымъ жаловались кормленія, бояре и слуги подѣ дворскими, не входили въ составъ *вольныхъ бояръ и слугъ* и не могли отъѣхать до срока службы.

Княжеское войско составлялось изъ народа, служилыхъ людей и имоземныхъ наемниковъ. Въ составъ народнаго ополченія входили всѣ слои населенія, начиная съ лучшихъ людей или бояръ, и оканчивалъ—худшими или смердами. Участіе народа въ войскѣ князя условливалось или опредѣленіемъ вѣны, или личнымъ желаніемъ охотниковъ. Въ первомъ случаѣ вѣче во всемъ его со-

ставъ нередко обращалось въ войско. Вѣче определяло и размѣры военной повинности, смотря по надобности. Отказъ вѣча—принять участие въ предположенной княземъ войнѣ не лишалъ еще послѣдняго всякой надежды на народное содѣйствіе: онъ могъ сдѣлать воззваніе къ охотникамъ и воевать съ нѣмъ помощью. *Озвочить людей*, желавшихъ пограбить, было всегда много. По мѣрѣ уничтоженія вѣчевыхъ порядковъ, призваніе народа къ войнѣ было дѣломъ исключительно князя. Народное озовленіе совершалось только на случай войны и происходило по домамъ, какъ скоро война была кончена. Второй видъ княжескихъ войскъ составляють служилые люди князя: въ раннее время—*отроки, дятские, гриди*, въ болѣе позднее—*дворяне и дѣтны боярскіе*; но *мужи и бѣдры* выходили на войну въ сопровожденіи собственныхъ слугъ. Служилый человекъ могъ отъѣхать отъ князя, когда хотѣлъ: «а бояромъ и дѣтемъ боярскимъ и слугамъ неми нать—*вольнымъ оола*», договариваются князья. Отъѣхавшій слуга не терпѣлъ ни умаленія своихъ правъ, ни имущества, хотя бы оно находилось въ области князя, службу котораго онъ оставилъ. Служилые люди, находясь неотлучно при князѣ или на его службѣ, составляютъ постоянное войско. Третій видъ войскъ составляютъ призываемые князьями въ помощь иностранцы—Варяги, Половцы Татары и проч. Въ древнѣйшее время всѣ виды войскъ княжескихъ назывались *дружиной*. Кромѣ того, для обозначенія войска употребительны были слова: *полкъ, рать*. Военное управленіе находилось въ завѣдываніи посадниковъ и намѣстниковъ, а центральное военное управленіе—въ рукахъ князя, *воеводъ и тысяцкихъ*. Должность тысяцкаго была постоянной; назначеніе и увольненіе зависѣло отъ князя. Тысяцкій назначался для предводительства только тѣмъ народнымъ ополченіемъ, которое

собиралось по опредѣленію вѣча, и не сдѣлывалъ за княземъ, если онъ выступалъ на войну противъ воли вѣча. Должность *ратмыли воеводъ* не была постоянной; они назначались по мѣрѣ надобности, для предводительства въ княжескомъ походѣ. На подчиненіе однимъ воеводъ другимъ не находили указанія.

Въ союзномъ войскѣ каждый князь былъ начальникомъ своего отряда и не приходило въ голову никогда учреждать главнаго предводителя; князья дѣйствовали каждый за себя порознь.—Постояннымъ содержаніемъ пользовалась небольшая часть воиновъ—отроки, грида, дворяне, слоновъ только тѣ, кто жилъ въ домѣ князя и на его счетѣ. Остальное войско не получало содержанія; но вознаграждало себя добычею изъ илѣнныхъ, скота и всякаго рода движимостей. Возможность легкаго обогащенія сильно притягивала народъ къ участию въ княжескихъ войнахъ. Битвы могло и не быть, но безъ грабежа дѣло не обходилось. Огнь начинался обыкновенно вмѣстѣ со вступленіемъ въ непріятельскую землю. Конечно, не всѣ войны отличались одинаковою суровостію, но эта суровость лежала въ сущестѣ дѣла, обуславливалась особенностями тогдашней военной организаціи, а потому и составляетъ отличительную черту нашихъ древнихъ войнъ. Какъ скоро народъ всю свою массу переходилъ въ воиновъ, было трудно и опасно отлучать мирныхъ жителей отъ не мирныхъ и падать жизнь и имущество первыхъ. Съ другой стороны, при маломъ развитіи государственнаго хозяйства, для продовольствія войскъ во время похода не существовало другихъ средствъ; кромѣ собственности непріятеля каждый воинъ имѣлъ право завладѣть тѣмъ изъ непріятельскаго имущества, что попадалось въ руки. Согласно съ этимъ характеромъ нашихъ древнѣйшихъ войнъ, при выборѣ пункта для нападенія князья, занимали не столько стратегичес-

У. ЗАКОНЫ И СУДЫ.

1), ПО ДѢЛАМЪ ДУХОВНЫМЪ.

А. ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННЫЕ.

162. Церковный уставъ св. Владимира до 1011.

Во имя Отца и Сына и св. Духа. Се азъ князь вел. Василей, нарицаемый Володимиръ, сынъ Святославль, внукъ Игоревъ, блаженныя Ольги, усприялъ есмь крещеніе святое отъ греческихъ царей Константина и Василья и Фотѣя патриарха, узяхъ перваго митрополита Михаила на Кіевъ и на всю Русь, иже крести всю землю Рускую. И по томъ лѣтомъ минувшимъ създахъ церковь св. Богородицу, и дахъ десятину (10-ю часть) къ ней по всей землѣ Руской княженія отъ всего суда 10-ый грошъ и на торгу 10-ую недлю. Изъ домовъ на всякое лѣто 10-ое всякаго стада і всякаго живота чюдной Матери божіи и чюдному Спасу. І потому възрѣхъ въ греческій Номоканунъ и обрѣтохъ въ немъ, яже не подобаетъ мнѣ тяжъ (тяжесть) и судовъ судити князю, ни бояромъ, ни судьямъ его, и згадавъ азъ с своею княгиною Анною и с своими дѣтми, далъ есмь св. Богородицы

и м-ту и всемъ епископомъ, а ты не вступаютъ ни дѣти мои, ни унуци мои, ни родъ мой въ люди церковныя і во все суды, і по всемъ городомъ -далъ есмь і по погостомъ и по свободамъ, гдѣ крестьяне суть, а кто уступитъ на мое да- ние судъ мнѣ съ тѣмъ передъ Богомъ; далъ есмь распуты, смилное заставаніе, умыканіе, пошибаніе (1) промежи мужемъ и женою о животѣ (пожиткахъ) или о племени или о сватовствѣ поимутся (женятся), вѣдство (волхвованіе) урѣ- каніе, узлы (навязки, наузы), зелье, еретичество, зубоядѣніе (драка), иже от- ца и мать бьютъ, или сынъ и дочь бьется, иже встяжутся о задници (о на- слѣдствѣ). Митрополити люди церковны: игуменъ, игуменія, поповичеве, чернецъ, черница, дьяконъ, дьяконовая, проскурни- ца, пономарь, вдовица, калика (путеше- ственникъ ко св. мѣстамъ), сторон-

(1) *Распутъ* — разводъ самовольный, *умыка- ние* — умяканіе, увозъ жонцими, *пошибаніе* — побой, драва.

никъ, задшній человекъ (*отказанный по души, ради спасенія*), прикладникъ, хромецъ, слѣпецъ, дякъ, и вси причетницы церковным; аще кто ихъ увидеть въ вину, судити тѣхъ митрополиту и епископомъ, опрочини (*кромя*) мирянъ.

(Ист. Рус. Ц. Макарія II, 215, пр. 445).

См. Древ. Рос. Визл. VI, 1. Продолж. Визл. III, 1. Днев. Зап. *Делегина*. Спб. 1780. 351. Ист. Гос. Рос. *Карамзина*. I, пр. 506. Опис. Кіевософ. собора. М. *Евгенія*. Кіевъ. 1825. Опытъ истор. рос. гражд. законовъ. *Рейца*. М. 1836. Допол. къ А. Ист. I, № 1. *Исаид*. и замѣч. Полюдина I, 263. О простр. церк. судл. *Неволна*. Ж. М. Нар. Пр. 1847, № 8. 79. Ист. Рус. Ц. *Макарія*. I, 148, пр. 236—7. 240. Обь-основаніяхъ рус. церк. права. Христ. Чт. 1846, IV, 2, 302. *Львовскій Пересел. Судл.* М. 1851, 34. П. С. Лтв. VI, 82. Тамъ же списокъ устава пространной редакціи.

163. Церковный уставъ Ярослава 1051—1054.

Се азъ, великій князь Ярославъ, сынъ Володымеровъ, по данію отца своего, съгадаъ есмь съ митропол. Ларіономъ, сложилъ есми греческій Номоканонъ, иже не подобаетъ сихъ тяжъ судити князю и бояромъ, даъ есми митрополиту и епископомъ тѣ суды, что писаны въ правилѣхъ, въ Номоканонѣхъ, по всѣмъ городомъ и по всей области, гдѣ христіанство.

1, Аще кто умчитъ дѣвку или наслить: аще боярская дочка, за соромъ ей 5 гривенъ золота, а митрополиту 5 гривенъ золота, а митрополиту гривна золота; а добрыхъ людей—за соромъ (*безчестья*) ей 5 гривенъ серебра, а м-ту 5 гривенъ серебра, а на умычницѣхъ—по гривнѣ серебра м-ту, а князь казнить (*накажетъ*). 2, Аще кто пошибаетъ боярскую дочку или боярскую жону: за

соромъ ей 5 гр. золота, а меньшихъ боярь—гривна зол., а нарочитыхъ людей 3 рубли; а простой чади—15 гр., а м-ту 15 гр., а князь казнить. 3, Аще пуститъ боярину великъ жену безъ вины: за соромъ ей 5 гр. золота, а м-ту 5 гр. золота, а нарочитыхъ людей—3 рубли, а м-ту 3 р., а простой чади 15 гр., а м-ту 15 гривенъ. 4, Аще въ отца и в матери дочка дѣвкою дитяти добудетъ: обличивъ ю, поняти (*взять*) въ домъ церковный; такоже и жонка; а чинъ ю родъ окупить. 5, Аще дѣвку умлѣвать кто къ собѣ и дасть втолѣку: на умлѣваницы м-ту 3 гр. сер., а дѣвѣ за соромъ 3 гривны, а на толочанѣхъ (¹) по рублю; а князь казнить. 6, Аще мужъ отъ жены блудеть, м-ту у вишь. 7, Аще мужъ сженится иною женою, съ старою не распустився, мужъ той м-ту у вишь, а молодую в домъ церковный, а съ старою жити. Аще же не лихый недугъ болеть—или слѣпота, или долгая болѣзнь: про тое не пупустити; такоже и женѣ нелиъ пустити мужа. 8, Аще жена у мужа крадетъ, а обличитъ ю: м-ту 3 гривны, а мужъ казнить; про то не разлучити. 9, Аще клѣтъ покрадетъ, такоже творять надъ нею. 10, Аще дѣвка засадеть: великихъ боярь—м-ту 5 гривенъ золота, а меньшихъ боярь—м-ту гривна зол., а нарочитыхъ людей—12 гр. сер., а м-ту 12 гр.; а простой чади гривна серебра, а м-ту гривна сер. 11, Аще поидеть жона отъ своего мужа за иный мужъ: тую жону поняти въ домъ церковный, а новожена м-ту у продажи. 12, Аще кумъ съ кумою блудъ сѣтворитъ: митрополиту гривна золота и въ опитемь. 13, Аще кто зажьжетъ дворъ, или гумно, или что иное: м-ту 100 гр., а князь казнить. 14, Аще кто съ се-

(¹) Вроятно, пособникахъ, помощникахъ.

строю согрѣшитъ: м-ту 100 гр., а у вопителѣи и в казни по закону. 16, Аще ближній родъ понмется: м-ту 8 грив., а ихъ разлучити, а опитемью да примуть. 17, Аще двѣ жены кто водить: м-ту 40 гривенъ; а которая подъягла, тую поняти в домъ церковный, а первую дръжати по закону; а иметь лихо водити, казнию казнити его. 18, Аще мужъ и съ женою по своей воли расчлустятся (*разойдутся*): митрополиту 12 гривенъ, а букучь по значающимъ — митрополиту 6 гривенъ. 19, Аще жидовинъ или бесерменникъ с русскою будетъ иноязычнице: м-ту 8 гривенъ, а руска поимчи в домъ церковный. 20, Аще кто съблудитъ съ чрѣморавцею: м-ту 100 гривенъ, а ослѣпнѣнъ по закону. 21, Аще кто съ двѣма сестрами падется: м-ту 30 гр. 22, Аще и с мачехою кто съблудитъ: м-ту 40 гр. 23, Аще два брата будутъ съ одною жонкою: м-ту 100 гр. а жонка в домъ. 24, Аще дѣвка не вѣсочетъ за мужъ, а отецъ и матеръ силою (*сы*) дадутъ, а что сътворитъ малъ собою: отецъ и мати митрополиту у винѣ, а иеторъ илиа платитъ; такожь и отрочь⁽¹⁾. 25, Аще кто воевь чужною жоку бласью: велиникъ бояръ — за соромъ ей 5 гривенъ золота, а м-ту 5 гривенъ, а князь казнитъ; а братъ меньшикъ бояръ — за соромъ ей 3 гр. зол., а м-ту 3 гр. зол., а будеть городскихъ людей — за соромъ ей 3 гр. сер., а м-ту 3 гр. сер., а сельскихъ людей — за соромъ ей гривна сер., а м-ту гривна серебра. 26, Аще кто нестрижетъ голову или бороду: м-ту 12 гривенъ, а князь казнитъ. 27, Аще мужъ иметь красти пожитки, или ленъ, или всякое жито: м-ту у винѣ, съ княземъ на полы; такожь и жонка, аще иметь те красти. 28, Аще мужъ предеть

(1) *Иеторъ* — проворъ, убывшъ, а *отрочь* — отрочанное, отпавшее.

бѣлыя порты (*бѣлье*), или полотна, или пертица поновы, такожь и жонка: м-ту у винѣ, съ княземъ на полы. 29, Аще иметь красти свадебное и огородное, бон и убійства, а что учинитися душегубство: платять винну, князю съ митрополитомъ на полы. 30, Аще про дѣвку сыръ будеть краанъ⁽¹⁾: за сыръ гривна; а што стери заплатять, а м-ту 6 гривенъ, а князь казнитъ. 31, Аще мужа два бьются женскѣи или в(у)кусить, или одереть: м-ту 3 гр. 32, Аще мужъ бьетъ чужую жону; за соромъ ей по закону, а м-ту 6 гр., а князь казнитъ. 33, Аще сынъ бьетъ отца или матеръ, казнитъ его волостельскою казнию, а м-ту у винѣ. 34, Аще дѣвка въсхощеть за мужъ, а отецъ и мати не дадутъ, а что сътворитъ: м-ту у винѣ отецъ и мати; такожь и отрокъ (*отреченье, отказъ*). 35, Аще чрънецъ или чръница, попъ или попади, или проскурица впадуть во блудъ: тѣхъ судитъ митрополиту опрчь мирянь, во что ихъ осудитъ воленъ. 36, Аще попъ или чрънецъ упиются безъ времени: м-ту у винѣ. 37, Аще чрънецъ или чръница ро-стрижется: м-ту у винѣ, во что ихъ обрядитъ (*сколько присудитъ*). 38, А что дѣется въ домовныхъ (*епископскихъ*) людехъ и въ церковныхъ, и в самѣхъ монастырѣхъ, а не у(с)тупаются княжѣи волостали в то: да вѣдаютъ ихъ митрополчѣи волостали; а безатница⁽²⁾ ихъ м-ту подеть. 39, Аще двѣ жонкѣ бьются: м-ту 6 рѣзанъ на виноватой. 40, Аще безъ вины свекоръ бьетъ сноку или деверъ ятровъ⁽³⁾: то платять ей по закону, а м-ту 6 гр. 41, Аще кто поганое ясть у своей воли, или медвѣдну или иное что поганое: митрополиту у винѣ и в казни. 42, Аще пенъ дятя кре-

(1) Языческѣи обрядъ — крестъ сыръ ролу и рожашикъ. См. Вопросы Князя.

(2) Наслѣдство безроднаго.

(3) Желу своего брата.

стить у чужемъ уѣздѣ или иное что священническое, развѣ и мужа и богвзяи: м-ту у винѣ. Съ некрещенымъ, а иноязычникомъ отъ нашего языка, съ некрещеными ни пяти, ни вѣсти: доколѣ же крестятся, аще кто вѣдаа ясть и шеть, да будетъ м-ту у винѣ. 43, Аще кто съ отлученымъ ясть и шеть, самъ отлученъ будетъ. 44, Аще кто съ бесерменкою или съ жидовкою блудъ сѣтворить, а не лишится: отъ церкви да отлучится и отъ христіанъ, а м-ту 12 гривенъ.

А тѣми винами разлучитъ мужа съ женою: 1 вина. Аще услышитъ жона отъ иныхъ людей, что думаютъ на царя или князя, а она мужу своему не скажетъ, а опослѣ объяснится: разлучити. 2 вина. Аще застанетъ мужъ свою жону съ прелюбодѣемъ, или како учинитъ на нее исправу съ добрыми послухы: разлучити. Аще думаетъ жона на своего мужа или зельемъ, или иными людьми, или пакъ имѣть вѣдать, что хотять мужа ея убить, а она мужу своему не скажетъ, а опослѣ объяснится: разлучитъ. 3 вина. Аще жона безъ своего мужа имѣть ходити или пити, или ясти, а опрочъ своему дому имѣть спати, а потомъ объяснится: разлучити. 4 вина: Аще имѣть жона ходити по играшамъ или во дни, или в нощи, а мужъ имѣть усчювати, (увищевати), а она не послушаетъ: разлучити. 5 вина. Аще ведеть жона мужа своего покрасти клѣтъ, или товаръ, или сама покрадетъ, да иными подасть, или имѣтъ вѣдати, што хотять церковь покрасти, а она мужу своему не скажетъ: разлучити.

(Ист. Рус. Ц. Макарія II, 215—221. прим. 455).

См. еще Архангелогор. гѣтопис. М. 1781, 47. Указатель рос. закон. Максимовича. М. 1803, I, 4. Опытъ Ист. Рус. Ц. въ періодъ до Татарс. Макарія. Спб. 1847, 429. О способахъ содерж.

рус. духов. Любимова. Спб. 1851, 477. Прав. Собес. 1861. III, 86. Судъ Ярослава западно-русской редакціи. А. Зап. Р. I, № 166. Ж. М. Н. Пр. 1847, № 8. 144.

Изъ отсутствія положительныхъ доказательствъ въ пользу какого-нибудь историческаго памятника не слѣдуетъ еще подложность его. Преданіе, приписавшее известныи уставъ о церковныхъ судахъ Владиміру Равноапостольному, не смотря на то, что оно не восходитъ до временъ Владиміра, а начинается только съ XIII вѣка, можетъ быть совершенно справедливо. Въ такомъ случаѣ, при этомъ предположеніи справедливости преданія, спрашивается: изъ двухъ главныхъ, известныхъ редакцій устава, т. е. короткой и пространной, какую должно считать за древнѣйшую и наиболее приближающуюся къ первоначальному подлиннику? Безъ сомнѣнія, такую редакцію должно признать редакцію кратчайшую. Въ ней имени Владиміра говорится, будто онъ принялъ крещеніе и митрополита отъ патріарха Фотія, имя этихъ словъ, которыхъ не могъ писать Владиміръ. Кроме того, если короткая редакція произошла посредствомъ сокращенія пространной, то не понятно, почему при этомъ сокращеніи вышучены были некоторыя важныя и существенныя слова. Несомненно, почему въ короткой редакціи между предметами церковнаго суда не поименованы: умышля, потвори, чародѣяннѣ, волхвованнѣ, или снѣха бѣеть свекровь, или два друга иматася бити и проч.... Между тѣмъ все становится понятнымъ, какъ скоро мы принимаемъ, что пространная редакція принадлежитъ позднѣйшему времени и произошла посредствомъ распространенія короткой редакціи. При этомъ распространеніи короткая редакція была наполнена въ различныхъ мѣстахъ постановленіями совершенно новыми или пополнена другими, которыхъ хотя по смыслу ихъ уже заключались въ короткой редакціи, но теперь прямо были выражены для предупрежденія возникшихъ, можетъ быть, сомнѣній.

Легко можетъ быть, что и въ древнѣйшихъ до нашего времени спискахъ короткой редакціи находятсѣ уже дополненія и измененія противъ первоначальнаго подлинника; но теперь нѣтъ средствъ отличить ихъ отъ первоначальной основы.

Въ этой множественности редакцій или видоизмѣненій двухъ главныхъ редакцій устава Владимірова не надобно видѣть непременно какую-нибудь умышленную поддѣлку или подлогъ. Уставъ былъ переписываемъ и вносимъ въ Коржичи книги для практическаго употребленія. Неудивительно, напротивъ весьма естественно было, что при этомъ

онъ былъ переписываемъ съ тѣми измѣненіями и дополненіями, которыя ввелъ и которыя требовало практическое ея употребленіе.

Такимъ образомъ для познанія юридическаго быта древней Россіи всѣ редакціи устава Владимірова имѣютъ свою, большую или меньшую, важность. Онѣ указываютъ намъ на временныя и мѣстныя видоизмѣненія началъ, содержащихся въ первобытной ея основѣ.

При такомъ взглядѣ на происхожденіе и юридическое значеніе редакцій устава Владимірова о церковныхъ судахъ самый вопросъ о подлинности ея болѣею частью терлеть свою важность. Какая бы ни была коренная основа устава, въ какомъ бы видѣ онъ ни былъ изданъ первоначально, онъ получилъ практическую силу только постепенно, и съ тѣми измѣненіями и дополненіями, какія представляются намъ въ разнообразныхъ ея редакціяхъ. Если, полагая, что и самая короткая редакція ея, можетъ быть, не представляеть намъ еще первоначальнаго подлинника во всей безприимчивой чистотѣ, мы, по видимому, откидаемъ у себя возможность слѣдить происхожденіе церковнаго суда въ Россіи отъ самаго пераго ея начала; то невѣдома, которой мы себя подвергаемъ, маловажна. Первое начало суда церковнаго въ Россіи, основаніе ея въ постановленій объ этомъ предметѣ содержится не въ какомъ нибудь уставѣ русскаго князя, но съ одной стороны въ законахъ, которыми руководствовалась церковь греческая, включая сюда какъ постановленія и законы Греко-Римскихъ Императоровъ, такъ и законы Моисеевы; съ другой стороны въ тѣхъ особенныхъ обстоятельствахъ, при какихъ основалась и образовалась русская церковь. (Пол. собр. сочин. К. Невольна. 1859. VI, 293—299).

Объ-уставъ Ярослава см. тамъ же стр. 309.

164. Уставъ новгородс. кн. Всеволода Мстиславича о церковныхъ судахъ до 1136.

Се азъ князь в. Всеволодъ, нареченный въ св. крещеніи Огафшъ (Гаверилъ), правнукъ Игоревъ и блаженныя прабабы Ольги, нареченныя во св. крещеніи Елены; и бабы Володиміровы, нареченнаго во св. крещеніи Василія; и тыя бо пріяли св. крещеніе отъ греческихъ царей, и отъ Фотія патриарха царградскаго взяша пер-

ваго митрополита Михаила Кіеву, иже крести всю Рускую землю. Потомъ же лѣтомъ многимъ минувшимъ, моляся Спасу и пречистой Его Матери, св. Богородицѣ и Присводѣвъ Маріи, устроиша церковь св. Богородицы десятинную и даша ей десятину во всей Руской землѣ и со всѣхъ княженій, въ соборную церковь св. Богородицы, яже въ Кіевѣ и св. Софій кіевской и св. Софій новгородской, и митрополитомъ кіевскимъ и архіепископомъ новгородскимъ отъ всякаго князя суда десятую векшу, а изъ торга десятую недѣлю, а изъ домовъ на всякое лѣто отъ всякаго стада и отъ всякаго жита десятое св. Спасу и пречистой Его Матери и премудрости божи св. Софій.

А се избрѣтохомъ въ греческомъ Номоканонѣ, что снхъ судовъ и тажъ не судити князю, ни его дѣтемъ, ни его намѣстникомъ, ни его бояромъ, ни его тиуномъ, ни десятника не держати. И созвалъ еси десять сощкихъ и старосту Велеслава и бирича Мирюшкю и старосту Ивайскаго Васяту и погадалъ еси съ владыкою и съ своею княгинею, и съ своими бояры и съ десятю сощкими и съ старостами; далъ еси судъ и иврила, якоже на торгу св. Богородицы въ Кіевѣ и-ту, тако въ Новгородѣ св. Софій и епископу и старостѣ Иванскому и всему Новгороду иврила торговая, скалвы воцанья, пуды медовыя и гривоніу рублевую и лодотъ Иванскій и свой оброкъ купецъ черницамъ; а попу Иванскому Руская пѣсь съ Борисоглѣбскимъ на полъ, а сторожю Иванскому Руской порочицы патио⁽¹⁾, да десять конюховъ соли. А не вступатися въ тыя оброки моимъ дѣтямъ, ни моимъ намѣстникомъ, ни моимъ бояромъ на дошъ св. Софій и св. Ивана; а дошъ св. Со-

(1) Скалвы воцанья — чаши, въ которыхъ вѣсятъ воскъ, лубъ — гиря, гривонка — фунтъ, лодотъ — древній аршанъ, патио — клеймо для лошадей при продажѣ и сборъ пошлны.

ѡи владыкъ строити съ сощими. А старостамъ и торгошамъ докладывая владыки или кто будетъ нашего роду князей въ Новѣградѣ, строити домъ св. Ивана. А се приказываю своимъ намѣстникомъ и тиуномъ: суда церковного не обидѣти, ни судити безъ владычня намѣстника. А се дахъ во олтарь св. Софїи и причету церковному вседенникъ синодикъ и вѣнци, что суды церковныи, то св. Софїи; а кто нашего роду пограбитъ или отъиметь, того повелѣхомъ владыцѣ соборомъ въ синодикѣ проклинати. А се суды церковныи: роспуски, смилное заставаніе, умычка, пошибальное промежъ мужей и женою о животѣ и о бездѣтномъ животѣ въ пламени или въ сватовствѣ помнута, потворы, чародѣніе, волхвованіе, бдство, залейничество, отца или мать бьете сынъ или дщи, или сноха свекровь: братіи или дѣти тяжутся о задницѣ, церковная татбы, мортвицы совлачаютъ (*выкапываютъ*), крестъ посклутъ или на стѣнахъ рѣжутъ или два мужа дмутся бити и одного жена иметъ за лоне другого и раздавать, или кого застануть съ четвероногою, или кто молится подъ овномъ, или у рощени или у воды или дѣвка дѣву повержетъ или идо что неподобно церквию подѣтитъ; а чимъ суды всѣ держави даны суть д. аникоду; а князю и бояромъ и судіямъ въ тѣхъ суды не вступатся. А те дахъ еси на червухъ царей уряженію и вседенникъ св. Отацъ седми Соборовъ великихъ Святитель: а по самъ не вступатся дѣтемъ мнимъ, ни внучатомъ мнимъ, ни всему роду моему до вѣка въ люди церковныи, ни во вси суды ихъ. Аже кто пресбидать нашъ уставъ, таковымъ непрощенымъ быти отъ закона божїа и горе себѣ наследуютъ, и вѣчная мука ждетъ ихъ.

А о всѣхъ, что предписано, держакъ за своими бояры, аже они обидятъ гостей, а гдѣ живутъ тѣмъ вароватъ, и князю душу топятъ. И азъ всмотрѣхъ въ Фотїа па-

триарха переградскаго грамоты, что принесъ на Русь князь в. Владимиръ, нареченный въ св. крещенїи Василїи, сынъ Святославль, а внукъ Игоревъ и преблаженный княгини и прабабы Ольги, аже стоятъ въ грамотѣ: торговая всѣ вѣсы, мѣрца и славы вощаныя, и пукъ медовый и гривенка рублевая и всякая известъ, иже на торгу промежъ людьми, отъ Бога тако искони установлено есть—епископу блясти безъ пакости, ни умаливати, ни умноживати и на всякій годъ извѣщивати. А справитая, а кому приказано, того блясти бляжо смерти; а животь его на трое: треть живота св. Софїи, а другая треть св. Иоанну, а третья треть сотскимъ и Новуграду. А епископу не управитъ того за все дахъ ему слово въ день великаго суда. А печаловатися же ему о томъ управленїи, иже и о душахъ чловѣческихъ. Аще же управитъ епископъ сїа управленїа наша, блаженъ будетъ и небесному царствїю наследникъ, а не урядитъ—ны те съ своей души сродитъ.

А се церковныи люди: игуменъ, игуменїа, петь, дякоу и дѣти ихъ; а се кто въ крылосѣ: попадья, чернецъ, черница, пришлецъ, свѣщегасъ, сторожникъ, свѣпецъ, хромецъ, вдовица, пущеникъ, задущиный чловѣкъ, изгон траи: позовъ сынъ грамотѣ не умѣеть, холопъ изъ холопства выкупится, купецъ одождаетъ; а се и четвертое изгойство и къ себѣ приложитъ: аще князь осиротѣеть; монастыреве, больницы, гостиницы, страннопрїимницы, то люди церковныи, богатыи, или иже поиметь, или епископъ: те вѣдаютъ мездю ими судъ или обиду, или кому прикажутъ, или котораго задница, или будетъ иному чловѣку съ тѣми людьми рѣчь или общїи судъ,—своимъ тиуномъ приказываю суда церковнаго не обидѣти; а съ суда давати 9 частей князю, а 10-ю св. Софїи за князю душу. А кто пресбидать суды церковныи платити ему собою: а предъ Богомъ тому же отвѣщати на страшномъ

судъ предъ тмами ангель, идѣже кождо дѣла не скрѣются, благая же и зла, идѣже не поможеть никтоже никомуже; но токмо правда избавить отъ втораго смерти, и отъ вѣчныхъ мукъ, и отъ огня негасимаго,—якоже есмь управилъ по святыхъ отецъ правиломъ и по первымъ царей и князей уроченію. А кто иметь преступати ою правило—или дѣти мои, или внучата, или правнучата, или въ комь городѣ наместникъ, или тиунъ, или судія, или кто инъ, а пообидитъ суды церковныя: да будутъ прокляты въ сій вѣкъ и въ будущій седмию Соборы св. Отецъ вселенскихъ. А та вся дѣла приказахъ св. Софїи и всему Новуграду моимъ мужемъ десяти сотскимъ: вы соблюдайте; а не соблюдаете, и вы сами за то отвѣтъ дадите въ довь страшнаго суда предъ лицомъ Царя славы. Аминь.

А се изыскахомъ: у третьей жены и у четвертой дѣтемъ прелюбодѣйная часть въ животъ. Аще будетъ полнъ животомъ, ино дасть дѣтемъ третіей жены и четвертой по уроку; занеже тѣ и отъ закона отлучени. А человекъ ся получаетъ по грѣхомъ занеже прелюбодѣйшии не благословенни Богомъ. И азъ самъ видѣхъ тяжю прошежу первею женою и дѣтей съ третьею женою, и съ дѣтми и съ четвертою женою, и съ дѣтми. Изъ велика живота дати урочная часть по оскуду (по малу), а изъ мала живота, како работчицу часть, конь да дослѣхъ и покрутъ, по рассмотрѣнію живота: а тое все приказалъ епископу управлѣти, смотря въ Номоканонъ. А ны съ своей души сводимъ.

(Ист. рус. ц. Макарія II, пр. 467.)

См. Прав. Собес. 1861. III. 208 460. Повѣсти о вѣд. и основ. Петерб. мон. Псковъ. 1849. 98. Вѣстн. Евр. 1818, № 15 и 16. Труды общ. ист. III, кн. 1.

165. Уставная новгород. кн. Всеволода Мстиславича, данная царю св. Іоанну Предтечи на Опочкахъ до 1136.

Се азъ князь в. Гаврилъ, пореченный Всеволодъ, самодръжець Мстиславичъ, внукъ Володимиръ, владычествующо ми всею Рускою землею и всею областію новгородскою, божіимъ благоволеніемъ поставилъ есмь церковь святыи великыи Иванъ на Петратинѣ дворницѣ, и устроилъ есмь ю иконами многоцѣнными, и евангеліемъ многоцѣннымъ, и всѣми книгами исполнь, устроилъ есмь цопы и дьяконы въ сборной великой церкви. И даю великому св. Ивану, отъ своего великомъвѣнія, на строеніе церкви и въ вѣкы, вѣсь воцанной, а въ Торжку пудъ воцанной, половца на св. Спасу, а половина св. вел. Ивану на Петратино дворнице; а оброка попомъ, и дьякону, и дьяку, и сторожамъ изъ вѣсу воцаного имати: попомъ по 8 гр. сер., а дьякону 4 гр. сер., а дьяку 3 гр. сер.; а сторожамъ 3 гр. сер.; а имати имъ той оброкъ и въ вѣкы, на всякій годъ, по моему данью в. князя Всеволода. А попомъ пѣти у св. Ивана вседневная, у св. Захарїи на полатѣхъ пѣти по медвлянѣ, и въ вѣкы; а дьякону пѣти у св. Ивана субота да недѣля, изъ того оброка, и въ вѣкъ. И азъ князь в. Всеволодъ поставилъ есмь св. Ивану 3 старосты отъ житыхъ людей и отъ черныхъ тысяцкого, а отъ купцовъ 2 старосты, управлѣвати имъ всякая дѣла Иванская, и торговая, и гостинная, и судъ торговый; а Мирославу посаднику въ то не вступатца, и инымъ посадникомъ въ Иванское ни въ чтожо, ни бояромъ новгородскимъ. А кто хочеть въ купечество вложиться въ Иванское, даеть купцемъ пошлымъ вкладу 50 гр. сер., а тысяцкому сукно Ипское, ино купцамъ положить въ святыи Иванъ полътретьяцать гр. сер., а не вложится кто въ купечество, не дасть 5 гр. сер., ино то не по-

малый купецъ, а пошлымъ купцемъ или нмъ отчиною и вкладомъ. А вѣсити нмъ въ притворѣ св. Ивана, гдѣ дано, ту его и дрѣжати; а вѣсити старостамъ Иваньскимъ, двѣма купцемъ пошлымъ, добрымъ людямъ, а не пошлымъ купцемъ старощеніа не дрѣжати, ни вѣсу нмъ не вѣсити Иваньского. А у гостя нмъ имати: у низовьского отъ дву берковска воцавыхъ полъгривнѣ сер. да гривенка перцю, у полоцкого и у смоленьскаго по двѣ гривны кумъ отъ берковьска воцаного, у Новгородца 6 мордокъ отъ берковска воцаного. А куны нмъ класти св. вел. Ивана въ домъ, что вывѣсятъ, по правому слову; а Новгородцю не вѣсити ни на которого гостя. А по моему животѣ в. кн. Всеволода, стояти за домъ св. вел. Ивана брату моему в. князю всея Руси и владыцѣ новгородскому, и старостамъ купецкимъ и купцамъ, и за вся церковники св. Ивана; а взять князю вел. изъ вѣсу воцаного полътретьяцать гр. сер. черезъ годъ. А праздникъ Рожество св. вел. Ивана почестъ створити и празновати старостамъ купецкимъ и купцамъ; а имати старостамъ купецкимъ и купцемъ изъ вѣсу изъ воцаного на полъ третьяцать гривенъ серебра, на всякій праздникъ св. Ивана и въ вѣкъ; а старостамъ купецкимъ св. вел. Ивана ставити на праздникъ св. Ивана 70 свѣчь, и темъянъ и ладанъ. А пѣти въ праздникъ владыцѣ, а старостамъ купецкимъ и купцамъ дати владыцѣ гривна серебра да сунно Ипское; а на завтрѣ пѣти анхимавдриту св. Егоргіа, а взять ему полъгривнѣ серебра; а на третей день пѣти игумену св. Богородици изъ Онътонова монастыря, взять ему полъгривнѣ серебра. И изъ князь в. Всеволодъ далъ есмн пошлины попомъ св. вел. Ивана Петратино дворще съ купецъ въ Руси, на память княземъ великимъ дѣдомъ моимъ и прадѣдомъ, имати съ купецъ тая старина и въ вѣкъ: съ тверского гостя, и съ новго-

родского, и съ бѣжцкаго, и съ деравского, и съ всего помостья. А бусвище Петратино дворще отъ прежнихъ дверей св. в. Ивана до погреба, отъ погреба до Концаньскаго мосту; а того бусвища имати куны старостамъ Иваньскимъ и старостамъ Поберескимъ, а класти куны въ домъ св. в. Ивана. А поповъ св. вел. Ивана, и дьякона, и дьяка, и сторожовъ призираи старостамъ Иваньскимъ, и купцамъ и старостамъ Поберескимъ и Побережаномъ. А въ дому св. Ивана не дрѣжати никому ничего же, но развѣ свѣчи и темъяна. А городу, ни владыцѣ, ни бояромъ вѣсу не отымати у св. в. Ивана, ни продавати моего данья в. князи Всеволода; а кто почнетъ вѣсъ отымати, или продавати, или домъ обидѣти св. в. Ивана и св. Захарьи, на того Спасъ и Пречистая и св. великий Иванъ, будетъ нмъ тма, и съблазнь, и кизнь божіа.

(Доп. къ А. Истор. I, № 3.
Рус. Достоп. 1815 г. 1, 76).

166. Уставная грамота смоленскаго князя Ростислава Мстиславича епископѣ смоленской 1150.

1. Во имя Отца и Сына и св. Духа. Богъ и св. Богородица и отца моего молтва, приведохъ епископа Смоленску, слумавъ съ людьми своими, по повелѣнію отца своего святого, еже хотѣвъ при животѣ своемъ створити; но есть здѣ первое сего не бывало епископы, да изъ недостойный, грѣшный, се уставляю епископью, о немъ же епископу быти живу и съ клиросомъ своимъ, въ свои дни и во свое княженье, еже мя Богъ далъ и и отца молтва. А се даю св. Богородици и епископу прощеники, съ медомъ, и съ кунамъ, и съ вирую и съ продажами, и не надобъ ихъ судити никакому же человекъу. И се даю св. Богородици

и епископу десятину отъ всеѣхъ дашей смоленскихъ, что ся въ нихъ сходитъ истыхъ кунъ, кромѣ продажи, и кромѣ виры, и кромѣ полюдья: у Вержавляцѣхъ у великихъ 9 погостъ, а въ тѣхъ погостехъ платитъ кто жь свою дань и передѣбрьштужиници, по силѣ, кто что мога, а въ тѣхъ погостехъ, а въкоторый погибнетъ, то ти и десятины убудеть, и въ тыхъ погостехъ во всеѣхъ сходится дани осмьсотъ гривенъ, а передѣбра сто гривенъ, а на штужиницѣхъ сто гр., то ти изъ того взяти епископу въ св. Богородици сто гр.; а во Врочницѣхъ 200 гр., то ти изъ того взяти епископу 20 гр.; а въ Торончи дани четыреста гр., а епископу съ того взяти 40 гр.; а въ Жижци дани 130 гр., а съ того епископу взяти 13 гр.; а въ Каспли 100 гр., а изъ того епископу взяти 10 гр.; а въ Хотшинѣ дани 200 гр., а изъ того епископу взяти 20 гр.; а въ Жабачевѣ дани 200 гр., а изъ того епископу взяти 20 гр.; а въ Вотоловичи дани 100 гр., а изъ того епископу взяти 10 гр.; а въ Шуйспѣи дани 80 гр.; а изъ того епископу 8 гр.; а въ Дешняихъ 30 гр.; а изъ того епископу 3 гр.; а въ Ветьскѣи дани 40 гр., а изъ того епископу 4 гр.; а на Былевѣ, дани 20 гр., а и епископу изъ того 2 гр.; а въ Бортницѣхъ на оной сторонѣ 40 гр., а изъ того епископу 4 гр.; а въ Бятринѣ дани 30 гр., а изъ того епископу 3 гривны; въ Жидичихъ 10 гр., а изъ того епископу гривна; въ Басѣи 15 гр., а епископу изъ того полторы гривны; въ Мирятичехъ дани 10 гр., а епископу изъ того 3 гр.; въ Добратинѣ дани 30 гр., а епископу изъ того 3 гр.; въ Доброчковѣ дани 20 гр., а изъ того епископу 2 гр.; въ Бобровницѣхъ дани 10 гр., а изъ того епископу гривна; на Дѣдгостичехъ 10 гр., а изъ того епископу гривна; а въ Зарубѣ дани 30 гр., а изъ того епископу 3 гр.; а въ Женѣи дани 200 гр. у Велицѣи, изъ того

св. Богородици и епископу 20 гр.; въ Паницѣи дани 30 гр., а изъ того епископу 3 гривны, а въ гостинѣи дани невѣдомо, а что ся соидеть, изъ того св. Богородици и епископу десятина; въ Солдовиницѣхъ 20 гр., изъ того св. Богородици и епископу 2 гр.; въ Путтивѣи присно платитъ 4 гр.; Бѣвници 2 гр., корчѣ мити полняты (4 $\frac{1}{2}$) гривны, Дѣдичи и дань и вира 15 гр., гостъ 7 гр., а изъ того св. Богородици и епископу 3 гривны безъ 7 ногать; на Копысѣ полюдья 4 гр., а перевоза 4 гр., а торгового 4 гр., а корчѣмити невѣдомо, но что ся соидеть, изъ того десятина св. Богородици; у Кречюта дани 10 гр., а св. Богородици и епископу гривна; въ Лучинѣ полюдья... гривны, а мыта и корчѣмити невѣдомо, но что ся снидеть, изъ того епископу десятина; во Обольѣ гостинная дань, и что ся въ ней снидется, изъ того св. Богородици и епископу десятина; во Исконѣ дани 40 гр., а изъ того св. Богородици и епископу 4 гр.; Суждали Залѣсская дань, аже воротитъ Гюгри, а что будетъ въ ней, изъ того св. Богородици десятина; у Вержавску въ городѣ 3 гр. десятины св. Богородици; въ Лодейницѣхъ 10 гр. дани, а изъ того гривна св. Богородици. И се даю изъ Торонча отъ всеѣхъ рыбѣ, иже идеть ко миѣ, десятину св. Богородици и епископу;... что ся наречеть области Смоленское, или мала или велика дань, любо княжа, любо княгинина, или чѣи ся хотя, правити десятину св. Богородици, безъ всякаго отпису дѣяти. Село Дросенское, со исгон и съ землю, св. Богородици и епископу, и село Ясенское, и съ бортикомъ и съ землю и съ изгон, св. Богородици; и се есми далъ землю въ Погоновичокъ Мойшинскую св. Богородици и епископу, и озера Нимикорская и съ сѣножатни, и уѣздъ княжъ, и на Сверковыкъ лукахъ, сѣножати, и уѣздъ княжъ озеро Колодарское, св. Богородици. И се

даю на посвѣтъ св. Богородици, язъ дво-ра своего, осемъ кашій воску и на горѣ огородъ, съ капустникомъ и съ женою и съ дѣтми, за рѣкою, тетеревики съ жемою и съ дѣтми, св. Богородици и епископу. Бысть мое сотщаніе къ св. Богородици, по повелѣнію святаго отца моего, чтожъ мога, тожъ даю. А тяжъ епископныхъ не судити ни комуже, судити ихъ самъ епископъ: первая тяжа роснущъ; другая тяжа, сажъ водитъ кто двѣ жонѣ; третья тяжа аще кто пойметъ ся чрезъ законъ; а четвертая уволочская, ажъ уволочетъ кто дѣвку, што возметъ князь, съ епископомъ наполю, или посадникъ что взметъ свои тяжи, то съ епископомъ наполю; а пятое ажъ ту женку, то епископу; шестая вопросъ, а то епископу зелья и душегубства тяжа епископа; семая ажъ бѣтася двѣ женѣ, то епископа тяжа; ажъ церковный человекъ дойдетъ чего, то своему епископу; девятая ажъ кого Богъ отведетъ церковныхъ людей, а не будетъ зла ничего церкви. Да язъ молю и поставилъ есмь епископомъ своимъ Маноиломъ, да се уставляю язъ. Ажъ будетъ или тяжа, или продажа епископа, да ненадобѣ ни князю, ни посаднику, ни тивуну, ни иному никому отъ мала и до велика, и по всей волости смоленской. Се же нынѣ, съ божьею помощію и со св. Богородицею, въ си дни полны дани, а по семъ, что Богъ устроить: по божью строю чи которая дань оскудѣетъ, или ратью, или конемъ образомъ, по славѣ, что почнетъ давати тыи дани, а изъ того десятина св. Богородици. Да сего не послуживай никто же по моихъ днехъ, ни князь, ни людіе; аще ли кто посудитъ сія грамоты, что есмь далъ къ св. Богородици, да той отвѣчаетъ въ страшный день св. Богородици, и сія клятва будетъ на немъ, а язъ буду безъ

грѣха. Паки ли приложитъ кто сію епископомъ опять къ Переяславскій епископомъ завистию, переступая слово св. митрополита русскаго Михаила, а разрушитъ сію епископомъ смоленскую: то князь отымитъ свое опять, еже былъ уставлялъ епископу простроивати св. Богородици, дажъ кто разрушитъ сей замысль святаго отца моего Мстислава и м-та русскаго Михаила. Се язъ грѣшный сынъ Мстиславль, надѣяся на Матерь божью, на св. Богородицу, уставляю сію епископомъ; дажъ кто разрушитъ ю, да самъ отвѣчаетъ св. Богородици и сія клятва св. Отець буди на немъ, а азъ буду безъ грѣха.

II. Се азъ худый и грѣшный и недостойный епископъ Маноилъ, съ благороднымъ и христолюбивымъ княземъ моимъ Михайломъ, утвержаеъ еже манаина; утвержена и сотворена, о благодати и благословеніи св. Духа поставленникомъ моимъ м-томъ русскимъ киръ Михайломъ, при благовѣрнѣи и христолюбивѣи князѣ моемъ киръ Михайлѣ, и утвердилъ уставъ церковный, именемъ Ростиславъ, по отца своего святаго молитвы и повелѣнію его, уставляю естъ епископомъ смоленскую. Дажъ кто по моемъ князи или по мнѣ, переступитъ или посудитъ сію грамоту и уставъ ось, или князь или мнѣ кто, да будетъ ему Богъ противеъ, въ день судный, и въ святая Богородица, да будетъ проклятъ отъ св. апостолъ и св. Отець 300 и 18, иже повелѣша: въ кый градъ достоинъ епископу быти, да поставятъ и отъ всѣхъ святыхъ, аще кто разрушитъ се, да будетъ проклятъ. Или епископъ который начнетъ, несытествомъ, хоть ити въ Переяславль и сію епископомъ приложити къ Переяславлю, да буди ему клятва, яже се преже писана и св. м-та русскаго Михаила, иже составилъ сію епископомъ; или отдасть что и не правити иметъ св. Богородици, еже естъ

написано здѣ буди ему тая же клевета и буди ему анноема. И се, и еще, и Холмъ даю св. Богородици и епископу, яко же дано дѣдомъ менимъ Володимеромъ Семенови прежде епископу, строить нарядъ церковный и утверженъе. Въ лѣто 6659, индикта 14, м. сентября 30.

III. А се вогородіе отъ Мьстислава 6 гривенъ урока, а почестья гривна и 3 лисици; а се отъ Крунля гривна урока, а 5 ногать за лисицу; а се отъ Вержавска 2 гривнѣ урока, а 5 ногать за лисицу; а се отъ Вержавска 2 гривнѣ урока, а за 8 лисици 40 кунѣ безъ нагаты; а се отъ Копосы 6 гр. урока и 2 лисици, а почестья 35 кунѣ; а се отъ Поциня урока полторы гр., а за двѣ лисици 22 кунѣ; а отъ Лучина 3 гр. урока и 2 лисици, и осетръ; а се отъ Ростислава 3 грив., а отъ Почестья гривна и 4 лисици; отъ Елны урока 3 гр. и лисица; а Иаиславле. се у Торопчи урока 40 гр. и 15 лисици и 10 черныхъ кунѣ, неводъ, тре. нца, бредникъ, свом сани рыбы, половочникъ, 2 скатерти, 3 убрусы, берковескъ меду; а се въ Жижци 5 гривенъ, а почестья гривна и лисица; а у Дорогобуки 3 гоны короткѣи, а почестья гривна, 5 лисици.

(Доп. къ А. Ист. I, № 4).

См. также церковныя правила митрополитовъ Іоанна, Кирилла II, (выше № 120), Максима, Петра и Кипріяна. Рус. Дост. I, 86. Ист. Рус. Ц. Макарія. II, пр. 430, стр. 345 — 352. Прев. Собес. 1865. — № 1. 5. Вопросы каноническіе и отвѣты см. ниже.

167. Ярыкъ ханни Тайдули Алаксѣи м-ту 1353—7.

По Занебекову ярыку, Тайдулино слово. Къ темнымъ и къ тысячнымъ кня-

земь, и сотникомъ, и десятникомъ, и волостелемъ, и городнымъ дорогамъ и княземъ, и мимохожимъ посломъ, и ко многимъ людямъ, и всемъ приказникомъ. Сей Алексѣи м-тъ, коли пойдетъ ко Царю-граду, и здѣ кто не будетъ, чтобъ его не замали, ни силы бѣ надъ нимъ не учили ни какіе, или гдѣ емулучится постояти, чтобъ его никто не двигнулъ, ни коней его не имали, занеже за Занебека царя, и за дѣтей его и за насъ молитву творить, такъ есма молима. А кто пакы силу учинить и онъ на великой пошлянѣ перемолвить самъ, такъ молва, нишюнную грамоту дали есма. Еня году, Арама мѣсяца, во 2 ветка. Орадъ кочевала на Гулистанѣ. Написано. Семиръ Хаджа жалобу вложилъ.

(Собр. госуд. грам. II, № 10).

168. Ярыкъ ханни Атиади Михаилу м-ту кievскому сл. 1379.

Безсмертнаго Бога силою и величествомъ. Изъ дѣдъ и изъ прадѣдъ, отъ первыхъ царей и отъ отецъ нашихъ, Атиади царь слово рекъ Мамаевою мыслию дядиною. Орднскимъ и улуснымъ всемъ и ратнымъ княземъ, и волостнымъ дорогамъ и княземъ, и писцамъ, и таможникомъ, и побережникамъ, и мимохожимъ посломъ, и сокольникомъ, и ордусникомъ, уралосникомъ, и этникомъ, и заставщикомъ, и лодейникомъ, или кто на каково дѣло не пойдетъ, и многимъ людямъ. Отъ первыхъ царей, при Чингисъ царь, и по немъ иные цари, Азия и Бердбекъ, и тѣ жаловали церковныхъ людей, а они за нихъ молялись. И весь чинъ поповскій, и вси церковни люди, не токмо жаловали ихъ, какова дань ни буди, или какая пошляна или которые до-

ходы, или заказы, или работы, или сторожа, или кормы, ино тѣмъ церковнымъ людямъ не видѣти, ни слышити того не надобь, чтобъ во упокои Бога молили, и молитву за нихъ воздавали къ Богу. Да и по ихъ кто ни будетъ, всѣ тѣ, обыскавъ ярлыки подавали. И нынѣ мы, по первомъ ярлыкомъ изыскавши, и думавши, и думавъ, не изыначиваемъ первыхъ ярлыковъ, потомужъ сего м-та Михаила пожаловали есмя. И онъ, какъ сядетъ на своемъ столѣ, молятъ Бога за насъ и за наше племя въ родъ и родъ, и молитву воздаеть. И тако есмя его пожаловали, что не надобь ему, ни его людямъ, ни всѣмъ церковнымъ богомольцамъ, попомъ, и чернцомъ, и бѣльцомъ, и ихъ людямъ, отъ мала и до велика, ни какова дань, ни которая пошлина, ни кормъ, ни питіе, ни запросъ, ни дары, ни почестья не воздають ни какова, ни служба, ни работа, ни сторожа, ни которые доходы, ни поминки, ни поклонное, ни выходъ, ни полѣтное, ни станное, ни вѣздное, ни мимоходное на дорожѣ послу, ни босмаку, или которому моему пошлиннику; и что церковные дома, воды, земли, огороды, винограды, мельницы, стада конскіе, скоть и овчїе, или что не буди ихъ, въ то ся у нихъ не вступаетъ никто, ни насилья да не творять имъ никакова, а кто будетъ взялъ не вѣдая и онъ отдасть безпосудно. А въ церковныхъ домѣхъ не стати никому, не рушити ихъ; а кто ся станеть ставити въ церковныхъ домѣхъ, или рушити ихъ, и тѣ люди отъ Бога во грѣсѣхъ будутъ, а намъ ся на кого пожалуютъ тѣ церковные люди, и тотъ отъ насъ не животною казнью казненъ будетъ; а кого нашихъ пословъ или пошлинниковъ убіютъ церковные люди надъ своимъ добромъ, тому телеватнѣ; а кого нашъ убіетъ церковныхъ людей, и тотъ самъ смертію да умретъ. И ты, Михайла м-тъ, возмольши, что такъ есмя пожаловалъ, да тѣмъ

домомъ церковнымъ, или землямъ, или водамъ, и въ огородѣхъ и виноградѣхъ, или надъ людьми своими что учинишь чрезъ пошлину, ино то на тобѣ. Или кто учинитъ татьбу, или ложь, или иное, какое злое дѣло, а не не имешь того смотрити, или слуги твои почнуть какову чужу церковнымъ людямъ твоимъ творити, ино то на тобѣ; и ты самъ вѣдаешь, каковъ отвѣтъ Богу за то воздати, и тотъ грѣхъ на тобѣ, а мы о томъ ничто же не имѣемъ, но за насъ къ Богу молитвы воздавай, дабы церковные люди во упокой за насъ молилися, понеже ты преже, а они потомъ; а мы о томъ ничего не молвимъ. Такъ рѣкши утвердихомъ со алою лентою ярлыкъ. Дали есмя овецъ лѣта, дарыка въ 708-е лѣто, солгато мѣсяца, въ 10 день нова. На великомъ лузѣ на рѣчномъ Орда кочевала. Написано.

(О достоверн. ярлыковъ. Грм, горьева. М. 1842).

169. Грамота митроп. Кириана Псковчанъ, 1395 г. май 12.

Се язъ Кирианъ митрополитъ кїевскїй и всїа Руси. Что есмя слышалъ, ажъ въ Псковѣ мїряне судятъ поповъ и казнятъ (*наказываютъ*) ихъ въ церковныхъ вещѣхъ, ино то есть кромѣ хрестьянскаго закона: негодится мїряномъ попа ни судити, ни казнити, ни осудити его, ни слова на него не молвити; но кто ихъ ставитъ святитель, но тѣ ихъ и судитъ и казнитъ и учитъ. А вы бы есте, дѣти мои, Псковичи отъ велика и до мала, чтобъ есте не судили поповъ, ни казнили ихъ, грѣха бы есте на свою душу не имали, ни зарока бы есте на всѣ Псковѣ не чинили. Слышалъ есмя и то, что *попы нѣкоторые молоды да вѣдо-*

али, а ни поповство оставили да поженилися; и того вамъ также не годится судить, чтобы есте ихъ во замали (не трогали) ничини; вѣдаетъ то Святитель, кто ихъ ставитъ, тотъ и поставитъ и извержетъ (лишитъ сана), и судитъ и казнить и учить; а вамъ негодится въ та дѣла вступатися. А кого церковь Божья и Святитель огласитъ, и вамъ по тому оглашенію годится такъ же держати его. А что земли церковныи или села, купили ли будутъ, или кто будетъ даль, умирая, которой церкови; а въ тѣ бы есте земли не вступалися никто отъ васъ, чтобы церковь Божья не изобижена была, занеже въ томъ великъ грѣхъ отъ Бога. Сего ради и азъ, по сану и по области (власти), юже ми далъ Богъ, учю васъ своихъ дѣтей, а вы моего слова слушайте; а кто сея грамоты не послушаетъ, не буди божья милости на немъ, ни моего благословенья; или кто послушаетъ, а милость божья на васъ. А дана грамота въ В. Новгородѣ, м. мая въ 12 день индикта 3, въ лѣто 6903.

(А. Ист. I, № 9).

170. Уставная в. м. Василия Дмитриевича и митр. Кириана 1390—1402.

Се азъ князь великій, съѣдъ съ своимъ отцемъ митрополитомъ кievскимъ и всеа Руси, управилъ есмь о домѣхъ о церковныхъ и о волостехъ, и о земляхъ, и о водахъ, и о всѣхъ пощлинахъ о церковныхъ. Судити м-ту Луковца съ волостелемъ или съ доводщикомъ, а судѣ моему вел. князя не быти; а боярамъ и слугамъ князя в. и митрополчимъ земль луковскихъ не купити, а ко-

торыи будутъ поупили; а тѣмъ лѣзти (имати) вовъ, а серебро свое взяти. А имати мнѣ князю в. дани съ Луку въ выходъ по своей грамотѣ по оброчной, а лише того оброка не имати; а бѣжы, ни рѣзанки, не имати князю в., но м-ту. А что Луковци ставили хорошы на князя в. дворѣ въ Володимерѣ, ино те обыскано, что то было учинилося ново, не по пошлнѣ, а нынѣча новадобъ Луковцемъ ставити хорошовъ на князя в. дворѣ. А Сенегъ его по тому, какъ обыскаво и управлено по старинѣ: кое князя в., те князя в.; а кое церковное митрополчѣ, а то митрополчѣ; а дань имати съ Сенгу въ выходъ по моей грамотѣ князя в. по оброчной, а лише того оброка не имати. А что села отца нашего митрополчи церковныи, которые даваны издавна и до Олексы м-та и те есла потануть къ митрополиту, какъ е при Олексы м-тѣ тили; а на тили сельхъ данцику и бѣлицку мовлу князя в. не быти; а дань имати съ тѣхъ сель въ выходъ по оброку по моей грамотѣ князя в. по оброчной, а лише того оброка не имати; а имѣ по старинѣ 6-й день, а коли мои села князя в. дадутъ тогда и митрополчи дадутъ. А что люди митрополчи живутъ въ городѣ, а тануть къ дворцу, а тѣхъ описавъ да положить на нихъ оброкъ, какъ и на моихъ князя в. дворчанъ. А Константиновскій монастырь извѣстный митрополчѣ и съ селы; также и Борисоглебскій монастырь и съ селы, какъ тагли издавна и при Олексы м-тѣ потануть и нынѣча потануть. А что села пошлые (давниѣ) монастырскихъ, въ тѣ села мнѣ князю в. не всылати, ни судити; вѣдаютъ ихъ и судятъ игумены; а будутъ судъ смѣсной ⁽¹⁾, ино прабытовъ

⁽¹⁾ Смѣсной судъ, въ которомъ тѣлущіеся будутъ и княжескіе и церковныи люди.

въ колы. А который человекъ мой князя в. ударить челомъ на игумена, или на попа, или на черныца, ино судъ вобчой; а не пригодится митрополита въ вел. княжествѣ, коли кудѣ отъѣдетъ въ свою митрополию дагѣ, а ударить кто челомъ мнѣ князю в. на митрополита, и мнѣ князю в. судити; а будетъ судъ смѣсной, ино прибытокъ на полы; а будетъ митрополитъ судъ, ино судитъ митрополитъ *намѣстникъ*. А также будетъ кто ударить челомъ мнѣ в. князю на митрополита *намѣстника*, или на десятичника, или на волостеля, и мнѣ князю в. судитъ самому. А митрополитимъ людямъ церковнымъ тамги не давати, какъ было и при Алексѣи м-тѣ; кто продастъ свое домашнее, тотъ тамги не дастъ; а который имеетъ прикупонъ который торговати, а тотъ тому дастъ. А коли дань дати въ Татары, тогда и оброкъ дати церковнымъ людямъ: а коли дань не дати въ Татары, тогда и оброкъ не дати церковнымъ людямъ; а съ Луку потому же отца нашего м-та киевского и всея Руси. А про войну, коли язъ самъ князь в. сяду на конь, тогда и митрополитимъ бояромъ и слугамъ, а подѣ митрополитимъ воеводою, а подѣ стягомъ (*знаменемъ*) моимъ в. Князя; а кто будетъ бояръ или слугъ не служиваеъ Алексѣю м-ту, а приказался ново митрополиту, а тѣ помдуть подѣ моимъ воеводою в. князя, гдѣ который живетъ, инъ подѣ тѣмъ воеводою и есть. А сборного и-ту имати съ церкви 6 алтынъ, а завада 3 денги, а болши того не надобъ ничто; а десятинику на десятину насѣдъ имати за въздное, и за божественное, и за петровское, пошлины 6 алтынъ, а болѣ того не надобъ ничто; а имати сборное о Рожествѣ Христовѣ, а десятинику имати своя пошлина о Петровѣ дни; а которые съборные церкви по городомъ не даывали сборного при Θεогностѣ м-тѣ и при Алексѣи м-тѣ, тѣмъ и нынѣча не

давати. А слугъ моихъ князя в. и моихъ данныхъ людей въ діаконы и въ попы митрополиту не ставити; а который поповичъ хотя будетъ писать въ мою службу, а въсчочетъ стати въ попы или въ діаконы, ино ему велено стати; а поповичъ, который живетъ у отца, а хлѣбъ ѣсть отцовъ, ино той митрополитъ: который поповичъ отдѣленъ и живетъ отъ отца, а хлѣбъ ѣсть свой, а т мой князя в. А писана грамота на Москвѣ, м. июня въ 28 день, индикта в. 12, въ лѣто 6900.

(А. Арх. Эксп. I, № 9).

См. Ист. гос. рос. V, пр. 233. Опис. Киѣвскихъ соб. пр. № 3.

171. Грамота архіепа. новгородс. Іоанн 1458—1471.

По благословенью преосв. господина и осподаря архіепа. В. Новгорода и Псков: владыкы Іоанн, се урядишася христіан: Робиичане (1) съ архиман. Григоріемъ: съ попы и съ черенци Юрьева мон. Феодоре, Смене Онкудинове, Овдоте Максимове, Софонтеи Васильеве, Петре Сидорове и вси христіане Робиичане: давати имъ успы (*отсылкаю хлѣба*) и житицию 30 коробей ржи, 30 овса, и правую мѣру в Новгороцкую. А возити имъ самимъ той хлѣбъ въ монастырь св. Спаса и св. Георгия. А поселникамъ поселье по старинѣ. А коли архиман дритъ приѣде на подѣздъ: стояти ему и стану двѣ ночи. А пива положити христіаномъ довольно. А хлѣба и вологи рыбное и мясное довольно. А конемъ овса

(1) Робиичинской волос. крестьяне въ Старо рус. у.

сѣна довольно. А дару архимандриту на томъ стану 2 гривень. Столнику полкоробья ржи; Чашнику полкоробья ржи; попу съ черицомъ коробья ржи; дякону четвертка; повару съ конюхомъ коробья ржи; молодцамъ коробья ржи; козначію с повозаникомъ четвертка ржи; приста-вомъ новгородскимъ полкоробья ржи. А коли архимандритъ на подѣздъ не поѣде: ино тогда пошляничкомъ пошляны вси не надобѣ. А архимандритъ даръ 5 гривень

поставити хрестьяномъ в монастыри. А не почнутъ хрестьяне управиватися в тѣхъ успахъ и въ тѣхъ пошлянахъ, ино увѣдается съ ними архимандритъ и попы и черицы по старымъ по княжимъ гра-мотамъ и по новгородскимъ.

Подлинная писана на пергаментѣ.

(Чт. общ. 1861, 2, III).

Б. П Р Е Д А Н І Е.

172. Видѣніе Спасова образа.

Во св. Соѣзы премудрости божіи, въ В. Новѣградѣ, во время божественныхъ службы, стоялъ Дмитрей Ласкпревъ, и призва соѣз-скихъ священниковъ Прокошія съ товарищи, и воззрѣвъ на образъ милосерднаго Спаса, иже и донынѣ стоитъ на правомъ клиросѣ, на столѣтѣ, противъ мѣста владычя, и во-просилъ ихъ Дмитрей: вѣдомо ли вамъ про ту икону каковъ слухъ? Они же ему отвѣща-ли: слухъ, господине, таковъ, что не одна та икона изъ Корсуни привезена греческаго пис-ма. И Дмитрей отвѣща: у насъ де въ мудрыхъ людей слухъ идетъ, да и писаніе въ нашей греческой землѣ есть, что та икона прежде Владимірова крещенія бѣ въ Царѣградѣ, а писмо Мануила царя греческаго: нѣкогда, убо, ѣхалъ царь Мануилъ на свою потребу, и узрѣ священника неподобно дѣлающа, и повелѣ на него возложить раны нещадно; и въ ту ночь явился Мануилу царю Спасъ тѣмъ образомъ, яко же на иконѣ написалъ Мануилъ царь, и рече ему царю: почто восхващаеши святитель-

скій судъ, егже ти не предахъ? тебѣ предано начало въ челоуѣцѣхъ и отъ супостатъ обороняти, святителемъ же повелѣно духовнѣ възати и рѣшати; и повелѣ Спасъ пришед-шимъ, указываючи пречистымъ своимъ пер-стомъ, яко же нынѣ видимъ на иконѣ напи-сано, ангеломъ, возложить раны на царя Ма-нуила Греческаго; и возбнувъ царь слышалъ раны тяжки на тѣлѣ своемъ, и возставъ при-тече ко иконѣ Спасовѣ, и узрѣ руку Спасову указующу вѣзу, а не такъ, яко же онъ на-писалъ прежде, и восплакася горцѣ царь, и отголѣ неучалъ святительскаго суда восхица-ти. Та же и нынѣ чудотворная икона у Бо-городицы Успенія въ соборной церкви стоитъ, въ царствующемъ градѣ Москвѣ; а здѣсь у Соѣзы премудрости божіи, въ Новѣградѣ, списокъ съ того чудотворнаго образа Спасова стоитъ и донынѣ въ церкви на правой стра-нѣ, противъ владычя мѣста, приходящимъ православнымъ хрестьяномъ по поклоненію, еже и донынѣ зрима есть.

(III Нов. 211—212 годѣ 1045 г.)

2. ПО ДЪЛАМЪ СВѢТСКИМЪ.

А. ПАМЯТНИКИ ЦИСЬМЕНЦЫЕ.

173. Правда Русская.

1) Оубьеть моужь моужа, то мьститъ братоу брата, или сынови отца, либо отцю сына, или братоу чадоу, либо сестриноу сынови; аще не боудеть кто мьстя, то 40 гривенъ за голову: аще боудеть роусинъ, либо грядинъ, либо коупчина, либо абетникъ, либо мечникъ, аще изъгом боудеть, либо словенинъ, то 40 гривенъ положить зань. 2) Или боудеть кровавъ или синь надъраженъ, то не искати емоу видока человекю томоу; аще не боудеть на немъ знаменія никотораго же, толи приидеть видокъ; аще ли не можетъ, тоу томоу конецъ. Оже ли себе не можетъ мьстити, то взяти емоу за обиду 3 гривнѣ, а лѣтцю мѣда. 3) Аще ли кто кого оударитъ батогомъ, либо жердью, либо пястью, или чашею, или рогомъ, или тылеснью: то 12 гривнѣ; аще сего не постигнуть, то платити емоу: то тоу конецъ. 4) Аще оутнетъ мечемъ, а не вынемъ его, либо роукоятю: то 12 гривнѣ за обиду. 5) Оже ли оутнетъ роукоу, и отпадетъ роука, либо оусохнетъ: то 40 гривенъ; аще боудеть нога цѣла, или начьнетъ храмати, тогда чада смирять. 6) Аще ли переть оутнетъ которыи либо: 3 гривны за обиду. 7) А во оусѣ 12 гривнѣ; а въ бородѣ 12 гривнѣ. 8) Оже ли кто вынезь мечь, а не тнетъ: то тѣи гривноу положить. 9) Аще

ли ринеть моужь моужа, либо отъ себе, либо къ собѣ: 3 гривнѣ; а видока два выведеть, или боудеть варягъ или колбягъ, то на ротоу. 10) Аще ли челядинъ съкрыется, либо оу варяга, либо оу кольбяга, а его за три дни не выведутъ, а познають и въ третии дешь: то изымати емоу свои челядинъ, а 3 гривнѣ за обиду. 11) Аще кто поѣдетъ на чюжемъ конѣ, не прошавъ его, то положить 3 гривнѣ. 12) Аще пойметъ кто чюжь конь, либо оружје, либо портъ, а познаеть въ своемъ мироу: то взяти емоу свое, а 3 гривнѣ за обиду. 13) Аще познаеть кто, не емлетъ его, то не рци емоу: мое; въ рци емоу тако: помди на сводъ, гдѣ еси взялъ; или не помдетъ, то пороучника за пять дни. 14) Аже гдѣ възыщеть на друузѣ проче, а онъ ся запырати почнетъ: то ити ему на изводъ предъ 12 человекъ, да аще боудеть обидя не вдалъ боудеть достоинно емоу свои скотъ, а за обиду 3 гривнѣ. 15) Аще кто челядинъ пояти хочеть, познавъ свои, то къ ономоу вести, оу кого то боудеть коупилъ, а томъ ся ведеть о друугомоу, даже доведеть до третього, то рци третьемоу: вдай ты мнѣ свои челядинъ, а ты своего скота ищи при видоцѣ. 16) Или холопъ оударитъ свободна моужа, а бѣжитъ въ хоромъ, а господинъ начнетъ не дати его: то холопа пояти, да платитъ господинъ зань 12 гривнѣ; а за тѣмъ где его

нагъзоуть оудареныи тот моужь, да бьютъ его. 17) А иже наломитъ копье, либо щитъ, либо портъ, а начнетъ хотѣти его держати оу себе, то пріати скота оу него; а иже есть наломилъ, аще ли начнетъ примѣтати, то скотомъ емоу заплатити колько далъ боудеть на немъ.

Правда оуоставлена Роусьской земли, егда ся съвокупилъ Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ, Коснячко, Перевъгъ, Микыфоръ Кыянинъ, Чюдинъ, Микула:

18) Аще оубьютъ огнищанина въ обиду, то платити за нь 80 гривенъ оубици, а людемъ не надобъ; а въ подвѣздомомъ князи 80 гривенъ. 19) А иже оубьютъ огнищанина въ разбой, или оубища не ницоуть: то вирное платити въ нем же ви. р. и голова начнетъ лежати. 20) Аже оубиютъ огнищанина оу клѣти, или оу коня, или оу говада, или оу коровѣ татыбы, то оубити въ пса мѣсто; а тоже поконъ и тивоушицоу. 21) А въ княжи тивоунѣ 80 гривенъ; а конюхъ старши оу стада 80 гривенъ, яко оуоставилъ Изяславъ въ своемъ конюсѣ, его же оубилъ Дорогобоудци. 22) А въ сельскомъ старостѣ княжи и въ ратанинѣ 12 гривенъ; а въ рядовици княжѣ 5 гривенъ. 23) А въ смердѣ и въ хонѣ 5 гривенъ. 24) Аще роба кормилица, либо кормилицы, 12. 25) А за княжъ конь, иже тотъ съ пятномъ, 3 гривенъ; а за смердѣи 2 гривенъ. 26) За кобылоу 60 рѣзанъ; а за волъ гривноу; а за коровоу 40 рѣзанъ; а третьякъ 15 коунъ; а за ломъщиноу полъгривнѣ; а за теля 5 рѣзанъ; за яря нота; за боранъ ногата. 27) А оже оуведеть чюжь холопъ либо робоу, платити емоу за обиду 12 гривенъ. 28) Аще же приидеть кровавъ моужь либо синь, то не искати емоу послуха. 29) А иже крадетъ либо конь, либо вала, или клѣтъ, да аще боудеть единъ крадъ, то гривноу и тридесять рѣзанъ платити емоу; или ихъ будеть 18, то по трѣ гривенъ и по 30 рѣзанъ платити моужевн. 30) А въ

ниже борти 3. гривенъ либо пожгутъ, либо изаудроуть (1). 31) Или смердъ оушоучать, а безъ княжа слова, за обиду 3. гривенны. 32) А въ гнищанинѣ и въ тивоуницѣ и въ мечници 12 гривенъ. 33) А иже межоу переореть либо перетестъ, то за обиду 12 гривенъ. 34) А оже лодью оукрадеть, то за лодью платити 30. рѣзанъ, а продажи 60 рѣзанъ. 35) А въ гелюубѣ и въ коурати 9 коунъ. 36) А въ оуткѣ, и въ гоусѣ, и въ жеравѣ, и въ лебеди 30. рѣзанъ, а продажи 60 рѣзанъ. 37) А оже оукрадоуть чюжь песь, либо ястребъ, либо соколъ, то за обиду 3. гривенны. 38) Аще оубьютъ тата на своемъ дворѣ, либо оу клѣти, или оу хлѣва, то тотъ оубитъ; аще али до свѣта держать, то вести его на княжъ дворъ; а оже ли оубьютъ, а люди боудоуть видѣти связанъ, то платити въ немъ (2). 39) Оже съно крадоуть, то 9 коунъ; а въ дрехехъ 9 коунъ. 40) Аже оукрадоуть овъцоу или козоу или свищю, а ихъ боудеть 10 одноу овъцоу оукрадѣ, да подожать по 60 рѣзанъ продажи. 41) А хто изымалъ, тому 10 рѣзанъ; а отъ гривне мечникоу коуна, а въ девятикоу 15 коунъ, а князю 3 гривенны; а отъ 12. гривноу смѣцю 70 коунъ, а въ десятиноу 2 гривенъ, а князю 10 гривенъ.

42) А се поклонъ вирныи: вирникоу взяти 7 вѣдоръ солодоу на недѣлю, тѣже овенъ, либо полеть, или двѣ ногатѣ; а въ среду рѣзанеу, въ три же сырн, въ пятницоу такоже; а хлѣба по колькоу моугоуть яети и шана; а куръ по двое на день; конѣ 4 поставити и соути имъ на

(1) Къ этой статьѣ въ списокъ Ростовскомъ прибавлено: а въ смердѣ 2 гривенъ (чит. гривенъ).

(2) За этой статьѣ въ списокъ Ростовскомъ слѣдуетъ непосредственно слѣдующая статья, которой недостаетъ въ списокъ Академическомъ: Оже убьютъ тата, а поминуть ноги во дворѣ, ино убить; али подымуть ноги за ворота, толи платити въ немъ.

ротъ колько могууть зобати; а вирникоу 60 гривенъ и 10 рѣзанъ и 12 вѣверици; а передѣ гривна: или ся пригоди въ говѣніе рѣбами, то взяти за рыбы 7 рѣзанъ: тѣ всѣхъ коунъ 15 коунъ на недѣлю; а борошна колько могууть изъести. До недѣли же виро зберуть вирници. То ти оурокъ Ярославль.

43) А се оурокъ мостыниковъ: аще помостивше мостъ, взяти отъ дѣла ногата, а отъ городнищи ногата; аще же боудеть ветхаго моста потвердити нѣколко доскъ, или 3, или 4, или 5, то тоже. —

(Текстъ Рус. Правды. Изд. Н. Калачова. М. 1847).

Здѣсь напечатана Рус. Правда по Академич. сп. XV в. Объ источн. Рус. Пр. у Калачова Предварит. юрид. свѣд. для объясн. Рус. Пр. М. 1846, 1—43.

Русская Правда не есть только документъ, но преимущественно источникъ и выраженіе права, господствовашаго въ древнѣйшей Руси. Ярославъ, какъ и послѣдующіе князья-законодатели не были сочинителями, авторами Правды, а только собирателями и редакторами юридическихъ убѣжденій, господствовавшихъ въ ихъ время въ народѣ. Эти убѣжденія приобретаются медленно, мѣняются еще медленно, и служатъ повою для сборниковъ цѣлыя вѣки. Чего не подмѣтитъ и не соберетъ одинъ изъ законодателей, остается въ народныхъ обычаяхъ до слѣдующаго дѣятеля, который вноситъ въ актъ свой посильный сборъ, и вызываетъ наследниковъ къ той же дѣятельности. И только всѣ редакци вмѣстѣ могутъ послужить зеркаломъ всей суммы юридическихъ понятій и установленій известнаго народа, въ известную эпоху.... (Рус. Нар. и Госуд. Лешкова. М. 1852 147. 208).

174. Книга Володимера рукописанію. 1287.

Во имя Отца и Сына и св. Духа. Молитвами св. Богородица и Приснодѣви-

ца Марья и святыхъ ангелъ. Се азъ князь Володимеръ, сынъ Василковъ, внукъ Романовъ, даю землю свою всю и города, по своемъ животѣ, брату своему Мьстиславу, и столный свой городъ Володимеръ; другую же грамоту напсашъ брату своему такую же; хочю и еще и княгинѣ своей псати грамоту такую же.

Въ имя Отца и Сына и св. Духа. Молитвами св. Богородица и Приснодѣвица Марья, святыхъ ангелъ. Се азъ князь Володимеръ, сынъ Василковъ, внукъ Романовъ, пишу грамоту: дагь есмь княгинѣ своей, по животѣ своемъ, городъ свой Кобринъ, и съ людьми и съ данью, како при мнѣ даяли, тако и по мнѣ ять (пусты) дають княгинѣ моей. Аже дагь есмь ей село свое Бородѣль, и съ мытомъ, а людѣе како то на мя страдагь (работали), тако и на княгиню мою по емъ животѣ; аже будеть князю городъ рубити, и ни къ городу, а наборомъ и Тотарычною ко князю. А Салово, и Семно же дагь есмь княгинѣ своей, и на настыръ свой Апостолы же, создахъ и своею силою. А село есмь купилъ Березовичѣ Урьевича у Давыдовича Оодорка, а дагь есмь на немъ 50 гривенъ кунъ, 5 локоть скорлата да бронѣ дощатые: а тогь дагь есмь ко Апостоломъ же. А княгини моа, по моемъ животѣ, оже восхочеть въ черницѣ пойти, поидеть; аже не восхочеть ити, а како ей любо, мнѣ не воставши смотрѣть, что кто иметь чинити по моемъ животѣ.

(Ипат. 215).

175. Духовная Новгородца Климентя XIII в.

Во имя Отца и Сына и св. Духа. Се азъ рабъ божий Климентъ даю св. Гер-

гью и игумену Варламу и всем братьѣ, что взялъ есмь 20 гривнъ серебра на свои руки св. Гергью, было ж бы мнѣ чимъ заплатити. Даю за все за то два села съ обляемъ и съ лошадыи и съ бортью и съ малыи селящи, и пень и колода одерень св. Гергью, а заводникъ сусѣдъ мой Опаль. А Калысту есмь далъ Микшинское село съ огородомъ и съ бортью; а Воиновы сынови Андѣдрѣю даю Самуиловское село и пень и колоду и съ бортью тоже есмь не даромъ далъ платилъ за мене Данило и Воинъ искупъ. Литовскимъ Володиславу Даниловичю даю сввыи жеребець, а Васляю брату даю щить Вѣиновскимъ оже Вельямино вѣскимъ жеребечь. А свою жену приказываю игумену Варламу и всемъ братьѣ а изъ свиней на моихъ Самуилѣ дайте боровъ лутьшии, а въ скотѣ—въ овцяхъ и въ свиньяхъ роздеалити съ женою моею на полы, а жена моя пострижется въ чернице, есть ей чимъ ся пострици, и дворъ городскимъ ей же даю, а проче кланяюся игумену и всемъ братьѣ, а жена моя пострижется въ чернице, то вы дайте ей четверть, отъ не будетъ голодна или того не въслушаетъ, а ничто мѣншее дайте ей. Хотя подо мною что останѣтся или лошакъ или оружье то все даю св. Гергью, а про куны чимъ то ся ми было вамъ платити въ купецкомъ сътѣ у Фомы 8 гривнъ возьмите, а у Борьки 4 гривне, у Фомы у Моръшина особьнеи 2 гривне безъ 2-ю ногату, а на поральское серебро наклада възяти Климяте на Борьке 13 ногате и гривна, а у Савиница съимати Климяте съ Боркою пять гривнъ, а въ томъ Борьке третина, а у Козѣ—вътши 2 гривне Климяте възяти, а у Микфорца 40 резанъ, а Жихневе даи... у Хотъвита възяти Климяте гривна солоныхъ куць у... чья полъ гривны у Къзя... а полъ гривны на Дуранѣ 7 гривнъ у Михальца полъ гривне у Еремея безъ 10 резанъ 2 гри-

вне, у Гюргя 13 ногате, у Климяте гривна у... тше гривна. И ли кто почнетъ ся заирати того, тѣ станеть со мною передъ Богомъ; а ты, Варламе, исправи. Того дѣла написахъ за нѣ да не было у мене брата, ни сыну; аже кто вѣступити на сю грамоту да не со мною съ однимъ станеть прѣ Богомъ, съ всеми моими племенемъ (родствомъ).

(Свѣд. и Зап. о малоризв. и неизв. памяти. Срезневскаго Спб. 1867. IV, 38—42).

Эта замѣчательнѣйшая грамота, касающаяся юридического быта Русскаго народа, объяснена такъже.

176. Радна Тѣшата до 1299.

Се порядися Тѣшата съ Якимомъ про складство про первое и про заднеи. И на дѣвкѣ Якимъ серебро взялъ. А мнѣста Тѣшитина у Якимовы жены свободна Тѣшатѣ взяти. И роцетъ учинила прожежи себе; а болѣ не надобѣ Якиму Тѣшата, ни Тѣшатѣ Якимъ. А на томъ по слуси: Довыдъ пошъ, Дорожка Домославъ, Вѣкошкинъ Боянъ, Кузма Лойковичъ, Жидило Жихновичъ, Иванъ Смолянинъ. А кто сий рядъ переступитъ, Якимъ ли, Тѣшата ли, тотъ дастъ 100 грив серебра. А псалъ Довмонтовъ пи-сець.

(Зап. Археол. общ. III).

См. Радную XIV в. О малоризвѣстн. пам. III. 79—81.

177. Жалованная в. к. Иоанна Даниловича людям новгородского Юрьева монастыря, живущим на Волокѣ 1338—1340.

Се изъ князь в. Иванъ Даниловичъ всеа Руси, пожаловалъ есмь, Бога дѣля и св. дѣля Юрья, архимандрита Есифа и всей братьи: что земля св. Юрья на Волоцѣ, кто сядетъ на земли св. Юрья, далъ есмь имъ волю, ненадобѣ имъ потягнути къ городу ни въ которую дань, ни въ подводы, ни въ кормы, ни въ стань, ни въ который проторь; а волостелемъ ихъ Волоцкимъ на Волоцѣ не судити, опрочъ татбы, и разбой и душегубства, а то судити ихъ человекъ св. Юрья промежи собою; а по в. князя слову волостелемъ ихъ волоцкимъ блюсти, а не обидѣти, Бога дѣля и св. дѣля Юрья: а коли розмирье князю в. съ Новымгородомъ, а тогда ихъ въ безадщину не ставити, ни обидѣти ихъ въ то время, но живутъ оприся въ брезѣ (беревеньи) князя в.; а архимандриту тяглыхъ людей волоцкихъ не примати, такоже и изъ очины Князя в. изъ Москвы людей не примати; а кто дѣтій мнихъ, или братьи моее, мое данье порушить, а то судити ему Богъ и св. Геворгіи въ страшное свое пришествіе, а князю в. дасть сто рубля; далъ есмь сю грамоту и въ вѣки.

(А. Арх. Эксп. I, № 4).

178. Изъ Вислицкаго Статута, даннаго Польскимъ королемъ Казиміромъ III въ 1347.

Статья 2. О границахъ дѣдичныхъ и рѣчныхъ частыхъ споры. О границахъ дѣдичныхъ и рѣчныхъ частые споры межъ нашими подданными бывали, и зъ того бывали великіи наклады и шкоды и хлопоты: про то, гдѣ

рѣкы текутъ межъ имѣніи, а каждый имаетъ свой берегъ; а колижъ тая рѣка учинитъ собѣ инуды берегъ, а не человеческимъ чиненіемъ, але своею силою, тогда первѣйшая тутъ имаетъ быти правая граница.... езерѣхъ, колижъ обоколь езера люди живутъ, ижъ волю имъ рыба ловити; а такоже берегъ рѣкы коли будетъ человеческимъ чиненіемъ оборочень, завжды первѣйшій берегъ— граница.

— 14. *О судьяхъ, сколько каждая земля имѣеть имѣть, и судъ имъ.* Ижъ изъ многихъ судовъ одна жалоба была ровно сужена, про то мы хотячи имѣти вѣдомыи судьи, уставляемъ: одинъ у Краковской земли, а другой у Сулемирской нашъ судья имѣеть быти; а коли ся намъ пригодъ прѣзъати до которой земли, тогда судья той земли имѣеть судити, при нашемъ дворѣ, о которыхъ коли жалобахъ великихъ или малыхъ, а либо тежъ дѣячныхъ; а року отъ трехъ недѣль дальши не имаютъ откладать; какъ борздо жалоба стается дѣтинна, тогда судья, а либо подсудокъ маотъ намъ сказать тую жалобу, а мы съ нашими паны, зъ нашего радою, маемъ досмотрѣти; и если уже не будемъ тамъ, тогда, шесть, а либо чотыри... , прилучаемъ судѣ или подсудку, што имаютъ тую рѣчь осудитъ нашего мощью.

— 19. *Которыи приходять къвалтомъ къ суду за племенемъ, а либо за слугами.* Частокротъ прихожається, ижъ нѣкоторыми за своимъ племенемъ, а либо за слугами приходять мощью на судъ и силою права отводять: про то приказуемъ мы, а бы того дальшъ небыло; а которыи будутъ у томъ найдены, тогда вина на нихъ у нашей коморѣ пятьнацать.

— 25. *Судья не имѣеть дѣцковати слать, одно два слыи.* Чаресъ великіи заклады частокротъ убогихъ люди бывають утиснены, а то тыиъ, ижъ

ихъ много у-купѣ бздано, а много людемъ зло чинили, и киваломъ брали (а на то индѣ-призволяли судья): про то хочемъ, абы судья, а либо подсудокъ къ дѣцковашю большъ не слѣзи, одно двухъ слугъ съ служебникомъ. А который будетъ судомъ осуженъ, а либо виноватъ изнайденъ, абы такихъ не граблено. А также уставляемъ: гдѣ коли волю, а либо иныши реча у закладъ берутъ, а панъ речеть того села, а либо кмети, ижъ безъ вины берутъ; тогда мають тую животину, или тыи речи на поруку дати, а ижъ имѣють рокъ дати, абы ся исправили: будутъ ли правы, тогда судья и подсудокъ и тыи слугы имѣють паномъ тымъ и кметемъ кажды платити вину. 15.

— 30. *Хто коли бываетъ ожалованъ о злодѣйствѣ.* Хто коли будетъ о злодѣйство ожалованъ, уставляемъ, изъ поводъ того ожалованного въ годъ маеть моцъ къ праву позвать: ачь годъ минеть, а хочеть тую речъ обновить, тогда имѣеть добрыми, почесными людьми досвѣтчить, ижъ правдиво тую речъ ведеть.

— 31. *Которые торговли, а либо тынези дають въ позычь земляномъ.* Хотячесь хлосотомъ конецъ учинить, уставляемъ: коли жъ который мѣщанинъ а либо сукна, а либо инымъ торгован которому землянину безъ запису поверить, а у право съ нимъ поидеть; тогда имѣеть тотъ мѣщанинъ добрыми людьми на него досвѣтчить, а запретцаль, тогда имѣеть самъ своею рукою отприсячь.

— 36. *Хто будетъ раненъ у свады, а либо кромъ свады.* Жалобу чинилъ Петръ на Яна, ижъ его ранилъ; Янъ отповѣдалъ же самъ его ранилъ, а на то хотѣлъ свѣдѣцтво указать ему. Мы сказуемъ: если жъ у свады ихъ ранилъ ся, тогда Яново свѣдѣцтво маеть быти припущено; если же кромъ свады

будеть раненъ, тогда Петръ маеть присячь свои раны.

— 53. *О братьи, што едины млыны мають.* Францикъ, а Фалко, а Индрихъ, три братенники держали одного млыняря; Индрихъ, третій братъ о нѣкоторыхъ проступкы выдалъ млыняря во право; пришедши другой братъ Фалко, жаловалъ на Индриха, ижъ бы его млыняря несправедливе выдалъ. Мы узнаваемъ, ижъ годится каждому о свою кривду жаловать и сказуемъ Индриха правого.

— 54. *О пустошицнн сельской, а либо мѣстской.* Коли жъ нѣкоторый людъ, а либо кметъ умреть безъ дѣтей, тогда панъ его увязуется въ пустошицну. Прото мы нынѣ укладаемъ тотъ обычай: съ того имѣнія, будетъ ли, абы келихъ учиненъ былъ за полторы гривны къ церкви, гдѣ прибѣгалъ; а остатокъ, и то ближнимъ и пріятелемъ штобы дано.

— 55. *О позыченью коня.* Миколай жаловалъ на Матѣя, ижъ ему, яко пріятелю, коня позычилъ здороваго на дорогу, а коли жъ ему за ся вернулъ и тотъ конь хромалъ; а рекъ тотъ Матѣй, ижъ ховалъ его, якъ же и своего влостного, а не вѣдалъ тоъ ему хромоты. Тогда мы сказуемъ: Матѣви того коня 2 недѣли ховать; а будетъ здоровъ за тыи 2 недѣли, ино добро, а не будетъ здоровъ, иметь ся пріятельски расправитъ.

— 68. *Хто у правъ Нѣмецкомъ, а поживаетъ Польскаго.* Подлугъ устанленія святыхъ Отцовъ, законъ есть: тому право стратитъ, хто своего прѣва не поживаетъ..... есть много пановъ, штожъ имѣють права Нѣмецкая у своихъ селѣхъ, отъ насъ позычены, а либо отъ нашихъ предковъ; а они опущаютъ Нѣмецкое право, а ведутъ ся подлугъ Польскаго права..... Уставляемъ: ачь будетъ не гдѣ жалоба на нихъ у Нѣмецкомъ правѣ, а они недержатъ, тогда они стратили свое право, не могутъ ся про-

тивъ..... боронити; про то мы хочемъ: гдѣ жъ будетъ проступка, подь которыми правошъ..... тымъ жъ правомъ будетъ осуженъ.

— 75. *О зашешень огню и о раненіи человека.* Жаловалъ Идикъ на Фалка, ижъ ему у его дому, у вечерь, сталася свада: пришедши Фалко и зашешъ свѣчю, а въ томъ-то зашешень Идика невѣдомо кто уранилъ; Фалко позналъ, ижъ свѣчю погасилъ, а ураженъа запрелъ, штобъ его урашилъ. Мы подлугъ присяги Идиковы, присужаемъ Фалка виноватаго на ту рану.

— 76. *О пастухъ овечьемъ.* Идикъ жаловалъ на пастуха, ижъ далъ ему овцю во статокъ его пасьвити, а оиать овцы не мѣлъ за ся отъ пастуха; а пастухъ рекъ, ижъ тую овцю пригонилъ до села. Мы сказуемъ: пастухови присячь, ижъ тую овцю пригонилъ до села.

— 82. *О лихвъ жидовской.* Лихва жидовская не имѣетъ нигды насыщенія: про то мы и рада наша уставляемъ, абы Жидове,.... неприятелѣвѣ вѣры христойнскоѣ, и на лихву пѣнези дають, не имають большъ брать на недѣлю только 10 пѣнезь..... пѣнези давають на записы, а лихвы не дають два годы, штобы ся ихъ лихва множила; а у тыхъ двухъ годѣхъ не упоминаються, а ни на сулъ ведутъ: а по двухъ годѣхъ, уже имъ далѣй нѣтъ лихвы жадноѣ, и ни записомъ имѣють поминать..... а ни тотъ, хто ся имъ записалъ, не иметъ имъ запису..... поминть.

— 87. *О рдненью кметя судъ.* Коли кметъ будетъ раненъ до крови, а любо ураженъ сромотнѣ, тогда ему приидеть двѣ части за раны, а третья часть судѣ.

— 89. *О битви рыцарскомъ, а любо шляхтича и кметя.* Ачь рыцерь, а любо шляхта шляхтичу рану учинить до крови, имѣетъ ему платити за рану

15; а будетъ ли не рыцерьскій человекъ, ино гривна грошей; а будетъ ли кметъ, ино шесть шкотъ.

— 91. *Хто кому што сильно возьметъ.* Такожъ, который шантель, а любо иншую речъ возьметъ у кого водемъ своею, рукою маеть ему за ся вернуть подь виною 6 гривень.

— 92. *О орань чужого поля.* Ачь хто чужую роль оретъ, а любо съетъ, своего насѣнья истратитъ, а вины за платитъ 15.

— 93. *Хто кому силою волю возьметъ.* Коли хто кому четыре волю возьметъ силою, а будетъ на то досвѣтченъе: зазашешканье тыхъ воловъ и работы, за каждую недѣлю имѣетъ платити 4 скотца, зъ виною 15, а судови другая 15.

— 94. *Хто сьно силою беретъ.* А такожъ, хто кому силою возьметъ возъ сьна квалтомъ, имѣетъ платитъ 3 гроши, а вины 15 гроши, а судови другая 15.

— 106. *О сильнику на дорозъ.* Мартинъ жаловалъ на Миколу, ижъ вынялъ ись колиты осмь копъ грошей, квалтомъ, на добровольной дорозъ, у торговую днину; Миколка отповѣдалъ, ижъ бы не по правдѣ на него жаловалъ, а ни тежъ бы тыи пѣнези истрачены, и хотѣлъ ся очистити..... 6 свѣтковъ. А мы сказуемъ: штобы было очищеніе 12 свѣтками добрыми, а не мнѣй.

— 108. *Хто порубить древо овоцное.* Уставляемъ: ижъ за кажное древо, овоцъ имающее, будетъ ли зрубано, 12 грошей заплаць за шкочу, а вины 15.

— 129. *О усильтя дѣвокъ, а любо жонокъ, а любо вдовъ.* Гдѣ коли дѣвка, а любо жонка, а любо вдова будетъ на поли, а любо въ селѣ усилвана, и она крикомъ и плачомъ освѣтитъ свое усилваніе, а.... знамена знаидаены будутъ, а люди то предъ судомъ вызнають, которыми она свѣтила: тогда

тотъ имѣть (быти) казенъ, подлугъ вины писаноѣ о усмьствѣ. А будетъ ли тая дѣвка, а любо жонка неправнѣ жаловала, изнамени ей не будетъ: тогда тотъ, на кого она жаловала, имѣть ся очистити самъ—семь, такъ добрыми людьми какъ и самъ.

— 130. *Который будетъ тройчи обажень о злодѣйство, а любо о разбой.* Уставляемъ и сказуемъ: коли хто будетъ тройчи обажень предъ судомъ о злодѣйствѣ, а любо о разбой, и цереможень, а любо нѣкоторую речъ злодѣйскую лицомъ выимуть, а любо вернуть, навѣки жадноѣ чти не имѣть имѣти (не будетъ); а будетъ ли ему присужено свѣдѣчствомъ ся очистити, а одинъ свѣтокъ будетъ згодный: для того не будетъ у соромотѣ, але шкодникови, кому занкодѣль, имѣть до сытъ учинити.

— 137. *Коли кметъ утечетъ отъ своего пана.* Колижь отъ насъ, а любо отъ нашего пана, намъ послушного, кметъ утечетъ, для гнѣва пана своего, а панъ правомъ добудеть, а ояъ ся нехочеть вернуть за ся: тогда, мы сказуемъ, ижъ тотъ кметъ имать платъ пану своему вину 3 гривны; ачъ платъ рочный имѣть платити ему, какъ и дотоль ему платилъ, а тыщъ будетъ правъ тотъ кметъ, отъ своего пана..... А коли у Нѣмецкомъ правѣ кметъ о сядеть, тогда не можетъ отъити отъ пана, одно дѣдичство продавше, а умѣсто себе, кмется, такъ богатога какъ самъ, осадитъ, а любо поля ему взореть и справитъ, и гораздо оспеть озимного и яриного и отдасть пану своему: тогда можетъ пойти, гдѣ хочеть.

— 138. *О жидѣхъ, штобы недалеко християномъ пьезей.* Колижь жидовскій умьслъ и злость ихъ есть на то, какъ бы християново убожело, еще ся намъ заподобно видѣло....., штобы ни одинъ жидъ, у нашей земли, напому християну пьезей не давалъ на записы,

а ни на листы, одно на закладъ, подлугъ старого обычая.

(А. Западн. Рос. I, № 2).

См. о Литовскомъ Статутѣ. В. Веревинскаго. Еженед. прибав. къ Рус. Инвалиду 1864 г. № 27. Русская Правда и Литовскій Статутъ. Леонтовича. Уч. Зап. Киевс. Универс.

179. Новгородскія и дѣшскія купчи ок. 1350.

а. Се купи Кондрать у Степана у Прокшина землю, отцину его, дворъ и дворище, горней земли, 4-ры поляны и притеребъ за улицею, 4 лоскуты на Юрмоли земли, и у перевѣслищахъ, и въ тонахъ, и въ ручьѣхъ отцины его, чинъ владѣль Степанъ. И далъ Степану Кондрать на всемъ томъ 3 рубли, овъцю пополонка; а купи собѣ одернъ и своимъ дѣтемъ. А на то послуем (свидѣтели) Ив. Капустинъ, Фед. Павловъ, Ив. Костковъ, Сем. Микифоровъ, Сидоръ Борисовъ.

(А. Юрид. № 71, XVIII).

Притеребы—распаханная вновь земля. *Перевѣслища*—мѣста и свасты для ловли птицъ. *Пополонка*—въ продажу; *одеренъ*—вѣчно. Прежде въ азъчествѣ была дерновая присага, отъ которой произошло самое сл. одеренъ. (См. выше № 14).

б. Се купи Михайло Оеромѣвичъ, у попа у Ортемья, село въ Кехтѣ въ Малой, дворъ и дворище, на горѣ орани земли и притеребы, и въ островѣ орани земли, и пожьнѣ, и рѣпѣща, и притеребы, и тони, и прикупъныи земли, и ловища всякѣи того села, чѣмъ володѣль отецъ его Есиоъ и братъ его Демехъ; и да на томъ Михайло попу Ортемью Есинову девять сороковъ бѣлкѣ, а телѣ-

чу поположка; а купи себѣ одерень и своимъ дѣтемъ. А на то послухи: Степанъ Васильевичъ, братъ его Лутьянъ, Григорей сочькой, Василей Сасинъ, Якимъ Остафьевичъ. А у печати стоялъ почче Ортепей.

(А. Юрид. № 71, IX).

130. Духовная кн. Іоанна Іоанновича 1356.

Во имя Отца и Сына и св. Духа. Се азъ грѣшный худый рабъ божій Иванъ Ивановичъ пишу грамоту душевную, ни чинже не нуженъ (*не вынужденъ*), цѣлымъ своимъ умомъ, въ своемъ здоровьѣ. Аже что Богъ размыслить о моемъ животѣ, даю радъ своимъ сыномъ князю Дмитрию и кн. Ивану и своему братаничу кн. Володимеру, и своей княгинѣ. Приказываю отчину свою Москву сыномъ своимъ кн. Дмитрию и кн. Ивану; а братаничу моему кн. Володимеру на Москвѣ въ наместничествѣ треть и въ тамзѣ, въ мѣстѣхъ и въ пошлянахъ городскихьхъ треть, что потягло къ городу; и что медь оброчный Васильцева стану, и что отца моего купленыѣ бортищи подѣ вѣчныѣ варяхъ, и кони ставити по станомъ и по варямъ, и конюшій путь, то имъ все на трое. А численыѣ люди вси три князя блюдутъ сопча съ одного. А се даю сыну своему кн. Дмитрию: Можаскъ со всеми волостми и съ селы и зъ бортью съ оброчники и съ пошлянами. А что всѣ тыхъ волостей за княгиню за Марью, тѣ волости до ее живота и села; а по еѣ животѣ, тѣ волости и села сыну моему кн. Дмитрию, Городна, Мѣзына, Пѣсочна, Середокоронна, Похряне, Устьмерьска, Брашевая, Гвоздна, селце Иванъ, деревни Маковецъ, Лѣвичинъ, Скулневъ, Каневъ, Кошира, Гжеля, Горѣтова, Гор-

ки, село на Сѣверцѣ, с. Малино, с. Холмы, с. Константиновское, с. Орнинское, с. Островское, с. Копотенское, с. Миккульское, с. Малаховское, с. Напрудское, с. Ииновское, с. Новое, Мещера у Коломны. А се даю сыну своему Ивану: Звенигородъ со всеми волостми и съ мытомъ и съ селы и зъ бортью и съ оброчники и съ пошлянами, Кремична, Руза, Фоминское, Суходолъ, Истерва свобода, свободу Замошскую, Реставци, Кремичну, Тростну, Нѣгучу, село Рюховское, с. Михалевское, с. Каменское, с. на Рѣнѣ въ Баровьцѣ, селце Милциньское, с. Максимовское, с. въ Замошской свободѣ, с. Выславское, с. Кузинское, с. Домонтовское, с. Андрѣевское, с. Каринское, с. Козловское. А братаничъ мой кн. Володимеръ вѣдаетъ уѣздъ отца своего. А что ся мнѣ достали мѣста рязанская на сей сторонѣ Оки, исъ тыхъ мѣстъ далъ семь кн. Володимеру въ Лпастаны мѣста, Новый Городокъ на усть Поротли; а иная мѣста рязанская отъѣнная сыномъ моимъ кн. Дмитрию и кн. Ивану, подѣлятся на поля безъ обиды. А княгиня Ульяна, по отца моего князя в. по грамотѣ по душевнѣй, вѣдаетъ волости и осмиичье и села до своего живота; а по ее животѣ, дѣти мои кн. Дмитрій и кн. Иванъ, и братаничъ кн. Володимеръ и моя княгиня подѣлятся на четверо безъ обиды. А ця (*если*) по грѣхомъ имутъ нескати изъ Орды Коломны, или допастьскихъ мѣстъ, или отъѣнныхъ мѣстъ рязанскихъ, а по грѣхомъ ця отънимется которое мѣсто, дѣти мои кн. Дмитрій, кн. Иванъ, кн. Володимеръ и княгиня въ то мѣсто подѣлятся безъпенными мѣсты. А се далъ семь княгинѣ своей Александрѣ изъ коломенскихъ волостей: Похряне, Пѣсочну, Середокоронну, село Лисцевское, на Москвѣ селце Семциньское; а изъ звенигородскихъ волостей далъ есмь своей княгинѣ: Угожь, великую свободу

Юрьеву, с. Кляповское, с. Бѣлциньское съ Новымъ селцемъ; а всѣ тамги исъ московское княгини мсей у моего сына у кн. у Дмитрія, и у кн. у Ивана изъ дву жеребьевъ треть. А по животѣ моею княгини, тѣ волости и села и треть тамги дается сыну моему кн. Дмитрию и кн. Ивану, въ которого уздѣ, то того и есть. А се даю сыну своему кн. Дмитрию: икону святый Александръ, чепъ золоту врану (*вороненую*) съ крестомъ золотымъ, чепъ золоту колчатѣ, икона золотомъ кована Парамшина дѣла, шапка золота, бармы, поясъ великий золотъ съ каменемъ съ женчуги, что на благословилъ отецъ мой князь в., поясъ золотъ съ крюкомъ, сабля золота, обязъ золота; и серга съ женчугомъ, чечакъ (*шишакъ*) золотъ съ каменемъ съ женчуги, 2 овкача золота, ковшь великий золотъ гладкий, коропка сердонична золотомъ кована, бадья серебряна съ наливкою серебряною ца золота съ каменемъ, опашень скорлатень сажень. А се далъ есмь сыну своему кн. Ивану: чепъ великую золоту съ крестомъ, чепъ золоту врану, а другая огничата съ кресты, икону Благовѣщенье, и сергу съ женчугомъ, поясъ золотъ съ каменемъ съ женчуги, что ми далъ братъ мой кн. в. Семень, поясъ золотъ сточный, аламъ сженчужный, наплечки золоты съ круги съ каменемъ съ женчуги, аламъ малый съ женчуги, что ми дала княгиня Марья, ковшь великий золотъ гладкий, овкачикъ золотъ, чашка золота, да стаканъ царьгородский золотомъ кованъ, чечакъ золотъ съ каменемъ съ женчуги, сабля золота, обязъ золота. А кого ми дастъ Богъ зятю, по чещи имъ по золотѣ, по поясу по золоту. А что за княгиню за Марью Заячкову, Заберега съ мѣсты, то до ее живота; а по ее животѣ моею княгини. А что волости за княгиню за Ульяною, всѣ тыхъ волостей по ее животѣ дѣти мои кн. Дмитрій, кн. Иванъ, кн.

Володимеръ дадутъ дчери ее Сурожикъ, село Лучинское. А изъ моихъ судовъ и серебрянныхъ дадутъ блюдо серебряно великое съ колци къ святѣй Богородици Володимеръ; а иными суды серебряными дѣти мои кн. Дмитрій, кн. Иванъ своею матерью подѣлятся на трое. А село на Рокшѣ Романовское кн. Дмитрию; а с. Афиньевское, да селце у Павловскаго села кн. Ивану; а с. Павловское далъ есмь св. Александру въ прокъ, собѣ въ память. А что моихъ стадъ коневыхъ и жеребцевъ и кобылицъ, а то сыну моему кн. Дмитрию и сыну моему кн. Ивану, то имъ на полы. А всѣ тамги исъ Коломенское далъ есмь 4-ю часть къ св. Богородицѣ на Крушицу, собѣ въ память. А костки московскни далъ есмь на Москвѣ къ св. Богородици и къ св. Михаилу, въ память по свдѣш отцѣ и по своей брати и по собѣ, то имъ руга. А хто будетъ моихъ казначеевъ и тивуновъ и посельскихъ, или хто будетъ моихъ дяковъ, что будетъ отъ мене вѣдали прибытокъ ли который, или хто будетъ у тыхъ женился, тѣ люди не надобни моимъ дѣтешъ, ни моею княгини, далъ есмь имъ волю. Такъ же хто будетъ моихъ людей полныхъ, купленныхъ, грамотныхъ, далъ есмь имъ свободу, куда имъ любо; а дѣтешъ моимъ не надобны, ни моею княгини. А на сю грамоту послуши: отецъ мой владыка ростовскій Игнатий, отца мои духовныѣ игумень Иванъ, попъ Акинфъ, попъ Патрениѣ. А хто сю грамоту порушитъ, судитъ ему Богъ, а моего благословенья не буди на немъ, ни въ сий вѣкъ, ни въ будущий. А грамоту писалъ Нестерко.

(Къ сей грамотѣ привѣшена печать серебряная позолоченая).

(Собр. грам. I, № 26).

181. Договорная в. кн. Дмитрия Иоанновича и брата его кн. Володимира Андреевича съ в. к. тверскииъ Михаиломъ Александровичемъ 1368.

По благословенью отца нашего Алексия м-та всея Руси. На семь, брате младший кн. вел. Михаил Александровичъ, цѣлуй ко мнѣ крестъ къ брату старѣйшему кн. вел. Дмитрию Ивановичу, и къ моему брату кн. Володимеру Андрѣевичу, и къ вашей вотчинѣ къ В. Новгороду, и за свои дѣти и за свои братанчи. Имѣти ти мене собѣ братомъ старѣйшимъ, а кн. Володимира брата моего— братомъ; а добра ти намъ хотѣти во всемъ вездѣ безъ хитрости; а што ти слыша ото крестьянина или отъ поганина о нашемъ добрѣ или о лсѣ (*о худѣ, о михотѣ*), а то ти намъ повѣдати въ правду, по (*крестному*) целованью, безъ хитрости. А князи велиции крестьянстии и ярославьстии съ нами одинъ человекъ, а ихъ ти не обидети: а иметь ихъ обидети, намъ дозря ихъ правды, боронитися съ ними отъ тебе съ одного; а имуть тебе обидѣти, намъ дозря твои правды, боронитися съ тобою отъ нихъ съ одного. А гдѣ ми буде, брате, пойти на рать, или моему брату кн. Володимеру Андрѣевичу, всѣсти ти съ нами самому на конь безъ хитрости; а пошлемъ воеводъ, и тобѣ и своихъ воеводъ послати. А вотчины ти наше Москвы и всего вел. княженья и Новгорода В. блюсти, а не обидѣти; а вотчины ти наше Москвы и всего вел. княженья и Новгорода В. подъ нами не искати и до живота, и твоимъ дѣтемъ и твоимъ братаничемъ. А людей ти нашихъ московскихъ и всего в. княженья и Новгорода В. и повоторъжскихъ блюсти, а не обидети, какъ и своихъ. А закладней ти въ нашей вотчинѣ въ в. княженьи не держати, ни грамотъ не давати. А имуть насъ, свазивати Та-

тарове, и имуть давати тобѣ нашу вотчину вел. княженье, и тобѣ ся не имати ни до живота: а имуть намъ давати твою вотчину Тферь, и намъ ся также не имати и до живота. А въ Кашинѣ ти ся не вступати, и что потягло хъ Кашину, вѣдаеть то вотчичъ князь Василей; ни выхodomъ тобѣ не надо ко Тферю Кашину, тянути, а его ти не обидѣти, мнѣ его отъ тебе боронити. А что еси изымалъ Бояръ или слугъ и людей вашиньскихъ, да подавалъ на поруку, съ тѣхъ ти порука свести, а ихъ отпустити; а кому чего на нихъ искати, ино тому судъ. А жити намъ, брате, по сей грамотѣ: съ Татары, оже будетъ намъ ширь, по думѣ; а будетъ намъ дати выходъ, по думѣ же; а будетъ не дати, по думѣ же. А пойдуть на насъ Татарове или на тебе, битися намъ и тобѣ съ одного всѣмъ противу ихъ; или мы пойдемъ на нихъ, и тобѣ съ нами съ одного побѣти на нихъ. А къ Ольерду ти и къ его братьи, и къ его дѣтемъ и къ его братаничемъ целованье сложити. А пойдуть на насъ Литва, или на смоленского на князя на вел., или на кого на нашу братью на князей, намъ ся ихъ боронити, а тобѣ съ нами всимъ съ одного: или пойдуть на тебе, и намъ тьякоже по тобѣ помогати, и боронитися всимъ съ одного. А въ Рокитну ти ся не вступати, что потягло ко княженью къ вел. А что еси целовалъ къ намъ напередъ сего, что будетъ на комъ не взято на нятцѣхъ или на ихъ поручницѣхъ княженья в., или нятци не поущены, или порука не сведена; а что ся будетъ не управило по тому целованью, что же будетъ взято опосле того на нятцѣхъ или на поручницѣхъ, или порука не сведена, взятое все отъдати по тому целованью, а съ поручниковъ порука свести, а нятци поущати. А что еси буда съ нами въ целованьи, или сложа целованье, а кого будетъ бояръ нашихъ и слугъ и людей московскихъ и княже-

ня в., или что еси пограбилъ, или что у людей поимано, ты или твои бояръ или людей пограбили и повозки, бояръ ти и людей и слугъ попущати: а что грабежъ, или что съ людей поимано, и изъ людей и изъ повозковъ товаръ поиманъ, то ти все отъдати и твоимъ бояромъ по исправкѣ; а не будетъ исправы, ни возмутъ по целованью, а отъдати ти все по Семенѣ дни за недѣлю. А кто будетъ со мною не былъ на рати, а у кого будетъ что взято, а приѣдутъ къ тобѣ, а тымъ ти также отдати по исправѣ. А какъ еси сталъ подъ городомъ подъ Тѣрью до Семена дни за мѣсяць, что будетъ у мене взялъ войной въ тотъ мѣсяць, тому всему межн насъ погребѣ: а какъ еси къ намъ сложилъ целованье, а что мы у тебе поимали и повоевали, а тому всему межн насъ погребѣ. А съ Новымъ ти городомъ и съ Торжкомъ жити въ старинѣ и въ миру; а рубежъ ти держати съ В. Новымъ городомъ и съ Торжкомъ и съ пригороды земли и воды по старинѣ, какъ то было при нашемъ дѣдѣ при в. кн. при Иванѣ. А закладней ти въ Новгородѣ В. и въ Торжку и въ пригородахъ не держати, ни грамотѣ не давати. А хто иметъ бояръ или слугъ Новгорода В. и Торжку и съ пригородей служити тобѣ, а что ихъ села или земли и воды, то вѣдаетъ В. Новгородъ, а ты бояромъ и слугамъ не надобѣ: или потомъ кто приѣдетъ къ тобѣ служити изъ Новгорода В. и съ Торжку и съ пригородей, а тымъ также не надобѣ села ихъ и земли и воды, то вѣдаетъ Новгородъ В. А что еси поималъ въ Торжку церковное, колоколы, книги, кузнь что будетъ у тебе или у твоихъ бояръ или въ твоей вотчинѣ, то ти все подавати по целованью: а что еси поималъ въ Торжку войною или грабежемъ, или что съ людей еси поималъ и по волостемъ опосле нашего целованья св. апостола Петра, то ти дати и твоимъ бояромъ по

исправѣ; а не будетъ исправы, ни возмутъ по целованью. А что еси целовалъ къ намъ напередъ сего, что будетъ на комъ не взято на нятцѣхъ или на поручницѣхъ, или нятци не попущаны или порука свести съ Новгородцевъ и съ Новоторжанъ и съ пригородей; а что ся будетъ не управилъ по тому целованью, а что будетъ взято на нятцѣхъ опосле того и на поручницѣхъ, или порука не сведена, ино взятое отъдати по тому целованью, а съ поручниковъ поруки свести, а нятци ти попущати, которые у тебе и у твоихъ бояръ и слугъ, или у людей въ твоей вотчинѣ. А какъ еси взялъ Торжекъ, а кто ти ся будетъ продалъ пословицею Новоторжанъ одернъ, или будетъ серебро на комъ далъ пословицею, тѣхъ ти отпустити по целованью, а грамоты дерноватыи подрати. А что еси привелъ Новгородцевъ и Новоторжцевъ къ целованью, а то целованье деловъ. А имуть чего искати Тѣричи на Новгородци и на Новоторжци, судъ ему въ Новгородѣ въ В., или въ Торжку; а имуть чего искати Новгородци на Тѣричахъ, судъ имъ во Тѣри; а судить съ обѣ половины по целованью, а грамотъ суженыхъ не посужити. А гостемъ и торговцемъ Новгорода В. и Торжку и съ пригородей дати ти путь чистъ безърубежа сквозѣ Тѣерь и тѣерьскии волости; а мытовъ ти новыхъ и пошлинъ не замышляти, а мыта ти имати и пошлинъ по старинѣ у Новгородцевъ и у Новоторжцевъ. А буда съ Новымъ городомъ въ миру, за холона, за поручника, за робу, за татя, за розбойника, за должника не стоятъ съ обѣ половины. А кто бояръ и слугъ отъхалъ отъ насъ къ тобѣ, или отъ тебе къ намъ, а села ихъ въ нашей вотчинѣ въ в. княженьи, или въ твоей вотчинѣ во Тѣри, въ ты села намъ и тобѣ не вступатися: а что Ивановы села Васильевича и Нькоматовы, а въ ты села тобѣ ся не вступати, а имъ не надобѣ, тѣ села мнѣ, а

бопромъ и слугамъ волнымъ воля. А кто будетъ служба намъ княземъ, а втолъ въ какво дѣло, а того поискавъ своимъ княземъ, а того своимъ судьямъ опчимъ не судити. А кто служить намъ или тобѣ, а живетъ въ нашей вотчинѣ въ в. княженъ, или въ твоей вотчинѣ во Феери, и на тыхъ намъ взяти даць, какъ и на своихъ, по целованью, безъ хитрости; а на подныхъ холодахъ не взяти, на которыхъ ключники делаютъ. А судомъ и данью стянути по землѣ и по водѣ. А что ся учинитъ межъ насъ князей какво дѣло, мно събудутся боярѣ наши на рубежъ, да межъ насъ поговорятъ: а не утворятся, или ѣдутъ на третій на князя на в., на Ольга; на кого помолать, виноватый предъ правымъ поклонится, а взятое отъдастъ. А чьи судьи на третій не пойдутъ, или на кого третій помолвить, анъ взятого не отъдастъ; то правому отнати, а то ему не въ измѣну. А целованья не сложити и до живота; а всему обидному дѣлу межъ насъ судъ вопчий отъ первого нашего целованья, отъ положеня веригъ св. ап. Петра. А о чемъ судьи наши вопчий сокрутся, или ѣдутъ на третій на кн. в. на Ольга; а намъ княземъ въ судъ въ вопчий не вступатися, вѣдаютъ то тѣ, на комъ есме положили. А вывода и рубежа межъ себе не замыщати: а хто замыслитъ рубежъ, рубежника по исправѣ выдати. А суженого не посужати; суженое, положеное, даное, поручное, холопу, робѣ судъ отъ вѣка; холопа, робу, тата, разбойника, душегубца выдати по исправѣ. А мыта ти держати и пошляды имати по старой пошлявѣ у нашихъ гостей и у торговцевъ; а путь имъ дати чистъ, какъ то было при нашемъ дѣдѣ при в. кн. при Иванѣ, и при нашемъ дяди при в. кн. при Семенѣ, и при моемъ отци при в. кн. при Иванѣ; а мытовъ ти новыхъ и пошлякъ не замыщати. А почнуть твои исплати передъ насъ, или наши передъ тебе, или

передъ наши намѣстники, или передъ волостели; хоженного въ городѣ алтынъ, а на правду два; а дальний ѣздъ верста по рѣзанѣ, а на правду въ двое. А что отъ насъ пригонитъся въ твою вотчину за холопомъ, или за должникомъ, а изымаеъ самъ, а безъ пристава, да поставитъ передъ тобою, или передъ намѣстники, или передъ волостели, въ томъ яныи нѣтъ: а иметъ съ кимъ холопъ его тягаться, а не будетъ по немъ поруки; ино холопа обвинити да выдати осподарю, а за головы дати пошлякны гривна, а съ семьи четверть. А на семь на всемъ, брате молодой кн. в. Михаилъ Александровичъ, целуй ко мнѣ крестъ къ брату къ старѣйшему кн. в. къ Дмитрию Ивановичу, къ моему брату кн. Володимеру Одрѣвичю, и къ нашей вотчинѣ къ В. Новгороду, и за свои дѣти и за свои братанчи, по любви въ правду, безо всякихъ хитрости. А сий списокъ съ грамоты съ крестной съ тебрыской.

(Собр. г. грам. I, № 28).

См. также Договора грам. съ Новгород. А. Эпск. 4, № 8. Ист. Гос. Рос. V, стр. 26.

182. Капальная грамота 1389.

Мы, митрополитъ кievскій и всея Русии Киприанъ и архіепископъ ростовскій Феодоръ, Господа нашего І. Христа посредѣ себе предложюще въ утверженіе и укрѣпленіе ниже объявленнимъ, исповѣдуемъ настоящею нашею тавумарскою грамотою, свидѣтельствованною, не лукавити другъ за друга, и укрѣпленною сею грамотою, яко должни есмы тебѣ, ближному державного и св. нашего господина и царя, о св. Дусѣ възлюбленному сыну нашего смиренія, Николаву Нотарѣ Діоридневу, безъ бѣды и всякаго прилучая кромѣ, рублевъ старыхъ новгородскихъ

тысячу; о ихъ же съглашиваемъ и обѣчи-
ваемся подати, тѣмъ же то прикажетъ
на руку дати, безъ одержанія, преже
всякого дому нашего, прежебывшаго и
последняго, отъ нихъ же имамы двягомы
и не двягомы приходы монастыревъ, и
всяческымъ образомъ случиться, и при-
идеть приходъ княжь, или церковный или
дарованный, или инъ какый. Отдамы
же, божьею благодатию, таковыхъ руб-
левъ тысячу, по прежеписаннымъ, имъ
же прилежать, чисто, а не товаромъ,
благословенъ, съ благодареніемъ многымъ
и любовію, съ дары достойнымъ къ тебѣ,
къ сыну нашему и тѣмъ, имъ же при-
кажемъ: занеже и ты самъ, не словомъ
только, потрудился о насъ и пособилъ
намъ, яко сынъ божій ближній и яко
Богу любо; еще же и своимъ прото-
ромъ, его же ради обѣчиваемся чти-
ти и кормити и прилежати твоимъ, имъ
же то прикажешь, потому, яко же и ты
о насъ прилежалъ и печаловалъ, и на-
какъ же отъ подобающаго слова оставимъ.
Когда же быти еже и къ нимъ, и о всей
торговли ихъ, и аще единою страню
рускою възвратятъ, имаемся проводить
ихъ и всю торговлю ихъ, своими проторы
и наймомъ, и промытъ, и прокоритъ, да-
же до рѣки Богу; аще ли же иною ко-
торою страню възвратятъ, должни есмы,
якоже речеся, доколѣ изыдутъ конечное
отъ всякия Руськия земли. Еще же
обѣчиваемся, аще пригодится и не отда-
мы весь долгъ, всѣхъ рублевъ, къ тѣмъ
предиреченнымъ тебѣ мѣсто указать, ели-
ко достоль останется, или часть, или все
должни есмы отдавати, по числу недоста-
ли, бѣлки добрыя тысячу по 5 рублевъ,
якоже усталоено и съгласено бысть се
промежи насъ. Еще же съглащаемъ,
яко да не токмо другъ за друга и единъ
по другому должни будемъ мы, еже есть
богатый о не имущемъ, и мощный о
немоощнымъ, и живый о мертвомъ, и
пришедый о неприведшемъ, но и сами на-

ши церкви и еже то подъ ними и надъ
ними суть обители, аще въ животѣ есмы;
аще же смерть пригодится намъ, аще что
отъ иныхъ человекъ должни будутъ, кака-
дыи церкви и еже то къ нимъ тянутъ, и
въ исполненіе долга, якоже и быхомъ и
сами были, занеже о тѣхъ церквахъ не-
проторенъ бысть сій долгъ, и нами са-
мыми утверждена быша и укрѣплена. Се-
го же ради, аще створимъ и вся, еже
по части предписанная, еже есть весь
долгъ нашъ, тысячу рублевъ, впаде-
нія исполненіе, и еже то къ тѣмъ, имъ
же то приказано, любовь и помочь и вся
иная, елико възгласихомъ и възхотѣхомъ,
Богу благодать; аще ли же объявленіемъ
и крѣпостию настоящая наша грамоты и
яже то отъ князя в. Дмитрія, а грамота
должникомъ вѣры дѣля, юже въ заклады
положихомъ, имѣешь волю ты самъ, и
вся твоя страна, имати весь свой долгъ
отъ нихъ же обрѣтаешь Руськаго, и въ
Кафѣ, и во Оцѣ, и во Грецкой земли
и въ поганьскыи, ни единою же имущимъ
намъ свободы съпротивъ глаголати или
съпротивитись, отнудно паче должни есмы
доволитъ же и безъ убытка творити вся-
кому и явшемуся о семъ долгу нашемъ.
Еще же глаголю, аще чрезъ обѣтовъ
сихъ створимъ инако, не къ тому суди-
ми будемъ въ всякомъ мѣстѣ предъ на-
писаны, обрящемся и отвѣщающе о та-
вомъ долгу; но еще должни будемъ, яко
приступающе своихъ подписаній и обѣтовъ
пріиманія, ихъ же своею волею и своимъ
хотѣніемъ яко же видно створихомъ,
занеже и предписаннымъ всѣмъ явленіе
и крѣпость бысть настоящи сія наша
грамота, и утверждена и укрѣплена, на-
шимъ прошеніемъ и моленіемъ, божествен-
нымъ честнымъ повелѣніемъ державного
и св. нашего Господина и Царя, и чест-
ною и св. патриаршескою грамотою, яже
дана быша тебѣ, ближнему державного
и св. нашего Господина и Царя, Никола-
ву Нотарѣ Діерминнеѣту, на всяко утвер-

жовіе и безпеніе, подписа на нашею рѣ-
кою подписы, за безпѣніе, мѣсяца
сентявріе 8, индикта 13.

(А. Истор. I, № 252).

**183. Уставная двинская грамота в. кн.
Василія Дмитріевича 1397.**

Се язъ князь в. Василей Дмитріевичъ
всєя Руси, пожаловалъ есмь бояръ сво-
ихъ двинскихъ, также сотского, и всѣхъ
своихъ черныхъ людей Двинскіе земли.
Кои кого пожалую своихъ бояръ пошлю
намѣстникомъ къ нимъ въ Двинскую зем-
лю, или кого пожалую намѣстничествомъ
изъ двинскихъ бояръ, и мои намѣстници
ходятъ по сей по моеи грамотѣ в. князя.
Оже учинится вира, гдѣ кого утепуть
(убьютъ), и нѣ душегубца пыщутъ: а не
найдутъ душегубца, и нѣ дадутъ намѣст-
никомъ 10 рублевъ, а за кровавую рану
30 бѣгъ, а за синюю рану 15 бѣгъ,
а вина противу того. А кто кого из-
лаетъ боярина, или до крови ударить,
или на немъ синевы будутъ, и намѣст-
ници судятъ ему по его отечеству без-
щестіе, такожь и служѣ. А учинится
бой въ пиру, а возмутъ прощеніе не
выйда изъ пиру, и намѣстникомъ и дворя-
номъ не взяти ничего; а вышедъ изъ пи-
ру возмутъ прощеніе, и нѣ намѣстникомъ
дадутъ по куняцѣ шерстью. А другъ у
друга межу переоретъ или перекосятъ на
одномъ полѣ, вины боранъ, а межу
сель межа 30 бѣгъ, а княжа межа три
сороки бѣгъ, а вязбы въ томъ нѣтъ. А
кто у кого что познаетъ татебное, и онъ
съ себя сведетъ до десяти изводовъ,
полны до чеклого татя, и отъ того на-
мѣстникомъ и дворяномъ не взяти ниче-
го; а татя впервые продати противу по-
личного, а въдругіе уличать, продадутъ
его не жалуя, а уличать вътретіе, ино
повѣсити, а татя всякого пятнати (клеп-

ить). А самосуда 4 рубль: а самосудъ
то, кто вымавъ татя съ поличнымъ да
отпуститъ, а себѣ посулъ возметъ, а на-
мѣстники довѣдаются по заповѣди, ино
то самосудъ, а опрочъ того самосуда
нѣтъ. А кого утяжутъ въ рублѣ, и
намѣстникомъ вины полтина; а того бо-
лѣ или менши, ино по тому жъ. А на
Орлецѣ дворяномъ хоженного бѣлка; а
ѣзды и позовы отъ Орлеца до Матигоръ
2 бѣлки, ѣзду до Коломогоръ 2 бѣлки,
до Курьострова 2 бѣлки, до Чюхчелема
2 бѣлки, до Ухтѣострова 2 бѣлки, до
Кургин 2 бѣлки, до Княжа острова 4
бѣлки, до Лисича острова 7 бѣгъ, а до
Конечныхъ дворовъ 10 бѣгъ, до Нонак-
сы 20 бѣгъ, до Уны 30 бѣгъ; а съ
Орлеца вверхъ по Двинѣ до Кривого бѣл-
ка, до Ракулы 2 бѣлки, до Новолока 3
бѣлки, до Челмакты 4 бѣлки, до Ем-
ци 5 бѣгъ, до Кален 10 бѣгъ, до Ки-
ригоръ 17 бѣгъ, до Тоймы до Нижніе
30 бѣгъ; а на правду вдовое. А желѣ-
зного 4 бѣлки, толко человекъ скажутъ,
а не будетъ по немъ поруки, а болѣ
того дворянину не взяти ничего; а черезъ
поруку не ковати; а посула въ желѣзѣхъ не
просити, а что въ желѣзѣхъ посулъ, то не
въ посулъ. А кто на кого челомъ бьетъ,
дворяне и подвойскіе позовутъ къ суду,
а онъ не станеть у суда, и на того на-
мѣстници дадутъ грамоту правую безусу-
дную; а кто будетъ нетутошней человекъ,
и нѣ его дадутъ на поруцѣ. А отъ пе-
чати намѣстникомъ по 3 бѣлки; а дья-
комъ отъ писма отъ судные грамоты 2
бѣлки; а сотскому и подвойскому пошлин-
ка съ лодьи по пузу ржи у гостя. А
кто осподарь огрѣшится, ударить спо-
его холопа или робу, а случится смерть,
въ томъ намѣстници не судятъ, ни вины
не емлютъ. А приставомъ мовимъ в.
Князя въ Двинскую землю не въѣздити,
всему управу чинятъ мои намѣстници: а
надъ кѣмъ учинятъ продажу силно, а
ударятъ ми на нихъ челомъ, и мнѣ кня-

зю в. велѣти намѣстнику стати передъ собою на срокъ; а не станеть, ино на того грамота безсудная и приставъ мой доправить. А гостю двинскому гостити въ лодяхъ или на возѣхъ: съ лодіи на Устюгъ намѣстникомъ 2 пуза соли, а съ воза 2 бѣлки, а того болѣ намѣстники не емлютъ у нихъ, ни пошлинники, ничего; а на Вологдѣ дадутъ съ лодіи 2 пуза соли, а съ воза по бѣлкѣ, а того болѣ не емлютъ у нихъ ничего; а въ лодіяхъ, или на возѣхъ коли поѣдутъ, и намѣстники устюжскіе и вологодскіе ихъ не унимають. А на Устюгѣ, и на Вологдѣ, и на Костромѣ ихъ не судять, ни на поруки ихъ не дають ни въ чемъ: а учинится татба отъ двинскихъ людей съ поличнымъ, и нѣ поставятъ ихъ съ поличнымъ передо мною передъ в. княземъ, и азъ самъ тому учиню исправу; а чего кто иметь искати на нихъ, и нѣ учинятъ имъ срокъ передъ моихъ намѣстниковъ передъ двинскихъ, и нѣ учинятъ исправу имъ на Двинѣ. А куды поѣдутъ Двиняне торговати, ино имъ ненадобѣ во всей моей отчинѣ въ в. княженіи тамга, ни мытъ, ни костки, ни гостинное, ни явка, ни иные некоторые пошлыны. А черезъ сю мою грамоту кто ихъ чѣмъ изобидитъ, или кто не иметь ходити по сей грамотѣ, быти тому отъ мене отъ в. князя въ казни.

(А. Арх. Эксп. I, № 13).

Обратить вниманіе, какъ сильно измѣнились прежніе законы: вѣсто штрафовъ введены вѣстлицы, клейменія и т. под.

184. Жалованная Новгородская см. 1411.

Господину посаднику новгородскому Василью Микитичу, тысяцкому новгородскому Овраму Степановичу и всему господину Новгороду, на вѣцѣ на Ярославлѣ дворѣ, се били челомъ Степанъ Есипо-

вичъ и его братья, Ондреянъ Александровичъ и Ермола Левонтьевичъ и Остафей Васильевичъ, что они емлютъ у нашихъ сиротъ, на Терпиловѣ погостѣ поралье посаднице и тысяцкого не по старинѣ. И посадникъ, и тысяцкой и весь господине В. Новгородъ даша грамоту жалованную, на вѣцѣ на Ярославлѣ дворѣ, сиротамъ Терпилова погоста: давати имъ поралье посаднице и тысяцкого по старинѣ грамотамъ, по 40 бѣлъ, да по 4 сѣва мучи, по 10 хлѣбовъ. А кто крестьянинъ Терпилова погоста въ Двинскую слободу войдетъ, ино ему мирянину тянути въ Двинскую слободу; а который Двинянинъ слободчанинъ почнетъ жити на землѣ Терпилова погоста, а той потянетъ потугомъ въ Терпиловъ погостъ. А чѣмъ владѣлъ Савелій Григорьевичъ и его братья, землею и водою и лѣсы, и полѣшными жѣсты солонными въ Унской губѣ, и всякими ловищами, и имъ тѣмъ владѣти и дѣтямъ ихъ. А кто сю грамоту перестушитъ, и дастъ Новгороду сто рублевъ.

(А. Истор. I, № 17).

185. Изъ Исковской Судной грамоты до 1467.

Се судъ княжей Ожъ клѣтъ покрадутъ за зомкомъ, или сани подъ полестью, или возъ подъ титягою (роюжа?), или лодью подъ полубы, или въ яме, или скота украдаютъ или сѣно сверху стога, имать то все судъ княжей, а продажи 9 денегъ. А разбой, нахоть (нападеніе), грабежъ 70 гривенъ; а княжая продажа 19 ден. да 4 ден. князю и посаднику. И владычию намѣстнику судъ и на судъ не судить; ни судіамъ, ни намѣстнику княжа суда не судите.

А которому посаднику съести на посадничество, ино тому посаднику крестъ цѣловати на томъ, что ему судить право,

по крестному целованію, а городскими кунами не корыстоватися, а судомъ не мститися ни накогожь, а судомъ не отчиться, а праваго не погубити, а виноватаго не жаловати, а безъ исправы чело-вѣка не погубити, ни на суду, на вѣчи.

А князь и посадникъ на вѣчи суду не судить; судити имъ у князя на сѣнехъ, взираа на правду, по крестному цѣлова-нью. А не въсудятъ въ правду, ино Богъ буди имъ судіа, на второмъ пришествіи Христовѣ. А тайныхъ посуловъ не имати ни князю, ни посаднику.

А которому князю чело-вѣку ѣхать на приго(ро)дъ намѣстникомъ, ино цело-вати ему на томъ крестѣ, что ему хо-тѣти Пскову добра; а судить прямо по крестному целованью....

А которой посадникъ слѣзаетъ степени своей, орудіа и судове самому управливати, а иному наездъ (другой следеть), его судове не пересужати.

А крамскому (храмъскому, домово-му) татю, и коневому и перевѣтнику, и зажигальнику, тѣмъ живота не дати. Что-бы и на посадѣ покрадется, ино двояды ѣ пожаловати, а изличивъ, казнити по его вниѣ; и въ 3-й рядъ изличивъ, живота не дати, какъ крамскому татю.

А коли будетъ съ кѣмъ судъ о земли ополней (полевой) или о водѣ; а будетъ на той земли дворъ или ниви розстраи-ни (распаханы), а стражетъ и вла-дѣетъ тою землею или водою лѣтъ 4 или 5, ино тому исецю съслатся на сосѣдъ, чело-вѣкъ на 4 или на 5. А сусѣди ставъ, на конхъ шлются, да скажутъ какъ правъ предъ Богомъ, что чистъ; и той чело-вѣкъ, которой послася, стра-жетъ и владѣетъ тою землею или водою лѣтъ 4 или 5; а супротивенъ въ тѣ лѣта, ни его судилъ, ни на землю наступался или на воду; ино земля его чиста или вода, и цѣлованіа ему нѣтъ. А тако не доискался, кто не судилъ, ни наступался

въ ты лѣта, о лѣшей (лѣсной) земли будетъ судъ.

А положить грамоты и двои на одну землю, а зайдуть грамоты за грамоты, а исеца оба возиуть межникивъ, да оба изведутца по своимъ грамотамъ; да предъ господю ставши, межникивъ межничство съимуть; ино имъ присужати поле (пое-диноку)....

А кто у кого иметь землю отымати выкупкомъ, а старые грамоты у того чело-вѣка, у кого землю отымають, ино воля того чело-вѣка, у кого старые гра-моты: хочеть на поле лѣзеть, или свое-го исеца къ правдѣ ведеть, на его вы-купке, покуду отнимають.

А кто положить доску (записи) на мртваго о блюденѣ, а иметь искати на приказникохъ того соблюденіа, сребра, или платіа, или круты, или иного чего животнаго, а тотъ умръшей съ подряд-ною, и рукописаніе у него написано и въ ларь положено; ино на тыхъ приказ-никохъ не искати черезъ рукописаніе, ни зсудіа безъ заклада и безъ записи, и на приказникохъ не искати ничего. А толко будетъ закладъ или записъ, волю иска-ти по записи, и кто животомъ владѣетъ по записи, или по закладу.

А у приказникохъ умръшаго, а не бу-детъ закладу, ни записи умръшаго на кого, ино имъ не искати ничегожь, ни съсудіа, ни торговли, ни зблюденіа,—ни-чегожь.

А у котораго умръшаго, а будетъ отецъ, или мать, или сынъ, или братъ или сестра, или кто ближняго племени, а а животомъ владѣетъ, а толко не сторож-ниі людие, ино имъ волю искати безъ закладу и безъ записи умръшаго, а на нихъ волю жъ искати....

А кто иметь искати зблюденіа по дос-камъ, безимено, старины; ино тотъ не доискался.

А кто на кого иметь сачать (искать) бою, или грабежу, по позовничи; и князь

и посадникомъ, и сотскимъ обыскати какъ послухъ, гдѣ будетъ обѣдалъ, и гдѣ начавалъ; и послухъ изведется иночаемъ его, или гдѣ обѣдалъ; такоже и битого опросить: гдѣ есть били и грабили? Явили кому? и на тѣхъ ему слатся. А на кого сошлются, а тотъ ставъ сважетъ, какъ право предъ Богомъ, што битый являлъ бой овой, и грабежь; а послухъ на судѣ ставъ, а послухуетъ (*засвидѣтельствоуетъ*) въ тѣже рѣчи, ино тотъ судъ судить на того волю, на комъ сочатъ. Хочетъ съ послухомъ на поле лѣзеть, или послухъ у креста положить, чего искалъ.

...А гдѣ учинится бой, у торгу или на улицы во Псковѣ, или на пригородѣ или въ селѣ на волости въ ширю, а грабежу не будетъ; а тотъ бой многы люди видели въ торгу, или на улицы, или въ ширю, а ставши передъ нами, человекъ 4 или 5, аркучи слово: *того бить*; ино кто бился, того человекъ ихъ душа выдати... битому человекъ; а княжая про той же битъ учнетъ клепать грабежомъ, ино ему ходять исца послухомъ однимъ человекомъ, того дѣля, занежь и поле присужать.

А кто на комъ иметъ сочить съсуднаго серебра по доскамъ, а сверхъ того и закладъ положить; ино воля того человекъ, кто иметъ серебра сочить по закладу; хочеть самъ поцелуетъ, да свое серебро возметъ, а хочеть закладъ ему у креста положить; и онъ поцѣловавъ, да свой закладъ возметъ. А поле черезъ закладъ не присужати; а закладныхъ доскъ не посужати...

А кто иметъ давать серебро въ заимъ, ино дати до рубля безъ заклада и безъ записи; а болши рубли не давати безъ заклада и безъ записи...

А на которомъ человекъ имутъ сочисти долгу по доскамъ, или жонка, или детина, или отрокъ, или жемонна, или чель безвѣченъ, или чернецъ, или черница,

ино имъ наймита волю наняти, а исцомъ цѣловати, а наймитомъ битись; а противъ наймита исцу своего наймита волю, или самъ лѣзеть.

А которому человекъ поле будетъ съ суда, а ставъ на полѣ исцець поможетъ (*пересилитъ*) своего исца; ино ему взять чего сачилъ на исцы, а на тругъ у кунъ немати; толька ему доспѣхъ снати или иное што, въ чемъ на полѣ лѣзеть. А виноватому платити и княжа продажа и приставное, двѣма приставомъ, толка побьются, по 6 денегъ; а толко прощевие возмутъ, ино приставомъ по 3 ден., а княжо продажи нѣтъ, ожь исцець чего не возможеть.

А кто иметъ на комъ сочить торговыхъ денегъ по доскамъ, тотъ человекъ прогивооложить рядницу, а въ рядницы будетъ написано о торговли же, а противу той рядницы не будетъ во святой церкви въ лари, въ тѣхъ рѣчи другой; ино тая рядница повинти...

А которой наймитъ дворной, пойдетъ прочь отъ государя, не достоявъ своего урока; ино ему найму взяти по счету, а сочить ему найма своего за годъ, чтобы 5 годовъ или 10 годъ стоявши, и всѣхъ тѣхъ ему годъ найма сочить какъ отиде за годъ сочить, толко будетъ найма не ималъ у государя; а толко пойдетъ болши года, ино имъ не сочисти на государяхъ...

А которой государь (*хозяинъ*) захочетъ отрокъ (*помощника*) дати своему изорнику (*назорю*), или огородникъ, или кочетнику (*рыболову?*), ино отрокъ быти о Оялинове Заговение; такоже захочетъ изорникъ отречися съ села, или огороднику, или четникъ, ино тому жъ отроку быти; а иному отроку не быти, ни отъ государя, ни отъ изорника, ни отъ кочетника, ни отъ огородника. А запрется изорникъ, или огородникъ или кочетникъ отрока государева, ино ему правда дати; а государь не дожскался

чевверти, или огородной части, или съ мысады (*рыболовнаго затона, учуга*) рыбной части.

А которой кочетникъ заложитъ весну, или исполовникъ у государя; ино ему заплатити весна своему государю, какъ у другой чзтъ (*чети?*) доставалоя на томъ же садѣ. А государю на изорники, или на огородники, или на кочешки волно и въ закамчъ своей покруты и сочить серебра, и всякой верши (*хльба*), по имени или пшеница ярой или озимой, и по отроку государеву или самъ отречется. А кто иметь сочить торговли или поруки, или зблюдения или ссудна, или выморщины безимянно; ино той не доискался.

А который человекъ у человека знаетъ свое што изгнѣшее; а тому молвить то слово: «купилъ еси на торгу, а тогожъ еси не знаю у кого купилъ». Ино ему правда дать на томъ, что чисто будетъ на торгу купилъ, а татемъ не подѣлился, а не поставитъ его, а самъ не укралъ, ни пословицы не было будетъ, ино тотъ не доискался.

А кто што купилъ на чужей земли, или на городѣ, или найдеть гдѣ, а а кто поимається толко, ино тотъ судить какъ въ торгу.

А кто почнетъ на волостеляхъ посула (*взятки*) сачить, да и портище (*плате*) соймаеть, или конь сведеть, а молвить такъ: «въ посулѣ еси снялъ, или конь свелъ»;—ино быти ему въ грабежи, хто въ посули свялъ, или коня свелъ.

А княжнмъ людемъ, или подвоскнмъ ѣздитъ дворить, а ѣздъ имати на 10 верстѣ денга; а штобы двое или трое ѣхали, а ѣздъ имъ взять одинъ. А княжой человекъ не поѣдетъ всъ тово, или подвоской, ино Псковитину послать мсъ того волно, и съ тѣхъ же ѣздовъ.

А княжей писецъ изъметъ по силѣ, иетьцово отъ позовницы, или отъ безусловной грамоты, или отъ приставной; а за-

хочеть не по силѣ, ино волно индѣ написать, а князю запечатать. А не запечатаетъ князь, ино у святѣй Троицы запечатать, въ томъ измѣны нѣтъ.

А коли и орникъ иметь заипратся у государя покруты, а молвить такъ: «у тебе еси на селѣ живалъ, а тебѣ еси не виноватъ»; ино на то государю тому поставитъ люди сторонние, человеки 4 и 5, а тымъ людямъ сказати какъ прямо предъ Богомъ, какъ чисто на селѣ сѣдѣлъ; ино государю правда давши, взять свое, или изорнику вѣрить, то воля государева. А только государь не поставитъ людей на то, что изорникъ на селѣ сѣдѣлъ; ино тотъ человекъ покруты своей не доискался.

А на тати и на разбойники же, чего истецъ не возметъ, ино и князю продажа не взяти.

А же сынъ отца или мать не скормить до смерти, а поидеть изъ дому; части ему не взяти (*изъ наслѣдства*)...

А кто купилъ на торгу, а у кого купилъ не знаетъ его, а людямъ будетъ добрымъ вѣдомо, а у него имаются человекъ 4 или 5, скажутъ како право предъ Богомъ: «предъ нами въ торгу купилъ»; ино той правъ у кого имаются, и целованья ему нѣтъ. А не будетъ у коего свидетелей, ино ему правда дати, а то не доискался...

А татю вѣры не нять; а на кого во-склещеть, ино домъ его обыскать, и найдутъ въ дому его что полишное, и онъ тот же тать; а не найдутъ въ дому его, и онъ свободенъ.

А князю и посаднику грамотъ правыхъ не посужати, а лживыхъ грамотъ и доски обыскавши, правда судомъ посудяти...

А посаднику всякому, за друга ему не тягаться, опрочъ своего орудка (*дѣла*), или гдѣ церковное старощение дръжатъ (*гдѣ старостой*), ино имъ волно та-

гаться. И всякому властелю за друга не тягаться опрочь своего орудія.

А за церковною землею, и на судъ помощью сусѣди не ходять; итти на судъ старостамъ за церковную землю.

А одному пособнику (*ходатаю*) одного дни за 2 орудія не тягаться.

А которому челоуѣку будетъ кормля написанна въ рукописаніи, и да грамота ни владѣть земельными начнетъ или исадскимъ, а продасть тую землю или садъ, или иное что, а доличать того челоуѣка; ино ему земля та, или исадъ, или иное выкупити, а свою кормлю покралъ...

А которому княжому челоуѣку ѣздити на между съ сотьскими, ино ему такоже цѣловати крестъ. А коли имутъ тягаться о земли или о водѣ, а положить двои грамоты: ино одны грамоты чести дьяку княжому, а другіе грамоты чести дьяку городскому. А коли придетъ грамота съ пригорода, а ты грамоты и чести дьяку городскому.

А кто съ кимъ побьется во Псковѣ, или на пригородѣ, или на волости на пиру, или гдѣ индѣ; а толко приставомъ не позовутся, а промежь себе прощенье возмутъ; ино ту князю продажи нѣтъ.

А на приставное и на ссылку княжимъ людемъ ѣздити со псковскими подвоскими по половинамъ.

А княжой писецъ иметъ писати судницу о земли, ино ему отъ судницы взять 5 денегъ, а отъ позовницы денга, а отъ печати денга, а отъ безсудной и отъ приставной все то имъ имати по денги. А толко княжей писецъ захочетъ не по силѣ; ино индѣ волно написати, а князю запечатать. А не запечатаетъ князь, ино у св. Троицы запечатать; а въ томъ иамѣны нѣтъ...

А которой изорникъ поумреть у государя на сали, а не будетъ у него ни жены, ни дѣтей, ни брата, ни племени; ино государю такоже животь (пожитки) изорничъ, съ приставами і и сторонними

людьми попродавать, да за свою покругу (*порядъ?*) поимати, а потому племени изорниччи, ни брату не сочить живота изорничча...

А у котораго челоуѣка помреть жена безъ рукописанія, а у ней останется отчина или животь, ино женѣ его кормится до своего живота, толко не поидеть за мужъ; ино ей нѣтъ...

А у кого помреть сынъ, а невестка останется, да учнетъ на свекри или на дѣвери скруты своеа искати, или платья своего; ино свекру или дѣверю отдать платье или крута. А чѣмъ невестка клеpletъ, ино свекру или дѣверю воля чимъ хочеть; хочеть самъ поделуетъ крестъ, или у креста невестка положить, чимъ учнетъ клепати.

А кто на комъ учнетъ искать *слюбрина* (1) серебра или иного чего, опрочь купетскаго дѣла и гостебнаго, да и доску положить на то; ино то судити на того волю, на комъ ищутъ, хочеть самъ поделуетъ, или своему испу у креста положить, или съ нимъ на поле лѣзеть...

А гдѣ учинится (*у*) головшина, а доличать коего головника; ино князю на головникохъ взять рубль продажи. А штобы сынъ отца убилъ, или братъ брата, ино князю продажа.

А который челоуѣкъ съ приставомъ придетъ на дворъ татя имать и татбы искать, или длъжника имать, а жонка въ то время дѣтя вывержетъ, да пристава учнетъ головшиной окладати или иса; ино въ томъ головшины нѣтъ.

А которой истецъ на суднѣй ротѣ не станетъ, ино ему заплатитъ безъ целованья; а цѣна ему, что искали на немъ.

А которой челоуѣкъ при своемъ животѣ или предъ смертію, а что дастъ своему

(1) Т. е. общаго, компанейскаго. *Шабры*—сосѣди, *слюбро*—общество, которое дѣлаетъ одно или кое-либо дѣло.

рукою племяннику своему платно, или иное что животное, или отчину, да и грамоты дасть предъ пономъ, или предъ сторонними людьми, ино тому тѣмъ даньемъ владѣть, чтобы и рукописаніа не было.

А кто иметь на комъ торговли искать или поруки, или именного чего, ино того судити на того волю; на комъ сочатъ; хочеть на поле лѣзеть, или у креста положить.

А которой мастеръ иметь сочить на ученики учебнаго, а ученикъ запрется, ино воля государева, хочеть самъ поцелуетъ на своемъ учебномъ, или ученику вѣрить.

А подсуздникъ на государи ссуды или иного чего волно искати, а которому съ кимъ суплетка была записью или закладомъ, і потому тотъ человекъ, которой въ записи былъ, или закладъ закладывалъ кому, да учнетъ на томъ же чего искать—ссуды или зблюденья, или иного чего, по до-скамъ или по торговли; ино то судити судомъ по псковской поплинѣ.

А которыхи исцы вымутъ на умершаго закладъ, грамоты двой или трои, или пятеры на одну землю, или на воду, или на одинъ дворъ, на одну клѣтъ, а у тѣхъ исцовъ у кого закладъ, грамоты сверхъ того и записи, і на того умершаго и на его закладъ, и у иныхъ исцовъ не будетъ записи, только закладъ грамоты; ино имъ правда давши, да делятъ по дѣломъ і по серебру, колко серебра, ино доля ему по тому числу. Ожъ ближнее племя восхоцетъ закладъ выкупить, а у коего исца закладъ і записи на умершаго; ино ему целованья итѣ на его дѣло.

А которой чужеземець на чужей земли иметь искать бою и грабежу, ино воля того на комъ ищутъ; хочеть самъ поцелуетъ, какъ будетъ его ни билъ, ни грабилъ, или ему у креста положить, чего на немъ ищутъ.

А кто съ кимъ ростяжутся о земли или о борти, да положить грамоты ста-

рые и купленную свою грамоту,—и его грамоты зайдутъ многихъ бо сябровъ земли, и борти и сябры все станутъ на суду въ однои мѣстѣ отвѣчаючи. Итожъ за свою землю или за борть, да и грамоты предъ господю покладутъ, да и межниковъ возмутъ, и тѣмъ отвѣдутъ у стариковъ, по своей купной грамотѣ, свою часть; ино ему правда дати на своей части, а целованью быть одному. А поцелуетъ во всѣхъ сябровъ,—ино ему и судница дати на часть, на которой поцелуетъ.

А кто коли закладъ положить въ пѣнезехъ что-либо, а потомъ временно иметь пѣнязи отдавати, а своего заклада просить, і онъ запрется его закладу, а молвить такъ: »тебѣ есмь пѣнязь не давалъ, а у тебѣ есмь закладъ не взялъ»; ино той судъ какъ зблюденію, на три воли тому человеку, на комъ сочатъ: захочеть самъ поцелуетъ какъ зачимъ закладъ не будетъ; или ему закладную цѣну, цѣною положить у креста; или съ нимъ на поле лѣзеть.

А которой строкъ поплинной грамоты итѣ, и посадникомъ доложити господина Пскова на вѣтъ, да тая строка написать. А которая строка въ сей грамоте не любба будетъ господину Пскову, ино та строка волно выписать вонъ изъ грамоты.

А попы и діаконы и проскурница, и черныча и черница судити намѣстнику владычню. Аже попъ или діаконъ, или противу черныча или черницы жъ, а будетъ обан ме простые люди церковные, ино не судити князю, ни посаднику, ни судіамъ не судити, занежъ судъ владычня намѣстника. А будетъ одинъ человекъ простой истецъ мирянинъ, аже церковный человекъ съ церковнымъ, то судити князю и посаднику съ владычнемъ намѣстникомъ вопче; такожъ и судіамъ.

У котораго человекъ имутся за конь или за корову, или за иную скотину, чтобы и за собаку, и тотъ молвить: »то у

мене свое рощеное; ино ему правда дати, какъ чисто рощеное (*доморощенное*).

А кто предъ господю (*властями, судьями*) ударить на судѣ своего истца, ино его въ рубли выдать тому чловѣку; а князю продажа.

А боранъ присужать 6 денегъ, а за овцу 10 ден. государю; а судьи 3 ден., старая правда. А за гусакъ и за гусыню присужать по 2 ден. государю, на суде 3 ден. А за утвицу и за селезня, и за куръ, і за кокошь присужать по 2 ден.

А братьщина судить какъ судия. А кто съ кимъ на пьяни менится чимъ, іли что купить, а потомъ проспятся, и одному исцу не любо будетъ, ино имъ размѣнятся; а въ томъ целованіа нѣтъ, ни присужати.

А княжнмъ людемъ по дворамъ корьмы не держать, ни во Псковѣ, ни на пригородѣ, ни въ ведро, ни въ корецъ, ни бочкою меду не продавати.

А кто захоги на комъ учнетъ сочить, а долги ни каковы не будетъ, ино на волною роту (*клятву*) позвать вольно.

А кто у кого бороду вырветъ, а послухъ опослушествуетъ; ино ему крестъ целовати, и битися на поли, а послухъ изможеть, ино за бороду присудити два рубля и за бой. А послуху быти одному.

А корову купить за слюбено, а по торговли телять не сочить; а толка корова кровью помачиватся иметь; ино тая корова назадъ воротити, чтобы (*если*) і денти заплачены были.

А жонки зъ жонкою присужать поле, а найлиту отъ жонки не быти ни съ одну сторону.

А кто учнетъ на комъ сочить бою 5 чловѣкъ іли 10, іли сколько ни буди, на 5, іли на одномъ боевъ своихъ да утя-

жуть; ино имъ присужать всимъ, за вси боевн одинъ рубль, и княжая продажа одна.

(*Пск. Судн. Грам., изд. Н. Мурзакевичемъ. Одесса, 1847.*)

Псковская Судная грамота представляет драгоценный образец нашего стариннаго вѣчеваго законодательства: она указывает на основныя постановленія, судебную форму, должностныя лица, ходъ дѣла, вознагражденія тяжущихся и судей законными пошлинами и пр. Все это рисуетъ предъ нами въ живыхъ образахъ картину гражданскаго быта псковской области въ XIV и въ XV в. Псковская Судная грамота составлена изъ грамотъ, данныхъ древними князьями и составленныя псковскими вѣчевъ; полное оглавленіе говоритъ объ этомъ ясно: «Ся грамота выписана изъ вел. кн. Александровы грамоты, і изъ князь Константиновы грам., і изъ всѣхъ приписокъ псковскимъ пошлннъ, по благословенію отецъ своихъ попомъ всѣхъ 5 соборовъ, и священномыконовъ, і дьяконовъ и всего божія священства, всѣмъ Псковомъ на вѣчи, въ льто 6975 (1467)». Въ этомъ году присланъ былъ изъ Москвы наместникомъ во Псковъ в. кн. Федоръ Юрьевичъ Шуйскій, и псковичи, дла огражденія своей самостоятельности, составили грамоту на основаніи старинныя правы судны судити, п. ч. «изъ вѣковъ князіе наместники не бывали». Обеспечивая свой самосудъ на всѣхъ своихъ пригородахъ, они заставили Шуйскаго крестъ цѣловать и сдѣлали на вѣчь выписки изъ старыя грамоты Александра Мих. Тверскаго, который былъ у нихъ 1527—1529 и 1551—1556 г. и кн. Константина Дим. Бѣлозерскаго, роднаго брата Вас. Димитріевича, в. кн. псковскаго, правившаго Псковомъ въ 1407 г. Изъ этого «Самосуда господина Пскова» заимствовано много полезныя правы въ Сборникъ московскаго законодательства 1497 г.

См. ист. княз. пск. М. Евгенія. Кіевъ 1831, ч. II, 16 и 22. Законы в. кн. Иоанна Васил. и Судебникъ царя Иоанна Васил., изд. К. Калайдовичемъ и П. Строевымъ. М. 1819. Истор. госуд. рос. Карамзина V, пр. 404. Извѣд. Псковской Судной Грам. Усманова. Спб. 1836. Гражданскіе законы пск. Судной Грам. Энгельмана. О псковс. Судной Грам. К. М-го Сѣв. обозр. 1850, № 2 и 3.

3. НЕДОСТАТКИ ДРЕВНЯГО СУДОПРОИЗВОДСТВА.

136. Изъ посланія Никифора м-та кіевскаго къ в. кн. Володиміру до 1121.

Благословенъ Богъ, и благословено св. ния славы его, благословене и прославлене мои княже! Иже многыя ради своаеа благости и челоуѣколюбіа, сподобивъ ны дойти въ пречестныя днѣи сіа св. поста, иже яко строитель нашего спасенія, въ душевное очищеніе душъ нашихъ възаконилъ есть, постился и самъ, на извѣщеніе своего въчеловѣченія 40 днѣи; не постъ трѣбуя, но намъ образъ показуя постъ....

Многа ина имѣлъ быхъ изрещи на похваленіе поста, аще мному бы было писаніе се; а понеже к тобѣ, добляя глава наша и вса христолюбивои земли, слово се есть: его же Богъ издалеча проразумѣ и прѣповелъ, его же изъ утробы освати и помазавъ, от царское и князьское крови смѣсивъ, его же благочестіе въспита и постъ въздон, и святаа Христова купель из млада ногтіа очисти; то не потрѣбно есть о постѣ бесѣдовати ти, и паче же о непитіа вина или пива въ врѣмѣ поста. Кто бо не въсть твоего исправленія сего? Ни тои, иже оттинудъ невѣжа, или не чювъственны, не разумѣеть ихъ. И видять вси и чюдяться. Въ образъ же наказанія, по церьковному уставу, ина нѣкая изложимъ твоему благавѣрїю, и добрыхъ ти источникъ скажемъ от нихже наводняютьца благаа, истѣкають въ челоуѣцѣ по правдѣ творящимъ благая, и истѣкають якоже благымъ; ащели противиѣ о нихъ, и по криву приложатся; то

и путь злобы и в ровъ и въ пропасти уклонится...

Вѣда буди, благородныи княже! божественнымъ вдохновеніемъ сѣтворена бысть душа, иже и по образу божию сѣздаиъ быти глаголетъ. Та душа от трѣи части есть, рекше силы имать 3: *Словесное* и *яростное* и *желанное* (1).

«Словесное» (*т. е. умственное — логикос*) убо старѣе есть, и выше всѣхъ; посему бо кромѣ есмъ всѣхъ животинъ, тѣмъ бо небо и прочаа вся сѣтворенаа разумѣхомъ и к разуму божию въздохомъ, елико насъ добрѣ словесное съблюдохомъ. И вижь Авраама, како мужъ сынъ невѣжа и звѣдословіа придрѣжася, и от звѣднаго хоженія и от стоянїа ихъ позна Творьца, и вѣрова въ Бога... Прежде же Деньница ангелъ, нынѣ темный діаволь, словесенъ сынъ, и не по правдѣ приимъ словесное, но равенъ быти Богу пщевовъ; за гордость его спаде съ небесъ с чиномъ своимъ...

Второе же «яростное» (*т. е. страстное или чувство — эммикос*), иже имать еже къ Богу ревность, и еже на божіа врагы мечь; есть же и съ нимъ и злоба и зависть, якоже и въ словеснѣмъ, благовѣръство и зловѣръство. И вижь, что съключися от злаго: оставивъ Каинъ добродѣтель яростнаго, иже къ Богу ревность, а злобу избра и зависть, и уби брата сво-

(1) Здѣсь разумѣются три силы души: умъ, сердце и воля. Это психологическое ученіе взято изъ византійскихъ источниковъ.

его Авеля, и въ землю осуженъ бысть мщении отъ Бога. Но Моисѣи не тако съхрани гѣвниаго, нѣ видѣ мужа Египтянина, бѣюща Жидовина, и уби его, ревности ради божіа...

Третіе же «желанное» (*т. е. воля— επιθυμητικος*), иже добродѣтель убо имѣеть, еже къ Богу волну-имѣти желаніе, и забываети ниѣхъ и о ономъ промышляти просвѣщеніи, от него же сіаніе бываетъ божіе и раздрается вретнице, по пророку Давидови, глаголющи: обрати гъ еси плачь мой на радость миѣ, растръже вретнице мое, и препояся мя въ веселіе. Веселіе же то ражається отъ зла и страданія Бога ради; от веселія же того ро-стетъ сѣмя животное, от того чудотворенія, от того прорицанія будущимъ, от того человекъ Богу по силѣ приближается, и по образу и по подобію бываетъ, и на земли сын, по образу създавшаго ѣ Бога.

Увѣдагъ еси, княже человекѣлюбивыи и кроткыи! сямъ словомъ тричастное душа. Увѣжъ же слугы ея, и ея воеводы, и споминателя; или же служима бываетъ, бесплотна сущи, и принмаеть въспоминанія. Та убо душа сѣдитъ въ главѣ, умъ имущи; якоже свѣтлое око въ себѣ, и исполняющи все тѣло силою своею, якоже бо ты, княже, сѣдя здѣ в сени своемъ земли, воеводами и слугами своими дѣйствуещи по всей землі, и самъ ты еси господинъ и князь; тако и душа по всему тѣлу дѣйствуетъ патью слугъ своихъ, рекше патью чювствіи: очима, слухомъ, обонаніемъ, еже есть ноздрима, вкушеніемъ и осазаніемъ, еже еста руцѣ. И *видѣніе* убо есть чювственное вѣрно, и его же видѣть, аще не без ума, то вѣрно видимъ; *слухъ* же въ другаа мѣста истинна, а въ другаа мѣста лжа. И почто нѣсть, княже мой, яко же и видѣніе, такоже и слухъ? недоумѣю убо о семъ азъ; но пакы тлѣкуютъ, яко видѣніе предняа убо видѣть, задн же тѣла не видѣть; слухъ же и предн глаголющому

слышитъ, и задн вѣнующему разумѣть; и подобаеть яко единому видящу очима вѣровати, слуху же не вѣровати, ни не вѣровати, но испытаніемъ и судомъ многомъ творити слышная: ти тако износати отвѣтъ. О *обонаніи* же, иже гонять благоуханіе, что подобаеть глаголати к такому князю, иже боле на земли спать и дому ѣгаеть, и свѣтлое нощеніе поргъ отгонитъ, и по дѣсомъ ходя сиротину носить одежду, и по нужи въ градъ вѣходя, власти дѣла, въ вѣдательскую рязу облачиться? И о *вкушеніи* такоже, иже въ брашнѣ и питіи бываетъ. И вѣмы, яко же ниѣмъ на обѣдѣ свѣтлѣ готовимъ, и бываеши всѣмъ всяческая, да всѣхъ прибрязеши, и законныи и беззаконныи, величества ради княжескаго; и самъ убо служиши, и стражеша рукама своиша... *Рука* твоя по божіемъ благодати къ всѣмъ простираются, и николиже ти съкровище положено бысть, ли злато, ли сребро ищтено бысть, но вся раздавая, и обѣма рукама истощая даже доселѣ. Но скотница (*казна, кладовая*) по божіи благодати не скудна есть и неистошима, раздаваема и не оскудѣваема; и не ниѣ ли ти Христосъ руку по възмужаніи, но якоже родися здравую ниѣтъ еси, и ниѣ ти имаша надѣся на Христа.

Почтоже словеса си прострохъ и долгу рековахъ? Да разумѣши, княже мой, яко болю о тебѣ; и якоже тѣлесніи врачеве, оже любятъ болящаго, то бдять и первую вину недуга ѣтають: ти тако творять извѣстно разумъ недуга. Такоже и азъ сътвори хъ, и первую вину испыта хъ, и по душевнымъ жиламъ испыта въ, обрѣто хъ...

Пять же чювствію испыта въ: по видѣнію непреткновена тя обрѣтаю, и по второму, и по третіему же такоже, еже есть вкушь, и уне руки такоже. О вторѣмъ же чювствіи и о слусѣ не имамъ постиженія, княже мой, изрещи что извѣстно; минтъ же ми ся, яко не мога самъ всѣ

творити очима своими, от служащихъ оудіемъ твоимъ и приносящимъ ти въспоминанія, то от тѣхъ нѣкако приходитъ ти пакость душевнаа, и отвѣрсту сущу слуху, тѣмъ единѣмъ стрѣла входитъ ти; то то ради Соломонъ повелѣваетъ намъ глаголя: «блюдѣте, да не смерть видѣть оковца вашими». О семъ искутан, княже мой, о томъ помысли: о изгнанныхъ отъ тебе, о осуженныхъ отъ тебе наказанія ради, о прѣрѣвныхъ; въспомани о всѣхъ, кто на кого изрекъ, и кто кого оклеветалъ, и самъ суди разсуди таковыя, и якоже отъ Бога наставляемъ, всѣхъ помняи, и тако сътвори и отпусти; да ти ся отпуститъ, и отидадъ, да ти ся отидеть.

Аще бо не отидеши, якоже Христосъ глаголетъ, грѣхонаденія человекомъ, ни отецъ небесный оставитъ намъ прегрѣшеній нашихъ. Но и всеу нарицаемъ отца Бога, и глаголемъ къ Нему яже: «остави долги наши, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ». Не опечали же ся, княже мой, о семъ словеси; или шипи, яко кто приде къ мнѣ печалемъ⁽¹⁾, и того дѣла написахъ ти се? ни; тако ли благовѣрїя твоего, но просто тако написахъ на воспоминаніе тебѣ, яко великія власти и великомъ воспоминаемъ требуютъ и много, яко и вельми пользуют, и велику пакость имѣють. И сего ради дерзнухомъ мы, яко уставъ есть церковный и правило, во время се и ко княземъ глаголати что полезное. Не вѣдаемъ бо сего, яко грѣшници острупени суще, и гноемъ истекающе имѣхъ цѣлѣти начинаемъ; но во всемъ семъ ни одна же пакость. Аще бо и мы тади, но слово божіе, иже въ насъ, здраво есть и цѣло...

.....Тако Бога поминая блаженъ буде-

(1) Митрополитъ указываетъ на обычай печалованія или заступничества духовенства предъ княземъ за невинныхъ.

ши, хрании судьбу и твории правду во всяко время. Аще тако твориши, то созиждети дождь душевнаго спасенія, и не въ пустошь созиждеши; и тако сохрании градъ, еже есть душа твоя, и не всеу будеши бдѣль; и тако потребни изъ нея злыя совѣтники, рече не лукавыя помысли. Сїа ти совершенному, яко совершеннѣйшу тѣхъ; помниай о осуженныхъ отъ тебе, и исправи кто кого оклеветалъ, и самъ расуди; и проститъ, да прощени будеть. Яко свѣтле шъ мїръ, животное слово имѣя, и дѣла твоя: благовѣрїе, правду, судьбу нелицемѣрну, и милость, и отпущеніе, и еже кому взирати къ церкви царствующая и князю княземъ, и предъ очима имѣти его, якоже имѣеши... И едино ти реку на конци, христолюбивый княже мой, мало; воспоминаніе имѣи третьяго псалма, перваго часа, иже есть 100, и съ вниманіемъ его пой: милость и судъ мой Тебе, Господи, и прочая его, и той есть истинный икунникъ царское и княжеское икуны (копія съ подлинника).

(Рус. Дост. I, 71—75).

Митроп. Никифоръ (1104—1121) родомъ Грекъ и высказалъ въ посланіи византійскія воззрѣнія. Какъ человекъ благородный, онъ считалъ нужнымъ замѣтить вел. князю, что не слѣдуетъ внимать всякимъ слухамъ и доверять окружающимъ; но онъ высказалъ это съ удивительной осторожностью, мало по малу, при помощи многихъ изворотовъ и оборотовъ ораторскихъ. Посланіе какъ будто писано по случаю поста—и отвлеченно отъ жизни; но по всему видно, что главной цѣлью его было—дать знать Мономаху, чтобы онъ самъ судилъ и не доверялся другимъ, по милости которыхъ многие невинно илчаны и осуждены княземъ. Кроме посланій къ Владиміру Мономаху о затымъ и по случаю наступленія поста, митр. Никифоръ написалъ: 1, поученіе въ недѣлю сырпусною и 2, написаніе на Лаврѣю ко князю Ярославу.

Ист. рус. цер. Макарія II, 320—327. Намт. XII в. 157—163, Рус. Дост. I, 71—75.

187. **Беседа теорскаго епископа Симеона съ полотскимъ княземъ Константиномъ новль 1289.**

Князь Константинъ полотскій въспроси владыку Симеона теорскаго, гдѣ быти гнѣвомъ нашимъ на ономъ свѣтѣ? И рече владыка: гдѣ и князь. Князь же рече: тожъ не помѣя на владыку, глагола: тѣ уи не право судити, и каду емлетъ, зло дѣлати: азъ что дѣю? И рече ему владыка: аще будетъ князь добръ, и жалуетъ люди, и того ради взбравтъ властелии муча добра, страха божіа полна, разумна и праведна. Князь будетъ въ раи, а гнѣвъ его съ нимъ. Аще ли будетъ князь безъ страха божіа, и христіанъ не имать жаловати, и онъ поставляетъ властелина зла, невѣдуща; только бы ему кушь (денегъ) добывать; напустилъ его, аки глада пса на стерво, люди губити, и князь его будетъ въ адѣ, а гнѣвъ его съ нимъ. Но глаголю вамъ, паремъ и княземъ и мамъстникомъ: утѣшайте скорбящихъ, из-

бавляйте убогихъ отъ рукъ сильныхъ: си бо отъ богатыхъ обидни суть и притекають къ вамъ, яко затопникомъ блыгымъ; мо вы, дари и князи и мамъстники, подобни есте тучи дождевнѣи; иже истечеть надъ моремъ во время ведра, а не надъ землею жаждущей воды: вы тѣмъ бо лѣ даете и поможаете, у нихъ же много алата и сребра, а не тѣмъ, иже не имуть ни пѣнныя (золотой монеты) бѣдныхъ порабощаете, а богатыхъ даете.

(Ист. Гос. рас. IV, пр 178).

Въ Полученіи Момониха есть недостатки: три приближенныя къ алазю; а также въ словѣ Даміана Заточника; въ 2-мъ словѣ Серапіона и въ полученіи до 1350 г.

Въ Мирахъ Проведномъ XIV—XV в. помѣщены: 1) Слово на нещадности князи 2) Слово о гордости властителей 3) Слово о судихъ и властелихъ, емоуцхъ мжу 4) Слово о судихъ и клеветихъ (Архивъ Калачова 1, 30—38; Рус. Двст. ч. 11). Въ последнемъ словѣ читается: «Иже бо безъ правды чинитъ, поглаго осудитъ, проидеть и тѣмъ гнѣвомъ купитъ собѣ ясти и пити: оудитъ собѣ, и вѣтъ тѣмъ: мучени купитъ обиди и перы творитъ: се же, акоме рекомоу, стадо Христово во вѣдѣи есте тителъ и разбойниковъ». (Обзоръ Филарета 59).

В. ПАМЯТНИКЪ НАРОДНОЙ ПОЭЗІИ.

188. **Новѣсть о Шомакимомъ судѣ.**

Въ нѣкѣхъ мѣстехъ, живаши два дусына: мина, алекъ орсатъ, а другъ убогъ, а богатый же, асужае многолѣта убогого, и невозможже его спудности исполнити. И по неколику времени приде убогій и богатому брату просити лошади, на чемъ бы ему изъ лѣсу дровъ превести. Братъ же богаты нехота убогому брату лошади дати, и рече ему: брате,

асужае тебѣ много, а наполнити тебѣ не могу. И даде ему дошаль. И нача у него просити. Хомута вѣтъ: И ескорбися на него богаты братъ, и вѣтъ ему поносити, и рече ему: како брате, что у тебѣ и хомута вѣтъ? И не даде ему хомута. Мбоги же доиде къ себѣ, и прииде къ своимъ дровни, и привязавъ дровни къ лошади за хвостъ, и поиде въ лѣсъ, и насѣкъши дровъ и накладчи надровни елико лошади возможно везти, и повезе ко двору своему, и привезши дро-

ва, і отворивъ ворота, а подъ воротни забывъ выставить, ударивъ лошедь кнудомъ, лошедь же изо всѣй мочи бросяся з возомъ черезъ подворотню і хвостъ у себя оторвала. Убоги же вземъ лошедь, приведе ко брату своему богатому; братъ же рассмотря, что лошедь его безъ хвоста, і невзявъ у него лошеди, і поиде на него бить челомъ во градъ в лошеди; (убогіи) за нимъ же, вѣдая, что будетъ по него из города присылка, чтобъ ему ѣзду пристовомъ не платити. І придоша до нѣкоего села педоходя города. Богаты поиде ночевать к попу того села по знакомству; убоги же братъ приде к тому же попу, і приде ляжа на полати, а богаты братъ нача попу сказывати про лошедь свою, чего ради ідетъ в городъ попу познать, (потомъ?) нача попъ з богатымъ ужинать, і пити, і ясти, убоги же нача с полатей смотрити, что з братомъ его пьетъ и ѣсть, а ево не позовутъ. І незапу убоги урвася с полатей на выбку, а в зыбкѣ удави попова сына до смерти. Попъ же, видя сына своего смерть, і совершася з богатымъ, пошелъ в городъ бить челомъ на убогово же въ убивствѣ сына своего. І придоша ко граду, гдѣ живяше судия Шемяка. Убоги же иде за ними; и внидоша все во градъ, и какъ убоги поиде мостомъ, мостъже здѣланъ надъ глубокимъ ровомъ; и нѣки человекъ, жатель того града, рвомъ под мостомъ везъ отца своего в баню; убоги же размышляя в себя, что ему от брата и от попа будетъ погибель, и умысля в себя, и хотя самъ себя смерти предати, бросяся с мосту в ровъ и упаде на старого человекъ... везъ в баню. Убоги же до смерти уби его. Того жъ убогово поймавъ все, и приведе пред судию Шемяку. Убоги же мысляше, какъ бы ему бѣди избыти, и умысля, взя камень, і заверте в платъ, і положи в шапку, и ста пред судиею, и принесе братъ его исквою челобитную в лошеди і подаде судѣ. Судия жъ выслушавъ челобитную в лошеди, і рече судия убогому: *отвѣчай*: Убоги же невѣды, что отвѣщати, и вынявъ из шапки в платъ заверченный камень, и показа судѣ и поклонися. Судия жъ надѣяся, что ему от дѣла сулятъ, и рече судия истцу богатому брату: когда братъ твой у лошеди оторвалъ хвостъ, и ты у него лошеди не емли, до тѣхъ мѣсть, какъ у лошеди хвостъ вырастетъ: в то время у него лошади і возми. І потомъ нача другій судъ быти, і подаде попъ исквою челобитну в мертвомъ сынѣ своемъ; той же убоги также выня платъ с каменемъ и такожь суде показатъ. Судья же видѣ и помысли, что ему от другова суда сулятъ убоги же,—рече судия: попу: когда той убоги ушибъ сына твоего, ты, попъ, отдай тому убогому свою попадю (*т. е.*

пока она родить сына). По томъ нача третій судъ быти, что билъ челомъ сынъ во отцевой смерти, что той убоги же бросился с мосту ушибъ у него отца. Убоги же вынявъ из шапки той же заверченный камень в платъ, показа суде, судя же чая, что ему третѣ узолъ сулятъ, и рече истцу: *взыди ты на мостъ, а ты, убоги же, стань подъ мостомъ; і с мосту бросись на того убогого, якоже бросился онъ на отца твоего*. Убоги же нача Бога хвалити, что судия по немъ судѣ судилъ. Послѣ суда изыде истцы со отвѣщикомъ ис приказу, і нача богаты просити убогово лошеди своей. Онъ же рече ему по судейскому: какъ у лошеди твоей хвостъ вырастетъ, в ту пору и лошедь тебѣ отдамъ. Богаты же даде убогому брату своему 5 рублей денегъ, чтобъ онъ лошедь ему отдагъ... Потомъ же убоги нача попади просити по судейскому указу, чтобъ ему взявъ попадю ребенка у ней добыть и с ребенкомъ бы попу попадю отдать; попъ же нача убогому бити челомъ, чтобъ у него попади не имагъ; а убоги же нача проситися и попадю хотя у попа взяти, і даде попъ убогому за попадю 50 рублей денегъ, да кобылу з жеребенкомъ, да быка с коровою, да запасу всякаго хлѣба 40 четвертей. Потомъ же нача убоги третему истцу по судейскому указу говорить: я де стану под мостомъ, а ты взыди на мостъ, и ты с мосту бросяся на меня такоже, яко же азъ на отца твоего. Онъ же размышляя в себя: аще мнѣ бросится, ево будетъ неубити, а себя буде убити. І нача истецъ миритися и даде ему 30 рублей денегъ, да лошедь с коровою. Судия же высла человекъ своего ко отвѣтчику и велѣлъ у его взяти показанныя три узла взяти. Человекъ же судейской нача у него трехъ узловъ просити, онъ же, вынявъ из шапки заверченной камень в платъ, показуя тому человекъ, и человекъ нача его вопропати: что то за камень кажешь? Онъ же рече: я—де того ради сей камень здѣ казалъ, того какъ бы онъ не по мнѣ судилъ, і я тѣмъ камнемъ хотѣлъ его ушибити. І пришедь человекъ и сказа суде. Судья же, слышавъ человекъ своего, і рече: благодарю и хвалю Бога моего, что я по немъ судилъ, акъ бы я не по немъ судилъ и онъ бы меня ушибъ. Потомъ убоги отиде в домъ свой, радуяся и хваля Бога.

(Пам. стар. Литер. II, 405—406).

О Шемякинѣ судѣ. Лѣт. Рус. Литер. V, 34. Я позволилъ себѣ этотъ поздній памятникъ отнести сюда потому, что преданіе о Шемякинѣ судѣ, послужившее для него основой, относится къ древнему до-московскому периоду нашей исторіи.

4. СНОШЕНІЯ РУСИ СЪ ИНОСТРАНЦАМИ.

189. Договоръ Игоря съ Греками 945.

Мы отъ рода Русьскаго послы и гостіе в. кн. Игоря, (главный?) посоль именовъ Иворъ, и гостіе и общи послы: Вусоастъ, (слуга?) Святослава, сына Игорева, Искусевы, Оли книгини слуги, Игоревъ нетій Улѣбъ Володиславъ, Каницаръ Передславинъ, Шихбернъ, (нетій?) Соандры, жены Улѣбовы, Прастѣнъ Турдубъ и Лабіаръ Фастовъ, Гримъ Свирковъ, Прастенъ Якунъ, нетій Игоревъ, Кары, Тудковъ, Каршевъ, Турдовъ, Егріе Власковъ, Войсть Войковъ Истръ Амидовъ, Прастѣнъ Берновъ, Ятвягъ Гунаревъ, Шибринъ, Алданъ Кококлековъ, Стегтіетоновъ, Сѣирка, Алвадъ Гудовъ, Фуари Тулдовъ, Мутуръ Утинъ купецъ, — Адуъ Адуловъ, Иггивладъ Улѣбъ, Фрутанъ Гомозъ, кущы, Емигъ, Туробриадъ, Фурстѣнъ Бруныалдъ, Гунастръ, Фрастѣнъ, Ингельдъ, Турибенъ, Моны, Руалдъ, Свѣнъ Стиръ, Олапъ, Телна, Питаръ, Свѣнъ Вузелѣвъ и Синко Боричъ, посланиі отъ в. кн. русьскаго Игоря, и отъ всѣхъ князей русьскихъ и отъ всѣхъ людей земли Русьскія. И отъ тѣхъ всѣхъ заповѣдано, обновити ветхій миръ, и ненавидящаго добра и враждолюбца діавола лукавая плетения разорити, отъ многихъ лѣтъ утвердити миръ и любовь межю Греки и Русію.

Великій князь Игорь и князи и бояре его и люди вси русьстїи, послаша къ Роману и Константину и Стефану, къ вел. царемъ греческимъ сотворити миръ и

любовь съ самими царями и со всѣмъ боярствомъ, и со всѣми людьми греческими, на вся лѣта, дондеже сіяеть солнце и весь міръ стоитъ. Иже помышляютъ отъ страны Русьскія разрушити такую любовь, елико ихъ крещеніе прїяли суть, да ирїмуть мечь отъ Бога вседержителя, осуженіе на погибель въ сїи вѣкъ и въ будущій; а елико ихъ некрещены суть, да не имуть помощи отъ Бога, ни отъ Перуна, да не ущитятся щиты своими и да пощечены будутъ мечи своими и отъ стрѣлъ и отъ няго оружїя своего и да будутъ рабы и въ сїи вѣкъ и въ будущій.

1) Великій князь русьскій и бояре его, да посылають на то въ Греки къ в. царемъ греческимъ корабль, елико хотятъ, съ послы своими и съ гостями, акоже имъ уставлено есть носяху послы печати златы, а гостіе серебряны; нынѣ же увѣдѣлъ есть князь вашъ посылати грамоту ко царству вашему, иже посылаемы бывають отъ нихъ же послы и гостіе, да приносятъ грамоту, пишучи суще: яко послахъ корабль се елико, и отъ тѣхъ, да увѣмы и мы, оже съ миромъ приходятъ. 2) Аще ли безъ грамоты прївдуть и преданы (и) будутъ намъ, да держимъ и хранимъ, дондеже възвѣстимъ князю вашему; аще ли руку не дадутъ и противатся, да убіены будутъ, да не изыщется смерть ихъ отъ князя вашего; аще ли увѣжавше, прївдуть въ Русь, и мы напишемъ ко князю вашему, яко имъ любо, тако сотворятъ. 3) Аще прївдуть Русь

безъ куши, да не взимають мѣсячины. 4) И да запретитъ князь словомъ своимъ приходящимъ Руси здѣ, да не творятъ безчинія въ селехъ, ни въ странѣ нашей ничтоже зла. 5) И приходящимъ имъ, да витають у св. Мамы, да послетъ царство наше, да испишуть имена ихъ, и тогда возмутъ мѣсячину своею, первое отъ града Кіева, и пакы отъ Чернигова, и отъ Переяслава, и изъ прочихъ городовъ. 6) И да входятъ въ градъ едиными вратами, со даревыми мужемъ, безъ оружія мужъ 50, и да творятъ куплю, якоже имъ надобе. (Срв. II. Собр. Дѣл. I. 13.). 7) И пакы да исходятъ, и мужъ царства нашего, да хранятъ я; да аще кто отъ Руси или отъ Грекъ сотворитъ криво, да оправдаетъ то. 8) Входящия же Русь въ градъ, да не имѣють власти, кунитъ даровокъ, лишь по 50 златника, и отъ тѣхъ даровокъ, аще кто будитъ, да покажетъ царю мужу, и той запечатаетъ, и дасть имъ. 9) И отходящия Руси отсюда взимають отъ насъ, еже надобе, брашно на путь, и еже надобе долящъ, якоже уставлено есть первое, и да возвращаются со спасеніемъ въ страну свою, и да не имѣють власти зимовати у св. Мамы. 10) Ащели ключится проказа иѣкая отъ Грекъ, оущихъ подъ властію царства нашего, да не имѣть власти казнити я; но повѣстіемъ царства нашего, да примать, яко же будетъ сотворитъ. 11) Аще убіютъ Христіанинъ Русина, или Русинъ Христіанина; да держимъ будетъ сотворившій убійство, отъ ближнихъ убійцаго, да убьютъ я. 12) Ащели убьютъ сотворившій убійство, и аще будетъ зимовитъ; да возмутъ мѣсячину его ближнихъ убійцаго. 13) Ащели есть немовитъ, сотворившій убійство, и убожитъ; да ищутъ его, ащеже обрѣдятся, ащели обрѣдятся, да убіешъ будетъ. 14) Аще ударитъ мечемъ, или кеплемъ или кадемъ, либо оружіемъ, Грединъ Русина, или Русинъ Гредина да

того дѣла грѣха заплатитъ сребра литръ 10; по закону русьскому. 15) Аще ли есть немовитъ, да (власть?) како можеть, въ толико же и проданъ будетъ, да и порты, въ нихъ же ходитъ, и то съ него сняти, а опроцѣ да на роту ходитъ по своей вѣрѣ, яко не ниѣа ничтоже; и ниѣа мѣщень будетъ. 16) Аще ли кто покуется отъ Руси взяти что отъ людей царства нашего, иже то сотворитъ, неже не будетъ мольмо; аще ли взялъ будетъ, да заплатитъ сугубъ, и аще сотворитъ тоже Грединъ Русини; да приметь ту же казнь, ащеже ирѣдъ отъ я. онъ. 17) Ащели ключится убожитъ Русину отъ Грекъ что, или Гредину отъ Руси, достойно есть да возвращати о, не толико одно, но и кину (его). 18) Аще обрѣдятся украденое, ирѣдимо, да дасть цѣну его сугубу, и та ирѣдимо; будетъ по закону гречскому, а; по угляву русьскому. 19) А о Корсунахъ странѣ; мадинокъ есть градъ, да годъ странѣ, да не имѣть власти князь рускій, аще ли да тѣхъ странахъ, да рокоуть на вѣсть сторонахъ, — а да страна не покоряется вамъ, и тогда, аще проситъ, аще ать насъ князь рускій, да дамы ему, ащеко будетъ ему треба, да рокоуть. 20) И о томъ, аще обрѣдуть Русь кубару гречскую вывержену на коемъ либо мѣстѣ, да не преобдять ей; 21) Ащели отъ нея возметъ кто что, или человека, не работитъ, или убіетъ; да будетъ поименъ закону русьскому и гречскому. 22) Аще обрѣдуть Русь Кореуманы, рыбы ловащи, въ устьѣ Днѣпра, да не творятъ имъ зла никаго же, и да не имѣють Русь власти зимовати въ устьѣ Днѣпра, (въ?) Бѣлоберезѣ, ни у св. Блаферія, но агда ирѣдетъ ованъ, да илуть въ домъ свой въ Русь. 23) А о сихъ; иже то приходять Чаринъ Болгаре, и докоуть въ странѣ Корсунахъ, и великъ в, князю русьскому да ихъ не мущаетъ да не напакостватъ странѣ той. 24) И елико Христіанъ отъ вла-

сти наша дѣтеныхъ приведуть Русь, ту аще будетъ юноша или дѣвица добра, да владать златникъ 10 и помуть и; аще же есть средокъ, да владать златникъ 8 и помуть и; аще же будетъ старъ или дѣвица, да владать златникъ 5. 25) Аще ли обрѣтутся Русь работающа у Грекъ, аще ли суть дѣтеныши, да искупаютъ Русь по 10 златникъ; аще купилъ будетъ Грецинъ подъ крестомъ, достонитъ ему да возметъ цѣну свою, елико же даль будетъ на немъ. 26) Аще ли хотѣти начесть наше царство отъ васъ вои на противящися намъ, — да пишуть къ в. князю вашему и (онъ?) послеть къ намъ елико хоцеть, и отголѣ утѣлять и нынѣ страны, какую любовь имѣють Греци съ Русю. 27) Аще ускочитъ челядинъ отъ Руси, понеже придетъ въ страну свою отъ царства вашего и отъ св. Мамы, и аще будетъ обратится, да помуть и; аще ли не обратится, да на роту идутъ ваши Христиане Руси по вѣрѣ ихъ, а не Христиане по закону своему. 28) Тогда взимаютъ отъ насъ цѣну свою, якоже уставлено есть преже, (или?) двѣ павлоце за челядина. 29) Аще ли кто отъ людей царства нашего, или отъ града нашего, или отъ нѣкихъ городовъ ускочатъ челядинъ нашъ къ вамъ и принесеть что: да возвратитъ опять; и аще что принесеть будетъ (а) все цѣло, и да возметъ отъ него златника два.

Мы же совѣщаніе все написахомъ на двою хартію; и едина хартія есть царства нашего, на ней же есть крестъ и имена наша написана, — а на другой послы ваши и гости ваши; а отходяще съ посломъ царства нашего, да проведатъ къ в. князю Игореви, и въ князю; а ежели приметъ харатію, (и?) на роту идутъ: хранити истину, якоже мы совѣщахомъ и написахомъ на харатію сию, на ней же суть имена наша написана. Мы же, елико часть крестилася, есмь, княжюся, пер-

ковію св. Иди въ соборной церкви, и предлагающимъ крестомъ честнымъ и харатію сию, хранити же все, еже есть написано въ ней, и не преступати отъ того ничтоже, или преступитъ се отъ страны нашей, или князь, или инъ кто, или крещенъ, или некрещенъ, да не имать владѣти отъ Бога, да братъ себе въ си вѣкъ и въ будущій, и да заколенъ будетъ своимъ оружіемъ. А на ротѣ некрещенъ Русь долагать щиты свои и мечи свои, и обручя свои, и прочіе оружія и да князуютъ о всемъ, еже суть написано на харатіи сей, и хранити отъ Игора, и отъ всѣхъ бояръ, и отъ всѣхъ людей отъ страны русьскія, въ прочая дѣла и всегда. Аще ли кто отъ князя, или отъ людей русьскыхъ, или христианинъ, или нехристианинъ преступитъ се, еже есть написано на харатіи сей, и будетъ достонитъ своимъ оружіемъ убитъ, и да будетъ иволгетъ отъ Бога, и отъ Перуна, яко преступилъ свою бляху. Да аще будетъ добръ Игорьъ, в. князь, да хранити любовь всю свою и правду. (д) Бляху да не разрушитъ, дождеже соиде сивецъ, и весь миръ стоитъ въ выданный вѣкъ и въ будущій. Въ глго 6453, января 4, апреля 20, въ третію седмицу до пасхѣ.

(Лобинъ, Sammlung, Kritisch-bearbeiteter Quellen der Geschichte des Russischen Rechts, Leipzig 1844, 8—14).

См. Вѣстн. Евр. 1841, III, № 57, 1829, 1830, 1831, 1832, 1833, 1834, 1835, 1836, 1837, 1838, 1839, 1840, 1841, 1842, 1843, 1844, 1845, 1846, 1847, 1848, 1849, 1850, 1851, 1852, 1853, 1854, 1855, 1856, 1857, 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865, 1866, 1867, 1868, 1869, 1870, 1871, 1872, 1873, 1874, 1875, 1876, 1877, 1878, 1879, 1880, 1881, 1882, 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895, 1896, 1897, 1898, 1899, 1900, 1901, 1902, 1903, 1904, 1905, 1906, 1907, 1908, 1909, 1910, 1911, 1912, 1913, 1914, 1915, 1916, 1917, 1918, 1919, 1920, 1921, 1922, 1923, 1924, 1925, 1926, 1927, 1928, 1929, 1930, 1931, 1932, 1933, 1934, 1935, 1936, 1937, 1938, 1939, 1940, 1941, 1942, 1943, 1944, 1945, 1946, 1947, 1948, 1949, 1950, 1951, 1952, 1953, 1954, 1955, 1956, 1957, 1958, 1959, 1960, 1961, 1962, 1963, 1964, 1965, 1966, 1967, 1968, 1969, 1970, 1971, 1972, 1973, 1974, 1975, 1976, 1977, 1978, 1979, 1980, 1981, 1982, 1983, 1984, 1985, 1986, 1987, 1988, 1989, 1990, 1991, 1992, 1993, 1994, 1995, 1996, 1997, 1998, 1999, 2000, 2001, 2002, 2003, 2004, 2005, 2006, 2007, 2008, 2009, 2010, 2011, 2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020, 2021, 2022, 2023, 2024, 2025, 2026, 2027, 2028, 2029, 2030, 2031, 2032, 2033, 2034, 2035, 2036, 2037, 2038, 2039, 2040, 2041, 2042, 2043, 2044, 2045, 2046, 2047, 2048, 2049, 2050, 2051, 2052, 2053, 2054, 2055, 2056, 2057, 2058, 2059, 2060, 2061, 2062, 2063, 2064, 2065, 2066, 2067, 2068, 2069, 2070, 2071, 2072, 2073, 2074, 2075, 2076, 2077, 2078, 2079, 2080, 2081, 2082, 2083, 2084, 2085, 2086, 2087, 2088, 2089, 2090, 2091, 2092, 2093, 2094, 2095, 2096, 2097, 2098, 2099, 2100, 2101, 2102, 2103, 2104, 2105, 2106, 2107, 2108, 2109, 2110, 2111, 2112, 2113, 2114, 2115, 2116, 2117, 2118, 2119, 2120, 2121, 2122, 2123, 2124, 2125, 2126, 2127, 2128, 2129, 2130, 2131, 2132, 2133, 2134, 2135, 2136, 2137, 2138, 2139, 2140, 2141, 2142, 2143, 2144, 2145, 2146, 2147, 2148, 2149, 2150, 2151, 2152, 2153, 2154, 2155, 2156, 2157, 2158, 2159, 2160, 2161, 2162, 2163, 2164, 2165, 2166, 2167, 2168, 2169, 2170, 2171, 2172, 2173, 2174, 2175, 2176, 2177, 2178, 2179, 2180, 2181, 2182, 2183, 2184, 2185, 2186, 2187, 2188, 2189, 2190, 2191, 2192, 2193, 2194, 2195, 2196, 2197, 2198, 2199, 2200, 2201, 2202, 2203, 2204, 2205, 2206, 2207, 2208, 2209, 2210, 2211, 2212, 2213, 2214, 2215, 2216, 2217, 2218, 2219, 2220, 2221, 2222, 2223, 2224, 2225, 2226, 2227, 2228, 2229, 2230, 2231, 2232, 2233, 2234, 2235, 2236, 2237, 2238, 2239, 2240, 2241, 2242, 2243, 2244, 2245, 2246, 2247, 2248, 2249, 2250, 2251, 2252, 2253, 2254, 2255, 2256, 2257, 2258, 2259, 2260, 2261, 2262, 2263, 2264, 2265, 2266, 2267, 2268, 2269, 2270, 2271, 2272, 2273, 2274, 2275, 2276, 2277, 2278, 2279, 2280, 2281, 2282, 2283, 2284, 2285, 2286, 2287, 2288, 2289, 2290, 2291, 2292, 2293, 2294, 2295, 2296, 2297, 2298, 2299, 2300, 2301, 2302, 2303, 2304, 2305, 2306, 2307, 2308, 2309, 2310, 2311, 2312, 2313, 2314, 2315, 2316, 2317, 2318, 2319, 2320, 2321, 2322, 2323, 2324, 2325, 2326, 2327, 2328, 2329, 2330, 2331, 2332, 2333, 2334, 2335, 2336, 2337, 2338, 2339, 2340, 2341, 2342, 2343, 2344, 2345, 2346, 2347, 2348, 2349, 2350, 2351, 2352, 2353, 2354, 2355, 2356, 2357, 2358, 2359, 2360, 2361, 2362, 2363, 2364, 2365, 2366, 2367, 2368, 2369, 2370, 2371, 2372, 2373, 2374, 2375, 2376, 2377, 2378, 2379, 2380, 2381, 2382, 2383, 2384, 2385, 2386, 2387, 2388, 2389, 2390, 2391, 2392, 2393, 2394, 2395, 2396, 2397, 2398, 2399, 2400, 2401, 2402, 2403, 2404, 2405, 2406, 2407, 2408, 2409, 2410, 2411, 2412, 2413, 2414, 2415, 2416, 2417, 2418, 2419, 2420, 2421, 2422, 2423, 2424, 2425, 2426, 2427, 2428, 2429, 2430, 2431, 2432, 2433, 2434, 2435, 2436, 2437, 2438, 2439, 2440, 2441, 2442, 2443, 2444, 2445, 2446, 2447, 2448, 2449, 2450, 2451, 2452, 2453, 2454, 2455, 2456, 2457, 2458, 2459, 2460, 2461, 2462, 2463, 2464, 2465, 2466, 2467, 2468, 2469, 2470, 2471, 2472, 2473, 2474, 2475, 2476, 2477, 2478, 2479, 2480, 2481, 2482, 2483, 2484, 2485, 2486, 2487, 2488, 2489, 2490, 2491, 2492, 2493, 2494, 2495, 2496, 2497, 2498, 2499, 2500, 2501, 2502, 2503, 2504, 2505, 2506, 2507, 2508, 2509, 2510, 2511, 2512, 2513, 2514, 2515, 2516, 2517, 2518, 2519, 2520, 2521, 2522, 2523, 2524, 2525, 2526, 2527, 2528, 2529, 2530, 2531, 2532, 2533, 2534, 2535, 2536, 2537, 2538, 2539, 2540, 2541, 2542, 2543, 2544, 2545, 2546, 2547, 2548, 2549, 2550, 2551, 2552, 2553, 2554, 2555, 2556, 2557, 2558, 2559, 2560, 2561, 2562, 2563, 2564, 2565, 2566, 2567, 2568, 2569, 2570, 2571, 2572, 2573, 2574, 2575, 2576, 2577, 2578, 2579, 2580, 2581, 2582, 2583, 2584, 2585, 2586, 2587, 2588, 2589, 2590, 2591, 2592, 2593, 2594, 2595, 2596, 2597, 2598, 2599, 2600, 2601, 2602, 2603, 2604, 2605, 2606, 2607, 2608, 2609, 2610, 2611, 2612, 2613, 2614, 2615, 2616, 2617, 2618, 2619, 2620, 2621, 2622, 2623, 2624, 2625, 2626, 2627, 2628, 2629, 2630, 2631, 2632, 2633, 2634, 2635, 2636, 2637, 2638, 2639, 2640, 2641, 2642, 2643, 2644, 2645, 2646, 2647, 2648, 2649, 2650, 2651, 2652, 2653, 2654, 2655, 2656, 2657, 2658, 2659, 2660, 2661, 2662, 2663, 2664, 2665, 2666, 2667, 2668, 2669, 2670, 2671, 2672, 2673, 2674, 2675, 2676, 2677, 2678, 2679, 2680, 2681, 2682, 2683, 2684, 2685, 2686, 2687, 2688, 2689, 2690, 2691, 2692, 2693, 2694, 2695, 2696, 2697, 2698, 2699, 2700, 2701, 2702, 2703, 2704, 2705, 2706, 2707, 2708, 2709, 2710, 2711, 2712, 2713, 2714, 2715, 2716, 2717, 2718, 2719, 2720, 2721, 2722, 2723, 2724, 2725, 2726, 2727, 2728, 2729, 2730, 2731, 2732, 2733, 2734, 2735, 2736, 2737, 2738, 2739, 2740, 2741, 2742, 2743, 2744, 2745, 2746, 2747, 2748, 2749, 2750, 2751, 2752, 2753, 2754, 2755, 2756, 2757, 2758, 2759, 2760, 2761, 2762, 2763, 2764, 2765, 2766, 2767, 2768, 2769, 2770, 2771, 2772, 2773, 2774, 2775, 2776, 2777, 2778, 2779, 2780, 2781, 2782, 2783, 2784, 2785, 2786, 2787, 2788, 2789, 2790, 2791, 2792, 2793, 2794, 2795, 2796, 2797, 2798, 2799, 2800, 2801, 2802, 2803, 2804, 2805, 2806, 2807, 2808, 2809, 2810, 2811, 2812, 2813, 2814, 2815, 2816, 2817, 2818, 2819, 2820, 2821, 2822, 2823, 2824, 2825, 2826, 2827, 2828, 2829, 2830, 2831, 2832, 2833, 2834, 2835, 2836, 2837, 2838, 2839, 2840, 2841, 2842, 2843, 2844, 2845, 2846, 2847, 2848, 2849, 2850, 2851, 2852, 2853, 2854, 2855, 2856, 2857, 2858, 2859, 2860, 2861, 2862, 2863, 2864, 2865, 2866, 2867, 2868, 2869, 2870, 2871, 2872, 2873, 2874, 2875, 2876, 2877, 2878, 2879, 2880, 2881, 2882, 2883, 2884, 2885, 2886, 2887, 2888, 2889, 2890, 2891, 2892, 2893, 2894, 2895, 2896, 2897, 2898, 2899, 2900, 2901, 2902, 2903, 2904, 2905, 2906, 2907, 2908, 2909, 2910, 2911, 2912, 2913, 2914, 2915, 2916, 2917, 2918, 2919, 2920, 2921, 2922, 2923, 2924, 2925, 2926, 2927, 2928, 2929, 2930, 2931, 2932, 2933, 2934, 2935, 2936, 2937, 2938, 2939, 2940, 2941, 2942, 2943, 2944, 2945, 2946, 2947, 2948, 2949, 2950, 2951, 2952, 2953, 2954, 2955, 2956, 2957, 2958, 2959, 2960, 2961, 2962, 2963, 2964, 2965, 2966, 2967, 2968, 2969, 2970, 2971, 2972, 2973, 2974, 2975, 2976, 2977, 2978, 2979, 2980, 2981, 2982, 2983, 2984, 2985, 2986, 2987, 2988, 2989, 2990, 2991, 2992, 2993, 2994, 2995, 2996, 2997, 2998, 2999, 3000, 3001, 3002, 3003, 3004, 3005, 3006, 3007, 3008, 3009, 3010, 3011, 3012, 3013, 3014, 3015, 3016, 3017, 3018, 3019, 3020, 3021, 3022, 3023, 3024, 3025, 3026, 3027, 3028, 3029, 3030, 3031, 3032, 3033, 3034, 3035, 3036, 3037, 3038, 3039, 3040, 3041, 3042, 3043, 3044, 3045, 3046, 3047, 3048, 3049, 3050, 3051, 3052, 3053, 3054, 3055, 3056, 3057, 3058, 3059, 3060, 3061, 3062, 3063, 3064, 3065, 3066, 3067, 3068, 3069, 3070, 3071, 3072, 3073, 3074, 3075, 3076, 3077, 3078, 3079, 3080, 3081, 3082, 3083, 3084, 3085, 3086, 3087, 3088, 3089, 3090, 3091, 3092, 3093, 3094, 3095, 3096, 3097, 3098, 3099, 3100, 3101, 3102, 3103, 3104, 3105, 3106, 3107, 3108, 3109, 3110, 3111, 3112, 3113, 3114, 3115, 3116, 3117, 3118, 3119, 3120, 3121, 3122, 3123, 3124, 3125, 3126, 3127, 3128, 3129, 3130, 3131, 3132, 3133, 3134, 3135, 3136, 3137, 3138, 3139, 3140, 3141, 3142, 3143, 3144, 3145, 3146, 3147, 3148, 3149, 3150, 3151, 3152, 3153, 3154, 3155, 3156, 3157, 3158, 3159, 3160, 3161, 3162, 3163, 3164, 3165, 3166, 3167, 3168, 3169, 3170, 3171, 3172, 3173, 3174, 3175, 3176, 3177, 3178, 3179, 3180, 3181, 3182, 3183, 3184, 3185, 3186, 3187, 3188, 3189, 3190, 3191, 3192, 3193, 3194, 3195, 3196, 3197, 3198, 3199, 3200, 3201, 3202, 3203, 3204, 3205, 3206, 3207, 3208, 3209, 3210, 3211, 3212, 3213, 3214, 3215, 3216, 3217, 3218, 3219, 3220, 3221, 3222, 3223, 3224, 3225, 3226, 3227, 3228, 3229, 3230, 3231, 3232, 3233, 3234, 3235, 3236, 3237, 3238, 3239, 3240, 3241, 3242, 3243, 3244, 3245, 3246, 3247, 3248, 3249, 3250, 3251, 3252, 3253, 3254, 3255, 3256, 3257, 3258, 3259, 3260, 3261, 3262, 3263, 3264, 3265, 3266, 3267, 3268, 3269, 3270, 3271, 3272, 3273, 3274, 3275, 3276, 3277, 3278, 3279, 3280, 3281, 3282, 3283, 3284, 3285, 3286, 3287, 3288, 3289, 3290, 3291, 3292, 3293, 3294, 3295, 3296, 3297, 3298, 3299, 3300, 3301, 3302, 3303, 3304, 3305, 3306, 3307, 3308, 3309, 3310, 3311, 3312, 3313, 3314, 3315, 3316, 3317, 3318, 3319, 3320, 3321, 3322, 3323, 3324, 3325, 3326, 3327, 3328, 3329, 3330, 3331, 3332, 3333, 3334, 3335, 3336, 3337, 3338, 3339, 3340, 3341, 3342, 3343, 3344, 3345, 3346, 3347, 3348, 3349, 3350, 3351, 3352, 3353, 3354, 3355, 3356, 3357, 3358, 3359, 3360, 3361, 3362, 3363, 3364, 3365, 3366, 3367, 3368, 3369, 3370, 3371, 3372, 3373, 3374, 3375, 3376, 3377, 3378, 3379, 3380, 3381, 3382, 3383, 3384, 3385, 3386, 3387, 3388, 3389, 3390, 3391, 3392, 3393, 3394, 3395, 3396, 3397, 3398, 3399, 3400, 3401, 3402, 3403, 3404, 3405, 3406, 3407, 3408, 3409, 3410, 3411, 3412, 3413, 3414, 3415, 3416, 3417, 3418, 3419, 3420, 3421, 3422, 3423, 3424, 3425, 3426, 3427, 3428, 3429, 3430, 3431, 3432, 3433, 3434, 3435, 3436, 3437, 3438, 3439, 3440, 3441, 3442, 3443, 3444, 3445, 3446, 3447, 3448, 3449, 3450, 3451, 3452, 3453, 3454, 3455, 3456, 3457, 3458, 3459, 3460, 3461, 3462, 3463, 3464, 3465, 3466, 3467, 3468, 3469, 3470, 3471, 3472, 3473, 3474, 3475, 3476, 3477, 3478, 3479, 3480, 3481, 3482, 3483, 3484, 3485, 3486, 3487, 3488, 3489, 3490, 3491, 3492, 3493, 3494, 3495, 3496, 3497, 3498, 3499, 3500, 3501, 3502, 3503, 3504, 3505, 3506, 3507, 3508, 3509, 3510, 3511, 3512, 3513, 3514, 3515, 3516, 3517, 3518, 3519, 3520, 3521, 3522, 3523, 3524, 3525, 3526, 3527, 3528, 3529, 3530, 3531, 3532, 3533, 3534, 3535, 3536, 3537, 3538, 3539, 3540, 3541, 3542, 3543, 3544, 3545, 3546, 3547, 3548, 3549, 3550, 3551, 3552, 3553, 3554, 3555, 3556, 3557, 3558, 3559, 3560, 3561, 3562, 3563, 3564, 3565, 3566, 3567, 3568, 3569, 3570, 3571, 3572, 3573, 3574, 3575, 3576, 3577, 3578, 3579, 3580, 3581, 3582, 3583, 3584, 3585, 3586, 3587, 3588, 3589, 3590, 3591, 3592, 3593, 3594, 3595, 3596, 3597, 3598, 3599, 3600, 3601, 3602, 3603, 3604, 3605, 3606, 3607, 3608, 3609, 3610, 3611, 3612, 3613, 3614, 3615, 3616, 3617, 3618, 3619, 3620, 3621, 3622, 3623, 3624, 3625, 3626, 3627, 3628, 3629, 3630, 3631, 3632, 3633, 3634, 3635, 3636, 3637, 3638, 3639, 3640, 3641, 3642, 3643, 3644, 3645, 3646, 3647, 3648, 3649, 3650, 3651, 3652, 3653, 3654, 3655, 3656, 3657, 3658

Неволина. 1851. III. 233. О визант. элементъ въ языкѣ договоровъ Рус. съ Грек. Спб. 1853. О договорахъ Олега и Игоря. *Погодина.* Рус. Ист. сборн. I, 3, 4, 28. Москов. Телегр. 1825, ч. XX, 340—2.

190. Мирная грамота Новгородцевъ съ Нѣмцами 1199.

Се азъ князь, Ярославъ Володимѣрьичъ, сгадавъ съ посадникомъ с Мирощкою и с тысяцкимъ Яковомъ и съ всеми Новгородцами, подтвердохомъ мира старого с посломъ Арбудомъ и съ всеми нѣмьцкими сыны и съ Готы и съ всею латинскимъ языкомъ. Послалъ есмь посла своего Григу на сев правдѣ: 1-е: ходити Новгородцю послу и всякому Новгородцю въ миръ въ Нѣмецкую землю и на Гѣцкѣ берегъ (*Готландъ*); тако же ходити Нѣмьчмъ и Гтяномъ въ Новгородъ безъ пакости не обидимъ никымъ же. Аче будетъ судъ князю новгородцкѣму Новѣгородѣ или нѣмецкѣму къ Нѣмьцкѣ, а въ томъ миру ити гостю домовъ бесъ пакости; а кого Богъ поставитъ князя, а съ тѣмъ мира подтвердить, либо ли земля безъ миру станеть. А оже убьютъ Новгородца посла за моремъ или нѣмецкыи посолъ Новѣгородѣ, то за ту голову 20 гривезъ серебра. А оже убьютъ купчину Новгородца или Нѣмчина—купчину Новѣгородѣ, то за ту голову 10 гр. сер. А оже мужа свяжутъ безъ вины, то 12 гр. за соромъ старыхъ кунъ. Оже ударятъ мужа оружьею, либо коломъ,—то 6 гр. за рану старыя. Оже ушьхнеть, либо мятель раздреть, то 3 гр. старыя. Оже пошибзютъ мужеску жену, либо дчьрѣ,—то князю 40 гр. ветхыми кунами, а женѣ или мужьское дчери 40 гр. ветхыми кунами, а женѣ или мужьское дчери 40 гр. ветхыми кунами. Оже съгренеть (*сорветъ*) чужее женѣ повои (*повязку*) съ головы или дчьри, явится просто во-

лоса,—6 гр. старыя за соромъ. Оже тяжа родится безъ крови, снудутся послуся, и Русь и Нѣмци,—то вергутъ жеребее, кому ся выиметь, ротъшдъ свою правду възмутъ. Оже емати скотъ (*денны, долгъ*) Варягу на Руснѣ, или Русину на Варязѣ, а ся его заурить (*запрется*); то 12 мужъ послухы, идетъ ротѣ (*къ присяль*), възмемъ свое. Оже родится тяжа въ Нѣмцехъ Новгородцю, либо Нѣмчшу Новѣгородѣ; то рубеза нетворити, на другое лѣто жаловати; оже неправати, то, князю явя и людемъ, взяти свое у гости, оже тяжа родится въ Новѣгородѣ; оже тяжа родитъ къ иное земли въ рускыхъ городѣхъ, то у тѣхъ свое тяже прашати. искати Новугороду не надобе. А тяжа на города, а Нѣмчинъ свободъ и Новогороци. Оже придетъ въ свои лоды въ нѣмецков домовъ, аче самъ не поидеть въ нея опять мужъ, дастъ кѣрмьнику. Нѣмчина не сожати въ погребъ Новѣгородѣ, ни Новгородца въ Нѣмчѣхъ; нѣ емати свое у виновата. Оже кто робу повержить насилкомъ, а не сорамитъ; то за обиду гривна, пакы ли соромитъ, собѣ свободна. Оже убьютъ таль (*заложника*) или пошъ новгородское или нѣмецкѣ Новѣгородѣ, то 20 гр. сер. за голову.

(*Изв. Акад. VI, 155—166*).

См. грам. касающ. сношеній съ Ганз. гор. № 2.

191. Договоръ смоленскаго князя Штислава Давидовича съ Ригю, Готландомъ и нѣмецкими городами 1229.

Что ся дѣетъ по вѣрмьнемъ, то отиде то по вѣрмьнемъ; приказано боудѣте добрымъ людѣмъ, а либо грамотою оутвѣр-

дять, како то боудѣте всемъ вѣдомъ, или кто послѣ живымъ останаѣтся. Того лѣта, коли Адъбрахтъ, владыка ризкин оумьрлѣ, оуздоумалъ князѣ смольнескымъ Мьстиславъ, Давыдовъ сынъ, прислалъ въ Ригу своего лочьшого попа Брьмея и съ нимъ оумьна моужа Пантеля ис своего города Смольнеска: та два была послѣмъ оу Ризѣ, из Ригы ехали а Гочкымъ берьго, тамо твердяти миръ. Оутвердили миръ, что былъ немьрно промьжю Смольнеска и Ригы, и Готскымъ берьгомъ всемъ коупчемъ. Пре сей миръ трюудилися дѣбрии людие: Ролфо ис Кашеля (*касселя*), Божии дворянинъ, Тоумаше Смольнинъ, ажбы миро былъ и дѣ вѣка; оурядили пакъ миръ, како было любо Роуси и всемоу Латинескому языкоу, кто то оу Роусе гостит. На томъ мироу, ажбы миръ твердъ былъ, тако былъ князю любо и Рижанъмъ всемъ и всемоу Латинескому языкоу и всемъ темъ, кто то на Оустоко моря ⁽¹⁾ ходять, ажбы нальзл ⁽²⁾ (*нашелъ*) правдоу то написати, како то держати Роуси съ Латинескымъ языкомъ, и Латинескому языкоу съ Роусию то дѣржати аж быхъшъ что тако оучинили; того Богъ не дам, ажбы промьжю нами бои былъ, а любо члвкя оубиють до смрти, како члвкя, то отплатити, ажбы миръ не рѣздроушевъ былъ: такъ платити, како то бы обонимъ любо были.

Здѣ починаеться правда: 1. Аже боудѣтъ свободнымъ члвкъ оубить, 10 гривенъ серебра за голъвоу. 2. Аже боудѣте холпъ оубить, 1 гривна серебра заплатити: оу Смольнѣскъ, тако платити и оу Ризе и на Готскомъ берьзѣ. 3. Око, роука, нъга, или инъ что любо, по пяти

(1) Ostsee—Балтійское море.

гривнъ серебра отъ всякаго платити: за окъ 5 серебра, за рукоюу 5 серебра, за нъгоу 5 серебра, и за всякыи соу-ставъ пять гривнъ серебра; за зoubъ 3 гривнъ серебра: и Смольнѣскъ и оу Ризѣ и на Гочкомъ берьзѣ. 4) Кто биеть друуга дѣревъмъ, а боудѣте сны, любо кровавъ, полоуторы гривны серебра платити емоу. 5) По оуху оударите, 3 четвѣрти серебра. 6) Послоу и попу что оучинять, за двое того оузати, два платѣтя. 7) Аже кого оурянять, полоуторы гривны серебра, аже боудѣте безвѣка: тако платити оу Смольнескѣ и оу Ризѣ и на Гочкомъ берьзѣ. 8) Аже извинитися Роусинъ оу Ризе, или на Гочкымъ березе, оу дыбоу его не сажати. 9) Аже извинитися Латининъ оу Смольнѣскѣ, не мѣтати его оу погрѣбѣ, аже не боудѣтъ пороукы, то оу жельзя оусадить. 10) Аже латининъ дастъ Роусиноу товаръ свои оу дълго оу Смольнескѣ, заплатити Немциноу пѣрвѣ, хотя бы инъмоу комоу виновать былъ Роусиноу. Тако оузати Роусиноу оу Ризѣ и на Готскомъ берьзѣ. 11) Аже розгнѣваеться князѣ на своего чловѣка, а боудѣте винивать Немчицю Роусинъ, а отиметь князѣ все, женоу и дѣти оу холпство, пѣрвое платити емоу Латинину, а потомъ князю какъ любо съ своимъ члвкмъ. Такую правдоу възати Роусиноу оу Ризѣ и на Гочкымъ берьзѣ. 12) Аже Латининъ дастъ князю хълопоу въ заемъ, или инъму доброу члвкоу, а оумрете не заплативъ, а кто емльть его остатъкъ, тому платити Немциноу. Такова правда оузате Роусину оу Ризѣ и на Гочкомъ берьзѣ. 13) Роусиноу не оупирати Латинина однемъ послухомъ, аже не боудѣтъ двою послухоу, одного Немчича, а друугого Роусина, добрыхъ людии. Тако Латининоу не пѣрпрети Роусина, аже не боудѣтъ послуха Роусина, а друугого Немчина оу Ризѣ и на Гочкомъ берьзѣ. 14) Роусиноу не вѣсти Латинина ко жель-

зоу горячемоу (1), аже самъ въсхочеть. А Латинноу тако Роусиноу не вестн, аже самъ въсхочете. 15) Роусиноу не звати Латина на полъ (2) битися оу Роуской земли; а Латинноу не звати Роусина на полъ битися оу Ризъ и на Готскомъ березъ. 16) Аже Латинеский гость битися мѣжо събою оу Роуской земли либо мѣжемъ, а либо дѣрѣвѣмъ, князю то не надобе, мѣжо събою соудити. Тако, аже Роуский гость битися оу Ризъ или на Гочкомъ березе, Латине то не надѣтъ, а те промѣжо събою оурядитеса. 17) Аже застанете Роусинъ Латинеского челоуѣка своего женью, за то платити гривнъ 10 серебра. Тако оучинити Роусиноу оу Ризъ и на Гочкомъ березъ платити. 18) Аже Латинеский челоуѣкъ оучинит насилье свободнѣ жене, а боудѣтъ прѣже на неѣ не былъ сорожа, за то платити гривнъ 5 серебра. Тая правда оузати Роусиноу оу Ризъ и на Готскомъ березе. Аже боудѣте прѣвѣ на нѣи сѣрѣмъ былъ, взяти еѣ гривна серебра вѣ насилье. 19) Аже насилуеетъ робѣ, а боудѣтъ на него послѣуся, дати емоу гривна серебра. Такова правда оузати Роусиноу оу Ризъ и на Гочкомъ березъ. 20) Аже мѣжо Роусиномъ и Латинескимъ свѣжетъ друтъ друга безъ вины, за то платити 3 гривны сербѣра. 21) Аже боудѣте Роусиноу платити Латинескому, а не въсхъчеть платити, то тѣ Латинескому просити дѣтскаго оу тиоуна. Аже дастъ намъ дѣтскому, а не исправитъ за 8 днѣи товара оу Роусина, то тѣ дати емоу на събѣ пороука. 22) Аже Смолянне не дадоутъ емоу вѣль, Смоляннѣмъ платити самымъ, дългъ платити. Тая правда оузати Роусиноу оу Ризъ и на Гочкомъ березе. 23) Аще Тиоунъ оуслышитъ, Латинеский гость пришелъ,

послати емоу люди съ колы прѣвѣсти товаръ, а не оудѣржати емоу; аже оудѣржитъ, оу томъ сѣ можете оучинити пагоуба. 24) Аже Латинеский гость Смоляны прѣдѣтъ на Вѣлькѣ, то тѣ мѣтати жеребѣи, како нашьрѣдъ вѣстико Смолянскоу. Аже боудѣтъ людие изъ—ыное земли, тѣтъ послѣ вѣсти. Тая правда оузати Роуси оу Ризъ и на Гочкомъ березъ. 25) Како тако боудѣте, како прѣдѣтъ Латинеский гость оу городѣ, с Волока дати имъ княгини поставъ частини, тиоуноу на Вѣльцѣ дати роукавицъ, ажѣи товаръ прѣвѣльгъ безъ дѣржання. 26) Которыя Вѣльчаннѣи възмѣтъ Латинеский товаръ чересъ Вѣлькѣ вѣсти, а что погынетъ отъ того товара, что емоу приказано, то платити всемъ Вѣльчаннѣмъ. Тая правда Роуси оузати оу Ризъ и на Гочкомъ березъ. 27) Аже Латинеский прѣдѣтъ къ городу, свободно емоу продавати, а противоу того не молвити никому же. Тако длѣати Роуси оу Ризъ и на Гочкомъ березе. 28) Аже Латинеский оуѣхочеть ѣхати и Смолянска своиѣи товаромъ въ иноу стороноу, про то еѣо князю не дѣржати, ни иномоу никому же. Тако Роусиноу ѣхати изъ Гочкого бѣрѣга дѣ Травны (1). 29) Аже Роусинъ коупитъ оу Латинескаго чѣлка товаръ, а възмѣтъ к собѣ, то тѣ Латинескому не взяти товара наоупитъ, Роусиноу томоу платити. Тако Роусиноу не оузати оу Латинескаго товара своего опять, платити емоу. 30) Роусиноу не звати Латинескаго на иного князя соудѣ. лише прѣдъ смольнескаго князя, аже самъ въсхочете, тѣ тѣ идѣтъ. Тако Латинескому не звати Роусина на инѣи соудѣ, лише оу Ригоу и на Гочкыи берега. 31) Роусиноу не ставити на Латинескаго дѣтскаго не явивше старость Латинескому; аже не слоушаетъ старосты

(1) Судебный образъ испытанія желѣзомъ.
(2) На поля—судебный поединокъ.

(1) Trawemünde, близъ Любека, на взморѣи.

Латинескому; аже не слоушаеть старосты, то ть можеть на него дѣт(с)кого приставити. Тако Латинескому на Роусина не ставити бирица оу Ризѣ, ни на Гочкомъ бѣрезѣ. 32) Латинескому дати отъ двою кашю въску въсцю коуна смольнеская. 33) Коупити Латинескыи гривноу золъта, дастъ вѣсити, дати емоу вѣсцѣ ногата смольнеская. Аже продасть, не дати ничего же. 34) Аже Латинскіи коупити соуды серебряные, дати емоу вѣсцю отъ гривны серебра по ногатѣ смольнеском. Аже продасть, не дати ничего же. 35) Аже Латинескыи коупити гривноу серебра, дати емоу въсцю двѣ вѣши. Аже продасть, не дати ничего же. 36) Аже Латинескыи дастъ серебро пожигати, дати емоу, отъ гривны серебра коуна смольнеская. 37) Аже капъ, чимъ то весятъ, изгъмьлна боудѣте, а любо льгче боудѣтъ, то ть спускати обѣ в-ъ-дино мѣсто, что лѣжить оу св. Богородице на горе, а другая оу Латинеской церкви, обѣ ровнати. 38) Латинескому есть вѣлно оу Смольнеске, который товаръ хъчѣтъ коупити, бес пакости. Тако дѣланти Роусь оу Ризѣ и на Гочкомъ бѣрезѣ. 39) Всякому Латинескому члвкоу свободѣнъ путе из Гочкого берега до Смольнеска без мыта. Тая правда есть Роуси изъ Смолненска до Гочкого берега. 40) Латинескому не ехати на вѣнноу съ княземъ, ни съ Роусию, аже самъ хъчѣтъ, тотъ ѣдетъ. Тако Роусиноу не ехати съ Латинескымъ на вѣнноу, ни оу Ризѣ, ни на Гочкомъ бѣрезѣ; аже хочеть самъ, ть ть ѣдѣтъ. 41) Которыи Роусинъ, или Латинескыи, имѣтъ татя, надъ тѣмъ емоу своя вѣля, камъ его хочеть, тамъ дѣжетъ. 42) Ни одному же Роусиноу не дати пересоуда оу Ризѣ ни на Гочкомъ бѣрезѣ; тако Латинескому оу Роускомъ зѣмля не дати пересоуда никому же. Которое орудие доконечано боудѣтъ оу Смолнескѣ мѣжю Роусию и мѣжю Латинескымъ языкомъ, прѣдѣ соу-

дьями и прѣдѣ добрыми людьми; боль того не починати оу Ризѣ и на Гочкомъ бѣрезѣ; а что боудѣтъ дѣкончано оу Ризѣ и на Гочкомъ бѣрезѣ, прѣдѣ соудьями и прѣдѣ добрыми людьми, того оу Смолнескѣ не починати. 43) Пискоупъ ризскыи, Мастъръ божихъ дворянъ, и вси земледѣрци, ти дають Двиноу свободноу, отъ вѣрхоу и до низоу въ мѣре и по вѣдѣ и по бѣрегоу всемоу Латинескому языкоу и Роуси, кто правыи коупчѣ есть, отъ моря даемо свободно, кто хочете по Двине ехати оу вѣрхѣ или оу низѣ. 44) Оу кого ся избнеть оучанъ, а любо челнъ, Богъ того не дам, или оу Роусина, или оу Латинеского, оу тѣхъ вѣлѣсти, кто сю свободуу дамъ, товаръ его свобонъ, на водѣ и на бѣрезѣ бес пакости всякому; товаръ иж то потоплѣ, брати оу мѣсто своею дружиною из воды на берего. Аже надобѣ емоу болше помъчи, то ть наимоуи при послоусѣхъ, кто былъ тоу, то боудѣте послоуѣ, что имъ посоуднѣшь, то дам, а болѣ не дам. Тая правда Латинескому вѣзати оу Роускомъ земли оу вѣлѣсти князя смольнеского и оу полотьского князя вѣлѣсти и оу витѣбскаго князя вѣлѣсти.

Коли ся грамота писана, яшлѣ былъ от Рож. Господня до сего лѣта 1000 лѣто и 200 лѣто и 8 лѣто и 20, подъ пискоупомъ ризскимъ, проветъ Яганъ, Мастъръ Вѣлкѣнъ, божии дворянинъ, и подъ горожаныи ризскимыи, прѣдѣ всеми Латинескыи коупци. Ся грамота оутвѣржена всехо коупчѣ пѣчатю. Се орудие исправили оумнии коупчи: Регнѣбодѣ, Дѣтяртѣ, Адамъ, то были горожане на Гочкомъ бѣрезѣ. Мѣмбернъ, Вредрикъ, Доумбъ, ти были из Любка: Гиндрикъ Готъ, Илдигѣрь; то два была ись Жата; Конратъ Шхель, одѣ Яганъ Кинтъ, та два была изъ Мюнѣстѣря; Бернаръ, одѣ Вѣлкѣрь, та два была изъ Грюнигъ; Ермѣбрѣхъ, одѣ Албрахътъ, та два была изъ Дортмѣня; Гиндрикъ Цижики изъ

Бремьнъ, Албрахтъ Слоукъ, Бернартъ, одѣ Вагтьръ, одѣ Албрахтъ Фоготъ, то были горожане оу Ризѣ, и инехъ много оумныхъ добрыхъ людей. Которыи Роусинъ, или Латинескыи противоу сею правды мълвять, того почести за ляхи моужь. Ся грамота есть выдана на Гочкомъ беръзѣ пьрьдъ Роускыи посломъ и пьрьдъ всеми Латинескыи коупци.

(Собр. грам. II. № 1).

См. Рус. Ливон. акты, 1866. Спб. 419. Ист. гос. рос. III, пр. 273. Рус. Дост. II. 245—73. Sammlung Kritisch—bearbeiteter Quellen der Geschichte des Russischen Rechtes. Тобина. II, 49.

192. Грамота смоленскаго князя Федора Ростиславича къ римскому епископу. 1284.

Поклонъ отъ князя отъ Федора къ пискоупоу и къ Мастеру и къ ратманомъ. Што боудеть намъ речь съ пискоупомъ, или съ Мастеромъ, то ведаемъся мы сами; а ващому гостеви сѣмо боуди поутъ чистъ, а нашему гостеви боуди къ вамъ поутъ чистъ; а роубѣжа не дѣяти, не намъ в себе в Ризѣ и на Гоцькомъ березѣ коупцоумъ. Ся же грамота писана бысть, ницѣло было отъ Рождества Господня до сего лѣта 1000 лѣтъ и двѣстѣ лѣтъ и осмьдесать лѣтъ и три лѣта, въ четвертое лѣто, на Възнесенъе господня; а тоу былъ въ Смолѣнске на мѣсто на княжи на Федорово, Аньдрѣи Михайловичъ Князь, Артемии Намзѣтъникъ, Остаѣи Дядко, Микоула Дядковичъ, Лаврѣити нацѣтъникъ владыченъ, Мирославъ, Олекса Черныи, Тереньтею тамржикъ Ветхыи, Аньдрѣи попъ. А тоу былъ при докончаніи грамоты сее, Любрахтъ, посолъ отъ Мастера, а отъ горожанъ Петръ Бяртъль, а въ торговщицъ Федоръ Волковъидкъ дѣтъ Брюнъжикъна, Гемликъ изъ

Мигистера; а Мошел, печатникъ князь Федоровъ, печаталъ, а Федорко, писецъ князь Федоровъ, писалъ.

(Собр. грам. I, № 3).

193. Договоръ смоленскаго князя Ивана Александровича съ рижскимъ Гершнвисторомъ 1330—1359.

Се язъ князь великнїи смоленскнїи Иванъ Александровичъ, оуукуъ Глѣбонъ докончалъ есмь съ братомъ своимъ с Мѣстѣрѣмъ с Ризьскимъ и съ Пѣмъ и с рыдѣлю и с ратманы и со всѣми Рижаны, што подъ него рукою, докончалъ есмь по дѣда своего докончанью, и по старымъ грамотамъ, докончалъ есмь по тому докончанью, како то братъ мой старѣйшии Кедименъ докончалъ и него дѣти Глѣбъ и Алкердъ: Бадити Немценъ въ домъ святѣи Богородице и ко мнѣ, а мнѣ блюсти, какъ и своего Смолнянина, а моимъ ѣздити в Ригу, а Мѣстерю и ратманомъ блюсти моего Смолнянина, какъ своего Немчина. А приездили ко мнѣ на докончанье иіз Ризи отъ Мѣстѣря Псковъ Божїи дворянинъ, а отъ ратманъ Иванъ Панъ; на томъ на всѣмъ цѣловалъ ѣсмь крестъ къ своему къ Мѣстерю; а они цѣловали ко мнѣ крестъ Мѣстѣревою душею и пискуплею.

(Собр. грам. II, № 8).

194. Договоръ князя Полоцка съ Дивонскимъ орденомъ 1405.

А се мы Полочане вси, добрыи люди и малыи, надѣючесъ на Богъ святого, Совея милость и князя великаго Витовта здоровье, хочемъ тобою князь местерю

любовь держати и с твоею братьею, со всеми ридели (*рыцари*). Такожъ хотимъ с вами ризькии ратманне и со всеми ризькими купци межи себѣ приязньство держати и любовь на обѣ стороне крѣико. Вамъ нашего Полочанина стеречи, какъ своего брата Немчина у Ризе; а намъ Полочаномъ вашего Немчина также потомужъ стеречи у Полотьске. — А торговати по старому закону всякую торговлю, купити, продати. Купити вамъ Немцемъ у насъ, у Полотьске, немецкому купцю полъберьковика воску, полътысячи белки. А торговати немецкому купцю с гостемъ Литовской земли добровольно. А с Новьгородци немецкому купцю торговати, а промежи има ходити нашему Полочанину: занеже насъ Новьгородци не пустать у немецкии дворъ торговати безъ своего Новьгорода. А съ—с Москвичи торговати вашимъ Немцемъ; также нашему Полочанину межи ими ходити, торговати: занеже на насъ Москвичи тамъгу емлють. А восковыи весь держати по старому закону, штоже намъ берьковескъ восковыи болши вапего берьковска полупудожъ ризького весу, а серебряными весы ризькии держати болши полочьскихъ весовъ серебряныхъ полузолотникомъ. А соль весити пудными ременемъ; а берковескъ созоными учинити у восковыи берьковескъ; а белка купити, а наметъ давати, а у дворъ не имати. А мимо города Польтескъ немецкому купцю не ходити, торговати Немцемъ у Полотьске. А малое вамъ торговли не купити у Полотьске по розници; а корьчмы вамъ у насъ у Полотьске не держати. А весцемъ нашимъ и вашимъ кресты целовати, што же имъ право весити на обѣ стороне. А кони намъ у васъ у Ризе купити, на чемъ у верхъ ехати, а отъ ногъ не имати. А извинитися нашъ Полочанинъ у Ризе, ино его Немцемъ у Ризе не казнити, отпустити его у верхъ; ино его тамъ свои Полочане казнитъ.

А извинитися Немчинъ у Полотьске, ино его Полочаномъ не казнити у Полотьске, пустити его у Ригу; ино его свои тамъ судять по своему праву. А рубежа не чинити, знати истьцю истьца; а торговцю приехати, отъехати чисто на обѣ стороне. А томъ есме къ вамъ послали свои добрыи люди чесныи, к тобе, княжь мистерю, и къ всемъ риделемъ и къ всемъ ратманомъ и къ всемъ купцемъ ризькимъ, што вамъ дати правда нашему послу чисто, безъ всякой хитрости; а нашъ носолъ вамъ дастъ чисто правду, безъ всякой хитрости, нашимъ правомъ. А старому делу, што ся учинило межи себе, того не поминати и вамъ и ни намъ, на обѣ стороне. А писана бысть грамота сия в лѣто 6913-е мѣсяца Юня, въ день недѣльных, 24 день на память св. мученика Ульяна.

(Русско—Ливонскіе акты, 1868, 120).

195. Полоцкая грамота Ливонскому ерду 1489

Ото князя Ивана Семеновича, полоцкого наместника, и ото всехъ мужъ Полочанъ князю мистерюи ризькому и всемъ ратманомъ ризькимъ поклонъ. Што есте прислали к намъ ратмана Федора и онъ с нами поконцагъ: отъ васъ, што вамъ нашихъ людей всехъ отпустити к намъ и со всеми ихъ товаромъ, и того чловѣка, што есте казнили, а и тотъ стругъ съ товаромъ, што есте поимали, и тую нашу челядь, што ваши торговци безъ кунъ ихъ поимали. И ино которые наши торговци восхотятъ на конехъ ехати, и колъ к намъ въздуть, тогда мы вашъ товаръ отпустимъ к вамъ на низъ, которые поторгованыи воскъ а бѣлку. А колъ паки будутъ наши люди в насъ и вси с товаромъ, што на струзѣхъ идуть, мы паки тогда весь вашъ товаръ отпустимъ.

всемъ на семь я в. кн. Казимиръ крестъ цѣловалъ, такъ же и послове исковскіе крестъ цѣловали отъ всего Пскова, по правдѣ, безъ всякаго извѣта. А писанъ у Вилни, мѣсяца Декабря въ 30 день, подъ лѣты Рождества Господа нашего І. Христа 1410 лѣтъ, индиктъ 4.

(А. Запад. Рос. I, № 38).

197. Договорная московс. в. князя Василия Васильевича и удѣльныхъ князей съ Казимиромъ, королемъ польскимъ и в. княземъ литовскимъ.

По божьей воли и по нашей любви, божьею милостью, се азъ кн. в. Василий Васильевичъ, московскій и новгородскій и ростовскій и черниговскій и иныхъ, а братья моя молодшая, князь Иванъ Андреевичъ, и кн. Михаилъ Андреевичъ, и кн. Василий Ярославичъ, чинимы знаменито каждому, кто на сѣ нашу грамоту узреть, или чтучи услышеть, кому жъ будетъ того потребно вѣдати. Я кн. в. Василий, и моя братья молодшая, дали есмо весь записъ брату нашему Казмиру, королю полскому и в. князю литовскому и рускому и жемайтскому и иныхъ, што есмо взяли съ нимъ братство и любовь и вѣчное докончанье. Жити намъ съ нимъ въ любви, по сей грамотѣ, а быти намъ вездѣ за одинъ, а добра намъ ему хотѣти и его земли, вездѣ гдѣ-бы нибыло; а ему намъ добра хотѣти и нашей земли, вездѣ, гдѣ бы то было. А хто будетъ ему другъ, то и мнѣ другъ; а хто будетъ ему не другъ, то и мнѣ недругъ. А недруга ти, брате моего, князя Дмитрея Шемяки, не прѣимати, а быти, брате, на него со мною за одинъ; а также ти и на всякого моего недруга быти со мною вездѣ за одинъ.

А мнѣ, брате, твоего недруга, князя Михайла, не прѣимати, а быти ми, брате, сътобою на него за одинъ; такъ же ми брате, и на всякого твоего недруга быти съ тобою вездѣ за одинъ. А пойдуть, брате, Татарове на наше украинныя мѣста, и княземъ нашимъ и воеводамъ нашимъ, украиннымъ людямъ, со славься, да боронятися имъ обонимъ съ одного. А въ вотчину, брате, твою, мнѣ и моеи братья молодшей,—у во все твое великое княженье, ни у Смоленскѣ, ни во вси смоленскіе мѣста, што изъ давна къ Смоленску потягло, ни въ Любутскѣ, ни во Мѣцинскѣ, ни во вси твои украинныя мѣста, што издавна къ тымъ городомъ потягло, не вступатися; а тобѣ Казмиру, королю полскому и в. князю литовскому, не вступатися въ мою отчину, ни во все мое великое княженье, ни въ моеи братья молодшее отчины, и во Ржеву зъ волостями: по озеро по Оранице на—полы, по озеро по Плотинце, по Красный Борокъ, по Баранью рѣчку на верхъ Бѣлейки, на Бѣлейкѣ на Поникля, съ Поникля на верхъ Сижьки, зъ березы на мохъ, со мху на верхъ Осухи, тыхъ ты, брате, мѣсть всихъ подо мною блюсти; и не обидѣти и не вступатися въ тые мѣста. А которые мѣста твои волостели вѣдали по Осуху при в. кн. Кестуты, и твоимъ волостелемъ цтому жъ вѣдати, а мнѣ в. кн. Василью не вступатися. А Серенскѣ вѣдати по тому, какъ было при дѣдѣ твоемъ при Олгвердѣ и при твоемъ отцы королѣ. А потомъ, какъ Богъ дастъ, ижъ божья воля прѣидеть къ тому, дастъ ли тобѣ Богъ дѣти, а тебѣ отыметь отъ всего свѣта, а я, брате, остану живъ; и мнѣ, брате, твоими дѣтьми печаловатися, какъ и своими дѣтьми, а отнына ми твоя блюсти, и не обидѣти и не вступатися и во все твое великое княженье, а учинить ли Богъ такъ, мене возметь съ сего свѣта напередъ, и ты останешъ живъ; и тобѣ

момъ сыномъ, княземъ Иваномъ, печаловатися, какъ и своимъ дѣтьми, то своимъ дѣтьми меньшимъ; а княженья ти подъ нами не подыскивати, ни вступатися, по сей по твоей грамотѣ. А судъ о земли и о водѣ о смоленской, и о всѣхъ обидныхъ дѣлѣхъ о смоленскихъ, отъ того времени, какъ дядя твой, в. кн. Витовтъ, князя Глѣба на Смоленску посадилъ. А гдѣ, брате, тобѣ будетъ моя помощь надобѣ, на всякого твоего недруга и на Татарь и тобѣ, брате, ко мнѣ послати, и мнѣ тобѣ помочь дати; а такожъ, коли, брате, мнѣ будетъ твоя помощь надобѣ, и мнѣ тебе обослати: и тобѣ ко мнѣ пошочь, а моеи земли въ тотъ часъ будетъ нѣкоторая налога, не почно ми будетъ къ тобѣ помочы послати: ино то тобѣ отъ мене не въ измѣну. А такожъ, брате, коли я къ тобѣ пошлю про помочь, а придетъ въ тотъ часъ твоеи земли отуга, не лѣзъ ти будетъ ко мнѣ помочы послати: ино то, брате, мнѣ отъ тебе не въ измѣну. А Орда, брате, мнѣ звати по старынѣ; а къ Ордѣ ми, брате, черезъ твою землю путь чистъ и момъ посломъ. А князь в. Борисъ Александровичъ теерскій и со своеи братьею и зъ братаничы своими въ твоеи сторонѣ, а со мною съ в. кн. Васильемъ въ любви и въ докончаньи; а судъ о земли и о водѣ мнѣ съ ними держати во всѣхъ обидныхъ дѣлѣхъ по старынѣ; а чемъ ся судьи наши сопруть, и они положить на третей, хто будетъ обѣи сторонамъ любъ. А съ Новгородцы в. кн. Борисъ жити по старынѣ, а всимъ обиднымъ дѣломъ давати имъ между собою судъ и расправа, на обѣ стороны, безъ перевода; а о чемъ ся судьи ихъ сопруть, и они сложать на митрополита, кто будетъ обѣи нама любъ: и митрополитъ на кого помолвить, помолвить ли на Новгородца, а не исправитца, а ему послати ко мнѣ, къ в. кн. Василью, и мнѣ то оправити; но помолвить ли на Теерыти-

на, а не исправитца, и ему послати до тебе, короля и в. кн. Казимира и тебе до оправити. А которыхъ князи служатъ тобѣ Казмиру королю изъ своихъ отчынъ, и мнѣ в. кн. Василью и моеи братьи молодой ихъ блюсти и не обидѣти, а которыхъ князи служатъ мнѣ в. кн. Василью и моеи братьи молодой изъ своихъ отчынъ, и тобѣ королю и в. кн. ихъ блюсти и не обидѣти. А которыхъ имѣтъ обидѣти князей служебныхъ своего брата, и намъ о томъ слати судей: и они тому вчинять исправу, безъ перевода. А князь Василей Ивановичъ Торускій и зъ братьею и съ братаничы служатъ мнѣ в. кн. Василью, а тобѣ королю и в. кн. Казмиру въ нихъ не вступатися; а Федора Блудова, и Александра Борысова сына Хлененскаго, и князя Романа Фоминскаго, и ихъ братья и братаничовъ отчынны,—земли и воды, всѣ мѣ в. кн. Васильевы; такожъ Юрьева доля Ромейковича и княжа Федоровы мѣста Святославича, всѣ за мною за в. кн. Васильемъ, и тобѣ, брате, всѣхъ тыхъ мѣсть блюсти, и не обидѣти и не вступатися, такожъ и у вотчину мою въ Мещеру не вступатися, не приймати ихъ. Такожъ въ Новгородъ в. и во Псковъ, и во вси Новгородскіе и во Псковскіе мѣста, тобѣ королю и в. кн. не вступатися, а и не обидѣти ихъ; а имутъ ли ти ся Новгородцы и Псковичы давати, и тобѣ королю ихъ не приймати. А въ чомъ тобѣ королю и в. кн. Казмиру Новгородцы и Псковичы зъгрубятъ, и тобѣ мене в. кн. Василья обославъ да съ ними ся вѣдати, и мнѣ в. кн. Василью не вступатися, ни помолвити про то на тебе; а въ земли и въ воды Новгородскіе и во псковскіе тобѣ королю и в. кн. Казмиру не вступатися. А съ Нѣмцы ти, брате, держати вѣчный миръ; а съ Новгородцы опрышный (особый) миръ, а со Псковичы опрышный миръ: а некоторыми дѣлы имутъ межи собою воеватися, и тобѣ королю и в. кн. межи

ими не вступатися. А коли миѣ в. кн. Василью Новгородцы и Псковичы зъгрубятъ, а вехочу ихъ показнати: и тобѣ королю Казмиру за нихъ не вступатися. А которыхи волости, или оброки потягнули новгородскіе къ Литвѣ зъдавна, и миѣ в. кн. Василью въ то не вступатися, по давному. А братъ мой молодшій, князь в. кн. Васильевъ въ любви, и тобѣ королю его не обидѣти; а въ чомъ тобѣ, брату моему, королю и в. кн. Казмиру князь в. Иванъ Ѡ. рязаньскій зъгрубитъ, и тобѣ королю и в. кн. мене обослати о томъ; и миѣ его въсечюнути, (*порукаемъ*), и ему ся ко тобѣ исправити, а не исправити ся къ тобѣ, моему брату, рязаньскій; и тобѣ королю рязаньскаго показнати, а миѣ ся въ него не вступати. А вехочетъ ли мой братъ молодшій, кн. в. Иванъ Ѡ. служити тобѣ, моему брату, королю и в. князю и миѣ в. кн. Василью про то на него не гнѣваться, ни мстити ему. А Верховьскіи князи што будутъ издавна давали въ Литву, то имъ и нынѣ давати, а боины того не примышляти. А што ся вчинити межъ нашими людьми и нашими, и волостели наши, зъбхався, вчинити тому исправу безъ перевода; и про то намъ нелюбья не держати. А о земляхъ и о водахъ и о дѣлахъ обидныхъ дѣлахъ, на обѣ стороны, межъ нами судъ обьчній, отъ того времени, какъ дяди твоего, в. кн. Видра-

та, въ животѣ не стало. А которыхи люди съ которыхъ мѣсть вышли добровольно: ино тымъ людямъ волнымъ воля, гдѣ хотять тутъ живутъ; а которыхи люди выведены отколѣ неволью, или къ цѣлованью приведены, или за поруки подаваны ино ихъ отпустити добровольно, съ ихъ статки, къ ихъ мѣстѣмъ, а цѣлованье и поруки съ нихъ доловъ, на обѣ сторонѣ, по ее наше докончанье. А што ся вчинити въ нашей любви, и тому вѣду судъ и исправа безъ перевода. А судьямъ нашимъ судити, цѣловавъ крестъ; а суженого не посуживати; а суженое, заемное, положеное, поручное дати; а холопа, робу, должника, поручника, татя, разбойника, бѣглеца, рубежника, по исправѣ выдати. А посломъ нашимъ ѣздити безъ опасы. А гостемъ нашимъ ѣздити безъ рубежа и безъ пакости. А на томъ на всемъ азъ кн. в. Василей Васильевичъ, московскій, и новгородскій, и ростовскій, и пермьскій и иныхъ, и моя братья молодшая, кн. Иванъ Андреевичъ, и князь Михаилъ Андреевичъ, и кн. Василей Ярославичъ, цѣловали есмо крестъ ко своему брату, Казмиру королю полскому и в. князю литовскому и рускому, жемайтскому и иныхъ, по любви, въ правду, безъ хитрости, и по сей нашей грамотѣ намъ правити. А писана въ лѣто 6957, индикта 12, августа въ 31 день.

(А. Запад. Рос. I, № 60).

В. СТАТЬИ ИЗ НОВЫХ СОЧИНЕНИЙ.

198. Значеніе божьихъ судовъ по Русско- му праву.

...Главная задача науки — объяснить прошлое, найти ему разумное оправданіе, найти ему теорію въ немъ самомъ. Прошедшее не встанетъ изъ гроба, не будетъ себя защищать; является наука во имя интересовъ настоящаго, какъ наследника прошлаго, п. ч. прошедшее не потому для насъ важно, что оно прошло, а потому, что оно живетъ въ настоящемъ. Учрежденія настоящаго часто связаны съ явленіями прошлаго такими тонкими нитями, что наука только послѣ долгихъ усилій успѣваетъ разглядѣть ихъ. Какая, кажется, связь между нынѣшними нашими судебными учрежденіями и божьими судами, а между тѣмъ, связь существуетъ, что мы и покажемъ въ настоящей статьѣ.

Измѣненія въ формѣ суда не суть явленія случайныя; эти измѣненія происходятъ вслѣдствіе движенія народнаго сознанія, его убѣжденія о правдѣ и не правдѣ. Съ этой точки зрѣнія мы встрѣчаемъ у всѣхъ народовъ двѣ великія эпохи суда, — судъ Божій и судъ человѣчскій.

Изъ самаго слова «судъ», понятно, что божьи суды не были явленіемъ первоначальнымъ; имъ предшествуетъ состояніе личнаго самоуправства, кровавой мести. Какъ явленіе, въ которомъ индивидуальная воля подчиняется высшему началу,

божьи суды обозначаютъ эпоху прочнаго сложенія общественной жизни.

Подъ именемъ *Божьихъ судовъ* разумѣются испытанія желѣзомъ, огнемъ, водою и поединки. Это названіе вполне справедливо, п. ч. здѣсь судъ производятъ какъ бы само божество, а люди только свидѣтельствуютъ его приговоръ. Первоначальная форма Божьихъ судовъ — *ордалии* или испытанія огнемъ и водою. Ордалии существовали у всѣхъ народовъ въ первый періодъ ихъ жизни: у Индійцевъ, Евреевъ, Грековъ, Германцевъ, Скандинавовъ и у Русскихъ. Въ «Русской Правдѣ» въ первой разѣ встрѣчаются постановленія о нихъ: «Искаше ли послуха не нагѣзуть, а истца начнетъ головою клепати, тогда дати имъ правду желѣзо, также и во всѣхъ тяжахъ, въ татьбѣ, въ поклещѣ, оже не будетъ лица, то югда дати ему желѣзо изъ неволи до полугривны золота; аже ли мнѣ, то на воду, или то до дву гривенъ; аже мѣне, то ротъ ему по своѣ куны». Въ другой разѣ о нихъ упоминается въ договорѣ Смоленска съ Готландцами (1223): «Русяну же не лѣзъ имати Нѣмчина на желѣзо, также и Нѣмчину Русина; аже возлюбитъ самъ своею волею, то его воля».

Что жъ это былъ за судъ? на какой идѣ онъ основывался, какъ достигалась здѣсь правда? Почти всеобщее мнѣніе, что это было парланство жрецовъ, п. ч. кипятокъ и огонь вредятъ равно и правому и виноватому. Но съ такимъ положеніемъ не можетъ согласиться юристъ.

Если ордалии существовали въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, если отъ нихъ отвыкли люди только вслѣдствіе совершеннаго измѣненія въ религіозномъ сознаниі, значить, онѣ удовлетворяли времени и посредствомъ ихъ достигалась правда, торжествовалъ правый, наказывался виновный. Постараемся доказать это, сколько возможно проще и короче.

Первобытный человѣкъ жилъ единою жизнью съ природою; того антагонизма, который теперь существуетъ между духомъ и матеріей и который развитъ христіанствомъ, еще не существовало. Природа не была для него безчувственнымъ предметомъ; она одухотворялась имъ; онъ хранилъ съ нею какое то братское дружество: и вѣтеръ, и лѣсъ, и огонь, и солнце, и рѣка—все это было для первобытнаго человѣка живымъ существомъ, и притомъ высшимъ его божествомъ; мало того—каждое животное, каждая былинка представлялись ему живущими съ нимъ единою жизнью, раздѣляющими его радости и горе. Такое единство его съ жизнью природы усматривается отчасти и теперь въ томъ словѣ общества, до котораго не проникла наука и не разрушила еще этой гармоніи...

Эта гармонія, будучи удѣломъ младенческаго состоянія народа, есть вѣсть съ тѣмъ, но уже какъ сознательная, результатъ самаго высшаго духовнаго развитія. Русскій поэтъ, сказавшій про Гете: «съ нимъ говорила морская волна», сказалъ ему высшую похвалу. Для того, кто хотя нѣсколько знаетъ народную поэзію, ясно, что языческій Славянинъ точно такъ же(?) одухотворялъ, олицетворялъ и обоготворялъ природу, какъ Индѣецъ и какъ Грекъ: это общечеловѣчскій процессъ.

При такомъ возрѣвнн язычника на природу и ея силы, понятно, что когда споръ былъ запутанъ, т. е. не было на лицо матеріальныхъ доказательствъ, сви-

дѣтелей и т. п., призывались въ помощь вездѣсущіе свидѣтели — воздухъ, огонь, вода: они все видятъ, все знаютъ, поэтому должны доказать, кто правъ, кто виновать. Въ одной индійской поэмі героиня Дамаянти призываетъ въ доказательство своей невинности вѣтеръ, и тотъ человѣческимъ голосомъ подтверждаетъ ея правоту. Мы не имѣемъ надобности развивать это положеніе: его основаніе общезвѣстно, а подробности принадлежатъ исторіи литературы. Отсюда совершенно понятно, почему силы природы призывались къ свидѣтельству, когда дѣло было темное. А много ли дѣлъ было ясныхъ? Очень не много. Въ настоящее время мы доказываемъ невинность въ уголовномъ процессѣ какъ то математически: взвѣшиваемъ и измѣряемъ обстоятельства про и contra, и на какой чашкѣ вѣсовъ перевѣсъ этой тяжести, тамъ и истина. Но къ такому анализу не былъ способенъ первобытный человѣкъ; оттого судъ, судебный процессъ, изрѣченіе рѣшенія—все это носило характеръ божественный, сверхъестественный. Такъ было, напр., у Евреевъ, такъ было и у Грековъ и Римлянъ въ первый періодъ ихъ жизни. У Римлянъ самыя уголовныя наказанія носили характеръ уничижительной жертвы божеству. У древнихъ Германцевъ судья сходится у священнаго дуба; выраженіе лица ихъ и поза должны быть необыкновенны; судья долженъ сидѣть, по выраженію *Саксонскаго зерцала*, «какъ грознорыкающій левъ»; всѣ атрибуты суда указываютъ на его языческо-религіозное значеніе. Для такого суда лучшимъ доказательствомъ должно было быть свидѣтельство божества, т. е. стихій, п. ч. стихій были божествами.

Какимъ образомъ при испытаніяхъ железомъ и водою достигалась правда? Было вѣрованіе, что раскаленное желѣзо не обожжетъ правого—прекрасно! Но слушался ли огонь этой вѣры? Дѣйствительно

такъ... По современнымъ физическимъ изслѣдованіямъ положительно доказано, что человекъ можетъ опустить голую руку въ кипящую массу и держать ее тамъ безвредно нѣсколько секундъ, т. е. столько времени, сколько вполне достаточно для того, чтобъ со дна котла вынуть кольцо, какъ это обыкновенно употреблялось при ордалияхъ; онъ можетъ пройти босыми ногами по раскаленному желѣзу и т. п. Отчего же происходитъ, что одни могутъ безвредно, напр., ходить по раскаленному желѣзу, а другіе нѣтъ? Физика объясняетъ это слѣдующимъ образомъ: на части человеческого тѣла, напр., на рукѣ, при соприкосновеніи съ раскаленнымъ желѣзомъ, или кипящей массой, образуется особеннаго рода испарина, которая, по упругости своей, препятствуетъ на нѣсколько секундъ непосредственному соприкосновенію кожи съ раскаленнымъ предметомъ; но обыкновенно человекъ, зная губительную силу огня, дрожитъ при этомъ опыте, и тогда образуется на его тѣлѣ холодный потъ, который не можетъ служить предохраненіемъ. Если же у подвергающагося опыту есть твердое убѣжденіе въ этой научной истинѣ, онъ всегда выйдетъ изъ него побѣдителемъ... Первобытный языческій человекъ вѣровалъ въ природу, обоготворялъ ее; онъ былъ убѣжденъ, что божество, пребывающее въ раскаленномъ желѣзѣ, заступится за него, если онъ правъ. И такъ, когда онъ былъ вполне убѣжденъ въ своей правотѣ, напр., что онъ не совершилъ убійства, въ которомъ его обвиняютъ, то смѣло и твердо опускалъ руку въ кипятокъ, или бралъ полосу раскаленнаго желѣза и торжествовалъ; напротивъ, неправый дрожалъ и, естественно, погибалъ отъ испытанія... Но не съ однимъ только индивидуальнымъ вѣрованіемъ приступалъ къ ордаліямъ древній язычникъ: религиозные обряды ободряли его. Ордаліи находились подъ завѣдываніемъ жрецовъ; у насъ до сихъ поръ со-

хранились остатки этихъ языческихъ заклинаній въ заговорахъ противъ желѣза, пуга, стрѣлы. На Западѣ католическая церковь, послѣ безплодной борьбы противъ ордалій, приняла ихъ подъ свое покровительство, и въ церквахъ изодылись священныя орудія испытанія; такъ обр. убѣжденіе въ ордаліи получило тамъ на нѣкоторое время христіанское освященіе; духовенство сдѣлалось смотрителемъ за ордаліями, чѣмъ прежде были языческіе жрецы.

Понятно, по чему ордаліи употреблялись въ уголовномъ процесѣ; но чѣмъ объяснить ихъ употребленіе въ гражданскомъ. А между тѣмъ «Русская Правда» прямо опредѣляетъ испытаніе водою и желѣзомъ, въ случаѣ спора о долговыхъ обязательствахъ. Для насъ это странно. Въ самомъ дѣлѣ, какое можетъ быть внутреннее убѣжденіе въ большей часті гражданскихъ исковъ? У насъ это дѣло не совѣсти, а чисто матеріальное. Ни истецъ, ни отвѣтчикъ не знаютъ основательно, кто правъ изъ нихъ; можно впасть добросовѣстно начать тяжбу и проиграть ее, и ч у противника окажутся лучшіе документы; словомъ, гражданскій процесъ есть холодное, искусственное дѣло; въ немъ ищется не абсолютная истина, а только формальная (*certas juridica*). Но не то въ владѣческомъ быту. Здѣсь и гражданскій искъ непосредственно дѣло совѣсти, точно такъ же, какъ и уголовный. Между нами нѣтъ той пропасти, которая теперь существуетъ. Актовая сторона гражданскаго права была неизвѣстна, слѣдовательно обязательства были основаны на вѣрѣ и совѣсти. Въ древнихъ языкахъ мы часто встрѣчаемъ выраженія, указывающія на такое пониманіе договорныхъ обязательствъ. Одна княгиня, перечисляя свои долги, проситъ насъ, чтобы «свели ихъ с...»
Новгородецъ XIV:
своихъ долговъ:

ничего никому не долженъ, только Богу душою». И теперь мы видимъ, что законъ и общественная нравственность расходятся въ своемъ воззрѣнн на силы договорныхъ обязательствъ: законъ даетъ полное значеніе крѣпостнымъ актамъ, гораздо меньше другимъ письменнымъ и почти никакого — словеснымъ; а общественная нравственность, напротивъ, считаетъ самымъ сильнымъ словесный долгъ, называетъ его «долгомъ чести»... Но мы удалились отъ нашего предмета. Мы желали показать основаніе примѣненія ордалий и въ гражданскихъ искахъ. Не будемъ представлять здѣсь воспроизведенія цѣлой картины Божьяго суда: для этого русскіе источники слишкомъ недостаточны; цѣль наша — уяснить его идею и показать процессъ человѣческой логики въ постепенномъ переходѣ отъ суда Божьяго къ человѣческому.

Ордалий (въ смыслѣ испытаній) могли существовать до тѣхъ поръ, пока жило вѣрованіе въ божественность стихій въ матеріальное присутствіе божества. Но извѣстно, что такое вѣрованіе — первая ступень въ развитіи религіознаго сознанія. По этому вслѣдъ за ордалиями появляется второй видъ Божьихъ судовъ — *поединки*. Здѣсь тоже вѣрованіе, что и въ ордалияхъ, т. е. что божество укрѣпитъ руку праваго, и онъ побѣдитъ виновнаго, хотя бы силы ихъ были равны или даже виновный былъ сильнѣе; но это вѣрованіе здѣсь не въ той безграничной степени, какъ въ ордалияхъ.

Въ ордалияхъ человѣкъ не играетъ никакой роли, дѣйствуетъ одно божество; человѣкъ чисто въ пассивномъ состояніи; а въ поединкахъ божество нисходитъ на 2-й планъ: человѣкъ дѣйствуетъ, божество ему помогаетъ. По этому и въ логическомъ и въ историческомъ процессѣ поединки стоятъ послѣ ордалий. Поединки, впрочемъ, не оставался въ одномъ видѣ; онъ развивался по мѣрѣ развитія религіознаго сознанія; это мы докажемъ на слѣдующей страницѣ.

скаго права. Теперь остановимся нѣсколько на самомъ понятіи поединка. Торжествовала ли въ немъ правда? Конечно. По общему понятію нашего времени, на поединкахъ торжествовалъ сильный и искусный, хотя бы онъ былъ не правъ. Но такъ можно думать безъ живаго пониманія той среды, гдѣ онъ жилъ, какъ органъ правды. При убѣжденіи, что божество само присутствуетъ на поединкѣ и укрѣпляетъ праваго, виновный былъ побѣжденъ еще до начала боя: ему казалось, что земля подъ нимъ дрожитъ, народъ ему угрожаетъ; онъ терялся, дрожалъ, а этого одного достаточно, чтобы быть побѣжденнымъ даже слабѣйшимъ. Вспомнимъ поэтическій рассказъ о томъ, какъ собака побѣдила на поединкѣ рыцаря, убійцу своего господина. Этимъ сюжетомъ, т. е. побѣдою слабого, но праваго, надъ сильнымъ, пользовались романисты нашего времени, напр. Вальтеръ Скоттъ, или нашъ Лажечниковъ (въ романѣ «Бусурманъ»).

Мы видѣли, что языческая религія укрѣпляла медшихъ на ордалий; то же самое имѣло мѣсто и относительно поединковъ, какъ языческо-религіознаго дѣйствія. Въ актѣ Стоглаваго Собора (1551 г.) сказано: «Нѣцны не прямо тяжутся... на полъ бьются и кровь проливають, и въ тѣ поры волхвы и чародѣйники отъ бѣсовскихъ наученій пособіе имъ творятъ, кудесы бьютъ, и во Аристотелевы Врата и въ Раэли смотрятъ, и по звѣздамъ и по планитамъ гадаютъ, и смотрятъ днѣи и часовъ... и на тѣ чарованія надѣясь, поклепца и ибедника не мирится». Эти чародѣи — остатки жрецовъ; Аристотелевы Враты и Раэли — проклятыя церковью книги языческой мудрости.

Намъ остается къ исторіи поединка. Будемъ слѣдить за его развитіемъ, которое имѣетъ основаніе въ исторіи поединка.

динокъ у русскѣхъ Славянъ въ древнѣйшее время, т. е. въ IX и X вѣкахъ. Есть много причинъ думать, что тѣ разбои, о которыхъ упоминаетъ лѣтописецъ во время св. Владиміра и о которыхъ говорятъ Русская Правда, отличая ихъ отъ обыкновеннаго разбоя («разбой безъ всякаго свады»), были поединки. Далѣе о поединкахъ упоминается въ договорѣ Смоленска съ Готландцами: «Русину же велѣтъ позвати Нѣмцича на поле въ Смоленскѣ, ни Нѣмцичу въ Ригѣ или на Готскомъ берегѣ, или (но если) нѣмечкій гость битися на Руси межи собою мещи или сулицами, князю то не надобѣ». Положительныя постановленія о поединкахъ, или какъ ихъ называли въ древней Россіи «поле», встрѣчаемъ въ 1-й разъ въ псковской Судной грамотѣ, за тѣмъ въ обонхъ Судебникахъ (Ивана III и Ивана IV) находится самое подробное постановленіе о внѣшней сторонѣ «поля». Для нашей цѣли всего важнѣе постановленія Псковской Судной Грамоты; ихъ не много, но по нимъ можемъ возсоздать процессъ движенія идеи поединка, чего нельзя сдѣлать по Судебникамъ.—Вотъ эти мѣста: «А жонка съ жонкою присуждатель *поле*, а наймиту отъ жонки не бити ни съ одну сторону».—«А противъ послуха истецъ старъ, или младъ, или чѣмъ безвѣченъ, или попъ, или чернецъ, ино противъ послуха нанять вольно наймита, а послуху наймита нѣтъ». Эти мѣста псковской Судной грамоты показываютъ уже поединокъ во второобразной его формѣ; но по нимъ легко возсоздать первообразную. Мы видѣли основаніе поединка. По первоначальной его идѣе было рѣшительно все-равно, имѣютъ ли равную или не равную силу противники: божество было достаточно сильнымъ, чтобъ укрѣпить слабого и доставить ему побѣду надъ сильнѣйшимъ: здѣсь-то и проявлялась во всемъ блескѣ сила божества (или, по нашему пониманію, сила убѣжденія). По

этому вначалѣ поединокъ былъ вполнѣ возможенъ между увѣчнымъ и здоровымъ, старикомъ и юношей, опытнымъ бойцомъ и духовнымъ лицомъ. Но когда мало по малу начала слабѣть эта вѣра, божество стало терять свою непосредственность; оно получало силу, т. е. давало побѣду правому только тогда, когда силы противниковъ не были слишкомъ—неравномерны. Отсюда является учрежденіе подставни, или «наймитовъ». Тамъ, гдѣ силы были слишкомъ—неравномерны, дозволяется слабѣйшей сторонѣ ставить наймита, именно: женщины противъ мужчины, ребенокъ противъ взрослою, увѣчному противъ здороваго, монаху противъ мирянина. За этими исключеніями болѣе нѣтъ наймитовъ, хотя, конечно, и тутъ могло быть еще значительное неравенство силъ, но божество уравнивало. Поэтому и женщина противъ мужчины должна была лично битися. Мало по малу учрежденіе наймитовъ съ паденіемъ вѣры въ поединокъ расширяется, и по Судебнику Ивана III общее правило: бойцу битися съ бойцомъ, т. е. если одна сторона, вслѣдствіе своей слабости, напр., женщина противъ мужчины, ставитъ наймита, то и противникъ имѣетъ право сдѣлать тоже. Впослѣдствіи наймиты дозволены неограниченно, такъ что въ половинѣ XVI ст. бьются только они, а не сами тяжущіеся: «Готовъ битися на полѣ, и наймита ставлю»—обыкновенный отвѣтъ подсудимаго. Такъ обр. идея божества постепенно слабѣла въ поединкѣ, видоизмѣняла его и наконецъ вовсе уничтожила его относительную разумность. Коль скоро бьются наймиты, то не можетъ быть и рѣчи о силѣ внутренняго убѣжденія, слѣдов. является одна дикая форма безъ того содержанія, которое давало ей жизнь и смыслъ. И—фактъ чрезвычайно поучительный—чрезъ нѣсколько десятилѣтій послѣ Судебника Грознаго, въ которомъ весьма подробно опредѣлена форма по-

динка съ наймитами, онъ исчезаетъ изъ законодательства, а къ концу XVI в. даже и изъ народнаго обычая. Форма безъ содержанія ничего не значить, и у русскаго народа было столько здраваго смысла, что онъ понималъ ея безнравственность и бросилъ ее. Отсюда прямой переходъ къ суду человѣческому—по словамъ, по доказательствамъ актовымъ.

Но не вдругъ окончилась языческо-религіозная идея суда. Между судомъ божьимъ и судомъ человѣческимъ есть посредствующее звено: это та форма словеснаго процесса, на которой еще лежитъ религіозное воззрѣніе. Мы обладаемъ въ исторіи нашего права памятникомъ, въ которомъ находится классическое мѣсто для сознанія этого перехода, именно: въ Псковской Судной Грамотѣ мы читаемъ о словесномъ процессѣ: «А на судъ помощю не ходитъ; аѣсти въ судебнику двѣма сутяжникомъ. А пособниковъ не было ни съ одной стороны, опричь жонки, или за дѣтну, или за черныца, или за черницу, или который человѣкъ старъ велики, или гаухъ, ино за тѣхъ пособнику быти». Разбирая это мѣсто, ясно видишь въ немъ переходъ отъ божьяго суда къ человѣческому: судотвореніе это тотъ же бой, но бой словами. Слово судебное представляется не только какъ дѣло человѣческаго умѣнья, но и какъ вдохновеніе божества, которое даетъ силу и искусство мѣтѣ-смышлению, но правому. Поэтому «пособники», т. е. адвокаты, допускались только въ томъ случаѣ, когда было слишкомъ большое неравенство въ нравственныхъ силахъ тяжущихся, именно: когда одинъ изъ нихъ былъ увѣчный, старикъ или женщина. Слѣдов. здѣсь повторилось тоже движеніе идеи, которое было въ поединкахъ: адвокатъ соответствуетъ наймиту. Слѣдя далѣе эту аналогію между поединкомъ и словеснымъ процессомъ, видишь, что результатъ послѣдняго былъ тотъ же, что и

перваго, т. е. съ окончательнымъ паденіемъ языческо-религіознаго убѣжденія обѣ стороны получили право ставить вѣсто себя адвококовъ. Но наше нынѣшнее право до сихъ поръ сохранило яркіе слѣды прежняго религіознаго понятія о словесномъ судѣ: адвокатура не признается въ уголовномъ процессѣ. Любопытно и поучительно, что простонародное убѣжденіе не въ одной Россіи идетъ противъ адвокатуры въ уголовномъ судопроизводствѣ. Для него представляется болѣе нравственнымъ, когда обвиняемый самъ себя защищааетъ; адвокатъ—наемное лицо; у него нѣтъ живаго, непосредственнаго сознанія правоты. Мы сказали, что судотвореніе имѣло отчасти религіозный характеръ. Если это такъ, то слѣдовательно и здѣсь должно быть участіе языческой религіи въ укрѣпленіи идущаго на словесный судъ, подобно тому, какъ это она дѣлала при ордазихъ и поединкахъ. Дѣйствительно во 2 т. «Архива» г. Калачова мы находимъ заговоръ идущему на судъ: «Господи отче, благослови! Встахомъ завтра и помолимся Господу Богу и дннице, сосходить и зло на врань сквиемъ 327 железнехъ ключей, оловянехъ и мѣднехъ. Заклучи имъ, Господи, моему супротивникомъ, умъ, и языкъ, и сердце, отъ нихъ же зломыслеть не ми да суть. А мене да полетитъ языкъ всемъ властителомъ и судіамъ поиме ея яко дедро-словеснику попу евангеліе. Заклапи, Господи, моимъ супротивникомъ языки, яко пресвитеръ св. евангеліе, и азъ рабъ божій *имр* въ красоту изидохъ и у зависть всемъ, всегда, нынѣ и присно и вѣкы вѣкомъ, аминь».

Такъ совершился процессъ перехода Божьяго суда въ человѣческой. Но что же двигало и видоизмѣняло этотъ процессъ? Естественная ли сила развитія, или какая-нибудь другая? Для новыхъ народовъ это была другая сила—христіанство. Оно было принято тогда, когда процессъ языче-

скаго сознанія далеко еще не кончилъ своего развитія, и мало по малу разрушило въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ языческо-религіозный характеръ суда. Эта борьба христіанскихъ началъ съ языческими происходила во всѣхъ сферахъ человеческой, общественной и частной жизни; она отразилась въ измѣненіи понятія о судѣ. Но нигдѣ, и. б., побѣда христіанства надъ языческими началами не была такъ трудна, какъ въ этой сферѣ, и. ч. характеръ суда—коренное проявленіе народнаго духа. На Западѣ усилія церкви противъ ордалий долгое время были безплодны; тоже самое было и относительно поединковъ, которые подъ влияніемъ рыцарства приняли новый видъ дуэли, и въ этомъ видѣ перешли въ XVIII в. и къ намъ, и до сихъ поръ, не смотря на всѣ усилія законодательства, не перестали существовать.

Обращаясь къ нашему праву, видимъ, что съ самаго принятія христіанства церковь выступила противъ судовъ божьихъ. У Нестора есть классическое мѣсто о началѣ этой борьбы: »И умножишеся разбоевъ, и рѣша епископи Володиміру: умножишися разбойницы, и почто не казниши ихъ?—Онъ же рече: боюся грѣха.—Онѣ же рѣша ему паки: ты поставленъ еси отъ Бога на казнь злымъ и на милованіе добрыхъ: достоинъ ти казнити разбойники, но съ испытаніемъ.—Володиміръ же отвергъ виры, абіе нача казнити разбойники. И рѣша старцы и епископы: рать многа, а ежъ вира, то на оружїи и на конехъ буди.—И рече Володиміръ: да тако буди.—И живаше Володиміръ по устроєнію дѣдню и отию«. Это мѣсто объясняли наши изслѣдователи по крайней—мѣрѣ на 10 ладовъ, и вслѣдствіе разъ сознавались, что выходятъ противорѣчіе, а и. тѣмъ смыслъ его яснѣе. Баронъ Розенкампфъ и г. Калачовъ положительно доказали, что сл. *разбой* означало также и поединковъ, и кровную

месть, и вообще самоуправство. Церковь, въ лицѣ епископовъ, проситъ Владиміра казнити разбойниковъ. *Казнить*—въ древ. Руси употреблялось въ смыслѣ *наказаніе*, слѣд. »казнить со испытаніемъ« на языкѣ епископовъ означало: подвергать, послѣ правльнаго суда, уголовному наказанію поединщиковъ, и вообще всѣхъ виновныхъ въ языческомъ самоуправствѣ, тогда какъ тогдашніе земскіе законы не знали вообще другаго наказанія за преступленіе кромѣ *виры*, т. е. денежной пени. Владиміръ, какъ человекъ, выросшій среди языческихъ понятій, отвѣчалъ: »боюся грѣха«, т. е. его смущала мысль разрушить вѣковой обычай народа. Въ такомъ положеніи былъ не одинъ Владиміръ, а и всѣ новообращенные въ христіанство германскіе кунинги: Альфонсъ II желалъ уничтожить поединки, но большая часть народа стояла за нихъ, и король положилъ рѣшить споръ, быть или не быть поединкамъ—поединками! Съ одной стороны вышелъ защитникъ народнаго обычая, съ другой—правльнаго суда, они сражались; первый побѣдилъ, и поединки были сохранены. Но Владиміръ уступилъ: уничтожилъ виры. Отчего же, вслѣдъ за этимъ уничтоженіемъ, не только старцы, какъ блюстители народнаго обычая, но и сами епископы просятъ князя возстановить старый порядокъ? Дѣло оч. понятно: виры были главнымъ доходомъ князя; вспомнимъ—при этомъ, что князь во 1-хъ, до окончательнаго утвержденія христіанства, содержалъ духовенство десятнами изъ своихъ доходовъ, во 2-хъ, князь давалъ оружїе и коней не только дружинѣ, но и земскому («княже! выдай намъ оружїе и коней», говорили Кїевляне Изяславу): по этому внезапное уничтоженіе виры имѣло не выгодныя послѣдствїя для духовенства и особенно для государства, и. ч. Владиміръ велъ безпрестанныя войны. Поэтому вполне понятны слова епископовъ и

старцевъ: «князь! тебѣ надобно постоянно держать войско въ полѣ; возстанови вѣры, тогда будешь имѣть средство на оружіе и коней». Владиміръ согласился и сталъ снова жить по уставу отцовъ и дѣдовъ.

И такъ, у насъ была финансовая причина побѣды на 1-й разъ языческаго процесса. Онъ является вполне торжествующимъ въ Рус. Правдѣ, въ значительной части въ Пск. Судн. Грамотѣ и въ обихъ Судебникахъ. Но рядомъ съ гражданскимъ обществомъ существовало другое, церковное, въ которомъ господствовали другія начала права. Надобно, впрочемъ, удивляться силѣ языческаго суда: не смотря на проклятіе церкви, поединки существуютъ до конца XV в. Мало того: они признаны законодателемъ такимъ, каковъ былъ царь Ив. Вас. Грозный. Соборы едва успѣваютъ оградить духовенство отъ поединковъ. Мы упоминали, что поединки, какъ актъ языческо-религіознаго сознанія, были связаны съ заклятіями, которыя вначалѣ, конечно, производились жрецами и послѣ введенія христіанства—чародѣями и волхвами, т. е. тѣми лицами, которыя наследовали мистическую часть древней религіи. Противъ этихъ лицъ, которыя поддерживали въ народѣ языческія вѣрованія, и вооружился Стоглавный Соборъ и проклялъ книги, въ которыхъ заключалась ихъ мудрость, какъ бы оставая въ воюѣ самые поединки. Но ясно, что когда усилія церкви были истощены эти лица и книги, то поединки, будучи лишены своей мистической опоры, не могли болѣе существовать.

Безъ сомнѣнія, весьма неучительно преслѣдить подробно побѣду христіанскаго суда надъ язычествомъ; но, по снудости извѣстій, это невозможно. И не мудрено: это была внутренняя, глухая борьба, борьба въ сознаніи, не высказывавшаяся ни въ чемъ осязательно, а потому она и прошла какъ-бы незамѣтно. А м.-тѣмъ,

здѣсь совершался величайшій актъ въ процессѣ развитія духа рус. народа.

Замѣчательно, что когда формы христіанскаго процесса одолевали языческія, то и на нихъ оказывалось вліяніе языческаго воззрѣнія, наприм., на присягѣ. Начиная съ Пск. Суд. Грамоты и оканчивая Уложеніемъ (1649 г.), встрѣчаемъ слѣд. постановленія относительно присяги: за родителей въ нѣкоторыхъ случаяхъ должны присягать дѣти, за помѣщиковъ—крестьяне, за гостей—ихъ прикащики, наконецъ, вмѣсто царя, при заключеніи трактатовъ, иногда присягали бояре. Такое явленіе съ перваго раза озадачиваетъ: христіанская присяга и обязанность другаго лица приносить ее за того, кто долженъ—это два понятія несовмѣстимыя. Допуская второе положеніе, уничтожается сила и смыслъ присяги; а, м.-тѣмъ, такое явленіе въ нашемъ правѣ объясняется оч. просто: переносеніемъ на христіанскую присягу учрежденія наймитства и замѣны, употреблявшихся при Божьихъ судахъ.

Разсматривая значеніе Божьихъ судовъ, сравнительно съ снѣвившимъ ихъ судомъ человѣческимъ, мы должны сказать, что въ нихъ, какъ и во всѣхъ явленіяхъ первобытной жизни, есть та непосредственность, то живое вѣрованіе въ правду, котораго недостаетъ послѣдующему быту. Въ человѣческомъ судѣ идея правды является для массы скрытою сложными и медленными формами; мало того, казуистика лишаетъ ее той святости (впять въ глазахъ массы), безъ которой невозможно ея нравственное существованіе. Нужно долгое развитіе для народа, чтобъ идея правды, со всѣми этими сложными и отвѣченными формами, получила въ его глазахъ нравственное значеніе, какъ, напр., въ настоящее время во Франціи. Точно бываетъ для народа то переходное состояніе, которое лежитъ между паденіемъ Божьихъ судовъ

и нравственнымъ сознаниемъ святости чело-вѣческаго суда. Отсюда такое страшное состояніе правосудія у насъ въ XVI и XVII в..... Чернымъ покрываломъ подернулась правда въ сознаниіи нашего народа. Это покрывало снимется тогда, когда, вслѣдствіе нравственнаго развитія, чувство долга укоренится въ сердцахъ и всѣ будутъ преклоняться передъ закономъ.

(Изъ статьи А. В. Ложевицкаго, *Отеч. Зап.* 1857, т. кн. VI, 1, 509—520).

199. О юридическомъ значеніи духовенства.

Введеніе у насъ христіанской вѣры, заимствованной изъ Византіи, соединяется съ призваніемъ оттуда-же духовенства, которое должно было насадить и утвердить эту вѣру въ обширныхъ уже предѣлахъ тогдашней Россіи. Такимъ образомъ пастыри греческой церкви, вмѣстѣ съ своими учениками изъ Болгаръ, съ самаго начала являются къ намъ въ довольно значительномъ количествѣ и образуютъ особое сословіе, увеличивающееся постепенно съ присоединеніемъ къ нимъ мало по малу новыхъ органовъ церкви изъ числа туземныхъ жителей, или воспитанныхъ и наученныхъ правиламъ вѣры. Это сословіе рѣзко отличается отъ всѣхъ прочихъ сословій древней Руси и стоитъ высоко надъ ними. Возросшее въ догматахъ византійской церкви, утвержденнахъ неподвижно канонами св. апостоловъ, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и св. Отцевъ, высоко образованное и основательно изучившее свѣтское, подробно развитое, право своего первобытнаго отечества въ той степени, какъ это было ему нужно для отношеній его къ гражданской вла-

сти, оно, естественно, должно было принести съ собою къ нашимъ предкамъ глубокое сознание о своихъ достоинствахъ и твердую волю неизмѣнно содержать и въ нашемъ отечествѣ свои уставы, а потому и развивать ихъ въ томъ же духѣ и сообразно византійскому праву, которымъ оно было напитано. Но при этомъ возрѣніи, что встрѣтило оно въ томъ народѣ, въ той странѣ, гдѣ ему суждено было отнынѣ жить и дѣйствовать? Не болѣе, какъ самыя сомнительныя начатки гражданственности: въ сферѣ государственной—верховную власть, связанную съ подданными едва замѣтными, почти временными, узамъ подчиненія, за исключеніемъ дружинъ и городовъ, болѣе близкихъ къ князьямъ; въ сферѣ частной—быть родовой, въ которомъ еще не знаютъ ни отдѣльной недвижимой собственности, ни завѣщанія, ни наслѣдства въ настоящемъ его значеніи; въ сферѣ уголовной—кровную месть, еще господствующую во всей силѣ и отвергающую всякое понятіе о возмездіи со стороны верховной власти. Очевидно, что на такое положеніе вещей пришлое образованное духовенство должно было смотрѣть съ внутреннимъ негодованіемъ и отвращеніемъ и такимъ образомъ даже считать обязанностію своей совѣсти внушать вел. князьямъ, которые старались объ утвержденіи христіанской вѣры въ своихъ областяхъ, о внесеніи новыхъ началъ въ бытъ государственный, гражданскій и уголовный; самымъ же лучшимъ для того средствомъ оно должно было, конечно, признать то, чтобъ познакомить ихъ съ постановленіями и городскимъ бытомъ своего прежняго отечества—Византійской имперіи... Известно, какое глубокое, живое и теплое сочувствіе возбуждаетъ христіанская вѣра въ душахъ новообращенныхъ язычниковъ, съ какимъ пламеннымъ рвеніемъ они готовы посвятить себя и свое имущество на служеніе одному Богу, съ какою охотою всѣ свои

предпріятія и дѣйствія подчиняютъ высокому духу смиренія и благодати, оживотворяющему истинную религію. Св. Владиміръ, съ тѣхъ поръ какъ сдѣлался христіаниномъ, пересталъ казнить разбойниковъ, ибо, говоритъ онъ, боюсь грѣха. По еще другое событіе, въ высшей степени важное для нашего отечества, является въ тоже самое время въ подкрѣпленіе духовенства. Это развитіе дома Ярослава Великаго сначала въ семейство, а потомъ въ родъ, причемъ всѣ члены рода удерживаютъ большія или меньшія права на достоиніе своего общаго предка.... Каждый отдѣльный князь, какъ скоро онъ истинно проникнуть всеобъемлющимъ духомъ христіанской вѣры, стремится отдѣльно къ осуществленію великой цѣли—вполнѣ утвердить ее въ своей области, а вслѣдствіе этого весьма естественно приходитъ въ ближайшее соотнесеніе съ ея органами—духовенствомъ и вліяніемъ его болѣе или менѣе сознательно пользуется для улучшенія юридическаго быта своихъ подданныхъ, какъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ между собою, такъ и въ принятіи ихъ отношеній къ своей власти. Таковы именно были: Святославъ Ярославичъ, сынъ его Глѣбъ и племянникъ Ярополкъ Изяславичъ, Владиміръ Мономахъ, сынъ его Ярополкъ, Андрей Боголюбскій и множество другихъ. И вотъ, при такомъ общемъ стремленіи всѣхъ князей древней Руси, согласныхъ между собою или враждующихъ, быстро на всемъ ея пространствѣ осуществляются одни и тѣже явленія, которыя повсемѣстно возводятъ духовенство на степенъ одного изъ важнѣйшихъ органовъ юридической дѣятельности въ различныхъ сферахъ общественнаго быта, и плоды этой дѣятельности передаютъ не только современному законодательству, но и отражаютъ ихъ чрезъ все историческое развитіе нашего отечества до настоящаго времени....

Глубокое сочувствіе нашихъ первыхъ князей къ проповѣдникамъ христіанской вѣры и общее религіозное направленіе, кромѣ внѣшнихъ знаковъ отличнаго уваженія, доставляли часто духовенству не только возможность, но и право быть посредникомъ въ ихъ ссорахъ и распряхъ, участвовать въ ихъ думахъ и совѣщаніяхъ, лично и письменно съ ними бесѣдовать о устроеніи государства и его управленіи, словомъ,—обо всѣхъ дѣлахъ общественныхъ, и въ этой бесѣдѣ не только выхвалять князя за его добродѣтели, но также порицать за пороки и даже силою духовной власти связывать душу виновныхъ, отлучая ихъ отъ церкви. Но важнѣйшимъ правомъ въ сферѣ внѣшнихъ юридическихъ отношеній было, безъ сомнѣнія, право, которое получило духовенство владѣть не только богатою движимостію, не только десятинами отъ княжескихъ доходовъ, но и не движимою собственностію, населенными и не населеными землями, со всѣми угодьями, притомъ владѣть ими въ значеніи отчинниковъ, съ предоставленіемъ сверхъ того множества привилегій, какія изъ прочихъ подданныхъ давались весьма немногимъ, а для духовенства мало по малу сдѣлались почти общимъ правиломъ.... Нельзя вполнѣ изчислить, какимъ именно количествомъ недвижимыхъ имѣній владѣло издревле русское духовенство; но довольно извѣстно, что такихъ имѣній было несравненно болѣе, нежели земель, принадлежавшихъ частнымъ лицамъ, ибо не только князья, но и подданные ихъ, увлекаемая религіознымъ настроеніемъ духа, въ особенности при концѣ жизни, обыкновенно давали въ монастыри и церкви богатѣйшіе вклады населенныхъ и не населенныхъ имѣній для вѣчнаго поминанія души своей и своихъ родителей. Въ этихъ отчинахъ духовенство имѣло всѣ права привилегированныхъ владѣльцевъ: оно ими завѣдывало и управляло, собирало съ нихъ

оброки и поземельные доходы, а в случаѣ возникшихъ между жителями ссоръ и преступленій, имѣло право суда, которое, на основаніи большей части жалованныхъ грамотъ, давалось ему вполне, за исключеніемъ душегубства, татбы и разбоя, предоставлявшихся только весьма немногимъ изъ привилегированныхъ лицъ и чрезвычайно рѣдко. До насъ дошло значительное число наказовъ, данныхъ монастырями и духовными властями прикащикамъ, которые управляли ихъ отчинами; дошло нѣсколько уставныхъ и правовыхъ грамотъ, объясняющихъ намъ порядокъ и правила, на основаніи коихъ духовенство производило въ этомъ случаѣ свой судъ и расправу; дошли, наконецъ, многіе акты съ опредѣленіемъ судебныхъ пошлинъ, какія взимали церковные десятильники съ истца и отвѣтника. Изъ этихъ документовъ видно, что духовенство дѣйствовало здѣсь точно такъ же, какъ и свѣтская власть, подчиняясь вполне издаваемымъ его постановленіямъ. У него, какъ и у верховной власти, есть свои бояре и боярскіе дѣти, свои волостели и тиуны... Духовенству необходимо знать всѣ уставы, относящіеся до поземельныхъ повинностей и до разныхъ сборовъ, ибо, въ противномъ случаѣ, оно легко можетъ подвергнуться притѣсненіямъ, съ одной стороны отъ воеводъ и намѣстниковъ, а съ другой—отъ мытниковъ и таможенниковъ княжескихъ. Далѣе оно должно знать подробно гражданскіе судебные законы, ибо, въ противномъ случаѣ, въ тяжбахъ, возникающихъ между подчиненными духовенству и сторонними лицами, гдѣ судъ смѣсный производится органами тѣхъ и другихъ, оно не будетъ умѣть охранить интересовъ своей партіи. Наконецъ, оно должно знать и уголовные законы, ибо иначе ему не будутъ известны предѣлы, до которыхъ въ данныхъ случаяхъ можетъ простираться его юрисдикція, такъ какъ оно не имѣетъ права судить дѣла, каса-

ющіяся до душегубства, татбы и разбоя. Но съ другой стороны не менѣе было важно для духовенства помнить свѣтскія узаконенія, когда верховная власть стала ограничивать его отчинныя права, издавая съ этою цѣлью отдѣльныя постановленія, или общія грамоты, которыя тѣмъ самымъ исключали предоставленныя духовенству льготы... Такимъ образомъ духовенство, рядомъ съ постановленіями каноническаго права, иногда вноситъ въ свои сборники также свѣтскіе законы. Конечно, нельзя не согласиться, что часто такія статьи имѣютъ въ себѣ характеръ и значеніе памятниковъ по преимуществу литературныхъ; но на основаніи сказаннаго выше, безъ сомнѣнія, никто не будетъ отрицать, что на свѣтскія узаконенія, имѣвшія практическое значеніе въ нашѣмъ древнѣмъ правѣ, должно съ этой самой точки смотрѣть и въ томъ случаѣ, если они включены въ какой—нибудь сборникъ, назначенный для канонической практики... И такъ, заключаю: изученіе сборниковъ каноническихъ не только полезно, но и необходимо для того, чтобъ вполне узнать и исчерпать источники нашего древняго свѣтскаго законодательства.

Кромѣ этой, столь обширной сферы юридической дѣятельности, духовенство имѣло, по собственному своему значенію, еще другую съ одной стороны, по числу подчиненныхъ ей лицъ, еще болѣе обширную, но за то болѣе тѣсную и опредѣленную, по предметамъ юрисдикціи. Я говорю о судахъ духовныхъ. Главныя начала для утвержденія своего права въ этой сферѣ оно принесло уже съ собою изъ Византіи вмѣстѣ съ Номоканономъ, гдѣ во многихъ мѣстахъ исчислены какъ предметы духовнаго вѣдомства, такъ и права и обязанности въ отношеніи къ нимъ духовенства. Но въ Россіи тѣ и другія получили необходимое приращеніе вслѣдствіе мѣстнаго развитія. Въ самомъ дѣлѣ, при грубомъ чувственномъ бытѣ азычника, кото-

рый духовенство застало у наших предковъ, невозможно было во многихъ случаяхъ примѣнять къ нимъ постановленія византійской церкви и императоровъ, если эти постановленія не должны были оставаться совершенно безплодными. Въ то же самое время,—такъ какъ отношенія государственныхъ и гражданскія почти вовсе не были еще сознаваемы при такомъ бытѣ—духовенство не могло бы исполнять и тѣхъ обязанностей, которыя на немъ лежали на основаніи Номоканона, еслибы не позаботилось о расширеніи круга своей дѣятельности для включенія въ него нѣкоторыхъ правъ, какихъ не имѣло въ первобытномъ своемъ отечествѣ. Такимъ образомъ, утвержденіе со стороны верховной власти церковной десятины, введеніе денежныхъ пеней въ пользу духовенства за преступленія духовныя, участіе въ раздѣлѣ имущества послѣ умершаго между его родственниками,—все было такія права, которыя духовенство получило въ Россіи вслѣдствіе мѣстнаго развитія своихъ основныхъ правъ и преимуществъ. Однако, только рядомъ долговременныхъ усилій удалось ему достигнуть своей трудной задачи—поставить народъ; подчиненный ему въ духовномъ отношеніи, въ уровень источниковъ, на основаніи которыхъ оно должно было дѣйствовать. Выше я уже замѣтилъ, что, для лучшаго достиженія своей цѣли, духовенству было всего выгоднѣе ознакомить вел. князей съ самымъ законодательствомъ Византійской имперіи и убѣждать ихъ объ утвержденіи тѣхъ или другихъ необходимыхъ постановленій въ Россіи. Такъ и дѣйствовало оно въ нѣкоторыхъ, именно извѣстныхъ намъ, случаяхъ. Но возможно ли было такъ круто измѣнить родовой, неустроенный бытъ на государственный, уничтожить вѣковыя понятія, которыя развились сами собою, путемъ естественнымъ, и слѣд. могли также вполне искорениться не иначе, какъ путемъ народнаго сознанія и убѣжденія. Мы зна-

емъ дѣйствительно, что нѣкоторыя попытки были предприняты съ цѣлію ввести вдругъ новый порядокъ вещей и что они не удалось, по крайней мѣрѣ привились не скоро, и, напротивъ, еще долго жили на ряду со старымъ бытомъ. Такъ обр., въ нашемъ древнемъ законодательствѣ, съ одной стороны,—вслѣдствіе установленія въ теоріи узаконеній византійскихъ, а съ другой,—вслѣдствіе удержанія на практикѣ прежнихъ народныхъ обычаевъ, является замѣчательная двойственность, которая невольно проглядываетъ во всѣхъ источникахъ до самаго «Уложения» царя Алексѣя Михайловича. Этой двойственности не чужды даже и тѣ узаконенія, которыя издавались при содѣйствіи духовенства, ибо, повторяю, оно было не въ силахъ сломить вдругъ всѣ обычаи, глубоко укорененные въ нами, а, напротивъ, только постепенно достигало своей цѣли. Такъ, напримѣръ, кровная месть, многоженство, брачныя союзы въ близкихъ степеняхъ родства, судебныя поединки (*поле*), мѣстничество,—все это было строго запрещаемо, преслѣдуемо или, по крайней мѣрѣ, порицаемо духовенствомъ, но удерживалось упорно вмѣстѣ съ тѣмъ духомъ язычества, который еще доселѣ носится надъ нами, заставляя простомыя вѣрить въ различныхъ духовъ и волшебниковъ, или въ заветные дни совершать обряды, освященные незапамятною древностью. Поэтому въ высшей степени трудно рѣшить, какое значеніе на практикѣ и съ какого именно времени получилъ и у насъ тотъ или другой источникъ византійскаго права; но что, наконецъ, всѣ тѣ изъ нихъ, которые встрѣчаются въ нашей древней письменности, въ большей или меньшей степени, имѣли такое значеніе, видно изъ того, что мѣстами или измѣнены противъ подлинниковъ, часто дополнены цѣлыми статьями, очевидно, русскими, что на основаніи ихъ дѣйствительно рѣшены нѣкоторыя практи-

чeskіе' случаи и что, наконецъ, они перешли въ полномъ своемъ составѣ, или въ отрывкахъ, сначала въ рукописныя, а потомъ и въ печатныя, собранія, составленныя официально, подъ вліяніемъ правительства. Таковы въ особенности Коричія книги. Слѣд., въ последнемъ случаѣ источники византійскаго права могутъ быть несомнѣнно названы также источниками и въ примѣненіи къ древнему законодательству нашего отечества, а съ другой стороны памятниками юридическими относительно настоящаго времени. Но для того, чтобъ ихъ вполнѣ понять и оцѣнить, необходимо подвергнуть ихъ самому тщательному сличенію съ памятниками туземнаго права. Тогда только будемъ мы въ состояніи говорить объ нихъ подробнѣе и опредѣленнѣе.

Остановившася на источникахъ духовнаго судопроизводства, мы замѣчаемъ, что въ этой сферѣ духовенство дѣйствовало прежде всего на основаніи Номоканона. Здѣсь Правила апостольскія, опредѣленія вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и постановленія Отцевъ церкви, которыя оно признаетъ неизмѣнными для себя догмами и которыя подчиняетъ всѣ свои дѣйствія. Не здѣсь же встрѣчаются и постановленія византійскихъ императоровъ, подъ вліяніемъ коихъ церковь получила мѣстное развитіе и утвердилась на почвѣ древней Греціи. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ каноны недостаточны, духовенство руководствуется этими узаконеніями; но также не рѣдко оно подкрѣпляетъ ими и первые. Въ древней Россіи тотъ и другой источникъ, примесенный извѣтъ, восполняется еще мѣстными. Такихъ источниковъ также два главныхъ рода: соборы съ правилами Отцевъ церкви и уставы или узаконенія великихъ князей. Первые раздѣляются опять на соборы общіе и слѣд. обязательныя для всей Россіи, и на соборы мѣстные. Если соборъ созываетъ митрополитъ кievскій, владимірекій, москoвскій; еще бо-

лѣе, если въ немъ принимаетъ участіе самъ в. князь, то онъ, конечно, если только касается до устройства и управленія церковнаго вообще, обязательнъ для всѣхъ областей, подчиненныхъ мѣтн м-та. Напротивъ, соборъ должно назвать мѣстнымъ, когда его держитъ архіепископъ, или епископъ, находящійся въ зависимости отъ м-та, при томъ держитъ его въ своей области, хотя бы вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими святителями изъ ближайшихъ епархій. Очевидно, однако, что по мѣрѣ своей важности, постановленія такихъ мѣстныхъ соборовъ могутъ также получить значеніе общихъ источниковъ. Что касается до правилъ Отцевъ церкви, то они заключаются преимущественно, съ одной стороны, въ отвѣтахъ, какіе давали одни изъ пастырей на вопросы другихъ о предметахъ церковнаго устройства, или управленія, о богослуженіи и т. п., а съ другой стороны въ посланіяхъ и поученіяхъ м-товъ и другихъ духовныхъ властей къ князьямъ и прочимъ низшимъ лицамъ, духовнымъ или свѣтскимъ. Наконецъ, узаконенія в. князей заключаются въ уставахъ, имѣющихъ форму грамотъ, данныхъ на имя того или другаго лица. Во всѣхъ изъ нихъ, сколько они извѣстны, сказано, что они даны на основаніи Номоканона, въ связи съ чѣмъ находится исчисленіе предметовъ, подлежащихъ суду церковному, и тѣхъ правъ, которыя предоставляются въ этомъ отношеніи духовенству, или же вмѣсто того подтвержденіе какого либо изъ прежнихъ уставовъ. Таковы уставы о церковныхъ судахъ в. князей Владимира и Ярославъ, князей Всеволода—Гавріила новгородскаго и Ростислава смоленскаго, в. кн. Василія Дмитріевича... Кромѣ этихъ источниковъ, на основаніи дошедшихъ до насъ матеріаловъ, мы знаемъ, что духовенство руководствовалось еще отдѣльными выписками, или росписями, въ коихъ изчислялись подлежащіе его вѣдомству предметы судо-

производства, равно какъ денежные пошлины, какія слѣдовало взимать въ этомъ случаѣ, и другіе церковные доходы. На основаніи ихъ митрополиты давали иногда грамоты новоустановляемымъ епископамъ съ обозначеніемъ въ нихъ правъ, принадлежащихъ послѣднимъ въ отношеніи церковнаго суда. Сами по себѣ такія выписки не имѣли, конечно, юридической обязательной силы, но на практикѣ духовенство руководствовалось ими, п. ч. онѣ были составлены на основаніи официальныхъ документовъ и обычаевъ, имѣвшихъ значеніе законовъ.

Не изчисляя въ подробности всѣхъ предметовъ, подлежащихъ въ древней Россіи духовному суду, равно какъ и правилъ самого судопроизводства, мы замѣтимъ, относительно первыхъ, что къ нимъ принадлежали преимущественно слѣдующія дѣла: 1) иски родителей на дѣтей, мужей на женъ и женъ на мужей, рабовъ на господъ и, наконецъ, всѣхъ вообще лицъ женскаго пола и дѣтей, когда эти иски относились, въ первомъ случаѣ, къ непослушанію, а во всѣхъ другихъ—къ насилію, незаконной жизни и инымъ подобнымъ преступленіямъ; 2) иски отцевъ духовныхъ на духовныхъ дѣтей своихъ «въ непослушаніи и во всякомъ безчиніи», какъ сказано въ источникахъ; также иски священнослужителей на своихъ прихожанъ, хотя бы они не были духовными дѣтьми, въ томъ, что они не ходятъ въ церковь, не постыются и не ищутъ у себя отцевъ духовныхъ; 3) иски на безчестіе особенно зазорное; 4) иски о запрещенныхъ бракахъ и незаконно прижитыхъ дѣтяхъ; 5) иски о сѣнотвореніи, т. е. усыновленіи приемныхъ, и о братотвореніи, и объ учиненіи такихъ приемныхъ наследниками; 6) иски господъ на рабовъ, которые женятся, постригуются или живутъ въ бѣгахъ незаконно; 7) дѣла по духовнымъ завѣщаніямъ и раздѣламъ имущества послѣ умершихъ между ихъ родственниками; 8)

чародѣйства, волхвованія, расколы и вообще дѣла, противныя православію, равно какъ иски, относящіеся до святотатства и оскорбленія церковной святости; 9) всякаго рода иски, если истецъ предпочтетъ требовать суда у духовной власти. Всѣ эти предметы подлежали во всей обширности вѣдомству духовенства до самыхъ временъ Петра В., какъ можно убѣдиться на основаніи одной росписи, включенной въ грамоту, данную патр. Адрианомъ, архіепископу колмогорскому и важскому, Леонасію, объ епархіальномъ управленіи 1694 г. и нѣкоторыхъ другихъ, еще позднѣйшихъ документовъ. Относительно же правилъ судопроизводства въ этой сферѣ, духовенство, какъ видно изъ множества указаній, руководствовалось Номоканономъ, именно: сначала Номоканономъ, привезеннымъ изъ Византіи или Болгаріи, но впоследствии, несомнѣнно, Коричини, писанными и составленными въ Россіи по образцу греческихъ и болгарскихъ. Вотъ почему составители ихъ включали сюда, кромѣ общихъ неизмѣнныхъ каноновъ церкви, какъ постановленія византійскихъ императоровъ, такъ и дѣянія русскихъ соборовъ съ отвѣтами и поученіями Отцевъ церкви, а съ другой стороны узаконенія вел. князей, опредѣлявшія предметы духовнаго суда. Так. обр., Коричая, вмѣстѣ съ сборниками, составленными духовенствомъ, содержитъ въ себѣ важнѣйшіе источники для того, чтобы достоверно опредѣлить значеніе церковной юрисдикціи, или тѣхъ основаній, которыми руководствовалось духовенство, въ отношеніи своихъ правъ и судопроизводства по предметамъ духовнаго вѣдомства.

Въ ближайшей связи съ дѣятельностію духовенства въ обоихъ рассмотрѣнныхъ нами значеніяхъ, т. е., съ одной стороны, въ сферѣ церковнаго, а съ другой—свѣтскаго судопроизводства, при томъ въ отношеніи къ каждой изъ нихъ подъ вліяніемъ почти тѣхъ же самыхъ источ-

ковъ, находится также дѣятельность его въ примѣненіи къ собственному его составу, иначе кругу лицъ, образующихъ духовную іерархію, или, лучше сказать, какъ къ лицамъ духовнымъ, такъ и приписаннымъ къ церкви. Число принадлежащихъ сюда весьма обширно, ибо кромѣ духовенства въ собственномъ смыслѣ, бѣлаго и чернаго и церковно-служителей, къ церкви въ древней Россіи причислялись всѣ лица, одержимыя природными недостатками, умственными или физическими (*строи*), которыя питаются отъ церкви, какъ замѣчено въ источникахъ; всѣ жившіе въ богодѣльняхъ и больницахъ; дагѣе, лица, получившія чудесное изцѣленіе отъ болѣзни (*прощеники*), странствующіе по святымъ мѣстамъ (*паломники*), и изгон или выходцы изъ духовнаго сословія. Въ этой сферѣ высшее духовенство должно было заботиться не только объ исполненіи подчиненными ему лицами обязанностей ихъ званія, но также объ ихъ житейскихъ отношеніяхъ, словомъ, — исполнѣ ими завѣдывать, чинить имъ судъ и расправу, какъ въ дѣлахъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ. Источниками для своей дѣятельности, въ первомъ отношеніи, оно принимаетъ опять правила апостольскія и постановленія соборовъ, именно, какъ тѣхъ, которыя признаны были въ Византіи, такъ и соборовъ отечественныхъ. Равнымъ образомъ и правила Отцевъ церкви удерживаютъ здѣсь свою силу. Источниками во второмъ отношеніи служатъ, напротивъ, источники свѣтскаго законодательства. Что касается въ особенности до органовъ судопроизводства надъ церковными лицами, то въ дѣлахъ свѣтскихъ они подчинены судьямъ, которые избираются изъ ихъ среды, а въ дѣлахъ духовныхъ — высшимъ духовнымъ властямъ, т. е., епископамъ, или самимъ митрополитамъ. Если по суду скажется, что лицо духовное подлежитъ свѣтской казни, то оно лишается

своего сана и отсылается для наказанія къ властямъ свѣтскимъ. Но какъ въ древнѣйшія времена, такъ и впоследствии, право суда надъ самими митрополитами и епископами верховная власть предоставляла самой себѣ: въ этомъ отношеніи въ дѣлахъ свѣтскихъ они подлежали ея исключительному вѣдомству, а въ дѣлахъ духовныхъ она судила съ помощію лицъ изъ духовнаго сословія. Случалось также, что низшимъ духовнымъ властямъ (архимандритамъ, игуменамъ и священникамъ) в. князья давали привилегіи зависть непосредственно отъ нихъ самимъ по дѣламъ судебнымъ духовнаго вѣдомства, а еще чаще подчиняли ихъ себѣ въ отношеніи къ гражданскимъ искамъ; но высшее духовенство всячески старалось этому противодѣйствовать, и уже въ Стоглавѣ такіа привилегіи признаны недействительными.

Наконецъ, послѣдняя сфера юридической дѣятельности духовенства въ древней Россіи ограничивается тѣмъ участіемъ, какое оно имѣло на дѣла государственныхыя и на свѣтское законодательство, вслѣдствіе весьма близкаго отношенія его къ первымъ князьямъ, вслѣдствіе общаго участія въ совѣщаніяхъ государей съ представителями сословія отъ всей земли и вслѣдствіе особеннаго голоса, какъ коротко знакомое съ государственными и уголовными законами Византійской имперіи, служившими, безспорно, во многихъ случаяхъ образцомъ для в. князей, когда они, въ одно время съ утвержденіемъ въ Россіи новыхъ, самодержавныхъ отношеній вмѣсто родовыхъ, вводили при своемъ дворѣ церемоніи и обычаи греческихъ императоровъ. Что дѣйствительно духовенство имѣло такое вліяніе на древнее свѣтское законодательство, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Довольно для этого указать на совѣщанія св. Владиміра съ епископами и старцами касательно разбоевъ и казни за нихъ съ вирою, на

многія средства наказаній, и даже на смертную казнь, которая, очевидно, заимствована изъ византійскаго права; далѣе, на нѣкоторые случаи, гдѣ уголовныя дѣла отдаваемы были самою верховною властію на обсужденіе и рѣшеніе духовенства; наконецъ на положительныя и ясныя подтвержденія въ самихъ узаконеніяхъ, что они основаны на правилахъ или постановленіяхъ царскихъ, т. е. византійскихъ императоровъ. Даже самое названіе свѣтской казни—градскою указываетъ на переводъ съ греческаго. Вотъ почему мы встрѣчаемъ въ нашей юридической литературѣ, что, напримѣръ, къ Судебнику царя Іоанна Васильевича приписывались законы Юстиніана. Припомнимъ кстати, что, какъ намъ уже извѣстно, нѣкоторые предметы, принадлежавшіе прежде вѣдомству духовной власти, впоследствии отнесены къ суду свѣтскому; несмотря на то, какъ видно изъ нѣкоторыхъ случаевъ, эти предметы удерживаютъ долго свой прежній характеръ и часто обсуждаются на основаніи тѣхъ-же законовъ, какими были подчинены подъ вліяніемъ духовной юрисдикціи. Все это вѣсть даетъ намъ поводъ заключить, что для яснаго уразумѣнія источниковъ, на основаніи коихъ вполнѣ, или только отчасти, составлены наши древніе юридическіе памятники, намъ слѣдуетъ, между прочимъ, короче познакомиться, съ одной стороны съ источниками нашего церковнаго законодательства, при томъ принимая его въ томъ самомъ обширномъ значеніи, какое оно имѣло въ древнемъ періодѣ нашей исторіи, съ другой—съ памятниками свѣтскаго византійскаго права, по крайней мѣрѣ съ тѣми, которые внесены въ наши сборники и Кормчіи.....

Соединивъ въ одно мѣсто относящіяся сюда выводы, предложенные выше, мы получимъ слѣдующія данныя: 1) въ Кормчей встрѣчаются нѣкоторыя статьи, имѣвшія значеніе юридическихъ источни-

ковъ въ нашемъ древнемъ свѣтскомъ законодательствѣ, статьи, дѣйствительно употреблявшіяся въ этомъ значеніи на практикѣ; 2) въ судахъ церковныхъ, т. е. относительно предметовъ, принадлежавшихъ исключительно къ духовному вѣдомству, и самого судопроизводства въ этой сферѣ, Кормчая была несомнѣнно сборникомъ вполнѣ практическимъ, какъ для духовенства, производившаго судъ, такъ и для всѣхъ лицъ свѣтскихъ, какъ членовъ одной и той-же церкви; слѣдоват., для насъ, какъ памятникъ права, она содержитъ съ собою важнѣйшіе источники для того, чтобъ основательно опредѣлить значеніе церковной юрисдикціи въ нашемъ древнемъ правѣ; 3) извѣстные намъ источники свѣтскаго законодательства до Петра В., равно какъ судебныя рѣшенія, во многихъ случаяхъ составлены подъ непосредственнымъ или посредственнымъ вліяніемъ источниковъ, съ одной стороны, церковнаго законодательства, а съ другой—византійскаго права вообще, притомъ именно тѣхъ самыхъ источниковъ, которые большею частію включены въ Кормчую; слѣдоват., какъ памятникъ юридическій, она въ этомъ отношеніи удерживаетъ свою силу.....

(О знач. *Кормчей въ системѣ древн. рус. права*. Н. В. Калачова. М. 1850 г. 2—16. Также въ *Чтен. общ. ист.* 1847).

200. О магдебургскомъ правѣ.

...У береговъ Балтійскаго моря, съ незапамятныхъ временъ, процвѣтали своею торговлею многіе славянскіе города, соединенные между собою торговыми узлами и носившіе названіе *Ганзейскаго союза* (отъ *hanza*, нем. *Wanzen*, узелъ, союзъ, связь, польск. *Wezel*). По мѣрѣ того, какъ одинъ изъ нихъ падалъ, погребенный въ собственныхъ развалинахъ, Пѣн-

цы вновь отстроивали его и съ этихъ поръ считали его своимъ городомъ. Такая участь постигла *Любекку* (Любекъ), которая, возродившись изъ пепла и получивши привилегію (1158) отъ государя этой страны, саксонскаго князя, Генриха Льва, вскорѣ приобрѣла такую извѣстность своими учрежденіями, (домедшими до насъ въ трехъ различныхъ видахъ), что Пруссаки охотно усвоивали ихъ себѣ, и просили ее снабдить своей свободой и правомъ (*jus et libertas*) нѣмецкіе и славянскіе города, лежащіе у Сѣвернаго и Балтійскаго морей. Въ 1190 г. Адольфъ, князь Голштиніи, ввелъ Любское право въ Гамбургъ. Въ 1224 г. Виславъ I далъ позволеніе имъ пользоваться Любечанамъ, жившимъ на островѣ Рюгенъ; въ 1242 году одинъ изъ мелкихъ славянскихъ князьковъ ввелъ его въ своемъ городѣ Деминѣ (на Поморьѣ), а преемникъ его, Вратиславъ въ Гроссвальдѣ, 1250; въ 1255 Яроміръ, князь Рюгена, утвердилъ его въ городѣ Баргѣ (Barth), а, наконецъ, Янъ голштинскій дозволилъ пользоваться имъ одному изъ своихъ владѣній.

На Лабѣ лежалъ славянскій городъ *Деминъ*, который, отнѣмчавшись, сталъ называться Магдебургомъ, названіе, цѣлкомъ переведенное съ славянскаго (*Magd*, дѣва, и *Burg*, городъ). Тамашній архіепископъ, которому, еще при Мечиславѣ I, принадлежала польская или познанская епископія, имѣя въ своемъ подданствѣ Славянъ и Нѣмцевъ, старался слить ихъ въ одинъ народъ посредствомъ равноправныхъ привилегій. Каждый изъ нихъ тѣмъ болѣе долженъ былъ уважать народность другаго, что и другіе полабскіе, полуславянскіе и полунѣмецкіе города, такъ, напр., Штендаль и Ютробогъ (*Jüterbogk*), съ радостію приняли составленное для нихъ *Магдебургское право*, первый въ 1145, а послѣдній 1174 г. Наибольшимъ значеніемъ пользовался привилегія, данная Магдебургу 1188 г.

архіепископомъ Викманомъ; списокъ съ нихъ въ послѣдствіи 1201 года граждане Магдебурга подарили жителямъ г. Вратислави, по усиленной просьбѣ этихъ послѣднихъ. Изъ этого—то мы убѣждаемся, что въ Магдебургѣ были въ ходу и славянскіе обычаи, ибо въ § 8 упомянутой привилегіи читаемъ: «Если случится надобность издать новое постановленіе, а судьи въ это время будутъ отсутствовать, то Бургтрафъ или Войтъ (*Scultelus*) имѣетъ право передать полномочіе издаванія закона Думѣ, составленной изъ гражданъ (*cives*)». Но такъ поступать Бургтрафъ или Каштелянъ могъ только по общезвѣстному славянскому обычаю, передававшему ему право надзора надъ городами, лежащими въ его округѣ.

Изъ привилегій этихъ, униженныхъ статьями Саксонскаго зеркала, а также мѣстными судейскими рѣшеніями, образовалось въ концѣ XIII и въ началѣ XIV в. то славное Магдебургское право, судьбы котораго такъ сильно занимаютъ насъ въ настоящее время. Можно допустить, что въ Магдебургскомъ правѣ, до появленія привилегій, городское и земское право мало чѣмъ, а можетъ быть и совершенно не различалось между собою. Они находились другъ къ другу въ такомъ же отношеніи, въ какомъ и въ другихъ славянскихъ городахъ, прежде нежели они раздѣлились у западныхъ Славянъ на земское и городское. По вскорѣ Магдебургское право начало принимать все болѣе и болѣе исключительный характеръ: счастливый случай привелъ его къ соединенію съ Саксонскимъ зеркаломъ, которое снова, такъ сказать, оземщило его. Это продолжалось до XV в., когда, влѣдствіе различнаго обряда жизни горожанъ и земскихъ людей, снова порвалась связь между полемъ и городомъ. Впрочемъ, это обособленіе должно было непремѣнно послѣдовать, п. ч. никто не зналъ, какъ предупредить его. Если бы тогда же бы-

ла произведена регулировка городовъ, т. е. если бы были даны особыя постановленія о заработной платѣ, а во всемъ остальномъ уравниены съ селами, какъ это мы видимъ въ настоящее время во Франціи, то, нѣтъ сомнѣнія, что мѣра вполне удовлетворила бы потребностямъ тогдашняго общества.

Магдебургское право распространилось у насъ въ двухъ изводахъ. Иной видъ имѣло оно до соединенія своего съ саксонскимъ правомъ, а иной видъ послѣ него..... Назовемъ тѣ польскіе города, которые, получивъ его уже во второмъ изводѣ, передали его въ такомъ видѣ и городамъ русскимъ, лежащимъ по сю сторону Днѣпра. Еще до 1244 г. Болеславъ Стыдливый пожаловалъ Магдебургское право Кракову и Сандомиру. Немного спустя, 1257 г., онъ даровалъ Кракову еще лучшее право, объявляя, что хотя онъ вводитъ сюда то самое право, которымъ уже пользовалась Вратиславль (съ 1241; или 1242), но съ большими привилегіями. Нѣмцы, прожизавшіе на Руси во Львовѣ, Владимирѣ (на Волыни) и Луцкѣ въ 1287 г. имѣли своего войта. Возвращая отъ Польши русскія земли, Москва нашла здѣсь Магдебургское право и подтвердила его въ Кіевѣ, Каневѣ, Переяславлѣ и Стародубѣ, а также въ округахъ нѣжинскомъ, черниговскомъ, козелецкомъ и остерскомъ..... Теперь остановлюсь я на томъ, что у насъ собственно разумѣли подъ именемъ Магдебурскаго права, каково было его значеніе, направленіе и цѣль.

Такъ какъ все дѣло состояло въ томъ, чтобы городу, имѣющему получить иностранное право, пожаловать привилегію, то въ 1231 г. крестоносцы и дали ее Хельму, стольному городу Хельминской области, крѣпко наказавъ называть ее не Магдебургскимъ, но Хельминскимъ правомъ; въ этомъ случаѣ они руководствовались той политикой, чтобы принадле-

жащій имъ городъ не думалъ, что можно быть подданнымъ своего отечества, а между тѣмъ пользоваться иностраннымъ правомъ. Эта мѣра крестоносцевъ, имѣя важныя послѣдствія, могла бы произвестъ еще важнѣйшія, если бы они умѣли взяться за дѣло. Въ послѣдствіи, сохраняя старое названіе и вѣстѣ съ тѣмъ какъ примиря прошедшее съ настоящимъ, это право стали называть не Хельминскимъ, но уже «Магдебургскимъ, обязательнымъ для Хельминской области», выражая тѣмъ неувѣренность, что такое было въ самомъ дѣлѣ это право—Магдебургское ли, или какое нибудь другое, составленное по образцу его. Короче: всякое исключительное право называлось у насъ вообще нѣмецкимъ или получало свое прозвище отъ города, гдѣ оно наиболѣе дѣйствовало. Случалось даже и то, что помѣщикъ, заключая условіе съ своимъ поселенцемъ, указывалъ ему на какой-нибудь заграничный городъ, или лежащій въ его странѣ, и позволялъ ему, въ видѣ исключенія, управляться правомъ этого города; при семъ онъ объявлялъ, что если оно окажется почему бы то ни было стѣснительнымъ для поселенца, то онъ готовъ замѣнить его другимъ.

Видя, какъ свои и чужіе хлопочуть о томъ, чтобы какъ нибудь уклониться отъ земскаго права, всякій мыслящій законодатель, сознавая, что это право имѣетъ свои недостатки, долженъ бы былъ съ одной стороны дополнить его этими статьями, а съ другой—успокоить всѣхъ ревнителей иностранныхъ учрежденій, по крайней мѣрѣ, въ такой степени, чтобы они не пытались отложиться отъ роднаго права. Такой законодатель явился въ лицѣ Казимира В.. Разсуждая о томъ, онъ отиѣтилъ два пути: одинъ велъ къ признанію необходимости польско-нѣмецкаго, такъ сказать, Статута, другой наводилъ его на мысль о соединеніи нѣмецкаго права съ отечественнымъ. Обдумавши хо-

рошо, куда приведетъ каждый изъ нихъ, онъ тотчасъ понялъ, что было бы бесполезно избрать первый, п. ч. тогда Статутъ составилъ бы одни лишь изъятія изъ земскаго права, къ которому не слѣдовало бы прибавлять ничего новаго. А потому онъ обратился въ противную сторону, и устремилъ свои старанія къ тому, чтобы безъ всякихъ потрясеній нѣмецкое право приноровить къ польскому. Обративши вниманіе на судопроизводство и на уголовное право, онъ такъ преобразовалъ ихъ, что сами нѣмцы оправдывали его реформу или, по крайней мѣрѣ, не порицали ее, особенно когда Казимиръ (въ пяти извѣстныхъ артикулахъ) согласилъ его съ духомъ старинныхъ нѣмецкихъ учрежденій. Во всякомъ случаѣ, онъ не поднималъ руки на нѣмецкое право; напротивъ того приказалъ ни въ чемъ не нарушать его, въ надеждѣ, что преемники, улучивъ удобное время, поведутъ его преобразование далѣе, къ полному удовольствію Нѣмцевъ.

Будучи само по себѣ исключеніемъ изъ мѣстнаго законодательства, нѣмецкое право, конечно, сохраняется путемъ обычая и требовало письменнаго выраженія. Иначе польскій судья, разбирая какую-нибудь тяжбу, не зналъ бы, что это въ самомъ дѣлѣ за право, особенно когда оно на каждую минуту принимало иную форму отъ непрерывныхъ отступленій и привилегій. При томъ же и судебное устройство его было совершенно самобытно. Право судебного рѣшенія какого-нибудь дѣла оно передавало Магдебургу, или искало судебной правды тамъ, гдѣ повелѣлъ основатель поселенія. Желая помочъ этому неудобству, Казимиръ В., слѣдуя примѣру крестоносцевъ, которые, посредствомъ Хельмской привилегіи, добились того, что все дѣла между ихъ подданными рѣшались окончательно не въ Магдебургѣ, но въ Хельмѣ, постановилъ 1356 г., чтобы высшее судебное мѣсто для Малой

Польши съ этихъ поръ находилось въ Краковѣ, остальные же области—познанская, сандомирская и львовская, чтобы имѣли тоже такой высшій судъ у себя. Но такъ какъ мы знаемъ изъ другихъ источниковъ, что еще въ 1459 г. нѣкоторые обращались въ Магдебургъ за рѣшеніемъ дѣлъ, то постановленіе Казимира В. должно имѣть слѣдующій смыслъ: онъ далъ право истцу принудить отвѣтника разсудиться съ нимъ окончательно въ мѣстномъ судѣ, и хотя тяжущимся позволено было, по взаимному согласію, отправиться за границу за послѣднимъ рѣшеніемъ, но рѣшеніе это не имѣло обязательной силы въ ихъ странѣ, потому и всякій судья, рѣшившійся привести въ исполненіе, рисковалъ всемъ своимъ имуществомъ, которое въ такомъ случаѣ отбиралось въ казну. Отсюда видно, какъ осторожно дѣйствовалъ вислицкій законодатель въ дѣлѣ преобразованія польскаго права, остерегаясь, чтобы чѣмъ нибудь не оскоробить Нѣмцевъ.

Все, принимавшіе участіе въ преобразованіи этого исключительнаго права, ничего не могли сказать противъ этой мѣры. При томъ же она была направлена къ ихъ пользѣ, п. ч. она избавляла ихъ отъ необходимости скитаться по иностраннымъ судамъ. Равно также нѣмецкое уголовное право легко, безъ всякихъ потрясеній, замѣнено было польскимъ, п. ч. послѣднее было несравнено мягче перваго. Зная все это, Казимиръ объявилъ, что онъ не имѣетъ намѣренія нѣмецкое право замѣнить польскимъ, напротивъ того желаетъ, чтобы оно дѣйствовало и въ послѣдствіи, но только въ первобытномъ своемъ видѣ, по смыслу котораго защитникъ долженъ быть судимъ по законамъ обиженной стороны, какъ то было установлено Лонгобардами еще въ 785 г. (о чемъ, однакожъ, вислицкій законодатель умалчиваетъ). Слѣдствіемъ этого измѣненія въ уголовномъ искѣ бы-

ло то, что всякій Нѣмецъ, позволившій себѣ насиліе надъ польскою женщиною, получалъ наказаніе не по своимъ, но по польскимъ законамъ.

Преемники Казимира В. дѣйствовали въ его духѣ и уважали нѣмецкіе законы и не только не позволяли себѣ измѣнять въ нихъ нѣтъ, упомянутыхъ выше, но строго запрещали вносить въ него статьи польскаго права: однако жъ всё здравомыслящіе горячо желали, чтобы нѣмецкое и польское право слились въ одно и чтобы между ними не было больше никакой разницы....

Лелевель ошибается, думая, что и такъ какъ польскіе горожане были нѣмецкаго происхожденія, и такъ какъ они отдѣльно отъ народа были награждаемы королевскими привилегіями, то народъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на чужестранцевъ и, вслѣдствіе этого, они могли сдѣлаться съ ними въ одно государственное тѣло: когда же (продолжаетъ онъ) это отношеніе воздѣйствовало на законодательство, то это послѣднее тщетно прилагало старанія сблизить дворянъ съ горожанами, тѣмъ менѣе изъ нихъ составить одинъ народъ, равно какъ и изъ двухъ уложеній одно. Мнѣніе это не основательно; напротивъ того, шляхта имѣла много общаго съ горожанами, заимствовала у нихъ нѣкоторыя постановленія, или же по ихъ образцу передѣлывала свои. Мало того: шляхта, преимущественно мазовецкая, владѣла землею по нѣмецкому праву, и тѣмъ показывала готовность отказаться отъ своихъ дворянскихъ правъ. Однакожъ въ послѣдствіи дѣйствуя болѣе и болѣе противъ воли своихъ государей, шляхта разорвала связь съ горожанами и неоднократно устранила ихъ изъ публичныхъ совѣщаній. Другая причина вражды шляхты къ горожанамъ заключалась въ томъ, что горожане, строго сохраняя свои права, запрещали шляхтѣ производить въ городѣ какого бы то ни было рода без-

порядки; всякій въ нихъ, уличенный судебнымъ порядкомъ, подвергался строгому взысканію, иногда даже смертной казни. И потому шляхта всячески старалась ограничить права горожанъ, налегая преимущественно на заработную плату, ремесла и торговлю, и на получаемые ими отсюда выгоды и т. д. Пока король сохранялъ свою силу, онъ защищалъ угнетенныхъ отъ обидъ и не позволялъ нарушать права ихъ; потому горожане крѣпко держались короля и были заклятые враги для Рѣчи Посполитой. Когда же королевская власть сама подвергалась различнаго рода стѣсненіямъ, то и города лишились своей защиты, сперва польскіе, потомъ и рускіе, а за тѣмъ потеряли свои права и имущество. Кромѣ того, много дурнаго произошло и отъ того, что города были разъединены между собою: многолюдные и богатые не помогали малымъ, а всё вмѣстѣ не пытались защищаться отъ нападений шляхты. Въ этомъ положеніи сердце горожанъ перестало лежать къ Польшѣ, обратилось къ Нѣмцамъ, что продолжалось до самаго раздѣла Польши, когда они упали невозвратно, а, вмѣстѣ, съ ними погибла и шляхта.

Точь въ точь тоже самое было и въ Чехахъ; въ 1066 г. дана привилегія нѣмецкимъ жителямъ Праги; въ послѣдствіи начали надѣлять Магдебургскимъ правомъ селенія и также духовенство. (Въ настоящее время Магдебургское право издается въ свѣтъ Реслеромъ по рукописямъ XIII и XIV вѣковъ). Эти права, такъ какъ и у насъ, были замѣняемы другими; иногда же нѣкоторые города къ даннымъ имъ правамъ самовольно присоединяли новыя. Только смѣшеніемъ чешской и нѣмецкой стихій въ правахъ можно объяснить то явленіе, что чешскія горожанки находились подъ такой же опекой своихъ родныхъ, какъ и нѣмціи (*in mundo*), что супруги имѣли общую собственность, и что селяне по нѣмецко-

му обычаю платили оброкъ и т. п. Хотя еще между 1282 и 1314 г. Чехи весьма неблагопріятствовали Нѣмцамъ, (судя по словамъ Далемила) презирали ихъ, какъ чужестранцевъ, вторгавшихся къ нимъ для высасыванія богатствъ страны, и вслѣдствіе того йскоса поглядывали и на города, хотя неизвѣстный писатель, жившій около 1437 или 1439 г., опираясь на исторію, всё бѣдствія, постигшія Славянъ, приписывалъ проискамъ Нѣмцевъ.—Однако чешскіе короли славянскаго происхожденія не думали преобразовывать городскіе суды и не предпринимали никакихъ мѣръ не только къ исправленію, но даже къ изданію Городоваго права и Фердинандъ II, эрцъ-герцогъ австрійскій, вступившій на чешскій престолъ, запретилъ въ 1548 г. городамъ сноситься по судебнымъ дѣламъ съ Магдебургомъ.

И угорскіе города тоже управлялись нѣмецкимъ правомъ, съ тою только разницею, что имъ разъ навсегда было запрещено вершить дѣла въ Магдебургъ.

(В. А. Мацѣевскаго; *Ист. славян. законодат. чт. Общ.* 1860, 3. III, 96—132).

Указатель статей и изслѣдованій по Исторіи Русскаго права:—Узаконенія Константиновы и взглядъ на нихъ. Рус. Дост. 1843 г. ч. 2, 138—220. О важности Юстиніанова права: Ж. М. Н. Пр. III. 279. Дѣйствіе Греч. Номакона въ древ. Россіи. Прав. Собес. 1860 г. 1, 253, 259. О древ. церков. правѣ. Тамъ же. 1860, 1, 3. 121. 1862, I, 177; II, 139. 260; III, 3. 125. 1863, II, 41; III, 78. 262. 329. О переводѣ Коричей на славянс. языкъ. *Калайдовича*. Вѣстн. Евр. 1820, ч. 110. № 5, 22. О церков. судоустройствѣ въ др. Россіи. *Н. С.* Чт. общ. ист. 1865, 1. 1—101. О церков. судѣ въ Россіи. *Неволина*. Ж. М. Н. Пр. 1847 г. Опытъ историч. изслѣдованія и описанія старин. судебн. мѣстъ Рос. Госуд. *Т. Мальмина*. Сиб. 1803 г. О наказаніяхъ, существовавшихъ въ Россіи. *Ф. Делла*. Сиб. 1848 г. Разборъ этой книги въ Архивѣ Калачова 2, IV, 5—35. Москвит. 1850 г. II 37. —56; III. 69—84. О круговой поруцѣ на Руси.

И. Д. Бяляева. Рус. Бес. 1860, II, 2, 1—100. Краткое обзоріе исторіи судоустройства и судопроизводства въ Россіи. *С. П. Шилова*. Времен. XXII, 1—36. О поклевочной вѣрѣ, т. е. обвинительномъ процессѣ по Рус. Правдѣ. *В. В. Мстиславскаго*. Рус. Бес. 1858, 3. Слѣдъ 113—128. О судебныхъ поединкахъ. *М. Т. Кашковскаго*. Зап. и Труды общ. ист. 1815, ч. 1, 39—43. О разныхъ родахъ присяги у Славяно-русовъ. *М. Ваенія*. Тамъ же 1826, ч. III, кн. 1, 77—88. Вѣстн. Евр. 1843, ч. 70, № 13, 28. Древнія и новыя божбы, клятвы и присяги рус. *М. П. Макарова*. Зап. и Труды общ. ист. 1828, ч. 4, кн. 1, 184—248. О формѣ присяги въ Россіи, *Б. Федорова*. От. Зап. Слѣдн. ч. XVII, № 43. 347. Судъ-Жребій. Вѣстн. Евр. 1826, ч. 146, № 6. 81. Историч. взглядъ на права въ Россіи. *И. В. Васильева*. Зап. и Труды общ. ист. 1826, III, 101—109. Третейскій судъ по Рус. праву. *А. Вицына*. Сиб. 1856. Развѣтїи понятій о преступленіи и наказаніи въ рус. правѣ. *В. А. Бодановскаго*. 1857. Критич. разборъ въ Отеч. Зап. 1858, CXVII, II, 1—20. Объ отношеніи супруговъ по имуществу по древ. Польскому праву. *В. Спасовича*. Сиб. 1857. О мѣрѣ Праведномъ. Архивъ Колачова I, 3. 28—40. Исторія образованія и развитія системы рус. гражд. судопроизводства до Уложенія. Сиб. 1848 г. О вліяніи обществ. состоянія частныхъ лицъ на право поземельной или собственности. *Гладкова*. Разборъ въ Рус. Бес. 1856, II, 3. 91. О преступномъ дѣйствіи по Рус. допетровскому праву. *А. Чебышева-Дмитріева*. Уч. Зап. Казанс. Универс. 1862, № 1, 1—242. Изслѣд. объ уголовн. правѣ Рус. Правды. *Н. И. Ламе*. Архивъ Колачова 1859, № 1, 3, 5 и 6. О жупныхъ судахъ. *Иречка*. Перев. съ Чешскаго. Тамъ же 1859, № 6, 22—62. Историч. очеркъ законовъ Польши и Литвы до 1520 г. *Ф. Чацкаго*. Вѣстн. Евр. 1824, ч. 135, № 10, 120; № 11 199; № 12, 272, ч. 136; № 13, 21; № 13, 187; № 16, 261, ч. 137; № 18, 110. О разныхъ родахъ грамотъ. *Саларова*. Тамъ же. 1819. ч. 103, № 4, 272, ч. 104, № 5, 25, 80. Историч. изображеніе древ. судопроизводства въ Рос. *Кумицына*. Сиб. 1843. Законы о рабахъ до Судобиня. *Грибовскаго*. Изъ его книги: «О сост. крестьянъ въ Россіи». Хар. Вѣст. Евр. 1846, ч. 88, № 16, 275. О правахъ иностранцевъ въ Рос. до Іоанна III. *И. Андреевскаго*. Сиб. 1854. Дипломат. обычай древ. Россіи. *А. Сазарова*. Слѣд. От. 52, 9—12. Взглядъ на Ист. права и перечень юрид. трудовъ по ист. рус. законодательства. *С. З-на*. Юрид. Журн. 1860. № 1, 1—10. См. еще: Ж. М. Нар. Пр. ч. 73, VI, 137. ч. 74, VI, 229. ч. 80, II, 1. 37. О познѣ въ правѣ. *Гримма*. От. Зап. 1834, т. XXIII. Древнее право Чеховъ. *Иванничева*. Ж. М. Н. Пр. 1844, т. XXX. О поединкахъ въ Россіи вообще и въ особенности о судебныхъ. *Калайдовича*. Рус. Истор. Сборн. 1, кн. 4. О символизмѣ права. *Калмыкова*. Сиб. 1848. Предварит. юридич. свѣдѣнія для полного объясн. Рус. Правды. *И. В. Колачова*. М. 1847. О началѣ наслѣдованія по древн. Рус. Праву. *В.*

Никольскаю. М. 1859. Обь устройствѣ уголовныхъ судовъ въ Москов. царствѣ. *А. Попова*. Ж. М. Н. Пр. ч. 60, II, 77—136. О платѣ за убійство. *Иванничева*. Киевъ, 1840. О вѣнненіи по началамъ теоріи и исторіи древ. рус. уголов. права. *Власьева*. М. 1860. Исторія судебныхъ инстанцій. *Дмитріева*. М. 1859. Jus Polonicum. *Бандке*. Варшава. 1831. Slovanské právo v Cechach a na Moravé. *Пречка*. 1863 — 64. Опытъ истор. государств. и гражданс. законовъ. *Рейца* въ переводѣ Марошкина. М. 1836. Указатель Рос. Законовъ. *Максимовича*. М. 1803. Рус. народъ и госуд. *Лешкова*. М. 1858. Древнѣйшее Рус. право. *Джерса* въ перев. Платонова. 1835. Очеркъ историч. развитія преступленій противъ жизни и здоровья. *Колосовскаю*. М. 1857. О законахъ Стефана Душана. *Чт. общ. ист. годъ 1-й, № 2, 20*. Первоначальный Славяно-русскій Номоканонъ. *А. Павлова*. Казань, 1868. Союзъ родственной защиты у древнихъ Германцевъ и Славянъ. *С. Шилевскаю*. Каз., 1866. О судебныхъ доказательствахъ по древне-рус. праву. *С. Пазмана*. М. 1851. Семейная власть у Славянъ и Германцевъ. *Шилевскаю*. Каз., 1869. О свидѣтельскихъ показаніяхъ. *Демченко*. Киевъ, 1859. Обь историч. значеніи римскаго права въ области наукъ юридическихъ. *И. Крылова*. М. 1838. Опытъ восстановления текста и объясненія Рус. Правды. *Фогеля*. Уч. Зап. Каз. Универс. 1848, кн. 2, 126. Изясненія о Рус. Правдѣ. *Каченовскаю*. Вѣст. Каз. 1829, CLXVI, № 13—15. Сынъ Отец. 1830, CXXXVII, 224—244. Рус. Правда въ отношеніи къ уголовн. праву. *А. Попова*. М. 1841. Участіе общины въ судѣ по Рус. Правдѣ. *Грицько*. Архивъ Колачова. 1860—61, кн. 5, 97. О судьбѣ науки церков. права. *Н. Соколова*. Москов. Универс. Изв. 1868 г. № 2. О спорѣ Новгородцевъ съ московс. митроп. изъ за мѣсячнаго суда. *Н. З-ва*. Правосл. Обзор. 1863, № 3, 223. Древнее Хорватско-Далматское законодательство. Зап. Новорос. Универс. годъ II, т. 1, в. 3 и 4. Политическое устройство и права прибреж. острововъ и городовъ Далмачіи. *Рейца*. Сбор. историчъ свѣд. Валуева, 1845. Lex Stephani Dusanі изд. Миклошича. Литовскіе Статуты. Временн. № 18, 19 и 23. Обь опекаѣ и наследствѣ во время Рус. Правды. *А. Попова*. Сборн. Валуева и Юрид. Зап. Рѣдкннъ, т. 1. Prawo pruwatne Polskie. *Бандке-Стенжинскаю*, 1851. Отношенія супруговъ по имуществоу въ Россіи и Польшѣ. *Чт. общ. ист.* 1868, кн. II, 81—84. Polska wieków srednich. *Лелевеля*. 1851. O Litewskich i Polskich prawach. Личныя отношенія супруговъ по греко-римскому праву. *А. Павлова*. Учен. Зап. Казанс. Универс. 1865, I. O наследствѣ безъ завѣщанія. *Бѣльева*. Церковное право въ Россіи при Монголахъ. Духов. Вѣсти. 1863, № 2. Рус. Правда и Литовскій Статутъ. Киевс. Универс. Изв. 1865. Рус. юридич. пословицы. *Снеирева*. Москвит., 1849, I, № 7 и 8. Купчая грамоты. *Киндякова*. Юрид. Сборн. Мейера. Каз. 1855. Начерт. рос. гражд.

права въ историч. его разв. *А. Крафтфельда*. Спб. 1843. Опытъ историч. розыск. о слѣдствен. уголовн. судопр. въ Рос. *В. Линовскаю*. Одес. 1849. Источники права и судъ въ древ. Рос. *Дювернуа*. М. 1869. Обь идеи личности въ правахъ божес. и славянскихъ. *И. Иванничева*. Ж. М. Н. Пр. 1842, № 10. Právo dědicke. *Грюновальда*. Прага, 1853. O staročeském dědicném právu, *Воцалл*. Прага, 1861. Codex juris bohémici. Прага, 1867. Институты швиер. Юстиціана. Перев. *Проскурякова*. Спб. 1859. Исторія Римс. права. *Пуцты*. Перев. Лицкой. М. 1863—4. Обь устройствѣ судебно-уголовн. власти въ Греціи и Римѣ. *Калашикова*. Спб. 1830 г. O пространствѣ церков. суда въ Рос. *Неволина*. Спб. 1847. Уставы и управление Новгорода въ средніе вѣка. *Порошина*. Ж. М. Н. Пр. 1840, ч. XXVII. Обзоръніе юридич. быта. *И. Снеирева*. Юрид. Зап., изд. Рѣдкнннмъ, т. 2, М. 1842, с. 263. Понятіе о церковномъ правѣ и его исторія. *Гаврилла*. Казань, 1844. Обь основаніяхъ Рус. церков. права. Христ. Чт. 1846, ч. IV, ноябрь и декабрь. Обзоръніе греко-римскихъ законовъ въ отношеніи къ церкви. Ж. М. Н. Пр. 1850, № 4 и 3. O соборахъ бывшихъ въ Россіи до Іоанна IV. *Турчанинова*. Спб. 1829. Опытъ курса церков. законовъдѣнія. Архим. *Іоанна*. 1851 и 1852. (Продолженіе въ Прав. Собствѣд. Казанс. Духовн. Акад.). Значеніе восточнаго церков. законоположенія въ исторіи Рус. Ц. Христ. Чт. 1852, годъ 1. O вліяніи греко-римскаго права на Рос. зак. *Н. Рождественскаю*. Спб. 1843. Исторія рос. гражданскихъ законовъ. Неволина. Спб. 1851. O семейныхъ правахъ Римлянъ, Германцевъ и Славянъ. *Лешкова*. 1838. Обь опекаѣ. Юрид. Зап. Рѣдкннъ, т. 2, 1842. Сборн. Валуева. М. 1845, I, 96. Систематич. обзоръніе помѣстныхъ правъ и обязанностей. *П. Иванова*. М. 1836. Историч. излож. Рус. законод. о наследствѣ. *Н. Рождественскаю*. Спб. 1839. Исторія древ. наследств. права у Славянъ. *І. Губе*. Сборн. Валуева 1, М. 1845. O владѣніи по началамъ Рос. законодательства. *Ө. Морощкина*. М. 1847. Обь обществен. призрѣніи въ Россіи. Спб. 1818. Взглядъ на основныя начала Рус. Законод. и науки. *Тобина*. Ж. М. Н. Пр. 1847, ч. LIV, отд. 2. Опытъ историч. изясненія о тюремномъ заключеніи. *Н. Ө. Собьщанскаю*. Ж. М. Н. Пр. 1849, № 2. Опытъ повѣствованія о древн. Рус. *Успенскаю*. Хар. 1818. O формѣ присяги въ Россіи. *Б. Ѳедорова*. Спб. 1824. Судъ Божій. *Н. Л.* Маякъ 1840. O системѣ судебныхъ доказательствъ древняго германс. права, сравнительно съ Рус. Правдою. *Паломбенскаю*. Киевъ, 1844. Ж. М. Н. Пр. 1846, ч. 49. Исторія образованія и развитія системы рус. гражд. судопроизводства. *М. Михайлова*. Спб. 1848. Обь устройствѣ уголовныхъ судовъ въ Моск. госуд. *А. Н. Попова*. Ж. М. Н. Пр. 1848, № 11, ч. I, X. Исторія судебн. учрежд. въ Рос. *К. Гроцимы*. Спб. 1851. Обь органахъ судебной власти въ Рос. *П. Чолокова*. 1855. Юрид. Сборн. Мейера. Казань, 1855. Поле. *И. Бѣльева*. Москвит.,

1855, № 13 и 14. О древней Рус. дипломатии. Речь *Лесикова* на актѣ спб. Унив. 1347. О международных и обществен. отношеніяхъ. *И. Лашинкова*. Речь въ Лицеѣ кн. Безбородко. Кіев. 1856. Объ ученыхъ трудахъ по части исторіи Рус. законодат. *Морозкина*. Уч. Зап. Московск. Унив. 1855, окт. Указатель историч. статей, помещен. въ Губерн. Вѣдом. 1855. *А. Геннади*. Времен. кн. 25. Указат. матеріаловъ и изслѣдов. по исторіи Рус. права, составл. *П. А. Мулюковъ*. Архивъ Калачова. 1859 г. № 6. Пособіи

и правила изученія Рос. законовъ. *Деял*. М. 1821. О ходѣ законовѣдѣній въ Рос. *А. Станиславскаго*. Каз. 1853. Объ ученой обработкѣ греко-римскаго права. *А. Эмелъмана*. Спб. 1858. Перечень юридич. трудовъ по ист. Рус. законодательства. *Юр. Журналъ* 1860, № 1 и 4. *Юридич. Зап.* Рѣдкнв т. 2 и 4. Систематич. каталогъ книгъ ищер. публч. библ. по части правовѣдѣнія. *В. Пфаффа*. Спб. 1863. Библиографич. указ. книгъ и статей по части правовѣдѣнія, вышедшихъ въ 1859—1864 г. *И. Мезгова*.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ, ПРАВЫ И ОБЫЧАИ.

А. ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННЫЕ.

201. Извѣстіе о Русскихъ 922 г.

Я видѣлъ ⁽¹⁾ русскихъ купцевъ въ пристани рѣки Итиля (*Волги*). Тѣло у нихъ красное. Они не носятъ ни кафтановъ, ни камзоловъ: мужчина навдываетъ на себя сбоку грубую одежду (*Gewand*), такъ что одна рука остается свободною. У всякаго топоръ, большой ножъ и мечъ. Никогда не ходятъ они безъ сего оружія. Мечи ихъ широки и работы европейской. У всякой женщины привязана къ грудямъ маленькая коробочка, желѣзная, мѣдная, серебряная или золотая, соразмѣрно съ достаткомъ ея мужа. На коробочкѣ кольцо; къ кольцу привязанъ большой ножъ. На шеѣ цѣпи золотыя и серебряныя. Мужъ, имѣя 10,000 драхмъ, даетъ ей другую и т. д. Богатыя жены носятъ по нѣскольку цѣпей.

⁽¹⁾ Такъ пишетъ арабскій посолъ Ахметъ ханъ Фодлана, котораго въ 922 г., въ княженіе Игоря, отправлялъ изъ Багдада къ Болгарамъ Каленъ Мухтедръ.

Главнымъ ихъ украшеніемъ считается земный бисеръ (*Falschen Perlen*). Мужья платятъ драхму за бисеринку для женскаго ожерелья.

Они самые нечистоплотные люди; никогда не умываются послѣ естественнаго испраженія, ни послѣ ночныхъ грезъ — Приплывая изъ своей земли, бросаютъ якорь на широкой р. Итилѣ; выходятъ изъ судовъ и строятъ себѣ большіе деревянные дома на обѣихъ сторонахъ рѣки. Въ каждомъ живетъ человекъ 10 и 20. У всякаго длинная, широкая лавка, на которой онъ сидитъ съ своею женою и невольницами... Всякое утро женщина приноситъ чашу съ водою своему господину; онъ моетъ себѣ лицо, руки, волосы, и она чешетъ ему голову гребнемъ, а вся нечистота остается въ чашѣ. Не смотря на то, господинъ полощетъ въ ней ротъ; а за нимъ и другіе съ нимъ живущіе въ той же чашѣ, не перемѣняя воды. Всюду въ пристань, каждый идетъ съ хлѣбомъ, мясомъ, лукомъ, молокомъ и медомъ (*sider*) къ высокому деревянному болвану, окуженному маленькими; — падаетъ ницъ и гофо-

рить: «О, владыко! Я пріѣхалъ изда- лека съ такимъ-то числомъ невольницъ, соболей, шкуръ... вотъ тебѣ мой даръ!» Кладетъ все передъ болваномъ, говоря: «пошли мнѣ добраго купца съ серебря- ными и золотыми деньгами!» За тѣмъ уходитъ, но въ случаѣ худаго торга, опять идетъ къ болвану съ дарами; при- носить ихъ и малымъ болванамъ, моля ихъ о заступленіи и кланаясь имъ сми- ренно. Когда выгодно сбывается все съ рукъ, тогда говорятъ: «владыка помогъ мнѣ; теперь я долженъ заплатить ему». Убиваетъ нѣсколько бѣдъ, овенъ, тры- со раздаетъ бѣднымъ, кладетъ остатокъ передъ большимъ и малыми истуканами, вѣшаетъ на первомъ головы убитой сто- тины,—и когда собаки съѣдятъ все мя- со, всѣ головы, купецъ говоритъ: «влад- дыка благоволить ко мнѣ; онъ спушалъ даръ мой».

Кто изъ нихъ занеможетъ, для того разбиваютъ вдали шатеръ, переносятъ его въ оный, оставляютъ тамъ хлѣбъ съ водою, не подходятъ къ больному близко и не говорятъ съ нимъ, но ежедневно посѣщаютъ его, особенно бѣднаго или ра- ба. Выздоровѣвъ, онъ возвращается къ своимъ; если же умереть, то свободнаго передаютъ огню, а раба оставляютъ на съѣденіе собакамъ и хищнымъ птицамъ. На вора или разбойника надѣваютъ петлю, вѣшаютъ его на высокомъ деревѣ, и такъ оставляютъ, пока отъ вѣтра и дождя не истлѣетъ.—Слыша, что они сожигаютъ своихъ умершихъ начальниковъ съ обря- дами весьма странными, я ждалъ случая видѣть оныя—и видѣлъ собственными гла- зами. Умершаго опустили въ могилу и 10 дней надъ нимъ сѣтовали, пока скро- лан и сшили ему одежду. Бѣднаго обыкновенно кладутъ въ новую малень- кую ладью и сожигаютъ въ ней; имѣіе же богатаго собравъ, дѣлятъ на три ча- сти: одну даютъ родственникамъ, на дру- гую—шьютъ ему платье; на 3-ю поку-

паютъ меду(?), чтобы пить его въ тотъ день, въ который жена покойника убива- етъ себя и вмѣстѣ съ господиномъ сво- имъ сожигается. (Вино пьютъ они день и ночь, такъ что нѣкоторые умираютъ, держа стаканъ въ рукѣ). Когда насталъ день сожженія, я пошелъ на рѣку къ ладѣ умершаго; но ладья уже стояла на 4-хъ столбахъ, окруженныхъ большими деревянными человекообразными фигурами (болванами). Люди ходили взадъ и вне- редъ, произнося слова для меня не вразу- мительныя. Мертвый лежалъ вдали въ сѣрѣй могилѣ. Принесли скамьи на ла- дью съ стегаными покрывалами, грече- скою парчею и подушками изъ такой же лари... Вынули мертваго изъ могилы: онъ былъ въ полотняной одеждѣ, въ коей умеръ. Отъ жестокаго холода сей зны трупъ весь почернѣлъ. Въ могилѣ съ мертвымъ стоялъ медъ, лежали плоды и люти; ихъ также вынули. Умершій, кро- мѣ цѣта, не измѣнился ни въ чемъ. Надѣли на него исподнее платье, сапоги, поясъ, камзолъ, кавтанъ парчевой съ зо- тотыми пуговицами и соболью шапку; от- несли его въ ладью, положили на стеган- ное покрывало, обклали подушками; при- несли медъ, плоды, благовонныя травы, хлѣбъ, мясо, лукъ, и все поставили пе- редъ нимъ или возлѣ; положили съ бо- ку оружіе умершаго. Привели собаку, разрѣзали ее на двѣ части и бросили ихъ въ ладью; привели и двухъ коней, двухъ коровъ, зарубили ихъ мечами и бросили мясо въ ладью; принесли еще пѣтуха съ курицею, зарѣзали и бросили туда же... (затѣмъ рассказываетъ о сожженіи жены покойника)... На берегу, гдѣ стояла ладья, они сдѣлали нѣчто подобное круглому холму, постави- ли въ срединѣ его столпъ и написали на немъ имя умершаго и короля (князя) русскаго. Послѣ этого разошлись по до- мамъ. Короли русскіе обыкновенно дер- жать при себѣ въ своемъ замкѣ или го-

редкѣ 400. зрабрыхъ воиновъ (*дружинниковъ*). Нѣкоторые изъ нихъ умирають съ ними или жертвуютъ имъ своею жизнью. Каждый (*воинъ*) имѣеть дѣвицу, которая служитъ ему, моетъ голову, готовитъ пищу, а другая служитъ ему наложницею. Сидятъ 400 сидятъ внизу на большомъ диванѣ королевскомъ, украшенномъ драгоценными каменьями. Съ королевемъ сидятъ 40 дѣвицъ или наложницъ. Омъ же не стыдится ласкать ихъ въ присутствіи своей дружины на диванѣ. Когда ему надобно ѣхать верхомъ, то подводитъ лошадь ему къ дивану, съ котораго онъ на нее садится, а съ лошади слезитъ также прямо на диванъ. У него (*князя*) есть нашествникъ, который предводительствуетъ войскомъ, воюетъ съ неприятелями и заступаеть его мѣсто для подданныхъ.

(Ист. юс. рос. I, пр. 364).

Нѣмцкій переводъ Френа въ сочиненіи его Ibn-Fozzlans und anderer Araber... Berichte. (См. выше въ Христом. № 2. Дѣльное разсужденіе объ извѣстіяхъ арабскихъ писателей о Россіи можно найти въ сочиненіи Котляревскаго; „О погребал. обычаяхъ амычес. Славянъ“.

202. Поученіе архіае. Луки къ братіи 1036.

Се, братіе, пераѣе всего сію заповѣдь извѣстно (*несомнѣнно*) должны есмы вси христіане держати: вѣровати въ единъ Богъ, въ Троици славимъ, въ Отца и Сына и св. Духа, якоже научили св. апостоли, св. отцы утвердиша. Вѣрую въ единого Бога... до конца. Вѣруйте же ми крещенію (*воскресенію*) и жизни вѣчнѣй и муцѣ грѣшнымъ вѣчнѣй. Не ленитесь къ церкви ходити, и на заутреню, и на обѣдию и на вечерню; и въ своей клѣтѣ

хотя спати, Богу поклонився, толи (*или*) на постели лажи. Въ церкви предстоите со страхомъ божиимъ, не молви рѣчи, но не мысли (*не думай о мірскомъ*), но моли Бога всею мыслию, да отдасть ти Богъ грѣхи. Любовь имѣйте со всацѣмъ челоѣкомъ, а болѣе съ братією, и не буди ино на сердци, а ино въ устѣхъ; но подь братомъ ямы не рой, да тебѣ Богъ въ горщадъ той не вринеть. Но буди правдивъ тако, яко не кася правды дѣла и закона божіа и приложя главы, да сочтеть тя Богъ съ святыми (!). Претерпите братъ брату, и всякому челоѣку, а не воздайте зла за зло; другъ друга похваляи да и Богъ вы и похвалять. Не моги свадити (*ссорить*), да не наречется сынъ дьяволу, но смирай, да будеша сынъ Богу. Не осуди брата ни рѣчью, ни мыслию, поминная свои грѣхи, да тебѣ Богъ не осудитъ. Помните и милуйте странника, и убога и темничника, и своихъ сиротамъ (*рабама*) милостивы будете (!). Москоудство вамъ, братіе, не лѣно имѣти, ни молвити срамна слова, ни гнѣва на всякъ день имѣти, ни похри-тайся (*не сердись*), ни посмѣйся никакому же, въ напасти же терши, на Бога упованіе имѣя. Буести (*буйства*) не имѣйте, ни гордости, ни приащайся ниѣхъ творити, помня, яко утро будемъ смрадъ и гной и чернае. Будете смиренни и кротци, да и послужници будете, и творци божиимъ заповѣдемъ; въ гордаго бо сердци дьяволъ сѣдять, и божіе слово не хоцетъ праннуди ему. Читѣте стара челоѣвѣка и родителя своя, не кленитесь божиимъ именовъ, но лиаго заклинайте, ни проклинайте. Судите по правдѣ, мзды не емлите, въ лихву не дайте, Бога сѣ

(!) Т. е. за правду и законъ божіи не отрекайся и голову сложитъ.

(!) Въ друг. списахъ: „Той бо велики милостива есть, яко домашня свѣдъ безъ скорби старитъ“.

бойте, князя чтите, раби первое Бога, также господу (*господина*), чтите отъ всего сердца іерей божіа, чтите и слуги церковныя. Не убій, не укради, не солжи, ажи послухъ (*ложный свидѣтель*) не буди, не ненавиди, не завиди, не клеветчи, блядни не твори ни съ рабою, ни съ кнѣ же не шій безъ года (*безъ орелени и мѣры*), но здволь, (*умпренно, одоволь*) а не до пьянства. Не буди гнѣвнивъ, ни напраснивъ буди, съ радуицинися радуйся, съ печальныма печаленъ, не идите скверна, святыя дни чтите, Богъ же шира со всеми вами. Аминь.

(Рус. Дост. I, 1—16).

См. Ист. Рус. Ц. Мисію I, 262—265 (стр. 241).

203. Коученіе прп. Феодосія о трапезѣ и пиветѣ.

Се вѣдуще, братія, обѣдѣ и трапезѣ двѣ молитвѣ суть: одна в починцѣ, а другая в концѣ обѣда, уставлена самѣмъ Господомъ, потому апостолы, также св. отци. Уставлена же есть кутья въ похвалу святыхъ крестити в честь, а не во оставленіе грѣхохъ: ни кацѣмъ бо приношеніемъ очищаются грѣси, токмо тѣломъ Христовымъ и кровію. Уставлено же за упокой крестити усопшихъ: обѣда же а ужина за упокой крестити усопшихъ: обѣда же и ужина за упокой крестити не уставлено: воды же не повелѣно приставляти кутіа, ни ажда класти на кутью. Въ алтарь же не достойно ничтоже нести свѣдо, ни цѣта, но токмо проскуру и тельмаъ и свѣчу, иже на службу есть. Трапезевъ же не пивети чашамъ в нину, лише три: поставивше обѣдъ съвятса Христось Богъ нашъ, и съети пиветіаго есть и честно: егда же кончается

обѣдъ, прославится дѣвица Марія, третье осподарю, а лише не велитъ. Али кто смыслъ ипать, да понытай, како рекла св. Богородица къ св. Василю. Тако ему рече: «аще хочеша на заступницю иити въ всѣхъ бѣдахъ твоихъ, послушай мя, отвержися иитіа всякого и не пиветуй пиветъ: не токмо бо не услышавъ будеша, но и Бога безъгнѣвнаго разгнѣвша, осуженъ будеша въ муку». (1). А со указаніе вѣдати в заповѣди св. отецъ; аще уиовъ другъ друга за любовь, или слятыми заклинаа, да постится 7 днѣ; или бляметъ, то 40 о крѣбѣ и водѣ. И многож о томъ пивети во очесныхъ указѣхъ. Но усмыслъ се доволѣть указаніе, а немисленнивъ, аще бы иитъ открывъ всѣхъ иитѣ указъ, ни ту быша рашукѣа, ни вѣры али. Да аще писаніе вѣры не иитѣ, да своимъ дѣломъ вѣруиши. Иже бо кто много шеть съ трапеза: како ти начметъ положить на пивету, а ни могаъ своихъ не мога отыти; а другыи валестя в калу (*съ глѣзи*) бляа, въ руганіи, въ посмѣхѣ давъ себѣ всѣмъ глѣдѣмъ, а хранителя душа своа, итела гомома, отогнавъ отъ себе. Гдѣ суть мнози трапезари притворени къ чашамъ, да бляа избавили ихъ отъ бѣды тоа, бѣсащиха волю своєю. Бѣсны стражеть неволею, и добудеть вѣчныа жызни, а пиветий волю стражеть, добудеть вѣчныа муки: прииель бо ерей к бѣсному, съворить пивету, проженеть бѣса, а пивѣ пиветий, аще бы всеа земля сошлася попове и пивету бы съворили, пиветса савооалнаго бѣса. (м. с. не малалѣ бѣ).

(Чт. Зап. 2 отд. Акто. II, с. 2).

1) Это итѣо стрѣкно, китѣ итѣ апароо-вѣснѣ итѣи

204. Изъ посланія св. Григорія. Юліана II до
1039 (1).

Правило 3-е. А еже емлены (пойманныя) животны, отъ пса ли, отъ звѣря ли, или отъ орла, или отъ иного притча и птица, и умираеть, аще не зарыто будетъ человѣкомъ, якоже божественнымъ отцы повелѣша,—не подобаеть ясти. Прилѣжши наче законѣ, неже обычаю земли, тоже ба зблудети звѣрдынымъ. 4, И еси, еже опрѣснокомъ служить, и въ сырную яелю мяса ядуще, и кровь и давленину, сообщатися съ ними или служити не подобаеть; ясти же съ ними нуждо сущю Христовы любви ради не отъинудъ бѣтъ възбранно. Аще кто хоцетъ сего убѣгати, извѣтъ (предлогъ) илѣа чистоты ради, или немощи отбѣгнеть; блюдетъ же еда не соблазнъ отъ сего, или ино вражда велика и злопомянаніе родитися, и подобаеть отъ большаго зла изволити меншее. 5, Иже непричащаются крапцѣхъ (окрайныхъ жителей) и Русьстѣи земли, якоже еси реклъ, и въ великое говеніе мяса ядять и скверное,—подобаеть всякимъ образомъ изправляти и възбраняти ту злобу, наказаніемъ и ученіемъ возвращати на правовѣрное ученіе, и погруженіемъ (небреженіемъ) яко не крестьянину сущю, да тѣмъ со страхомъ остануться тоя злобы и на вѣру благообразную приложатся. Пребывающу же тако и не приложашуся, не даа (ти) илѣ св. причащанія, но якого (какаго) иноплеменика во истину и вѣрѣ нашей противника, поставити ѥ въ свою волю ходити. 6, Тоже сотвори, еже безъ студа и безъ страха и безъ срами двѣ женѣ илѣють, кроми сая вѣры нашей и греческое благоговѣрство житія. 7, Иже волхвованіе и чародѣяніе творяще, аще мужу и женѣ,

(1) Заглавіе этого посланія слѣд. -Правило церковное отъ св. книгъ вкратцѣ Іакоку черноморцу.- Кормч. 1180.

словесы наказаніемъ показати и обратити отъ злыхъ... 13, Иже дщерь благоговѣрнаго князя даяти за мужъ въ ину страну, иде служить опрѣсноки и сквернояденіемъ (не) отметаються,—недостойно и вѣло неподобно; правовѣрныи се створити съемитъ дѣтемъ сочтаніемъ, божественнымъ уставъ и міреви уставъ тоже вѣры благоговѣрство повелѣвають помнати. 14, Службникомъ іереемъ, еже облачачюся въ шорты (платье) исподни отъ номъ животныхъ, ихъ же ядять и не сквѣдныхъ, великія ради ины не възбраняють, ни въ Грецихъ, ни въ Руси, студенія ради. 15, И еже жрутъ бесомъ и болотомъ и колдасемъ, и еже помнаются безъ благословленія сочтаніе и жены отбѣтаються, и своя жены пушають и прилѣбляются илѣмъ,—не примать святыхъ тѣмъ ни одиномъ лѣтомъ, аще не отъ отца духовнаго звязани будутъ, не причащатися.—И ты вѣси, аки тѣмъ всѣмъ чужды быти нашей вѣры... 16, Иже сходяще къ мирскимъ и пьютъ,—іерейску чину повелѣвають святіи отцы благообразно и съ благословленіемъ примать предлагающа; игравіе и плясаніе и гуденіе, входящомъ востати вѣснъ, да не осквернятъ илѣ чувства видѣніемъ и слышаніемъ... 19, Иже ядять съ погаными не вѣдая,—молатву творити на оскверненіе тако, примати достонть. 20, Матери же хрестимыхъ дѣтій аще бални будутъ и постытися не могутъ,—отдавають отцы, да не наемогутъ постомъ и своѣмъ изгубити животъ. 21, Иже свое подружіе оставать, и помнають илѣхъ, тако же и жены, въ которыхъ опитимыхъ влагати?... Не приммають въ причащеніе, дождеже престамуть отъ грѣхъ, такоже жену во дѣвицу илѣюще свора... 22, Праміаго о илѣкихъ еси, еже кувать челядь, створившимъ обещныхъ молитвъ, ядшихъ съ ними, послѣди же продаше въ поганыхъ,—которую слитъ пріяти еиметемо? И речамъ, якоже речено есть въ законѣ:

крестяна чловѣка ни Жидовину, ни еретикѣ продати; иже продасть Жидомъ,— есть беззаконникъ, а не токмо законодавцу, но и Богу претыкается. И се внимай о Самѣрѣ и о Анавіи образа разумѣй; оны бо цѣну своего обѣща Петромъ верховнымъ апостоломъ принести Богу, дажь малу часть удержавше, смерти осуждени бывше, украдше часть, иже обѣщашася Богови принести. Купца же, иже знаменавше знаменіе божіе и молитву, иже отъ нихъ купленіе челяди, аже вси псалъ, знаменавше и молитву давше, такоже и поганымъ продавше: не таковое согрѣшеніе, но явлено къ Богу отлученіе. Крадше и чюже собѣ творте, и тако ны ся шпять, ладно съ онѣма согрѣшати, иже гонивше нашу вѣру, и многи отъ вѣры въ невѣрство приведше, иже достоятъ отврещи сего злаго наказанія и начинанія наученіемъ и наказаніемъ; аще не послушаетъ, ино яко язычники мытара имѣти... 25, И оже въ пирѣхъ пити, цѣлующесе съ женами безъ смотрѣнія мнихомъ и бѣльцемъ, въ 22 главѣ, иже въ Никіи 2-го збора, иже божественнымъ отцемъ повелѣвшимъ мнихомъ и іереемъ съ инѣми богобоязливими и честными мужами, аще и съ женами обѣдають, да и то совокупленіе на совершеніе духовное будуть. Такоже и съ ближними и на путь шествующе требованіе нудить, и невозбранно вкупѣ и въ гостиницы или въ домъ нѣкоего внидуть невозбранно, и бѣльцемъ же жены имѣюще и дѣти вкутъ, обѣта же невозбранно, кромѣ начинанія, игравія и бесовскаго пѣнія и блуднаго глумленія: сія убо во опитемъ введуть; иже по смотренію твоему и по образу комуждо и по лицу и по житю наведи... 29, Иже своея волею ходять къ поганымъ купля ради, и скверное ядятъ, сихъ отвѣщаваемъ восхищники, и лихоиманьники, и неправедники, и мездьники, и сребролюбца; нѣсть правило улучая (*отлучая*), аще и велика суть согрѣшенія, оже имѣ-

ніа ради или скоталюбства (*сребролюбія*) ради съ погаными оскверняются, иже съ ними пребываніемъ недѣяніемъ отъ церкви не возбраняются, но такмо молитвою и моленіемъ очистятся грѣси, и тако причащанія блага примуть, подобаетъ воину (*есегда*) наказаніе имъ дати и учти ѣ, евангельское слово внушати: «о, горе вамъ, яко има мое въ васъ ради хулу приимаетъ въ языцѣхъ!» 30, Иже въ монастырахъ часто пиры творять, сзываетъ мужа вкупѣ и жены, и въ тѣхъ пирѣхъ другъ другу приспѣвають, кто лучій творить пирѣ. Си ревность не о Бозѣ, но отъ лукаваго бываетъ си, и десною (*худесною*) лестью приходящее, и образъ милости и духовное утѣшеніе приводящимъ и творящимъ пагубу... И оже сихъ творять и собѣ иже съ ними пють черенци и съ чернцѣ погубляютъ, и мнать, что добро творять нищелюбіа, иже къ мнхамъ любви и не приимати мзды.

31, Якоже еси реклъ, оже не бываетъ на простыхъ людехъ благословеніе вѣчанія, но бояре токмо и князи вѣнчаются, простымъ же людямъ якоже именемъ и плесканіемъ. Разумъ даемъ всякъ и речемъ: иже простія закони простцемъ и невѣжамъ си творять совокупленіе. Иже кромѣ божественныя церкви, кромѣ благословленія, творяще свадьбу, таино помяніе наречеть, иже тако помяють, якоже блуднымъ опитемъ дають...

(Рус. Дост. I, 88—103).

См. Ист. Р. Цер. Макарія. II, 345—352.

Кромѣ этого правила, Иоан. II написалъ 1. посланіе къ папѣ Клименту (Пам. XII стол. изд. Калайдовичемъ, стр. 209—218, Учен. Зап. Акад. 1. 2, стр. 1—20. Изв. Акад. 11. 98—101) 2. службу Борису и Глѣбу (Изв. Акад. VII, 372).

205. Странникъ Данила игумена до
1115.

Вступленіе.— Се азъ недостойный Данилъ, Руская земля, хужшій въ всѣхъ мнѣсѣхъ, смиренъ сынъ многими грѣхы и невѣжествіемъ о всякомъ дѣлѣ блазѣ, и полужень быхъ мыслию своею и нетерпѣніемъ своимъ, въсхотѣхъ видѣти св. градъ Іерусалимъ и землю, обѣтованную Богомъ Аврааму. Волею же божіею хранниши, доходихъ св. града Іерусалима, и видѣхъ всю землю Галилскую и святая мѣста, и вся обыдохъ всю ту землю, уауже Христосъ Богъ нашъ походи своимъ ногама и много чудесъ показа преславно святымъ своимъ апостоломъ и ученикомъ, да то все видѣхъ очима своимъ грѣшнымъ, и все ми Богъ показа видѣти, егоже желалъ азъ по многы дни мыслию своею мучивъ. Но, братіе и отци, господіе мои, простите мя, и не зазрите моему худоумію и грубости моеи, еже списахъ о Іерусалимѣ, и о землѣ блазѣ, и о пути семъ святѣмъ: иже бо кто путемъ своимъ ходитъ съ страхомъ и съ смиреніемъ, то не погрѣшитъ милости божіа николиже. Азъ же неподобно ходихъ путемъ своимъ святѣмъ, въ всякой слабости и гѣности, пѣя и ядя и вся неподобная творяхъ, но обаче надѣюся на милость божію и на вашу молитву, негли Христосъ Богъ проститъ мя грѣховъ моихъ бесчисленныхъ, да се я списахъ путь сей и мѣста си святая, не възношася, ни величася путемъ своимъ: не буди то, ничтоже бо не сѣтворихъ добра на пути семъ, но любое ради св. мѣсть написахъ все, еже видѣхъ очима грѣшнымъ, дабы не въ забытїи то было, еже ми показа Богъ недостойному, и убояхся осуженїа онога раба гѣнливаго, скрывшаго талантъ господина своего и прикупа не сѣвори имъ; да и се написахъ вѣрныхъ—ради человекъ, дабы кто слышавъ о мѣстехъ святыхъ и потщался душою и мыслию къ святымъ

снимъ мѣстомъ и равну мѣзду примуть съ ходившими до св. снхъ мѣсть. Мнози же дома суще въ своихъ мѣстехъ добрии человекѣи милостынями къ убогимъ и добрыми дѣлы своимъ достизаютъ снхъ мѣсть святыхъ, иже болшую мѣзду примуть отъ Бога; мнози же и ходивше св. снхъ мѣсть и видѣше св. градъ Іерусалимъ, и възнесеша умомъ, яко иѣчто добро сѣтворше, и пакы погубляютъ мѣзду труда своего, отъ нихъ же первый есмь азъ. Мнози же и доходивше до Іерусалима идуть взадъ, многа добра не видѣше, тицашея вборзѣ итти; а сего пути вборзѣ нелазѣ ходити, но потиху, не тоскомъ, тоже мочи видѣти вся та мѣста святая въ самомъ градѣ Іерусалимѣ и внѣ града. Азъ бо недостойный игумень Данилъ пришедъ въ Іерусалимъ, пребыхъ 16 мѣсяцевъ въ метухи (1) св. Савы, и оттолѣ походивъ испытавъ вся та мѣста святая и видѣхъ добрѣ; невѣможно бо безъ вожа ходити и безъ языка добрѣ испытати и видѣти всѣхъ тѣхъ св. мѣсть. И что у себе имѣя въ руку моею худого моего добытка, и отъ того всѣмъ подавахъ, вѣдущимъ добрѣ вся св. мѣста въ гради и внѣ града, да быша ми указали все добрѣ, якоже и бысть. И пригоди ми Богъ налѣсти (найти) въ лаврѣ св. Савы (2) ту мужа свята и стара денъи и книжна велии, и тому св. мужу вложи въ сердце Богъ любити мя велии худаго, и той ми указа добрѣ вся мѣста святая, иже суть въ Іерусалимѣ, и по всей землїи той поводи мя добрѣ, и до Тавириадьскаго моря и до Фавора и

(1) *Метохіон* — подворье монастыря. Здѣсь разумѣется подворье монастыря св. Савы, которое находилось, какъ говоритъ далѣе Данилъ, въ самомъ городѣ Іерусалимѣ, близъ водоема, называемаго именемъ Вирсаимъ, и принадлежащее до снхъ поръ греческимъ монахамъ; оно называется теперь *монастыремъ св. Димитрія*.

(2) Здѣсь говорится уже о знаменитой лаврѣ св. Савы, близъ Мертваго моря.

видѣти св. градъ Іерусалимъ: первое видѣти домъ Давидовъ, а потомъ мало пещедь, видѣти Елеонская гора и Святая Святыхъ (*мечеть Омара*), а потомъ весь градъ видѣти. И ту же есть гора равна у пути близъ Іерусалима, яко версты одной вдале, и на той горѣ зѣдають люди съ коней, и пѣши ходять вси людѣ и поклоняются христіане св. Воскресенію; и бываетъ радость велика всякому христіанину, увидѣвшему св. градъ Іерусалимъ: никто же бо не можетъ проследитися, видѣвше землю желанную и мѣста святая, идѣже Христосъ Богъ нашъ, нашего ради спасенія; походи; и идуть вси пѣши съ радостію великою къ граду Іерусалиму.

О церкви св. Стефана. — И ту есть церковь св. первоученика Стефана, у пути близъ, на лѣвой странѣ тамо идучи: на томъ мѣстѣ побіенъ бысть каменіемъ св. Стефанъ и архидаконъ отъ Іудей, ту же и гробъ есть его. И ту же гора каменная, плоска, просвѣлася въ распятіе Христова, и то мѣсто зовется адъ ⁽¹⁾; и то есть близъ стѣны городныя, яко довержетъ мужъ каменіемъ.

III. О градѣ Іерусалимѣ. — И потомъ входятъ въ св. градъ Іерусалимъ всякъ человекъ съ радостію великою враты, сущими близъ дому Давидова: и та суть врата отъ Вифлеома лицомъ; та бо суть врата зовутся Веніаминова (*Яфскія*); якоже внидучи въ градъ, путь есть сквозѣ врата: направо же къ Святой Святыхъ, а на лѣво къ Воскресенію, идѣже есть гробъ господень.

⁽¹⁾ Это такъ называемая долина сыновъ Гимомовыхъ, или долина Гимомъ, заключенная между Сиономъ и мрачною горой *Злао Совѣщанія*, мѣсто ужасныхъ жертвоприношеній Молоху. Блаженный Іеронимъ говоритъ, что адскій огонь, о которомъ упоминается въ евангеліи, сравнивается съ огнемъ печестивыхъ жертвъ Молоху, и что поэтому адскій огонь называется *геена*, отъ имени *геона* или *гимона*.

О церкви воскресенія господня. — И есть же церковь та Воскресеніе Господне слава образомъ: кругло създана; столбовъ же имать 12 облыхъ, а 6 заданныхъ, и помещена есть досками муроморянскими красна волни; двери же имать мѣстоны, а на полатахъ столбовъ 16; а надъ полатами подъ верхомъ написани суть святіи пророци вси мусією, яко живи стоятъ, а надъ олтаремъ написанъ Христосъ мусією, а въ олтарѣ же великомъ написана Адамова воздвиженіе; въ самомъ же верху написано есть Вознесеніе господне, обаволы же написано олтаря Благовѣщеніе; а все то подписано есть мусією. Верхъ же церковный не до конца сведенъ каменіемъ, но тако спертъ досками и дрвиемъ тесанымъ, плотичнымъ образомъ ⁽¹⁾, и тако есть безъ верха не покрыто ничимъ же.

О гробѣ господни. — Подъ тѣмъ же самымъ верхомъ непокрытымъ есть гробъ господень симъ образомъ, яко печерка мала насѣчена въ каменѣ, двери имуща малы, якоже можетъ человекъ влѣзти, на колѣну поклоншеса, влѣзше есть малаго мужа и всямо окачна (*круглоцидная*). А лавоть въ долину и въ широту. Влѣзачи же въ печерку ту дверцами тѣми малыми, на десной странѣ есть мѣсто, яко лавица (*лабочка*) засѣчена въ томъ же каменѣ печерномъ; и на той лавици лежало тѣло Господа нашего І. Христа, и есть и нынѣ лавица та святая покрыта досками муроморянскими (*мраморными*), и суть на сторонѣ протѣлана 3 оконца круга, и тѣми оконца видѣть святый тѣй камень: и ту цѣлуютъ вси христіане. И висить въ гробѣ господни 5 кандилъ великихъ съ масломъ съ древянымъ и горять беспрестави кандила

⁽¹⁾ Куполь храма гроба Господня имѣлъ тогда видъ усѣченного конуса.

та святая, не угасают ихъ никтоже, ни въ день ни въ ночь. Лавица же та святая, и дѣже лежало тѣло христово, есть въ долину 4 лакоть, а въ ширину два локти, а възыше полтора локти. Предъ дверми же пещерными лежитъ камень, 3-ю стопъ вдале отъ дверецъ тѣхъ пещерныхъ: на томъ камени ангелъ сѣдя явился женамъ муронасицамъ и благовѣсти имъ христово воскресеніе; и есть пещерка та одѣлана яко амбонъ краснымъ мироморомъ и столпци мироморяны жъ около стоять, числомъ ихъ 12. Вверху же надъ пещеркою тою созданъ яко теремецъ красно на столпцѣхъ, и вершекъ ему спертъ кругло, и серебряными чешуйками позолочеными покованъ; и на верху же того теремца стоитъ Христосъ серебрянъ сдѣланъ, яко въ мужа вболѣи есть, и то суть Фряжи (*франки*) сдѣлали и поставили, и нынѣ есть подъ самымъ верхомъ тымъ непокрытымъ. Суть же дверци трои у теремца того учинены хитро, яко крестцы: тѣми бо дверцами влзають людіе къ гробу господню (1). Да то есть гробъ господень былъ пещерка та, якоже то написахъ, добре испытавъ отъ сущихъ ту издавна вѣдущихъ святая си мѣста.

О пути землемомъ и о церкви. И есть церква та Въскресеніе господне круга образомъ, всямо окачна, въ долину и въ ширину 30 сажень. Суть же у нея полаты простороны, и въ тѣхъ полатахъ горѣ патриархъ живетъ. И есть отъ дверей гроба господня до стѣны великаго алтара 12 сажень; и ту есть, внѣ стѣны за олтаромъ, путь землемый (2) сзда-

(1) Теремецъ, который находится надъ самою пещерою гроба господня, накрываетъ круглое отверстие, придѣланное на верху святой пещеры для свѣтлыванія паникадилъ и для очищенія воздуха отъ испареній непрестанно горящихъ лампадъ.

(2) Такое названіе дано на основаніи псалма LXXIII, стиха 2-го: «Богъ же царь нашъ прежде вѣка сзда спасеніе посредъ земли» и ст. 5 гл. V.

на же надъ нимъ комара, и горѣ написанъ Христосъ мусією (*мозаикой*), и глаголетъ грамота (*подпись*): «се пядію измѣрихъ небо, а дланію землю».

IV. О столпѣ Давидовѣ.—А оттуду до столпа Давидова и до дому его (1) 200 сажень. Столпъ же есть святаго пророка Давида, на немъ же и псалтырь составилъ, дивенъ вельми столпъ той, краснымъ каменіемъ сдѣланъ, высокъ же вельми, на 4 углы, весь есть черствъ (*твердъ*), днеродны(и) камень уродися посредѣ его (2), и воды многы въ немъ; двери же имать пятеры желѣзны, степеной же имать 200, по нимъ же взыти горѣ; и жита въ немъ тогда много безъ числа лежить; и есть твердъ ко взятію: то есть голова всему граду тому. Блюдутъ же его вельми, не дадутъ никомуже влзти въ оны; но мнѣ худому пригоди Богъ влзти въ столпъ той святой, и ода възмогахъ съ собою ввести единаго отъ людей моихъ именемъ Сдѣслава Иванковича, а иныхъ не впустиша никогоже.

(Далѣе о притворѣ Соломона и о купели. О святыхъ святыхъ; о дому Соломона царя; о Високии и о Лазори. V. О Гепсманіи и о гробѣ св. Богородица; о пещерѣ, и дѣже преданъ бысть Христосъ; о Елеонскій горѣ, по възнесеніи господня.)

О градѣ Іерусалимѣ, иже и окрестъ Іерусалима. Іерусалимъ же градъ есть великъ вельми и твердъ, стѣнами всямо окаченъ, на 4 углы крестнымъ образомъ сзданъ; добри суть мнози и горы каменны около града; безводно же есть мѣсто то вельми, ни рѣки, ни источника,

Прор. Іезекіила: «сія глаголетъ Адонай Господь: сей Іерусалимъ, посредѣ камней положихъ его, и страны же окрестъ его».

(1) Подъ словами столпъ и домъ Давидъ разумѣеть всю цитадель вообще.

(2) Здѣсь текстъ теменъ во всѣхъ рукописяхъ.

ни колодеза близъ Иерусалима, но токмо одна Силуанна купель ⁽¹⁾; но дождевою водою живутъ все люди и скоти въ градѣ томъ. И жита много и добра ражаются граду тому и окрестъ Иерусалима безъ дождя; но божіимъ благословіемъ родится пшеница и ячмень изрядно: одну кадъ съявше и пакы взяти кадеи 90 или 100 ⁽²⁾. Исть ли то благословіе Божіе на землѣ той святой? Ту же и виноградъ мнози около Иерусалима и овощная дресеса смокви, и масличіе, и рожци (*стручки*), и аблони и иная же всякая овощная дресеса различная безчисленная. А на горѣ Елеоньстѣи есть пещера глубока велики близъ Възнесіи господня на полдень лицемъ: и въ той пещерѣ гробъ св. Пелагіа блудница. И ту же близъ есть столпникъ, мужъ дивенъ и страшенъ видомъ и старъ дельми ⁽³⁾.

(VI. О пути яко къ Иерусу).

О Иерданьстѣи рѣцѣ. Иерданъ же рѣка течетъ быстро, берега же имать обонъ полъ Иердава прикруты (*крутые*), отседе бологы; вода же его мутна и сладка велики и исть сыти піющииъ воду ту святую, и здрава бысть вода та піющииъ ѿ, ни съ неа болить, ни пакости въ чревѣ исть; всѣмъ есть подобенъ Иерданъ рѣцѣ Синовьстѣи, въ шире и глубле, лукаво же велики и быстро тететь; болниа же (*низменность*) имать якоже и Синовъ ⁽⁴⁾ рѣка; глубле же есть чети-

⁽¹⁾ Давидъ забылъ, какется, о колодезѣ *Не-слинѣ*.

⁽²⁾ Урокъ въ савъ-шадатъ пять бызаетъ во рѣкѣ въ Палестинѣ.

⁽³⁾ Дѣла Давидъ говоритъ о томъ саковъ иудейскіи, съ которыхъ престоловцы, во свѣту дурности, совѣщавъ во время осады Иерусалима передъ престоломъ. Его казвалъ человекъ велика бо-люща.

⁽⁴⁾ Это мѣсто есть единственно, которое слѣдуетъ обратить вниманіе на рѣкѣ Давидъ. Рѣка Синовъ протекаетъ въ Черниговской губерніи.

рей сажень среди самой купели, яко самъ собою искусихъ и измѣрихъ и прободихъ на ону страну Иердана, и мнози походяхъ по берегу тому Иерданову любивію; вшире же Иерданъ рѣка якоже и устья Синовъ рѣка есть. И есть же и сей странѣ рѣцѣ купели той яко гѣсокъ малъ, дресіе много по берегу Иерданову превысоко, яко вербіе есть, и подобно исть верба; выше купели яко лоза много по берегу Иердана, но исть на лоза, но инака, яко *кошляки* ⁽¹⁾ подобъ есть. И есть бо ту тростіе много и зрїе мнози ту живутъ, и свиномъ дикимъ бо числа много ту, и падрусъ (*леопарды*) мнози ту суть; ту же суть и явове обонъ полъ (*на той странѣ*) Иердана въ горахъ каменныхъ, ту ся и ражаютъ ⁽²⁾ Друзи же горы суть подъ тѣни горами бѣлы ⁽³⁾ суть велики, и ти суть бли Иердана, да та зовется земля Заудоня Нефталіиа обонъ полъ Иердана. И же есть мѣсто близъ яко двою доступъ вдале отъ рѣки Иердановы, къ возно-

она вытекаетъ изъ окрестностей Стародуба и идетъ въ Десну. Другая рѣка этого имени, въ Ловской губерніи, не можетъ быть признана описанію Давида, тогда какъ первая подходитъ вѣну довольно близко.

⁽¹⁾ *Косляки* въ некоторыхъ рукописяхъ *смыль* и даже *кисляки*. Вѣроятно *кисляки*, и иной слѣдство съ иудейскіи *argbitus andrachin*; растущи въ изобилии на берегахъ Иордана, которыхъ говорятъ въ свѣтъ иудейскіи Ири Мантъ.

⁽²⁾ *Иеремія* (XLIX, 49) и *Захарія* (XI) говорятъ объ иерданскихъ пещерахъ. Въ жизни св. раскиа, который обиталъ въ иерданской пещерѣ около половины V-го вѣка, мы читаемъ, что и страшней отъ законовъ въ погѣ, призывалъ къ и. будучи изгнанъ съ отшельникомъ, погнни совершено его власти. (Чети-мисен, 4 миср Вильгельмъ 722 г. говоритъ о встрѣчѣ со мн въ горахъ сирийскихъ. Если мы не встрѣимъ уже болѣе собственно въ Палестинѣ, то итъ еще въ Иерданѣ.

⁽³⁾ Вѣрнее указать на ищность; подполъ къ Иердану, въ ту сторону, гдѣ составлены бѣловатые известняки края.

лицемъ, идѣже Илія пророкъ вѣсхищенъ бысть на колесници огненѣ на небо. И ту же есть близъ потокъ Иліинъ воды исполненъ; вода же въ немъ течеть быстро и красно по каменію въ Іерданнѣ; вода же та студена и сладка. И ту же есть пещера св. Іоанна Предотечи надъ потокомъ тѣмъ: и ту воду пилъ Іоаннъ Предотеча Христовъ, егда ту жилъ въ той пещерѣ святой. И ту же есть близъ другая пещера, идѣже жилъ Илія пророкъ съ ученикомъ своимъ Іелишемъ. И то все видѣхъ очима своимъ грѣшнымъ...

(О горѣ, на ней же Моисій пророкъ претивися и о монастырѣхъ. VII. О ерихонскомъ градѣ; а се о мѣсто архангела Михаила, гдѣ явися Иисусу Навгину; VIII. О Лаврѣ Θεодосіевѣ и Савинѣ; IX. О Сюнѣ святѣхъ, и о ветхомъ градѣ Іерусалимѣ, и о дому Іоанна Богослова; о Петровѣ отверженіи; X. О Внолеонѣ, идѣже Христосъ родился; о дому Есѣовъ, Отца Давидова XI. О пути къ Хеврону; о дубѣ Мамврийствѣхъ. XII. О Хевронѣ горѣ; о пещерѣ сугубѣй; о жертвѣ Авраамови; XIII. О монастыри св. Харитона. XIV. О пути, иже въ Галилею; о кладязи и о Самарин градѣ. XV. О Весаевствѣхъ градѣ. XVI. О верховья Іердановѣ; О мытницы Матѣевъ, апостола Христова. XVII. О градѣ Тиверіадѣ, и о мори, и о чудесѣхъ христовыхъ; о озерѣ Генсаридскомъ и о градѣ; о горѣ Ливанствѣхъ. XVIII. О горѣ Фаворствѣхъ; о пещерѣ Мелхиседековѣ. XIX. О градѣ Назаревѣ; о благовѣщеніи св. Богородици).

XX. О Канѣ Галилеи. ... Не видѣхомъ бо ала ничтоже на пути, ни отъ поганыхъ, ни отъ звѣри лютаго, ни болѣзни въ тѣлѣ своемъ не чюхомъ ни мало, но всегда яко орелъ облегчаемъ и божію благодатию укрѣпляемъ яко елень крѣпко ходимъ, безъ всякаго труда и безъ лѣности. Аще и похвалити ми ся подобаетъ, но силою Христа моего похваляюся; якоже бо Апостолъ Павелъ глаголетъ: сила бо моя въ немощи свершается. Да что въздамъ Господеви моему о всѣхъ, аже въздасть мнѣ худому рабу своему, яко сподоби мя толику благодать видѣти и походить по святыхъ симъ мѣстомъ и исполнити желаніе сердца моего; его же не надѣялся есмь видѣти, и то ми все показа Богъ видѣти рабу своему. Да

простите мѣ, отцы и братіе и господіе мои, и не зазрите худоумію моему и грубости моеи, еже азъ написахъ не хитро, но просто написахъ о мѣстѣхъ сихъ святыхъ и о св. градѣ Іерусалимѣ и о всей земли обѣтованнѣй древле Богомъ Аврааму; обаче аще не мудростию, но безъ лжи, якоже видѣхъ очима своимъ грѣшнымъ, такоже и написахъ.

XXI. О свѣтѣ святѣхъ, како сходятъ съ небеса къ гробу господню.—И се ми показа Богъ видѣти худому и недостойному рабу своему Данилу иноку, видѣхъ бо очима своимъ грѣшнымъ по истинѣ, како сходятъ свѣтъ святыи къ гробу животворящему Господа Спаса нашего І. Христа. Мнози бо нинѣ странници неправо глаголють о схоженіи свѣта святаго: нинѣ убо глаголють, яко голубемъ сходитъ Духъ св. къ гробу господню, а друзи глаголють яко молнія сходитъ и вжигаетъ кандила надъ гробомъ господнимъ: то есть лжа, ничтоже бо тогда видѣти, ни голуби, илѣнни, но тако невидимо сходятъ благодать божіа, и вжигаются кандила надъ гробомъ господнимъ. Да о томъ скажу еже видѣхъ по истинѣ. Въ великую пятницу по вечерни потирають гробъ господень и помывають кандила суцая надъ гробомъ господнимъ, и наливвають кандила та масла деревянаго чиста безъ воды, одного, и вложать свѣтлца и не вжигаютъ свѣтлца тѣхъ, но тако оставляють свѣтлца та не въжжена и запечатаютъ гробъ господень въ 2 часть ноци⁽¹⁾; тогда же изгасятъ вся кандила не токмо ту суцая, но и по всѣмъ церквамъ иже въ Іерусалимѣ. Тогда и азъ худый идохъ въ ту же пятницу ве-

(1) Не должно забывать, что часы дня и ночи считаются въ Палестинѣ отъ восхожденія и заходенія солнца, такъ что первый часть дня въ Іерусалимѣ, по нашему счету, есть седьмой часть утра, а первый часть ноци въ Іерусалимѣ есть седьмой часть вечера у насъ.

ликую въ 1 часъ дни къ князю Балдину, и поклонихся ему до земля; онъ же видѣвъ мя поклонившася, и призва мя къ себѣ съ любовію, и рече ми: что хочешь, игумене рускій?—позналъ бо мя добрѣ и любяше мя велии, якоже баше мужъ благъ и смиренъ и не гордитъ ни мало. Азъ же рекохъ ему: господине княже, молюся тебѣ Бога ради и княжей дѣла (ради) русскихъ, хотѣлъ былъ и азъ поставити кандило свое надъ гробомъ господнимъ за вся князя наша и за всю Рускую землю, за вся христіане Руския земля. И тогда же князь повелѣ ми поставити свое кандило, и съ радостію посла съ мною мужа своего лучшаго къ иконому св. Въскресеніа и къ тому, иже держитъ гробъ господень. Повелѣста ми оба, икономъ и ключарь гроба господня, принести кандило свое съ масломъ; азъ же поклонихся имъ съ радостію великою и шедъ на торгъ и купихъ кандило стеклянное велико и наліахъ масла дравянаго чистаго безъ воды, и принесохъ къ гробу господню, уже вечеру сущу, и умолихъ ключаря того единаго и възвѣстихъ ему; онъ же отверзе двери господня гроба и повелѣ ми выступити изъ калитъ и введе мя босого въ гробъ господень съ кандиломъ еже ношахъ азъ руками своимъ грѣшнымъ, и повелѣ ми поставити кандило на гробѣ господня, и поставихъ своимъ руками грѣшнымъ въ ногахъ, идѣже лежаста пречистіи ноги Господа нашего І. Христа, въ главахъ стоаше кандило греческое, на персехъ поставлено баше кандило св. Савы и всѣхъ монастырей; тако бо обычей имуть, по вся лѣта поставляютъ кандило греческое и св. Савы. Благодатію же божіею та три кандила възгліся долнаа, а фряжская кандила повѣшена суть горѣ, и отъ тѣхъ кандилъ ни единаго же не возгорѣся тогда, толико тѣ 3 едини възгліся. Азъ же поставихъ кандило свое на св. гробѣ Господа нашего І. Христа и по-

клонихся честному гробу господню, и облобызавъ съ любовію и съ слезами иѣсто то св. и честное, идѣже лежало пречистое тѣло Господа нашего І. Христа; и пзыдохомъ изъ гроба того святаго съ радостію великою и идохомъ къждо въ келью свою. Заутра же въ великую субботу въ 6-й часъ дни събираются людіе предъ церквію Въскресеніа христова безчислено много множество людіи отъ всѣхъ странъ пришедци и тоземци отъ Вавилова, и отъ Египта, и отъ Антиохіа и отъ всѣхъ странъ ту са събирають въ тотъ дѣнь несказанно много людіи и наполняются вся та мѣста около церкви и около Распятіа господня; велика же тѣснота бываеть тогда въ церкви и около церкви, мнози бо тогда задыхаются отъ тѣсноты людіи тѣхъ; и тѣ всѣ людіе съ свѣщами стоятъ невѣжовани и ждуть отвореніа дверей церковныхъ. Внутри же церкви попове ждуть съ людіи, доидеже придетъ князь Балдинъ съ дружиною своею, и бываеть тогда отвореніе дверей церковныхъ, и входятъ тогда вси людіе въ церковь въ тѣспотѣ велицѣ, исполняютъ церковь ту и полату, и всюдѣ полно будетъ въ церкви и около Голговы и около Краинева мѣста и дотолѣ, идѣже нагѣзень крестъ господень все полно будетъ людіи, много не глаголють ничтоже, но токмо Господи помилуй зовуть не ослабляючи и вопіють сильно, яко тутнати и възрѣмѣти всему мѣсту тому отъ вопля людіи тѣхъ; источници ту слезамъ проливаются отъ вѣрныхъ человекъ; аще бо кто окамененъ сердцемъ своимъ, да и той тогда можетъ прослезитися, всякъ бо человекъ тогда зазритъ себе и поминаетъ грѣхы своя и глаголетъ въ себѣ: егда мовхъ ради грѣховъ не свидеть Душъ Святыи! И тако стоятъ вси вѣрніи, слезно и съкрушено сердце ииуще; и той самъ князь Балдинъ стоятъ съ страхомъ и смиреніемъ великимъ, источникъ слезъ проливаются отъ очію его; такоже и дру-

жина его стоит около его прямо гробу близъ олтаря великаго (1). Яко бысть 7 часть суботнаго дни, поиде князь Балдинъ изъ дому своего къ гробу господню и съ дружиною своею и вси боси и пѣши идуть съ нимъ. И приола князь въ метухю св. Савы, и позва игумена съ черноризцы его; и поиде игуменъ съ братією къ гробу господню, и азъ худый тутъ же идохъ съ игуменомъ тѣмъ и съ братією, и приидохомъ къ князю тому, и поклонихомся ему вси. Тогда и онъ поклонихся игумену св. Савы. И повелѣ князь игумену св. Савы и мнѣ худому съ нимъ прѣйти близъ себе, а нѣмъ повелѣ прѣдъ собою ити, а дружинѣ повелѣ по собѣ ити. И приидохомъ въ церковь Вскресенія Христова къ западнымъ дверемъ, и се множество людей заступивша двери церковныя, и не могахъ вникти къ церковь. Тогда повелѣ князь Балдинъ воемъ своимъ разгнати люди насильствомъ; и сѣворина яко улицу сквозъ люди нолно (даже) и до гроба господня и тако въигохомъ прѣйти. И приидохомъ къ восточнымъ дверемъ господнимъ гробнымъ, а князь по насъ прѣиде и ста на мѣстѣ своемъ на десной странѣ у перегороды великаго олтаря противу восточнымъ дверемъ гробнымъ: ту бо есть мѣсто княже создано высоко; повелѣ же игумену св. Савы стати надъ гробомъ съ всеми чернцы и съ правотѣрными попы, мнѣ же худому повелѣ стати высоко надъ самыми дверями гробными противу великаго олтаря, яко зрѣти ми быше въ гробныя двери; двери же гробныя вси три замчены и запечатаны царскою печатію. Латынскими же попове въ велицѣмъ олтарѣ стояху. И бысть яко 8 часть дни, начаша пѣти вечернюю правотѣрнѣн пѣнове на гробъ горѣ, и вси мужи духовнѣи чернориз-

(1) Главный престолъ стоялъ передъ аркадою, образующею входъ въ большую церковь грековъ.

цы же и пустыннѣи мнози баху пришли; а Латыня же въ велицѣмъ олтарѣ начаша верещати съвойскы, и тако поющымъ имъ. Азъ же ту стояхъ и пригѣжно зрахъ къ дверемъ гробнымъ. И яко начаша паремѣи чести суботы великыя, и изыде епискупъ съ діакономъ своимъ изъ великаго олтаря и прѣиде къ дверемъ гробнымъ, и позрѣвъ гробъ господень сквозъ хрестыды дверей тѣхъ, и не узрѣ свѣта въ гробѣ и възвратися опять въ олтарь. Яко начаша чести 6-ю паремію, и той же епискупъ съ діакономъ прѣиде пакы къ дверемъ гробнымъ, и не увиде ничтоже въ гробѣ господня, тогда же вси люди възпѣша съ слезами *киръ елейсомъ* (Господи, помилуй!). Якоже бысть девятый часть дни илюходящу, и начаша пѣти пѣснь преходную «Господени поемъ», и тогда внезапно прѣиде туча отъ вѣстока шала и ста надъ врѣхомъ непокрытымъ тоя церкви и оложи надъ гробомъ святымъ, и смочи насъ добрѣ стоящихъ надъ гробомъ господнимъ; и тогда внезапно облета свѣтъ святой въ гробъ господня, и изыде блистаніе свѣта того страшно и свѣтло зело изъ гроба того святаго. И прѣиде епискупъ съ четырьми діаконы отверзоша двери господня гроба и въземъ свѣщю у князя, и вииде епискупъ въ гробъ господень и възже первое ту свѣщю отъ свѣта того святаго, и извѣшла изъ гроба свѣщю ту, и вдасть ю самому князю въ рудѣ; и ста князь на мѣстѣ своемъ држа свѣщю ту съ радостію великою зѣло; и тоя свѣща мы възгохомъ вси свои свѣщи, а отъ нашихъ свѣщъ вси своя възгоша свѣща. Свѣтъ же святой вѣсть яко огонь земный, но инако, свѣтится изрядно пламень тоя его яко киповарь. И тако вси люди стоятъ съ свѣщами горящими и вопіють же вси непрестанно съ радостію великою зело и съ веселіемъ, видѣюще свѣтъ святой божій. Иже бо кто не видѣвъ тоя радости въ той день, то не иметъ вѣры сказующему о всемъ томъ видѣннѣи; обаче вѣрнѣи добрии человеци велии вѣру-

ють и въ сласть послушаютъ сказанія сего о святыхъ сей и о мѣстѣхъ сихъ святыхъ: вѣрный бо въ малѣ и въ многѣ есть вѣрнѣ, а злу человеку истина крива есть. Мнѣ же худому Богъ послухъ есть и св. гробъ господень и вся дружина моя рускыи сынове, и приключишася тогда Поугороди и Кіеве: Съдеславъ Иванковичъ, Горославъ Михаэловичъ, Камкича два и ини многѣ, иже свидѣють о мнѣ и о сказаніи. Но възвратися на пререченное. И егда же свѣтъ всѣа въ гробъ господня, тогда пѣніе преста и вси лѣпшиа киріелейсонъ; потомъ подоша въ церкви съ радостію великою и съ свѣщами горящими и съблюдающе кждо свѣща своя отъ угашенія вѣтренаго, и идоша кождо въ дома своя, и отъ того свѣта святаго възжигаютъ свѣща въ своихъ церквахъ кждо ихъ и кончаютъ пѣніе въ своихъ церквахъ кождо ихъ: въ величій же церкви у гроба господня сами попове безъ людей кончаютъ пѣніе вечернее. Тогда же мы съ игуменомъ и съ братією идомъ въ свой монастырь несуща свѣща своя горящая, и ту кончашомъ пѣніе вечернее и идомъ въ келья своя хвалити Бога, показавшего намъ ту благодать видѣти. Въ утрій же день Въскрешія Христова, въ недѣлю св. Пасхы на заутреніи отпѣваше како подобаетъ, и бывшу цѣлованію съ игуменомъ и съ братією в отпущенію бывшу въ I часъ дня, и взявъ игуменъ крестъ съ братією и идомъ къ гробу господню, иже выдѣкъ: «Аще и въ гробъ силе бессмертныя», — и вшедъ въ гробъ животворящій, и облобызавше съ любовію и слезами телами, и расцеловавше ту земля тм блуждающимъ св. Духа ирешествіемъ, и кандилью тѣмъ еще горящую дивно же и чудно и жарко валии: та бо кандилья три възжглася сама тогда, егда свѣтъ свѣтъ свѣтъ, аже и въ вѣкъ помянутъ и ввѣрять господа гроба: а вшедъ нести дивъ кандилью надъ гробомъ господнимъ а

горяху тогда же, но свѣтъ ихъ инакъ бѣше не якоже онѣхъ трехъ кандиль нарядно и чудно свѣтятся. И потомъ изыдохомъ изъ гроба господня въ вѣсточныи дверми, и вшедше въ олтарь и створихомъ цѣлованіе съ правобѣрными поны христіаньскими и сурьянскими (сирійскими), изыдохомъ изъ церкви и идомъ въ свой монастырь и ту ошочивше до литургии.

И по трехъ днехъ и по литургии идохъ азъ ко ключарю гроба господня и рекохъ ему: хотѣлъ быхъ взяти кандилью своею. Онъ же поини мене съ любовію, единого токмо введе мя съ собою въ гробъ, и вшедъ въ гробъ обрѣтохъ кандилью свою надъ гробомъ господнимъ еще горяще свѣтомъ тѣмъ свѣтымъ. И поклонихся гробу тому святому и облобызавъ нѣчто то честное, иже лежало тѣло пречистое господа нашего I. Христа. Тогда бо изирнхъ гробъ свѣтъ въ длину и въ ширину и въ высоту: при людехъ бо невозможно изирити никомуже; и почтихъ гроба господня како нога, но силѣ, и потому ключаревъ подахъ нѣчто мало и худо благословеніе. Онъ же видѣвъ любовь мою къ гробу господню и къ тому салону, удивити же дѣсьмъ ступи въ головѣхъ св. гроба, и уложи ми тако каменіи того святаго нѣчто мало на благословеніе, и запрети ми съ клятвою не повѣдати никому же въ Іерусалимѣ. Азъ же поклонихся гробу господню и тому ключареву, и взявъ кандилью свою съ неслати еще горящую и выдохъ съ радостію великою тѣло, обогативъ благодатию Божию, воея въ руки моею даръ св. иже та и знаменія св. гроба господня, и идохъ радуса аще иже съровнне богатства обрѣтохъ, и идохъ въ келью свою съ радостію великою.

XXI О мѣстѣ Гроба и о ключаряхъ: о ключаряхъ, иже Гробъ Господень, и Руби и Екхотъ: иже Гробъ Господень.

Поселеніе.— Ходилъ есмь тамо во княженіе руское в. кн. Святополка Изяславича, внука Ярослава Володимерича кievьскаго. Богъ тому послухъ и св. гробъ господень. Въ всѣхъ сихъ мѣстѣхъ святыхъ не забывахъ именъ князей русскихъ, и княгинь ихъ, и дѣтей ихъ, ни епископовъ, ни игуменовъ, ни бояръ, ни дѣтей моихъ духовныхъ, ни всѣхъ христіанъ николиже не забывалъ есмь, но вездѣ поминалъ есмь въ молитвахъ. О семъ похвалю преблагаго Бога моего, яко сподоби мя написати имена русскихъ князей въ лаврѣ у св. Савы, и нынѣ поминаются въ октеніихъ. Се же суть имена ихъ: Михайло Святополкъ, Василей Владимерь, Давыдъ Святославичъ, Михайло-Олегъ, Панкратей-Ярославъ Святославичъ, Ондрей-Мстиславъ Всеволодовичъ, Теодоръ Мстиславъ Володимеровичъ, Борись Всеславичъ, Глѣбъ Минскій, Давыдъ Всеславичъ; — только бо есмь поминалъ именъ ихъ, да тѣхъ и вписалъ есмь; прочее же о всѣхъ русскихъ князей и о боярехъ и о всѣхъ христіанехъ Руския земли, и отпѣхомъ же литургій всѣхъ 90 за князей и за бояръ и за дѣти мои духовныя и за правѣвѣрныя христіане, за живыя 50, а за мертвыя 40; быша же литургіи тѣ у гроба господня и въ всѣхъ мѣстѣхъ святыхъ. Буди же всѣмъ почитанимъ писаніе се, благословеніе отъ Бога и отъ св. гроба господня и отъ всѣхъ мѣстъ сихъ святыхъ: приметь бо мзду равну съ ходившими до св. града Іерусалима и видѣвши(ми) мѣста си святая вся. Блаженн бо видѣвше и вѣроваша; трєблаженн не видѣвше вѣроваша. Вѣрою бо прїиде Авраамъ въ землю обѣтованную. По истинѣ бо вѣра равна добрымъ дѣломъ. Но Бога дѣла, отцы и братія, господіе мои, не азрите хулоумію моему и грубости моеи! да не будетъ въ похуленіе написаніе сіе мене дѣла худаго; Бога дѣла и святыхъ дѣла мѣсть почтете его съ любовію, да мзду примете равну отъ

Бога Спаса Господа нашего І. Христа; да Богъ мира будетъ съ всѣми вами въ вся вѣкы. Аминь.

(Изд. Археогр. ком. «Путеш. Игум. Даниила». Спб. 1868).

См. также путешествіе Добрыни въ Царьградъ и хожденіе Пямена. Сказ. рус. нар. Сазарова. VIII.

Этотъ важный памятникъ русской письменности, начала XII в., заключаетъ описаніе паломничества въ св. землю русскаго игумена Даниила, современника летописца Нестора. Можно предположить, что онъ былъ уроженцемъ черниговской губ., судя по оплаемому имъ сравненію Іордана съ р. Своя, протекающею черезъ черниговскую губернію. Благочестивый паломникъ говоритъ въ своемъ послѣсловіи: «Ходилъ есмь тамо во княженіе русское в. кн. Святополка Изяславича, внука Ярослава Владимировича кievьскаго (1095—1115). Мы находимъ также имена некоторыхъ русскихъ князей, жившихъ въ концѣ XI или въ началѣ XII в., которыхъ онъ поминалъ на эктєніяхъ. Ему сопутствовали или одновременно съ нимъ были въ Іерусалимѣ некоторые его соотечественники изъ Новгорода и Кіева. Карамзинъ считалъ весьма вѣроятнымъ, что Алексѣй Комитъ обращался съ воззваніемъ къ Русскимъ для войны противъ общихъ враговъ христіанства. Норвежець Сигурдъ былъ не многимъ ранее Даниила въ Палестинѣ. Даниилъ былъ хорошо знакомъ королю Балдуину I, мѣстопробываніе котораго было тогда въ Іерусалимѣ. Онъ говоритъ о благосклонномъ расположеніи его къ нему и отзывается съ благодарностію о дозволеніи, данномъ ему королемъ, воспользоваться его походомъ въ Дамаскъ (1115 г.) для обозрѣнія солтыхъ мѣстъ Галилеи.

Это путешествіе тѣмъ любопытнѣе, что оно представляетъ болѣе обширное поле для изслѣдованія Солтыхъ мѣстъ, чѣмъ описанія Данииловыхъ предшественниковъ: Аркульфа, Виллибальда, Бернарда ле-Сажо, Елифанія, Везизиппа, и его современника Зевульфа, также и писавшихъ уже въ концѣ XII-го вѣка, Вильямина Тудельскаго и Фоки. Даниилъ говоритъ, что онъ ничего не жалѣлъ для того, чтобы имѣть лучшихъ проводниковъ; и действительно, мы находимъ у него гораздо менѣе неточностей, чѣмъ у его предшественниковъ и современниковъ; эти неточности можно даже отнести къ переписчикамъ, которые искажали часто текстъ и дѣлали въ немъ вставки въ теченіе болѣе семи вѣковъ.

Описание Даниилово обнимает всю Святую землю; оно драгоценно по многим подробностям о святыхъ этой земли, также и въ отношеніи къ топографіи святыхъ мѣстъ. Его разсказъ о проявленіи святаго огня въ Великую Субботу, въ присутствіи короля Балдуина, весьма любопытенъ. Легко можно убедиться, что Даниилъ писалъ свое путешествіе отрывками, послѣ каждой поѣздки, давая особое заглавіе каждому изъ этихъ отрывковъ, которые располагались переписчиками въ произвольномъ порядкѣ; по этой-то причинѣ, путешествіе въ Галилею составляетъ, въ рукописяхъ, отдѣльный разсказъ, который былъ ошибочно помѣщенъ послѣ описанія его обратнаго путешествія въ Константинополь.

Путешествіе мученика Даниила нельзя отстранить позднѣе начала 1113 г., который былъ послѣднимъ владычествомъ Святуполкова, умершаго 16 апрѣля, и о кончинѣ котораго Даниилъ во время своего странствованія не зналъ. Возвратъ же Даниила должно полагать въ половинѣ 1115 года, послѣ похода Балдуина на Дамаскъ, въ княженіе Владиміра Мономаха. Поэтому, нельзя принять мнѣнія Карамзина, который полагалъ, что паломникъ Даниилъ могъ быть тотъ самый Даниилъ, который былъ поставленъ юрьевскимъ епископомъ въ 1113 г.

Первымъ изданіемъ Даниила мы обязаны г. Сахарову, который напечаталъ его путешествіе въ 1-й части «Путешествій русскихъ людей по Святой землѣ» (Спб. 1839), а послѣ 2-мъ изданіемъ въ своемъ сборникѣ: «Сказанія русскаго народа» (Т. II, кн. 8. Спб. 1849).

206. Поученіе Владиміра Мономаха до 1125.

Азъ худый—сѣдя на санехъ (на смертнои одрѣ), помыслихъ въ души своей и похвалихъ Бога, иже мя сихъ днѣвъ грѣшнаго допровади. Да дѣти мои, или вы кто, слышавъ сю грамотицю, не посмѣйтесь, но ому же любо дѣтій моихъ, а приметь е въ сердце свое и не лѣнитися начнеть, такоже и тружатися.

Первое, Бога дѣля и душа своя: страхъ имѣйте божий въ сердца своемъ, и милостыню творя неоскудну: то бо есть нѣчатокъ всякому добру. Аще ли кому

не любя грамотица си, а не поохрищаются (пусть не сердятся), но тако се рекуть: на далечи пути, да на санѣхъ сѣдя безгѣшницю (нелъное) си моливѣ. Усрѣтоша бо мя слы (послы) отъ братья моего на Волзѣ, рѣша: «потъсиися (поспѣти) къ намъ, да выженемъ (выгонимъ) Ростиславича и волость ихъ отимемъ, иже ли не поидеши съ нами, то мы собѣ будемъ, а ты собѣ», и рѣхъ: «аще вы ся и тѣваете, не могу вы яйти, ни креста переступити». И отрядивъ я, вземъ Псалтырю, въ печали разшутъ я, и то ми ся выня: вскую печалуеш, душе, вскую смущаеш мя, и проч.

Якоже бо Василій (Кесарійскій) учаще, собравъ ту юноша, душа чисты, нескверни... при старыхъ молчати, премудрыхъ слушати, старѣйшимъ покарятися, съ точнымъ и меньшимъ любовь имѣти; безълуки бесѣдующе, а много разумѣти; не сверѣповати словомъ, ни худити бесѣдою, необяльно смѣяться, срамлятися старѣйшихъ, къ женамъ нелѣпымъ не бесѣдовати, долу очи имѣти, а душу горѣ... О Владычице Богородице! отъгни отъ убогаго сердца моего гордость и буесть, да не взношуся суетою міра сего въ пустошнемъ семъ жити. Научися, вѣрный человекъ, быти благочестно дѣлатель, научися, по евангельскому словеси, очина управленье, азыку удержанье, уму смѣренье, тѣлу порабощенье, гѣшву погубленье, помыслъ чистъ имѣти, понужался на добрая дѣла Господа ради: лишашъ не мести, ненавидимъ, любо гонимъ, терпи, хулимъ, моли, умертви грѣхъ, избавите обидима, судите сиротъ, оправдайте вдовицю: придѣте, да сождемъся, глаголетъ Господь: аще будутъ грѣси ваши яко оброшени, яко снѣгъ обѣлю я, и прочее. Восіаетъ весна постная, и цвѣтъ покаянья: очистимъ снѣгъ, братья, отъ всякоя крови плотскыя и душевныя, Свѣтодавцю вопиюще, рцемъ: слава тобѣ, человѣколюбче.

По истинѣ, дѣти моя, разумѣйте, како ти есть челоѣколюбець Богъ милостивъ и премилостивъ, мы челоѣци грѣшны суще и смертны, кто оже (*ежели кто*) ны зло створить, то хоцешъ и (*его*) пожрети, и кровь его польяти вскорѣ; а Господь нашъ, владѣяй животомъ и смертью, согрѣшенъа наша выше главы нашея терпять, и пакы и до живота нашего, яко отецъ чадо своея любя, бѣа, и пакы привлачить е къ собѣ, такоже и Господь нашъ: показалъ ны есть на врагы побѣду 3-ми дѣлы добрыми, избыти его и побѣдити его, покаяньемъ, слезами и милостынею; да то вы, дѣти мои, не тяжка заповѣдь божья, оже тѣми дѣлы 3-ми избыти грѣховъ своихъ и царствія не лишитися. А Бога дѣла не лѣнитися, молю вы ся, не забываете 3 дѣлъ тѣхъ, не бо суть тяжка: ни одиночество, ни черство, ни голодъ, яко нѣи добри терпять, но малымъ дѣломъ улучити милость божью...

Послушайте мене, аще не всего примете, то половину. Аще вы Богъ умячить сердце, и слезы своя испустите о грѣсѣхъ своихъ, рекуще: якоже блудница и разбойника и мытари помиловалъ еси, тако и насъ грѣшныхъ помилуй: и въ церкви то дѣйте, и ложася. Не грѣшите ни одну же ночь, аще можете, поклонитися до земли, али вы ся начнетъ не мочи, а трижды, а того не забываете, не лѣнитися, тѣмъ бо ночнымъ поклономъ и пѣньемъ челоѣкъ побѣждаетъ дьявола, и что въ день согрѣшитъ, а тѣмъ челоѣкъ избываетъ. Аще и на кони ѣздяче, не будетъ ни съ кымъ орудья (*дѣла*), аще ниѣхъ молитвъ не умѣете молвити, а »Господи помилуй«, зовѣте безпрестани втайнѣ, та бо есть молитва всѣхъ лѣпши (*лучше*), нежели мыслити безлѣпницю (*глупости*).

Всего же паче убогихъ не забываете, но елико могуще по силѣ кормите, и придавайте сиротѣ, и вдовицю оправдите

сами, а не вдавайте сильнымъ погубити челоѣка. Ни права, ни крива (*виноватаю*) не убивайте, ни повелѣвайте убити его: аще будетъ повиненъ смерти, а душа не погубяете ни какая же хрестьяны. Рѣчь молвяче, и лихо и добро, не кленитися Богомъ, ни хреститися, нѣту бо ти шужа никоея же, аще ли вы будетъ крестъ цѣловати къ братъи, или къ кому, али управивше сердце свое, на немже можете устояти, тоже цѣлуйте, и цѣловавше блюдете, да не преступни погубите душѣ своеѣ. Епископы и попы, и игумены (*читите*), съ любовью взимайте отъ нихъ благословенъе; и не устраняйтеся отъ нихъ, и по силѣ любите и набдите, да примете отъ нихъ молитву отъ Бога. Паче всего гордости не шѣйте въ сердци и въ умѣ, но рѣчь: смертны есмы, днесъ живи, а завтра въ гробъ: се все, что ны еси вдалъ, не наше, но твое: поручилъ ны еси на мало днѣи; и въ земля не хороните,—то ны есть великъ грѣхъ (*т. е. не зарывайте кладъ въ землю*).

Старыя чтѣ яко отца, а молодыя яко братьяю. Въ дому своемъ не лѣнитися, но все видите: не зрите на тивуна, ни на отрока, да не посмѣются приходящѣи къ вамъ, и дому вашему, ни обѣду вашему.

На войну вышедъ не лѣнитися, не зрите на воеводы, ни питью, ни ѣденью не лагодите (*не льститесь*), ни спанью: и сторожѣ сами наряживайте и ночь от-всюду нарядивше около вой, то же ляжете; а рано встанѣте, а оружья не снимайте съ себе: въ борзѣ не розглядывше, лѣнощами внезапно бо челоѣкъ погибаетъ. Лжѣ блюдеся, и пьянства, въ томъ бо душа погыбаетъ и тѣло. Куда же ходяще путемъ по своимъ землямъ, не дайте пакости дѣяти отрокомъ, ни своимъ, ни чужимъ, ни въ селѣхъ, ни въ житѣхъ, да не кляти васъ начнутъ. Кудаже поидете, идѣже станете, напоите

накормите уенина ⁽¹⁾, и болѣ же чтите гость, откуда же къ вамъ придетъ, или простъ, или добръ, или солъ, аще не можете даромъ, брашномъ и питьемъ; ти бо мимоходячи прославятъ челоуѣка по всѣмъ землямъ, любо добрымъ, любо злымъ. Болваго присѣтите; надъ мертвеця идѣте, яко вси мертвени есмь: и челоуѣка не минѣте не привѣчавше, добро слово ему дадите. Жену свою любите, но не дайте имъ надъ собою власти.

Се же вы *(вамъ)* конецъ всему, страхъ божиѣ имѣйте выше всего: аще забываете всего, а часто прочитайте, и мнѣ будетъ безъ сорама и вамъ будетъ добро. Его же умѣючи, того не забываете доброго, а его же не умѣючи, а тому ся учите: яко же отецъ мой дома сѣдя изумѣаше ѿ языка ⁽²⁾, въ томъ бо честь есть отъ мнѣхъ земля. Лѣность бо всему мати, еже умѣеть, то забудеть, а его же не умѣеть, а тому ся не учить; добръ же творяще, не можете ся лѣнати ни на что же доброе: первое къ церкви, да не застанеть васъ солнце на постели. Тако бо отецъ мой дѣшше блаженный и вси добрии мужи свершеніи, заутреню отдавше Богови хвалу, и потомъ солнцю всходящу, и узрѣвше солнце и прославити Бога съ радостью, и рече: просвѣти очи мои, Христе Боже, и далъ ми еси свѣтъ твой красный, и еще: Господи, приложи ми лѣто къ лѣту, да прокъ *(остальное)* грѣховъ своихъ покавѣся, оправдивъ животь, тако похваляю Бога. И сѣдше думати съ дружиною, или люди оправливати, или на ловъ ѣхати, или поѣздити, или лечи спати: спанье есть отъ Бога

⁽¹⁾ Уенина—по объясненію г. Буслева, можетъ быть, *уни мна*, т. е. лучше накормить много, кого нибудь. Истор. христ., стр. 4759. Шевыревъ уенина переводитъ *хозяина*. Ист. Р. Слов., т. II, стр. 195. Лучше объяснять такъ: *юенина*, малаго, слабаго, бѣднаго.

⁽²⁾ Выучился пяти языкамъ.

присуждено полудне, отъ чина бо почиваетъ и звѣрь, и птицы, и челоуѣци.

А се вы повѣдаю, дѣти моя, трудъ свой, оже ся есмь тружалъ пути дѣи и ловы 13 лѣтъ. Первое къ Ростову идохъ, сквозѣ Вятчѣ, посла мя отецъ, а самъ иде Курьску. И пакы 2-е къ Смоленьску, и т. д. *(слѣдуетъ перечень всѣхъ походовъ Мономаха)*. А всѣхъ путей 80 и 3 великихъ, а прока *(прочихъ)* не испомню меншихъ. И мирювъ есмь створилъ съ половеческими князи безъ одного 20, и при отци и кромѣ *(безъ)* отца. А дая скота много, и многы порты своѣ, и пустилъ есмь Половеческихъ князь лѣпшихъ изъ оковъ 100... по чердамъ избьено не съ 200 въ то время и лѣпшихъ. А се тружахся, ловы дѣи:... конь дикихъ своими руками связалъ есмь въ пущахъ 10 и 20 живыхъ конь, а кромѣ того иже по Роси ѣздя имахъ есмь своими руками тѣ же кони дикіи.

Тура мя 2 метала на розѣхъ и съ конемъ, олень мя одинъ болъ, а 2 лоси, одинъ ногама топталъ, а другій рогома болъ, вепрь ми на бедръ мечъ отягъ, медвѣдъ ми у колѣна подъялада укусилъ, лютый звѣрь *(волкъ)* скочилъ ко мнѣ на бедры, и конь со мною поверже: и Богъ неврежена мя съблюде, и съ коня много падахъ, голову си розбихъ дважды, и рудѣ и нозѣ свои вередихъ, въ уности своѣи вередихъ, не блюда живота своего, ни щадя головы своея. Еже было творити отроку моему, то самъ есмь створилъ дѣла, на войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день, на зноу и на зимѣ, не дая собѣ упокоя, напосадники не зря, ни на биричи *(позодицихи)* самъ творилъ что было надобѣ, весь нарядъ и въ дому своемъ, то я творилъ есмь, и въ ловчихъ ловчихъ нарядъ самъ есмь держалъ, и въ конюстѣхъ, и о соколѣхъ и о ястребѣхъ, то же и худаго смерда и убогѣхъ вдовицѣ не далъ есть сильнымъ обидѣти, и церковнаго наряда и службы самъ есмь призиравъ.

Да не заарите ми, дѣти мои, ни инъ кто прочеть: не хвалю бо ся ни дерзости своея, но хвалю Бога, и прославляю милость его, иже мя грѣшнаго и худаго селико (столько) лѣтъ соблюлъ отъ тѣхъ часъ смертныхъ, и не лѣннва мя былъ створиъ худаго на вся дѣла человѣческая потребна. Да сю грамотицю прочитаючи, потѣшитесь на вся дѣла добрая, славяще Бога съ святыми его. Смерти бо ся, дѣти, не боячи, ни рати, ни отъ звѣри, но мужское дѣло творите, како вы Богъ подасть, оже бо изъ (азъ, я) отъ рати и отъ звѣри и отъ воды, отъ коня сладаяся, то ни кто же васъ не можетъ вредитися и убити, понеже не будетъ отъ Бога повелѣно: а иже отъ Бога будетъ смерть, то ни отецъ, ни мати, ни братья не могутъ отъяти, но огче добро есть блюсти. Божіе блюденъе лѣтѣесть есть человѣческаго...

(Лавр. 100—107).

Сравни Поученіе отца къ сыну — изъ Аквра. Отч. Зап. 1853, № 2. Изв. Акад. 1855, 151—153. Посланіе нѣкоего отца къ духовному сыну. Ист. Рус. Ц. II, пр. 254.

Обратить вниманіе на килжескій бытъ.

207. Каноническіе вопросы и отвѣты:

а) Вопросы Кирика до 1456. (1). Оже будетъ кый (какой) человекъ и крещенъ въ латынскую вѣру, и въсхощетъ приступити къ намъ. Атъ (пусть) ходитъ въ церковь по 7 дній, а ты первѣе нарекъ ему имя, таже (потомъ) 4 молитвы стваряй ему на день, иже то по

(1) Заглавіе въ ркп: «Впрашаніе Кириково, оже впраша епископа ноугородскаго Нисонта и двѣдъ.»

10-жды молваться; а мяса не дай, ни молока, и отъ оглашенныхъ. И тако осмый день измыеться и придетъ къ тобѣ, и створи ему молитвы по обычаю и облечеша и въ порты чисты, или сам ся, и надежеша (надѣнешь) ризы крестныя, и вѣнецъ, и тако помажеша и святыми мироу, и дай ему свѣщю. А на литургіи даси ему причастье, и тако держи и, яко и новокрещенаго, Аще мощно и до осмага дне...

И се ми повѣдалъ чернецъ пискупль (епископскій) Лука Овдокимъ. Молитвы оглашенныя творити: Болгарину, Половчину, Чюдину, предъ крещенія 40 дній поста, всъ церкви исходити отъ оглашенныхъ; Словѣнину за 8 дній; молуду дѣтяти все (в)другъ. А оже бы предъ за колко дній, а то то луче вельми...

Достовнъ ли, рече, глиньну съсуду молитву даяти, осквърныю ся, цили (или) толико древяну, а инѣхъ избывати? — Якоже древяну, такоже глиньну, тако иѣди, и стьклу и серебру, и всему творится молитва.

А за упокой сице велеше служити: сорокоустье на гривну цятю служити, а на 6 кунъ одною, а на 12 кунцю, или како мога; но все за того еднаго и цѣніе и служба: того вино, темьянъ (вишамъ, ладанъ), и свѣщи. Проскуры всегдаже служи 3-ми проскурами: одну великую преже доры выяти, идѣже мертвый не вмѣняется, а онѣ двѣ за упокой; а вино свое держа, купи въ корчагу, такоже темьянъ; а на томъ емли собѣ. А испрашай, рече, или самъ разумѣй: коли ти дати вѣвериць (1), а на томъ елико службе, разложи свѣчи и все, рече ему: а еже бы елико суботъ вынимати за того и до сорочинъ (сорока дней); обаче много бываетъ свѣчь и

(1) Кунъ, веверицы, гривны — древніа монетныа единицы.

въвериць. А наинъ дѣла, рекше ляхвы, тако веляше учить. Аже поца, то рци ему: недостоятъ ти служити, аще того не останеша. А еже простыца, то рци ему: недостоятъ ти имати и нашъ. Мнѣ, рци, грѣхъ не молвивше. Дажь (если же) не могутъ ся хабить (отстать), то рци имъ: будите милосерди, възмете легко; аще по 5 кунъ далъ еси, а 3 куны възми или 4.

И се Владыко, оже жены наиболѣ кланяются въ субботу до земля, тако молва: за упокой кланяемся? Борони, рече, велими того: въ пятокъ по вечерни не дай, а въ недѣлю по вечерни достоятъ. Достоятъ ли рѣзати въ недѣлю, (въ воскресенье) скотъ, оже ся пригодитъ, или птица? Недѣля честенъ день есть и праздниъ, иже ити въ церковь и молитися, да того дѣла ать не тому стануть. Аже рѣзати въ недѣлю что хочаще, нѣту бѣды, ни грѣхъ, спроста, оже ся пригодитъ или праздникъ или гость, или что отъинудъ, невзбраньно есть.

А иже се, рѣхъ: идуть въ сторону, въ Ерусалимъ къ святымъ, а другимъ азъ боронию (взбраняю), не велю ити: сдѣ велю доброму ему быти. Нынѣ другое уставихъ: есть ли ми, владыко, въ томъ грѣхъ? Велими, рече, добро творили: да того дѣла идеть, абы порозну (праздну) ходяче ясти и пяти; а то ино зло, борони, рече.

Аже се Родуи Рожаницѣ кроють, хлѣбы и сиры и медъ? Бороняше велими, нѣгдѣ, рече, молвишь: горе пьющимъ рожаницѣ! Въ чистую недѣлю достоятъ медъ ясти прѣсный, квасъ житный, а икра по все говѣніе бѣлцемъ.

Прашахъ его: гдѣ есть крестъ честный? Тако повѣдають, рече, намъ: яко не дошла Царяграда, егда обрѣтене възнеслся на небеса, тако зовуть мѣсто то: божіе Вознесеніе, а на земли осталоса подножіе.

Канунъ пѣти на заутрени праздникомъ и бесъ кутин, а за упокой въ субботу. А крестити на блюдѣ, развѣ сочива, вся: горохъ, бобъ, соцевница, равнѣ, на 4 части всоипше (всыпавъ) со пшеницею и съ коноплями, а овощъ который итѣюче.

Зашедшу солнцю, недостоятъ мертвецъ хоронити, не рци тако: борзо дѣлаемъ, нѣли (авось, развѣ не) како усидѣшь до захода; но тако погрѣсти, яко и оже высоко, како и вѣнецъ ещѣ на сыймется съ него: то бо послѣднее видѣть солнце до общаго воскресенія.

Оже кости мертвыхъ валяются кдѣ, то велика челоуѣку тому мзда, оже погребуть ихъ.

Икону погребли баху съ мертвецемъ сватаго Михаила, и не повелѣ възгребати (отрывать): Крестьянъ, рече, есть.

Прашахъ причащаніе дѣтемъ на Великъ день. Остави, рече, въ великую субботу служивъ, причащаніе и дору (просфору), и дай по заутрени въ недѣлю; таже сыръ, яйца; любо си и не было на заутрени, часовъ не пой имъ, и молитву творивъ имъ, и тако дай причащаніе. Сеже напсахъ тѣхъ дѣла, иже не могутъ до обѣда блюстися не ядуче; а съ сущими, коли хочаще причащатися, съсавше нѣту бѣды.

А оже то, рѣхъ: Янцемъ толчете въ зубы до обѣды, аще и велици? Еже малымъ, рече, то нѣту бѣды, причащаются; а иже съвершену, аще поне единою потолчетъ, то нѣсть бѣды причащатися; а иже многожды а помня, а то аки обидно, того възбранай. То кто, рече, кормитъ дѣтя, или родная мати, или кормилица, да не ясть до обѣда; аще ли ясть, то не дай дѣтяти причащанія; а на обѣдѣ не ясти ей мяса, ни молока до осмаго дни, нѣединой.

Нѣсть ли въ томъ грѣха, аже по граматамъ ходити ногами, аже кто мзрѣзавъ помечеть, а слова будутъ знати? Рѣхъ ему: а оже, Владыко, се друзи

наложница водять явѣ и дѣтя родять, яко съ своею, и друзи съ многими этап рабами, которое лучше? Се недобро, рече, ни се, ни оно.

Рѣхъ: владыко! аже пустити свободна? Сдѣ, рече, обычай иѣсть таковъ; а лѣше много челоуѣка въскунити, абы ся и другая на томъ казнила (*наказывались, научались*). Прочтохъ же ему изъ нѣкоторой заповѣди: оже въ недѣлю и въ субботу и въ пятокъ лежить челоуѣкъ, а зачнетъ дѣтя, будетъ любо тать, любо разбойникъ, любо блудникъ, любо трешетивъ; а родителям опитемья двѣ лѣта. А ты книги годяться съжечи.

А се прочтохъ ему, како опитемья забавляеть 10 литургій за 4 мѣсяцы, а 20 за 8, а 30 за лѣто. Что, рече, что се написано: Царь бы, али инѣи богатѣи съгрѣшающе, а дали за ся службу, а сами ся не отречени мало. Неудбно. ⁽¹⁾— Прашахъ брашна (*пищи*) дѣла, что-то ѣмы, егоже недостойтъ, или мы или бѣльци? Всѣ, рече, ѣсти, и въ рыбахъ и въ мясѣхъ, аще и самъ ся не зазреть, ни гнушаеться; аще ли зазреться, а ѣсть, грѣхъ есть ему.

А еже, рѣхъ, кровь рыбію ѣмы? Нѣту бѣды, рече, развѣ (*кромя*) животныя крѣве и птица.

Рѣхъ ему: творять инѣи, слышавъше отъ инѣхъ Епископъ, яко застанешъ въ сладѣ (*въ силкѣ*) уже удавивъшеся, ту зарѣжи, не вынмая, а силаць того дѣла есть поставлять. Лѣжють, рече, не молъвшѣ (*не говорили*) того некоторый же Епископъ. И притчу рече такову. Тако глаголетъ Господь: азъ рѣхъ вамъ, ѣсти мяса, еже есть отъ зелій, а кровь всякого живота пролей на землю; аще ли ѣси ю, противникъ еси Богу, тогдаъ кровь вънидѣтъ. Велики бороняшеть.

⁽¹⁾ Эти книги, очевидно, относились къ числу апокрифическихъ, отреченныхъ.

А тетеревину принесли ему баху на ширь, и повелѣ ему преметати чрезъ тынъ (*заборъ*); и причащатися недостойтъ, рече, ѣдше. Яковъ братъ господень: ничего не въбранай, рече, развѣ блуда, и доложертвенна, давленны, крове, звѣроядины, мертвечины. А смердъ (*простонародье*) дѣла помолвхъ, иже по селомъ живутъ, а покаются у насъ, оже то друзи ядять вѣверечину (*бѣлку*) и ино. Злѣ, рече, въ злѣ ясти давленна; аще быша и вѣверечину яли, или ино не давлено, нѣту бѣды,—вельми лѣжае (*Это весьма лживо*). А молозива ⁽¹⁾, рече, лихо (*жудо*), негодно бы ясти его, яко съ кровью есть; да быша съ три дни теляти да яли, а потомъ чистое сами ѣли. И повѣда ему поинѣ (*поль*) его: ядять, рече, въ городѣ семь инози. И онъ помѣльче (*смолчалъ*). А пѣртъ дѣла (*о платъ*), въ чемъ хотяче ходити? Нѣтуть бѣды, хотя и въ недѣдинѣ.

Рѣхъ: аже мужъ будетъ грѣшенъ челоуѣкъ, яко связати (*опителити*) и на 10 лѣтъ, злѣ ли первая заповѣдъ дати ему съ лѣто, или съ 2 или съ 3; еже отинудъ (*отнюдь*) ему не ясти мясъ, не меду пти и на великъ день (*на пасху*).

(Пам. XII в. 173—195).

6] Савини Главн: Въ клѣти иконы държати или честный крестъ, достойтъ ли быти съ женою своею? Ни въ грѣхъ, рече, положена своя жена. Аще и что будетъ и вкусилъ или пилъ, толико честный крестъ цѣловавше, али ту ноцъ съблюсти, чисто омывшеся; цѣловавше, не ясти сира и мяса томъ дни. И Климиъ (*епископъ Климентъ*) баше повелѣлъ. А достойно есть кромѣ Въздвигенія цѣ-

⁽¹⁾ Молозиво — молоко съ кровью, когда только отелится корова.

ловати, ясти все и мясо, или глядати, или надѣти на кого, — цѣловати ядѣше все.

Аще случитъся платье (*лоскутъ*) женский въ портъ (*съ платье*) вышити попу, достонть ли въ томъ служити портѣ? И рече: достонть, ци (*чльмъ*) погана есть жена?

Аще грѣхомъ упустишь проскуру на землю, достонть ли проскурисати (*служить*)? И рече: достонть, како си падець, отерше добрѣ.

Достонть ли, рече, другое говѣніе млоду дѣтати обаче молоко їсти, аже будеть болно, ци луче уморити, аще ли матеръ одну, то хотяче 3 лѣта, или 4 или 5, аже не будеть другаго дѣтати по немь.

(Пам. XII в. 195—200).

в) Истинны правила до 1186. А сего прашахъ: аже въ роботѣ (*съ рабствѣ*) суть душегубци? И повелѣ ми на помы (*на двое*) дати, и льжае: неводни бо, рече, суть. А сего прашахъ: аже у себѣ кладуть дѣти спяче, и угнетаютъ (*задавливаютъ*), убійство ли есть? Онъ же рече: аже терезви, то легъчае; али пьани, то убійство есть.

А сего прашахъ: аже жены дѣлаюче, что-либо страду, и вережаютъ, и изме-тають (¹)? Онъ же рече ми: аже не эдьемъ (*травою*) вережаютъ, нѣту за то опитемъ.

А се есть у женъ: аже не възлюбятъ ихъ мужи, то омывають тѣло свое водою, и ту воду дають мужемъ. Повелѣ ми дати опитемъ 6 недѣль, в-оже лѣто отъ причащенья (*отлучать*). А ожи се носили къ варяжскому попу дѣти на молитву? 6 недѣль опитемъ, рече, зане-

(¹) Отъ трудной работы повреждаютъ себѣ и дикидываютъ ребенка.

же акы двовѣрци суть. А еже дѣтѣи дѣла жены творять что либо; а еже възболитъ, или къ възхвямъ несуть, а не къ попови на молитву? То 6 недѣль или 3, еже (*если*) будутъ молоти.

(Пам. XII в. 200).

Всѣ эти вопросы Кирика и другихъ и ответы на нихъ имѣютъ для насъ довольно важное значеніе и историческое, и калоническое. Историческое: потому что они живо отображаютъ духъ того времени, когда жилъ Кирикъ, и показываютъ много обычаевъ, тогда у насъ существовавшихъ, остатки языческихъ суевѣрій, состояніе нравственности въ нашемъ народѣ и духовенствѣ, какіе предметы наиболее занимали нашихъ пастырей и какъ смотрѣли они на эти предметы. Калоническое: потому что одни изъ обрядовъ, записанныхъ Кирикомъ, (большая часть) суть не что иное, какъ приложеніе древнихъ церковныхъ каноническихъ частныхъ обстоятельствъ и потребностямъ церкви русской, а другіе, не многіе, представляютъ собою личныя мнѣнія нашихъ отечественныхъ пастырей; во всякомъ же случаѣ тѣ и другіе равно служатъ памятникомъ собственно русскаго церковнаго законодательства. (Ист. Рус. Ц. III, 197).

Свѣдѣнія о Кирикѣ и Евгеніи. Зап. и Труды общ. Ист. 1828 г. IV, 1, 122.

Для исторіи пѣнія въ Рос. Москвит. 1841. IX, 191—207. 1846. VI, 173—174. Запѣч. для исторіи церкви. пѣнія въ Рос. В. М. Ундольскаго. Чт. общ. ист. 1846, № 3. стр. 4—16. О пѣніи въ Россіи. Ж. М. Н. Пр. 1849. № 7 и 8. О древнерус. пѣніи. День 1864, № 17. Рус. сцена. 1864, № 9. Изв. Археол. общ. 1864. V. вып. 4. Чт. въ моск. общ. любителей просвѣт. М. 1863. 55—64. Древнее Русское пѣніе Разумовскаго.

208. Споръ в постѣ.

Въ 1164 г. Леонъ епискупъ не по правдѣ поставися, перехвативъ Нестеровъ столъ, и еще Нестеру сущю живу; и введе ересь, поча учити въ Суздагѣ не ясти мяса въ Господьскыя празднигы, въ среду и пяткы, на Рожество Христово и на Крещеніе. И бысть тяжа (*споръ*) велика про то, и упрѣ (*оспорить*) его

владыка Теодоръ предъ княземъ Андрѣемъ; онъ же иде ко Царюграду, и тамо упрѣ его предъ царемъ Мануиломъ Андрѣянь архіепискупъ Болгарьскый. Оному же молващу и на царя, и удариша и слугы царевы, сущимъ ту посломъ всемъ, Кіевскимъ и Черниговскимъ и Суздальскимъ.

(I Сoфійс. 162).

209. Расканіе Игоря въ илѣну 1185.

Рече Игорь: «поминухъ азъ грѣхы своя предъ Господемъ Богомъ моимъ, яко много убійство, кровопролитіе створихъ въ землѣ крестьянствѣи, яко же бо азъ не пощадѣ крестьянъ, но взяхъ на щитъ г. Глѣбовъ у Переяслава; тогда бо не мало зло подъяша безвиннѣи хрестіани, отлучаеми отецъ отъ роженіи своихъ, братъ отъ брата, другъ отъ друга своего, и жены отъ подружіи своихъ, и дщери отъ матеріи своихъ, и подруга отъ подруги своея. И все смятено плѣномъ и скорбью тогда бывшею, живии мертвымъ завидать, а мертви радовахуся, яки мученици святѣи, огнемъ отъ жизни сея искушеніе приемиши, старцѣ порѣвахуся, уноты же лютыя и немилостивыя раны подъяша, мужи же пресѣкаеми и разсѣкаеми бывають. И та вся створиавъ азъ, рече Игорь, не достойно ми бѣшетъ жити; и се ныны вижу отместье отъ Господа Бога моего: гдѣ нынѣ волюбленный мой братъ? гдѣ нынѣ брата моего сынъ? гдѣ чедо рожденія моего? гдѣ божре думаютъ? гдѣ мужи храборствующѣи? гдѣ рядъ полчнныи? гдѣ кони и оружья многоцѣнная? Не отъ всего ли того обнажихся, и связня преда мя въ руки безконьнымъ тѣмъ (Половцамъ)? Се возда ми Господъ по безаконію моему и по злобѣ моеи та

на мя, и свидоша днесь грѣси мой на главу мою: истиненъ Господъ и прави суди Его зѣло,—азъ же убо не имамъ со живыми части; се же нынѣ вижу, другая мученія вѣнча приѣмлюще; почто азъ единъ повинный не прияхъ страсти за вся си? Но, владыкъ Господи, Боже мой, не отрини мене до конца; но яко воля Твоя, Господи, тако и милость нашь, рабомъ Твоимъ.

Замѣчательно, что князья сознавали зло, какое наносили хрестіанамъ въ войнѣ, и не мирились съ нимъ равнодушно; а при первой неудачѣ раскалывались отъ него и несчастье считали Божиимъ наказаніемъ за жестокости противъ своихъ соотечественниковъ. И жестокости однако, во время войны, бывали страшныя, какъ видно изъ этого исповѣданія Игоря.

(Ипат. 431)

Обратить вниманіе на жестокость ведения войны въ древнее время.

210. Изъ слова о богатствѣ и убогостѣ до 1200.

...Безвѣстно бо есть наше житіе: не оставляй богатства своего живи, не тружнѣи о немъ; яко бо тать въ нощи, тако находятъ смѣрть; ты тако отъидеши, а живице твое еде остинеть; ты желаеши тамо капля воды, а еде ниши богатство твое дѣлать. Такоже въсхотѣ богатый онъ, быи въ огни капля воды, и Моляше Авраама, глагола: «пошли мѣя и послѣ Лазаря, да шалымъ шкретымъ съвѣжеть ми устны, яко болю въ ялжени семъ лѣтъ. Ты (мать) богато на земан живаше: въ багрѣ и въ паволоцѣ хожаше; кони его тучни, вноходи, а . . . анковствующе, златыи тварыи (збрудей) украшени, седла его позлащени; раби его предте-

куще мнози въ брачнѣхъ и въ гривнахъ златахъ, а друзи позади въ монистѣхъ и въ обручнѣхъ, и отъинуть рещи—въ велицѣ славѣ изаза. На обѣдѣ же служба бѣ многа; съсуди златѣмъ съковани и сребрѣмъ; брашно много и различно—тетери, гуси, жеравле, раби, голуби, кури, зайци, елени, вепреве (кабаны), дичина, чашьри, тѣртове, печени, крѣпанна, шемъ-лизи, шир(го)ве, пѣтъкы (птицы); множество сакачи (поваровъ) работающе и дѣлающе съ потѣмъ, и мнози текуще, и на прѣстѣхъ блюда носяще, нини же махающе съ боязнию; чашѣ сребрѣны великы позлащены, кубыци и котлы; питие же многое—медъ и квасъ, вино, медъ чистыи шпѣрѣныи; пития обнощная съ гуслѣми и свирѣльми; веселие многое—заскавыци, шпѣлѣве, празнословьци, смѣхословьци, плясаня, мързости, въшлѣве, пѣсни. Готовятъ же ему и одрѣ настланѣ перинѣ поволочитыхъ; възлежасу шю же ему и не могущю уснути, друзи ему носѣ глядять, нини по ладвѣмъ тѣшатъ его, нини по плечема чешють, нини гудуть, нини бають ему и кощюнятъ. Така бѣ слава и богатаго! Бѣ же единѣ нищѣ, именѣмъ Лазорѣ, и лежаше прѣдъ враты богатаго, и желаше насытитися отъ крупницъ падающихъ съ трапезы богатаго; видя же его богатыи отвращаше лице свое, гнушася его... Бысть умрети богатоу, и донесену быти въ муку вѣчную; умре же и нищии Лазорѣ, и донесенъ бысть ангелы на лоно Авраамле. И сый въ огня, богатыи, видя Лазора на лонѣ почивающа Авраамли, и позна его и възъши, глагола: «помилуй мя, отче Авраме, і послѣ Лазора, да смочить ми водою устьѣ прѣстѣмъ своимъ, яко горю въ пламени сечь. О, богатыи! где ти богатство? где ти злато? гдѣ гърдѣнне множествомъ рабѣ? где медъ проливаемый? А ныня капля водныи желеши. Где трапеза великая и обильная? Кѣде суть, иже ти потаковыи

творяху, иже ти ласкаху? Не все ли бѣ стѣнѣмъ и мимо иде и хуже паучины!..

(Изв. Акад. X, 548—549).

На это слово походить слово Писма наприм.: «Ты аси тетери, гуси, раби куры, голуби и прочее брашно различныи а убогыи хлѣба не имать чинѣ чрѣво насытити; ты же облачнися и ходиши въ паволоцѣхъ и въ кунахъ, а убогыи рубѣ (рубашки) не имать на телеси; ты же жи въ дому повалунѣ испьсавъ, а убогыи не имать гдѣ главы подъяковити. И ты, богатыи, укрени, и останеи днѣ твои, присно обличая твои дѣшнѣ; кажи отъ мноходящихъ глаголетъ: «сѣ (воинъ) домъ оного есть хищника (мѣсе?)... сироты облупи; осе дворъ его тѣмъ (пустъ)». Не рыди ни, яко боларнѣ есмь, ли посадникъ,—азъ волости (амстѣй) не хулю, нѣ хулю строищѣхъ мое рое злѣ.

(Тамъ же 550).

Оба эти слова переводимы, но приспособлены къ быту древнерусскаго богача.

211. Подвали княгининѣ.

1. Благотѣрная княгиня Всеволоды (ум. 1206) изъ дѣтска въ страсть Божью любаше правду, въздающи честь епископомъ и игуменомъ и чернцемъ и прѣвитеромъ, и любаше черноризецъ и подаваше требованіе нѣтъ; бѣшеть бо нищелибица и страннолюбца, печальна и нужна (бѣдныя) и болныи тѣхъ всѣхъ утѣшаше, и подаваше имъ требованіе.

(П. С. Лѣт. I, 178)

2. Въ 6883 (1375 г.) преставилъ въ Нижнемъ Новгородѣ в. кн. Андрей Константиновича супругъ, в. княгиня

з, во инокѣхъ Теодора, и положена
оборной церкви благогѣпнаго Преоб-
нія. Сія блаженная, памяти достой-
н. кн-ня Васса, въ супружество съ
вѣри. кн. Андреемъ Константинови-
вступила съ 6839 (1331 г.) ро-
града Теери, отца Иоанна славнаго
и матери Анны. Бысть во дни дер-
в. кн. Иоанна Данил. Калиты и
Теогноста, съ младенчества научися
гв. писанію, и восхотѣ во иноческій
вся образъ; но родители ее нуждею
(или законному браку за помянутаго
двоюнадесяти лѣтомъ сущую; въ
кествѣ жила 13 лѣтъ во всякомъ
удрѣи и воздержаніи, умильной мо-
и нескудной милостынѣ, изсушая
свое постомъ и чистотою, а подѣ
имъ одѣяніемъ власницу ношаше.
реставленіи же супруга своего,
серебро, жемчугъ и одержды мно-
ыля раздаде,—ово нищимъ, ово
имъ божимъ и монастыремъ,—и
свободы (*рабог*). Вииде сама въ
ырѣ, его же созда во имя пресв.
ицы честнаго Ея Зачатія, и постри-
во иноческій образъ; и наречена
Теодора,—и пребываше въ богоу-
постническомъ житіи безмолвно
рестанныхъ молитвахъ, и во чтеніи
имъ, и питаніи рукодѣліемъ. Та-
богоудному Ея житію ревнующи
о дому и боярыни, вдовы и дѣ-
мнози сонзволиша въ томъ же мо-
постричься, ихъ же бѣ числомъ
гарницъ,—и всѣ обще жестокии
любныи житіемъ живяху. Бла-
же княгиня инокиня Теодора, аще
тарости достиже, но добраго на-
того подвига не остави, но паче
и дивнымъ подвигомъ препро-
и своя.

*Гижгор. Лѣт. Визливика Н.
Новикова. ч. XVIII, стр.
80 изд. 2-е ж. 1791 г.)*

212. Похвалы князю.

1, Въ лѣто 6720 (1212) видикта, м.
апрля въ 14 день, на память св. Мар-
тина папы римскаго, преставися в. князь
Всеволодъ, именовавый въ св. крещеніи
Дмитрій, сынъ Гюргевъ благочестиваго
князя всея Руси, внукъ Володимера Мо-
номаха, княживъ въ суждальстѣи земли
лѣтъ 30 и 7. Много мужествовавъ и дер-
зость имѣавъ, на бранехъ показавъ, укра-
шенъ всѣми добрыми нравы, злыя казня,
а добромысленныя милуд: «князь бо не
туне мечъ носить въ мечь злодѣмъ, а
въ похвалу добро творящимъ». Сего име-
ни тогмо трепетаху вся страны, и по
всей земли изиде слухъ (*слава*) его, и
и вся зломыслы (*враги*) его вда Богъ
подѣ рудъ его: понеже не вношашеса,
ни величашеса о собѣ, но на Бога все
възлагаше всю свою надежу, и Богъ по-
караше подѣ ногъ его вся враги его.
Многы же церкви созда по власти (*воло-
сти, земль*) своей, ибо созда церковь
прекрасну на дворѣ своемъ св. мученика
Дмитрія, и украси ю дивно иконами и и-
саньемъ, и принесъ доску гробную изъ
Селуня св. мученика Дмитрія, миро не-
престанно точащю на здравіе немощнымъ,
въ той церкви постави, и сорочку того
же мученика ту же положи; и монастырь
созда, въ немъ церковь камени Рождество
св. Богородица, и ту такоже исполни
всѣми исполненіемъ, имѣя при себѣ страхъ
божій въ сердци своемъ, подавая требу-
ющимъ милостыню, судя судъ истиненъ
и нелицемѣренъ, не обинуися лица сил-
ныхъ своихъ бояръ, обидящихъ меншихъ
и роботящихъ сироты и насилье творя-
щимъ; любяше же по многу черноризць-
скій и поповскій чины. Тѣмъ и дарова
ему Богъ чада добросмыслена, яже и
вспита въ наказаніи, въ разумѣ сверше-
въ, доже и до мужества.

(П. С. Лѣт. I, 184—185).

Еще о Васильѣ см. также стр. 199.

2. Бѣ Юрьи сынъ благотѣрнаго отца Всеволода украсенъ добрыми нравы⁽¹⁾, иже имена вмагѣ повѣмы: се бо чюдный князь Юрьи потщася божья заповѣди хранити, и божій страхъ присно имѣти въ сердци, поминая слово господне, еже рече: «о семъ познають вы вси чловѣци, яко мои ученицы есте, аще любите другъ друга»; не токмо же друга, но и врагы ваша любите и добротворите ненавидящихъ васъ. Всякъ зломысль его, безбожныя Татары отпущаше одарены, бяхуть бо преже прислали послы свои зди ти кровопийци, рекуще: мирися съ нами; онъ же того не хоташе, якоже Пророкъ глаголетъ: «брань славна луче есть мира студна», си бо безбожнии со живымъ миромъ живуще, велику пакость землямъ творять, еже и здѣ много зла створиша. Богъ бо казнить напасти различныи, да явятся яко злато искушено въ горнигѣ, крестьяномъ бо многими напастми внити въ царство небесное; самъ бо Христосъ Богъ рече: «нужно есть царство небесное, и нужници въсытятся е⁽²⁾. Георгіе, мужество те зомениште! Кровью омывъся страданья ти; аще бо не напасть, то не вѣнецъ, аще не мука, ни дарове; всякій бо держася добродѣтели, не можетъ безъ многихъ врагъ быти. Милостивъ же баше паче мѣры, поминая слово господне: «блаженія милостиви, яко ти помиловани будутъ»; тѣмъ и не щадяше имѣнья своего, раздавая требующимъ, и церкви зижя (*созидала*) и украсая иконами безцѣнными и книгами, и грады многы постави, паче же Новгородъ второй (*Нижній*) постави на Волгѣ усть Оки, и церкви многы

(1) Георгій убитъ Татарами въ 1237.

(2) Восхищаютъ его *Матв. XI, 12* Далѣе подражаніе сочинителю сказанія о убіеніи Андрея Боголюбскаго: Андрей—мужество, но Георгій—земледѣлецъ, съ грѣхъ азца.

созда и монастырь св. Богородица Новгородѣ; чтяшеть же и злиха чернечскій чинъ и поповскій, подавая имъ еже на потребу, тѣмъ и Богъ прощенья его свершаше, исполни лѣта его въ добродѣствіи. И посѣде (*сидѣлъ*) въ Володимирѣ на отни столѣ лѣтъ 20 и 4, а на 5 убьенъ бысть отъ безбожныхъ и поганыхъ Татаръ.

(П. С. Лѣт. I, 200).

213. Похвалы епископамъ.

1. Въ лѣто 6724 (1212). Преставися епископъ Ростовскій Пахомій, и положенъ бысть въ церкви св. Богородица, въ своей епископии. Съ (*сей*) бѣ блаженный епископъ избранникъ божій, и истинный бѣ пастырь, а не наинникъ; съ бѣ агня (*ягненокъ*), а не волкъ, но бѣ бо хитая (*похищала*) отъ чюжихъ домовъ богатства, ни собирая его, ни тѣмъ хваляся, но паче обличаше грабителя и злодѣища, поревновавъ нраву Златоустаго и переходя отъ дѣла въ дѣло уншее (*меньше*), сиротами добръ пекылся, милости въ зѣло къ убогимъ и вдовицамъ, ласковъ ко всякому убогому, не согбенъ руцѣ имѣти на вдавье ихъ, но отверзавъ отпудъ, смѣренъ, кротокъ, исполненъ книжнаго ученья, всѣми дѣлы утѣшая печальныи, не хваляся ни о чемъ же суетствомъ (*ничтожествомъ*) пустошнаго свѣта сего, еже скоро мимоидеть и хуже научены, но паче хваляся глаголаше, Павлово слово поминая: «нигѣ ни о чемъ же буди хвалити ся, токмо о крестѣ Христовѣ, имъ же имѣ миръ распяты, и азъ мирови»; обычныя молбы къ Богу въздая, побѣднѣ мирскую похоть, черньчествовавъ преже добръ исправлено лѣтъ 5 въ Печерскомъ монастырѣ, и паки свое стадо

духовно въ монастыри св. Петра лѣтъ 13, а епископью державъ 2 лѣта, отъиде къ Богу. Костянтинъ же, христолюбивый Князь, съ епископомъ Симономъ и со всѣми черноризцы спрятавше тѣло его честно, вложиша ѣ въ гробъ у св. Богородица Ростовъ.

(П. С. Лѣт. I, 185—186).

Эта похвала слишкомъ общая и образная: она весьма хорошо характеризуетъ сугдальскаго лѣтописца.

2. Въведоша (1231) священнаго епископа Кирила въ св. сборную церковь св. Богородица, м. мая 18, въ недѣлю всѣхъ святыхъ: и сѣде на столѣ своемъ, на столоникъ сы и намѣстникъ св. епископъ прежебывши Ростовъ, Леонтия св. и священнаго епископа Исаіа и Нестера, и всѣхъ, яже почита, пасше св. церковь; сего же произведе Богъ въ дни сія, яже не оставиши же прежнихъ епископъ, вслѣдуя правомъ ихъ и ученью, не токмо бо словомъ уча, но и дѣломъ кажа (*показывая*). И вся приходящая удивлеса, князя же и велможъ, всякъ возрастъ града Ростовъ, не токмо же престоудца, но и попы и игумены и весь черноризьскый чинъ, и вся приходящая изъ окрестныхъ градъ въ св. сборную церковь св. Богородица, ово послушающе ученья его еже отъ св. книгъ, ова же хотяще видѣти украшенья св. церкви пречистыя владычицы нашея Богородици. Бысть убо украшенье ея чюдно зѣло, якоже не бысть о прежебывшихъ епископѣхъ, и по немъ Богъ въ (*отъстѣ*) или будетъ. Леонтій убо св. священныи епископъ, то просвѣти св. крещеньемъ градъ Ростовъ, се же священныи епископъ Кирилъ украси св. церковь св. Богородица иконами многоцѣвными, ихже нѣсть мощи и сказати, и съ предполы, рекше пелены; причини же и кивота 2

многоцѣвна, и нѣдѣтью многоцѣвну досѣ на св. трапезѣ, суди же и рипиды, ино много множество всякихъ узорочей; причини же двери церковныя прекрасны, яже наричются (*называются*) златыя, сущая на полуденной странѣ; паче же напаче внесе въ св. церковь кресты честныя, многы мощи святыхъ въ ракахъ прекрасныхъ, въ заступенье и покровъ и утверженье граду Ростову, и христолюбцу князю Василкови, и княгинѣ его и сынови его Борису, и всѣмъ вѣроу приходящимъ въ св. церковь. Любовному ученью же и тщанью дивлеса сего честнаго святителя Кирила, съ страхомъ и покореньемъ послушая, въ уздѣ мѣстѣ нѣкоемъ и во входѣ написанья собѣ вдахъ (¹), сего первого словесе дѣтеля написати..... Кирилъ священныи епископъ въ 1-е лѣто, въ оны же поставленъ бысть епископомъ богохранимому граду Ростову, многы добродѣтели показа, якоже истинныи святитель, а не наминикъ; якоже самъ истина Христосъ рече въ св. Еуангелія: «отдадите убо Кесарева Кесареви». Се наполниа (*исполнила*) написанья, княземъ бо и бояромъ и всѣмъ велможамъ бысть на успѣхъ, и все дивно, обидимымъ помогаа, печальныя утѣшая, ниная милуа, наполниа слово ап. Павла: «всѣмъ всяко быхъ, да вся приобрящю»... Много бо попеченье створи о церкви св. Богородица, еже преже скажахомъ, еже есть и до сего дне, день отъ дне начинаа и переходя отъ дѣла въ дѣло.

(П. С. Лѣт. I, 195).

(¹) Лѣтописецъ говоритъ о себѣ, что оны гдѣ-то въ книгѣ церкви записывалъ поученія Кирила.

214. Изъ Слова Серапіона о концѣхъ міра до 1275.

Богтесе, братіе, грозы и страха суда божіа, внезапно бо день той найдетъ страшный, аще не уготовимся добродѣтели, то називъ страннии в негасимый огонь осудимся. О братіе, живите во страхѣ божіи, время бо житіа сего мало есть, яко дымъ исчезаетъ, и много намъ бѣды за грѣхи прилучается и скорбь не мала: поганьская нашествіа, людемъ движеніе, церквамъ нестроеніе, княземъ неуправленіе, безчиніе священникомъ, токмо плотскимъ угажати начнутъ, а духовныхъ не пытаются, и игумены також. А чернцы будутъ на ширь тициви и тяжливии будутъ и гнѣвливи, неподобная (не похожая на) отецъ святыхъ житіа имущихъ. Владыки будутъ стыдящесе лицъ сильныхъ, судяще по мздѣ, обидяще сироты, не заступяюще вдовиць и убогихъ. Видеть же въ люди невѣріе и блудъ, и оставя челоуѣцы правду, а не правду творити начнутъ. И в таковыхъ днехъ, аще кто хочеть, той спасетса, и великъ наречетса въ царствіи небеснемъ. Тако бо и въ дни быша Ноевы, ядаху и пияху, жонякуса, прійде же потопъ, и вся погуби за беззаконіе... Тѣже хотяи спаситса, нынѣ подицса смиреніемъ, алканіемъ и милостынею. Аще бо кто любими, и в разбойники впадетъ, како то умилено молится, да быша дали животъ, а имѣніе взяли быша. Да како, братіе, се не ало, худаго дѣла живота всего лишаемса, а душевнаго участіа почто щадимъ немущимъ даяти, почто са не примѣнимъ от злобъ, и не хоцемъ сердца на покаяніе приклонити. И земля убо от лица господня трясетса намъ на страхъ, и мнози грады пусты быша божимъ гнѣвомъ. Ни тако не убояхомса, но не престаемъ зло творяще, и поганья Богъ попусти на ны. Сынове и дщери наша в поруганіе быша, и в полонъ, да быхомъ убоялися, но мы

единако (одинаково) неправды дѣемъ, гнѣва и зависти не останемъ, блуда и цѣлѣнства и грабленіа не лишимса, и прочиъ злобъ, яже в ненависть Богу. О братіе, доколѣ есть время покаянію, потщимса в добродѣтели быти, и будемъ милостивии, да милостивъ Господь будетъ намъ.

215. Его же о матаехъ житіа сего.

Уже наводитъ ны время на дѣло вѣчнаго живота и неразоримыя славы. Сію бо жизнь пріимлетъ смерть, а славу постигаютъ студи мнози (1). Преже бо годя от велможъ в пес мѣста (какъ собаць) во ад сведена быша, а богатіи послѣди обнищаша. И судья оужени осужени бысть радуютса, и восплакаса дръжаву погуби (2) и ничтоже нѣсть навѣсто (не твердо) в челоуѣцѣхъ, но вся сут стропотна суть. Но иному землю изхватити, а инъ имѣніе отъят, и того село слышавше (слыло), а домъ иного нынѣ есть. Други же имѣніа не насыщешася, и свободныя сирота порабощаютъ и продаютъ, ини крадутъ, и разбиваютъ, а имѣніе хошютъ собрати. И сии вси огнь на своя главы берутъ: ничто правды нѣст в миру. Чада бесчествуютъ родители свои, а отцы своихъ дѣтей отмещаютса. Нѣст другу вѣры имѣти и не надѣя бо са на брата. Мирная бо благодать (3), а в себе злая мыслитъ и усты токмо любитса, и леть и зависть токмо жируетъ (живетъ) в васъ, и не сытость дръжите. А никто Бога не поминетъ, но яко безсмертніи творятса, и никто осужденіа

(1) Славу міра постигаютъ посправленіа, стыдъ.

(2) Судья радуется, осуждая подсудимыхъ, а потомъ восплакалъ, когда потерялъ власть.

(3) Т. е. на словахъ обѣщаетъ миръ.

чае умершии пріяти. Сего дѣла казни отъ Бога приходятъ на ны, зане злая творимъ. Силу намъ далъ ест, да правду в немъ содѣемъ, мы же безаконіа в нем содѣваемъ. Богатство намъ далъ ест, да отъ него немущимъ подамы и убогимъ. Мы же обидимъ еще сирот, и вдовамъ насилуем, и убогихъ отнимаем. Области намъ поручилъ ест, да быхомъ обидимыя набавляли. Мы же обидимъ, а правого по мзды винимъ. Нѣст правого пути, ни суда права: погыбе любви, ненависть умножися, добродѣтели уничижена быст, изволено цѣломудріе, почтено быст возвышеніе и гордость, погыбе истинна, и лжа покрыи землю. Области и глубина божіа долготрѣбіа! Яко немощаетъ о всѣхъ нашихъ злобахъ, не яко не могли насъ мучити, но отъ кождо насъ покояніа ждетъ и обращеніа чае, а не пріемлетъ гѣва, но милосердуетъ о насъ, яко чадолюбивыи отецъ.

(Павосл. Собесѣдн. 1858, II, 475—484).

216. Наученіе истроп. Петра носѣт 1308, изъ епископѣ, и епископѣ, и архимандритѣ, и игуменѣ, и дьяконѣ и ко всѣмъ православнымъ крестьяномъ, какъ ходити по закону крестьянскому.

Пьянства лишайтеса и лишнихъ пировъ; коли бываесть говѣино (*постъ*), тогда бы лишнихъ пировъ не было, а вы, священныи чинъ вѣка сего, лишайтеса пьянства въ говѣино; а который священникъ учнетъ пить до обѣда, яко быти ему безъ ризъ да предстоитъ въ церкви ко всякому правялу церковному. А дѣти своя духовныа учите къ церкви приходити, велите плакатися о своихъ грѣсѣхъ къ Богу, а постъ честно держащи, ни козло-

гласованіемъ, ни обьяденіемъ ни пьянствомъ, но св. дары имати съ году на годъ (*ежегодно*); а кто не емлетъ св. даровъ, попове тѣхъ людей не благословляйте, а проскуръ отъ нихъ не пріемлите и въ домъ ихъ не входите. А гдѣ будетъ не дарошнецъ (*непричащающійся св. таинъ*) на пару, или въ братчину придетъ, и вы, попове, илите ихъ вонъ, а съ ними не пейте, ни яжьше; ни хлѣба имъ Богородицына не давайте (1): то естъ не крестьянинъ, не дарошнецъ, дара христова не пріемлетъ: лучше бы не родитися тѣмъ. Блудникъ человекъ ходитъ основою супротивникъ вѣрѣ Христовѣ; а который пошъ не учитъ ихъ, а имъ (*томъ*) потаковникъ; а проскуръ отъ нихъ не пріимите, а въ церковь ихъ не пушайте; а который пошъ хлѣбецъ Богородицынъ даеетъ, быти тому попу безъ ризъ, зане же поручникъ стаду; воленъ отецъ духовный сына взыати и разрѣшити. Св. отцы глаголютъ 318 (2): его же аще разрѣшите на земли, будетъ разрѣшенъ на небеси. Тако ты, человекъ, хулиши слуги божіа, отцу своему духовному лаени или бьени, то естъ дьяволъ; а по правилу св. отецъ Василія В., Григорія Б. и Іоанна З. и всѣхъ св. отецъ по уставу, таковыхъ руки отсѣчь, а въ винѣ воленъ господитъ таковыхъ. И дѣти родимаго отца и матери чтѣте, и вы долготѣни будете; а лая отцу или матери или бьеть, той умретъ злою, лютою смертію. Смерть грѣшнику люта, Давидъ глаголетъ. А который у васъ похочетъ имати съ году на годъ св. дары, то давали бы по собѣ поруки, что имъ васъ слушать. А въ

(1) Т. е. просфоры, изъ которой вынимается: во время проскомидіи частица во славу Богородицы.

(2) Т. е. 318 св. отецъ, бывшихъ на 1 вселенск. соборѣ.

пиру случится до объда ягъ, Богородицы-ма хлѣбца не давай. А который мужъ женится трема женами, или женѣ три мужи, тѣхъ по божеств. правилу св. отецъ великаго Василья, не давати имъ причастья святаго; а отъ правила церковнаго отлучити, а съ женою третьею разлучити; аще кто будетъ добръ (*слишкомъ*) младъ, а дѣтей не будетъ отъ нихъ отъ перваго или втораго, тому надобѣ разсуженье съ великою епитимьею поняти третью жену.

Аще учите дѣтей духовныхъ отъ сквернословья, неподобно что лають отцемъ или матери; занеже того въ крестьянѣхъ нѣтъ; тако учите родители своихъ дѣтей наизлада, чтобы не навъкали говорити лихихъ словъ; а который не учнетъ васъ слушати, тѣхъ отъ церкви отлучити, а св. причащенія не давати имъ, ни даровъ ни Богородицына хлѣбца. И паки учите ихъ, чтобы басней не баяли, ни лихихъ бабъ не принимали, ни узовъ, ни вриможденія, ни зелье, ни вороженье, занеже божье того дѣла приходитъ разгнѣваніе; а гдѣ таковыя лихія бабы приходятъ, учите ихъ отъ таковаго обычая престати, да покаяли бы ся. А имутъ васъ попове не слушати, и вы ихъ не благословляйте; а крестьяномъ заказывайте, чтобы бабъ межн собою не держали, но гоняйте ихъ отъ себе, и сами бы отъ нихъ бѣгали; а кто не иметъ васъ слушати, и вы бы тѣхъ такоже отъ церкви отгонили. Яко ли творите вѣнчаніе, по объдни, а въ полдни не вѣнчайте. Крещеніе творите по преданію св. апостолъ: не обливайте водою, но погружайте въ воду трижды, глаголя на первое погруженіи: *во имя Отца*, на второе: *и Сына*, на третье: *и св. Духа*; да потомъ мажите масломъ; а кумъ единъ, или кума една: мужескъ полъ, ино—(такъ) кумъ, а женскъ полъ, ино кума. А который игуменъ или попъ, или чернецъ торговалъ преже сего или серебро давали въ рѣзы, а того бы отъ

сѣхъ мѣсть не было, занеже вѣтъ казенныхъ быти за то отъ Бога—отцы святыми и апостолы святыми; не благословляютъ ихъ, и азъ не благословлю. А еще бы дѣвицы не вѣнчали меньше 12 лѣтъ, но вѣнчайте 13 лѣтъ. А въ единомъ бо монастыри черницы съ черницами не жили, но собѣ (*особо*) въ опришненъ (*о дружномъ*) монастыри; смотрите того, гдѣ черницы, туто бы и игуменъ; а гдѣ черницы, туто бы попы бѣльцы съ монадыми, а вдовца бы попа туто не было. А еще о семъ ты полю и пишу вамъ: аще который человекъ позовется на нам (*на судебный поединокъ*), приидеть ко ему попу да восхоцетъ причаститися, и вы ему причастья святаго не давайте; а который попу дастъ ему причастье святое, аще убьютъ на поли того, ино тотъ попу поповства лишень будетъ чрезъ сію заповѣдь. А кто лѣзши на поли убьютъ, ино душегубецъ именуется: по В. Василья слову, въ церковь ему не входити 20 лѣтъ, и св. причастія не принимать здровъ, ни Богородицына хлѣбца; а будетъ убитъ на поли, ино его псомъ поврещи (*броситъ собакомъ*), а не проводить его; а который попу проводитъ (*на похороны*), тотъ попу поповства лишень. А се о семъ пишу по правилу св. отецъ: отца духовнаго чтите, печать есть твоего тѣла. А вшедши въ церковь, стой честно, со страхомъ слушайте чтенія апостола, и евангелія и всего мѣнія; а кто говоритъ въ церкви, то шепчетъ дьяволъ въ уши ваши и сердца разжизаетъ на многое глаголаніе; вельми грѣшно есть въ церкви говорити; то бо есть домъ божій. Приходить къ церкви милостину приносяще о своемъ согрѣшеніи, плакаться, смертный часъ поминати на всяко время, молитися Господеву, да и на страшномъ судѣ твоемъ отвѣтъ добрый и гласъ твой слышати: приидите, благословеніи отца моего, наследуйте царство небесное отъ сложения міра всего; се уге-

тованное вамъ царство небесное отца моего; праведницы яко свѣтила сияютъ; а грѣшнымъ Господь речеть: отыдите отъ мене, проклятии, не знаю васъ, во огнь вѣчный и муку вѣчную: тогда будетъ плачь и скрежетъ зубомъ; но нынѣ пеняетесь къ покаянію, скороданныя муки забавитесь. Горе не даровицу! На что ся надѣеть? Творится человекъ божій, и тѣла христова не признаетъ. Но вы, попоше, не благословляйте ихъ, а въ церковь ихъ не пуцайте; то ходятъ пси; но песь господина своего стережетъ. И сія заповѣди Спасовы не признаетъ, се есть дьяволъ, а не человекъ.

Аще бы ти на земли, ерей, сильный человекъ, не бойся никого; се есть слуга божій, еси учитель стаду своему: овцы пастуха своего слушаютъ, а по чужому не ходятъ; аще же увидеть волкъ въ стадо и распудитъ овцы, о горе пастуху, иже овецъ своихъ не блюдетъ! руно съ нихъ съемлетъ пастухъ; се овецъ своихъ не блюдетъ, да останеть, отходить, въ грѣхъ не впадетъ ⁽¹⁾.

Но слышите слово божіе: да кто церковь божію, или слугу церковнаго приобидитъ, а того Богъ приобидитъ. А который іерей св. литургію священствовалъ, тогда царя честнѣй: никто бы не усидѣлъ противу него; аще кто усидитъ, проклятъ тотъ человекъ есть отъ небесныхъ силъ. А кто се правитъ св. отецъ не слушаетъ Васильевыхъ, Григорьевыхъ, Златоустовыхъ и всѣхъ святыхъ, и апо-

(1) Въ другомъ поученіи святителя Петра сильнѣе выражается эта мысль; онъ пишетъ *чуждомомъ, попомъ, и діакономъ*: «Будите же, дѣти, истинными пастухи, а не яко наивниди, млеко сѣдающе и влгу объемлюще. а о оцяхъ не некущесе. И не входяще двери во дворъ овчій, таковыи не суть пастуси, но тати суть и разбойници. Да гдѣ увидаетъ отрѣшнѣ сердца отъ всякой душепагубной ярости, зависти, ненависти, пьянства, еже есть корень всякому злу». (Прибавл. къ твор. св. О. 1844 г., кн. 1, стр. 88—89).

стольскія заповѣди и моя святительскія митрополитскія заповѣди, и хулятъ ю, да будутъ прокляты. Како начнется въ церкви божіи цѣти на оба лика, скажетъ вкратцѣ: Игнатій Богоносець, иже третій по апостолахъ Петръ епископъ былъ Антиохій Сирійскій, тотъ убо видѣ ликъ ангельскій на оба лика поюще хвалу трисвятѣй Троицѣ, и образъ тотъ видѣнный Антиохійскій церкви предаде, и оттуду преданіе оно во вся церкви распрострися.

(Памяти. старин. р. литер. в. 4. стр. 186—188).

Петръ поставленъ былъ митрополитомъ въ Кіевъ въ 1308 и умеръ 21 дек. 1325 г. Житіе его помѣщено въ Степен. кн. 1, 410—424. О митроп. Петрѣ см. Г. Карпова статью въ Чт. общ. ист. 1864, кн. 3, 1—101.

217. Грабни во время пожара.

1. Тотъ же весны (1344 г.) мая 19, въ ночь, загорѣся на Яновѣ улицѣ, и сгорѣ дворовъ безъ 3 и 40, а головъ сгорѣ 7-ро, и потомъ, Іюня 28 въ ночь, загорѣся на Розважи улицѣ Глѣбовъ дворъ, и погорѣ конецъ Неревскихы сѣмо до грѣбли, а сѣмо и за Борькову улицю; и сгорѣ церковь св. Козмы и Демьяна, и другая св. Савы, и сорокъ (40 *мучен.*) церковь огорѣ, и домове добріи. О горе, братье, лютъ блже пожаръ, съ вѣтромъ и вихромъ! а злии человекы и не добріи, Бога не болячеся, видяще людемъ погыбель, пограбни чужая имѣнія. Потомъ Іюля 16, въ ночь, загорѣся на Ильинѣ улицѣ, и ту такоже быеть лютъ пожаръ, вихромъ, наборѣвъ, трескомъ; и погорѣ торгъ и домове по Рогатицю (а сѣмо въ Славно), а церквѣи сгорѣ: деревяныхъ 7, св. Дмитрія, и св. Георгія, и св. Бориса и Глѣба, и св. Івана Ишкова, и св. Катерины, и св. Прокопья,

и Христова, а каменныхъ 6 огорѣ, 7-я Варяжская. А оканьини чловѣци, такоже Бога не боящеса, ни суда божія помняще, ни жалующе своея братья, пограбиша чужая имѣнія; въздаты имъ, Господи, по дѣломъ ихъ.

(I. Нов. 70).

2. Того же лѣта (1340), м. юня въ 7, на память св. муч. Феодота, въ вторникъ на троецкомъ недѣли, загорѣся на Розважѣ улицѣ, въ полѣ, за св. Феодоромъ, и погорѣ Неревьскыи конецъ до св. Іакова, а сѣмо и до Чюдинцевѣ улицѣ, и церкви вси и дворове; оттолѣ връжеса въ городъ, и погорѣ дворъ владыченъ и церкви святыа Софіа, и что дворовъ въ городѣ и церквин, и Люднѣи конецъ и до св. Алексѣя, такоже и церкви и домове, а сѣмо и до Прускомъ улицы, тако бо быше великъ пожаръ и лють, съ бурекю и съ вихремъ, яко мнѣти уже кончина: по водѣ огонь горя хождаше, и много людѣи истопе на Волховѣ. И перевръжеса огонь чрезъ Волхово на ону сторону, и тамо въскорѣ до вечерни погорѣ вся сторона, отъ Феодорова ручья въ Славно и до поля, и церкви камены и древяны и домове; изъ многихъ церквин неуспѣша выносити, ни иконъ, ни книгъ, тако же ни изъ домовъ; а кто что вынеслъ, или на поле, или на огороды, или въ греблю, или въ лоды, или въ учаны, то все поломянемъ възлоса, а иное вынеслъ кто что, а то зли чловѣци разграбиша, иже Бога не боятса, ни чаютъ възкресенія мертвымъ, ни суда божія, ни въздаанія по дѣломъ. Не токмо же что у чловѣкъ у своемъ братѣи у Христіанъ, пограбиша, а иныхъ надъ своимъ товаромъ побиша, а товаръ себѣ поимаша, въ и въ св. церквахъ, идѣже бы всякому христіанину, хотя бы и свои домъ поврѣга, а церкви постеречи. Нѣ мы

паки въ покаанія мѣсто горшее зло творимъ, а видяще казнь божію надъ нами: церковь св. 40 мучѣникъ, иже бѣ устроена и украшена иконами, и писменемъ, и кованиемъ, и крутою, запершеса въ церкви товаръ весь, чи бы ни былъ, то все разграбиша, а иконъ и книгъ не даша носити, да якоже сами избѣгоша изъ церкви, все поломянемъ възся, и сторожа два убиша; а у св. Богородица въ торгу попъ сгорѣ, а нѣмъ глаголютъ убиша его надъ товаромъ, понеже церковь вся погорѣ и иконы и книги, сего же ни властѣ огонь прикоснуся, а товаръ весь разграбиша; а въ св. Пятницѣ сторожъ сѣгорѣ съ сыномъ, по томъ же пожару и церковь та падеса, другаа святую мученику Бориса и Гѣльба на Подолѣ. Много людѣи погорѣ въ домѣхъ, въ борзѣ бо огонь заалъ, а великин мостъ сѣгорѣ весь по воду, а изъ св. Софїи не успѣша иконъ всѣхъ выносити, и много бысть пакости. Того же лѣта и Смоленскъ погорѣ весь, въ ночь на Спасовъ день.

(I Нов. 79).

218. Изъ наученія до 1350.

Отвързся пьянства, а не пития; отвързся объяденія, а не явствы; отвързся блуда, а не заковныя женитвы; отвързся неправеднаго имѣнїя, а праведнаго не храни, ни щадѣи убогимъ даяти; отвързся корчмы варити и пити въ корчмѣ; отвързся кунъ даяти въ лихву, рекше—въ накладъ, а Бога ради дай; иже еси ималъ переже сего въ лихву или иного коего неправлюю, или клеветою, или мздою неправедною, или грабленьемъ, или ротою, или поклепомъ, или запрѣнемъ чужаго имѣнїя,—нио всякое неправедное иманье отмени отъ себе крадено, или разбоемъ добыто, или въ

пожаръ граблено, то все неправедно имѣние, то все възврати, чье то было. Аще ли не тѣмъ, то убогимъ (сторницею отдаати). Краденое десятирицею отдаати, а грабленое и рѣзонманье сторницею; тако же и всяко насильное иманье, а праведнымъ имѣньемъ богатитися и отъ него даати милостыня убогимъ и милость божію обрѣсти, яко же и Соломонъ глаголетъ: чти Бога отъ праведныхъ трудовъ своихъ. А еще пакы се горши всего—изгонство емлюще на искупающихся отъ работы (*отъ рабства*). Тацни не имуть милости божія видѣти, непомиловавше равна себе челоуѣка богомъ създана, и ненасытившесе цѣною уреченою: не токмо своя души губящи, но и зло поминающи,—и тоже не отъ закона божія, но еще прилагающе горе на горе свои души губяще; но и послухы въставающе по нимъ и помагающи злобѣ ихъ, иже привлачающи къ своимъ злымъ судіамъ, многими издани и даръми. Аще ли кто въ невѣдѣніе ималъ будетъ изгонство, ти хочеть избыти вѣчныя муки; то вороти тѣмъ же опять—и не поведеши въ муку, нѣ въ жизнь вѣчную съ всеми святыми. Тако же и челядина (*раба*) кто продаетъ, да елико же на немъ въдавше, толко же възяти; аще лише, то горе того, иже наклады емлетъ и прасолить (*торгуетъ*) живыми душами, съ ними же и на судищи стати предъ Богомъ. Такожъ иже кто выкупается на свободу, да вдасть цѣну, юже вдали на немъ; потомъ же свободенъ, ти добудеть дѣти (*прижизнеть*), ти аще начнутъ имати изгонство на нихъ, то обратятся продающе кровь неповинну (яко дшегубецъ есть) и възыщеться предъ Богомъ на страшномъ судищи кровь та: то лучше бы имъ не родитися, еже полѣсти имъ въ непроходимыя муки. Сему же свидѣтель и послухъ самъ богъ Іисусъ Христосъ, искупивый насъ отъ работы вражья своєю кровію. Отъ неправды и злѣды

(=злобы). Достоинно есть сътворити волю Бога и правду, и тако приобрѣсти милость его. Самъ бо Господь рече: Нѣсть милости несътворенному милости; милостивни же на судѣ помиловани будутъ. Тако же и вси вѣрнии и смышленни, аще творять неправедное имѣнье и въспять тѣмъ же отдавати, грѣха забудуть, въ жизни вѣчной сподобять ся. Да и ты, сыне, слыша что имѣши отъ неправеднаго имѣнннн и злаго събранннн, то даи опять, имъ же еси кого приобидѣлъ и отшонди отъ себе всяко неправедное имѣнье, и потомъ приидеши на покаянье: то и Богъ проститъ ти отъ всѣхъ грѣховъ твоихъ и спасеть тя....

(Изв. Акад. Н. X, 645—647).

См. также Слова древннн въ Москвит. 1851. VI. 119—138. 1848, XII. 140. Посл. и. Алексн. Душенполезн. Чт. 1861, ч. 1, 449.

219. Моръ въ Новгородѣ.

1, Того же лѣта 6860 (1354 г.) бысть моръ золь въ градѣ Псковѣ и по селамъ, смерти належащи многѣ; ироша бо люди, мужи и жены старыи и младыи, и дѣти, и попове, и черници и черници. Бяше бо тогда знаменіе смертное сице: хракнетъ челоуѣкъ кровью, и до 3 днѣй бывъ да умреть. То вскорѣ промышляху о своемъ животѣ (*жизни*), или о души, да сего ради мнози идаху въ монастыри, мужи и жены, и построгахуся въ мнншскій чинъ и ангельскому чину сподобяхуся, тѣла и крови Христовы причастившесе; и тако въ доброцѣ исповѣданіи преставляхуся отъ сего временныя жизни на онъ вѣчный свѣтъ къ Богу, и душа своя предаша пришедшимъ по нихъ ангеломъ, а тѣлеса своя предаша гробу. Други же въ міру въ домѣхъ своихъ также готовляхуся на душевннн

походъ о думяхъ своихъ печалующеса, нишнѣ свое отдающе въ милостыню церквамъ и монастыремъ, и попомъ душевнымъ отцемъ и нищимъ, маломощныя и убогія кормяще и напаяюще и милостынею учрежающе; слѣпецъ помилованъ, тѣмъ вождь бываетъ въ царствіе божіе аще нишнѣ о стѣны разбивается и въ ямы впадаетъ; овинъ бо отъ богатства села дадаютъ церквамъ святымъ и монастыремъ, друзи въ озерѣ ловища и несады (*рыболовныя пристаны*), или ино что отъ нишнѣй своихъ дающе, да тѣмъ хотяще себѣ имѣти память вѣчную, по писанію—милостынями и вѣрою очищаются грѣси; и тако очищающе душа своя отъ грѣхъ покаяніемъ и слезами, претавляхуса отъ сеге свѣта на онѣ покой. И се бѣше тогда: попове бо не можаху проводить по одному въ дворовъ за множество умирающихъ, не успѣвающимъ бо имъ во веляху комуждо мертвыя своя на церковный дворъ приваживать; обѣ ноць бо умершимъ утрѣ обрѣташеса до 30, или и болѣ скопится у единой церкви, а всѣмъ тѣмъ единъ проводъ, отиваху надгробную пѣснь, токмо душевную молитву радрѣшеную комуждо особѣ измолвиваху, или мужу, или женѣ, или дѣтемъ, и тако полагаху ѣ по 3 или по 5 головъ въ единъ гробъ; тако же бѣше по всѣмъ церквамъ, и негдѣ уже бѣше погребати умершихъ, все бо могилы въскопано бѣше, ни и подалѣ отъ церкви и опрочъ церкви могилы на цѣлыхъ мѣстѣхъ въскопавше погребяху. Тогда бѣше много плачь зѣло и лютое кричаніе, съ горкимъ рыданіемъ: ктоже плакашеса своихъ мертвецъ, родители по чадахъ своихъ, а чада по родителямъ своихъ и братья по своей братья, а друзи по друзехъ, и жены по мужехъ своихъ, и сродбоя (*пріятели*) вся по сродницехъ своихъ, прочи бо вси плакахуса о душахъ своихъ. Кто бо тогда каменосердъ чловѣкъ и безъ слезъ можетъ быти,

видяще сію великую бѣду, яко мнози вскорѣ и напрасно умираху, и отъ себе вскорѣ отлучаемы, и сами на себе того же поживающе? мняху (*думали*) бо тогда мнози, ако уже всѣмъ помереть; егда бо видяше. гдѣ въ которой родѣ, или въ осподу, или въ богатыя, или простыя люди, сирѣчь и до убогихъ, болѣзнь лютая и смертное то жало, мряху бо сполу (*сполни*). А наборозѣ (*быстро*) и рѣдко кто отъ нихъ оставшеса въ живыхъ, а нишнѣхъ се не остало. А кто имъ тогда послужилъ, въ часѣ всхода души ихъ отъ жизни сея приглядалъ и понекса мни, якоже се подобаетъ здравымъ промышляти о болящихъ и мертвыхъ, сродница же и друзи, или нишнѣ кто, тако Бога ради послуживша; а богатымъ бо всякъ тщится (*старается*) послужити, при животѣ и при смерти, да наслѣдуеть что отъ имѣній ихъ; но кто аще кому отдаваху остатокъ живота своего, или дѣтей, то и тѣ такоже мнози наборозѣ разболѣвшеса умираху. Си же видяше нишнѣ бояхуса примати отъ умершихъ тѣхъ животовъ, страхомъ смертнымъ омрачившеса безумни, своихъ сродникъ отвращахуса тогда; а нишнѣ же велелушни весь страхъ смертный отъ сердець своихъ отринувше, тѣ безъ сумнѣнія и чужая мертвеца, или сироты или убогія небрегоми, тѣхъ спрятывающе и возносяще погребяху, и память по нихъ творяще проскурою и службами, спасенія дѣля себѣ и своимъ душамъ. Сана свѣтлостью не умолена бываетъ смерть, на всѣхъ бо вынмизаетъ многолюдныя своя зубы. Нишнѣ же рѣша: той моръ пошелъ изъ Индѣйскія страны, отъ Солнца—града. Се же ми о томъ написавшу отъ многа мало, еже ми худый умъ постиже и се память принесе; аще кому се непотребно будетъ, да сущимъ по насъ оставимъ, да не до конца забвено будетъ.

(IV Новгор. 60—2).

Въ «Сказ. о плѣнномъ Половци» весьма хорошо изображается, какъ люди къ болѣзни и бѣдствіямъ религіозны, а потому въ счастья и при спокойной жизни все забываютъ. См. послѣдній отдѣлъ Христомъ.

2. Въ тоже лѣто (1417) бысть моръ страшный на людехъ въ Новгородѣ, и въ Ладозѣ, и въ Русѣ, и въ Порховѣ, и во Псковѣ, и въ Торжку, и въ Дмитровѣ, и во Твери, и по волостемъ и по погостомъ и по монастыремъ. И како могу сказать бѣду грозную и тугу страшную, бывшую во весь міръ, какова туга живымъ по мертвымъ? Понеже умножились умершихъ во градѣхъ и въ селѣхъ, тамъ не успѣваху живымъ мертвымъ опрятovati, ниже довольно бываху здравымъ болящимъ послужити, но единъ здравый десятерымъ бодемъ на потребу да послужить; на всякъ же день умираху толкико, яко не успѣваху погребати ихъ въ день до захожденія солнечнаго, и во дворѣ мношъ единъ человекъ остася, а во мношъ два, а индѣ единъ дѣтищъ, а мнози дворы пусты быша. А болѣзень бысть такова: прежде же яко рогатиною ударить за лопатку, или противу сердца, подъ груди и промежду криль, и разболится, который начнетъ кровью хракати, и огонь ражжетъ, посемъ потъ, потомъ дрожъ иметь и во всѣмъ суставомъ походить въ человекѣ недугъ той естественный; железа же неединаче: иному на шею, другому на стегнѣ, овому подъ пазухю и подъ скулою и за лопаткою и въ паху, и на иныхъ мѣstechъ тѣлесныхъ, и въ болѣзни полежаши и помроша. Мнозѣхъ же крестьянъ Богъ помилова своею милостию, отъидоша житія сего въ ангельскомъ мншескомъ чину, отъ ерѣи масломъ мазавшеса; и два посадинка преставишеса въ томъ же чину, Іоаннъ Александровичъ, Борисъ Васильевичъ. Владыка же Семіонъ съ всѣмъ священнымъ съборомъ и съ крестьяны, съ кресты, обходи около всего Новгорода и во

многимъ церквамъ и во монастыремъ, моляся Богу и преч. его Матере и всѣмъ святымъ о преставлѣннѣ Божіа. Крестьяне, ови на конехъ, ови пѣши, изъ лѣса бревна привозивъ, поставиша церковь св. мученица Анастасіа, въ память ея; мѣс. окт. 29, и свѣща ю архіеп. Семіонъ, того же дни и св. литургію сверши; а во останочныхъ бревнахъ поставиша церковь св. Ілію, конецъ Прусской улицы. И Новоторжане такоже у себя въ городѣ, едиго утра, поставиша церковь св. Анастасіа; и попове свѣщама ю съборомъ.

(П. С. лѣт. IV, 115).

На построеніе обиденныхъ церквей смотримъ, какъ на средство умилостивленія разгнѣваннаго Бога.

220. Ушкунки (1).

а, 1366 г. Пришли Новгородци въ ушкунъ, а воеводы Осифъ Валеромеевичъ, Василій Ѳеодоровичъ, Олександръ Обакуновичъ, на Нижній Новгородъ, и много бесерменъ избиша подъ Нижнимъ Новымъ городомъ; а нашихъ пострѣляли Филиппа Утреткова и Бориса Квашенкина да 2 человекъ.

1367 г. Князь Дмитрей присла въ Новгородъ, свѣце рекъ: «за что есте ходили на Волгу и гостей моихъ пограбили много?» —И Новгородци рѣша князю: «ходили люди молодые на Волгу, безъ нашего слова, но твоихъ гостей не грабили, только били бесерменъ; а ты нелюбіе отложи отъ насъ».

(IV Новг. 65—66).

(1) Ушкунъ—лодка особой формы; ушкуншатъ—разбойникъ, удалой малой.

6. Коли князь Дмитрій былъ подъ Тѣрью (1375), а въ то время пришедше Новгородци В. Новагорода ушкунници, 70 ушькуевъ, и старѣйшина баше у нихъ Прокопъ, а другіи Смолнянинъ, и пришедше взяша градъ Кострому. Взяте же ихъ таково: прежде выидоша рѣкою Костромою на Волгу, и сташа ополчившися на брань, граждане же изидоша изъ града противу, събрашася на бой, а воевода баше у нихъ, то же и намѣстникъ, Плещеевъ. Новгородци же видѣвше гражданъ Костромичъ много, болѣ 5000, а самыхъ мало съ полторы тысячи, и раздѣлишася Новгородци на 2 части: одну половину отпустиша втай въ лѣсъ, они же ободоша около по можжеельнику и ударилшася на Костромичъ въ тылъ, а другая половина въ лице удари. Воевода же видѣвъ бывшее и убояся, нача бѣжати, ни самъ на нихъ ударилъ, ни рати своей повелѣлъ, но выдавъ рать свою и покинувъ градъ свой, подавъ плещи, побѣже къ Костромѣ; Костромичи же видѣвше то, и не бившися и побѣгоша, и мнози ту на побоищи побѣени быша и падоша, а друзи по лѣсомъ разбѣгошася, а иныхъ живыхъ поимали и повязали. Новгородци же видѣвше оставленъ градъ и небрегомъ, и нѣсть ему забороны ниоткуда же, и взяша градъ, и пограбиша его до конца, и стоявше въ градѣ недѣлю цѣлу и всякого сокровища изыскавши изнесоша, и всякій товаръ изъобрѣтше и поимаша; не все же товарное съ собою попровадилша, но елико драгое и легчайшее, а прочее тяжкое и лишнее множайшее въ Волгу меташа и глубинѣ предаша, а иное огнемъ пожгоша, и множество народа крестьянскаго половиша, мужей и женъ и дѣвицъ съ собою попровадилша, и отъидоша отъ Костромы. И шедше на низъ по Волзѣ, пограбиша Новгородъ Нижній, и много всякого полона взяша и градъ зажгоша. И поидоша на низъ и повернуша въ Каму, и тамо помедляша нѣкошко время, и по-

томъ выидоша Камою въ Волгу. И дошедше на низъ по Волзѣ града Болгарь, и тамо полонъ весь крестьянскій попродаша бесерменомъ, или костромекій или Нижнего Новагорода, жены и дѣвицы; и сами поидоша въ Насадѣхъ по Волзѣ на низъ къ Сараю, гости крестьянскіе грабляще, а бесермены бьюще. И доидоша на усть Волги близъ моря града нѣкогого Хазьторокана, и тамо избѣ ихъ лествю Хазьтороканскій князь, именовъ Салгій. И тако вси безъ милости побѣени быша, и ни единъ отъ нихъ не остана, а нѣніе ихъ все взяша бесерменове,—и тако ва бысть кончина Прокопу и дружинѣ егѣ.

(П. С. Л. IV, 71—72).

221. Поученіе избрано отъ всѣхъ книгъ до 1383 (1).

Прѣвие имѣйте братье страхъ божій въ срдци своемъ, тѣмъ бо можете въстягнутися отъ всякого зла. Къ церкви будете нелѣбниви, та бо есть оцщение грѣхъ нашихъ; въ церковь же вшедше стойте съ страхомъ, не бесѣдуя ни с книжъ же, и да и молчащимъ не будеша на пакость, но съ смиреніемъ стойте слушая пѣнія, и зриаа образъ божій и на св. иконы, поминнаа грѣхы своа, ащели бы умягчить Богъ сердце. А и слезы испустите о грѣсехъ своихъ, и да уподобитесь мытарю, а не фарисею. Болѣжь всего покаального (*духовнаго*) отца слушайте, кантесъ емоу по вся дни, исповѣдающе своа грѣхы, аще бо человекъ показался будетъ грѣхъ своихъ, ти единого не по-

(1) Поученіе это приписываютъ Павлу Высокому.

вѣсть грѣха, мнѣ малу вину, то и за то осужденіе прїиметь, якоже птица оувязнеть въ силѣ, аще не за голову, ни за ногу, а любо си за нозь, да иже ся трепещеть, да иже оумреть, такожь и тѣ человекѣ, иже оутантъ отъ отца духовнаго грѣхъ единъ. То тотъ будетъ тяжце всѣхъ. На попа дулы не прїемли ни заари его ни въ чемъ же... Но лучше аще кто хощеть ити къ нимъ и побесѣдовати о духовныхъ и о печали свѣта сего. То бо, сынове, бес печали суть, могутъ ны оутѣшити. Или что имаете погребно нести къ нимъ, то бо все въ руцѣ божіи влагаете. Но и паче князю своему прїайте всѣмъ сердцемъ своимъ и мечемъ своимъ и главою своею и не рци ему зла въ сердца своемъ, глаголетъ бо апостолъ Павелъ: вся владычества отъ Бога оучинена суть, и да аще кто противится властелемъ, то божію повелѣнію противится; а родителя же аще кто имѣеть, да чтитъ акы Бога,—тѣми познахомъ бо свѣтъ сей; поклоняйтесь имъ заутра и вечеръ и на ложе идя, аще бо человекѣ чтитъ родителя своего, то весь законъ есть, и тогда сынъ свободенъ есть, егда спрячетъ кости родителю своему. Братію такоже люби и весь родъ свои; потщивай по силѣ, бо святыи Іоаннъ Богословъ глаголетъ: своемъ, ти дасть имъ еже требуетъ, болѣ инехъ милостыня виѣняется предъ Богомъ. Рабы такоже водите въ наказаніи съ тихостію оучаще добрымъ безъ порченія и чти ихъ, да негдѣ ти имѣстятъ оу притчи (т. е. *при случаѣ*) аще ль не послушаютъ, то раны разумѣють что дати; яко божіи създаніе, но вамъ даны суть Богомъ на службу. На расхыщеніе чужаго имѣнія не буди готовъ, и отрокъ поучивай, да възмеша отне ния и ркутъ человекѣци: отъ благаго корене благаи прозябе плодъ. Рече бо Господь: въ нюже мѣру мѣрите, възмѣрится вамъ. А что сугъ оу васъ рабы и рабыни Богомъ даны вамъ на службу, тѣмъжь па-

кы достойно пенциса душами ихъ, отъ зла възбранати имъ и на покааніе приводити, а къ церкви понужати; вы бо есте игуменни домовъ своихъ. Аще ли кто безъ покаянія оумреть оу васъ или не крещень, то вамъ отвѣщати за душу ту предъ Богомъ. Другы же оубо какы имѣете собѣ и свѣтвики, иже не ася глаголемаа вами хвалать, но судомъ божіимъ тщается отвѣщати; то бо суть не друзи, иже аще вы душевредное слово рчете и они похвалать, но то суть ласкавци свѣта сего, а душамъ губители. Почтите же са на то, еже желати имени вашему на святыхъ трапезахъ поминаемы іереи къ Богу, велико бо есть о семъ разумѣти. Аще человекѣ который имѣеть тяжю съ кымъ, якоже повти ему къ князю на дру, колма молится вамъ близъ князя будущимъ и надитъ вы, да бы оправилъ отъ тяжи; кольми паче князь іерѣи молится къ небесному царю, къ немуже имѣемъ бесчисленныя грѣхы. Всего же паче гордости не имѣйте въ сердца, ни въ оумѣ..... Всего же агѣ, еже преступите крестное цѣлованіе, или ино реченіе, се бо видѣ Захаріа пророкъ серпъ огненъ летяще съ небесѣ по тѣхъ, иже ходять по криву ротѣ, да пожнетъ я в племя ихъ, а душа ихъ огню предасться вѣчному. Нампаче оубогыхъ не забывайте, но по силѣ колько мога корми и одѣвай. И творя же милостыню, егда како будеша неправдою са прїобрѣтъ, неправедная милостыня подобна есть сему: яко бы отецъ зрѣлъ, егда сына зарѣзываютъ, коль ему зло,—также и Богови на неправедную милостыню зраще. Да лучше бы отъ праведнаго, аще и мало. Якоже она вдовица двѣ медници въвергши, болѣ всѣхъ похвалена бысть. Человекѣ же не мѣни непривѣчавъ. Не стыдися честнѣйшимъ себѣ главы своа преклонити. Не лѣнися съ вятшимъ стояти, то бо все въ честь Богу творити.... Нампаче больнаго посѣщай, не брани емоу ничтоже отъ дому твоего, аще что въспро-

есть питья или яденія. И къ темниці дожди, вждь бѣдоу ихъ и стонаніе ихъ. О колико си страждють отъ земныхъ властелей за единъ спудъ, а друзи оболганы, а мы что створимъ егда предстанемъ предъ царемъ небеснымъ, имоуще тьмами грѣхвъ? Всегоже паче ищите любовь къ великимъ и къ малымъ, рекше съ богатѣмъ и съ оубогымъ, лицемѣрна бо есть любовь, оже богатаго любите. Егда творити пиръ и зовеша князя и вельможа и ближніи, то добро; но зови и оубогыи колико мога снѣтъ, да обою мзду не лихъ будеша.... А раннего питія и яденія бѣгаи: аще человекъ рано оупивается, то весь день емоу ночью. Блюди же ся душегубства, иже есть тяжко вельми. Аще человекъ оу человека погубить злато, то ино въ то мѣсто обрящеть, то за то емоу выйти въ муку;—а оже человекъ погубить душу, то гдѣ иноу въ того мѣсто обрящеть? ащель хочете искати ея, то чѣмъ ѡ можете обрѣсти? или покааніемъ крѣпкимъ и слезами и алканіемъ и поклонны и милостынею? душегубства жъ разни суть: не то едино еже оубити человека, или раба, или оубога, и они отъ нужа погубить ся или бѣжать въ поганья... На нашии жъ коунъ не дай отъинудъ св. бо апостоль Павелъ лихонца съ блудникии вѣннеть. Зависти жъ и ревности бѣгаи. Не мози порадоватися, егда найдеть на друга печаль, но больма поскорби съ нимъ и оутѣши его, св. бо писаніе глаголетъ: съ веселящимися весели, и съ плачущимися плачи. А молчаніе любви, глаголетъ бо премудрость Соломона: въздержай языкъ свой испустити жестоку разумъ. А жи блюдитеся, и самъ бо вѣси, яко исперва сатана солга Евгъ и весь родъ человекъ смерти предасть.

(Журн. Мин. Нар. Пров., 1854 г., 12. стр. 184—190).

222. Слово старца о пьянствѣ XIV в.

«Какую муку мы примемъ, живя во *лѣнотѣ* и *лѣнѣ* въ церкви, и пропивая вечерню и заутреню и часть молитвы! Что дѣлаешь, человекъ, безчинно и скародно живя, и любя правы язычниковъ! И пьянство—веселье язычниковъ, а христіанамъ когда отобѣдать, тогда и *отпять*. А ты сидишь весь день забавляешься *питьемъ*, ничего не дѣлая въ пользу ни души, ни тѣлу, но все продавая за питье, и томя душу и тѣло. По истинѣ удивительно: одинъ часъ употребить на пишу, а весь день погубить на пьянство! Мнитса мѣт, что и безсловесныя звѣри и скоты, не вѣдающіе Бога, не чающіе суда, не ищущіе жителскихъ дѣлъ и во всеиъ праздные, и тѣ смѣются надъ нами, и если не говорятъ словомъ, то мысляю: мы бессмысленны, а вѣдмъ и пьемъ въ мѣру; а люди все не сыты; точно у нихъ одна утроба на питье, а другая на пишу! И какъ они не устанутъ *пьючи*! И льютъ вино, будто въ утлую сосудину, пока мѣсть възбѣется отъ пьянства. Двоинко бываетъ пьянство. Одно пьянство даже хвалятъ многіе, говоря: то во пьяница, коли ушьется да ляжетъ спать; а то пьяница, когда толчется и бьетъ, и сеорится, и ругается. Я же покушаюсь указать, что и кроткій, когда ушивается, согрѣшаеть, хотя бы и спать легъ; и недоумѣваю, къ чему его прировнять! Скотиной ли его назову, но и того онъ *скотиле*, звѣремъ ли его назову, но и того онъ *звѣрле* и неразумнѣ. Ибо кроткій пьяница, какъ болванъ, и какъ мертвецъ, валяется, и много разъ осквернившись, смердитъ. И когда кроткій пьяница въ святой праздникъ лежитъ безъ движенія, расслабивъ свое тѣло и налившись по горло; люди богобоязливые услаждаютъ тогда въ Церкви свои сердца божественнымъ пѣніемъ и чтеніемъ, и будто на небеси предствотъ передъ самимъ Госце-

демъ Богомъ: а тотъ и головы своей не можетъ возвести, отрыгая отъ многого штыя, ни чѣмъ не отличаясь отъ поганого язычника. — И такъ да умолкнеть говорящій: хоть и ушьюсь, но не сотворю лиха. — Видишь, сколько ты творишь лиха, пропивая праздники.

(Рус. Вѣсти. 1856 г. № 13, стр. 15).

Переводъ Буслаева; см. тамъ же и подлинникъ.

223. Слово о Челади до 1400.

Чада моя милая, еще вы глаголю: челядь свою кормити, якоже досыти имъ, одѣвайте, обувайте; аще ли не кормите, ни обуваете, а холода твоего убьютъ у татбы или робу, то за кровь его тобѣ отвѣщати. Тѣмъ же набдите сироты своя во всешь и учите ѿ на крещенне и на покаянне и на весь законъ божии; ты бо еси яко и аностолъ дому своему, кажи (учи) грозю и ласкою; аще не учиши, то отвѣтъ въздаси за то предъ Богомъ. И Аврамъ бо научи своихъ домочадець 318 всему добру закону и добру норову. Страхъ бо божии приимше не опечалятъ на старость тебе; аще ли тебе не послушаютъ ни мало, то лозы нань не щади, якоже Премудрость божии глаголетъ до 4 или 6 ранъ или за 12 ранъ. Аще ли рабъ и рабыни не слушаетъ и по твоей воли не ходити, то за года (заблаговременно) лозы нань нещадити до 6 ранъ и до 12; аще ли велика вина, то 30 ранъ лозю, а болѣ 30 ранъ не велимъ. Да аще тако кажеша ѿ и добръ одѣваеша и кормиши, то благъ даръ приимеша отъ Бога...

(Ист. Христ. Буслаева, 480).

Тамъ же (480) см. объ отношеніи главы семейства къ челядинцамъ.

224. Нравственный идеалъ князя.

Посла царь (Азъясъ) во Тверь, призва (князя) Александра къ себѣ, и убивъ бысть во Ордѣ и з сыномъ своимъ Феодоромъ; другому же сыну его кн. Миханлу младу зело 9 лѣтъ сушу, и иде в Новгородъ ко отцу своему крестному Василью архиепископу Новгородскому грамоте учитись. Онъ же даде его протодьякону своему, мужу богобоязливу и христолюбиву грамоте учити, и всему духовному наказанию и закону христьянскому; и вскоре отрокъ грамоте изучись, и духовному любомудрію и закону, и в церкви всегда обреташесь, дѣтцихъ же игранни и глумленіи отлучашесь, но всегда божеств. писанию прилежаше, и мужей мудрыхъ и благихъ бесѣдамъ внимаше, паче же отца своего крестнаго и духовного Василия владыки поученне и наказание приемляше, и сими наслажашесь и шиташесь. Егда же сяде на отчинѣ и на дѣдине своей на в. княженіи Тверскомъ, тогда божиею благодатию сынове тверстии многа благая восприяша: бѣ бо мужъ боголюбивъ и челолюбивъ. Во дни убо княженія его разбоиницы и тати и ябедники пачезоша, и корчемники, и мытари, и торговыя злыя тамги изстребишась, и насилванне и грабленне нигдѣже обрѣташась, но вси блху в тихости, в кротости и в смиренніи, и любви. Понеже убо сей князь всегда шия божие во устѣхъ шиваше, и славу Богу возсылаше, святители почиташе, и ерен и иноцы любляше и чтяше, церкви создаше и украшаше и удоволяше, вся печальныя утешаше, люди отсюду собираше, грады тверскія утверди, враги молитвою и милостынею обзе устраши и оружемъ победи, его же именемъ сынове Тверскіи

хвалялся; нищихъ милуяше и питаяше, обидимыя избавляше, болныя посещаше, алчущая кормяше, жаждущая напояше, нагая одеваше, к злымъ страшень и аръ бываше, к добрымъ же милостивъ и тихъ бываше, духовныя бесѣды любляше, севернословия и срамословия ненавдяше, божественная писания прочиташе и сими наслажашесь и внимаше и послушаше чтущихъ прилѣжно со вниманіемъ, ратное художество отвсюду навыцаше и в сихъ искусенъ бываше, и мужественъ и крѣпокъ и страшень супостатомъ; отчину свою крѣпко соблюдая отвсюду, и всѣмъ яко отецъ чадолюбивыи бываяше, ношпаче же сватителя яко самага Христа почиташе; толикожѣ милостивъ бѣ на иноческми чинѣ, якоже многажды любезне со слезами лобызаше ихъ, и крѣпкимъ желаніемъ сердца zelo радуяся предстояше яко ангеломъ божинимъ; сице же и священники, зовише ихъ князеи царевыхъ, яко тѣмъ глаголаше великия-слуги божия и честнѣе насъ суть; обаче же много неизреченно благоправие показа, и к Богу велию вѣру в дѣлахъ стяжа, образъ добръ оставя всѣмъ княземъ хотающимъ властвовать на земли. Тѣмъ же и Господь Богъ возлюбилъ его и многа благая дарова ему, и славою и честію венча его, и в странахъ прослави. (Ум. 1399 г.).

(Никон. Лѣт. IV, 287—288).

См. о преставленіи в. кн. тверскаго Михаила (П. С. Лѣт. IV, 559). Тамъ разсказывается, какъ князь постригся передъ смертію, что считалось большою нравственной заслугой и залогомъ спасенія

225. Убіеніе Юліанія Вяземскій

Той же осени (1406) князь Юръ Святославичъ Смоленскій приде изъ Но-

вогорода на Москву, и бѣ челоюитъ вел. кн. Василью Дмитреевичю въ службу, и князь велики дасть ему половину Торжку (памѣстничество въ Торжку), а другую половину князю Семену Вяземскому. И узви въ сердце діаволъ Юръ плотнымъ похотѣніемъ на княгиню на Сменову (на подружіе служащаго ему Сменю на Мьстиславича); взять бо на ложе ту княгиню его Ульяну, хотя быти (жмьжмъ) съ нею; (она же предобрая мужелюбца мужески воспротивися ему); онъ же ляже съ нею, она же вземши ножъ удари его въ мышку (на ложу его). Онъ же возъярися (вскорь самъ) уби князя ея, а ей (самой) повелѣ отсѣсти руки и ноги и воврещи въ рѣку. (И бысть ему въ грѣхъ и въ студъ великъ, и съ того) сбѣжа самъ къ орду, но могій трѣпѣти срама и горькаго безверемья и безчестія и студа.

Сентября 14 (1407) преставися кн. Юрій Святославичъ Смоленскій, не въ своей отчинѣ, но на чужей странѣ въ изгнаніи, а своего княженія лишень и своей княгини и своихъ дѣтей, но въ Рязаньской Земли въ пустыни въ монастыри у нѣкоего Христолюбца игумена Петра; и ту нѣсколько дній поболѣ и скончаша, (и проводиша его честно), и погребень бысть ту.

(П. С. Лѣт. IV, 109 — 110, VI, 133—134, VIII, 81).

Сказаніе о Юліаніи Вяземской см. Житіи св. Рос. Церкви, Декабрь 161—164. Идеальный типъ древне-русской женщины см. въ Сказаніи о Петрѣ и Февроніи Муромскихъ,

226. О началѣ Колоцкого монастыря.

Въ лѣто 6921 (1413) правящу тогда скипетромъ царствія Рускаго, благочестія держателю, христолюбивому в. кн. Васц-

лю Дмитріевичу, бысть во области брата его кн. Андрея Дмитріевича въ предѣлахъ града Можайска, яко 15 поприць, есть мѣсто Колоча зовомо, идѣже живаше нмѣй вѣкій человекъ просто, посаженнъ земледѣлецъ убогъ, именовъ Лука; и той нѣкогда хождаше въ лѣсъ близъ живища своего, и видѣ на нѣкоемъ деревѣ Икону со двѣма затворы стоящу, на ней же написанъ образъ пречистыя Богородицы, держащи на рукахъ пречистаго младенца Господа нашего І. Христа; на единомъ же затворѣ быше образъ божія ревнителя и великаго пророка Іліи, и на другомъ затворѣ такоже образъ великаго чудотворца и святителя Николы. Лука же пришедъ дерзну взяти съ поклоненіемъ св. ту икону, юже вѣрою многою любезно цѣловалъ, и постави ю у своя нивы на деревѣ, на мѣстѣ просто и небрегомъ. И приде нмѣй вѣкій человекъ такоже убогъ, и взятъ ю оттуду. Лука же шедъ умоли его, и давъ ему хлѣбъ овсянъ, и пакы взятъ къ себѣ св. ту икону и принесе въ домъ свой. Въ дому же его быше человекъ расслабленъ, лежаше многа лѣта, ему же Лука сказа подробно вся, како обрѣте св. ту икону. Онъ же удивися, и моляше его, яко допринесетъ къ нему икону тую. Лука же принесе къ нему. Расслабленнѣй же вѣрою утвердися, и знаменася по чашѣ и по очима и по устамъ образомъ божіи Матере, и въ той часъ здравъ бысть, яко николяже болѣвъ. И сіе слышашо бысть отъ всѣхъ, иже тамо живущихъ людей, и стекошася мнози, и принесоша болящая различными недуги, и вси здравы быша. И тако начашо обрѣту приносити множество иждужимъ и расслабленныхъ, и исцѣлевахуся. И оттогда многа чудеса бесчисленна бываху въ дому Лукинѣ отъ образа пречистыя Богоматери. И того ради вси людие начаша Луку чтити яко пророка, или яко апостола. И тогда Лука вземъ чудотворную ту икону Бого-

матери, и повесе ю преже по граду Можайску. И нмѣде во срѣтеніе самъ благоговѣрный кн. Андрей Дмитріевичъ и съ болары своими, и со всѣмъ народомъ града отъ мала и до велика. И быша чудеса многа отъ иконы Богоматери. Тамъ оттуду приде Лука со иконою къ Москвѣ, и срѣтоша ея самъ пресвященнѣйшій Фотій и-тъ всея Русіи и со епископы и со всѣмъ священнымъ соборомъ и со кресты, такоже и князи и княгини и чады ихъ, и боларе и воеводы и вси вельможи, и все народное безчисленное множество. И быша чудеса бесчисленна, слыши прозрѣху, хроміи хождаху, расслабленіи возстаху, нѣмніи глаголаху, глухіи слышаху, и всякимъ недугомъ одержиміи здрави бываху, и толпы бесчисленна и неизреченная тьмами темъ безирестани тогда чудеса быша, яко ни умъ человеческій не можетъ взрещи. И хожаше Лука отъ града во градъ со иконою божіи Матере, отъ нея же веждѣ неизчетнаи чудеса содѣвахуся, и вси даху многу милостыню Луцѣ. Онъ же аще и просто человекъ быше и послѣдній-поселенинъ, но обаче добродѣтель законную имаше въ себѣ, и возвратися въ Колочю въ свое пребываніе, и шѣ съ собою чудотворной образъ Богоматери, ея же милосердіемъ много и бесчисленно богатства собра, и церковь постави во ния пречистыя Богородицы, въ ней же и чудесную ту Икону Богородичну постави, идѣже нмѣесть монастырь Келочскій. И себѣ же дому своимъ удивленъ якоже княжескій, въ немъ же храмы свѣтлы и велицы, и мнози рабы и рабнии прѣтѣла; и отрона предстоица ему, и предтекущая свѣтлыми одежамъ обочени, и трапеза его многа драгѣи брашна отъ тука (*свиры*) и мѣсти (*мѣсла*) исполнена, и многа птицъ благоуонаго, и всегда въ печи и въ плитѣ вселяшася со служащими своими, и ловящася со птицами и жсы, и медвѣди ухащяся, таковыи поборными ловящими

утиху немалу себѣ притворяя. И тако Лука отъ прешрости въ суровство прешрѣнися, и нетокмо вельможамъ и властельцамъ и сановникомъ сопротивенъ явланесе, но и самому кн. Андрею Дмитриевичу жестокъ и непокоренъ бываше, еще же и ловы дѣющихъ на князя, бѣяше ихъ и грабляще, соколы же и ястребы княжѣмъ къ себѣ взимаше. Князь же вся сія терпаше пречистыя ради Богородица. Человѣколюбивый же Богъ, иже судьбами своими всѣмъ хотя спастися и въ разумъ истинный принти, тако и сего Луку не прарѣ, въ нечувствіи пребывающа; но преже конца на покаяніе обрати его свидевымъ образомъ: Нѣкогда бо ловчій князь Андреевъ улови медвѣдя люта, и везаху его въ ларѣ имно дворъ Лукинъ, ео же узрѣ Лука, и повелѣ медвѣдя тогъ пусготити изъ ларя на своешъ дворѣ; медвѣдь же выпущенъ, и самого Луку достигши смяте, и еле жива отняша его. Князю же увѣдавшу сія, и въ той часъ самъ потщася скоро принти отъ града, и посѣтити его, и видѣ его едва дышуща, и глагола ему: «О како неразумѣлъ еси себѣ человекѣ! видя, како ти прослави Богъ чудотвореніемъ отъ божественныя иконы пречистыя Его Матери, и почто о суетныхъ потщася еси, и вдался еси на ширекія позоры и глумленія и піяства, и къ неполезному житію шель еси; и того ради свце тебѣ и случися таково искушеніе, да неуповаши на множество богатства, но Бога помощника имѣа възидени и нехота пути спасеннаго». Лука же яко отъ сна возбнувъ и въ чувствіе прииде, раскаяся о не потребномъ житіи, и плачася со слезами горцѣ рыдал, и моляше князя, «да сотвори съ нимъ милость, и богатствомъ его промыслить, яко богоугодно и пречистой Богородицы, и еже на пользу душъ его тако да устроить». Князь же Андрей Дмитриевичъ боголюбивъ сый, ни мало не закосѣ, но вскорѣ таковымъ его безчисленнымъ бо-

гатствомъ монастырь постави пречистой Богородицы, глаголемый Колочскій, и дѣже церковь преже поставлена бысть, въ ней же и чудотворная бѣше икона божіи Матери, отъ нея же многая чюдеса содѣхуса и до сего дни. Тогда же въ томъ монастыри Лука пострижесе во иноческій образъ и поживе въ немъ нѣколко лѣтъ во умиленіи и въ слезахъ и въ покаяніи, дондеже и преставися о Господи. Въ монастыри же томъ и донныѣ сотворяетса празднество Явленіе честнаго того и чудотворнаго Богоматери образа и. іюля въ 9 день. Молитвами пречистыя Твоея Матери и св. святителя Николы Мирликійскихъ чудотворца, и св. и славнаго Пророка Иліи и всѣхъ святыхъ твоихъ, Христе Боже нашъ, помилуй насъ, аминь.

(*Степен. кн. изд. Миллеромъ 1775 г. I, 566—568*).

Степенная книга составляетъ летописный сборникъ, расположенный по степенямъ или родамъ князей. Отъ св. Владимира до Иоанна Вас. IV считается 17 степеней, да упоминается о трехъ степеняхъ отъ Рюрика до Владимира. Степени идутъ отъ отца къ сыну, правнуку и т. дал. по нисходящей линіи. Миллеръ начало составленія «Степенной книги» приписалъ м-ту Киприяну, но неизвѣстно на какомъ основаніи; скорѣе она составлена при м-тѣ Макаріи (ум. 1564 г.), какъ и Четь-Миней; потому послѣ него была дополняема. Въ началѣ на событія въ этомъ сборникѣ религіозный и на первомъ планѣ изображаются лица и событія, имѣющія ближайшее отношеніе къ церкв.

227. Неповѣданіе ростова. архіеп. Феодосія 1455.

Язъ смиренный Феодосій, архіепископъ ростовски и ярославски, подіаволю искушенію, а по своему скудоумьству, или истиннѣ рещи, по невнимательству, поче же и по мѣтѣлству, дерзнухъ сотвори-

ти новоначалство въ церкви божіей и безчинство, сопротивно божественнаго и священнаго правила, преданнаго божіимъ церквамъ св. апостолы и богоносными св. Отцы, и чрезъ установленное узаконположеніе въ св. уставѣхъ, Іерусалимскомъ же и въ Святыя Горы, и въ Студитовѣ и въ прочихъ иныхъ уставѣхъ, писаннаго и сице реченнаго: «Яко аще прилучится, рече, на вечеріе Рождества христова или Богоявленія господня въ субботу или въ недѣлю, то не повелѣно вамъ инокомъ разрѣшити на сырѣ и рыбу, а мѣрскимъ на мясо, но повелѣно, по отпущеніи литургія, нѣчто мало причаститись, скудно отъ пища; по вечернѣмъ же отпущеніи, ясти совершенно, но постное яденіе, яко же тамо пишеть, а не сырѣ, ни рыбу, ни мѣрстѣи человекѣи мясо.» По прилучяго же, яко же нынѣ прилучися седмыя тысяща послѣдняго ста 63 го лѣта, индикта третьяго, на вечерію Богоявленія господня быти въ день недѣльный; азъ же смѣрѣнный и худый, грѣшный, повелѣннаа по уставу церковному о пѣвнѣхъ литургійныхъ и вечерныхъ свершивъ и сѣдохъ за трапезою, и не вѣиъ, какъ по искушенію діаволу, или по своему грѣху, вѣиъ ми ся тако, яко да и самъ ямы сырѣ и млеко и рыбу, и прочимъ инокомъ повелѣлъ тожъ яденія ясти, и мѣрскимъ человекомъ мясо. Мнози же прилучившася тогда ту, отъ священниковъ и иноковъ, и отъ мѣрскихъ благоразумныхъ человекъ, много возбраняху митакowychъ не творити; азъ же, объятъ діаволскимъ ускушеніемъ, а своимъ грѣхомъ, непослушахъ ихъ, ни внимахъ глаголамъ ихъ, и отвѣцахъ имъ токмо едино рѣчью, недѣльнымъ днемъ, не ставя собѣ грѣха. И тако сотворися мною грѣшнымъ таковое новоначалственное въ церкви божіей алое безчинство. Господинъ же нашъ и осподарь, и общій отецъ и пастырь и учитель нашъ Іона м-тъ кievскій и всеа Руси, по своему святитель-

скому долгу, попеченіе имѣя о многогрѣшной моей души, что быхъ въ вѣкы душею не погнѣтъ, ни въ безконечныхъ бы вѣчныхъ мукахъ въ адовѣ пропасти не былъ, да собравъ о собѣ божественный и священный съборъ, о св. Душѣ своихъ сыновъ и сослужебниковъ, руськіа митрополю епископовъ, суждалскаго епископа Филиппа, рязанскаго Евросима, коломенскаго Геронтія, и архимандритовъ, и прочее священство, (собесѣдоваше же тогда съ ними, на томъ священномъ Соборѣ, и в. государь земскій, в. кн. Василей Васильевичъ всеа Руси съ своимъ синьклитомъ), да и по меня по грѣшнаго и по грубаго послали; и возря въ божественная и священная правила и во уставленна отъ закона положеннаа писанія, да мене смѣрѣннаго отъ святыхъ своихъ ученій духовнѣ много наказали. Азъ же грѣшный Теодосіе, пришедъ въ чювьство и поуразумѣвъ свой злымъ грѣхъ и свое преступленіе, и отъ усердыства всею душею со многими слезами покаяхся, и каюся, и до конечнаго издыханія имѣю каатися о томъ о своемъ сотвореномъ злѣмъ новоначалствѣ, и прокляхъ его и прокланяю, и имамъ прокланяти его и до своего исхода; а вѣрую въ Троицу, въ Отца и Сына и св. Духа, въ не же и крещеніе пріяхъ, потомъ же иноческій образъ, и священническій чинъ, и святительскій великій санъ пріяхъ, и о томъ преданными церкви божіей божественными и священными правилами и св. узаконположенными писаньи укрѣпляюся, и почитаю о всемъ и облобызаю ихъ, и въ томъ пребываю и до скончанія своего живота. А черезъ то преступлю ли что или словомъ, или ученіи, или дѣломъ, или въ смущенъ кому буду чинъ, отъ сего времени, въ вѣрѣ черезъ божественная и священная правила и черезъ уставное узаконположеніе; и та святая правила меня грѣшнаго и осудятъ, по мови дѣломъ, въ страшный и грозный и судный

день второго Христова пришествия. А сію грамоту азъ сивирскій Феодосіа, архієпископъ ростовскій и ярославскій, самъ на себе написася.

(А. Истор. I, № 57.).

О почитаніи среди и папшии въ древ. Русскія. Прав. Собор. 1859. I, 181.

Указаніе на чурты правотъ и обыкновѣ древнѣхъ можно найдти еще въ сѣверныхъ странахъ

той страны: Объ Андрей Паромовича, о пѣтихъ Печенѣгахъ (малко). О знаменіи и иконостасѣ св. Владиміра св. сына Владиміра и № 138 ономъ. Въ древнихъ Уставныхъ говорится о государственномъ порядкѣ того времени; въ славѣ о иконостасѣ и въ поученіи Сергіяна указано на иконостасъ противъ рабы. Бытъ иконоскій отчисти изображеніе въ Писании Мискоора до 1121. О иконостасѣ православной земли можно читати въ Славѣ Феодосіа о иконостасѣ, въ Славѣ Христовѣ, въ Славѣ Н. Кириллы 1274 и въ поученіи 1280 г. О иконостасѣ во время войны св. Бороба св. Тодрама 1572 и 1575 г. и проч.

Б. ПРЕДАНИЯ И ПАМЯТНИКИ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ.

228. Объ образѣ Спаса.

Въ лѣто 6583 (1045). Заложилъ в. кн. Владиміръ Ярославичъ, а внукъ в. кн. Владиміра Кіевскаго и всея Росіи, крестившаго Рускую землю, въ В. Новѣградѣ церковь каменную св. Софіи, при второмъ епископѣ Луки; а дѣлалъ ю 7 лѣтъ, и устроиша вельми прекрасну и превелику; а въ то время служили во краиѣ св. праведныхъ Богоотецъ Іоакима и Анны. И устроиша церковь приведоша иконныхъ писцевъ изъ Царяграда, и начаша подписывати во главѣ, и написаша образъ Г. Бога и Спаса нашего І. Христа со благословляющею рукою. Воутри же день видѣ ешъ Лука образъ господень написанъ на благословляющею рукою, иконописцы же писаша по три утра, и на четвертое утро гласъ бысть отъ образа господня иконнымъ писцемъ, глаголюпъ: Писари, писари, о писари! не ийдите мя благословляющею рукою, напишите мя сжатою рукою, азъ бо въ сей рудѣ моеи сей В. Новградъ держу; а когда сія рука моя распространится, тогда будетъ граду сему скончаніе.—Мѣра тому Спасову образу: отъ вѣнца до пояса подѣ—4 сажени, а около вѣнца 43 пяди, носу длина полъ — 4 пяди, устнѣ

полторы пяди, устнѣ полторы пяди, очи полъ — 2 пяди, рука святая длань 6 пядей, а протертая длань 8 пядей, подпись — Исусъ Христъ — по 14 пядей; архангелы и херувимы надъ окны написаны стоящи по 16 пядей, а пророцы написаны промежъ оковъ стоящи по 18 пядей мѣрныхъ; а внутри главы кругомъ, гдѣ окна, 12 сажень; отъ Спаса образа ото лбу до носту церковнаго 15 сажень мѣрныхъ. А писали Спасова образа годищное время и боги.

(И. С. Лѣт. III, 211).

Другой списокъ см. «О малокъ. и иконостасѣ». IV, 98.

229. О Иконописцѣхъ монастырѣ.

Повѣдаше нѣкто отъ честныхъ отецъ е. просеорѣ, и о церквахъ пресв. владыцъ напшея Богородицы, яже естъ на Молотковѣ въ монастырѣ, въ В. Новѣградѣ, на Торговой Стронѣ. Сиде убо бысть: Мужъ нѣкто отъ благочестивыхъ обычаѣ ивѣнше отъ дѣтства, по вся дни, приходити въ церковь ко всякому пѣнію церковному, тамъ по отиѣтии прѣша-

ше дору (просеиру) и хлѣбъ пречистыя, по
обычаю, отъ священника; тоже творише дору
и хлѣбъ Пречистыя по обычаю по отъяденіи
обѣда; аще ли прилучится гдѣ священникъ,
звимаеъ отъ него часть Пречистыя хлѣба,
Званъ же бысть нѣкогда той благочестивый
мужъ отъ нѣкихъ анаемыхъ ему на пирь, и
яко же по обѣдѣ раздаваше священникъ Пре-
чистыя хлѣбъ взять же и онъ благовѣрный
мужъ часть Пречистыя хлѣба: и яко восхотѣ
снѣсти, поману нѣчто нечаянное сотворишее-
ся ему въ дому, и того ради не яде хлѣба
оного, но связавъ въ платъ, хотя снѣсти завтра.
Таже сѣлъ ясти и пити съ людьми на пиру
ономъ, и якоже бысть веселъ, поиде въ домъ
свой; далече же бяше, и не дошедшу ему двора
своего, рознялъ хмѣль его на пути и сонъ, и
ляже на пусте мѣстѣ. Спяще же ему, людѣ же
блжкѣ назираху его изъ домовъ своихъ, когда
возстанеть; оному же слышашу крѣпко. Случи-
ся же плату оному въ рудѣ его быти, въ
немъ же хлѣбъ Пречистыя; приступиша къ
нему пси діаволимъ новажденіемъ, ощутивше
хлѣбъ той; и яко хотяху исторгнути отъ ру-
ки мужа оного хлѣбъ онъ, и абіе палише ихъ
огнь, и многыжды повуссвишеся пси присту-
пннѣ къ хлѣбу Пречистыя, огнь палише ихъ.
Выдѣвше же мужи мѣста оного, прятяше от-
гнаша псовъ, и мужа оного возбудиша отъ
сна; онъ же повѣдаше всѣмъ сіе бывше чудо.
Они же слышавше удившася велии, и повѣдоша
архіепископу. Онъ же повелѣтъ поставити цер-
ковъ пречистыя Богородицы честнаго ея Рож-
дства, таже и монастырь составиша на томъ
мѣстѣ, яже и донныя стоятъ божіею мило-
стію и молитвами пречистыя его Богоматери;
а на томъ мѣстѣ, идѣже огнь сжодаше, по-
ставиша св. трапезу, въ славу и честь св.
Живоначальныя Троицы и пречистыя его Бо-
гоматери.

(III. Нов. 218, годъ 1498 г.).

230. Стихъ о страшнѣмъ судѣ.

«Охъ ты матушка, владычица,
Дѣва Марія Богородица!
Ты велишь намъ, матушка, въ рай зойти,
Намъ въ рай зойти, во царство небесное?
Речеть имъ матушка владычица
Своимъ громнымъ голосомъ:
—Подите вы, души праведныя,
Подите вы, души спасенныя!
У меня про васъ растворенный рай стоитъ,
Изготовлены про васъ ризы немзносимыя,
(Пшца райская не тѣлная);
Буде мало вамъ покажется,
Возложу я на васъ золотыя вѣнцы;
(Буде мало вамъ покажется,
Свѣтлы ризы вамъ сошью
И со ангелами сошлю;

Буде мало вамъ покажется,
Золоты нарушни сошлю
И со ангелами сошлю);
Буде мало вамъ покажется,
Поставлю я вамъ въ рай престолъ;
Буде мало вамъ покажется,
Ужъ я дамъ вамъ въ рай свою волю,
Ужъ вы жили—были на вольномъ свѣтѣ,—
Вы охочи были ходить въ божіи церкви,
Вы охочи были Богу молитися,
Вы заутрени не просыпывали,
Обѣдни въ обѣдахъ не прообѣдывали,
Вы вечерни на улицахъ не проигрывали,
Вы на исповѣдь къ отцамъ духовнымъ хаживали,

Вы грѣховъ своихъ не утаивали,
Святыхъ таинъ вы принимали.—
Восплакнутъ же души грѣшныя:
—Охъ ты матушка, владычица,
Дѣва Марія, Богородица!
Не можно ли насъ проститъ грѣшныхъ?
—Стойте отъ меня прочь, души грѣшныя,
Души грѣшныя, проклятыя,
Проклятыя, беззаконныя!
Ужъ вы жили—были на вольномъ свѣтѣ,—
Вы не охочи были ходить въ божіи церкви (!)
Вы воли господней не творили:
За хрестъ, за молитву не стояли,
Вы другъ друга не любили,
Отца съ матерью не почитали;
Слѣсивые были, гордые, немилостивые,
До нищихъ, до убогихъ не подопляивые;
Были у васъ суды неправедные,—
Виноватаго—ставили правыхъ его,
А праваго—ставили виноватымъ его,
Брали они съ васъ злато и серебро,
Больше того—чистаго земчуга,
Копили себѣ казну неисчислимую,
Клади казну во сыру землю;
Не шѣли вы ни середу, ни пятницу,
Ни св. трѣхдневнаго воскресенія,
Святыхъ годовыхъ честныхъ праздниковъ,
Вы постовъ, вы молитвъ не знавали,
Поповъ и дьяковъ ни вочто чли,
Земляныхъ помлоновъ не клыдали;
Заблудящимъ дороги не показывали
И вы мертвыхъ во гробахъ не проваживали;
Колокольнаго звону вы не слышали,
Пѣтя церковнаго вы не понимали,
Чтанья господня не перенимали,
На божій престолъ свѣчей не принашивали;
Дьявольскія промышленія
Вы всегда помышляли;
Вы въ гусли во саврѣли играли,
Скакали, плясали,

(!) Далѣе говорится то же въ противополож-
ность, что было сказано праведникамъ. За глѣшны
представляють пороки, за которые осуждается душа
въ адъ, по народнымъ понятіямъ, нѣтъ кругихъ за-
риватовъ. Почти всѣ они оказываются преступленіе-
ми противъ дѣлъ вѣтшнаго благочестія и милосердія.

Все ради его, ради дьявола! —
Прогоню я васъ, проклятыихъ,
За три горы за Сионскія:
Тамъ огни горять негасимые;
Пропущу я васъ сквозь матушки сырой земли,
Засыплю я васъ матушкой—землей,
Закладу я васъ камнями горючими,
Завалю я васъ плитами желѣзными,
Чтобы крику и зыку отъ васъ не слышатъ.

(Калыки. 3. 159—161).

231. О муромскомъ князѣ Петрѣ и супругѣ его Варварѣ.

Бѣ убо в Роусийстей землѣ градъ, нарицаемый Муромъ, в немже бѣ самодержавствуйи благовѣрный князь, повѣдаху, именовъ Павелъ. Искони же ненавиди добра роду человеческому дьяволъ и всели неприязнена летища змѣя к жей князя того на блудъ. И являшеся ей якоже же бѣше естествомъ, приходившимъ же людямъ являшеся своимъ мечты, якоже князь сѣяше с женою своею; тѣмъ же мечты мнози времена преидоша; жена же сего не таяше, но повѣдаше князю своему вся приключившаяся ей; змѣй же неприязнивый осилъ наднею Князь же мысляше что змиеви сотворити, но не доумѣяшеся; и рече жей своей: мысляю, жено и не доумѣюся что сотворити неприязни тому: смерть убо невѣмъ какъ нанесу нанъ; аще глаголетъ къ тебѣ какова словеса, да воспросиши его лестию о семъ. Вѣсть сей неприязненный духомъ своимъ отъ чего ему смерть хочеть быти; аще ли то увѣси и намъ повѣдаеши, сама свободишися не токмо в нынѣшнемъ вѣдѣ злаго дыханія, и сепения, и всего скаредия, его же смрадъ есть и глаголати, но и въ будущий вѣкъ не лицемѣрнаго судию Христа милостива себѣ сотвориши. Жена же, мужа своего глаголь въ сердце си твердо приимиши умысли во умѣ своемъ добро тако быти.....

Во единъ же отъ дни неприязнивому тому змию пришедшу к ней, она же добру память при сердца имѣя, глаголь с лестию прилагаетъ к неприязни той глаголы многія и иныя речи и по сихъ почтеніемъ въспросивъ его хвалъ; рече: яко много вѣси и весе ли коньчину си какова будетъ и отъ чего? Онъ же неприязнивыми прелестникъ и прельцентъ добрымъ прелещеніемъ от вѣрныя жены, яко вѣщцева таину си, ирече к ней, глаголя: «смерть моя есть от Петрова плеча, от Агрикова же меча.» Жена же слышавъ такову речъ, во сердца твердо сохрани, и, по отпещивши неприязниваго того, поведа князю мужеву своему, якоже реклъ ей змѣй. Князь же, послышавъ, недоумѣяшеся, что есть смерть от Петрова плеча и от Агрикова меча. Имѣя-

ше же оу себѣ приснаго брата именовъ князя Петра; въ единъ же от дни призыва его к себѣ и нача повѣдати змиеви речи, якоже реклъ есть жей его. Князь же Петръ слышавъ от брата своего, якоже змѣй нарече теозоименитому исходатая смерти своей, нача мыслити, недоумѣяся в мужестве, како оубити змѣя и вещь баше въ немъ мысль, яко невѣдаше Агрикова меча. Имѣяше обычаи ходити по церквамъ оудиняся, бе же вне града церковь въ женьстемъ монастыри Воздвиженіе честнаго и животворящаго креста, и приде к ней единъ помолитися, явжеся емуо отроча, глаголя: княже, хоцеша ли да покажу ти Агриковъ мечъ. Онъ же хотя желаніе свое исполнити, рече: «да вижду где есть?» Рече же отроча: иди в слѣдъ мене,—и показа емуо во олтарьной стѣнѣ, межю каменія, средами скважню въ ней же лежаше мечъ. Благовѣрный же князь Петръ, вземъ мечъ той приде повѣда брату своему, и от того дни искаша подобна времени да оубиеть змѣя, по вся же дни ходя ко брату своему и къ снохѣ своей на поклоненія. Приключися же емуо приити въ храмину к брату своему, и о том же часу шедъ къ сносе своемъ во ину храмину, и видѣ оу ней брата своего сидяща, и, паки отшедъ отъ нея, встрете отъ предстоющихъ нѣкоего брату его и рече емуо: «изыдохъ оубо от брата своего къ сноси, братъ же мой оста въ своемъ храмѣ, инѣ же неокоснѣвшу никакоже, но воскорѣ пришедшоу въ храмину къ сноси моеи, не свѣтъ и чюжоуся, яко братъ мой напреду менѣ обретеса въ храминѣ оу снохи моеи.» Той же человекъ рече емуо: никакоже, господи, по твоемъ отпещивши не изыде братъ твой ис своея храмины.— Он же разумѣвъ быти пронырству лукаваго змѣя, приде къ брату и рече емуо: «когда оубо сѣймо приде; азъ бо от тебѣ исъ сея храмины изыдохъ, и негде ли ничесоже помедьливъ, придохъ к жей твоеи во храмину, и видѣхъ тя съ нею сидяща и чюдихся како пред мене обрѣтеса; придохъ же паки сѣймо, нагдѣ же помедьливъ, ты же невѣмъ како предтече и на преду мене здѣ обрѣтеса.» Онъ же рече: никакоже бѣхъ.—Князь же Петръ рече: «се есть, брате, пронырство лукаваго змѣя, да тобою ми ся кажетъ, аще не быхъ хотель оубити его, яко нещцоуя своего брата тебѣ. Нынѣ оубо, брате, отсюду никакоже иди: азъ же тамо иду братися со змиемъ, да не ли же божию помощію оубиенъ да будетъ лукавый змѣй.» И вземъ мечъ, нарицаемый Агриковъ и приде въ храмину къ сноси своей, и видѣ змѣя зракомъ аки брата, симъ и твердо оуверивъся, яко вѣсть братъ его, по прелеснымъ зми, и оудари его мечемъ, змѣй же явися яко бѣше естествомъ, и нача трепетати, и бысть мертвъ и окропи блаженнаго князя Петра кровію своею. Онъ же от нѣприязнивыя тоя крови и оструди и язвы быша, и

приде нань болѣзнь тяжка зѣло; искаше въ своемъ дѣржавѣ ото многихъ врачъ исцеленіе, ні от единого получи, и слышавъ же яко мнози соуть врачевѣ въ пределехъ Резанскія земли, повеле себе тамо повести; не бѣ бо самъ мощенъ на конѣ сидѣти от великія болѣзни, привезенъ же беше въ прѣделы резанскія земли и посла сунути свой (сеому своему) възыскати врачевѣ. Единъ же от предстоющихъ емоу юноша оуклонися въ вѣсь нарицающу *Ласково*, приде к некоему вратомъ, и не видѣ никогоже, и вѣниде въ домъ, и нѣ бѣ кобы его читилъ, и вѣнидѣ въ хранину и зря виденіе чудно; сидяше бо дѣвица, тѣлаше красна, предъ нею же скача заетъ, и глагола дѣвица: «не гѣно есть быти дому без оушию и храму без очію:» юноша же то не внятъ въ оумъ глаголь... рече к дѣвицы: гдѣ есть человекъ мужеска полу иже здѣ живеть? онаже рече: «отецъ мой и мати моя пондоша въ заемъ плакати, братъ же мой идѣ чрезъ ноги въ нави зрѣти:» юноша жетон не разоумѣ глаголь ея, дивляшеся зря, и слыша вѣщъ подобну чудеси, и глагола дѣвицы: вѣнидохъ къ тебѣ зря тя дѣлающую, и виде же заятъ пред тобою скача и слышоу от оустну твою глаголы странны, никако сего на вѣмъ что глаголеши, и ні единого слово от тебѣ разоумѣхъ. Она же глагола емоу: «сего же ли не разоумѣши? приде въ домъ мой сіи, въ хранину мою вниде, и видѣвъ мя сидящу въ простотѣ: аще бы былъ въ доумоу наю несъ и чювъ ты къ дому приходяща, лаялъ бы на тя: се бо есть доумоу оуши; аще бы было въ хранинѣ моеи отроча и видѣлъ ты ис хранины приходяща, сказала (о) бы ми: се бо есть храму очі; а еже сказахъ ти про отца и матеръ и про брата, яко отецъ мой и мати моя идѣ въ заемъ плакати: пошли бо соуть на погрѣбаніе мертвого и тамо плачутъ: егда же по нихъ смерть придетъ, то и нѣ по нихъ оучнуть плакати: се же есть замованный плачъ; про брата же ти глаголахъ: яко отецъ мой и братъ дѣволѣзцы соуть, въ гѣсе бо медъ от дровъ всякъ въземлютъ; братъ же мой нынѣ на таково дѣло иде, і якоже гѣсти на дрѣво въ высоту чрезъ ноги въ нави зрѣти, мысля абы не оурыватися с высоты; аще ли кто оурвется, сеи живота гонзеть; сего ради рѣхъ, яко идѣ чрезъ ноги въ нави зрѣти». Глагола же ея юноша: ввижу ты дѣвицоу мудроу сущоу: повѣжь ми имя свое. Она же рече: «имя ми есть Февронія.» Той же юноша рече къ ней: азъ есмь муромскаго князя Петра служаю емоу; князь же мой имѣя болѣзнь тяжкою и язѣу оструплену, бо бывшоу от крови летящаго змѣя, егоже есть оубилъ своими роуками, и во своемъ одѣржаніи искаше исцеленія ото много врачевѣ, и ні от единого получи; сего ради сею повелѣ себѣ привести, яко слыша здѣ мнози врачевѣ, но мы не вѣимъ камо имѣноуются, ни живище ихъ вѣимъ, да того ради въ про-

паемъ от нею. Она же рече: «аще бы кто требовалъ князя твоего себѣ и могъ бы оуврачевати.» Юноша же рече: что оубо глаголеши еже ктомуу требовати князя моего себѣ? аще кто оуврачуетъ и князь мой дастъ емоу имѣнія много; но скажи ми врача того, кто есть и камо есть живеть? Она же рече: «да приведеша князя моего сѣмо; аще будетъ мягосердъ и смірень во отвѣтѣхъ, да боудеть здравъ.» Юноша жъ скоро возвратися ко князю своему и повѣда емоу все порядоу, еже видѣ и еже слыша. Благовѣрный же князь Петръ рече: да везете мя, гдѣ есть дѣвица, и приведоша въ домъ той, в немъ же бѣ дѣвица. И посла к ней от отрочъ своихъ глагола: повѣжь ми, дѣвице, кто есть хотя ми оуврачевати, да оуврачуютъ мя и возыметъ имѣнія много? Она не обинулася рече же: «азъ есмь хотя изврачевати, но имѣнія не требую от него прѣяти, имамъ же отъ него слово таково: аще бо не имамъ быти соузруга емоу, не тебе ми есть врачевати его.» Пришедъ человекъ тон и повѣда князю своему, яко же рече дѣвица. Князь же Петръ яко не брети словеса ея, и помысли: како князю соущу древоласца дщи пояти себѣ женоу и послать къ ней, рече: рцйте ей, что есть врачество ея, да врачуетъ. Аще ли уврачуетъ, имамъ пояти ю жену себѣ.— Пришедши же юноша, рѣша ей слово то. Она же, вземъ сосудъ малъ, печерпе киследи (*квасу*) своей и доуну на нѣ и рече: «да оучредятъ князю вашему баню и да помажутъ по телу своему, идѣ же есть струпы и язвы, и единъ строупъ да оставитъ не помазанъ: и боудеть здравъ.» І принесоша къ нему таково помазаніе. И повелѣ оучредити баню, дѣвицу же хотя искоусити во отвѣтѣхъ, аще мудра есть, яко слыша глаголы ея от юноши своего, посла къ ней съ единымъ от слоугъ едино повѣсмо льноу, рече: яко сія дѣвица хочеть ми соузруга быти мудрости ради; аще мудра есть, да вземъ льноу оучинитъ ми срачицу, и порты и полотеньцо в ту годину, и иже в бане пребоуду. Слоуга же принесе къ ней льноу повѣсма и князь же слово сказа. Она же рече слоуге: «взиди на гѣщъ нашу и снемъ з грядъ полѣньца, снѣси ми сѣмо.» Онъ же, послушавъ ея, снѣсе поленьца: она же отѣривъ лядію и рече: «отсѣми се отъ поленьца сего;» онъ же отсѣкъ. Она же глагола: «возми оутинокъ полѣньца сего и шедъ дай же князю своему и от мене рцы емоу: въ кіи часть се повѣсма азъ очешу, а князь твой да приготовитъ ми в сѣмъ оутинокъ станокъ и всѣ строеніе кымъ сочтется полотно.» Слоуга же принесе ко князю оутинокъ поленьца и речи дѣвичи сказа. Князь рече: шедъ, рцы дѣвицы, яко невозможно есть въ такоу дрѣвцы въ мѣлѣ и в такоу малу годиноу снѣца строенія сотворити. Слоуга же, пришедши, сказа ея князю же речъ; дѣвица же отрече князю: «а се ли воз-

можно есть челоукоу мужеска полу возраста во единомъ повѣснѣ лноу въ малу годину. въ нюже пребудеть въ бани, сотворити срачницу и порты и оубрусецъ? Слоуга отъиде и скада князю. Князь же дивляся отвѣту ея. И по времени князь Петръ идѣ въ баню мытиса и повелѣниемъ дѣвица помаза язвы и строупы своя и единыя строупы остави непомазанъ, по повѣленію дѣвицы. Изыде же изъ бани ничтоже болѣзны чюаше; на утрѣ же оуарѣ и все тѣла здрава и гладка, развѣ единая, еже бѣ не помазанъ по повелѣнію дѣвицанаго стручу, и дивляшася скорому исцѣленію; но не восхоте пояті ю себѣ женоу отчества ради. И посла к ней дары. Она же не пріять.

Князь же Петръ поеха въ вочину свою во градъ въ Моуромъ здравстауя. На немъ же бо единыя струпы, еже бе не помазанъ повелѣніемъ дѣвицы, и от того строупа, начаша мнози струпы расходитися на тѣло его от первого дни, а нъ же поеха во отчину свою, и бысть весь остроупленъ.

И паки вѣзратиса на готовое исцѣленіе къ дѣвицѣ; якоже приспѣ въ домъ ея і со студоу посла къ ней прося врачеванія. Она же, ни мада гнѣва подеръжавъ, рече: «аще боудеть ми супроужникъ, да боудеть оурачеванъ;» онъ же с твердостью слово дастъ ея, яко имать цюти женоу себѣ. Сіа же паки, якоже и преже, тожъ врачеваніе дастъ емоу, се же преже писахъ. Онъ же вскорѣ исцѣленія получивъ, і поя женоу себѣ. Такою жъ виною бысть Февронія княгиня. Придоша во отчину свою градъ Муромъ и живяста во всякомъ благочестіи, ничтоже от божія заповѣди оставяюще.

По малеже дни предреченными князь Павелъ отходити житія своего; благоуверный же князь Петръ по брате своемъ единыи самодержавецъ бываецъ граду своему. Княгини же Февронія бояре же его не любяхоу женъ своихъ ради ея, і яко бысть княгиня, отчества ради ея, Богу прославляющоу ю добраго ради житія ея. Никогда (нѣкогда) же бѣ некто от предстоящихъ ея пріидѣ къ благоуверному князю Петру наводити на ню: яко от коегож... своего безчину исходити внигда бо во... ея и взимаецъ въ руку свою крохти. Благоуверный же князь Петръ, хотя ю искусити, повелѣ да обѣдаецъ с нимъ за единымъ столомъ. Яко оубо скончавъшоуся столу, ова же яко обычаи нямше вземъ со стола в роуку свою крохти, и князь Петръ пріимъ ю за роуку и развѣде и видѣ ладонь добровольной и филянъ, и от того дни оста ю ктому не искоушати.

По мноземъ же врѣмени пріидоша к нему съ яростию бояре рыкуще: хоцемъ, княже, вси праведно слоужити тебѣ и самодержавцомъ имѣти тебѣ, но княгини Февроніи не хоцемъ, да господствуетъ женами нашими, а хоцеша самодержавцемъ быти, да боудеть

ти иная княгиня, Февронія же воамѣтъ богатства довольно себѣ, и отидеть, аможе хоцеть. Блаженный же князь Петръ, яко ему обычаи, ни о чесомъ ярости имѣа, смиреніемъ отвѣшая: яко же речете, и тогда слышимъ. Они жн, невежства наполюшавшиса бесьтоудія, оумыслиша да оучредятъ царь. И сотвори имъ. Якоже быша веселия, начаша простирати бесьтоудныя своя глаголы ани вси лающа отемлюще оу святыхъ Божіи даръ, аи еже Богъ и по смерти неразлучна обещалъ есть, и глаголаху: Февронія! Весь градъ и бояре глаголють тебѣ: даждь его же мы просимъ оу тебѣ? И она рече: «да возмета его же просита.» Она же едиными оусты рече: мы оубо, госпоже, вси князя Петра хоцемъ, да самодержавствоуетъ надъ нами. А тебѣ жены наши не хотятъ яко господствуютъ надъ нами; вземъ богатство довольно себѣ, отидеши аможе хоцеша.—Она же рече: «обещакса вамъ яко елико аще просите и прѣмета. Азъ же вамъ глаголю: дадите мнѣ егоса аще азъ попрошу ваю.» Они же зли ради быше и (не) свѣдоуше будоуща его, и глаголаше с клятвою: яко аще просиши едмаго, бесь прекословіа вземши.—Она же рече: «яко прошу токмо соуруга моего ки за Петра.» Она же рѣша: аще самъ восхоцеть, ни о томъ тебѣ глаголемъ. Врагъ бо наполюши имъ мысли, яко нице не боудеть князь Петръ, да поставимъ себѣ иного самодержавцемъ. Нѣкии же от боярѣ во оумѣ своемъ держаше, яко самъ хоцеть самодержавцемъ быти.

Блаженный же князь Петръ не волюби временнаго самодержавства, кромѣ божіихъ заповѣди, но по заповѣдемъ его шествоуя, дѣржася сихъ заповѣди. яко богоглаголанная Матѣен во своемъ благоуверіи вѣщаецъ, рече бо: «яко аще пострижеть (пустыни) женоу свою развѣ словѣи прелюбодѣльного и оженитися иноу, прелюбы творить;» сей же блаженный князь по евангелію сотвори, да заповѣди божіи не разрушитъ. Она же злочестивіи бояре давше имъ соуды на рече; бѣ быше под гороломъ рѣка, глаголемая Ока; она же шловоуше по рекѣ в соудѣхъ, нѣкто же бѣ челоукъ оу блаженными княгини Февроніи в соудне и жена его в томъ же соудне бысть; той же челоукъ, оубо пріимъ помыслъ отъ лоужаваго бѣса, вѣрѣвъ на святую с помысломъ; она же разоумѣхъ злои его помыслъ, и вскорѣ обмчн и рече ему: «почерпи воды из реки сея сію страну судна сего.» Онъ же почерпе. И повелѣ ему испити: онъ же пивъ. И рече же паки она: «почерпи оубо воды з другой страны судна сего.» Онъ же почерпе. И повелѣ ему паки исимти. Онъ же пивъ. Она же рече: «равна ли оубо си вода есть или едина сладши?». Онъ же рече: «едина есть, госпоже, вода. Паки же она рече: «смце едино естество женское есть; ночью оубо свою женоу оставяя и чюжия мыслиши?» Той же челоукъ оувѣдѣ, яко въ ней.

есть прозрѣніе даръ, бояси к тому тово помышленія.

Иъчероу же бывшоу, начаша ставитиса на березѣ, блаженный же князь Петръ яко помышляти начать како боудеть, понеже волею самодержаство гознуса. И прѣдвѣдннн же княгиня Февронія глагола емоу: «не скорѣби, княже, милостивъ Богъ творецъ и промысленикъ всему не оставитъ насъ въ нищеть быти». На брѣзе же томъ блаженно-моу князю Петру на вечерю его ясть готовляхоу, и потомъ поворъ его дрѣвце малы, на нихъ же котлы ятхоу; по вѣчери же святая княгиня Февронія ходиши по брѣгоу и видѣвши дрѣвца тыя, благослови рекше: «да боудутъ си на оу... дрѣва велицы и мушци листвїя». И бысть такоже. Вѣставши въ оутрѣ, обрѣтоша тыя дрѣвца велико дрѣвїе, икоуще вѣтви и листвїе.

Якоже хотяхоу людіе ихъ роухаетъ вѣтати въ соуды со брѣга, прїидоша же иже вельможа отъ града Мурома, рекоуще: Господи княже! отъ всѣхъ вельможъ и отъ всего града прїидохъ к тебѣ: да не оставиши насъ сирыхъ, но возвратиши на свое отечествїе; многи бо вельможи въ граде погибоша отъ меча, киждо ихъ хотя державствовати, сами загубиша, а оставшии вси с народомъ молятъ, глаголюще: господи княже! аще прогнѣвахъ ты и раздражихъ ти, не хотящимъ княгини Февронїи господствуетъ женами нашими, и нынѣ же со всѣми дома своими раби ваю еси, и хотимъ, и любимъ, и молимъ: да не оставите насъ, рабъ своихъ. Блаженный же князь Петръ и блаженная княгиня Февронїя вѣзвратишася во градъ свои, и бяхоу державствоуши въ граде томъ, ходиши во всѣхъ заповѣдахъ и оправданїихъ господнихъ бес порока, въ молебнѣхъ непрестанныхъ, и молтавахъ, и въ милостыняхъ ко всѣмъ людемъ, подъ ихъ властію соущимъ, аки чадолюбивїи отецъ и мати имѣста ко всѣмъ любовь равнью икоущи, не любястѣ горьдости ни грабленїя, ни богатства тлѣннаго щадяше, но въ Бога богатяюще. Бѣсто бо своему граду истинная пастыря, а не яко наемника: градъ бо свои истинною кротостїю, а не яростїю правяще, и страннїи прїемлюще, алычны насыщающе; наги одѣваючи, бѣдныи отъ напасти забавляючи.

Егда же приспѣ благочестно преставленїю, и оумолиша Бога да во единъ часъ боудутъ преставленїе ею (мъ), и съвѣтъ сотвориши да боудутъ положены оба въ единомъ гробѣ, и повелѣша оучредити собѣ во единомъ камени два гроба, едину токмо вѣдградоу икоуща мемоу собою. Сами же во едино время облекошася во мнѣшескїи ризы, и наречанъ бысту блаженный князь Петръ, во инокескомъ ино Давидъ, преподобная же Февронїя наречена бысть во инокескомъ чиноу Коуѣроснїи.

В тоже время преподобная Февронїя, нареченая Коуѣроснїя, въ храмѣ пречистыи соборныи церкви своиа роукама шияше воздохъ, на немъ же бѣ лики святыхъ, преподобный же и блаженный князь Петръ, нареченный Давидъ, приславъ къ немъ, глагола: о сестро Коуѣроснїи! хошу оуже отати отъ тѣла, но ждоу тебя, да купно отоидемъ. Она же рече: пожди, господине, да яко дощю воздухъ во святоую церковь. Она же вторїцею послалъ къ нѣмъ, глагола: оуже бо малю пождоу тебѣ. I яко же третїцею глагола, приславъ к немъ: оуже бо хошу преставитиса, не ждоу тебѣ; она же остановише дѣло въздохуа святаго шияше, оуже бо единаго святаго ризъ еще не дошивъ, лице же нишивъ, и преста, и воткыне иглоу, и приверте нитїю, евоже шияше, и посла к блаженномоу изреченноу и Давидоу о прѣставленїи коупнѣмъ; и помолннса прѣста въздохъ святая своя душа и рудѣ Божїи иъсїа іюня въ 25 день.

По преставленїи еме ею, хотѣста людіе, яко да положенъ блаженными князь Петръ боудеть внутри града оу соборныи церкви пречистыи Богородицы, Февронїи же вѣне града в женстемъ монастыри оу церкви Воздвиженїа честнаго креста, рекоуще: яко в мнѣшескомъ образѣ не оугодно естъ положити святыхъ въ единомъ гробѣ. Оучредиша имъ гробы особыи и обложиша телеса ихъ вѣне: святаго Петра, нареченнаго Давида, тѣла вложиша во особыи гробъ, и поставиша вѣноутрѣ града въ церкви пречистыи Богородицы даутрїа, святая же Февронїя тѣло вложиша вѣне града оу церкви Воздвиженїа честнаго креста; обїи же гробъ, евоже сами повѣлѣша истесати собѣ во единомъ камени, оста тощъ въ томъ же храмѣ пречистыи соборныи церкви, иже вѣноутрѣ града. На оутрїа же восташи людіе, обрѣтоша гробы ихъ особыи тощи и въ ня же в нихъ вложистася, святая же тѣлеса ихъ обрѣтоста вѣноутрѣ града въ соборныи церкви пречистыи Богородицы во единомъ гробѣ, евоже сами собѣ повелѣша сотворити. Людіе же неразумныи, якоже въ животѣ о нихъ матушася, тако и по честномъ ею преставленїи, пакы разнесоша; и пакы же обрѣтоша на оутрїа святїи во единомъ гробѣ; и къ тому не смѣиху прикоснутиса святыхъ ихъ телесемъ, и положиша во единомъ гробѣ, въ немъ же сами повелѣста, оу соборныи церкви Рождества пречистыи Богородицы вѣноутрѣ града, еже естъ далъ Богъ на просвѣщенїе и на спасенїе граду тому; иже бо с вѣроу прирышущихъ к мощемъ ихъ неоскудно ищѣнїе прїемлють.

(Памлѣт. Стар. рус. литер. I, 50—54).

232. **Василиса Никулишна.**

У князя было у Владимира
 У киевскаго солнышка Сеславича
 Было пироманье почестное...
 Въ полсыта бояре наѣдались,
 Въ полсына бояре напивались:
 Промежь себя бояре похвалялись:
 Сильнай-тъ хвалится силою,
 Богатый хвалится богатствомъ;
 Купцы-тъ хвалится товарами,
 Товарами хвалится заморскими;
 Бояре-та хвалится помѣстьями,
 Они хвалится вотчинами.
 Одинъ только не хвалится Данила Денисьевичъ.

Тутъ возговорить самъ Володимиръ князь:
 -Охъ ты гой еси Данилушка Денисьевичъ!
 Еще что ты у меня ничѣмъ не хвалишься?
 Али не чѣмъ тебѣ похвалиться?
 Али нѣтъ у тебя золотой казны?
 Али нѣту у тебя молодой жены?
 Али нѣту у тебя платья свѣтлаго?
 Отвѣтъ держитъ Данила Денисьевичъ:
 -Ужъ ты батюшка нашъ, Володимиръ князь!
 Есть у меня золота казна,
 Еще есть у меня и молодая жена,
 Еще есть у меня и платье свѣтлое;
 Нешто такъ я это приадамался.
 Тутъ пошелъ Данила съ широка двора.
 Тутъ возговорилъ Володимиръ князь:
 -Охъ вы гой есте, мои князья—бояра!
 Ужъ вы всѣ у меня переженены,
 Только я одинъ холостъ хожу;
 Вы ищите мнѣ невѣстуху хорошую,
 Вы хорошую и пригожую,
 Чтобъ лицомъ красна и умомъ сверстна,
 Чтобъ умѣла русскую грамоту
 И четью-пѣтью церковному,
 Чтобы было кого назвать вамъ матушкой,
 Величать бы государыней.
 Изъ за лѣвой было изъ за сторонюшки
 Тутъ возговорить Мишатячка Путятинъ сынъ:
 -Много я ѣзжалъ по инымъ землямъ,
 -Много видалъ я королевичень...
 Не наживалъ я такой красавицы,
 Не видывалъ я эдакой пригожицы,—
 У того ли у Данилы у Денисьича,
 Еще та ли Василиса Никулишна;
 И лицомъ она красна и умомъ сверстна, и т. д.
 Еще было бы кого назвать намъ матушкой,
 Ввеличать намъ государыней.
 Это слово больно князю не показалось,
 Володимиръ словечко не полюбилось:
 -Еще гдѣ это видано, гдѣ слыхано
 Отъ живаго мужа жену отнять.
 Приказалъ Мишатячку казнить вѣшати.
 А Мишатячка Путятинъ переметливъ былъ,
 На иную сторонюшку перекинулся:
 -Ужъ ты батюшка Володимиръ князь!
 Погоди меня скоро казнить вѣшати,
 Прикажи, государь, слово молвити.

Приказалъ ему Володимиръ слово молвити:
 -Мы Данилушку пошлемъ во чисто поле.
 Во тѣ ли луга леванидовы,
 Мы ко ключику пошлемъ ко гремичему,
 Велишь пимать птичку бѣлогорлицу,
 Принести ее къ обѣду княженецкому,
 Что еще убить ему льва лютаго,
 Принести его къ обѣду княженецкому.
 Это слово князю больно показалось,
 Володимиръ словечко полюбилось.
 Тутъ возговорить старой казакъ,
 Старой казакъ Ильи Муромецъ:
 -Ужъ ты батюшка Володимиръ князь!
 Изведешь ты яснаго сокола:
 Не поймать тебѣ бѣлой лебеди.
 Это слово князю не показалось,
 Посадилъ Илью Муромца во погребъ.
 Садился самъ во золотъ стулъ,
 Онъ писалъ ярлыкн скорописные,
 Посылалъ ихъ съ Мишатячкой въ Черниговъ
 градъ.

Мишата идетъ въ Черниговъ прямо ко другу
 Данилину, и безъ доклада входитъ въ палату. Василиса
 Никулишна называетъ его за это невѣжей; онъ
 отвѣчаетъ, что прислать не по своей волѣ, кланяетъ
 на столъ ярлыкн Владиміровы. Василиса читаетъ
 ярлыкн и заливаясь слезами, догадывается, что Вла-
 димиръ посылаетъ Данилу въ луга леванидовы съ цѣ-
 лью погубить его. Она надѣваетъ молодецкое платье,
 и идетъ верхомъ отыскивать мужа: -Не долго намъ
 съ тобой видѣться, поѣдемъ домой-. Данила ничего
 не подозревая, хочетъ еще поохотиться и посылаетъ
 ее за небольшимъ колчаномъ каменныхъ стрѣлъ. Ва-
 силиса привозитъ ему большой колчанъ; онъ соряетъ
 за ослушаніе, но она говоритъ ему: -лишняя
 стрѣлочка тебѣ пригодится.

Повѣхалъ Данила во луга леванидовы
 И къ колодезю пріѣхалъ ко студеному.
 Не были снѣги забывались,
 Не черныя грязи зачернелися:
 Забывался, зачернѣлася сила русская
 На того ли на Данилу на Денисьича.
 Тутъ заплакалъ Данила горючими слезми,
 Возговорить онъ таково слово:
 -Знать, гораздо я князю сталъ ненадобенъ,
 Знать, Володимиръ не слуга я былъ!—
 Беретъ Данила саблю боевую,
 Прирубилъ Денисьичъ силу русскую,
 Погода того времячко манешенько
 Не два слона въ чистомъ полѣ слонятся,
 Не два сыры дуба шатаются:
 Слонятся, шатаются два богатыря
 На того ли на Данилу на Денисьевича,
 Его родной братъ Никита Денисьевичъ,
 И названой братъ Добрыня Никитовичъ.
 Тутъ заплакалъ Данила горючими слезами:
 -Ужъ и вправду, знать, на меня Господь про-
 гнѣвался,
 Володимиръ князь на удалого осердился!—
 Еще гдѣ это слыхано, гдѣ видано,—
 Братъ на брата со боемъ идетъ.

Братъ Данила свое востро-копье,
Тупымъ концомъ втыкать въ сыру землю,
А на вострый конецъ самъ упалъ.
Споролъ себѣ Данила груди бѣлыя,
Покрывъ себѣ Денисьичъ очи ясныя.
Подъѣжали къ нему богатыря,
Заплакали объ немъ горючими слезами!
Поплакавши, назадъ воротилися,
Сказали князю Володиміру: «не стало Данилы
Что того ли удалого Денисьича.»
Тутъ собираетъ Володиміръ повѣздъ-отъ,
Поѣхали ко городу Чернигову,
Пріѣхали ко двору Данилину;
Восходятъ во теремъ Василисинъ-отъ,
Цѣловалъ ее Володиміръ во сахарныя уста,
Возговорить Василиса Миклушишна:
«Ужъ ты батюшка Володиміръ князь!
Не цѣлуй меня во уста во кровавы,
Безъ мого друга Данилы Денисьича.»
Тутъ возговорить Владиміръ князь:
«Охъ ты гоѣ еси Василиса Миклушишна!
Наряжайся ты въ платье свѣтлое,
Въ платье свѣтлое, подѣвнешное.—
Наряжалась она въ платье свѣтлое,
Ваяла съ собой булатный ножъ.
Поѣхали го городу ко Киеву.
Поверсталися супротивъ луговъ Леванидовыхъ.
Тутъ возговорить Василиса Миклушишна:
«Ужъ ты батюшка Володиміръ князь!
Пусти меня проститься съ милымъ дружкоймъ,
Со тѣмъ ли Данилой Денисьичемъ.»
Посылалъ онъ съ ней двухъ богатырей.
Подходила Василиса ко милу дружку,
Поклонилась она Данилѣ Денисьичу;
Возговорить она двумъ богатырямъ:
«Вы подите скажите князю Володиміру,
Чтобы не далъ намъ валяться по чисту полю,
По чисту полю, со милымъ дружкоймъ,
Со тѣмъ ли Данилой Денисьичемъ.»
Беретъ Василиса свой булатный ножъ,
Споролъ себѣ Василисушка груди бѣлыя,
Покрывла себѣ Василиса очи ясныя.
Заплакали по ней два богатыря,
Пошли они ко князю Володиміру:
«Ужъ ты, батюшка, Володиміръ князь!
Не стало нашей матушки Василисы Миклу-
шишны,
Передъ смертю она намъ промолвила:
Вы подите скажите князю Володиміру,
Чтобы не далъ намъ валяться по чисту полю,
По чисту полю со милымъ дружкоймъ,
Со тѣмъ ли Данилой Денисьичемъ.»
Пріѣхалъ Володиміръ во Киевъ градъ,
Выпускалъ Илью Муромца изъ погреба,
Цѣловалъ его во головку во темячко:
«Правду сказалъ ты, старой казакъ,
Старой казакъ Илья Муромецъ!
Жаловалъ его шубой соболиною,
А Мишаткѣ жаловалъ смолы котельъ.

(Письма Курьеск. 5, 32—38)

Подобное содержаніе имѣетъ былина «Старъ

Годиновичъ», въ которой жена Ставра нарядилась
«рознымъ посломъ» въ Орду, чтобы выручить мужа
изъ глубокихъ погребовъ, куда засадилъ его Влади-
миръ князь. Пришелъ посолъ во грюди во свѣтлыя,
а княгиня отъзываетъ Владимира и тихонько шепчетъ
ему:

«Ни о чемъ ты, Осударь, не печалуйся,
А не быть тому грозному послу Василью
Ивановичу,
Быть Ставровой молодой женѣ Василисѣ Ми-
клушишнѣ;

Знаю я примѣты всѣ по женскому:
Она по двору идетъ, будто уточка,
А по горенкѣ частенько переступываетъ,
А на лавицу садится, коленица жметъ,
А и ручки бѣлы, пальчики тоненьки,
Дужіе изъ перстовъ не вышли всѣ.»
А и тутъ Владиміръ стольной киевскій
Ну же онъ посла сталъ потчивати:
Всяко вино по таковкамъ пьютъ—
Ужъ тутъ ли посолъ напивается,
А Владиміръ князь сталъ прощивовати:
«Коли посолъ буде женщина,
Не станеть-де онъ боротися
Со моими богатыря могучами» ...
Выводилъ тутъ князь семь борцовъ,
И того *Василей* не пятится,
Вышелъ на дворъ боротися...
Первому борцу изъ плеча руку выдернетъ,
А другому борцу ноги выломить,
Третьява *зватила* поперекъ хребта,
Ушибла его среди двора.
А плюнулъ князь, да и прочь пошелъ.
«Глупая княгиня, неразумная!
У те волосы долги, да умъ коротокъ:
Называешь ты богатыря женщиной,—
Такова посла у насъ еще не было.»

Поднялся споръ между Владиміромъ и его же-
ной: князь заставилъ мнимаго посла изъ лука стрѣ-
лять; Василиса беретъ свой лукъ, который несли 10
человѣкъ, и для потѣхи махнула стрѣлой въ кряко-
вистый дубъ, изломала его въ черенъя ножовые; бо-
гатыря стали всѣ словно угорѣлые. Владиміръ плю-
нулъ и сталъ испытывать посла игрой въ шахматы
золотыми тавлеями,—и три раза проигралъ:

Шахъ да и матъ, да и подѣ доску.

Тутъ посолъ спросилъ дани и выходы въ орду
за 12 лѣтъ; князь говоритъ, что только и возьметъ
онъ его *золовой* съ супругою. Посолъ спросилъ ве-
селымъ молодецъ, и привелъ Ставра:

Сыгрышъ сыгралъ онъ Царяграда,
Танцы навелъ ерусалимскіе,
Величалъ князя со княгиниою,
Сверхъ того игралъ еврейскій стихъ.

Посолъ задремалъ, отказался отъ дани и выхо-
довъ и выпросилъ себѣ веселаго молодца Ставра Го-
диновича, У Дѣвѣра посолъ перерядился въ женское

платя и тут Сатиръ узналъ свою жену и ужалъ съ ней въ землю дальнюю. (Сборн. древн. стиховъ. Киринъ Данилова. 123—134).

См. еще балладу о Настасьѣ Королевнѣ и Душѣ. Писанъ Куртисс. в. 3, 58—69.

233. Добрыня Никитичъ.

Въ стольномъ городѣ во Києвѣ
У славнаго сударя князя у Владиміра
Три года Добрынюшка стольничалъ,
Три года Никитичъ приворотничалъ,
Онъ стольничалъ, чашничалъ 9 лѣтъ,
На десятый годъ погулять захотѣлъ
По стольному городу по Києву.
Взявши Добрынюшка тугой лукъ,
А и колчанъ себѣ каменныхъ стрѣлъ,
Идетъ онъ по широкимъ по улицамъ,
По частымъ мелкимъ переулочкамъ
По горницамъ стрѣляетъ воробушковъ,
По повалушкамъ ⁽¹⁾ стрѣляетъ онъ свазухъ
голубей.

Зайдетъ въ улицу Игнатьевску
И во тотъ переулокъ Марининъ,
Вглянетъ ко Маринѣ на широкій дворъ,
На ея ли высоки терема;
А у молодой Маринѣ Игнатьевны,
У ея на хорошемъ высококъ терему
Сидятъ тутъ два сизые голубя
Надъ тѣмъ окошкомъ косящатымъ;
Цѣлуются они, милуются
Желты носами обнимаются;
Тутъ Добрыня за бѣду стало,
Будто надъ нимъ насмѣхаются!
Стрѣляетъ онъ въ свазухъ голубей,—
А сѣбла вѣдь тетивка у туга лука,
Звела да пошла казена стрѣла,
По грѣхамъ надъ Добрынею учинилося:
Левая нога его поскользнулась,
Правая рука удрогнула,
Не попалъ онъ въ свазухъ голубей,
Что попалъ онъ въ окошечко косящатое,
Проломилъ онъ оконницу стекольчатую,
Ошибъ всѣ причалины серебряныя ⁽²⁾,
Разшибъ онъ зеркало стекольчатое;
Бѣлодубовы столы пошатилися,
Что пята медвяныя восплеснулися,
А втапоры Маринѣ безвременье было,
Умывалася Марина, снаряжалася
И бросалася на свой широкій дворъ:

⁽¹⁾ Горница, устроенная сверху жилья.

⁽²⁾ Причалины — все, что служитъ опресою стекла: рама, петли, задвижка и т. под.

—А кто это невѣжа въ окошко стрѣляетъ?
Проломилъ оконницу мою стекольчатую,
Ошибъ всѣ причалины серебряныя,
Разшибъ зеркало стекольчатое?—
И въ тѣ поры Маринѣ за бѣду стало,
Брала она слѣды горячіе молодецкіе,
Набирала Марина берема дровъ,
А берема дровъ бѣлодубовыхъ,
Клала дрова въ печку муровленную
Со тѣми слѣды горячими,
Разжигаетъ дрова наляцатымъ огнемъ,
И сама она дровамъ приговариваетъ:
—Сколь жарко дрова разгоракотся
Съ тѣми слѣды молодецкіи,
Разгоралось бы сердце молодецкое
Какъ у молодца Добрыни Никитича!
А и божье крѣпко, вражье-то лѣшно;
Взяло Добрыню пуще остраго ножа
По его по сердцу богатырскому;
Онъ съ вечера Добрыня хлѣба не ѣсть,
Со полуночи Никитичу не уснется,
Онъ бѣлаго свѣту дожидается.
По его ли щаски великія ⁽¹⁾
Рано завоняли къ заутренямъ;
Встаетъ Добрыня развешенько,
Подпоясалъ себѣ сабельку острую,
Пошелъ Добрыня къ заутрени.
Прошелъ онъ церковь соборную,
Зайдетъ ко Маринѣ на широкій дворъ,
У высокога терема послушаетъ,
А у молодой Маринѣ вечерника была,
А и собраны были дуплетки красны дѣвочки,
Сидятъ и молоденьки молотушки,
Всѣ были дочери отечія,
Всѣ тутъ были жены молодецкіи.
Вошелъ онъ Добрыня во высокъ теремъ;
Которы дѣвочки приговариваютъ ⁽²⁾
Одна Марина отказываетъ и прибрашиваетъ;
Втапоры добрыня ни во что положилъ
И къ нимъ бы Добрыня въ теремъ не вошелъ;
А стала его Марина въ окошко бранить,
Въ окошко бранить ему больно пенять...
Завидѣлъ добрыня змѣя Горыничата,
Тутъ ему за бѣду стало,
За великую досаду показалася,—
Сбѣжалъ на крылечко на красное,
А двери у терема желѣзныя,—
Заперлася Марина Игнатьевна,—
А молодой Добрыня Никитичъ
Ухватилъ бревно въ охватъ толщины,
А ударилъ онъ во двери желѣзныя,
Неодоладомъ ⁽³⁾ изъ пята онъ вышибъ вонъ,
И сбѣжалъ онъ на сѣни косящаты:
Бросилася Марина Игнатьевна
Бранить Добрыню Никитича:
—Деревеньщина ты, дѣтина, засельщина!

⁽¹⁾ На его великое счастье.

⁽²⁾ Т. е. чтобы Добрыня остался въ ихъ компаніи.

⁽³⁾ Неладно, неловко.

Вчера съ ты, Добрыня, водворъ заходилъ,
 Проломилъ мою конницу стекольчатую,
 Ты разшибъ у меня зеркало стекольчатое.
 А бросился змѣища Горынчища,
 Чуть его Добрыню огнемъ не спалилъ,
 А и чуть молодца хоботомъ не ушибъ,
 А и самъ тутъ змѣй почалъ бранити его...
 (За то, что онъ разбилъ стекло и зеркало.)
 Ему тутъ-тко Добрынь за бѣду стало
 И за великую досаду показалося;
 Вынималъ онъ саблю острую,
 Воздымалъ выше буйны головы своей;
 -А и хочешь ли тебя, змѣя, изрублю я
 Во мелкія части пирожныя,
 Разбросаю далече по чисту полю?
 А и тутъ змѣй Горынчищ, хвостъ поджавъ,
 Да и вонъ побѣжалъ.
 Бѣгучи онъ змѣй заклинается;
 -Не дай Богъ бывать ко Маринѣ въ домъ,
 Есть у нея не одинъ я другъ,
 Есть лучше меня и повѣливиѣ (!)-
 А молодца Марина Игнатьевна
 Она высунулась по поясъ въ окно,
 А сама она змѣя уговариваетъ.
 -Воротись, милъ надежа, воротись другъ!
 Хоть, — я Добрыню оберну клячею водовозною;
 Станеть-де Добрыня на меня и на тебя возить?
 А еще хощь, — я Добрыню оберну гнѣдымъ
 туромъ?
 Обернула его, Добрыню, гнѣдымъ туромъ,
 Пустила его даже во чисто поле,
 А гдѣ то ходять 9 туромъ,
 А 9 туромъ, девять браташковиъ,
 Что Добрыня имъ будетъ десятый туръ,
 Всѣмъ атаманъ—золотые рога.
 Безвѣстно не стало богатыря
 Молода Добрыни Никитича
 Во стольномъ во городѣ во Кіевѣ.
 А много-де прошло поры, много времени,
 А и не было Добрыни 6 мѣсяцевъ,
 По нашему-то по сибирскому словеть пол-
 года.
 У великаго князя вечеринка была,
 А сидѣли на пиру честныя вдовы,
 И сидѣла тутъ Добрынина матушка,
 Честна вдова Асимья Александровна,
 А другая вдова молодца Анна Ивановна.
 Что Добрынина матушка крестовая.
 Промежу собою разговоры говорятъ,
 Всѣ были рѣчи прокладныя.
 Не отколь взыалась тутъ Марина Игнатьевна,
 Водилася съ дитятѣми княженецкими,
 Она больно Марина упивалася,
 Голова на плечахъ не держится,
 Она больно Марина похваляется:
 -Гой еси вы, княжны, боярыни!
 Во стольномъ во городѣ во Кіевѣ
 А и нѣтъ меня хитря, мудряя,

(!) Разумѣется, здѣсь змѣй говорить съ про-
 ной о Добрынь.

А и я-де обернула 9 молодцовъ,
 Сильныхъ могучихъ богатырей гнѣдыми ту-
 рами;
 А и нынѣ я-де отпустила десятого—
 Молодца Добрыню Никитъевича,—
 Онъ всѣмъ атаманъ—золотые рога.
 За то-то слово изымается
 Добрынина матушка родимая,
 Честна вдова Асимья Александровна,
 Наливала она чару зеленого вина,
 Подносила своей любимой кумушкѣ,
 А сама она за чарою заплакала:
 -Гой еси ты, любимая кумушка,
 Молода Анна Ивановна!
 А и выпей чару зелена вина,
 Поминай ты любимаго крестника,
 А и молодца Добрыню Никитъевича;
 Извела его Марина Игнатьевна,
 А и нынѣ на пиру похваляется.
 Проговоритъ Анна Ивановна:
 -Я-де сама эти рѣчи слышала,
 А слышала рѣчи ея похваленныя.
 А и молодца Анна Ивановна
 Выпила чару зелена вина,
 А Марину она по щекѣ ударила,
 Сшибла она сѣрѣзыхъ ногъ,
 А и топчетъ ее...
 Сама она Марину больно бранитъ.
 А и женское дѣло прелестивое:
 Прелестивое перепадчивое:
 Обернулася Марина Косачкою,
 Полетѣла далече во чисто поле,
 А гдѣ ходять девять туромъ,
 Добрыня-то ходять десятый туръ.
 А съѣла она на Добрыню, на правой рогъ,
 Сама она Добрыню уговариваетъ:
 -Нигулялся ты, Добрыня, во чистомъ полѣ,
 Тебѣ чистое поле наскучило
 И зыбучія болота напрокучили:
 А и хощь-ли, Добрыня, жениться?
 Возьметъ-ли, Никитичъ, меня за себя?
 —А право возьму, ей Богу возьму!
 А и дамъ те Марина поученьце,
 Какъ мужа женѣ своихъ учать.—
 Тому она Марина повѣрила,
 Обернула его добрымъ молодцомъ,
 По старому по прежнему,
 Какъ бы сильныхъ могучихъ богатыремъ;
 Сама она обернулася дѣвицею:
 Они въ чистомъ полѣ женилися,
 Кругъ ракитова куста вѣнчалися.
 Пошелъ онъ ко граду ко Кіеву,
 А и деть за нимъ Марина
 Пришли они ко Маринѣ на высокъ теремъ,
 Говоритъ Добрынюшка Никитичъ младъ:
 -А и гой еси ты, моя молодца жена,
 Молода Марина Игнатьевна!
 У тебя въ высокихъ хорощихъ теремахъ
 Нѣту Спасова образа,
 Некому у ты помолитися,
 Не зачто стѣнамъ поклонитися;
 А и чай моя острая сабля заржавѣла?
 А и сталь Добрыня жену свою учить;

Онь молоду Марину Игнатъевну,
 Еретницу и безбожницу;
 Онь первое ученье—ей руку отсѣкъ,
 Самъ приговариваетъ:
 «Эта рука мнѣ ненадобна,—
 Трепала она, рука, змѣя Горынчища.
 А второе ученье—ноги отсѣкъ,
 А третье ученье—губы ей отрѣзалъ и съ
 носомъ прочь;
 «А эти—де губы мнѣ не надобны;
 Цѣловали они змѣя Горынчища.
 Четвертое ученье—голову ей отсѣкъ и съ
 языкомъ прочь:
 «А и эта голова не надобна мнѣ,
 И зготъ языкъ ненадобенъ,—
 Зналъ онъ дѣла еретическія.

(Древн. рос. стих. 61—71).

Въ нашей народной словесности женщины настоитъ значительно высоко. Это доказываетъ прежде всего тѣмъ уваженіемъ къ матери (и вообще къ родителямъ, но къ матери особенно), о которомъ не разъ было говорено. Высокій идеалъ жены видѣтъ въ Василисъ Микулиши. Если же совсѣмъ не то Апраксѣева, жена Владимира, и жена Михаила Потыка—то изъ невѣрности мужу имѣетъ основу мифическую Изъ Византии къ намъ перешла не одна книга, въ которой женщина является съ самой дурной стороны: такова она въ апокрифахъ о Давидѣ и Соломонѣ, а эти апокрифы, по значительности содержания своего, до такой степени распространились у насъ, что вліяніемъ изъ осквернилась чистота нашей народной словесности: у насъ явилась, какъ было замѣчено, былина о Соломонѣ и о его невѣрной женѣ. Не менѣе содѣйствовали перемѣнѣ народнаго воззрѣнія на женщину и пьюторыя, распространившіяся у насъ, поученія. Въ старинныхъ сборникахъ нашихъ не рѣдко попадается „слово о злыхъ женахъ“ Иоанна Златоуста. Этотъ великій отецъ древней церкви имѣлъ полное основаніе нападать на женщину, живя среди народа эпоху испорченнаго, насльдовавшаго всю мерзость нравовъ кесарскаго Рима. Точно такъ же основаніе имѣлъ, онъ нападать на языческой характеръ театральныя представленія, доходившихъ до послѣднихъ предѣловъ безнравственности. Между тѣмъ все сказанное Златоустомъ противъ театральныя представленія его времени и противъ женщины его времени, впоследствии принималось за порицаніе театра вообще, и женщины въ особенности. Надѣявъ насъ всякаго рода поученіями, Византия не задумалась сообщить намъ и слово Златоуста о злыхъ женахъ, не подумавъ о томъ, что оно было какъ нельзя кстати въ странѣ нравственно-убогой, но ни мало не шло къ здоровымъ нравамъ молодого нашего народа. То, что въ Византии могло способствовать искоре-

ненію зла, у насъ только знакомило съ нимъ. Заточникъ, начитавшись всего, въ особенности „Пчелы“, набрался изъ нея и нападокъ на женщину (въ „Пчелѣ“ попадаются поученія „о злыхъ женахъ“); можетъ быть они особенно понравились ему, потому что онъ, какъ надобно полагать, дѣйствительно имѣлъ причину жаловаться на женщину. Впрочемъ Данилъ, особенно распространялся о злыхъ женахъ, говорить еще нѣсколько словъ и о хорошихъ. Въпоследствии времени въ нашихъ благочестивыхъ книгахъ ограничивались одними злыми женами, только и знали, что предостерегали отъ нихъ мужчинъ. Не смотря на эти предостереженія, люди, конечно, женились, но смотрѣли на жену, какъ на что то враждебное; боясь поддаться женѣ, ушатали ее и презрительно съ ней обращались. Такимъ образомъ, по милости переходившихъ къ намъ поученій, все болѣе и болѣе нарушалась святость и тишина супружеской жизни. Съ униженіемъ жены не могло не унижаться и значеніе матери. Благочестивый отецъ считалъ долгомъ передать своему юному сыну, что женщина есть „мирской мятѣжъ, ослѣпленіе уму, начальница всякой злобы, во церкви бѣсовская митища, поборница грѣху, засада спасенію.“ Выслушавъ и перечитывавъ все это, а вмѣстѣ съ тѣмъ видя на каждомъ шагу презрительное обращеніе отца съ матерью, и сынъ могъ легко потерять—по крайней мѣрѣ большую часть прежняго уваженія. И счастье опять, что, какъ холонскіе взгляды, такъ и эта, въ равной степени противная нашей народности, отравя семейныя понятія, разлилась преимущественно по верховному, книжному слою народа, тогда какъ въ массѣ уцѣлѣла священная поэзія старины, а съ нею и прежнее уваженіе къ государынѣ матушкѣ. Между тѣмъ какъ книжники увѣрлись въ томъ, будто бы все, что есть или было зло на свѣтѣ, происходитъ отъ женщины, что ради ея не только Адамъ былъ изгнанъ изъ рая, но и прекрасный Иосифъ заточенъ въ темницу, и пророкъ Данилъ въ ровъ льваго.—Между тѣмъ какъ они указывали только на эти ветхозавѣтные примѣры женщины, народъ, къ счастью, имѣлъ возможность слышать въ трамахъ на языкѣ понятномъ высоко человеческое, новозавѣтное слово, слышать его, какъ оно есть, безъ всякихъ растолковывающихъ приевсовъ, съ любовью остановился на новозавѣтномъ идеалѣ женщины Богородицы, понявъ въ ней болѣе всего мать и ставъ восхвалять ее вмѣстѣ съ почтительнымъ ей сыномъ Христомъ. И такъ противодѣйствіе византійскому вліянію проявлялось, но только въ устной словесности, а не тамъ, откуда извѣрилось на Русь это во многихъ отношеніяхъ развращающее вліяніе,— не въ литературу, хотя

впоследствии, мы увидим и в ней слабые проблески такого противодѣйствія. Западу въ этомъ отношеніи надо отдать преимущество: и тамъ со стороны благочестивой литературы были поползованія внушить страхъ и презрѣніе къ женщинамъ, но народный духъ умлялъ лено и побѣдоносно противодѣйствовать этимъ поползованіямъ;

на Западѣ не только много писалось въ защиту женщины, но и развилось рыцарство, по крайней мѣрѣ на половину служившее ей. (Опытъ историч. обзор. Рус. Словес. О. Миллера 384—386).

Память старин. воспитанія. Лавровскаго. Чт. общ 1861. 3, III.

В. СТАТЬИ ИЗЪ НОВЫХЪ СОЧИНЕНІЙ.

234. Характеръ Балтійскихъ Славянъ.

Всегда бываетъ особенно трудно обрисовать общими чертами характеръ того безчисленнаго множества лицъ, имѣющихъ всякое свою особенность, изъ коего составляетъ народъ; но еще труднѣе становится опредѣлять характеръ народа угасшаго, когда онъ себя не высказалъ въ памятникахъ мысли и слова, и когда все, что о немъ извѣстно, хранится въ скудныхъ показаніяхъ его же враговъ и губителей. А по такимъ только показаніямъ мы судимъ о Балтійскихъ Славянахъ. По нимъ, съ трудомъ только и отрывочно, можно составить себѣ кое-какую картину ихъ народнаго характера, и то болѣе его наружныхъ свойствъ, нежели внутренней сущности.

Зная о враждебномъ положеніи Балтійскихъ Славянъ между сосѣдними народами, мы заключаемъ, что главною чертою въ ихъ характерѣ была воинственность. Дѣйствительно, всѣ писавшіе объ нихъ

иностранцы представляютъ ихъ народомъ самымъ воинственнымъ и храбрымъ, не рѣдко изображая ихъ свирѣпыми и лютыми. Въ этомъ отношеніи всѣ, и свои, и чужіе, отдавали почетъ и преимущество Лютичамъ (Велетамъ). Всѣ Балтійскіе Славяне признавали ихъ между собою смѣльчѣйшимъ племенемъ; своимъ мужествомъ они были извѣстны Чехамъ и Полякамъ; въ IX в. Эйнградъ пишетъ: «на южномъ берегу Балтійскаго моря живутъ Славяне и Эсты (т. е. Прусы и Литва) и разные другіе народы, и между ними первое мѣсто принадлежитъ Велетамъ.» Постоянно называютъ ихъ нѣмецкіе летописцы храбрыми, жестокими, лютыми; слава ихъ носилась въ далекихъ странахъ. Въ XI в. Англичанинъ упоминаетъ объ нихъ, какъ о народѣ самомъ воинственномъ на сушѣ и на морѣ, а Италіецъ говоритъ, что они изъ всѣхъ народовъ Германіи самый жестокій, «свирѣпѣе всякой свирѣпости.» И долго послѣ ихъ истребленія, преданіе о Лютичахъ, какъ о народѣ свирѣпѣйшемъ и о

злыхъ людѣдахъ, жило въ нѣмецкихъ сказкахъ и пугало воображеніе народа.

Другіе Балтійскіе Славяне, впрочемъ немногими, кажется, уступали Лютчанамъ въ воинской доблести, какъ и въ жестокости. Земля Вагорская, по свидѣтельству Гельмольда, была встарину населена народомъ храбрѣйшимъ, воспитаннымъ въ борьбѣ съ Саксами и Датчанами. Бодричи въ своемъ четырехълѣтнемъ бою съ Германіею и Даніею показали себя не хуже Вагровъ. Ранѣ называютъ народомъ жестокимъ и кровожаднымъ. Наконецъ Поморяне, по словамъ нѣмецкаго писателя, были люди опытные въ войнѣ на сушѣ и на морѣ, привыкшіе жить грабежемъ и добычею, неукротимые по врожденной свирѣпости. Почти тѣми же словами описывалъ Гельмольдъ всѣхъ вообще Балтійскихъ Славянъ, но въ особенности, разумѣется, Вагровъ и Бодричей, съ которыми онъ былъ наиболѣе знакомъ. «Славянамъ, онъ говоритъ, была врождена свирѣпость ненасытная, неукротимая, которая могла гибель окрестнымъ народамъ на сушѣ и на морѣ.»

Вотъ какое дѣйствіе могутъ на народъ имѣть обстоятельства! Славянское племя вообще такое миролюбивое и кроткое, занесенное на Балтійское поморье, между враждебныхъ ему воинственныхъ Нѣмцевъ и Датчанъ, сдѣлалось само чуть ли не воинственнѣе и свирѣпѣе своихъ противниковъ.

Привыкнувъ къ славянскому характеру, который терпѣливъ и сносливъ, этотъ воинственный бытъ Балтійскихъ Славянъ придавалъ имъ, кажется, нѣчто изъ тѣхъ свойствъ, которыя и на нашихъ глазахъ получаютъ старые воины, ходившіе съ оружіемъ по разнымъ землямъ, издавшіе всякихъ бѣдъ и опасностей. То были люди крѣпкіе, упорные, честные. Въ отношеніи къ тѣлу, славянская сносливость уступала въ нихъ до высшей степеніи. Саксы, которые между остальными германскими

ми племенами признавались самыми крѣпкими и храбрыми, и тѣ дивились Балтійскимъ Славянамъ. Вотъ слова саксонскаго монаха X в., который писалъ исторію своей родины: «Эти Славяне — народъ крѣпкій и сносливый на трудъ, привыкшій къ самому скудному образу жизни, и что нашимъ приходится въ тягость, то Славянамъ кажется еще роскошью.» Простота славянскаго быта у Нѣмцевъ даже вошла въ поговорку, хотя жизнь, которую вели въ средніе вѣка сами Нѣмцы, была какъ нельзя болѣе проста.

Какъ люди, натерпѣвшіеся на своемъ вѣку всякихъ лишеній и бѣдъ и закалѣвшіеся въ борьбѣ, дѣлаются склонны къ упорству, такъ и Балтійскіе Славяне едва ли были на свѣтѣ народъ упорнѣе. Изъ всѣхъ народовъ Европы они одни положили свою жизнь за старину свою, за свой старыи языческій бытъ: упорная защита старины, вотъ первое свойство всѣхъ этихъ передовыхъ племенъ славянскихъ—Вагровъ, Бодричей, Лютичей, возросшихъ въ бою съ Германцами. Правда, въ непреклонномъ упорствѣ Балтійскихъ Славянъ, которое ихъ и погубило, много виновна, даже виновнѣе ихъ самихъ, была корыстолюбивая исключительность враждебныхъ имъ соседей; но и природный ихъ характеръ былъ сему не послѣднею причиною, и не разъ случалось, что просвѣщенная ревность ихъ брата Славянина предлагала имъ отказаться отъ языческой старины свободною волею и вступить въ семью европейскихъ народовъ, а они упорствовали въ старинѣ и убивали своего благодѣтеля.

Крѣпкіе, закаленные бойцы, Славяне Балтійскіе отличались честностью и вѣрностію. Нѣмецкіе лѣтописцы, часто, правда, жалуются на то, что принужденные неудачею на войнѣ обѣщать покорность Нѣмцамъ, они, при первомъ удобномъ случаѣ, преступали свою клятву, и за это называютъ ихъ вѣроломными и непосто-

янными; но, по тогдашнимъ понятіямъ, возобновить войну съ непріятелемъ, которому поддались на время послѣ какого-нибудь пораженія, не считалось безчестнымъ, и сами Нѣмцы не разъ, собравшись съ силами, нарушали миръ, который прежде должны были просить у Славянъ, и не видѣли въ томъ позора. Но тѣ же самые Нѣмцы, которые укоряютъ Балтійскихъ Славянъ въ несоблюденіи политическихъ договоровъ, громко свидѣтельствуютъ, не смотря на взаимную вражду, о превосходной ихъ честности, даже во время крайняго ихъ упадка. Особенно замѣчательнъ рассказъ одного монаха, жившаго въ концѣ XII в., (когда Вагры начали уже совершенно исчезать), о какомъ-то Славянинѣ изъ племени Вагровъ, Трибутѣ Бакаровичѣ съ пятью сыновьями, который, провинившись въ разбоѣ и боясь смертной казни, скрылся и сталъ грабить страну, и даже ограбилъ самый монастырь, гдѣ жилъ повѣствователь (такъ называемый новый монастырь въ землѣ Вагорской): тамошній поселеникъ Годескалкъ, сынъ Дазоновъ, уже прежде, чтобы оградить себя, заключилъ съ нимъ дружеское условіе, и тѣ Славяне—разбойники, такъ говоритъ пострадавшій отъ нихъ монахъ, все время хранили это условіе вѣрно, какъ обычно Славянамъ. Не менѣе выразителенъ рассказъ другого писателя о честности Славянъ Поморскихъ: »Честность и общительность между ними такова, что они, почти не зная, что такое кража и обманъ, не запираютъ своихъ сундуковъ и ящиковъ. Не видать у нихъ нигдѣ замка или ключа, и они весьма удивились, что вьючные ящики и сундуки епископа (Оттона Бамберика, который къ нимъ пріѣхалъ) запирались на замокъ. Платъе, деньги и всякія драгоценности они прячутъ въ короба и сундуки, просто покрывая ихъ крышкою, и не боятся воровства, и. ч. его не испытывали.«

Замѣчательно, что при этой честности и вѣрности, Балтійскіе Славяне не любили провозносить клятвы; только договоры съ другими народами они утверждали (да всегда напрасно) подъ присягою, слѣдуя въ этихъ случаяхъ, безъ сомнѣнія, иностранному обычаю. Вообще же они допускали клятву чрезвычайно рѣдко и неохотно, считая ее для боговъ не менѣе оскорбительною, чѣмъ самое клятвopеступленіе. Въ особенности, кажется, боялись они клясться своими главными божествами, и если клялись, то не богами, а священными источниками, камнями и деревьями.

Съ вѣрностью данному слову и честностью соединялось крѣпость супружескаго союза и семейнаго быта. Вотъ свидѣтельство древнее (VIII вѣка) и непреложное знаменитаго Бонифація, великаго крестителя Германіи; слышенъ въ немъ голосъ, преданный Нѣмцамъ, но и этотъ голосъ долженъ былъ отдать справедливость славянской вѣрности: »Винеды (т. е. Славяне), такъ пишетъ Бонифацій, народъ мерзвѣйшій и самый дурной, хранитъ однако же съ такою вѣрностію въ супружескомъ союзѣ взаимную любовь, что жена, по смерти мужа, сама отрекается отъ жизни, и та считается между ними славною, которая своею рукою убьетъ себя, чтобы сгорѣть съ мужемъ на одномъ кострѣ.«

Правда, въ позднѣйшее время этотъ обычай вывелся, по крайней мѣрѣ не упоминается, и у Славянъ допускалось даже многоженство, но они всегда признавали только одну жену законною, и по всему видно, болѣе допускали многоженство de jure, нежели пользовались имъ de facto. Достоверные примѣры многоженства у нихъ чрезвычайно рѣдки, и то встрѣчаются только между Поморянами: поморскій князь Вратиславъ (въ началѣ XII в.) держалъ нѣсколько женъ, и при этомъ случаѣ повѣствователь говорить, что мно-

гіе Поморяне дѣлали также; но почти всегда въ домѣ у Балтійскаго Славянина, не только бѣднаго, но и самаго знатнаго и богатаго, даже у первыхъ людей на Пошорѣ, во время Вратиславова княженья, является одна жена, съ высокимъ значеніемъ въ семьѣ и въ обществѣ. Она ведетъ хозяйство, принимаетъ гостей, воспитываетъ дѣтей, вдовою по смерти мужа управляетъ всѣмъ домою, имѣніемъ и челядью; вообще супруга Балтійскаго Славянина была не раба, а равноправная жужу госпожа въ домѣ. Въ противоположность многоженству Вратислава можно привести въ примѣръ сильнаго князя Бодричей, Крука, родомъ изъ Раны (XI в.): у него, перваго между Славянами ревнителя ихъ старины и языческаго быта, могущественнаго государя всѣхъ почти Балтійскихъ племенъ, была одна жена, которую нѣмецкій лѣтописецъ, какъ бы изъ уваженія, называетъ госпожею Славниною (*domina Slavina, uxor Criconis*).

Совершенно непохожіе въ этомъ отношеніи на большую часть языческихъ народовъ, Балтійскіе Славяне считали цѣломудріе угоднымъ богамъ, и кто его нарушалъ въ мѣстѣ, посвященномъ боже-ству, тотъ, они твердо вѣрили, подвергался мгновенной и ужаснѣйшей карѣ.

Отношенія родителей къ дѣтямъ были также суровы, даже жестоки; родители у Балтійскихъ Славянъ полновластно распоряжались жизнью своихъ дѣтей, и могли, если не захотятъ воспитывать, убить младенца, особливо дочь; что и случалось весьма часто. Обязанности дѣтей къ родителямъ кончались только съ жизнью; Балтійскій Славянинъ считалъ первымъ и главнымъ долгомъ человека заботиться о своихъ родителяхъ, кормить и покомить ихъ на старости. Семейный союзъ былъ для него важнѣйшимъ; тотъ и пользовался наибольшимъ уваженіемъ, кто мѣлъ наибольшую семью и родню.

Съ рабами было обращеніе жестокое:

природныхъ рабовъ у Балтійскихъ Славянъ не было, какъ вообще у всѣхъ древнихъ Славянъ, но рабами становились военнопленные, и такихъ было множество. При всякомъ удачномъ походѣ, при всякомъ ловко исполненномъ набѣгѣ, Балтійскіе Славяне приводили къ себѣ въ рабство большее или меньшее число захваченныхъ въ плѣнъ непріятелей: они ихъ дѣлили между ратниками, или прощавали на рынкѣ. Кроме того были еще по всему славянскому Поморью, у Вагровъ, у Бодричей, у Лютичей, у Ранъ и Поморцевъ, удалцы—разбойники, для которыхъ уводъ невольниковъ составлялъ настоящій промыселъ. Отъ нихъ страдала Нордлангя, но еще болѣе Данія, куда былъ всѣмъ, даже отдаленнѣйшимъ Поморанамъ, открытъ доступъ съ моря. Отъ того-то и было у Балтійскихъ Славянъ всего болѣе рабовъ изъ Датчанъ: часто удавалось христіанамъ, при взятіи какого нибудь славянскаго города, освободить цѣлыя толпы ихъ. Покоренные въ концѣ XII вѣка, Багры и Бодричи не могли уже грабить Данію; но однажды случилось ихъ новелителю, саксонскому Герцогу Генриху Льву, рассеориться съ датскимъ королемъ, и онъ далъ имъ волю: въ словахъ лѣтописца слышится, съ какою свирѣпою жадностію эти Славяне бросались на прежнюю свою добычу.

«Кликнули князей славянскихъ, и тѣ сказали: «мы здѣсь, готовы,» и съ радостью послушались.пустилъ онъ ихъ, (т. е. Генрихъ), и цали плотины, сдерживавшія море, и прорвалась волна, подымаясь и разливаясь и нанося гибель многимъ датскимъ островамъ и прибрежнымъ землямъ. Исправлены были вновь корабли разбойниковъ, и они завали у Датчанъ богатые острова; пресытились Славяне, послѣ долгаго лишенія, богатствами Датчанъ, ушителись ими, говорю, утучнились, разжирѣли. Я слышалъ по рассказамъ, что въ Мекленбургѣ, въ день

торга, считалось до 700 душъ плѣнныхъ Датчанъ, выставленныхъ на продажу, только бы нашлись покупатели.»

Но не однихъ чужеземныхъ плѣнниковъ обращали Славяне въ рабство: въ безпрестанныхъ междоусобныхъ войнахъ своихъ, Лютичи уводили въ неволю Бодричей, Поморяне Лютичей, и т. д.; забирали цѣлыя семьи, и располагали ими, какъ добычею, разлучая немилосердо жену отъ мужа, дѣтя отъ родителей, не внимая никакимъ жалобамъ и воплямъ. Вообще тутъ бывали случаи ужасной жестокости, когда Бодричи, которыхъ Пѣнцы систематически истребляли и выживали изъ ихъ земли, доведенные до отчаянія всемъ этимъ гоненіемъ и посѣтившимъ страну ихъ голодомъ, бѣжали толпами къ Поморянамъ и Датчанамъ, но и свои братья — Поморяне, безъ пощады стали ихъ продавать Полякамъ, Лужицкимъ Сербамъ и Чехамъ, какъ невольниковъ.

Одинаковая съ военноплѣнными была участь неоплатныхъ должниковъ: они становились рабами заимодавца. Иногда у богатаго челоѣка было множество такихъ рабовъ. Замѣчательно, что, судя по разсказу жизнеописателя св. Оттона (въ началѣ XII в.), существовало въ этомъ отношеніи нѣчто въ родѣ международнаго права между Поморьемъ и Данією: у одного знатнаго Поморянина, Монслава, было въ рабствѣ нѣсколько Датчанъ, должниковъ его, и въ томъ числѣ знатный юноша, сынъ датскаго вельможи, котораго отецъ, будучи долженъ Монславу 500 фунтовъ (серебра), далъ въ заложники; его держали въ погребѣ, въ колодкѣ и цѣпяхъ, чтобы принудить отца къ уплатѣ.

Ужъ изъ этого видно, что обращеніе съ невольниками было не мягкое. Однихъ употребляли въ работу, другихъ держали для выкупа, и этихъ страшно мучили. »Священники христовы въ вагрскомъ го-

родѣ Любицѣ (въ началѣ XII в.) были, говоритъ Гельмольдъ, въ ужасномъ бѣдствіи: кромѣ нищеты и ежедневной опасности смерти, имъ приходилось еще смотрѣть на цѣпи и разнаго рода муки, которыя были удѣломъ христіанъ, приведенныхъ въ плѣнъ разбойниками.» Вотъ что разсказываетъ въ другомъ мѣстѣ тотъ же писатель, какъ очевидецъ: »Мы (съ епископомъ) остановились въ гостяхъ у Тѣшмира (знатнаго Славянина—Вагра), который принялъ насъ съ большею вышностью. Но не показались намъ сладкими и пріятными славянскіе пиры, п. ч. мы видѣли кандалы и разнообразныя мученія, которыми подвергались привозимые изъ Даніи христіане. Мы нашли тамъ священниковъ господнихъ, изнеможенныхъ долгимъ заключеніемъ, и епископъ ничѣмъ не могъ имъ помочь, ни силою, ни просьбами.»

У передовыхъ племенъ Балтійскихъ Славянъ, особливо въ послѣдній вѣкъ ихъ существованія, когда они со всѣхъ сторонъ только и видѣли бѣду и погубель, жестокость съ неприятелями, которые попадались имъ въ руки, доходила до изступленія: неистово вымещали они на христіанахъ гнѣтъ, который сами такъ долго отъ нихъ терпѣли, насильственное обращеніе въ христіанство, истребленіе, и мы поймемъ возможность и правдивость слѣдующей картины, нарисованной тѣмъ же Гельмольдомъ: »Народу славянскому врождена была ненасытная свирѣлость... Какими многообразными родами смерти Славяне губили христіанъ, разсказывать трудно: однихъ они вытягивали кишки, наматывая ихъ на колъ, другихъ распинали на крестѣ, ругаясь надъ знаменіемъ нашего искупленія... а кого они сажали подъ стражу ради денежнаго выкупа, тѣхъ мучать столькими пытками и скывывають столькими цѣпями, что незнающему и не повѣрить.»

Все это показываетъ Балтійскихъ Сла-

внѣ народомъ, воспитаннымъ въ воинственной жизни, суровымъ съ чужими, строгимъ у себя, въ своей семьѣ. Но у нихъ сохранились и черты мягкаго нрава, остатки быта кроткаго и мирнаго. Только иностранные писатели меньше говорятъ объ этой сторонѣ ихъ характера, за тѣмъ что она не такъ бросалась имъ въ глаза, какъ ихъ военная доблесть и жестокость ихъ къ несчастнымъ невольникамъ. Можно однакоже по немногимъ ихъ указаніямъ угадать, что и въ груди Балтійскаго Славянина, упорнаго воителя, билось сердце доброе, и что все же въ основаніи его нрава, хоть и ожесточеннаго, оставалась славянская общительность, славянское добродушіе. Доброта души ставила его, конечно, выше въ нравственномъ отношеніи средневѣковаго Нѣмца или Датчанина; разумѣется, мы говоримъ о природномъ характерѣ Балтійскихъ Славянъ и ихъ соперниковъ, независимо отъ вліянія религіи, и не сравниваемъ, напр., азычника, князя поморскаго, который считалъ позволительнымъ имѣть кромѣ жены 24 наложницы, съ Германцемъ, которому христіанская заповѣдь повелѣла хранить вѣрность своей законной супругѣ: но въ этихъ вліяніи, мы найдемъ въ тогдашнихъ Нѣмцахъ и Датчанахъ менѣе общительности и добродушія и, безспорно, столько же, если не больше, свирѣпости и безчеловѣчія, какъ въ Балтійскихъ Славянахъ. Въ особенности ихъ поведеніе съ Славянами превосходило въ жестокости все то, чѣмъ Славяне старались имъ отплатить. Что значить захватъ нѣмецкихъ и датскихъ невольниковъ Славянами, что значить всѣ ихъ грабежи, правда ужасные, противъ многовѣковаго порабоженія цѣлыхъ племенъ, такъ что для Нѣмцевъ и Датчанъ *Славянинъ* стало синонимомъ раба, и несчастная участь Славянъ, подпавшихъ ихъ власти, у самихъ Нѣмцевъ сдѣлалась поговоркою (все, что прежде принадлежало нашей Мерзебургской церкви, го-

ворить Титмаръ, было тогда распродано, подобно славянской семьѣ, которая, подвергшись обвиненію, распродается и разсѣвается). Что значить ненависть Славянъ къ своимъ германскимъ сосѣдямъ, противъ многовѣковой кровавой обиды, которую они отъ этихъ сосѣдей терпѣли? И Саксы называли, по словамъ нѣмецкаго историка, Славянъ собаками, и не признавали ихъ, даже когда они исподыдывали христіанскую вѣру, равноправными съ собою людьми! Что значить тѣ, правда, страшныя мученія, коимъ Славяне подвергали нѣкоторыхъ пѣвннхъ (особливо нѣмецкихъ священниковъ, которые ихъ насильно обращали), противъ систематическаго истребленія всего народа славянскаго на Балтійскомъ Поморьѣ?—А съ другой стороны въ Балтійскихъ Славянахъ выказываются черты такого высокаго добродушія и человеколюбія, какихъ напрасно бы стали искать въ средневѣковыхъ Нѣмцахъ и Датчанахъ; и черты эти тѣмъ драгоцѣннѣе и достоѣннѣе, что ихъ сохранило свидѣтельство враждебныхъ писателей.

Адамъ Бременскій громко выхваляетъ привѣтливую кротость и общительность Волинцевъ (жителей славнаго на славянскомъ Поморьѣ острова и города Волина, противъ устьевъ Одры): они принимали къ себѣ всякаго пріѣзжаго иностранца и безъ ограниченія давали ему всѣ права туземныхъ жителей: «до нынѣ, говоритъ онъ, Волинцы предамы заблужденію языческихъ обрядовъ, но впрочемъ не найдется относительно правовъ и гостеприимства народа честнѣе и добродушнѣе». Какъ хорошо подтверждается это свидѣтельство разсказомъ другого нѣмецкаго писателя о поступкѣ Волинцевъ съ католическимъ монахомъ, который пришелъ склонить ихъ къ принятію христіанства! Испанецъ родомъ, долго жившій въ Римѣ и назначенный епископомъ какой-то епархіи на мѣсто другого епископа, отста-

вленного, Бернардъ, выжитый протесками своего совѣтника, рѣшился идти обращать язычников и, не зная ни слова по-славянски, отправился на Поморье. Въ нищенскомъ рубищѣ явился онъ въ Волинь и черезъ переводчика началъ проповѣдывать народу. Жрецы и старшины волинскіе, долго толковавъ объ этомъ странномъ для нихъ человѣкѣ и о неслыханныхъ словахъ его, рѣшили, что онъ сумасшедшій и опредѣлили дать ему корабль и выслать его изъ своей земли. Но Бернардъ и слушать не хотѣлъ, и, въ пылу восторженной ревности, съ топоромъ въ рукѣ принялся рубить священный столбъ, принадлежавшій божеству Волинцевъ и съ которымъ сопряжено было, по ихъ вѣрованію, благосостояніе города и побѣда надъ врагами. Народъ бросился на него, поваливъ на землю и, сильно избивъ его, отошелъ; жрецы выручили несчастнаго изъ толпы, посадили на корабль и отправили обратно, по Одрѣ, въ Польшу, провожая насмѣшливыми словами: «если такая у тебя охота проповѣдывать, то ступай, проповѣдывай рыбамъ и птицамъ, а насъ оставь въ покоѣ.» — Можетъ ли быть больше добродушія? человѣкъ, котораго ни кто не понимаетъ, приходитъ къ язычникамъ, оскорбляетъ ихъ величайшую святыню, и его берутъ и вышрваживаютъ съ миромъ.

О свирѣпыхъ морскихъ разбойникахъ, закоренѣлыхъ язычникахъ, Ранахъ, летописецъ Гельмольдъ сознается, что имъ были врождены многія добрыя качества, въ особенности почитаніе родителей и гостепріимство. Въ этомъ послѣднемъ качествѣ самымъ виднымъ образомъ проявлялась для иностранца славянская общительность, и, дѣйствительно, нѣмецкіе писатели не надвигая гостепріимству Балтійскихъ Славянъ. Послушаемъ разсказа двухъ свидѣтелей, какъ они изображаютъ, на противоположныхъ концахъ Балтійска-

го поморья, одинъ у Вагровъ, другой у Поморянъ, гостепріимство славянскаго народа. Гельмольдъ, повѣствуя о своемъ путешествіи съ однимъ нѣмецкимъ епископомъ по землѣ Вагрокской (около 1155 г.), говоритъ слѣдующее: «Прибыславъ (князь Бодричей и Вагровъ, котораго Нѣмцы ужасно притѣсняли) попросилъ насъ завернуть къ себѣ въ домъ, нѣсколько въ сторону отъ дороги, по которой мы ѣхали; онъ принялъ насъ съ великою заботливостью и радушіемъ и приготовилъ богатое угощеніе. Передъ нами помѣстили столъ, уставленный двадцатью кушаньями. Тутъ-то я узналъ на опытъ, о чемъ прежде слышалъ по разсказамъ, что нѣтъ народа привѣтливѣе Славянъ своимъ гостепріимствомъ. Въ приглашеніи гостя они все какъ бы нарочно соревнуютъ другъ другу, такъ что никогда не приходится страннику самому просить у нихъ приѣма. Что ни приобрѣтаетъ Славянинъ своимъ трудомъ, хлѣбъ ли, рыбу ли, дичь ли, онъ все израсходуетъ на угощеніе и считаетъ того лучшимъ человѣкомъ, кто щедрѣе. Случается даже, что эта страсть—показаться пышнымъ и расточительнымъ—ведетъ къ воровству и грабегамъ. На эти вины смотрятъ снисходительно, извиняя ихъ долгомъ гостепріимства; у Славянъ есть поговорка: «что ночью украдешь, завтра раздавай гостямъ». Если же случится (впрочемъ это бываетъ чрезвычайно рѣдко), что бы кто ибудь отвергъ странника и не принялъ его, то считаютъ дѣломъ правымъ сжечь его домъ и имущество, и все единогласно называютъ такого человѣка безчестнымъ, подлымъ и стоящимъ всякаго поруганія, который бы отказался удѣлить гостю часть своего достатка.»

А вотъ что говорится о Поморянахъ: «Удивительное дѣло, у Поморянъ не снимается никогда со стола кушанье; у каждаго хозяина есть отдѣльная изба, чистая и нарядная, которая служитъ только для

стола и угощения: въ ней стоитъ столъ со всякою ѣдою и питьемъ, всегда накрытый, и когда одно блюдо опорожнится, несутъ другое; отъ мышей покрываютъ блюда скатертью самою чистою, и такъ кушанье всегда готово и ждетъ гостей, и во всякій часъ, когда захотятъ поѣсть, гости ли придутъ, или одни домашніе, то, вошедши въ столовую избу, найдутъ все готовымъ.»

Съ такою общительностью и такимъ гостеприимствомъ соединялась у Балтійскихъ Славянъ большая сострадательность къ ближнему. Они не допускали, чтобы кто-нибудь у нихъ впалъ въ нищету или просилъ милостыню; если кто отъ болѣзни или старости становился не мощенъ, то отдавали его на руки роднымъ, и тѣ ходили за нимъ весьма заботливо. Так. обр. не было у Ранъ и Поморцевъ, о которыхъ Нѣмецкіе писатели рассказываютъ эти подробности, людей бѣдныхъ и нищихъ, и если приходилъ къ нимъ нищій изъ чужой земли, то они его гнали съ презрѣніемъ, какъ бродягу, который за что-то недоброе оставилъ свою родину.

Были ли Балтійскіе Славяне, подобно своимъ соплеменникамъ, склонны къ пѣснямъ и веселію, объ этомъ нѣтъ извѣстія; но оно вѣроятно, при всей ихъ воинственной суровости. По крайней мѣрѣ, когда было гдѣ-нибудь празднество въ честь боговъ, то собиралось изъ всѣхъ окрестныхъ мѣстъ множество народа, часто нѣсколько тысячъ, и тутъ пѣли пѣсни, играли игры, плясали, кричали.

Таковъ былъ характеръ этихъ людей: основаніе доброе, общительность и любовь къ ближнему; но на этомъ основаніи вызванная обстоятельствами воинственность, породившая бытъ строгій и суровый, воинственность, часто переходившая въ склонность къ разбою, въ жестокость и свирѣпство, — однимъ словомъ, народъ въ

сущности добрый и не жестокий, но ожесточенный.

Въ исторіи же, Балтійскіе Славяне выступаютъ не въ полнотѣ своей природы, вмѣстѣ добродушной и суровой: о кротости, объ общительности нѣтъ и помину, и является только война за войною, жестокость за жестокостью. Такъ ихъ поставила судьба: окруженные постоянной опасностью, тѣснимые отовсюду врагами, разъединенные между собою, они не могли не жить одностороннею жизнью народа, который только и думалъ о войнѣ и защитѣ, который вѣчно былъ въ бою.

(Ист. Балтійс. Славянъ А. О. Гильфердина. Т. I, 37—51. М. 1855).

235. Религіозные обычаи.

Христіанство—вѣра чистая, небесная, вступивъ въ общество русскихъ, нашелъ сильные безпорядки въ семейномъ быту русскаго народа, безпорядки пагубные и для гражданскаго быта; надобно было много бороться съ язычествомъ.

Прекрасно обыкновеніе русскаго христіанства стараго времени—причащаться св. таинъ брачующимся; Пифонтъ говорилъ, что надобно удостоивать животворящей таины и тогда, когда на комъ-либо изъ нихъ лежитъ эпитимія. Святое само по себѣ правило сіе спасительно было тогда и въ томъ отношеніи, что учило грубый народъ святости брака. Простой народъ не относилъ къ обязанности испрашивать благословенія церкви, союзу брачному: думалъ, что это благословеніе—преимущество князей и бояръ. Такая вольность была собственно плодъ дикой языческой грубости, предоставлявшей брачный союзъ безусловному произволу, о чемъ писалъ

преп. Несторъ (*Ист. Рос. Арцыбашева. I, 11*). У Сербовъ, даже во время перваго сербскаго архіепископа св. Савы, простой народъ бралъ женъ безъ благословенія въ храмѣ, и точно такъ же, какъ и въ Россіи, считалъ вѣчаніе отличіемъ людей высшаго класса. Христіанство не могло терпѣть такихъ обычаевъ. «Людамъ простымъ по имени и общему мнѣнію—говоритъ митрополитъ,— даемъ вразумленіе и говоримъ: только одни невѣжи въ законѣ допускаютъ для простыхъ и невѣждъ такое совокупленіе; безъ церкви божіей, безъ благословенія творятъ свадьбу, называя это тайнымъ вѣчаніемъ; тѣмъ, которые такъ берутъ женъ, налагать эпитимію, какъ блудникамъ. Въ другомъ правилѣ, ясно поставляя такой обычай простоцародія, въ связи съ язычествомъ, папстырь повелѣваетъ употреблять все стараніе, чтобы вразумить невѣжество, наставлять, увѣщевать, поражать страхомъ отлученія отъ церкви.

Языческая жизнь Русскихъ позволяла многоженство. Ярославовъ уставъ о церковныхъ судахъ на мужа, держащаго двухъ женъ, налагалъ пеню; а вторую жену его приказывалъ отводить въ домъ церковный, чтобы родные внесли за нее выкупъ. Митр. Іоаннъ писалъ о безстыдныхъ: «Это противно вѣрѣ и греческому благовѣрному житію», и повелѣвалъ не считать непокорныхъ христіанами. Противъ того же говорилъ и Нифонтъ.

Таже языческая жизнь предоставляла право пережѣнять женъ по произволу страстей; но христіанство не дѣйствуетъ за одно съ страстями. Ярославъ опредѣлялъ мужу сверхъ денежнаго штрафа гражданскую казнь, а въ случаѣ обоюднаго согласія четы на разводъ назначилъ только денежное взысканіе; послѣднее было снисхожденіе къ укоренившемуся обычаю, если только не относилось къ случаямъ законнаго развода. М. Іоаннъ нашелъ возможнымъ дѣйствовать ближе къ духу хри-

стіанства: онъ отлучалъ виновныхъ отъ причащенія св. таинъ и повелѣвалъ дѣлать увѣщанія простому народу, мало знакомому съ духомъ христіанства. Но тотъ же митрополитъ, въ томъ случаѣ, если кто подъ видомъ благочестія оставлялъ жену, позволялъ такого удостоивать и сана священства, женѣ вступать въ новый бракъ: это было только въ духѣ тогдашняго греческаго благочестія.

М. Іоаннъ своими правилами указывалъ и на тѣ предѣлы, которые полагаетъ природа заключенію браковъ въ степеняхъ родства, повторяя мысли, оправданныя въ греческой церкви. Впрочемъ князья не всегда слѣдовали смиръ правиламъ, такъ же какъ и запрещенію того же митрополита заключать бракъ съ иновѣрными.

Священникъ подвергался лишенію сана, когда, зная или не зная, освятилъ бы таинствомъ троюженца; снисхожденіе къ немощи дозволяло только читать молитву...

Торгъ рабами во время язычества былъ дѣломъ обыкновеннымъ на Руси: прибыль оправдывала его для язычника. Страсть къ корысти побуждала нѣкоторыхъ дѣлать то же и въ христіанствѣ; покупали невольниковъ, обращали ихъ въ христіанство, и потомъ продавали ихъ въ *поганые*—язычникамъ, жидамъ, магометанамъ. На вопросъ о такихъ м. Іоаннъ писалъ: «Христіанина не продавать ни жидамъ, ни еретикамъ; иначе грѣшатъ не только противъ христіанскаго правителя, но и противъ Бога. Подумай о примѣрахъ Ананіи и Сапфіры, и разсуди: они, принеся цѣну обѣта своего Богу чрезъ верховнаго апостола Петра, удержали только малую часть, и однако осуждены были на смерть, какъ хищники части, обѣщанной Богу. А купцы, которые назнаменали знаменіе божіе на купленныхъ ими рабахъ, освятили молитвою, знаменавъ и молитву давъ, потомъ продаютъ поганымъ. Это уже не тайное согрѣшеніе, но открытое; отда-

женное для Бога крадутъ и чужое присвоиваютъ. Намъ такъ кажется, что они согрѣшаютъ наравнѣ съ тѣми, которые гонятъ вѣру нашу, обращаютъ отъ вѣры въ невѣріе. Надобно отвлекать ихъ отъ сего злаго дѣла вразумленіемъ и наставленіемъ, если не послушаютъ,—считать ихъ наравнѣ съ язычниками и мытарями. Когда язычество оставалось по мѣстамъ и между русскими, а еще болѣе у Чеченѣговъ, Половцевъ,—неудивительно, что въ невѣдѣніи иные русскіе христіане раздѣляли трагезу языческую. Для такихъ только творить молитвы на оскорбленіе,—говоритъ митрополитъ. Но языческаа страсть къ корысти вовлекала и волю христіанина въ общеніе съ язычниками,—«своею волею ходить къ поганымъ купля ради и сиверно ядять». Мы причисляемъ ихъ,—говоритъ митрополитъ Россіи,—къ хищникамъ, лихоищамъ, неправедникамъ, издомищамъ, сребролюбцамъ. Они не подлежатъ праву (т. е. нѣтъ на то особаго правила), но не изъяты отъ осужденія. Надобно преподавать имъ наставленіе, учить ихъ, внушать имъ евангельское слово: *о, горе вамъ яко имяше васъ ради хулу приимлетъ въ языцехъ...*

Съ привычками языческими заодно дѣйствовалъ во вредъ христіанской жизни духъ времени, невѣжественный и дышавшій кровію во всей Европѣ, довольно мрачный и между Греками. Въкъ извиняетъ человѣка: тѣмъ не менѣе христіане страдаютъ отъ страстей вѣка, и страдали въ древней Россіи. Исторія древней Россіи представляетъ печальную картину дикихъ раздоровъ. Князья удѣльные дрались другъ съ другомъ за участки, и при первомъ удобномъ случаѣ бросались на вел. князя за его престолъ; братъ возставалъ на брата; не рѣдко дѣти поднимали оружіе на отца, и отецъ на дѣтей. И такъ было не годы, а два столѣтія; и такъ было не по временамъ, а рѣдко проходилъ

годъ, о которомъ бы не сказала лѣтопись: *бысть съча зла, а иногда и рядъ годовъ былъ рядомъ опустошеній, убійствъ, грабежа.* Чѣмъ ближе къ времени Моголовъ, тѣмъ больше крови; когда уменьшилось число князей, съ 1133 г. цѣлю 50 лѣтъ сряду дрались то тамъ, то здѣсь, то по всей Россіи: тогда уже не было пощады и священному;—грабили храмы и монастыри. Самое страшное бѣдствіе бывало тогда, какъ брали народъ на шить. Нѣтъ сомнѣнія, что если среди всеобщихъ грабежей и убійствъ русскій народъ не сдѣлался вовсе дикимъ; то это было дѣло христіанства, и это означало, что христіанство было въ душѣ его. Лучшее питомице любви христовой выходилъ изъ борьбы съ злымъ духомъ времени побѣдителями высокими, мучениками...

При всей неприязненности духа времени, при всемъ влияніи оставшагося язычества на нравы, искренность и простота нравовъ были украшеніемъ первыхъ христіанъ русскіхъ. Эта простота много значила и въ томъ отношеніи, что не давала злу времени—духу вражды, глубоко нисходить въ сердца многихъ; оттого такъ скоро забывались многими обиды, иногда кровавыя. Съ другой стороны, такъ какъ духовное образованіе души совсѣмъ не то, что эстетическое образованіе вкуса, не то, что и образованіе ума познаніями: то недостатки образованія вкуса и ума—не указатели на недостатокъ духовнаго образованія предковъ нашихъ. Напротивъ сердечная простота предковъ нашихъ спасала ихъ отъ толпы мелочей, блестящихъ по виду и весьма вредныхъ по дѣйствию на душу. Она же не допускала ихъ отыскивать тысячи извиненій грѣхамъ, какъ это бываетъ при ея недостаткѣ. Отъ того-то и лѣтописи и жизнь говорятъ такъ часто о простодушномъ и тѣмъ болѣе высокою покаяніемъ князей. Впрочемъ не такъ ведливо было бы говорить, что все, что дѣлалось простотою, хотя и благочестивою,

было хорошо (напр. крещеніе мертвыхъ братьевъ св. Владиміра при Ярославѣ 1—Ярослава и Олега)...

Естественно, что, по введеніи христіанства въ Россію, взоры всѣхъ обратились на востокъ, откуда озарилъ Россію свѣтъ вѣры. Отсюда естественно было желаніе путешествовать на востокъ. Первымъ благочестивымъ путешественникомъ въ Аѳонъ былъ пр. *Антоній*. Пр. *Варлаамъ* ок. 1060 г. путешествовалъ въ Іерусалимъ на поклоненіе св. мѣстамъ его: это былъ, сколько извѣстно, первый русскій полонникъ гроба господня, и онъ же, по возвращеніи изъ Палестины, путешествовалъ въ Царьградъ... Въ половинѣ XII стол. столько являлось желавшихъ идти на востокъ, что пастырямъ церкви надлежало многихъ останавливать. Хотя и не было у насъ того, что въ тоже время было на западѣ—не шли толпы праздныхъ людей съ мечемъ въ рукахъ для защиты памятниковъ вѣчной любви, но и игуменъ Даниилъ замѣчалъ: «многи ходивше, св. тѣхъ мѣсть и видѣвше градъ Іерусалимъ и вознесешя умомъ, яко вѣчто доброе сотворше, погубляютъ мзду свою». Нифонтъ, новгород. епископ, не дозволяя разрѣшать каждому идти на востокъ, говорилъ: «иные идутъ съ тѣмъ, чтобы тамъ и здѣсь скитаясь ѣсть и пить,—это худо, надобно запрещать». А св. Іоаннъ на вопросъ Киррика: что дѣлать съ тѣми, которые связали себя обѣтомъ—идти во Іерусалимъ, отвѣчалъ: «налагать эпитимию, ибо эти обѣты губятъ землю». Сія запрещенія, какъ очевидно, не унижаютъ, а возвышаютъ достоинство путешествій, какія дозволяла древняя русская церковь⁽¹⁾...

Его же любитъ Господь, наказуетъ. Въ его премудромъ планѣ, иго Монголовъ

(1) Пам. XII в. 176, 203. См. о ражности христ. путеш. къ св. мѣст. А. Зерцвинова. М. 1840.

было иѣрою любви, врачующей нравственные болѣзни русскаго народа. Чѣмъ же былъ народъ подъ этимъ игомъ? Прежде всего общее бѣдствіе пробудило въ народѣ чувство покаянія. Такъ показываютъ памятники. Волею и неволею Русскіе приводили на память примѣръ Ниневитянъ и калялись, вспоминали объ Израилѣ—невольникѣ Египта и обращались отъ земли къ Богу. Вместе съ тѣмъ постоянною мыслию народа было, что онъ—народъ христіанскій, а жестокіе владыки его—не вѣрные, ненавистные Богу; такимъ образомъ основою жизни была мысль высокая,—вѣра въ превосходство христіанской вѣры. Эта мысль ободряла народъ, когда скорби доходили до глубины души его, и она же заставляла дорожить тѣмъ, что внушало ему христіанство; она внушала любить то, что любили не чтившіе имени Христова.—Оттого, въ два столѣтія рабства, Русскіе остались съ прежнею любовію къ родинѣ, не приняли отъ Татаръ ихъ дикости хищной. Среди бѣдъ тяжкихъ эта мысль образовала твердость въ характерѣ народа, стойкость въ своихъ правилахъ; тамъ, гдѣ духъ христіанскій благодатно проникалъ въ душу и давалъ высшее направленіе силамъ души, любовь къ Богу не боялась подвиговъ самыхъ суровыхъ, —трудоу самыхъ тяжкихъ. Благоговѣніе къ вѣрѣ, къ имени Христову было общимъ для всѣхъ состояній. Духъ вражды, властолюбивой въ первые годы ига, волновалъ сердца князей по прежнему; но потомъ мало помалу становился тише, болѣе и болѣе уступалъ мѣсто духу кротости. Волею и неволею князья стали ожидать славы не отъ меча своего, а отъ воли божіей и отъ того, кому покоряла ихъ она; волею и неволею стали называться братьями.

Странно, но вѣрно: Новгородцы, которые не видали у себя Батыя, которые, по отдаленности отъ орды Кинчакской, рѣдко терпѣли грабежи и насилія Татаръ.

Новгородцы въ монгольскій періодъ пятнали себя звѣрскою необузданностію и злодѣйствами, какихъ не видно было въ другихъ краяхъ Россіи; это всего яснѣе показываетъ, какъ нужно было иго, которое наложилъ промыслъ божій на Россію. Сколько посадниковъ Новгородцы бросили въ Волховъ! Сколько разъ грабили и убивали невинныхъ! Сколько разъ поднимали мятежь междуусобный, мятежь противъ в. князя! Не разъ Новгородская вольница толпами ходила жечь города, грабить народъ и убивать собратій по вѣрѣ и крови. Самыя забавы новгородцевъ отличались буйствомъ неистовымъ: такъ въ 1358 г. они обязались клятвою не бить въ бѣсовскихъ забавахъ бочекъ.

Неудивительно, что подъ игомъ тяжкаго рабства, подъ властію дикаго своеволія, для котораго утѣха—мечъ и опустошеніе, бѣдные христіане восточной и средней Россіи не имѣли мягкости въ нравахъ. Отсюда нужда заставила добросердечнаго князя Дмитрія ввести смертную казнь, тогда какъ Мономахъ говорилъ: «не убивайте виновнаго,—жизнь христіянина священна». Прежде денежная пеня удерживала отъ воровства, а въ XIV стол. воровъ вѣшали, за другія же преступленія били плугомъ. Естественно было и то, что Русскіе въ періодъ монгольскихъ насилій утратили часть довѣрливаго простодушія;—горькая нужда заставляла ограждать себя хитростію, когда не въ силахъ были противопоставить насилію отпоръ мужества. Это была дань тяжкому времени со стороны слабыхъ.

(Ист. рус. цер. архіеп. Филарета. М. 1857, I, 84—87. 132—134. 137. 140—141; II, 105—107).

136. Несвободна состоянія въ древней Россіи.

Въ государственномъ быту встрѣчаются учрежденія, которыхъ корни глубоко заатаены въ жизни народной. Они не произведеніе вчерашняго дня; ихъ не установило законодательство, имѣющее въ виду потребности времени и измѣняющееся съ ходомъ обстоятельствъ. Они составляютъ наслѣдіе давнихъ временъ, и достаются отъ предковъ отдаленному потомству. Иногда они живутъ, единственно благодаря этой древности. Жизнь ушла впередъ, а учрежденія остаются тѣже. Первоначальный смыслъ ихъ затемняется и забывается; они приноравливаются къ потребностямъ новаго быта, совершенно отличнаго отъ того, который ихъ произвелъ, и представляютъ остатокъ старины, не всегда понятный для современниковъ. Люди, получившіе это наслѣдіе, живущіе подъ вліяніемъ этихъ стародавнихъ учрежденій, стараются однакоже уяснить себѣ ихъ значеніе. Для этого приуменьшаются обыкновенно разныя государственныя соображенія, разныя причины бытія, почерпнутыя изъ настоящей жизни, и дающія имъ смыслъ въ настоящее время. Но такія объясненія могутъ только затѣмнить истинное дѣло; каждое учрежденіе имѣетъ смыслъ и значеніе единственно на той почвѣ, на которой оно возникло. Чтобы понять его, нужно перенести мысль своимъ взоромъ къ тому порядку вещей, который присутствовалъ при его зарожденіи, нужно прослѣдить постепенный процессъ его образованія и послѣдующихъ его измѣненій, устранивши современные софистическія выдумки. Однимъ словомъ—каждое учрежденіе объясняется только своею исторіей; исторія одна даетъ намъ его смыслъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣшаетъ, имѣетъ ли оно право на дальнѣйшее существованіе или нѣтъ. Историческая работа должна по этому служить краеуголь-

нымъ камнемъ для пониманія современнаго состоянiя общества и народовъ; безъ нея всё государственныя соображенiя имѣютъ слишкомъ шаткую основу. Отправляясь отъ одного настоящаго, они не могутъ отдѣлать временныхъ стѣпей отъ постоянныхъ, не могутъ уразумѣть внутренняго смысла жизни, глубоко затаеннаго въ недрахъ исторiи, не могутъ наконецъ и создать прочнаго порядка вещей, ибо ничего не видятъ далѣе минутныхъ потребностей современности, далѣе рутинныя привычнаго порядка. Но, разумѣется, изучая исторiю, мы не должны приступать къ ней съ заранѣе приготовленными убѣжденiями, вносить въ нее современные требованiя, современные интересы; ибо тогда она потеряетъ истинное свое значенiе, и сдѣлается орудiемъ для доказательства той или другой мысли. Поэтому, когда мы изучаемъ исторiю какого бы то ни было учрежденiя, мы должны прежде всего отдѣлаться отъ настоящаго и разсмотрѣть, при какихъ оно возникло условiяхъ, какая была причина существованiя такого порядка вещей?

Къ числу учрежденiй, составляющихъ завѣщанное вѣками наследiе, у всѣхъ народовъ, по крайней мѣрѣ въ известныя эпохи ихъ жизни, принадлежатъ состоянiя несвободныя. Рабство мы видимъ уже въ глубочайшей древности; нѣтъ народа, у котораго бы оно не проявилось въ той или другой формѣ. Начало его теряется во мракѣ; впоследствии оно продолжаетъ существовать, измѣняясь съ теченiемъ времени, принимая въ себя новыя стѣпи, но вообще смягчалось по мѣрѣ развитiя началъ человеколюбія и нравственности. У каждаго народа оно получаетъ свой отбѣнокъ, зависящій отъ народныхъ свойствъ и отъ характера общественнаго развитiя. У одного оно принимаетъ черты болѣе суровыя, у другого болѣе мягкія; у одного развивается преимущественно юридическая сторона, у другаго юридическія опре-

дѣленiя касаются только самыхъ яркихъ проявленiй жизни; у одного мы видимъ строгую послѣдовательность выводовъ, у другого, напротивъ, неопредѣленность отношенiй рождаетъ противорѣчiя, которыя разрѣшаются только жизнью. Въ какой же формѣ являются несвободныя состоянiя у нашихъ предковъ? Откуда они возникли и какимъ подверглись измѣненiямъ? Вопросъ чрезвычайно важный, можно сказать одинъ изъ важнѣйшихъ въ нашей исторiи, если мы взглянемъ на долговѣчность этихъ отношенiй и на значенiе, которое они имѣютъ даже въ настоящее время.

У всѣхъ народовъ первоначальнымъ источникомъ рабства былъ плѣнъ. Племена первобытныхъ ликиновъ сознанiя объ общенiи народовъ; у нихъ нѣтъ понятiя о человѣкѣ, ибо это понятiе постепенно развивается путемъ историческаго развитiя. Для нихъ право и законъ не выходятъ изъ тѣснаго круга національной исключительности, и все, что внѣ этой сферы, попадаетъ подъ ихъ власть, становится законнымъ ихъ достоянiемъ. Такимъ образомъ плѣнникъ, взятый на войнѣ, имѣетъ съ добычею дѣлается собственностью побѣдителя, и превращается въ раба, находящагося въ полномъ распоряженiи господина. Это явленiе всеобщее. Не отъ племеннаго характера зависитъ состоянiе, въ которомъ содержится племенные повельники. Чѣмъ мягче нравы народа, тѣмъ менше онъ склоненъ къ воинственной жизни, тѣмъ отношенiя къ плѣннымъ отзываются болѣе кротостью. У Славянъ, по свидѣтельству Макарія (*Житiе м. I, прим. 132*), плѣнные держались въ неволѣ только временно; послѣ известнаго срока имъ предоставлялось на выборъ заплатить выкупъ и возвратиться на родину, или остаться у хозяевъ на свободѣ и жить какъ друзьямъ.

Этимъ скуднымъ извѣстiемъ ограничивается то, что мы знаемъ о рабствѣ, существовавшемъ у нашихъ предковъ. Но

его достаточно для убѣжденія, что не у нихъ мы должны искать начала тѣхъ крѣпостныхъ отношеній, какия развились впоследствии. Настоящее рабство является у насъ вмѣстѣ съ варяжскою дружиной, и, вѣроятно, было принесено ею. Уже въ договорахъ Олега и Игоря съ Греками встрѣчаются условія о рабахъ, требуется выдача бѣжавшаго раба и устанавливается ему цѣна. Изъ этихъ и другихъ источниковъ (*тамъ же* пр. 329) мы знаемъ, что варяжскіе купцы въ Константинополѣ торговали рабами, плѣнными или купленными. Военственный характеръ дружины долженъ былъ значительно способствовать умноженію рабовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать положеніе ихъ гораздо худшимъ, нежели какимъ оно было у древнихъ Славянъ. Плѣнные по прежнему считались военною добычею, и князья въ своихъ походахъ выводили ихъ во множествѣ изъ опустошаемыхъ земель. Такъ Ольга, взявши Коростень, многихъ Древлянъ избрала, а другихъ отдала въ рабство своему войску. Такъ Ярославъ и Мстиславъ воевали Ляшскую землю и многихъ Ляховъ вывели и раздѣлили между собою (*Рейцъ, изданіе Морощкина, стр. 67*).

Въ Русской Правдѣ рабство является, какъ вполне развитое учрежденіе. Здѣсь исчисляются три источника холопства облынаго, т. е. полнаго: 1) Купля передъ свидѣтелями, при чемъ покупатель долженъ былъ дать продавцу по крайней мѣрѣ ногату (мелкую монету) въ присутствіи холопа, а не безъ него. 2) Женитьба на рабѣ безъ рада; но если женихъ заключалъ особенный договоръ съ хозяиномъ, то условія получали законную силу. Впоследствии всегда существовало правило: по рабѣ холопъ, а по холопѣ раба. Оно возникло не изъ понятія о нераздѣльности семейства; — оно имѣло основаніемъ то, что свободный человѣкъ связывалъ себя съ лицомъ, составляв-

шимъ собственность другаго, чѣмъ и самъ онъ становился собственностью. Личная зависимость дѣлала человѣка крѣпостнымъ, какъ видно и изъ слѣдующаго источника облынаго холопства. Это 3) принятіе должности тиуна или ключника безъ рада; если же это совершилось на основаніи договора, то како ся будетъ срадитъ, на томъ же и стоять (*Рус. Правда изд. Колачова, ст. IV, V, VI*). Здѣсь опять личная зависимость дѣлаетъ человѣка холопомъ, если онъ особеннымъ условіемъ не выговорилъ себѣ право свободы.

Кромѣ того въ Рус. Правдѣ упоминаются и другіе источники рабства. Сюда относится: 1) *Рожденіе отъ рабыни*. Плодъ отъ челяди, такъ же и плодъ отъ скота, составляетъ собственность хозяина (ст. 68). 2) *Неоплатный долгъ*. Если купецъ, взявшій въ долгъ деньги или товаръ, пропьеть ихъ, или вообще испортить и утерять ихъ по своей винѣ, то заимодавцу предоставлялось право либо жадать своего долга, либо продать своего должника (ст. 12). Въ другой статьѣ (55) предписано, всякаго человѣка, кто задолжаетъ многимъ, и не въ состояніи уплатить, вести на торгъ и продать. 3) Въ некоторыхъ случаяхъ *закупъ*, т. е. челоуѣкъ, временно отдавшій себя въ работу на долгъ, дѣлался рабомъ хозяина, именно если онъ бѣжалъ отъ хозяина, или совершалъ преступленіе, за которое хозяинъ обязанъ былъ вознаграждать истца.

Ко всемъ этимъ способамъ укрѣпленія надобно прибавить еще плѣнъ и добровольную продажу себя въ рабство, которая безъ сомнѣнія существовала и въ то время, также какъ и въ послѣдствіи, хотя въ Рус. Правдѣ объ ней не упоминается иначе, какъ въ формѣ добровольнаго вступленія въ должности ключника и тиуна. Въ договорѣ смоленскаго кн. Мстислава Давидовича съ Ригюю и

готскимъ берегомъ 1229 г. говорится и о томъ, что если князь разгнѣвается на подвластнаго ему человѣка, онъ можетъ обратить его въ холопство вмѣстѣ съ женою и дѣтьми. Въ другомъ спискѣ того же договора, вмѣсто обращенія въ холопство, сказано: повелѣтъ его разграбить съ женою и дѣтьми (*Рус. Пр. стр. 158*).

Изъ этого видно, какъ многочисленны и разнообразны были способы личнаго укрѣпленія. Каждое зависимое отношеніе могло быть источникомъ рабства: плѣнь, женитьба, заемъ, наемъ, преступленіе, добровольное подданство—все могло свободнаго человѣка сдѣлать рабомъ, не говоря уже о способахъ производныхъ, какъ—то куплѣ и рожденіи въ холопскомъ состояніи. Во времена насяія и неустойства каждое лице стремилось расширить свою власть, укрѣпить за собою все, что примыкало къ нему какимъ бы то ни было образомъ, и тѣмъ увеличивать свое значеніе въ обществѣ. Это стремленіе было даже до такой степени сильно, что законодательство принуждено было поставить ему нѣкоторыя ограниченія: по законамъ Рус. Правды, человѣкъ получившій сеуду (дачу) или хлѣбъ или придатокъ, черезъ это не дѣлался холопомъ, но сохранялъ право возвратить данное (милость) и отойти отъ хозяина (ст. 7). Но самая необходимость такого ограниченія показываетъ, до какой степени каждое лице старалось установить полное свое господство надъ всѣмъ окружающимъ.

Каково же было юридическое положеніе холопа? На это мы найдемъ отвѣтъ въ постановленіяхъ Рус. Правды.

Холопъ считался не лицомъ, а вещью, частною собственностью хозяина, которая подвергалась тѣмъ же юридическимъ послѣдствіямъ, какъ и всякое другое имущество. Плодъ отъ челяди наравнѣ съ плодомъ отъ скота, съ товаромъ

и съ деньгами высчитывается въ числѣ движимаго имущества хозяина (ст. 68). Собственности у холопа нѣтъ; все, что бѣглый холопъ приобрѣлъ, все то, вмѣстѣ съ его лицомъ, поступаетъ къ владѣльцу (ст. 58). Кто даетъ холопу денегъ въ займы, зная, что онъ холопъ, тотъ лишается своихъ денегъ; но если онъ сдѣлалъ это по невѣдѣнію, то хозяинъ обязанъ заплатить за холопа. Въ договорѣ Мстислава Давид. съ Ригюю допускается впрочемъ долгъ, сдѣланный холопомъ княжескимъ: если латинскій гость даетъ сеуду княжескому холопу или другому доброму человѣку, а тотъ умретъ, не заплативъ долга, то наследникъ его обязанъ вознаградить Немца; тѣмъ же правомъ пользуются и Русскіе въ Ригѣ и на Готскомъ берегу (*Собр. госуд. грам. II, № 1*). Но въ Рус. Правдѣ объ этомъ исключеніи нѣтъ ни слова. Хозяинъ же платитъ долги холопа, котораго онъ отпустилъ торговать (ст. 57); онъ же вознаграждаетъ истца, если холопъ совершилъ преступленіе, за которое долженъ платить. Такимъ образомъ, если холопъ укралъ что-нибудь, господинъ его платитъ вдвое противъ цѣны вещи, но на холопа пени не налагается, потому что онъ несвободный (ст. 46). Господинъ воленъ однакоже, вмѣсто уплаты, выдать его истцу съ женою и дѣтьми, если они участвовали въ покражѣ или въ утайкѣ украденной вещи, или безъ нихъ, если они ни въ чемъ виновны (ст. 49). Было одно только преступленіе, которое имѣло послѣдствія и для самого холопа. Это личная обида, нанесенная свободному человѣку. Если холопъ ударитъ свободнаго мужа и убѣжить къ хозяину, а послѣдній не захочетъ его выдать, то онъ обязанъ заплатить истцу 12 гривенъ, но обиженный могъ за тѣмъ убить холопа, гдѣ бы онъ его ни встрѣтилъ. Такъ установилъ Ярославъ Владиміровичъ, но сыновья его

смягчили этотъ законъ; они предоставляли на выборъ обиженному: связать холопа, или бить, или продать его за деньги, или взять гривну кунъ за исораніе (ст. 60).

Такимъ образомъ собственность холопа есть собственность господина; за дѣйствіа холопа отвѣчаетъ господинъ. Какъ несвободный, холопъ не можетъ быть и свидѣтелемъ въ судѣ; только по крайней нуждѣ допускается свидѣтельство дворскаго тиуна болгарскаго (ст. 117). Но во всякомъ случаѣ по свидѣтельству холопа судья не могъ подвергнуть отвѣтника испытанію желѣзомъ и водою, развѣ этого потребуетъ истецъ, сказавши, что испытанію подвергаетъ отвѣтника самъ онъ, а не холопъ. Однакожъ если отвѣтникъ не могъ быть уличенъ, истецъ обязанъ былъ заплатить ему гривну за муку, потому что онъ основался на рѣчахъ холопа (ст. 119).

Какъ вещь, холопъ могъ быть уничтоженъ, украденъ, утаенъ. Поэтому въ Рус. Правдѣ устанавливаются правила для всѣхъ этихъ случаевъ. За убійство свободнаго челоука платится вира; но за холопа и за рабу виры нѣтъ, а въ случаѣ убійства безъ вины, убійца платитъ урокъ господину, да князю 12 гривенъ пени (ст. 84). Количество этого урока опредѣлено въ другой статьѣ (82): за холопа платится 5 гривенъ, за рабу 6. Только за корыльца или корыльцу 12 гривенъ, даже если они холопы (83). Изъ этого послѣдняго выраженія можно заключить, что княжескіе и болгарскіе тиуны, также княжескіе конюхи, отроки, старосты, за убійство которыхъ полагаются разныя виры и платы, не принадлежали къ числу холоповъ. Впрочемъ не мудрено, что за холопа княжескаго платилось болѣе, нежели за холопа, принадлежавшаго другимъ лицамъ, точно также, какъ за уничтоженіе борти княжеской платилось 3 гривны, а за бортъ, при-

надлежащую простому челоуку (смерду), 2 гривны. Цѣна, поставленная за убійство холопа (5 гр.) и рабы (6 гр.), равняется цѣнѣ, назначенной и за убійство свободнаго смерда (ст. 82) и вассалника (рядвича, ст. 80), что показываетъ низкое состояніе, въ которомъ находился простой народъ. Замѣчательно при этомъ, что убійство лошади или скота, также какъ и за холопа, постановлено 12 гривенъ пени, а господину гривну за пагубу, да урокъ (ст. 101). Въ договорѣ Новгородца съ Готландцами положено за убійство простаго челоука платить 10 гривенъ серебра, за холопа же 2 гривны, за рану, нанесенную свободному челоуку, 2 гривны, холопу жалгоуны. Въ договорѣ Мстислава Давид. съ Ригю положено за убійство свободнаго челоука платить 10 гривенъ серебра, за холопа гривну. За рану и побои, нанесенныя холопу, въ первомъ договорѣ положено платить гривну кунъ. Въ Рус. Правдѣ о послѣднемъ нѣтъ ни слова; вѣроятно эти постановленія развились въ послѣдствіи. Не говорится въ ней и о томъ случаѣ, если самъ господинъ убьетъ своего раба, но это молчаніе должно приписывать единственно тому, что онъ за это не подвергался никакой отвѣтственности. «Въ холопѣ и въ рабѣ виры нѣтуть», а сестъ только пени за уничтоженіе чужой собственности, также какъ и за убіеніе лошади. Поэтому, какъ скотину хозяинъ властенъ былъ убить или оставить въ живыхъ, точно также и надъ рабомъ имѣлъ онъ полное право жизни и смерти. Подобное постановленіе встрѣчается даже въ исходѣ XIV вѣка. Въ динской грамотѣ, данной великимъ княземъ Василиемъ Дмитріевичемъ въ 1399 г., читается: «а кто осподарь огрѣшитъ ударить холопа или рабу, а случится смерть, въ томъ наместники не судать, ни вины не смяють.» (Акты Арх. Эксп. I, № 13).

Холопъ могъ быть не только убитъ, но и украденъ. Въ древнѣйшемъ спискѣ Правды положено за уводъ чужаго холопа или рабы платить хозяину 12 гривенъ за обиду; въ позднѣйшихъ спискахъ установлено 12 гривенъ продажи въ пользу князя (ст. 107). Купившій чужаго холопа по неосторожью во всякомъ случаѣ получалъ обратно данную цѣну; но тотъ, кто покупалъ его, зная, что онъ чужой, въ наказаніе лишался своихъ денегъ (ст. 9). Въ этихъ постановленіяхъ мы находимъ и объясненіе, для чего нужно было продажу совершать въ присутствіи холопа: его показанія могли облегчать отысканіе настоящаго вѣра, или удостоверить въ томъ, зная ли покупщикъ о его принадлежности другому хозяину, или нѣтъ.

Рус. Правда устанавливаетъ пеню и за помощь, оказанную бѣжавшему рабу. Если кто дастъ ему хлѣба или укажетъ ему путь, зная, что онъ холопъ, тотъ обязанъ заплатить хозяину за холопа 5 гривенъ, за рабу 6. Цѣна установлена также, что и при убійствѣ—доное доказательство того, что здѣсь главное вниманіе обращено было на лишеніе собственности. Въ обоихъ случаяхъ хозяинъ терялъ одинаково, почему и получалъ одинаковое вознагражденіе. Но если оказавшій помощь или передержатель бѣлага холопа давалъ присягу, что онъ не знаетъ его за холопа, то онъ избавлялся отъ всякаго изысканія (ст. 52, 53). Порекотившій чужаго бѣлага холопа и извѣстившій о томъ хозяина, получалъ за это отъ послѣдняго гривну кунъ за переѣздъ; но если онъ его упустилъ, то обязанъ былъ заплатить 4 гривны за холопа и 3 за рабу, ибо гривна оставалась въ его пользу за поимку (ст. 54). Если же хозяинъ самъ отыщетъ холопа въ какомъ либо городѣ, то онъ обязанъ объявить о томъ посаднику, и, взявши у него отрока, пойдти съ нимъ связать холопа. Но если

при этомъ онъ его упустилъ, и, погнавшись за нимъ, убьетъ его, то убытокъ остается на немъ, и никто ничего не платитъ (ст. 142).

Таковы постановленія Рус. Правды о холопахъ; изъ нихъ видно, что рабство принималось въ самомъ строгомъ смыслѣ. Рабъ считался полною собственностью хозяина, вещь, лишенная всякихъ правъ. Одне только и встрѣчается законоположеніе въ пользу холоповъ: это то, что дѣти, прижитые хозяиномъ отъ рабыни, послѣ его смерти дѣлаются свободными вмѣстѣ съ матерью. Здѣсь нравственное начало восторжествовало, и ослабило юридическую строгость учрежденій.

Рядомъ съ рабствомъ является въ Рус. Правдѣ другое зависимое состояніе: это состояніе закупа. Закупомъ назывался человекъ, который за долгъ отдавался въ работу до уплаты. Въ одной статьѣ Рус. Правды (ст. 20) онъ называется также наймитомъ; и действительно это былъ родъ личнаго найма, но съ присоединеніемъ къ этому заемнаго обязательства (купы). Поэтому такое состояніе скорѣе можно назвать личнымъ залогомъ, на что указываетъ и слово: закупъ, тождественное съ залогомъ⁽¹⁾. Въ послѣдствіи самое это слово исчезаетъ, и вмѣсто его является названіе: заладня, которое, въ свою очередь, превращается наконецъ въ названіе кабальнаго холопа. Впрочемъ и договоръ найма близко подходилъ къ этому, ибо наемный работникъ часто получалъ отъ хозяина соуду, которую обязанъ былъ возвратить, когда отходилъ отъ него. (Въ то время ничего не могло быть естественнѣе, какъ такой личный залогъ за недостаткомъ правильнаго общественнаго устройства и законовъ, охраняющихъ

(1) См. объ этомъ Неведина Ист. гражд. зав. нов. 1, 346, пр. 123; Доп. къ А. И. II, 136; Акты Юридич. № 417. Акты Эсп. I, № 160.

нскъ, трудно было найти другое обезпеченіе для заимодавца. Если у должника было недвижимое имущество, тогда оно могло поступать въ залогъ, и въ такомъ случаѣ оно обыкновенно отдавалось въ распоряженіе заимодавца). Но если такого имущества не было, нужно было искать обезпеченія личнаго, а сдѣлать это было тѣмъ легче, что свобода человѣческая мало цѣнилась, и стремленіе къ личному порабощенію и безъ того сильно проявлялось въ общественномъ быту. Поэтому закупъ становился въ состояніе близкое къ холопству, но тѣмъ не менѣе существенно отъ него различное (*Русская Правда, ст. 17—21 и 117*). Зависимость была только временная, и онъ долженъ былъ сохранить возможность освободиться отъ нея уплатою долга. У него была своя собственность, своя лошадь; онъ работалъ и на себя, хотя обязанъ былъ также работать и на господина. И то и другое именно говорится о закупѣ ролейномъ, то есть земледѣльческомъ, который вѣроятно сидѣлъ на землѣ своего хозяина. Не обязанъ онъ платить хозяину, если скотину выведутъ изъ хлѣва или забоя безъ его вины; но если это сдѣлается по его оплошности, или если онъ загубитъ ихъ на своей работѣ, то онъ обязанъ вознаградить хозяина. Съ своей стороны и хозяинъ былъ ограниченъ въ своихъ правахъ. Онъ могъ бить закупа, но не иначе какъ за дѣло; если же онъ билъ его безъ вины, будучи пьянъ, то долженъ былъ платить ему за оскорбленіе, наравнѣ съ свободнымъ человѣкомъ. Точно также и неправильно удержанныя или отнятыя у закупа деньги хозяинъ долженъ былъ возвратить, да кромѣ того заплатить ему за обиду. Наконецъ, если хозяинъ продавалъ закупа въ полное холопство, то онъ обязанъ былъ въ наказаніе заплатить пеню въ 12 гривенъ, и кромѣ того лишался отданныхъ закупу денегъ. Вообще закупу предоставлено было

правъ жаловаться на господина, но не смотря на это постановленіе, положеніе его было весьма зависимое; ибо законныя ограниченія были слишкомъ недостаточны для обезпеченія его свободы. Или не опредѣлялись ни время, которое онъ долженъ употребить на господскую работу, ни цѣна трудовъ его, ни проценты долга, а такая неопредѣленность, разумеется, всегда обращается въ пользу сильнаго (1). Эту зависимость понимало и само законодательство, которое запрещало принимать свидѣтельство закупа иначе, какъ въ самыхъ незначительныхъ тяжбахъ. Оно возлагало на господина и отвѣтственность за преступленія закупа, также какъ за преступленія холопа: если закупъ украдетъ что нибудь, то господинъ обязанъ былъ вознаградить истца, а закупъ становился его холопомъ; если же хозяинъ не хотѣлъ платить, то онъ могъ закупа продать, и заплатить украденное изъ вырученной цѣны, а остальное взять себѣ. Совершивши преступленіе, за которое онъ долженъ былъ дать вознагражденіе, закупъ какъ бы принималъ на себя новое обязательство, не исполнивъ прежняго, и тѣмъ самымъ дѣлался какъ бы несостоятельнымъ, вследствие чего и поступалъ въ холопство къ своему заимодавцу. Точно также закупъ дѣлался рабомъ вследствие бѣгства: если онъ бѣжалъ отъ господина для того, чтобы жаловаться князю или судьямъ на обиду, то онъ не подвергался взысканію; иначе онъ дѣлался холопомъ своего господина. Бѣгствомъ онъ какъ бы разрушалъ заемное обязательство, и черезъ это закладъ поступалъ въ полную собственность заимодавца. Переходъ въ рабство былъ слѣдственно чрезвычайно легокъ, ибо закупниче-

(1) См. статью г. Панова о кабальныхъ людяхъ. Моск. Вѣдом. 1856 г. №№ 24 и 25. Впрочемъ съ нѣкоторыми выводами автора нельзя согласиться.

ство составляло нечто среднее между свободой и холопствомъ, а въ то время между тѣмъ и другимъ состояніемъ не было такого рѣзкаго разграниченія, какое дѣлается впоследствии, когда человѣческая свобода получаетъ большую цѣну.

Таковы постановленія Рус. Правды о холопахъ и закупахъ. Относительно первыхъ мы видимъ въ ней довольно строгое развитіе принятыхъ законодательствомъ началъ; относительно послѣднихъ напротивъ является неопредѣленность, составляющая какъ бы принадлежность тогдашняго времени.

Изъ памятниковъ мы видимъ, что холопы раздѣлялись на большихъ и меньшихъ (*Сбор. юсуд. грамотъ, т. I, № 83*); первые были приказные люди, ключники, посельскіе, старосты, тиуны, дьяки, казначей (*Тамъ же №№ 25, 30, 86, 96 и др.*). Это были княжескіе дворовые люди, управлявшіе дѣлами князя, которыя, впрочемъ, не отличались отъ дѣлъ общественныхъ. Между этими приказными людьми могли быть и не холопы, но во всякомъ случаѣ они состояли въ тѣсной зависимости отъ господина, и не пользовались правами свободныхъ людей. Такъ въ духовной грамотѣ князя Владиміра Андреевича (*Тамъ же № 40*), мы читаемъ: «а что мои ключники некупленные, а покупали деревни за моимъ ключемъ, сами ключники дѣтемъ моему не надобъ, а деревни ихъ дѣтемъ моему, во чьемъ будутъ удѣле.» — Здѣсь не сказано, что они отпускаются на волю, слѣдственно они не были холопы; но мы знаемъ, что должность сельскаго ключника была одна изъ тѣхъ, которыя свободнаго челоука дѣлали холопомъ, если онъ принималъ ее безъ особеннаго уговора. Въ числѣ обыкновенныхъ холоповъ вычисляются люди полные, купленные, грамотные (подъ которыми разумѣлись и дареные), приданые, доставшіеся за долгъ (въ винѣ), наконецъ кабальные (*Собр.*

юсуд. грам. т. I, №№ 25, 39, 41, 82, 112, 121 и 147). Нѣкоторые изъ этихъ холоповъ были посажены на оброкъ, и назывались оброчниками (*Тамъ же № 21*), другіе работали на господина и назывались дѣловыми людьми (*Тамъ же № 25. Дѣловыя деревни № 121 и 144*). Холопы сажались и на земли; встрѣчаются цѣлыя села, заселенныя ими (¹). Были также крѣпостные челоуки (бортники) (*Тамъ же № 21*); но вообще сельское народонаселеніе состояло изъ свободныхъ крестьянъ, между которыми, только какъ исключеніе, сажались холопы. Послѣдніе большею частью принадлежали къ личной прислугѣ князей и другихъ лицъ, къ ихъ дворовымъ людямъ. Въ нѣкоторыхъ духовныхъ грамотахъ вычисляется множество дворовыхъ должностей, занятыхъ холопами. Изъ этого видно, что бояре наши окружены были многочисленною дворнею, которая слѣдовала за ними въ ихъ переѣздахъ и придавала имъ могущество и значеніе. Такъ кievскій бояринъ Родіонъ Несторовичъ, переѣхавши въ Москву при Калитѣ, привелъ съ собою 1700 челоуковъ дворни. Не все впрочемъ были крѣпостные, ибо въ числѣ ихъ находились княжата и дѣти боярскіе. Но во всякомъ случаѣ несомнѣнно стремленіе образовать себѣ многочисленную дворню изъ холоповъ. Они, кромѣ личнаго услуженія, дѣлали все нужное для господина; они же слѣдовали за нимъ и въ войнѣ. «Кто кому служитъ, тотъ съ своимъ осподаремъ и идетъ», это выраженіе встрѣчается во многихъ договорныхъ грамотахъ между князьями. (*Собр. юсуд. грам. I, № 54, 56, 60*). Эти обязанности, эта личная принадлежность были вѣроятно причиною, что съ

(¹) «А што мое село Переславичи въ твои удѣле, а сидятъ въ немъ мои холопы Шипилови.» *Собр. юсуд. грам. I, № 127.*

нихъ не бралось данн, которой подлежали всѣ свободные слуги, переходившіе съ мѣста на мѣсто. Въ договорахъ, заключаемыхъ между князьями относительно платежа дани, говорится: «а на холопѣхъ (иногда: на полныхъ холопѣхъ) дани не взяти, на которыхъ ключники цѣлуютъ» (Тамъ же, № 28, 76, 88, 119). Ключники были слѣдственно главными начальниками холоповъ. Любопытно впрочемъ, что это условіе встрѣчается только въ договорахъ московскихъ князей съ тверскими; въ другихъ этого нѣтъ. Какая этому причина, за недостаткомъ извѣстій невозможно сказать.

Это стремленіе къ частному укрѣпленію было не только въ боярахъ и слугахъ, но еще въ большей степени въ князьяхъ. Главный интересъ посадскихъ состоялъ въ промыслѣ, въ покупкѣ селъ, въ приобрѣтеніи подвластныхъ людей; будущее государственное могущество создавалось на основаніи частнаго приобрѣтенія. Но понятно, что другіе князья старались противодействовать этому стремленію: имъ несприятно было видѣть укрѣпленіе за другимъ княземъ людей, живущихъ въ ихъ удѣлѣ. Отсюда постоянное условіе, встрѣчающееся въ княжескихъ договорахъ: «а селъ ти въ моей отчинѣ не купити и закладней ти въ моей отчинѣ не держати». Иногда запрещается держать и оброчниковъ, а въ нѣкоторыхъ договорахъ всѣ эти условія распространяются и на бояръ другого князя (тамъ же № 27, 35, 45, 52, 56, 62, 70, 71, 73, 78, 92). Тѣ же условія встрѣчаются и во всѣхъ договорахъ Новгорода съ князьями (тамъ же № 1—20). Князья, владѣвшіе Москвою сообщая, обязывались кромѣ того не держать заложниковъ въ городѣ (Собр. гос. грам. I, № 35, 45, 71, 78). Но какъ скоро между князьями вспыхивала война, такъ эти условія тотчасъ нарушались; каждый князь, вступившій въ чужую область, старался захватить какъ можно болѣе лю-

дей въ свою власть. Не только плѣнные обращались въ холопство, но и самые жители занятой области укрѣплялись за княземъ и его боярами. Они приводились къ присягѣ, отдавались на поруки, укрѣплялись грамотами и заемными обязательствами, покупались; однимъ словомъ — всякими средствами обращались въ холопство или по крайней мѣрѣ въ кабальную зависимость. Однакоже, какъ скоро устанавливался миръ, такъ обѣ договаривающіяся стороны обязывались уничтожить эти насильственные акты укрѣпленія. Такъ въ договорныхъ грамотахъ Новгорода съ князьями читаемъ: «а что селъ или людей во время распри заложилъ за князя, за княгиню, за дѣтей ихъ и бояръ, или если кто изъ нихъ села купилъ, то деньги свои взать имъ назадъ, а села Новгороду» (тамъ же № 12). Такія же условія находимъ и въ договорахъ между князьями. Плѣнниковъ обыкновенно князья обязывались отпустить безъ окупа, тѣхъ же, которые уже проданы за границу или гдѣ бы то ни было, выкупить и возвратить (тамъ же № 47, также № 35, 48, 49, 52, 54, 60, 66, 67). За тѣмъ слѣдовали условія о княжескихъ людяхъ, или нятцахъ (т. е. люди, которыхъ они за себя взяли, укрѣпили); они освобождались отъ всякой зависимости въ отношеніи къ чужому князю: «а хто будетъ нятцевъ изниманъ, или на поруцѣ данъ, или къ цѣлованію приведенъ, а тѣхъ пустити безъ окупа, и порука и цѣлованіе свести на обѣ стороны». Или: «а хто будетъ, брате, въ нашемъ нелюбѣи твоихъ людей на поруцѣ данъ, или кабалы на нихъ, или серебро переведено, и митъ съ тѣхъ поруки свести и кабалы отдати и переведенное серебро⁽¹⁾». Нѣкоторыя

(1) Собр. госуд. грамот. т. I, № 43, 52, 54, 60, 66, 67, 69. Что нятцы не значило: плѣнные, какъ принимаетъ г. Лохвицкій въ своей диссертациі «О плѣнныхъ по древнему русскому праву», стр. 2,

же лица иногда исключались за новымъ хозяиномъ (*Собр. госуд. грам. I, № 60: «проче Василья Вепрева*). Князья требовали слѣдственно только уничтоженія крѣпостныхъ актовъ, взятыхъ на нихъ собственныхъ людей или слугъ, тогда какъ въ договорахъ съ Новгородцами это условіе распространялось на всѣхъ жителей города. Оно подтверждалось и въ тѣхъ между-княжескихъ договорахъ, которые касались Новгорода и его области. Такъ напр. въ договорѣ Дмитрія Донскаго съ тверскимъ княземъ читаемъ: «а какъ еси взялъ Торжокъ, и кто ти ея будетъ продалъ пословицею Новгородчанъ одернъ, или будешь серебро на комъ далъ пословицею, тѣхъ ти отпустити по цѣлованью, а грамоты дерноватыи подрати (*тамъ же № 28*). Одерноватый холопъ значить холопъ полный, также какъ и обильный.

Изложенныя условія княжескихъ договоровъ показываютъ, что плѣвъ не могъ уже служить такимъ обильнымъ источникомъ рабства, какъ прежде. До этого времени плѣнники постоянно обращались въ рабство, и притомъ не только въ войнахъ съ иноземными, но и въ междоусобицахъ внутреннихъ. Такъ напримѣръ Изяславъ Мстиславичъ въ 1149 г., оустоинивши съ Новгородцами Ростовскую землю, вывелъ оттуда 7000 плѣнныхъ. Новгородцы, отразивши воина Боголюбскаго, набрали столько плѣнныхъ, что продавали десять Суздальцевъ за гривну. Нѣкоторые, какъ сказано выше, продавались и

примѣч. 2-е, это ясно изъ того, что нятцы всегда отличаются отъ полона, а также изъ разныхъ выраженій, напр.: «а что мои люди грабили бояръ твоихъ или нятцы или людей» № 49. Названія твоихъ людей и твоихъ нятцы, принимаются, какъ однозначительныя, хотя первое могло быть шире послѣдняго. Одни и тѣ же условія постановляются то о тѣхъ, то о другихъ. Ср. напр. № 43, 49, 52, 54, 60. Нятцы могли быть князья, княгини, бояре и боярыни. Акты Археогр. Эксп., т. I, № 29.

за границу. Вообще непрерывныя войны и междоусобія должны были страшно умножить количество рабовъ, и хотя договорныя грамоты полагали этому нѣкоторый предѣлъ, но плѣнные иностранцы по прежнему продолжали обращаться въ рабство. Съ Литвою до позднѣйшихъ временъ не было полного обмена плѣнныхъ по прекращеніи войны, некрещенные же инородцы всегда считались законною добычею (*см. Лохвицкаго «О плѣнныхъ по древнему русскому праву»*).

Въ договорахъ между князьями постановлялось условіе и о выдачѣ бѣглыхъ холоповъ. «Холопа, робу, должника, поручника, бѣглеца, тата, разбойника по исправѣ выдати» (*собр. госуд. грам. I, № 43, 49 и множество другихъ*). Въ договорахъ Москвы съ Тверью предписывается хозяйну, отыскавшему холопа или должника, поставить его передъ княземъ, передъ наместникомъ или волостелемъ. Если холопъ захочетъ тятаться съ господиномъ за свободу, а порукъ по немъ не будетъ, то обвинять его и выдать господину. Если же господинъ уведетъ холопа самовольно, не поставивъ его передъ волостелемъ, «въ томъ ему вина» (*тамъ же № 28, 76, 88, 119*). Впрочемъ не определено, какому онъ за это подвергался наказанію. Вообще для отысканія раба не принималось давности: «Суженое, положеное, даное, поручное, холопу, робѣ судъ отъ вѣка» (*тамъ же № 28, 61, 62, 69*). Въ новгородскихъ грамотахъ постановлялось кромѣ того, чтобы судъ холопа безъ господина не судили; князь же обязывался не вѣрять холопу, который начнетъ доносить на хозяина.

Вотъ что мы знаемъ о холопахъ до второй половины XV вѣка, т. е. до того времени, какъ образуется московское государство. Варяжская дружина принесла къ намъ рабство со всѣми его юридическими послѣдствіями. Дружина основана была на началѣ личности и свободнаго до-

говора. Каждое лицо имѣло только тѣ обязанности, которыя оно добровольно принимало на себя по взаимному условію съ другими, но каждое вмѣстѣ съ тѣмъ имѣло цѣлью нажить себѣ какъ можно болѣе добычи, приобрести собственность, расширить свою власть, и тѣмъ приобрести въ обществѣ значеніе и могущество. Этотъ характеръ сообщился и всему гражданскому быту того времени. Другой общественной связи не было, кромѣ той, которая основывалась на договорѣ свободныхъ лицъ или на личной зависимости отъ того или другого лица. Чѣмъ больше у отдѣльнаго свободнаго человѣка было зависящихъ отъ него людей, тѣмъ онъ становился могущественнѣе. Отсюда стремленіе богатыхъ приобрести какъ можно болѣе крѣпостныхъ насидѣемъ, обязательствами, наконецъ обѣщаніемъ выгодъ, сопряженныхъ съ служеніемъ богатому и сильному лицу. Отсюда съ другой стороны стремленіе бѣдныхъ укрѣпиться или заложиться за богатыхъ, которые могли доставить имъ и средства къ жизни и защиту, необходимую во времена буйства и междоусобій. Препятствій къ этому стремленію не было никакихъ; не было общественной власти, которая принимала бы свободу каждаго подданнаго подъ свою защиту и покровительство, которая требовала бы отъ него обязанностей не частныхъ, а общественныхъ. Въ послѣдствіи, когда возникло государство, явились ограниченія этого выхода изъ подданства въ частную зависимость, сначала для людей служилыхъ, а потомъ для тяглыхъ ⁽¹⁾. Личность и вытекающее изъ нея частное право, служили кореннымъ началомъ всего общественнаго быта, а господство частнаго права влекло за собою установленіе частной власти, частна-

(1) Въ послѣдствіи укрѣпленіе установлено государствомъ, но уже совершенно на другихъ началахъ; это не частное укрѣпленіе лица за лицомъ, а власть, врученная правительствомъ одному сословію, и обязанности, наложенныя на другое.

го подданства. Самые князья смотрѣли на себя, какъ на частныхъ собственниковъ, и старались увеличить свое значеніе покупками, промыслами, личнымъ укрѣпленіемъ людей за собою. То же самое дѣлали и бояре, то же дѣлали и всякій человѣкъ, ибо не существовало никакихъ ограниченій относительно владѣнія рабами; ихъ могъ имѣть и купецъ и крестьянинъ и всякій свободный человѣкъ. На это было, какъ мы видѣли, множество средствъ; всякое обязательство могло вести къ укрѣпленію, что опять вытекало изъ коренныхъ основъ тогдашняго быта. При развитіи начала общественнаго, власть сосредоточивается въ рукахъ государства или тѣхъ лицъ и сословій, которымъ она вручается государствомъ. Подданные же во взаимныхъ обязательствахъ между собою соприкасаются только отдѣльными сторонами своей жизни, сохраняя независимость лица. При такихъ условіяхъ переходъ отъ частнаго обязательства къ господству не возможенъ, ибо между тѣмъ и другимъ лежитъ все различіе начала частнаго и начала общественнаго. Этотъ переходъ возможенъ только тамъ, гдѣ самое господство считается дѣломъ не общественнымъ, а частнымъ. Тамъ каждое лицо стремится наложить свою власть на окружающую его сферу, и все, что приходитъ съ нимъ въ соприкосновеніе, все, что вступаетъ въ нѣкоторую отъ него зависимость, чрезъ это самое получаетъ уже возможность сдѣлаться полною его собственностью. Изъ лица зависимый человѣкъ дѣлается вещью, ибо по частному праву между лицомъ и вещью нѣтъ такого неизмѣримаго разстоянія: все различіе состоитъ въ большемъ или меньшемъ подчиненіи. Только въ государствѣ лицо получаетъ полное свое значеніе, ибо тогда оно становится членомъ общественнаго союза. Самымъ яркимъ выраженіемъ этой частной власти, этого господства лица надъ окружающею сферою было то, что нѣкоторыя зависимыя

должности сами собою дѣлали человѣка рабомъ; вступивши въ эту сферу личнаго права, онъ не могъ уже оставаться свободнымъ. Такъ сильно было значеніе частнаго лица въ гражданскомъ быту, такъ самое общество признавало законность этого господства...

Рядомъ съ гражданскимъ обществомъ, въ которомъ господствовало анархическое броженіе буйныхъ средневѣковыхъ силъ, произволъ личности, стремящейся къ преобладанію, стояла церковь, которая говорила, что человѣкъ есть лицо, а не вещь, и стремленію къ паробощенію противопоставляла стремленію къ освобожденію. Наставленія пастырей смягчали суровое право воиновъ и дѣлали богѣ сноснымъ положеніе рабовъ, предоставленныхъ законодательствомъ въ полное распоряженіе господина. Такъ въ одномъ памятникѣ XII вѣка мы находимъ слѣдующее поученіе: «Сиротъ домашнихъ не обидѣте, но больше милуйте, голодомъ не морите, ни наготово, потому что это домашніе твои нищіе. Нищій въ другомъ мѣстѣ себя выпроситъ, а рабы только въ твоей рукѣ; милуйте своихъ рабовъ, и учите ихъ на спасеніе и покаяніе, а старыхъ на свободу отпускайте... Если холопа своего или рабу не кормишь и не обуваешь, и убьютъ ихъ у воровства, то за кровь ихъ ты отвѣтши. Ты какъ апостолъ въ дому своемъ: научай грозю и ласкою. Если рабы и рабыни не слушаются, по твоей волѣ не ходятъ, то лозы не жалѣй до шести ранъ и до двѣнадцати, а если велика вина, то до 20 ранъ; если же очень велика вина, то до 30 ранъ лозю, а больше 30 ранъ не велишь.... Рабовъ, которыхъ возьмешь съ собою въ походъ, чести и люби, чтобъ они были тебѣ въ обидѣ и въ рати добрыми помощниками» (*Соловьева рус. ист. III, 101*). Въ другомъ памятникѣ читаемъ слѣдующее: «Слухъ мя, господине, приходитъ», пишетъ св. Іосифъ Волоцкій одному вельможѣ, «что будто демъ

немиосердіе твое и нежалованіе велико къ твоимъ рабамъ и сиротамъ домашнимъ, тѣснота и скудость велика имъ тѣлесныхъ потребъ, пищею и одеждою не токмо доволни, но и голодомъ таютъ и наготово стражуютъ, и сего ради азъ грѣшныи дерзнулъ тебѣ воспомянути, моему господину, помянувъ твою вѣру къ пречистой Богородици и къ намъ нищимъ великое твое жалованіе и любовь о Христѣ... При освобожденіи рабовъ, равно какъ и при продажѣ ихъ, требовалось, чтобы господинъ не бралъ за нихъ болѣе, нежели сколько они стоили ему самому; ибо берущій лишекъ торгуетъ живыми душами, съ ними же предъ Богомъ стати есть». Кто съ отпускаемаго на свободу раба, сверхъ цѣны, которую онъ за него далъ, беретъ изгойство (то есть выходъ); тотъ «обрѣтается продая кровь неоправданную и възыщется милостыни. Милостыни бо помилваны будутъ. Аще кто хотя спасенія кается, да опять дасть тѣмъ ихъ же обидѣть, а не тако—не быти прощени» (*Архивъ Колачова, кн. 2, отдѣл. 6-го стр. 42*). Такой поступокъ считался въ числѣ самыхъ тяжкихъ грѣховъ: «всею же есть горѣ изгойство възнати» (*тамъ же кн. 1, статья Колачова объ изгояхъ, стр. 63*). Самыхъ вольноотпущенныхъ, изгоевъ, церковь принимала подъ свое покровительство, какъ людей безпомощныхъ, не примкнувшихъ ни къ одному изъ тѣхъ мелкихъ свободныхъ и крѣпостныхъ союзовъ, на которые разбивалось гражданское общество. «То люди церковныи, богадѣльнии».

Безъ сомнѣнія эти правила, эти наставленія не оставались безъ послѣдствій. Должно однакоже сознаться, что на живомъ они дѣйствовали мало, какъ видно изъ другихъ примѣровъ. Кирилъ Бѣлозерскій въ началѣ XV вѣка пишетъ къ князю Андрею Можайскому, чтобъ у него не было корчемъ, ни мыта: «пожеже, господине, куны неправедныи» (*акты истор.*

I. № 16). А между тѣмъ само законодательство устанавливало 20 процентовъ, какъ законный ростъ, и мы знаемъ, что карчмы, шмыты, перевозки и мостовщина въ древней Россіи встрѣчались на каждомъ шагу. Жизнь такъ противорѣчила этимъ нравственнымъ требованіямъ, что они не могли получить въ ней большую силу. Человѣкъ въ окружающей его средѣ не находилъ въ себѣ нравственной опоры; все кругомъ него предавалось разгулу, все стремилось къ пріобрѣтенію, къ порабощенію, и самъ онъ невольно увлекался этими страстями и старался увеличить свою силу и значеніе разширеніемъ своей власти, порабощеніемъ окружающихъ его лицъ. Но послѣ буйной жизни наступала минута, когда утихали въ немъ движенія страсти, и всѣ обуревавшія его свесорыстныя и честолюбивыя дѣла блѣднѣли передъ открывающеюся перспективою вѣчности в загробной жизни. Передъ смертію человѣкъ приходилъ въ себя, и тогда сильнѣе слышался ему нравственный голосъ, осуждавшій житейскія его стремленія. Тогда онъ прощался съ міромъ, надѣялся на себя монашескую схиму, прощалъ долги, отпускалъ своихъ рабовъ. За стремленіемъ къ порабощенію слѣдовало протавоположное стремленіе къ освобожденію. Во всякомъ почти духовномъ завѣщаніи того времени встрѣчаются распоряженія относительно отпущенія на волю рабовъ. Люди бездѣтные обыкновенно освобождали ихъ всѣхъ безъ исключенія, другіе оставляли часть своимъ дѣтямъ, а остальныхъ отпускали на волю, нѣкоторые же, хотя рѣдко, и при смерти не думали разсвѣпить то, что укрѣпили при жизни (см. *духовныя князей въ I т. Собр. г. грам. и духовныя частныя лицъ въ Акт. Юр.*). Преимущественно передъ другими отпускались люди приказные, тѣ, которые пользовались наибольшою довѣренностью и оказали наиболѣе услугъ. Нѣкоторые отпускались

на волю и съ землею (*Собр. г. грам. т. I, № 130*), но разумеется это было исключеніе, ибо холопы принадлежали болѣе къ личной прислугѣ хозяина. Иногда отпускаемымъ рабамъ давались нѣкоторыя пожерткі (*Акты Юрид. № 417, 419, 420, 421, 425*). Встрѣчаются и условныя отпущенныя, напримѣръ въ случаѣ смерти дѣтей, или если дѣтей не будетъ (*А. Юр. № 409, I, 413*), или послѣ извѣстнаго числа лѣтъ службы у наследниковъ, иногда же до ихъ смерти (*Тамъ же № 420*), или послѣ смерти хозяина, если при жизни еще давалась рабу отдѣльная отпущенная (*А. Юр. № 409, X, № 406*), или за деньги (*Тамъ же № 414*). Иногда же передаваемому въ наследство холопу предоставлялось на волю остаться въ холоствѣ или заплатить определенное количество денегъ и получить свободу (*Тамъ же № 410*). Обыкновенно мужа, отпуская людей своихъ на волю, оставляли женамъ тѣхъ изъ нихъ, которые находились въ брачномъ союзѣ (свѣжались) съ ея рабами (*Акты Юрид., № 418, 420*). Но не рѣдко освобождался мужъ, а жена оставалась крѣпостною, и наоборотъ освобождались жена и дѣти, а мужъ оставался рабомъ, или же освобождались дѣти безъ родителей или родители безъ дѣтей (*А. Юр. № 409, I, 410, 420*). Это показываетъ, что въ то время не слишкомъ смотрѣли на святость семейныхъ узъ. Вообще духовная память была устроениемъ души умирающаго (*Тамъ же № 421*). Эти распоряженія — отпущеніе долговъ, освобожденіе крѣпостныхъ, были послѣднимъ долгомъ, который исполнялъ христіанинъ при прощаніи съ міромъ.

Такимъ образомъ стремленіе каждаго лица къ порабощенію другихъ встрѣчало себѣ противодѣйствіе въ нравственно-религіозномъ началѣ. То, чего человѣкъ старался достигнуть въ продолженіи всей

жизни, въ чемъ онъ полагалъ свою силу и свое значеніе, то отрицалось при смерти. А дѣти, получивши уменьшенное наслѣдіе, снова стремились къ стяжанію и порабощенію, снова пополняли пріобрѣтенными рабами мѣста тѣхъ, которые были отпущены на волю отцомъ, и сами въ свою очередь, прощаясь съ жизнью, отпущали ихъ на волю, и отрицали свою прошедшую дѣятельность. Это было вѣчное движеніе отъ одной противоположности къ другой, отъ корыстнаго житейскаго стяжанія, посягающаго на человѣческую свободу, къ высоконравственной цѣли, отрицающей всякіе личные интересы. Эти рѣзкіе скачки отъ одной крайности въ другую, это вѣчное колебаніе между двумя противоположными стремленіями составляютъ характеристическую черту средневѣковой жизни, какъ въ Россіи, такъ и на Западѣ.

Такова была эта средневѣковая жизнь, вся слагавшаяся изъ крайностей и противорѣчій!

Это стремленіе личности къ расширенію своей власти, къ порабощенію окружающей среды, встрѣчало себѣ препятствіе и въ другомъ явленіи. На Западѣ народонаселеніе было осѣдлое; дружинники усѣлись въ своихъ замкахъ, вступили съ ленными владѣльцами и королями въ договоры наследственные, и пріобрѣли, такимъ образомъ, значеніе поземельное. Вслѣдствіе этого личная зависимость распространилась тамъ и на жителей земли. Виланы также, какъ и рыцари, заключали съ землевладѣльцами договоры прочные и постоянные; вступая къ нимъ въ наследственную зависимость, они сами собою укрѣпились къ землѣ. На Западѣ вліяніе лица на поземельное его владѣніе было такъ сильно, что во многихъ средневѣковыхъ законодательствахъ существовало правило: воздухъ дѣлаетъ крѣпостнымъ (Luft macht eigen). Проживши годъ со днемъ на владѣніяхъ нѣвѣстнаго лица, по-

дышавши принадлежавшимъ ему воздухомъ, поселянинъ черезъ это уже вступалъ къ нему въ крѣпостную зависимость, точно также, какъ проживши годъ со днемъ въ стѣнахъ города, онъ дѣлался горожаниномъ и пріобрѣталъ городскія права. У насъ не было ничего подобнаго: дружина была кочевая; князья поздно получили осѣдность, а бояре и слуги постоянно переезжали съ мѣста на мѣсто, заключая съ князьями договоры временныя, а не наследственные, такъ что поземельнаго значенія они пріобрѣсти не могли. Этотъ же кочевой характеръ сообщился и всему народонаселенію; крестьяне переходили съ мѣста на мѣсто, изъ одного селенія въ другое, изъ одного княжества въ другое, а заключаемые ими договоры никогда не имѣли наследственнаго характера. Потому власть лица распространялась только на среду, окружающую его лично, а не на жителей земли; стремленіе къ порабощенію находило себѣ предѣлы и противодѣйствіе въ стремленіи къ кочеванію. Потому служебныя должности, личная зависимость могли дѣлать челоуѣка холопомъ, но поземельныя отношенія оставляли его свободнымъ.

Свободный переходъ крестьянъ—повсемѣстное явленіе въ древней Россіи. Во всѣхъ жалованныхъ грамотахъ духовенству, монастырямъ и частнымъ лицамъ, встрѣчаются выраженія: «Кого переезжаетъ къ себѣ жить». Иногда и въ княжескихъ договорахъ постановлялось: «а бояромъ и дѣтемъ боярскимъ и слугамъ и христіаномъ межъ насъ волнымъ воля» (*Собр. г. грам. I № 127*). Вообще свобода лица и свобода отхода остаются неприкосновенными. Только въ Новгородѣ, вѣроятно вслѣдствіе большей осѣдности народонаселенія, являются и болѣе зависимиыя отношенія крестьянъ отъ господъ. Половинникъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ сравнивается съ холопомъ. Такъ въ договорахъ съ князьями постановляется: «и до-

лопа и половника безъ осподаря не судити» (*Собр. г. грам. I, № 6, 7, 8, 10*). Еще важнѣе то, что въ договорѣ съ Тверью 1307 года положено бѣглыхъ холоповъ и половниковъ выдавать обратно (*Тамъ же № 10*). Въ Новгородѣ слѣдственно, въ вольной общинѣ, крестьяне не пользовались такою свободою, какъ въ остальныхъ русскихъ областяхъ; поземельныя отношенія ближе подходили къ отношеніямъ крѣпостнымъ. Въ Псковѣ же, какъ видно изъ псковской судной грамоты, этой зависимости не было; крестьяне сохраняли полную свободу и считались вольными наемниками.

Ограниченія перехода выражены въ духовной грамотѣ Владиміра Андреевича, и повторяются во множествѣ договорныхъ и жалованныхъ грамотъ того времени; они возникли изъ поземельнаго значенія князей. Дружина, какъ сказано, была кочевая; бояре и слуги перѣзжали съ мѣста на мѣсто. Тоже самое дѣлали и крестьяне; это было всеобщее броженіе по всей Русской землѣ. Князья первые сдѣлались осѣдлыми, и они-то стали собирателями земли, и въ послѣдствіи создателями государства. Понятно, что вотчинникъ, имѣвшій значеніе поземельное, старался удержать у себя поселенныхъ на землѣ его хлѣбопашцевъ, и перезвать къ себѣ новыхъ поселенцевъ, обѣщая имъ всевозможныя льготы (*Доп. къ А. Истор. I, № 8*). Они платили ему подати, оброки, несли повинности за владѣніе землею, а въ этомъ состояла его сила. Но при бродячемъ духѣ народонаселенія удержать ихъ было невозможно. Земля по своей обширности имѣла для нихъ слишкомъ мало значенія, и не могла служить крѣпкимъ звеномъ между хозяйномъ и поселенцемъ. Холопство было личное, а не поземельное; личныя отношенія могли установить прочную зависимость, поземельныя же всегда имѣли характеръ временный. Съ другой стороны

не возможно было въ то время и запретить переходъ. Такая мѣра могла быть только дѣйствіемъ государственной власти, а государство еще не возникало. Князья были собственно владѣльцы земли, а подданныхъ у нихъ не было, ибо каждый свободно покидалъ одно княжество и переходилъ въ другое, вступая въ добровольныя сдѣлки съ хозяевами тѣхъ земель, на которыхъ онъ поселялся. Поэтому прямыми мѣрами не возможно было дѣйствовать; оставалось употребить мѣры косвенныя, и дѣйствительно князья старались ограничить свободу перехода, обязывая другихъ князей и землевладѣльцевъ не принимать уходящихъ съ земель ихъ крестьянъ. Это относилось въ особенности къ людямъ тяглымъ, то есть тѣмъ, которые поселены были на земляхъ, принадлежавшихъ князю, и несли разныя подати и повинности въ его пользу. Крестьяне же, поселенные на земляхъ духовенства и служилыхъ людей, имѣли непосредственныя обязанности къ своимъ землевладѣльцамъ; они менѣе первыхъ платили податей князю, а иногда и вовсе освобождались отъ княжескихъ повинностей, почему естественно князья менѣе дорожили ими, нежели первыми.

Князья впрочемъ рѣдко договаривались между собою не принимать крестьянъ изъ чужаго княжества. Это условіе встрѣчается только между князьями московскими, которые вмѣстѣ владѣли Москвою и вмѣстѣ блюли живущихъ въ ея уѣздѣ черныхъ людей и дворцовыхъ крестьянъ. Въ этихъ договорахъ встрѣчается постоянное условіе: «а которыхъ слуги потягли къ дворьскому, а чернымъ люди къ сотникомъ, тѣхъ ны въ службу не принимати» (*Собр. г. грам. I, № 27, 33*). или, какъ обыкновенно говорится въ позднѣйшихъ договорахъ, просто: «тѣхъ нашъ не принимати» (*Тамъ же № 35, 45, 71, 78, 84, 95*). Иногда къ этому присоединяется запрещеніе покушать ихъ

земли (*Тамъ же № 33, 95*). Кажется, что условия о непринятии въ службу и покупке земель были мѣсто при нераздѣльности владѣнія; когда же участки въ Москвѣ раздѣлялись между князьями, тогда послѣдніе уговаривались не принимать крестьянъ изъ одного участка въ другой. Въ первомъ случаѣ постановленіе распространялось и на купечество (*Собр. грам. I, № 33, 95*). Эти условия не уничтожали однако свободы крестьянъ; сосѣдній землевладелецъ могъ не принимать ихъ на свою землю, но они всегда были право уйти въ другое княжество. Это очевидно изъ приведенной выше духовной грамоты Владимира Андреевича, въ которой онъ запрещаетъ сыновьямъ своимъ принимать крестьянъ изъ одного удѣла въ другой, а между тѣмъ говорить, что крестьянинъ воленъ уйти, куда хочетъ, но подлѣ условіемъ потери земли. Владимиръ Андреевичъ былъ тоже участникъ въ Московскомъ удѣлѣ; въ другихъ княжествахъ такихъ условій не встрѣчается. Въ договорѣ рязанскихъ князей прямо сказано: «а христіаномъ межъ насъ волнымъ воля». Въ договорахъ между князьями различныхъ удѣловъ въ замѣнъ этого ограниченія перехода всегда включалось условіе о выдачѣ холоповъ, рабовъ, разбойниковъ и проч., чего, наоборотъ, нѣтъ въ договорахъ между московскими князьями. Власть великаго князя усилилась и участія удѣльных князей въ Москвѣ и въ окрестныхъ городахъ отошли къ нему; Андрей Васильевичъ сохранилъ только право извѣстное время держать въ Москвѣ своего наместника для суда. Въ договорѣ великаго князя Василья Васильевича съ Шемякою встрѣчается также постановленіе, чтобы послѣдній данныхъ людей съ Бѣжецкаго-Верха не принималъ⁽¹⁾. Но Бѣжецкій-Верхъ былъ областью новгородскою, Новгородцы же постоянно договаривались съ князьями,

чтобы послѣдніе не выводили людей въ свое княженіе, ни изъ Бѣжецкаго-Верха, ни изъ другихъ волостей новгородскихъ (*Собр. г. грам. I, № 1, 3, 5, 6, 7, 8, 9*). Въ договорахъ между Москвою и Тверью или Рязанью также включалось условіе: «а вывода и рубежа межъ себѣ не замышляти» (*Тамъ же I, № 28, 32, 36, 48, 76, 88. Срав. № 14; «а силою ти юстя въ Тѣбрь не приимати»*). Но выводъ означалъ насильственное завладѣніе людьми, также какъ рубежъ значилъ насильственное завладѣніе имуществомъ, за что виновные выдавались по розыску.

Такия же ограниченія встрѣчаются и въ жалованныхъ грамотахъ духовенству и служилымъ людямъ. Движные духовыя благочестія, князья одарили церковныя многочисленными землями, и жаловали монастырямъ и духовенству разныя льготы и привилегіи, какъ для нихъ самихъ, такъ и для крестьянъ, поселенныхъ на этихъ земляхъ. Но понятно, что при такихъ значительныхъ преимуществахъ сосѣдніе крестьяне должны были массами переселяться въ церковныя имѣнія, а необходимымъ слѣдствіемъ такого переселенія было уменьшеніе княжескихъ доходовъ. Для избѣженія этого князья давали льготныя грамоты условно; обыкновенно льготы распространялись только на три разряда крестьянъ: 1) на старожильцевъ, либо уже сидящихъ на землѣ, либо ушедшихъ на другія мѣста, если они возвратятся вновь; 2) на людей купленныхъ (или окупленныхъ), и посаженныхъ на земли; 3) на людей перезванныхъ изъ другихъ

(1) Собр. гос. грам. I, № 30. Что касается до упрека, который духовенство дѣлаетъ Шемякѣ въ своемъ посланіи (*Акт. Ист. I, № 40*) въ томъ, что онъ переманиваетъ къ себѣ людей великаго князя, то это относится къ Москвѣ, которую оба князя обязались держать по старшинству.

иняжеству, а не изъ вотчины того князя или той княгини, которые давали грамоту. При всемъ томъ общаго правила не было: иногда льготы даровались однимъ старожильцамъ (А. Арх. Эксп. V, № 38, 481), или однимъ людямъ купленнымъ (Тамъ же № 52), или однимъ порезаннымъ изъ другихъ княжествъ (А. Ист. I, № 36, 88, 108. Акты Эксп., № 17, 19, 28, 41. Доп. къ Акт. Ист. I, № 208), иногда же темъ и другимъ вѣсть—старожильцамъ и порезаннымъ (А. Ист. I, № 25, 78. А. Арх. Эксп. I, № 28, 31, 39, 51, 56, 60. Доп. къ А. Ист. I, № 17), купленнымъ и порезаннымъ (А. Ист. I, № 28. А. Арх. Эксп. I, № 31), или старожильцамъ, купленнымъ и порезаннымъ (А. Арх. Эксп. I, № 53. Доп. къ А. Ист. I, № 193). На это закона не было, ибо все зависело отъ благорасположенія князя; это былъ частный порядокъ, при которомъ можно было давать болѣе или менѣе льготы. Нѣтъ ли одной и той же князь одному и тому же монастырю на разныхъ деревняхъ давалъ льготныя грамоты совершенно различнаго содержанія (А. Ист. I, № 93, 87, 98). Поэтому и права были чрезвычайно разнообразны: одни получали освобожденіе отъ нѣкоторыхъ податей, другіе отъ вѣщей, одни на одинъ срокъ, другіе на другой, а третьи на безсрочное время. Во множествѣ жалованныхъ грамотъ нѣтъ рѣшительно никакихъ ограниченій; льготы даруются людямъ, кто имѣть или учнетъ жати пахвхъ земляхъ, или кого къ себѣ итумень зоветь, или кого посадить на той землѣ (А. Ист. I, № 13, 15, 83, 106, 131. А. Эксп. I, № 75, 88, 122, 136, 158, 164, 171, 208. Доп. къ А. Ист. I, № 27). Это было дѣло совершенно елучившее, въ которомъ правительственныхъ видовъ и распоряженій никакихъ не было. Встрѣчается

даже условіе, чтобы не только на полевныя земли не принимать людей и всякаго княжества, но и въ удѣлѣ влиаго князя не принимать людей церковной земли (Опис. госуд. архив. старыхъ дѣлъ, стр. 218).

Такия же льготныя грамоты, съ этою различныиъ содержаніемъ, давались частнымъ людямъ; здѣсь также освобождались отъ податей и повинностей и просто люди кто учнетъ жати на землѣ, или купленные, старожильцы и порезанные изъ другихъ княжествъ, и наконецъ кто перезоветь нештатными людей (Акты Ист. I, № 115. А. Доп. къ Акт. Ист. I, № 36. Акты Эксп. I, № 111, 120, 132, 163, 171, 374, 379). Не только князья, но и духовная власть и даже епископы имъ давали подобныя грамоты съ ограниченіемъ перезова крестьянъ. Въ 1450 году митрополитъ давалъ грамоту Андрею Абанаеву что оудъ на оудей куплѣ, на Дольноской вустоши, въ волости ипречной Богородици и въ шой въ Романовской и како Андрей на ту вустошу икъ себѣ перезоветь людей изъ шилъ княземъ а не изъ волости ни изъ сель шрочест Богородици, и темъ людямъ приимаю не надобѣ съ мовни христіаны съ шолотными тянута ни въ какое дѣло... которой христіанцѣ волостной Романови или изъ села изъ церковного, выиде са рубежъ, а хотя ни къ Андрею шапустель, и Андрею темъ христіанъ и достигнеть ни сельчанъ церковныхъ и приимати (Акты Юрид. I, № 61 VI). Здѣсь видно стремленіе къ обраванію такого же іерархическаго порядка землевладѣльцѣвъ, какъ въ феодальномъ мірѣ на западѣ. Духовновластцы, монастыри получаютъ отъ князя земли, а вѣсть темъ и соединенныя съ ними шрочестныя льготы людямъ, которые поселяются на нихъ землѣ и черезъ это дѣлаются отъ нихъ зависимыми. Но у насъ, вслѣдствіи

всеобщаго раздѣленія и кочеванія, этотъ переходъ никогда не могъ получить такой определенности, какъ тамъ. Изъ этого очевидно, что все эти ограниченія перехода были дѣломъ совершенно частнымъ; это было условіе, заключаемое между некоторыми землевладѣльцами, и свобода крестьянина черезъ это не нарушалась.

Съ образованіемъ Московскаго государства исчезли, разумеется, все ограниченія перехода крестьянъ изъ одного княжества въ другое. Въ большей части жалованныхъ грамотъ позднѣйшаго періода употребляется выраженіе: «кто учнетъ жити людей» (*Акты Ист. I, № 163, 188, 217, 226. Акты Эксп. I, № 300, 329, 386. Дополн. къ Акт. Юрид. I, № 130*), безъ другихъ условій; только относительно тяглыхъ людей встрѣчаются постановленія. Но съ половины XV вѣка являются ограниченія иного рода, — именно опредѣленіе срока, въ который крестьяне могутъ переходить отъ землевладѣльца къ другому.

Послѣ этого мы можемъ понять все различіе между укрѣпленіемъ холоповъ и укрѣпленіемъ крестьянъ. Первое возникло изъ частнаго права, составлявшаго основаніе общественной жизни въ средніе вѣка, изъ господства личности, не знавшей надъ собою общественной власти, изъ стремленія каждаго человѣка увеличить свое могущество поработеніемъ окружающей его среды. Второе вышло изъ потребности государства устроиться и укрѣпиться. Образуюсь изъ средневѣковой неурядицы, лишенное всякихъ средствъ, и денежныхъ и административныхъ, оно должно было требовать отъ подданныхъ по сильной службы для того, чтобы учредить правильное управленіе, водворить благоустройство, создать силу и могущество Россіи. Укрѣпленіе крестьянъ было не частнымъ правомъ, приобретеннымъ однимъ лицомъ надъ другимъ, а послѣдствіемъ общихъ обязанностей, наложенныхъ на все

сословія. Но, при соединеніи крестьянъ и холоповъ подъ рукою одного владѣльца, одно учрежденіе владѣствовало на другое, одно сословіе сообщало другому, некоторые черты своего характера.

И такъ, этотъ переворотъ въ судьбѣ крестьянскаго сословія былъ необходимымъ послѣдствіемъ условій тогдашняго быта. Но какими же образомъ могъ онъ совершиться безъ сильнѣйшихъ потребностей? Только въ пословицѣ: «вотъ тебѣ, бабушка, Юрьевъ день!» сохранилось объ немъ воспоминаніе въ народѣ. Мы найдемъ этому объясненіе, если взглянемъ на способъ укрѣпленія бояръ и служилыхъ людей. Последніе также пользовались правомъ перехода: «а боярамъ и слугамъ вольнымъ воля». Но когда уничтожилась удѣльная система, московскіе государи стали требовать, чтобы они перестали отъѣзжать. И вотъ безъ переворота, даже безъ указа, бояре и служилые люди изъ вольныхъ слугъ сдѣлались крѣпостными и стали писаться холопами. Дѣло въ томъ, что требованіямъ государства ни бояре, ни крестьяне не могли противопоставить такого дѣятельнаго сопротивленія, какъ напримѣръ феодальные владѣльцы на западѣ. Они были для этого слишкомъ разрознены. Бояре и слуги могли протестовать только бѣгствомъ, да крамолами; ихъ сдѣлали холопами, а они все-таки продолжали отъѣзжать. Точно также и крестьяне, не смотря на укрѣпленіе, продолжали уходить тайкомъ.

(Изъ статьи Б. Чичерина. *Рус. Вѣст.* 1858).

Указатель статей: О частной жизни князей до нашествія Татаръ. *М. Погодина*. Москвит. 1853. II. О скудальницахъ или убогихъ домахъ въ Россіи. *И. М. Снегирева*. Зап. и Труды общ. Ист. 1826, ч. III, 1. 235—263. Ширь и братчины. *А. Попова*. Архивъ ист. Колацова, II, 2. отд. VI, 19. Забѣтки о братчинахъ. *Рус. Бес.* 1838, I, отд. 3. 1—12. Борцы въ древ. Руси.

Виллеа. Тамъ же 1856, III. Стѣсѣ 57. О брат-
чинахъ *С. Соловьева.* Тамъ же IV. стѣсѣ 108—
118. Кабальные люди. *А. Панаева.* Моск. Вѣд.
1856, № 24 и 26. О древ. бытѣ Славянъ вооб-
ще и Русскихъ въ особенности. *К. С. Алсакова.*
Пол. собр. Сочин. 1861, 1—311—319. О состоя-
ніи крестьянъ въ древ. Рос. Тамъ же 415—494.
Взоръ на обычай древ. Руссовъ. *Н. Арцыбашева.*
Зап. и Труды общ. Ист. 1824, ч. 2. кн. 2, 90—
115. О состояніи менщанъ въ Россіи *В. Шуль-
гина.* Киевъ 1850. Историч. судьба женщины въ
Россіи, *А. Строева.* Моск. Вѣд. 1856 № 145 и
147. О нравахъ и обычаяхъ нашихъ предковъ мож-
но почерпнуть свѣдѣнія изъ иностранныхъ писателей.
Memoriae populorum. Штримтера. Спб.
1771—1779 г. 4 тома 16 п. *Foszlans und
anderer Araber Berichte über Russen
alterer Zeit.* Спб. 1823. *Memoires de*

*l'Academie Imper. des Sciens de St.-
Peterb.* 1824 VI, 317. *Шармуа.* Записки
Археол. общ. VI, 46. *Марко-Поло.* Чт. общ.
Ист. 1861. 3. Собр. къ путеш. къ Татаромъ. Изд.
Языкова. Спб. 1825. Жизнеопис. древнихъ и
среднев. путеш. Чт. общ. 1864. кн. 2, 3 и 4.
1865. кн. 1 и 2. Библіотека иностран. путеш.
Семенова. Спб. 1836. Сказаніе иностр. писат. о
Рос. изд. Археогр. ком. Спб. 1854. Путешествіе
Нытъ-Батуты. Рус. Вѣст. 1841 № 2, стр. 462.
Жизнь древ. Славянъ по Хроникѣ Дитмара. Спб.
1857. Извѣстія о Хозарахъ, Буртасахъ, Славянахъ
и Руссахъ. Ибнъ-Даста *Д. А. Хвольсона.* Спб.
1869. О нравахъ и обычаяхъ др. Руси. *С. Со-
ловьева.* Чт. общ. Ист. № 1. Взглядъ на Юридич.
бытъ др. Руси. *К. Кавелина.* Современ. 1847.
№ 4. Древн. рус. проповѣдь противъ пьянства.
Прав. Собес. 1862, I. 263. 369.

VII. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ТОРГОВЛЯ.

А. ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННЫЕ.

237. Грамота Мстислава, данная Врьсу монастырю 1130.

Се азъ Мстиславъ Володимерь сынъ държа Русьску землю въ свое княжение повелѣлъ есмь сыну своему Всеволоду отдати (Бунцѣ) св. Георгиеви съ данию и и съ вирами и съ продажами и вено вотское, да же который князь по моему княжению почнетъ хотѣти отъяти у св. Георгия, а Богъ буди за тѣмъ и св. Богородица и тѣ (тотъ) св. Георгий у него то отимаеть. И ты, игумене (Исани) и вы братиѣ, донегдѣже (пока) ся миръ сътовтъ, молитѣ Бога за мя и за мои дѣти кто ся изостають въ монастыри, то вы тѣмъ дѣлжнн есте молити за ны Бога и при животѣ и въ сьмьрти, а язъ дагъ рукою своею и осеннее полюдие даровное полгтретьядесате (25) гривнѣхъ святому же Георгиеви. А се я Всеволодъ дагъ есмь блюдо серебряно въ 30 гривнѣхъ серебра святому же Георгиеви, велѣлъ есмь бити въ не на обѣдѣ, коли игуменъ

обѣдаеть; да же кто зашъртитъ или ту дань и се блюдо,—да судитъ ему (Богъ въ) день пришествія своего и тѣ св. Георгии.

(Изв. Акад. VIII, 339).

Бунць—само Буцца около Новгорода. *Вене отское*—приданое, собранное въ Вотской пятинѣ, или въ одномъ изъ пяти округовъ, на которыхъ раздѣлялась область новгородская. *Вира*—судебный штрафъ съ преступниковъ. По замѣчанію проф. Буслая, выраженіе: *своею рукою* указываетъ на юридическій обычай касаться рукой грамоты, если кто не подписывалъ ее или не клалъ на ней собственноручно крестовъ. *Битъ въ блюдо*. Обычай этотъ сохранился доселѣ въ монастыряхъ за общою трапезою: настоятель стучитъ о блюдо, когда нужно переимѣнять кушанье. Вѣстн. Европы 1818 г. ч. 100. ЛМ 15. 16. 20. Зап. и Труды общ. Ист. 1826, III, 1. 65—76. Чт. общ. Ист. 1861, 2, III, 8—10).

**238. Уставъ новгор. князя Святослава
1137.**

Уставъ, бывшій прежде насъ въ Русь отъ прадедъ и отъ дѣдъ нашихъ; имати пскупомъ десятину отъ даній, и отъ вирь и продажъ, что входитъ въ княжъ дворъ всего.

А здѣ въ Новгородѣ что есть десятина отъ даній, обрѣтохомъ уражено прежде мене бывшими князи; только отъ вирь и продажъ десятины зръѣаъ, аликко даній въ рудѣ княжій въ клѣтъ его ⁽¹⁾. Нужа же баше пскупу, нужа же князю въ томъ, въ 10-й частѣ обжій. Того дѣла уставилъ есть св. Софья, ать *(пустъ)* емлетъ пскупу за десятину отъ вирь и продажъ 108 гривенъ, въ вирь кунъ, аще выдаваеъ Домажиричъ изъ Олѣга, аче *(если)* не будетъ полна ста у Домажирича, 80 выдасть, а дополнокъ возьметъ 20 гр. у князя изъ клѣти. Урядилъ есмь азъ св. Софья и написалъ Никола ки. новгородскій Святославъ, въ Онегѣ на Володудовѣ погостѣ 2 сорочки ⁽²⁾, на Тудоворѣ погостѣ 2 сорочка, на Иванѣ погоста съ даромъ сорочка, на Ракулѣ 3, на Спирковѣ 2, у Виктуя сорочекъ, въ Пинезѣ 3, въ Керелѣ 3, устье Емцѣ 2, устье Вагъ 2, у Пумте сорочекъ, у Чюдана полсорочка, у Лигуа съ даромъ 2, у Валдита съ даромъ 2, у Вели 2, у Велимонѣ 2, на Берму сорочекъ, въ Олмнѣ сорочекъ, въ Тимѣ сорочекъ, у Номѣ полсорочка, у Тотмѣ сорочекъ, у Пенелыча сорочекъ, у Норогопустыцы полсорочка, у Валдита 2 сорочка, на Волоцѣ въ Могѣ 2, у Емисора, а на морѣ

⁽¹⁾ Т. е. сколько приходитъ на долю князя въ кладовую.

⁽²⁾ Сорокъ, сорочекъ—древній счетъ мѣховъ. Собственныя имена здѣсь означаютъ волости новгородскія. См. Матер. для ист.—геогр. слов. Баркова. 1868.

отъ чрена и отъ салгы по пузу ⁽¹⁾, у Тудора сорочекъ.

Въ лѣто (6645) индикта 15. Ожели кто въ которое время а то рюшты, или отиметь, что а урядилъ князь Никола Святославъ съ владыкою Нифонтомъ; князь ли, или инъ кто сильныхъ Новгородецъ, а будетъ Богу противенъ и св. Софьи.

А се *объ-оньзскій* ⁽²⁾ рядъ: во Олонци 3 гривны, на Свѣри гривна, въ Юсколѣ 3 гр., у Вьюницѣ гривна, устье Паши гривна, у Пахитка на Паши полгривна, на Кукуевѣ горѣ гривна, у Перми ~~мнѣ~~ гривна, у Кокорѣ полгривны, на Масногѣ, изъ Саса, полгривны, въ позадѣ отъ всея земли Владыцѣ 10 гр., а попу 2 гр. у Липсуевичъ полгривны, у Тавота гривна, въ Лидѣ полгривны. А се *блжичскій* рядъ: Въ Блжичихъ 6 гривенъ и 8 кунъ, Городецкѣ полпиты $(4\frac{1}{2})$ гривенъ, въ Змени 5 гр. Езьскѣ 4 гр. и 8 кунъ, Рыбаньскѣ гривна, волжская, въ Изьскѣ полгривны, волжская.

(Рус. Дост. I, 82—85).

См. въ откъдѣ юридическомъ церковнае уставы и другія грамоты. Сборъ десятины во владимирской области существовалъ въ XIII в. См. Посл. Симоны къ Полкарпу.

239. Надпись на крестѣ княгини Евфросини Полоцкой 1161 г.

Въ лѣто 6669 покладаетъ Офросимичьстными крестъ въ монастыри своенъ, въ

⁽¹⁾ Чренъ, чрѣнь—желѣзная большая сковорода, въ которой вываривается соль; салга—большой котелъ, употребляемый для той же цѣли; пузу—мѣшечку въ два четверника.

⁽²⁾ Обонежская пятна лежала около Онежскаго озера и по р. Онегѣ.

възвращеніе съ побѣдою и съ радостью... И потомъ помялъ посла Мъстиславъ по братью свою, и съкупишася вся братья у него Кіевъ: Ярославъ изъ Лучьска, Володимеръ Андреевичъ изъ Дорогобужа, Рюрикъ изъ Вручю, Давыдъ изъ Вышегорода, а Гюргевичъ Иванъ изъ Турова. И нача молвити Мъстиславъ братья свои: «се, братья, Половцемъ есме много зла створили, вѣжъ ихъ поимали есмы, дѣти ихъ поимали есмы, и стада и скоть, а тѣмъ всяко пакостити Гречнику нашему и Залознику; а быхонъ вѣшли противу Гречнику.» И люба бысть рѣчь всеѣ братьѣ, и рекоша Ему братья: «такъ буди, то естъ намъ на часть и всеѣ Рускѣи земли.» — и поиде сташа у Кіева.

(Ипат. 97—98, 93—94).

241. Владимірскія церкви до 1175.

.....Князь благовѣрный Андрей (ум. 1175 г.) створи церковь (въ Боголюбомъ св. Рождества) въ память собѣ, и украси ю (ея) иконами многоцѣнными, златомъ и каменьемъ драгимъ и жемчюгомъ великимъ безцѣвнымъ, и устрои ѣ различными цѣтами и аспидными цѣтами⁽¹⁾ украси, и всякими узорочь (узорами, украшеніями) удиви ю, свѣтлостью же не како зрѣти, зане вся церковь баше золота; и украсивъ ю и уди-

(1) Цѣты или чаты—мелкія бляшки. Многогда слово—цѣта замѣняется сл. златаца, пенязь, сребреннѣ. Теперь въ Тамбовс. губ. цѣтами называютъ узоры на плечахъ и подолѣ рубашки, вышитые краскомъ и унизанные бѣстками. Что же касается до названія аспидный, то это означаетъ цѣты изъ темносиняго камня въ родѣ ашмы.

вивъ ю сосуды златыми и многоцѣнными, тако яко и всиѣмъ приходящимъ дивитися, и вси бо видѣше ю не могутъ сказати изрядныя (изящныя) красоты ея: златомъ и финифтомъ (финифтью) и всякою добродѣтелью и церковнымъ строеніемъ украшена, и всякими сосуды церковными, и ерусалимъ (дарохранительница) златъ, съ каменья драгими, и рѣшадѣи многоцѣнными, кандѣлы различными, изъ дну церкви отъ верха и до долу (до низу) и по стѣнамъ и по столпомъ ковано златомъ, и двери же и ободверье (притолки) церкви златомъ же ковано, башетъ же и стѣнъ златомъ же украшена отъ верха и до Дегеуса и всею добродѣтелью церковною исполнена, замечана всею хытростью

Князь же Андрей бѣ городъ Володимеръ сильно устроилъ, къ тому же ворота златая доспѣ (сдѣлалъ, пристѣлъ), а другая серебромъ учини. И доспѣ церковь камену сборную св. Богородица, пречюдну велики, и всиѣи различными видами украси ю отъ злата и серебра, и 5 верховъ ея позолоти, двери же церковныя трѣи златомъ устрои, каменьемъ дорогымъ и жемчюгомъ украси ю многоцѣвнымъ, и всякими узорочь удиви ю, и многими паникандѣлы золотыми и серебряными просвѣти церковь; а оцѣбовъ (амвоны) отъ злата и серебра устрои, а служебныхъ судъ и рѣшадѣи и всего строенья церковнаго, златомъ и каменьемъ драгимъ и жемчюгомъ великимъ, велики много, а трѣи ерусалими велики велици, иже отъ злата чиста отъ каменья многоцѣвныа устрои, и всиѣи виды и устроеньемъ подобна бысть удивленію Соломоновѣ святая святыхъ; и въ Боголюбомъ и въ Володимерѣ городѣ верхъ бо златомъ устрои, каменьемъ усвѣти и столпъ позлати изовну церкви, и по комаромъ же поткы (птицы) золоты и кубки и

вѣтрила золотомъ устроена постави, по всей церкви и по комаромъ около.

(Испит. Л. 111—112).

См. также *Ослѣпленіе Василька и Сказаніе о Довмоптъ*.

При чтеніи подобныхъ отрывковъ, обратитъ вниманіе на составные рѣсмы и художественъ древнюю времена.

242. Вкладная крѣп. Варлаама Хутинскаго п. 1192.

Се вѣдале Варлааме св. Спасоу. Землю и огородъ и ловища рыбная и гоголинаа и пожни (*слѣнокость*): 1) рѣль (*луза?*) противу села за Волховомъ, 2) на Волховецѣ коле (1), 3) корь, 4) лозы, 5) водмива, 6) на островѣ и съ нивами, ахоу (*всю*) же тоу землю Хоутиньскоую вѣдале св. Спасоу. и съ челядию, и съ скотиною, а се брат(ни дагъ?): 1) отрокъ съ женою. 2) волос (*Власъ?*). 3) дѣвка Феверонія съ дѣвма сыновьц(и?). 4) недачь, а конь шестеро, и корова. Се другое село на Своудици за..... бнєю вѣдале св. Спасоу и божница (*церковь*) въ немь, св. Георгия, и ниви и пожни, и ловища и еже въ немь, — се же все далъ Варламъ Михалевъ сынъ св. Спасоу. Аще кто диаволгьмъ наоученъ и злымъ человекѣмъ наваженъ цѣто хочеть отъяти отъ нивъ ли отъ пожнъ ли или отъ ловищъ, — а боуди емоу противенъ св. Спасъ и въ съ вѣкъ боудоущи.

(Дом. къ Акт. Ист. I, № 5).

(1) *Коле*, также *лъзъ* — заколъ или запруда рѣки, гдѣ производится рыбная ловля посредствомъ большаго кошеля, сплетеннаго изъ хворосту.

См. Изв. Акад. II, X, 310. Ист. Ред. Iор. VI, 617. Эта вкладная съ объясненіями помѣщена въ Чт. общ. Ист. 1861, 2, III, 14—5.

243. Данная суздальскому Васильевскому монастырю 1253.

..... и по благословленью государя своего кн. Дмитрея Константиновича, во мнишескомъ чину Діонисья, се язъ раба божія Марина черница управила есмь душу господина своего Деонисьеву, да есмь по его постриженіе ко св. Василью въ монастырь на поминокъ душѣ его село Мининьское со всѣмъ, что къ нему потягу, и съ прикупными землями въ семъ въ Мининьскомъ, дала есмь съ серебромъ и съ животомъ (1), да село Романовское ко св. же Василью, да въ Романовскомъ же дала есмь прикупной лугъ Любому подлѣ рѣки Нерли отъ Васильевского мочница доломъ (*отъ болота нмзомъ*) да по два озерца, да на назъ, да на нву, да поперегъ болотца къ Романовской рощѣ на валовую между (2); а дала есмь тѣ села и съ животомъ св. Василью по его душѣ игумену съ братьею, покажѣсть и св. обитель сія стоитъ, лѣта 6761.

(Опис. Рум. Муз. 99).

См. Акты юрид. 6, I, 439.

Данныхъ и жалованныхъ грамотъ монастырямъ сохранилось весьма много съ древняго времени; изъ нихъ видно, какія льготы даны были монахамъ въ древнее время и какъ много находилось монастырскихъ имуществъ.

(1) Со сборомъ дани и съ пожитками.

(2) Такими естественными предметами означались грани поземельныхъ владѣній въ древнее время; часто они уничтожались и происходили постоянныя споры между владѣльцами.

244. Убранство войска Данила галицкаго.

Въ лѣто 6760 (1252). Пришла король угорьскы къ Данилу, прося его на помощь: бѣ бо нѣмѣ рать на божь съ Нѣмци; иде ему на помощь и приде къ Пожгу. Пришли бо бяху послѣ нѣмецкыи къ нему, бѣ бо царь одинъ одержа землю Ракушьску и Штирьску: герцогъ бо уже убиенъ бысть. Бѣ бо имена послаи: воевода царевъ и епискупъ Жалошь Пурьскый, рекомый Сольскый, и Гарихъ Поруньскый, и Ота Гаретеньникъ Пѣтовьскый. Возвѣха же король съ ними противу же Данилу князю; Данило же приде къ нему, исполни вся люди свои. Нѣмци же двящеся оружью татарьскому: бѣша бо кони въ личинахъ и въ коярѣхъ кожаныхъ, и людье во ярыцѣхъ, и бѣ полковъ его свѣтлость велика, отъ оружья блистающася. Самъ же ѣха подлѣ короля, по обычаю руску: бѣ бо конь подь нимъ дивленію подобенъ, и сѣдло отъ злата жъжена, и стрѣлы и сабля златомъ украшена, иными хитростями, якоже двягтися, кожую же оловира грецького и круживы златыи полоскыи ошитъ, и сапозы зеленого хъза (*сафьяна*) шити золотомъ. Нѣмцемъ же зрящимъ, много двящимся, рече ему король: «не взялъ быхъ тысячъ серебра за то, еже еси пришелъ обычаемъ рускимъ отцевъ своихъ;» и просия у него въ станъ, зане зной бѣ великъ того дне. Онъ же я ѣ за руку и веде его въ полату свою, и сѣмъ соволочашеть его и ободачашеть ѣ во порты свои; и таку честь творяшеть ему, и приде въ домъ свой.

(Ипат. II, 187).

245. Украшеніе города Холма.

Видивъ князь Данило (1259), яко Богу посѣввающу мѣсту тому (г. Холму) нача призывать прихожаѣ Нѣмци и Русь иноязычники и Лахы; идяху день и в день, и уюты и мастерѣ всади бѣжаху изъ Татаръ, сѣдѣвници, и лучиници, и тулинци, и кузницѣ желѣзу и мѣди и сребру, и бѣ живы, и наполниша дворь окрестъ града полѣ и села. Созда же и церковь св. Ивана, красну и лѣпу; задане же еѣ сице бысть: комары 4, съ каждого угла преводъ, и стоянье ихъ и 4 головахъ челоуѣцкыихъ изваяно отъ нѣкоего хитреца; окна 3 украшена стеклы рамьскыи; входщи во олтарь стоятъ два столпа отъ цѣла-камени, и на немъ комара, и выпрь же верхъ украшенъ звѣздами златыи на лазурь; внутренній же еи помость бѣ слать отъ мѣди и от олова чиста, яко блещатся яко зерцалу; двери же еи двоя украшены каменьемъ галичкымъ бѣлымъ и зеленымъ холмьскымъ, тесанымъ, узоры тѣ нѣкимъ хитрецемъ Авдѣемъ, прилѣпы отъ вси паровъ (красокъ) и злата, напередъ ихъ же бѣ надѣланъ Спасъ, а на полуионныхъ св. Иванъ, якоже вси зрящии двягтися бѣ; украси же иконы, еже принесе изъ Кыева, каменьемъ драгымъ бисеромъ затымъ: Спаса и преч. Богородицѣ, иже ему сестра Федора вѣда, изъ монастыря Федора иконы же принесе, и Уручого Усрѣтенье отъ отца его, дѣи подобны, яже погорѣша во церкви св. Ивана, одинъ Михайлъ остана чюдныи тѣхъ иконъ; и колоколы принесе изъ Кыева, другія ту сольє: то все огнь и пали (1259). Вѣжа (*башня*) же средь города высока, якоже бити съ нею окрестъ града, подздана каменьемъ въ высоту 1 лакоть, создана же сама древомъ теснымъ и убѣлена яко сыръ, свѣтащи на вси стороны; студенець, рекомъ кладязь, близъ ея бѣ, сажении и мущи 3!

храмъ прекраснѣи и мѣдъ отъ огня яко смола ползущъ; посади же садъ красенъ, и созда церковь святыма безмездникама во честь, имать 4 столпы отъ цѣла каменн истесанаго, держаща верхъ, съ тѣхъ же другыи, и въ олтарь пресв. Дмитрея стоитъ же ти предъ боковыми дверми красенъ, принесенъ издалеча; стоитъ же столпъ поприще отъ города камень, а на немъ орелъ камень названъ, высота же камени десяти лакотъ, съ головами же и съ подножьями 12 лакотъ. Увидѣвъ же сицю пагубу граду, яшедъ въ церковь, и видѣ пагубу и сжался велики, помолився Богу пакы обновы и церковь освати, пискупомъ Иваномъ, и пакы помолився Богу и созда и твржьша и высша; вежъ же такое не возможе создати: бѣ бо грады многы зиждай, противу безбожнѣмъ Татаромъ, за то не созда ея.

Въ лѣто 6768 (1260). Созда же церковь преведуку во градъ Холатъ, во имя пресв. прснодѣвныи Маріа, ведичествомъ и красотою не менѣ сущихъ древнихъ, и украси ю пречюдными иконами; пренесе же чашю отъ земли Угорьскыи мрамора багряна, названу мудростью чудну, и змѣвы главы бѣща округъ ея, и постави ю предъ дверми церковными, нарѣцаемыми царскими, створи же въ ней крестилницю крестити воду на св. Богоявленіе; створи же въ ней блаженнѣи пискупъ Иванъ отъ древа красна точенъ и позлащенъ двѣ и вѣтѣ, дивленію подобенъ.

(Ипат. 196—197).

246. Мирна Новгородцевъ съ Нѣмцами 1262—1263.

Се азъ князь Александръ и сынъ мой Дмитрия съ посадникомъ Михайломъ и съ

тысяцкыи Жирославомъ и съ всеми Новгородци докончахомъ миръ съ посломъ Нѣмцкыи Шивордомъ и съ Любыцкыи посломъ Тидрикомъ и съ Гъцкыи посломъ Ольстенемъ и съ всеми Латиньскыи языкомъ. Что ся учинило тѣже межю Новгородци и межю Нѣмци и Готы (1) и со всеми Латиньскыи языкыи, то все отложихомъ, а миръ докончахомъ на сей правдѣ: Новгородцы гостити на Готцкыи берегъ безъ пакости, а Нѣмцы и Гты гостити въ Новгородъ безъ пакости (безъ обиды) и всему Латиньскому языку на старын миръ. Пудъ отложихомъ, а скалы (высокия камыи) поставихомъ по своей волѣ и по лрбѣи. А въ Ратшину тѣжю платили есмы 20 гривенъ серебра за двѣ головы, а третью выдахомъ. А Нѣмцы и Гты и всему Латиньскому языку платити по двѣ дунѣ отъ капи и отъ всякаго вѣснаго товара, что кладуть на скалы, и продающе и купивше. А старын миръ до Котлангѣ (до Кронштадта). А Новгородцыи въ становици (въ пристани) на Готцкомъ берегу безъ пакости въ старын миръ. А зимнини госты, оже не помнеть нашего посла ни новгородцкыи купецы изъ Новгорода или съ Гъцкаго берега, а что ся учинитъ изъ Котлангѣ до Новгорода или изъ Новгорода до Котлангѣ, Немцкыи гости, оже безъ посла пойдуть: то Новгороду тѣжа не надобе, въ старын миръ (2). Оже кто гоститъ въ Корѣлу или Нѣмци или Гтѣне, а что ся учинитъ, а то Новгороду тѣжа не надобе. А которыхъ трее дворцы (3) въпросили ваша

(1) Готы — Готландцы, Готцкѣи бергъ — островъ Готландъ на Балтійскомъ морѣ.

(2) Т. е. если учинится обида торговцамъ, ядущимъ безъ новгородскаго провозатаго, то Новгородъ не отвѣчаетъ за это.

(3) Три торговые иностранные двора въ Новгородѣ.

братья послы, а тѣхъ ся есмы отступили по своей воли. А се старая наша правда и грамота: на чемъ цѣловали отцы ваши и наши крестъ. А гдѣ ся тяжа родить, ту ѿ кончати. А иное грамоты у насъ вѣтуть, ни потанли есмы, ни вѣдаемъ. На томъ крестѣ цѣлуемъ.

(Изв. Акад. Н. VI, 166).

См. еще Грам. кн. описан. съ Ганз. гор. № 2.

247. Грамота в. кн. Андрея Александровича на Дзгню 1294—1304.

Отъ в. князя отъ Ондreja къ посадникомъ, и къ сотникомъ, (сотникамъ) и къ старостаимъ. Како есмь докончалъ (одълаалъ договоръ) съ Новымгородомъ ходити тремъ ватагамъ мори на море (сѣверное), а ватаманъ Ондрей Критцкый, отдають съ погостовъ кормъ и подводы по поплинѣ; а сынъ его Кузма како пойдетъ съ моря съ потками (птицами) съ данными по данничу пути, да даять ему корму и подводы по поплинѣ съ погостовъ; а какъ пошло при моемъ отцѣ и моемъ братѣ, не ходити на Терскую сторону Ноугородцемъ, и нынѣ не ходять.

(А. Экспед. I, № 1).

См. Истор. Госуд. Рос. IV, пр. 206.

248. Грамота Рима въ витебскому кн. Нихану Константиновичу ок. 1300.

Поклонъ отъ ратмановъ ризкихъ и отъ всѣхъ горожанъ ко князю витебскому

Михану. И ныне пришли предъ насъ наши горожане, и то намъ поведали съ великою жалобою: которыхъ были зинусъ съ тобою у Витебде, какъ то еси товаръ у нихъ отъялъ силою и неправдою. То было в *первое*. Былъ у тебе одинъ дѣтина, нашъ горожанинъ, а иногда не бывалъ у васъ; тогда рать была литовская подъ городомъ; онъ же хотель у рать ити дѣвки купити и взялъ мець со собою по нашей пошлани; тогда иди путь заблудилъ къ монастыреви,—и выскочивше 3 чернычъ, 4-й же человекъ иныи съ ними ту его емъшо, били и рвали, и мець выстали силою у него. И потомъ, княже, ты на другой день емъ его оковалъ еси и дѣржилъ его еси до того же дне; а товара еси отъялъ на 3 берковьскы воску. Княже, то еси неправду дѣялъ; забылъ еси, княжо, своего крестнаго челованья, зане же самъ вѣдаешъ, княжо, како не тако естъ миръ докончанъ на старымъ мирѣ, и на томъ крестѣ челованъ, какъ то намъ вашей братьи правда дати, а обиды не створити ни малу, ни велику. Тако было и вѣмъ по крестному челованью обиды не створити ни малу, ни велику, нашей братимъ правда дати, товара силою не грабити, человека не мучити безъ вины. Княжо, слышишь самъ отъ своеи братье, какъ то мы вашеи брате не обидѣли, ни грабили товара силою безъ правды, какъ то ты, княжо, дѣшешъ.—А се тобѣ поведываемъ 2-ю обиду. За грѣхы пригодилоса такъ, какъ то седѣла дружина у пшру пшучи, другъ друга заразилъ до смерти,—и какъ то тыи бои и удѣялся, тогда онъ убоявсья живота, утекль къ тебе, княжо. Немчи же уведавше, ажо къ тебе, утекль разбойникъ, и пришли предъ (тебе), княжо, Немчи и моляли ся тебе: выдай намъ разбойника,—и ты имъ выдавъ разбойника, потомъ, княжо, шоль еси у разбойникову клетъ, товаръ еси разбойниковъ взялъ; иныхъ людей товаръ былъ ту, то

ть и то понималъ еси, княжо, то ты еси неправду дѣялъ. Ты самъ вѣдаешь, какъ то не тако есть миръ доконцанъ межи земле; аже другъ друга убить до смерти, а имуть ты того челоуѣка, кто разбой учинилъ, тому дати вина по его дѣлу, а товаръ его свободенъ своему племени, — и ныне мы молимся тебе, а бы ты товаръ отдашь его племени. — А се тебе *3-ю обиду* повѣдываемъ про тую дѣтину, что товаръ его былъ со разбойниковымъ товаромъ у клети. Какъ то поехалъ изъ Витебска у Смоленскъ потустилъ же у разбойникове клети волны же овчины на 5 серебра; онъ же у Смоленщце услышавъ, аже ты его товаръ со разбойниковымъ товаромъ узялъ, и онъ уборъ на конь вѣздъ поехалъ у Витебскъ и молился тебе, княжо, абы ты его товаръ отдашь, что еси взялъ съ разбойниковымъ товаромъ изъ клети, то ты ему не дашь. То еси, княжо, не правду дѣялъ, — и нынѣ, княжо, мы ся тебе молимъ, какъ то ты товаръ отдаи, что еси взялъ безъ винное вины. — Се и еще, княжо, мы тебе повѣдываемъ *4-ю обиду*, у чомъ то еси не правду дѣялъ; какъ то ныне новую правду ставишь, какъ то есма не чували отъ отчествъ, ни отъ дѣдовъ, ни прадедовъ нашихъ, аже ты владшь кликами сквозъ торгъ: гость съ гостемъ не торгуй, — княжо, а у томъ еси не правду дѣялъ. Княжо, аже еси тако у своемъ сердучи, то ты то еси неправую думую думалъ; будутъ тебе, княжо, лишнн людье тую думу повѣдали, то ты не у честь то ведали тую думу: то есть тебе, княжо, достойно, аже бы ты людье казнилъ, какъ то бышь нынн людье бѣдѣлися, кто лихую думу подѣдаеъ. Княжо, нашъ горожанинъ Фредрикъ продалъ челоуѣку мехъ соли, и онъ услышавъ, аже ты не велель гостевн со гостемъ торговати и обестился тебе, княжо, и ты ему велель продати, и онъ шолъ съ

темъ челоуѣкомъ соли вѣситъ; какъ то еще соли не вѣсили, твои дворяне стояли ту у дворе, у Фредрика ключъ взяли силою клетныхъ и пошли прочъ. Потому твои дѣтскыи Плосъ пришедъ реклъ Фредерику: поиди ко князю, — и онъ пошолъ къ тебе, по твоему слову; и какъ то пришелъ къ мостови, реклъ Плосъ: поиди съмо, сдѣ князь. Не ведя его къ тебе, княжо, жо къ себе въ истобьку и ту порты съ него снемъ, за шню окывалъ и руки и ноты, и мучилъ его такъ, какъ то буди Богу жалъ; и потомъ ты дѣтскыи свое послалъ на его подворде и велель еси товаръ его разграбити на 4 капи воску. И ныне мы ся тебе молимъ, абы ты ты товаръ отдашь; княжо, и самъ вѣдаешь, аже неправдою еси своею крестное челоуаніе забылъ. — И снннѣ *5-ю обиду* повѣдываемъ. Какъ то Немчи послали свое коне изъ Смоленска у Витебскъ, то ты, княжо, ты коне обнзрель и улюбилъ еси одного коня, — ты конь былъ Герлаховъ, — то ты ты его хотелъ безъ измѣны; тыи людье рекли: княжо, мы коня не дамы, ни продамы его, не смѣемъ — конь Герлаковъ. И ты, княжо, давалъ еси на кони 10 изроевъ, и они не взяли; то ты ты реклъ, княжо: дайте вы мне конь, я васъ провожю изъ Смоленска и сквозъ Касплю Лучаны, хочю проводить съ коньми и до Полотьска; то ты дали тебе конь по твоему слову. Княжо, дашь жо еси приставъ своего челоуѣка Прокошию, и приехалъ Прокошинъ къ Смоленску, тои первое и дали ему скорлата портъ жо чаторъ; Прокопьево слово такъ: у которыхи день вы будѣте готови, я съ вами готовъ буду. Въ тыи жо день по его слову приготивился есма были и рекли есма Прокопини: се мы готови, поедимъ; Прокопьево такъ: но могу я изъ свѣта во тму ехати. Прокопини на конь свой уседъ поехалъ у Витебскъ, а нашу братью цо-

пустилъ. Княжо, тѣмъ словомъ не дослу-
жился еси того коня, аже бы ты у
своемъ слове стоялъ, а нашу братию
проводилъ бы, мы быхомъ не поминали
того коня. И ныне мы ся тебе молимъ,
какъ то отдай Герлаку конь, а любо 10
изроевъ, что еси самъ первое давалъ на
кони,—и ли того не даси ни коня, ни
серебра, Герлахъ хочеть своего коня ис-
кати, како мога.—А се еще 6-ю обиду
повѣдываемъ про Ильбранта, что твои
братъ торговалъ съ нимъ на 30 изроевъ,
17 изроевъ заплатилъ, а 13 не запла-
тилъ. И ныне, княжо, мы ся тебе мо-
лимъ: отдай Ильбранту товаръ своего
брата, душе постерега.—И нынѣ 7-ю
обиду повѣдываемъ: какъ то было на-
шей братии поехати изъ Витобеска у
Смоленскъ, тогда Литва изымали ихъ
на пути у твоемъ городѣ, княже, вязали
ихъ и мучали и товаръ отымали въ нихъ,
а утвоеи волости ся то дѣяло, товара
взяли ту на 70 гривенъ серебра корного
и на 3 серебра. Княжо, тебе было
тое обиды постеречи, аже бы ся то дѣ-
яло при твоемъ отци Константине, та
бы обиды ни колиже была нашей братии,
какъ ся тогда у дѣяло. И нынѣ, княжо,
мы ся тебе молимъ, какъ то темъ лю-
демъ отплати твѣ товаръ, которымъ то
дѣялося у твое волости и у твоемъ горо-
дѣ. И ныне, княжо, пришлоу предъ насъ
Шахматъ жо Фредрикъ и то вамъ пове-
дала ее жалобою, какъ то еси торговалъ
съ нима и не заплатилъ. Княже, то бы-
ло тебе достоинно, у кого купишь, тому
заплати, то они бышь на тя не жллова-
ли.—И нынѣ 8-ю обиду повѣдываемъ
про весы, какъ то слышимъ отъ свое
брата, ажо ты, княжо, лишнее емлешь,
какъ то есме не човали ни изъ отчины,
ни отъ дѣловъ, ни отъ прадѣловъ. И ны-
нѣ мы ся вамъ молимъ всемъ сердцемъ,
княжо, какъ то есть миръ докончанъ и
крестъ челованъ на старыи миръ, тако

и ныне, княжо, отложи лишнее и всяку
неправду, ать стоитъ старыи миръ твер-
до, како доконцано.—И ныне, княжо, то
буди тебе ведомо, аже не отложить лиш-
него дѣла и всякое неправды,—мы хо-
чемъ Богу жаловатися и темъ, кто прав-
ду любить, а неправду ненавидитъ. Мы
свое обиды неположимъ, а боле не мо-
жемъ терпети.

(Изв. Акад. Н. X, 633—636).

**249. Грамота новгородѣ архіепископа
Климента къ Рижанамъ веси 1300.**

Благословеніе отъ владыки Феликса
и отъ посадника, и отъ тысяцкаго, и
отъ всего Новгорода, и отъ всѣхъ купецъ,
къ поцу к Рижьскому, и Герлаку, и к
Ламбрату и къ всѣмъ ратманомъ, и къ
всѣмъ Рижаномъ. Что избилъ братию
нашу у васъ и товаръ поимали, за то
вамъ Богъ помози, аже есте разбойни-
ковъ изыскали по хрестыянскому чело-
ваню; правду держите, братен нашъ то-
варъ дайте и разбойники, ать не будетъ
промежи насъ рѣци; а кто привезалъ
грамоту сию, тому вѣры имите.

(Изв. Акад. X, 637).

**250. Грамота в. к. Андрея Александръ,
данная въ Новгородѣ Галтѣйскому сеню
1301.**

Отъ в. к. Андрея, отъ посадника
Смена, отъ тысяцкого Манка, отъ всего
Новгорода. Се приеха Иванъ Бѣлый изъ
Любка, Адамъ съ Гочкого берега, Ичя

Олчать изъ Ригы (1) отъ своей братии отъ всехъ купецъ своихъ Латиньского языка. И дахомъ имъ 3 пути горни до своей волости, а четвертый в рѣчкахъ гости ехати безъ пакости на божии ручѣ и на княжи и на всего Новгорода. Оже будетъ не чистъ путь в рѣчкахъ, князь вельтъ своимъ мужемъ проводить сии гости, а вѣсть имъ пѣдати.

(Доп. къ А. Истор. I, № 8).

См. также Вѣстн. Европы 1841 г. № № 23 и 24; 1842 г. № № 3 и 13. Грам. касаш. сношеній Руса съ ганзейс. гор. № IX.

251. Договорная Новгородца съ в. к. Шиханомъ Ярославичемъ до 1397 г.

Благословение отъ владыкъ, поклонъ отъ посадника Гюрга, и отъ тысяцкого, и отъ всехъ старѣйшихъ, и отъ всехъ мѣшнихъ, и отъ всего Новгорода, господицу князю Михаилу. На семь, княже, цѣлуй хрѣстъ къ всему Новгороду; на чемъ цѣловали дѣди и отецъ твой Ярославъ. Новгородъ ти дѣржати въ старинѣ, по пошлени. Что волостей новгородскихъ, тѣхъ волостей, княже, не дѣржати ти своими мужи, дѣржати мужи новгородскими; а даръ, княже, тобѣ емати отъ всехъ волостей. А бесъ посадника ти, княже, суда не судити, ни волостей раздавати, ни грамотъ давати; а безъ вины мужа волости не лишити ти. А что ти, княже, пошло на Тържку и на Волоцъ, тивунъ свой дѣржати на своей части; а Новгородца на своей части. А въ Бѣжичать тобѣ, княже, ни твоей кня-

(1) T. e. Iohannes Albus de Lubeke, Adam de Gotlandia, Hinricus Holste или Hinze Holtzatus de Riga.

гичи, ни твоимъ бояромъ, ни твоимъ слугамъ селъ не дѣржати, ни купити, ни даромъ приимати, и до всей волости новгородской. А се, княже, волости новгородския: Волокъ съ всеми волостями, Тържкъ, Бѣжичъ, городъцъ Шапичъ, Мелеча, Шипине, Егна, Заволочие, Търъ, Пърня, Печери, Югра, Волгда. А сивилье бити за 60 верстъ отъ города. А въ Русути, княже, ездити на 3-ю вину; а лѣтъ ездити на Овадъ звѣри гонитъ. А въ Ладугу ти, княже, слати осетръцка и медовара, по грамотѣ дѣда твоего Ярослава; а ездити тобѣ, княже, въ Ладугу на 3-нее лѣто. А изъ Бѣжичъ, княже, людей не выводити въ свою волость, ни изъ иной волости новгородской; ни грамотъ имъ давати, ни закладниковъ приимати, ни твоей княгичи, ни бояромъ твоимъ, ни слугамъ твоимъ, ни смѣра, ни купичны; а грамотъ ти не посужати. А пожитъ что твое и твоихъ мужъ, пошло, то твое и твоихъ мужъ; а новгородское Новгороду. А дворяномъ твоимъ, каки пошло, погонъ емати отъ князя по 3 купѣ, а отъ тиуна по 2 купѣ. А что, княже, мытъ то Суждальской земли и въ твоей волости, отъ вода ямати до 2 вѣдъ, и отъ лодѣ, и отъ хмеля пороба, и отъ льняна. А дворяномъ твоимъ у купецъ повозовъ не емати, развѣ ратной вѣсти; а свободъ ти ни мытъ на новгородской волости не ставити. А холопъ или раба почнетъ вадитъ на господу, тому тивѣрѣ не яти. А на Цару тобѣ, княже, Новгородца не судити, ни волостей раздавати; а кто почнетъ вадити къ тобѣ, тому ти вѣры не яти. А въ нѣмѣчкомъ дворѣ тобѣ, княже, тѣрговати нашею братьею; а двора не затварати, а приставовъ не приставляти. А гости нашему гостити по Суждальской земли безъ рубежа, по царевѣ (ханской) грамотѣ. А судѣ слати тобѣ свое на Петровъ день, тако пошло. А вывода ти, княже, межо Суждальскою землею и Новгородскою не чини.

ти. А что закладниковъ въ Тържюку или инде, или за тобою, или за кпягынею, или за мужи твоими, - кто купецъ, поидеть въ свое сто, а смѣрдъ поидеть въ свой погость: тако пошло въ Новгородѣ; отпусти ихъ прочь. А за Волокъ ти своего мужа не слати, слати Новгородца; а тебѣ серебро емати. А гнѣва ти, княже, до Новгорода не държати, ни до одного человекъ. А рѣду въ новгородской волости тебѣ, княже, и твоимъ судиямъ не посужати, а самосуда не замышляти; а старостѣ ни холопы, ни роботы, безъ господаря твоимъ судиямъ не судити. А за рубежъ изъ новгородской волости твоимъ дворьяномъ суда не водити и ни судити; а свободъ ти и селъ състуитися. А про землю и про села, кто у кого будетъ купецъ, знаетъ своего истьца про куны; а земля къ св. Софии.

(Собр. грам. I, № 9).

(Къ этой грамотѣ приложена печать семичасовая).

См. также № 4, 8 и 10.

Обратитъ вниманіе на владѣльческія права новгородскихъ князей).

252. Торговнй договоръ между Полоцкомъ и Ригею ок. 1330.

Тако хочеть мы горожане съ мещтеремъ (*магистромъ ордена*): переже, како вѣснѣти воскъ на скалвахъ, а вамъ чинити такожь, нъ тяжелѣи нашего полупуда тотъ товаръ, который вѣснѣти на скалвахъ, а языкъ пускати на товаръ; а волнъ товаръ на стану станеть, отступи прочь, а рукою не приймай; а вѣснѣти крестъ цѣловати, какъ ему право вѣснѣти, какому ни товаръ будетъ. А Немцѣмъ да-

ти вѣсчего отъ берковьска заушна отъ воску, отъ мѣди, отъ олова; а соль вѣснѣти унудный рѣмѣнь, у берковьска узати ему долгаа, отъ рубля дати ему долгаа. А въ Ризѣ рускому купцѣви отъ вѣса дати ему отъ бѣрковьска полъовря, отъ воску, отъ мѣди, отъ олова, отъ хмѣлю; а соль вѣснѣти пуднымъ рѣмѣнемъ, отъ бѣрковьска дати ему отъ вѣса любѣцьскый и отъ гривны серебра любѣцьскый. А вѣснѣти чистый воскъ безъ подьсады (*безъ примѣси*), безъ смолы, безъ сала, какъ вѣрхъ, тако исподъ. А же привѣзеть нечистый товаръ, а не любъ будетъ, поехати ему назадъ со своимъ товаромъ, а свой князь тамо казнитъ (*накажетъ*) его. А же найдуть у Немцѣ нечистый товаръ у (*въ*) Руской землѣ, пойти ему назадъ съ товаромъ у Ригу, тамо его свой князь судити.

(Грамм., касающ. снош. съ ганзгор. № 7).

См. также договорныя грамоты въ отдѣлѣ юридическомъ.

253. Грамота Двинянамъ до 1340.

Отъ в. князя отъ Ивана, отъ посадника Данила, отъ тысяцкаго Аврама и отъ Новгорода къ двинскому посаднику на Колмогоры, и къ бояромъ двинскимъ. Приказалъ есмь Печерскую сторону Михайлу, а ходитъ на море въ двадцати человекъ: а вы, бояре двинскіе, не вступайте въ гнѣздные потьки, ни въ мѣста; а погость Кегролскій Волокъ вѣдаеть Михайло по поплывнѣ, какъ то было при моихъ дядяхъ и при моемъ братѣ при старѣйшемъ; а Микифору ненадобѣ

вступатись нивочтожь, ать ходитъ Микифоръ въ Михайловѣ ватазѣ.

(А. Арх. эксп. I, № 2).

254. Жалованная грамота в. кн. Іоанна Даниловича 1328—1340.

Се язъ князь в. Иванъ Даниловичъ всея Руси, пожаловалъ есмь сокольниковъ печерскихъ, кто ходитъ на Печеру, Жилу съ други, а се ихъ имена: Жила, Олюша, Василко, Степанъ, Карпъ, Федець, Острога, Бориско, Кузма, Дмитрокъ, Власій, Микитица Ивановъ сынъ, Семенецъ, Кондрать, Чешко, Семенецъ, Григоръ, Степанецъ, Савица: ненадобѣ имъ никоторая дань, ни ко старостѣ имъ не тянути; и что у нихъ третника и наймиты, кто стражеть на готовыхъ конѣхъ, а въ кунахъ, и тѣмъ ненадобѣ никоторая дань, ни ко старостѣ имъ не тянути, ни биричъ имъ не поторгывать, ненадобѣ ни кормъ ни подвода; кто ли, черезъ мою грамоту, что у нихъ возметъ, и язъ князь в. кажию, занеже ми люди тѣ надобны. А приказалъ есмь ихъ блюсти Меркурью: и ты, Меркурей, по моей грамотѣ, блюди ихъ, а въ обиду ихъ не выдавай никому.

(Акты Арх. Эксп. I, № 3).

255. Грамота Кестутія и Либарта Торунскихъ гражданъ послѣ 1341.

Отъ князя отъ Кестутя и отъ князя отъ Либарта у Торунъ к мѣстечемъ, што есте просили насъ, а быхомъ васъ пусти-

ли до Лучька торговать через Берестие, абы вамъ не закажали. Мы хотимъ ради то учинити вамъ, не блюдитеся ничего, поидите. А коли который торговецъ поидеть торговать ис Торуня через Берестие до Лучьска, без печали будте; а кто поидеть съ сею грамотою через Дорогычинъ чесь Мелникъ и через Берестие до Лучьска торговать ис Торуня, язъ князь Кестутя не велю ихъ занимати.

(Изв. Акад. Н. Х. в. 7).

256. Грамота Ярослава князя Василія Давидовича Чернигаго Спасскому монаху до 1345.

Се язъ князь Василій Давидовичъ докончалъ есмь съ архимандритомъ съ Пимномъ про домъ св. Спаса по дѣда своего грамотѣ пожаловалъ есмь, что людей у св. Спаса въ городѣ и въ селѣхъ урелъ имъ есмь на годъ 2 рубля давати, а ненадобѣ имъ ни которая дань, ни ямъ, ни подвода, ни тамга, ни восмичее, ни бобровое⁽¹⁾, ни стану ни чинять въ селѣхъ спасскихъ ни дворскаго не емлють, ни становщикъ не въѣздитъ ни очемъже, ни бѣгоули мой не ямають людей спасскихъ въ сторожу, ни въ корму; а судя мой вси намѣстници и тиуня не шлють дворянъ своихъ по люди св. Спаса, но шлють къ игумену и игуменъ шлетъ по нихъ своихъ людей. А что будетъ судъ спасскихъ людемъ съ моими людьми, прѣбхавъ моему суду въ монастырь судити ему въ

⁽¹⁾ Тамга (по татарск.—родовой знакъ)—пошлина, которая собиралась съ цѣны продаваемого товара и введена Татарами; обыкновенно брали съ рубля по алтыну. Восмичее—пошлина, собираемая тоже при сбытѣ товаровъ. См. Ист. Рос. С. Соломъева, III, пр. 85, IV, стр. 184.

правдѣ по цѣлованію. А вина (*штрафъ*) посулъ и пересудъ на полы, (*пополамъ*), до моего ли дойдетъ, до спасского ли. А что учинится между спасскими людьми бои или татба или душегубство, или самосудъ ⁽¹⁾ то все судить игумень и вину емлетъ въ домъ Спаса; а нашимъ судьямъ ненадобѣ, ни дворяномъ. А кого перезоветъ игумень изъ иныхъ волости, то люди св. Спаса, а мнѣ ся въ нихъ не вступати, а кто будетъ людей мовхъ св. Спаса въ половницы ⁽²⁾, а тѣ потягнуть ко мнѣ данью и виною, до кого что доидеть; а игумену ся не вступати. А что торгованіе на домъ св. Спаса крылошаномъ и черицемъ тамга, не возмичее ненадобѣ. А перевозъ ⁽³⁾ и рѣки бобровые, а то по давной пошлинѣ. А дому св. Спаса блюстити, не пустити ни самому не обидѣти, и въ обиду не давати. А даль есмь домъ св. Спаса на рудѣ отцу своему примыслить ли, умыслить ли. А чрезъ сю грамоту кто посягнетъ на домъ св. Спаса, и милости св. Спаса не буди на немъ.

Подлинная грамота писана на бумагѣ съ вислою печатью чернаго воску.

(Ист. Рос. Іер. VI, 229—231).

См. Ист. Г. Рос. IV. пр. 328.

257. Закладная Двинянна 1349.

Се заложу Уласей Степановичъ св. Николи въ Чюхченему, и игумену Василью, и старости Юрю, и всемъ черницамъ ни-

⁽¹⁾ Собственная расправа или сѣлка, по вѣдомо законной власти.

⁽²⁾ Половницами назывались крестьяне, обрабатывающіе землю изъ половины прибыли.

⁽³⁾ Перевозы—пошлина, собираемая съ привозимыхъ къ берегу судовъ съ товаромъ.

кольскимъ, подседа на Косткови гори, въ десяти рублѣхъ да въ трехъ сорокѣхъ бѣлки, на 5 лѣтъ; и старую грамоту той земли Уласей выдалъ св. Николи; а вѣзде та 5 лѣтъ, ино дати Уласью 10 рубловъ да 3 сорока бѣлки своихъ кунъ св. Николи, ино земля его ему; а у людей Уласью кунъ не имати на тую землю, ино та земля св. Николи и въ вѣки и тихъ куняхъ; а болши того Уласью дун не приимати на той земли у св. Николи, а очисцивати та земля Уласью; а игумену, и черницамъ по Степану память третю пивомъ по силѣ. А да то послужу Михайла Олоронѣвичъ, Кузма Тинковичъ, Иванъ Семеновичъ, Яковъ Селютин, Игнатей Матвеевичъ, Юрь дьякъ св. Николи, въ лѣта 6857-е тое зимы, коли Крѣла за моромъ Двинянь грабили. А и печати стоялъ Уласей Степановичъ.

(А. Юридич. № 234).

258. Духовная игумена Чюхченемскаго Василія ок. 1350.

Во имя Отца и Сына и св. Духа. С азъ рабъ божіи игумень Василей дѣл есмь въ домъ св. Николи въ Чюхченему Урвановскую землю, члмъ есмь володѣти, дворъ и дворицо, орамую (*пахатицу*) землю: на гори Круглицы 3 участка, во дни уадицу полоса земли Кузнечовскы, возлѣ кривую полосу полосу земли Урвановская, и гумнице Урвановское; и Шипичина полосу земли, промежу Никольскими землями, Ларивонковская; за ркою, на Носу на Великомъ островѣ, полосу земли Гавриловская и Кузнечовскы Игнатова; у Оумии наволоки гоны ⁽¹⁾ ж-

⁽¹⁾ *Наволокомъ* называется мысъ или полуостровъ, поросшій густыми кустарниками и богатыми озерами. *Гоны*—загонъ, участокъ.

ѣще (*урочище*) Сокѣрка, двой и Урвановской, путь посередки, гоны земли, а овинъ стоитъ и то Николи же, гоны земли подъяная земля къ Кутцю идучи, и притеребы ⁽¹⁾, на рѣпищи, гоны притеребъ, и вобщихъ (*общихъ* ми) треть, и у дву мѣстѣ къ ⁽²⁾ съ Калитиною надвою (*новъ* въ межахъ. А ти земли Урван и Игнатовскія далъ есмь св. въ домъ и въ вѣкъ, по отца своего по своей. А благословляю кто буде игуменомъ у св. Никтарцовъ черенцовъ свою братью: аметъ дѣйте по сили. А на то гухъ и отецъ мой духовный, игугорей св. Богородици. А кто се переступитъ, сужусе съ нимъ гомъ.

(А. Юрид. № 409, V).

свергедскія купчи XIV—XV в.

купи Павле Труфановичъ, у Грибановича, землю, полголча. Высь березы на камень да до румъльской землячи, Миньичкарда, иску, дарѣища коньць, Дурьношля крайной наволокъ, отъ риву, съ яви на березовой пень, у, да на врагъ, по врагу къ (о)даша на той земли 3 сороки 10 бѣлъ; а купи себѣ и своимъ дерьнь (*навседа*) и съ притеребы, попольяка. А на то послухы: Тидоровъ, Io. Матѣевъ, Есимей По-

повичъ. На заводѣ (*разводъ*) былъ Ермола Тимоѣевъ; а у печати стоялъ Григоръионовъ.

(А. Юрид. № 71, XX).

2. Се купи Тирунъ у Нестера у Павлова сына пожню, на Нальѣ строви, на Батьюрмоли, въ Угли, подѣ Льву; а межа до Степановской пожни, а другая до Карпа поца пожни межа, а третья межа до Нестерови пожни Острикова, прямо на Шипицю, а Шипици на черьховъ и кусть къ лѣсу. А да на той пожни 5 сѣроковъ бѣлъ безъ 5 бѣлъ, а кура попольяка; а купи одерьнь себѣ и своимъ дѣтемъ. А буде Тируну не до земли, ино мимо земца ⁽¹⁾ не предати. А на то послухы: Федось Исаковъ, Власъ Ондрановъ, Дементъи дѣякъ св. Богомиленья.

(А. Юрид. № 71, XXIII).

3. После 1389 г. Се купилъ игуменъ Лука св. Михайла, и староста, и вся братья, землю по Левковѣ курьѣ, у Гавриляка у Несова, по отца своего купил, усть курьѣ островъ да наволокъ, а то сверхъ по кунамъ. А далъ на той половинѣ села 7 рублевъ, а по сту бѣлки за рубль; а оприць того 70 бѣлки на хлѣбъ; а кунца съ шерстью пополонка за овцу. А межа той земли по Верхней рудей, по поскотину общюю (*выгонъ для скота*) да дворнице (*усадыбу*) посторожъ улицы. А на то послухъ: Ильютъ Неладливъ, Антина, Иванъ Мининъ.

(А. Юрид. № 71, XXVII).

притеребы—земли, расчищенныя отъ лѣса. *реложки*, *перелогъ*—переплывающая земля.

⁽¹⁾ Туземца, тамошняго жителя; принадлежавшаго къ обществу.

260. Жалованная кашинского в. кн. Василия Михайловича и удельных тверскихъ князей, ляданъ тверскаго Отроча монас. до 1365.

Се милостыня Князя в. Васильева Михайловича и его братаничевъ, княжа Всеволожа, кн. Михайлова, Володимерова, Андреева Александровичевъ, Еремеева, Семенова Костянтиновичевъ, Михайлова Васильевича церкви св. Богородици Отрочью монастырю. Во имя св. Троицы, Отца и Сына и св. Духа, се ми рабы св. Троица, кн. в. Василей Михайловичъ и его братаничи, князья Всеволодъ, Михайло, Володимеръ, Андрей Александровичи, Еремей, Семень Костянтиновичи, Михайло Васильевичъ, по отца моего и нашего дѣда кн. в. Михайловымъ грамотамъ, Бога дѣла и своего дѣла спасеня, пожаловали есмы отца своего архимандрита, кто ни будетъ у св. Богородици, дали есмы его милостыню церкви св. Богородици Отрочью монастырю, на память преставльшимся отъ сего житья роду нашему, а намъ пребывающимъ въ житья семъ за вѣздоровіе. Архимандриту св. Богородици и игуменомъ тѣхъ монастыревъ, что тягнутъ къ св. Богородици Отрочью монастырю, Воскресень за Волгою, Богородица на Бору, Спасъ во Зъзехъ, Воскресень и Богородица на Шешѣ, Богородица на Гостомлѣ, и попомъ и дьякономъ, и дьякомъ, и конархистомъ, и чернцемъ, и стороникомъ, и всему церковному и сполнению, и слугамъ монастырскимъ, и ключникомъ и волнымъ людямъ, ненадобъ имъ ни которая дань, ни ямъ, ни подвода; ни тамга, ни осмничее, ни иные которые пошлины къ городу, ни къ волостемъ. Такоже и сиротамъ, кто имѣетъ сѣдѣти на земли св. Богородици Отрочья монастыря и тѣхъ монастыревъ, въ нашей отчинѣ, въ Тѣбрьскихъ волостехъ и въ Кашинскихъ, по одному слову со отци своимъ съ владыкою Фѣдоромъ и съ влады-

кою Васильемъ, пожаловали есмы тѣхъ сиротъ, ненадобъ имъ никаоторая дань, ни ямъ, ни подвода, ни тамга, ни осмничее, ни сторожевое, ни писчее, ни кормъ, ни медовое, ни иные которые пошлины къ городу, ни къ волости, ни служба, ни дѣло княже, ни дворьскіи ни старосты ать ихъ не занимаютъ ни прочто. Такоже и намѣстници наши и волостели ать не вѣздаты и не судятъ тѣхъ людій и не всылаютъ къ нимъ нишочто; и данници наши, и ямьщичи, и письщи, и пошлянники, кто нибуди, ать не вѣздаты, ни всылаютъ къ монастырскимъ людямъ нишочто. Про все тѣ люди знаютъ архимандрита службою и подможеньемъ дому церковному св. Богородици. А архимандриту монастырскимъ хлѣбомъ кормити клирошанъ и чернцевъ, а преставльшихся архимандритовъ память ихъ правити. А къ тому кого еще людій перезоветь архимандритъ изъ зарубежья (*другой области*) въ отчину нашу, на землю св. Богородици, или кого въ городѣ посадятъ во Тѣбри и Кашинѣ, а тѣмъ по тому же не емлютъ на нихъ ничегоже. А что са учинеть, или розбой, или душегубство, или татба, который судъ ино будутъ жежи монастырскихъ людій, судитъ ихъ и дворянъ дасть монастырскіи тивунъ одинъ; а нашимъ судьямъ ненадобъ ничто, а смѣшаются судить монастырскіи люди съ волостными людьми, судитъ монастырскіи тивунъ съ посельскимъ вмѣстѣ съ нашими судьями, а прибытокъ имъ на полы, а дворянъ дасть тотъ, на чьемъ шюдютъ и судъ туто же, а на правду вѣздаты обои. А хотя коли повелимъ имати на тѣхъ, у кого будутъ грамоты наши жалованыи, на монастырскихъ людехъ ни тогды ни кто не емли ничего, по сей нашей грамотѣ.

(А. Арх. Эксп. I, № 5).

Обратить вниманіе на разные сборы и повинности крестьянъ.

**261. Малованная в. кн. Дмитрія Из.
Новоторжку Кисовку до 1374.**

Се азъ князь в. Дмитрій Ивановичъ полаговалъ есмь Евсѣвка Новоторжца, что идеть изъ Торжку въ мою вотчину на Кострому: не надобѣ ему ни которая дань, ни ямъ, ни подвода, ни тамга, ни осмичее, ни вѣсчее, ни мыть, ни костки, ни побережное, ни гостинное, никоторая пошлина, а дасть мнѣ оброка на годъ 5 кунницъ; а приказалъ есмь его блюсти дядѣ своему Василью тысяцькому; а чрезъ сию грамоту кто что на немъ возьметъ, быти ему въ казни.

(Доп. къ А. Ист. I, № 8).

262. Духовная Остаѣя послѣ 1386.

Во имя Отца и Сына и св. Духа. Се азъ рабъ божій Остаѣй списахъ рукописанье при своемъ животѣ. А приказываю животъ свой госпожѣ своей матери Онтоньи и сынови своему Ѳедору, отцыню свою и дѣдину, землю и воду, по отца своего рукописанью и по володѣнью. А что отцыня моя и дѣдина на Волоти, земля, и вода, и пожни, и лѣсы, въ Ходыни, и въ Дроздинѣ, и въ Селской Лукѣ, по володѣнью отца моего, и дяди моего, и по нашему володѣнью, мнѣ съ братомъ своимъ съ Григорьемъ на полъ; а моя половина сыну моему чиста. А что отцыня моя и дѣдина моя, земля и вода за Волокомъ, въ Шенкурѣ, а въ той землѣ мнѣ съ братомъ съ Григорьемъ половина, и въ лѣсѣ, и въ озерахъ, и въ рѣчкахъ, и въ ловищахъ, по володѣнью отца моего и дяди моего: что прикуплѣ отца моего, а то сыну моему чиста, по купнымъ грамотамъ и по володѣнью отца моего; а съ братомъ своимъ съ Григорьемъ моя половина сына моему

чиста, по роздѣльной грамотѣ; а Ѳедору посаднику и его братаномъ другая половина. А что отцыня наша на Кокшенскомъ погостѣ, земля и вода и лѣсъ, а въ томъ мнѣ съ своимъ братомъ съ Григорьемъ и съ дядею съ Семеномъ половина; а посаднику Ѳедору и его братаномъ другая половина; а въ нашей половинѣ Кокшенскаго погоста Семену половина, а мнѣ и брату моему Григорью другая половина; а въ нашей половинѣ съ Григорьемъ мнѣ двѣ части, а брату моему Григорью треть. А что отцыня моя и дѣдина моя въ Ясеничахъ и въ Лошичахъ земля, а въ томъ мнѣ половина съ братомъ съ Григорьемъ; а дядѣ Семену половина. А что земля и вода въ Летмѣ, а въ томъ мнѣ съ братомъ съ Григорьемъ половина; а дядѣ Семену половина; а старая грамота Ясенической земли у Семена. А что куплѣ отца моего Онаньина и Семенова въ Ясеничахъ земля, а то мнѣ съ дядею Семеномъ, по купнымъ грамотамъ, и по серебру и по отца моего рукописанью; а купныя грамоты той землѣ у Семена вси, а невиноваты Семену ничимъ же. А что есмь утагали съ дядею своимъ съ Семеномъ Онисима земля въ той Ясенической землѣ, а та грамота утагальная у Семена. А что въ Шенкурѣ вода и земля Яроуцуйская недѣлана, и въ той мнѣ половина, а брату моему Григорью половина. А что земля, наша отцыня, на Слѣ и въ Рокитнѣ, мнѣ съ братомъ съ Григорьемъ половина, а Семену половина. А что бабѣ нашей Ѳедосьи куплѣ въ Подберезѣ и Киселево село, а то ми съ братомъ съ Григорьемъ на полъ, а Семену ту ненадоби. И дворъ мой горочкій, а то ми съ братомъ съ Григорьемъ на полъ. А что лавка наша на хопыльскомъ ряду и голбецъ во св. Михайлѣ, а въ томъ мнѣ съ Григорьемъ половина, а Семену половина. А пожня на Быстрой, а въ томъ мнѣ съ братомъ съ Григорьемъ доле-

иши; а Семену другая половина. А въ Мшиковъ болотъ, въ пожнякъ, и въ колу и въ маломъ колу, мнѣ съ братомъ съ Григорьемъ 8-я часть. А что Новгородъ пожаловалъ отца моего и меня и далъ грамоту на Волжане, и въ томъ у отца моего у мене купилъ Александръ посадникъ 1-ю часть, а далъ на ней 20 рублей и 100; и послалъ Александръ въ свое мѣсто, на свою часть, Тимошею Прокольна, и Тимошей ималъ Александрову часть, въ Александрово мѣсто; а что будетъ вписалъ Александръ въ свое рукописание на отцѣ на моемъ и на мнѣ ту 20 рублей и 100, а тымъ отцу мой; ни азъ, не вписывать Александру, ни инымъ ничимъ же, по отцу моего рукописанью и по моему рукописанью. И была отцу моему говорка съ Александромъ предъ владыкою Олексеемъ, о томъ серебръ; и отозвался Александра отецъ мой, а взяти ми гдѣ что, по жеребьямъ и по грамотамъ, а то все мое чисто возметь сынъ мой Федоръ у Матосевыхъ, у Болесна у Семена и у Гордѣя 5 рублей; за Мароу за Охромъеву тещу, у Голузѣ у Чермеркова и у его дѣтей 5 р., у Филипа Яскоиннова 3 р.; а грамота въ закладъ; у Оксентейка въ Ясеничакъ полчетверта рубля ($3\frac{1}{2}$), у Пышкова сына у Степанова 3 р., у Захара съ братомъ у Олсеровыхъ дѣтей 6 р. и портице овцьявъ, у Устинца полтина, у Дешада полтина; у Кондратка съ братьемъ у Терентьевыхъ дѣтей 3 четверти, у того жъ Кондратка полтина, опричь (кромя) братья, у Семенца у Максимцова пасынка полтина; а Максимко въ поруки. А что моей челяди дерноватой (крѣпостныхъ людей), что досталось отцу моему у дяди у Бориса въ оудѣль, Степанко Газрыцковъ съ женою и съ дѣтми, зять его Яковле съ братомъ, съ женою и съ дѣтми, Иванко Долгой съ сыны; а жена его и дщери свободны; Олекса съ женою и съ дѣтми, Карпъ съ

женою и съ дѣтми, Свезъ съ сыномъ и съ снохою, а жена его и дщери свободны, Озарка и Демидецъ съ женою и съ дѣтми, Денесья съ женою, Даниака съ женою и съ дѣтми, Ермакъ съ сыны, а жена и дщери свободны; Обросимецъ съ сыны, а жена и дщери свободны, Павлечъ братъ его съ сыны, а жена и дщери свободны; Якимецъ Сущко съ сыны, а жена и дщери свободны; и сестра Якимцева съ дѣтми; Савица съ женою и съ дѣтми, Савостьянецъ Мишукъ и сестра его Килитыи и дщери, Данилецъ Петеримовъ, мол; а Мишу съ женою и съ дѣтми мать моя и азъ отпустили еси на свободу, и Оленицу съ матерью и съ сестрою. А жена мой оже всѣдигъ въ животѣ моемъ, ино осподарыня животу моему, или поидеть замужъ ино ей надѣлка 10 р.; а что принесла порты и круту и челядь, а то ей и ести. А будетъ у моей жены сынъ, ино момъ дѣтемъ животъ мой и села мои и челядь моя наюль; или будетъ дти, ино выдасъ ю братъ Федоръ по силѣ; а доколѣ сынъ мой Федоръ подростеть, а доколѣ взидѣтъ по момъ селамъ братъ мой Григорей, въ мое мѣсто, и людии момми владѣть: а хлѣбъ и куны, и даръ; а то идетъ матери моей и сыну моему Федору. Или Богъ умыслить о дѣтѣхъ моихъ, ино брату Григорью подовна: въ животѣ моемъ, въ землѣ и въ водѣ; а другую половину въ живота моего; въ землѣ и въ водѣ, ты братъ Григорей испродай да впиша во вседневнѣ службы отца моего и мать мою и мене, а остаткомъ и ты по наеъ поминя; а челядь мою дерноватую, а то всю братъ мой Григорей отпусти на свободу. А въ приказъ приказываю господину посаднику Федору Тимошевичу, господину посаднику Олексию Юрью Дмитреевичу; и господину Олексию, и шурыи своей Ивану и Василью, и дядѣ своему Юрью Федорову; и брату своему Ермогъ Микифорову; а Бога да,

господо, постерегите матери моей и дѣтокъ моихъ, ны кто иметь обидити; а невиновать есмь никому ничѣмъ, развѣ Богу душею.—А на то Богъ послухъ и отецъ мой духовной попъ Амосъ св. Михаила. А писалъ рукописанье дѣакъ Еремѣй св. Михаила. А кто сіе рукописанье преступитъ, судится со мною предъ Богомъ въ день страшнаго суда.

(*Акты Юридичес. № 409*).

263. Грамота в. кн. Дмитрія Из. Андреевича Фрязина (1) 1383—1389.

Се язъ кн. в. Дмитрей Ивановичъ пожаловалъ есмь Андрея Фрязина Печорою, какъ было за его дядею за Матеемъ за Фрязиномъ; а въ Перми емлетъ подводы, такъ было и доселѣ: а вы, Печеряне, слушайте его и чтите, а онъ васъ блюдетъ, а ходитъ по пошанинѣ, какъ было при моемъ дѣдѣ при кн. в. при Иванѣ, и при моемъ дядѣ при кн. в. при Семенѣ, и при моемъ отци при кн. в. при Иванѣ, такъ и при мнѣ.

(*А. Эксп. I, № 6*).

264. Духовная в. кн. Дмитрія Из. 1389.

Во имя Отца и Сына и св. Духа. Се язъ грѣшный худый рабъ божий Дмитрий Ивановичъ пишу грамоту душевную цѣлымъ своимъ умомъ. Даю рядъ сыномъ своимъ и своей княгинѣ; приказываю дѣти свои своей княгинѣ: а вы, дѣти мои, живите за одинъ, а матери своею слушайте во всемъ. А приказываю отчину

(1) Фрнц.—Франц, Француз и Итальянцы.

свою Москву дѣтемъ своимъ кн. Василью, Юрью, Андрѣю, Петру; а братъ мой кн. Володимиръ вѣдаетъ свою треть, чѣмъ его благословилъ отецъ его князь Андрѣй. А сына своего кн. Василья благословляю на старинный путь въ городѣ и въ стѣнахъ моего удѣла двою жеребьевъ половина; а тремъ сынамъ моимъ половина, и въ пошанинахъ въ городскихъ половина. А тамга изъ двою моихъ жеребьевъ княгинѣ моей половина, а сыномъ моимъ половина; а восьмидесять моихъ два жеребья княгинѣ моей. А на старинный путь сыну моему кн. Василью Васильцѣво сто и Добратиньская борть зъ селомъ зъ Добратиньскимъ; а бортьяни въ стѣнахъ въ городскихъ, и конюшій путь и соколичій, и ловчий, тѣмъ сынове мои подѣлятся равню. А численыхъ людей моихъ двою жеребьевъ сыномъ моимъ по частемъ, а блюдутъ съ одного. А се даю сыну своему кн. Василью: Коломну со всеми волостми и съ тамгою и съ мыты, и съ бортью и съ селы и со всеми пошанинами; а волости коломенскихъ: Мещорка, Рамена, Пѣсочна, Брашева съ селцемъ зъ Гвоздною и съ Иванемъ, Гжеля, деревни Лѣвчинъ, Скуланевъ, Маковацъ, Каневъ, Кочема, Комаревъ зъ берегомъ, Городна, Похраме, Устьмерьско. А изъ московскихъ селъ даю сыну моему кн. Василью: Митинъ починокъ, Малаховское, Костянтиновское, Жирошкыны деревни, Островское, Оринишское, Копотеньское, Хвостовское, у города лугъ великий за рѣкою; а изъ юрьевскихъ селъ даю сыну своему кн. Василью: своего прикупа Красное село съ Елезаровскимъ, съ Проватовымъ, да с. Василевское въ Ростовѣ. А се даю сыну своему кн. Юрью: Звенигородъ со всеми волостми и съ тамгою и съ мыты, и зъ бортью и съ селы и со всеми пошанинами; а волости звенигородскихъ: Скирменово зъ Бѣлми, Тростна, Нѣгуча, Сурожькы, Замоньская слобода, Юрьева

слобода, Руза городокъ, Ростовци, Кремична, Фомиинское, Угожь, Суходоль съ Истею съ Истервою, Вышегородъ, Плъсьнъ, Дмитриева слободка. А изъ московскихъ селъ даю сыну своему кн. Юрью: село Михаловское, да Домантовское, да лугъ Ходынский; а изъ юрьевскихъ селъ ему: прикупа моего с. Кузмыдемьянское, да Краснаго села починокъ за Везкою придалъ есмь къ Кузмыдемьянскому, да с. Богородицкое въ Ростовѣ. А се даю сыну своему кн. Аньдрѣю: Можаскѣ со всѣми волостми и съ тамгою и съ мыты, и зъ бортью и съ мыты, и зъ бортью и съ селы и со всѣми пошлинами, и съ отъздными волостми; а волости можайскѣ: Исмея, Числовъ, Боянь, Берестовъ, Поротва, Колоча, Тушковъ, вышнее Глянско, Пневичи съ Загорьешъ, Болонскъ, а Коржанъ да Мошлянъ холмъ придалъ есмь къ Можайску; а се волости отъздныя: Веря, Рудъ, Гордошевичи, Гремичи, Заберега, Сушовъ, да с. Репинское, да Ивановское Васильевича въ Грелмчахъ. А Колуга и Роца сыну же моему кн. Аньдрѣю; и что вытгала бояринъ мой Федоръ Аньдрѣевичъ на обчемъ рѣтѣ Товъ и Медынь у Смоленянъ, а то сыну же моему кн. Аньдрѣю. А изъ московскихъ селъ ему: Напрудское село, да Луцинское на Яузѣ съ мельницею, Дѣуинское, Хвостовское въ Перемышлѣ, да лугъ Боровский, а другой противу Воскресенья; а изъ юрьевскихъ селъ ему Алексинское село на Шѣкшѣ. А се даю сыну своему кн. Петру: Дмитровъ со всѣми волостми и съ селы и со всѣми пошлинами, и съ тамгою, и съ мыты и зъ бортью, и се дмитровскѣ волости: Вышегородъ, Берендѣева слобода, Лутосна съ отъздцемъ, Инобатъ. А изъ московскихъ волостей кн. Петру: Мушкова гора, Ижво, Раменка, слободка княжа Иванова, Вари, Корзенево, Рогожь, Загорье, Вохна, Селна, Гуслеца, Шерна городокъ; а изъ московскихъ селъ кн.

Петру Новое село, Сулишинъ погостъ; а изъ юрьевскихъ селъ ему прикупа моего село Богородицкое на Богонѣ. А се даю сыну своему кн. Ивану: Раменейце съ бортьяники, и что къ нему потагло, да Звѣрковское село съ Сохоньскимъ починкомъ, что отошло ото князя отъ Володимера; а Сохна сыну же моему кн. Ивану; а въ томъ удѣлѣ волеи сыну мой кн. Иванъ, который братъ до него будетъ добръ, тому дастъ. А се благословляю сына своего кн. Василья своею отчиною великимъ княженьемъ. А сына своего благословляю кн. Юря, своего дѣда куплею, Галичемъ со всѣми волостми и съ селы и со всѣми пошлинами, и съ теми селы, которые тгали къ Костромѣ, Микульское и Борисовское. А сына своего кн. Аньдрѣя благословляю куплею же дѣда своего, Бѣлымъ озеромъ со всѣми волостми, и Вольскимъ съ Шаготью, и Милолюбский ѣзъ и съ слободами, что были дѣтїи мнѣхъ. А сына своего кн. Петра благословляю куплею же своего дѣда, Угличимъ полемъ, и что къ нему потагло, да Тошною и Сямою. А се даю своей княгинѣ: изъ великого княженья у сына у своего у кн. у Василья изъ Переяславля Юлку, а изъ Костромы Иледамъ съ Комелою; а у кн. у Юря изъ Галича Соль; а у кн. у Оньдрѣя изъ Бѣла озера Вольское съ Шаготью, и Милолюбский ѣзъ; а изъ володимерскихъ селъ княгинѣ моей Оньдрѣевское село, а изъ переяславскихъ селъ Доброе село, и что къ нимъ потагло; а изъ удѣла сына своего княжа Василья Каневъ, Пѣсочну, а изъ селъ, Малинское село, Лысцево; а изъ удѣла изъ Юрьева, Юрьева слобода, Суходоль съ Истею съ Истервою, да села Оньдрѣевское, да Камешское; а изъ удѣла изъ Оньдрѣева Веря, да Числовъ, да село Луцинское на Яузѣ съ мельницею; а изъ удѣла изъ Петрови Ижво, да Сяма. А что есмь далъ своей княгинѣ изъ удѣла

княжа Васильева, и изъ Юрьева, изъ Оньдрѣва, изъ Петрова волости и села; а что Богъ размыслитъ о моей княгинѣ, и тѣ волости и села во чьемъ удѣлѣ, то тому и есть. А се даю своей княгинѣ: свой примыслъ Скирменовскую слободку съ Шепковымъ, Смоляны съ Митяевскими починкомъ и зъ бортью, съ вышгородскими бортьвики, Кропивну зъ бортьвики съ кропивеньскими и съ исменевскими и зъ гордошевскими и съ рудскими, Желѣскова слободка зъ бортью съ Ивановымъ селомъ съ Хороброва, Исконская слободка, Кузовская слободка, и что княгини моее прикупъ, и что къ ней потянуло, то моей княгинѣ. А по которой мѣста слободскихъ волостели судили тѣ слободы при мнѣ, и княгини моее волостели судятъ по таже мѣста, како было при мнѣ. А что княгини моее купля Лохно, то ее и есть. А на Коломнѣ мой примыслъ Самойлецевъ починокъ зъ деревнями, Савельевский починокъ, Миккульское село, Бабышево, Ослебатовское, а то княгини моеи. А что ее село Рѣпеньское и прикупъ, то ее и есть. А изъ московскихъ селъ даю своей княгинѣ: Семциньское село съ Ходыньскою мельницею, да Остафьевское село, да Ивановское; а изъ юрьевскихъ селъ даю ей куплю свою Петровское село, да Фроловское, да Елохъ; а Холхолъ и Заячковъ, то моей княгинѣ. А что ми дала княгини Федосья Суду на Бѣлѣ озерѣ, да Колашну и слободку, и что благословила княгиню мою Городкомъ да Волочкомъ, та мѣста вѣдаетъ княгини Федосья до своего живота; а по ее животѣ, то княгинѣ моеи. А тѣми своими примыслами всѣми благословляю княгиню свою, а въ тѣхъ примыслѣхъ воля моя княгини, сыну ли которому дастъ, по души ли дастъ; а дѣти мои въ то не вступаются. А которыѣ деревни отоямалъ былъ кн. Володимеръ отъ Лытквиньского села княгини моее къ Берендѣевѣ слободѣ, а

тѣ деревни потянуть къ Лытквиньскому селу моее княгини.

А по грѣхомъ которого сына моего Богъ отъиметь, и княгини моя подѣлитъ того удѣломъ сыновъ моихъ; которому что дастъ, то тому и есть, а дѣти мои изъ ее воли не вымутъ. А дастъ ми Богъ сына, и княгини моя подѣлитъ его, возмя по части у большаго его братья. А у которого сына моего убудеть отчины, чѣмъ есмь его благословилъ, и княгини моя подѣлитъ сыновъ моихъ изъ ихъ удѣловъ; а вы, дѣти мои, матери слушайте. А по грѣхомъ отъиметь Богъ сына моего кн. Василья, а хто будетъ подѣлитъ тѣмъ сынъ мой, ино тому сыну моему Васильевъ удѣлъ, а того удѣломъ подѣлитъ ихъ моя княгини: а вы, дѣти мои, слушайте своее матери; что кому дастъ, то тому и есть. А коли дѣтемъ моимъ взяти дань на своей вотчинѣ, чѣмъ есмь ихъ благословилъ, и сынъ мой кн. Василей возметъ съ своего удѣла съ Коломны и съ коломенскихъ волостей 300 рублей и 40 и 2 рубля, и княгини моя дастъ ему въ то серебро съ Пѣсочны 8 р. безъ 3-хъ, а съ Канева 25 и 2 р., и княгини моя дастъ ему въ то серебро съ Юрьевы слободы 50 р. съ Смоляныхъ 9 р., а съ Скирменовскихъ слободы 9 р. А кн. Оньдрѣй возметъ съ Можайска и со всихъ волостей можайскихъ 100 р. и 70 р. безъ 3-хъ, а съ отъядныхъ мѣсть 70 р. безъ дву, и княгини моя дастъ ему въ то серебро 25 р. и полътретья ($2\frac{1}{2}$) р. съ Верей, а съ Числова польосма ($7\frac{1}{2}$) р., а съ Заячкова 20 р. и 2, съ Холъхла 10 р., съ Желѣсковы 9 р., съ Исконскихъ слободки польосема ($6\frac{1}{2}$) р., съ Кропивны польосема р. А вн. Петръ возметъ съ своего удѣла 100 р. и 11, и княгини моя дастъ ему въ то серебро съ Ижва 30 р. А кн. Иванъ дастъ кн. Василью съ Сохны 5 р., а съ Раменейца дастъ кн. Петру 5 р., а то

возмутъ въ тысячу рублевъ; а будетъ болѣе или менши, ино по тому розочту.

А переменить Богъ Орду, дѣти мои не имутъ давати выхода въ Орду, и который сынъ мой возметъ дань на своемъ удѣлѣ, то тому и есть. А что есмь подавалъ своей княгинѣ волости и села изъ удѣловъ дѣтѣи своихъ, и свой примыслъ и слободы и села, и Холхолъ и Заячковъ, а съ тѣхъ волостей, и съ слободъ и съ селъ, что возметъ княгиня моя, то ей и есть; и дѣти мои въ то не вступаются. А съ тѣхъ волостей и слободъ и селъ, что есмь вымалъ у дѣтѣи своихъ изъ удѣловъ, а подавалъ княгинѣ своей, а кому будетъ жалоба сиротамъ на волостели, и тѣмъ людямъ учинитъ исправу княгиня моя; а дѣти мои въ то не вступаются. А что есмь далъ сыну своему кн. Аньдрѣю Заберегу, за то дѣти мои вси даютъ оброкъ св. Спасу 15 р. на годъ на Спасовъ день. А се благословляю дѣтѣи своихъ: сыну моему старшему кн. Василью икона Парамшина дѣла, чепъ золота, что ип даза княгини Василиса, поясъ золотъ великий съ каменьемъ безъ ремени, поясъ золотъ съ ремнемъ Макарова дѣла, бармы, шапка золота; а сыну моему кн. Юрью поясъ золотъ новый съ каменьемъ, съ жемчюгомъ безъ ремени, поясъ золотъ Шыпкина дѣла, вотола сажена; а сыну моему кн. Оньдрѣю снасть золота, поясъ золотъ старый новгородский; а сыну моему кн. Петру поясъ золотъ съ каменьемъ пѣгий, поясъ золотъ съ калитою да съ тузлуки, да напечки, да алашъ; а сыну моему кн. Ивану поясъ золотъ татауръ, да два ковшы золоты по двѣ гривенки. А что ся останеть золото или серебро, или иное что по есть, то все моеи княгинѣ. А что ся останеть стадъ моихъ, тѣмъ моя княгиня подѣляться съ моими дѣтѣи по частемъ. А хто будетъ моихъ казначевъ, или хто будетъ моихъ дяковъ прибытокъ

мой отъ мене вѣдали, или посельскии или тнуновъ, или хто женился у тѣхъ всѣ не надобъ моеи княгинѣ, и и имъ дѣтемъ. А приказалъ есмь своимъ дѣтѣи своей княгинѣ: а вы, дѣти мои, слушайте своеи матери, а будетъ не въ еволи, на томъ не будетъ моего благословенья. А дѣти мои, молодшая братья княжы Васильевы, чтите и слушайте своего брата старшого кн. Василья въ моеи сто своего отца; а сыны мои кн. Васильи держитъ своего брата Юрья и съ братьюю молодшую въ братствѣ, безъ обиды. А хто моихъ бояръ иметь службу моеи княгинѣ, тѣхъ бояръ дѣти мои блюдите съ одного. А хто ся греху моему порушитъ, судитъ ему Богъ, не будетъ на немъ милости божи, и моего благословенья ни въ сий вѣкъ, ни въ будущий. А писалъ есмь сю грамоту передъ своимъ отцемъ, передъ игуменомъ передъ Сергиемъ, передъ игуменомъ и передъ Савастьяномъ; а туто были бояре наши Дмитрий Михайловичъ, Тимоѣй Васильевичъ, Иванъ Родивоновичъ, Семенъ Васильевичъ, Иванъ Федоровичъ, Олександръ Аньдрѣевичъ, Федоръ Аньдрѣевичъ, Иванъ Федоровичъ, Иванъ Аньдрѣевичъ; а писалъ Внуку.

(Собр. грам. I, 54).

(Грамота писана на пергаментъ, къ ней приложена серебряная позолоченая печать)

См. Ист. Гос. Рос. V, стр. 116. В. кн. Дмитрий Ивановичъ Донской скончался въ Москвѣ Мая, 1389.

Обратитъ вниманіе на поземельныя вѣднія и домашнее имущество Московски князей.

265. Уставом м-та Кипріяна Константиновскому монаст. 1392.

Се азъ Кипріянь, митрополитъ всеа Руси, далъ есмь сию грамоту монастырю своему св. Костянтину и игумену. Что ми била челомъ сироты монастырскіе на игумена на Ефрема, такъ ркучи: «наряжаеть намъ, господине, дѣло не по пошлнѣ, чего при первыхъ игуменѣхъ не бывало; пошлны у насъ емлетъ, чего нице игуменцы не ямали.» И игумень м-ту такъ рекъ: азъ, господине, хоужу по старой пошлнѣ, какъ было при первыхъ игуменѣхъ; а здѣсь, господине, на Москвѣ игумень Царко, тотъ игуменчал у св. Костянтина передъ мене, того, господине, и въспроси. — И м-тъ послалъ Окинѣа къ Царку къ игумену, занеже тогда Царко не издоровѣлъ, и велѣлъ въспросити: какова пошлнна въ св. Костянтинѣ и какъ людемъ монастырскимъ дѣло дѣлати? И Царко игумень такъ отвѣчалъ Окинѣу: «при моемъ игуменствѣ такъ было въ св. Костянтинѣ: большимъ людемъ изъ монастырскихъ селъ церковь наряжати, монастырь и дворъ тынити, хоромы ставити, игуменовъ жеребей весь рольи оратъ възгономъ (*всѣмъ вѣдругъ*), и сѣяти и пожати и свезти, сѣно косити десятинами и въ дворъ въвезти, ѣзъ бити и вешней и зимней, сады оплетати на неводъ ходити, пруды прудити, на бобры имъ въ осеннѣ поити, а истоки имъ забивати; а на Великъ день и на Петровъ день приходять къ игумену, что у кого въ рукахъ; а пѣшеходцемъ изъ селъ къ празднику рожь молоти и хлѣбъ печи, солодъ молотъ, пива варити, на сѣна рожь молотити; а ленъ дастъ игумень въ села и они прядутъ, сѣжи и дѣли неводные наряжаютъ; а даютъ всѣ люди изъ селъ на праздникъ яловицу (но одна нова ми, господине, добыли челомъ, а

на въ пошлнну, трѣи бараны, и азъ ихъ пожаловатъ за яловицу, занеже ми ненадобъ была яловица, а по пошлнѣ по старой всегда ходитъ яловица на праздникъ); а въ которое село прѣдетъ игумень къ братшину и сынци (*ссыпцики, складчики*) дадутъ по зобнѣ (*сезалкъ*) овся конемъ игуменовымъ.» И Окинѣ тѣ рѣчи игуменовы Царковы сказалъ всѣ м-ту; и потомъ игумень Царко омоглся (*выздоровѣлъ*) и пршедъ самому м-ту тѣ всѣ рѣчи сказалъ, что приказалъ съ Окинѣомъ къ м-ту. И потомъ азъ Кипріянь м-тъ всеа Руси въспросилъ есмь въ Володимери, своихъ бояръ того монастыря пошлнѣ и о яловицѣ о праздничной, Миханла Бирѣва, Юрья Протопопнна, Ивана своего повара, — и въ мнѣхъ рѣчи сказали, и о озерѣхъ и о истокѣхъ и о бобровой ловлѣ. И Кипріянь м-тъ всеа Руси такъ рекъ игумену и христіанамъ монастырскимъ: «ходите жъ всѣ по моей грамотѣ; игумень сироты держи а сироты игумена слушайте, а дѣло монастырское дѣлайте; а хотя кто будетъ иный игумень по семъ игуменѣ, и тотъ ходитъ по сей моей грамотѣ.» А сию грамоту велѣлъ есмь положити въ церкви игумену и людемъ, а некоторый игумень сее грамоты изъ монастыря да не вынесеть: аще ли вынесеть, не буди на немъ милости божіа и моего благословенія. А дана грамота на Москвѣ, въ лѣто 6900, м. Октябрю въ 21 день, индикта 15.

Назадъ подпись: «сее грамоты кн. в. рушити не велѣлъ, а пожаловалъ игумена по сей грамотѣ, что въ ней писано.» А подписалъ в. князя діакъ Иванъ. «Рыболове мои в. князя не възжають въ монастырскіе озера.»

(А. Арх. Эксп. I, № 11).

266. Жалованная нижегородскаго в. кн. Бориса Спасскому и Благовѣщенскому монаху. 1393.

Се язъ князь в. Борисъ Константиновичъ пожаловать есми Спасского и Благовѣщенскаго архимандрита Юну съ братьею: далъ въ домъ св. Спаса и св. Благовѣщенья свои рыбные ловли по Сурѣ рѣкѣ, озера—Пашково съ истокомъ, Саларевъ, Плоское, Сосновское, Долгое, роздерти съ истокомъ, озеро Мягкое, и всѣ озера отъ рѣчки Курмышки внизъ Сурою, источные и глухія, и роздерти, и заводи, и пески, и съ надучими рѣками, и бобровые гоны, и стрежень ⁽¹⁾ по Волгу; и архимандриту Юнѣ съ братьею въ тѣхъ водахъ рыба ловити и всякими угодами владѣти къ себѣ на монастыри, а опричные (*посторонние*) люди у нихъ въ тѣ рыбные ловли, и въ бобровые гоны, и по всякія угоды, не вступаются никто ничѣмъ. Дана грамота въ Нижнемъ Новгородѣ, мѣста 6902, декабря въ 8 день.

(А. Арх. Эксп. I, № 12).

См. Сборн. Мухомова, № 117, стр. 195.

267. Жалованная врсн. кн. Федора Толгскому монаху. ок. 1400.

Пречистые ради Богоматери, се язъ князь Федоръ Федоровичъ, пожаловать есми игумена съ братьею Толгскаго деревнею Кукацинымъ, и съ лесомъ и съ пожнями, куны гоноръ ходитъ, куны коса ходила, съ пошлою землею, что къ ней

⁽¹⁾ Стрежень — тѣмъ мѣста въ рѣкѣ и заливъ, откуда рыба идетъ въ рѣку.

изстаринны тянуло: и кто въ ней живити крестьянъ и тѣмъ крестьяномъ надобѣ имъ моя дань, ни тамга, и вожженная куница, ни кормъ данно таможенной кормъ, ни волостельничъ б ни доводчикъ кормъ ⁽¹⁾, ни иные некоторые пошланы; ни волостельничъ доводчикъ къ нимъ не въѣзжаетъ приставовъ своихъ къ нимъ ни всы ни въ чемъ; а что купать, или что дадутъ, и нѣ таможникамъ моимъ и ляютъ; а сваяется тѣмъ крестьяномъ съ моими крестьяны съ волостельными, ихъ сужу язъ самъ князь Федоръ а будетъ виноватъ пречистые Богомъ крестьянничъ, и онъ Пречистой; а будетъ мой волостель, или доводчикъ или таможница, и нѣ имъ грамоту и а не дадутъ имъ поминка ничего, гостя передъ ними не ставять. А моту писалъ Игнаша Пантелѣевъ.

(А. Арх. Эксп. I, № 15).

268. Обводная запись до 1400.

Се азъ князь в. Анофрейъ пожаловать есми сие евангеліе у нашего монаха въ церкви у св. Іоанна Предтечи на трове, а придалъ есми св. Іоанну и мнищи землю з бортью, борть по великому по Сошеньцо озеро, на Ул рече землю з бортью, на Наче на землю з бортью, на Лисне езь и з а въ церковь св. Іоанна и в нашу настырь, и в селз и въ люди св. І не вступатся никому; а владыцѣ ст

⁽¹⁾ Наводчикъ — сборъ съ рыбъ или съ жидовъ. Въ эти сборы ездятъ разные служебные люди, посыланные княземъ.

Иоанскаго и с нашего монастыря овѣскаго кунци не брати а ни капошлини. А отъ кого будетъ какая нашему монастырю, ино досмотрятъ овнѣ намъ самимъ, а по насъ ропшему, а старци и люди которыи въ на св. Иоанна земли и судити и и игумену Иоанскому самому братню, му никому не вѣступатися, а вла- не вѣступатися в нашъ монастырь.

(Изв. Акад. Н. X, 369—370).

3. Купчая на нѣвніе въ Червенной Руси 1480.

Имя Отца и Сына и св. Духа. А павъ Мацина, воевода Илвовскій, яко тѣ тымъ листомъ каждому до- передъ кымъ коли будетъ тѣ листъ : аже пришедъ предъ наше обличье, а Ходоръ Шидловскій, своею доброю , здоровымъ животомъ, ничимъ не кентъ, продалъ пану Ключови свою , на имя Шидловъ, а къ тому це Жаворонковича, то есть, про- за 30 копъ рускыхъ безо дву купу кунъ, пану Ключови на вѣки, и ъ его, его прирожнымъ послѣдомъ; о продалъ, яко самъ держалъ, и съ и, и съ сѣножатни, и со лѣсы, зъ ами и съ пасиками, со всѣми гра- и, и вложилъ и уперекъ, того ис- зела и дворица того Жаворонковича; ъ Ключъ имаеть того исное села зва уживати и дворица того Жаво- ича на вѣки и дѣты его. А на то и: пано Яшко Мазовшанинъ, пано Куликковский, Михайлъ Жидлов- войтъ Илвовскій Кундрать, Мико- Михала Чабанеского сынъ, Баграмъ й. А на потверженъе приложилъ му листу свою печать пано Маци-

на. А писанъ листъ во Львовѣ, по бо- жымъ нароженіи 1000 лѣтъ 4 ста лѣтъ.

(А. Юж. и Зап. Рос. I, № 6).

270. Жалованная рязанскаго в. к. Олега Ив. Солотчинскому монас. 1402.

Язъ кн. в. Олегъ Ив. придалъ есмь св. Богородици, на Солотшу, Савицкой островъ съ Холковскою лукою; перекопью, съ бортными ужожи, и съ бобровыми ловаи и съ рыбною ловлею, съ озеромъ Тишью, и съ поземомъ и съ рѣзанкою, и съ шестдесать, съ виною и съ поличнымъ и съ беззачиннами; докомъ Савицкой островъ съ Халковскою лукою, перекопью, съ бортными ужожи и съ бобровыми ловаи, потому волостели мои не вѣзжаютъ, ни чашинцы мои, ни ключинцы, ни поѣздове, ни ямникъ, ни борovníк; а ловчани (!) мои въ Тишь не вѣзжаютъ рыбы ловити нѣкоторыи дѣлы. (А у подлинной грамоты печать в. князя, вислая чернаго воску).

(А. Ист. I, № 14).

271. Жалованная звенигородскаго кн. Юрія Савво-сторонскаго монас. 1404.

Пречистыи ради милости и честнаго ея Рождества, се язъ, князь Юрьи Дми-

(!) Въ эти лица развѣжали или для резныхъ сборовъ съѣстными припасами, или для ловли рыбы, птицъ и звѣрей, или для производства суда.

тревичи, что азъ далъ Пречистой въ домъ, на Сторожѣ, отцу своему игумену Савѣ съ братією, или кто по немъ иный игумень будетъ, села свои въ звенигородцкомъ уѣздѣ, село Бѣлгина и съ деревнями, деревня Тимонина, д. Павликова, д. Козинская, да Клодубацынское, да деревню Глѣденовскую, да д. Еремѣеву, да село Усть Развади, да къ тому селу придалъ еси Патрекѣвской земли, далъ еси въ рускомъ уѣздѣ въ Замонѣ село свое у Всеяля святаго и съ деревнями и съ прудомъ и со всемъ съ тѣмъ, что къ тому селу встарь потого (т. е. мило), а что собѣ отецъ мой игумень Сава съ братією прикупятъ земля, или что имъ дадутъ земля по души въ моей вотчинѣ: и которыхъ люди ищутъ жити на тѣхъ земляхъ монастырскихъ, и тѣмъ людямъ ненадобѣ моя дань, ни имъ, ни подводъ, ни мытъ, ни тамга, ни плече бѣлка, ни осьминичи, ни косяги, ни яки, ни иная которая пошлина, ни города не дѣлаютъ, ни двора моего не ставятъ, ни коня моего не кормятъ, ни сѣвъ моихъ не косятъ, таломъ ни къ сотцкому, ни къ дворскому, ни къ десятекому, съ тяглыми людьми не тинуть ни въ которые проторы и въ ряметь, ни въ иныи въ которые пошлины. А намѣстники мои звенигородцкіи и волостели звенигородцкіи, и рускіи мои намѣстники и волостели мои рускіи, и ихъ тиуни, на тѣхъ хрестьянѣхъ на монастырскихъ кормовъ своихъ не емлютъ, ни всылаютъ къ нимъ ни по что, а праведники и доводчики поборовъ не берутъ, ни вѣщаютъ; а вѣдаетъ игумень Сава самъ свои люди во всехъ дѣлѣхъ и судитъ самъ во всемъ, или кому игумень прикажетъ, опроче душегубства. А случитца судъ смѣсной городцкимъ людямъ или волостнымъ съ монастырскими людьми, и намѣстники мои Звенигородцкіи и Рускіи и ихъ тиуни тѣхъ людей судятъ, а игумень съ ними судитъ, или кому

прикажетъ въ свое мѣсто. А правъ ли будетъ или виноватъ монастырской чело-вѣкъ, и онъ правъ и виноватъ монастырю, игумену съ братією, а намѣстники мои и волостели и ихъ тиуни въ монастырского чело-вѣка не вступаютьца, ни въ праваго, ни въ виноватого; а вѣдаетъ игумень въ правдѣ и въ винѣ своего чело-вѣка самъ, а истцево заплотятъ на обѣ стороны. А правъ ли, и виноватъ ли городцкій или волостный чело-вѣкъ будетъ, и онъ въ правдѣ и въ винѣ намѣстникомъ моимъ и волостелемъ и ихъ тиуномъ, и имъ истцево заплотятъ, а игумень съ братією или ихъ приказчикъ въ городного и волостного чело-вѣка не вступаютьца. А цыганники мои, являгородскіи и рускіи, у монастырскихъ людей коней не петнать, а тамошники мои тамга не емлютъ на монастырскихъ людехъ: азъ ки. Юрьи Дмитревичъ Пречистой далъ пятно и тамгу, на теміякъ далъ игумену Савѣ съ братією: держитъ игумень въ монастырѣ свое пятно. Которой хрестьянинъ монастырской купитъ или мѣняетъ, и онъ пятнить въ монастырѣ; а которой хрестьянинъ монастырской продасть въ торгу или въ селѣ, и они тамгу платятъ игумену Савѣ въ монастырѣ, а которой пропатнитца или протамжитца монастырскій, игумень Сава виню возметъ на монастырѣ, а тамошники мои, звенигородцкіи и рускіи въ монастырского чело-вѣка не вступаютьца. Да далъ азъ ки. Юрьи Дмитревичъ отцу своему игумену Савѣ борть свою, по рѣчки по Инекъ и отъ суходола по Покровъ св. Богородици, отъ Покрова по Нару вверхъ до Вацна, до рѣки Москвы, а по другую сторону по правую по Олександрова село по Шубина, да по слободкы по Дмитреевой, да по Нахабну къ рѣцѣ Москвѣ; далъ азъ князь Юрьи Дмитревичъ отцу своему игумену Савѣ бортника Ондрейка Телцина съ деревнею, въ которой живетъ на Рѣпяци, и онъ тѣ борты монастыр-

скін дѣлаеть. А черезъ сию мою грамоту кто ихъ чимъ изобидеть, быти отъ меня въ казни. А грамота писана въ лѣта 6912, м. мая 10 день.

(А. Истор. I, № 15)

272. Договорная между Полоцкомъ и Ригонъ 1407.

Мы мужи Полочане даемъ вѣдати, кто на сию грамоту узреть или услышитъ чужа. Князь в. Витовтъ литовскій, нашъ осподарь, докончалъ прошежи насъ и смирилъ насъ вѣчно, межн Полоцкого города и Ризьского города: чтобы Полочаномъ добровольно ѣхать къ Ризъ, также Рижаномъ къ Полоцку, безъ всякй звады, ни одного не вьмени добровольно ему купить и продать; также Полочаномъ у Ризъ, а Рижаномъ у Полоцку, никакъ малѣ торговлѣ не торговати, что розницею зовуть, а то мы какъ у Полоцку, а Рижане у Ризъ, учинимъ и поставимъ, а любо какъ жомемъ межн себе уравниатъ; также жогутъ Полочане имено Ригу у землю, а Рижанамъ имено Полтескъ у землю, куда хочотъ, то на обѣ сторонѣ межн насъ волю водою и землею. Пыны жъ бы кн. в. Витовтъ, осподарь нашъ, а любо его послѣднове, кто коли будетъ осподарь полоцки у Полоцку, и складъ вчинилъ, а любо мейстеръ Задвинскій въ Ризъ, а тотъ и складъ держитъ на обѣ сторонѣ, у Полоцку и въ Ризъ, такъ какъ уставленъ будетъ. А Полочаномъ блюсти Рижянина у Полоцку какъ себе, а Рижаномъ блюсти Полочянина у Ризъ себе оборонять: аже Полочянинъ что проступитъ у Ризъ, ино ивъ тогѣ до Полоцка послать, ино его тамъ Полочяне осудатъ по своєю праву, также нѣмецкй купецъ что проступитъ у Полоцку, ино его послать къ Ризъ, ино его тамъ осудатъ по ризьскому

праву. Также у Полоцку соль вѣсити на скалахъ тымъ же вѣсомъ, что воскъ вѣситъ, тымъ же колоколамъ: вѣсу полоцкому быти ризького полушудомъ болши: про то же сперва Рижаномъ послать свои колокола и скалы къ Полоцку на свою истраву, потомъ же сотрутся тымъ колоколамъ или изломатся или погнбнуть, ино намъ Полочяномъ послать къ Ризъ на свою истраву на свои пѣязи, да учинитъ тымъ колоколамъ по старому праву и полѣшитъ; также серебряныи вѣсы у Ризъ держатъ полузолотыномъ болши во одного рубля; также вѣсцемъ крестъ дѣловатъ нынѣ и потомъ, коли надобъ что ивъ право вѣсити на обѣ сторонѣ одному какъ и другому, а вѣсцо отступитъ прочъ отъ скалъ, а рукою не примать, а вѣсебное имати вѣсцо, какъ у Полоцку на Рижанехъ емлютъ, такъ имати у Ризъ на Полочянехъ вѣсебное. Аже будетъ которая обида, или завядъ, межн кимъ на обѣ сторонѣ, ино знати иетцо иетца, а никому иному въ тоѣ ся не вступати, ни томъ рубежа держатъ ни обѣ сторонѣ; аже будетъ межн мейстеремъ Задвинскимъ, или которымъ опослѣ будетъ межн земли и людн, ино купцюи чистъ путь его товару на обѣ сторонѣ и его животу, узятъ ему свой товаръ куда хочотъ ѣхать, и пойти коли ему надобъ или по водѣ, или по суху, или у городѣ, или на пути. Про тожъ бы тоѣ слышеть вѣчно стояло непоручено со обою сторону межн нами Полочяны и Рижяны, и печати всемо свой привѣсили къ сей грамотѣ. А писана быеть грамота ся у Могилевѣ, по божьемъ роженн 1000 лѣта и 400 и 7 лѣта, а печатана у Ризъ, у семую субботу м. мая 14 день.

(А. Арх. Эксп. I, № 16).

См. также договорныи грам. Новгорода съ Ригонъ 1392. (Русско-ливонск. акты. Спб. 1868, 85—88).

273. Уставная таможенная грамота Молдавскаго господара, воеводы Александра, Львовскииъ и Подольскииъ кунцманъ 1407 г.

Милостию божьею, мы Александръ воевода, господарь земли Молдавской, чиниимъ знаменито и сиимъ нашимъ листомъ усѣимъ, кто на ны узрять, или его услышитъ, оже есмы доконали съ рядцами и съ мѣстьчяны Илвовского мѣста и съ усѣимъ посполствомъ ихъ, и учинили есмы уставничество о мытахъ у нашея земли; и доконали есмы съ ними, шобы ходили у нашея земли, и съ своими торговлями. А мыта есмы имъ такъ поставили и улегчили, шобы давали у нашея земли мыто такъ: Нампервое головное мыто Сочавское, на складъ отъ сукна отъ гривну 3 гроши; а коли имуть кушити татарскый товаръ у Сочавѣ, или шолкъ, или перецъ, или камкы, или тебенкы, или темянъ, или грецкый квасъ, отъ гривну у Сочавѣ по 3 гр.; а коли имуть кушити татарскый товаръ у иныхъ торгохъ нашихъ, тамъ имуть дати, гдѣ его купать, отъ гривну 2 гр., а на головное мыто у Сочавѣ отъ гривну 3 гр., та смѣетъ его продати, кому любить. А кто идетъ до Илвова, на головное мыто у Сочавѣ: отъ скота 1 грошъ, отъ 10 свиный 1 гр., отъ 10 скота овецъ 1 гр., а отъ кобылы по 6 гроши, а отъ каждого коня по 6 гроши, отъ сто бѣлицъ 1 гр., отъ сто лясницъ 10 гроши, отъ сто овчины сураны 4 гр., отъ сто кожи агнячичихъ 2 гр., отъ сто кожи скотихъ 15 гр.; то мыто Сочавское. А кто идетъ до татарской сторонѣ отъ 12 кантари у Сочавѣ 1 рубель серебра, у Ясы тридесате грошъ, а у Бѣлый-городъ полърубель серебра, а кто не идетъ на Бѣлый-городъ толко иметь дати Тягнякячю колко у Бѣломъ-городѣ, опроче перевозовъ, а на сторожу отъ каждого воза по 12 грошъ. А кто иметь погнати скоть до Татаръ, на головное мыто у Сочавѣ отъ

скота 4 гроши, а у Ясы 2 гр., а на Тягнячю 2 гр.; а отъ 100 овецъ у Сочавѣ 60 гроши, а у Ясы 30 гроши: то мыто тѣмъ што идутъ до Татаръ. А поставы сукна имаютъ ихъ продати на складъ у Сочавѣ, а у нашихъ торгохъ не имаютъ волю продати ихъ. А съ тѣми гроши волно имъ ходити и торговати соби по усѣхъ торгохъ нашихъ, што коли наайдуть. А до Угоръ и до Бесарабъ свободно имъ вывоити сукна....; а кто повезетъ сукно до Бесарабъ, дати иметь на головное мыты у Сочавѣ отъ гривну по 3 гроши, а на край у Баковѣ отъ гривну 2 гр., а што привезетъ изъ Бесарабъ, или перецъ или баволну или будь што: отъ 12 кантари у Баковѣ полърубель, а по головное мыто у Сочавѣ отъ 12 кантари 1 рубель серебра. А кто иметь повезти сукно до Быстрици до Угоръ, у Сочавѣ отъ гривну по 3 гр., а у Бани отъ гривну полътора гроша, а у Молдавици отъ гривну полътора гроша. А коли ся воротятъ изъ Угоръ, отъ каждого терху у Молдавици, по 2 гр., а у Бани отъ каждого терху по 2 гр. А кто иметь повезти сукно до Брахова, на головное мыто у Сочавѣ отъ гривну 3 гр., а у Баковѣ отъ гривну полътора гроша; а у Тотруши отъ гривну полътора гроши; а коли ся имуть воротити, отъ каждого терху на Тотруши по 2 гр., а у Баковѣ отъ каждого терху по 2 гр. А кони, изъ нашея земли, што по 3 гривны, слободимъ имъ суть, и угорьстии кони слобимъ имъ; а у которомъ торгу имуть ихъ кушити, тамъ имуть дати отъ каждого коня по 4 гроши, а на складъ у Сочавѣ отъ каждого коня по 6 гр., а на Сирять отъ каждого коня по 2 гр., а у Черновьци по 2 гр.; а кто иметь повести кони или кобылы до Камянци, што было дати ему у Сирять, то иметь дати въ Дорошни, а што было дати ему у Черновьци то иметь дати у Хотини; тако же есть мыто и отъ кобылы, яко и отъ коня. А кто иметь ку-

пяти скотъ или бараны у Баковѣ, либо у Романовѣ у торгу, либо на Нѣмци, либо у иныхъ торгохъ нашихъ: ненѣдобѣ ни гдѣ мыто дати, ни жъ тамъ гдѣ купитъ, и возметъ печать отъ мытника; а у которомъ торгу иметъ купити, тамъ иметъ дати отъ скота 1 грошъ, отъ 10 овецъ 1 гр., отъ 10 свиней 1 гр., отъ 100 кожи воловыхъ 10 гр., отъ 100 кожи агнѣчихъ 1 гр., отъ 100 кожи суранныхъ 2 гр.: ти идуть на головномъ мытѣ Сочавѣскомъ. А у Сирятскомъ—отъ крапныхъ рѣчей, отъ шапокъ, отъ ногавицы, отъ корды, отъ меча, отъ гривны по 3 гроши; а што коли идетъ изъ земли чересъ Сочавы на Сирять, колко давали на Сочавѣ, половина отъ того мыта имуть дати на Сирять отъ усега, и отъ кожи и отъ волны и отъ овчины: то мыто Сирятское. А у Черновци отъ нѣмецкого воза мыто 4 гр., а отъ ормянского воза 6 гр.; отъ скота 1 грошъ, отъ 10 свиней 1 гр., отъ 10 овецъ 1 гр., а отъ кони и отъ кобылы по 2 гроши; а на перевози и отъ нѣмецкихъ возъ цѣлыхъ и отъ ормянскихъ по 4 гроши: то мыто Черновское. А у Черновци возы не страсти, але кунець дастъ свою вѣру, аже не имаеть заповѣданный товаръ на свой возъ: куница, серебро, воскъ и кони добри земьстин; а имаеться поставити цѣну сукнѣ у Сочавѣ, яко во Львовѣ. А львовчяне што имуть поити до Браилово по рыбы на крайнее мыто, или у Баковѣ, или у Берладѣ: тамъ имуть дати отъ гривну и полътора гроша, а воза и рыбы не заимати; а тамъ возметъ печать, та придесть слободно до Сочавѣ, та иметъ дати на головномъ мытѣ у Сочавѣ отъ гривны по 3 гроши, а воза и рыбы не заимати. А на Сирять имуть дати отъ гривну по полътора гроша, а рыбы и воза не заимати. А на Черновци мыто отъ воза. А львовчяне што имуть принести сами изъ Угорь серебро жъженое: отъ того серебра што быкомъ

мы купили собѣ, колко будетъ намъ надобно, а иное серебро, што останеть, то имѣ слободно. А мунтяньскый воскъ и брашевскый слободно имѣ есть; а мыто имуть дати отъ камене у Баковѣ одинъ грошъ, а на искладѣ у Сочавѣ отъ камене 1 грошъ, а у Сирять отъ камене 1 гр. А угорьстин куница слободни имѣ; а мыто имуть дати у Бани полътора гроша отъ гривну; а на искладѣ у Сочавѣ отъ гривну 3 гроши, а у Сирять полътора гроша отъ гривну; а отъ ти куница колко будетъ намъ надобни, а мы имемъ соби купити, а ниин имѣ слободни. А еще есмы имѣ дали волю, штобы собѣ держали у Сочавѣ одинъ домъ, а у томъ дому корчму не держати, ни пива варити, ни меду, ни месни кѣтки держати, ни хлѣба продавати: пакъ ли тотъ, кто иметъ жити у томъ домѣ, бы хотѣлъ нѣшто отъ тѣхъ держати, тогда муситъ съ мѣстомъ терпѣти. А то есмы учинили куницемъ господаря нашего, короля полского изъ усеи Рускои земли съ Подолскои. А то мы, иже есмы выше писали, слобуемъ имѣ вѣчно уздержати, безо лсти и безъ хытрости, на вѣкы вѣчныя, мы и наши намѣстки; николи то непорушено, при нашей чти и при нашей вѣрѣ, подлугъ крестьяньского права. А на то свидкове: панъ Жюргъ, староста; панъ Михайло Дорогунскый; панъ Владъ Серетскый; панъ Оана (sic), дворникъ Сачовскый; панъ Ядко, и панъ Иляшъ чашиникъ. А еще при томъ были послы съ Львова, што съ нами сесе дѣло доконали: Мычко Куликовскый, и Змиръстанъ Ханьсь, и Ханьсь Верзьсть, и Русъ Никлюсь, и писаръ лвовскый Ханьсь. А на подтверженіе тѣмъ устѣмъ, велѣли есмы нашему вѣрному братю Логовету писати и привѣсити печать наша великая къ сему листу нашему. У Сочавѣ, у гдѣ то шестотысячное деать сотъ и шестнадесятое лѣто, Октября 8.

(А. Западн. Рос. I, № 21).

274. *Псковская.*

Въ лѣто 6930 (1422). За умноженіе грѣхъ нашихъ, Богу попустившю, на всю Рускую землю бысть гладъ великъ по 3 годы: и прже въ Новгородѣ и по всѣмъ ихъ волостемъ в на Москвѣ, и по всей московской и по всей тѣерской землѣ; и толми бысть тамо дорогъ хлѣбъ, яко на единомъ ковривѣ дати полтына, али каково портище, а ржи наша (*псковская*) четвертка, чего кто запросилъ, а ннн съ усердіемъ даваху, а еже бы гдѣ зобница кушити ржи или овса, таковыхъ мало обрѣтаху, и мнози съ глаза мряху. А въ Псковѣ тогда бѣше старыхъ лѣтъ клѣти всякого обилія изнасыпани на Кромю: и поидоша ко Пскову Новгородци, Корела, Чюдъ, Вожани и Тѣеречи и Москвичи, и просто рещи съ всей Руской земли, и бысть нахождение ихъ во Псковѣ много множество; и начаша по волостемъ и по пригородомъ и въ Псковѣ купяще рожъ возити за рубежъ, и въ Псковѣ тогда бѣше зобница ржи по 70 ногатъ, а жита зобница по 50 ногатъ, а овса по 30 ногатъ, а на полтыну ржи полътретьи ($2\frac{1}{2}$) зобници; и отгодѣ Псковичи заповѣдаша не продавати за рубежъ ржи и никакого обилія (хлѣба). А нахожихъ людій начаша изо Пскова проводить и изо всѣхъ волостей, и тако мнози разыдошася; а которіи остались во Псковѣ и по волости, мужи и жены и маліи дѣти, тѣхъ множество изомроша, и накладоша тѣхъ пустотныхъ въ Псковѣ 4 скуделниці, а по пригородомъ и по волостемъ или по могольемъ въ гробѣхъ покопано, то тѣмъ и числа нѣтъ. И бѣ тогъ гладъ по три года.

(*П. Собр. Лнт. V, 23—24*).

275. *Малозадная Троиц. Сергіеву мон. и рибнумъ и бобровумъ ловли 1423.*

Се азъ князь Петръ Дмитривичъ пожаловалъ есмь игумена Никона св. Троици Сергіева монастыря, или... ннѣ игуменъ по немъ, и его братью, далъ есмь имъ в мою отчинѣ въ Ворѣ, а на рѣцѣ и Ворѣ же омутъ Терьменевьской рибы ловити да и бобры ловити; также далъ есмь имъ по рѣцѣ по Ворѣ по ихъ земли от рѣчки отъ Талици до Лецетни рибы ловити да и бобры ловити; а мои риболове и мои бобровьниці тудѣ на мнѣ рибъ не ловят, ни бобровъ. А чересъ сию мою грамоту кто иметъ тудѣ рибы ловити или бобры в омутѣ в Терьменевьскомъ да и по рѣцѣ по Ворѣ, куды есмь ихъ пожаловалъ, ино заповѣди 2 рубля; а от меня быти ему в казни. А дана грамота в лѣт 6931-е августа въ 4 день.

(*А. Юрид. б. I, № 41*).

276. *Малозадная льготная Троиц. Сергіеву мон. на солидны варницѣ 1432—1443.*

Святые дѣла Троици по отца своего грамотѣ, великого князя Василья Дмитривичъ, се азъ князь великий Васильей Васильевичъ пожаловалъ есмь Сергіева монастыря игумена Зиновія съ братею, или кто будетъ по немъ нннми игуменъ, что ихъ 4 варницѣ оу Переяславьские Солидны волостели мои оусольские и ихъ тинувци и ихъ доводщици съ тѣхъ варницъ понлаши ннкоторыхъ не емают, ни цоборовъ не берут, ни явленогъ съ водолавовъ. Да что ихъ дворѣ тутожъ оу Солида деревни ихъ на Хупацѣ горѣ да починокъ, и кто оу нихъ иметъ жити людей в томъ дворѣ и в де-

февнѣ и тѣмъ людямъ монастырскимъ не-
 надобѣ ни ни мытъ, ни тамга, ни восме-
 ничее, ни вѣсчее, ни дворъ моего ставити,
 ни коня кормити, ни закосъ имъ ненадо-
 бѣ, ни поругное, ни подводы, ни къ
 дворскому, ни к сотнику ненадобѣ ни
 тянуты некоторыми пошлинами и намѣст-
 ници мои переяславские и волостели
 оусольские и ихъ тивуны дворян своихъ не
 высылають къ тѣмъ людямъ монастырскимъ
 къ хуаньскимъ и къ оусольскимъ ни по
 что, ни судятъ ихъ, оироче душегубства;
 ни доводщики оу нихъ побора неберуть; а
 пятеньщикъ мой к нимъ не въездитъ, ни
 коневъ оу нихъ не пятнитъ, а держитъ игу-
 менъ свое пятно оу своихъ людей оу мана-
 стырскихъ или кому прикажетъ. А въ-
 даетъ и судитъ свои люди игуменъ самъ или
 кому прикажетъ; а смѣшается судъ мана-
 стырскимъ людямъ с городскими людьми или
 с волостными, и намѣстници мои перея-
 славские и волостели оусольские и ихъ
 тивуны судятъ, а игуменъ съ ними или
 кому прикажетъ; а будетъ правъ или вино-
 ватъ монастырскимъ человекъ, и онъ игу-
 менъ и в правдѣ и въ винѣ, а намѣстни-
 ци мои и волостели не вступаются в
 монастырскогъ человека ни въ правагъ,
 ни в виноватагъ, а игуменъ или кому при-
 кажетъ не вступается въ ихъ человекъ въ
 переяславскогъ, и в оусольскогъ, ни в
 правогъ, ни в виноватагъ. А чересь сю
 мою грамоту кто на вѣхъ что возметъ или
 чинъ изобидитъ, быти отъ меня въ казни...
 рую грамоту дамъ грамоту, а на сю
 гра... грамоты нѣтъ.

(А. Юрид. б. I, стр. 91—92).

277. Высшая посланная отъ князя
 Протасовича 1425 и 1426.

а. Се язъ князь в. Василей Василь-
 овичъ всеа Русии пожаловалъ есмь Ивана

Григорьевича Расла, прозвище Ивация Про-
 тасьева, и сына его Конона Ивановича,
 волостью Лузою, за ихъ къ чашѣ выѣздъ,
 въ кормленья. И вы все люди тое воло-
 сти, чтите ихъ и слушайте, а они васъ
 вѣдаютъ, и судити и ходити велать у
 васъ тиуномъ своимъ, а доходъ имать по
 наказному списку. Писанъ на Москвѣ,
 лѣта 6933 августа въ 28 день.

А у подлинной грамоты назади
 пишеть: «князь в. Василей Василь-
 овичъ всеа Русии». Печать оислая на
 красномъ воску—орелъ.

б. Се язъ князь в. Василей Васи-
 льевичъ всеа Русии пожаловалъ есмь Ива-
 на Григорьевича Расла, прозвища Ивация
 Протасьева, и сына его Конона Иванова-
 ча, въ кормленья въ Мещерѣ городомъ
 Елатиню и Кадомю, съ мыты и съ пе-
 ревозы, и со всеми намѣстничьими доходами,
 и съ пошлиною, что было дано за вы-
 ѣздъ отцу его Ивану. И вы все люди
 тѣхъ городовъ и становъ и волостей, чтите
 ихъ и слушайте; а они васъ вѣдаютъ;
 а судити и ходити велать у васъ тиунамъ
 своимъ, а доходъ имать по наказному
 списку. Писанъ на Москвѣ, лѣта 6934
 году апрѣля въ 20 день.

А у подлинной грамоты назади
 пишеть: «князь в. Василей Васи-
 льевичъ всеа Русии». Печать на кра-
 сномъ воску оислая.

(А. Юрид. № 161, стр. 177).

278. Записная и закладная Ивана Каба-
 чина 1428—1434.

Се язъ Ивашъ Кабачинъ занялъ есмь
 у игумена Христофора полтину да трид-
 цать бѣлъ, а въ томъ есмь игумену

Христофору заложилъ пожню на Навчеровъ наволоцъ свой жеребей; а винятъ по рѣцѣ съ Васильемъ межа по большой кусть на березѣ, а съ большого куста прямо на малый кустецъ къ гѣсу, а съ Мачеюю межа верхъ рѣки по колюю и по ямамъ наподо; а занялъ еси полтину и бѣлки до Юрьева дни; а не уплачу на срокъ кунъ, ино моя пожня въ томъ. А на то послуш: Тиломъ чернецъ да Микита Овдреевъ. А написалъ сию кабалу Семень поповъ Окуловъ. А кабалу еси далъ безъ печати.

(А. Юрид. № 252, стр. 260).

279. Давная на с. Оксниньское Московскому Успен. собору 1433—1437 или 1440—1448.

Милостию божіею и пречистыя его Матере и молитвою св. чудотворца Петра, м-та всея Руси, се язъ Игнатій Васильевичъ далъ есмь св. Богородици съ борной на Москвѣ въ домъ и св. чудотворцу Петру, м-ту всея Руси, село свое Оксниньское, свою отчину, съ церковью съ св. Николю, въ звенигородскомъ уѣздѣ, в господину своему юмѣ епископу, нареченному въ святѣйшую митрополию русьскую, или кто по немъ будетъ иной митрополитъ, и съ деревнями, что къ нему напередъ того потягивали, куды моя соха ходила, куды коса ходила, куды и топоръ ходилъ и съ лугъ, и съ пожнями, и съ лѣсомъ, и съ всемъ съ тѣмъ, что къ нему издавна потягло; а господинъ мой держитъ то село въ дому пречистыя Богородици, а не продасть его, ни дасть никому, ни мѣнять ни съ кѣмъ; а далъ есмь то село напомнимокъ своимъ родителямъ и себѣ и всему своему роду. А на то послуш: Иванъ Пльичъ, Анашь

дѣакъ митрополитъ, Иванъ Истѣвье. А грамоту писалъ Семень чернецъ; а зачиталъ есмь хрестцомъ (крестомъ).

(А. Юрид. б. I, стр. 445).

280. Названіе Василия Миклуничча и рать Казиміру и. 1444 г.

Господину господарю в. королю слуги твоей Васильей Миклуничъ твоее милости господарю своему, низко челомъ бѣсть. Што твоя милость пишетъ, господарь мой, до мене о тыхъ людехъ о Брунаихъ, о помлнгахъ, ино я, господарю, Олькира (Ольгерда) не помню, помню князя в. Витовта, дялю твоего; и то, господарю, помню: даывали 50 кунъ княгини в. Витовтовой, съ дыма по кунницы, а по три гроши житицны, а въ кухню по курети и по десети лець и по полгроша; а бобровникъ одинъ съ копей и со псомъ, а дохода ему грошъ; а къ живу 3 дни, и на яръ 3 жъ дни, а сына 4 стырты ставить, и на Усоачи ѣзъ забиваютъ—старына жъ, а Варейнахъ не бывало, то инъ, господарю, повинна жъ,—а подъ намѣстникм у подводахъ не хоживали; хоживали подъ княземъ в. Витовтомъ дяди твоего отъ Витебска до Смоленска, а отъ Смоленска до Полоцка; а о суды межа, головщина, о сокольее гнѣздо, о бобры, зъ ерени; а то суживали на городѣ намѣстники твои.

(А. Южн. и Запад. Рос. I, № 29).

281. Дороговизна и денежное дѣло в Новгородѣ.

Въ 1446 г. въ Новгородѣ хлѣбъ дорогъ бысть, не токмо сего одного году,

во всю 10 лѣтъ, по двѣ коробы на полтину, иногда болѣ, иногда менши, иногда негдѣ купить; и бысть скорбь и туга крестьяномъ велики, толко слышати плачь и рыданіе по улицамъ и по торгу, и мнози отъ глада падающе умвраху, дѣти предъ родителями своими, и отци и матери предъ дѣтми своими; и мнози разоидошася, нини въ Литву, нини въ Латынство, нини же бесерменству и Жидомъ изъ хлѣба дахуся гостемъ. А въ то время не бѣ въ Новгородѣ правдѣ и праваго суда, и возсташа ябедници, знарядиша четы и обѣты и цѣлованія на неправду, и начаша грабити по селомъ и по волостемъ и по городу, и бѣхонъ въ поруганіе сусѣдомъ нашимъ, сущимъ окрестъ насъ; и бѣ по волости изъѣжа велика и боры частыя, кричь и рыданіе и вопль и клятва всеми людьми на старѣйшины наша и на градъ нашъ, зане не бѣ въ насъ милости и суда права.

Въ 1447 г. начаша люди денги хулити серебряныя, даже и вси Новгородци другъ на друга смотря, и бысть межъ ними голка и мятель и нелюбовь; и посадникъ и тысячій, и весь Новгородъ оставиша 5 денежниковъ и начаша переливати старыя денги, а новыя ковати въ туже мѣру на 4 почки таковы же, а отъ дѣла отъ гривны по полуденгѣ; и бысть крестьяномъ скорбь велика и убытокъ въ городѣ и по волостемъ...

Того же лѣта Новгородци охулиша серебро, рубли старыи и новыи; бѣ денежникамъ прибытокъ, а серебро передѣлаша на денги, а у денежниковъ поимаша посулы... Выведе Сокира посадникъ ливца и вѣспа серебряного Федора Жеребца на вѣче, назовъ его нача *сочити* (*хитро розыскивать*): «на кого еси лигъ рубль? онъ же оговори 18 человекъ, и по его рѣчюмъ иныхъ съ мосту смѣташа, а иныхъ дома разграбиша и изъ церквей вывозиша животы (*пожитки*) ихъ, а преже того по цер-

кванъ не исклеали. И еще того же Федора начаша безъправдыи бояре научати говорить на многихъ людей, преташе ему смертью; онъ же протрезвився рече: «на всѣхъ есмь лигъ, и на всю землю, и вѣспа съ своею братьею ливци.» Тогда бѣ весь градъ въ сѣтованіи много, а голодники и ябедники и посульники радехуся, толко бы на кого выговорилъ; и того самаго смерти предаша, а животь его въ церкви раздѣли и разграбиша. И бысть во градѣ мятель великъ, и оттолѣ и самъ Сѣкира разболѣся и умре.

(*П. С. Лист. IV, 124. 125. 126*).

282. Жалованная воев. кн. Марія Ярославни Чухломскому монаху. 1450.

По осподаря своего грамотѣ в. кн. Василія Васильевича, се язъ княгини в. Марья пожаловала есмь дому пречистые Богородицы честнаго ея Покрова, на Чухломѣ на городкѣ, игумена Александра съ братьею, или кто иной игумень будетъ по немъ у Покрова преч. Богородицы въ монастырѣ: что ихъ монастырской починокъ въ Верховьѣ, въ Усолской волости, и кто людей у нихъ монастырскихъ въ томъ починкѣ живеть, и тѣмъ ихъ людямъ ненадобѣ ни тамга, ни осминыче, ни явца, ни мѣтъ, ни косты, ни нмые некоторые пошлыны, никаковъ проторь; да что ихъ варница монастырская у Соли съ Сушлепскою варницею, и кто у нихъ будетъ закащикъ монастырской, и онъ въ той варницѣ варить на монастырь, какъ и на меня на в. княгиню варять въ моей варницѣ, безъ череду и безъ столяницъ. А волостели мои усолскіе и ихъ тиуни того монастырскаго закащика не судятъ ни въ чемъ, ни доводчики въ ту варницу неходятъ. Да что тутожъ у нихъ у Соли монастырская же ихъ поварницы, на великомъ колодезѣ, да и

въ нѣхъ варницахъ три четвертины, ино неадобѣ съ нихъ ни противень, ни площьки, ни тамга, ни домытницы, ни нѣше имъ нѣкоторые мешаны неадобѣ, ни явленное; а волостели мои усольскіе, и нѣхъ тѣны и доводники, у игуменовыхъ Александровыхъ варницъ дровъ не снѣють. А коли у игумена Александра бываеъ его сущемъ, и тѣны и доводники тогда въ варницу не влзаетъ, а въ коробу не приступаютца. А волостели мои усольскіе и нѣхъ тѣны въ монастырской починокъ къ Верхеве къ его людямъ къ монастырскимъ, и къ пришлымъ, и къ старожилцамъ, не высылють къ нимъ ни по что доводниковъ своихъ ни поборовъ у нихъ не берутъ, ни кормовъ волостели мои на нѣхъ не снѣють, не судятъ нѣхъ; а вѣдѣтъ и судятъ тѣ свои люди игумень Александръ, самъ или его братья, или кому прикажутъ; а смещетца куда съ мойми людьми съ волостными тѣмъ нѣхъ людямъ монастырскимъ, и волостели мои усольскіе или нѣхъ тѣны судятъ, а игумень Александръ съ ними судятъ, или кому прикажетъ. А правъ ли будеть, виновать ли волостной человекъ, и онъ волостелю въ правдѣ и въ винѣ; а игуменовъ человекъ правъ ли, виновать ли, и онъ по тому же въ правдѣ и въ винѣ игумену; а волостели мои въ игуменова человекъ не вступаютца, ни въ праваго ни въ виноватаго. А черезъ сю мою гра-

моту кто на нихъ что возметъ, или чѣмъ изобидеть, быти отъ меня въ казни. А дана грамота въ лѣто 6969-е, октября въ 4 день.

(А. Истор. I, № 49).

283. Купча Кириллова мѣн. 1448—1468.

Се азъ Касимъ игумень Кириллова монастыря, Пречистой въ дождь купилъ есмь въ Островскомъ тѣу дождичи (рублю дождичи), у Ондreja у Борисова; а далъ есмь полтора рубля новгородскіе. — А на то послуши: старецъ Илья, старецъ казначенъ Сергѣя, старецъ Тимошеи, Прида поповъ, Василь поповъ, Самойло. А грамоту писалъ чернецъ Митрофанъ; а грамота безъ печати.

(А. Юрид. № 73, стр. 120).

О древнемъ промышленномъ состояніи Россіи можно читать въ Рус. Правдѣ и грамотахъ въ отдѣлѣ Администраціи и Юридическомъ. См. также статьи: о Святославѣ, о Юрьѣ, Поуч. Моисея, Житіе Антонія Римлянина, Слово о богатомъ до 1200 г., Духъ Завѣщанія Московск. князей, Лилицкаго Огня, Ханскіе Ярлыки, Наместіе Тохтамыша, Хожденіе въ Царьградъ князя Александра и др.

Б. НАМЯТНИКИ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ.

284. Сказаніе о Щилѣи монастырѣ.

Бысть въ В. Новѣградѣ чюдо страшно и оудивленію достойно. Въ нѣвѣи посадникъ, именемъ Щиль, имѣя оу себѣ сына единого,

бѣ бо богатъ зѣло, и многимъ дающе сребро свое въ лихву: вѣмаше на годъ по денгѣ, на новгородской рубль новгородскую денгу, и оттого собра много, и помысливъ на то сребро церковь поставити, и монастырь сздати. И обрѣте мѣсто отъ града мѣа

поприца и приде ко Иоанну архієпископу, проси благословенія отъ него: на освященіи церкви пресв. Богородицы честнаго ея шкорова. Архієпископъ же даде ему благословеніе на таковое великое дѣло божіе и отъиде. Циль же примиь благословеніе отъ архієпископа, и поиде омыла своего ядла: дѣлатели и готовити вся потребная на освященіи церкви; сынь же сотвори все повелѣніи, и возвѣсти отцу своему. Циль же моля архієпископа, дабы ѣхалъ на основаніи церкви оной, начало положи архієпископъ же имоленія его, въ древнѣи и иде на основаніи церковное со-всѣмъ освященнымъ соборомъ, и съ нимъ множество народа, и основаніи церкви положи, со-освященнымъ соборомъ. Циль же, по совершеніи церковномъ, и основаніи, постави трапезу велику и добру, оучради архієпископа, дарми одаривъ, и отпустивъ, возвратъ съ великою честію, а самъ въ домъ свой и отъиде, слава Богу. Архієпископъ же, прѣхавъ въ домъ св. Софіи, и пріять книжи и чтяше правды св. отецъ, и нача разсуждати въ собѣ, вдавъ благословеніе Циль, а вѣдая его богата суще и мздоимца, понеже не вопроши его отъ коего собораніи такое великое дѣло замысли, и отъ томъ архієпископъ въ великомъ недоумѣніи бысть, и въ скорби. Циль же нача свидѣти церквѣ, по совершеніи же церковнемъ, приде ко архієпископу, и моли его, дабы освятити красть той. Архієпископъ же повелѣ ему ість собѣ, и ити въ тайную храмину. Циль же, введи въ тайную храмину, и рече ему о томъ архієпископъ: повѣда ми, чадо, въ скрый Госно, да рди отъ коего собораніи своего садее дѣло начинаеша. Циль же отъ страха и оужаса паде къ ногамъ святителя, и глагола согрѣшихъ отце, простимъ млади же люди: приходяду ко мнѣ, вѣмаку, серебромъ даяти въ лихву, на 44 гршени, и на 4 денги на годъ по денгѣ. И на то серебро, создахъ церковь, и монастырь, оградихъ, и мытъ, и владыко, что ми повелѣваша. Архієпископъ же глагола ему: и владыко доведывае, оустрои себѣ вся погребальная, орациу, и сазавъ, и вся, дже суть на потребіи мертвымъ; и иди повѣждься отцу своему, духовному, вся согрѣшенія своя, и въ погребальны дѣла въ созаданномъ своемъ гробѣ, и надгробная повелѣ надъ собою пѣти, всемогъ же Богъ отирисети елика хочеть, а мы, чадо, готови будемъ со всѣмъ соборомъ. Циль же, слышавъ отъ святителя, плача и рыдая, и в скорѣи оустроивъ гробъ и погребальная, и поспѣвася согрѣшенія отцу своему, духовному, и скривася въ гробъ, и соборны надъ нимъ пѣше надгробная пѣнія, и везавиу. Циль же, во гробѣ оумре, и разсѣде мость церковный, и не обрѣтеся гробъ предъ нимъ. И бысть ту пропастъ велик; святитель же приде на освященіе церковное, и видѣвъ страшное оное видѣніе, и повелѣ изустранивъ вѣдѣ нааста.

настъ писати, дерзавшии и дѣла, проповѣду въ подобіи образъ Цылюкъ. Самъ же отъ страха, и оужаса, отъиде въ домъ св. Софіи, и неосвящену церковь повелѣ заочнати, дожде изволити Богу, то и сотвори.

Сынь же Цылюкъ, плача и рыдая, и прииде, и припаде къ ногамъ святителя, и рече: святитель великій, помози ми и шпенія ради отца моего! что ми повелѣши, да сотворю? Архієпископъ же повелѣ ему въ постѣ и въ молитвѣ пребыти, и рече: еще заповѣдаю ти, чадо, 40 дней да литургиясуютъ оу 40, державей. Дажь священникомъ довольно, и причетнымъ, и нищимъ и темничникомъ: и въ тѣхъ 40 днехъ на всякъ день понахиды поють и литургіи служатъ дензвнню, и на распутіяхъ никого не мшуютъ, ни вѣдѣ, ни вѣдѣ, ни нага, да и монастырь препитай елика возможно, и тако сотвори, и приди къ нашему смиренію, и возвести ми о семъ. Сынь же Цылюкъ, повелѣ литургіи служити 40 дней, лишени ради отца своего, и милостыню нищимъ доволно давати, и сотворивъ все четыредесятиу елика заповѣда ему святитель. Сынь же Цылюкъ, приде ко архієпископу, и доведъ ему: что сотворилъ, лишени ради отца своего: вторицею повелѣ ему творити елика же, прже, сотворилъ 40 дней. Архієпископъ же повелѣ архієпископа досмотрити въ церкви Цылюкъ пропасти, архієпископъ же видѣ Цылюкъ гробъ: наруже не много и отъиде заповѣдъ церковно, и возвести архієпископу, чадо, се о немъ. Архієпископъ же приде, и возвести великому святителю, что Цылюкъ гробъ наруже не него видѣтъ. Архієпископъ же повелѣ Цылюкъ сыну въ постѣ, и въ молитвѣ пребыти и творити еще и вторую четыредесятиу: такожде сотворивъ, и приде къ нашему смиренію, и возвести о семъ. Архієпископъ же послѣ того же архієпископа досмотрити Цылюкъ пропасти, архієпископъ же приде, и видѣвъ того гробъ полевны наруже, и приде, и возвести архієпископу чудо сіе. Сынь же, рекомаго Цылюкъ, приде ко архієпископу, и повелѣ сти ему: еже сотворилъ, лишени ради отца своего, по повелѣнію отъ елика заповѣда ему святитель. Архієпископъ же призва Цылюкъ сына, и повелѣ ему, въ тѣ дни, погребати елика, и въ постѣ, и творити елика же, прже, ту четыредесятиу: а до того, велики давати божіимъ церковамъ, и нищимъ, и страннымъ. Сынь же Цылюкъ, четыредесѣ дней, подахъ (г) божіимъ церковамъ, священникомъ, и причту, и нищимъ, и темничникомъ, и страннымъ; болши, прже, а до. Архієпископъ же послѣ того, жет архієпископа, и третіе досмотрити того великаго чудомъ. Архієпископъ приде въ церковь, и видѣвъ то гробъ наруже, и возвести святителю, чудо сіе. Цылюкъ же сынь повелѣ служити литургіи 40 дней, лишени ради отца своего, и милостыню доволно давати, и всю четыредесятиу, елика заповѣда ему святитель.

и сотвори. Сынъ же Шиловъ придетъ ко святителю и возвеститъ ему: что сотворишь лишениа ради отца своего всю 40 дней. Архиепископъ же повелѣтъ надъ нимъ соборнѣ пѣти надгробная пѣнія всему освященному собору, и погребетъ его самъ съ освященнымъ соборомъ съ великою честію, а храмъ той освятитъ самъ съ освящен. соборомъ., во славу Отца и Сына и св. Духа. Аминь.

(П. стар. рус. лѣт. I, 21—26).

О Шилѣ разъясненіе въ очеркахъ Булаева. II, 58—61.

285. Георгій Храбрый.

Во святой землѣ, православной,
Нарождается желанное дѣтище
У той ли премудрой Соѳіи:
И нарекаетъ она по имени
Свое то дѣтище Георгій,
По прованьюцу—храбрый.
Возрастаетъ Георгій храброй
Промежъ трехъ родныхъ сестеръ.
Отъ добра дѣла не отходячи,
Святыхъ словомъ огрожаючи.
Міру крещеному угрожаючи,
Какъ и сталъ онъ, Георгій храброй,
Во матеръ возрастъ приходитъ,
Умъ-разумъ спознавати,
И учалъ онъ во тѣ поры
Думу вѣрную оповѣдати
Своей родимой матушкѣ,
А и ей ли, премудрой Соѳіи:
-Созволь, родимая матушка,
-Осударыня премудрая Соѳіи
-Вхатъ мнѣ ко землѣ свѣтло-русской
-Утвержать вѣры христіанскіи.
И даетъ ему родимая матушка,
Она ли, осударыня премудрая Соѳіи,
Свое благословеніе великое:
Вхатъ ко той землѣ свѣтло-русской,
Утвержать вѣры христіанскіи.
Бдетъ онъ, Георгій храброй,
Ко той землѣ свѣтло-русской,
Отъ востока до запада побѣждаючи,
Святую вѣру утвержаючи,
Бесерменскую вѣру побѣждаючи.
Навѣщаетъ онъ, Георгій храброй,
На тѣ лѣса, на темные,
На тѣ лѣса, на дремучіе;
Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
Хочетъ онъ, храброй туто проторити:
Нельзя Георгію туто проѣхати,
Нельзя храброму туто подумати.
И Георгій храброй проглаголуетьъ:
-Ой вы, лѣса, лѣса, темные!
-Ой вы, лѣса, лѣса, дремучіе!
-Зароститесь лѣса темные
-По всей землѣ свѣтло-Русской,
-Раскиньтеся лѣса дремучіе

-По крутымъ горамъ по высокімъ,
-По Божьему все волѣнію,
-По георгіеву все моленію!
По его, слову, георгіеву,
По его ли, храбраго, моленію,
Заростали лѣса темные
По святой землѣ свѣтло-русской.
Раскидалися лѣса дремучіе
По крутымъ горамъ, по высокімъ.
Навѣщаетъ онъ, Георгій храброй,
На тѣ горы на высокія,
На тѣ холмы на широкія;
Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
Хочетъ онъ, храброй, туто проторити:
Нельзя Георгію туто проѣхати,
Нельзя храброму туто подумати.
И Георгій храброй проглаголуетьъ:
-Ой вы, горы, горы высокія!
-Ой вы, холмы, холмы широкіе!
-Разсыпьтеся горы высокія
-По всей землѣ свѣтло-русской,
-Становитесь холмы широкіе
-По степямъ, полямъ зеленымъ,
-По Божьему все волѣнію,
-По георгіеву все моленію!
По его ли, слову георгіеву,
По его ли, храбраго, моленію,
Разсыпалася горы высокія
По всей землѣ свѣтло-русской,
Становилися холмы широкіе
По степямъ, полямъ зеленымъ.
Навѣщаетъ онъ, Георгій храброй,
На тѣ моря, на глубокія,
На тѣ рѣки, на широкія;
Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
Хочетъ онъ, храброй, туто проторити:
Нельзя Георгію туто проѣхати,
Нельзя храброму туто подумати.
И Георгій храброй проглаголуетьъ:
-Ой вы моря, моря глубокія!
-Ой вы рѣки, рѣки широкія!
-Потеките моря глубокія
-По всей землѣ свѣтло-русской,
-Побѣгите рѣки широкія
-Отъ востока да и до запада,
-По Божьему все волѣнію,
-По георгіеву все моленію!
По его слову ли, георгіеву,
По его ли, храбраго, моленію,
Протекали моря глубокія,
По всей землѣ свѣтло-русской,
Пробѣгали рѣки широкія
Отъ востока да и до запада.
Навѣщаетъ онъ, Георгій храброй,
На тѣхъ звѣрей, на могучихъ,
На тѣхъ звѣрей, на рогатыихъ;
Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
Хочетъ онъ, храброй, туто проторити:
Нельзя Георгію туто проѣхати,
Нельзя храброму туто подумати.
И Георгій храброй проглаголуетьъ:
-Ой вы, звѣри, звѣри могучіе!
-Ой вы, звѣри, звѣри рогатые!

•Заселитесь звѣри могучіе
 •По всей землѣ свѣтло-русской,
 •Плодитесь звѣри рогатые
 •По степямъ, полямъ безъ числа.
 •По Божьему все велѣнію,
 •По Георгіево все моленію!-
 И онъ, Георгій храброй, заповѣдуетъ
 Всѣмъ звѣрямъ могучимъ,
 Всѣмъ звѣрямъ рогатымъ:
 •А и есть про васъ на свѣдомое
 •Во поляхъ трава муравчатая,
 •А и есть про васъ на поилцо
 •Во рѣкахъ вода студеная.-
 По его ли, слову георгіеу,
 По его ли, храброго, моленію,
 Заселился звѣри могучіе
 По всей землѣ свѣтло-русской;
 Плодились звѣри могучіе
 По степямъ, полямъ безъ числа;
 Они пьютъ, ѣдятъ повелѣнное,
 Повелѣнное, заповѣданное
 Отъ его, Георгія храброго.
 Назъваетъ онъ, Георгій храброй,
 На то стадо, на змѣнное,
 На то стадо на лютое;
 Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
 Хочетъ онъ, храброй, туто проторити;
 И стадо змѣнное возговоритъ
 Ко тому ли Георгію храброму:
 •Али ты, Георгій, не вѣдаешь,
 •Али ты, храброй, не знаешь:
 •Что та земля словомъ заказана,
 •Словомъ заказана, заповѣдана.
 •По той землѣ заповѣданной
 •Пѣшь человекъ не прохаживалъ,
 •На коню нито не проѣзживалъ.
 •Уймь ты, Георгій, своего коня ретиваго,
 •Воротися ты, храброй, самъ назадъ.-
 Вынималъ Георгій саблю острую,
 Нападалъ храброй на стадо змѣнное.
 Ровно три дня и три ночи
 Рубить, колетъ стадо змѣнное;
 А на третій день ко вечеру
 Посвѣкъ, порубилъ стадо лютое.
 Назъваетъ онъ, Георгій храброй,
 На ту землю свѣтло-русскую,
 На тѣ поля, рѣки широкія,
 На тѣ высоки терема, златоверхю.
 Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
 Хочетъ онъ, храброй, туто проторити.
 Какъ и тутъ ли ему, Георгію,
 Выходятъ на встрѣчу красны дѣвицы,
 Какъ и тутъ ли ему, храброму, приглаго-
 луютъ:
 •А и тебя ли мы, Георгій, ожидаючись,
 •Тридцать три года не вступаючи
 •Съ высока терема, златоверхаго,
 •А и тебя ли мы, храброго, ожидаючись,
 •Держимъ на роду великѣ обѣтъ:
 •Отдать землю свѣтло-русскую,
 •Принять отъ тебя вѣру крещеную.-
 Принимаетъ онъ, Георгій храброй,
 Ту землю свѣтло-русскую

Подъ свой великѣ покровъ,
 Утверждаетъ вѣру крещеную
 По всей землѣ свѣтло-русской.

(Сказ. Сахарова II. 24—26).

См. Калѣки Безсонова. 2, 440.

Стихъ о «Егоріи Храбромъ» предлага-
 етъ грубую смѣсь церковныхъ сказаній съ
 поэтическими вымыслами, отзываются
 мифическою стариною. Устроение Русской
 земли Егоріемъ Храбрымъ—будто бы какой
 нибудь эпизодъ изъ космогонической поэмы о
 сотвореніи міра. Сестры Егорія въ словесной
 корѣ, вмѣсто тѣла, и обросшія ковыль-
 травою, вмѣсто волосъ, къ тому же пасу-
 щія волковъ—ни что иное, какъ мифическія
 чудовища, перешедшія въ легенду изъ дре-
 внѣйшихъ этическихъ преданій. Самъ басур-
 манскій царь представляется въ образъ ми-
 фическаго чудовища, которое кричитъ по
 звѣриному, шипитъ по змѣиному. По одно-
 му варианту, это чудовище, убитое Его-
 ріемъ, своею кровью производитъ потокъ,
 согласно съ скандинавскимъ мифомъ о пото-
 кѣ, происшедшемъ отъ крови убитыхъ ве-
 ликановъ.

Одолела кровь Георгія бусурманская, окали-
 нал;
 Столѣ онъ въ крови не по колѣмъ, не по
 полѣ,
 А столѣ онъ въ крови по бѣлы груди.

Потомъ, по моленію Егоріеу, разсту-
 пилась мать-сыра-земля и пожрала эту бу-
 сурманскую кровь.

Въ иныхъ вариантахъ смѣшеніе эпохъ и
 дѣлѣ доходитъ до того, что Егорій пред-
 ставляется русскимъ княземъ, сыномъ ка-
 кого-то Черниговскаго князя, взятымъ въ
 плѣнъ и мучимымъ отъ татарскаго хана.
 (Историч. Христ. Буслаева, стр. 1622).

Во всемъ этомъ стихѣ, сквозь мифиче-
 скій ликъ св. Георгія Храбраго, сквозь ми-
 фическія черты его богатырской, героическо-
 полубожеской дѣятельности, проглядываютъ
 некоторые смутныя отбѣлки историческія.
 Егорій Храбрый является намъ, въ народ-
 номъ воображеніи, героемъ-полубогомъ, ма-
 гичнымъ воздѣльвателемъ русской земли, на-
 чинаемъ, основателемъ ея физической

культуры, земского устройства⁽¹⁾. Для такого объяснения стиха мы имеем некоторые исторические основания. Из истории колонизации видим, что на обоих путях первоначального движения и расселения славянского племени по финскому северо-востоку, на систему волжско-камской или ростовско-суздальской и на систему полярно-балтийской или новгородской цивилизации, — Егорий Храбрый был признаваем русскими колонистами спутником и помощником в борьбе с суровой северо-восточной природой, с Чудью, с финским язычеством, а потом с XIII в. и с бусурманством. Поблдоносный Юрий Долгорукий, недаром носивший имя Храброго поблдоносца, первый неутомимый устроитель северо-восточной, волжской страны Великой Руси, — Юрий Долгорукий, именно, как изображаемый народным эпосом Егорий Храбрый, героически носился по русской земле, вдоль и поперек исходил ее, в течение своих 22 летних походов, от верховьев и до низовьев Волги, вдоль и поперек извдала всю львную и польскую землю. Раздвигая в ней лес и поле, он рубил леса, средоточия зверей и звероловной Чуды-Мери, и строил в полг свои знаменитые польские и загвские города — начатки гражданской культуры — Москву, Юрьев Польский, Юрьев Повольский, Дмитров, Переяславль Залесский, Косианк, Кострому, Галич Мерский, а по Татищевой летописи, и Ярославль, и еще некоторые другие города. Строя города и ставя в уздах их села, заботясь о распространении и утверждении христ. веры на финском севере, Юрий Долгорукий признавал своим сподвижником в борьбе с дикой, непочтой почти природой и с неврными финскими и другими племенами северной Руси, св. Георгия Храброго. Потому он любил в городах и селах, им устроенных, ставить первую церковь во имя Георгия Храброго. По свидетельству Никоновской летописи, он не только в городах, но и в нескольких селах построил церкви во имя Георгия поблдоносца. (Никон. II, 135 в д.). Точно также новгородцы, колонизуя северо-восточную финскую страну русской земли за увалами, в другой полярно-балтийской речной системе, также большую часть погостов назвали георгиевскими от церквей во имя св. Георгия Храброго. В этом всякий может увериться из Писцовых книг пятим и погостов новгородских. Мало того: путь новгородской колонизации среди дремучих

(1) По переводу Азбуковников XV в. Егорий — значит воздвигнутый.

лесах в северо-восточных землях «Блз глазоу Чудь» по рккь Сухолъ и ея притк камъ ознаменован в летописях новгородских даже особыми легендами о Георгии поблдоносце⁽¹⁾. На основании таких и торических фактов, мы позволяем себе догадку, что в стихе о Егории Храбром народный эпос выразил идею первоначального земского строения, физической культуры русской земли, идею могучей богатырской силы славянского племени в борьбе с лесом непроходимым, дремучим, с цылыми стадами зверей рысучих и рогатых, да с Чудью языческой, а с XIII века и с Татарами — бесерменами. Как Егорий Храбрый протарал себе путь до первого мля, поселил человеческого, через темные дремучие леса, через широкия ркки, через болота топучия, через стада лютых зверей и волков рысучих, через люты стада змыных; так и славянорусское плмя протарало себе пути колонизации в финском северо-востоке, сквозь темные дремучие леса, через зыбучия болота и топучие холмы, по широких рккам пробирался, с одной стороны в след за удалыми новгородскими молодцами, ушкуйниками и к стям — устроителями северо-поморской земли, с другой — по следам Храброго Юрия Долгорукого, неутомимого устроителя волжской земли. И когда народ русский, призвав на помощь Георгия Храброго, в основных частях, совершил первоначальную подготовительную физическую культуру архитектурно-обстройку и пограничную территориальную установку русско-земли путем покорения и собирания всей земли, путем волебно-народного перехода и колонизационного самоупроствя среди лесов непроходимых, среди финских и честию бесерменских племен — тогда для него наступил многозначительный в наших юридических актах Юрьев день, — памятный досель и в народной земледелческой истории и в народном физическом или сельско-хозяйственном дневнике — день Георгия Храброго. (А. П. Шапова: „Исторические очерки народн. мiросозерц. и суевiрiя“. Журн. Мин. Народ. Просв. 1863 г. кн. I отд. IV, стр. 26—30).

(1) Легенда рассказывает, что в полем XII в., в 27 верстах ниже ямбшного г. Никольска, на р. Югъ при впадении р. Молоковичи новгородские молодцы поселились на лвй стороне Юга против жилья Чудь. Когда Чудь дала несколько раз нападения на сльных пришельцев они молились св. Георгию, — и враги, видя явлен воинна на блем конь, грозящего им с кров часовни, каждый раз удалялись. Вологодск. губер Вд. 1843, № 11.

286. **Олегу Святославичу.**

Закатилось красное солнышко
 За горушки высокия, за моря широкія,
 Рассаждалися звѣзды частыя по свѣтлу небу:
 Порождаеся Вольга сударь Буслаевичъ
 На матушкѣ на святой Руси.
 Росъ Вольга Буслаевичъ до пяти годковъ,
 Пошелъ Вольга сударь Буслаевичъ по сырой

земли:
 Мать сыра земля сколыбалася,
 И звѣри въ лѣсахъ разбѣжались,
 И птицы по подоблачью разлетались,
 И рыбы по синю морю разметались.
 И пошелъ Вольга сударь Буслаевичъ
 Обучаться всякихъ хитростей, мудростей,
 И всякихъ языковъ различныхъ.

Будетъ Вольга семнадцати лѣтъ
 Прибираетъ дружину хоробрую:
 Тридцать молодцевъ безъ единого,
 Самъ Вольга былъ во тридцатыхъ.
 -Дружина, скаже, моя добрая, храбрая!
 -Слушайте большого братца, атамана-то:
 -Вейте веревочки шелковыя,
 -Становите веревочки во темну лѣсу,
 -Становите веревочки по сырой землѣ,
 -И ловите вы куницъ и лисицъ,
 -Дикихъ звѣрей и черныхъ соболей,
 -И ловить по три дня и по три ночи.
 -Слушали большого братца, атамана-то
 Дѣлали дѣло повеленое; и т. д.
 Не могли добыть ни одного звѣрка.
 Повернулся Вольга сударь Буслаевичъ левымъ

звѣремъ (львомъ),
 Покочилъ по сырой землѣ, по темну лѣсу,
 Заворачивалъ куницъ, лисицъ,
 И дикихъ звѣрей, черныхъ соболей,
 Большихъ поскакучихъ зайчешекъ,
 Малыхъ горностаюшекъ.

И будетъ во градъ во Кіевъ
 Со своею дружиною со доброю,
 И скажетъ Вольга сударь Буслаевичъ:
 -Дружинушка ты моя добрая, хоробрая!
 -Слушайте большого братца, атамана-то:
 -Вейте слышка шелковыя,
 -Становите слышка на темный лѣсъ,
 -На темный лѣсъ, на самый верхъ,
 -Ловите гусей, лебедей, ясныхъ соколей,
 -И малую птицу пташицу.
 -И ловите по три дни и по три ночи.
 И слушали большого брата, атамана-то,
 Дѣлали дѣло повеленое;
 Не могли добыть ни одной птички.
 Повернулся Вольга сударь Буслаевичъ Науи-

птицей, (*)

Полетѣлъ по подоблачью,
 Заворачивалъ гусей, лебедей, ясныхъ соколей,

(*) *Науи*, иначе *ноуи* или *ноа* является и въ другихъ произведеніяхъ: въ стихѣ о Егоріи Храбромъ и въ сказкѣ объ Александрѣ Македонскомъ.

И малую птицу пташицу.

И будутъ во городъ во Кіевъ,
 Скажетъ Вольга сударь Буслаевичъ:
 -Возьмите топоры дроворубные,
 -Стройте суденышко дубовое,
 -Вяжите путевья шелковыя,
 -Выѣжайте вы на синю море,
 -Ловите рыбу семжинку и бѣлужинку,
 -Щученьку и плотиченку,
 -И дорогую рыбку осетринку,
 -И ловите по три дни, и по три ночи.
 И слушали большого братца, атамана-то,
 Не могли добыть ни одной рыбки.
 Повернулся Вольга сударь Буслаевичъ рыбой

шучиною
 И побѣжалъ по синю морю,
 Заворачивалъ рыбу семжинку и бѣлужинку,
 Щученку и плотиченку,
 Дорогую рыбку осетринку.
 И будутъ во градъ, во Кіевъ.

И скажетъ Вольга сударь Буслаевичъ,
 -Дружина моя добрая, хоробрая,
 -Кого бы намъ послать во Турецъ-землю,
 -Провѣдати про думу, про царскую,
 -Что царь думы думаетъ,
 -Думаетъ ли ѣхать на Святую Русь?
 -Старого послать,—будетъ долго ждать;
 -А середняго послать-то,—виномъ запоятъ,
 -А малаго послать,—заиграется;
 -Будетъ, видно, Вольгѣ самому пойти!
 Повернулся Вольга сударь Буслаевичъ
 Малую птицею, пташицей,
 Полетѣлъ онъ по подоблачью.
 И скоро будетъ во Турецъ-землѣ,
 Будетъ у царя турецкаго,
 Противъ самыхъ окошечекъ,
 И слушаетъ онъ рѣчи тайныя,—
 Говоритъ царь со царицею:
 -Ай же ты, царица Цанталоновна!
 -Я знаю про то, вѣдаю:
 -На Руси-то трава растеть не по старому,
 -Цвѣты цвѣтутъ не по прежнему.
 -А видно, Вольги-тѣ живого пѣтъ.
 Гогоритъ царица Цанталоновна:
 -Ай же ты, царь, Турецъ-Санталъ!
 -На Руси трава все растеть по старому,
 -А ночесъ спалось,—во снахъ видѣлось:
 -Бывъ (будто) сподъ восточныя, сподъ сто-

ронушки
 Налетѣла птица, малая пташица,
 А сподъ западной сподъ сторонушки
 -Налетѣла птица черный воронъ;
 -Слетались они во чистомъ полѣ,
 -Промежду собой подиралися;
 -Малая-то птица пташица
 -Чернаго ворона повыклевала,
 -По перушку она повыщипала
 -И на вѣтеръ все повыпускала.
 Проговоритъ царь Турецъ-Санталъ:
 -Ай же ты, царица Цанталоновна!
 -А я думаю скоро ѣхать на Святую Русь,
 -Возьму я девять городовъ
 -И подарю своихъ девять сыновей,

-Привезу себѣ шубоньку дорогую.
 Говоритъ царица Панталоновна:
 -А не взять тебѣ деяти городовъ-,
 Проговоритъ царь Турецъ-Сандагъ:
 -Ахъ ты старый чортъ!
 -Сама спала, себѣ сонъ видѣла!
 И ударитъ онъ по бѣлу лицу,
 И повернется,—по другому, (по другой щекѣ)
 И кинетъ царицу о кирпичень полъ,
 И кинетъ ю во второй-то разъ:
 -А поѣду я на святую Русь-, и т. д.
 Повернулся Вольга сударь Буслаевичъ
 Малымъ горностаюшникомъ:
 Зашелъ во горницу во ружейную;
 И повернется онъ добромъ молодцемъ:
 И тугіе луки переломалъ,
 И шелковыя тетивочки перервалъ,
 И маленыя стрѣлы всѣ повыломалъ,
 И у оружей замочки повывертѣлъ,
 Въ боченочкахъ порохъ перезамилъ.
 Повернулся Вольга сударь Буслаевичъ стрымъ
 волкомъ:
 Покочилъ онъ на конюшенъ дворъ,
 Добрыхъ коней перервалъ,
 А глотки у всѣхъ у нихъ перервалъ.
 Повернулся Вольга сударь Буслаевичъ
 Малою птицею птищидей,—
 И будутъ во градѣ во Кіевѣ,
 Со своею со дружиною со доброю:
 -Дружина моя добрая, хоробрая!
 -Пойдемъ-те мы во Турецъ-землю!
 И пошли они во Турецъ-землю,
 И силу турецкую во полонъ брали.
 -Дружина моя добрая, хоробрая!
 -Станемъ-те теперь полону подѣлять!
 Что было надѣлу дорогого?
 Вострыя сабли по пяти рублей,
 А оружье булатное по шести рублей,
 А добрые кони по семи рублей.....

(Шьски Рыбников. I, 1—6).

287. Никула Соланиновичъ.

Молодой Вольга Святославовичъ
 Со своею дружинишкою хороброю
 Онъ поѣхалъ къ городамъ за получкою (да-
 нью).
 Выѣхалъ въ раздольице чисто-поле,
 Онъ услышалъ во чистомъ полѣ ратая:
 Ореть въ полѣ ратай, понукиваетъ,
 Сошка у ратая поскрипываетъ,
 Омъшички по камешкамъ почеркиваютъ. (1).
 Ъхалъ Вольга до ратая,
 День съ утра онъ до вечера,
 Со своею дружинишкою хороброю,

(1) Эта былина записана со словъ крестьяни-
 на Олонецкой губерніи, гдѣ почва, особенно въ нѣ-
 которыхъ мѣстахъ, совершенно каменистая.

А не могъ онъ до ратая доѣхать.
 Ъхалъ Вольга еще другой день,
 Другой день съ утра до вечера,
 А не могъ онъ до ратая доѣхать.
 Ореть въ полѣ ратай, понукиваетъ, и т. д.
 Ъхалъ Вольга еще третій день,
 Третій день съ утра до пабѣды,
 Наѣхалъ онъ въ чистомъ полѣ ратая:
 Ореть въ полѣ ратай, понукиваетъ,
 Съ края въ край бороздки пометываетъ;
 Въ край онъ уѣдетъ, другаго не видать;
 Коренья, каменья вывертываетъ,
 А великия-то всѣ каменья въ борозду валить;
 Кобыла у ратая соловая,
 Сошка у ратая кленовая,
 Гужики у ратая шелковыя,
 Говоритъ Вольга таковы слова:
 -Божья ти помочь, оратаюшко!
 -Орать, да пахать, да крестьянствовать,
 -Съ края въ край бороздки пометывать,
 -Коренья, каменья вывертывать!
 Говорилъ оратай таковы слова:
 -Подитко, Вольга Святославовичъ
 -Со своею со дружинишкою хороброю,
 -Мнѣ-ка надобна Божья помочь крестьянство-
 вати!
 -Далеко ль, Вольга, ѣдешь, куда путь дер-
 жинъ
 -Со своею со дружинишкою хороброю?
 -Ай же ты, ратаю, ратаюшко!
 -Ѣду къ городамъ за получкою
 -Ко первому городу ко Гурчевцу,
 -Ко другому ко городу къ Орѣховцу,
 -Ко третьему городу ко Крестьяновцу. (2).
 Говорилъ оратай таковы слова:
 -Ай же, Вольга Святославовичъ!
 -А недавно я былъ въ городни, третьяго дни,
 -На своей кобылкѣ соловой,
 -Увезъ я оттодь соли только два мѣха,
 -Два мѣха соли, по сороку пудъ.
 -И живутъ-то мужики все разбойники,
 -Они просятъ грошевь подорожныхъ;
 -А былъ я съ шалыгой (3) подорожною,
 -Платилъ имъ гроши подорожные:
 -Который стоя стоятъ, тотъ и сядя сидитъ,
 -А который сядя сидитъ, тотъ и лежа ле-
 житъ.

Говорилъ Вольга таковы слова:
 -Ай же оратай, оратаюшко,
 -Пойдемъ со мною въ товарищахъ!
 Этотъ оратай оратаюшко
 Гужики шелковеньки повыстегнулъ,
 Кобылку изъ сошки повывернулъ,

(2) Этими тремя городами показывалъ Олегъ
 Владиміръ стольно-кіевскій, безъ котораго дѣло не
 обходится ни въ одной былинѣ (кромѣ новгородскихъ):
 народная фантазія сдѣлала Олега племянникомъ Вла-
 димира.

(3) Шалыга — то же, что шелегуза: плеть
 съ обвязанной пудей, кистень.

Съли на добрыхъ коней, поѣхали.
 Говоритъ оратай таковы слова:
 «Ай же Вольга Святославовичь!
 «Оставилъ я сошку въ бороздочкѣ,
 «И не для—ради прохожаго, проѣзжаго,
 «А для—ради мужика деревенщины.
 «Какъ бы сошка съ земельки повыдернути,
 «Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнути
 «И бросить бы сошка за раки товъ кустъ?»
 Молодой Вольга Святославовичь
 Посылаетъ онъ съ дружинишки хоробрый
 Пять молодецвъ могучиныхъ,
 Чтобы сошку съ земельки повыдернули,
 Пять молодецвъ могучиныхъ
 Приѣхали къ сошкѣ кленовая:
 Они сошку за обжи вокругъ вертять,
 А не могутъ сошки съ земельки повыдернуть,
 Молодой Вольга Святославовичь
 Посылаетъ онъ цѣлыми десяточкомъ:
 Оны сошку за обжи вокругъ вертять;
 Сошки отъ земли поднять нельзя,
 Посылалъ онъ всю дружинишку хоробрую,
 А не могутъ сошки съ земельки повыдер-
 нути,

Подѣхалъ оратай-оратаюшко
 На своей кобылкѣ соловенкой.
 Ко этой ко сошкѣ кленовой:
 Бралъ-то онъ сошку одной рукой,
 Сошку съ земельки повыдернулъ,
 Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнулъ,
 Бросилъ сошку за раки товъ кустъ.
 Съли на добрыхъ коней, поѣхали.
 Оратай кобылка то рысью идетъ,
 А Вольгинъ—отъ конь и посканиваетъ;
 У оратай кобылка—то грудью пошла,
 А Вольгинъ—отъ конь остается.
 Сталъ Вольга тутъ покривати,
 Колпакомъ Вольга сталъ помахивати:
 «Постой-ка ты, ратай, ратаюшко!
 «Этая кобылка конькомъ бы была,—
 «За эту кобылку пятьсотъ бы дали.»
 Говорилъ оратай таковы слова:
 «Глупый Вольга Святославовичь!
 «Взялъ я кобылку жеребчикомъ сподъ ма-
 тушки
 «И заплатилъ за кобылку пятьсотъ рублей:
 «Этая кобылка конькомъ бы была,—
 «За эту кобылку смѣты бы нѣтъ.»
 Говорилъ Вольга Святославовичь:
 «Ай же ты, ратаю-ратаюшко!
 «Какъ то тебя именемъ зовуть,
 «Какъ звеличаютъ по отчеству?»
 Говорилъ оратай таковы слова:
 «Ай же, Вольга Святославовичь!
 «А я ржи напашу, да во скирды сложу,
 «Во скирды складу, домой выволочу,
 «Домой выволочу, на дома выволочу,
 «Драни надеру, да и пива наварю,
 «Шива наварю, да и мужиковъ напою.
 «Станутъ мужички меня покликивати:
 «Молодой Микулушка Селянинновичь!»

(Письма Рыбников. I, 18—22).

288. Садко богатый.

Сначала Садко былъ бѣденъ; да успѣлъ онъ иг-
 рать на гуселкахъ яровчатыхъ. Но вотъ три дня
 сразу не зовутъ его съ гуслями на пиръ; Садко
 идетъ къ Ильмень-озеру и начинаетъ играть на бе-
 регу. Изъ воды показывается царь морской, и въ
 награду за удовольствіе, доставленное ему игрою
 Садка, предлагаетъ ему биться съ купцами новгород-
 скими о великѣмъ закладѣ, что въ Ильмень водится
 рыба-золотыя перья.

Идетъ Садко отъ озера, зовутъ его съ гуслями
 на пиръ, начинаетъ онъ играть, да хвастаетъ, что
 есть рыба-золотыя перья въ Ильмень-озерѣ. Бьются
 съ нимъ объ закладѣ: онъ закладываетъ буйну голу-
 ву, трое купцовъ—каждый по три лавки товара кра-
 снаго. Закладываетъ Садко шелковый неводъ, добыва-
 етъ три рыбки-золотыя перья, и выигрываетъ де-
 вять лавокъ съ товаромъ краснымъ. Начинаетъ Сад-
 ко торговать и идетъ къ нему барыши великіе.

Тогда онъ зоветъ къ себѣ за пиръ Новгород-
 цевъ.

Говорятъ настоятели новгородскіе:

«Что же у насъ Садко ничѣмъ не похваста-
 етъ,
 «Что у насъ Садко ничѣмъ не похваляется?»
 Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
 «А чѣмъ мнѣ Садку хвастаться,
 «Чѣмъ мнѣ, Садку, похвалитися?
 «У меня—ль золота казна не тощится,
 «Цвѣтно платьице не носится,
 «Дружина хоробрая не измѣняется,
 «А похвастать не похвастать безсчетной зо-
 лотой казною:

«На свою безсчетну золоту казну.
 «Повыкуплю товары новгородскіе,
 «Худые товары и добрые.»
 Не успѣлъ онъ слова вымолвить,
 Какъ настоятели новгородскіе
 Ударили о великѣмъ закладѣ,
 О девежкахъ тридцати тысячахъ.
 Какъ повыкупить Садку товары новгородскіе,
 Что-бы въ Новгородѣ товаровъ въ пролажѣ
 богъ не было.

Ставалъ Садко на другой день ранымъ рано,
 Будилъ свою дружину хоробрую,
 Безъ счета давалъ золотой казны,
 И распуцалъ дружину по улицамъ торго-
 выимъ,

А самъ-то прямо шелъ въ гостинный рядъ,
 Какъ повыкупилъ товары новгородскіе
 На другой день ставалъ Садко ранымъ рано,
 и т. д.

Вдвойнѣ товаровъ привавезено,
 На тую на славу на великую Новгородскую.
 Опять выкупалъ товары Новгородскіе.
 На третій день ставалъ Садко ранымъ-рано,
 и т. д.

Втройнѣ товаровъ привавезено,
 Подоспѣли товары московскіе

На тую на великую на славу новгородскую.
 Какъ тутъ Садко пораздумался:
 - Не выкупить товара со всего бѣла свѣта:
 - Еще повыкуплю товары московскіе,—
 - Подоспѣютъ товары заморскіе.
 - Не я, видно, купецъ богатъ новгородскій,
 - Побогаче меня славный Новгородъ.
 Проигралъ свой закладъ Садко, да не по чьей
 ему!

На свою безсчетную казну выстроилъ Садко
 тридцать кораблей, нагрузилъ ихъ товарами, по-
 плылъ Волховомъ въ Ладожское озеро, изъ Ладож-
 ского озера Невомъ въ синее море, продавалъ товары
 новгородскіе и получалъ огромные барыши. На воз-
 вратномъ пути поднимается страшная буря: мы еще
 никогда не платили дани морскому царю, говорятъ
 Садко, и спускаетъ въ море бочку серебра. Но буря
 не унимается. Тогда бросаютъ яребій, кому быть
 выброшену въ море—живою данью морскому царю;
 яребій выпадаетъ самому Садко. Онъ лижетъ на ко-
 раблѣ духовную—часть вѣнныя жемчуга, часть цѣрквамъ
 Господинимъ, часть нищей братіи. Его сажаютъ на
 доску и спускаютъ съ доскою на воду; Садко беретъ
 гусли съ собою. Онъ засыпаетъ на доскѣ,

Проснулся Садко во синемъ морѣ,
 Во синемъ морѣ на самомъ днѣ.
 Сквозь воду увидѣлъ пѣкучись красное сол-
 нышко,

Вечернюю зорю, зорю утреннюю.
 Увидѣлъ Садко во синемъ морѣ
 Стоить палата бѣлокаменная,
 Заходитъ Садко въ палату бѣлокаменную:
 Сидитъ въ палатѣ царь морской,
 Голова у царя какъ куча сѣнная.
 - Ай же ты, Садко купецъ, богатый госты!
 - Вѣкъ ты, Садко, по морю ѣзживалъ,
 - Миѣ царю дани не плачивалъ,
 - А нонь весь пришелъ ко миѣ во подароч-
 кахъ.
 - Скажутъ, мастеръ играть въ гусельки яров-
 чаты;
 - Пойграй же миѣ въ гусельки яровчаты!
 Какъ началъ играть Садко въ гусельки яров-
 чаты,
 Какъ началъ плясать царь морской въ синемъ
 морѣ,

Какъ расплясался царь морской.
 Игралъ Садко сутки, игралъ и другіе,
 Да игралъ еще Садко и третью,
 А всѣ пляшетъ царь морской въ синемъ
 морѣ,
 Во синемъ морѣ вода восколыбалася,
 Со желтымъ пескомъ вода смутилася,
 Стало разбивать много кораблей на синемъ
 морѣ.

Стало много гинуть имѣнницевъ,
 Стало много тонуть людей праведныхъ;
 Какъ сталъ народъ молиться Миколаи Можай-
 скому,

Какъ тронуло Садко въ плечо во правое:
 „Ай же ты Садко новгородскій!
 „Полно играть въ гусельки яровчаты!“
 Обернулся—глядитъ Садко Новгородскій:
 Ажно стоитъ старикъ сѣдатый.
 Говорилъ Садко Новгородскій:
 „У меня воля не своя во синемъ морѣ,
 „Приказано играть въ гусельки яровчаты.“
 Говоритъ старикъ таковы слова:
 „А ты струночки повырывай,
 „А ты шпенечки повыломай.
 „Скажи—у меня струночекъ не случилось,
 „А шпенечковъ не пригодилося,
 „Не во что больше играть:
 „Приломался гусельки яровчаты.“

Садко исполняетъ приказаніе Миколаи Можайска-
 го. Тогда царь морской предлагаетъ ему жениться
 въ синемъ морѣ; онъ также, по совѣту Миколаи, не-
 ресматриваетъ въ три приѣма до 900 красавицъ и
 выбираетъ въ невесты девятьсотъ-первую. Садко
 празднуетъ свадьбу на днѣ морскомъ, а за ночь Ми-
 кола Можайскій переноситъ его съ женой въ Нов-
 городъ, и онъ изъ благодарности строитъ церковь
 Миколаи.

(Пѣсни Рыбник. I, 370—380)

О Садкѣ можно читать въ Сѣвернорус. Наро-
 допр. Костомарова.

В. СТАТЬИ ИЗ НОВЫХ СОЧИНЕНИЙ.

289. Торговля въ древней Руси.

Народы, изъ коихъ составлялось государство российское, и до пришествія Варяговъ имѣли уже нѣкоторую степень образованія: ибо самые грубые Древляне жили отчасти въ городахъ; самые Вятичи и Радимичи, Варвары по описаніи Нестору, издревле занимались хлѣбопашествомъ. Вѣроятно, что они пользовались и выгодами торговли, какъ внутренней, такъ и внешней, но мы не имѣемъ никакого историческаго объ этомъ свѣдѣнія. Первые извѣстія о нашихъ купечествѣ относятся уже ко временамъ варяжскихъ князей: договоры ихъ съ Греками свидѣтельствуютъ, что въ X вѣкѣ жило множество Россіянъ въ Царѣградѣ, которые продавали тамъ невольниковъ и покупали всякія ткани. Зѣфирная лодья и пчеловодство доставляли имъ множество воску, меду и драгоценныхъ шѣховъ, бывшихъ, вмѣстѣ съ невольниками, главнымъ предметомъ ихъ торговли. Константинъ Багрянородный пишетъ, что въ Хазарію и въ Россію шли тогда изъ Царяграда пурпуръ, богатая одежда, сукна, сафьянъ, перецъ: къ сему товарамъ, по извѣстію Нестора, можно прибавить вино и плоды. Ежегодное путешествіе российскихъ купцовъ въ Грецію описываетъ Константинъ слѣдующимъ образомъ: «Суда ихъ приходятъ въ Царѣградъ изъ Новгорода, Смоленска, Любеча, Чернигова и Вышегорска; подвластные Россамъ Славяне, Кри-

влячи, Лучане и другіе, зимою рубятъ дѣсь на горахъ своихъ и строятъ лодки, называемыя *монокзмля* (однодеревки), ибо онѣ дѣлаются изъ одного дерева. По вскрытіи Днѣпра, Славяне приплываютъ въ Кіевъ и продаютъ онѣмъ Россіанамъ, которые дѣлаютъ уключины изъ старыхъ лодокъ и весель. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ собирается весь российский флотъ въ городкѣ Витичевѣ, откуда плетъ уже къ порогамъ. Дошедши до четвертаго и самаго опаснаго, то есть, Носытя, купцы выгружаютъ товары и ведутъ скотовыхъ невольниковъ около 6000 шаговъ берегомъ. Печенѣги ожидаютъ ихъ обыкновенно за порогами, близъ такъ называемаго Крарійскаго перевоза (гдѣ Херсонцы, возвращаясь изъ Россіи, переправляются чрезъ Днѣпръ). Отразивъ сихъ разбойниковъ, и доплывъ до острова св. Григорія, Россіане приносятъ богамъ своимъ жертву благодарности, и до самой рѣки Селны, которая есть рукавъ Дуная, не встрѣчаютъ уже никакой опасности; но тамъ, ежели вѣтромъ прибьетъ суда ихъ къ берегу, они снова должны сражаться съ Печенѣгами, и наконецъ, миновавъ Ковопу, Константинъ, также устье болгарскихъ рѣкъ, Варны и Дщины, достигаютъ Месшаріи, перваго греческаго города. «Сія торговля безъ сомнѣнія весьма обогащала Россіянъ, когда они для ея выгодъ отваживались на столько опасностей и трудовъ, и когда она была предметомъ всякаго ихъ мирнаго договора съ имперією. Они ходили и

судахъ не только въ Болгарію, въ Грецію, Хазарію или Тавриду, но, если вѣрить Константину, и въ самую отдаленную Сирію. Черное море, покрытое ихъ кораблями, или, справедливѣе сказать, лодками, было названо *Русскимъ*. Но цареградскіе купцы едвали ѣздили черезъ пороги днѣпровскіе; одни, кажется, Херсонцы торговали въ Кіевѣ. Печенѣги, всегдашніе грабители нашего древняго отечества, имѣли съ нимъ также и мирныя торговыя связи. Будучи народомъ кочующимъ и скотоводнымъ, подобно нынѣшнимъ Киргизамъ и Калмыкамъ, они продавали Россіянамъ множество азіатскихъ коней, овецъ и быковъ; но Константинъ къ сему извѣстію прибавляетъ явную ложь, сказывая, что въ Россіи не было прежде ни лошадей, ни скота рогатаго. Волжскіе Болгары, по сказанію Эбнъ-Гаукаля, арабскаго географа X вѣка, доставали отъ насъ шкуры черныхъ кунницъ или скляскихъ соболей; но сами не ѣздили въ Россію, будто бы для того, что въ ней убивали всѣхъ иноземцевъ. О торговлѣ древнихъ Россіянъ съ народами сѣверными находимъ любопытныя и достовѣрныя извѣстія въ скандинавскихъ и нѣмецкихъ лѣтописцахъ. Средоточіемъ ея былъ Новгородъ, гдѣ со временъ Рюриковыхъ поселились многіе Варяги; дѣятельные въ морскомъ грабежѣ и купечествѣ. Тамъ Скандинавы покупали драгоцѣнныя ткани, домовыя приборы, царскія одежды, шитыя золотомъ, и мягкую рудядь. Первые не могли быть собственнымъ руководѣіемъ нашихъ предковъ: вѣроятно, что они покупали сіи богатыя одежды и ткани въ Царьградѣ, куда, по сказанію Несторову, ѣзжали Новгородцы еще въ Олеговы времена. Въ славной Виннетѣ и другихъ балтійскихъ городахъ находились купцы російскіе. Мы знаемъ, что Ливонія завистела отъ Владиміра: тамъ ежегодно бывали многочисленныя ярмонки, собирались весною норвежскіе и другіе купцы, покупали не-

вольниковъ, мѣха и возвращались въ отечество не прежде осени. Торговля наша столь уже славилась богатствомъ на Сѣверѣ, что лѣтописцы сего времени обыкновенно называютъ Россію страной, изобильною всѣми благами, *omnibus bonis affluentem*. Вѣроятно, что великіе князья, слѣдуя примѣру скандинавскихъ владѣтелей, сами участвовали въ выгодахъ народной торговли для умноженія своихъ доходовъ. Государственная подать въ IX и X вѣкѣ состояла у насъ болѣе въ вещахъ, нежели въ деньгахъ. Изъ разныхъ областей Россіи ходили въ столицу обозы съ медомъ и шкурами, или съ оброкомъ княжескимъ—что называлось: возить повозъ. Слѣдственно казна изобиловала товарами и могла отпускать ихъ въ чужія земли. Россіане, подобно Норманамъ, соединяли торговлю съ грабежомъ. Извѣстно, что они славилась морскими разбойни въ окрестностяхъ Меларскаго озера, и что желѣзныя цѣпи при Стокхундѣ (гдѣ нынѣ Стокгольмъ) не могли удерживать. Требованіе Грековъ въ договорѣ съ Игоремъ, чтобы всѣ переходцы російскіе предъявляли отъ своего князя письменное свидѣтельство о мирномъ ихъ намѣреніи, имѣло безъ сомнѣнія важную причину: тутъ, кажется, что нѣкоторые Россіане подъ видомъ купечества выѣзжали грабить на Черное море; а послѣ, вмѣстѣ съ другими, приходили свободно грабить въ Царьградъ. Надобно было отличить истинныхъ купцевъ отъ разбойниковъ.

(Ист. госуд. рос. Н. М. Карамзина I, стр. 244—49).

290. Объ имуществахъ духовенства.

Значительность владѣній духовенства не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; они

была поразить всякого, кому только прочитывать, или перечитывать наши собрания юридических и ских актов. Эти владѣнія были случайно разнообразны и въ рушего духовенства сосредоточивались ное время, недвижимыя имущества рода. Въ числѣ этихъ разнородушествъ особеннаго вниманія, часвоей многочисленности, частію льности ихъ для духовенства, заотъ слѣдующія: 1 *дома, дворы рья*, которыми многіе монастыри въ разныхъ мѣстахъ, особенно въ пунктахъ. 2, *разныя хозяйствя строенія и заведенія*: амбатици для хранения монастыршпасовъ и товаровъ, гостинныя авки, харчевни и бани, которырежнія времена, когда духовендозволялось заниматься торговлей, въ городахъ и посадахъ духовныя и лица, мельницы, соляныя вардругія сельско-хозяйственныя за3, *земли населенныя съ ихъ можностями*, пустоши и порозга, лѣса, пожни и сѣнокосы, лутбища, бобровыя и бортыя ухора, рѣки и болота. Для многихъ рыбныя ловли составляли исключе средство содержанія. Кроме тоуховныхъ заведеній пользовались производить рыбную ловлю въ чудахъ и въѣзжать въ княжескіе и лѣса для рубки дровъ. 4, *земли чья*, села, деревни, починки, слосады и даже города.

ества находились главнымъ обрадвладѣніи высшихъ сановниковъ и знаменитыхъ монастырей; кже имущества у церквей и у ихъ лицъ бѣлаго и чернаго духо-

Уваженіе нашихъ предковъ къ и жизни, постриженіе князей и нь и другихъ богатыхъ лицъ, а і построеніе ими монастырей,—

влекло за собою матеріальное обезпеченіе ихъ. Желаніе быть погребеннымъ въ монастырѣ не оставалось безъ вліянія на его обогащеніе; а уваженіе и довѣренность, которыми пользовались многіе члены монашескаго сословія у князей и частныхъ лицъ, давали первымъ возможность заботиться съ успѣхомъ объ увеличеніи богатства тѣхъ обитателей, къ которымъ они принадлежали. Надо замѣтить и то, что для людей, старавшихся обезпечить поминновеніе, а слѣдов. спасеніе своей души, монастыри имѣли особенную важность, п. ч. всего болѣе дѣйствительности и силы можно было ожидать отъ такихъ молитвъ, которыя возносились цѣлымъ собраніемъ людей, отказывавшихся отъ міра и часто прославившихся святостью своей жизни. Понятно, что какъ правительство, такъ и частныя лица были гораздо щедрѣе къ обителямъ, прославившимся подвигами своихъ основателей, чистотою жизни ихъ преемниковъ, самою древностію своей,—чѣмъ къ монастырямъ, недавно возникшимъ и малозвѣстнымъ. Нѣкоторые изъ обителей различными услугами, оказанными правительству, приобрѣли себѣ право на особенную благосклонность и щедрость. Наконецъ, къ пожалованію вотчинъ извѣстнымъ монастырямъ преимущественно предъ другими, содѣйствовало иногда и то обстоятельство, что монастыри эти основаны были въ честь тѣхъ святыхъ, къ которымъ дарители чувствовали особенное уваженіе и довѣренность.

По всемъ этимъ причинамъ, въ то самое время, какъ нѣкоторые монастыри владѣли многочисленными вотчинами въ различныхъ областяхъ,—многіе монастыри имѣли едва по сотнѣ крестьянъ, а нѣкоторые, вовсе не получивъ населенныхъ вотчинъ, разработывали сами принадлежавшія имъ пустоши, состояли на ругѣ или же содержались добровольными приношеніями мѣстныхъ жителей, находясь въ весь-

да незавидномъ и крайне бѣдномъ положеніи.

Кромѣ монастырей и домовъ архіерейскихъ, участіе въ поземельномъ владѣніи принимали еще церкви *соборныя и приходскія*. Первые владѣли богатыми вотчинами съ самыхъ древнихъ временъ; а послѣднія рѣдко владѣли землями и еще рѣже населенными. Содержаніе приходскихъ церквей, въ большей части случавъ, было не обезпечено, и бѣлое духовенство было очень бѣдно. Всѣ виды церковнаго имущества составляли не частную, но общественную собственность духовенства; они принадлежали не лицамъ, но архіерейскимъ домамъ, монастырямъ и церквамъ. На ряду съ ними существовали, однакоже, хотя и въ несравненно меньшемъ числѣ, такого рода имущества, которыми владѣли, какъ собственностію отдѣльною, лица бѣлаго и чернаго духовенства.—Недвижимыя имущества духовенства состояли иногда *въ оброчномъ*, а частью *въ помѣстномъ* владѣніи; но бол. частию *въ пожизненномъ* и составляли его *вотчину*, т. е. принадлежали ему на правахъ полной собственности, п. ч. жертвователи посвящали свои дары Богу на вѣчныя времена.

Разнообразныя и значительныя привилегіи, которыми пользовалось наше духовенство въ древнее время, не похожи на тѣ преимущества, какія существовали въ Греціи, хотя обычай жертвовать духовенству привилегіи и перешелъ въ Россію изъ Греціи. Въ Греціи они основывались, по бол. части, на общихъ узаконеніяхъ и распространялись одинаково на все духовенство. Въ Россіи, совершенно напротивъ, основаніемъ имъ служили не общіе законы (за исключеніемъ устава о церковныхъ судахъ и ханскихъ ярлыкахъ), а частныя грамоты; сила же ихъ распространялась не на все духовенство, а только на тѣ монастыри и церкви, которымъ они именно были предоставлены.

Самыя права духовенства, по владѣнію недвижимыми имуществами, были весьма разнообразны: часто одинъ монастырь въ одной вотчинѣ пользовался обширными привилегіями, а въ другой не имѣлъ никакихъ. Объемъ правъ зависѣлъ отъ содержанія *жалованныхъ* грамотъ, которыя назывались и *тарханами* (1); онѣ опредѣляли подробно и точно эти права.

Жалованныя грамоты монгольскихъ хановъ или *ярлыки*, по большей части, заключали въ себѣ слѣдующія привилегіи и льготы: 1, Признаніе свободы вѣроисповѣданія и неприкосновенности всѣхъ зданий и вещей, служащихъ для богослуженія. 2, Общее признаніе неприкосновенности церковныхъ имуществъ и запрещеніе вѣсть лицамъ, подчиненнымъ ханамъ Золотой орды, нарушать вещественныя права церкви, какими бы то ни было образомъ. 3, Освобожденіе духовенства отъ всѣхъ податей и повинностей. 4, Признаніе за митрополитомъ права судить все духовенство и управлять безотчетно церковнымъ имуществомъ. 5, Льгота отъ податей, которая распространяема была въ ярлыкахъ не только на лицъ духовнаго званія, но и на членовъ ихъ семейства, жившихъ съ ними въ одномъ домѣ.

Жалованныя грамоты князей, княгивъ и другихъ лицъ давали духовенству слѣдующія права и преимущества: 1, Право призывать на свои земли людей для заселенія. 2, Освобожденіе духовенства и крестьянъ его отъ податей и повинностей. 3, Право занимать, вмѣсто мрзительства, извѣстныя подати съ извѣстныхъ лицъ. 4, Особыя преимущества относительно порядка вноса податей. 5, Освобожденіе владѣльцевъ духовнаго званія и ихъ приказчиковъ отъ подсудимо-

(1) У Татаръ *тарханомъ* назывался человекъ, освобожденный отъ всѣхъ повинностей, назначаемыхъ царемъ, и необязанный дѣлиться съ нимъ полученною на войнѣ добычею.

сти мѣстнымъ властямъ, свѣтскимъ и духовнымъ: 6, Предоставленіе владѣльцамъ права суда и расправы надъ людьми, поселенными на ихъ земляхъ. 7, Правомъ особыхъ приставовъ по суднымъ дѣламъ. 8, Назначеніе особыхъ сроковъ, въ которые только можно было ихъ призывать къ суду. 9, Освобожденіе крестьянъ духовнаго вѣдомства отъ законной отвѣтственности за смертные случаи, происходившіе въ ихъ селахъ. 10, Право монастырей держать собственное пятно для покупки и продажи лошадей и брать за это пошлины. 11, Запрещеніе княжескимъ чиновникамъ въѣзжать въ села духовнаго вѣдомства, ставиться въ нихъ и брать насильственно кормы, подводы и проводниковъ. 12, Запрещеніе незванымъ ѣздить въ монастырскія села на шеры и братчины. 13, Запрещеніе попрошатамъ и скomorохамъ ѣздить въ монастырскія села. Кромѣ этихъ существенныхъ привилегій, въ грамотахъ находились нѣкоторыя частныя преимущества, которыя предоставлялись монастырямъ по поводу случайныхъ и временныхъ обетоятельствъ. Жалованныя грамоты духовныхъ властей, митрополитовъ и архіепископовъ, давались монастырямъ и церквамъ: власти освобождали ихъ отъ податей и повинностей, которыя шли въ пользу епархіальнаго начальства, или освобождали отъ подсудности духовныхъ властей.

Доходы, которые получались духовными властями и монастырями съ ихъ населенныхъ мѣстъ, съ подвѣдомственныхъ имъ крестьянъ, одни шли частнымъ характеръ и состояли изъ *оброковъ и личныхъ повинностей*, опредѣлявшихся обычаями и договорами, другіе уступлены были государствомъ, а именно: *пошлины, судебныя, пятенныя, таможенныя, полярныя* и проч. Крестьяне обязаны были исполнять все монастырскія издѣлія въ хозяйственномъ и промышленномъ от-

ношеніяхъ. *Расходы* духовенства были двоякаго рода: предметомъ однихъ были частныя нужды временныхъ владѣльцевъ церковнаго имущества; предметомъ другихъ—постоянныя общественныя нужды церкви и государства. Все расходы перваго рода шли на одинъ предметъ, на обезпеченіе содержанія самихъ служителей церкви и ихъ штата и прислуги. Во второмъ случаѣ издержки шли на богослуженіе, сооруженіе, сохраненіе, украшеніе зданій церковныхъ и монастырскихъ, на благотвореніе бѣднымъ нищимъ и на другія пособія народу. Духовенство обязано было доставлять поматы и исправлять повинности въ пользу государства, которыя были весьма многочисленны и разнообразны. Такъ оно уплачивало подати, какъ и все владѣльцы мѣстъ, иногда вносило особый оброкъ въ замѣнъ повинностей, отъ которыхъ освобождено было тарханскими грамотами; архіерей и монастыри дѣлали добровольныя приношенія въ пользу правительства; духовенство обязано было ставить даточныхъ людей въ случаѣ войны, доставлять пошлины въ пользу епархіальнаго начальства и т. под. При богатствѣ нѣкоторыхъ духовныхъ завѣщаній и при той благоразумной распорядительности, которою отличались нѣкоторые изъ архіереевъ и игуменовъ, весьма понятно, что въ монастырской казнѣ оставалась часто, за покрытіемъ всехъ нужныхъ издержекъ, лишнія суммы. Суммы эти употреблялись иногда для расходовъ, которые можно назвать производительными и которые шли цѣлью увеличенія богатства и доходовъ монастыря или церкви. Сюда могутъ быть отнесены расходы на покупку новыхъ вотчинъ, на содержаніе разныхъ хозяйственныхъ зданій и вообще на поддержаніе и улучшеніе монастырскаго, или церковнаго хозяйства. Вообще доходы превосходили нѣсколько разъ пожертвованія, которыя требовались отъ духовенства въ древнее время.

Въ прохожденіи и быстромъ увеличеніи церковныхъ имуществъ надо видѣть не случайное, но исторически необходимое явленіе, происшедшее изъ дѣйствительныхъ *потребностей* прежняго общества и вполне соответствовавшее тѣмъ особымъ религиознымъ идеямъ, которыя господствовали въ жизни нашихъ предковъ. Одно объясненіе причинъ, побуждавшихъ князей и народъ древней Руси къ одаренію вотчинами монастырей и церквей, уже достаточно для того, чтобъ оправдать существованіе церковныхъ имуществъ и раскрыть историческую необходимость, а слѣдовательно и разумность этого явленія. Къ тому же самому заключенію приводятъ насъ и разсмотрѣніе тѣхъ особенныхъ, религиозныхъ, хозяйственныхъ и политическихъ послѣдствій, которыми сопровождалось *скопленіе* недвижимыхъ имуществъ въ рукахъ духовенства и присвоеніе этому сословію обширныхъ вотчинныхъ правъ. Изученіе этихъ послѣдствій показываютъ намъ, что имущества церковныя имѣли свое историческое значеніе, что они въ свое время принесли значительную пользу какъ церкви, такъ и государству, и что въ ихъ существованіи заключалось единственное средство достигнуть многихъ важныхъ и необходимыхъ для тогдашняго общества цѣлей. Во всемъ этомъ мы легко убѣдимся, если только взглянемъ ближе на важнѣйшія изъ послѣдствій, которыми сопровождалось существованіе этихъ имуществъ.

Первое и, безъ сомнѣнія, самое важное, самое благотѣльное изъ этихъ послѣдствій состояло въ томъ, что церковныя имущества, обезпечивъ содержаніе духовенства, упрочили тѣмъ самымъ существованіе церкви, а слѣдовательно утвердили и самое господство христіанства въ нашемъ отечествѣ. Нѣтъ ничего легче, какъ убѣдиться въ томъ, что церковныя имущества дѣйствительно содѣйствовали во многомъ достиженію этого важнаго итога:

стоитъ только вспомнить, что распространеніе христіанства въ Россіи было бы не возможно безъ существованія особаго духовнаго сословія, что существованіе этого сословія было бы не возможно, въ свою очередь, безъ назначенія ему особыхъ и достаточныхъ средствъ содержанія, и что, наконецъ, никакихъ другихъ средствъ содержанія, кромѣ недвижимыхъ имуществъ, назначить въ тѣ времена было нельзя, во самому существу первоначальныхъ хозяйственныхъ и финансовыхъ отношеній. Надо вспомнить еще, что доходовъ съ вотчинъ, предоставленныхъ во владѣніе служителямъ церкви, доставало не только для безбѣднаго ихъ состоянія, но и для множества другихъ расходовъ, между которыми одно изъ первыхъ мѣстъ, какъ мы уже замѣтили, принадлежало расходамъ на построеніе или украшеніе монастырей, церквей и другихъ богослуженныхъ зданій. Такимъ образомъ недвижимыя имущества, предоставленныя духовенству, обезпечивая его содержаніе и освобождая отъ необходимости *сиски* вать себѣ пропитаніе тяжкими трудами, доставляли ему возможность, съ одной стороны, посвящать себя исключительно прямымъ своимъ обязанностямъ, съ другой—распространять постоянно число своихъ членовъ, а слѣдовательно вмѣстѣ съ этимъ и господство христовой вѣры. Притомъ назначеніе духовному сословію такого прочнаго и самостоятельнаго источника дохода, какими были недвижимыя имущества, было важно и въ томъ отношеніи, что ставило служителей церкви въ совершенно независимое положеніе относительно ихъ паствы, а тѣмъ значительно возвышало въ глазахъ народа ихъ значеніе и вѣсъ. Таковы были прямыя послѣдствія существованія церковныхъ имуществъ! Но косвенныя его послѣдствія были еще значительнѣе, п. ч. они состояли во всѣхъ тѣхъ религиозныхъ и гражданскихъ послѣдствіяхъ, которыми сопровождалось въ

и, какъ и во всѣхъ другихъ государствахъ, утверждение христіанской вѣры. Распространяться о важности этихъ дѣйствій мы считаемъ совершенно безвѣрнымъ; замѣтимъ только, что церковныя имущества непосредственнымъ образомъ содѣйствовали ихъ осуществленію, безъ нихъ, въ первыя времена, и существованіе духовнаго сословія было невозможно. Въ этомъ отношеніи можно сказать, что еслибъ не имущества поставившія духовенство съ самаго начала въ безвѣдное и независимое положеніе, то, безъ сомнѣнія, церковь русская не могла бы ни выполнить съ такимъ усердіемъ своего религіознаго призванія, ни повести на смягченіе нравовъ, ни распространить и успѣхи гражданственнаго благотѣльнаго вліянія, производимаго оно всегда и вездѣ. Изъ этого мало. Въ послѣдствіяхъ, назначенныхъ, заключалось главное, по единственному назначенію церковныхъ земель. Существованіе ихъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ принесло несомнѣнную пользу. Такъ, напримѣръ, на развѣтываніе и улучшеніе *народнаго хозяйства* имущества эти имѣли вліяніе самое благотѣльное, которое можетъ быть приписано къ числу полезнѣйшихъ послѣдствій существованія. Духовенству достались по большей части земли, сохранившія тотъ самый видъ, въ какомъ они вышли изъ рукъ природы. Первоначальной неустроенности экономическихъ отношеній, при воинственномъ направленіи тогдашняго общества, отсутствіи личной и вещественной безопасности, — слѣдствіи гражданскаго неурядища и безпрестанныхъ войнъ, внутреннихъ и внешнихъ, земли эти, по всей вѣроятности, никогда бы не вышли изъ о первобытнаго состоянія, если бы не попали въ руки духовенства, которое усердно занялось ихъ заселеніемъ и обработкою. Къ этому побуждали его

собственная выгода и необходимость извлекать какую—нибудь пользу изъ имущества, которыя сами по себѣ составляли только мертвый, бесплодный капиталъ. При томъ владѣльцы духовнаго званія скорѣе всѣхъ другихъ могли взяться за подобное предпріятіе и совершить его съ успѣхомъ: они находились въ этомъ отношеніи въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ всѣ другія сословія. Съ одной стороны, они имѣли несравненно болѣе образованія и были гораздо менѣ отвлекаемы посторонними занятіями, нежели другіе классы народа; съ другой—они спокойнѣе и безопаснѣе другихъ владѣли своими вотчинами, и менѣ всѣхъ терпѣли отъ главнаго бѣдствія тѣхъ временъ, отсутствія личной и вещественной безопасности. Князья, въ своихъ непрерывныхъ раздорахъ, оказывали болѣе пощадъ церковному имуществу, чѣмъ свѣтскому; самыя Монголы щадили вотчины духовенства; а отъ притѣсненій гражданскихъ чиновниковъ и сильныхъ людей монастыри и церкви, вслѣдствіе принадлежащихъ имъ привилегій, скорѣе могли защищаться, нежели частныя люди свѣтскаго званія. Данное духовенству право призывать крестьянъ въ свои вотчины облегчало ему возможность заселенія принадлежавшихъ ему пустошей, а многочисленныя привилегіи, которыя предоставлены были крестьянамъ духовнаго вѣдомства, привлекали къ духовенству множество людей и содѣйствовали къ прочному и постоянному водворенію ихъ на церковныхъ земляхъ. Духовенство исполнѣе понимало выгоды своего положенія и постоянно дѣятельно заботилось о заселеніи и хозяйственной разработкѣ принадлежавшихъ ему пустошей. Невозможно опредѣлить съ точностію количества земель, такимъ образомъ заселенныхъ и разработанныхъ духовенствомъ, но нѣтъ сомнѣнія, что у насъ точно такъ же, какъ и на западѣ Европы, количество это было весьма значительно, и что

подъ покровомъ монастырей возникло множество богатыхъ селеній и городовъ, на мѣстахъ совершенно пустынныхъ. По словамъ автора «Исторіи рос. іерархіи», монастыри, безпрестанно распространяя хозяйство посредствомъ своихъ подданныхъ, обдѣляли и удобрили многія дикія, впустѣ лежавшія, земли и населили оныя людьми; осушили великія болота, прокапывали многія каналы, и, чрезъ сообщеніе оныхъ съ рѣками, прежде другихъ въ Россіи открыли хозяйственное судоходство; лѣса лишніе вычищали, а берегали лучшіе; пролагали дороги по мѣстамъ непроходимымъ, построили вездѣ на удобнѣйшихъ мѣстахъ мельницы и другіе заводы; выучивали подданныхъ всѣмъ нужнымъ для общежитія мастерствамъ, и имѣли самыхъ лучшихъ во всеи мастеровъ; разселяли въ вотчинахъ своихъ наилучшія породы домашняго скота; заводили при своихъ мѣстахъ знатныя торговые сѣзды и ярмарки, отъ чего вокругъ ихъ населялись потомъ цѣлыя посады и города, и обогатились оными» (1). Такая оцѣнка экономическихъ заслугъ монастырей, и. б., нѣсколько преувеличена, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что большая часть этого отзыва совершенно справедлива. Исторія сохранила намъ память о многихъ игуменахъ, отличавшихся особою хозяйственною распорядительностію и сдѣлавшихъ чрезвычайно много для развитія народнаго богатства...

Но если на умноженіе народнаго богатства существованіе церковныхъ вотчинъ имѣло вліяніе чрезвычайно благотворное, то, съ другой стороны, вліяніе его на предотвращеніе золь, производимыхъ *народною бѣдностію*, было не менѣе ощутительно. Одна изъ причинъ прежней щедрости къ духовенству заключалась въ

убѣжденіи, что имущество церковное составляетъ собственность бѣдныхъ, и что важнѣйшее назначеніе его заключается въ доставленіи церкви нужныхъ средствъ для дѣятельнаго благотворенія. Въ большой части случаевъ, духовенство дѣйствительно такимъ образомъ смотрѣло на свои вотчины, и значительную часть доходовъ, съ нихъ получавшихся, употребляло на вспоможеніе бѣднымъ, на учрежденіе *человѣколюбивыхъ заведеній*. Такимъ образомъ и одно духовенство извлекало пользу изъ своихъ вотчинъ: ими пользовались и бѣдные, участь которыхъ была тѣмъ сноснѣе, тѣмъ богаче надѣлена была вотчинами церковь. Кромѣ духовенства, въ тѣ времена и при тогдашнемъ состояніи общества, никто не могъ дѣйствовать съ успѣхомъ на поприщѣ общественнаго призанія. Государство первоначально не было въ состояніи заботиться само объ этой важной вѣтви общественнаго благоустройства, и потому даже тѣ пожертвованія въ пользу бѣдныхъ, которыя дѣлаемы были непосредственно правительствомъ, сосредоточивались, обыкновенно, въ рукахъ церкви и находились въ ея завѣдываніи. Самое понятіе о необходимости помогать бѣднымъ и облегчать ихъ участь принесено было къ намъ, вмѣстѣ съ христіанствомъ, духовнымъ сословіемъ, которое постоянно увѣщевало и подвигало, какъ князей, такъ и народъ къ подвигамъ благотворенія. Надо замѣтить, что духовенство наше помогало не только тѣмъ бѣднымъ, которые были въ совершенной невозможности удовлетворять своимъ нуждамъ и составляли особое сословіе, находившееся подъ непосредственнымъ покровительствомъ и вѣдѣніемъ церкви, «питавшіеся отъ церкви божіей», но кромѣ того имѣло еще возможность оказывать вспоможенія людямъ всякаго званія, случайно впадавшимъ въ несчастіе. Богатства духовнаго сословія оказывались особенно полезными для всѣхъ разрядовъ народа въ неурожайные годы,

(1) Ист. рос. іерарх. т. II, ст. XVII—XVIII.

при дороговизнѣ жизненныхъ припасовъ. Полиція народнаго продовольствія въ прежнее время не существовала; средства правительства были слишкомъ ничтожны, чтобы пособить злу; и только одно духовенство, получавшее огромное количество хлѣбныхъ запасовъ съ своихъ вотчинъ и хранившее ихъ въ своихъ житницахъ, могло въ этихъ случаяхъ оказывать нужную помощь. Оно дѣйствительно оказывало ее, продавая свой избытокъ за дешевую цѣну, или даже раздѣляя его безденежно между всеми нуждающимися.

Кромѣ религіознаго и хозяйственнаго назначенія церковныхъ имуществъ, они имѣли еще назначеніе *политическое*, которому также вполне удовлетворяли. Другими словами, кромѣ церкви и народа, государство, или выражаясь точнѣе—правительство извлекало также изъ ихъ существованія многообразную пользу. Во 1, существованіе этихъ имуществъ значительно облегчало финансовое положеніе правительства, освобождая его отъ обязанности жертвовать свои доходы на содержаніе духовенства, на извѣстныя бѣдныя, на прокормленіе народа во время голода. Въ особенности необходимость содержать духовенство на счетъ казны, необходимость тяжкая и для современныхъ благоустроенныхъ правительствъ, въ тѣ времена, при владѣнческомъ неурочномъ состояніи государственнаго хозяйства, могла бы совершенно подавить средства князей и разстроить всю экономію тогдашняго финансоваго быта. Во 2, правительство выигрывало в. много отъ заселенія и разработки монастырями земель пустынь, которыя, въ первоначальномъ ихъ видѣ, не приносили и не могли приносить казнѣ никакого дохода, никакой выгоды. Въ 3, не смотря на освобожденіе крестьянъ, большой части духовныхъ заведеній отъ податей и повинностей, — правительство извлекало положительную финансовую вы-

году изъ существованія обширныхъ церковныхъ имуществъ, п. ч. во всѣхъ особенныхъ случаяхъ, и преимущественно въ военное время, получало нужные ему пособия отъ монастырей, которые имѣли всегда значительные и свободные капиталы и употребляли ихъ часто добровольно, или по необходимости для содѣйствія государственнымъ цѣлямъ. Наконецъ въ 4-хъ, князья извлекали изъ существованія монастырскихъ имуществъ и чисто политическую пользу, ибо посредствомъ этихъ имуществъ, сохраненію и увеличенію которыхъ они могли содѣйствовать или препятствовать,—держали въ постоянной отъ себя зависимости одну изъ самыхъ могущественныхъ и *влиятельныхъ* сословій; съ другой стороны, они выигрывали чрезвычайно много и отъ того, что это сословіе, составлявшее въ прежнія времена главную ихъ опору, присоединяло къ своему правительственному могуществу могущество матеріальное. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ борьбѣ своей съ удѣльными князьями и съ вольными городами, и вообще въ исполненіи своихъ политическихъ видовъ и намѣреній, вел. князья московскіе получали много содѣйствія и помощи отъ духовенства; и нѣтъ сомнѣнія также, что это содѣйствіе не было бы такъ искренно и въ тоже время такъ могущественно, если бы, съ одной стороны, существованіе церковныхъ имуществъ не связывало интересовъ духовенства съ интересами московскихъ князей, а съ другой—не увеличивало бы вліянія его на цародъ и не возвышало его значенія въ дѣлахъ общественныхъ. Въ особенности должно обратить при этомъ вниманіе на содѣйствіе, оказанное духовенствомъ, вел. князьямъ московскимъ въ борьбѣ ихъ съ удѣльными князьями и въ стремленіи къ водворенію единодержавія; нѣтъ никакого сомнѣнія, что одна изъ главныхъ причинъ преданности духовенства видамъ и политикѣ князей мо-

сковскихъ было убѣжденіе въ тѣхъ матеріальныхъ выгодахъ, которыя оно должно было приобрести отъ сосредоточенія всѣхъ владѣній въ рукахъ одного князя. Дѣйствительно при существованіи удѣловъ, съ одной стороны духовенству было гораздо труднѣе охранить безопасность своихъ владѣній и правъ, ибо сохраненіе этой безопасности зависѣло не отъ одного, но отъ многихъ; а съ другой—удѣльные князья чаще нарушали права духовенства, чѣмъ вел. князья, что и было причиною желанія многихъ монастырей освободиться отъ зависимости мѣстныхъ владѣльцевъ и перейти въ непосредственное вѣдѣніе вел. князей московскихъ. Нигдѣ права духовенства не нарушались такъ часто, какъ въ Новгородѣ, и нигдѣ не появилась такъ рано, какъ въ этомъ городѣ, мысль о секуляризаціи,—именно потому, что тамъ покровительство моск. князей и м-та имѣло наименѣе значенія, и мѣстное духовенство находилось въ совершенной зависимости отъ мѣстнаго свѣтскаго правительства. Разсѣянность монастырскихъ вотчинъ по разнымъ княжествамъ еще болѣе заставляла духовенство желать уничтоженія удѣловъ, ибо сопровождалось не только неудобствами въ управленіи, но и болѣею трудностью въ сохраненіи приобретенныхъ правъ и въ огражденіи ихъ отъ нарушеній. Особенно въ случаѣ войны между удѣльными князьями, духовенство одного удѣла легко могло лишиться своихъ вотчинъ, находившихся въ другомъ удѣлѣ, п. т. въ то время всѣ средства вредить врагу считались дозволенными. По всѣмъ этимъ причинамъ духовное сословіе должно было ревностно желать сосредоточенія всѣхъ удѣловъ въ рукахъ одного князя, ожидая оттого многихъ выгодъ и не предвидя тѣхъ неудобствъ, которыя впоследствии для него возникли именно изъ этого сосредоточенія.

Исчисляя разнаго рода выгоды, получаемыя государствомъ, церковью и народомъ отъ существованія церковныхъ имуществъ, мы имѣли въ виду доказать, что имущества эти имѣли свое историческое назначеніе, котораго онѣ вполне достигли. Но, съ теченіемъ времени, вотчины духовенства постигла та же самая участь, какая, по общему историческому закону, постигаетъ всякое учрежденіе, теряющее свою необходимость и переставшее находить оправданіе своего бытія въ дѣйствительныхъ потребностяхъ народа или государства. Чѣмъ болѣе устроивалось русское общество, чѣмъ болѣе приобретало силы и вліянія правительство, тѣмъ слабѣе становилась та польза, которую приносилъ земельный богатства церкви, тѣмъ менѣе чувствовалась необходимость въ ихъ существованіи. Правительство сдѣлалось мало по малу способнымъ къ удовлетворенію многихъ нуждъ, попеченіе о которыхъ возлагалось прежде на самое духовенство. Такъ, напр., съ теченіемъ времени, вследствие развитія и лучшаго устройства финансовъ отношеній, исчезла прежняя невозможность казны обезпечивать собственными средствами издержки содержанія духовенства и вспоможенія бѣднымъ. Съ другой стороны, политическія соображенія требовали сосредоточенія той и другой вѣтви администраціи въ рукахъ самого правительства. Польза, которую оказывала обширность церковныхъ владѣній, связывавшая интересы духовенства съ интересами моск. князей и побуждая первое стоять на сторонѣ послѣднихъ, въ борьбѣ ихъ съ удѣльными князьями, также уничтожилась съ той минуты, какъ уничтожилась съ той минуты, какъ уничтожилась самая удѣлы, и вел. князь московскій сдѣлался единственнымъ и полнымъ владѣтелемъ всей Россіи. Так. обр. прежнее историческое значеніе церков. имущества стало уменьшаться мало по малу

по мѣрѣ измѣненій, происходившихъ въ обстоятельствахъ, правахъ и учрежденіяхъ. Съ теченіемъ времени они перестали доставлять тѣ выгоды, какія доставляли прежде, и въ тоже время стали вести къ очевиднымъ и значительнымъ неудобствамъ; существованіе ихъ стало оказываться не только бесполезнымъ, но и положительно вреднымъ,—вреднымъ и для самого духовенства, и для всѣхъ другихъ сословій, и наконецъ для правительства, какъ представителя общихъ государственныхъ интересовъ. Сознаніе этихъ вредныхъ послѣдствій и желаніе пресѣчь ихъ въ самомъ корнѣ и послужило главною причиною появленія мысли *секуляризации* и происшедшей, вслѣдствіе того, перемѣны въ отношеніяхъ нашего правительства къ имѣніямъ и правамъ духовнаго сословія.

Мы сказали, что скопленіе значительнаго количества недвижимыхъ имуществъ въ рукахъ монастырей и церкви стало съ теченіемъ времени оказываться вреднымъ для самаго духовенства. Оправдать это замѣчаніе не трудно. Во 1-хъ, надѣлъ церкви недвижимыми имуществами, если разсматривать его какъ особую систему содержанія духовенства, вмѣстѣ со многими выгодами, представлялъ и многія неудобства. Главное изъ этихъ неудобствъ заключалось въ томъ, что при такой системѣ не все духовенство было обезпечено относительно хозяйственнаго своего быта. Недвижимыя имущества распредѣлялись между различными сословіями духовенства вес. неровно; иначе и быть не могло, п. ч. распредѣленіе дѣлалось не на основаніи какихъ-либо правилъ, а совершенно случайнымъ обр.: оно зависѣло отъ произвола и наклонностей вкладчиковъ, которые одаряли однихъ духовныхъ заведеній, а не другія, единственно по своимъ личнымъ соображеніямъ. Притомъ, вслѣдствіе общаго и вес. естественнаго стремленія къ одаренію наиболее знаме-

нитыхъ обителей,—послѣдніе, и безъ того уже богатые, обогащались съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе, тогда какъ другіе монастыри, не успѣвшіе приобрести себѣ особенной извѣстности, оставались востоянно въ бѣдности и нисколько не улучшали своего положенія. Другое, не менѣе важное, неудобство этой системы заключалось въ томъ, что владѣнія недвижимыми имуществами, налагая на духовенство множество разнаго рода обязанностей по управленію, хозяйству и суду, заставляло его пренебрегать своимъ высшимъ религіозно-нравственнымъ призваніемъ и вовлекало его не только въ многосложный міръ житейскихъ заботъ, но и въ безчисленныя распри и тяжбы съ нарушителями его нравъ. Въ особенности затруднительна была для монастырей обязанность содержать въ постоянномъ повиновеніи крестьянъ своихъ, которые, вслѣдствіе самой слабости монастырскаго управленія, прибѣгали в. часто къ насилию, буйствамъ и даже совершеннымъ возстаніямъ. Этого рода неудобства признаетъ и авторъ «Исторіи Рос. Іер.», по словамъ котораго «монастырскія владѣнія приносили особенную пользу государству, но самимъ монастырямъ всѣ ихъ имѣнія и вотчины гораздо меньше были полезны по всѣмъ отношеніямъ. Попеченіе объ имѣніяхъ естественно должно было монашествующихъ отвлекать отъ существенныхъ ихъ обязанностей и удалять отъ самихъ монастырей иногда на долгое время, чрезъ что нерѣдко и въ самыхъ начальникахъ ослабѣвало попеченіе о монастыряхъ. Вотчинныя права неминуемо вовлекали ихъ въ тяжбы съ соседними владѣльцами, часто съ насилиемъ вторгавшимися въ монастырскія владѣнія... Самые усѣхи ихъ въ хозяйствѣ и тщаніемъ приобретаемое изобиліе возбуждали въ прочихъ зависть и алчность, такъ что напоследокъ вотчиннымъ монастырямъ надлежало кормить и довольствовать не одну

уже свою братію, нищихъ и сиротъ, но всѣхъ пріѣзжихъ, а особливо властей духовныхъ, земскихъ и областныхъ, которые не отрицаемо требовали кормовъ, подводъ, даровъ, посуловъ и другихъ многихъ поборовъ, конхъ одно исчисленіе можетъ составить длинную роспись» (т. II, ст. XXII—XXIII). Къ этому надо прибавить, что недвижимыя имущества могли обезпечивать содержаніе духовенства и вообще удовлетворять своему назначенію только въ томъ случаѣ, когда управленіе ими совершалось по всѣмъ правиламъ бдительнаго и благоразумнаго хозяйства. Мы уже замѣтили, что этому условію удовлетворяли многіе игумены, отличавшіеся своей хозяйственной распорядительностью; но правило это не было общимъ, и во многихъ монастыряхъ, особенно въ позднѣйшее время, въ управленіи вотчинами допускаемы были не только небрежность и нерадѣніе, но даже многочисленныя и весьма важныя злоупотребленія. Нѣкоторые игумены все мало заботились о поддержаніи и улучшеніи монастырскаго хозяйства; другіе употребляли ввѣренное имъ имущество для своей личной пользы, часто даже разоряли и расхищали его.

Но изъ всѣхъ невыгодныхъ послѣдствій, какія имѣла для духовенства обширность его земельныхъ владѣній, самымъ невыгоднымъ было, безъ сомнѣнія, то вредное вліяніе, которое произвели, съ теченіемъ времени, богатства духовенства на нравственность этого сословія. Развивая въ лицахъ духовнаго званія многочисленныя потребности и привязанность къ житейскимъ благамъ, приучая ихъ къ матеріальному благосостоянію и даже къ роскоши, возбуждая въ нихъ духъ корыстолюбія и страсть къ приобрѣтенію, богатства эти принесли духовенству болѣе вреда въ нравств. отношеніи, чѣмъ пользы въ матеріальномъ. Само собою разумѣется, что не все ду-

ховное сословіе подверглось въ одинаковой степени вліянію этого рода; можно сказать даже, что наибольшая часть его умѣла, не смотря на всѣ искушенія, сохранить въ неприкосновенности и усердіе свое къ вѣрѣ, и духъ строгаго подвижничества, и безукоризненную святость жизни. Тѣмъ не менѣе справедливо, что во многихъ монастыряхъ, и преимущественно въ монастыряхъ богатыхъ, съ теченіемъ времени, начали обнаруживаться явныя уклоненія отъ первоначальной строгости и чистоты нравовъ. Такого рода уклоненія стали появляться даже до в. рано. «Долгъ справедливости требуетъ сознаться, говоритъ арх. Макарій, что и тогда (т. е. въ періодъ до монгольскій), какъ во всякое другое время, на грѣшной землѣ между пшеницею божіею росли и плевелы». Подтверженіемъ этихъ словъ можетъ служить, между прочимъ, свидѣтельство м-та Іоанна, пророка Христова, о нравахъ духовенства въ XII стол. (1).

Нѣтъ сомнѣнія, что чрезмѣрное обогащеніе многихъ духовныхъ заведеній было одною изъ важнѣйшихъ причинъ нравственнаго ихъ упадка; сами современники приписывали именно этой причинѣ печальныя явленія, которыя они описывали. Несторъ уже въ XI ст., говоря о монастырѣ св. Дмитрія, построенномъ и обогащенномъ в. кн. Изяславомъ, прибавлялъ: «мнози монастыри отъ князь и отъ бояръ и отъ богатства поставлены, но не суть тацѣ (такіе), кацѣ суть поставлены слезами, пощеніемъ, молитвою, бдѣніемъ». Позднѣйшіе писатели, какъ, напр., Максимъ Грекъ, Вассіанъ, Курбскій и самъ Іоаннъ IV, также смотрѣли на излишнее богатство монастырей, какъ на главный источникъ постыжденной нравственности ихъ

(1) Рус. Дост. I, 100—101. Ср. тамъ же стр. 95, 98, 102, 103, 116, 117. См. №

порчи. Само духовенство жаловалось на нравственный вред, приносимый излишнимъ богатствомъ, и не благопріятно смотрѣло на постоянное накопленіе недвижимыхъ имуществъ въ рукахъ монастырей. Въ этомъ отношеніи особенно любопытно посланіе м-та Кипріана игумену Аванасію (1390—1405), въ отвѣтъ на предложенные послѣднимъ вопросы. Въ посланіи этомъ сказано, между прочимъ: А еже села и люди держати никоимъ, не предано есть св. отци; како можно, еже единого міра и мірскихъ отрешемусь, паки мірскими дѣлы обзаватися, и еже разори, паки създовати, по ашостолу, и преступника себе съставляти? И древніи отци ниже сель стяжали, ниже богатства и стяжанія, якоже св. Пахомій и св. Феодосій общежитель, и св. Герасимъ, и нѣиіи мнози святіи въ Палестинѣ и въ той самой Синайской горѣ, и въ Раифу, и въ Святой горѣ, юже и самъ азъ видѣхъ; но еже послѣжде по малу въ расслабленіе приде вещь, и начашъ монастырѣ тѣ и скиты держати села и стяжанія. Должно есть велико соблюденіе и опасеніе держати. Ты жъ вопрошаеши мене о селѣ, еже ти князь въ монастырь далъ есть, о немъ же како ли что сътворити? Слыши же отъ меня отвѣтъ и прими мой совѣтъ: аще убо уповаеши на Бога съ своею братією, и даже донынѣ Богъ препиталъ есть васъ и кромѣ села, и напередъ препитаеть, —почто обзаватися попеченіемъ мірскимъ. И внигда бы Бога помянути, тому единому послужити, тогда о селѣхъ поминати и о мірскихъ попеченіяхъ. Смотри же и се, яко внигда же чернецъ кромѣ есть всякаго попеченія мірскаго, тогда есть съ всеми міряны, и вси человекы любятъ и честь даютъ ему; егда же обяжется селы и мірскими попеченіи, тогда потреба и къ княземъ ходити, и къ властелямъ, и судилища искати, и стояти за обидимыхъ, и сваритись, и смиритись, и нехота къ

всякому человеку, еже не вдати въ обиду своихъ людей, трудъ великъ поднимати и правила своего оставятися. А еже сего страшнѣйши, яко повнегда чернецемъ начаты селы властвоватися, и мужамъ и женамъ судити, часто хожденія въ нихъ творити и о нихъ печаловатися: чимъ мірянниа различни суть? Чернецемъ же съ женами общатися и бесѣды съ ними творити, бѣдно есть. Но аще бы мощно, сице быти селу подъ монастыремъ, еже никоимъ же черницу не быти въ немъ, но мірянину нѣкоему богобоязливому приказати, и тому печаловатися бы о всякихъ дѣлѣхъ; въ монастырь же бы готовое провозилъ житомъ и иными потребами: зане же пагуба чернецемъ селы владѣти и тако частая происхожденія творити. (А. Истор. I, № 253, стр. 480).

Сдѣлавшись, съ теченіемъ времени, невыгоднымъ для самаго духовенства, существованіе церков. имуществъ было еще невыгоднѣе для всѣхъ прочихъ состояній. Неотчуждаемость всѣхъ вотчинъ, доставшихся церкви, была важнымъ препятствіемъ для лицъ другихъ сословій къ пріобрѣтенію земельной собственности и къ свободному переходу ея изъ однихъ рукъ въ другія. Въ этомъ отношеніи существованіе церк. имуществъ оказывалось невыгоднымъ не только для тѣхъ, которымъ оно затрудняло пріобрѣтеніе земель, но и для всего народнаго хозяйства; для разряда служилаго, для котораго главнымъ средствомъ содержанія служили помѣстья, постоянное пожалованіе казенныхъ земель духовенству было также чрезвычайно невыгодно: оно уменьшало число земель, которыя могли быть отданы въ помѣстья, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшало и самое число лицъ, которыя могли быть обеспечены этимъ способомъ. Дареніе вотчинъ духовенству частными людьми возбуждало обыкновенно неудовольствіе въ родственникахъ дарителей, ибо соединялось всегда съ большимъ или меньшимъ нарушеніемъ

ихъ наследственныхъ притязаній; предоставленное же имъ право выкупать имущество, отданная въ монастыри *по душѣ*, не совсѣмъ удовлетворяло ихъ желаніямъ и не вполне вознаграждало за вредъ, который приносили имъ подобныя отдачи. Въ особенности существованіе обширныхъ привилегій, соединившихся для духовенства съ владѣніемъ недвижимыми имуществами, казалось тягостнымъ для всѣхъ прочихъ состояній. Вслѣдствіе освобожденія бол. части монастырскихъ вотчинъ отъ податей и повинностей, вся тяжесть послѣднихъ обрушивалась на другіе классы народа. Наконецъ для низшаго дворянства существованіе обширныхъ церк. имуществъ было особенно невыгодно потому, что при множествѣ привилегій, которыми пользовались люди, поселенные на земляхъ духовенства, крестьяне мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ часто переходили, или перебѣгали въ вотчины монастырскія. Но всѣмъ этимъ причинамъ, уничтоженіе или ограниченіе вотчинныхъ правъ духовенства находило сильное сочувствіе во всѣхъ другихъ состояніяхъ, а особенно въ нашемъ дворянствѣ и въ городскихъ обывателяхъ.

Можно было бы подумать, что распространеніе вотчинныхъ правъ духовенства, вредное для всѣхъ почти народныхъ состояній, было по крайней-мѣрѣ выгодно для одного изъ нихъ, именно—для крестьянъ, подвѣдомственныхъ духовенству и жившихъ на его земляхъ. Дѣйствительно, многочисленныя привилегіи, которыми пользовались эти крестьяне, побуждали многихъ людей, жившихъ на земляхъ людей свѣтскаго званія, переходить или перебѣгать въ вотчины монастырскія. Въ особенности освобожденіе бол. части крестьянъ духов. вѣдомства отъ податей и повинностей государств. составляло такую значительную выгоду, которая повидимому могла одна противодѣйствовать всѣмъ другимъ возможнымъ неудобствамъ. Но вгля-

дываясь пристальнѣе въ бытъ монастырскихъ крестьянъ, мы легко убѣдились, что участь ихъ, если не вездѣ, то по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, была вовсе не такъ блистательна, какъ представляется съ перваго взгляда. Освобожденіе ихъ отъ государственныхъ податей не всегда обращалось въ ихъ пользу: по бол. части пользу изъ этого извлекали сами монастыри, которые такое освобожденіе давало возможность увеличивать тѣ оброки и повинности, которые принимали они съ своихъ крестьянъ. Оброки эти были многообразны и значительны; сверхъ обыкновенныхъ доходовъ, которые получались монастырями, также какъ и всѣми другими земельными владѣльцами, первые принимали еще съ своихъ крестьянъ такія пошанны, которыя въ обыкновенномъ порядкѣ взимаемы были въ пользу самаго государства. Так. обр. крестьяне монастырскіе почти ничего не выигрывали отъ предоставленныхъ имъ льготъ: подати, которыя уплачивались другими въ пользу государства, вносились ими въ пользу монастыря. Съ теченіемъ времени участь ихъ въ этомъ отношеніи сдѣлалась еще невыгоднѣе: государство мало по малу стало уничтожать предоставленныя имъ прежде привилегіи, тогда какъ монастыри нисколько не уменьшались, вслѣдствіе этого, оброковъ и повинностей, которыя принимали въ свою пользу. Количество послѣднихъ даже постоянно возрастало, вмѣстѣ съ постояннымъ увеличеніемъ состава монастырей, нужды духовенства и привязанности его къ мірскими благами. Судебныя привилегіи, которыми пользовались крестьяне дух. вѣдомства, представляли также, вмѣстѣ съ значительными выгодами, и столь же значительныя неудобства. Освобождая крестьянъ отъ ирпѣсенней гражданскихъ чиновниковъ, они въ тоже время ставили ихъ въ полную, безусловную зависимость отъ монастырей, противъ которыхъ они

уже не могли найти ни суда, ни защиты. Многосложная система управления монастырс. вотчинами представлялась также тягостною для крестьян: она налагала на них обязанность содержать значительное число управителей, которые, вследствие господствовавшей системы корабления, думали только о томъ, чтобы извлечь изъ своего управления какъ можно болѣе личной выгоды, а для достиженія этой цѣли не колебались прибѣгать ко всякаго рода притѣсненіямъ и несправедливостямъ.

Если какъ духовенство, такъ и всѣ прочія народныя состоянія терпѣли значительный вредъ отъ излишняго распространения вотчинныхъ правъ церкви, то понятно, что и для самаго правительства существовавшій порядокъ вещей не могъ оказываться выгоднымъ. Правительство не могло равнодушно смотрѣть на крайне-неравномерное распределеніе богатствъ между отдѣльными разрядами духовнаго сословія, на злоупотребленія, происходившія въ управленіи монаст. вотчинами, и на уклоненіе значительной части духовенства отъ первоначальной чистоты его нравовъ. Съ другой стороны, будучи представителемъ и высшимъ выраженіемъ всѣхъ народныхъ интересовъ, правительство не могло оставлять безъ вниманія жалобы всѣхъ другихъ состояній народа, и вредъ для нихъ происходившій отъ чрезмѣрнаго обогащенія духовенства. Въ особенности недостатокъ земель для раздачи въ помѣстья служилымъ людямъ былъ невыгоденъ не только для послѣднихъ, но и для всего государства, для котораго обезпеченіе служилаго сословія было однимъ изъ первостепенныхъ и важнѣйшихъ интересовъ. Попеченіе церкви о призрѣніи общественномъ не могло уже имѣть ни большаго значенія, ни успѣха: существованіе привилегій приносило казнѣ очевидный и значительный убытокъ. Все это объясняетъ и оправды-

ваетъ возникшее при Іоаннѣ III стремленіе къ уничтоженію вотчинныхъ правъ духовенства и къ обращенію въ казну многочисленныхъ его владѣній.

(Изъ соч. Вл. Милютина. Чит. общ. ист. 1860 и 1861).

291. О поземельномъ владѣніи въ Московскомъ государствѣ.

Вся земля, какъ городская такъ и уѣздная, въ Московской сторонѣ (какъ и въ другихъ краяхъ Руси) не составляло собственности князя, но или принадлежала городскимъ и сельскимъ общинамъ, или была въ отчинномъ владѣніи частныхъ лицъ, которыя могли ее дарить, продавать, завѣщавать и закладывать. Свидѣтельствомъ сему служатъ всѣ дошедшія до насъ грамоты московскихъ князей: такъ въ первой же грамотѣ Ивана Даниловича Калиты мы находимъ рѣзкое отличіе земель, принадлежащихъ Москвѣ, т. е. московской общинѣ или государству, отъ поземельной собственности князя; первая онъ называетъ *волостьми*, а княжью поземельную собственность отличаетъ названіемъ *селъ*. Въ волостяхъ князь имѣлъ только право суда и дани, а земли не могъ ни продавать, ни дарить, ни отчуждать какимъ бы то ни было образомъ; въ своихъ же селахъ онъ былъ полнымъ хозяиномъ, могъ ихъ продавать и имѣть на села другихъ собственниковъ, закладывать и жаловать ими своихъ бояръ, населять ихъ своими крѣпостными людьми или вольными крестьянами и дѣлать въ нихъ разныя хозяйственныя распоряженія. Селъ, составляющія собственность князя, частію можетъ быть были уступлены ему при первоначальномъ условіи съ городскою общиною, по которому по-

хозяинъ вотчины могъ ее продать, заложить, промѣнять, подарить и отдать по завѣщанію; а по смерти его она переходила къ законнымъ его наследникамъ, изъ рода въ родъ, если онъ, при жизни, не сдѣлалъ особеннаго на счетъ ея распоряженія. Права собственника въ отношеніи къ вотчиннымъ владѣніямъ, за исключеніемъ немногихъ случаевъ, были непркосновенны со стороны государства. Государство проявляло свою власть на вотчинныя земли только въ томъ отношеніи, что признавало ихъ принадлежащими къ своей территоріи, и эту принадлежность защищало даже противъ расчетовъ вотчинника, изъ чего вытекало слѣдующія ограниченія правъ собственника: 1. Владѣлецъ вотчины не могъ ее ни продать, ни заложить, ни отчуждать какимъ бы то ни было образомъ въ пользу лица проживающаго, или состоящаго на службѣ въ другомъ княжествѣ, а не въ московскомъ; это право московскаго государства на вотчинныя земли своей территоріи постоянно подтверждались всѣми договорами, грамотами московскихъ государей съ другими князьями. Такъ въ договорѣ в. кн. Дмитрія Ивановича Донскаго съ княземъ Владимиромъ Андреевичемъ 1388 года сказано: «а сель ти не купиши въ моемъ удѣлѣ, ни въ княженіи, ни твоимъ дѣтемъ, ни твоимъ бояромъ. ... Впрочемъ такое право государства на вотчины смягчалось властію князей, на волю которыхъ предоставлялось разрѣшать продажу вотчинъ лицамъ, не состоящимъ на службѣ въ Московскомъ государствѣ..... 2. Владѣлецъ вотчины, переходя въ службу другаго князя, не могъ переносить права на эту вотчину къ своему новому государю... 3. Вотчинникъ, кому бы онъ ни служилъ, судомъ и данью непременно былъ въ вѣдѣніи того государя, въ территоріи котораго находилась его вотчина: «а судомъ и данью потянути и по землѣ и по водѣ», какъ вы-

ражались древніе московскіе официальные памятники.... 4. Вместе съ правомъ суда и дани по землѣ и водѣ государь территоріи могъ требовать отъ вотчинниковъ военной службы въ пользу территоріи; это право сначала простиралось такъ далеко, что всѣ вотчинники безъ различія должны были слѣдовать за государемъ своихъ вотчинъ во всѣхъ его военныхъ походахъ... Но, впоследствии времени, это право ограничивалось только требованіемъ службы на защиту области, въ которой живетъ вотчинникъ, служащій другому князю, во всѣхъ же другихъ военныхъ дѣлахъ онъ уже обязывался соуправлять тому князю, которому служилъ, а не тому, въ чьемъ владѣніи его вотчина. «А хто которому князю служитъ, гдѣ бы ни былъ полѣсти ему съ тѣмъ княземъ, которому служить; а городная осада, гдѣ хто живетъ, тому туто съести», какъ начали обыкновенно писать во всѣхъ договорныхъ грамотахъ московскихъ князей съ 1405 г.

Какъ между землями, принадлежащими нераздѣльно цѣлой общинѣ, первоначально произошла частная поземельная собственность съ правомъ продажи и перехода отъ предковъ къ потомкамъ, мы не знаемъ, да и не можетъ знать, ибо до насъ не дошло ни лѣтописныхъ извѣстій, ни официальныхъ документовъ объ этомъ предметѣ; всѣ же догадки и умозаключенія аргюи ни къ чему не поведутъ, и только запутають дѣло; а посему эгогъ въпросъ, при всей его важности, невольно должно оставить безъ рѣшенія. И только можно сказать одно, что вотчинная земля въ Московскомъ краѣ были еще до водворенія тамъ князей Всеволодова дома, ибо первые московскіе князья не только не давали вотчинъ своимъ боярамъ, но даже сами старались, сколько можно болѣе, скупать и приобрѣтать ихъ у племенныхъ или земскихъ бояръ, у епископовъ и монастырей, чему служатъ свидѣтельствомъ

всѣ ночи духовныя грамоты московскихъ князей... Князья уже застали въ Москвѣ вотчинныя владѣнія, и до того не были ихъ учредителями, что даже сами старались покупать ихъ у другихъ, и конечно поощряли къ тому же и пришлыхъ съ ними бояръ и слугъ; на что также есть, хотя не ясны, намеки во многихъ древнихъ княжескихъ грамотахъ. Такъ напримѣръ въ духовной грамотѣ князя Владиміра Андреевича, писанной въ 1410 году.

Боярскія вотчины не исключали и не ограничивали власти владѣльца располагать ими по своему благоусмотрѣнію, продавать ихъ, мѣнять, дарить, отдавать за дочерями въ приданое и завѣщавать; но это безъ ограниченій относилось только къ первому пріобрѣтателю; какъ же скоро вотчина отъ перваго пріобрѣтателя переходила по завѣщанію, или по праву наследства, или по рядной къ его родственникамъ, то въ нѣкоторомъ смыслѣ она дѣлалась собственностію цѣлаго рода, къ которому принадлежалъ первый пріобрѣтатель, и этимъ хотя не исключалось прямое право его наследниковъ, къ которому вотчина поступала во владѣніе, но тѣмъ не менѣе родичи всегда могли удерживать вотчину въ своемъ родѣ, даже вопреки распоряженіямъ прямаго наследника, т. е. они могли выкупать вотчину, проданную наследникомъ въ чужой родъ. Это право рода на вотчины своихъ родичей вѣроятно было съ первыхъ временъ московскаго государства, ибо еще в. кн. Васильемъ Дмитріевичемъ, сыномъ Донскаго, законно назначался пятнадцатилѣтній срокъ для выкупа вотчинъ родичами по всему московскому государству, какъ прямо и опредѣленно говоритъ одна грамота в. кн. Ивана Васильевича III.

Земли княжескія, или подклѣтныя, впоследствии дворцовыя. Земли сія очевидно должны быть моложе черныхъ волостей и вотчинъ, ибо могли

произойти только со времени водворенія князей Всеволодова дома въ Московскихъ владѣніяхъ. Мы не имѣемъ официальныхъ актовъ объ уступкѣ земщиною нѣкоторыхъ земель въ поземельную собственность князя, но что таковая уступка точно была, въ этомъ не можемъ сомнѣваться: на нее довольно ясно намѣкаютъ всѣ грамоты первыхъ московскихъ князей; въ нихъ купленныя князьями села вездѣ прямо отличаются отъ уступленныхъ народомъ; первыя называются: *а се моя купля се купля моя бабы, купленныя села и проч.*, вторыя же вездѣ носятъ названія по территоріи: *московскія, коломенскія, села дмитровскія* и под... Если бы всѣ княжескія села были купленными, то конечно князьямъ не нужно бы было нѣкоторыя изъ нихъ отличать именемъ купленныхъ; здѣсь нѣтъ причины думать, что купленными селами каждый князь называлъ только свою покупку, ибо во второй духовной грамотѣ Ивана Даниловича Калиты это ясно опровергается словами: «а что село Павловское бабы наша купля». Здѣсь князь прямо говоритъ о старинной покупкѣ, едва ли не современной Александру Невскому..... Подклѣтныя, или дворцовыя села, составляли полную собственность князя; онъ могъ ихъ продать, промѣнять, подарить и отдавать въ помѣстное владѣніе своимъ боярамъ и слугамъ рѣшительно по своему произволу; всѣ доходы съ этихъ селъ шли не въ государственную, а въ дворцовую или княжескую казну; самое назначеніе доходовъ зависѣло не отъ земщины, а отъ самого князя, который могъ ихъ уменьшать и увеличивать, когда угодно, все безъ отношеній къ народу и не по извѣстному установленному закону, а рѣшительно по произволу. Дворцовыя земли, какъ чистая собственность князя, не входили въ составъ другихъ земель государства и имѣли свое управленіе, а по сему и не зависѣли ни отъ общихъ во-

лостелей, ни отъ намѣстниковъ, но управлялись своими волостелями, или поселскими, или приказчиками, или иногда отдавались княземъ въ кормленіе дворцовымъ чиновникамъ, стольникамъ, ловчимъ селами стольнича пути, ловчаго пути и подоб.; все отношеніе дворцовыхъ земель къ намѣстникамъ состояло въ одномъ судѣ по уголовнымъ дѣламъ и въ дѣлахъ общихъ между волостными и дворцовыми крестьянами. Московскіе великіе князья, не смотря на постепенное развитіе своей власти, постоянно находили нужнымъ увеличивать свою поземельную собственность покупкою вотчинныхъ земель у частныхъ лицъ и другими средствами. Формы пріобрѣтенія дворцовыхъ земель были слѣдующія: 1, уступка общинныхъ черныхъ земель, сдѣланная при самомъ водвореніи княжескаго рода въ Москвѣ, это была самая первая форма пріобрѣтенія, а 2-ю, почти современною ей, должно считать покупку вотчинныхъ земель у частныхъ собственниковъ, которая, по свидѣтельству второй духовной грамоты Калиты, началась чуть ли не при Александрѣ Невскомъ и продолжалась до позднѣйшаго времени, можетъ до Феодора Ивановича, или Бориса Ѳ. Годунова.

Помѣстные земли. Помѣстными землями назывались вообще всѣ земли, которыя государи давали на содержаніе бояръ и другихъ людей, состоящихъ въ ихъ службѣ; они не составляли собственности своихъ владѣльцевъ; ихъ нельзя было ни продать, ни заложить, ни отдать по душѣ; помѣщикъ только имѣлъ право пользованія, да и то на время, пока онъ служилъ. Такое отношеніе помѣстныхъ земель къ своимъ временнымъ владѣльцамъ опредѣленно и ясно изображаетъ вторая духовная грамота Ивана Даниловича Калиты; въ ней сказано: А что есмь купилъ село въ Ростовѣ Богородичское, а далъ есмь Бориску Ворькову, аже иметь сыну моему, которому служить, село будетъ за

нимъ; не иметь ли служить дѣтемъ моимъ, село отонмуть». Таковыя же права въ отношеніи къ помѣстнымъ землямъ были и въ юго-западной Руси; такъ въ духовной грамотѣ князя Андрея Владимировича, Ольгердова внука, писанной въ 1446 году, сказано: «что есмь подавалъ имѣнія боярамъ своимъ, а хто всхочетъ женѣ моей и дѣтемъ моимъ служить и они служатъ съ тыхъ имѣній женѣ моей и дѣтемъ моимъ: а хто не схочетъ женѣ моей и дѣтемъ моимъ служить, и язъ тья имѣнія далъ женѣ моей и дѣтемъ моимъ». Сія послѣдняя грамота прямо говоритъ, что владѣльцы помѣстья, за пользованіе помѣстною землею, должны были нести службу, смотря по помѣстью: «и они служатъ съ тыхъ имѣній», слѣдовательно, служба опредѣлялась помѣстною дачею, или иначе помѣстная дача соразмѣрялась съ службою. Впрочемъ такое положеніе помѣстныхъ земель не препятствовало имъ переходить отъ отцовъ къ дѣтямъ и потомъ къ внукамъ; ежели отецъ, по старости или болѣзни, не годился въ службу, то его мѣсто занималъ сынъ и помѣстье оставалось въ ихъ родѣ до тѣхъ поръ, пока въ немъ были люди, состоящіе на службѣ государя; даже не только сыновья, но и племянники и другіе родственники, могли получать помѣстье ихъ родичей, занимая ихъ мѣста по службѣ. Такъ жалованною грамотою в. к. Дмитрія Ив. Донскаго Андрей Фрязинъ былъ утвержденъ во владѣніи Печороку, бывшею прежде въ помѣстьѣ за его дядею Матеемъ Фрязинымъ. Впрочемъ опредѣленныхъ и постоянныхъ правилъ объ отношеніяхъ помѣщиковъ къ своимъ помѣстьямъ и службѣ мы не имѣемъ до самого царя Ивана Васильевича IV-го и кажется здѣсь рѣшительно дѣйствовалъ произволъ государей московскихъ, которые распорядились помѣстными землями, какъ дѣйствительною своею собственностію и не слѣдовали никакимъ установленнымъ зако-

намъ; кому давали больше, кому меньше, смотря потому, каковою казалось имъ служба помѣщиковъ... Частныя отношенія помѣстій къ своимъ владѣльцамъ опредѣляютъ характеръ помѣстныхъ земель слѣдующими общими чертами: помѣстная земля составляла собственность государя; онъ могъ ихъ раздавать и отнимать рѣшительно по своему разсмотрѣнію такъ, что помѣщики, чтобы удержать за собою владѣніе этими землями, непремѣнно должны были нести государеву службу, съ усердіемъ подчиняясь всѣмъ распоряженіямъ правительства; всякое отступленіе отъ правительственныхъ распоряженій подвергало ихъ опасности лишиться помѣстья, такимъ образомъ помѣстье, въ сущности своей, было даже менѣе, нежели пожизненнымъ владѣніемъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ на дѣлѣ оно носило даже нѣкоторый характеръ наследственности. Государя московскіе преимущественно хотѣли, чтобы помѣстье оставалось въ одномъ родѣ и съ этою цѣлю не только дозволялось однорядцамъ просить, чтобы ихъ верстали помѣстьями ихъ умершихъ родственниковъ, но даже положено было правиломъ: оставить помѣстныя земли отцовъ дѣтямъ во владѣніе до ихъ возраста и поступленія на службу только съ тѣмъ, чтобы всѣ доходы съ таковыхъ помѣстій, за исключеніемъ прожиточныхъ вытей, собирались въ казну самими же помѣщиками... По первоначальному своему происхожденію помѣстныя земли принадлежали къ дворцовымъ владѣніямъ, ибо московскіе государя, въ первыя времена своего владычества, могли произвольно распоряжаться только своими собственными землями, вотчинныя же завѣсьли отъ частныхъ собственниковъ, а черныя отъ общины; ни община, ни собственники не имѣли нужды раздавать помѣстій, ибо помѣщики служили не имъ, а князю. По въ послѣдствіи времени, когда власть московскихъ государей уси-

лилась и границы владѣній распростра- нились завоеваніями, которыя уже завѣсьли отъ князя, а не отъ общины, въ надѣль помѣстныхъ земель стали поступать и такія, которыя не принадлежали къ дворцовому вѣдомству...

Виды земель по различію населенія.—Земли Московскаго государства, по различію населенія, раздѣлялись на городскія и не городскія, или уѣздныя; первыя составляли собственность города, а вторыя принадлежали сельскимъ общинамъ, и только признавали свою подчиненность и независимость отъ города, какъ представителя цѣлой территоріи.

Городскія земли по владѣнію были черныя, принадлежащія собственно городской общинѣ, вотчинныя, бывшія во владѣніи частныхъ собственниковъ и наконецъ помѣстныя, данныя для жительства служилымъ людямъ. Это дѣленіе городскихъ земель по владѣнію влекло за собою другое дѣленіе на тяглыя и бѣломѣстныя или не тяглыя земли; владѣльцы первыхъ земель несли въ нихъ всѣ городскія повинности; а эти земли нельзя было ни продать, ни заложить бѣломѣсту, или въ противномъ случаѣ бѣломѣстецъ, принявши такую землю во владѣніе, долженъ былъ нести съ нея всѣ повинности и городскіе расходы наравнѣ съ тяглыми людьми; бѣломѣстныя же, или не тяглыя земли, освобождались отъ многихъ городскихъ повинностей, и несли ихъ только въ крайнихъ случаяхъ государственной нужды. Но замѣчательнѣе отличие городскихъ земель отъ не городскихъ состояло въ томъ, что они раздѣлялись не на обжи, или четверти, и десятныя, а на дворы: дворъ былъ единственно закономъ, утвержденною единицею городскихъ земель при соразмѣреніи ихъ въ раскладкѣ податей и повинностей. А посему дворъ, какъ общая единица мѣры, естественно долженъ былъ имѣть одно определенное пространство земли для

всего города, и нельзя было не увеличить, ни уменьшить своего двора при посредствѣ частной сдѣлки; всякое уменьшеніе или увеличеніе двора могло быть сдѣлано не иначе, какъ съ разрѣшенія городской общины, и непремѣнно влекло за собою увеличеніе и уменьшеніе податей и повинностей съ домохозяина увеличеннаго или уменьшеннаго двора, а отъ этого въ древнихъ административныхъ городскихъ книгахъ городскіе домохозяева раздѣлялись на владѣльцевъ двухъ, трехъ или болѣе дворовъ, на владѣльцевъ цѣлаго двора, или поддвора, или трети, четверти двора и писались обыкновенно такъ: такой-то живетъ на трети двора, на поддворѣ, на дву дворахъ, на одномъ дворѣ и пр. Увеличеніе или уменьшеніе городскихъ дворовъ могло быть сдѣлано или принятіемъ отъ общины пустопорожныхъ земель на оброкъ, или при помощи частной сдѣлки съ сосѣдомъ - домохозяиномъ, но не иначе, какъ съ разрѣшенія общины, которая отмѣчала такую сдѣлку въ своихъ мѣрныхъ и платежныхъ книгахъ, и зачисляла одного изъ участниковъ сдѣлки владѣльцемъ увеличеннаго двора, а другаго уменьшеннаго, и соответственно съ таковою сдѣлкою соразмѣряла раскладку податей и повинностей... Кроме дворовыхъ земель, отдававшихся городскимъ людямъ въ потомственное владѣніе съ правомъ передачи на извѣстныхъ условіяхъ, городская община владѣла какъ бы угодьями всѣми торговыми и ремесленными мѣстами, и огромною выгонною землею за городомъ, а также иногда мельницами рыбными и звѣриными ловлями въ уѣздѣ; всѣ сія угодья, какъ непосредственная собственность городской общины, не могли состоять въ частномъ владѣніи, и отдавались самою общиною въ наемъ или въ оброчное содержаніе по условіямъ съ частными лицами на извѣстное опредѣленное время, по истеченіи котораго назначался новый торгъ, и, смотря

по цѣнамъ, состоявшимся на торгу, оброчная земля или отдавалась новому наемщику или оставалась за прежнимъ. Оброчныя статьи, собственно городскія, носили названіе лавокъ, шалашей, стуловъ, амбаровъ, прилавковъ, кузницъ... Городскія угодья первоначально, кажется, составляли частную собственность города, и получаемыми съ нихъ доходами покрывались различныя общественныя издержки, по крайней мѣрѣ до в. кн. Ивана Васильевича III мы не имѣемъ никакихъ, ни официальныхъ, ни дѣтописныхъ, свидѣтельствъ о вмѣшательствѣ московскихъ государей въ это обширное дѣло. Относительно же Новгорода есть даже прямые свидѣтельства, что городская община, въ самыхъ договорныхъ грамотахъ съ князьями, опредѣленно требовала, чтобы князь не вступались въ городскія торговыя мѣста; такъ напр. въ договорной грамотѣ Новгорода съ в. кн. Александромъ Мих. Тверскимъ, писанной въ 1327 году, прямо сказано: «А въ немецкомъ дворѣ тебѣ, княже, торговати нашею братьею, а двора не затворяти, а приставовъ не приставляти...» Угодья и оброчныя статьи, принадлежащія городу, но находящіяся въ уѣздѣ, также составляли собственность общины, на которую частныя лица имѣли только право пользованія, и, кажется, община, въ отношеніи къ нимъ, умѣла удерживать свои исключительныя права до познѣйшаго времени и государи московскіе постоянно старались защищать эти права отъ населенія частныхъ собственниковъ... Собственно городская земля въ каждомъ городѣ московскаго государства, по населенію своему, состояла изъ трехъ частей: собственно города или *крѣпости*, *посада* и *слободы*. Въ крѣпости или собственно городѣ жили князь или его наместникъ и воевода со служилыми людьми; тутъ же находились правительственныя или казенныя мѣста, осадные дворы посадскихъ уѣздныхъ жителей для защиты,

въ случаѣ нападенія непріятелей, и даже въ нѣкоторыхъ городахъ разныя торговыя заведенія; на посадѣ жили собственно граждане, посадскіе люди; у нихъ тамъ обыкновенно устраивались рынки, торговые ряды и гостинные дворы; между посадскими людьми здѣсь жили также разныя помѣщики и вотчинники, служилые люди на бѣлыхъ земляхъ; жители слободъ исключительно состояли изъ ремесленниковъ и разныхъ служилыхъ людей нижнихъ чиновъ, напр. воротниковъ, пушкарей, затинщиковъ и подоб... Уѣздныя, или не городскія земли, по заселенію своему, раздѣлялись на слободы, села, деревни и починки; или, какъ и городскія земли, по владѣнію были черныя, вотчинныя, дворцовыя и помѣстныя; къ каждой слободѣ, селу и деревнѣ приписаны были пахатныя земли, лѣса, рыбныя, звѣринныя ловли и другія угодья.

Слободы преимущественно населялись ремесленниками и разными промышленными людьми, напр. рыболовами, бобровниками, бортниками и другими подобными, а также ямщиками и разными служилыми людьми, стрѣльцами, казаками, пушкарями; были слободы и торговыя, что-то въ родѣ городовъ, но не города, ибо не имѣли уѣздовъ съ помѣщичьими и вотчинными землями. Къ слободамъ причислялось по нѣскольку деревень и починковъ, вѣроятно населенныхъ людьми одного вѣдомства; они обыкновенно управлялись слободчиками, старостами и сотскими, и судомъ и данью тянули къ тому городу, въ уѣздѣ котораго находились; по владѣнію слободы бывали дворцовыя, вотчинныя, монастырскія, владычныя, черныя и служилыя. Свидѣтельства о слободахъ начинаются довольно рано: они упоминаются еще въ духовной Калиты 1328 г. Слѣды слободъ и теперь еще остались въ разныхъ уѣздахъ около Москвы и въ другихъ мѣстахъ, въ которыхъ замѣтно, что они заселялись ремесленни-

ками... Жители слободъ хотя и тянули судомъ и данью къ городамъ, наравнѣ съ волостными людьми, но такъ какъ они не были часто земледѣльцами, то разрубамъ и разметамъ своими не вкладывались въ одну кость съ селчанами, но считались во всѣхъ раскладкахъ податей только сами собою... Села были заселены преимущественно землевладѣльцами; къ каждому селу было приписано по нѣскольку деревень и починковъ, жители которыхъ, также землевладѣльцы, складывались во всѣхъ разметкахъ въ одну кость съ своими селчанами, и потому составляли съ ними одно утлое, имѣли свою управу, которая всегда находилась въ селѣ и состояла изъ старостъ, сотскихъ и десятскихъ, выбираемыхъ крестьянами изъ своей среды; въ селѣ и деревняхъ земля была общая, и крестьяне владѣли своими участками, или выгами не иначе, какъ по приговору исей своей общины. Всѣ выги были равны между собою, и по нихъ раскладывались подати и повинности, но какъ средства и силы не у каждого крестьянина были одинаковы, то посему болѣе зажиточный крестьянинъ могъ жить на двухъ, на трехъ вытихъ, бѣдный же на одной выти, на полвыти и на четвертивыти. Крестьянинъ, съ согласія общины, могъ мѣнять свою выть на другую, конечно незанятую другими, или идти на порожнюю, которыхъ всегда было много, ибо крестьяне, не прикрѣпленные къ землѣ, свободно переходили изъ уѣзда въ уѣздъ, изъ волости въ волость; община, владѣя землею, не имѣла ни какого права на своихъ сочленовъ; какъ скоро они оставляли землю, лишь бы за ними не было недомокъ по мирскимъ разрубамъ и разметамъ...

Уѣздныя, т. е. не городскія земли, раздѣлялись на волости и станы; цѣль такового дѣленія была чисто административная, и нельзя отыскать слѣдовъ какого либо территориальнаго или родового нача-

ло, возмужавшего ему (символически) вое-
ства или станы князья не составляли самостоя-
тельными. Отдельные князья: они
всегда были въ зависимости от своихъ
господъ; следовательно, въ раздѣленіе
были привозили городами же, которые
сдѣлали это для большей удобности въ
управленіи. Когда в кнѣзь были учрежде-
ны воеводства в станы въ новгородской землѣ—
ны неизвѣстны; но то несомнѣнно, что они
были уже при в кнѣ Иванѣ Даниловичѣ
Калитѣ; въ его духовной грамотѣ сказа-
но: «Се даю есмь сыну своему большо-
му Семену: Можайскъ, Коложну со всѣ-
ми коломенскими воеводствами, Городецку
Мезиню, Плесочну, Похчане, Бромесвую,
Гвезду», и проч... По князю же сви-
дѣтельству воеводства поставлены въ оди-
наковыхъ разрядѣ съ станами; такъ въ
духовной грамотѣ князя Юрья Дмитриевича
1434 года сказано: «азъ благословля-
ю сына своего Дмитрія меншого горо-
дочъ Галичичъ и съ станы городскими и
со всѣми воеводствами». Воеводство, или въ по-
слѣдствіи станъ, составляла отдельную
часть уѣзда, и состояла изъ нѣсколькихъ
сель, слободъ, деревень, приселковъ и
починковъ, которые управлялись однимъ
воеводою или становщикомъ, имѣли
общую раскладку податей и повинностей;
подлежали одному суду, такъ что, въ
случаѣ суда между двумя лицами раз-
ныхъ воеводствъ или становъ, воеводѣ
должны были судиться съ общаго согла-
сія другъ съ другомъ и дѣлиться дохода-
ми отъ суда пополамъ; даже въ случаѣ
выдачи въ замужество дѣвнцы изъ одной
воеводства въ другую полагалась особая по-
шлина, известная подъ именемъ выводной
кунницы; при не отысканіи убійцы дикая
вира раскладывалась на всю воеводство,
гдѣ найденъ былъ убійца; все это мож-
но найти въ любой уставной грамотѣ.

(Изъ статьи Н. Д. Бяляева.
Москвит. 1848. № № 1. 2. 5. 7.
(отд. IV).

О князѣ Артемѣи А. А. Писареве.
в труде «Ист. Ист. 1852. ч. IV. кн. I. 1-
Земле и земли Артемѣи въ землѣ при
Курове. Зап. Казан. Археол. Каз. 1852
I. 23—29. Рубка старая въ землѣ. Мѣст.
А. Маршалева. М. 1846—1857 г. Писаревъ
и князь Владимиръ. гл. XII в. К. Толстой
Труды статист. вѣд. 1864. Писаревъ. архив.
кнѣзь Казан. М. 1849. Моск. Орн. Писаревъ
1844. Изд. 2. 1850 г. Владимирскій Дмитрій
Савва. Изд. Гр. Строганова. Древшности.
Киев. вѣдѣнія для разбора ист. Киев. 18
Опис. Киевъ въ отношеніи къ древности. Киевъ
Древшности Бюроера Кнѣзьевича. крѣпости. в
кнѣзѣ. Сиб. 1854—1855. Древшности рос.
Солнцева. Изд. по Высоч. повел. М. 1849. 1
1853 (3/4) расписанъ. Цѣнъ 205 р.). Зап. Ар-
Химик. общ. Сиб. съ 1847 г. 8 томова. Зап.
гд. Рус. в Сибиріи. Археол. Сиб. 1854 и 1
Писаревъ. Моск. архив. Н. Спирова. М. 18
1845. Опис. вѣдѣнія. древ. церкв. и гробн.
изъ музея Коробовова. М. 1849. Расписанъ
Рус. утваря. Д. Солнцева. М. 1857. Зап.
обзор. рус. древ. Сиб. 1851. Зап. Археол.
Сиб. съ 1853 г. 44 томова. Цѣнъ древшности
и археол. Изд. Прохорова. Собр. рус. ист.
Изд. Археогр. Каз. Сиб. 1840—1846. Дѣла
путь. Солнцева М. 1862. Опис. древ. рус.
ветъ. Черткова. М. 1837—42. Обзор. рус.
ветъ и иностр. монетъ, употребл. въ Рос. Вѣд.
Шуберта. Сиб. 1837—41. Опис. рус. мон.
и вѣдѣній. Шуберта. М. 1843. Монеты изъ
Золотой Орды. Френка. Телеграфъ. 1833.
413—419. Обзор. вѣдѣній и городовъ Киев.
изд. Фуноуклет. О Каменецкой вѣжѣ Орды
писки Сиб. Московск. Археологич. общ. О дене-
собств. въ древ. Руси. Разсказаніе о финансахъ
Руси. Гагемейстера. Сиб. 1833. Статист. в
наис. свѣдѣнія о др. Россіи. Рус. Вѣстн. 184
9 и 10. Начало и постепенное преобразование
стѣни поземельныхъ налоговъ. К. С. Весолов
10. Ж. Мин. Гос. внутр. 1844. ч. I, ст. 1
Очеркъ Ист. др. монетной системы на Руси.
лева. Чт. общ. Ист. 1846 № 3. О расх.
на государс. запиту въ Россіи Н. Якимовскі
Чт. Зап. Казанс. Унив. 1850. I, 73—222. из-
о др. рус. монетной системѣ въ XI, XII и XI
II. С. Казанскаго. Зап. Археол. общ. III.
1854 г. Ист. обзор. монетныхъ сборовъ въ Ру-
II. Розенталя. Сынъ отеч. 1852 № 10.
ли монету на Руси до XIV ст? Бяляева.
Арх. общ. 1853. т. V. вып. 2 и 3. О при-
налогахъ въ др. Руси. В. Курм. Юрид. сборн.
Мейеромъ. Казань 1855, 105 и д. Деньги в.
города. Осельскаго. М. 1834. Опытъ о кожан-
деньгахъ. Руссова. Сиб. 1835. О кожаныхъ
гахъ. Каченовскаго. Уч. Зап. Моск. Униввер
VII. 1835. О торговлѣ нѣмецкихъ купцовъ
Россію. Ж. М. Н. Пр. 1839. июль. ч. XXII
древнихъ иностран. портахъ въ Россіи. Аделъ
Ж. М. Н. Пр. 1840. Монеты Джигудовъ, Ге-
цевъ и Гирсовъ. В. Григорьева. Одесса. 1

Объясненія рус. старин. мѣръ, линейной и путевой. *Буткова*. Ж. М. Внутр. Д. 1844. Др. рус. торговля. *М. П. Погодина*. Ж. М. Н. Пр. 1845. Очерк др. Рус. законовъ о торговлѣ. *В. Лешкова*. Москвит. 1852. № 17 и 23. О городахъ русскихъ. Тамъ же 1844. № 8 и 9. О Янахъ. Тамъ же 1844. № 8 ч. XXXI. 1853. Дек. о народномъ продовольствіи въ др. Россіи. *Лешкова*. Москвит. 1853. № 5. О позем. собств. и постепенномъ ея измѣненіи. *А. Гирса*. Библ. для чт. 1835. т. XII. № 21. О поземельномъ влад. въ Москов. государ. Времен. XI, 1—82. О земледѣліи въ др. Рос. *Бяляева*. Тамъ же XXII, 37—50. О древнѣйшихъ торгов. связяхъ рос. Славянъ съ другими народами. Зап. и труды общ. Ист. ч. II. кн. 2. 67—89. О торговлѣ древ. Руси съ Азіей. *Маякъ*. 1842. 12. Торговля Волжскихъ бояръ. Ж. Мн. Н. Пр. ч. 49. II. 31. Торговля Новгорода. Тамъ же ч. XVII 504. XXII. II. 1. Ганзейская контора въ Новгородѣ. Тамъ же XXVII. 100. О торговлѣ изъ Сарторіа. *М. Телеграфъ* 1825. III. 360—378. Скандинавскій корабль на Руси. *А. Котляревскаго*. Моск. Дрв. вып. I. 39. О понятіи промысловаго шлофа и объ исторіи. его развитіи въ Россіи. *Е. Г. Осокина*. Казань, 1856. О цѣнности въ дрв. Руси. *М. Заблоцкаго*. Спб. 1854. О цѣнности денегъ и книгъ. О малонз. пам. *Срезневскаго*. II. 92—96. III. 61—64. Мѣра, вѣсъ и монета. *Прозоровскаго*. Ж. М. Н. Пр. 1855. Май. Зап. Археол. общ. XII. О деньгахъ, обращавшихся въ Россіи. *Н. Лебедева*. Новгородъ 1855. О важности изученія восточ. нумизматики и археоло-

гін. *П. С. Савельева*. Спб. 1847. Мухамед. Нумизматика. *П. С. Савельева*. 1847. Пути сообщенія въ др. Рос. *Ходаковскаго*. Рус. Ист. Сборн. 1838. I. 1—50. О торговлѣ Хозарь. Чт. общ. Ист. 1846, № 3. III, 47. Восточн. извѣстія о Руссахъ изъ соч. Френа *Ibn-Foszlans...* *Be-richte*. Сѣверн. Архивъ ч. 22, № 16. 281. ч. 23, № 17 и 18. 109. № 19 и 20. 289. О сношеніяхъ русскихъ съ Востокомъ. Вѣстн. Геогр. общ. 1854. 1. 52. О Волжскихъ Булгарахъ. Ж. Мн. Н. Просв. 1836. 97. О сѣверо-восточ. Руссахъ. Тамъ же XII, 459. О чудскихъ копахъ *Эйхвальда*. Зап. Археол. общ. IX. 2. 270. Металлы и ихъ обработка въ доисторич. пору у племенъ Индоевроп. *А. Котляревскаго*. Моск. Древности. 1863. О финнахъ. *Шегрена*. *Gesammelte Schriften*. Спб. 1861. Историч. опис. одеждъ и вооруженій русскихъ войскъ. Гагза, ея законы и оакторія. Библ. для чт. 1834. IV. 3. Ист. финанс. учрежд. въ Рос. *Графа Д. Толстаго* 1848. Внутр. таможен. пошлины въ Рос. *Е. Г. Осокина*. Казань 1850 г. О договорахъ Новгорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ. *Андреевскаго*. Спб. 1855 г. Историч. обзор. торговыхъ сношеній Новгорода съ Готландомъ и Любекомъ. *М. И. Славянский*. Спб. 1847. Древніе договоры Руссовъ съ Норвежцами и Шведами. *Буткова*. Ж. М. Вн. Дѣл. 1837, ч. 23. Хозяйств. дѣятельн. Селѣнца. мон. въ Вѣломорскомъ краѣ. *В. О. Ключевскаго*. Моск. Унив. Иав. 1866—67 г. № 7.

VIII. ОБЛАСТНАЯ БОРЬБА И ВОЗВЫШЕНИЕ МОСКВЫ.

А. П А М Я Т Н И К И П И С Ъ М Е Н Н Ы Е.

292. О племенахъ славянскихъ.

Се повѣсти времяныхъ лѣтъ (черно-рица Фодосева монастыря Печерскаго), откуда есть пошла Руская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити и откуда Руская земля стала есть. Се начнемъ повѣсть сію. По потоцѣ первіе сынове Носви раздѣлиша землю, Симвъ, Хамъ, Афетъ. И ася вѣстокъ Симви..... Хамови же ася полуденная страна..... до Понетского (Чернаю) моря на полнощныя страны, Дунай, Днѣстръ, и Кавкасинскій горы, рекше Угорьски, и оттудѣ даже и до Днѣпра; и прочая рѣки: Десна, Припеть, Двина, Волховъ, Волга, аже идетъ на востокъ въ часть Симву. Въ Афетовѣ же части сѣдять Русь, Чюдь и вси языци, Меря, Мурома, Весь, Моръдва, Заволочская Чудь, Пермь, Печера, Ямь, Угра, Литва, Зимъгола, Корсь, Сѣтъгола, Любь; Ляхове же, и Пруси, Чюдь присѣдять къ морю Варяжскому; по сему же морю сѣдять Варязи сѣмо къ вѣстоку до предѣла Симва; по тому же морю сѣдять къ западу до землѣ Агнянски и до

Волошьски. Афетово бо и то колѣно: Варязи, Свен, Урмане, Готъ, Русь, Агняне, Галичане, Волхва, Римляне, Нѣмци, Корлязи, Вендици, Фрягове и прочіи; даже присѣдять отъ запада къ полуденю и сѣдять съ племянемъ Хамовымъ... По мнозѣхъ же времянѣхъ сѣли суть Словѣни по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска. Отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ: яко пришедше сѣдоша на рѣцѣ именяемъ Морава и прозвашася Морава, а друзи Чеси нарекошася; а се ти же Словѣни Хровате Бѣли, и Серебъ и Хоругане. Волкомъ бо нашедшемъ на Словѣни на Дунайскія, сѣдшемъ въ нихъ и населящемъ ихъ, Словѣни же ови пришедше сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне Ляхове, друзи Лутичи, инии Мазовшане, инии Поморяне. Такоже и ти Словѣне пришедше и сѣдоша по Днѣпру, и нарекошася Поляне, а друзи Древяне, зане сѣдоша въ лѣсѣхъ, а друзи сѣдоша межи Припятью и Двиною, и нарекошася Дреговичи-

нии съдоша на Двинѣ и нарекошася
лане, рѣчки ради, яже втечетъ въ
7, и имень Полота, отъ сея прозва-
Полочане. Словѣни же съдоша око-
ра Илмера, прозвашася своимъ имя-
, и сдѣлаша градъ, и нарекоша ѣ
городъ; а друзи съдоша по Деснѣ,
Семи, по Сулѣ, и нарекошася Сѣ-

Тако разидеся Словѣнскій языкъ;
же и грамота прозвася Словѣнская.
юмъ же жившимъ особѣ по горамъ
бѣ путь изъ Варягъ въ Греки; и
Грекъ по Днѣпру, и верхъ Днѣпра
къ до Ловоти, по Ловоти вйти въ
рѣ озеро великое, изъ него же озе-
втечетъ Волховъ и втечетъ въ озе-
мное Неву, того озера видеть устье
оре Варяжское, и по тому морю ити
ма, а отъ Рима прити по тому же
къ Царюгороду, а отъ Царягорода
и въ Понтъ море, въ не же втечетъ
рѣка. Днѣпръ бо потече изъ
скаго лѣса, и потечеть на полъдне;
ина изъ того же лѣса потечеть, а
на полунощѣ, и видеть въ море
жское (*Балтійское*); изъ того же
потече Волга на вѣстокъ, и вте-
семьдесятъ жерель въ море Хва-
жое (*Каспійское*). Тѣмже и изъ Ру-
ожеть ити въ Болгары и въ Хвали-
на вѣстокъ донти въ жребіи Синовъ;
Двинѣ въ Варяги, изъ Варягъ до
, отъ Рима до племени Хамова. А
рѣ втечетъ въ Понетское море же-
ль, еже море слово Руское, по не-
ге училъ святый Ондрѣй братъ Пе-
ь.... Полянѣмъ же живущемъ особѣ
лодѣюшемъ роды своими, иже и до
братѣ бяху Поляне, и живяху кож-
ь своимъ родомъ и на своихъ мѣ-
ь, владѣюще каждо родомъ своимъ.
а 3 братья, единому имя Кій, а дру-
Щекъ, а третьему Хоривъ, сестра
Лыбедь. Сѣдѣще Кій на горѣ, гдѣ
нынѣ увозъ Боричевъ, а Щекъ сѣ-
на горѣ, гдѣ нынѣ зовется Ще-

ковица, а Хоривъ на третьей горѣ, отъ
него же прозвася Хоревица; и створиша
градъ, во имя брата своего старѣйшаго,
и нарекоша имя ему Кіевъ. Бяше около
града лѣсъ и боръ великъ, и бяху ловя-
ща звѣрь; бяху мужи мудри и смыслени,
варидяхуся Поляне, отъ нихъ же есть
Поляне въ Кіевѣ и до сего дне... И по
сихъ братьи держати почаша родъ ихъ
княженъ въ Поляхъ; въ Деревляхъ свое,
а Дреговичи свое, а Словѣни свое въ Но-
вѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже По-
лочане. Отъ нихъ же Кривичи, иже сѣ-
дѣтъ на верхъ Волги, и на верхъ Дви-
ны и на верхъ Днѣпра, ихъ же градъ
есть Смоленскъ; туда бо сѣдѣтъ Криви-
чи, таже Сѣверъ отъ нихъ. На Бѣлѣозе-
рѣ сѣдѣтъ Весь, а на Ростовскомъ озе-
рѣ Меря, а на Клещинѣ озерѣ Меря же;
по Оцѣ рѣцѣ, гдѣ потече въ Волгу, Му-
рома языкъ свой, и Черемиси свой языкъ,
Мордва свой языкъ. Се бо токмо Сло-
вѣнскъ языкъ въ Руси: Поляне, Дерев-
ляне, Ноугородьци, Полочане, Дреговичи,
Сѣверъ, Бужаме, зане съдоша по Бугу,
послѣже Велиняне. А се суть нинѣ язы-
ци, иже дань даютъ Руси: Чюдь, Меря,
Весь, Мурома, Черемисъ, Мордва, Пермь,
Печера, Ямъ, Литва, Зимигола, Корсь,
Норова, Либь; си суть свой языкъ иму-
ще, отъ колѣна Афетова, иже живутъ
въ странахъ полунощныхъ....

Полянѣмъ же живущемъ особѣ, суще
отъ рода Словѣнска, и нарекошася По-
ляне, а Древляне же отъ Словѣнъ же, и
нарекошася Древляне; Радимичи бо и Вя-
тичи отъ Ляховъ. Бяста бо 2 брата въ
Лясѣхъ, Радимъ, а другій Вятко; и при-
шедша съдоша, Радимъ на Съжю, про-
звашася Радимичи, а Вятко сѣде съ ро-
домъ своимъ по Оцѣ, отъ него же про-
звашася Вятичи. И живяху въ мирѣ По-
ляне, и Деревляне, Сѣверъ, и Радимичь,
и Вятичи и Хрватѣ. Дулѣби живяху по
Бугу, гдѣ нынѣ Велиняне, а Улучи,
Тиверьци сѣдаху къ Дунаеву; бѣ множь-

ста ить, славу бы и дѣлству или во
моря, суть тѣмъ ить и до сего днѣ, а
ть се иазу отъ Грѣкъ Великая Слѣнь.

Литр. 3. 5.

293. Вѣдѣнія отъ Славянъ 1674 г.

О имену Русскому, или славянскому, или русскому, или о нарѣчїи, или названїи ево. Русскїи или нарѣчїе русскїи народи тыжже суть Славяне. Еликоже бы естества, отъ своего Азета и тыжже языкъ шю яко Славяне отъ славянъ дѣлаетъ своимъ языкомъ славянское или себе прибрѣтѣна, тако во времени отъ росѣянїа шю многїи страны и племена своего, Россїяны, а потоки Россїи прозваша. Итии близъ именованныхъ времени сказовашу Россю отъ города Русы, недалеко в. Новгородѣ лежаща; иныи отъ рѣки Роси; другїи отъ рускѣхъ волокъ, съ яковыми и ныи везѣ много суть Русы. Но паче всѣхъ тѣхъ подобїи достовѣрїе и приличїе отъ росѣянїа своего Россю ии то отъ древнихъ времени себе стѣжаша. Ибо на широкой части свѣта по многимъ различнымъ странамъ, иныи надъ моремъ Чернымъ, Понтскимъ Евксїновъ, иныи надъ Танаисъ или Домомъ и Волгою рѣками, иныи надъ Дунайскими, Днѣстровыми, Днѣпровыми, Десновыми берегами, широко и различно селенїями своими росѣяшася. Тако всѣ древнїи лѣтописци греческїи, русскїи, римскїи и польскїи свидѣтельствуютъ; наиаче и божественное писанїе отъ пророчества Іезекїялева въ главѣ 39 ии тое Россю приличїи изъясляетъ, нарицающе ииизя, Росъ, Мосохъ и прочая. И тако Россю отъ росѣянїа своего прозвашася, и отъ Славяновъ именовъ точию разнествуютъ; по роду же своему единыи суть, и яко единъ и тойжде народъ Славенскїи, на-

рицается славенороссїи или славенороссїи.

О имену Сарматскомъ и е нарѣчїи ево. Сарматскїи, или Сарматскїи страна есть въ тѣхъ же Едрѣхъ. 3-я часть Слѣта, край Азетина, иже сугуба есть: одна Славяна, иже ииизя Слѣны или Татаре. ииизя Москва, Русь, Поляки, Литва, Прусы и прочїи обитавшїи. Сарматскїи прозашася греческїи отъ ииизя ииизя ииизя естество или ииизя ииизя естество. Ибо естество греческїи сарматскїи, а оныи оныи нарицается. Иже тыжже странамъ нарицѣнъ именованъ естество естество, но иже страхъ и ииизя оныи народа Сарматского ииизя, за во прежде вся земля отъ снѣгъ ииизя тѣхъ. Ииизя лѣтописци родъ Сарматскїи производятъ отъ Асармова, или отъ Сармова, праправдѣ Арександра, сына Савома. Ииизя отъ Ривома, ииизя Азетина, того родъ; яко Асармова и Ривома ииизя совокупившася купно обитавшїи, оныи ииизя тѣхъ сарматскїи именованъ всѣ праправдѣ наши славенороссїи, Москва, Россю, Поляки, Литва, Поморане, Валныи и прочїи заключаются. Понеже и Сарматскїи такожде, яко и Россю отъ ииизя на ииизя естество ииизя и роспрошенными и росѣянными греческїи древнїи лѣтописци съ русскїими и съ прочїими согласно нарицають.

О народъ Роксоланскїи, и о нарѣчїи ево. О тѣхъ же сарматскїи и славяно-росскїи осадъ той же народъ Россїи ииизя, отъ него же ииизя нарицахуся Россю, а ииизя Аламы, а потоки прозвашася Роксоланы, или бы Россю и Аламы. Понеже всѣ лѣтописци ииизя тѣхъ народовъ предреченныхъ нарицѣнъ паче, нежели естествомъ раздѣляютъ, Азетово ииизя племя быти повѣдающе, и Сармова праотца Мосоха сына его нарицающе; ибо тыжже народы славенороссїи, по времени ииизя, и по различныхъ мѣстѣхъ вселяющася, еще и

ными различными именъ отъ рѣкъ, лѣсовъ, примѣтовъ, полей, отъ дѣлъ, и отъ князей своихъ именъ и нарѣй, прозваны быша, якоже Болгары и Волонцы отъ рѣки Волги; Муровляне отъ рѣки Муравы, или отъ князя Мората; Полочане отъ рѣки Полоты; Донцы отъ Дона; Запорожцы отъ Запорожья; козакъ отъ славнаго своего древняго вѣковаго вождя прозвѣщаема Козака, побѣдивша съ нимъ Татаровъ, прозвѣщаема; Древляне или Полгъслане отъ древеси, или отъ лѣсовъ густыхъ; Поляне, или Поляки отъ поля; Половцы отъ лова звѣрина и отъ лѣвну людей; Петвези отъ жестокости и мучительства своего; Татары отъ рѣки Тартаръ. А тыиже народы татарскіи, егда посѣдоша страну Фракійскую, ижеже Константинополь и прочіи грады, прозвѣнн бяху отъ Фраковъ, то есть отъ жителей страны, нарицаемой Фракія, Труки, а потому преложениемъ двоихъ словесъ азбучныхъ Турки прозвѣшася. Скѣи, тыиже Татары отъ горы Скѣи наречены суть; зане подъ тою горою яко и Кавказскою сначала обитаху; Сѣверяне отъ страны Сѣверскіи надъ Десною и Сеймомъ рѣками сѣдши; Литва отъ Литвоса сына царя Вейдевута Прускаго; Чехи отъ Чеха князя; Ляхи или Лехи отъ Леха перваго короля польскаго; Москва народъ отъ Мосоха праотца своего и всѣхъ Славенороссовъ, сына Аѣтова: а царствующій градъ Москва отъ рѣки Москвы, и прочая сими подобная.

О Мосохъ—прародителѣ славенороссійскомъ и о племени его. Мосохъ, 6-й сынъ Аѣтовъ, внукъ Ноевъ, толкуеть же ся отъ еврейскаго славенскыи вытѣгающій и рѣстѣгающій, отъ вытѣганія лука и отъ разширенія великихъ и множественныхъ народовъ московскихъ, славенороссійскихъ, польскихъ, вольнскихъ, чешскихъ, болгарскихъ, сербскихъ, карвацкихъ и всѣхъ обще, елико ихъ есть, славенскаго языка природѣ употреблю-

щихъ. Той бо Мосохъ по потоку лѣта 131 шедши отъ Вавилона съ племенемъ своимъ абіе въ Азію и Европу надъ берегами Понтскаго или Чернаго моря народы *Мосховитовъ* отъ своего имени осадил и оттуду умножшуся народу, поступая день отъ дне въ полунощныя страны за Черное море, надъ Дономъ и Волгою рѣками, и надъ озеромъ или отногою морскою Меотисъ, ижеже Донъ впадаетъ, въ поляхъ широко селеныи своими распротрянишася, по свойству и истолкованію имени отца своего *Мосоха*. Ибо яко Аѣтъ толкуеться разширеніе, или разширительнъ; тако подобно сказуется и Мосохъ растѣгающій и далече вытѣгающій. И тако отъ Мосоха, праотца славенороссійскаго, по наследію его, не токмо Москва народъ великій, но и вся Русь или Россія вышереченная произыде, аще въ ижеже странахъ мало что въ словесѣхъ и ижеже обаче единымъ Славенскимъ языкомъ глаголютъ.

О нарѣчїи Москвы народа и царствующаго града. Нарѣчїе то Москва отъ имени праотца Мосоха изшедше, аще оно нескончи вѣсто древнимъ лѣтописцемъ бѣ, обаче на мнози и въ молчанїи пребываше. Ибо егда трие братія князи варязстїи, о нихъ же будетъ ниже, и в. княгиня Ольга, или Елена, и всея Россїи первый самодержецъ Владимиръ, и второй Меномахъ, Россїю обладаша, тогда Россїи или Русїи звахуся; а въ россійскихъ земляхъ точию кїевскїи, владимїрскїи, великоновгородскїи, черниговскїи, галицкїи, славенскїи и прочїи князи именити бяху. Москва бо городъ надъ рѣкою Москвою отъ имени ея нареченный, наипервѣ изъ древа созданъ бысть и назначенъ даже до в. кн. Іоана Даниловича, иже престолъ княженїя отъ Владимира града въ Москву градъ пренесе.

И тако величествомъ славы Престола княженїя отъ Владимира града пренесеннаго, богоспасаемаго града Москва про-

славися, и прородительное въ немъ имя Мосоха въ народѣ россійскомъ обновися, еже неуядомою въ вѣки памятію цвѣтущи, изряднѣе же благодатию божію отъ силы въ силу отъ славы въ славу преспѣвая, на высочайшій степенъ самодержавнаго царства востече и благочестіемъ, силою и мужествомъ православныхъ царей, наипаче великими чудесы святыхъ россійскихъ московскихъ чудотворцевъ на высоту добродѣтелей возвысившися, яко солнце по вселеннѣй просвѣтися и паче вныхъ сіяеть.

(*Кіевс. Синописъ 1836 і Кіевъ. стр. 8—16*).

Синописъ или сокращеніе русской исторіи—былъ первой попыткой систематическаго ея изложенія и эта книга въ свое время была единственнымъ учебникомъ. Составителемъ ея былъ Кіевопечерскій архимандритъ Иппокритъ Гизель и въ первый разъ напечаталъ ее въ 1674 г. До XIV в. онъ сократилъ хроникъ Феодосія Софоновича, шюмена Кіево-михайловскаго Златоверхаго монастыря, изданную въ 1672 г. Нѣкоторые извѣстія заимствованы изъ польскихъ хроникъ и преимущественно изъ исторіи Стрыйковскаго, который пользовался такими летописями, которыхъ или пропали, или переименованы польскими писателями. Поэтому Синописъ относится къ источникамъ Русской Исторіи, и Академія Наукъ съ 1756 г., въ продолженіе столѣтій, издавала его 18 разъ. Эта книга, по всей вѣроятности, была поводомъ къ сочиненію „Сокращенія Рос. Ист.“ въ 36 главахъ дякомъ Федоромъ Грибободовымъ 1676 г.; книга эта, написанная для царя Федора Алексеевича, не была издана. Точно также не издано сочиненіе по Русской Исторіи справщика типографіи Федора Поликарпова: въ 1708 г. Петръ В. поручилъ ему написать обзоръ событій Рус. Исторіи отъ Василія IV. до своего времени въ сжатомъ и пространномъ видѣ. Въ 1746 г. Поликарповъ исполнилъ свой трудъ, но онъ не понравился Петру и не извѣстно, куда дѣвался. Синописомъ пользовался А. Манкіевъ при составленіи извѣстной книги „Ядро Рос. Исторіи“, которая несправедливо приписывалась кн. Хиткову Миллеромъ, издавшимъ въ 1770 г. Какъ Гизель, такъ и Манкіевъ, держались показаній Стрыйковскаго и внесли въ свои исторіи много баснословныхъ повѣстей, нелѣпыхъ соображеній и разсказовъ, образ-

чикъ которыхъ мы представимъ. Оба они согласны, что в. кн. Ольга была правнучкой Гостомысла,—Радимъ, Вятко и Дульбъ—стоили полководцами Кія, Щека и Хорива,—Славяне помогли Александру Македонскому; но только Манкіевъ прибавляетъ, что грамота, написанная Славянами золотыми буквами Александромъ, хранится въ архивѣ Турецкаго султана. „Но какъ ни страши, говоритъ С. М. Соловьевъ, иногда отступленія автора Ядра, какъ мы ошибочно бываемъ иногда по показаніямъ, все они несравненно выше автора Синописиса, который, слѣдуя постоянно литовскимъ и польскимъ источникамъ, преимущественно Стрыйковскому, перемѣшиваетъ клязды и событія, опускаетъ главное, выставляетъ незначущее, составляетъ разпорочивыя свидѣтельства объ одномъ и томъ же событіи; такъ, напр., говоритъ, что Владиміръ Мономахъ добылъ цѣль, поле и шапку клязую отъ старосты кавинскаго, котораго поборолъ на подикъ, и на другой же страницѣ говоритъ, что все эти вещи присланы были Мономаху изъ Византіи; Романъ Ростисл. смоленскій смѣшалъ съ Романомъ Мстисл. волынскимъ и т. под. Напротивъ трудъ Манкіева мы не усумнились дать почетное мѣсто въ нашей исторической литературѣ: исключая древнѣйшій періодъ, событія передали въ немъ беззатѣно, обстоятельно, почти безошибочно; не забудемъ, что и послѣ, когда начали появляться болѣе обширныя сочиненія по части Русской Исторіи, то они касались обыкновенно древнѣйшихъ ея періодовъ, и Ядро оставалось отнюдь не самымъ полнымъ руководствомъ къ изученію Русской Исторіи; этимъ объясняется то, что оно достигло четырехъ изданій (1770, 1784, 1791, 1799)“. *Арх. Калачова. кн. 2 полов. 1. отд. III, стр. 3—15.*

294. Смерть Игоря и несть Ольги.

Въ лѣто 6453 (945). Въ се же лѣто рекоша дружина Игоревн: зотроци Свѣныгъжи изодѣлися суть оруженъ и порты, а мы назн; поиди, княже, съ нами въ дань, да и ты добудеш и мы. Послуша ихъ Игорь, иде въ Деревя въ дань, и примышляше къ первой дани, насвляше имъ, и мужи его; возъемавъ дань, поиде въ градъ свой. Идуцю же ему въспятъ, размысливъ рече дружинѣ своей: идѣте съ данью дошови,

а я возвращося, похожу и еще. Пустя дружинну свою домови, съ маломъ же дружины возвратися, желая больша имѣнія. Слышавше же Деревляне, яко опять идеть, сдушавше со княземъ своимъ Маломъ: «аще ся въвадитъ (*новодитя*) волкъ въ овцѣ, то выносить все стадо, аще не убьютъ его; тако и се, аще не убьемъ его, то вся ны погубить», послаша къ нему глаголюще: «почто идеши опять? пошлалъ еси всю дань». И не послуша ихъ Игорьъ, и вышедше изъ града Изъкорьстѣня Деревляне убиша Игоря и дружинну его; бѣ бо ихъ мало. И погребенъ бысть Игорь; естъ могила его у Искорьстѣня града въ Деревѣхъ и до сего дне.

Вольга же бяше въ Киевѣ съ сыномъ своимъ съ дѣтскомъ Святославомъ, и кормилецъ его Асмудъ, воевода бѣ Свѣнелдъ, то же отецъ Мистивичъ. Рѣша же Деревляне: «се князя убихомъ рускаго; поимемъ жену его Вольгу за князя свой Малъ, и Святослава, и створимъ ему якоже хощемъ». И послаша Деревляне лучшіе мужи, числомъ 20, въ лодыи къ Ользѣ, и присташа подъ Боричевымъ въ лодыи. Бѣ бо тогда вода текущи въздогъ горы кievьскія, и на Подольи не сѣдаху людье, но на горѣ; градъ же бѣ Киевъ, идѣже естъ нынѣ дворъ Гордятинъ и Никифоровъ, а дворъ княжь баше въ городѣ, идѣже естъ нынѣ дворъ Воротиславъ и Чюднѣ, а перевѣсище (¹) бѣ въ градѣ, и бѣ въ градѣ дворъ другыи, идѣже естъ дворъ Демьстиковъ, за святою Богородицею надъ горою дворъ теремный, бѣ бѣ ту теремъ каменъ. И повѣдаша Ользѣ, яко Деревляне придоша, и возва е Ольга къ собѣ: «добри гостѣ придоша» и рѣша Деревляне: «придохомъ, княгине». И рече имъ Ольга: «да глаголете, что ради придосте

(¹) *Перевѣсище*—сѣтъ для лодыи плыти.

сѣмо? Рѣша же Деревляне: «посла ны Деревьска земля, рькуще сице: мужа твоего убихомъ, бяше бо мужъ твой яко волкъ восхщяя и грабя, а наши князи добри суть, иже распасли суть (*управили*) Деревьску землю; да поиди за князь нашъ Малъ; бѣ бо имя ему Малъ, князю Деревьску. Рѣче же имъ Ольга: «любя ми естъ рѣчь ваша, уже имѣ мужа своего не (*во*)кресити; но хощю вы почтити наутриа предъ людьми своимъ, и нынѣ идѣте въ лодыи свою и ляжете въ лодыи величающесе, азъ утро послю по вы, вы же рѣцѣте: не ѣдемъ на конѣхъ, ни пѣши идемъ, но понесѣте ны въ лодѣ; и възнесутъ вы въ лодыи, и отусти я въ лодыи. Ольга же повелѣ ископати яму велику и глубокую на дворѣ теремьстѣмъ, въ градѣ. И заутра Волга, сѣдаши въ теремѣ, посла по гости, и придоша къ нимъ глаголюще: «зоветь вы Ольга на честь велику». Они же рѣша: «не ѣдемъ на конѣхъ, ни на возѣхъ, ни пѣши идемъ, понесѣте ны въ лодыи». Рѣша же Княне: «имамъ пелья; князь нашъ убьенъ, а княгини наша хоще на вашъ князь» и понесоша я въ лодыи. Они же сѣдаху въ перегьбѣхъ въ великихъ сустугахъ гордящесе (¹); и принесоша я на дворъ къ Ользѣ, несѣше вринуша е въ яму и съ лодыи. Приникъши Ольга и рече имъ: «добра ли вы честь? они же рѣша: «лучше ны (*хуже* намъ) Игоревы смерти» и повелѣ засыпати я живы, и посыпаша я. Пославши Ольга къ Деревляномъ рече имъ: «да аще ня просите право, то пришлите мужа нарочиты, да въ велицѣ чти приду за вашъ князь, еда (*имаче*) не пусятъ мене людье Киевскіи». Се слышавше Деревляне, избраша лучшіе мужи, иже дерьжаху Деревьску

(¹) Въроятно, перегьблесе, вѣжничая в яму, лаясь. *Сустуга*—на простонародномъ языкѣ—привизна, привалъ.

Голуби же и воробьево полетѣна въ гвѣзда свѣд, ови въ голубники, вработѣе же подѣ стрѣхи; и тако възгарахуса голубьницѣ ово клѣти, ово вежѣ⁽¹⁾, ово ли одрины⁽²⁾, и не бѣ двора идѣже не горяше, и не бѣ лѣзѣ гасити, все бо дворѣ възгорѣшася. И побѣгоша людѣ изъ града, и повелѣ Ольга воесть своимъ княти ѣ; яко вая градъ и пошѣже и, старѣйшимъ же града възнима, и прочая люди овыхъ избѣ, а другія работѣ предасть мужамъ своимъ, а прокъ ихъ остави платити даль. И възможи на ня дань тяжку, а часть дани влеса Киеву, а третья Вышегороду къ Олзѣ; бѣ бо Вышегородъ градъ Волыань. И иде Волыга по Деръветѣи земли съ сыномъ своимъ и съ дружиною, уставляючи уставы и уроки; суть становичи еѣ в лѣвнища. И приде въ градъ свой Киевъ съ сыномъ своимъ Святославомъ, а пребыши гдѣ едино.

(Лавр. I, 23—25).

295. Убиеніе Бориса и Гдѣба да 1093.

Святославъ же съде Киевѣ по отци своимъ, и съзва Кыяны, и нача дати имъ имѣнье; они же приимаху, и не бѣ сердце ихъ съ нимъ, яко братья ихъ бѣша с Борисомъ. И Борису же възвратившася съ волъ, не обрѣтши Поченѣгъ, вѣсть приде къ нему: отцы ти оумерель. И плакася по отци велики, любивъ бо бѣ отцемъ своимъ паче всѣхъ, и егда на Лѣтѣ пришедъ. Рѣша же ему дружина отця: се дружина оу тебе отыя и волъ, пенди, сяди Киевѣ на столѣ отци; онъ же рече: не буди мнѣ възмяти руки на брата своего старѣйшаго; аще и отецъ ми оумре, то съ ми буди къ отцу имѣто. И се слышавше волъ, разидошася отъ него, Борисъ

(1) Вежа — палатъ.

(2) Одрина — вѣтъ, гдѣ сидѣтъ.

же стояше съ отроки своими. Святославъ же исполнивъся безаконья, Канюръ слысегъ приимъ, пославъ къ Борису, глаголаша: яко с тобою хочю любовь имѣти, и къ отцу придамъ ти, а лѣтя подѣ ними, како бы и погубити. Святославъ же приде ночью Вышегороду отан, призва Путцо и вышегородскыѣ боярыцѣ, и рече имъ: приде ли ми вѣсть сердцевѣ? рече же Путца с Вышегородьци: можежъ главы своя сложити за тя. Онъ же рече имъ: не повѣдуче никомуже; шедше оубиите брата моего Бориса, они же вкорѣ обѣщашася ему са створити. О сяковыхъ бо Соломонъ рече: скорѣ суть пролиты кровь бес правды; ти бо обещавшася крови, собирають себѣ злая; си нутье суть скопчавшици безаконья, нечестьемъ бо свою думю емлють. Послани же придоша на Лѣто ночью, и подѣступивша ближе, в слышаша блаженаго Бориса поюща заутреню; бѣ бо ему вѣсть оуже, яко хотять погубити и. И вставъ нача пѣти, глагола: Господи, что ся оумножиша стужающии мнѣ? мнози вѣстають на мя, и проч... И кончавъ оксансалма (*исотопсалмю*), оувидѣвъ, яко послани суть губити его, нача пѣти псалтырю, глагола: яко обидоша на оуши тучи, и сборѣ злобныхъ оуби мѣ; Господи Боже мой, на та оуповахъ, и спаси мя и отъ всѣхъ гонимыхъ забави мя. Посемъ же нача канунъ пѣти; таче канчавъ заутреню, помолиа глагола, зря на икону на образъ Владычнь, глагола есице: Господи Исусе Христе, иже сими образомъ явша на земли спасенья ради нашего, възвонъ своимъ водемъ пригвоздити на крестѣ рудѣ свои, и приимъ страсть грѣхъ ради нашихъ, тако и мене сподоби прияти страсть; се же не отъ противныхъ приимаю, но отъ брата своего, и не створи ему, Господи, в семь грѣха. И помолившися ему, възлеже на одрѣ своемъ. И се нападоша акы звѣрье дивни около шатра, и насунуша и конь; и прободоша Бориса, и слугу его, падша

на немъ, прободоша с нимъ; бѣ бо се любилъ Борисомъ. Баше отрокъ съ родомъ сынъ Оугрескъ, именовъ Георгия, его же любилъ повелику Борисъ, бѣ бо възложилъ наъ гривну злату велику, въ нем же предъстояше предъ нимъ: и избивша же и ны отроки Борисовы многы. Георгиеви же сему не могуще вборзѣ сняти гривны съ шнѣ, оусѣкнуша главу его, и тако сняша; и тѣмъ же послѣже не обрѣтоша тѣла сего въ трупни. Боркса же убивше оканьнии, оувертѣвшѣ въ шатеръ, възложивше на кола, повезоша ѿ, и еще дышюще ему. Оувѣдѣвшѣ же се оканьнии Святополкъ, яко еще дышетъ, посла два Варага прикончить его: онѣма же пришедшема, и видѣша, яко и еще живъ есть; единъ ею извлекъ мечъ, пронзе и къ сердцю. И тако скончаша блаженный Борисъ, вѣнецъ приемъ отъ Христа Бога съ праведными, причетъся съ пророки и апостолы, с лики мученичьскими водворяся, Аврааму на лонѣ почивая, видя неиздреченную радость, въспѣвая съ ангелы, и веселися в лику святыхъ. И положиша тѣло его, принесше отан Вышегороду, оу церкви св. Василья. Оканьнии же си оубилицѣ придоша къ Святополку, акы хулу имуще, незаконьници. Суть же именована симъ законопреступникомъ: Путьша, и Талець, Еловить, Лашько; отецъ же ихъ сотона. Сици бо слугы бѣси бываютъ; бѣси бо на злое посылаеми бываютъ, ангели на благое посылаеми. Ангелъ бо чловѣку зло не створяеть, но благое мыслить ему всегда, паче же хрестьяномъ помогаютъ, и заступаютъ отъ супротивнаго дьявола: а бѣси на злое всегда ловять, завидяще ему; понеже видятъ чловѣка Богомъ пощѣна и завидяще ему, на зло слемн спорн суть. Золъ бо чловѣкъ, тѣсая на злое, не хужи есть бѣса; бѣси бо Бога боятсѣ, а золъ чловѣкъ ни Бога боитсѣ, ни чловѣкъ ся стыдитъ; бѣси бо преста ся боятъ господня, а чловѣкъ золъ ни креста ся боить.

Святополкъ же оканьнии помысли въ собѣ, рекъ: се оубихъ Бориса, како бы оубити Глѣба? I приемъ помыслъ Канновъ, с лестью посла къ Глѣбу, глаголю снцѣ: поиди вборзѣ, отецъ ти зоветъ, и здравить бо велии. Глѣбъ же, вборзѣ всѣдъ на конѣ, с малою дружиною поидѣ. бѣ бо послушавъ отцю. И пришедши ему на Волгу, на поли потчеся конь въ рѣ, и наломъ ему ногу мало; и приде Смоленьску, и поидѣ отъ Смоленьска яко зрѣмо, и ста на Смяднѣ въ насадѣ. Все же время пришла бѣ вѣсть къ Ярославу отъ Передѣславы о отни смерти, и послъ Ярославъ къ Глѣбу, глаголю: не ходи, отецъ ти оумеръ, а братъ ти оубьенъ отъ Святополка. Се слышавъ Глѣбъ, вѣдъ велии съ слезами, плачеша по отци, и чѣ же по братѣ, и нача молитися съ слезами, глаголю: оувы мнѣ, Господи! луче бы ми оумрети съ братомъ, нежели жити на свѣтѣ семъ; аще бо быхъ, брате мой, видѣлъ лице твое ангельское, оумеръ быхъ с тобою: нынѣ же что ради остана азъ единъ? кдѣ суть словеса твоя, аже глагола къ мнѣ, брате мой любими? нынѣ оуже не оуслышю тихаго твоего наказанья: да аще еси получилъ дарование оу Бога, молися о мнѣ, да и азъ быхъ туже страсть приалъ; луче бо ми было с тобою жити, нежели въ свѣтѣ семъ предѣстѣмъ. И снцѣ ему молящюся съ слезами, се внезапно придоша посланци отъ Святополка на погубленѣ Глѣбу, и ту абѣ посланци аша корабль Глѣбовъ, и обнажиша оружье. Отроки Глѣбови оуныша; оканьнии же посланци Горисѣръ повелѣ вборзѣ зарѣзати Глѣба; поваръ же Глѣбовъ, именовъ Торчинъ, вынесъ ножъ, зарѣза Глѣба. Акы агня непорочно принесеса на жертву Богови, в воюю благооуханья, жертва словесная, и прии вѣнецъ; вшедъ въ небесныя обители, и оузрѣ желаемаго брата своего, и радовашеся съ нимъ неиздреченной радостью, юже оулучиста братолюбьемъ своимъ. Се колъ

добро и коль красно, еже жити братама
вкупѣ! Окашнии же възвратима въспати,
якоже рече Давидъ: да възвратятся грѣ-
шници въ адъ. Онѣмъ же пришедшимъ,
и повѣдаша Святополку: яко створихомъ
повелѣная тобою. Онъ же се слышавъ,
възнесеся сердце его болма, невѣдый
Давыда глаголюща; что ся хвалиши о
злюбѣ, силнии? безаконье весь день оу-
мысли языкъ твой. Глѣбу же оубьену
бывшю и повержену на брезѣ межи двѣ-
ма колодама, посеми же вземше везоша
ѣ, и положиша ѣ оу брата своего Бори-
са оу церкви св. Василья.

И съвкуцлена тѣломъ, паче же душама
оу владыкы Всецаря, пребывающа в ра-
дости бесконечнѣи, во свѣтѣ неиздречен-
нѣмъ, подающа и цѣлебныя дары Русьстѣи
земли, и нѣтъ приходящимъ страннымъ
с вѣрою даета ицѣленье: хромымъ ходити,
слѣпымъ прозрѣнне, болящимъ цѣлбы, око-
ванымъ разрѣшенне, темницамъ отвер-
зене, печальнымъ оутѣха, напастнымъ из-
бавленне, и еста заступника Русьстѣи зе-
мли, и свѣтланика сияюща и молящася
къ Владыцѣ о своихъ людехъ. Тѣмъ же
и мы должны есмы хвалити достойно стра-
стотерпца христова, молящася пригѣжно
к нима, рекуще: радунтася, страстотерп-
ца христова Русьскыя земля, яже ицѣ-
ленне подаета приходящимъ к вамъ вѣ-
рою и любовью. Радунтася, небесная жи-
теля, въ плоти ангела быста, единомы-
сленная служителя, верста единообразна,
святымъ единомушьна; тѣмъ стражующимъ
всѣмъ ицѣленне подаета. Радунтася, Бо-
рисе и Глѣбе богомудрая, яко потока то-
чита отъ кладязя воды живоносныя; ицѣ-
ленья истѣкають вѣрнымъ людемъ на
ицѣленне.

(По изд. Тимковс. 92—99. Давр.
55—56).

Кромѣ сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ, Черноризецъ Іаковъ написалъ 1. житіе и похвалу св. Влади-
миру (Христ. чт. 1849 г. II, 317) и 2. Слово
в. кн. Дмитрію не позже 1078 г. (Ист. рус. цер.

Макарія II, 303—306). Объ этомъ писателѣ см.
замѣчанія Погодина и другіихъ. Изв. Акад. I, 326.
II, 81. 113. 157. 209. 145. Чт. общ. Ист. 1859.
Матер. I.

296. Ослѣпленіе Василья.

Въ лѣто 6605 (1097). Придоша Свя-
тополкъ, Володимерь, Давыдъ Игоревичь,
и Василько Ростиславичь, и Давыдъ Свя-
тославичь, и братъ его Олегъ, и сняша-
ся Любичи на устроенье мира, и глагола-
ша къ собѣ, рекуще: »почто губимъ Русь-
скую землю, сами на ся котору (*раз-
доръ*) дѣюще? а Половци землю нашу
несутъ розно, и ради суть, оже нежею
нами рати; да нонѣ отселѣ инемъся въ
едино сердце и блюдемъ Рускыѣ земли,
каждо да держитъ отчину свою: Свято-
полкъ Кіевъ Изяславлю, Володимерь Все-
волождю, Давыдъ и Олегъ и Ярославъ Свя-
тославлю; а нѣтъ же роздалять Всеволодъ
городы, Давыду Володимерь, Ростислави-
чема Перемышль Володаревн, Тѣребовль
Василкови. И на томъ цѣловаша крестъ,
»да аще кто отселѣ на кого будетъ, то
на того будемъ вси и крестъ честный«;
рекоша вси: »да будетъ на нь крестъ че-
стный и вся земля Русьская«, и цѣло-
вавшася поидоша всвоеси. И приде Свя-
тополкъ съ Давыдомъ Кіеву, и ради бы-
ша люде вси; но толкмо дьяволъ печа-
ленъ баше о любви сей, и влѣзе сотона
въ сердце нѣкоторымъ мужемъ, и поча-
ша глаголати къ Давыдови Игоревичю, ре-
куще слце: »яко Володимерь сложился
естъ съ Василкомъ на Святополка и на
тя«. Давыдъ же емъ вѣру (*повѣрилъ*)
лживымъ словомъ, нача молвити на Ва-
силка, глагола: »кто естъ убилъ брата
твоего Ярополка? а нынѣ мыслитъ на мя
и на тя, и сложился естъ съ Володимеромъ;
да промышляй о своей головѣ«. Свято-
полкъ же смятася умомъ, река: »еда се
право будетъ, или лжа«, не вѣдѣ; и ре-
че Святополкъ къ Давыдови: »да аще

право глаголеши, Богъ ти буди послухъ (свидѣтель); да аще ли завистью молвишь, Богъ будетъ за тѣмъ. Святополкъ же сжалиси по братѣ своему и о собѣ, нача помышляти, еда се право будетъ? и ѿ (възлѣ) вѣру Давыдови, и прелести Давыдъ Святополка, и начаста думати о Василкѣ, а Василко сего не вѣдаше и Володимерь. И нача Давыдъ глаголати: «аще не имевъ (ме поймаемъ) Василка, то ни тобѣ княженя Кыевъ, ни мнѣ въ Володимери». И послуша его Святополкъ. И приде Василко въ 4 ноябрья, и перевезеси на выдобычъ, и иде поклонити къ св. Михаилу въ монастырь, и ужина ту (туть), а товары (обозъ, запасы) своя постави на Рудци, вечеру же бывшу приде въ товаръ свои. И наутрѣ же бывшу, присла Святополкъ, река (рекъ): «не ходи отъ именинъ моихъ». Василко же отпрѣся, река: «не могу ждати; еда будетъ рать дома». И присла къ нему Давыдъ: «не ходи, брате, не ослушайся брата старѣйшаго», и не вехотѣ Василко послушати. И рече Давыдъ Святополку: «видѣши ли, не помнитъ тебе, ходя въ твою руку; аще ти отъидеть въ свою волость, да узришь, аще ти не займетъ градъ твоихъ Турова и Пиньска, и прочихъ градъ твоихъ, да помянешъ мене; но призвавъ Кіаны и емъ, и дѣжъ мнѣ». И послуша его Святополкъ, и посла по Василка, глаголя: «да аще не хочешь остати до именинъ моихъ, да приди нынѣ дѣлуеши мя, и посѣднѣ вси съ Давыдомъ». Василко же общася прити, не вѣдыи асти, юже имяше на нь Давыдъ. Василко же всѣдъ на конь поѣха, и устрѣте ѿ дѣтскыи его и повѣда ему, глаголя: «не ходи, княже, хотять ты яти», и не послуша его, помышляя, «како мя хотять яти? и оно мнѣ дѣловаше крестъ, рекуще: аще кто на кого будетъ, то на того будетъ крестъ и мы вси», и помысливъ си прекрестися, рекъ: «воля господна да будетъ». И прѣхъ въ малѣ

дружинѣ на княжъ дворъ; и вылѣзе (вышелъ) противу его Святополкъ, и идоша къ востобку, и приде Давыдъ, и сѣдоша. И нача глаголати Святополкъ: «останися на святокъ». И рече Василко: «не могу остати, брате; уже есмъ повелѣлъ товаромъ поити переди». Давыдъ же сѣдлаше акы вѣмъ, и рече Святополкъ: «да заутрокай, брате!» и общася Василко заутрапати. И рече Святополкъ: «посѣдита вы сдѣ, а язъ лѣзу, наряжю», и лѣзе вонъ, а Давыдъ съ Василкомъ сѣдоста. И нача Василко глаголати къ Давыдови, и не бѣ въ Давыдѣ гласа, ни послушанья; бѣ бо ужаслѣся, и лѣсть нѣтъ въ сердци. И посѣ(и)дѣвъ Давыдъ мало, рече: «кдѣ есть братъ?» Они же реша ему: «стойтъ на сѣнехъ». И вставъ Давыдъ, рече: азъ иду по нь; а ты брате, посѣди. И вставъ иде вонъ. И яко выступи Давыдъ, и запроша Василка въ 5 ноябрья, и оковаша ѿ въ двои оковы, и приставиша къ нему сторожѣ на ночь. Наутрѣ же Святополкъ созва бояръ и Кыянъ, и повѣда имъ, еже бѣ ему повѣдалъ Давыдъ: «яко брата ти убилъ, а на ты свѣчался (совѣщался) съ Володимеромъ, и хотять ты убити и грады твои зяти». И рѣша бояре и людье: «тобѣ, княже, достойтъ блюсти головы своее; да аще есть право молвилъ Давыдъ, да приметъ Василко казнь; аще ли неправо глагола Давыдъ, да приметъ мечь отъ Бога и отвѣчаетъ предъ Богомъ». И увѣдѣша игумени, и начаша молитися о Василкѣ Святополку; и рече имъ Святополкъ: «ото Давыдъ». Увѣдѣвъ же Давыдъ, нача поуцати (научать) на ослѣпленье: «аще ли сего не створишь а отпустишь ѿ, то ни тобѣ княжити, ни мнѣ». Святополкъ же хотяше пустити ѿ, но Давыдъ не хотяше, блюдася его. И на ту ночь ведоша ѿ Бѣлугороду, иже градъ малъ у Кіева яко 10 верстъ въ дале, и привезоша ѿ на колѣхъ (на колесахъ, на телегахъ), окована суца, ссадиша ѿ съ колъ, и ведо-

ша ѿ въ истобку малу. И сѣдѣю ему, узрѣ Василко Торчина остряца ножъ, и разумѣ, яко хотѣтъ ѿ слѣпнѣти, възпи къ Богу плачешъ великимъ и стенаньемъ. И се влѣзоша послании Святополкомъ и Давыдомъ, Сновидъ Изечевичъ конюхъ Святополчъ, и Дмитръ конюхъ Давыдовъ, и почаста простирати коверъ, и простерша яста Василка и хотѣща ѿ поврещи; и боряшется съ нима крѣпко, и не можаста его поврещи и се влѣзше друзии повергоша ѿ, и связаша ѿ, и снемше доску съ печи, и вложиша на перси его; и сѣдоста обапола Сновидъ Изечевичъ и Дмитръ, и не можаста удержати; и приступиша на два, и сняста другую доску съ печи и сѣдоста, и удариша ѿ рамяно (*сильно*), яко пересѣтъ троскотати (*трещати*). И приступи Торчинъ, именовъ Беренди, овчюхъ (*пастухъ*) Святополчъ держа ножъ и хотѣ ударити въ око, и грѣшися (*не попалъ*) ока и перерѣза ему лице, и есть рана та Василкѣ и нынѣ; и посемъ удари ѿ въ око, и взяша зѣнищу, и посемъ въ другое око, и взя другую зѣнищу, и томъ часѣ бысть яко и мертвъ. И взяше ѿ на коврѣ, вложиша на кола яко мертва, повезоша ѿ Володимерю. И бысть везома ему, сташа съ нимъ перешедше мость Звиженскый, на торговищи (*рынокъ*), и сволокоша съ него сорочку кроваву суцю, и вдаша попадѣя опрати (*вымыть*); попадѣя же оправши вложи на нь, онѣмъ обѣдующимъ, и плакатися нача попадѣя, яко мертву суцю оному. И очюти плачь и рече: «кдѣ се есмь»? Они же рекоша ему: «въ Звиждени городѣ». И впроси воды, они же даша ему, и испи воды, и вступи въ онѣ душа, и упомянуся, и пощюпа сорочки и рече: «чему есте сняли съ мене? да быхъ въ той сорочкѣ кровавѣ смерть приялъ и сталъ предъ Богомъ». Онѣмъ же обѣдавшимъ, поидоша съ нимъ вскорѣ на колѣхъ, а по грудну пути, бѣ то тогда мѣсяцъ

зрудень, рекше (*то есть*) ноябрь (1). И придоша съ нимъ Володимерю въ 6 день. Приде же и Давыдъ съ нимъ, аки нѣкакъ (*какъ будто какой*) уловъ уловивъ, и посадиша ѿ въ дворѣ Вакѣвѣ, и приставиша 30 мужъ стеречи и 2 отрока княжа, Уланъ и Колчко. Володимеръ же слышавъ, яко ятъ бысть Василко и слѣпленъ, ужасеся, и всплакавъ и рече: «сега не бывало есть въ Русьскѣй земли, ни при дѣдѣхъ нашихъ, ни при отцѣхъ нашихъ, сякого зла». И ту абѣ посла къ Давыду и къ Олгови Святославичема, глаголя: «повѣдѣта къ Городцю, да поправимъ сега зла, еже ся створи се въ Русьскѣй земли и въ насъ и братья, еже вверже въ ны ножъ; да аще сега не правимъ, то большее зло встанеть въ насъ, и начнетъ братъ брата закалати, и погыбнетъ земля Руская, и врази наши Половци пришедше возмутъ землю Русьскую». Се слышавъ Давыдъ и Олегъ, печална быста велики и плакастася, рекуца: «яко сега не было въ родѣ нашемъ». и ту абѣ собравъша воѣ, придоша къ Володимерю. Володимерю же съ вои стоящю въ бору, Володимеръ же,

(1) Славянскія названія мѣсяцевъ сохранились въ церковномъ обиходѣ XIII в. Мѣсяць Сентябрь, римскій *Рюинъ*, Октябрь—*Листопадъ*, Ноябрь—*Грудень*, Декабрь—*Студень*, Январь—*Просинечъ*, Февраль—*Сльчени*, Мартъ—*Сухтѣй*, Апрель—*Брѣзозоръ*, Май—*Травень*, Июнь—*Изокъ*, Июль—*Червень*, Августъ—*Заревъ*. (Опис. Рум. Муз. стр. 105. Ист. рус. ц. III, пр. 179).

Карамзинъ объясняетъ названія мѣсяцевъ слѣд. обр.: *Рюинъ*—результъ, отъ рева зѣбрей; *Грудень*—отъ груди свѣга или мерзлой грязи; *Промнечъ*—отъ сняты неба; *Березозоль*—отъ золь березовой; *Изокъ*—отъ какой то пѣвчей птицы (*изокъ*—кузнечикъ); *Червень*—отъ красныхъ ягодъ или плодовъ; *Заревъ*—отъ Зари или Зарницъ. (Ист. гос. Рос. I, пр. 159 и текстъ).

О славянскихъ названіяхъ мѣсяцевъ см. Вѣст. Евр. 1818, ч. 97. № 4. 283 Рус. Бес. 1857, II. 88, 1858, I. II. 116. Ж. М. Н. Пр. 1863, Июль I. V, 9—10.

и Давыдъ, и Олегъ послаша мужъ свой, глаголюще къ Святополку: «что се зло створишь еси въ Русьскѣй земли, и ввергъ есе ножъ въ ны? чему еси слѣпиль братъ свой? аще ти бы виша кая была нань, обличилъ бы ѿ предъ нами, и упрѣвъ (доказавъ) бы ѿ створишь ему; а нынѣ ави вину его, оже ему се створишь еси». И рече Святополкъ: яко повѣда ми Давыдъ Игоревичъ, яко Василко брата ти убилъ Ярополка, и тебе хочеть убити и зяти волю твою, Туровъ, и Пинескъ, и Берестіе, и Погорину а заходилъ ротѣ (принималъ присягу) съ Володимиромъ, яко състи Володимеру Кыевъ, а Василкови Володимери; а неволя ми своее головы блюсти, а не язъ яго (его) слѣпиль, но Давыдъ и велъ ѿ къ собѣ. И рѣша мужи Володимери, и Давыдови, и Олгови: «завѣста о семъ не имѣи, яко Давыдъ есть слѣпиль ѿ: не въ Давыдовѣ городѣ ятъ, ни слѣпленъ, но въ твоємъ градѣ ятъ и слѣпленъ. И се имъ глаголющимъ разидошася разнѡ. Наутрѣ же хотящимъ чрезъ Дѣпръ на Святополка, Святополкъ же хотѣ побѣгнути изъ Кіева; не даша ему Кыяне, но послаша Всеволожую (княгиню) и митрополита Николу къ Володимеру, глаголюще: «молимся, княже, тобѣ и брата твоего, не мѡзѣте погубити Русьскыѣ земли; аще бо възмете рать (будете воевать) межю собою, поганѣ имуть радоватися и возмуть землю нашу, иже бѣша стяжали отци ваши и дѣды ваши, трудомъ великимъ и храбрѣствомъ побарающе по Русьскѣй земли, ны земли прискываху; а вы хочете погубити землю Русьскую». Всеволожая же и митрополитъ придоста къ Володимеру, и молилася ему, и повѣдаста молбу Кыянъ, яко творити миръ и блюсти землѣ Русьскѣй, и брань имѣти съ погаными (Половцями). Се слышавъ Володимеръ, расплакавъся и рече: «по истинѣ отци наши и дѣди наши блю-

ли землю Русьскую, а мы хочемъ погубити». И преклонися на молбу княгини, чтяше ю акы матеръ, отца ради своего, бѣ бо любимъ отцю своему повелену (сильно), и въ животѣ и по смерти не ослушаяся его ни въ чемъ же; тѣмъ же и послуша ея, акы матере, и митрополита, такоже чтяше санъ святительскыи, и преслуша молбы его. Володимеръ бо такъ баше любезнивъ: любовь имѣя къ митрополитомъ и къ епископомъ и къ ииужномъ, паче же и чернечскыи чинъ любя, и черници любя, приходящая къ нему напѣташе и напаяше, акы мати дѣя своя; аще кого видяше ли шюмна, ли къ коемъ зазорѣ (1), не осудяше, но вся и любовь прекладаше. Но мы на семъ възвратимся. Княгини же бывши у Володимера, приде Кыеву и повѣда вса рѣчи Святополку и Кияномъ, яко миръ будетъ. И начаша межю собою мужи слати, и умиршася на семъ, яко рѣши Святополку: «яко се Давыдова сколот; то иди ты, Святополче, на Давыда, любя ими (возьми), любя прожени (проими) ѿ»; Святополкъ же емъся по се, и кѣловаша крестъ межю собою, миръ створише. Василкови же сущю Володимери, на прежерѣченѣмъ мѣстѣ, и яко приближися постъ великыи, и миѣ ту сущю Володимери, въ едину ноць присла по мя князь Давыдъ. И придохъ къ нему, и сѣдаху около его дружина, и посадивъ мя и рече ми: «се молвилъ Василко си ноци къ Уланови и Колчи, рекъ тако: се слышу, оже идетъ Володимеръ и Святополкъ на Давыда; да же бы мене Давыдъ послушалъ, да быхъ послалъ мужъ свой къ Володимеру воротитися, вѣдѣ бо ся съ нимъ что молвивъ, и не поидеть; да се, Василю, шлю тя, иди къ Васи-

(1) Шумна—загорна, буина, или въ какомъ либо простуикѣ.

газу своему (1), съ сима отрокама, и ему тако: оже хочени послати свой, и воротится Володимеръ, то ти которой ти городъ любь (нра-), любо (или) Всеволожь, любо ъ, любо Перемиль. Азь же ядохъ ялякови, и повѣдахъ ему вся рѣчи ны. Онъ же рече: «сега есмь вилъ; но надѣюся на Богъ, пошлю, да не прольяли мене ради крови; у ми дивно, дасть ми городъ свой, Торебовль, моя власть» (волюсть). ни и нынѣ якоже и бысть; вскопріа власть свою. Мнѣ же рече: къ Давыдови и рци ему: пришла льмѣя, то пошлю къ Володимеру. послуша его Давыдъ, и посла мя юка: «нѣту Кулиѣя». И рече ми о: «посѣди мало», и повелѣ слугу ему ити вонъ, и сѣде со мною, и и глаголати: «се слышю, оже мя дати Ляхомъ Давыдъ; то се мало сытълъ крове моя, а се хочеть насытитися, оже мя власть имѣ, Ляхомъ много зла творихъ, и хосмь створити и истити Русьскѣй и аще мя власть Ляхомъ, не бою рти; но се повѣдаю ти: по истинѣ мя Богъ наведе за мое възвы- (самонадѣянность), яко приде ть, яко мдутъ ко мнѣ Берендичи, нѣзан, и Торци, и рекохъ въ умѣ : оже ми будутъ Берендичи и Пе- и Торци, реку брату своему Во- и Давыдови: дайте ми дружинну олоднюю, а сама пѣйта и веселя- помыслихъ: на землю Лядскую (самонадѣяность) наступлю на зиму, и на лѣ- возму землю Лядскую, и мыщю ую землю; и посемъ хотѣтъ есмь (взять) Болгары Дунайскыѣ, и ти я у себе; и посемъ хотахъ

проситися у Святополка и у Володимера ити на Половци, да любо налѣзу собѣ славу, а любо голову свою сложю за Русскую землю. Ино помышленье въ сердци моемъ не было ни на Святополка, ни на Давыда, а се кленуся Богомъ и его пришествіемъ, яко не помыслилъ есмь зла братѣи своей ни въ чемъ же, но за мое възнесенье (гордость) низложи мя Богъ и смири. Посемъ же приходашю велику дни, поиде Давыдъ, хотя переяти Василкову волюсть; и усрѣте ѣ Володаръ, братъ Василковъ, у Божьска, и не смѣ Давыдъ стати противу Василкову брату Володарю, и затворися въ Бужьскѣ, и Володаръ оступи ѣ въ городѣ. И нача Володаръ молвити: «почто зло створивъ и не каенися его? да уже помниися, колико еси зла створилъ». Давыдъ же на Святополка нача звѣтъ имѣти (свалить вину), глаголя: «ци я се створилъ, ли въ моемъ городѣ? я ся самъ боялъ, аще быша и мене яли и створили такоже; неволя ми было пристати въ свѣтъ, ходяче въ руку». И рече Володаръ: «Богъ свѣдѣтель тому; и нынѣ нусти братъ мой, и створю съ тобою миръ». И радъ бывъ Давыдъ, посла по Василка, и приведъ ѣ дасть Володарю, и створися миръ, и разошася. И сѣде Василко Теребовля, а Давыдъ приде Володимерю и насташа весѣ, приде Володаръ и Василко на Давыда, и придоша ко Всеволожу, а Давыдъ затворися Володимери. Оиѣма же ставшима около Всеволожа, и взяста кошьемъ градъ и зажгоста огнемъ и бѣгоша людѣ огня и повелѣ Василко ивѣчи вся, и створи мищенье на людехъ неповинныхъ, и прольа кровь неповинну. Посемъ же придоша къ Володимерю, и затворися Давыдъ въ Володимери, и си оступися градъ. И послаша къ Володимерцемъ, глаголя: «въ не приходовѣ на градъ вашъ, ни на васъ, но на врагы своя, Турыка, и на Лазаря, и на Василка, ти бо суть намовили (подумали)

Теза—теска: писатель сказанія былъ Василько также Василь.

Давыда, и тѣхъ есть послушалъ Давыдъ и створилъ зло; да аще хочете за сихъ битися, да се мы готовы; а любо дайте врагы наша. Гражане же се слышавъ, созвана вѣче, и рѣша Давыдови людье: «выдай мужи сія, не бьемъся за сихъ, а за ти битися можемъ; аще ли, то отворимъ врата граду, а самъ промышлай о собѣ», — и неволя бысть выдати ѱ. И рече Давыдъ: «нѣту ихъ здѣ», — бѣ бо ѱ (*схвативъ*) послалъ Лучьску; онѣшъ же пошедшимъ Лучьску, Турякъ бѣжа Кыеву, а Лазарь и Василь воротистася Турійску. И слышаша людье, яко Турійскѣ суть, кликнуща людье на Давыда и рекоша: «выдай кого ти хотять; аще ли то предаемъся». Давыдъ же пославъ приведе Василя и Лазаря, и дастъ ѱ; и створиша миръ въ недѣлю, а заутра по зори, повѣсиша Василя и Лазаря и растрѣляша стрѣлами Василяковича, и идоша отъ града. Се же 2-е мщенье створи, его же не бяше лѣно створити, дабы Богъ отместникъ былъ, и вложити было на Бога мщенье свое, якоже рече пророкъ: и вздасть мечь врагомъ, и ненавидящимъ мя вздамъ, яко кровь сыновъ своихъ ищааетъ и мститъ, и вдасть мечь врагомъ и ненавидящимъ его. Смиъ же отъ града отшедшимъ, сею же снемше погребоша ѱ. Святополку же обѣщавшюся прогнати Давыда, поиде къ Берестью къ Лахомъ (*Полякомъ*); се слышавъ Давыдъ, иде въ Ляхы къ Володиславу, ища помощи. Ляхове же обѣщася ему помагати, и взяша у него злата 50 гривенъ, рекуще ему: «пойди съ нами Берестью, яко се забить (*мамитъ*) ны Святополкъ на снемъ; и ту умиримъ тя съ Святополкомъ»; и послушавъ ихъ Давыдъ, иде Берестью съ Володиславомъ. И ста Святополкъ въ градъ, а Ляхове на Бугу, и сослася рѣчьми Святопокъ съ Ляхы, и вдасть дары великы на Давыда; и рече Володиславъ Давыдови: «не послушаетъ мене Святополкъ; да иди опять». И приде Давыдъ

Володимерю, и Святополкъ съвѣтъ съ Ляхы, поиде къ Пиньску, пославъ вой; и приде Дорогобужю, и дожди вой своихъ, и поиде на Давыда къ г и Давыдъ затворися въ градъ, чая (*одал*) помощи въ Лясѣхъ, бѣша бо рекли: «яко аще придуть на тя рече князи, то мы ти будемъ помощникъ и солгаша ему, емлюще злато у Д и у Святополка. Святополкъ же к градъ, и стоя Святополкъ около гра недѣль; и почя Давыдъ молятися: и мя изъ града»; Святополкъ же обѣ ему, и цѣловаста крестъ межю с и изиде изъ града, и приде въ Чер а Святополкъ вииде въ градъ въ ве субботу, а Давыдъ бѣжа въ Ляхы. тополкъ же прогнавъ Давыда, нача ти на Володаря и на Василя, гд «яко се есть волость отца моего и та», — и поиде на на. Се слышавъ даръ и Василю, повдоста противу, ше крестъ, его же бѣ цѣловалъ къ на семъ, яко «на Давыда пришелъ а съ вама хочю имѣти миръ и люб И преступи святополкъ крестъ, на на множество вой. И срѣтошася на на Рожни, исполчившимся обонимъ, и сляко възвыся крестъ, глаголя: «яко еси цѣловалъ, се перьѣе взялъ зракъ очю моею, а се нынѣ хо взяти душу мою; да буди межю крестъ съ (*сей*)», — и поидоша къ къ боеви, и ступишася полци, и человекци благовѣрнии видѣша крестъ Василякови вой, възвышся велими. | же велицѣ бывши и мнощѣмъ падомъ отъ обою полку, и видѣвъ Святоп яко люта брань, и побѣже, и при Володимерю; Володаръ же и Василю бѣдивша, ста ста ту, рекуща: «дов (*слѣдуетъ*) нама на межю своей ст; и не идоста никаможе. Святополкъ прибѣже Володимерю, и съ нимъ его 2, и Ярополчича 2, и Святоша Давыдовъ Святославича, и прочая др

на. Святополкъ же посади въ Володимери Мстислава, иже бѣ ему отъ наложницѣ, а Ярослава посла въ Угры (къ Венграмъ), вабя Угры на Володаря, а самъ иде Къеву. Ярославъ же, сынъ Святополчъ, приде съ Угры, и король Коломанъ и 2 пископа, и стаха около Перемышля по Вагру, а Володаръ затворися въ градѣ. Давыдъ бо въ то чивъ (часъ) пришедъ изъ Ляховъ, и посади жену свою у Володаря, а самъ иде въ Половцѣ; и устрѣте ѿ Бонякъ, и воротися Давыдъ, и поидоста на Угры. Идуща же има, стаха ночлѣгу, и яко бысть полунощи, и вставъ Бонякъ отѣха отъ вой, и почавыти волчьскы, и волкъ отвыся ему, и начаша волци выти мнози; Бонякъ же прѣхавъ повѣда Давыдови, яко побѣда ны есть на Угры завтра (1). И наутрѣ Бонякъ исполни вон своѣ, и бысть Давыдовъ вой 100, а у самого 300; и раздѣли на 3 полкы, и поиде къ Угromъ, и пусти на ворогъ (набѣгомъ) Алтуану въ 50 чади (человѣкъ), а Давыда постави подъ стягомъ (подъ знаменемъ), а самъ раздѣлился на 2 части, по 50 на сторонѣ. Угры же исполнишася на заступы (застава), бѣ бо Угръ числомъ 100 тысячъ. Алтунопа же пригна къ 1-му заступу, и стрѣливше побѣгнуша предъ Угры, Угры же погнаша по нихъ; яко бѣжаше мѣшуша Боняка, и Бонякъ погнаше сѣка въ тылъ, а Алтунопа възвратяшеться вспять (назадъ), и не допустяху Угръ опять, и тако множицею убивая сбиша ѣ въ мячь; Бонякъ же раздѣлился на 3 полкы, и сбиша Угры акы въ мячь, яко се соколъ сбиваетъ галицѣ (галокъ). И побѣгоша Угры, и мнози истопомаша въ Вагру, а друзи въ Сану, и бѣжаше возлѣ Санъ у гору, и спихаху другъ друга,

(1) Сувѣрное понятіе о признавахъ побѣды. Сличн съ Сл. о пол. Игор. и сказан. о Куликос. битвѣ.

и гнаша по нихъ 2 дни, сѣкуше. Туже убиша и пискона ихъ Кушана, и отъ боляръ многы; глаголаху бо, яко погыбло ихъ 40 тысячъ. Ярославъ же бѣжа на Ляхы, и приде Берестью, а Давыдъ заимъ Сутѣску, Червень, приде внезапно и заи Володимерцѣ, а Мстиславъ затворися въ градѣ съ засадою, иже бѣша у него Берестьяне, Пиняне, Выгошевци, и ста Давыдъ, остунивъ градъ, и часто пристунаше. Единою поступивша къ граду подъ вежами, овѣмъ (имыемъ) же бьющымъ съ града, и стрѣляющимъ межн собою, няяху стрѣлы акы дождь; Мстиславу же хоташю стрѣлити, внезапно ударенъ бысть подъ пазуху стрѣлою, на заборогѣхъ, сквозѣ дску скважною, и сведоша ѿ, и на ту ночь умрѣ, и тинша ѿ 3 дни, и въ 4-й день повѣдаша на вѣчи. И рѣша людье: «се князь убьенъ; да аще ся вдамы, Святополкъ погубитъ ны все, и послаша къ Святополку, глаголя: «се сынъ твой убьенъ, а ны изнемогаемъ гладомъ; да аще не правдони, хотять ся людье предати, не могуше глада терпѣти». Святополкъ посла Путяту, воеводу своего; Путята же съ вой пришедъ къ Лучьску къ Святоши, сыну Давыдову, и ту бяху мужи Давыдови у Святошѣ, заходилъ бо бѣ ротъ Святоша къ Давыдови: «аще поидеть на ти Святополкъ, то повѣмъ ти»; и не створи сего Святоша, но изъима мужи Давыдовы, а самъ поиде на Давыда. И приде Святоша и Путята авг. въ 5 день, Давыдовымъ воемъ обложившимъ градъ, въ полуденъе Давыдови спящю, и наподоша на нь и почаша сѣчи; и горожане скочивша съ града, и почаша сѣчи, воѣ Давыдовы, и побѣже Давыдъ и Мстиславъ, сыновець его. Святоша же и Путята прѣста градъ, и посадиста посадника Святополча Васля; и приде Святоша Лучьску, а Путята Къеву. Давыдъ побѣже въ Половцѣ, и устрѣте ѿ Бонякъ; и поиде Давыдъ и Бонякъ на Святошу къ Лучьску, и от-

ступиша Святошо въ градѣ, и створиша миръ. И изиде Святоша изъ града и приде къ отцю своему Чернигову; а Давыдъ перее Лучьскъ, и оттуду приде Володимерю; посадникъ же Василь выбѣже, а Давыдъ перее (запаялъ) Володимерь и сѣде въ немъ. А на 2-е лѣто Святополкъ, Володимерь; Давыдъ и Олегъ привабиша Давыда Игоревича, и не даша ему Володимера, но даша ему Дорогобужь, въ немъ же и умре; а Святополкъ перее Володимерь, и посади въ немъ сына своего Ярослава.

(Лавр. I, 109—116).

297. Борьба между князьями.

Бысть вѣсть (1146) къ Косняткови мужю Святославу, оже Давыдовича думаста яти брата своего Святослава; и присла Коснятко ко князю своему, река: «княже! думаютъ о тобѣ, хотятъ яти, аче по ты прислота братья, не ѣди къ нимъ». Лукавый бо пронырливый дьяволъ, не хотяи добра межи братьею, хотяи приложити зло ко злу, и вложи нма мысль не вискати брата Игоря, ни помянути отечества и о хрестѣ утверженія, ни божественныя любви, якоже бѣ лѣпо жити братьи единомысленно укупѣ, блюдучи отечества своего; но преступивша крестное утверженіе и забыша страха божія, и посластася къ Изяславу: «Игорь како те тобѣ золь былъ, тако и нама, а держи твердо» — а къ Святославу посласта, режоста: «пойди изъ Новгорода Путивлю, а брата ся Игоря лини». Святославъ же рече: «ни волости хочу, ни много чего, развѣ толико пустите ми брата» — она же режоста: «цѣлуй къ нама крестъ, яко не просити брата, ни его взицещи, а волость держи». Святославъ же, прослезився, рече, пославъ къ Юргеву у Суждалъ: «брата ми Всеволода Богъ поялъ, а Иго-

ря Изяславъ ялъ, а пойдѣ въ Рускую землю Кіеву, милосердовавъ ми налѣзи брата; а язъ ти сдѣ, надѣяся Бозѣ и силѣ животворящаго хреста, буду ти помощникъ». Въ тоже веремя, божьенъ милосердьеиъ, прибѣже отъ строи Святославичъ Володимиръ, Ярославъ внукъ, къ Святославу, Новгороду, и тогда съ полку прибѣже къ нему Иванъ Берладникъ. Въ тоже веремя посла Святославъ въ Половци къ умѣ своимъ, и прииде ихъ къ нему въ борѣ 300. Изяславъ же водивъ Всеволодовича Святослава хресту, и да ему Бужьскый и Межибожье, 5 городовъ, а изъ Володимири введе. Вячеславъ же, се слышавъ, надѣяся на старинство и послушавъ бояръ своихъ, не приложи чести ко Изяславу, отъя городы опять, иже бяшетъ отъ него Всеволодъ отъялъ; не токмо же то, но Володимиръ зан и посади въ немъ Андреевича. Изяславъ же се слышавъ, посла брата своего Ростислава и Всеволодовича Святослава на стрья своего Вячеслава, и отъя отъ него Туровъ, и епископа туровьскаго Акима, и посадника его Жиро-слава Яванковича, и посади сына своего Ярослава въ Туровѣ. Давыдовича же режоста: «се есѣвъ зачала дѣло зло, а свершивѣ до конца братоубиство; пойдивѣ, искоренивѣ Святослава и переимевѣ волость его»; сгадаша же то въспросиша Изяслава нти на Святослава Новгороду. Томъ же лѣтѣ (1146) ходи Изяславъ къ Давыдовичема на снемъ, и рече нма: «пойди на Олговича на Святослава»; и посла съ нма сына своего Мьстислава, съ Переяславчи и съ Берендѣи, рекъ нмъ: «идите навъ, оже передъ вами не выбѣгнеть, станьте же около его; аче вы ся сътрудите, а я пакъ чѣлъ приду къ вамъ и стану около его, а вы домовъ поведете» и поидоша Новгороду. И пришедше ста-ша у переспы, оттуда идоша стрѣлци изъ товаръ къ граду къ вратомъ Черниговьскимъ, и ту бишуся много; утрѣи же

день исполчившася и поидоша къ вратомъ Курьскинѣ. И посла Мьстиславъ Изяславичь ко Володимиру и къ Изяславу Давыдовичема, и рече имъ: «братъ ваю, а мой отецъ, тако рекъ: къ городу же не приступайте, доколѣ же приду азъ, а како же угадаетъ, тако створимъ;» она же рекоста тако: «аже тако братъ велѣлъ, а тако и учинимъ», и не доидуча пакы града, стага блвзъ. И съѣхавшася Володимиръ, Изяславъ Давыдовича, и Мьстиславъ Изяславичь, вси на мѣсто, и пустиша стрѣльцѣ къ граду, хрестьяны и Берендѣя, а сами стага полкы и начаша ся бити, и бысть налога велика гражданомъ, и вбодоша я въ врата острожная, и много бѣ у нихъ убитыхъ и ураненыхъ; въ той же свадѣ убиша Дмитра Жирславича и Андрея Лазоревича. Бывшимъ же ся имъ и до вечера, и оттуда шедше стага у Мелтековъ селѣ, и оттуда послаше и заграбиша Игорева и Святослава стага въ лѣсѣ по Радни, кобылъ стадныхъ 3000, а конь 1000; послаше же во селомъ, ножгоша жита и дворы. Въ тоже время послася Святославъ къ Гюргеви, и цѣлова къ нему крестъ Гюрги, яко искати ему Игоря; и поиде Гюрги въ помочь ему. Услышавшю же Изяславу, яко Гюрги идетъ въ помочь къ Святославу, и послася Изяславъ Мьстиславичь полемъ къ Ростиславу Ярославичу у Рязань, а самъ Изяславъ всѣде на конь, на Святослава къ Новугороду иде, идѣже бѣ Володимиръ и Изяславъ Давыдовича и сынъ его Мьстиславъ; послушавъ же Изяслава Мьстиславича Ростиславъ воюеть волость его, и почя стеречи волости его. Гюргеви же бысть вѣсть, оже Ростиславъ воюеть волость его, и пусти Гюрги сына своего Иванка къ Святославу, а самъ узвратися изъ Козельска. Иванкови же Гюргевицу пришедшю въ Новъгородъ Святославу, и да ему Курескъ и съ Посемьемъ, а съ мужьми своими стадавъ, поимна своего до-

ела къ Давыдовичема, рекъ имъ: «братъ мой! се еста землю мою повоевали, и стада моя и брата моего заняли, жита пожгли и всю жизнь погубила еста..... По дьяволу научению, не бѣ то и еще до сыти, но идоста на Игорева селъце, идѣже баше устроилъ дворъ добръ; бѣ же ту готовиани много въ бретьяницяхъ (*медушакъ*), и въ погребѣхъ вина и медове, и что тяжкаго товара всякаго, до жалѣза и до мѣди, не тагли бжуть отъ множества всего того вывезати. Давыдовича же повѣлеста имати на возы собѣ и воємъ, и потомъ повѣлеста зажечи дворъ и церковь св. Георгия и гумно его, въ немъ же бѣ стоговъ 9 сотъ. И съѣхавшася Изяславъ, Володимиръ Давыдовича съ Мьстиславомъ Изяславичемъ, судуавше послашася противу Изяславу Мьстиславичю, а сами поидоша къ Путивлю, на Рожество христово, и тако приступиша къ граду; и не вѣдшася имъ Путивлечи, доидеже приде Изяславъ съ силою кievьскою. Онѣмъ же крѣпко бышшимъ съ града, повѣхаста Давыдовича и рекоста имъ: «не бѣйтеса, цѣлоныи на томъ святою Богородицю, оже не дати васъ на полонъ» — они же не дашася имъ. И приде Изяславъ Мьстиславичь съ полкы своими къ нимъ; они же выслашася къ Изяславу Мьстиславичю и поклонишася ему и тако рекоста: «тебе есмы ждали, княже, а чѣлчѣ къ намъ хрестъ». Изяславъ же цѣлова къ нимъ хрестъ и посадника ихъ выведе, а ового у нихъ посади. И ту дворъ Святославъ раздѣли на 4 части, и стотыницъ, бретьяницъ, и товаръ, иже бѣ немочно двинути, и въ погребѣхъ было 500 берковсковъ меду, а дивна 80 корчагъ; и церковь св. Виснесенія всю облущиша (*ободрали*), съсуды серебряныя, и индѣльцѣ, и платы служебныя, а все шито золотомъ, и кадьяничъ двѣ, и кацыи (1),

(1) Кацыи—глиняныя кадьяницы съ ручьѣми.

и евангеліе ковано, и книги, и колоколы; и не оставиша ничто же княжа, но все раздѣлиша, и челяди (людей) 7 соть. И приде Святославу вѣсть, оже Изяславъ Мстиславичъ пришелъ и городъ его взялъ, и вся яже въ немъ Святославу, и повѣда ему отца его мужъ, идѣ же бѣ у Володимира, оже Изяславъ идетъ на нь и хочеть оступити Новгородъ; Святославъ же повѣда Иванкови Гюргевичу, Иванови Ростиславичу Берладичу, и дружинѣ своей, и Половцемъ дикымъ уемъ (дядьямъ) своимъ, Тюркочю Осулоковичу и брату его Камось: «се на мя идетъ Изяславъ Мстиславичъ, а промыслимы о собѣ» — они же рече: «княже! не стращая поѣди, здѣ ти не о чемъ быти, нѣтуть ни жита, ни что, поиди въ лѣсную землю и оттудѣ ти ся блызь слати къ отцю своему Гюргевичю». И тако побѣже Святославъ изъ Новгорода Корачеву; дружина же его, бни по немъ идоша, а друзию остави его, и жена и дѣти съ нимъ, и ятровь свою Игоревую поя съ собою.

(Ипат. II, 25—27).

298. Переговоры съ Володимиромъ.

Изяславъ посла къ Володимиру галичскому (1152) Петра Бориславича, съ крестыными грамотами, зане тый же бяшетъ и въ Перемышляхъ съ королевы мужи водилъ къ хресту; и рече ему Изяславъ: «крестъ еси къ нама съ королемъ цѣловалъ на томъ, яко что Руской волости, то ти все воротити, и того еси всего не управилъ; нынѣ же азъ того не помню всего, но оже хочещи крестыному цѣлованію управити и съ нама быти, то узвортн моя города, на нихъ же еси къ нама съ королемъ крестъ цѣловалъ, не хочещи ли дати, то съступилъ

еси крестыного цѣлованія; а се твоѣ грамоты крестыныя, а нама королемъ съ тобою како Богъ дастъ». И рече Володимиръ: «рци, брате, изверемнилъ еси на мя и короля еси на мя възвелъ; но оже буду живъ, то любо свою голову сложу, любо себе мщю». И рече ему Петръ: «Княже! крестъ еси къ брату своему и Изяславу и къ королеви цѣловалъ, яко и все управити и съ нима быти; то ти еси уже съступилъ крестыного цѣлованія. И рече Володимиръ: «сїй ли крестъ малый?» (1) И рече Володимеру Петръ: «Княже! аче крестъ малъ, но сила велика естъ его на небеси и на земли; тобѣ естъ, княже, король являлъ твою честнаго хреста, оже Богъ своимъ вѣдомъ на томъ рудя свои простерлъ естъ, и привелъ и Богъ по своей милости къ св. Стефану, и то ти явилъ, оже цѣловалъ всечестнаго хреста, а съступилши, то не будещи живъ»; и рече ему Петръ: «а у королева еси мужа слышалъ ли о томъ честномъ крестѣ?» И рече Володимиръ: «вы того до сыти (топли) есте жили; а нынѣ ползи (ступай) вонъ, поѣди же къ своему князю». Петръ же положи ему грамоты крестыныя, дѣше вонъ, и не даша Петрови ни повоза, ни коня; Петръ же поѣха на своихъ конихъ. И якоже съѣха Петръ съ княжа двора, и Володимиръ поиде къ божици къ св. Свасу на вечернюю; и якоже бѣ на переходѣхъ до божици, и ту видѣ Петра идуща и поругася ему: «поѣха мужъ Рускый обнимавъ вся волости»; и то рекъ иде на полати (на жары). И отидше вечернюю, Володимиръ же поиде отъ божици, якоже бы на томъ мѣстѣ, на степенн, идѣже поругася Петрови, и рече: «оле тѣ нѣкто удари мя за плече», — и не може съ того мѣста ни мало носту-

(1) Т. е. — что мнѣ сдѣлать этотъ маленький крестикъ?

пити, и хотѣ легѣти (*слетѣль—было*); и ту подхытиша ѿ подѣ руцѣ, и несомѣ ѿ въ горенку, и вложиша ѿ въ укропѣ (*въ теплую воду*), и молваху, яко да естъ подѣстунѣла, и ниѣ же друго яко молваху, и много прикладываху. И бысть велии вечерѣ, Володимирѣ же нача изнемогати велии; и якоже бы влягомо ⁽¹⁾, и тако Володимирѣ галичскій князь преставися. Петрови же выѣхавшю изъ Галича, и бѣ ему уже вечерѣ, и лѣже у Болшеви; и якоже бысть убо къ куромѣ ⁽²⁾, и пригна дѣтскій изъ Галича къ Петрови, река: «князь ти молвить: неѣзди ни камо же, но жди ту, доколѣ по тя выслю». Петрови же не вѣдущю княжѣ смерти, ни тѣмъ дѣтскій не повѣдѣ, Петрѣ же тѣмъ печаленѣ бѣше велии, оже ему бѣше оиѣтъ въ городѣ поѣхати, творяшеться приѣти муку пуще того; Петрѣ же тужашеть. Яко бѣ еще до обѣда, и тако изъ града пригнаша по Петра, рекуще: «князь ти зоветъ». Петрѣ же поѣха въ градѣ, и приѣха на княжѣ дворѣ, и ту снѣдоша противу ему съ сѣней слугы княжи вси въ чернихъ мятихъ (*верхнихъ одеждахъ*), и видѣвъ се Петрѣ и подивися, что се естъ; и яже виде въ сѣни, и видѣ Ярославѣ сѣдѣща на отни мѣстѣ въ черни мяти и въ клобуцѣ, такоже и вси мужи его; и поставиша Петрови столецъ (*стулъ*) и сѣде. Ярославѣ же възрѣвъ на Петра и расплакася, Петрѣ не вѣдая сѣдѣше, и нача прашати: «что се естъ?» И повѣдаша ему: «Богѣ сы ночи князя поля»; и рече Петрѣ: «а сы ночи есмѣ поѣхалѣ, а онѣ добрѣ здоровѣ»; они же рекоша: «что си усунулѣ за плече, и съ того нача велии изнемогати; и тако Богѣ поиѣ ѿ»; и рече Петрѣ: «воля божѣя, а всимѣ

⁽¹⁾ Когда ложатся спать.

⁽²⁾ Когда пѣтухи поютъ, т. е. среди ночи.

тамо быти». Ярославѣ же рече Петрови: «мы есмѣ тебе того дѣла позвали: се Богѣ волю свою, како ему угодно, тако створилѣ естъ; а нынѣ повѣди къ отцю моему Изяславу, а отъ мене ся ему поклонѣ, и се ему явиши: аче Богѣ отца моего понялѣ, а ты ми буди въ отца мѣсто, а ты ся съ мопѣмъ отцемъ самѣ вѣдалѣ, что межѣ вама было, а то уже Богѣ осудилѣ; аче Богѣ отца моего понялѣ, а мене Богѣ на его мѣстѣ оставилѣ, а полкѣ его и дружина его у мене суть, развѣ оидно копѣ поставлено у гроба его, а и то въ руку мою естъ; нынѣ, отце, кланяются, приими мя яко сына своего Мьстислава, такоже и мене, атъ ѣздитѣ Мьстиславѣ подѣтъ твоеѣ стремени по одной сторонѣ тебе, а азѣ по другой сторонѣ подѣтъ твоеѣ стремени ѣзди всими своими полкы». И тако отпустиша Петра.

(Ипат. II, стр. 71—73).

299. Борьба Новгородцевъ съ Суздальцами.

а. Ходи изъ Новгорода Давыславъ Лазутиничъ на Двину (1169) дани имать, въ 500 мужѣ, и срѣтоша Суздальцѣ на Бѣлѣозерѣ въ 7000 мужѣ, и бишася, и паде Суздалецѣ 1000 и 300, а Новгородецѣ 15 мужѣ ⁽¹⁾; и взяша на Заволочанецѣхъ данѣ, а другую на Суздальскыхъ смердехъ. На зиму придоша Суздальци ратью къ Новгороду, на сборѣ (*въ воскресенье 1-й недѣли поста*), князь Романѣ Андрѣевичѣ, а съ нимѣ князь Мьстиславѣ съ Смоленяны, съ Рязанци, съ Муромци, съ Торопчаны, съ Полочаны, вся земля просто Руская, и бысть всѣхъ

⁽¹⁾ Разумѣется, это не вѣрно, но выражаетъ взглядъ современниковъ на силу Новгородцевъ.

и обидоша градъ, и бѣжася Крѣпко, Всеволодъ же Гюргевичъ посла къ нимъ въ помощь Ярослава Володимерича, свояка своего, а изъ Мурома Володимера и Давыда, и быша у Коломны; слышаша людѣ изъ Володимеря, бѣжаша отъ града. И видѣ Всеволодъ бѣжаша ихъ отъ града, выѣха изъ града, оставивъ брата Святослава въ градѣ, а самъ ѣха къ Коломнѣ противу Ярославу, Воломеру и Давыдови, и повѣда имъ, како бѣжали отъ града; и они услышавше, возвратишася Володимерю, Всеволодъ же иде съ ними на совѣтъ ко Всеволоду великому Юргевичю. Услышавъ же Романъ, Игорь и Володимеръ, оже воротилися опять, и брать ихъ шелъ Володимерю на совѣтъ ко Всеволоду Юргевичю, идоша ко граду; и Святославъ затворися въ градѣ, и бѣжася крѣпко, и переша воду у нихъ, и зомагаху же людѣ въ градѣ безводьши. И послаша въ градъ къ брату Святославу, глаголюще: «не морися голодомъ съ дружиною, и людѣи не помори, но глѣзи сѣмо къ намъ; ты намъ братъ свой, ци снѣмы ты? толико не приставай къ брату Всеволоду». Онъ же послушавъ бояръ своихъ, оже молвахуть ему: «братъ твой шелъ Володимерю, а тебе выдавъ, и отвори градъ. Они же въѣхавше даша ему городъ, а крестъ цѣлова къ нимъ, и посадиша ѣ въ томъ же градѣ, а что дружины Всеволожи, повязаша всѣхъ, жену же его и съ дѣтми, а свою ятворь (*свекровь*), ведоша въ Рязань, и бояръ его, и имѣнье ихъ розогнаша; и Володимерича многы повязаша иже бяху послани въ засаду къ нимъ. Услышавъ же Всеволодъ положену жену и съ дѣтми, и до бояръ, и имѣнье взято, печаленъ бысть велии, а братъ ся передалъ, приде изъ Володимеря и сѣде въ Коломнѣ; и почашася воевати, и бысть ненависть межю ими люта. Всеволодъ же Гюргевичъ слышавъ то, оже передался Святославъ на лѣсти, а

дружину его выдалъ, нача сбирати вой, река: «дай мою дружину добромъ, како то еси у мене поялъ; аще ся миришь съ братьею своею, а мои люди чему выдаешь? язъ къ тобѣ послалъ, а ты у мене выбилъ челоуъ, приславъ; аще ты ратенъ, си ратни же, аще ты миренъ, а си мирни же». Они же слышавше, оже хочеть ити на нь Всеволодъ, послаша къ нему глаголюще: «ты отецъ, ты господишь, ты братъ; гдѣ твоя обидя будетъ, мы переже тобѣ главы свое сложимъ за тя, а нонѣ не имѣи на насъ гнѣва; аще есмы воевали на своего брата, оже насъ не слушаетъ, а тобѣ ся кламяемъ, а мужѣ твои пуцаемъ». Всеволодъ же не всхотѣ мира ихъ, якоже пророкъ глаголетъ: брань славна лучесть мира студна (*худая*), съ лживымъ же миромъ живуще, велику пакость землямъ творять.

(И. С., Лит. I, 169—170).

301. Борьба г. Владимира съ Рязань 1207.

Всеволодъ в. князь рече слово Давыдово: ядый хлѣбъ мой възвеличилъ есть на мя лѣсть; и пакы рече: не убоюся зла, яко ты еси со мною, Господи, и поиде съ Москвы, совокупся съ сынами своими, съ Костянтиномъ, и Юргемъ, и Ярославомъ, и съ Володимеромъ, и придоша до Оки, и сташа възлѣ рѣку шатры, на березѣ на цологомъ. Того дне придоша къ нему и Рязаньскыи князи, Романъ, Святославъ братъ его съ двѣма сынома, а Игоревича 2 братья его Инъгварь и Юрги, и Володимерича 2 Глѣбъ и Олегъ, а Всеволодъ бяше умерлъ въ Проньскѣ братъ ихъ, и изъ Мурома Давыдъ; и цѣловавъ ихъ повелѣ имъ сѣсти въ шатрѣ, а самъ князь в. сѣде въ по-

ни (*постельномъ шатръ*), и на-
 ннѣ слати князя Давыда муром-
 и Михаила Борисовича, мужа свое-
 обличенье ихъ; и ходящимъ имъ
 время межи ими, онѣмъ же кле-
 ся и ротающимъ, яко цѣсть то та-
 лѣбъ же и Олегъ Володимерича,
 ича имъ своя, пришедше обличиста
 князь же вел. слышавъ, яко въоб-
 а ⁽¹⁾ бысть истина, повелѣ изъи-
 ихъ съ своими думцами (*советни-*
) и вестн ихъ въ Володимеръ, м.
 іря въ 22 день св. Фоки, въ день
 ый. И обмысьа на нихъ Давыдово
 глаголющее: се бо гдѣ неправдоу,
 болѣзнь, и роди безаконье; ровъ
 и ископа, и впадеся въ яму; юже
 ; и обратися болѣзнь, его на гла-
 у, и на верхъ его неправда его
 ь. А самъ вязъ в. наутрѣи донь
 одися черезъ Оку, въ день недѣл-
 и поиде къ Проньску; слышавъ же
 (*господинъ*) Михаилъ, оже ему
 ю изимаша, а отецъ ему мертвъ; а
 нь рать идеть, онъ же убоявися
 ко тѣти своему Чернигову. Про-
 ке погна къ собѣ Изяслава Вою-
 ича, и затворишася съ нимъ въ
 князь же в. приидеть ста у горо-
 оньска въ день суботный, и не хо-
 дѣти кровипролятя, и посла къ
 мужа своего Михаила Борисовича
 ѣ ихъ; они же не внушиша гла-
 ого, надѣющеся на градную твер-
 не вѣдуще реченаго пророкомъ
 мѣ: аще не Господь снѣжетъ дому,
 гудашася зяблющѣ, аще не Гос-
 трежеть града, и прочая... Слышавъ
 изъ в. рѣчь ихъ буюю (*трубую*)
 мѣ приступити ко граду со всѣ
 г, они же приступивше отъгна отъ
 зоду, они же бяхутся крѣпко изъ
 и мнози отъ обонхъ уязвляеми бя-

ху, и выходяща нещю вѣраду вѣду. То
 слышавъ князь Всеволодъ, повелѣ стрещи
 (*стеречь*) въ оружьи день и ноць около
 града, и роставля полкъ по вратамъ: Ко-
 стянтину, сынови своему, съ Новгородци
 и Бѣлозерци одна врата на горѣ, а
 Ярославу съ Переславци 2-я врата, Да-
 выду съ Муромци третьяя врата, а самъ
 князь в. ста за рѣкою съ поля Половецъ-
 каго, съ сынна своимъ Юремъ и Вою-
 димеромъ, и съ нимъ Глѣбъ и Олегъ Во-
 лодимерича. Они же бяхутся; казаючи
 изъ града не обрани дѣла, но жажы
 (*жажды*) ради водныя, зимираху бо
 мнози людье въ градѣ. Тогда же посла
 в. князь полкъ свой къ людьямъ по керѣ
 на Оку, и пристави къ нимъ Ольга Во-
 лодимерича; и бывшимъ имъ въ Ужеска
 (*Ожьска*), бысть имъ вѣсть, оже вы-
 шель изъ Рязаня Романъ Игоревичъ съ
 полкомъ и бѣеться съ лодейники у Ол-
 гова. Они же гнана видѣху къ лодьямъ,
 си же видѣше полкъ нашъ, отступиша
 отъ лодь и поставиша полкъ; наши же
 поставиша противу имъ, а по единой
 странѣ лодейники; и побѣди Олегъ Ро-
 мана, и вѣзвратишася наши оять къ
 Проньску съ побѣдою ко князю великому.
 И стояша около города 3 недѣли, и пе-
 редашася людье въ четвертъ 3-й недѣли
 м. октября въ 18 день, на память св.
 амоса *Луки бузгеласта*; князь же в.
 ошривъ ихъ, и посади у нихъ Ольга Во-
 лодимерича, а самъ поиде къ Рязаню,
 посадники посажавъ свои по всѣмъ го-
 родомъ ихъ. И бывши ему у Доброго,
 вѣста и хотише наутрѣи бродитися черезъ
 Проню рѣку и поити къ городу; Рязанци
 же прислашася къ нему съ поклономъ,
 молящеся, дабы не приходилъ къ городу;
 и епископъ ихъ Арсеній моляся, часто
 шля и глаголя: ѡ князь великий! не опу-
 сти (*не отпусти*) мѣсть честныхъ, не
 пожжи церквий святыхъ, въ нихъ же
 жертва Богу и молба стваряется за тя;
 а понѣ всю волю твою стваряемъ; чего

то хощеши. Князь же в. милосердъ сѣ, послуша молбы нхъ и поиде отъ нихъ къ Коломнѣ. То же слышавъ Рюрикъ князь, оже Всеволодъ в. князь стонѣ у Рязани, и князи нхъ изгнавъ, онъ же совокупляся и гна изъѣдомъ къ Киеву, и выгна Всеволода Чернигаго изъ Киева, а самъ сѣде въ нешъ. И ны та оставльше, на предняи възвратися. Князь же в. приде отъ Коломны на усть Мерьскы, и поставше ѿ епископъ нхъ съ млобюю и съ жеклономъ отъ всѣхъ людѣи, князь же в. оттогѣ поиде въ Володимерь, и шиде въ градъ м. ноября въ 21 день въ среду, на Введенье св. Богородица, и бысть радость велья въ градѣ Володимери.

(П. С. - Лѣт. I; 181—183).

302. Длинная битва.

Въ лѣто 6724 (1216). Князь в. Мстиславъ поиде съ Новгородци на зятя своего кн. Ярослава, м. марта въ 1 день, въ вторникъ; а въ четвертокъ побѣгоша къ Ярославу крестопреступници Володиславъ Завидовичъ, Гаврило Игоревичъ, Юрь Алексиничъ, Гаврило Милатиничъ, и съ женами и съ дѣтми. Князь же съ Новгородци быша верху Волгы, и кн. Святославъ обидѣ городецъ Ржеанку Мстиславъ съ полкы въ 10,000, Мстиславъ же съ Владимиромъ съ псковьскыи, поиде вборѣ въ 500, толко бо вофѣ вой бѣше, и пригоняша, а они бѣху побѣгли прочь; Ярунъ затворися въ градѣ въ 100, и отбѣся нхъ, и Мстиславъ зяз Зубцевъ. И быша на Волзѣ, прииде Володимерь Рюрковичъ съ Смоленны, и послаша на Торженъ къ Ярославу о миру, а сами еташа на Холодичѣ. Ярославъ же отвѣтъ да(лѣ): «миру не хощу, пошла есте, поидите же, но на сту васъ достанется одинъ васъ».

И ркоша прошеку себе князи: «ты, Ярославъ, съ плотью, а мы съ крестомъ чествыи». Ярославъ же мужи учяиши твердь (крѣпость) а пути отъ Новгорода застѣкоша и рѣку Тѣерду. И ркоша Новгородци княземъ: «поидемъ мы къ Торжку»; и князи ркоша: «аще поидетъ къ Торжку, новустоинимъ новгородскую волость». И поидоша къ Тѣери, и изгнаша нмѣти села и жечи, а на Ярослава не бѣ вѣсти, въ Торжку ли, или въ Тѣери. И Ярославъ слышавъ, оже (чмо) емлютъ села, вѣа изъ Торжку въ Тѣеръ, поидавъ (взлѣ) съ собою старѣишии бояре и Новгородци и млодыхъ изборекъ (по выборю), а Новоторжци вси, и послаша 100 мужъ избранныхъ въ сторожу; они же выѣхавше, за 15 верстѣ отъ града явнишася, ту бо стали бѣху князи наши, поставльше полкы творяду рѣп велику. И посласта Яруна съ млодыми людми, и наѣхавше на Новоторжци Ярославли, и пособи Богъ Яруну, изгнаша сторожевъ Ярославлихъ 30 и 3, а 77 нхъ убиша, а мныя убѣжа въ Тѣеръ; то же бысть первая побѣда на нхъ, на Благовѣщеніе. И бѣ вѣсть у тѣхъ, что Ярославъ въ Тѣери и тако зѣаху въ зажитѣ (1) не боащеся. И оттогѣ послаша Яволода, боярина Володимери, но кн. Константину Всеволодичю къ Ростовѣ, а Влодимера псковьского со Псковичи и Смоленны на рубежъ послаша приводити, а сами съ Новгородци поидоша по Волзѣ воюючи; и пожгоша Шешу и Дубну, а Володимерь со Псковичи и со Смоленны взяша г. Коснитинъ, и пожгоша ѿ, и все Поволжье. И срѣче воевода Еремѣй отъ кн. Костянтина изъ Ростова нашихъ князей, и рече: «кн. Костянтинъ кланяется вамъ, и азъ радъ слышавъ

(1) *Бѣхъ въ зажитѣ*—отыскивать по достоянью припасы для войска; такими сборани князья часто опустошали собственныя земли, отнимая у жителей насильно и иритѣсныя ихъ.

въ вамъ, се вамъ отъ мене въ по-
500 мужъ; да пришеда ко мнѣ
бми рѣчьми Всеволода, шуриня мое-
И ту отрядиста Всеволода съ вои-
ми, и послаша къ кн. Константину,
и поидоша по Волгѣ въ низъ, и ту
пша возы, на кони полъзоша, и по-
къ Черяславию воюючи. И быша
родищѣ на рѣцѣ Саррѣ у св. Мари-
апрѣля 9, на великъ день; и ту
Константинъ съ Ростовци, и возвра-
ися видѣвшеся и крестъ цѣловаша.
идиша кн. Владимира псковьскаго
ужиною въ Ростовъ, а сами при-
съ полкы, сташа противу Пере-
ю, въ Оумину недѣлю. И ѣхавше
мковъ подъ городъ, аша человекѣна
шташа, оже кн. Ярослава въ го-
гѣту, пошелъ бо бяше къ кн. Юрью
мкы, съ Новгородци и съ Ново-
ци, а кн. Юрьи Всеволодичъ съ
лавомъ и съ Володимеромъ вышелъ
изъ Володимера съ всею братьею.
у полци силни велики, Муромци, и
ци, и Городчане, и вся сила Суз-
ой земли; бяшетъ бо погнано и изъ
и (изъ *поселянъ*) и до пѣшьца.
грашно чюдо и дивно, братье! пом-
сынове на отца, и отци на дѣти,
на брата, рабы на господину, а
нѣтъ на рабы. И ста кн. Ярославъ
и съ братьею на рѣцѣ Кзѣ, а кн.
лавъ и Володимеръ съ Новгородци
и ста свои полкы близъ Юрьева, и
оста; а кн. Константинъ далече
съ своими полкы, на рѣцѣ Ли-
И узрѣша полкы стояща Ярославля
овы, и послана Ларіона сотьскаго
Юрью: «кланяемся, нѣту намъ съ
обиды, обидя намъ съ Ярославомъ».
лавъ же кн. Юрьи: «одины есмь
съ Ярославомъ». И посласта къ
иву, глаголюща: «пусти мужи Но-
ци и Новоторжьци; что еси зашелъ
лъ) волости Новгородскія, Волокъ
ти (*возврати*), а миръ съ нами

възми, а крестъ къ намъ цѣлуй, а кро-
ви не проливай». Отвѣшавъ же Ярославъ:
«мира не хочу, а мужи у мене; а да-
лече есте шли, и вышли есте, акы (какъ)
рыба на сухо». И сказа Ларьянъ ту
рѣчь княземъ. И пакы посласта къ объ-
ма княземъ последнюю рѣчь: «мы при-
шли есмь, брате кн. Юрьи и Ярославе,
не на кровопролитіе, крови не дай Богъ
створити, да до того управимся; мы есмь
племенници себѣ, а дадимъ старѣйшинь-
ство кн. Константину, а посадите ѣ въ
Володимерѣ, а вамъ земля Суздальская
вся». Кн. Юрьи же рече: «рци братьѣ
моей, кн. Мстиславу и Володимеру: при-
шли есте, да куды хотѣте отъити; а бра-
ту кн. Константину молви: «перешога насъ,
тобѣ вся земля». Тако князи възнеслися
славою Юрьи и Ярославъ: видѣвше у се-
бе силу великую, не пріяста мира, и на-
часта ширити (*ширять*) въ шатрѣ съ
своими бояры. Бояринъ молвитъ: «твори
миръ, кн. Юрьи и Ярославе, меншаа
братья въ вашей воли; оже бы по моему
гаданію (*милнню*), лучше бы миръ сѣтво-
рити и дати старѣйшиньство кн. Констан-
тину; ци зримъ, оже (1) при нашихъ пол-
цѣхъ тѣхъ мало Ростиславля племяни,
да князи мудри суть и рядни (*урядли-
вы, ловки*) и хоробри, а мужи ихъ
Новгородци и Смоленяне дерзи (*храбры*)
къ боеви, а Мстислава Мстиславича и
сами вѣдаета въ томъ племяни, оже дана
ему отъ Бога храбрость изо всѣхъ; а
господина, гадайтъ». И не любя бысть
рѣчь си кн. Юрью и Ярославу. Нѣкто
же бояръ князь Юрьевыхъ рече: «кня-
же Юрьи и Ярославе! не было того ни
при прадѣдахъ, ни при дѣдѣ, ни при
отцѣ нашемъ, оже бы кто вшелъ ратью
въ сильную землю въ Суздальскую, оже
вышелъ цѣлъ, хотя бы и вся Русская
земля, и галичская и кievская и смо-

(1) Чего смотрѣть что...

льскан и черниговскан и новгородскан и рязанскан, никану противу сей силъ усидити: ако выйдутъ валки, право изверженъ изъ сѣды (1). И любо баша рѣчь кн. Ярославу; и соизана болари и вероли свои люди, зачастую глаголюше: «се правель на товаръ въ руки, нѣтъ же буди кони, брони, шорты (2); а челядька, оне кто иметь живаго, то силъ будетъ убитъ; аще и залотонъ нѣто обличье будетъ (3), убѣи, да не оставишь ни единого же живаго: аще кто изъ валку утечетъ (убьютъ), не убитъ, иметь, а гѣхъ вѣнати или раскияти: а о князяхъ, оне будутъ у насъ въ рукахъ, то стануть». И отпустиша люди, видѣста въ нѣтеръ съ братьями, и зачастую дѣлати города, и рече кн. Юрий: «жѣ, брате княже Ярославне, Владимировскан земли и Ростовскан, а тобѣ Новгородъ, а Смоленскъ брату князю Святославу, а Киевъ кнѣ черниговскану князю, а Галичь имѣть кнѣ: и кѣмъана крестъ княи соборъ, и писана грамоты тѣе не преступати, тѣи же грамоты княи Святославу во вѣбѣхъ въ статѣхъ Ярославичю, и дѣла словить князю. Какъ же Юрий и Ярославъ, раздѣлише всѣ города русскан, нацѣлише силъ своей великой, зачастую (начало) выйдати къ .Ливоничю на бой. Княи Мстиславъ и Владимиръ приидоста кн. Ростиславъ, и глаголюша съ княи много и кѣмъана крестъ, но не бѣши въ нѣтъ верѣтѣу «кнѣамъ», и писана тѣи грамота. Показалише становя за нѣтъ всю грамоту, княи бо во всѣхъ мѣстѣхъ, и въступили въ князю Ростиславичю валки: слышоста кн. Юрий и Ярославъ, нѣтъ вѣбѣтѣу, и ушли (ослабѣли) за княи. За-

утра же приидоша княи къ .Ливоничю, и изъ воидоша, а оне тѣе нѣтъ просили бѣху за дѣбрь: и есть гора слыеть Андру востаниа княи Юрий и Ярославъ свои валки, а сѣи княи. Мстиславъ, Владимиръ, и Ростиславъ, и Всеволодъ востаниа валки свои на другой гѣе еже слыеть Юрьева гора, а рѣчь в срединѣ тѣе горы, кнѣ Тугинъ. И видѣста княи къ кн. Юрию 3 нѣчи, и просили: «или не дѣси нѣра, да отпусти дѣлѣ на ровню нѣсто, а на нѣи стороны поидеши; или нѣи отпусти на .Ливоничю, а нѣи на княи становя. Или же Юрий рече: «ни нѣра силъ, ни отпусти: воиди чресть землю, то нѣи дѣбрь не прииде? нацѣлише бо нѣи нѣра, бѣше бо княтешнѣ оидеши нѣсто и писана грамота, ту бо сѣи глаголюше: «егда ударитъ на нѣи вѣнь». То слышнѣ княи, и нѣи противу Ярославичю людей наидиши: тѣи и бѣжаша тѣи дѣнь и до нѣи бѣдѣху не приидеши (мусорды), бо бо тѣе дѣнь бѣри и студено вели. Утра же нѣтъ вѣнати къ Владимиру не княи нѣи поидеши, нѣтъ нѣи въ статѣхъ не обидѣти: оне же нѣи не, съ горы начина стѣлѣти, глаголю «убѣдѣти нѣтъ»: сѣи же тѣе нѣи (бы нѣи) вѣдѣти нѣтъ нѣздѣ, а ту стѣи кн. Владимиръ и Ростиславъ Ростовъ. И зачастую дѣлѣти княи, слышнѣ княи: «брате кн. Мстиславъ и Владимиръ! еже поидеши нѣи и вѣдѣти нѣи въ тѣлѣ (слова), а тѣе нѣи дѣи къ бѣсѣи не дѣри, и раздѣтѣ въ города: кн. Мстиславъ рече: «кнѣ Владимиръ и Ростиславъ! гѣе нѣтъ не поидеши, и ра нѣтъ вѣдѣти: но зрѣше нѣи вѣстѣи и на правду, выйдѣти къ нѣи. И зачастую становя валки: Владимиръ Смоленскан востаниа валки свои кнѣ, а отъ нѣту стѣ Мстиславъ и валки съ Владимировичю, и Владимиро-

(1) Значеніе не оцѣни.

(2) Шорты — шоры, вѣнчикъ шоры — шоры.

(3) Т. е. нѣтъ бѣи нѣи, нѣи нѣи.

овьскы съ Плесковичи, а отъ него кн. Костянтинъ съ Ростовци; Яроже ста съ своими полкы съ мужьми и съ Городчаны и съ Бронниотиву Володимеру и Смолняномъ, а ста противу Мстиславу и Новогородца братья его противу кн. Костянтина. Нача же Мстиславъ съ Володимеромъ укрѣпяти Новгородци и Смолняны: *и се вошаи емя въ землю силъ а позря въ Бога (взирая на Бога), гъ крѣпко, не озираиися назадъ, не не уйти; а забудешъ братье, до (дома), женъ и дѣти; а кому не гя? а хто хоцетъ пѣшь, а хто хоцетъ чехъ.* Новгородци же рекоша: *а хоцешъ изъмрети на конехъ, но яко наши билися на Кологитѣ пѣши.* же Мстиславъ радъ бысть тому. родци же сѣдше съ конь, и порлате) и сапазѣ сметавше, босиша, а Смолняне такоже поскочиша а по нихъ отряди кн. Володимеръ Михайловича съ полкомъ (коннымъ), и князи и вси воеводы поидоша по на конехъ. И егда бѣ полкъ Иворъри (1) подчеса подъ Иворомъ конь, же не ожидаючи Ивора, удариша рославляхъ пѣшцевъ и кликнуша, эргше кн (2) а они топоръ, оти имъ; они же побѣгоша, и начабити, подтяша стягъ Ярославъ, и же Иворъ съ Смолняны же, и шася другаго стяга Ярославля, а еще не доѣхали. Видѣвъ же кн. лавъ и рече: *не дай Богъ выдати, княже Владимере, добрыхъ люи удариша на нихъ сквозѣ свои Мстиславъ съ своимъ полкомъ, а шерь съ своимъ, а Всеволодъ*

Мстиславичъ съ дружиною, а Володимеръ съ Плесковичи пристяже (прибѣжали), и кн. Костянтинъ съ Ростовци. Кн. Мстиславъ, проѣхавъ 3-жды сквозѣ полкы княжи Юрьевы и Ярославля, сѣкучи люди, бѣ бо у него топоръ съ паворозомъ на руцѣ (1), и гѣхъ сѣчааше, такоже и кн. Володимеръ; и створиша брань велику, и досѣкошася и до товаровъ. Князь же Юрь и Ярославъ, видѣвше аки на нивѣ класы пожинаху, побѣгоста съ меншею братьею и съ муромьскими князи. Князь же Мстиславъ рече: *братья Новогородци! не стойте къ товару (2), прилежите боеви; възвернуть ли ся (оборотятся) на насъ, измютуть ны (изомнутъ насъ);* Новгородци же не радя товаровъ (3) бяхуться, а Смолняне наподоша на товаръ и одираху мертвыя, а о бои не праваху (не радли). Побѣжени же бывше полкы силни суздальскіе м. апрѣля въ 21, въ четвертокъ 2 недѣли по пасцѣ. О великъ, братіе, промыслъ божи! на томъ бо побонцѣ только паде Новогородцевъ 5 человекъ да одинъ Смолняничъ, а силою честнаго креста вси сохранени быша и правдою. О многы побѣды, братіе! бесчисленное множество, яко не можетъ умъ човѣчскый достигнути, княжихъ Юрьевыхъ и Ярославляхъ набиеныхъ, а изыманыхъ баше въ станѣхъ въ всѣхъ 60 мужъ; аще быста вѣдали се князь Юрь и Ярославъ, то мирилася быста, се бо слава ею и хвала погыбе, и полци силни ни во что же быша. Бяше бо у князя у Юрья стяговъ 13, а трубъ и бубновъ 60; молвахуть бо и про Ярослава, стяговъ у него 17, а трубъ и бубновъ 40. И рекоша (рекоша) люди о Ярославѣ: яко тобою ся намъ много зла створи,

Чаща, трудно проходное мѣсто отъ бовороста.

Палка, палица, дубина.

(1) Со шнуркомъ, съ наручникомъ.

(2) Къ пожиткамъ, или не користуетесь.

(3) Бросили товары.

про твое бо преступленіе крестное рече-
но бысть: приидѣте, птица небесная, на-
питайтесь крови чловѣчьскія; звѣрие,
найдѣтесе мясъ чловѣчьскыхъ. Не 10 бо
убито, ни 100, но тысяща тысящами,
а всѣхъ избитыхъ 9000 и 200 и 30
и 3 мужи, бѣше бо слышати крикъ жи-
выхъ, иже не до смерти убитыхъ, и
вытѣ (вой) прободеныхъ въ Юрьевѣ
городѣ и около Юрьева, не бѣ кто по-
гребаяи; а мнози истопоша бѣжачи къ
рѣцѣ, а нѣи ранены зашедь изомроша,
а живыи побѣгоша овѣи къ Володимерю,
а нѣи къ Переяславлю, а нѣи въ
Юрьевѣ. Князь же Юрью стоялъ проти-
ву Костянтину, и узрѣ Ярославъ полкъ
побѣгше, и той прибѣже въ Володимеръ
о полудни на 4-мъ кони, а трехъ оду-
шилъ, въ первой сорочицѣ, подъкладъ
и тыи вывергъ⁽¹⁾; а съступъ былъ во
обѣдъ годъ⁽²⁾. Въ Володимери же оста-
ся не противный народъ, попове, чернѣ-
ци, жены и дѣти, видѣвше радовахуся,
творяаху посла огъ князя, и ти бо гла-
голаху: «наши одолѣвають»; и се кн.
Юрьи прибѣгъ одинъ, нача ѣздити около
града, глаголя: «твердите городъ»; они
же слышавше смятошася, бысть въ ве-
селья мѣсто плачь; къ вечеру же при-
бѣгоша людѣ, нѣи раненъ, нѣи нагъ,
также ноци тоя. И заутра кн. Юрьи
созва люди: «братья Володимерци! за-
творимся въ градѣ, негли (авось) от-
бѣжеся ихъ»; молвять людѣ: «княже Юрье!
съ кнѣи ся затворимъ? братья наша избѣ-
та а нѣи изимани, а прокъ (остатокъ)
нашъ прибѣгли безъ оружїа, то съ кымъ
станемъ? князь же Юрьи рече: «то
азъ все вѣдаю, а не выдайте мя ни
брату кн. Костянтину, ни Володимеру,
ни Мстиславу, да быхъ вышелъ по своей

⁽¹⁾ Подкладъ у седла, войлокъ.
⁽²⁾ Сраженіе, вступленіе въ бой было въ обѣ-
денное время.

воли изъ града»; они же тако обѣщаша-
ся ему. Ярославъ же также прибѣгъ
одинъ въ Переяславль на 5-мъ кони, а
4 одушилъ, и затворися; и не довѣ ему
о первомъ згѣ, не насытися крови чело-
вѣчьскія, избѣи въ Новгородѣ людѣи мно-
го, и въ Торжьцу и на Волоцѣ, но и
ту вбѣгъ изыма Новгородци и Смолняны,
иже бяху зашли гостьбою (для торгу)
въ землю его, повелѣ въ погребы вше-
тати ихъ, что есть Новгородцевъ, а
нѣиныхъ въ грядницу⁽¹⁾, и ту са изод-
хоша, а нѣиныхъ повелѣ затворити въ
тѣсенѣ избѣ, и издуши ихъ полтораста, а
Смолнянъ 15 мужъ затвориша кроитъ
(особо), тѣже быша вси живи. Князи
же милостиви племя Ростиславле, и до
христїанъ добри, тый день стояша на по-
бойщѣ, и аще быша гонялися по нихъ,
то было кн. Юрью и Ярославу не унѣи,
а градъ бы Володимеръ изгонили (заос-
ваали); но тихо придоша къ Володимерю,
и обѣжавше его, сташа въ недѣлю по-
рану и думаху, откуда взяти. И тое во-
чи загорѣся въ городѣ княжь дворъ, и
хотѣша Новгородци полѣзти (присту-
пити) къ городу, и не да имъ кн. Мсти-
славъ; во вторникъ на ночь, въ 2 часъ
нощи, загорѣся городъ и горѣ до свѣта,
Смолняне же прошааху отъ чимъ⁽²⁾
взяти градъ, и кн. Володимеръ не пу-
сти ихъ. И высла кн. Юрьи съ челоби-
тьемъ къ княземъ: «не идѣте мене днесь,
а заутра помду изъ града». И заутра же
рано выѣха кн. Юрьи съ двѣма братьи,
и поклонися княземъ Мстиславу и Воло-
димеру, и рече: «братья! вамъ чело-
бью, вамъ животь дати и хлѣба накорми-
ти; а братъ мой Костянтинъ въ вашей
воли»; и да имъ дары многы, и дана
ему миръ. Князь же Мстиславъ и Воло-

⁽¹⁾ Въ комнату назначенную для войска.
⁽²⁾ Отъ чимъ значить: въ то время или въ
тотъ часъ.

ръ управиста ихъ, кн. Костянтину цимерь, а кн. Юрью Радлювъ горо-
И тако наборѣ въспрятавшеса (*по-
ались*) на лодьи, въ насады (*боль-
суда*), владыка, и княгини, и лю-
го вси поидоша внизъ; самъ же кн.
и вшедь въ церковь въ св. Богоро-
дари челошъ у отечья (*у отцов-*
) гроба и плакася глаголюще: »суди
брату моему кн. Ярославъ, оже мя
доведе«, — и тако поиде изъ Володи-
въ магѣ въ Городецъ. И поѣде кн.
янтинъ къ Володимерю, и срѣтоша
родомъ князя весь священскій чинъ
иде вси, и сѣде въ Володимерѣ на
и отиѣ; кн. же в. Костянтинъ въ
день одари князи и боляре многыми
, а Володимерци вводи къ кресту.
и же Ярославъ еще пребывая въ
; и дыша гнѣвомъ не покаряшеса,
рися въ Переяславѣ и творяшеса
избыти; князи же судяшеса поидо-
въ Переяславлю, въ пятокъ 3 недѣли
асѣ. И се слышавъ кн. Ярославъ,
зся, нача высылати люди, моляся о
, и бысть въ вторникъ заутра выѣ-
ин. Ярославъ, и удари челошъ кн.
гянтину, и рече: »господине! азъ
въ твоей воли, не выдайте мя тцю
лю) моему кн. Мстиславу, ни Во-
юру, а самъ, брате, накорми мя
житъ; князь же Костянтинъ управи
слава съ Ярославомъ со зятемъ, и
шпаса не доидучи Переяславля, а въ
на Препловленѣ приидоша къ Пе-
явлю, и ту кн. Ярославъ одари кня-
воеводы дары многыми. А кн. Мсти-
и, не идя къ городу, поймавъ дары,
сла въ городъ и поя дщерь свою,
ягину Ярославлю, и что живыхъ
городець, и что было съ Ярославомъ
у, и выѣха въ станы за городъ.
и же Ярославъ многожды сосылая
ю къ кн. Мстиславу, прося княгини
и къ собѣ, глаголя: »чи не бываетъ

вражда княземъ, то ни сяка (1); по
правдѣ мя крестъ убилъ«; князь же
Мстиславъ не пусти дщери своея къ не-
му. И тую ночь стояшсе князи поидоша
разно (*порознь*), князь в. Костянтинъ
къ Володимерю, а Мстиславъ къ Новуго-
роду, Володимеръ ко Смоленску, а дру-
гой Володимеръ Плескову, побѣдивше
силни полкы, взяшсе свою честь и славу.

(П. С. Лѣт. I, 211—215).

303. Междоусобіа во Владимірі.

Въ лѣто 6725 (1217). Ископн злыи
врагъ дьяволъ, ненавидай всегда добра
роду челоуѣчю, паче же хрестьяномъ не
хотя, дабы не одинъ въ вѣчнѣй муцѣ
былъ, яже есть уготована ему и сущимъ
съ нимъ; съ (*сей*) оканьный дьяволъ въ-
завиже нѣкую котору злу межи князи,
сыны Всеволожи, Костянтиномъ, и Юр-
гемъ, и Ярославомъ, и бишася у Юрье-
ва, и одолѣ Костянтинъ; но пакы Богъ
и крестъ честный и молитва отца ихъ и
дѣдня введе ѱ въ великую любовь, и сѣ-
де Костянтинъ въ Володимери на столѣ,
а Юрги Суждали. И бысть радость ве-
лика въ земли Суждальстѣи, а дьяволъ
единъ плакаше своея погыбели. Того же
лѣта Глѣбъ кн. рязанскій Володимеричъ,
науцень сотоною на братоубійство, суд-
мавъ въ своемъ оканьнѣмъ помыслѣ,
имѣя посѣшника брата своего Костян-
тина и съ нимъ дьявола, иже ею прель-
сти своимъ злокозньствомъ, въ помыслѣ
има вложъ, рекшема има: »яко избьевѣ
снѣхъ, а сами приимевѣ една всю власть«.
А не вѣси ли, оканьне, божья строенья,
дасть бо власть, ему же хоцеть, постав-

(1) Мало ли бываетъ вражды между князьями,
но все таки не такой.

ляеть царя и князя Вышній? Что бо прія Каниъ отъ Бога, убивъ Авела брата своего? не проклятье ли и осуженье и трасенье? или Ламехъ? не казнь ли злобъ? или вашъ сродникъ Святополкъ, избивъ братью, онѣма вѣмечь исходатайствова, а собѣ вѣчную муку? Съ бо Глѣбъ ту же мысль Святополчю пріимъ и скры въ сердци своемъ съ братомъ своимъ. Снешшимся имъ вѣмъ на Исадѣхъ на порядъ, Изяславъ, кюръ Миханхъ, Ростиславъ, Святославъ, Глѣбъ, Романъ, Инъгваръ же не успѣ пріѣхати къ нимъ, не бѣ бо приспѣло еще время его, Глѣбъ же Володимеричъ съ братомъ позва я къ собѣ, яко на честь пиренья (*пированья*) въ свой шатеръ. Они же не вѣдуше злыа его мысли и прелести, вси 6 князій каждо съ своими бояры и слугы придоша въ шатеръ ею. Съ же Глѣбъ, преже прихода ихъ изаряди свои слугы и братни, и поганыхъ Половецъ множество въ оружьи, и скры я въ полѣстници (¹) близъ шатра, въ немъ же бѣ имъ пити, не вѣдуцю ихъ никому же, развѣ тою зломыслиною князю и ихъ проклятыхъ думецъ; и яко начаша пити и веселитися и ту абѣ проклятый Глѣбъ съ братомъ изаимъша меча своя, начаша сѣчй преже князи, таже бояры и слугы ихъ, много множество, единѣхъ князій 6, а прочихъ бояръ и слугъ безъ числа забн съ своими слугы и съ Половци. Си же злоба скончися м. іуля въ 20 день, на память св. пророка Ильи огньнаго въсхоженья.

(И. С. Лѣт. I, 186).

(¹) *Полѣстница* — постельный шатеръ для спавши князя, отъ слова полѣсть, кошма, войлокъ,

304. Договорная Новгородца съ вел. кн. творенинъ Александромъ Михайловичемъ 1327 г.

Благословенне отъ владыцѣ Моesty, поклонъ отъ посадника Данила, отъ тысяцкого Аврама, и отъ всего Новгородца къ господину в. кн. Александру. На семъ княже, цѣлуй хрестъ къ всему Новгороду; на чемъ цѣловалъ дѣдъ твой Ярославъ. Новгородъ держати ти въ старей пошлмиѣ. Что волости новгородскыя, тѣхъ ти волостей, княже, тобѣ свои мужи не держати, държати мужи новгородскими; а даръ тобѣ, княже, нишъ отъ тѣхъ волостей. А безъ посадника ти, княже, суда не судити, ни грамотъ двати, ни волостей раздавати; а безъ мны ти, княже, мужа волости не лишити. А что ти, княже, пошло на Торжкю и на Волоцѣ, тивунъ свой держати на своей части, а Новгородца на своей части. А въ Бѣжищахъ тобѣ, княже, и твоимъ бояромъ, и твоей княгынн, и твоимъ слугамъ сель не держати, ни купити, ни даромъ примати, и по всей волости новгородской. А что Александровыхъ княжихъ сель купленыхъ, или его мужъ, а то поидеть къ Александру князю по исправѣ, по хрестьному цѣлованію, по заводу; а всѣ тыхъ сель суда нишъ не судити, ни дворяномъ ѣздити, ни людей новгородскихъ примати, ни земли. А се, княже, волости новгородскыи: Волокъ со всѣми волостями, Торжекъ, Бѣжици, Городецъ, Палець, Мелеча, Шипицъ, Егна, Заволочье, Трѣ, Пермь, Печера, Югра, Вологда. А кто будетъ купилъ села въ всей волости въ новгородской при дѣдъ моемъ Ярославѣ и при Васильи, при Дмитрии, при Андрѣи, и при отци моемъ Михайлѣ, и при князи Юри, при Дмитрии, кто будетъ даромъ отъялъ, или силою; а то поидеть безъ кунъ къ Новгороду: а кто купилъ будетъ въ новго-

родской волости, знати имъ своего истъца; или не будетъ истъца, како не вѣдаетъ истъца своего, цѣловавъ ему крестъ, куны (*деньги*) ему взяти у Новгорода, колько будетъ далъ, а земля поидеть къ Новгороду; или не окупать, съдѣти ему доколѣ окупать. А нелюбья (*вражды*) ти, княже, не держати къ Новгороду до посадника, и до тысяцкого, и до всего Новгорода отъ мала и до велика, ни мщатися ни судомъ, ни чимъ же. А што ся дѣяло до твоего княжение, и въ твое княженъе, того ти не поминати; што продано княжихъ волостей до велика дни, а што будетъ не продано по велицѣ дни, то по цѣлованью повѣдати. А въ Русу ти, княже, ѣздити на третью зиму, по грамотѣ дѣда своего Ярославъ; а лѣтъ на Озвадъ звѣрий гонитъ. А въ Ладогу ти, княже, ѣздити на третье лѣто. А изъ Бѣжиць ти людей не выводити въ свою волости, ни изъ иной волости новгородской, ни грамотъ давати ни закладниковъ примати, ни твоей княгыни, ни твоимъ бояромъ, ни твоимъ слугамъ, ни смерда, ни купчины. А безъ вины ти мужа волости не лишати; а грамотъ ти не посяжати. А пожни, княже, что твои и твоихъ мужъ, то твое, что пошло. А што будетъ дѣдъ твой сильно дѣялъ или нынѣ князь на Новгородѣ, того ти не дѣяти. А рубежъ ти, княже, дати правый бесъ перевода межю отчиною своею и новгородскою всею волостью. А Новгородцемъ волости и оброковъ княжихъ не тати. А дворяномъ твоимъ, какъ пошло отъ князя по 5 кунъ погонъ имати, а отъ тиуна по 2 кунѣ. А что, княже, мытъ по суждальской землѣ и въ твоей волости, отъ воза имати по 2 вѣкишѣ, и отъ лоды, и отъ хмельна короба, и отъ льняна. А дворяномъ твоимъ у купцевъ повоза не имати, развѣ ратной вѣсти: а свободъ и мытъ на новгородской волости не ставити. Холопъ или роба почнетъ вадити на господаря, тому ти вѣры не

яти. А на Низу, княже, Новгородца не судити, ни даный роздавати; а кто почнетъ къ тобѣ вадити, тому ти вѣры не яти. А гости гостити по суждальской земли новгородскому бесъ пакости, безъ рубежа, по царевѣ (*ханской*) грамотѣ. А въ немецкомъ дворѣ, княже, торговати тобѣ нашею братьею; а двора ти не затворяти, а приставовъ не приставляти. А села св. Софии исправи св. Софии. А судьи слати на Петровъ день, какъ пошло: кто купецъ, тый поидеть въ сто, а смердъ въ свой погостъ. А ряду вольнаго не посяжати, а самосуда въ новгородской волости не замышляти по пошлнѣ. А *суждальскому гостю гостити въ Новгородъ безъ рубежа, безъ пакости*. А свиньи ти, княже, гонити за 60 верстъ около города; а въ той штидесять Новгородцо гонити, князя докладая, а дале куды кому годно. А за Волокъ ѣздити судьи, какъ пошло; по новгородской пошлнѣ. На семь на восемь князь в. цѣловалъ крестъ къ всему Новгороду; также посадникъ и тысяцкий и весь Новгородъ цѣловали къ в. князю, но любви въ правду, безъ всякого навѣта.

(Къ сей грамотѣ приложена печать свицовая).

(Собр. грам. I, № 15, стр. 19—20).

305. Отношенія между Новгородомъ и Псковомъ.

Въ то же время (1331 г.) приидоша послове изъ Плескова отъ кн. Александра, и отъ Гвидимона послове, и отъ всѣхъ князей литовскихъ, къ митрополиту, и приидоша съ собою Арсенія, хотяще его поставити на владычество въ

Плесковъ, а Новгорода не творя ничинъ: възнесъ бо ся высокоуміемъ своимъ, нъ Богъ и св. Софіа низлагаеть всегда высокомыслищихъ; зане Плесковичи измѣнили крестное цѣлованіе къ Новгороду, посадили себѣ князя Александра изъ литовскія руки. Арсеніи съ Плесковичи посрамленъ бысть, и прочь поиде отъ митрополита изъ волынскія земля на Кіевъ, на память св. отца Симеона столпника; а Василии владыка Новгородскіи, въ тоже время, отъ митрополита поиде, съ своими бояры. Яко пришедшу ему къ городу Чернѣгову, и ту, наученіемъ диаволи, пригнася кн. Теодоръ кыевскы, съ баснакомъ, въ 50 человекъ разбои; и Новгородци остерегашася и сташа доспѣвъ противу себе, мало ся зло не учини промежу ни, а князь въспрїемъ срамъ побѣже прочь, а отъ Бога казни неубѣжа, попраша бо у него кони. И оттогда пакы поиде владыка на Брянскъ, и прииде въ Торжокъ, на память св. священномуч. Алеписны; и ради быша Новоторжци своему владыцѣ, а въ Новѣгородѣ печални быша, зане же вѣсти не бяше, нъ вѣсть бяше сице, яко владыку Литва изымали, а дѣти его избиша. Того же лѣта поиде кн. в. Иванъ въ Орду, съ кн. Костантиномъ. Того же лѣта прииде архіеп. новгородскіи Василии владыка въ Новѣгородъ, м. декабря, на память св. отца Патапія, въ день недѣлныи, изъ волынскои земли, приимши санъ святительства отъ митроп. Феогноста, и ради быша Новгородци своему владыцѣ, а при кн. Иванѣ, при посадницѣ Варооломен, при тысячкомъ Остаѣи.

(I. Нов. 75—6).

306. Борьба Москвы съ Рязанью 1371.

Въ Филипово говѣнь м. декабря предъ Рождествомъ христовымъ, бысть побоище,

Москвичемъ съ Рязанци; кн. в. Дмитрей Ивановичъ посла рать на Рязань на кн. Олга рязаньского, а воеводу отпусти кн. Дмитрія Михайловича Волынскаго; князь же Олегъ събра вой многы, иде ратью противу ихъ. Тогда Рязанци, суровыи челоуѣци и свѣрѣпы людіе, высокоумни суще, възнесешася мыслью и възгордѣшася величаніемъ, и помыслиша высокоуміемъ своимъ, и рѣша другъ къ другу: «не емлите съ собою ни щита, ни копья, ни иного ни коего же оружья, но токмо съ собою емлите едины ужища (*веревки*), коегождо изымавше Москвичъ, да есть чѣмъ вязати, понеже суть слаби, страшливы и некрѣпцы; наши же съ смиреніемъ и съ въздыханіемъ уповаша на Бога, крѣпльшаго въ бранехъ, и мы не въ слягъ, но въ правдѣ, даеть побѣду и одолѣніе Богъ же, вида сихъ смиреніе и отвѣхъ гордость. Якоже рече Соломонъ: Господь гордымъ супротивится, смиреннымъ же даеть благодать; и въ еуангеліи речется: всякъ возносяйся смирится, а смиривыйся възнесется, и пророкъ Давыдъ рече: не спасется царь многою силою, ни исполнитъ, ни храборъ не спасется множествомъ крѣпости своея. И срѣтошася обой на Скоринцевѣ, и бысть имъ брань люта и сѣча зла, и поможе Богъ кн. Дмитрею и его воємъ, и одолѣша Рязанцевъ, а кн. Олегъ одва убѣжа въ малѣ дружинѣ; князь же Дмитрей посади на княженіи рязаньскомъ кн. Володимера провнскои.

(II. С. Лѣт. IV, 67).

307. Вербъ Новгородъ съ Тѣрѣки 1372 г.

Того же лѣта 6880 (1372 г.) о Петровѣ заговѣньи, Новгородци В. Ново-

рода бояре прѣѣхаша въ Торжекъ ставити городъ, съвокупившася и единившася съ Новоторжци, и укрѣпившася крестнымъ цѣлованіемъ, и сдумаша думу, еже быти и стати за одинъ; и заратившася съ кн. Михаиломъ тѣерьскимъ, и съслана на мѣстники его съ города съ Торжку, а что гостей Тѣеричъ торговцевъ, тѣхъ поимаша и пограбивша, а лодьи (лодки) ихъ съ товаромъ, а то взяша. Слышавъ же се князь Михайло, съвокупивъ съ собою токмо тѣерьскую силу, и пришедъ ратью ста у города у Торжку, м. мая 31 день, на память св. мученика Ермѣя, въ поидѣльничъ порану по заутреніи; и начатъ съ смиреніемъ посылати послы къ Новгородцемъ и къ Новоторжцемъ, глаголя: «выдайге ми тѣхъ, кто мнѣхъ Тѣеричъ поималъ и билъ и грабилъ, и намѣстника моего оиять посадите, и азъ у васъ много не хоцю ничего же», и ждаше отъ нихъ мира и чистосердечнаго покаянія отъ утра и до полудни. И бысть въ нихъ мятежъ и раздора, и смятеся весь градъ, они же нимало не хотяху покоритися, и послы послалаху отвѣтъ съ высокоумьемъ, и устремишася на бой, и сами бояре новгородскіи, похвалившася силою и мужествомъ своимъ, въоружившася выѣхаша изъ города, купно (вмѣстѣ) же съ ними гражане Новоторжци, битися съ Тѣеричи, и бысть оуба на полѣ, и одолѣ кн. Михайло, и побѣженъ быша Новгородци. И ту же и первое (прежде) всего срѣте воевода ихъ Александръ Обакуновичъ, и убьенъ бысть на первомъ суймѣ (стычкѣ), и костью паде за святой Спасъ и за обиду новгородскую, и съ нимъ убиша Ивана Шаховича, Ивана Тимофѣевича, Григорья Щебелкова, и иныхъ прочихъ вѣколикъ мужъ паде; и то видѣвше Новгородци, смятошася зѣло, ови побѣгоша на поле, еже есть къ Новугороду В., но и тамо не убѣгоша, а друзи назадъ побѣгоша, а множайшии на побомщи избѣени быша, а

иныхъ бояръ новгородскихъ и новоторжскихъ, и людей полона и женъ безъ числа множество изнимавше, приведоша на Тѣерь яко плѣнники. И тогда Тѣеричи зажгоша съ поля посадъ (предмѣстіе города) съ конца града съ повѣтріа, и удари съ огнемъ вѣтръ силенъ на весь градъ, вкупѣ и буря велика, и поиде огонь пламенный и пожаръ по всему граду, и тако вборзѣ погорѣ весь градъ, и церкви 3 каменныя и деревяныя вся и монастыреве; а что людей, которыхъ были въ городѣ, или на площади, или по улицамъ, мужи и жены и дѣти многое множество, ти вси погорѣли, и товаръ ихъ, и скоты ихъ, и все имѣніе ихъ, то все съ ними вкупѣ погорѣло. И бысть пагуба велика крестьяномъ: ови огнемъ погорѣша въ дворѣхъ и надъ животы (пожитки), а друзи вбѣжали въ церковь въ св. Спасъ и ту задхошася и огнемъ изгорѣша, инии же отъ огня бѣжаще въ рѣцѣ въ Тѣерци истопоша; а добрыя жены и дѣвца видяще надъ собою лупленіе (1) отъ Тѣеричъ, а они одираду до послѣдней наготѣ, его же и поганіи не творять тако, тыи же отъ срамоты и бѣды въ водѣ истопившася, чернцы и черницы всѣ до наготы излуплены; а в товара что ся остало отъ огня, иконной круты, сребра много поимаша. И кто, братіе, о семъ не поплачется кого ся остало живыхъ, видѣвъ како они нужную и горкую смерть подъяша, а св. церкви пожжени суть и городъ весь отъинудъ пусть, еже ни отъ поганыхъ не было такого зла? И наметаша избѣенныхъ людей, и ижженныхъ и истопленныхъ 5 скудельницъ (кладбищъ), инии же погорѣли безъ останка, а инии истопили безъ вѣсти, поплыли внизъ по Тѣерци.

(П. С. лѣт. IV, 68—69).

(1) Лупить—обдирать, снимать платье.

308. Борьба Москвы съ Тверью 1375.

Мѣсяца іюля 27 на Тѣери, въ церкви въ Покровѣ предѣлѣ иконою свѣча сама ся загорѣла, а въ 29 бысть въ солнци знаменіе. Того же лѣта князь Дмитрій поиде ратію къ Тѣери, на кн. Михаила Александровича, а съ нимъ (*князь*): тещь его Дмитрій Костянтиновичъ суздальскій, Володимеръ Андрѣевичъ, Борисъ Костянтиновичъ, Семень Дмитріевичъ, Андрѣй Ѳеодоровичъ ростовскій, Василей Костянтиновичъ, братъ его Александръ, Иванъ Васильевичъ смоленскій, Василей Васильевичъ ярославскій, Романъ Васильевичъ, Ѳеодоръ Романовичъ бѣлозерскій, Василей Михайловичъ кашинскій, Ѳеодоръ Михайловичъ молодежскій, Андрѣй Ѳеодоровичъ стародубскій, Романъ Михайловичъ брянскій, Романъ Семеновичъ новосильскій, Семень Костянтиновичъ оболеньскій, братъ его Іоаннъ торужскій, и вси князи рустіи, кѣждо отъ своихъ градовъ со своими полки, служаще князю великому ⁽¹⁾. И бысть іюля въ 29 поиде кн. в. Дмитрій съ Волока, съ всѣми речеными князи рускими съвокупяся и съ всею силою рускою, въ той же день нача воевати волости тѣерскія; такоже и съ всѣхъ порубежныхъ мѣстъ съ вся стороны, кто же отъ себе, Кашинци и Новоторжци яко и пѣшіи ополчися на грабежъ, и окружная мѣста съ всѣхъ порубежей тяжко плѣниша. Мѣсяца же августа 1 взяша городъ Микулинъ, а людей изъ города въ полонъ поведоша, а въ 5 день, въ недѣлю порану, въ канунъ (*наканунъ*) Спасова дни, пріиде вся сила къ Тѣери, и сташа вси порану рати около всего города вкругъ, аки расхитити хотяще, а посадъ и церкви и монастыри пожгоша, а около всего города ос-

⁽¹⁾ Замѣчательно, что всѣ князья областныя были уже въ подчиненіи москов. князя.

трогомъ (*стѣною*) огородиша. А преже того по Новгородцевъ князь в. послалъ въ В. Новгородъ, и Новгородци же своего князя честь изводяще, паче же свою отищающе обиду, бывшую у Торжьку, въскорѣ пріидоша ратью великою и предсташа абіе подѣ Тверью, скрегчюще зубы своими на Тѣеричъ; и на Волгѣ два моста великая доспѣша чрезъ Волгу. А князь Михайло баше затворися въ своемъ градѣ Тѣери; стоящимъ же ратемъ 3 дни у города, а 4 день, еже есть и. августа въ 8 день, въ среду цорану, приступиша всею силою къ городу, и туры (*стѣнобитныя орудія*) прикатиша, и приметы приметаша ⁽¹⁾ около всего града, и тако пошли бьючися къ Тмаческимъ воротамъ, мостъ и стрѣльницу (*башню*) зажгоша. И бысть тогда скорбь велика гражданомъ въ осадѣ, и вси люди сущіи въ градѣ створиша молитву, постъ съ слезами въ церкви св. Спаса; молитвами св. Богородица пожалована святый Спасъ послалъ свою помощь: отбилися граждане отъ ратныхъ, а князь Михайло съ Тѣеричи выгхалъ, и туры постѣкома и огонь погасиша, а Семена Ивановича Добрыньского убиша, а ратныхъ отгнаша; они же бившеса весь день, едва въ вечернюю годину отступиша отъ города, а на 2 день паки обступили градъ со всѣ стороны и по заволжью, и тако по многи дни бьющеса боряхуса. Князь же Дмитрій стоялъ у Тѣери мѣсяць съ всѣми ратми, и учинилъ пусто тѣерское княженіе, волости и села пожгоша, а городки поймаша: Зубцовъ, Бѣлгородъ, Городокъ; а людей въ полонъ разведоша, а имѣнія ихъ пограбиша, а скоты ихъ поскѣюша, а жита ихъ потравиша, мнози Тѣеричи язвени быша отъ нахоженія ратныхъ, мнози оружіемъ падоша, мнози

⁽¹⁾ *Приметь*— солома, дрова и всякій горючій матеріалъ, чтобы зажечь крѣпость.

отъ острія меча умроща. Князь Михайло, видѣвъ изнеможеніе граду своему, видѣвъ озлобленіе людемъ своимъ, видѣвъ трудъ и погибель человекомъ и скотомъ, отъ глада бывающій, въспрія смиреніе и высла изнутри града послы свои, владыку тферьского Еуемья да бояръ своихъ нарочитыхъ (*знатныхъ*), къ кн. Дмитрію съ покореніемъ и съ поклономъ, прося мира, а даяся во всю волю его. Князь Дмитрій съ Новгородци, не хотя видѣти разоренія града, ни погибели людей своихъ, и не хотя видѣти кровопролитіа крестьяньского взя миръ съ кн. Михайломъ на всей своей воли и новгородцкой, и тако докончаша и грамоты пописаша, отступиша отъ града отъ Тѣери м. сентября 3; а Новгородци стояли подъ Тѣерью 4 дни, и възвратиса кимже въ свояся, и поидоша прочь. А въ градѣ въ Тѣери бѣше тогда скорбь немала, такъ ва же не бывала въ мимошедшая лѣта: бысть моръ на люди и на скотъ; а надѣялися помощи отъ Литвы и отъ Татаръ, и не уллучиша, а ждучи тоя помощи много лѣха доспѣлося. Добро бы намъ надѣятися на Бога, якоже пророкъ Давидъ глаголетъ: «добро есть на Бога уповати, нежели на человекѣка.»

(П. С. Лѣт. IV, 70—71).

309. Договорная в. кн. рязанскаго Олега Мв. съ в. кн. Дмитріемъ Мв. и братомъ его кн. Владиміромъ Андреевичемъ 1381.

По благословенію отца нашего Кириана м-та всея Руси. На семъ, братъ старѣйши кн. и Дмитрей Ивановичъ и братъ твой кн. Володиміръ Андрѣевичъ, целуйте ко мнѣ крестъ къ своему брату къ молодшему ко кн. къ в. къ Олгу Ивановичю. Имѣти ти мене собѣ братомъ молодшимъ, а брату твоему имѣти мене

собѣ кн. Володиміру братомъ; а добра вы мнѣ хотѣти во всемъ въ Ордѣ и на Русси отъ чистосередья; а что вы слышавъ о моемъ добрѣ или о мнѣ отъ хрестьянина или отъ поганина, то вы мнѣ повѣдати въ правду, безъ примышленья. А вотчины вы моеѣ блюсти, а не обидѣти; а мнѣ вашѣ вотчины блюсти, а не обидѣти, Москвы и Коломны и всеѣхъ московскихъ волостей и коломенскихъ, что ся потягло въ Москвѣ и къ Коломнѣ по реку по Оку, и всего великаго княженья подъ вами ми блюсти, а не обидѣти. А межи насъ роздѣлъ земли по реку Оку, отъ Коломны верхъ по Оцѣ, на московской сторонѣ Поченъ, Новый городокъ, Лужа, Верей, Боровескъ, и иная мѣста рязанская, которая ни будутъ на той сторонѣ, то къ Москвѣ; а на низъ по Оцѣ, по реку по Тциу отъ усть Тцены въ верхъ по Тценѣ, что на московской сторонѣ Тцены, то къ Москвѣ; а что на рязанской сторонѣ, а то къ Рязани. А володимерское по рубежъ, по тому, какъ то было при нашемъ дѣдѣ, при в. кн. при Иване Даниловиче, и при нашемъ дѣдѣ, при в. кн. при Семенѣ, и при твоемъ отци, при в. кн. при Иванѣ. А что на рязанской сторонѣ за Окою, что доселе потягло къ Москвѣ, Поченъ, Лошастна, уѣздъ Мьстиславль, Жадѣне городище, Жадемаль, Дубокъ, Бродничъ съ мѣсты, какъ ся отступили князи Торускіе Федору Святославичю, та мѣста къ Рязани. А что мѣсто кн. в. Дмитрия Ивановича на рязанской сторонѣ, Тула, какъ было при царицѣ при Тандулѣ, и коли ее баскаци вѣдали, въ то ся кн. в. Олгу ее вступати, и кн. в. Дмитрію. А что мѣста Талица, Выпользовъ, Такасовъ, та мѣста кн. в. Дмитрію, кн. в. Олегъ ступиша тѣхъ мѣсть кн. в. Дмитрію Ивановичю. А что купля князя в. Мещера, какъ было при Александрѣ Уковичѣ, то к. в. Дмитрію; а к. в. Олгу не вступатися не тотъ роздѣлъ. А что татарская

мѣста отонмалъ к. в. Дмитрій Ивановичъ за себя отъ Татаръ до сего до нашего докончанья, та мѣста кн. в. Дмитрию; а что кн. в. Олегъ отонмалъ татарская отъ Татаръ дотолѣ же, а то кн. в. Олгу та мѣста. А къ Литвѣ кн. в. Олгу цѣлованье сложити. А будетъ кн. в. Дмитрій Ивановичъ и братъ князь Володимерь съ Литвою въ любви, ино и князь в. Олегъ съ Литвою въ любви: а будетъ кн. в. Дмитрій и князь Володимерь съ Литвою не въ любви, и кн. в. Олгу быти со княземъ съ в. съ Дмитриемъ и со княземъ съ Володимеромъ на нихъ съ одного. А съ Татары аже будетъ кн. в. Дмитрию миръ и его брату князю Володимеру или данье, ино и князю в. Олгу миръ или данье съ одного со княземъ в. съ Дмитриемъ: а будетъ не миръ кн. в. Дмитрию и брату его кн. Володимеру съ Татары, кн. в. Олгу быти со княземъ в. съ Дмитриемъ и съ его братомъ съ одного на Татаръ, и битися съ ними. А съ русскихъ князей, кто князю в. Дмитрию другъ и князю Володимеру, то и князю в. Олгу другъ: а кто не другъ князю в. Дмитрию и князю Володимеру, а то и князю в. Олгу не другъ, итти нанъ съ одного. А что князь в. Дмитрій и братъ кн. Володимерь билися на Дону съ Татары, отъ того времени что грабежь, или что поиманы у князя в. люднн у Дмитрия и у его брата кн. Володимера, тому межн насъ судъ вопчий, отдати то по исправе. А что ся ни дѣяло дотолѣ, какъ есмн целовали крестъ, тому всему погребъ, до Спасова преображенья дни за 4 дни: а судъ вопчий межн насъ отъ того праздника всему; а о чемъ судья наши сопрутся, ѣдутъ на третнй, кого себѣ изберутъ. А судомъ вопчимъ не переводити; а кто иметъ переводити, правый у того возметъ, а то ему не въ измѣну. Суженаго не посужати, а положено дати: холопа, робу, должника, поручника, тата, разбойника,

душегубца ны выдати по исправе. . шлнны съ семьи 6 денегъ, съ т ходоу 2 алтына; а съ од не имати. А мыты намъ дерз давыи пошлыи, а непошлыхъ мѣ и пошлынъ не замышляти; а съ воза по дензе, а съ пшехода . нѣтъ. А вывода ны и рубежа . собе не замышляти; а кто за литъ, того выдати по ист А бояромъ и слугамъ межн наст нымъ воля. На семъ, на всемъ, старѣйшнй кн. в. Дмитрій Иванов братъ твой кн. Володимерь Андре целуйте ко мнѣ крестъ къ брату . молодшему ко кн. в. къ Олгу Ивану по любви въ правду, безъ хитрости

(Собр. гос. грам. и догов. I, №

См. духовн. и договор. грам. рус. Чичерина Рус. Вѣст. 1857. № 4 и 3.

310. Подчиненіе Нижняго Новгорода Москвѣ.

Того же лѣта (1364) князь Дн Костянтиновичъ суздальскнй, внукъ снльевъ, правнукъ Михайловъ, пра нукъ Андрѣевъ, ирспраправнукъ Але дра Ярославича приде въ Новгородъ жиши на вел. княженне сматерню с ною и со владыкою своимъ Алек суздальскимъ и новгородцкимъ и гор кимъ,—и не ступися ему княженне гороцкаго братъ его менши кн. Б Константиновичъ внукъ Васильевъ.

Того же лѣта приде посолъ от ря изо Орды Борамхозя, а царицы—А и посадиша на новгородцкомъ княжен Бориса Конст., внука Васильева, . нука Михайлова, праправнука Анд Александровича.

Того же лѣта приде изо Орды о ря Озиза кн. Василей Кирдяпа сузда . сынъ Дмитреевъ, внукъ Костянтин

правнукъ Васильевъ, а с нимъ царевъ посолъ, имя ему Урусъмалды, и вынесе ярлыкы на княженіе великое владимирское князю Дмитрею Костянтиновичю суздальскому; онъ же не восхотѣ, и сступися вел. князю володимирскому в. к. Дмитрею Ив. московскому, а испросилъ у него силу к Новугороду к Нижнему на своего меншаго брата на князя Бориса Костянтиновича. Князь же вел. Дмитрей Ив. посла к нимъ послы своя, чтобы ся помирили и поделалися вотчиною своею, князь же Борисъ не послуша.

Того же лѣта Алексѣй м-ть отня епискупию новгородскую и городецкую отъ владыки суздальского Алексѣя.

В тожъ время отъ в. кн. Дмитрея Ив. прииде съ Москвы посолъ, препод. Сергій игуменъ Радонежскій в Новъгородъ в Нижни ко кн. Борису Костянтиновичу, зова его на Москву; он же не послуша его, и на Москву не поиде. Преп. же Сергій игуменъ по митрополичью слову Алексѣева и в. кн. Дмитрея Ив. церкви вся затвори. И даде силу к. в. Дмитрей Ив. старѣйшему брату Дмитрею Костянтиновичю на меншаго его брата Бориса Костянтиновича. Князь же Дмитрей Костянт. еще к тому в своей отчинѣ в Суздале собра силу многу, и поиде ратью к Новугороду Нижнему; и егда доиде до Бережня, и тамо срете его братья его меншии князь Борисъ Костянт. з бояры своими кланяяся и покаяяся и прося мира, а княжения сступааяся. Кн. же Дмитрей Кост. не остави челобитья и моления брата своего, и взя с нимъ миръ, и поделашася княженіемъ суздальскимъ, и Нижнего Новогорода и городецкимъ. И сяде самъ кн. Дмитрей Костянтиновичъ на вел. княженіи в Нижнемъ Новъгороде, а брату своему меншему кн. Борису Кост. даде Городецъ.

Тогожъ лѣта (1391) сложи кн. в. Василей Дмитревичъ крестное целование к в. кн. Борису Кост., Васильеву внуку,

Михайлову правнуку, Андреѣву праправнуку, и поиде во Орду ко царю Тахтамышу со многою честью и дары; и нача просити в. княжения Нижнего Новогорода подъ в кн. Борисомъ Кост., к своему в. княженію к Москвѣ, и умъзди (одарилъ) князей царевыхъ, чтобы печаловались о немъ царю Тахтамышу. Они же взяша многое золото и серебро и великии дары, и даде царь Тахтамышъ подъ в. кн. Борисомъ Кост. великое ово княженіе Новгородское к Москве в. кн. Василью Дмитр. И поиде кн. в. Василей Дмитревичъ изъ Орды отъ царя Тахтамышы с радостью с посломъ царевымъ на Русь, и пришедъ на Коломну и оттуду самъ поиде к Москве, а посла царева Тахтамышева отпусти в Новъгородъ Нижни з бояры своими.

Слышавъ же снъ, кн. в. Борисъ Кост. Нижн. Новогорода, тогда ему сузду в своей отчинѣ въ Нижн. Новъградѣ, и созва бояре свои и начать имъ молитись с плачемъ и со слезами, гаголя сице: «господя моя, и братія, бояре и друзи, попомните господне крестное целование, какъ есте целовали ко мнѣ и любовь нашу и усвоенне к вамъ». Беше же тогда у него старѣйшии бояринъ его, ему же имя Василей Румянецъ, и рече ко господину своему кн. Борису К.:—ни скорби, ни печалуи, господне княже, вси есмы единомыслени к тебѣ, и готови за ты главы своя сложити и кровь излити.—Се же глаголаше лстя господина своего и изсылашеся съ в. кн. Василемъ Дм. и хотяше господина своего выдати ему. Приближающимъ жеся ко граду Татаромъ Тахтамышевымъ и московскимъ бояромъ и не восхотѣ кн. в. Борисъ Кост. поустити ѿ во градъ к себѣ. И рече ему старѣйшии его бояринъ Василей Румянецъ:—Господне княже, се царевъ посолъ Тахтамышевъ, а се в. кн. Василей Дм. московскаго бояре хотаще миръ подкрепити и любовь утвердити вѣчную, а ты самъ

брань и рать воздвизаеши; пусти убо ихъ во градъ, а мы вси съ тобою, и что могутъ снѣ сотворити? — И тако Татарове видоша во градъ и бояре московскіи, и начаша въ колоколы звонити, и стеконьшася людие. Кн. в. Борисъ К. послаше къ своимъ бояромъ, глаголя: «господня моя и братня и милая дружина! попомните крестное целование, ежъ есте целовали ко мнѣ, и не выдайте мене врагомъ своимъ». И отъшешася отъ нихъ единъ старѣишии его бояринъ Василей Румянецъ:—господине княже, не надѣйся на насъ, уже убо есми мы отныне не твои, и нѣсть съ тобою есми, но на тя есмы; и тако поиманъ бысть кн. в. Борисъ К. Нижнего Новгорода. И по мале времени приде кн. в. Василей Дм. в Новгородъ Нижнии, и посади в немъ своя намѣстники, а кн. Бориса К. и з женою его и з детьми его, и елико еще быша доброхотовъ его, всѣхъ повелъ по градомъ розвести, и вериги желѣзныи связати, и в велицей крѣпости держати ихъ. И се приде посолъ изъ Орды отъ царя Тахтамыша и позва в. кн. Василья Дмитреевича во Орду ко царю, такоже и посла своего. Князь великии жъ поиде ко царю во Орду и многу честь прия отъ царя Тахтамыша, яко ни единъ отъ прежнихъ князем; и предаде ему царь Тахтамышъ Новгородъ Нижнии и Городецъ со всѣмъ, и Мещеру и Торусу,—и много любезно его жаловаше и отпусти его на Русь.

(Никонов. лѣт. 1788 г. Спб. ч. IV, 9—10; 239—241).

311. Борьба Москвы съ В. Новгородомъ.

а. Въ лѣто 6904 (1393). Въ размиріе кн. вел. Василія Дмитреевича съ В. Новымъградомъ, про грамоту, что записалъ В. Новгородъ грамоту къ ни-

трополиту не зватися на Москву, а повѣствуи тако: чтобы есте къ м-ту грамоту отслали; а что есте цѣловали, а тои грѣхъ м-тъ съ васъ снимаетъ,—и В. Новгородъ того не похотѣлъ, и князь вел. взя у Новгорода пригородъ Тръжекъ съ волостями, и Волокъ Ламскій и Вологду, и волости много повоова, а Новгородци взяша у князя вел. Устьягъ г., Устижню и много волости поиманы; и въ то время много кровопролитіа учинилося, и Новгородци, не хотя видѣти большаго кровопролитіа въ крестіанѣхъ, послаша послы къ в. князю съ челобитіемъ о старинѣ, а къ м-ту послаша грамоту цѣловальную; и м-тъ словесъ повѣствоваше: язъ у васъ грамоту цѣловальную емлю, а грѣхъ съ васъ снимаю, а васъ благословляю,—а князь в. новгородское челобитіе прилъ, и взя миръ по старинѣ.

(I, Новг. 96).

б. Того же году (1397) наслѣ князь в. Василей Дмитреевичъ, за Волокъ на Двину, боярь своихъ Андреа Албертова съ другы, ко всей двинской свободѣ, а повѣствуа имъ тако: чтобы есте задалися за князь великии, а отъ Новгорода бы есте отнялися; а князь в. хоцетъ васъ отъ Новгорода боронити, а за васъ хоцетъ стояти и Двиняне Иванъ Никитинъ и бояре двинскіи, и вси Двиняне, за великии князь задалися, а къ князю в. цѣловаша крестъ. И князь в. на крестномъ цѣлованіи, у Новгорода отъялъ Волокъ Ламскій съ волостями, Тръжекъ съ волостями, и Вологду, и Бѣжитскіи Врѣль; и потомъ къ Новгороду съ себе цѣлованіе сложилъ и крестную грамоту скинулъ, а Новгородци съ себе цѣлованіе сложили и грамоту крестную князю в. скинули. И по семъ присла Киприянъ м-тъ въ В. Новгородъ столника своего,

тіа, къ сыну своему къ владыцѣ и повѣствуа тако: поиди на Мошеветь ты отець твой митрополитъ тельскихъ дѣлѣхъ; и владыка мнѣ боярина отпусти на Москву, а съхотѣ поити къ отцу своему къ посадникъ и тысяцкой, и бояре, В. Новъгородъ, биша челомъ го- своему отцу владыцѣ Іоанну: что, господине, князю в. слово добро словеніе бы еси подалъ, за свои в. Новъгородъ,—а Новгородци мѣ отцомъ съ владыкою послаша, посадника Богдана Обакуновича, Дмитріевича и житиѣхъ людеи, но в. И владыка Іоаннъ князю в. словеніе и слово добро подалъ, а отъ Новгорода челобитѣ; рекъ тобы еси, господине сыну князь мое благословеніе и слово добро а Новгородское челобитіе, а отъ ода отъ своихъ мужіи отъ волныхъ бы еси отложилъ, а пріялъ бы старшину; а при твоємъ бы, сыну, и прожежи христіанъ другое бы олитіе не у чинилося; а что еси князь великѣи, на крестномъ цѣло- Новгорода отпалъ еси Заволочье, ѣ, Вологъ, Вологду, Бѣжитскіи а того бы еси, князь в. ступил- юшло бы то къ Новугороду въ ; а про вопчѣи судъ на порубе- то, сыну, отложилъ бы еси, за- господине князь в., то не стари- князь в. владычнѣи благословеніа добра не пріялъ, а отъ пословъ одскихъ челобитѣ не пріялъ, а вогорода не любіа не отложилъ, не възлъ. А м-тъ Кипріанъ своего владыку Іоанна и пословъ нового- ихъ отпустилъ въ Новъгородъ, съ и съ благословеніемъ.

(I, Новг. 98)

любѣ см. въ Никои. л. IV, 272—277.

в. Въ лѣто 6906 (1398). По вели- цѣ дни, на веснѣ, Новгородци рекоша своему господиу владыцѣ отцу Іоанну: не можемъ, господине отче, сего насліа трѣпѣти отъ своего князь в. Васліа Дмитреевича, что у насъ отнялъ у св. Софїи и у В. Новгорода пригороды и волости, нашу отчину и дѣдину; нѣ хотимъ поискати св. Софїи пригородовъ и волостей, свои отчины и дѣдины—и цѣловаша крестъ за единъ братъ, како имъ св. Софїи и В. Новгорода пригородовъ и волостей поискати и биша челомъ поса- дникъ Тимофеи Юрьевичъ, посадникъ Юри Дмитреевичъ, Васліи Борисовичъ, и боя- ре, и дѣти боярскіа, и житѣи люди, и купетскіи дѣти, и вси ихъ вои: благосло- ви, господине отце владыко, поискати св. Софїи пригородовъ и волостей; или пакы изнаидемъ свою отчину къ св. Софїи и къ В. Новугороду, пакы ли свои головы положимъ за св. Софїю и за своего го- спедина за В. Новъгородъ. И владыка Іоаннъ благослови своихъ дѣтей, и вое- водъ новгородскихъ, и всѣхъ вои; а Но- вгородци отпустиша свою братію, и рекъ имъ тако: поидѣте, святѣи Софїи приго- родовъ и волостей поидите, а свои от- чины. Воеводы же Новгородскіи, поса- дникъ Тимофеи, посадникъ Юри и Васи- лии, и вси вои, поидоша за Великъ на Двину къ городу къ Орлѣи; и срѣче ихъ съ Вели владычнѣи волостель Исая, рекъ имъ тако: господо воеводы Нового- родскіи! поѣхавъ, господе, князя в. боя- ринъ Андрѣи, съ Іоанномъ съ Микити- нымъ и съ Двнѣи на св. Софїи волость на Вели, въ самъ великъ день, св. Софїи волость повоеваша, а на головахъ окупъ поимаша; а отъ ки. в. прїѣхалъ въ за- саду, на Двину, ки. Федоръ ростовскіи, городки блюсти и судити и пошлѣи има- ти съ новгородскихъ волостей; а двнѣ- скіи воеводы Иванъ и Кононъ, съ своими другы, волости новгородскіи и боярѣ но- вгородскихъ подѣлиша себѣ на части. Се

же слышавше воеводы новгородскіи, рече коша своимъ братіи воеводамъ: «братіе! аще тако съдумалъ господинъ нашъ князь в., съ крестопреступники съ двинскими воеводами,—сиде рече: братіе! лучши намъ есть умерети за св. Софію, нежели въ обидѣ быти отъ своего в. князя». И пакы поидоша на в. князя волости, на Бѣлоозеро, и взяша бѣлозерскіи волости на щитъ, повоевавъ и пожгоша; а князь Новгородка вышедши князи бѣлозерскіи и воеводы князя в., и добиша челоуъ воеводамъ новгородскимъ и всемъ воємъ—и взяша у нихъ окупа 60 рублевъ, и полона поимаша безъ числа, и животовъ много поимаша; и Кубеньскіи волости поимаша, и около Вологды воевана, и Устюгъ городъ повоевавъ и пожгоша, и стояша на Устюгъ 4 недѣли. И въ то время воеводы послаша Дмитрея Ивановича, Ивана Богдановича, а съ ними дѣти боярскіи, воевана волости князя в., толко за дщице Галича не доидиша, а волости повоевавъ и пожгоша и полона (*пльминыхъ*) поимаша безъ числа, а на полону окупъ поимаша, понеже бо суды не подымутъ, а шии полонъ пометаша; и оттолѣ поидоша по Двинѣ къ городку къ Орлецу, воюя волости князя в. И приидоша къ Орлецу городку и стояша подъ городкомъ 4 недѣли, поставиша пороки и оступиша городокъ, и начаша бити пороки; и вышедши Двиняне изъ городка, и начаша бити челоуъ, съ плачемъ воеводамъ и всемъ воємъ новгородскимъ; и воеводы новгородскіи и вси вои, по своего господина по новгородскому слову, челобитіе пріяша Двинянтъ, а нелюбия имъ отдаша; а воеводъ заволотскихъ Ивана и Конона съ другы изымаша, овыхъ смертію казниша, а Ивана и брата его Алфана и Герасима и Родивона изковаша, кто водилъ двинскую землю на зло; а у кн. Феодора ростовскаго взяша присудъ и пошлины, что поималъ, а самому съ другы животъ даша; а у гостей князя в.

взяша съ головъ окупа 300 Двинянтъ, за ихъ преступленіе вину, воеводы и вси вои Но взяша 2000 рублевъ, а 300(бѣше бо всехъ Новгородцевъ 3 не бысть божіе милосердіе, тч шедъ Руской земли и у стоуъ городка не бысть пакости в токмо у городка одного челоуъ дѣтскаго Левушку Феодорова а городокъ разгребоша (*разруи* (I Нов. 98—100).

312. Подчиненіе Суздальи III

Въ то же лѣто (1402) слыш Семень Дмитреевичъ суздальскіи гни его и зъ дѣти изнимана, его взята, самъ бо бѣше тогда татарскимъ вѣстомъ, и посла къ (московскому) съ челобитіемъ и реніемъ; князь же вел. опасъ ему, онъ же приде на Москву ды, и взя миръ съ в. княземъ съ Москвы на Вятку съ княги дѣти, боленъ бо бѣше уже, и въ Вяткѣ 3 мѣсяць, и владе недугъ, преставися дек. 21, Петра чудотворца. Сей же кн. вотъ своемъ много напасти п многы истомы претерпѣ въ Оі Руси, добиваяся своей отчины, порядку въ Ордѣ служи четыреи прьвому Тахтамышу, другому А миру, третьему Темиръ-Кутлуту тому Шадъбѣку, а все то поди на в. кн. московскаго, како свою отчину, новгородское (*московское*) княженіе, и того ради да подѣя, не обрѣтаа цюкоа не има, и не успѣ ничтоже, но тружася...

(II. С. Лѣт. VIII, 7.

(¹) Опасную грамоту, чтобы при немно.

313. О взятіи вел. князя въ Сергіевѣ монастырѣ.

Въ лѣто 6954 (1446). Князю Дмитрею Шемякѣ вложи диаволъ мысль хотѣти великаго княженія, и начять носылати къ князю Ивану Можайскому съ тѣмъ, что, рекши царь на томъ отпустилъ в. князя, а онъ къ царю цѣловалъ, что царю сидѣти на Москвѣ и на всѣхъ градахъ русскихъ и на нашихъ вотчинахъ, а самъ хочеть сѣсти на Твери. И тако по дяволю наученію обьсылающися и здумавшеса съ своими свѣтники злыми, иже нехотящев добра своимъ государемъ и всему христіанству, и посылають съ предреченными рѣчи къ в. кн. Борису тверскому; онъ же слышавъ то убояся, и бысть единомысленикъ съ ними. Мнози же и отъ Москвичъ въ думѣ съ ними бяху, бояре же и гости; бѣ же и отъ чернцовъ въ той думѣ съ ними. И тако начяша князи и съ своими свѣтники безвѣстно въоружатися и искати подобна времени, како бы изгонити в. князя. Усмотривъ же сіи таковъ получей, подобенъ ихъ злomu съвѣту, въскотѣвшу в. князю итти поклонитися Живоначальной Троици и мощемъ чудотворца Сергіа: пошешу ему и съ своими благородными чады, съ кн. Иваномъ и съ кн. Юрьемъ, и съ малыми зѣло людьми, ничтоже много чаа, но токмо накормити сущую тамо братью великіа тоя лавры; а къ кн. Дмитрею Шемякѣ и Ивану можайскому вѣсти по вся дни посылаемъ бяху съ Москвы отъ измѣнниковъ, а они съвокупившеса стояша въ Рузѣ, готови суще, яко пси на ловъ или яко дивіи звѣріе, хотяще насытитися крове человѣча. Бывши же къ нимъ вѣсти той, что князь в. изыде изъ града, они же часа того понидоша изгономъ къ Москвѣ и придоша февралѣ м. въ 12. въ 9 часъ ноци, противу недѣли иже о блудномъ сыну, и взяша градъ: не баше бо въ немъ про-

тивящагося имъ и никому вѣдушу сего, токмо единомысленикомъ ихъ, иже и градъ отвориша имъ; они же вшедше въ градъ великихъ княгинь изнимаша, Софью и Марью и казну в. князя и матери его разграбиша, а бояръ сущихъ ту изнимавше и пограбиша, и иныхъ многихъ и горожанъ. И тоя же ноци пакы отпускаеть князь Дмитрей Шемяка кн. Ивана можайскаго на в. князя Василья къ Троици изгономъ съ многими людьми своими и съ его. Въ самую же литургію пригонилъ къ в. князю, въ недѣлю о блуднемъ, Бункомъ зовуть, повѣдая ему, что идутъ на него кн. Дмитрей Шемяка, да кн. Иванъ можайской ратью, и не ятъ ему вѣры, понеже бо тотъ Бунко за мало преже сего отѣхалъ къ кн. Дмитрію, и рече: «сіи смущаютъ насъ, а язъ съ своею братѣю въ крестномъ цѣлованіи, то какъ можетъ то быти такъ? И повелѣ того весь монастыря збити и назадъ воротити его, како бывшу тому на Вори, яша его ратніи сторожи и бша его. А князь в. хотя ему не имя вѣры, а одинако посла сторожи къ Радонежу. Они же пришедше сташа на горѣ надъ Радонежемъ стеречи, и познаша ихъ ратніи сторожи издавоча, а си тѣхъ ратныхъ не усмотриша, и не имяху вѣры тѣмъ вѣстемъ; а тѣ сторожи и сказаху князю Ивану, что есть сторожи за Радонежемъ на горѣ, онъ же повелѣ сани многи изрядити какъ возы съ рогозинами, а инии съ тѣстами, а въ нихъ по два человекъ въ досиѣтъ, а третій послѣ идетъ какъ бы за возомъ; и какъ предніе уже минуша ихъ и тако выскакаша вси изъ саней и изнимаша ихъ, а убѣжати имъ нѣкако баше, понеже бо тогда снѣгъ былъ девяти пядей. И тако вскорѣ понидоша къ монастырю, и какъ явшася скачюще на конехъ зѣ горы тоя къ селу Климентьевскому, якоже на ловъ сладокъ, в ако увидѣвъ ихъ князь в., потече самъ на конюшенной дворецъ, и не бѣ ему коня

уготована; самъ бо се яко ложь виѣни, надѣся на крестное цѣлованіе, и не повелѣ себѣ ничего уготовати, а люди вси въ уныніи быша и въ торопѣ велицѣ яко изумлени. Видѣвъ же князь в. яко нѣсть ему никакіе помощи, скоро поиде на монастырь къ церкви св. Троица каменная; пономарь же имянемъ Никифоръ, инокъ притекъ и отиче церковь, князь же в. вииде въ церковь, и онъ замкнувъ его отшедь схоронися. А они убійци, яко же сверѣши влѣци, възгонина на монастырь на конехъ, преже всѣхъ Никита Костантиновичъ, и на лѣсницу на конѣ къ преднимъ дверемъ церковнымъ, и ту пошедшу съ коня ему и заразися о камень, иже предѣ дверни церковными въздѣланъ на примость, и пришедше прочіи взяша его; онъ же едва отдохнуть, и бысть яко шанъ, а лице его яко мертвецу бѣ. Потомъ же и самъ князь Иванъ възгони на монастырь и все воинство ихъ, и начятъ въпрошати князь Иванъ: «гдѣ князь велики?» Князь же великій внутрь церкви услыша князя Ивана глаголюща и възпи велии глаголя: «брате! помилуйте мя, не лишите мя зрѣти образа божіа и пречистыя матере его и всѣхъ святыхъ его; а не изыду изъ монастыря и власы главы своея урѣжу здѣ». И шедъ къ дверемъ южнымъ отпре ихъ самъ, и взять икону иже надъ гробомъ св. Сергіа, Явленіе св. Богородица съ двѣма апостолами св. Сергію, и срѣте въ тѣхъ дверехъ церковныхъ князя Ивана, глаголя: «брате! цѣловали есмя животворящій крестъ и сію икону въ церкви сей живоначалноа Троица, у сего же чудотворцова гроба Сергіева, яко не мыслити намъ, ни хотѣти ни которому же отъ братіи между себе никоего лиха; а се нынѣ не вѣмъ, что есть на мнѣ». Князь же Иванъ рече къ нему: «господине государь! аще ли ти въсхощемъ коего лиха, буди то надъ нами лихо; но се творихомъ христіанства ради и твоего окупа: видѣвше

бо се Татари пришедши съ тобою облегчать окупъ, что ти царю давати». Князь же в. поставль икону на мѣстѣ своемъ и паде ниць у гроба чудотворцова Сергіева, слезами обливаа себе и велии въздыхаа кричаніемъ моляся заклипаая; яко удивитися всѣмъ сущимъ ту и слезы испустити и тѣмъ злодѣемъ противнымъ; а князь Іоанъ мало поклоня въ церкви изыде, рече Микитѣ: «взъми его». И князь в. много молился вѣставъ отъ нечаяніа своего и възрѣвъ рече велии: «гдѣ братъ князь Иванъ?» Приступль же злый рабъ гордыхъ и немилосердыхъ мучитель Никита, - ятъ (взявъ) за плечи в. князя, глаголя: «поиманъ еси в. княземъ Дмитреемъ Юрьевичемъ». Оному же рещу: «воля божіа да будетъ», — онъ же злодѣй выведе его изъ церкви и съ монастыря сведе, и посадиша его въ голыя сани, а противу его чрънца, и тако отидоша съ нимъ къ Москвѣ; а бояръ его всѣхъ поимаша, а прочіихъ всѣхъ пограбивше нагихъ попускаша. А сынове князя в. князь Іоанъ да ки. Юріи, ухороняшася въ томъ же монастыри; а они кровопійци, яко же нѣкоторый сладкій ловъ уловивше, отъидоша, а о сихъ небрегоша, ниже пытаху о нихъ. Си же в. князь сынове, Иванъ и Юрій, въ туже ночь побѣгоша, изъ монастыря съ оставшими съ ними людьми, кои ухороняшася, и прибѣгоша къ кн. Ивану Рязоловскому въ Юрьевъ, въ село его Боярово; князь же Іоанъ съ всею братею, съ Семеновъ и зъ Дмитріемъ, и съ всѣми людьми своими бѣжаша съ ними къ Мурому и тамо затворишася съ многими людьми. А князь в. Василіа въ понедѣльникъ на ночь изъ Мясопусной недѣли, февраля 14 привелъша его на Москву и посадиша на дворѣ Шемякинѣ, а самъ князь Дмитрей стои на дворѣ Поповкѣнѣ; въ среду на той же недѣли на ночь ослѣпиша князя в. и отслаша его на Угличе Поле и съ его княгиню, а матеръ его, в. княгиню Сою

послалъ на Чюлому... (Ослѣпша его про сію вину: чему еси Татаръ привелъ на Рускую землю, и города далъ еси имъ и волости подавалъ еси въ кормленіе? а Татаръ любишь и рѣчь ихъ паче мѣры безъ милости, а злато и серебро и инѣиѣ даешь Татаромъ; а и за тотъ гнѣвъ, ослѣпилъ бѣ брата Дмитріева Юрьевича кн. Василія (Косаго). И съѣде на вел. княженіи кн. Дмитрій Юрьевичъ на Москвѣ).

(И. С., Лѣт. VIII, 115—117; IV, 125—126).

314. Посланіе м-та Іоанн Вятчанскъ ок. 1452 г.

Отъ Іоанн, м-та кievьскаго и всея Руси, на Вятку и въ всю вятскую землю воеводамъ земьскимъ Якову Пугвину и Онисею и Юрью Алексѣевымъ Мышкина, и всѣмъ ватаманомъ, и подвойскимъ, и бояромъ, и кушечемъ, и житымъ людемъ и всему нарицающемуся именемъ христіанству тамошніа земля. Невѣны убо, како васъ нарици: зоветесь именемъ христіанне, а живете дѣлающе злая горше нечестивыхъ, ни по христіанству, ни по крестному цѣлованью, ни по божественному писанію православныа истинныа христіанскыа вѣры; ов. сборную и апостольскую церковь рускыа митрополія обидите и законы церковныа старыа разоряете, а за всеа своему господарю в. князю грубите и приставаете къ его недругу, и издавна, и съ поганьствомъ съединяющесь, и съ отлученнымъ отъ божья держве съ кн. Дмитріемъ съ Шемакою приходива есте многожды на в. князя вотчину, на Устюгъ, на Вологду, на Галичь, а черезъ крестное цѣлованье, цѣловавъ животворящей крестъ у кн. Дмитрія Ивановича у Риполовского, у Глѣба у Семеше-

ва трижды крестъ цѣловавъ, у Александра у Мякиннина двжды крестъ цѣловавъ, на в. князя добро, да то крестное цѣлованье забывъ, да зався измѣняюще, и христіанство губите, и съ тѣми христіаньскими губители и сами собою вотчину его воюете безпрестанно, христіанство губите убійствомъ и цолонемъ и грабленіемъ, и церкви божьей разоряете и грабите всеа церковная священная приходія, кузнь и книги и колоколы, и вся творите злая и богомерзская дѣла, якоже поганіи. И нынѣ ново, сими часы, воевали есте в. князя вотчину, Сысолу и Вымъ и Вычегду, да людеи есте православнаго христіанства много перемучили, переморили, а нынѣ въ воду пометали, а нынѣ въ избы и въ хоромы насаживая, мужей, старцевъ и малыхъ дѣтокъ, безчислено пожигали, а нынѣ очи выжигали, а нынѣ младенцовъ на колы сажая умертвляли, подобяся злочестивому губителю и христіаномъ убійцѣ Ироду; а закону есте взяли болѣ полуторы тысящи душъ, да который нынѣ собѣ держите, а нынѣ въ поганьство продаете и въ дары даете; да отъ того своего злаго дѣла не престанете, а своему господарю в. князю зався грубите, а челомъ ему за свою грубость не бѣете. Но какъ Богъ своимъ милосердіемъ положилъ на сердцѣ в. господарю, в. князю, васъ еще жаловалъ, а и нашего смиренія послушалъ, какъ есмь его богомолецъ о васъ молилъ его съ многими слезами, и съ молбою, и съ благословеніемъ, по своему святительскому дому: и в. господарь, в. князь и до сѣхъ мѣсть вамъ терпѣлъ, васъ не казнилъ, ожидая отъ васъ вашего челобитья и покаянія, отъ злаго вашего дѣла престать; но отъ васъ такы мѣть управленія. И язъ, его богомолецъ, уже то конечное, послалъ есмь къ вамъ сего своего старца, киевскаго игумена Нафона, съ сою своею управою и кроткою грамотою и съ своимъ рѣчимъ, васъ жа-

луга, чтобы есте отъ своего злаго дѣла престаи, а своими бы есте душами непогыбли и нынѣ временно, а въ будущемъ ономъ вѣцѣ не были есте въ безконечной оной мудѣ: церковь бы есте божию держали по християнству по старинѣ честно, а господарю бы есте своему, а нашему сыну в. князю, за свою злую створенную къ нему грубость, челомъ добили; а грабежи бы есте церковные отдавали, и полонъ бы есте весь отпускали безхитростно, а по сы бы есте часы отъ своего злаго дѣла престаи. И послушайте, мно еще на васъ будетъ милость божія и нашего смиренія благословеніе, а в. господаря в. князя жалованье, по вашему къ нему исправленію; а не послушаете насъ, а своему господарю в. князю челомъ не побіете и къ нему не исправитесь въ всемъ безъ хитрости, мно небудетъ на васъ милость божія и пречистыя его Богоматере и всѣхъ святыхъ молитвы, и нашего благословенія, и нынѣ и въ вся безконечныя вѣкы; а та кровь християнская вамъ отольется, то вамъ все отъ себя прійдетъ. А рѣчи своими, съ симъ своимъ старцемъ, то же есмь къ вамъ приказалъ...

(А. Истор. I, № 261.

315. Усмиреніе Новгорода Московскимъ княземъ.

Тое же зимы (1456) м. генваря 19 въ понедѣльникъ, князь в. Василей Васильевичъ за неисправленіе Новгородецъ поиде на Новгородъ В. и бывшу ему на Волоцѣ, и ту приидоша къ нему братія его, и вси князи его и воеводы съ множествомъ воинства, а изъ Новгорода на Волокъ же прииде къ нему посадникъ Василей Степановъ съ челобитьемъ, чтобы князь в. пожаловалъ на Новгородъ не

шелъ, а гнѣвъ свой отложилъ; и неприать князь в. челобитія ихъ, но поиде на нихъ. Пришедъ же въ землю новгородскую и отпусти князя Ивана Васильевича Оболенскаго Стригу и Феодора Басенка на Русу; они же тамо пришедше многое множество богатства взяша, понеже бо неуспѣша выбѣжати люди сущи тамо, ниже товара вывести или похоронити гдѣ и съ тою многою корыстію вся люди своя впередъ себе отпустиша, а сами главами своими воеводы и дѣти боарскіе съ малыми людьми, безъ коихъ не лѣтъ быти имъ, по осташися, выпустивъ своихъ подѣлѣ, за ними же поитти назадъ къ в. князю. И тогда бысть вѣсть имъ, а и сами видаху, что идетъ на нихъ отъ Новгорода рать велика, 5 тыс. ихъ бяху, а сихъ до дву сотъ не осташися; видѣвше же устрашишися, потѣмъ же начаша глаголати межъ собою: «что створимъ? аще не поидемъ противу ихъ битися, то погибнемъ отъ своего государя в. князя, понеже корысть взяхомъ и воа съ тѣмъ отпустихомъ; но лучши помремъ съ ними заправду своего государя, а за ихъ изгнѣну», и поидоша противу ихъ; бысть же плетень межъ ихъ и суметы свѣжныя велики, и не бѣ имъ лѣтъ видѣсто снятися. Вои же в. князя видѣвше крѣпкіи доспѣхы Новгородцевъ и начаша стрѣлами бити по конемъ ихъ, кони же ихъ яко възбѣснѣша и начаша метатися подъ ними и съ себе сбивати ихъ; они же незнающе того бою яко омертвѣша и руки имъ ослобѣша, кони же нияху длѣга и неможаху и възнимати ихъ тако, яко же обычай есть ратнымъ, но на землю испущающе ихъ, а конемъ биющемся подъ ними, и тако валяхуса подъ кони свои, немогуще сдрѣжати ихъ; и сбысться реченное пророчское слово надъ ними, глаголющее: «ложь конь въ спасеніе, въ множество силы своа не спасется!» И тако въскорѣ побѣгоша гоними гнѣвомъ божіимъ, и множество же ихъ избіено бысть,

а нини поимани; тогда поиманъ бысть посадникъ ихъ большой Михайло Туча, а убоень Есая Носовъ и нини мнози, а поиманныхъ не много бысть того ради, въкому было ихъ имати, понеже бысть мало воинства в. князя; гонима же ся воеводы в. князя и воинство, иже съ нами, бѣюще и грабще и въ плѣнъ ведуще, и тако възвратишася и придоша къ своему государю в. князю здрави вси. А Новгородцы прибѣгоша въ Новгородъ, повѣдаша бывшее надъ собою, и бысть въ Новгородѣ скорбь и туга и плачь многъ о избѣенныхъ, и плѣнныхъ и о своей измѣнѣ къ в. князю. По обычаю же своему начаша звонити въ вѣчный колоколъ, и спидеся весь градъ на вѣче то, посадники и тысяцкіе и прочіе вси людѣ, и немѣюще, что мѣвити, но смутишася и въскөлебашася яко пѣаны и иная глаголаше, такоже вси умысливше начаша бити челомъ архіепископу своему Евфимію, чтобы шедъ молилъ в. князя, да помиловалъ бы отчину свою и отвратилъ бы ся отъ гнѣва ярости своеа чтобы до конца не погубли есмы за свою измѣну къ нему, господину своему в. князю. Архіепископъ же, видя людѣ въ бѣдѣ сущихъ, и рече къ нимъ: »дѣти мои! за ваше неисправленіе не мощно ми есть ни на очи приняти господина моего в. князя за ваше

преступленіе, а за свое сѣгрѣшеніе; но милостивъ есть, иду молити его, да отдасть намъ зло сіе, еже не токмо измѣна наша къ нему, но и руку вашу поднасте противу его. И тако поиде къ в. князю, а съ нимъ посадники, и тысяцкіе и люди житѣи, по своему имъ обычаю; архіепископъ же Евфимій приде къ в. князю, и начать челомъ бити и молити его за его отчину за Новгородъ, а преже бивъ челомъ и братіи его и боарюмъ. Князь же великій послуша моленія богомолца своего архіеп. Евфиміа, и братіа своеа и боарь своихъ, и тѣхъ Новгородцевъ, которые пришли съ архіепископомъ, пожалова ихъ, а за свою истому взя у нихъ князь в. 10,000 р. новгородскимъ серебромъ, oprичь братіи боарь своихъ, и посла боарь своихъ въ Новгородъ и приведоша весь Новгородъ къ цѣлованію, что имъ быти у него въ послушаніи, а его лиходѣевъ, измѣнниковъ, у себе не дрѣжати; и тако възвратися князь в. на Москву.

(П. С. Лѣт. VIII, 145—147).

О внутреннихъ раздорахъ въ Новгородѣ см. статью: «Вліяніе владыки 1418 г.» О борьбѣ областей, см. договорныя грамоты въ отдѣлѣ администраціи и въ отдѣлѣ юридическомъ.

Б. П Р Е Д А Н І Я И Б Ы Л И Н А.

316. Сказаніе о началѣ Москвы.

Почему было бы на Москвѣ царствомъ быти, и кто зналъ, что Москвѣ государствомъ слыти; были на семъ мѣстѣ по Москвѣ рѣкѣ села красныя хорошаго боярина Кучка Сте-

пана Ивановича, боярина жана сына велики красны. И с Давида Александровича сити у Кучка боя себя во дворъ съ гола ему: «аня»

во дворъ и азъ на тя войною прииду и тебе мечемъ побью, а села твои красныя огнемъ пожгу. И бояринъ Кучко убояся страха князя Данила суждальскаго; и отдадѣ смыновъ своихъ обоимъ князю Данилу суждальскому. И князю Данилу полюбишася оба Кучкова сына; и нача ихъ князь Данилъ любить и жаловати, и пожаловалъ одинаго въ столыньки, а другаго въ чашники. И полюбишася тѣ два юноша Даниловъ княгини Улиты Юрьевны, и улави ю врагъ на тѣхъ юношъ блудною яростию, возлюбилъ бо красоту лица ихъ, и диаволимъ разжениемъ смѣсися любезно, и умыслиша они со княгинею, како бы имъ предати князя Данила смерти и начаша звати князя Данила къ полѣ ѣздити, утѣшенія ради смотрѣти звѣрска уловленія заещевъ.

И бысть ему на поли, и егда поѣхаша въ дебри, и начаша они Кучковы предавати его злой смерти; князь же Данилъ ускочивъ отъ нихъ на конѣ своемъ въ чащу дѣса; и бѣжа отъ нихъ подлѣ Оки рѣки, оставилъ коня своего. Они же злии чловѣцы и убійцы, аки волцы лютии напрасно хотяху восхитити его, и сами быша во ужасѣ мнозѣ, искавши его и не обрѣтоша, но токмо нашедше коня его. Князь же добѣжавъ съ нуждою до перевозу, и не имѣя что дати перевознику за перевозъ, но токмо бѣ у него на рукѣ перстень золотой, и той перстень далъ перевознику; перевозникъ же глаголаше: «лихи дѣ вы люди, оманчивы, какъ дѣ васъ перевозу рѣку, и вы не давъ ничего, такъ и уходите»; а не познавъ его, что онъ князь Данилъ Александровичъ; онъ же обѣщавъ ему той золотой перстень дати. Первозникъ же притѣхавъ близъ брега зъ другя страны Оки рѣки, и бывъ противъ князя и протяжѣ весло князю и рече: «подай перстень на весло, и азъ тя перевозу»; князь же Данилъ, мнѣвъ его яко правдива чловѣка, и мня яко не солжетъ, и возложи ему на весло перстень свой золотой. Первозникъ же той взявъ на веслѣ отъ князя перстень къ себѣ и отторжеся отъ брега. Князь же Данилъ побѣже подлѣ Оки рѣки, бояся за собою гонившихъ людей, и преиде день той къ вечеру, и не имѣя гдѣ прикрытися,—пусто бо мѣсто бѣ въ дебри,—и по прилучаю найдѣ той дебри струбець малъ стоящъ, подъ нимъ же погребенъ бысть ту нѣкоторый мертвый чловѣкъ, князь же вгѣвъ въ струбець той, закрыся въ немъ, забывъ страхъ отъ мертвыхъ, и почи тою ночью темную до утра.

Сынове же боярина Степана Ив. Кучка быша въ сѣтованіи и въ печали и въ скорби велицей, что упустиша князя Данила жива отъ рукъ своихъ ранена; и приидоша въ раскаяніе и рѣшавъ себѣ: «лучше бы намъ было и не мыслити надъ княземъ таковаго дѣла смертнаго; понеже убѣжа отъ насъ раненъ во градъ Владиміръ къ брату своему Андрѣю Александровичу, и будетъ намъ отъ

нихъ принять злая казнь и смерть ра и лютая, такожде княгини Улиты пов быти».

И злая княгиня Улита, наполнивъ сердце злыя мысли на мужа своего Данила Алекс. аки лютую змию, и лися сотанинымъ навожденіемъ блуду хоти. Возлюбивъ бо окаянная мало и наложниковъ Кучковыхъ дѣтей любо своихъ, и повѣда имъ вся тайны мужаго, глагола: «есть де у мужа моего плъжець, и какъ де онъ князь Данилъ противъ враговъ своихъ на побонщатаръ или на крымскихъ людей, и притѣхъ мнѣ поѣзжая: егда де я отъ Татаръ буду, или инымъ какимъ случаемъ и смерть мнѣ безвѣстная, или на бою и плѣхъ чловѣческихъ сыскати и поимати не мощно; и ты пошли на взысканіе своихъ съ тѣмъ псомъ моимъ, и непустиши того пса передъ собою простымъ ѣхати за псомъ; и той песь в мѣя неложно, и тѣло мое будетъ лизать стно».—И наутри княгиня Улита, да пса любовникамъ своимъ и приказавъ гдѣ князя Данила обряцете, тамо ети предайте. Они же злии убійцы, азъ злодѣицы княгини Улиты наполнивъ взявше пса поѣхаша на то мѣсто, гдѣ ша князя смерти предати; и съ тог пса пустиша напредъ себя, той же пса предъ ними, они же за нимъ скопша. И бѣжавъ песь по берегу Оки набѣжавъ оный струбець, гдѣ ходилъ князь Данилъ; увѣдавъ песь князя Данила нача шію вертѣти и махати радуя тѣмъже искоми его увидѣвше пса рад и хвостомъ машуща; и скоро скочивши вають струбець, и обрѣтъ ту князя Александровича, и скоро смерти притѣхъ и копѣи прободоша ребра ему отсѣкоша его, и паки въ той струбець крыша тѣло его.

Благовѣрный князь Данилъ бысть ченикъ, притѣхъ мученическую смертью предлюбоудѣвъ и жены своей. Въ п мученики Борисъ и Глѣбъ и Святославны быша отъ брата своего океаннаго полка, рекомаго Поганополка; тако и чковы дѣти притѣхаша во градъ Суз привезоша ризу кроваву князя Данила ша ю княгинѣ Улитѣ, и живяху съ томъ же предлюбоудѣваніи беззаконномъ жнему. Не скоро же убо ходитъ и Владиміръ градъ ко князю Андрѣю Александровичу, что сотворися таковое убійствѣ братомъ княземъ Даниломъ Александровичемъ.

Сыну же князю Ивану Даниловичу ку Александрову, оставшуся младу сузкмо яръ и лють бысть, и притѣхъ отъ ния его, именемъ Давыдъ Тудеринъ смерти же Даниловъ, пришедше уже д

), и сжалися той вѣрной слуга Давидъ гѣ князя Іоаннѣ Даниловичѣ, и ваятъ его ноцію, и паде на конь и гнавѣ съ нимъ ко граду Владиміру ко князю Андрѣю андровичу къ дядѣ его, и сказа вся слу- й по ряду, что сотворися во градѣ та- кое убійство надѣ братомъ княземъ Да- мѣ.

Князь же Андрѣй сжалися по братѣ сво- яко же князь Ярославъ Владиміровичъ атинъ своей Бористъ и Глѣбѣ, и собра аяннаго злого убійцу своея войска, и Бо- ѣ въ помощь призва, ратию отмстити братаю праведныхъ своихъ Бориса и и Святослава и побѣди окаяннаго Свя- ка. Тако же и сей новый Ярославъ Андрѣй Ал. прослезився горцѣ по бра- оемъ, князь Данигѣ суждальскомъ, и въ рудѣ свои на небо, и речѣ со слеза- Господи владыко, творче всѣхъ и содѣ- отмсти кровь праведнаго Бориса и Глѣ- аязю Ярославу на окаяннаго Святополка, Господи владыко, отмсти кровь сію не- ную мнѣ, грѣшному, брата моего князя ла сихъ злыхъ блудниковъ и наложни- тоя блудницы... Святополкъ бо окаянный убійство сотвори, очи его ази прель- ся, несытѣмъ сребра и злата и имѣнія го, власти и царствія его восхотѣ на . часть насладитися, а небеснаго царствія жи отпаде и во днѣ адовѣ во вѣки му- воспріять. Тако и сія скверная и не- блудница, княгиня Улита блуднаго ненія, похоти несытства на единѣ часть дия, и не токмо небеснаго царствія жи, но сего свѣта власть отринуть, и би скверну злую, блудную похоть, и шиса дѣволу невѣста и (окоянному Свя- ку) во днѣ адовѣ отъ сатаны законъ во- гь и вѣчное мученіе наслѣдова-.

Обра князь Андрѣй во градѣ Влади- войска своего 5,000, и поиде во градъ зль, и слышаху во градѣ Суждальцы и на Степана Ів. Кучка дѣти, что идетъ ихъ изъ Владиміра града князь Андрѣй йскомъ, и обьятъ ихъ страхъ и тре- что напрасно проліяша кровь неповин- и не возмогоша они стати противъ кня- ндрѣя ратоватися, и бѣжаша ко отцу у, боярину Степану Ів. Кучку. Князь ндрѣй съ воинствомъ пришеде въ Суж- радъ; суждальцы же не противишася глаголюще: «мы бо не совѣтница на ѣ государя своего, и не приложникомъ брата твоего князя Данила; но вѣны чена его злую смерть умыслила съ лю- ками своими Кучковичи, и мы можемъ пособствовати на тѣхъ злыхъ измѣнни- Князь же Андрѣй повелѣ княгиню Ули- имати и казнить всякими муками, и ю лютой смерти, понеже она злая та- безстудная дѣла содѣла, и не устра- Бога содѣтели, и велиможъ и великихъ

людей не устремилъ, и отъ добрыхъ женъ укоряны и посмѣху не постыдѣся, своего мужа злой смерти предаде, и сама окаянная злую тую смерть пріяла. И собравши суж- дальцы 3,000 войска князю Андрѣю Ал. въ помощь, и поиде князь со всѣмъ воинствомъ на боярина Степана Ів. Кучка, и не бысть у Боярина Кучки кругъ красныхъ его сель ограды каменные и острога деревяннаго и не возможе Кучко бояринъ противъ князя Андрѣя боемъ битися, и вскорѣ князь Ан- дрѣй всю силою на приступъ ѣмлетъ села и слободы красныя и самаго Кучка боярина и съ его дѣтьми въ плѣнъ и повелѣ ихъ окова- ти желѣзы крѣпкими, и потомъ казни бояри- на Кучка и зѣ дѣтьми его всякими казними различными, въ лѣто 6797 (1289), марта въ 17 день. И князь Андрѣй Ал. отмсти кровь брата своего, побѣди боярина Кучка и злыхъ убійцовъ, иже убили князя Данила, и все имѣніе ихъ и богатство разграбивъ, а сель и слободъ красныхъ не пожегъ, а препочи ту. Наутри же воставъ и посмотривъ по всѣмъ краснымъ селамъ и слободамъ, и вложи Богъ въ сердце князю Андрѣю на томъ мѣстѣ градъ поставити; видѣ бо мѣсто прилично, еже гра- ду быти, и воздохнувъ изъ глубины сердца своего, и воадѣвъ рудѣ на небо, и рече мо- литву со слезами: «Боже вседержителю, твор- че всѣмъ и создателю! Прослави мѣсто сіе и подаждь помощь желанію моему устрои градъ и создати св. церкви».

И оттогѣ князь Андрѣй сядетъ въ кра- сныхъ тѣхъ селлахъ и слободахъ нача житель- ствовати; а во градѣ Суждали и во Владими- рѣ посаждая державствовати сына своего Гео- ргія, а племянника своего брата сына Іо- анна Даниловича къ себѣ взявъ, и воспитыаъ его до возраста въ добромъ наказаніи.

Той же благовѣрный князь Андрѣй Ал. воздыже церковь древяну пресв. Богородицы честнаго ея благовѣщенія невелику сущу, и Бога въ помощь себе призывая и пречистую его Богоматерь, такожде повелѣ и градъ осно- вати около тѣхъ красныхъ сель по Москвѣ рѣкѣ и именованіе граду тому положи *Мос- ква*; пособствоваша Суждальцы и Владимірцы и Ростовцы и вси окрестніи.

И тако сотвориша и состроиша градъ въ лѣто 6799 (1291) іюля мѣсяца въ 17 день, на память св. мученика Пантмеймона, и от- тогѣ нача именоватися градъ Москва. Пожи- ве же той благовѣрной князь Андрѣй во гра- дѣ Москвѣ, и устрои божія церкви мно- ги, и преставися въ лѣто 6813 (1305); оставилетъ градъ Москву и приказываетъ державствовати племяннику своему князю Івану Даниловичу. Сыну же Андрееву Гео- ргію, надрцаемому Юрью суздальскому и вла- димірскому, преставилуся прежде смерти отца своего Андрея московскаго единымъ лѣ- томъ. Но токмо у него наслѣдникъ по немъ

сынъ его Дмитрій, еще бо ему младу сущу, яко 4 лѣта и двою мѣсяць.

(*Письма Рыбникова IV, LIX. Временникъ 1855 г., кн. XL.*)

При всей негѣности главнаго содержанія, это сказаніе представляетъ много подробностей очень замѣчательныхъ, которыя довольно живо рисуютъ бытъ древней сѣверовосточной Руси, и во многомъ объясняютъ разные намеки обо этомъ предметѣ, встрѣчающіеся въ лѣтописяхъ. (См. Убіеніе Андрея Боголюбскаго). Этихъ подробностей въ отношеніи къ древнему быту мы можемъ довѣрять; ибо преданіе, искажая иногда главное содержаніе, всегда сохраняетъ форму подробностей, старую обстановку событій и особенно дорожить ими.

317. Пророчество о Москвѣ святителя Петра.

Божій человекъ пресвященный и-тъ великій чудотворецъ Петръ, прохажаше многи грады и веси, якоже обычай имаше поучати Богомъ порученное ему стадо, въ преславномъ же градѣ Москвѣ начать пребывать больши инѣхъ градовъ. Видяше бо въ немъ благочестія держателя сего благолюбиваго в. кн. Ивана Даниловича, православіемъ сіяюща, и богоугодно живуща, и всякими добрыми дѣлы украшена, и милостива до нищихъ, и честь велію подавающа служителемъ св. божіихъ церквей и тѣхъ ученію внимающа, его же зѣло отъ душа возлюби великій чудотворецъ Петръ, съ нимъ же часто бесѣдуя, и мудрствуя о всѣхъ благихъ и полезныхъ душевныхъ же и тѣлесныхъ, еще же совѣтъ благопотребенъ предлагая ему, и пророчествуя глаголаше: «О боголюбивѣйшій и в. княже! аще совѣта моего, сыну! послушаши, и во градѣ своемъ Москвѣ соборную церковь каменну поставиши во имя пречистыя Богоматери, и тебѣ самага имать Богъ благословити и прославити наче инѣхъ князей, и разпространити градъ сей паче инѣхъ градовъ, и имя Его святое сугубо прославится въ немъ, и не оскудѣють Державніи отъ сѣмьяни твоего, обладая и царствуя вѣстомъ симъ въ роды и роды и во вѣки, изыдутъ руки ихъ на плещу врагъ ихъ, еще же и святители поживутъ въ немъ, паче же и моя кости адѣ имутъ положени быти». — Сія убо словеса в. князь отъ учителя съ радостію великою приемъ, и честь велію воздавая отцу своему, и быше всегда посредѣ обоихъ веселіе духовное, и вся необходимая къ церковному зданію готовяху. Къ симъ же еще чудно сказаніе мнози въ повѣстѣхъ обносятъ, сице глаголюще:

яко бысть нѣкогда сему христолюбиво кн. Ивану Даниловичу по нѣкоему призывающу ему на конѣхъ близъ рѣки Неглѣ идѣше нынѣ есть монастырь, именуемы сокій, въ немъ же церковь во имя чудца Петра, и влезану зрѣти в. кн. на мѣстѣ гору высокую и превелику, и горы тоя быше вельми снѣженъ. Сіе зря и дивися и сущимъ съ нимъ вельми своимъ рукою показуя, и вси недоумѣ о не обычной горѣ, и абіе видяху снѣгъ верьху горы, вскорѣ невидимъ бысть, и же надолзѣ смотрящимъ имъ и гора кая и привеликая невидима бысть. — Всія возвѣщена бысть отъ в. князя божіи тятелю Петру; святой же паки пророкъ глаголаше: «Разумно да будетъ ти, о яко гора высокая и превеликая, коже еси, подобіе образуешь твоего благородно сочашшихъ добродѣтелей исправленіе, гомъ дарованнаго ти отеческаго скипетжанія крестоносныхъ хоругви рускаго ц величества; горы же оныя снѣжныи близъ являютъ моего житія скончаніе, и снѣгъ, иже на горѣ, скоро скрыся отъ твоею, надолзѣ же сихъ сматрающею ты ра невидима бысть: таковымъ образомъ имѣ преже тебѣ житія сего отъяти ест томъ же и ты, яко гора высока прее богоудно и довольно царствовавъ, и я броплодная маслина благородная чада днѣвъ, и въ добрѣ наказаніи воспятавъ, томъ егда услышиши старца къ тебѣ шедша, и тогда уразумѣши и ты доброты житія свершеніе теченія и къ Богу ствїе». — Великій же князь Иванъ Даниловичъ внимаше умомъ словеса сія, сугубо ум стяжа, и всегда необычна старца прише ожидаше, вся бо, яже глагола святой, же дѣломъ исполняя, и донынѣ пророка сбывахуса...

(*Степ. кн. издан. Миллеромъ 1771 г., стр. 404—405.*)

318. Василій Буславичъ.

Во славномъ великомъ Новгородѣ А и жилъ Буслай до девяноста лѣтъ; Съ Новымъ-городомъ жилъ не перечисляя Со мужики новгородскими Поперегъ словечка не говариваеъ. Живучи Буслай состарѣлся, Состарѣлся и переставился. Послѣ его вѣку долгаго Оставалося его житѣе бытѣе И все имѣніе дворянское; Осталася матера вдова, Матера Мамелеа Тимоеевна,

И остался чадо милое
 Молодой сынъ Василій Буслаевичъ.
 Будетъ Васенька семи годовъ,
 Отдавала матушка родная
 Учить его во грамотъ,
 А грамота ему въ наукъ пошла;
 Присадила перомъ его писать,
 Письмо Василью въ наукъ пошло;
 Отдавала пѣнью учить церковному,
 Пѣнье Василью въ наукъ пошло.
 А и пѣть у насъ такова пѣвца
 Во славномъ Новѣгородѣ
 Супротивъ Василья Буслаева.
 Поведился вѣдь Васька Буслаевичъ
 Со пьяницы, со безумницы,
 Съ веселыми удалыми добрыми молодцы,
 До пьяна ужъ сталъ напиватися;
 А и ходить въ городъ, уродуетъ:
 Котораго возьметъ онъ за руку,
 Изъ плеча тому руку выдернетъ;
 Котораго хватить поперегъ хребта,
 Тотъ кричить—реветъ, окорачъ ползетъ.
 Жалуются васенькиной матушкѣ.
 Матушка журить молодца,
 Журьба Васькѣ не влюбилася.
 Садился Васька на ремончатъ стулъ,
 Писалъ ярлыкы скорописчаты:
 «Кто хоцетъ пить и ѣсть изъ готоваго,
 Валися къ Васькѣ на широкій дворъ;
 Тотъ пей и ѣшь готовое
 И носи платье разноцвѣтное».
 Разсыпалъ тѣ ярлыкы со слугой своимъ
 На тѣ улицы широкія
 И на тѣ частыя переулки.
 Въ тоже время поставилъ Васька чанъ среди
 двора,
 Наливалъ чанъ полонъ зелена вина,
 Ощущалъ онъ чару въ полтора ведра.
 Во славномъ было Новѣ-градѣ
 Грамотны люди шли,
 Прочитали тѣ ярлыкы скорописчаты,
 Пошли къ Васькѣ на широкій дворъ
 Ко тому чану, зелену вину.
 Въ началъ былъ Костя Новоторженинъ,
 Пришелъ онъ, Костя, на широкій дворъ.
 Василій тутъ его опробовалъ,
 Сталъ его бити червленымъ вязомъ,—
 Въ половинѣ было наято
 Тяжела свинци чебурацкаго,
 Вѣсомъ тотъ вязъ былъ во двѣнадцать пудъ,
 А бьетъ онъ Костю по буйной головѣ.
 Стоитъ тутъ Костя, не шевельнется.
 И на буйной головѣ кудри не тряхнутся.
 Говорилъ Василій, сынъ Буслаевичъ:
 «Гой еси ты, Костя Новоторженинъ!
 А и будь ты мнѣ названой братъ,
 И паче мнѣ брата родимаго.»

Такъ Василій набралъ себѣ дружину изъ 29
 молодцовъ—самъ тридцать.

Говоритъ тутъ Василій Буслаевичъ:
 «Гой еси вы, мужики новгородскіе!

Бьюсь съ вами о великѣ закладъ,
 Напущаюсь я на весь Новгородъ
 Битися, драться
 Со всею дружиною храброю;
 Тако вы меня съ дружиною побѣте Новымъ-
 городомъ,
 Буду вамъ платитъ дани, выходы по смерти
 свою,

На всякій годъ по три тысячи;
 А буде же я васъ побью,
 И вы мнѣ покоритесь,
 То вамъ платитъ мнѣ такову же дань.
 И въ томъ-то договорѣ руки они подписали.

Начинается бой—Василій съ дружиною такъ и
 востреляетъ Новгородцевъ. Они жалуются опять
 Васильевой матушкѣ; Мамелѣа Тимофеевна сажаетъ
 его въ глубокой погребъ. Тогда Васильеву дружину
 начинаютъ одолжать Новгородцы. Видя это, дѣвуш-
 ка чернавушка выпускаетъ Василья изъ погреба;
 схвативъ тележную ось, онъ бросается на помощь
 своимъ,—мужики новгородскіе опять такъ и валятся.
 Снова просятъ они Васильеву матушку, чтобъ уняла
 свое чадо милое.

Она посылаетъ ихъ къ Васильеву крестовому
 батюшкѣ—старичу пилигримицу, живущему въ мона-
 стырѣ Сергиевскомъ.

Старчище Пилигримище сокручается,
 Сокручается онъ, снаряжается
 Ко своему ко крестнику любимому:
 Одѣваетъ старчище кафтанъ въ сорокъ пудъ,
 Колпакъ на голову полагаетъ въ двадцать пудъ,
 Ключи въ руки беретъ въ десять пудъ,
 И пошелъ ко мостику ко Волховскому
 Со тыми князьями новгородскими.
 Приходитъ на мостику на Волховскій,
 Прямо ему во ясны очи,
 И говоритъ ему таковы слова:
 «Ай же ты, мое чадо крестное!
 Украти свое сердце богатырское,
 Оставь мужичковъ хоть на сѣмена».—
 Богатырское сердце разъярилося:
 «Ай же ты, крестный мой батюшка!
 Не дагъ я тѣ ячико о христовомъ дни,
 Дамъ тебѣ ячико о петровомъ дни»!
 Щелкнулъ какъ крестнаго батюшку
 Тою осью желѣзною;—
 Отъ единого удара Васильева
 Крестовому батюшкѣ славу поють...
 Тогда государыня его матушка
 Одѣвала платьица черныя,
 Одѣвала шубу соболиную,
 Полагала шеломъ на буйну голову,
 И пошла Мамелѣа Тимофеевна
 Унимать своего чада любимаго.
 То выгодно собой старушка догадалася,—
 Не зашла она спереди его,
 А зашла она позади его,
 И пала на плечи на могучія:
 «Ай же ты, чадо мое милое,
 Украти свое сердце богатырское,
 Не сердись на государыню на матушку.

религія истребляла язычество, и образовывала духъ народа, новый порядокъ правленія истребилъ феодализмъ, перенесенный изъ Скандинавіи, и сдѣлался условіемъ будущей судьбы Руссовъ. Пройдите мыслію столѣтіе послѣ Ярослава. Какія малыя, но вѣрныя причины, и какіе сообразныя каждому времени дѣйствители! Когда, кажется, все вело къ спокойствію—являлось новое препятствіе; когда мудрость человѣческая думала, что создала твердое и неизблемое—одна ошибка, одинъ ничтожный дѣйствитель, и все разлеталось въ обломкахъ. *Основаніе* находилось въ самомъ образованіи русскихъ княжествъ; *стихіи* въ политическомъ отношеніи одного княжества и одного рода князей къ другому княжеству, другому роду князей; *средства*, отъ коихъ кнѣзи сіи стихіи—характеры князей. Прежде всего явились 3 князя, 3 брата, 3 врага: Изяславъ, можетъ быть, добрый по душѣ, но итѣвшій всѣ недостатки людей малодушныхъ; *Святославъ*, мужественный, но не знавшій союза совѣсти съ честолюбіемъ; *Всеволодъ*, робкій угодникъ, то Святослава, то Изяслава. Смерть двухъ другихъ братьевъ, Вячеслава и Игоря, дала имъ поводъ къ несправедливости. Первый шагъ былъ сдѣланъ, и Изяславъ заплатилъ за согласіе на обиду ближнихъ потерю престола. Смерть Святослава возвратила ему право его, но боязнь и ищеніе отразились въ бѣдствіяхъ и изгнаніи сыновъ Святослава. Надобно было, чтобы обдѣленные и оскорбленные племянники были люди, подобные *Володарю* и *Васильку*, *Олету* и *Роману*, *Борису* и *Давыду* (хотя и злодѣю, но мужу съ крѣпкою душою). Борьба ихъ съ дядями была неудачна, но неудача только усилила взаимную ненависть. Изяславъ погибъ. Владимиръ Мономахъ, подъ щитомъ имени отцовскаго, умѣлъ стать противъ всѣхъ; но блестящія достоинства его погратало холодное,

своекорыстное честолюбіе. Законностью избранія Святошолка онъ хотѣлъ добыть себѣ новое орудіе на враговъ, и не зналъ, что возводить на престолъ челоуѣка безъ души и безъ сердца. Затанувъ въ глубинѣ души сознаніе своей ошибки, когда смерть Святошолка сняла позоръ съ трона велико-княжескаго, Мономахъ пожертвовалъ смиреніемъ властолюбію, сѣлъ на тронъ отцовъ, каралъ, иничтожалъ противниковъ—было поздно: самобытность Новгорода, Галича, Чернигова, была уже неистребима! Едва умеръ Мономахъ, все созданное имъ ушло при слабыхъ сынахъ его, Мстиславѣ и Ярополкѣ. Руссы привыкли уже къ мысли, что только родъ Всеволода долженствовалъ быть на великомъ княжествѣ, потому 25 лѣтъ они видѣли великихъ князей изъ сего рода. Но Всеволодъ Олеговичъ разрушилъ сіе повѣрѣ, умѣлъ завладѣть великимъ княжествомъ; держался на престолѣ; передавалъ его братьямъ. Въ то же время родъ Мономаха раздѣлился. Законный наследникъ, Вячеславъ, былъ добрый, но неспособный челоуѣкъ, отверженный отъ престола; кажется, самою волею отца; другой, Георгій Долгорукій, губилъ свои права страшною нервнательностью, робостью, безпечностью. Третій представитель Мономаховичей, Изяславъ Мстиславичъ, былъ противоположенъ Вячеславу и Георгію, но не имѣлъ законнаго права. Дерзкою отвагою, ловкостью ума и силою руки, сдѣлавшись великимъ княземъ, онъ погубилъ достоинства сана, въ то время дѣлами своими, показывая другимъ, что надобно было для успѣха въ тогдашнихъ обстоятельствахъ. Борьба Изяслава съ потомками Олега и съ Георгіемъ; странное лицо—Вячеславъ; непрерывная ибна удачъ и неудачъ между соперниками, сдѣлали наконецъ тронъ велико княжескій игрушкою князей, друживъ ихъ, и даже народа, который не ожидалъ, не узналъ блага законной свободы, но съ

клеймомъ рабства буйствоваль при каждой неудачѣ повелителей. Краткое княженіе Георгія было какъ-будто гранью, рѣзко отдѣлившею новый порядокъ политическаго быта Руси, изъ прежняго явившійся.

Совершенно отличенъ могъ-бы быть ходъ событій, если-бы Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ мирно соблюли со-вѣтъ отца; или Святополкъ, сынъ Изяслава, не былъ такъ ничтоженъ и черенъ душою; или дѣти Мономаха: Мстиславъ, Ярополкъ, Вячеславъ, Георгій, были подобны отцу своему; даже если бы Всеволодъ Олеговичъ не успѣлъ на время одолѣть Мономаховичей. По причинамъ маловажнымъ князья пятвали себя кровью ближнихъ, и въ то же время, въ минуты самыя рѣшительныя, важныя, мечъ убійцы какъ будто притуплялся.... Что ихъ удерживало?..... Есть Провидѣніе, есть судьбы Имъ предначертанныя! Кого въ семь не убѣждаетъ исторія, тотъ недостойнъ ея великихъ уроковъ.

Новый порядокъ дѣлъ произошелъ отъ того, что съ униженіемъ достоинства великаго князя, въ борьбѣ за мечту власти, за право обладать благословенными городами Кіева, явилась самобытная жизнь частей. Здѣсь видимъ предметъ для наблюденій. Непонятная вражда русскихъ князей съ Полоцкомъ ослабила сію естественную преграду между Югомъ и Сѣверомъ, положила пустыню на мѣстѣ жилища, и какъ будто очистила мѣсто для жизни новаго народа, новаго государства, тутъ увидимъ *Литовцевъ*. Съ другой стороны, серпъ судебъ пожиналъ дикихъ обитателей приволжскихъ и придонскихъ: въ собственныхъ междоусобіяхъ, и въ войнахъ Руссовъ, гибли Половцы: отъ нихъ и отъ другихъ народовъ оставались только мелкія семена новыхъ поколѣній, очищалось обширное поприще чему-то грозному, чему-то страшному, темнѣшему въ дали степей восточныхъ! Руссы безпрерывно ожидали представленія

свѣта: не ему долженствовало наступить, но слѣдовало быть послѣднему изверженію изъ Азіи. Отъ смерти Георгія Долгорукаго протекло *не больше вѣка человеческаго до появленія Монголовъ*. Пережившаго сей вѣкъ ожидали *трудъ и бользнь*.

Если здѣсь видимъ всюду какое-то разрушеніе, паденіе, въ то время посмотрите, какъ жизнь будущаго готовилась въ другихъ мѣстахъ, и не гасла, но жила. Волинь, и потомъ Галичь, долженствовавшіе быть оплотомъ Руси отъ могущества Венгрии и Польши, были управляемы князьями могущественными, сильными; такъ княжилъ Володаръ, Василько, Владимірко и, достойный сынъ его, Ярославъ — *Осмомысли, подтирашіе Угорскія горы желѣзными палками, заступавшіе путь королямъ, затворяшіе ворота отъ Дуная*. Если Черниговъ разрушался, будучи терзаемъ враждою съ Кіевомъ, въ то же время вражда сія возстановила Рязань, Муромъ, Курскъ, Новгородъ Сѣверскій, наконецъ Владиміръ Залѣскій, и отодвинула гитю будущихъ событій на Сѣверъ, на крайней оконечности коего жизнью народной свободы кипѣли Новгородъ и Псковъ.

Повѣсть о второй половинѣ періода удѣловъ рѣшить намъ то, что кажется еще не яснымъ въ событіяхъ первой половины. Мы тамъ видимъ ниспроверженіе, уже не великаго княжества, — оно пало съ смертію Мономаха, — но даже самаго мѣста, гдѣ оно существовало — Кіева, дотолѣ только для Половцевъ не бывшаго предметомъ благоговѣнія; видимъ, какъ разгаръ страстей довелъ до рѣшительнаго раздѣленія сѣверъ, югъ, всѣ части Руси, унижилъ характеръ однихъ до грубыхъ злодѣйствъ перваго времени Руссовъ, сдѣлалъ другихъ какими-то страствующими рыцарями удалства и чести, умалилъ души, истощилъ сердца, и довелъ всю Русь до кровавой бани очище-

.. Если исторія есть бѣда ума съ тью, на развалинахъ царствъ и народовъ, то справедлива ли послѣ унылая дума, тревожащая душу, созерцаніи того времени въ исторіи како народа, которое мы предпринимаемъ описывать? — Ужасенъ былъ годъ нашихъ 1237-й годъ, предвозвѣщенный, какъ они думали, страшными снами и земными чудесами и знаменіями; ужасны были и два столѣтія, имъ слѣдовавшія... *двѣсти лѣтъ* гва, страха смертнаго, гибели въ идущемъ, безнадежности въ будущемъ! умъ не поколебался—бы, сердце не гнулось бы, созерцая въ XIII, XIV аже въ половинѣ XV вѣка судъ Руси! Дивится ли, послѣ сего, что гцы наши, цѣлыми поколѣніями, колыбели до гроба, неся тяжкія рабства иноплеменниковъ, чуждомъ, нравами, обычаями, отвратительныхъ по религіи и ужасныхъ диккою владычества, наполнили преданія то времени какою-то грустью безнадежности, какимъ-то отчаяніемъ, какимъ-то жасомъ, выражающими состояніе души, иное тому, въ которомъ бывають обилие: города, пораженнаго тлетворною о? Иго, наложенное иноплеменникомъ, а тяжко; но живые завидуютъ мерт-, если повѣлятели—иноплеменники—ры свирѣпые, чуждые самой начальной гражданской образованности, и въ и гордости считающіе себя чѣмъ-то имъ противъ несчастнаго раба своего. Тогда нѣтъ мѣры скорби и позору, людей подвластныхъ имъ.

о, мы потомки отстрадавшихъ праот-, съ безстрастіемъ разсматриваемъ идшіе вѣка ихъ, соболѣзнувъ сердцемъ гвіямъ отцовъ нашихъ, въ тоже время должны созерцать бытіе предковъ съ и точки зрѣнія.

а же *необходимость* событій, какая рывается передъ нами въ удѣльномъ

періодѣ, раскроется для насъ и въ послѣдовавшемъ за тѣмъ періодѣ монгольскаго владычества надъ землями русскими. Онъ былъ необходимъ, сей періодъ, необходимъ по таинственнымъ судьбамъ Провидѣнія, для того, чтобы переживъ оный, Русь явилась *самобытнымъ государствомъ* въ ряду другихъ государствъ. Изображая періодъ удѣловъ, и находя, что сущность его заключается въ развитіи общественности по дикимъ странамъ сѣвера, мы видѣли въ событіяхъ какое-то распаденіе цѣлости народной, какое-то стремленіе частныхъ къ самобытному образованію. Въ періодѣ владычества монгольскаго найдемъ совсѣмъ другой порядокъ дѣйствій: мы увидимъ, какъ объятая внезапною бурей бѣдствій, и залитая потоками крови, самобытныя частности стануть исчезать постепенно; какъ въ одномъ мѣстѣ дѣйствій сохранится остатокъ древней Руси, какъ все будетъ потомъ стремиться къ сему остатку прежняго, или лучше сказать, къ сему зародышу новаго; какъ Провидѣніе явитъ тамъ людей сильныхъ духомъ, какъ всѣ прежнія частности Руси постепенно будутъ ими соединяемы, и, по глаголу Бога, раздѣлятся воды отъ суши и будетъ свѣтъ, возстанетъ изъ мелкихъ *русскихъ княжествъ* великое *Россійское государство*.

На унывать, но поучаться должно человеку, созерцая такое дивное устройство судьбы божіихъ, и тѣмъ поучительнѣе подобное зрѣлище жизни человека, утучняющей ниву жизни человечества, когда для сего соединяются дѣйствителями Европа и Азія, народы идутъ отъ песчаныхъ пустынь далеко Востока въ лѣса и дебри волжскіе и днѣпровскіе, и рука Провидѣнія пишетъ исторію ихъ огромными, могучими чертами, являя потомъ совсѣмъ новый народъ, совсѣмъ новое образованіе. Мы видимъ судьбу такого новаго образованія, новаго народа въ Ру-

си—судьбу великую! Разсматривая события отъ пришествія Норманновъ, или Варяговъ къ Славянамъ до нашествія Монголовъ на русскія земли, мы видимъ начало и жизнь *русскаго народа*. Со времени нашествія Монголовъ, до изверженія рабства; или наложеннаго, мы видимъ начало и жизнь *русскаго государства*.

Сей великій періодъ, заключающій въ себѣ болѣе 200 лѣтъ, подобно періоду удѣловъ, само собою, естественно, дѣлится на двѣ половины: первую—до основанія самобытности *московскаго княжества*; вторую—до основанія самобытности *россійскаго государства*. Разница та, что въ періодъ *русскаго народа* мы видимъ сначала непрерывное возвеличеніе, и дѣйствителей сильныхъ духовъ, подвизавшихся для возвеличенія Руси, потомъ находимъ постепенный упадокъ, униженіе: мужи сильные умалылись, исчезали, или бездѣйствовали и тѣ, которые еще не угашали духа, оказывались безсильны противъ потока событий, ихъ увлекающаго. Противное увидимъ въ періодъ жизни *государства Россійскаго*. Первая половина его представитъ намъ еще болѣе глубокое паденіе духа, еще большее бездѣйствіе общественной силы; мужей критическихъ духомъ не будетъ вовсе, или силу души будутъ они показывать только въ безстрашіи мученичества, только въ самоотверженіи предъ гибельною кончиною. Но чудно все станеть оживать предъ нами во второй половинѣ сего періода! Отколѣ явятся новые люди, и отколѣ новая сила! Какіе сильные подвигоположники возстанутъ на дѣло Провидѣнія! И что всего изумительнѣе: Провидѣніе, удивляющее насъ въ слабости человѣческой, умудряющее елѣнца, поведеть и слабыхъ, и безсильныхъ къ величію, чести и блугу подвластныхъ имъ; предъ ними падутъ люди, далеко превышавшіе

ихъ умомъ и крѣпостію думи, и—вѣрится *Россія!*..

Судьбы Провидѣнія соединяли: Европу съ Азією; ставили въ рядъ пейскихъ народовъ новый, сильный и гучій народъ; сливали Русь съ Европою отъ нея отдѣльною, и между достигнуе совершенно новаго образа Такъ въ горнилѣ двухвѣковаго бѣдъ перегара Русь—Европа кончила *рѣдъ среднихъ вѣковъ*, и вступилъ вѣкъ новаго бытія, до насъ продолжающійся...

Изумляясь исполненному началу Рядному, безпримѣрному въ лѣтис другіхъ странъ и народовъ; полагая, Русь въ самомъ началѣ уже образъ собою обширное, могущественное и *новластное государство*, представитъ намъ донимъ періодъ Удѣловъ волненій бунтовщиковъ противъ великихъ князей главныхъ повелителей и единовластителей русскихъ странъ. Вопреки явному общію дѣлами, историки мечтали видѣть основаніе въ жизни русскихъ странъ думали, что оно ослабило наконецъ Русь, хотя и не разрушило системы новластія. Несправедливость сихъ положеній обнаруживается предъ нами, безпристрастно и вѣрно изложивъ событий. Нашествіе монгольскихъ ордыно рабства, наложенное ими на Русь подавали поводъ къ новымъ заблужденіямъ историковъ. Не простирая взора за дѣла Руси, какимъ-то *отратили* зломъ почитали они сіе бѣдствіе и вали о судьбѣ Руси, увѣренныя, *безъ междоусобій удѣльныхъ*, Русь могли-бы разбить полчища Монголовъ отвратитъ грозу власти ихъ.

Сказать: что было, то должно *стало* быть, значило-бы вѣстать фатализмъ, не достойный исторіи. Мы довольствуемся имъ—нѣтъ! Вопросъ нашъ, при повѣркѣ событий не въ Русь, но во всей Европы и Азіи въ

вѣкъ, мы узнаемъ, какъ малъ и недостаточенъ обзоръ былъ тѣхъ людей, чье мнѣніе о періодѣ монгольскаго владычества мы теперь изложили. Исторія двухъ частей свѣта, Европы и Азіи, посредницею коихъ была Русь «вѣчное поприще перехода народовъ изъ Азіи въ Европу», представляетъ намъ совсѣмъ новый взглядъ на періодъ монгольской власти.

Въ сей періодъ всколебались волны послѣдняго великаго движенія народовъ; онѣ обхватили пространство отъ острова Явы до Новгорода, отъ береговъ Корейскихъ до береговъ Адриатическаго моря, и отъ Индіи до Періи. Сіе движеніе человѣческихъ обществъ было ужасно, какъ ужасы буря, потомъ, землетрясеніе: кровь и слезы обильно лились въ сей періодъ на берегахъ Инда, Гвангъ-го, Аракса, Волги, Одера и Дуная. Думать, что сила какого нибудь Юрія, или хитрость какого нибудь Данила, могли отворотить сію грозу отъ земель русскихъ, и при переворотѣ всемірномъ не стараться узнавать въ прошедшемъ тайны жизни человечества въ настоящемъ и будущемъ, скорбя только объ участи погибшихъ нашихъ праотцевъ—было-бы несообразно съ великимъ назначеніемъ исторіи.

(Ист. Рус. Нар. Н. К. Полевого. 1833—1834 г. III, 7—15; IV, 7—15).

Когда безмолвно принимали на вѣру положенія Карамзина, смѣло выступилъ на учено-литературное поприще Н. А. Полевой болѣе съ отвагою мысли, чѣмъ съ учеными познаніями. Онъ началъ писать «Исторію Рус. Народа» и этимъ названіемъ заявилъ, что «Исторія Государства Рос.» недостаточна, необходимо изученіе жизни народной. Въ этомъ заслуга талантливаго писателя: онъ указалъ новое направленіе въ русской исторической наукѣ; но полемическій тонъ мешалъ ему взглянуть на дѣло безпристрастно и спокойно; а увлеченіе иностранными теоріями и недостатокъ матеріаловъ привели его къ ложнымъ воззрѣніямъ на русскую жизнь.

320. Областная раздробленность и единствѣ русской земли.

Первые три брата князя, призванные славянами, пришедши съ дружиною, сей часъ разбѣстались по городамъ, и съ перваго раза видимъ мы явленіе, совершенно противоположное единой державѣ: сейчасъ являются три князя. При Олегѣ, Игорѣ и Святославѣ по видимому возникаетъ единое государство; но совершенно случайно, ибо у этихъ князей не было братьевъ. Къ тому же договоры ихъ съ Греками показываютъ, что въ городахъ было много подручныхъ имъ князей. Въ послѣдствіи, когда родъ княжой размножился, вся Россія управлялась всѣми этими княжескими родами, всѣми наличными князьями. Такимъ образомъ Россія не представляла единого цѣльнаго государства, но съ другой стороны не представляла и отдѣльныхъ государствъ, не представляла даже федеративнаго государственнаго союза, ибо владѣнія князей были непрочны, и они сами переходили изъ города въ городъ. Возможность этихъ переходовъ показываетъ, что въ то же время почва была одна, что вся Россія была една. И точно, Россія была одна, какъ одна Русская земля, соединенная вѣтроу, языкомъ, жизнью и бытомъ; но, какъ Русское государство, цѣлости она не представляла. На единой русской землѣ строились государственными перегородками; князья вѣвѣтъ со своими дружинами, переходили изъ города въ городъ, ссорились, сражались, выгоняли другъ друга. Несложившееся государственное устройство носилось надъ землею. Но какъ же могла выноситься русская земля такое безпокойное устройство, это множество воинственныхъ, задорныхъ князей, сейчасъ прибѣгающихъ къ мечу въ своихъ спорахъ? Мы знаемъ притомъ, что въ каждомъ городѣ собиралось народное вѣче. Отвѣтъ на это одинъ: вѣдальныя князья, но отню-

шеніе ихъ къ народу не мѣнялось; устройство народное отъ этой перемѣны не терпѣло: и потому Ростиславъ или Изяславъ, Всеволодъ или Олегъ,—для народа было все равно, ибо отношенія князя къ народу и народное устройство оставались тѣ же: какое тутъ дѣло до лица самого князя? Всѣ эти ссоры и споры князей были дѣломъ промежду ихъ; въ этомъ дѣлѣ непосредственное участіе принимали ихъ князія дружины. Народу не было дѣла до ихъ родовыхъ счетовъ, до ихъ правъ на старшинство; родовое устройство, бывшее отчасти въ Рюриковскомъ родѣ (родѣ пришломъ, не забудьте), чуждое русскому народу совершенно, не могло возбуждать въ немъ участія, ни даже быть ему понятно. Впрочемъ иногда народъ вмѣшивался въ княжью борьбу; это бывало: или когда эти безпрестанныя сраженія уже слишкомъ вредили его матеріальному благосостоянію, и тогда народъ удалялъ отъ себя князя, изъ-за котораго шелъ споръ; или же, имъ князь лично былъ по душѣ,—и тогда народъ вооружался за него, какъ напр. Кіевъ за Изяслава Мстиславича. Но и тутъ, если борьба должна была быть тяжела и раззорительна для общественнаго благосостоянія, народъ говорилъ даже и любимому князю (наприм. тому же Изяславу Мстиславичу): мы тебя любимъ, князь, но нечего дѣлать, иди прочь, не твое время.—Иногда ссорились и воевали городъ съ городомъ, и тогда князья были ихъ военачальниками и служили иногда для нихъ предлогомъ.—Скажутъ, что такое устройство было для народа обременительно, имѣло много недостатковъ: нѣтъ спору; но какое же ихъ не имѣетъ? И такъ какъ всякое устройство имѣетъ свои недостатки, то русская земля терпѣла и это устройство, стараясь по возможности уменьшать его неудобства и брать противъ нихъ мѣры, не участвуя въ княжнихъ расправахъ и иногда прекращая ихъ,

черезъ объявленіе князю, чтобъ онъ умирался; дальнѣйшее улучшеніе государственнаго устройства русская земля не доставляла времени и постепенному х жизни.—И такъ русскою землею владѣли князья. Правда, одинъ изъ нихъ, е въ самыя первыя времена, назывался *великій*, но это не былъ титулъ, означающій особую власть. Это значило *старшій*,—какъ и теперь *большой* значить *старшій* (*большой сынъ*, *большой братъ*, употребляется въ смыслѣ *старшій*). Уже самое множество князей, одной землѣ, уничтожало единодержавіе лишало ихъ значенія самовластнаго государя.—Сверхъ того князь означала являлась на Руси, окруженный дружиною; значеніе дружины было важно; это бы совѣтъ, общество князя, мѣняющій дружины онъ дорожилъ и совѣту ея слѣдовалъ; здѣсь не было прямого ограниченія власти князя, но, единственно въ себѣ обычая, дружина имѣла постоянный вѣдъ въ его намѣреніяхъ и предпріятіяхъ являлась сама независимою: дружинники имѣли право переходить отъ князя къ князю. Дружина, съ своей стороны, имѣла только въ силу обычая, какъ мы сказали, умѣрала самовластіе князя.—Тако было сначала государственное устройство въ Россіи. Споры у князей шли за Кіевъ Кіевъ былъ для нихъ домъ отцовскій здѣсь была мысль о *чести* княжескаго стола, и споръ былъ за нее. Но впрочемъ своимъ необходимымъ ходомъ; значеніе государства выступало; междуусобныя князей приняло иной характеръ. Кіевъ потерялъ свое значеніе. Возникъ Владиміръ. Князь его, Андрей суздальскій, словамъ летописи, хотѣлъ быть *самодержавцемъ* (единодержецъ) въ русской землѣ. Явилась мысль у князей, уже не только о чести княжескаго стола, но о матеріальномъ могуществѣ княжества. А въ это время нагрянули Татары и соединивъ Русь новымъ общимъ союзомъ, союзо

переходила и дружина, не пуская кор-
ней въ землю, составляя бродячій советъ
князя,—князя, который и самъ не имѣлъ
настоящей осѣдлости. Съ жизнью народ-
ной дружина была прежде мало связана
и не могла тяготѣть надъ нею, по край-
ней мѣрѣ, сильно. Въ послѣдствіи удѣль-
ные князья стали оставаться долѣе, и
потомъ даже постоянно, на своихъ удѣ-
лахъ. Наконецъ и удѣлы исчезли,—и
лился уже одинъ царь и в. князь мо-
сковскій и всея Руси, единый царь и
единая цѣльная русская земля. Дружина
окружила престолъ царя. Дружина была
доблестна, правда, но, не смотря на всю
свою доблесть, дружина уже начала со-
ставлять теперь сословіе, болѣе или ме-
нѣе втягивающее въ себя благородныя
силы народа, себѣ предоставляющее подвиги,
себѣ присвоивающее исключительную славу,
мѣщающее дружному теченію всего наро-
да; а дружнаго теченія всего народа не
замѣнять никакія доблести извѣстнаго со-
словія. Дружина, съ своимъ прежнимъ
значеніемъ, была необходима для князей,
переносившихся изъ города въ городъ;
она не нужна, она вредна для единого
царя и для всей земли. Становясь меж-
ду народомъ и царемъ, дружина стѣсняла
обоихъ. Народъ, призывая нѣкогда госу-
дарственную власть, призывалъ князя, а
не дружину: народъ хотѣлъ знать его да
себя; повнноваться боярамъ русскій на-
родъ никогда не думалъ. Съ другой сто-
роны, новое самодержавіе не хотѣло дѣ-
литься властію съ дружиною. Мы сказа-
ли, что права дружины не были опредѣ-
лены, но, вслѣдствіе обычая, значеніе ея
было велико. Теперь, когда идея само-
державія, идея власти государственной,
цѣльной и нераздѣльной, проникла убѣж-
деніе правительства, правительство не за-
хотѣло быть *обязаннымъ*, хотя и по
обычаю, во всѣхъ дѣлахъ совѣтоваться съ
дружиною.

Государство, какъ мы видѣли, было
въ разрозненномъ и раздробленномъ видѣ
надъ единою русскою землею. Земля рус-
ская, въ ту пору, являлась отдѣльными
общинами, имѣвшими отдѣльныхъ князей,
не сознавая свою общую цѣлость. Жизнь
земская выражалась вѣчаніи, бывшими въ
этихъ отдѣльныхъ общинахъ. Съ этими
вѣчаніи совѣщался князь, и въ нихъ во-
обще выражалось тогда отношеніе и соот-
ношеніе власти государственной къ
мысли народной. Входить здѣсь въ по-
дробности, мы не имѣемъ нужды.—Мы
видѣли также, что земля была равноду-
сна къ распрямъ князей, во сколько онѣ
не касались ея благосостоянія и быта.
Мы уже сказали, что это государствен-
ное дробленіе мѣшало цѣлости всей рус-
ской земли. Какъ скоро государство ста-
ло единымъ надъ единою русскою землею:
какъ скоро оно почувствовало свою цѣ-
лость, какъ скоро великій князь мо-
сковскій сталъ царемъ: тогда государ-
ство, единое, обращается къ единой рус-
ской землѣ и зоветъ ее всю на советъ.
Первый царь созываетъ первый земскій
соборъ. На этомъ соборѣ встрѣчаются зе-
мля и государство, и между ними утвер-
ждается свободный союзъ. Отношенія ца-
ря и народа опредѣляются: правитель-
ству—сила власти, землѣ—сила мнѣнія.
На земскомъ соборѣ торжественно при-
знаются эти двѣ силы, согласно движу-
щія Россію: власть государственная и
мысль народная.

Вотъ тѣ отношенія, въ которыя стала
приобрѣтаться единство, государственная
власть къ землѣ. Древнія областныя вѣча,
невсегда оставшіяся въ предѣлахъ одно-
го мнѣнія, но примѣнившія не рѣдко
употребленіе грубой внѣшней силы, пре-
образовались, при единомъ державіи, въ зем-
скій соборъ всей Россіи,—явленіе, уже
имѣющее одну *чисто нравственную* си-
лу мнѣнія, безъ всякой примѣси внѣшней
принудительности,—силу, къ которой об-

ращалось правительство, какъ къ самой надежной и вѣрной подпорѣ. Выборные на земскомъ соборѣ обыкновенно отвѣчали въ такомъ родѣ: »Какъ поступить въ этомъ дѣлѣ, государь,—это твоя воля, а наша мысль такова«.

(Изъ статьи К. С. Акснова:
Рус. Бесѣда. 1856. кн. IV, отд.
3. 21—29).

Указатель статей: Древнѣйшій періодъ исторіи Славянъ. А. О. Гильфердина. Вѣсти. Евр. 1868 г. № 7 и 8. Славянскія племена нынѣшней Россіи. Шафарика. Рус. Ист. Сборн. I, кн. 4. 39—97. Краткій чертёжъ народовъ Славянскихъ, обитавшихъ на мѣстахъ нынѣшней Россіи. П. О. Калайдовича. Зап. и Труды общ. Ист. 1815. ч. 1. 145—158. Дѣя русскія народности Костомарова. Основа 1861. 3. Лекціи по Исторіи Запад. Рос. М. Коллосича. День 1864. Ист. югозап. Рос. А. Клеванова 1850. Разборъ книги въ Отеч. Зап. 1850. LXXII, V. 1. Исторія Черной Руси. Смирнова. Были ли Малороссы первоначальными обитателями Полянскія земли или пришли изъ-за Карпатъ. А. Котляревскаго. Основа 1862. 10. Ист. Рязанс. Княжества. Иловайскаго. О постепенномъ образованіи Рязанс. губерніи. М. Барановича. Рязанс. Губ. Вѣдом. 1860.

№ 34—36. Ею же. Статист. опис. Рязанс. губ. 1859. Объ основаніи Нижняго Новгорода. Н. Ослякичкова. Нижегород. Губ. Вѣд. 1861. № 25. О древней области Вятчей. I. А. Чт. общ. Ист. 1862. кн. 2. 1. 1—156. Опытъ историч. описанія о началѣ Москвы. М. Ильинскаго. м. 1795. Преданія объ-основаніи Москвы. Н. Д. Бѣльева. Рус. Вѣст. 1868. № 3. Сказаніе о началѣ Москвы. Времен. XI. Смѣсь 25. О началѣ града Москвы и о в. кн. Давидѣ Александровичѣ. Памяти. кн. Олонец. губ. 1864. 188—191. О преданіяхъ Новгородскихъ, Московскихъ и Владимірскихъ. Лѣтоп. Рус. Литер. т. IV. I. Еще VI т. Пророчественное благословеніе св. Петра, данное Москвѣ. Воскрес. Чт. 1859. № 5, 44. Г. Москва съ ея уездомъ. Москва. 1844. I. 298—310, V, 177—185. О постепенномъ увеличеніи Москов. Госуд. Сѣверн. Архивъ ч. 2. № 8, 422. О причинахъ возвышенія Москов. Княжества. В. И. Вешнякова. Спб. 1851. Великорус. области в смутное время. А. Шапова. От. Зап. 1861. Октябрь 679. О мѣнаніи природы Рус. Государст. области на ея исторію. От. Зап. 1850. LXIX, II. 229. 1853. LXXXVI, II, 87. LXXXVIII, II. 39. Исторія Княжества Псковскаго. Кіевъ. 1831 г. Историко-статист. очерки Псковс. губ. Бочкова. Псковъ 1862. Исторія Галицкой Руси. Зубрицкаго въ перев. Бодяцкаго. Ист. города Смоленска. Никитина, м. 1848. Начало Казанскаго царства. В. И. Погодина. Моск. Универс. Изв. 1866—1867, № 12. См. Перискій Сборникъ, Древности Владиміра и т. под. изданія областныхъ, Губернс. Вѣдом., Памятныхъ книжекъ и изданія этногр. общества.

IX. БОРЬБА РУСИ СЪ РАЗНЫМИ ПЛЕМЕНАМИ И НАРОДАМИ.

1. СТЕПНЯКИ.

А. ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННЫЕ.

321. Борьба съ степняками.

1. **Авары или Обры:** Придоша Угри Бѣдѣ, наслѣдиша землю словенскую; си бо Угри почаша быти при Иракліи цари, иже находитиша на Хоздрѣи царя перьскаго. Въ си же времена быша и Обры ходиша на Иракліи царя и мало его не ями, си же Обръ воеваху на Словѣнѣхъ и примучиша Дулѣбы, суцая Словѣны, и насилье творяху женамъ дулѣбскимъ: аще поѣхати будяше Обрину, не дадяхе върячи коня, ни вола, но веляше въпрячи 3 ли, 4 ли, 5 ли женъ въ телѣгу и повезти Обръна; тако мучаху Дулѣбы. Быша бо Обръ тѣломъ вѣлци и умомъ горди, и Богъ потреби я, помроша вси, и не остася ни единъ Обръинъ; есть притѣча въ Руси и до сего дне: погибоша аки Обръ, ихъ же нѣсть племени, ни наслѣдка. По сихъ же придоша Печенѣзи; наки идоша Угри Чернїи мимо Кїевъ, послѣ же при Олзѣ... (Лавр. 5).

2. **Хозары:** По сихъ же лѣтѣхъ, по смерти братѣя сея (Кїа, Щека и Хорива), быша обидимы Древляне, и нѣми околними, и наидоша я Козарѣ сѣдѣющая на горахъ сихъ въ лѣсѣхъ, и рѣша Козари: «платите намъ дань». Съдумавше Поляне и вдаша отъ дыма мечь, и несомша Коза-

ри ко князю своему и къ старейшимъ, и рѣша имъ: «се налѣзохомъ дань вашу». Они же рѣша имъ: «откуда?» они же рѣша: «въ лѣсѣ на горахъ, падъ рѣкою Днѣпровскою». Они же рѣша: «что суть вдали?» Они же показаша мечь. Рѣша старци козарьстїи: «не добра дань княже! Мы ся доискахомъ оружьемъ одною стороною, рекше — саблями, а съю оружье обоюдо остро, рекше — мечь; си имуть имати дань на насъ и на нѣхъ странахъ... (Лавр. 7).

3. **Печенѣзи:** а) Въ лѣто 6423 (915) Придоша Печенѣзи первое на Руску землю, и створивше миръ съ Игоремъ, идоша къ Дунаю...

б) Въ лѣто 6476 (968). Придоша Печенѣзи на Руску землю первое, а Святославъ бяше Переяславци; и затвориша Вольга въ градѣ со оунуки своими, Ярополкомъ и Ольгомъ и Володимиромъ, въ градѣ Кїевѣ. И оступиша градъ въ салъ велицѣ, бещислено множество около града и не бѣ лѣзѣ изъ града вылѣсти, ни вѣсти послати; изнемогаху же людье голодомъ и водою. Собравшеся людье оной страны Днѣпра въ лодьяхъ об ону страну стояху, и не бѣ лѣзѣ внити в Кїевъ ни единому ихъ, ни изъ града к онѣмъ. Въстужита людье въ градѣ и рѣша: вол-

е бы могъ на оную страну до-
и имъ: аще кто не приступитъ
предатися ишамы Печенѣгомъ. И
къ отрокъ: азъ преиду, и рѣша:
же изиде изъ града с уздою и
свозомъ Печенѣги, глагола: не
она никтоже? бѣ бо оумъ Пе-
и, и мнхуть ѿ своего. Яко при-
и рѣцѣ, сверга шорты (*платъ*),
ь Диѣръ и побреде; видѣше
гъзи, оустрѣмшася нань, стрѣ-
го, и не могоша ему ничтоже

Они же видѣше е с оная стра-
нѣхаша в лодыи противу ему, и
в лодью, и привезоша ѿ къ дру-
рече имъ: аще не, подѣступите
къ городу, предатися хотятъ лю-
нѣгомъ. Рече же воевода ихъ,
Прѣтчю: подѣступимъ заоутра в
и попаде княгиню и княжичъ,
на сю страну; аще ли сего не
, погубити ны имать Святославъ.
гъ, заоутра всѣдше в лодью про-
гу и вструбиша вѣлики, и лю-
градѣ кликнуша; Печенѣзи же
нзя пришеде, ноуѣгоша равно
и, и мѣде Ольга со оунуи и с
къ лодѣ. Видѣвъ же се князь
жи, возвратися единъ къ воево-
ию и рече: кто се приде? и ре-
лодья оная страны. И рече князь
имъ: а ты князь ли еси? онъ
азъ есмь мужъ его, и пришелъ
сторожѣхъ, по мнѣ вдетъ полкъ
къ, бѣ-днела множество, се же
зл имъ. Рече же князь пече-
къ Прѣтчю: буди ми другъ,
рече: тако створю. И подаста
коу собою, и вѣдасть печенѣжскимъ
рѣтчю конь, саблю, стрѣлы;
дасть ему бронѣ, шитъ, мечъ.
за Печенѣзи отъ града и не бя-
коня наошти: на Лыбеди Пече-
послаша Кияне къ Святославу,
ю: ты, княже, чужда земли нице-
юдеша, а своя ся охабишь; ма-

лы бо насъ, не взяли Печенѣзи; матеръ
твою и дѣти твои: аще не поидеши, ни
обраниши насъ, да пакы ны возмутъ; аще
ти не жалъ отчины своей, ни матери
стары суща, и дѣти своихъ. То слышавъ
Святославъ, вборзѣ всѣде на конѣ съ дру-
жиною своею, и приде Кияну, цѣлова ма-
теръ свою и дѣти своя; и съжался о
бышемъ отъ Печенѣгъ, и собра вой, и
прогна Печенѣги в поле, и бысть миръ...
(*Лавр.* 27).

в) Въ лѣто 6479 (974): Створив же
миръ Святославъ съ Греки, поиде въ ло-
дьяхъ къ порогомъ, и рече ему воевода
отень (*отдосъ*) Свѣдѣль: поиди, княже,
на коникъ около, стоятъ бо Печенѣзи в
порозѣхъ. И не послуша его, поиде въ
лодьяхъ, и послаша Переяславца къ Пе-
ченѣгомъ, глаголюще: се идеть вы Свя-
тославъ в Русь, ваемъ имѣние много оу
Грекъ и цолонъ бещеленъ; съ малыми
дружинами. Слышавше же се Печенѣзи, за-
ступниша пороги, и приде Святославъ къ
порогомъ, и не бѣ лѣвъ протви пороги;
и ста зимовати въ Бѣлобережьи, и не бѣ
оу нихъ брашна оуже, и бѣ гладъ ве-
литъ, яко по полугрѣвнѣ глава коняча, и
зимова Святославъ ту.

Въ лѣто 972 поиде Святославъ в по-
роги, и нападе нань Куря князь пече-
нѣжскимъ, и оубиша Святослава. Взима
главу его и во лѣвъ его съдѣлаша чашю,
оковавше лобъ его и пѣху по немъ;
Свѣдѣль же приде Кияну къ Ярополку.
И всѣхъ лѣтъ княженъ Святослава лѣтъ
20 и 8.

(По изд. Тимковскою, 39—40;
съ Н. С. Лвт: I, 30).

322. Имѣтъ Печенѣговъ.

Въ лѣто 6500 (992). Иде Владимиръ
на Хорваты. Пришедемо бо ему съ вой-

ны Хорватския, и се Печенѣзи придоша по оной сторонѣ отъ Сулы; Володимеръ же поиде противу имъ, и сръте ѿ на Трубежи на бродѣ, кдѣ нынѣ Переяславль. И ста Володимеръ на сей сторонѣ, а Печенѣзи на оной, и не смяху си на оную страну, ни они на сию страну. И прѣѣха князь печенѣжскый къ рѣкѣ, возва Володимера и рече ему: «выпусти ты свой мужъ, а я свой, да ся борета; да аще твой мужъ ударитъ моятъ, да не воюемъ за три лѣта, аще ли нашъ мужъ ударитъ, да воюемъ за три лѣта, и разидостася, равно. Володимеръ же приде въ товары, посла биричи (*глашатаи*) по товаромъ, глагола: «нѣту ли такого мужа, иже бы ся ялъ съ Печенѣжвомъ?» и не обрѣтесе никдѣже. Заутра прѣѣхаша Печенѣзи и свой мужъ приведоша, и въ нашихъ не бысть. И поча тужити Володимеръ, сля по вѣснъ воюемъ, и приде единъ старъ мужъ ко князю и рече ему: «княже! есть у мене единъ сынъ меншей дома, а съ четырьми осмъ вышелъ, а онъ дома; отъ дѣтства бо его нѣсть кто имъ ударилъ: единою бо ми ѿ сварящю, и оному мьнущю уснѣ (*кожу*), разгнѣвався на мя, преторже череву рукама». Князь же се слышавъ радъ бысть посла по нь, и приведоша ѿ ко князю, и князь повѣда ему вся; се же рече: «княже! не вѣдѣ могу ли ся, и да искусятъ мя: нѣту ли быка велика и силна? И нагъзоша быкъ великъ и силенъ, и повелѣ раздражити быка; возложивша на нь желѣза горяча, и быка пустиша, и побѣже быкъ мимо ѿ, и похвати быка рукою за бокъ, и выня кожу съ мясы, елико ому рука зая; и рече ему Володимеръ: «можеша си съ нимъ борети». И наутрѣ придоша Печенѣзи, почаша звати: нѣ ли мужа? се нашъ доспѣлъ? Володимеръ же повелѣ той ноци облещися въ оружье; и приступиша ту обом. Выпустиша Печенѣзи мужъ свой, бѣ бо превеликъ зѣло и страшнѣ; и выпусти

мужъ Володимеръ, и урѣ ѿ Печенѣзинъ и посмѣяся, бѣ бо середній тѣломъ. И разитривше межѣ обѣма полкома, пустиша ѿ къ собѣ, и астася, почастася крѣпше держати, и удави Печенѣзина въ руку до смерти и удари имъ о землю; и кликнуша, и Печенѣзи побѣгоша, и Русь погнаша по нимъ сѣкуще, и прогнаша ѿ. Володимеръ же радъ бывъ, заложѣ городъ на бродѣ томъ и нарече ѿ Переяславль, заве переяславу отрокъ—отъ...

(Лавр. 52—3).

323. Осада Вѣлгорода 997.

Володимеру же шедшу Новгороду по верховнѣи воѣ на Печенѣгы, бѣ бо рать велика безмерестана, въ се же время увѣдѣша Печенѣзи яко князя нѣту, придоша и сташа около Бѣлгорода. И не даяху выгнѣти изъ города, и бысть гладъ великъ въ городѣ, и не бѣ изъ Володимеру помочи, не бѣ бо вой у него, Печенѣгъ же множество много. И уложися остоя въ городѣ, и бѣ гладъ великъ, и створиша вѣче въ городѣ, и рѣша: «се уже хочемъ померети отъ глада; а отъ князя помочи нѣту; да лучше ли ны померети? вданмыся Печенѣгомъ, да кого живяти, кого ли умертвяти; уже помираемъ отъ глада, и тако свѣтъ створиша. Бѣ же единъ старецъ не былъ на вѣчи томъ и впраша: «что ради вѣче было?» и людѣ повѣдаша ему, яко утро хотять ся людѣ передати Печенѣгомъ. Се слышавъ посла по старѣйшины градскыя, и рече имъ: «слышахъ, яко хочете ся передати Печенѣгомъ»; они же рѣша: «не стерпять людѣ глада». И рече имъ: «послушайте мене, не передайтеся за 3 дни и я вы что велю, створите». Они же ради обѣщася послушати, и рече имъ: «сберѣте аче и по горости овса, или пшеницѣ, ли отрубъ»; они же шедше ра-

искаша. И повелѣ женамъ створити въ немъ же варять кисель, и въ выкопати колодезь, и вставити талъ, и наляти цѣжа кадь, и повелѣ и колодезь ископати, и вставити кадь. И повелѣ искати меду, они едше взяша меду лукво, бѣ бо позо въ княжи медуши; и повелѣ рози велии, и вляяти въ кадь въ друколодези. Утро же велѣ послати по тѣгы; и горожане же рѣша шедше еченѣгомъ: поимѣте къ собѣ талъ *жники*) нашъ, а вы поидѣте до 10 въ градъ, да видѣте, что ся дѣеть адѣ напемъ. Печенѣзи же ради; мнѣше, яко предатися хотять, у нихъ тали, а сами избраша лучужи и послаша въ градъ, да розотъ въ городѣ, что ся дѣеть. И па въ городъ, и рекоша имъ люпочто губите себе? коли можете яти насъ? аще стоите за 10 лѣтъ, ожете створити намъ? имѣемъ бо в отъ землѣ; аще ли не вѣруете, яте своиа очима. И приведоша кладязю, идѣже цѣжь, и почерпоша тѣ и ляша въ латки: и яко свакисель, и поимше придоша съ ни другому кладязю, и почерпоша сыпочаша ясти сами первое, потомъ эченѣзи. И удившася, и рекоша: имуть вѣры наши князи, аще не сами. Людѣ же наляша корчагу и сыты отъ колодезя, вдаша Печенѣ; они же пришедше повѣдаша вся я. И варивше яша князи Печенѣзи и подившася, и поимше тали своя хъ пустивше, вѣсташа отъ града, яси идоша...

(Лавр. 54—5).

Ховаряхъ см. Сѣвер. Архивъ ч. 20, № 6, ясти. Евр. 1823, ч. 132, № 23, 161. отеч. 1835, CLXX, 565. Чт. общ. ист. № 3, 1—68. Ж. М. Н. Пр. ч. 37, VI,

57, ч. 43, II, 1—67, ч. 80, VI, 170. Извѣд. Лерберга спб. 1819, 321.

О Печенѣгахъ см. Чт. Общ. Ист. 1846 г. № 1, смѣсь, Ж. М. Н. Просв. ч. 79, VI, 2. Москвит. 1853. III. 121.

324. Косоги.

Въ лѣто 6530 (1022). Приде Ярославъ къ Берестію. Въ си же времена Мьстиславу сущю Тмутороканю, поиде на Косоги. Слышавъ же се князь косожскый Редедя, изиде противу тому, и ставшема обѣма полкома противу собѣ, и рече Редедя къ Мьстиславу: что ради губивѣ дружину межи собою? но сѣидевѣ ся сама боротъ; да аще одолѣши ты, то возмеша имѣнїе мое, и жену мою, и дѣти моѣ, и землю мою; аще ли азъ одолѣю, то възму твое все;—и рече Мьстиславъ: тако буди. И рече Редедя къ Мьстиславу: не оружьемъ ся бьевѣ, но боробью. И ястася бороти крѣпко, и надолѣ борюшемася има, нача изнемагати Мьстиславъ, бѣ бо великъ и силенъ Редедя; и рече Мьстиславъ: о пречистая Богородице! помози ми; аще бо удолѣю сему, сзижю церковь во имя твое. И се рекъ, ударя имъ о землю, и вынзе ножъ, зарѣза Редедю; шедъ въ землю его, взя все имѣнїе его, жену его и дѣти его, и дань възложи на Косоги. И пришедъ Тмутороканю, заложилъ церковь святую Богородица, и созда ю, яже стоять и до сего дне Тмуторокани...

(Лавр. 63).

325. Половци.

а) Въ лѣто 6569 (1061). Придоша Половци первое на Русьскую землю воевать, Всеволодъ же изиде противу имъ;

миръ съ ними, и пристояху совѣ-
 ему смысленіи мужи, Янъ, и прочіи.
 в же не всхотѣша, но рекоша: »хо-
 ся бити, поступимъ на ону сторо-
 ѣки«; възлюбита съвѣтъ ось (сей),
 еидоша Стугну рѣку; бѣ бо наводни-
 велии тогда. Святополкъ же, и Во-
 ерь, и Ростиславъ исполчивше дру-
 , поидоша; и идяше на десвѣй сто-
 Святополкъ, на шюей Володимеръ,
 дѣ же бѣ Ростиславъ; минуше Тре-
 проидоша валъ. И се Половци идя-
 ротиву, и стрѣлци предъ ними; на-
 , же ставшимъ межи валомъ, поста-
 стяги свои, и поидоша стрѣлци изъ
 и Половци пришедше къ валови,
 иша стяги своѣ; и налегша первое
 Святополка и заломивша полкъ его.
 ополкъ же стояше крѣпко, и побѣго-
 юдье, не стерпяче ратныхъ против-
 и побѣже Святополкъ. Потомъ на-
 ша на Володимера, и бысть брань
 , побѣже и Володимеръ съ Ростис-
 омъ. Прибѣгоша къ рѣцѣ Стунгѣ, и
 е Володимеръ съ Ростиславомъ, нача-
 ти Ростиславъ предъ очима Володи-
 ; и хотѣ похватити брата своего, и
 не утопе самъ; и утопе Ростиславъ,
 Всеволожъ. Володимеръ перебрѣдъ
 съ малою дружиною, мнози бо па-
 отъ полка его, и бояре его ту
 па; и перешедъ на ону сторону Днѣ-
 плакася по братѣ по своему и по
 ивѣ своей, пришедъ Чернигову печат-
 зѣло. Святополкъ же вбѣже въ
 оль и затворися ту, и бѣ ту до ве-
 и на ту ночь приде Кіеву. Полов-
 те видѣвше, сдолѣвше, пустиша по
 и воююще, а друзи възвратишася къ
 ѣскому. Си же ся злоба склочи въ
 възнесенья Господа нашего Исуса
 та, м. мая въ 26 день. Ростислава
 искавшѣ обрѣтоша въ рѣцѣ; взяли
 есона и Кіеву, и плакася по немъ
 его, и вси людье пожалиша си по
 по велику, уности его ради, и со-

брашася епископи и попове и черноризци,
 пѣсни обычныя пѣвше, положивша и у
 церкви св. Софьи, у отца своего. Полов-
 цемъ же осѣдящемъ Торцьскыи, проти-
 влящимъ же ся Торкомъ и крѣпко борю-
 щимъся изъ града, убиваху многы отъ
 противныхъ; Половци же начаша налега-
 ти, и отнимаху воду, и немемати нача-
 ша людье въ градѣ водною жажою и го-
 лодомъ. И прислаша Торци къ Святопол-
 ку, глаголюще: »аще не пришеши брань-
 на, предатися имамы«; Святополкъ же
 посла имъ, и не бѣ лѣзъ вкраситися въ
 градъ, множествомъ вой ратныхъ. Стоя-
 ше около града недѣль 9, и раздѣлишася
 на двое: однии сташа у града, рать бо-
 рюще, а друзи поидоша Кіеву, пустиша
 на ворогъ межи Кіевъ и Вышегородъ.
 Святополкъ же выиде на Желаню, и по-
 идоша противу собѣ обом; и съступиста-
 ся, и укрѣпился брань, побѣгоша наши
 предъ иноплеменики, падаху язвени
 предъ врагы нашими, и мнози погыбоша
 мертви, паче неже у Трьполя. Свято-
 полкъ же приде Кіеву самъ третій, а
 Половци возвратишася къ Торцьскому,
 быша же си алая м. іюля въ 23. Наза-
 утріе, яже въ 24, въ святою мученику
 Бориса и Глѣба, бысть плачь въ градѣ,
 а нерадость, грѣхъ ради нашихъ вели-
 кихъ и неправды, за умноженье беззакон-
 ній нашихъ... Ибо лукави сынове Изма-
 илеви пожигаху села и гумна, и многы
 церкви запалиша огнемъ, да не чюдит-
 ся никтоже о семъ: идѣже множество
 грѣховъ, ту видѣнья всякого показанье.
 Сего ради вселенная предасться, сего ра-
 ди гнѣвъ простресея, сего ради земля му-
 чена бысть: они ведутся полонени, дру-
 зии посѣкаеми бывають, горкую смерть
 приемлюще, друзи трепечють, зряще уни-
 ваемыхъ, друзи гладомъ умаряеми и во-
 дною жажою; едино прещенье, едина
 казнь, многовѣщныи имуще раны, разли-
 чныя печали и страшны муки, овы вяже-
 мы и пятами цхлени, и на зинѣ держи-

ни и уранями, и се пристраннѣ и страшнѣ, ако на хрестьянствѣ родѣ страхъ и колебанье, бѣда упространися... Половци воеваша много и възратишася къ Торцьскому, и изнемогша людье въ градѣ гладомъ, и предашася ратнымъ; Половци же, прїямше градъ, запалиша ѣ огнемъ, люди раздѣлиша и ведоша въ вежѣ къ сердоболемъ своимъ и сродникомъ своимъ. Много роду хрестьянска стражюще: печални, мучимъ, зимою оцѣляеми, въ алчи и въ жажи и въ бѣдѣ опустивше лица, почернѣвшие тѣлеса; незнаемую страню, языкомъ испаленымъ, назн ходяще и боси, ноги имуще сбодены тернѣемъ. Со слезами отвѣщоваху другъ къ другу, глаголюще: «азъ бѣхъ сего города», и другїа: «азъ сея вси»; тако съупрашяются со слезами, родъ свой повѣдающе, и взынюще, очи возводяще на небо къ Вышнему, свѣдущему тайная...

(Лавр. 93—96).

327. Намѣстїе хана Боняка.

...Приде (1096 г.) второе Бонякъ безбожный, шелудивый отай⁽¹⁾, хыщникъ, къ Киеву везаву, и мало въ градъ не вѣхаша Половци, и зажгоша болонье⁽²⁾ около града, и възратишася въ монастырь, и възгоша Стефанечъ монастырь, и деревнѣ, и Германечъ. И придоша въ монастырь Печерський, намъ сущимъ по кельямъ почивающимъ по заутрени⁽³⁾, и кликнуща около монастыря, и поставиша стяга два предъ враты монастырьскими,

⁽¹⁾ Шелудивый, коростовый, паршивый—ругательныя слова; отай—тайно.

⁽²⁾ Низмѣнное мѣсто около Днѣпра.

⁽³⁾ Изъ этого видно, что летописецъ былъ монахъ и свидѣтель происшествїа.

намъ же бѣжающимъ за домъ монастыря, а другимъ възбѣгшимъ на полати, безбожныхъ же сынове Изманлеви выстѣкомъ врата монастырю и пондоша по кельямъ, выстѣкающе двери, и износаху аще что обрѣтаху въ кельи; по семъ възгоша домъ св. Владычицѣ нашей Богородицѣ, и придоша къ церкви, и зажгоша двери еже к угу устроени, и вторыя же къ сѣверу, вѣшаше въ притворѣ у гроба Феодосея, емлюще иконы, зажигаху двери и укорачу Бога и законъ нашъ... Тогда же зажгша дворъ красный, его же поставилъ благородный кн. Всеволодъ на Холму, и рѣцаемъ Выдобычи: то все окаяни Половци запалиша огнемъ... Исньли бо суть си отъ пустыни Нитривьскыя, межю истокомъ и сѣверомъ; исньли ихъ суть колѣнъ 4: Торкъмени и Печенѣзи, Торци, Половци. Меодїй же свидѣтельствуеть о нихъ, яко 8 колѣнъ пробѣгли суть, егда истре Геденъ, да 8 ихъ бѣжа въ пустыню, а 4 истре. Други же глаголють: сыны Амоновы. Се же истре тако: сынове бо Моавли Хвалиси, а сынове Аммонови Болгаре, а Сарацини отъ Изманла творятъся Сарини, и прозваша имена собѣ Саракыне, рекше: Саринесмы. Тѣмъ же Хвалиси и Болгаре суть отъ дочерю Лотову, иже зачаша отъ отца своего, тѣмъ же нечисто есть племъ ихъ; а Изманлъ роди 12 сына, отъ нихъ же суть Торкъмени и Печенѣзи, и Торци, и Кумани, рекше Половци, иже и ходять отъ пустыни, и по сихъ 8 колѣнъ къ кончинѣ вѣка изидуть, заклечени въ горѣ Александромъ Македоньскимъ, нечестыя чловѣкы...

(Лавр. 99—100).

328. Походъ на Половцовъ Игоря 1185.

Святославичъ Игорь, внукъ Ольговъ, поѣха изъ Новагорода, м. апрѣля въ 23

во вторникъ, пойма (взялъ) съ собрата Всеволода изъ Трубечка, и Ослава. Олговича сыновця своего изъ Ска, и Володимера сына своего изъ Вяля, и у Ярослава испроси помочь тина Олексича, Прохорова внука, съ (степныя народы) черниговски-и тако идяхуть тихо, собирающе дру-свою: бяхуть бо у нихъ кони туч-елми. Идущимъ же имъ къ Донцю, въ годъ (во время) вечерній, ъ же возрѣвъ на небо и видѣ солн-тояще яко мѣсяць, и рече бояромъ гъ и дружинѣ своей: «видите ли что знаменіе се? Они же узрѣвше, и на вси и поникоша главами, и ре-мужи: «княже! се есть не на до-знаменіе се». Игорь же рече: «бра-и дружино! тайны божія никто же ѣсть, а знаменію творецъ Богъ и у міру своему; а намъ что сотворить, или на добро или на наше зло, то замъ видити». И то рекъ, перебрече-ць, и тако приде ко Осколу и жда-цн брата своего Всеволода, тотъ бя-пель инѣмъ путѣмъ изъ Курьска; и да помдоша къ Салницѣ, ту же къ, и сторожеви прѣхаша, ихъ же бя-послагъ языка ловить (1), и реко-прѣхавше: «видихомся съ ратнымъи, ницн ваши со доспѣхомъ ѣздать; да поѣдете борзо, или возвратитися до- , яко не наше есть веремя». Игорь рече съ братьею своею: «Оже ны-ть не бившися возвратитися, то со- (срамъ, стыдъ) ны будетъ пуще-ти; но како ны Богъ дастъ». И та-угадавше, и ѣхаша чѣрезъ ночь, зау-же пятъку наставшу, во обѣднее ве-і усрѣтоша полкъи половецькіѣ: бя-бо до нихъ доспѣгъ (достигли), ве- (ставка, кибитки) своѣ пустыя

(1) Т. е. плѣнить Половчина, который бы раз-ль о силахъ и мѣстѣ оставрки своего народа.

за ся, а сами собравшеся' отъ мала и до велика, стояхуть на оной сторонѣ рѣкы Сюрліа. И ти изрядиша полковъ 6: Игоревъ полкъ середѣ, а по праву брата его Всеволожъ, а по лѣву Святославъ сыновця его, напередѣ ему сынъ Володи-меръ и другій полкъ Ярославъ, иже бя-ху съ Ольстиномъ Коуеве, а третій полкъ напередѣ же стрѣлци, иже бяхуть отъ всихъ князіи выведены; и тако изрядиша полкъи своя. И рече Игорь ко братьи сво-ей: «братья! сего есмы искагъ, а потя-гнемъ»; и тако поидоша къ нимъ, поло-жаче на Бозѣ упованіе свое. И яко бы-ша къ рѣцѣ ко Сюрлію, и выѣхаша изъ половецькихъ полковъ стрѣлци, и пустив-ши по стрѣгъ на Русь и тако поскочиша. Русь же бяхуть не переѣхалъ еще рѣкѣ Сюрліа; поскочиша же и ти Половци силы половецькіи, которіѣ же далече рѣ-кы стояхуть. Святославъ же Олговичъ, и Володимеръ Игоревичъ, и Ольстинъ съ Коуи, и стрѣлци поткоша по нихъ, а Игорь и Всеволодъ помалу идяста, не рослустиаста полку своего, передніи же ти Русь биша ѣ, ишаша; Половцѣ же про-бѣгоша вѣжѣ, и Русь же допедше вѣжѣ и ополонилася, друзи же ночь прѣхаша къ полкомъ съ колономъ. И яко обра-шася Половци вси, и рече Игорь ко бра-тоша и къ мужемъ своимъ: «се Богъ си-лою своею возложилъ на врагы наша по-бѣду, а на насъ честь и слава; се же видихомъ полки половецькіи, оже мнози суть, ту же ци вся си суть совокупили? нынѣ же поѣдемъ чѣрезъ ночь, а кто по-ѣдетъ завтра по насъ, то ци вси поѣ-дутъ, но лучшіи коньници переберуться, а самѣи какъ ны Богъ дастъ». И рече Святославъ Олговичъ строема своимъ: «далече есть гонилъ по Половцехъ, а ко-ни мои не могутъ; аже ми будетъ нынѣ поѣхати, то толко ми будетъ на дорогѣ естати» — и поможе ему Всеволодъ, ако-же облечи ту. И рече Игорь: «да неди-вно есть разумѣюци, братья, умретъ»

и облегоша ту. Свѣтаючи же суботѣ, начаша выступати полци половецкіи, акъ борове; наумѣшася князи рускіи, кому ихъ которому побѣхати, бысть бо ихъ безчисленное множество. И рече Игорь: »се вѣдающе собрахомъ на ся землю всю: Концака, и Козубурновича, и Тоскобица, Колобича, и Етебича и Терьтробюга«. И тако угадавше вси съсѣдоша съ коней, хотяхуть бо бьющеся дойти рѣкы Донца; мовахуть бо: »оже побѣгнемъ, утчемъ сами, а черныи люди оставимъ, то отъ Бога ны будетъ грѣхъ, сихъ выдавше, пойдѣмъ; но или ушремъ, или живи будемъ на единомъ мѣстѣ«. И та рекше вся сосѣдоша съ коней, и поидоша бьющеся; и тако, божиимъ попущеніемъ, узавши Игоря въ руку и умрѣвшиша шюцю его, и бысть печаль велика въ полку его, и воеводу имяхуть, тотъ напереди извѣнъ бысть. И тако бышася крѣпко ту днину (*тотъ день*) до вечера, и мнози ранени и мертви быша въ полкохъ рускихъ; наставши же ноци суботнии, и поидоша бьющися; бысть же свѣтающе недѣлѣ, возмязошася Ковуеве въ полку, побѣгоша. Игорь же бяшетъ въ то время на конѣ, зане раненъ бѣше, поиде къ полку ихъ, хотя возвратити къ полкомъ, того дѣля, что быша познали князя и возвратилися быша; и тако не возвратися никтоже, но токмо Михалко Гюргевичъ познавъ князя и возвратися; не бяхуть бо добрѣ смѣлися съ Ковуи, но мало отъ простыхъ или кто отъ отрокъ боярскихъ, добри бо вси бяхуться идуще пѣши—и посреди ихъ Всеволодъ не мало мужество показа. И яко приближися Игорь къ полкомъ своимъ, и переѣхаша поперекъ и ту яша, единъ перестрѣлъ одалѣ отъ полку своего. Держимъ же Игорь видѣ брата своего Всеволода крѣпко борющася, и проси души своей смерти, ако да бы не видѣлъ паденія брата своего; Всеволодъ же толма бившеся, яко и оружья въ руку его не доста, и бя-

ху бо ся идуще вкругъ при озерѣ. И ко, во день св. Воскресенія, наведе и Господь гнѣвъ свой, въ радости ни наведе на ны плачь и во веселье ни желю (*жалость*), печаль на рѣцѣ ялы.

...Тогда кончавшися полку, розвел быша, и поиде каждо во своя вѣжа. И ря же бяхуть яли Тарголове, мужъ в немъ Члбукъ, а Всеволода брата его: Романъ Кзичъ... Тогда же на полци Концакъ поручися по свата Игоря, и бяшетъ раненъ. Отъ толкиихъ же и мало ихъ избысть, нѣкакымъ получениемъ не бяшетъ бо лѣтъ на бѣгачимъ утчане яко стѣнами сильными огороженъ бяху полки половецкими; но нашихъ си съ 15 мужъ утекши, а Ковуемъ (*меньше*), а прочіи въ морѣ истомоша. то же время в. князь Всеволодичъ Сяславъ шелъ бяшетъ въ Корачевъ, и срашетъ отъ верхнихъ земель волъ, и ити на Половци къ Донови на все лѣ. Яко возвратися Святославъ и бысть Новагорода Сѣверьского, и слыша о бѣтѣ своей, оже шлѣ суть на Полок уставившеся его: и не любо бысть е Святославъ же идяше въ лодьяхъ и приде къ Чернигову, и во тѣ годъ и бѣже Бѣловолодъ Просовичъ, и повѣ Святославу бывшее о Половцѣхъ; Сяславъ же то слышавъ и велми вознужъ, утеръ слезъ своихъ и рече: »о. ба моя братья и сынове и мужѣ земли Рускоѣ! далъ ми бы Богъ иритомити гавыя, но не воздержавше уности отршиша ворота на Русьскую землю, в господня да будетъ о всемъ; да и жалъ ми бяшетъ на Игоря, тако ны жалую болши по Игорѣ братѣ моемъ. Посемъ же Святославъ посла сына своего Олга и Володимера въ Посемье: то слышавше возмязошася города посемьскыи и бысть скорбь и туга люта, якоже колиже не бывала во всемъ Посемьи въ Новѣгородѣ Сѣверьскомъ, и по в

волости черниговской, князи изымани и
 дружина изымана, избита; и митяхуться
 акы въ мотви ⁽¹⁾, города воставахуть и
 не мало башеть тогда комуждо свое бли-
 жнее, но мнозѣ тогда отрекахуся душъ
 своихъ, жаляюще по князихъ своихъ. По-
 семъ же посла Святославъ ко Давыдови
 Смоленску, река: »рекли бяхомъ пойти
 на Половци и лѣтовати на Донѣ; нынѣ
 же Половци се побѣдилѣ Игоря, и брата
 его съ сыномъ; а побѣди, брате, постере-
 жи землѣ Рускоѣ«. Давыдъ же приде по
 Днѣпру, придоша же ныи помочи и ста-
 ша у Трополя, а Ярославъ въ Черниго-
 вѣ совокупивъ вои свои стояшеть. Пога-
 ныи же Половци побѣдивше Игоря съ
 братьею, и взяша гордость велику и съво-
 куниша весь языкъ свой на рускую зем-
 лю; и бысть у нихъ котора (ссора) мол-
 вашеть бо Кончакъ: »пойдемъ на кievь-
 скую сторону, гдѣ суть избита братья
 наша и в. князь нашъ Бонякъ«; а Кза
 молвашеть: »пойдемъ на Семь, гдѣ ся
 осталѣ жены и дѣти, готовѣ намъ по-
 лонѣ собранѣ, емлемъ же города безъ
 опасася; и тако раздѣлишася надвое, Кон-
 чагъ поиде къ Переяславу и остуши го-
 родъ, и бшася ту всъ день. Володимерь
 же Глѣбовичъ бшше князь въ Переяслав-
 лѣ, бшше же дѣръ и крѣпокъ къ рати,
 выѣха изъ города и потче къ нимъ, и
 во немъ мало деръзнувъ дружинѣ, и бшся
 съ ними крѣпко; и обступиша мнози
 Половцѣ, тогда прочии видивше князя сво-
 его крѣпко бьющася, выринушася изъ го-
 рода, и тако отъяша князя своего, заве-
 на сущи трени коньи. Сій же добрый
 Володимерь язвенъ труденъ въѣха во го-
 родъ свой, и утре мужественнаго пота сво-
 его за отчину свою. Володимерь же сла-
 шеть ко Святославу, и ко Рюрикови, и
 ко Давыдови, и рече имъ: »се Половци
 у мене, а помозите ми«; Святославъ же

(1) Какъ въ мотви невода рыба?

слашеть ко Давыдови, а Давыдъ стояшеть
 у Трополя со Смоленяны. Смоленяне же
 почаша вѣче дѣяти, рекуще: »Мы дошли
 до Кіева, да же бы была рать, бшлся
 быхомъ; намъ ли иноѣ рати искати, то
 не можемъ, уже ся есмы изнемоглѣ«;
 Святославъ же съ Рюрикомъ и со инѣми
 помочыми влегоша во Днѣпръ, противу
 Половцемъ, а Давыдъ возвратиса опять
 со Смоленяны. То слышавше Половци, и
 возвратишася отъ Переяслава, идущи же
 мимо приступиша Римови; Римовичи же
 затворишася въ городѣ, и возлѣзше на
 заборолѣ, и тако, божимъ судомъ, летѣ-
 ста двѣ городничи съ людьми, тако къ ра-
 тнымъ, и на прочая гражаны найде страхъ,
 да которѣи же гражаны выйдоша изъ гра-
 да и бяхуться ходяще по римскому бо-
 лоту, то тѣ и избыша плѣна, а кто ся
 осталъ въ городѣ, и тѣ вси взати бшша.
 Володимерь же слашеться ко Святославу
 Всеволодичю и ко Рюрикови Ростислави-
 чю, понуживая ихъ къ собѣ, да бшша
 ему помоглѣ; они же опоздишася сжидаю-
 ще Давыда Смоленяны, и тако князь ру-
 скіи опоздишася и не заѣхаша ихъ. По-
 ловци же вземше городъ Римовъ, и опо-
 лонившася полоня и поидоша во свояси;
 князи же возвратишася въ дома своя,
 бяхуть бо печални, и со сыномъ своимъ
 Володимеромъ Глѣбовичемъ, зане бшеть
 раненъ велики язвами смертными, и хре-
 стьянъ плѣненыхъ отъ поганыхъ. И се
 Богъ казни ны, грѣхъ ради нашихъ на-
 веде на ны поганыя, не аки мшлуя ихъ,
 во насъ казни и обращая ны къ покая-
 нью, да быхомся востагнули отъ злыхъ
 своихъ дѣлъ; и симъ казнятъ ны нахож-
 деніемъ поганыхъ, да некии смиривѣшася
 воспоминаемся отъ злаго пути. А друзи
 Половцѣ идоша по оной сторонѣ къ Пу-
 тивлю, Кза у силахъ тяжкихъ, и пово-
 евавши волости ихъ и села ихъ пожгоша,
 пожгоша же и острогъ у Путивля и воз-
 вратишася во свояси. Игорь же Свято-
 славичъ тотъ годъ бшеть въ Половцехъ,

и глаголаше: «азъ по достоянью моему восприяхъ побѣду отъ повелѣнїя твоего, Владыко Господи, а не поганьская дерзость обломилъ силу рабъ твоихъ; не жаль ми есть за свою злобу прїяти нужная вся, нхъ же есмь прїялъ азъ». Половци же аки стыдящесе воевѣдства его и не творяхуть ему пакости, но приставиша къ нему сторожовъ 15 отъ сыновъ своихъ, а господичичевъ пять, то тѣхъ всихъ 20: но волю ему дахуть, гдѣ захотѣ ту ѣздити и ястрябомъ ловящеть, а своихъ слугъ съ 6 и съ 6 съ нимъ ѣздити; сторожеве же тѣ слушахуть его и чыстяхуть его и гдѣ пошлеть кого, безъ прїа (*распри*) творяхуть повелѣное имъ. Попа же бяшесть привель изъ Руси къ собѣ, со св. службою: не вѣдасеть бо божїа промысла, но творящеться тамо и долго быти. Но избави ѣ Господь за молитву хрестьянскую, имъ же мнози печаловахуться и проливвахуть же слезы своя за него. Будущю же ему въ Половцехъ, тамо ся налѣзъ мужъ, родомъ Половчинъ, именемъ Лаворъ: и тотъ принѣмъ мысль блáгу, и рече: «пойду съ тобою въ Русь». Игорь же исперва не имашеть ему вѣры, но держаше мысль високу своя уности, мыслящеть бо емше мужъ и бѣжати въ Русь, молвасеть бо: «азъ славы дѣля не бѣжахъ тогда отъ дружины, и нынѣ не славнымъ путемъ не имамъ поити». Съ нимъ бо бяшесть тысячкого сынъ и конюшїй его, и та нудяста ѣ, глаголюща: «пойди, княже, въ землю Рускую, аще восхоцеть Богъ избавити тя»; и не угодиа ему время таково, какого же искашеть. Но яко же преже рекохомъ, возвратишася отъ Переяславля Половци: и рекоша Игореву думци его: «мысль високу и неугодну Господеву имѣшь въ

собѣ, ты ищещи няти (*взяти*) мужа и бѣжати съ нимъ, а о семъ чему не разгадаешъ, оже прїѣдутъ Половци съ войны, а се слышахомъ, оже избити имъ князей васъ и всю Русь? да не будетъ славы тобѣ, ни живота». Князь же Игорь принѣмъ во сердце съвѣтъ ихъ, уположася прїѣзда ихъ и возъиска бѣжати: не бѣшесть бо ему лѣзъ бѣжати въ день и въ ночь, иже сторожеве стрежахуть его, и токмо и вереша таково обрѣте въ заходъ солнца. И посла Игорь къ Лаврови конюшаго своего, река ему: «перѣди на оу сторону Дона, съ конемъ поводнымъ: бяшесть бо съвѣчалъ съ Лавромъ бѣжати въ Русь. Въ тоже время Половци нашла бяхуть кумыза, а и бы при вечерѣ: пришедъ конюшїй повѣда князю сему Игореву, яко ждеть его Лаворъ. Се же вставъ ужасенъ и трепетенъ, и поклонися образу божїю и кресту честному, глаголя: «Господи сердецѣдче! аще сшеши мя, Владыко, ты недостойнаго» — и вози на ся крестъ, икону и пойдешъ стѣну и лѣзе вошь. Сторожекъ же ес играющимъ и веселящимся, а князя творяхуть спяща. Сїа же пришедъ ко рѣкѣ и перебрѣдъ, и вѣзде на конь: и там пошдоста сквозѣ вѣжа. Се же забавляше створи Господь въ пятокъ, въ вечерѣ. И иде прѣшь 11 день до города Доши, и оттолѣ иде во свой Новгородъ — и обрадовашася ему; изъ Новгорода иде и брату Ярославу къ Чернигову, пономъ прося на Посемь, Ярославъ же обрадовася ему и помощь ему дати обѣща; Игорь же оттолѣ ѣха ко Киеву къ в. к. Святославу, и радъ бысть ему Святославъ, также и Рюрикъ свать его.

(Ипат. 129—134).

Б. ПАМЯТНИКИ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ.

Слово о плъку Игоревѣ, Игоря, сына Святослава, внука Олгова.

Лѣно ли вы бешеть, братіе, начати ли словеса трудныхъ повѣстий ⁽¹⁾ у Игоревѣ, Игоря Святъславича? Наме ся тѣмъ пѣсни по былинамъ семени, а не по замышленію Бояню? бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь и, то растѣкашеться мыслію по дре- рынимъ вѣлкомъ по земли, шизымъ подь облакы. Помняшеть бо речь къ времянь усобица: тогда пуца- 10 соколовъ на стадо лебедій; кото- отечааше, та (лебедь) преди пѣснь старому Ярославу, храброму Мсти- нже зарѣза Редедю предь плъкы ьскыими, красному Романови Святъ- чю ⁽²⁾. Боянъ же, братіе, не 10 гъ на стадо лебедій пуцааше, нъ вѣщія прѣсты на живыя струны дааше; оны же самы княземъ славу ку.

немъ же, братіе, повѣсть сію отъ го Владимира до нынѣшняго Иго- ; иже истягну умъ крѣпостию сво- , и поостри сердца своего муже- , наплънився ратнааго духа, наведе

своя храбрыя плъкы на землю Половѣць- кую за землю Руськую.

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя при- крыты, и рече Игорь къ дружинѣ своей: »Братіе и дружино! луцежъ бы потяту (побити) быти, неже полонену быти: а всядемъ, братіе, на своя брѣзья комони (коми), да позримъ синего Дону«. Спала князю умъ по хоти ⁽¹⁾ и жалость ему знаменіе заступи ⁽²⁾ искусити Дону ве- ликаго. »Хощу бо, рече, коніе прело- жити ковецъ поля Половецкаго (т. е. съ самыхъ дальнихъ предѣлахъ земли по- ловецкой) съ вами, Русици; хощу главу свою приложить, а любо испити шелономъ Дону! О Бояне, соловію стараго времени! абы ты сія плъкы ушкочагъ (востыль), скача, славію, по мыслену древу, летая умомъ подь облакы, свивая славы оба полы сего времени ⁽³⁾. Рица въ тропу Трояню чрезъ поля на горы, пѣти было пѣснь Игореви, того (Ольга) внуку: »Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая, гали- ция стады (сталями) бѣжать къ Дону ве- ликому«. Чили вѣспѣти было, вѣщей Боя- не, Велесовъ внуче: »Комони ржутъ за Сулою; звенить слава въ Киевѣ; трубы трубятъ въ Новѣградѣ (Съзерскомъ)?

Трудными назывались повѣсти, въ кото- рыхъ случались важныя событія.

Родной братъ Олегу, дѣду Игоря, героя

Удѣльный князь Новгородъ-Сѣверскій, ге- ми; внукъ Олега Тмутораканскаго.

Т. е. вошелъ въ совершенный смыслъ.

⁽¹⁾ Т. е. припала ему мысль поохотиться на хановъ (предпож. Дубенск.).

⁽²⁾ Жалость къ родинѣ заступило, загородило знаменіе—затѣніе (Дуб.).

⁽³⁾ Соединяя обѣ половинны славы сего време- ни, (т. е. прошедшее или настоящее и будущее?) Буслаевъ.

Стоять стаяи въ Путиваѣ, Игорь ждетъ мила брата Всеволода. И рече ему буй туръ (*ярый, дикій волъ*) Всеволодъ: «Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты, Игорю! оба есва Святъславичя! Сѣдай, брате, своя брѣзья конона, а мои ти готови, оседлани у Курьска напереди. А мои ти Куряни свѣдоми кѣмети (*наездники, воины служители*): подѣ трубами повити, подѣ шеломы възлегѣяни, конецъ копія въскрѣпленн. Пути имѣ вѣдоми, яругы (*овраги*) имѣ знаемы, луци у нихъ напряжени, тули (*колчаны*) отворени, сабли изъострены; сами скачють, аки сѣрии влѣци въ полѣ, ищучи себе чти, а князю славы».

Тогда вѣступи Игорь князь въ златѣ стремень, и поѣха по чистому полю. Солнце ему тѣмоу путь заступааше; ноцѣ стонуши ему грозою птичь убуди; свистѣ звѣринѣ въ стази (*на настѣищѣ*); дивѣ (*птица зловѣщая*) кличетъ врѣху древа: велитъ послушати земли незнаемѣ—Вгъзѣ и Поморію, и по Сузію, и Сурожу (*Азовскому морю*), и Корсуню, и тебѣ, тѣмотораканьскій блѣванъ! А Половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону великому; крычатъ тѣлѣгы полунощи, рци (*словно, точно*) лебеди роспущены. Игорь къ Дону вол веведеть; уже бо бѣды (*бѣда*) его пасеть (*кормитъ*) птиць; (*но*) подобію влѣци грозу въсрожать (¹) по яругамъ; орлы клеткомъ на кости звѣря зовуть; лисици брешуть на чрѣленныя щиты. О Руская земле! уже за шеломянемъ еси!

Длго ноцѣ мркнеть; заря—свѣтъ запала; мѣгла поля покрыла; щекотѣ славій успе; говорѣ галичь убуди. Русичи великая поля чрѣленными щиты прегородиша, ищуче себѣ чти, а князю славы.

(¹) Отъ рогъ (труба);—т. е. трубать, предвѣщаютъ

Съ заранія въ пятѣкъ потопташа и ния плѣкы половецкыя; и рассушася (*совавишисъ*) стрѣлами по полю, помч красныя дѣвки половецкыя, а съ ними то, и паволокы, и драгыя оксамиты. Ормами (*наметами, шалашами*) и ачичами (*спанчами*) и кожухы начяшасты мостити по болотомъ и грязни мѣстомъ, и всякими узорочьи половецкими. Чрѣленѣ стаягъ, бѣла хорюговъ, чрна чолка (¹), сребрено стружіе (*дркони*)—храброму Святъславичю! Илетъ въ полѣ Ольгово хороброе глѣза Далече залѣтѣло... Не было нѣ (*оно*) ес порождено—ни соколу, ни кречету, ни бѣ чрѣный воронъ, ногавый Половч Гзакъ бѣжитъ сѣрыми влѣкомъ; Конч ему слѣдъ правитъ къ Дону великому (²).

Другаго дни велии рано кровавыя; свѣтъ повѣдають; чрѣвыя тучя съ и идутъ, хотять прикрыти 4 солнца (³); а нихъ трепѣщуть синія мѣлнїя; быти и му великому, итти дождю стрѣлами Дону великаго: ту ся копіемъ прилани ту ся саблямъ потручатъ (*притупил ся*) о шеломы половецкыя, на рѣцѣ Каялѣ, у Дону великаго. О, Русская мле! уже не шеломянемъ еси.

Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣють моря стрѣлами на храбрыя плѣкы Игорвы! земля тутнетъ (*грокитъ, гудитъ*) рѣкы мутно текутъ; пороси поля (*маны*) прикрывають, стаяи глаголю Половци идутъ отъ Дона, и отъ моря отъ всѣхъ странъ, Рускыя плѣкы оступа. Дѣти бѣсови кликомъ поля прегодиша, а храбрии Русичи преградиша ч

(¹) То, чѣмъ полотно знамени прикрѣплен древку.

(²) Гзакъ и Кончакъ—даны половецкіе. (Бунд)

(³) Игорь, братъ его Всеволодъ, сынъ И Владиміръ Путивльскій и племянникъ Святославъ говить Рымльскій.

леными щита. Ярѣ туре Всеволоде! стоиши на борони (*въ передовомъ отрядѣ*), прищени на вон стрѣлами, гремлени о шеломи мечи харалужными (*булатными*). Камо Турѣ поскочаше, своиѣмъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежать поганыя головы Половецкыя; поскепани (*по расколоты*) саблями калеными шеломи Оварьети отъ тебе, Ярѣ Туре Всеволоде! Какя раны дорога, братіе, забывъ чти и живота, и града Чернигова, отня злата стола, и своєю милыя хоти красныя Глѣбовны, свычая и обычая? Были вѣчи (*вѣщи—вѣка*) Трояни, минула лѣта Ярославля; были плѣци Ольговы, Ольга Святъславлича. Тѣмъ бо Олегъ мечемъ кромолу ковааше, и стрѣлы по землі сѣяаше, ступаешь въ златъ стремянь въ Тьмуторокани. Тоже звонъ слыша давній великый Ярославль сынъ Всеволодъ, а Владиміръ по вся утра уши закладааше въ Черниговѣ; Бориса же Вячеславлича слава на судъ (*Божій, т. е. на смерть*), приведе и на канину зелену напоному (*покрову*) постла, за обиду Ольгову, храбра и млада князя. Съ тоя же Каялы Святюплѣкъ повелѣ а(*ти?*) (*т. е. тѣло*) отца своего между Угорьскыими инокодѣцы къ Святѣй Софїи къ Києву. Тогда при Ольгѣ Гориславлича (¹) сѣянешься и растяшеть усобицами; погыбашеть жизнь Дажь-Божа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣщи челоувѣкомъ скратишась (²). Тогда по Русѣй земли рѣтко (*рѣдко*) ратаевѣ кивахуть (*кричали, погоняя воловъ*); иъ часто врани гравхуть (*каркали*), труциа себѣ дѣлаче; а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полѣтѣти на уѣдіе (*на пѣду, на пирь*). То было въ ты рати и въ ты

(¹) Олегъ Святославичъ или—накъ далѣе оныъ называется—Гориславичъ (славный горемъ, какое оныъ причинялъ), дѣдъ Игоря, главный виновникъ междоусобїи своего времени (Бул.).

(²) Дажь Богъ—божество солнца. Жизнь Дажь Божа внука (потомка), т. е. жизнь русскихъ (Бул.).

плѣкы; а сицев рати не слышано: съ заравія до вечера, съ вечера до свѣта летять стрѣлы каленыя, гримлють сабля о шеломи, трещать копія харалужныя въ полѣ незнаемѣ среди земля половицкыя. Чръна земля подъ копыты костьюи была постѣпа, а кровію поляяна; тугою выдоша (*горемъ, печалью возошли оны, т. е. поспяныи костью*) по Русѣй земли.

Что ми шумить, что ми свенить давечя рано предъ зорями? Игорь плѣкы заворочаешь: жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишася другыи: третяго дне къ полуднію надоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брежѣ быстрыя Каялы. Ту кроваваго вина не доста; ту пирь докончаша храбрїи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую. Ничить трава жалощами, а древо стугою къ землі преклонилось.

Уже бо, братіе, невеселая година вѣстала; уже нустыни силу прикрыла. Вѣстала обида въ сѣлахъ (*т. е. ратлахъ*) Дажь Божа внука. Вступилъ дѣвою на землю Трояни, вѣсплескала лебедныими крылы на снѣгъ морѣ у Дону плещучи: убуди жерни времена. Усобица княземъ на поганыя погыбе, рекоста бо братъ брату: «се мое, а то мое же»; и начяша князи про малое «се великое» мѣлвити, а сами на себе крамолу ковати: а поганїи съ вѣсѣхъ странъ прихощааху съ побѣдами на землю Рускую. О! далече зайдо соколъ (*т. е. Игорь*), птиць бѣа,—къ морю!

А Игорева храбрааго плѣкы не крѣсити. За нимъ кликну Карна, и Жля (¹), поскочи по Русѣй земли, смагу (*огонь*) людемъ мычючи въ пламанѣ розѣ (²). Же-

(¹) Ханы половецкіе.

(²) Съ ханомъ Кончаломъ былъ Бесоренинъ, стрѣлающїй живымъ огнемъ изъ наполненнаго пламенемъ рога.

ны Рускыя вѣспалашася, аркучи (говоря):
 «уже намъ своихъ милыхъ ладъ (мужей)
 ни мыслию слыслати, ни думою сдумати,
 ни очима съглядати, а злата и сребра ни
 мало того потрепати».

А вѣстона бо, братіе, Кіевъ тугою, а
 Черниговъ напастьми; тоска разлися по
 Рускій земли; печаль жирна тече средь
 земля Рускыя. А князи сами на себе
 крамогу ковааху; а поганин сами побѣда-
 ми нарищуще (набывая) на Рускую зем-
 лю, емляху дань по бѣгѣ (бѣлкъ) отъ
 двора. Та бо два храбрая Святъславича,
 Игорь и Всеволодъ, уже лжу убудиста, ко-
 торую то бѣше успилъ отецъ ихъ Святъ-
 славъ грозный великій кыевскій (1). Гро-
 зую бѣшетъ притрепеталъ своими сильными
 плѣкы и харалужными мечи; наступи на-
 землю половецкую, притопта хлѣми и яру-
 гы, възмути рѣки и озера, иссуши по-
 токи и болота, а поганааго Кобяка изъ
 луку моря, отъ желѣзныхъ, великы-
 ихъ плѣковъ половецкыхъ, яко вихрь,
 выторже: и падеся Кобякъ въ градѣ
 Кіевѣ, въ гридници Святъславля (2). Ту
 Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава
 поють славу Святъславлю, кають (кля-
 нутъ) князя Игоря, иже погрузи жиръ
 во двѣ Каалы рѣкы половецкыя, рускаго
 злата насыпаша. Ту Игорь князь выѣдѣ
 изъ сѣдла злата, а въ сѣдло Кошчево (3).
 Уныша бо градомъ забрали (городскія стѣ-
 ны) а веселіе пониче.

А Святъславъ мутенъ сонъ видѣ въ Кіе-
 вѣ на горахъ си ночь: «съ вечера одѣ-
 вахте мя, рече, чръною паполомою, на
 кровати тисовѣ; чръпахуть ми синее ви-
 но съ трудомъ смѣшено; сыпахуть ми тѣщи-

(1) Святославъ Всеволодовичъ, в. кн. кыевскій,
 сынъ Всеволода Ольговича, былъ Всеволоду и Ольгу
 двоюродный братъ, но, какъ старшій, въ отца мѣсто.

(2) Кобякъ, ханъ половецкій, взятъ въ плѣнъ
 Святославоу за годъ до похода Игоря.

(3) Кошчеми назывались плѣнники, невольни-
 ки половецкіе, печенегскіе, хозарскіе, литовскіе
 и др. что свидѣлствуется лѣтописями. Кошчей
 также значить—отрокъ княжеской дружины. (Дуб.)

ими тулы поганинхъ тѣлковинъ великы
 жемчюгъ на лоно, и нѣгують мя. Уже
 дьскы безъ кнѣса (1) въ моемъ теренѣ за-
 творѣсьемъ; всю ночь съ вечера босы
 врани възграху у Пѣсьньска на болотѣ
 бѣша дѣбрь кисаню и несомлю къ сине-
 му морю». И ркоша бояре князю: «Уже,
 княже, тута умъ полонила; се бо два со-
 кола слѣтѣста съ отня стола злата, по-
 скати града Тьмуторокана, а любо испи-
 ти шелономъ Дону, уже соколома крыльа
 припѣшали (подрѣзали) поганинхъ сабл-
 ми, а самую опутана въ путины желѣ-
 ны». Темно бо бѣ въ 3 день: два солны
 помѣркости (т. е. Игорь и Всеволодъ),
 оба багряная стѣгна погасоста, и съ ими
 молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ (Оле-
 сынъ; Святославъ племянникъ Игоря)
 тьмою ся поволокоста и въ морѣ погру-
 зиста, и великое буйство подаста ханови.
 На рѣцѣ на Каалѣ тьма свѣтъ покрыхъ
 по Рускій земли прострощася Половци,
 акы параже гнѣздо (племля рысей).
 Ихъ въ морѣ погрузиста и великое буй-
 ство подасть ханови. Уже снесеса хум
 на хвалу; уже тресну (разразилась) ву-
 да на волю; уже врѣжеса двѣ на землю.
 Се бо готъскыя красныя дѣвы (2) вѣспѣ-
 ша на брезѣ синему морю; звоня рус-
 кынигъ златомъ, поють время Бусово, ле-
 гвють мечь Шароканю (3). А мы уже
 дружина, жадни велелія.

Тогда великій Святъславъ изрони зла-
 то слово слезами смѣшено, и рече: «О
 моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! равно
 еста начяла половецкую землю мечи
 цвѣлти (мечами производитъ плачь),
 а себѣ славы искати. Нѣ нечестно одо-
 лѣста: нечестно бо кровь поганую пролія-

(1) Кнѣсь—перекладина, матрица, на которой
 утверждается потолокъ.

(2) Готы—поселенцы, съ III в. Черноморскіе,
 покорены были Половцами около 1050 г.

(3) Шароканъ или Шаракунъ—извѣстный пол-
 ководецъ половецкій. Бусъ—тоже имя собственное.

ста. Ваю храбрая сердца въ жестоцѣемъ харалузѣ скована, а въ буети закалена. Се ли створста моеи сребрентѣи сѣднѣ! А уже не вижду власти сильнааго, и бога-тааго, и много вой брата моего Ярослава, съ Черниговьскими былями⁽¹⁾, съ Мо-гуты, и съ Татраны, и съ Шельбиры, и съ Топчаки, и съ Ребугы, и съ Оль-бры⁽²⁾. Тѣи бо безъ щитовъ съ заса-пожники кликомъ плѣкы побѣждають, звоняче въ прадѣдную славу (*Святосл. Ярослав.*). Нѣ рекосте: «мужавиѣся сами, преднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ».

А чи диво ся, братіе, стару помолоди-ти? Коли соколъ въ мытѣхъ бываетъ, высоко птиць вѣбиваетъ; не дасть гнѣз-да своего въ обиду. Нѣ се зло: книже ни не пособіе; наниче ся години обрати-ша. Се у Римъ кричатъ подъ саблями половецкими, а Володимиръ подъ ранами. Туга и тоска сыну Глѣбову.

Великій княже Всеволоде⁽³⁾! не мыслию ти прелетѣти издалеча отня злата стола поблюсти⁽⁴⁾. Ты бо можеша Волгу веслы раскропити, а Донъ шелома выльяти. Аже бы ты былъ, то была бы чага⁽⁵⁾ по ногатѣ (=50 к. с.), а кощей по резанѣ (=20 к. с.). Ты бо можеша по суху жи-выиши шерешеры (*мечъ, шпала*) стрѣля-ти—удалыми сыны Глѣбовы⁽⁶⁾. Ты, буй Рюриче и Давыде⁽⁷⁾! не ваю ли злаче-вымиши шелома по крови плаваша? Не ваю

(1) Быль можетъ быть отъ былой, т. е. бывалый въ походахъ.

(2) Здѣсь, вѣроятно, исчисляются отряды Кову-ель, которыхъ Игорь пригласилъ къ себѣ на по-мощь.

(3) Всеволодъ Юрьевичъ—в. кн. Владиміръскій на Клязьмѣ, по прозванію *Большое змѣздо*.

(4) Т. е. Кіевскаго, стола Юрья Долгорукаго.

(5) Чага—жена, взятая въ плѣнъ у По-ловецкѣхъ.

(6) Дѣти Глѣба Ростиславича, князья рязанскіе.

(7) Дѣти Ростислава, сына Мстислава Ве-ликаго.

ли храбрая дружина рыкають, акы тури, ранены саблями каленыиши, на полѣ не-знаемъ? Вступита, г—на, въ златъ стре-мень—за обиду сѣго времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, буюго Святъ-славлича! Галички Осмомысле Яросла-ве⁽¹⁾! высоко сѣдиши на своемъ злато-кованцѣемъ столѣ. Подперъ горы Угор-ския своими желѣзными плѣкы, заступивъ королеви путь, затвори въ Дунаю ворота, меча бремены (*огромныя тяже-сти*) чрезъ облакы, суды рая до Дуная. Грозы твоя по землямъ текутъ; отворяеша Кіеву врата; стреляеша съ отня злата стола салтаны за землями. Стрѣлай, господише, Кончака, поганааго Коцей—за землю Рус-кую, за раны Игоревы, буюго Святъсавли-ча! А ты, буй Романе и Мстиславе⁽²⁾! храбрая мысль носить вашъ умъ на дѣло. Высоко плаваеша на дѣло въ буети, яко соколъ на вѣтрехъ ширяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти. Суть бо у ваю желѣзнии папорзи подъ шелома латинскими. Тѣи тресну земля, и многы страны хановы. Литва, Ятвязи, Деремела и Половци сули-ца своя повръгоша, а главы своя подклю-ниша подъ тыи меча харялужныя.

Нѣ уже, княже, Игорю утрѣтъ солн-цю свѣтъ, а древо не бологомъ листвіе ср-ни: по Рси и по Сули грады подѣлиша, а Игорева храбрааго плѣку не крѣсити. Донъ ти, княже, кличетъ и зоветъ князя на побѣду.

Олговичи, храбрыи князи⁽³⁾; достигли на брань, Ингварь и Всеволодъ, и вси три Мстиславича, не худа гнѣзда шестокрыл-ца, не побѣдными жребіи собѣ власти расхитисте? Кое ваши златыи шелома и сулица ляцкыя (*польскіе конья*) и щити?

(1) Сынъ Владиміра Володарича, по прозванію Осмомыслъ.

(2) Романъ Владиміро—волыньскій, сынъ в. кн. Мстислава; Мстиславъ—двоюродный братъ Романа, сынъ Ярослава Изяславича Луцкаго.

(3) Черниговскіе князья.

Загородите полю (*стеннякамъ*) ворота своими острыми стрѣлами—за землю Русскую, за раны Игоревы, буюго Святъ-славлича!

Уже бо Сула не течеть сребреными струями къ граду Переяславию, и Двина болотомъ течеть онимъ грознымъ Полочаномъ, подъ кликомъ поганыхъ. Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвони своими острыми мечи и шеломи литовския, притрепа славу дѣду своему Все-славу, а самъ подъ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ Литовекскими мечи и скоти ю на кровать... И рекъ: «дружину твою, княже, птицъ крылы приодѣ, а звѣри кровь полизаша». Не бысть ту брата Брячислава, ни другаго Всево-лода; единъ же изърони жемчужну ду-шу изъ храбра тѣла, чрезъ злато ожере-ліе. Уныли голоси, пониче веселіе. Тру-бы трубятъ Городеньскія.

Ярославе, и вси внуци Всеслави! уже понизите стягы своя, возните своя мечя верженны; уже бо выскочисте изъ дѣдней славы. Вы бо своими крамолами начясте наводити поганья на землю рускую, на жизнь Всеславию, которою бо бѣаше на-силіе отъ земля Половецкыя. На седьмомъ вѣцѣ Трояни врьже Всеславъ жребій о дѣвицу себѣ любу. Тѣи клюками подпрѣ-ся о кони, и скочи къ граду Киеву, и дотчеся стружіемъ злата стола Киевска-го. Скочи отъ нихъ лютымъ зверемъ къ плъночи изъ Бѣлаграда, обѣсися синѣ мѣглѣ, утрѣже возни стрікусы (*стѣнобитное орудіе*), оттвори врата Новуграду, раз-шибе славу Ярославу, скочи влъкомъ до Немигы съ Дудутокъ. На Немизѣ снопы стелють головами, молотятъ чепы хара-лужными, на тоцѣ животь кладуть, вѣють душу отъ тѣла. Немизѣ кровави брези не бологомъ бяхуть поствѣни, по-ствѣни костями Рускихъ сыновъ.

Всеславъ князь людемъ судяшо, кня-земъ грады рядяше, а самъ въ ночь влъ-комъ рыскаше; изъ Києва дорыскаше до

куръ Тмутороканя; великому Хрѣсам влъкомъ путь прерыскаше. Тому въ Пе-лотствѣ позвонша заутрепкою рано у сн-тыя Софіа въ колоколы: а онъ въ Києвѣ звонъ слыша. Аще и вѣща душа въ другѣ тѣлѣ, нѣ часто бѣды страдаше. Тому в-щій Боянъ в пръвое пригвѣрку смыс-ный рече: «Ни хытру, ни горазду, и птицю горазду суда Божія не минути.

О! стонати Рускѣи земли, помануи пръвую годину, и пръвыихъ князей! Тво стараго Владимира нельзѣ бѣ пригвѣдти къ горамъ Киевскимъ; сего бо нмѣ сташа стязи Рюриковы, а друзи Давид-вы; нѣ рози нося нмѣ хоботы пашуть.

Коніа поють на Дунаи. Ярославини (!) гласъ слышитъ: зегзицею незнаемъ, ра-но вычеть:

«Полечю, рече, зегзицею по Дунаи; омочю бербянь рукавъ въ Кагалъ рѣдъ, утру князю кровавыя его раны на жесть-цѣемъ (*твердомъ, мужественномъ*) еи тѣлѣ.» Ярославна рано плачетъ въ Пу-тивлѣ на забралѣ, аркучи: «О вѣтре, вѣ-трило! чему, господине насильно вѣши? Чему мычеша хановскыя стрѣлки на своеи нетрудною крильцю на моея лады (*му-жа*) вой? Мало ли ти бѣшетъ горъ ведъ облакы вѣяти, летѣя корабля на снѣ мори? Чему, господине, мое веселіе ш ковылю развѣя?» Ярославна рано плачетъ Путивлю городу на заборолѣ, аркучи: «О Дѣвпрѣ словутицю! ты пробилъ еси ка-менные горы сквозѣ землю Половецкую. Ты летѣялъ еси на себѣ Святослава но-сады (*суда, лады*) до плъку Кобякова (!): възлетѣи, господине, мою ладу къ мѣтѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ на но-ре рано.» Ярославна рано плачетъ въ Пу-тивлѣ на забралѣ, аркучи: «Свѣтлое и тресвѣтлое слънце! вѣтѣмъ тепло и красю

(1) Ярославна—Евросинья, дочь Ярослава Вла-диміровича Галицкаго, вторая супруга Игоря. (Бул.).

(2) Кобякъ—Половецкій ханъ, разбитый Иго-ремъ въ 1171 г.

«у, г-не, простре горячую свою лады вои? въ полѣ безводнѣ жа- зь луки съпраже, тугою нѣтъ тулы

ну море полунощи; идуть сморци
(1) мѣлами; Игоревн князю Богъ жеть изъ земля Половецкыя на тускую, къ отню злату столу. По- вечеру зарн. Игорь спить, Игорь Игорь мыслію поля шѣрнть отъ ве- Дону до малааго Донца. Ко- полуночи. Овлуръ (1) свисну за велить князю разумѣти: князю Иго- ыть. Кликну стукну земля; въшу- . Вежа ся Половецкыя подвизаша- горь князь поскочи горнастаемъ къ и бѣлымъ гоголемъ на воду; ся на брѣзъ комонъ, и скочи съ ынымъ вѣлкомъ, и потече къ лугу и полетѣ соколomъ подѣ мѣлами, гуса и лебеда завтраку, и обѣдѣ . Коли Игорь соколomъ полетѣ, туръ вѣлкомъ потече: труса собою росу: претръгоста (*надорва*— своя брѣзая комоня. Донецъ ре- же Игорю, не мало ти величїа, ку нелюбїа, а Русетїи земли

Игорь рече: «О, Донче! не и величїа, летѣвшу князя на стлавшу ему зелену траву на ребреныхъ брѣзѣхъ, одѣвшу его и мѣлами подѣ сѣнію зелену дре- жаше ѣ гоголемъ на водѣ, чай- струяхъ, чрънадымъ на вѣтрѣхъ.

ли, рече, рѣка Стугна худу ишѣя, пожрѣши чужя ручья, и остре на кусту? Уношу князю Ро- затвори Днѣпръ темны береги. я мати Ростиславля по уноши кня- славѣ. Уныша цѣтї жалобю, и угою къ земли прѣклонило.»

сорокы вѣстрокоташа: на слѣду вѣдитъ Гзакъ съ Кончакомъ. То-

гла врани не граахуть, галици помѣлко- ша, сорокы не трокоташа, по лозїю пол- зоша только, дятлове тектомъ путь къ рѣ- цѣ кажутъ, соловїи веселыми пѣсньми свѣтъ повѣдають.

Млѣвить Гзакъ Кончакови: «Аже со- колъ къ гнѣзду летить, соколнча ро- стрѣлаевѣ своими злачеными стрѣла- ми (1)». Рече Кончакъ ко Гзѣ: «аже соколъ къ гнѣзду летить, а вѣ соколца опутаевѣ красною дѣвицею.» И рече Гзакъ къ Кончакови: «аще его опутаевѣ крас- ною дѣвицею, ни нама будетъ соколца, ни нама красны дѣвица. То почнуть наю птица бити въ полѣ половецтвемъ.»

Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля пѣснотворца стараго времени, Ярославля, Ольгова коганя хоти: «Тяжко ти головъ, кромѣ плечю; зло ти тѣлу, кромѣ головы!» Рустѣи земли безъ Игоря. Солнце свѣ- титься на небеси: Игорь князь въ Рустѣи земли. Дѣвица поють на Дунаи. Вьються голоси чрезъ море до Києва. Игорь ѣдетъ по Боричеву къ святѣи Богороди- ци Пирогошей, страны ради, гради ве- сели.

Пѣвши пѣснь старымъ княземъ, а по- томъ молодымъ ишѣи слава: Игорю Свя- тьславлю, буй туру Всеволоду, Влади- мїру Игоревичу: «Здрави князи и дру- жина, побарая за христьяны на поганья пѣтки! Княземъ слава, а дружинѣ амни!»

(Сказ. Р. Н. Сахар. т I).

330. Сказанїе о нѣкии Половчїи.

Бѣ нѣкїи человекъ цѣломудренъ и смы- сленъ въ славнемъ градѣ въ Києвѣ, ишѣя вѣру велику и любовь ко св. Ни- колѣ, и не вѣмъ, кою притчею сѣдѣше у него Половчїи все лѣто желѣзы око

и Половчїи, помогшаго Игорю бѣжати.

(1) Соколъ—Игорь, Соколнчъ—сынъ его Вла- димїръ.

ванъ; во единъ же отъ дней глагола ему крестьянинъ: »доколѣ хочещи сидѣти у мене? дай на себѣ искупъ и отпущю ты въ землю твою.« Онъ же рече ему: — аще мя отпустиши, принесу ти искупъ; аще ли мя держиши, не имѣю, что ти дати.—Христіанинъ же рече ему: »дай по себе поруку; отпущю ты.« Половчинъ же рече ему:—ты самъ вѣси, яко нѣсть кто въ Руси поручаяся по мнѣ!—И глагола ему христіанинъ: »Хочещи ли дамъ ты на поруку св. Николѣ?« Онъ же рече:—не знаю его, ни онъ мене; то како поручиться по мнѣ?—Христіанинъ же веде его въ церковь, и показа ему икону св. Николы, глаголя: »хочещи ли, сему ти дамъ на поруку?« Половчинъ же рече съ радостію:—хощю; аще мя пожалуете и все привезу, имъ же долженъ есмь тебѣ!—Мняше бо яко ничтоже въ Руси вѣра чловѣка того, еже ко св. Николѣ. Дивно бо есть, братіе, како не смятеся, пущая сего пленника; ни помысли въ сердцѣ своемъ: принесть ли ему искупъ или не принесть! Но едвно во умѣ имѣ порученіе св. Николѣ — и не имать погнунти. И си рекъ чюдный мужъ, отпусти плѣнника, давъ ему одѣвие и потребу на путь доволну, и на конь свои всадивъ и обязъ давъ, рече ему: »брате, не мози солгати, ему же ся еси обѣщаль принеши искупъ или прислати; аще ли же солжеша, извѣсто ти буди: не имаша убѣжати руки поручившагося по тебѣ.« Онъ же рече: — створю все, о немъ же глаголеши.—И си рекъ, поклонивъся поѣде. Едуще же путемъ, злу мысль во сердцѣ смысливъ, глаголаше: нѣсть смысла востину въ Русинѣ семъ, еже мя предаеть образу на поруку, на дскѣ написану, Николѣ нарицаему, что ми можеть створити? нынѣ бо не вижду его, ни онъ мене! како бо можеть доска ходити или ѣздити? аще бы и велику чловѣку далъ мя на поруку, и того въ своей земли не боюся, ни искупа дамъ!

И ту мысль имѣа, пріѣха въ земли домашніи же его мнѣша такоже, я ума отпущена; а не вѣдуци силы и чудеси св. Николы; безумніи гордящися суетнымъ богатствомъ, шавши у него, не боятися ему своего поручника, мнящи яко игру бывши, самѣ безумни во игрѣ не о семъ.

Мало же дней мину, явился ему ный и неложный и незамедленный мощникъ и поборникъ христьяном вел. Никола, глаголя: »Знаещи ли друже?« Половчинъ же рече: — Кто ты еси? И глагола ему св. Н »не азъ ли поручихся по тебѣ, пр было ти искупъ христьянину ономъ же что ради медлиши? Се глагол повези на себѣ искупъ, да бѣди створю!« И си рекъ, невидимъ Половчинъ же дивися явленію, ничтоже суть—и скоро забы. Еднъ вездѣ на конь поѣха на полѣ, имъ св. Никола, и исторже съ коня, трясе имъ, глаголя: »не рехъ л окаяние, повези на себѣ искупъ хр нину оному, яко данъ ми еси имъ руку; и вскорѣ забылъ глаголанное и се еще ти глаголю: пожалуй себе повези на себѣ искупъ; аще ли забуд то узриши, что ти будетъ отъ мене

И си рѣкъ св. Никола къ нему, димъ бысть. Половчинъ же той вѣ конь, поѣха въ домъ, на сердцѣ мысль повѣсти скоро искупъ, имѣ каку болезнь отъ втораго явленія св колы; и бывшио ему во мнозѣ шти! скотскомъ житіи, забы и то, ни мимо шло и ничтожь ему будетъ, и и нынѣ мнозихъ видимъ: аще и ж божій свѣдять, егда найдеть бы на нихъ или бѣда велика, молятся і ви со слезами и на помощь приши попы, и мниси и нищии, глаголющ сподіе, помолитесь о насъ, да пом ны Богъ васъ ради; тацѣ уже не б

жкѣ) же нынѣ, но нынѣ обычайъ, иже богоугодно. Разумѣваемъ, е мятемся въ житиѣ семъ; егда гь намъ Богъ тѣхъ молитвами, къ е вѣру приложивша, тогда забудуть, полечить имъ, еже ркоша въ боли въ бѣдѣ молящеся: и здрави быхъ озлобляютъ, иже призываша гтву, не знающе ихъ творятся, а ихъ гнушаются и возрети, яко безсотворшя. Такожъ и сей поганій нъ, егда потрясе имъ явивъся св. тогда убояся его; егда же мину о дней не являяся ему, тогда онъ

ли же потомъ за мало днѣй при сонму быти княземъ ихъ и вель, съѣхавшимся мнозѣмъ, и тому ну туже прѣхавшю, и егда ставкони въ сонмищи съ ними, сторсъ коня сила Божія невидимая, зрацимъ и видающимъся, нача терпорѣвати его, глагола: «не рѣхъ окаянне, повези на себѣ искупъ, орѣе ти сего будетъ; онъ бо хрѣтъ теплою вѣрою прибеже ко мнѣ, рже печаль свою на мя, то како гѣти его въ печали той; ты же, иѣ варваръ, гордый, не помяну мочученія, ни убояся суда божія, иже ая тя скоро, ни моего перваго и явленія! И се нынѣ уже въ трелхъ ти ся, терпѣнне (*терпи же?*) и за преслушаніе!»—Страшно же іратіе, видети мученія его: овогда главою потченъ о землю, овогда же гла възхыщенъ и о землю разраинюгда же бѣше глава его между о, и ктому невидимо аки батоги го сила божія, одинако глаголюовези на себѣ искупъ христіанину . Около же его стоящій всѣ разя; онъ же лежаше аки мертвъ. и же повѣдаша, ѣхавши, роду его мученіе то надъ нимъ, онѣже, прѣзаяша его ель жива. Многи же дни

лежа не могли глаголати, но яко отъ сна возбнувъ и брашна вкусивъ, укрѣпился, и повѣда роду своему вся бывшая: 1-е явленіе и 2-е св. Николы, и казнь и глаголаніе. Онѣ же, ничтоже вѣдуци бывшаго ему, нынѣ слышавши, начаша гнѣватись нанъ, сице глаголюци: «кто тако безуменъ, якоже ты? Видивъ явленіе 1-е и 2-е поручника своего и не убояся, ни повѣда намъ; мнихомъ бо якоже прежъ глагола намъ: кому мя да на поруку? безъ ума данъ есмь Богови русскому!» Онѣ же рече имъ:—ей не самому Богу, но *святцю* его Николѣ!—Онѣ же рѣша ему: «аще не Богу ихъ, но служи его; не вѣси ли яко великъ есть Богъ русскій и дивна чюдеса творить; то великіи слуги его; не токмо самъ дѣеть преславная, но и тѣ слуги его, аще бо бѣда кая—любо отъ насъ бываетъ имъ, то глаголють: за грѣхи наша Богъ не помагаетъ намъ; аще бы имъ помоглъ, то ни единъ бы насъ осталъ отъ нихъ! Ты же, безъ ума не убояся Бога ихъ и святца того, вижь, что еси приобрѣлъ еси! Аще нынѣ не повѣдеша со искупомъ въ Русь, то отъиди отъ насъ, и единъ погини, да и мы съ тобою казни не примемъ».

Половчинъ же той убоявъся, то слышавъ отъ нѣхъ, ни мало пождавъ, повелѣ работъ своимъ нарядитися и стадо коней отлучити, имъ же бѣше дати искупъ, и малое стаде къ тому прилучити, еже дати отъ порученія св. Николѣ, дабы уже не мучилъ его; бѣше бо богатъ зѣло. И тако скоро поѣха на Русь съ конми тѣми и не токмо искупъ пригна господину своему, но и боле бояся поручика своего, нашего поборника вел. помощника св. Николы. Егда же пригнася ко граду Киеву, не ѣха на дворъ, идѣже бѣ сѣдѣлъ у господина оного, но ѣха преже ко церквѣ св. Николы, идѣже бѣ данъ на поруку ему, и слѣзъ съ коня, далече пѣшъ приде, ведши за собою малое оно стаде

коней, и вшедь въ притворъ, узрѣ икону оу св. Николы, сице со слезами падъ на землю рече:—Не мучи мене, господи мой, поручице, святче божій Николо, се искупъ весь пригнавъ християнину твоему и тебѣ нечто мало отъ порученія, да не гнѣзаешися на мя; понеже хотѣхъ солгати и не добро ми бысть.—И се изрекъ и кони отдавъ іерѣю тоя церкви, поѣха ко господину своему, и пригнавъ на дворъ его большее стадо коней, поклонивъся рече ему:—Се искупъ мой, господи, а у поручника быхъ уже!—И сказа ему все по ряду бывшее. Християнинъ же той, се слышавъ, и видивъ, ужасеся сердцемъ и удивися о преславнемъ семь чудесе, и скоро вставъ, тече въ церковь св. Николы, и падъ предъ образомъ его, многи слезы пролія, хвала милосердіе его, глаголаше: »Что ти принесу, святче божій, за вся, яже ми воздалъ недостойному рабу твоему; твоихъ бо даровъ весь есмь обилень, имѣяи бо ты широту царства небеснаго, и намъ оттуди даровавъ дары; мы жъ точию сія ти приносимъ, удывляемся твоей милости. Хвалимъ твоя щедроты, блажимъ твое заступленіе!»—И такую умножену створивъ молитву къ св. церкви его, иде въ домъ свой, и созва весь родъ свой, и племя и други, и сусѣды своя, глаголя: «срадуйте ми ся, яко удивилость свою на мнѣ убозѣмъ святитель христовъ Николасе!»—И сказа имъ все по ряду, еже створи Половчинъ; онѣ же вси слышавши се, яко едиными усты похваляша глаголюще: »дивень Богъ во святыхъ своихъ, творяи чудеса святыми своими!» Боголюбивый же той мужъ створи праздникъ честенъ св. Николѣ, яко же на память его творити чрезъ ночь стояніемъ и пѣ-

ніемъ, попы же и мнишь на обѣдъ и нищя милостынею учреди.

(Памятн. старин. рус. мн 71—73).

Это сказаніе получило начало отъ дотатарскія и составляетъ драгоцѣнный мѣтчикъ для исторіи. Изъ этой мнѣ видимо, что во время борьбы и русскаго населенія съ Половцами, и держали въ жельзакъ попадавшимъ ныхъ и отпускали ихъ за выкупъ. И мнѣ смотрѣлъ на пойманнаго Пана какъ на доходную статью. Все бытъ степныхъ народовъ состояло изъ стабуновъ. — Поручительство у Рус издавна было юридическимъ обычаемъ бено клятвы предъ иконой служилъ томъ върности общинамъ. За поручство обычай требовалъ приносити и рѣальную благодарность. Древній ири обычай требовалъ всякаго человека, и ключал имовѣрца и должника, напри напоить и надѣлать остьми нужнии дорогу. Такъ отпускалъ Владимиръ и вѣдника Бруно къ Печенѣгамъ. (Рук. 1856 г. кн. 1, отд. 2, стр. 4—5).

Изъ этого сказанія видны иныи черты внутренняго быта Половцевъ, напр. ихъ свѣзды на совыщаніи; и важно то значеніе христіанской рели русскаго цивилизаціи, которое обнаружилось въ средь степныхъ варваровъ. И въсь русскіе инородки и досель имъ особенное уваженіе къ святителю Пани такъ и Половчинъ и его семейство и сятся къ нему съ почитеніемъ.

Самое важное достоинство «Сказанія Половчинъ» заключается въ живомъ и иженіи крѣпкой простодушной въри русскаго человека.

О борьбѣ съ Половцами см. въ Вѣнни Мономаха. Сначала Половцы ст нападали на Русскихъ, потомъ породѣ князья половецкіе съ русскими и ст принимали православную въру.

Объ Уцахъ и Половцахъ. П. Фр. Сум. Общ. Ист. 1848 г. № 8, III, 15. О Пани Ж. М. Н. Пр. VI, 178. Торжк. Берендѣи и ние Клобуки. Н. Самчевскаго. Архивъ Им. кн. 2, 1, отд. III. 83—106. Толкованіе Половецкаго. Москвит. 1850, Ч. 7—9. X. 1

2. ВОЛЖСКІЕ БОЛГАРЫ.

31. Сношенія и борьба съ Болгарами.

а. 6514 (1006). Прислали Болгары *мекіе*) пословъ съ дары многими, да Владимиръ позволилъ имъ въ городахъ Волгѣ и Окѣ торговать безъ опасенія, что имъ Владимиръ охотно соизволялъ, алъ имъ во всѣ града печати, дабы вездѣ и всѣмъ вольно торговали, и кіе купцы съ печатями отъ намѣстовъ въ Болгары съ торгомъ ѣздилы въ опасенія, а Болгарамъ всѣ ихъ товары продавать во градахъ кунцамъ, и нихъ купить что потребно, а по себѣ не ѣздить тиуномъ вирникомъ, огневѣ и смердинѣ продавать, а отъ нихъ купить. (*Ист. російская В. Н. Мищевъ. Кн. II, 88 — 89. М. 9*).

Сим Болгары довольно видно, koliko ослахъ и кучечествѣ прилежали, что въ ю чрезъ Персію, чрезъ Россію на сѣверъ Швецію и Данію, чрезъ Черное море до іта, для торгу ѣздить не гнѣвились... Не (но имъ было магометанской законъ имѣть. *въ же примѣч. 173. 208*).

) Въ то же лѣто (1164) иде князь рѣи на Болгары, съ сыномъ своимъ славомъ, и съ братомъ своимъ Яроомъ, и съ муромскимъ кн. Гюргемъ: оможе имъ Богъ и св. Богородица на гары, самѣхъ неѣкоша множество, а ы ихъ поимаша, и одва въ малѣ друѣ утече князь болгарскій до велигорода; князь же Ондрѣи воротися побѣдою, видѣвъ поганя Болгары ты, а свою дружину всю сдраву. іху же пѣши съ св. Богородицею на ищѣ, подѣ стагы: и прѣхавъ до св,

Богородици кн. Андрей, съ Гюргемъ и со Иязславомъ и съ Ярославомъ, и со всею дружиною, ударяща челомъ передъ св. Богородицею, съ радостью великою и слезами хвалы и пѣсни въладающе ей, и щедше взяша градъ ихъ славный Брахимовъ, а переди 3 города ихъ пожгоша. Се же бысть чудо новое св. Богородици Володимерское, юже ваялъ баше съ собою благовѣрный кн. Андрѣи, и принесть ю съ славою, постави ю въ св. Богородицѣ Володимери въ Золотоверстѣи, идѣже стоять и до сего дне. (*Лавр. 150—151*).

в) Тое же зны (1172) посла князь Андрѣи сына своего Мстислава на Болгары, и муромскій князь сына своего, и рязанскій князь сына своего; бысть не любъ путь всѣмъ людемъ снѣ, зане непогодье есть знѣ воевати Болгаръ, и пондуче не идяху. Бывшю же кн. Мстиславу на Городьци, совкульшиюся со братама своимъ, съ муромскимъ и съ рязанскимъ, на усть Окы, и ждаша дружины 2 недѣли, и не дождавше ѣхаша съ переднею дружиною, Борису Жиди-славичю воеводѣ въ то время нарядъ весь держацию и выѣхаша въ поганя безъ вѣсти, взяша селъ 6, самое городъ, мужи неѣкоша, а жены и дѣти поимаша. Слышавше же Болгаре въ малѣ дружинѣ кн. Мстислава пришедша, идуща опять съ полономъ, досиѣша вборцѣ и поѣхаша по нихъ въ 6000, за малымъ не постигоша ихъ за 20 верстѣ, кн. Мстиславу на устьи съ малою дружиною, а всю дружину пустившю отъ себе; и възврати отъ него Богъ поганя Болгары, хрестьяны покрывъ рукою своею. Слышавше бо наши се, прославиша Бога: заступи бо

очивѣсть (*очевидно*) отъ поганыхъ св. Богородица и хрестьянская молитва; поганіи бо възвратишася вспать, а хрестьяне хваляще Бога, възвратишася всвою.

(И. С. Лѣт. I, 155).

332. Поѣди надъ Болгарами 1183.

Болгары Волскіе съ бѣлою Русью имѣя непрестанной торгъ, множество привозили, яко жить, тако разныхъ товаровъ и узорочи, продавая въ городахъ рускихъ по Волгѣ и Окѣ; но Рускіе многіе собрався тайно по Волгѣ кушцовъ болгарскихъ грабили, а потомъ по Волгѣ сѣла ихъ и городá разоряли, о чемъ Болгары два раза присылывали Всеволода о управѣ просить; но повеже люди тѣ были Рязанцы, Муромцы и другихъ городовъ не вѣдомые, не могъ Всеволодъ ни какой управы учинить, только во всѣ свои области послалъ запрещеніе, чтобъ такихъ разбойниковъ лоя приводили, а ловить ихъ по Волгѣ не послалъ, чемъ Болгары озлобясь, собравъ войска великія, пришли въ лодіахъ по Волгѣ къ берегамъ въ области бѣлорускія, которыя около Городеца, Муромы и до Рязани великое разореніе учинили (1183), и войска посланныя противъ ихъ не могли для множества ихъ оборонить, даже сами, набравъ множество въ плѣнъ людей и скота, возвратились. Всеволодъ вельми оскорбся симъ, и желая Болгарамъ отмстить; но единъ не надѣялся своими войска достаточно учинить, послалъ въ Кіевъ ко Святославу, объявля ему о томъ учиненномъ отъ Болгаръ разореніи, и просилъ его о помощи, написавъ ему тако: »Отче и брате! Се Болгары сосѣди наши, народъ безбожный, суть вельми богаты и сильны, нынѣ пришедъ по Волгѣ и Окѣ, яко же и коньми, съ великимъ войскомъ, многіе города разорили, людей безчислено

плѣнили, которымъ единъ противъ не могу, наипаче, что рязанскіе между собою братья, имѣя вражду; друга воюють свои области разорити Руской землѣ отечествѣ нерадъ Половцовъ же призывать не хочу, они съ Болгары языкъ и родъ е, опасаяся отъ нихъ измѣны, ниже чтобъ они за мое саблюю плѣнъ набравъ ко вреду Русской земли увалкъ; того ради прошу у тебѣ пришлеть ко мнѣ во помощь доста войско, сколько самъ заблагоразсудити, а когда тебѣ на иновѣрныхъ помощь треба, я не облѣнюся самъ ити, всѣ мои войска тебѣ послать».

Святославъ принявъ сіе запелезнь отвѣчалъ послать: »Дай Боже! намъ во дни наши въ братіи имѣть бовъ и тишину, а на нечестивыхъ вать обще». И немедленно послалъ Всеволоду сына своего Владимира съскомъ, такожъ писалъ ко всѣмъ брѣи и сыновцамъ, которымъ Ярославъ чговскій и Игорь сѣверскій присовоку свои полки съ воеводами, а Изкперяславскій самъ пошелъ, Давидленскій послалъ сына Мстислава.

Наступившей веснѣ пришли всѣ рускіе къ Окѣ, а оставя войска въломнѣ, Рагислави и Борисове и насады (*струга*) готовить, а князи хали въ Владимиръ: Изяславъ Глѣберяславскій, Владимиръ Святосламанъ и Игорь Глѣбовичи смоленскіе, димиръ муромскій, которыхъ князъ принялъ съ любовію и честію, и валъ съ ними 5 дней, доколѣ получилъ извѣстіе, что войска суда изготовили по Окѣ къ устью Клязьмы, и въ день, маія 20, самъ Всеволодъ со князи поѣхалъ въ Городецъ, гдѣ войска были готовы: другіе пошл Клязьмѣ, и всѣ совокупясь на усть войска конныя отправили полемъ съ

сами пошли внизъ по Волгѣ. Или шли Изяславъ Глѣбовичъ и ирѣ Святославичъ, позади рязанскій и муромскій и смоленскій съ вѣнцами въ срединѣ; и тако приплыли къ острову, называемому Сады, на устьи Цевцы іунія 8 дня: тутъ вышли впередъ, понеже войска конныя тутъ ожидались, и оставили на томъ островѣ лодии и насады, да при оныхъ. Оному Назаревича съ Бѣлозерскимъ полкомъ, да Дорожая, которой служилъ княгинѣ Ольгѣ галицкой, и ихъ начальниковъ, сами пошли на островъ въ землю Болгарскую; Мордва же по слову Всеволодомъ учинили, и приволокли войско всякіе запасы продавать. Когда пришелъ ко граду серебряный Болгарь, сталъ у Тухчина городка, бывъ тутъ два дни, послалъ напередъ разъѣздъ къ великому городу, а вѣнцы самъ пошелъ. Разъѣздъ же пошелъ въ сторонѣ полкъ стоящей, думая, что Болгары идутъ, стали приуготовляться къ бою, но вскорѣ отъ него пришли 5 человекъ, и объявили о себѣ, и присланы отъ князя половецкаго, которой увидавъ, что князь вѣнцы съ войскомъ на Болгары, общихъ людей, пришелъ здѣсь, велѣлъ спросить: ли вамъ непротивно, то онъ имъ обще пойдетъ? Князь вѣнцы созвавъ всѣхъ и вельможъ совѣтовалъ, имъ отвѣтъ дать, и положили на то, что взявъ отъ нихъ роту, велѣлъ близъ полковъ русскихъ, что они учинили, и пошли вкупѣ къ великому городу. Перешедши же Черемисъ къ великому городу, и въ перемѣну устроивъ полки, стали совѣтывать, что дѣлать; ибо чали Болгаръ встрѣтить полкъ, но оные всѣ заперлися идти, и предъ градомъ укрѣпила оплокрѣпкимъ, стали со всѣмъ войскомъ въ

Исславъ Глѣбовичъ переяславскій, бу-

дучи въ передовомъ полку, хотѣлъ первый опытъ учинить, видя пѣхоту болгарскую предъ оплотомъ стоящую, вооружа полкъ свой, пошелъ прямо ко граду, и приближась напалъ на оныхъ такъ мужественно, что оные потерявъ немало людей, принуждены были уйти въ оплотъ, и гналъ ихъ до самыхъ вратъ рубя и пѣня. Тутъ ударенъ былъ Изяславъ стрѣлою сквозь броню подъ сердце такъ тяжело, что уже принуждены его на рукахъ въ станъ отнести. Сіе учинило великую печаль Всеволоду, и всѣмъ князьямъ, паче же всему войску, зане храбрости его ради и добраго въ войскѣ распорядка у всѣхъ любимъ и почитаемъ былъ.

Въ то время Болгары собравъ совѣтъ окольныхъ городовъ и предѣлъ *Кусяне, Себи, Елмата*, такожъ называемые *Мстили дюдичи* болѣе 5000, пошли въ лодяхъ къ острову, гдѣ стояли насады рускіе, и изъ Тордеса пришли ко оному жъ конницею, и пришедъ вышла на островъ прямо на Рускихъ воишою, яко пожрени хотя; воеводы же рускіе, устроивъ полки своя, не хотѣли ожидать во окопѣ сдѣланномъ, разсудя, естли они въ одномъ мѣстѣ въ окопѣ прорвутся, то всѣ придутъ въ смятеніе, пошли прямо противъ ихъ брегу. Болгары увидя войско, чего не чали, съ великимъ смятеніемъ не учиня бою, побѣжали къ своимъ дощеникамъ оставленнымъ, а Рускіе за ними погнавши, рубили ихъ и кололи, мало живыхъ брали. Оные прибѣжавъ къ Волгѣ, метались въ ихъ дощаники, и тутъ многіе тонули; дощаники бо отъ множества сѣдшихъ людей тонули и опрокидались, гдѣ ихъ болѣе 2000 потонуло, и едва половина отъ всѣхъ въ дома возвратилась.

Князь вѣнцы стоялъ около града серебряныхъ Болгаръ 10 дней, и выслалъ князя болгарскій вельможъ просить о ирѣ. Всеволодъ, видя сыновца Изяслава ирѣ-

могающа, учивши съ Болгары миръ, ваявъ отъ нихъ дары многіе, паче же Русскихъ, бывшихъ въ плѣнѣ, сколько они имѣли, всехъ освободилъ, а которые ѿдалъ развезены, обещали войтъ отпущити, и потому со вешии войски поплы наки ко острову, гдѣ стояли насады, не вѣдая, что Болгары на оныя приходили и погибли; но пришедъ уже о томъ увѣдали, и весьма радовались о сугубой неприятелей побѣдѣ, и воздали хвалу Господу Богу; но радость та на утрѣ превратилась въ тяжкую печаль. Ибо преставиши Изяславъ Глѣбовичъ, котораго положи въ лодію отправили на скоро во Владимиръ, и емъ Всеволодъ возвратился въ насадахъ, а конницу отъ рѣки Суруи (мысль Сура) спустилъ берегомъ на Мораву, которые идущимъ на нихъ за Всеволодомъ вредъ дѣлали, и людей побилъ. Оныя воеводы пришедъ въ Моравскую область, много селъ ихъ до рѣки Цны разорили, и со многими полоножъ возвратились. Всеволодъ пришедъ во Владимиръ, велѣлъ Изяслава погребсти у св. Богородицы.

(Ист. Рос. В. Н. Татищева 1774 г. III, 248—252).

О томъ же П. С. Лѣт. I, 164—165, подъ 1184 г. и 169.

333. Отношенія къ Болгарамъ.

а. Въ лѣто 6728 (1221). Георгій в. князь, сынъ Всеволожъ, посла брата своего Святослава съ полки и воеводами на безбожнныя Болгары. И яко приде Святославъ подъ градъ ихъ Ошель, и изидоша изъ лодыи вси полци пѣши, видѣвши же си безбожнныя Болгаре, скоро доспѣвши, ови на конихъ, а друзіи пѣши, устремившася на бой и изидоша изъ града противу; наши же, силою креста честна-

го укрѣплены, подоша проти ствляюще ѿ, они же забѣгли за и бяхутся крѣпко, наши же | плоть, вбиха ѿ въ градъ и | нихъ врата, и зажгоша градъ | взяша ѿ на щитъ. И повоже Бо | тославу и. іюня въ 15 день, въ | св. Амоса. (П. С. Лѣт. I, 18

б. Того же лѣта (1229) стра- ваго мученика Христова, его и | ша Болгаре въ Великомъ градъ | съ бысть много языка не Рускаго, | лѣтъ же сы, ивѣнше ивѣнше ни | стешбу (торюлю) дѣла по | вине въ Болгарьскій градъ, | емше нудина и много днѣй, лас | и прещеньши (уровали), от | Христа и вѣры хрестьянския, отъ | покориася, но вся оставивъ, изы | умрети за Христа; усъченъ бы | апрѣля въ 1 день, ѿго же русъ | лѣтъ взяше тѣло положиша въ гробъ | же вси хрестьяне лежать и стори | милость вскорѣ, за кровь его, по | него большая половина города Ва | а потомъ оставшая часть загоръ | днемъ дважды и трижды; также и | по много дни, мало остана города, | погорѣ, и товара погорѣ множест | числено, за кровь мученика Хри | Того же лѣта Саксини и Половци | гоша изъ низу къ Болгаромъ пере | тары, и сторожеве Болгарьскыи | гоша, бѣени отъ Татаръ близъ рѣ | же имя Яикъ.

в. Въ лѣто 6738 (1230), и | та въ 9 день, 40 св. Мученикъ, | несенъ бысть Христовъ мученикъ | мій новій изъ Болгарьское земъ | славный градъ Володимерь, его | гаре въ минувшее лѣто, и. апрѣль | день, много мучивше нудаше отъ

(1) Плоть, оплоть, плотины, стѣны.

ченя, онъ же не отвержеса, но оставль имѣнье свое, усѣченъ бы, яты быша мощи св. страстотерпца мья, и принесенъ бывъ въ Володи-, и в. кн. благочестивый Георгій те ѿ передъ городомъ за версту, съ кою честью, съ свѣщами, и епископъ юванъ со всемъ клиросомъ и со ены, и княгини съ дѣтьми, и вси е; и положенъ бысть въ церкви св. родица, въ монастыри великыѣ Кня- Всеволожіѣ. (П. С. Лѣт. I, —193).

Въ 1236 г. пришедше безбож- Татарове, поплениша всю землю рускую и насѣкоша всѣхъ мужей, женъ гоѣ, а прочихъ въ полонъ взяша.

(Никон. л. годъ 1236 г.).

Битва съ Болгарами и кыпчакскими Татарами.

ю же зныи (1376) посмалъ кн. в. рей Ив. кн. Дмитрей Мих. Волын- ратию на безбожныя Болгары, а Дмитрей Конст. суздаѣскій посла своа кн. Василя и кн. Изана, съ же боаръ и воя многи; и приидоша юлгаромъ въ вел. говѣніе, марта 16,

въ понед. на Вербной недѣли. Поганіи же изыдоша противу ихъ и сташа на бой, и начаша стрѣляти, а нини въ города громъ пушаху страшаше Рускіе полкы, а нини изъ самострѣловъ стрѣляху, а друзи на вельбудехъ выѣжжаша, полошаше кони Рускіе; они же никако же сего страшахуся, но крѣпко сташа противу на бой, и устремишася единодушно на нихъ, они же окаянни побѣгоша въ градъ свой, и погониша Русь по нихъ, бьюще ихъ, и убиша ту бесерменъ 70. Кн. же Болгарскій Асанъ и Махметъ салтанъ добиша челомъ вел. князю и тестю его кн. Дмитрію Костянт. двѣма тысячма рублевъ, а ратемъ ихъ трема тысячма рублевъ, а дарагу (пошлинника) и таможника посадиша князя вел. въ Болгарехъ, и отъидоша прочь, много зла створивше поганымъ, суды ихъ и села и зимищи пожгоша, а людей изсѣкоша.

(П. С. Лѣт. VIII. 24—25).

Волжскіе Булгары В. В. Гурьорьева. Библ. для Чт. 1836, т. 19, 1—32. О Булгарахъ. М. Гастева. Вѣст. Евр. 1827, ч. 156. № 21. 40. № 22. 102. Кеппена. Ж. М. Н. Пр. ч. XII, 64. Створн. Архивъ ч. 27, № 9, 47. № 10. 126. № 11. 210. Библ. для Чт. 1847. LXXXII, 41—66. Френа: Die ältesten Arabischen Nachrichten über die Wolga-Bulgaren. Mem. de l'Acad. Imp. des Sciences de St.-Petersb. VI serie, t. 1. Ж. М. Н. Пр. ч. 49. 1846 г.

3. ТАТАРЫ.

335. Битва при Калкѣ послѣ 1227 ⁽¹⁾.

По грѣхомъ нашимъ, придоша языцы незнаеми, при Мстиславѣ князѣ Романовичѣ, въ 10-е лѣто княженья его въ Кіевѣ. И приде неслыханная рать, безбожнии Моавитяне, рекоміи Татарове, ихже добръ никтоже вѣсть ясно, кто суть и отколѣ придоша, и что языкъ ихъ, и котораго племени суть, и что вѣра ихъ; и зовутъ ихъ Татары, а инии глаголютъ Таурмени, а друзіи Печенѣзи, инии же глаголютъ, яко же се суть, о нихъ же Меовдій епископъ Патаромскій свидѣтельствуеть: яко сіи суть вышли изъ пустыни Етравьскія, сущи межи востокомъ и сѣверомъ, ко скончанію времени явитися имъ, яже загна Гедеонъ, и поплѣнять всю землю отъ востока и до Ефранта и отъ Тигръ до Понтійскаго моря, кромѣ Еѳіопія. Богъ же единъ вѣсть ихъ; но мы здѣ вписахомъ о нихъ памяти ради русскихъ князей и бѣды, яже бысть имъ отъ нихъ. Слышахомъ бо яко многи страны поплѣниша, Ясы, Обезы, Косагы; и придоша на землю Половетьскую, Половецъ же ставшимъ, а Юрьи Кончаквичъ бѣ бо лише всѣхъ Половецъ, не може стати противу лицу имъ. Бѣгающе же ему, Половци же не могоша противися имъ, побѣгоша до рѣкы Днѣпра безбожнии Половци, а иныхъ загна по Дону и въ лукоморя (*излучина, заливъ моря*) и тамо изомроша, убиваеми гнѣвомъ божьимъ и пречистыя его Матере; много

⁽¹⁾ О томъ же въ П. Собр. Лѣт. I, 189; II, 163—165; III, 39—41; VII, 129—132.

бо тѣ Половци зла створиша Русѣи или, того ради всемилостивый Богъ, тѣмъ погубити безбожния сыны Измавы, Куманы, яко да отмстити къ крестьянскую и еже бысть надъ и безбожними, побѣдиша и Татары, и языкъ 7. И придоша всю страну маньску, и придоша близъ Руси, а танъ съ иными князьями и со оставъ Половецъ прибѣгоша, идѣже зовется Половецкый, а Данилъ Кобяковичъ Урій убьена быста, а инии Половци и зи разбѣгошася въ Русскую землю. Иже Котянъ бѣ тесть Мстиславу Мстивичю галичскому, и приде съ покломъ съ князи половетьскими въ Галичь князю Мстиславу, къ зятю, и ко всѣмъ княземъ русскимъ, и дары принесе игы, кони, вельбуды, и буйволы и дръ и одари князей русьскихъ, а ркучи тѣ «нашу землю отъяли денесь, а вашу утра возмутъ пришедъ, побороните на аще не поможете намъ, мы нынѣ не чени будемъ, а вы наутрѣи иссѣчени дете.» И помолися Котянъ зятю съ о пособьи, Мстиславъ же нача молити княземъ русскимъ, братьи своей, ре «аже мы, братіе, симъ не поможе то си имутъ предатися имъ, то и болши будетъ сила;» и тако думше много, и яшася пособити Котяню, и ленія слушае князь половетьскихъ. Бѣ шу съвѣту всѣхъ князей въ градѣ Кіевѣ, и створиша съвѣтъ сице: «абы ны есть пріять я на чюжей земнежели на своей;» и начаша воевати которыйждо свою власть. Тогда бо Мстиславъ въ Кіевѣ, а Мстиславъ Ізельскый въ Черниговѣ, а Мстиславъ

Галичѣ, то бо бѣаху старѣишины въ Русской земли, князя же великаго Юрья суздальскаго нѣту въ совѣтѣ томъ; се же пакы младіи князи: князь Данило Романовичь, князь Михайло Всеволодичь, князь Всеволодъ Мстиславичь кievскій, и нѣи мнози князи, тогда же князь половецкій крестися Басты, Василя же не бѣ, въ Володимери младѣ. И совокупивше землю Русскую всю противу Татаромъ, и приидоша къ рѣцѣ Днѣпру на Зарубъ къ острову Варезьскому. Тогда увѣдавше Татарове, что идутъ князи русскіи противу имъ, и прислаша послы къ княземъ русскимъ: »се слышимъ, оже противу намъ идете, послушавше Половецъ, а мы вашей земли не заяхомъ, ни городовъ вашихъ, ни селъ, ни на васъ придохомъ; но придохомъ, Богомъ поупущени, на холми наши и на конюси свои, на поганыя Половци, а возьмите съ нами миръ, а намъ съ вами рати нѣту; оже бѣжать къ вамъ Половци, и вы бейте оттолѣ, а товаръ емлите себѣ, занеже слышахомъ, яко и вамъ много зла творять, того же ради мы ихъ отселѣ бьемъ.« Князи же русскіи того не послушаша, и послы татарскыя избиша, а сами поидоша противу имъ, и не дошедше Олешья, и сташа на Днѣпрѣ; и прислаша Татарове второе послы, глаголюще: »аще есте послушали Половецъ, а послы наши есте избили, а идете противу намъ, то вы поидѣте; а мы васъ не зачаемъ ничимъ, то всѣмъ намъ Богъ,« и отпустиша послы ихъ. И прииде ту вся земля Половецкая и вси ихъ князи, а изъ Кіева князь Мстиславъ со всею силою, а изъ Галича князь Мстиславъ со всею силою, Володимеръ Рюриковичъ съ Чернѣговци, и вси князи чернѣговскіи, а изъ Смоленска на Зарубъ 100 мужъ и нѣмъ странамъ. Тогда же князь Мстиславъ галицскій пребродися Днѣпръ въ 1000 мужъ на сторожи татарскія, и побѣди я, а останокъ ихъ побѣже съ воеводою съ Гемябкомъ,

и ту имъ не бѣ помощи; и погребоша воеводу своего Гемябъка жива въ землю, хотяще жива ублюсти, и ту наидоша его, и испросиша его Половци, и убиша его. Слышавше же се князи русскіи, поидоша вси за Днѣпръ на множество людей, а Галичане и Волыньци кыйждо съ своими князми, а Куряне, и Трубочане и Путивальци кыйждо съ своими князи, и приидоша конми; а выгонци галицскыи приѣхаша въ лодяхъ по Днѣпру, и поидоша въ море, бѣ бо лодій 1000, и поидоша въ рѣку Днѣпръ, и возведоша пороги, и стаха у рѣкы у Хортици на броди на протолчьи; бѣ бо съ ними Дошамеричъ Юрьи, Держикрай Володиславичъ. Пришедшѣ вѣсти въ станы, яко пришли суть предвидѣти олады русскыя, слышавъ же Данилъ Романовичъ, и гнавъ всѣдъ на кони и сущи съ нимъ конницы, и нѣи мнози князи съ нимъ гнаша видѣти рати; онѣмъ же отшедшимъ, Юрьи же имъ сказаше, яко стрѣлци суть, нѣи же молвааху, яко простіи люди суть пуце и Половецъ; Юрьи же Дошамеричъ молваше: »ратници суть и добраа вои.« Приѣхавше сказаша Мстиславу, Юрьи же все сказа, и рекшимъ молодымъ княземъ: »Мстиславе и другій Мстиславе! не стоита, поидемъ противу имъ.« Приидоша же вси люди, и князи вси, и Мстиславъ чернѣговскій рѣку Днѣпръ. и поидоша на конехъ въ поле половецское, и устрѣтоша Татарове полкы русскыя побѣдиша ихъ и гнаша въ поле далече, съкущи я, и взяша скоты ихъ, а съ стады утекоша, яко всимъ воемъ наполнитися скотомъ. И оттуда же идоша по нихъ 8 дній до рѣкы Калкы, и ту срѣтоша сторожеве Татарове, и удариха на Половцы Русскыя, сторожемъ же бившимся съ полкы русскыи, и убиенъ бысть ту Іоанъ Дмитреевичъ и иная 2 съ нимъ; Татаромъ же отѣхавшимъ прочь, на рѣцѣ Кальцѣ устрѣтоша Татарове половецскыя полкы и русскыи. Князь же Мстиславъ Мсти-

славичь повелѣ предѣ перенти рѣку Калку Данилови съ полкы и инѣмъ полкомъ съ нимъ, а самъ по нихъ переиде; и заидоша за рѣку за Калку, и послана въ сторожѣхъ Ярума съ полкы съ Половци, а сами станомъ сташа ту, а князь Мстиславъ самъ ѣха вборзѣ послѣ. Видѣвшю же ему полкы татарьскыя, прѣхавъ рече, вооружитяся повелѣ вборзѣ; а князю Мстиславу и другому Мстиславу, сѣдючи на има въ стану, не вѣдущима, Мстиславъ же не повѣда имъ зависти ради, бѣ бо котора (*распра*) межѣ ихъ велика. Сразившимся полкомъ на мѣсто, Данилъ же выѣха напередъ, и Семьонъ Олюевичъ и Василко Гавриловичъ, и разоидошася въ полкы татарьскыя. Василкови же свободену бывшу, а Данилу бодену бывшу въ перси, младенчества ради и буети не чюаше раны, бывши на тѣлеси его; бѣ бо върастомъ 16 лѣтъ, бѣ бо силенъ. Данилови же крѣпко избивающю Татары, видѣвъ то Мстиславъ Нѣмшій, мнѣвъ яко Данилъ свободенъ бысть, потече и самъ въ нѣ; бѣ бо мужъ той крѣпокъ, понеже ужика сы Роману, отъ племени Володимеря, прирокомъ Манамата: бѣ бо велику любовь имѣа къ отцу его, ему же поручивши по смерти свою волость, дая князю Данилови. Татаромъ же бѣгающимъ, Данилови же избивающю и своимъ полкомъ, и Олгови Курьскому крѣпко бьющюся, тогда же Ярунъ и инѣи полци Половецкѣи ступишася съ ними, хотяще битися, и Половци побѣгоша; и потопташа бѣжаще станы князѣи русскыхъ, а князя не успѣша ополчитися противу имъ, и смятошася вси полци русскѣи, и бысть сѣча зла и люта, грѣхъ ради нашихъ русскимъ полкомъ побѣженнымъ бывшимъ. Данилъ же видѣвъ, яко крѣпчае брань татарьская належитъ, и обрати конь свой и бѣжа отъ устремленія противныхъ, и вжада воды и пи, и почюти рану на тѣлеси своемъ, въ брани не позна ея крѣпости ради мужества

въраста своего; бѣ бо дерзъ и храбръ отъ главы и до ногу его не бѣ на ни порока. И бысть побѣда на вси клк русскѣи, ака же не бывала отъ нача Русской земли никогдаже. Самъ бо великий князь Мстиславъ Киевскій, видѣа, не движесе никакоже съ мѣстѣ сталъ бо бѣ на горѣ надъ рѣкою Камѣ бѣ бо мѣсто каменисто, и туто учини городъ съ кольемъ, и бися съ ними и града по 3 дни. А инѣи же Татары подоша послѣ Русскыхъ князѣи, бѣи ихъ и до Днѣпра, а у города остави два воеводы, Чегирканъ а Темшуканъ, и князя Мстислава и на зятя его Андры Александра Дубравьскаго; бѣста бо и два князя со Мстиславомъ. Ту же и Брѣдници быша старше, и воевода ихъ Паскыня, и тѣи окаанный цѣловавъ крестъ ко князю Мстиславу и обѣма князѣи яко ихъ не избити и пустити ихъ и искупъ, и съгавъ окаанный предѣти ихъ связавъ Татаромъ, а городъ взаи, люди постѣкоша; а князѣи имаша, наидиша и подкладше подъ доски, а саша сверху сѣдоша обѣдати, и тако князи ии вотъ свой скончаша. И много убѣиса безчисленное створися, а иныхъ князѣи гонячи до Днѣпра 6 убѣиса: князя Святослава яневьскаго, Изяслава Ингворовича Святослава шумьскаго, Мстислава черѣговьскаго съ сыномъ, Юрья несвѣтльскаго, много воя кождо десятый приде; Александръ Поповичъ ту убѣиенъ бысть съ инѣми 70 храбровъ. И тогда же князь Мстиславъ Мстиславичъ предѣ перебѣ Днѣпръ, и приде къ лодьямъ, повелъ жеши я, инѣи сѣчи и отринуты отъ брѣга, бояся по себѣ погони отъ Татаръ, самъ едва убѣжа въ Галичъ: а моледи князи прибѣжали въ малѣхъ людѣи, князь Володимеръ Рюриковичъ прибѣжавъ Киевъ и сѣде на столѣ. Сѣи же зло створися отъ Татаръ м. юня въ 16 дни Татаромъ же побѣдившимъ русскыя князи, за прегрѣшеніе хрестьянское, и я

имъ Татаромъ до Новагорода свято-
вскаго, не вѣдущимъ же Руси лести
рскихъ, исходяаху противу имъ со
гы, они же избиша вся; и ожидааше
покаяніа хрестыанскаго и обрати
ръ вспять отъ рѣкы Днѣпра на зем-
гъсточную, и повоевана землю Тано-
жую и ныи страны; тогда же Чаго-
канъ ихъ убиенъ бысть. Се же
ь намъ за грѣхи наша, Богъ вложи
дѣніе въ насъ, и погыбе безъ чѣ-
многа людей, и бысть вопль и вѣды-
и печаль по всемъ градомъ и по
темъ. Сихъ же амыхъ Татаръ Таур-
не сѣдаемъ, откуда были пришли
асъ и гдѣ ся дѣли опять; только
вѣсть.

(Полн. собр. Лѣтоп. т. I, стр.
16—219).

336. Нашествіе Батыя.

ь лѣто 6745 (1237). На зиму при-
отъ восточныхъ страны на разань-
землю, лѣсомъ, безбожніи Татари, и
на воевати разаньскую землю, и
оваху и до Проньска; поплѣнивше
нь весь, и пожгоша, и князя ихъ
а, иже емше оны растинахуть, дру-
же стрѣлами растрѣлаху въ на, а
опакы руцѣ связывахуть; много же
ыхъ церквій огневи предаша, и ма-
ырѣ и села пожгоша, и дѣньна не ма-
бою страну взяша, потомъ поидоша на
мну. Тое же зимы поиде Всеволодъ,
Юрьевъ, внукъ Всеволожъ, проти-
Татаромъ, и сеступишася у Коломны,
хть свѣча велика, и убиша у Всеволода
оду Еремѣя Глѣбовича, а иныхъ мужій
е убиша у Всеволода; и приѣжа Всево-
въ Володимеръ въ малѣ дружинѣ, а Та-
ве идоша къ Москвѣ. Тое же зимы взяша
кву Татарове, и воеводу убиша Фил-
Никка за правовѣрную хрестыанскую

вѣру, а князя Володимера яша руками,
сына Юрьева, а люди избиша отъ старь-
ца и до ссуца младенца; а градъ и цер-
кви святыя огневи предаша, и манасты-
ри вси и села пожгоша, и много имѣнья
вземше отъидоша. Тое же зимы выѣха
Юрья изъ Володимеря въ малѣ дружинѣ,
урядивъ сыны своя въ себе мѣсто Все-
волода и Мстислава, и ѣха на Волгу съ
сыновци своими, съ Васлякомъ и со Все-
володомъ и съ Володимеромъ и ста на
Сити станомъ, а ждучи къ собѣ брата
своего Ярослава съ полкы, и Святослава
съ дружиною своею; и нача Юрья князь
великый совокупяти вое противу Тата-
ромъ, а Жирославу Михаиловичю прика-
за воеводство въ дружинѣ своей. Тое же
зимы придоша Татарове къ Володимерю,
и февраля въ 3, на память св. Семео-
на, во вторникъ преже мясопуста за не-
дѣлю. Володимерци затворишася въ градъ,
Всеволодъ же и Мстиславъ бяста, а вое-
вода Петръ Ослядюковичъ. Володимерцемъ
не отворяишася, пріѣхаша Татари къ Зо-
лотымъ воротомъ, вода съ собою Володи-
мера Юрьевича, брата Всеволожа и Мсти-
славля; и начаша просити Татарове кня-
зя великаго Юрья, есть ли въ градѣ.
Володимерци пустиша по стрѣлѣ на Тата-
ры и Татарове такоже пустиша по стрѣлѣ
на Золотые ворота; и посемъ рекоша Тата-
рове Володимерцемъ: «не стрѣляйте». Они
же умолчаша. И пріѣхаша близъ къ воротомъ
и начаша Татарове молвити: «знаете ли
княжича вашего Володимера?» бѣ бо увыль
лицѣмъ. Всеволодъ же и Мстиславъ сто-
яста на Золотыхъ воротѣхъ, и познаста
брата своего Володимера. О умилное ви-
дѣнье и слезъ достоинное! Всеволодъ и Мсти-
славъ съ дружиною своею, и вси грама-
не плакахуся, зряще Володимера. А Та-
тарове отшедше отъ Золотыхъ воротъ, и
обѣхаша весь градъ, и сташа станомъ
предъ Золотыми враты назрѣомъ (на си-
ду), множество вой безчислено около все-
го града. Всеволодъ же и Мстиславъ сжа-

летаса, брата своего дѣла Володимеря, и рекоста дружинѣ своей и Петру воеводѣ: «братья! лучше ны есть умерти передѣ Золотыми врата за св. Богородицю и за правовѣрную вѣру хрестьяньскую»; и не да воли ихъ быти Петръ Ослядко-вичъ. И рекоста оба князя: «си вся наде на ны Богъ грѣхъ ради нашихъ»... Створися велико зло суждальской земли, якоже зло не было ни отъ крещенья, якоже бысть нынѣ. Но то оставимъ. Татарове станы своѣ урядивъ у города Володимеря, а сами идоша, взяша Суждаль и святую Богородицю разграбиша, и догъ мѣиже отъвѣстъ пожгоша, и монастырь святаго Дмитрія пожгоша, а прочіи разграбиша; а чернѣци и черницы старыя и попы, и слѣпыя и хромыя и слукыя (разслабленныя) и трудоватыя, и люди всѣ вѣсѣкоша, а что чернець, уныхъ и черницъ, и поповъ и попадѣи и дьяконы и жены ихъ, и дщери и сыны ихъ, то все ведоша въ станы своѣ, а сами идоша къ Володимерю. Въ субботу мясопустную почаша наряжати лѣсы и пороки ставиша до вечера, а на ночь огородиша тыношъ около всего города Володимеря; въ недѣлю мясопустную по заутрени приступиша къ городу, и февраля въ 7, на пашать св. мученика *Феодора Стратилата*. И бысть плачь великъ въ градѣ, а не радость, грѣхъ ради нашихъ и неправды; за умноженъе беззаконій нашихъ попусти Богъ поганья, не аки милуя ихъ, но насъ кажа, да быхомъ встѣгнулися отъ злыхъ дѣлъ... И взяша градъ до обѣда; отъ Золотыхъ воротъ у св. Спаса внидоша по примету черезъ городъ, а сюдѣ отъ сѣверныя страны отъ Лыбеди ко Орииннымъ воротомъ и къ Мѣянымъ, а сюдѣ отъ Клязмы къ Волжскимъ воротомъ, и тако вскорѣ взяша Новый градъ. И бѣжа Всеволодъ и Мстиславъ, и вси людье бѣжаша въ Печерный городъ; а епископъ Митрофанъ, и княгыни Юрьева съ дщерью и съ снохами и со внучаты, и прочіи княгыни, Во-

лодимеря съ дѣтми, и множество бояръ и всего народа людѣи затворъ въ церкви св. Богородица, и тако безъ милости запалени быша. И бы се боголюбивый епископъ Митрофанъ голя: «Господи Боже силъ, свѣтъ свѣдѣи на херувимѣхъ, и научи Оса окрѣпивъ пророка своего Давыда на ада, и въздвигнувый Лазаря четвернаго изъ мертвыхъ! простри руку твою невидимо, и приими въ ширь душы своихъ»; и тако скончашася. Татары силою отвориша двери церковныя, и дѣла оны огнемъ скончашася, съ оруженъемъ до конца смерти предаша; Богородицю разграбиша, чюдную и одраша, украшену златомъ и серебромъ каменемъ драгымъ, и монастыри и иконы одраша, а иныя вѣсѣкоша, а поимаша, и кресты честныя и ссуды ценныя и книги одраша, и порты женыхъ первыхъ князій, еже баху и шали въ церквахъ святыхъ на нѣтъ бѣ, то же все положиша собѣ въ палати. И убьенъ бысть Пахомъ архимандритъ монастыря Рождства св. Богородица, и именъ Успенский, Феодосій Савва и прочіи игумени и чернѣци и черницы и попы и дьяконы, отъ уного и дѣца и ссущаго младенца; и та вси икона, овы же ведуще босы и безъ кровенъ въ страны своѣ, изыдзаша изъ зомъ. И бѣ видѣти страхъ и трепѣ яко на хрестьянскѣ родѣ страхъ и ибанье и бѣда упространися. Сокрѣши казнимъ есмь... Татарове воидоша Володимеръ, и поидоша на в. кн. Галиція оканниа ти кроводѣи, и свѣтъ Ростову, а ины къ Ярославу, а ины Волгу на Городецъ, и ти плѣнниши и Волзѣ, даже и до Галича Мѣдвѣи ины идоша на Переславль, и ты и оттолѣ всю ту страну и грады и все то плѣнниша, даже и до Терека и вѣсть и вѣста, ни вси, ни салъ и и рѣдно, и дѣже не воста на суди

и; и взяша городовъ 14, опрочъ свободъ гостовъ, въ одинъ мѣсяць февраль. ны на предня взидемъ. Яко приде къ в. кн. Юрю: »Володимеръ взять рквы оборная, и епископъ и княги дѣтми и со снохами и со внуцагнемъ скончашася, а старѣйшая сысезолодъ съ братомъ внѣ града ублюдяи избиты, а къ тобѣ идуть»; онъ же слышавъ възни гласомъ великымъ, везами, плача по правобѣрнѣй вѣрѣ гланьстѣй преже, и наипаче о церквѣ епископа ради и о людехъ, бже влостивъ, нежелю собѣ и жены и дѣти вѣдохнувъ изъ глубины сердца, : «Господи! се ли бы годѣ твоему зордью? Новый Іовъ бысть терпѣливъ вѣроу яже къ Богу. И нача моля, глагола: »увы мнѣ Господи! лучше умрети, нежели жити на свѣтѣ семъ; : же что ради остахъ азъ единъ?« же ему молящюся со слезами, и се шу поидоша Татарове, онъ же отле всю печаль, глагола: »Господи Боюи! на тя уповахъ, и спаси мя, и всѣхъ гонящихъ избави мя«. И по безбожнѣи Татарове на Сить пров. к. Гюргю, слышавъ же князь, съ братомъ своимъ Святославомъ, сыновци своимъ, Василкомъ и Всеомъ и Володимеромъ, и съ мужи свопоидоша противу поганымъ. И сетуся обои, и бысть сѣча вая: и побѣнаши предъ мношлеменины, и ту гь бысть князь Юри, а Василка внаиш безбожнѣи, и поведоша въ станы. Се же зло сдѣяса м. марта въ 4 на память св. мученику Павла и яны. И ту убьенъ бысть князь в. на Сить на рѣцѣ, и дружины его убива; блаженный же епископъ гь зва князя мертва, идый съ Бѣра, и иренесе ѿ въ Ростовъ, и избѣмнѣи обичнымъ пѣсни со вгумены и леронаны и съ помы, со многими ши, вложиша ѿ въ гробъ у святее

Богородици. А Василка Костянтиновна ведоша со многою нужею до Шерньского лѣса, и яко сташа стамомъ, нудиша ѿ много проклятѣи Татарове обычаю поганьскому быти въ ихъ воли и воевати съ ними; но никакже не покориша ихъ безаконью, и много сваряше я, глагола: »О глухое царство скверное! никакже мене не отвесе хрестьянское вѣры, аще и ведемъ въ велицѣ бѣдѣ есмъ; Богу же какъ отвѣтъ дасте, ему же многы душа погубили есте безъ правды? ихъ ради мучити вы имать Богъ въ безконечныя вѣкы, истажеть бо Господь души тѣ, иже есте погубили«. Они же въскрежташа зубы на нь, желающе насытитися крове его. Блаженный же князь Василко помолися, глагола: »Господи Исусе Христе! помагавый ми многожды, избави мя отъ емхъ плотоядецъ«. И пакы помодидся рече: «Господи Исусе Христе Вседержителю! приими духъ мой, да и азъ поню въ славу твою». И се рече, абы безъ милости убьенъ бысть. И повардону на лѣсѣ, видѣ ѿ егара (мъкая) жана вѣрма, и повѣда мужю богобояздиву поновину Андриаму, и вая гьдо князя Василка и понавницею обить, реку (т, в.) саваномъ, и положи его въ скровнѣ (скрытомо) мѣстѣ. Увѣдѣвъ же боголюбивый епископъ Кирилъ и княгини Василкова, послаша по князя, принесоша ѿ въ Ростовъ; и яко понесоша ѿ въ градъ и множество народа изидоша противу ему, жалостныя слезы испущающа, оставше такоу утѣшеня. Рыдаху же народа множество правобѣрныхъ, зряще отца сирымъ и корнителя отходяща, печальнымъ утѣшене великое, омрачнымъ звѣзду свѣтоспсу зашедшу; на весь бо церковный чинъ отверзъ бяшетъ ему Богъ отъ сердечити, и всѣхъ церковниковъ и нищихъ и печальныхъ яко възлюбленный бяше отецъ, паче и на милостыню пригѣжа, поминая слово Господне, глаголющее: блаженни милостивѣи, яко ти помилувани будутъ, и

Соломонъ глаголетъ: милостынями и вѣрою очищаются грѣси, тѣмже и не погрѣши надежи, его же просяще у Бога: Господи! спаси любящихъ тя. Сего бо блаженнаго князя Василка спричте Богъ смерти подобно Андрѣевъ, кровью мученичскою омывся прегрѣшеній своихъ, съ братомъ и отцемъ Георгіемъ съ великимъ княземъ. Се бо и чудно бысть, ибо и по смерти совкуни Богъ тѣлеси ею: принесоша Василка и положиша ѿ въ церкви святыя Богородица въ Ростовѣ, идѣже и мати его лежить, тогда же принесоша голову великаго князя Георгія, и вложиша ю въ гробъ къ своему тѣлу. Бѣ же Василко лицемъ красенъ, очима свѣтелъ и грозенъ, храбръ паче мѣры на ловѣхъ, сердцемъ легокъ, до бояръ ласковъ; никтоже бо отъ бояръ, кто ему служилъ, и хлѣбъ его ѣлъ и чашю пилъ и дары ималъ, тотъ никакоже у иного князя можахе быти за любовь его; иллише же слугы свои любляше. Мужество же и умъ въ немъ живяше, правда же и истина съ нимъ ходяста; бѣ бо всему хытръ и гораздо умѣя, и посѣде въ добродѣствѣн на отни столѣ и дѣдни, и тако скончася, якоже слышаште.

(Пол. Собр. Лѣт. I, 196—199).

337. Неболице Ботное (1).

Въ лѣто 6745 (1237). На зиму придоша безбожнии Измаглане, прежде бывшесе со князи рускими на Калкохъ. Бысть первое приходъ ихъ на землю разаньскую, и взяша градъ Разань копьемъ, изведше на лѣсти князя Юрья и ведоша Прьньску, бѣ бо въ то время княгини его въ Прь-

(1) Для сличенія изъ другого списка лѣтописей.

ньскы; изведоша княгиню его на убиша Юрья князя и княгиню его, землю избивша, и не пощадеша от до ссушихъ млека. Киръ (господи) ханловичъ же утече со своими лю, Суждала, и повѣда в. кн. Юрьевн жныхъ Агарягъ намѣствию; то слыи князь Юрья, посла сына своего Все со всеми людьми, и съ нимъ кир ханловичъ. Батыевн же устремленю землю суждальскую, и срѣте ѿ Все на Колодѣ: и бившеся нигъ и на многимъ отъ нихъ отъ обонхъ, поб бывшу Всеволоду, исповѣда отцю ѿ брань устремленныхъ на землю и его. Юрья же князь, оставивъ сын во Володимерѣ и княгиню, изыде и да, и совокупляющу ему около себ и не имѣющу сторожій, наѣхашъ (безаконнымъ Бурондаемъ, весь и изогна и самаго князя Юрья убиша. тьевн же стоящу у града, брань крѣпко о градъ, молвящимъ нигъ и гражаномъ: «гдѣ суть князи рази вашъ градъ и князь вашъ великій и не рука ли наша емши ѿ смерти не И услышавъ о семъ преподобный Ифанъ епископъ, начать глаголати со зами ко всемъ: «чада! не убоясь прельщенны отъ нечестивыхъ, не при си во умъ тлѣннаго сего и скоромн щаго житья, но ономъ скоромннум житья попеченся, еже со ангелы ни аще и градъ нашъ плѣнше копѣемъ муть и смерти ны предадутъ, аъ еи чада, поручьникъ есмь, яко гѣмъ тлѣннаа отъ Христа Бога пришею О семъ же словеси, слышавше вси, чаша крѣпко боротися. Татаромъ же рокы (стѣнобитныя орудія) п бьющимъ, стрѣлами безъ числа стрѣ щимъ, се увидѣвъ князь Всеволодъ, крѣпче брань належить, убояся, ѿ и самъ младъ, самъ изъ града ным маломъ дружины, несъ со собою и многіи: надѣяшебоя отъ него ни

пріяти; онъ же, яко свѣршый звѣръ, не пощади уности его, велѣ предъ собою зарѣзати и градъ весь избѣе. Епископу же преподобному во церковь убѣгшу, со кмигинею и съ дѣтми, и повелѣ нечестивый огонь зажечи: ти тако душа своя предаша въ рудѣ Богу. Градъ ему избившу Володимеръ, полѣгни грады суждальскіе и приде ко граду Козельску; будущу въ немъ князю младу, именемъ Василью, увѣдавши же нечестивин, яко умъ крѣпкодушный имѣють люди въ градѣ, словесы лестными не возможно бѣ градъ пріяти. Козляне же свѣтъ створише не вдатися Батыю, рекше: «яко аще князь нашъ младъ есть, но положимъ животь свой за нь; и сдѣ славу сего свѣта пріимше, и тамъ небесныя вѣнца отъ Христа Бога пріимемъ». Татаромъ же бьющимся о градъ, пріята хотащимъ градъ, разбившимъ граду стѣну и возмодоша на валъ Татаре; Козляне же ножи рѣзахуса съ ними, свѣтъ же створиша изъяти на полькы татарскыя, и испешше изъ града исѣкоша праща ихъ, нападше на полькы ихъ и убиша отъ Татаръ 4 тысящи, и самѣ же избѣени быша. Батый же взя городъ, избивъ вси, и не пощаде, отъ отрачать до сосущихъ млеко; о князи Васильи невѣдомо есть, ниин глаголаху, яко во крови утонулъ есть, понеже убо младъ баше. Отгуду же въ Татарѣхъ не смѣють его иарещи градъ Козлескъ, но градъ злыи, понеже бшася по семь недѣль; убиша бо отъ Татаръ сыны темнич 3, Татари же искавше и не могоша ихъ изнайти во множествѣ трупъ мертвыхъ. Батыевнiи вземшю Козлескъ, и поиде въ землю половецкую. Оттуда же почта посылати на грады рускыя: и взять градъ Перояславль копьемъ, избивъ весь, и церковь архангела Михаила скрупи и сосуды церковныя безчисленныя златыя и драгаго каменя взять, и епископа препод. Семеона убиша. Въ тоже время посла на Черниговъ: обступивша градъ въ

силѣ тяжцѣ, слышавъ же Мьстиславъ Глѣбовичъ нападеніе на градъ иноплеменныхъ, приде на нь со всеми вой; бившимся имъ, побѣженъ бысть Мьстиславъ и множество отъ вой его избѣенныхъ бысть, и градъ взия и западнша огньмъ, епископа оставивша жива и ведоша ѿ во Глуховъ. Меньгуканови же пришедшу сглядать града Кыева, ставшу же ему на оной странѣ Днѣпра во градка Песочного, видивъ градъ удивися красотѣ его и величеству его, присла послы свои къ Михаилу и ко гражаномъ, хотя ѣ прельстити; и не послушаша его...

Въ лѣто 6748. Приде Батый Кыеву въ силѣ тяжцѣ, многомъ множествомъ силы своей, и окружи градъ и остолпи сила татарская, и бысть градъ во обдержаннѣ велицѣ... И бѣ Батый у города и отроци его обседаху градъ, и не бѣ слышати отъ гласа скрипанія телѣгъ его, множества рѣвѣннѣ вельблудъ его, и ржанія отъ гласа стаде конь его; и бѣ исполнена земля Руская ратныхъ. Яша же въ нихъ Татарина, именемъ Товрулъ, и тѣ исповѣда имъ всю силу ихъ; се бяху братья его сильными воеводы: Урдой, Байдаръ, Бирюй, Какданъ, Бечакъ и Меньгу и Кююкъ (иже вратися увѣдавъ смерть канову (*ханову*) и бысть каномъ, не отъ роду же его, но бѣ воевода его перьвый), се Бѣдай Богатуръ и Борундой богатырь, иже взя болгарскую землю и суждальскую, и ихъ безъ числа воеводъ, ихъ же не исчисахомъ здѣ. Постави же Баты пороки городу, подѣ вратъ Лядскихъ, ту бо бѣху пришли дебри; порокомъ же беспрестани бьющимъ день и ночь, выбиша стѣны, и возмодоша горожаны на избыть (*конецъ*) стѣны, и ту бѣше видѣти ломъ копейны и нитъ екепаніе, стрѣлы омрачша свѣтъ побѣженнымъ; и Дмитрови ранену бывшу, взмодоша Татаре на стѣны и сѣдоша того дне и ноци. Гражане же создаша пакы другій градъ, около святое Богоро-

лицѣ. Наутрѣ же придоша на вѣ, и бысть брань межи ими велика, людемъ же убогшимъ на церковь и на комары церковныя, и съ товары своими, отъ тягости повалишася съ ними стѣны церковныя, и приять бысть градъ сице вопи. Дмитрѣя же изведоша язвена и не убиша его, мужьства ради его. Въ то же время ѣхалъ бѣше Данилъ во Угры королевни, и еще бо бѣшеть не слышалъ прихода поганыхъ Татаръ на Кыевъ, Батыю же вземшю градъ Кыевъ и слышавшу ему о Данилѣ, яко въ Угрѣхъ есть, поиде самъ Володимерю и приде къ городу Колодязьну, и постави порока 12 и не може разбити стѣны, и начать перемолвливати люди; они же, послушавше злого свѣта его, передашася и сами избити быша. И приде Каменцю, Изяславию, взять ѣ; видивъ же Кремянецъ градъ Даниловъ яко невозможно прияти ему и отъиде отъ нихъ и приде къ Володимерю, и взя ѣ копьемъ и избити ѣ не щадя, тако же и градъ Галичь, иныи грады многы, имъ же вѣсть числа. Дмитрови же, Кыевскому тысяцкому Данилову, рече Батыеви: «не мози стряпати въ землѣ сей долго, время ти есть на Угры уже пойти; аще ли встрянаеши, земля ти есть сильна, сберутся на тя и не пустятъ тебѣ въ землю свою»; про то же рече ему, види бо землю гибнущу Рускую отъ нечестивого. Батый же послуша свѣта Дмитрова, иде во Угры, Король же Бѣла и Коломанъ ерѣте ѣ на рѣцѣ Солоной; бившимся имъ полкомъ, бѣжаша Угре, и гнаша ѣ Татаре до рѣкѣ Дуная; стояша по побѣдѣ три лѣта. Прже того ѣхалъ бѣ Данило князь къ королевни во Угры, хотя имѣти съ ними любовь сватства: и не бы любви межи има и воротися отъ короля, и приѣхавъ въ Синеволодьско во монастырь святыа Богородица, на утрѣя же возставъ видѣ множество бѣжащихъ отъ безбожныхъ Татаръ, и воротился назадъ въ Угры, не

може бо пройти Рускоѣ земли, зае до бѣ съ ними дружныи; и остав сына своего во Угрѣхъ и не видѣ въ рудѣ Галичаномъ, вѣдаа вѣдѣхъ ихъ, про то его не поя съ собою, и изво Угоръ во Лахы, на Бардусѣ, и иде во Судонирь. Слыша о братѣ си дѣтѣхъ и о княгини своей, яко имъ суть изъ Рускоѣ земли въ Лахы и безбожными Татары, и потоскуся (и старался) вискати ихъ, и обрѣти на рѣцѣ, рекомѣй Полцѣ; и возрадися о совокупленн своемъ, и жали о побѣдѣ землѣ Рускоѣ и о взятѣи отъ иноплеменикъ множества. Дани же рече, яко «не добро намъ стѣ едѣ близъ воюющихъ насъ иноплемениковъ», иде въ землю во Мазовскую Болеславу, Кондратову сыновн: и иде ему князь Болеславъ градъ Вышегоръ и бысть ту, дондеже вѣсть приа, сошли суть изъ землѣ Рускоѣ бѣжаша и возвратися въ землю свою.

(Ипат. 175—178).

338. Сказаніе о Татарехъ Илано-Кур 1245.

Татары имѣли широкое лицо съ болми скулами, приплюснутый носъ, малеи глаза, рѣдкіе волосы на бородѣ. Они бы высокаго роста и сухи тѣломъ, а ли смуглы и рябы. Они брили волосы отъ кушки къ ушамъ и спереди на лбу и пальца, отпускали усы и длинныи косы зади. Жили они въ круглыхъ юртахъ, тенныхъ изъ хворосту и покрытыхъ и локомъ: посрединѣ юрты разводили огонь дымъ отъ него уходилъ въ отверстіе, бы на верху. Такія юрты Татары легко разбирали, когда нужно, или и не разбира возили за собою на телѣгахъ. У нихъ множество скота: верблюдовъ, быковъ, о козь и лошадей; ѣли они всякое мясо и кую кашу изъ проса, и не знали хлѣба, все нечистыми руками, обтирая ихъ о ги или о траву, не мыли ни котловъ ни жды, упивались до-нея кумысомъ (ко имъ молокомъ). Мужчины ниче не

ога, как только стрѣляютъ изъ луковъ, да земного присматриваютъ за стадами. Всѣмъ отличные стрѣлки: дѣти двухъ, трехъ гѣтъ уже вѣдать веркомъ и стрѣляютъ въ сѣть. Дѣвушки и женщины также вѣдаютъ веркомъ и хорошо владѣютъ луками. Онѣ дѣти занимаются хозяйствомъ и очень трудолюбивы: стряпаютъ, шьютъ платье, сапоги, нивить телѣги, выючатъ верблюдовъ. Вообще онѣ были въ уваженіи, и жена хана садилась на тронѣ рядомъ со своимъ мужемъ. Татары вѣрили въ одного Бога, но также дѣлали идоловъ изъ войлока и шелковой матеріи на подобіе людей, ставили ихъ противъ дверей юрты и молились имъ, какъ покровителямъ скота. Они боготворили также своихъ умершихъ хановъ и поклонялись солнцу, лунѣ, водѣ и землѣ. Но вообще у нихъ было много терпимости въ вѣрѣ, и христіанскіе священники исполняли свою службу въ ставкѣ самаго хана. Татары держались разныхъ суевѣрій: считали за грѣхъ дотронуться ножомъ до огня, ловить и бить молодыхъ птицъ, переломить кость о кость, пролить на землю молоко или другой напитокъ: но убивать людей было у нихъ ни по чемъ. Они сильно вѣрили гаданіямъ и чарамъ, думали что огонь все очищаетъ, и потому пословъ проводили между двухъ огней, чтобы они не сдѣлали вреда ихъ хану: волхвы и гадатели у нихъ имѣли большую власть. Когда татаринъ захвораетъ, то передъ шатромъ ставили кошы, обитые чернымъ войлокомъ: это значило, что посторонніе должны удалиться; отъ умирающаго удалялись и родные. Кто былъ при умершемъ, тотъ до новой луны не могъ видѣть ни хана, ни князей. Знатныхъ хоронили тайно, и въ могилу ставили пищу, осѣдланнаго коня, серебро и золото; телега и ставка покойнаго сожигались, и имя его не произносили даже до 3-го поколѣнія. У татаръ никто не могъ называть какойнибудь вещи своею: скотъ и люди—все принадлежало хану. Воеводы имѣли подобную же власть надъ своими подчиненными. Татары были необыкновенно послушны своимъ начальникамъ, рѣдко бранились между собою и никогда не дрались; воровъ у нихъ вовсе не было, и юрты и избытки ихъ никогда не запирались. Они охотно помогали другъ другу, и терпѣливо переносили невзгоду: день, два не поѣсть имъ ничего незначило; поютъ и играютъ, какъ будто сытно пообѣдали. Но за то, какъ были они ласкавы и обходительны между собою, такъ жестоки къ другимъ народамъ. Жадные, свирѣпые, дикіе и коварные, они ждали грабежемъ и убійствомъ.

Въ войскахъ Татаръ были начальники надъ десятками людей, надъ сотнями и надъ тысячами: десятники, сотники, тысячники; надъ десятью тысячами былъ особый начальникъ, и такое число называлось «тьмою», а сторожевые отряды назывались караулами. Бѣжав-

шихъ съ поля битвы убивали; если изъ десятка кто нибудь попадалъ въ плѣтъ и товарищи его не освобождали, то ихъ также убивали.

Каждый татаринъ имѣлъ при себѣ лукъ, колчанъ со стрѣлами, топоръ и веревки, чтобы тащить осадныя машины. Кто побогаче, имѣлъ кривую саблю, шлемъ, броню и лошадь; иногда дѣлали броню для себя и для лошади изъ кожи, иногда вооружались копьями и щитами изъ хвороста. Когда татары входили въ чужую землю, то посылали передовые отряды, которые ничего не грабили, а старались только убивать какъ можно больше людей; потомъ слѣдовало войско, которое уже все жгло и истребляло на пути. Черезъ большія рѣки они переправлялись на кожаныхъ мѣшкахъ съ пожитками: эти мѣшки они привязывали къ хвостамъ лошадей, которыхъ пускали вшасть. При встрѣчѣ съ неприятелемъ, передовой отрядъ броситъ 3—4 стрѣлы, и, если увидитъ, что не въ силахъ одолѣть, пускается бѣжать, чтобы заманить неприятеля въ засаду. Боже 40 лѣтъ они вели войны, и были опытнымъ и хитрымъ народомъ въ битвѣ. Вожди ихъ сами не сражались, а стояли вдали, окруженные дѣтьми и женщинами на лошадяхъ; иногда сажали на лошадей чучель, чтобы казалось больше войска. Прямо противъ неприятелей выслаивали они отряды изъ покоренныхъ народовъ, а самыхъ храбрыхъ людей посылали толпами вправо и влево, чтобы потомъ вдругъ обхватить противниковъ. Они были не охотники до ручныхъ схватокъ, и не рѣдко сначала бѣжали, стараясь, какъ можно больше перебить людей и лошадей стрѣлами, а потомъ уже схватывались съ ослабленными неприятелями. Осаждая крѣпкіе города, они разбивали стѣны машинами, бросали стрѣлы въ осажденныхъ, бились днемъ и ночью, и одинъ отрядъ безпрестанно замѣняли другимъ, не давая покою противнику. Они умѣли бросать огонь изъ машинъ, отводили рѣки отъ городовъ, или потопляли города, дѣлали подкопы, огораживали свой станъ, чтобы неприятельскія стрѣлы не вредили имъ. Но прежде, чѣмъ начать долгую осаду, они старались уговорить жителей сдаться, и, когда тѣ соглашались, татары говорили: «Выходите, чтобы по своему обычаю, мы могли пересчитать васъ». Когда жители выйдутъ, они спрашивали: кто знаетъ какое нибудь искусство или ремесло? Такихъ они сохраняли, и также тѣхъ, кого выбирали въ рабы, а прочихъ убивали: людей знатныхъ, вельможъ и бояръ они никогда почти не оставляли въ живыхъ. Назначенныхъ къ смерти распредѣляли по сотникамъ, которые раздавали ихъ своимъ людямъ, по 10 каждому, и эти рубили ихъ топорами. Чингисъ-Ханъ завывалъ Монголамъ завоевать всѣ народы. Когда какой нибудь народъ покарался, то они требовали, чтобы всѣ жители шли съ ними на войну по

первому зову, и давали 10-ю часть всего: людей и вещей; они брали также 40-го отрока и дѣвицу и отводили ихъ въ рабство въ свои кочевья, а остальныхъ перечисляли для сбора подати. Князья завоеванныхъ земель также должны были ѣхать въ Орду и привозить богатые подарки хану, его женамъ, тысячникамъ и сотникамъ; князья часто погибали въ Ордѣ, или возвращались, оставляя заложниками сыновей своихъ и братьевъ; Татары посылали въ ихъ земли баскаковъ, которымъ всё должно было повиноваться; съ баскаками шла толпа Татаръ, которые грабили и убивали, кого угодно.

Батый жилъ на берегахъ Волги, имѣлъ около себя до 600,000 войска, 160,000 татаръ и 450,000 иноплеменниковъ. Пословъ вели къ его ставкѣ между двумя огнями; они должны были нѣсколько разъ кланяться и войти въ шатеръ, не дотрогиваясь до порога. Батый сидѣлъ на тронѣ съ одною изъ женъ своихъ; его братья, дѣти и вельможи сидѣли на скамьяхъ, а другіе на землѣ: мужчины по правую сторону, а женщины по лѣвую. Принимаемая пословъ Батый и его вельможи пили изъ золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ: при этомъ играла музыка и пѣли пѣсни. Ханъ имѣлъ лицо красноватое; онъ былъ ласковъ въ обращеніи, но всё его боялись. Отсюда Карпини отправился къ великому хану въ Монголію. Тогда Окай уже умеръ и готовились избрать сына его, Гаюка; до того времени управляла Монголами мать Гаюка. Ея ставка, обнесенная тыномъ, могла вмѣщать болѣе 2,000 человекъ. Воеводы сидѣли на коняхъ, богато убранныхъ серебромъ, и совѣтовались между собою. Ихъ одежда на первый день была бѣлая, на другой—красная, на третій—синяя, на четвертый—алая. У воротъ стояли воины съ мечами наголо. Вельможи безпрестанно пили кумысъ и угощали имъ пословъ. Такъ прошло съ мѣсяць; потомъ дворъ перѣхалъ въ другое мѣсто, и тутъ поставили шатеръ, подъ названіемъ: «Золотая Орда.» убранный богатыми тканями и золотомъ. Тутъ избрали Гаюка; вельможи долго молились, смотря на югъ, потомъ посадили Гаюка на тронъ и стали передъ нимъ на колѣни, а послѣ свели съ трона и посадили на войлокъ. Когда обѣ стороны дали клятву, то Гаюка подняли на рукахъ, провозгласили ханомъ и принесли къ нему множество серебра, золота и дорогихъ камней. Послѣ избранія, Гаюкъ принималъ разныхъ пословъ съ дарами; не вдалекѣ отъ шатровъ находилось болѣе 500 телѣгъ съ золотомъ, серебромъ и шелковыми одеждами; все это роздано чиновникамъ.

Карпини познакомился при дворѣ хана съ однимъ Русскимъ, который былъ любимцемъ Гаюка и сдѣлалъ для него печать и тронъ изъ слоновой кости, украшенный золотомъ и дорогими камнями, съ разными изображеніями. Онъ видѣлъ здѣсь также рус-

скаго князя Ярослава, пріѣхавшаго изъ Владиміра съ поклономъ. Вельможи хана обидлись съ Ярославомъ довольно учтиво, онъ никогда не садился выше своихъ вельможь, онъ и умеръ на возвратномъ пути въ Орду. Въ этихъ дальнихъ странствіяхъ погибли многіе Русскіе; самъ Карпини видѣлъ степи кости бояръ Ярослава, умершихъ отъ голоду. Русская земля тогда уже была обложена данью. Баскакъ, посланный отъ Батый и Гаюка, захватилъ множество людей въ разбора, переписалъ всѣхъ жителей Руси какъ данниковъ, и обложилъ каждого шкуръ бѣлого медвѣдя, бобра, кунницы, хорька, черною лисью, а не платившіе дань сдѣлались рабами Монголовъ. Впрочемъ по волю Чингисъ-Хана, духовенство избавлялось отъ подати.

(Въ латинскомъ подлинникѣ и въ русскомъ переводѣ записки Плано-Карпини годятся въ «Собраніи путешествій въ Татарію.» Изд. Азыхова, Спб. 1825).

Когда страшныя татарскія орды ужасали завоеваніемъ Европы, папа Николасъ IV на соборѣ въ Лионѣ опредѣлялъ отправить посольство къ страшнымъ врагамъ христіанства. Въ числѣ пяти посланъ посланъ былъ Иоаннъ де Плано-Карпини въ 1245 г. Послы получили повелѣніе отвращать Татаръ отъ Европы и не давать къ войнѣ съ Сарацинами и Турками; пытались склонить монголовъ къ христіанству и собрать свѣдѣнія объ-этомъ и извѣстномъ народѣ. Плано-Карпини отправился черезъ Германію, Богемію, Силезію, Польшу въ Кіевъ, бывшій тогда во власти Татаръ, оттуда черезъ Днѣпръ, Дону, Волгу въ Кипчакъ, которымъ владѣлъ тотъ. Отсюда поѣхалъ черезъ земли Кумановъ къ хану Гаюку, начальнику всѣхъ вельможь Ордѣ, и возвратился въ Европу послѣ 16-мѣсячнаго странствованія. Лучшее изданіе, критически обработанное. Записки Плано-Карпини слѣд.: „Relation des Mongols ou Tartares par le Frère Jean Plan de Carpin de l'ordre des Frères Mineurs, légat du Saint Siège Apostolique, Nonce en Tartarie pendant années 1245, 1246, 1247, et Archevêque d'Antirari. Paris. 1838“.

339. О мученической кончинѣ черниговскаго князя Михаила и боярина Семѣна. 1246.

Сій блаженный в. кн. Михайло уныя версты Бога вълюби и пречис-

терь, и умъ свой къ нему вперотостию и милостиною къ убогимъ пустошная міра сего отвергъ, бо о и славу суетную, иже есть хужчины. Бысть нахождение безбож-Гатарь на землю Русьскую, гнѣожимъ, за умноженіе грѣховъ на-якоже при Нои и яко при Лотѣ южіа на землю нахождааше, тако-гь послѣдняя времена сіа наведеукою своею на землю христіанъ. Се же грядущю гнѣву божію, бысть мосланъ незнаемъ отъ Бога, скруды, побѣжая брани, овін убо за-ся въ градѣхъ, в. же князю Ми-яршамю Кіевъ тогда, и пріѣхаша отъ царя Батыя, онъ же слышавъ-льсти ихъ, и повелѣ ихъ избити, побѣжа въ Угры и съ домашни-ни; иніи же бѣжаша въ дальніа; инія же кряхуся въ пещерахъ-хъ, а иніи затворишася въ градѣ: со слѣзами и поканіемъ Богу мо- , та тако отъ поганыхъ немло-избіени быша, а иже кряхуся въ-а въ пещерахъ и въ лѣсѣхъ, бхъ остана, тѣхъ же непоколицѣхъ-хъ оставиша въ градѣ, и сочтоша-шело, и начала на нихъ дань има-э же слышавъ в. ки. Михайло, -ися къ Кіеву и вси людіе съ-и еже бѣху разбѣглися на чужіе-пріидоша на свою землю. Татарове-аша звати нукою къ канови и Ба-глаголюще имъ: «не подобаетъ-ити на земля Батыевѣ и кановѣ-домившеса има; ч. мнози же ѣхавше-шася ему. Обычай бо имѣа канъ-иі, аще кто пріидеть поклонитися-е повелѣваша иервіе привести предъ-приказано баше волхвомъ вести а-огнь и поклонитися кусту, и ог-и идоломъ ихъ; а иже что прино-сь собою дары цареви, и отъ-гого взимающе волсви, и метаютъ-ь, тоже предъ царя ищутъ са-

мѣхъ съ дары. Мнози же князи съ боя-ры своими идяху сквозѣ огнь, и кланя-хуся кусту и идоломъ, славы ради свѣта сего и пращаху койждо себѣ власти; они же безъ взбранія даяхуть имъ, да пре-лестятъ а славою свѣта сего. Преподоб-ному же в. ки. Михайлу пребывающу въ Черниговѣ, и видѣ многи прелшающася славою свѣта сего, и посла Богъ благо-дать и даръ св. Духа на нь, и вложи ему въ сердце ѣхати предъ царя Батыя и обличити прелестъ его, еуже леститъ христіяны. И пріѣха къ отцю своему ду-ховному и повѣда ему, глагола: «хоцю ѣхати предъ царя Батыя.» И отвѣща ему отецъ его Иванъ: «мнози ѣднвише ство-ривша волю поганата, прелестившася славою свѣта сего, идоша сквозѣ огнь, и покло-нишася кусту и солнцю, и погубиша ду-ша и тѣлеса свои; и ты сыну княже Михайле, аще хоцѣши ѣхати, не створи тако якоже прочи, не иди сквозѣ огнь, ни поклонися кусту ни идоломъ ихъ, ни брашна ихъ яжъ; ни питія ихъ пій, и не приймай ничтоже скверна во уста своя; но исповѣжь вѣру христіяньскую, яко не достоинъ христіяномъ ничему же кланяти-ся твари, но токмо единому Господу на-шему Ісусу Христу.» Великій же князь Михайло и Феодоръ бояринъ его глаго-ласта ему: «молитвою твоею, отче, ако же Богъ въсхоцетъ, тако да будетъ; азъ бы того хотѣлъ, что за Христа моего кровь свою проліати и за вѣру христіянь-скую;» такоже и бояринъ его Феодоръ глаголаше. И глагола имъ отецъ ихъ ду-ховный: «вы будете въ нынѣшній вѣкъ новоовленна мученика христова на утвер-женіе вѣрнымъ человекомъ, аще тако створита человекъскы.» Великій же князь Михайло и бояринъ его Феодоръ обѣща-стася тако створити, и благословиастася у отца своего духовнаго; и тако отецъ ихъ духовный дасть имъ причастіе на путь, рекше пражесвященное, и благослови а и отпусти, глагола има: «Господь Богъ да

укрѣпнѣ вѣю и послѣтъ вамъ помощь
свѣтаго Духа, за негоже тѣмъ ся по-
страдати, за Христа кровь свою проліати
и за правѣрнѣю вѣру.» Тогда же в.
кн. Михайлъ и бояринъ его Феодоръ ѣха-
ста въ домы своя, и вѣлаша отъ имени
своего, еже есть нѣтъ на потребу на путь;
мнози же земля прѣхавшии, и доѣхаша
до царя Батыя. И повѣдаша Батыи о
немъ: »кн. в. русскій Михайлъ прѣѣха
поклонити тебѣ;» царь же повелѣ при-
вести волхвы своя, волхвѣмъ же прише-
дшии предъ царя Батыя и рече нѣтъ
царь: »еже есть по обычаю вашему
сътворите Михайлу кн. в. русьскому, и
потомъ приведите его ко мнѣ. Волхви же
пришеди ко кн. Михайлу, глаголаша ему:
»Батый царь зоветъ те;» онъ же ииже
съ собою Феодора боярина своего и идше
съ нимъ. И дошедше мѣста, идше быше
огнь наклады по обѣ стороны, и мнози
погани идяху сквозѣ огнь и поклоняхуся
солнцу, и огню и кусту и идоломъ ихъ,
волхви же хотѣша в. кн. Михайла и Фе-
одора боярина его вести сквозѣ огнь; в.
же князь Михайлъ глагола имъ: »не до-
стоитъ христіанномъ ходити сквозѣ огнь,
ни кланити ниже си кланяются; така
есть вѣра христіанская, не кланити
твари, ни идоломъ, но кланити свѣтѣй
Троици, Отцю и Сыну и св. Духу.» Ве-
ликий же князь Михайлъ глагола боля-
рину своему Феодору: »луче ны есть не
кланити, емуже си си кланяются.» Они
же оставеше ихъ на мѣстѣ, идше бя-
ху приведени, идша же повѣдати царю:
»в. кн. Михайло русскій повелѣнія
твоего не послушаетъ, сквозѣ огнь не
идеть, а богомъ твоимъ не поклоняются,
а глаголетъ тако: не достоитъ христіа-
номъ ходити сквозѣ огнь, ни поклонити
твари, ни солнцу, ни идоломъ, но кланя-
тися створшему вся Отцю и Сыну и св.
Духу. Царь же възъярився велики, и по-
сла единого отъ великожъ своихъ, стол-
ника именемъ Елдегу, и рече: »почто

повелѣніе мое преобидѣтъ еси, и
мощи не поклонился еси? то отсѣде
не отъ двою избери себѣ живѣти
и смерти: аще повелѣніе мое спрѣ-
живъ будещи и великое князю
все примещи: аще ли не проидеши
зѣ огнь и непоклонившии кусту, не
про, ни идоломъ, то злою смертью
ни.» Тогда отвѣща в. кн. Михайлъ:
»бъ царю кланяюся, понеже ти шде
Богъ царствіе и славу свѣта си
емуже си кланяются, то азъ не кланя-
юся.» И рече ему Елдега: »Михайло
домо буди мертвъ еси.» Великий
князь Михайло рече ему: »нѣтъ
хоще еже за Христа пострадати, и
правѣрнѣю вѣру кровь свою проліати.
Тогда же глагола ему князь Бори-
совскій съ владимъ: »господи
поклонился, створи волю царю», Бор-
исовы глаголаша: »вѣтъ за те
илю примещи, княже, со всемъ си
своею.» Рече же нѣтъ в. кн. Ми-
»не хощю азъ именемъ толико и
христіанъ, а дѣла творити поганъ
Егда же си глаголаше къ князю
Михайлъ, бояринъ же его Феодоръ
шляше въ себѣ глагола: »егда ни
лабѣтъ в. кн. Михайлъ, молонитъ
помянувъ женскую любовь и дѣти
кни, и послушаетъ сихъ молонитъ,
да помянувъ Феодоръ бояринъ его
отца своего духовнаго, и рече в. кн.
хайлу: »помяни ли, господине,
отца своего духовнаго, еже учше
отъ св. евангелія? рече бо Господъ
хочетъ душу свою спасти, погуби
а иже погубитъ душу свою мене
евангелія, то спасетъ ю; аще ли
кто отвержется предъ человекомъ, от-
ся его и азъ предъ Отцемъ моймъ
есть на небесѣхъ.» Сія же глагола
Феодору къ в. кн. Михайлу, они и
чаша молити, да послушаетъ ихъ;
князь Михайло глаголаше къ князю
послушаю вѣтъ, на душа своя погуби

иша съ себе крѣ свой и верже
 , глагола: «пріимте славу свѣта
 азъ не хочу.» Слышавъ се Ел-
 се си не увѣдѣша его, тогда ѣха
 повѣдати еже глаголаше ему ве-
 князь Михаилъ. Стоящима же на
 гомъ, множество крестьяныхъ и
 въ слышашу словеса снѣ, дже от-
 ки. Михаилъ царю. Тогда бла-
 снѣ в. кн. Михаилъ и бояринъ
 доръ мачаста прѣти себѣ; по отѣр-
 васта себѣ причастіе, еже бѣ
 ѣ отоць ихъ духовный, и благо-
 я на то дже пострадати за Хри-
 глаголаху предостоящн: «княже
 ! идуть отъ царя убивать васъ:
 гася, жива будета.» Великий же
 Михаилъ и бояринъ его Феодоръ
 иди усты отѣрѣста: «не клана-
 і оуднаовѣ васъ; славы свѣта се-
 ющомъ.» И мачаста себѣ прѣти:
 нца твои, Господи, не отвергоша-
 , на отступнша отъ заповѣднѣ
 , и пакы: «отрадаше тебѣ ради,
 и многы муки претерѣша,» и
 мученичѣ. Снѣ же блаженна,
 шася джежею христовою и кома-
 д. мученикъ, стаеа яко отема
 еблема и неподвижна. Тогда же
 ти окоднѣ прѣцѣша, и спочнша
 , и аца свѣтаго в. кн. Михаила
 бнаго, растягоша за рудѣ и за
 начаша его бити рукама по серд-
 посамъ повергоша его ниць на зе-
 біяхуть его пятами; и сему же
 надолѣ, нѣкто же бывъ прже
 ннѣ, послѣди же бысть цѣлѣнъ и
 реступникъ, отвергся вѣры хри-
 кнѣ, именемъ Деманъ, Снверя-
 юдомъ, и огернися, отрѣша мочашъ
 съ мученику в. кн. Михаилу и
 е ѣ прѣчь. Потомъ же глаголаша
 у его Феодору: «ти поклонися бо-
 жаннѣ, имѣвъ будещи и врѣмани
 нѣ князя твоего.» Глагола же имъ
 ѣ: «не хощу днѣшнѣи господина

своего в. кн. Михаила, а богомъ вашимъ
 не кланялся; не хощу пострадати за
 Христа, якоже и князь мой.» Тогда же
 Феодора мачаша мучити, якоже прже
 в. кн. Михаила, послѣди же честную его
 главу отрѣзаха. Ти тако пострадаста бла-
 годарнѣю Христа, предаста святѣи свои
 души въ рудѣ Господени, новосвятая му-
 ченика: святая же тѣлеса ихъ поворженѣ
 быста посѣнъ на свѣдѣніе. На многы же
 дни лежаша нма, божею благодатию
 съхранены быста невржени тѣлеса ею;
 но милоулюбощъ Богъ милосердый Го-
 сподь нашъ, прославляя святѣи свои
 угодинѣи, пострадаша его ради за право-
 вѣрную вѣру христіанскую, столѣ ог-
 нонѣ явися надъ тѣлосѣхъ ею сіяющъ
 пресвѣтлыми зарями, и свѣща многы го-
 рѣща, и прѣни ангелская слышашу на
 утверждение христіаномъ и на обличение
 тѣмъ, еже оставише Бога истиннаго и
 покланяхуса твари, и на устраниеи по-
 ганымъ. Святѣи же и честнѣи тѣлосѣ ею
 вѣкнѣи христіанѣи богобоязливыи нужи
 соправени быша. Бысть же убнѣніе ею
 н. сентября въ 20 день; ею же молт-
 вѣни и молениемъ достойни будещъ обрѣ-
 ста милость и отпущение грѣховъ отъ
 Господа нашего Ісуса Христа, въ нынѣш-
 нѣи вѣкъ и въ будущій.

(Пол. Собр. Лѣт. V, 182—
 186).

Эта сказаніе составлено священникомъ Андреемъ, кроторѣ, вѣроятно, былъ сардѣтскимъ допрѣи
 Михаиломъ въ Орлѣ.

340. Даниилъ въ Орлѣ 1230 г.

Присланному Могутиеву посолъ свой въ
 Даниилъ и Васильковъ, будуще нма во
 Доросовскы: «дай Галичъ.» Бысть въ
 начади дѣлѣтъ, зане не утвердилъ бѣ

землѣ своей города, и думавъ съ братомъ своимъ и шюха ко Батыеву, река: »не дамъ полуотчины своей, но ѣду къ Батыеву самъ«. Изиде же на праздникъ св. Дмитрѣя, помолився Богу, и приде къ Киеву, обдержашу Киевъ Ярославъ бояриномъ своимъ Ейковичемъ Дмитромъ; и пришедъ въ домъ архистратига Михаила, рекомый Выдобичъ, и созва калугеры и мнискій чинъ, и рекъ игумену и всей братьи, да створятъ молитву о немъ—и створиша,—да отъ Бога милость получить; и бысть тако, и падъ предъ архистратигомъ Михаиломъ, изиде изъ манастиря въ лодыи видя бѣду страшну и грозну. И приде Переяславию, и срѣтоса Татарове. Оттуда же ѣха къ Куремѣсь и видѣ, яко нѣсть въ нихъ добра, оттуда же нача болми скорбѣти душою, видя бо обладаемы дьяволомъ: скверная ихъ Кудешская и Чигизаконова мечтанья, скверная его кровопитья, многыя его вольшбы; приходящія цари, и князи и велможь, солнцю и лунѣ и земли, дьяволу и умершимъ въ адѣ отцемъ ихъ и дѣдомъ и матеремъ, водяше около куста поклоняться имъ. О скверная прелесть ихъ! Се же слыша велии нача скорбѣти. Оттуда же приде къ Батыеву на Волгу, хотящу ся ему поклонити. Пришедшу же Ярославлю чловѣку Сынъгурови, рекшу ему: »братъ твой Ярославъ кланялься кусту, и тобѣ кланятся«; и рече ему: »дьяволъ глаголетъ изъ устъ вашихъ, Богъ загради уста твоя и не слышано будетъ слово твое«. Во тѣ часъ позванъ Батыемъ, избавленъ бысть Богомъ злого ихъ бѣшенія и кудешства, и поклонися по обычаю ихъ и вииде во вѣжю ихъ. Рекшу ему: »Данило! чему еси давно не пришелъ, а нынѣ оже еси пришелъ, а то добро же; пьши ли черное молоко, наше питье, кобылій кумузъ? Оному же рекшу: »доселѣ есмь не пилъ, нынѣ же ты велишь, пью«. Онъ же рече: »ты уже нашъ же Татаринъ, пий

наше питье.« Онъ же испивъ иша ся по обычаю ихъ, изъмоливъ слыи рече: »иду поклонитися великой Баракъчинови«. Рече: »иди«. Ишъ поклонися по обычаю: и присла иша и рече: »не обмыли пяти моихъ пиво«. О злѣе зла честь твоя Данилови Романовичю князю блжннику, обладавшу рускою землею, вомъ и Володимеромъ и Галчемъ братомъ си (седимъ) и нѣни стыннѣ сѣдѣтъ на колѣву и голови зывается, и дани хотять, иша часть, и грозы приходять. О злѣе татарская! Его же отецъ бѣ руской земли, иже покори Юмоземлю и воева на ныне страны сынъ того не приа чести: и кто можетъ приати? Злобѣ ихъ нѣсть конца: Ярослава великого суждальского земли уморилъ, князя Черниговскаго, не покори кусту со своимъ бояриномъ божножемъ заклана быста, еже вѣсь ста мученицкы; нѣи мнози князи ни быша и бояре. Бывшу же шихъ днѣй 20 и 5, отпущенъ имъ поручена бысть земля его ему, и бѣяху съ нимъ; и приде въ землю и срѣте его братъ и сынове его, и плачь обидѣ его, и болшая бѣ о здравьи его.

(Ипат. 184—5)

340. Восстаніе противъ Татаръ

Въ лѣто 6769. Въ лѣто 6770 (1211) Избави Богъ отъ лютаго томленія брянскаго люди Ростовскія земля, и вами св. Богородица, и вложи ярость стѣяномъ въ сердце, не терпящия лѣя отъ поганыхъ; и созвонилъ въ выгнаша изъ городовъ, изъ Ростова, Володимеря, изъ Суздаля, изъ Ярос

Переславля. Откупаху бо ти ока-
бесермени данн у Татарь, и отъ
елику пагубу людемъ творяху, ра-
це люди христіянскыя въ рѣзѣхъ
(остахъ, процемтахъ), и мнози
разведени быша; видѣвъ же се бла-
говѣколюбець Богъ нашъ, и моле-
атерни послушавъ, и избави люди
отъ великыя бѣды милосердіемъ
: Того же глѣта убиша Зосима
пника; той бѣ мнихъ образомъ то-
отонѣ же съсудъ, бѣ бо пияница,
ословець, и празнословець, копрон-
конечнѣ же отвержеся Христа и
бесерменинъ, вѣступивъ въ пре-
длагаго пророка Махмета. Бѣ бо того
зрѣхалъ посломъ на Русь отъ царя
каго именовъ Кутлубя, золь сы-
енинъ; того послѣдомъ океаній
нкъ (отступникъ) вѣры творя
номъ велику досаду, и кресту и
ркамъ ругаяся. И егда людѣ по-
ь на враги своя гнѣвахуся, и под-
ся на бесермень, и изгнаша я
въ градовъ, а нныхъ избѣша, тогда
безаконнаго и сквернаго и зако-
тупника и еретика Зосиму убиша
родѣ Ярославѣ. Бѣ бо тѣло его
лица) псовъ и враномъ, а ноги
и злое бѣху быстри, тѣ же влачн-
ту отъ псовъ по граду, всѣмъ лю-
за удивленіе.

(П. С. Лѣт. V, 190).

насъ мало обращаютъ вниманіи на частную
народа съ Татарами, а ограничиваются толь-
и борьбой княжеской съ ними: борьба народ-
равныхъ мѣстностяхъ, особенно по украй-
налась постоянно и много содѣйствовала
оружіи князей противъ Татарь.

342. Убіеніе князя Романа.

1270 г. убіенъ бысть князь Ро-
Олговичъ разанскій отъ поганыхъ

Татарь; и бысть сице убіеніе его: зат-
коша уста его убрусошъ, и начаша рѣза-
ти его по суставамъ и метати рѣзно, и
яко разоумаша, и остася трупъ единъ,
они же одраша главу его и на коніе
взоткоша. Сей новый мученикъ есть по-
добенъ страстію Якову Перьскому. О,
возлюбленіи князи русьстїи! не прелцай-
теся пустошною славою свѣта сего, еже
худыше научины есть, яко еѣнь мнимо-
дѣтъ; не принесете бо ничтоже на свѣтъ
сей, ни отнести что можете; да не оби-
дите меньшихъ сихъ сродниковъ своихъ,
ангели бо ихъ воину видятъ лице Отца
вашего, иже есть на небесахъ; възлюби-
те чистоту и правду, да радости свя-
тыхъ сподобитесь, якоже сїи блаженный
Романъ купи страстію царство небесное
и вѣнецъ прїять отъ руки господня, съ
сродникомъ своимъ княземъ Михаиломъ
черниговскимъ. Убіенъ же бысть м. ію-
ля въ 19 день.

(I Софійо. 197).

343. Житіе Петра ординскаго дара- вича (1).

Святому архіепископу ростовскому Ки-
рилу ходящу (1262 г.) в Татары съ
честію къ царю Берки (ум. 1266 г.)
за домъ св. Богородица; царь же слы-
шавъ отъ него, иже о св. Леонтїи, отъ
Греческія земли родомъ, и како благо-
словеніемъ патріарха прїиде; како крести
градъ Ростовъ, и како увѣри люди и ка-
ко честь прїи (отъ) рускихъ князей и
отъ греческаго цара и отъ патріарха все-
лъньскаго собора; како по преставленіи

(1) Петръ престился и жилъ въ концѣ XIII
стол., а житіе его составлено по рамѣ 1462—67
г. Кирилъ посвященъ въ епископа 1231 и ум.
1262 г.

рин раздвинуть, а ввѣрѣ услы-
ти... Петръ же возбужвъ (про-
и видѣ два сіа мужа, наче въ-
ловѣча, мнети ему отъ ужести,
блнкъ, а свѣтлостію аки весь
поши, въ ужести ставъ и паде
ста и надеся, и третіе такоже.
вѣтлаи мужа лота за руку его
ста ему: «друзе Петре, не бой-
семя посланна и тобѣ Богомъ,
вѣрова и крестися, укрѣни(ти)
і и племя и внуцы твои до скон-
а, и вѣдати тобѣ маду млао-
ося, а противу трудомъ твоимъ
благая приимеши». И вѣда ему
кльма), и глаголаста: «возни
а, въ единомъ ти злато, а въ
серебро; утро идѣши въ градъ,
ими 3 иконы, икону св. Богоро-
младенцомъ, икону св. Дмитрѣа
глаголы, и вѣдаси на нихъ еже про-
лащія». Петръ же вѣрѣвъ на на
аки чловѣка, и вѣи мѣшца, и
се въ татарѣхъ племя его укрѣ-
и не разумѣ глаголемого мни, и
: «господь мой, еще въспро-
ищія мѣшцевъ отъ иконъ, что
а вы кто есте? И рѣста ему
маи мужа: «мѣшца сіа держи у
моусъ мѣшци новѣдомн, а просать
9 серебряныхъ и 10-и злата,
іже по одному, и вѣзмѣ иконы
і къ владыцѣ и рѣци ему: Петра
Христова апостола посласта ми
а устроиши церковь, идѣже спяхъ
и; а се знаменіе ею (мхъ): ико-
нмѣшнихъ, а мѣшца сіа власта ми,
иъ великии сътвориши, елико ти
сотвори; а мы есмы Христова
Петръ и Павелъ», — и новиди-
... В той ноци явистася стра-
гата апостола владыцѣ и рѣста
устроиши церковь и епископью
нему Петру, много бо злата въ
ю вдавъ, освятити и (се) в наше
в ли сего не сътвориши, то смер-

тно уморитъ ти — и се рече новидими
быста. И св. Игнатей вста отъ сна, и
размышляя о видѣніи злата и серебра въ
епископьи, и призва князи и рече ему,
«что сътворию неведе: явистамися Петръ
и Павелъ, аки зрѣкъ на иконѣ написанъ
ею, устрани(ша) ми, а глаголы ею устро-
ити церковь ею, не вѣмъ гдѣ, камо». Князь же рече ему: «вижду ти, господи,
ужасна суща. Сіа же икъ бесѣдующа въ
епископьи, и узрѣ князь Петра идуща отъ
церкви св. Богородица въ епископью, и
свѣтъ сіяющъ отъ иконъ его выше цер-
кви наче огня. И ужасося и рече: о вла-
дыко, что есть сій огнь? — мѣшци икъ че-
ловѣка горѣща, иъ же никоме не ви-
диме огни. Петръ же утро иде въ градъ
вземъ иконы, но повелѣнію св. апостола,
иде въ епископью и поставлей иконы предъ
княземъ и владыкомъ и поклонися до зе-
мли и рече: «о владыко, Петръ и Па-
велъ Христова апостола посласта ми и то-
бѣ, да устроиши церковь, идѣже спяхъ
при евре, а се ти есть зна(меніе) ею,
а мѣшца сіа власта ми, да что ми вели-
кии сътвориши? Бѣже в то время предъ
службою; князь же и владыка вѣста и
поклонися св. иконѣмъ, и не вѣдаху отку-
ду: ижеца въ градехъ не бысть. Петра
зналаху суща отъ татарѣ, и въпрѣнахуть
и: кто суть мѣшци иконы сіа? Петръ
же рече: «на торгу вымѣнихъ я, госпо-
ди». И размышляхъ о видѣніи, аще сему
быти; свѣту же сущу въ храминѣ отъ
иконъ, идѣже бѣяху, яко солницѣ. И вси
предстоищія ужасосася, и по службѣ икъ
молѣбны, и почти св. Игнатей Петра, и
повелѣ възити на колесницю съ иконами,
и повелѣ итти до мѣста, идѣже спя. Самъ
же владыка и князь и весь градъ прово-
диха с пѣсньми иконы до мѣста Петрава,
и на мѣстѣ спанія пооста молебны св.
апостоламъ. Князь же и владыка со сле-
зами на молебнѣ и радостію призваста имя
св. апостола Петра и Павла, и обръко-
ста икъ доми и села. Сіа молебны

пояху—и людіе клѣтъ сгградяша повелѣніемъ князя, и привезше изъ града, плотомъ оградивше и възвратишася. И ту Петръ иконы постави; князь же всѣдъ на конь, и глумяся изрече Петру: »Петре, владыко тобѣ церковь устроишь, а азъ мѣста не дамъ, что сътвориши? Петръ же рече: »повелѣніемъ, княже, св. апостола, азъ кушлю у тобѣ, елико отлучить благодать твоя, и земля сіа... И рече играя Петру: »Петре, въпрошу тя, якоже вда на иконахъ, сице по моеи земли кладеша ли 9 литръ сребра, а 10-й злата? Сътвориши ли тако? Петръ же рече: »святин апостола рекоша ми, якоже владыка ми повелитъ створити, створю да въпрашаю, господи«. И въпраша владыку, владыка же вземъ крестъ благослови и рече: »чадо Петре, господь рече своими усты всякому просящему дай, ты убо неощади родитель имениа... Петръ же поклонися владыцѣ до земля, вѣруя въ глаголь его; пришедъ ко князю и рече ему: »да будетъ, княже, воля св. апостола и твоя«. И повелѣ князь извести вѣрвь отъ воротъ до воды, отъ воротъ до угла, отъ угла возаъ езѣра: се мѣсто великое. Петръ же рече: »да повѣлаши княже ровъ копати, якоже въ Ордѣ бываеъ, да не будетъ погыбѣніа мѣсту тому«. И бысть тако: граждане же, иже провождана иконы, въ той часъ ископаша ровъ, иже есть и до нынѣ. Петръ же нача отъ воды класти, емля изъ мешецъ по одному, 9 литръ сребра, а 10-й златъ и наполниша возила петровыхъ кунъ (*денегъ*), и тыя колѣсница, на нихже клеть въздааху, едва можаху какъ подвизати ихъ. Видѣвъ же князь и владыка множество злата и сребра, еже бысть 10 выходъ дати (*т. е. за 10 мѣтъ, татарскихъ податей*), а мешцы цѣлы,—и рекоста к собѣ: »что се есть, Господи, не по нашимъ грѣхомъ сіа сотворишася! Велию бо благодать человекъ съобрѣте предъ Богомъ, по силѣ св.

апостола«. И поставьша стражи: а ра у Петрова обѣщанныа людіе, и молѣбнѣ, и повелѣша Петру итти и бысть радость велиа во градѣ, и Петра великою честію и многими на многы дни поюще молебны, славляху Бога и св. апостола о бывшемъ в наша дни; и многу бышеши милостыня и кормленіи щихъ. Не вѣдаше же Петръ, что створися о чудеси семъ п бѣ ногъ и асая. Видѣвъ же князь и владыка тра умолкающа и рекоша к собѣ: сей мужъ, царво племя, иде(тъ) иду,—и будетъ сиюна граду наже: бо Петръ возрастомъ великъ и красенъ. И рече ему: Петре, коша поймавъ за ти невѣсту? Петръ же слезився и отвѣщавъ: »азъ господалюбихъ вашу вѣру, и оставь русскую вѣру и пріидохъ к вамъ: господня и ваша будетъ! князь же ему отъ великихъ вельможъ неистѣша бо тогда в Ростовѣ ординствіи можи. Владыка же вѣнча Петра и церковь ему и святи ю, по заповѣди апостола. Князь же поимаше Петра царскую утѣху около езера съ стрѣляше его, дабы ся в нашей вѣру жалъ, и рече ему: »Петре, велию ти годать обрѣте предъ Богомъ (себѣ) иду нашему, писано бо есть: что ты господеви о всѣхъ, яже въздаеши. Прими, господине Петре, малое сіа мля наша отчяны противу дому св. а столъ отъ езера сего; азъ тобѣ гри испишу«. Отвѣщавъ же Петръ: азъ же отъ отца и матери не знаю ни владѣти, а грамоты сіа чему суть? и же рече: »азъ тебѣ все уряжу Петръ грамоты суть на се, да не отымѣтъхъ земель мои дѣти и внуцы у тв внукъ по насъ«. Петръ же рече: господня да будетъ, княже! И князь предъ владыкою грамоты и множество земаи отъ езера воды и

и до нынѣ, и урядина ему до-
го землямъ. Орда же тѣхъ (ти-
тогда на многа лѣта. Бяху бо
сладцы отвѣти, добрыя обычая
, и тольми любляше князь Пе-
и хлѣба без него не ясти, яко
братати Петра въ церкви съ
(¹), и прозваста Петра брата
(родина(ся) Петру сыновѣ в не-
, и по малѣхъ лѣтѣхъ св. Игна-
гавися, пріять царство небесное—
ему память! Старый же князь
ѣ не по мнозѣхъ днѣхъ престави-
же князя дѣти зваху Петра дя-
старости,—и (бысть) миръ на
лѣта. Поживъ же преставися
въ глубоцѣ старости, въ мнишес-
гу къ господу отъидѣ, егоже воз-
положиша у св. Петра у его
и отъ того днѣ уставися мона-
и. Внуцы же стараго князя за-
тра и добродѣтель его, начаша
лузи и украинны земель у Пе-
дѣтей; сынъ же Петровъ шедъ
сказася брата царева внукъ,—
вашася ему дяди его, и почти-
и многы дары даша ему и по-
царя исправивша ему. Пришедъ же
яревъ в Ростовъ и возрѣвъ въ
ты Петровы стараго князя и су-
и положи рубежъ землямъ по
въ стараго князя и оправя Петро-
и вда ему грамоту со златою
еже у младыхъ князей, и внукъ
князя по цареву слову, отъидѣ.
же князи рѣша в себѣ и своимъ
: слышахомъ еже родители наши
идею его отца Петра, дѣдъ бо
его сребра у него взять и бра-
шнѣ въ церкви, а родъ татар-
сть не наша, что есть намъ за
сребра намъ не остави ни сей ни

Обрядъ поворотности совершался въ церк-
гахъ славянскихъ народовъ.

родители наши». Сидевыми бесѣдами гла-
голаху и не искаху чудотворенія св. апо-
столь, а прародителю любовь забыша; и
такъ пожиша лѣта многа, зазирающе Пе-
тровымъ детемъ, еже въ ордѣ выше ихъ
честь приимаху. Сыну же петрову роди-
на сыновѣ и дщери, въ глубоцѣ старо-
сти къ господу отъиде; внукъ же Петровъ
именемъ Юрье, якоже навиче у родите-
лей своихъ, честь творити св. Богороди-
ци въ Ростовѣ и гривны на ню возлага-
ти, и пированія владыкомъ и всему кли-
росу и собору церковному, и праздникомъ
св. апостоль Петра и Павла, и память
творити родитель и прародитель—вѣчная
ихъ память по вся лѣта! Ловцемъ же
ихъ задѣвахутца рыбы паче градц-
кихъ ловцевъ: аще бо играя петровстѣи
ловцы вѣрляи суть сеть, то множе-
ство рыбъ; а градстѣи ловцы тружающе-
ся много, оскудѣваху. Рѣша же лов-
цы: »Господіе князи, аще петровстѣи ловцы
непрестануть ловити, то езеро наше бу-
детъ пусто; они бо вся рыбы поймаху.«
Правнуцы же стараго князя глаголаша
Юрью: »слышахомъ исперва, еже дѣдъ
вашъ грамоты взя у прародитель нашихъ
на мѣсто монастыря вашего и рубежи
землямъ его; а езеро есть наше, грамо-
ты нанъ не взясте, да уже не ловятъ
ловцы ваши.« И збысться пророчество
стараго князя брата Петрова, еже рече о
обидѣ внукъ предѣ грамотою. Слышавъ
же сія, Юрьи внукъ Петровъ, иде въ
Орду, и сказася правнукъ брата царева;
дяди же честыми мнозими почтоша и да-
ры многы даша и посоль у царя испра-
вивша ему. Приде посоль въ Ростовъ и
сѣдъ при езерѣ у св. Петра, и бысть
боязнь княземъ царева посла, и суди ихъ
съ внуки Петровыми. Юрье же предѣ
посломъ положи вся грамоты, и посоль
возрѣ въ грамоты и рече княземъ: »не
ложь ли суть грамоты сія и купля сія?
ваша ли есть вода, есть ли подъ нею
земля? можете ли воду сняти съ земли

той? И отрѣшаша князи реча: — ей господи, не ложь суть грамоты сія; а земля подъ нею несть, а вода наша есть вотчина, господине, а сняти ей не можемъ. И рече посолъ сяце царевъ судія: »аще не можете сняти воду съ земля, то почто своею имѣнуета? а сотвореніе есть вышняго Бога на службу всѣмъ чловѣкомъ.« И присуди внукомъ Петровымъ Юрью, »какъ есть землямъ купля, такъ и водамъ,« — и вдасть Юрью грамоту съ золотою печатію по цареву слову, и отъиде, князи же не можаху ала сътворити ничтоже Юрью. И утѣшися житіе на многа лѣта, и славляху Бога, якоже навькоша у родители своихъ творити, памяти св. апостолъ съ слезами и радостію, поминающе съ въздыханіемъ чудеса ихъ и памяти годовнии родители с великими милостынями. Возрасте же правнукъ Петровъ, а Юрьевъ сынъ Игнатъ, и при его животь съдѣся сія: пріиде Ахмылъ на Рускую землю и поже градъ Ярославль, и поиде к Ростову с всею силою своею. И устрашися его вся земля, и бѣжаша князи ростовстія и владыка побѣже Прохоръ⁽¹⁾. Игнатъ извлече меч и угна владыку и рече ему: »аще не идеши съ мною противу Ахмыла, то самъ посѣку тя: наше есть племя и сродичи.« И послуша его владыка, и ко всѣмъ клиросомъ възирахъ, въземъ крестъ и хорюговъ, и поиде противу Ахмыла; а Игнатъ, предъ кресты съ гражданы, въземъ тѣшь царскую — кречеты, шубы и питіе, и край поля езера ста на колѣну предъ Ахмыломъ, и сказася ему древняго брата цареву племя; а се есть село цареве и твое, господи, купля правды нашего, идѣже чудеса творяхуся господи. И страшно, еже

(1) Прохоръ былъ епископомъ въ Ростовѣ 1311—1323 г.; нашествіе Ахмыла случилось въ 1322 г. П. С. Лѣт. III, 72; IV, 49. VII, 198.

видѣти рать его вооруженну, и рече Ахмылъ: »ты тѣшь подаетши, а си и суть в бѣлыхъ ризахъ и хорюговъ а егда същися с нами хотять?« Игнатъ отвѣщавъ: сіи богомольцы церкви и суть, да благословять тя; а се иже божицу по закону нашему. В тошмя у Ярославля, в тѣжсѣи мѣстѣ бысть сынъ Ахмыловъ, возжаху на возилыхъ, — и повелъ вести ала да благословить его; владыка и Прохоръ сняти воду, и вода слышати, и благослови его крестомъ — бысть здравъ. Ахмылъ же видѣ а здрава, възрадовася, и сніде с крестиву крестовъ, и въздѣнь руцѣ и рече: »благословенъ Богъ вышній, и вложи ми в сердцѣ ити до здѣ, предъ еси, господи Прохоре, яко иже твоя възкреси сына моего! Благословити Игнатій, иже упасе люди свои: сій, царева кость — наше племя; а здѣ будетъ обіда, да неленнея днѣ насъ.« И въземъ 40 литръ сребра, и владыцѣ, а 30 литръ дастъ клиросомъ, и взя тѣшь у Игната и поклонна идыцѣ, и възидѣ на конь, и отъидѣ своисн. Игнатъ же провожая Ахмыла возвратися съ владыкою и съ гражданы и възрадовашася, и пѣвъ мелебсн прославиша Бога. Дайже Господи убо почитающимъ и пишущимъ древнии прародители дѣянія здѣ и в будице; а Петрову роду сему соблѣнн и умноженіе живота, не оскудѣеть рани бес печали, — вѣчная ихъ память меччанія міру! Богу нашему слава, и и присно, и вѣки вѣкомъ, аминь.

(Правосл. Собесѣдн. 1859 I. 3, стр. 356).

Обратить вниманіе, какъ вѣра христіанскіи цивилизація Руси дѣйствовали на Татаръ.

Сказаніе о Михаилѣ Тверскомъ (1).

блаженный, приснопамятный, богоугодный князь Михайло Ярославовичъ, 1. кн. Всеволода Юріевича, скончавшему ему нужную смерть въ Орде татари; роди же ся вонстину отъ князя и преподобныя матери в. княгини, егоже св. та и мудрая царица въ страхъ господни и научи гаша и всякой премудрости. Князю въ отчину своей во Твери, ися в. кн. Андрей, и благослови свой столъ на в. княженіе сего любимаго кн. Михаила, емуже по пшнеству допелъ быше стеновъ и великого; и поиде въ орду якоже и преже его князи бываху обычай тамо взимати вел. князю. Въ то же время сыновець его в. кн. Даниловичъ поиде въ Орду же; ему бывшию въ Володимери, блажене и приснопамятный митрополать и вся Русь Максимъ съ многою браняшехъ ити въ Орду, глаголюще: имаяся тебѣ съ в. княгинею и матерію в. кн. Михаила, чего ли изъ отчины вашей, то ти онъ же обещаеся, рекъ: «хотя иду въ Орду, но не хочу в. князю. И бывшию ему въ Орде, не хочю человѣчю добра всепагубный врагъ, вложи въ сердце княземъ татаръ свадина братію, ркуще в. кн. Даниловичу: «оже ты даси выходъ кн. Михаилу тверьского, мы тебѣ княженіе дадимъ;» и тако преиде въ сердце его, и нача искати в.

Это сказаніе составлено послѣ 1348 г. его былъ современникомъ убіенія князя и слышалъ все, что написанъ, отъ священника онъ самъ говоритъ въ сказаніи. Это можно читать въ Софійск. Временникъ 1, 3, въ Полн. Собр. Р. Лѣт. VII, 188—Никоновск. Лѣт. III, 116—124.

княженіи. Обычай бо поганыхъ и до сихъ мѣстъ вмещуе вражду между братіи князей русьскихъ, и себѣ болшая дары взимаху. И бывши прѣ велицѣ межн ими, и бысть тягота велика въ Русьской земли за наша согрѣшенія... Но милостию пресв. Богородица и всѣхъ святыхъ, прииде благоговѣрный князь Михайло въ Русь, и посаженъ бысть на столѣ в. княженіи въ Володимери блаженнымъ и приснопамятнымъ м-томъ киевскимъ и всея Руси Максимомъ. Князю же ему 8 лѣтъ на в. княженіи, а въ Орде сѣде инъ царь именемъ Озбикъ, войде въ богомерзскую вѣру Срачинскую, и оттолъ напаче не пощаде ни нача роду христіаньского. Якоже бо о таковыхъ рекоша царьскыя дѣти, иже плѣнени въ Вавилонъ, сице глаголаша: предасть ны въ рудѣ царю нечестивому, и законопреступному, и лукавѣйшю паче всея земля... Но мы бывшее възглаголемъ. И оттолъ нача быти вражда промежи князей сихъ; аще и твораста миръ межн себе, но врагъ нашъ всепагубный дьяволъ пакы рать вздвизаше. И пакы бывшимъ великимъ княземъ въ Орде, и бывши прѣ велицѣ межн ими и оставши в. князя Юрія Даниловича у себе въ Орде, а князя Михаила отпустиша на Русь; минувшю же единому лѣту, и пакы незаконни Имамляне не сыти суще мздоимства, егоже желаху, вземше много сребра, и даша великое княженіе в. кн. Юрію Даниловичю, и отпустиша съ нимъ на Русь единого отъ князь своихъ, незаконнаго и треклятаго Кавгальи. Блаженный же в. кн. Михайло срѣте его съ полки своими, и посла къ в. кн. Юрію Даниловичю, рекъ тако: «брате! аже далъ царь тебѣ великое княженіе, то и азъ отступаюся тебѣ, княжи на великомъ княженіи, а въ мою опришнину не вступаеся;» и распустн вся вой своя, и поиде въ свою отчину съ домашци своими. И пакы дьяволъ не престае желая кровопролитія, еже и створи-

ся за грѣхы наша. Прииде бо в. ин. Юрій ратию ко Тѣбри, совокупивъ всю землю Низовскую и съ кровоопицеи Кавгадыи, и множество Татаръ и Бесарменъ и Морьды, начаша городъ жечи и многа села; и бысть туга не мала, мноюще мужи и мучащи различными муками и смерти предаяху, а жены ихъ осаверниша поганѣи; и пожгоша всю власть тѣврскую и до Волги, и поидоша на другую страну Волги, и на той странѣ тоже хотяху творити. Блаженный же князь Михайло призва епископа своего и князей и бояръ, и рече къ нимъ: »братіе! видите ли, княженія великого отступилъ есмь брату моему и выходъ давалъ есми, и се надъ тѣмъ колико зла сѣтвориша въ вотчинѣ моей? азъ же терпяхъ ихъ и чаяхъ, уже престанеть злоба си, но и паче вижду еже головы моя ловить; нынѣ же не творюся въ чемъ виновать, буду ли въ чемъ виновать, скажите ми.« Они же яко единѣи усты со слезами рекоша: »правъ еси, господине, во всемъ; предъ своимъ сыновцемъ таковое смиреніе сѣтворилъ еси, и се взяша всю власть твою, а другую страну также хотяху пусту сѣтворити; а нынѣ, господине, помди противу ихъ, а мы, господине, за тебя хоцемъ животомъ своимъ потягнути.« Блаженный же князь Михайло также съ многымъ смиреніемъ рече: »братіе! слышите что глаголетъ господь въ евангеліи: иже аще кто положить душу свою за други своя, той великъ нарочетъ въ царствѣ небеснѣмъ; намъ же нынѣ не за единъ другъ, ни за два голова положить и душа своя; но за толико народа въ полону суца, а инія избіени суть... И утвердившеса честнымъ крестомъ и поиде противу ратнымъ, и яко быша близъ себе, и бысть видѣти ратныхъ безчисленное множество, и яко сѣступишася полци и бысть сѣча велика, не могуше брани носити, вдаша противнии плещи свои, милостию великаго Спаса, и пречи-

стыя его Матери, и помощію великаго архангела Михаила побѣди блгаго князь Михайло, и бысть видѣти боленое множество ратныхъ падающе и кони азвени, яко снопы въ жатву лежаху. Великій же князь Юрій Даниловичъ видѣ многы падающа вои его и отѣха въ Торжекъ въ нагѣ ратныхъ отътолѣ ѣха въ В. Новгородъ; а наго же Кавгадыя съ други его и велѣ князь избивати, въ негѣже мнѣня болши погыбель. Си же мѣсяць створися м. декабря 22. Самому же Михайлу видѣти досиѣхъ свой вѣснъ, на тѣлеси же его не бы никоеяже раны... И избави изъ множество душа, бывшая въ скорыи рукахъ поганьскихъ, и възвратиса въ отечество съ великою радостію, и приде окааннаго Кавгадыя въ градъ свой много честивъ и одаривъ его, и вѣсти его; онъ же много съ гестію и шеса не вадети нанъ ко царю, гдѣ »заеже воевали есми власть твою и царева слова и повелѣнія.« Великій же князь Юрій Даниловичъ совокупивъ и ство Новгородцевъ и Псковичъ, и ико Тѣбри, и срѣте его князь Ми противу Синѣвского, и цакы не видѣти другаго кровопролитія за толы дни, умрившися и крестъ цѣль и рече кв. Михайло: »поидеъ, ѣ оба въ Орду, жадуемъ видѣсти и абы ны чимъ помочи христіаномъ.« Ликый же кв. Юрій Даниловичъ съимася съ Кавгадыи, и поидоши передъ въ Орду, поидоши князи вѣзовскіе съ собою, и бояре съ городе отъ Новгорода, по повелѣнію князя Кавгадыя; (и написаша многа жестельства на блаженаго в. князя Ммы Князь же Михайло посла сына своего князя Костянтина; а самъ послѣ въ ду же поиде, благословяся у епископа своего Варсоноія, и отъ игумена отъ поновъ, и отъ отца своего духи

Ивана. И послѣднее исповѣданіе за рѣцѣ на Нерли... До того же оводи его благородная его княга и сынъ его кн. Василей, и тася со многими рыданіемъ, не разлучитися отъ възлюбленнаго же поиде къ Володимерю, а сынъ его кн. Дмитрій да кн. уъ. И бывшу ему въ Володимеріѣхъа послать отъ царя изъ енемъ Ахмыль, глаголя: «зоветь поиди вборзѣ, буди за мѣсяць; іе будещи, то уже воимянова на ѣ и на твои города; обадилъ ты царю Кавгадѣй, глаголя: не бывъ Ордѣ.» Думаша же бояре е: «се сынъ твой въ Ордѣ, а аго послы;» такоже и сынове власта ему: «господине драгый ѣзди въ Орду самъ, наю котори, аще всхощещи...»

Князь все таки отправился самъ, видя что кого не требуетъ „разіе“ его самага).

ию же ему въ Орду, м. сентябѣ, на усть рѣкы Дону, идѣже ѣ море Сурожское, и ту срѣте Костявтинъ. Царь же дастъ ему не дадуца никому же его обибое умякнуша исперва словеса елен, и та бо нынѣ быша стрѣгда же одари асѣ князи ординъарици, послѣди же самого царя, е ему въ Ордѣ полтора мѣсяца, царь княземъ своимъ: «что ми вили на кн. Михаила, сѣворите сѣ в. кн. московскимъ Юріемъ чешъ; да котораго правду скажетого хоцю жаловати, а виновани предати,» а не вѣси, окаяние, своею казнію сплелъ ему вѣсвѣтель. Въ единъ убо день со вси князи ординьскыя въ едину царевъ дворъ, и покладуху мноты со многими замышленіемъ на ханла, глаголюще: «многы дани

поималъ еси на городѣхъ нашихъ, царю же не далъ еси.» Истинный же христовъ страдалецъ Михайло любай правду, глаголя истину, со всякою правдою обличае лжи ихъ свидѣтельства... И паки минувшей единой недѣли по судѣ томъ, въ день суботный, отъ нечестивыхъ изиде повелѣніе незаконно, поставивша его на другомъ судѣ связана блаженнаго кн. Михаила, износаше ему несправедное осужденіе: «царевы дани не давалъ еси, противу посла билея еси, а княгыню в. князя Юрія уморилъ еси.» Благовѣрный же кн. Михайло со многими свидѣтельствомъ глаголаше: «колко скровищъ издавалъ есмь цареви и княземъ,» все бо исписано имѣаше; «и посла паки избавихъ на брани и со мнокою честію отпустихъ его;» а про княгыню Бога послуша призываше, «яко ни на мысли ми того створити.» Но незаконни, ... яко възхотѣша, то и сѣворима. Въ настоящую убо ночь приставивша 7 сторожовъ отъ 7 князей и вныхъ немало, и покладуху предѣ блаженнымъ многа ужа (узы) желѣзныя, хотяще отягчати ноги его, и взявши отъ шортъ его и подѣлшася; въ ту ночь мало отпустища ему отъ узъ желѣзныхъ, но связанъ тако пребысть всю ночь. Тое же ночи отгнаша отъ него вся бояре его и слуги сильно біюще, и отца его духовнаго игумена Александра, и оста единъ въ руку ихъ; глаголаше бо къ себѣ: «удалиша отъ мене дружину мою и знаешыя отъ страсти.» Наутріе же, въ недѣлю, повелѣніемъ незаконныхъ възложиша колоду велику отъ тяжка древа на выю святому, прообразующе ему поносную муку, юже приниъ благодараше Господа Бога, съ радостію и со слезами глаголя: «слава тебѣ, Владыко челоѣколюбче, яко сподобилъ мя еси начѣтокъ пріяти мученія моего, сподоби мя и кончати подвигъ сей; да не прелестяты мене словеса лукавыхъ, ни да устрашати мя прещенія нечестивыхъ.» И повелѣша бе-

законни вѣсти святаго послѣ царя, бѣше бо пошелъ на ловы, преподобный же и благовѣрный кн. Михайло яко изъмлада имѣше и никаго же измѣняше правила своего, въ нощи поше псалмы Давыдовы; а како поше изъ Володимеря, то отъ недѣли до недѣли пощашеся и причащашеся пречистаго тѣла и крови господни, а отнегъ же ятъ бысть, навнече безпрестани вся нощи не дядаше сна очима своима, да не въздремлетъ ни уснетъ храня его ангелъ. Но пакы славяше Бога, съ многими слезами и глубокимъ въздыханіемъ исповѣдаяся ему, глаголаше: »Господи! услыши молитву мою и вопль мой къ тебѣ да придетъ«... И егда незаконнии стражи они въ нощи забивааху въ той же колодѣ святѣи рупцѣ его, но ни тако озлобляемъ поше псалтирь непрестанно, а единъ отъ отроковъ его сѣдѣше предъ нимъ прекладывая листы, онъ же прилежно глаголаше: »Господи! не отврати лица твоего, яко скорблю, скоро услыши мя, вонми души моей, избави ю отъ врагъ сихъ«... И тако на всякъ часъ моляся Богови и глаголя; во дне же всегда бѣше видѣти его свѣтлымъ лицемъ и весела взоромъ, и словеса сладкими и веселыми тѣшаше бояръ и слугъ своихъ, и бѣше видѣти его яко никоегоже озлобленія приемлюща.. Минувшимъ же днемъ 20 и 4-мъ, святому бывшу въ неизреченномъ томъ терпѣніи, нечестивый же Кавгадый имѣя ядъ аспи-денъ подъ устнама своима, и пакы досажая души терпѣливаго кн. Михайла, повелѣ его привести въ торгъ въ таковой укоризнѣ, созва вся заимодавца, повелѣ святаго поставити предъ собою на колѣну; величаашеся незаконный, яко власть имый на праведнѣмъ, и много словеса взорче досадна праведному. И посемъ рече: »вѣдая буди, Михайле, такъ царевъ обычай: аждъ будетъ ему на кого гнѣвъ, хотя и на своего племянника, ти такоже древо въскладають на него, егда же гнѣвъ

его минеть, и пакы въ первую вводитъ его; утро бо или въ предъ день тягота си отидеть отъ тебе, и большей чести будеши«. И възръну сторожемъ его: »почто не облегчи древа сего? они же рекоша: или на другій день тако створишь и голу твоему«. И рече оказанный: »жизите ему древа сего, да не отчуждите ему плеча«, и тако единъ отъ престоющихъ за нимъ подымъ державою. Многу же часу минувшу, о вѣрному праведному отвѣты дающе, и посемъ велѣ вонъ вести блаженнаго; и минувъ ему вонъ, и рече слугамъ своимъ: »те ми стулець, да почю и припру ногама своима«, бѣста бо отагчана многаго труда. Въ то же время сълося бѣше множество отъ всѣхъ шедшихъ зряще святаго; рече же отъ своихъ, предстоящихъ ему: »мине дине княже! видѣши ли селѣно и множество стоящихъ, выдаще тя въ вой укоризнѣ, а преже ты слышаша ствующа въ своей земли; абы, господи еси пришелъ въ свою вежю«. Блжннй же рече съ слезами: »яко и быхомъ ангеломъ и челоуѣкомъ, и дащенъ мя покывааху главами своими пакы: »уповаю на Господа, да не оставитъ мя и спасеть якоже хоцетъ, яко исторгый мя отъ чрева матери мое въставъ иде къ вежѣ своей, глаголаше псалма того. И оттолѣ бѣше очи его полны слезъ, чюяше бо въ ци, яко уже скончатися доброму е ченію. Бывшу же блаженному въ рѣченномъ томъ томленіи и тяготъ 26 за рѣкою Теркомъ, на рѣцѣ и вонцѣ, подъ городомъ Тетяковимъ нувшу всѣ горы высокія Яськы и касьскы, близъ Воротъ желѣзныи среду рано повелѣ отпѣти заутрѣ часы... И посемъ нача каятися цемъ своимъ духовнымъ со смиреніемъ, очищая свою душу; бѣ

игуменъ да два попа. Посемъ сѣдацю у него сыну его князю шу, онъ же приказываше ко князю сынома своима про отчину про бояре, и про тѣхъ иже съшли и до мешшихъ, не веля презъ. И посемъ уже часу приблии, и рече: »дадите ми псалтырь, ю прискорбна душа моя«, чуяше иверъхъ пришедша отъ Бога святам по святую душу его. И разпсалтырь, и обрѣте псаломъ: »внуэ молятву мою и вонии моленіе скорбѣхъ печали моея смутихся а вражіа, яко въ гнѣвъ враждонгѣ«, въ той бо часъ оказанныи и входядаше ко царю и исхожаотвѣты на убіеніе блаженнаго; чташе: »сердце мое смутися во трахъ смертныи приде на мя«. попомъ: »что молвить псаломъ ките ми? они ркоша не хоташе го смутити: »се, господине, знапсалмы въ послѣдней главизнѣ: на Господа печаль свою, и той итаеть и не дасть въ вѣки смяведнику«. ... И скончавъ псалмытъ псалтырь, и се въ той часъ икъ его въскочи въ вежу, обле (поблѣднѣшимъ) лицемъ и имъ гласомъ: »господине княже! же отъ Орды Кавгадыи и в. кн. иинловичъ со множествомъ народа въ твоей вежѣ«. Онъ же наборзѣ и въдохнувъ рече: »вѣдаю наъ, на убіеніе мое«, и отсла вско: своего Костянтина къ царици; рашно въ той часъ, братіе, виъ многихъ странъ мпожество жекъ вежѣ княжѣ Михаиловъ. Кав: и в. кн. Юрій послаша убійци, сѣдше съ конь въ торгу, близъ е торгу яко каменемъ веречи. же яко дивимъ звѣріе, немилостивииди, разгнавшѣ отъ блаженнаго іе его, въскочиша въ вежу, обрѣ-

тоша его стояща, и тако похватиша его за древо еже бѣ на выи его, и ударина имъ сильно, и възложина ѿ на стѣну, и проломися вежа: онъ же въскочи, и тако мнози еише и повергоша его на земли, и біяхуть пятами нещадно. И се единъ отъ беззаконныхъ, именовъ Романецъ, излекъ великый ножъ и удари въ ребра святаго въ десную страну, и обращая ножъ съмо и овамо, и отрѣза честное сердце его.

И тако предасть святую и блаженную свою душу въ руки Господеви, м. нояб-ря въ 22, въ среду 7 часа дни; и при-тесе съ лики святыхъ, и съ среднико-ма своима св. Борисомъ и Глѣбомъ и съ тезоименитникомъ своимъ в. кн. Михаиломъ черниговскимъ, и пріять въпецъ неувадаемый отъ руку господня, егоже вжалѣ. Вежу же блаженнаго разграбина Русь и Татарове, а честное тѣло его повергоша наго, никимъже небрегомо; единъ же отъ нихъ пріѣха въ торгъ, рече: »се уже повелѣное вами сътворихомъ«. Кавгадыи же и в. кн. Юрій пріѣхаша вскорѣ надъ тѣло его; Кавгадыи же видѣ тѣло наго повержено, и глагола ѣъ яростію в. кн. Юрію, рена: »не братъ ли ти старѣйшии какъ отецъ, да чешу тако лежить тѣло его наго повержено? в. же кн. Юрій повелѣ своимъ покрыти тѣло его; и се единъ прикры тѣло его своею котыгою, юже носаше. И положиша его на велицѣи досцѣ, и възложина на телѣгу, и увиша ужли крѣпко, и прѣвезоша за рѣку, рекомую Адъсь, еже зовется горестъ; горестъ бо се пльѣ, братіе, и есть, въ той часъ такову видѣвши нужную смерть господина своего кн. Михаила. А бояре его и слуги пеш-нози гоньзнуша руки ихъ, и еже дерзнули убѣжати въ Орду ко царици; а нныхъ изнимавше влечахуть нагихъ, терзающе нещадно аки нѣкыя злодѣи, и приведше въ станы своя утвердина ѿ въ оковахъ. Сами же князи и бояре въ единой вежѣ

пиху вино, повѣствующе, кто какому вину изрече на святаго. Створившесе чудо велико да скажемъ: въ настоящю бо ночь в. кн. Юрій Даниловичъ двѣма отъ слугъ своихъ повелѣ стрещи тѣлесе святаго, и якоже начаша стрещи, пріять ихъ страхъ и ужасъ велий, не могуще терпѣти отбѣгоша въ станы своя; и рано пріидоша, не обрѣтоша тѣлеси его святаго на дѣскѣ, но тѣлѣга стояше и доска на ней одинако ужи привязана, тѣло же святаго о себѣ на одномъ мѣстѣ лежаше равною къ земли, и кровь многу изшедшую изъ язвъ, десная же рука его бѣ подъ лицемъ его, а лѣвая у язвы его, а порты одинако огнѣн. Преславно бо Господь прославилъ вѣрнаго раба своего кн. Михаила; тако бо удивилъ, объ ночь лежа тѣло его на земли, а не прикоснуся ему ничтоже отъ звѣрій, а множеству безчислену сущу: хранитъ бо Господь вся кости ихъ, ни одна же отъ нихъ не скрушится, смерть же грѣшникомъ люта; еже бысть незаконному и проклятому Кавгадыю, и не пробывъ убо ни одного лѣта и зѣвъ изверже океанный животъ свой. Мнози же вѣрнии и отъ невѣрныхъ тое нощи видѣша чудо преславно: два облака свѣтла всю ночь остѣняста надъ тѣломъ святаго, разступающесе и пакы съступающесе вмѣсто и сіяюще акы солнце. Наутрѣ же глаголааху, яко святъ есть князь сій и убиенъ невинно, облакомъ бо симъ являетъ просвѣщеніе ангелское надъ нимъ; еже исповѣдаша намъ со слезами и со многими клятвами, ако истина есть бывшее. И отътолѣ посла тѣло блаженнаго въ Мождѣжчары съ своими бояры, и тамо слышавше гости знаменіи ему и хотѣша прикрыти плащаницами многоцѣнными тѣло его, съ честію и свѣщами славно въ церкви поставити; приставленіи же немилостивіи бояре не даша имъ ни видѣти блаженнаго, но со мною укоризною поставиша его въ единомъ мѣстѣ за сторожы. Но и ту прос-

лави его Господь: мнози бо отъ русскихъ языкъ, живущи на мѣстѣ томъ всю нощи видяху столпъ огонь отъ земли до небеси, и ни же и небесную проклинающуюся надъ святаго, идѣже лежить тѣло. И везоша его къ Беадѣжу, и жившии тамъ ко граду, и жившии же изъ града около сани и много рода идяху съ свѣщами, а ни же и съ фонари на въздухѣхъ тѣлеса привезоша и въ градъ, и не сани церкви, но въ дворѣ стрѣлаху а се отъ стрѣгущихъ единъ въ ночь же верху сани сущихъ съ тѣломъ святаго, и тако невидимо тѣло сверже его далече съ сани свѣщамъ же великою болѣзнію одва уста, и живу ему сущу, пришедше всамъ сущему іеревани бывшая ему, отъ слышахомъ и написахомъ. И отъ везоша его въ Русь, везущи и по городомъ по русьскимъ, и до Москвы положиша и въ церкви сани въ монастыри; князѣ же и слышавши не вѣдущи ничтоже створшаго, че бо бѣ земля и не бѣ кому вѣдѣти нести. На другое же лѣто в. кн. Юрій Даниловичъ в. княженіе, приведе съ собою кн. стантина Михайловича и бояръ и отца его. И се увѣдавше княгиня Анна, и епископъ Варсонофей, и отъ него, послаша увѣдывати на Москву слани же пріѣхавше и повѣдаша кн. Михайло убиенъ есть, и плача на многи дни неутѣшно. Бывшию кн. Юрію Даниловичу въ Волод послѣ къ нему кн. Дмитрей Михайловича брата своего кн. Александра, и своихъ, и едва умолиша кн. в. Даниловича; онъ же повелѣ отыскати тѣло блаженнаго. Они же посла Москву бояръ своихъ съ игуменами, и привезоша тѣло святаго въ со мною честію, и срѣтоша его

Дмитрей, кн. Александръ, кн. и княгини его Анна, по Волгѣ вѣхъ, а епископъ Варсоноей со вѣ игумены и попы, и безчислество народа срътоша его у св. Михаила на брези; и отъ многа не баше слышати помощихъ и у донести раки къ церкви, и предъ враты церковными, и многы часы плакаху, и едва въ церковь. И пѣвше надъ нимъ пѣніе, и положиша въ церкви на десной странѣ, еже бѣ самъ посторонъ преп. епископа. Семе-сентября въ 6 день, на Чюдо Михаила. И се чуднѣ сѣтвори ю неизреченною милостію: изъ чіе земли везено тѣло святаго гѣ и въ санѣхъ, и потомъ же таго лежало на Москвѣ лѣто брѣтеса тѣло все цѣло, а не како удиви Богъ святыя своя пострадавша за ны.

Собр. Лпт. V, 207—215).

тіе Александра Михайловича творскаго.

іе лѣта (1338) ⁽¹⁾ князь в. Александръ, тверскій поиде во Орду, а кн. Федору тогда во Ордѣ сущу, его и бояря его и гости и житеи и весь градъ плакаше о немъ іе его много, да не идетъ во царю; вѣдомо ти есть, царь гнѣтебя и смерти предати ти хо-

1. Мих. Тверской князь избял татаръ и посла Шевкала въ 1327 г. За это его в не только ханъ, но князь и митрополскіе, но этому онъ рѣшился идти въ гнѣ власти хана.

цетъ, божественное жъ писаніе не повелеваетъ самому себя на смерть предати. Онъ же речъ: »Господь во евангели своемъ глаголетъ: не убоятеса отъ убивающихъ тѣло, душе же немогущи что сотворити!... Азъ отъ чрева матери своея согрѣшихъ и согрешая не преставу, како не имамъ пострадати въ настоящемъ семъ, и скоро мнующемъ жити? все бо наше житие мимо гряде, и яко дымъ изчезаетъ, и яко сонъ ни вочтоже бываетъ». Онъ же все о семъ оскорбился, глаголаше, воля господня да будетъ, и тако умолчаша. Онъ же видѣвъ въ насадѣ съ сущими съ нимъ, и тогда воста вѣтръ силенъ зело онемъ гребущимъ, а насадѣ назадъ идяше и смѣтъ тружajúщихся; и тако много тружajúщеса едва проидоша землю рускую. А братъ его кн. Василей Мих. съ бояры своими и слугами проводяша его до Святославля поля, а брату его кн. Костянтину Мих. тогда въ велицѣ болѣзни лежаще, и плакася по немъ кн. в. Александръ Мих. тверскій глагола сице: »се есть при кончинѣ нашей наставникъ и собратель отчинѣ нашей, о немъ же утвердишася люди его по рати сѣи». Тогда же съ нимъ поидоша въ Орду ко царю Азбяху кн. в. Василей Давыдовичъ ярославскій внукъ Федоровъ, правнукъ Ростиславль, праправнукъ Мстиславль, преправнукъ Давыдовъ и кн. Романчюкъ белозерскій. Пришедшимъ же имъ во Орду, обретѣ кн. Александръ Мих. тверскій сына своего Федора во Ордѣ и целовавшеса плакашеса. Исповѣда ему сынъ ево гнѣвъ царевъ, онъ же речъ воля господня да будетъ, и вземъ дары многи даде царю, и царице и княземъ и прочимъ радцемъ. И пребысть единъ мѣсяцъ во Ордѣ у царя Азбяка и мнози глаголаху ему татарове, иже друзи ему сущи, хочеть ты царь убити, оклеветанъ бо еси къ нему на крепко. Онъ же глаголаше къ нимъ: »что имамъ сотворити? Аще Богъ восхоцеть на предати на смерть, да кто

ня отъ нея избавить?» И нача прилежати къ молитвѣ и покаянню исповѣдавшеся всегда у отца своего духовнаго, и приближися память св. великомуч. Дмитрея, и прииде ему паки вѣсть о убивеннѣ его, яко по трехъ днехъ злѣи смерти преданъ будетъ. Онъ же глаголаше: »Господи буди воля твоя, яко же хочещи», — и весь день сетуя хожаше и моляшеся и скорбяше. И наста память св. мученикъ Терентія и Неонилы, и препод. Стеана творца канономъ и Саванта и св. мученицы Парасковен нареченныя Пятницы, воста рано повелѣ пѣти заутреню..... И егда начаша глаголати о сея псалмы (*ше-стопсалміе*) Давыдовы: »Господи чтося умножишася стужающіи ми»..... и повелѣ умолчати и прииде ко иконе и знаменася целова глаголя сице: «аще царь Давыдъ толкъ Богоотецъ пророкъ велии духъ св. нияше въ себѣ. и напасти и беды многи претерпѣ, азъ ли не хошу пострадати многогрѣшенъ сын! Господи, воля твоя да будетъ, тотовъ есмь на все за имя Твое святое»; и тако повелѣ глаголати вся по ряду, таже и прочіе правило все и молитвы изглаголаше. И по семъ многу часу мимошедшу, посла ко царю вестей пытати, таже и самъ вседъ на конь и нача ѣздити вестей пытати о смерти своей отъ знаемыхъ друговъ своихъ; и увѣдѣвъ истинно, яко въ си. часть смерти преданъ будетъ. Онъ же объеми сына своего и бояръ своихъ целоваше и о вотчинѣ своей глаголавъ, и отъ сына своего и бояръ своихъ и отъ всѣхъ слухъ своихъ, паче же отъ отца своего духовнаго прощение вземъ, и ихъ простивъ, и любезно о всѣхъ слезы проливъ, и конечно исповѣдася отцу своему духовному о всемъ, і тако священныхъ и божественныхъ таинъ причастися; и тако же и сынъ его Федоръ и бояре его, і вси сущи съ нимъ; никто же бо отъ нихъ чаше себѣ живота. И по семъ малу часу пришедшу пригнаша къ нему отроцы его

глаголюще съ горькимъ плачемъ, і многими слезами: Господинъ нашъ мый княже, се уже грядуть на убив твое посланнии отъ царя Азбика Берки и Черкасъ; онъ же воздѣвъ руцѣ свои нача молитись: »Господи буди воля твоя а не моя, якоже хочещи, да аще я ели мертвъ есмь, даждь ми милость твою и прости ми вся согрешенія моя». И ему глаголющу и слезамъ непрестанно отъ очию текущимъ, и прочимъ ка въ слезахъ стоящимъ, и се приидоша сланицы отъ царя къ стану его; и же выиде противу нимъ со смиреніемъ. | тако ту убивъ бысть и съ сыновъ своихъ Федоромъ, и отсекоша главы и бояре же его и слуги все разбежаша; олицы жъ оставася ту, взявше телеги повезоша на Русь. И бывшимъ имъ Володимере, срете ихъ Феогнасть і киевски всеа Русни священнымъ соборомъ и пѣвше надъ ними надгробное пѣніе отпустиша ихъ.

(Никон. лѣтоп. III, 166).

346. Битва съ Арапшею 1378.

Перебѣжа изъ Синей орды за Волгою нѣкоторый царевичъ Арапша, и выиде съ нимъ ратью къ Новгороду Нижнему, и тамъ же Дмитрій Костянтиновичъ посла къ зятю своему Дмитрію, кн. же Дмитрій Ив. прииде къ Новгороду Нижнему въ силѣ тяжцѣ, и не бысть вѣсти о царевичя Арапшу, и възвратися назадъ къ скву, и посла на нихъ воеводы своихъ съ ними рать: володимерьскую, перемысльскую, юрьевскую, муромскую, ярославскую, а кн. Дмитрій суздальскій и сына своего кн. Ивана, да кн. Сеи Михайловича, а съ ними вой. Бысть у нихъ велика зѣло, и поидоша за рѣку за Печору (Симбирс. губ.). И прииде къ

вѣсть повѣдаша имъ царевича на Волчьи водѣ, они же оплошишася и небреженіемъ хожуху, доспѣхи своя складоша на телеги, а шпыи въ сумы, а у шыхъ сулицы (*колья*) еще не насажены бѣху, а щиты и коныя не приготовлены, а бѣдять порты (*платье*) своя съ плечь спустя, а петли разтегавъ, аки расирѣли, баше бо имъ варно, бѣ бо въ то время знойно; а гдѣ паѣхаша въ зажитіи медъ и пиво, испиваху дошьяна безъ шѣры, и бѣдять пьяни, *по истинѣ за Пьяною пьяни*; а князи ихъ, или бояре старѣйшии, велможи и воеводы, ти вси поѣхаша ловы дѣюще, угѣху себѣ творяще, мнящесе яко дома. А въ то время поганіи князи мордовѣстїи подведоша втай рать татарскую, изъ Мамаевы орды, на князей нашихъ, а княземъ нашимъ не вѣдушимъ и про то имъ вѣсти не было. И доидоша на Шипару, и абѣ поганіи борзо раздѣлишася на 5 полковъ, и внезапно безъ вѣсти ударша на нашу рать въ тылъ, бїюще и колюще и сѣкуще безъ милости; наши же не успѣша ничтоже, чтобы имъ сѣтворити, побѣгоша ко Пьянѣ рѣцѣ; а татарове послѣ бѣюще, и ту убїша кн. Семенова Михайловича; князь же Иванъ Дмитріевичъ прибѣжа во торопѣ къ рѣцѣ, гоимъ напрасно, и вержесе на конѣ въ рѣку и утопе, и съ нимъ истопоша въ рѣцѣ множество бояръ и слугъ, и народа безчислено, а иніи побѣени быша. Сїа же злоба съдѣяся м. августа въ 2 въ недѣлю (*въ воскресенье*) въ 6 часѣ о полдни. Татарове же одолѣвше крестьяны, и сташа на костѣхъ, полонъ весь и грабежъ ту оставиша, а сами поидоша къ Нижнему Новгороду изгономъ (*набѣгому*), безъ вѣсти; князю же новгородскому не бысть силы стати противу ихъ на бой, но побѣжа въ Суздаль, а люди граждане разбѣгошася въ судѣхъ по Волзѣ къ Городцу. Татарове же пришедше къ городу августа въ 5 въ среду, остаточныхъ людей гражданъ избїша, и градъ

весь и церкви и монастыри пожгоша; и отбѣдоша иноплеменници отъ града въ пятницу, волости новгородскія воююще, а села жгуще, и множество людей посѣкоша, а жены и дѣти и дѣвицы въ полонъ поведоша. А татарове взяша Переяславль рязанскій, а самъ князь Олегъ изъ рукъ убѣжа изстрѣлянь.

(П. Собр. лѣт. IV, 73 - 74).

347. Слово о задонцихъ послѣ 1380 (').

Снидемся братя и друзи и сынове рускїи составимъ слово къ слову, возвеселимъ Рускую землю, возверземъ печаль на восточную страну въ Сивовъ жребїи, и воздадимъ поганому Мамаю побѣду, а в. кн. Дмитрею Ивановичу похвалу и брату его князю Владими-

(¹) *Задонщина, или слово о в. кн. Дмитрею Ивановичѣ и о братѣ его князѣ Владимирѣ Андреевичѣ, яко побѣдили супостата своего царя Мамая.*

Описание Мамаева побоища дошло до насъ въ двухъ редакціяхъ: одна въ Слово о Задонцихъ, которое отличается народнымъ, поэтическимъ складомъ; другая—въ Сказанїи, которое носитъ на себѣ характеръ книжной рѣчи, украшенной искусственными, риторическими выраженїями. Въ которой изъ нихъ удержалось болѣе отъ первоначальнаго сочиненїя Рязанца Софронїа, сказать трудно. Нельзя однако не замѣтить, что въ первой редакціи рассказъ круглѣе, и самое впечатлѣніе, имъ производимое, полнѣе и яснѣе. Что же касается до второй редакціи, то слѣдуетъ упомянуть, что она сохранилась въ наибольшемъ числѣ списковъ.

Сочинитель *Задонщины*, или *Мамаева Побоища* подражалъ *Слову о полку Игоревѣ*, даже иногда рабски. Въ предлагаемой редакціи замѣтно болѣе подражанїа: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ очевидно, что сочинитель Побоища искажалъ выраженїа Слова о п. Иг., вѣроятно, имѣя его подъ рукою въ неправильномъ или въ написанномъ нечетко спискѣ. Такъ напр. *вм. Боянъ онъ прочелъ боярина (вещаннаю боярина, т. е. вѣщаго Бояна. Тотъ боярина воскладоша—Боянъ оскладаше; вм. за шеломенемъ т. е. за горою, онъ прочелъ: за Соломономъ, прибавивъ отъ себя какъ за царемъ—побывала и вѣк. др.).* Что это слово не принадлежитъ самому Софронїю, а только у него заимствовано, явствуетъ изъ словъ: азъ же помню Рязанца Софронїа. Впрочемъ это нисколько не мѣшаетъ предполагать, что

ру Андреевичю. И речеъ таково слово. Лучи бо намъ, брате, начати повѣдати иными словесы отъ похвальныхъ сихъ и о нынѣшнихъ повѣстехъ похвалу в. кн. Дмитрея Ив. и брата его кн. Владимира Андреевича, а внуки в. кн. Владимира кievскаго. Начаша ти повѣдати по дѣломъ и по былинимъ, не прораимся мыслию по земляни, помянемъ первыхъ лѣтъ времена, похвалимъ вещащаго боярина горазна гудца въ Киевѣ. Тотъ бояринъ воскладоша горазная своя персты на живыя струны, поаша рускимъ княземъ славу, первому кн. кievскому Игорю Бряковичю и в. кн. Владимиру Всеславьевичю кievскому и в. кн. Ярославу Володимировичю. Азъ же помяну Рязанца Софонія, и восхваляю пѣснями, гусленными словесы, сего в. кн. Дмитрея Ив. и брата его кн. Владимира Андр., а внуки св. в. кн. Владимира кievскаго, и пѣние княземъ рускимъ за вѣру христiанскую.

Се бо князь в. кн. Дмитрей Ив. и братъ его кн. Владимиръ Андр. помолвися Богу и пречистой Кго Матери, изтезавше умъ свой крѣпкою крѣпостью, и воостриша сердца свои мужествомъ, и наполниа ратнаго духа, уставша себѣ храбрыя воеводы въ Руской землѣ, и помлвуша правдѣ своего в. кн. Владимира кievскаго.

Оле! жаворонокъ лѣтнiя птица, красныхъ день утѣха, возлети подъ синее небеса, посмотри къ сильному граду Москвѣ, воспой славу в. кн. Дмитрею Ив. и брату его кн. Владимиру Андр. Ци буря соколы снесетъ изъ земли Залѣскiя въ полѣ Полютское! На Москвѣ кони ржутъ, звѣнитъ слава по всей земли Руской, въ трубы трубятъ на Коломнѣ, въ бубны бьютъ въ Серпуговѣ, стоятъ стези у Дунаю (Дона) великого на брезѣ, звонятъ въ колоколы вѣчныя (вѣчевые) въ В. Новгородѣ. Стоятъ мужи новгородскiе у Софiи премудрыя, а ркутъ тако: уже намъ, брате, не поспѣтъ на посопъ (пособiе) къ в. кн. Дмитрею Ив.; и какъ слово изговариваютъ, уже аки орли слетѣшася; то ти были не орли слетѣшася, выѣхали посадники изъ В. Новгорода 7000 войска къ в. кн. Дмитрею Ив. и къ брату его кн. Владимиру Анд. Къ славному граду Москвѣ съѣхалися вси князи рускiе, а ркутъ таково слово: у Дуная сто-

въ Слово могло удержаться весьма многое отъ этого сочинителя. Точно также встрѣчаемъ имя Данила упомянутое въ словѣ, которое приписывается ему самому. Не смотря на подражанiе слову о полку Игоревѣ, нѣкоторыя мѣста отличаются высокимъ художественнымъ достоинствомъ; какъ напр. плачь княгини и боярынь и воеводскихъ женъ, и особенно конецъ Слова, гдѣ описывается, какъ великiй князь съ своимъ братомъ и остальными воеводами сталъ на костяхъ, какъ считали они убитыхъ, и какъ прощался съ убитыми великiй князь.

ятъ Татароя поганые, а Мамай царь на уки на Мечи, между Чюровымъ и Михайломъ брести хотить, а предати животь свой намъ славъ. И рекше кн. в. Дмитрей Ив: браки. Владимиръ Андреевич! пойдеть ти укупишь животу своему славы, а старыя повѣсть, а молодымъ память, а храбрыхъ ихъ испытаемъ, а рѣку Донъ кровью приемъ за землю Рускую и за вѣру крестскую. И рекше нмъ кн. в. Дмитрей Ив. братя и князи рускiе, гнѣздо есиа быи кн. Владимира кievскаго, не въ обидѣ си быи по роженiю ня ястребу, ни кречету, а черному ворону, ни поганому сему Мамаю.

О! соловей лѣтнiя птица, что бы ти ловой пощекоталъ славу в. кн. Дмитрея Ив. и брату его кн. Владимиру Андр., а кн. Литовской дву братомъ Ольгордовичамъ, а дрею и брату его Дмитрею, да Дмитрей Ив. лынскому; тѣ бо суть сынове храбрыя речеи въ ратномъ времени, и вѣдоныя поимеи подъ трубами подъ шеломы злаченыи. I Литовской земли моляше Андрей Олговичъ своему брату: брате Дмитрей! самиа мя собѣ два браты, сынове Олгордовы, а кн. кн. мы Доментовы, а нравнуки есиа Семименовы. Збереть, брате, малыя сыновы дѣлы Литвы, храбрыхъ удальцовъ, а самиа дѣтъ на добрыекони своя, и посмотри быстрого Дону, испытаемъ мечевъ своихъ а товскихъ о шеломы татарскiе, а судицъ и мецкихъ о боеданы бусорманскiе. И рече ему Дмитрей: брате Андрей! не поимеи живота своего за землю Рускую, и за вѣру крестьянскую, и за обиду в. кн. Дмитрея Ив. Уже бо, брате, стукъ стучить, а громъ гремитъ въ каменомъ градѣ Москвѣ, что, братъ стучать великая сильная рать в. кн. Дмитрея Ив. и брата его кн. Владимира Андр.; гремятъ удальцы рускiе злаченыи достпн черлеными щиты московскими. Съдлай, брате Андрей, свой добрый конь, а мой готи осъдланъ; выѣдемъ, брате, въ чистое поле посмотримъ своихъ полковъ, сколько съими храбрыя Литвы, а храбрыя Литвы съими 7000 окованые рати. Уже бо брате мы вѣдали по морю на усть Дону и Нѣпра прелеша (прилельша) тучи на Рускую землю, изъ нихъ же выступали кровавые и ри, а въ нихъ трепещутся сильныя молны. Быти стукъ великому на рѣчкѣ Напрядѣ мѣжи Дономъ и Нѣпромъ, пасти трупу чуждѣ вѣческому на полѣ Куликовомъ, пролети крови на рѣчкѣ Напрядѣ; уже бо слышны телеги между Дономъ и Нѣпромъ, а идуть хитровѣ поганыя къ Руской землѣ, притекоа сѣрыя волцы отъ усть Дону и Нѣпра, и сташи воють на рѣкѣ хотятъ на Мечи поступи въ Рускую землю, и то были не сѣры волцы, придоша поганые Татароя, хотѣли пройти воюючи всю Рускую землю. Тогда гуси возгоготали и лебеди восплаещаша крылами своими, поганый Мамай пришегъ!

ую землю, и воеводы своя привелъ; а бѣды ихъ пасоша, птицы крилати подѣ летять, вороны часто грають, а гавъ свою рѣчью говорятъ, орли хлѣкчють, цы грозно воють, а лисицы на костѣхъ уть. Русская земля то первое еси какъ дремъ за Соломономъ побывала, то уже ны бѣлозерстїи и ястреби хваруются (*люютя*). отъ златыхъ колодицъ изъ камерада Москвы возлетѣша подѣ синее невогремѣша злачеными колоколами (!) на ромъ Дону. Тогда кн. в. Дмитрей Ивачь воступивъ во златое свое стрѣмя, и въ свой мечъ въ правую руку; и помоли Богу и пречистой Его Матери; солнце на восгокъ сіяеть и пугъ повѣдаеть, а съ и Глѣбъ молитву воздають за срод-своя то шумить и что гремитъ рано передѣ ли! Князь Владимиръ Андр. полки переетъ и ведеть къ великому Дону; и мол-брату своему в. кн. Дмитрею Ив.: не имвай, брате, поганымъ Татаровымъ, уже ины поля русскїе наступають и вотчину мають. И говоритъ ему кн. в. Дмитрей овичъ: брате Владимиръ Андр. сами еса-внуши в. кн. Владимера кїевского, а дды у насъ уставлены отъ боярнновъ, и цы бысть князи бѣлозерстїи Феодоръ новичъ, да Микюла Васильевичъ, да два а Олгордовичи, да Дмитрей Вольнской, Тимофей Валуевичъ, да Андрей Серки-ць, да Михайло Ивановичъ, а вою съ 300,000 окованные рати, а воеводы у уставлены, а дружина свѣдана, а подѣ о имѣемъ добрыя кони, а на собѣ злае доспѣхи, а шеломы черкаскїе, а щиты звскїе, а сулицы вѣмецкїе, а княжы дїе, а мечи булатные, но еще хотятъ ны своя положить за землю Русскую и вру крещеную. ашуть бо ся акы живи хоругови, ищуть чести и славнаго имени. Уже бо тѣ со-и кречаты за донъ борзо перелетѣли и илмса о многіе стада лебедные; то ти али рускїю князи на силу татарскую, и иша копѣ вараужными о доспѣхи та-кїе, возгремѣли мечи булатные о шеломы вскїе на полѣ Куликовѣ, на рѣчкѣ На-въ. Черна земля подѣ копыты, а костыи жскими поля насѣяша, а кровью ихъ зе-пролита бысть, а сильны полки ступи-въ мѣсто (*амьста*) и протопташа хол-и дуги, и возмутѣшася рѣки, потоки, и, и кликнули быша дивы въ Русской в, а глава шибла къ желѣзнымъ вратамъ,

) *Колодица* или колодка: умен. отъ *колода лада*, т. е. двѣ пляхи съ выемками посреди, концами съ петлями и замками. *Колокола* *колокольцы* навѣшывались на ловчихъ птицѣ.

ли къ Караначи Криму, и х Саѣвъ (*къ каѣвъ*), по морю и къ Которнову, а оттолѣ ко Царю-граду на хвалу русскимъ княземъ. И одолѣша рать татарскую на полѣ Куликовѣ на рѣчкѣ Напрядѣ.

На томъ полѣ сильныи тучи ступишася, а изъ нихъ часто сіяли молыныи и загремѣли громы велицыи; то ти ступишася русскїе удалцы съ погаными Татарамы за свою великую обиду, а въ нихъ сіяли сильныи доспѣхи злаченыи, а гремѣли князи русскїе мечыи булатными о шеломы хиновскїе. А били-ся изъ утра до полудни въ субботу на роже-ство св. Богородицы. Не турѣ возгремѣли у Дунаю великаго на полѣ Куликовѣ, и не турѣ побѣждены у Дунаю великаго; но постѣчени князи рускїе и бояры в. кн. Дмитрея Ив., побѣждены князи бѣлозерстїи отъ поганыхъ Татаръ: Феодоръ Семеновичъ, да Семень Михайловичъ, да Тимофей Волуевичъ, да Андрей Серкизовичъ, да Михайло Иваповичъ и иная многая дружина.

Пересвѣта чернца, брянскаго боярина, на суженое мѣсто (*на смерть*) привели. И рече Пересвѣтъ чернецъ в. кн. Дмитрею Ив.: лутчи бы намъ потытымъ бытъ, нежели по-лоненымъ отъ поганыхъ Татаръ. Тако бо Пересвѣтъ поскакиваетъ на своемъ добрѣ ко-нѣ, а злаченымъ доспѣхомъ постѣчиваетъ, а иныи лежатъ постѣчены у Дунаю великаго на брезѣ; и въ то время стару надо помолодѣтъ, а удалымъ людямъ плечъ своихъ понытать. И моляше Ослабѣ чернѣцъ своему брату Пересвѣту: брате Пересвѣте вѣжу на тѣлѣ тво-емъ раны великїи: уже, брате, летѣти главѣ твоей на траву ковыль, а чаду твоему Якову лежатъ на зеленѣ ковыль травѣ, на полѣ Ку-ликовѣ на рѣчкѣ Напрядѣ, за вѣру крестьян-скую за землю Рускую и за обиду в. кн. Дмитрея Ивановича.

И въ то время по резанской землѣ около Дону ни ратаи ни пастухи въ полѣ некли-чють, но едины вороны грають трупы ради чловѣческїи, грозно и жалосно въ то время бѣше тогда слышати: за неже трава кровью пролита бысть, а дресвеса тугою къ земли приклонишася, а воспѣли бѣше птицы жалос-ные пѣсни. Восплакашася вся княгини и боя-рыни и вси воеводскїе жены о избѣенныхъ, Микюлина жена Васильевича Феодосѣя да Дми-триева жена Марья рано плакашася у Москвы града на забралахъ стоя: а ркутъ тако: Доне! Доне! быстрая рѣка прорыла еси ты камен-ныя горы и течеша въ землю Половецкую, прилежѣи моего господина Микюлу Васильеви-ча ко мнѣ; а Марья про своего господина то же рекла, а Тимоеева жена Волуевича та-коже плакахуся, и рече тако: се уже веселіе мое пониче во славномъ градѣ Москвѣ, и уже невижу своего Госудря, Тимоеел Волуевича въ животѣ нѣту. А Андреева жена Марья да Михайлова жена Оксинья рано плакашася: се уже обѣма намъ солнце померкло въ слав-

че князь в. Дмитрей Ив., считается бра-
колько у насъ воеводъ нѣтъ, и сколько
цѣтъ людей нѣтъ. Тогда говорить сто-
яло Александровичъ, московскій бояринъ,
о Дмитрею Ивановичю: государь кн. в.
рей Ивановичи нѣту, государь, у насъ
яриновъ Московскихъ, 12 князей было-
нихъ; 30 новгородскихъ посадниковъ, 20
иновъ коломенскихъ, 40 бояръ серпухов-
ь, 30 пановъ литовскихъ, 25 бояръ ко-
скихъ, 35 бояръ володимеровскихъ, 8
ь суздальскихъ, 40 бояръ муромскихъ,
арь рязанскихъ, 34 бояриновъ ростов-
ь, 23 бояръ дмитровскихъ, 60 бояръ мо-
кихъ, 30 бояръ звѣнигородскихъ, 15 бо-
глицкихъ; а посѣчено отъ безбожнаго
я полтретья ста (270) тысячъ и 3 тыся-
лава тебѣ Господи Боже нашъ, помило-
на съ. И рече кн. в. Дмитрей Ивановичъ:
я боара и князи и дѣти боярскіе, то
сужено мѣсто межъ Дономъ и Пыромъ
згѣ Куликовѣ, на рѣчкѣ Напрядѣ, и по-
и еста головы своя за св. церкви за зе-
рускую, за вѣру крестьянскую; прости-
и братія и благословите, всѣмъ вѣнецъ
душемъ. И пойдѣмъ брате, кн. Влади-
Андреевичъ во свою Залѣскую землю
авному граду Москвѣ, и сядѣмъ брате
воемъ княженіи, а чти есми, брате, до-
и славнаго имени, Богу нашему слава.

Времен. моск. общ. ист. кн. XIV).

побойцѣ на Дону въ IV Новгор. лѣт. 75—
ус. историч. сборн. III, 1838 г. Сказаніе о
цѣтѣ изд. Смирнова 1829. См. Журн. Мнв.
. Пров. VII, 8—71. Уч. Зап. Акад. V, 3
изв. Акад. VI, 337; VII, 96. Объ-украшен-
нахъ въ Ист. Рос. Соловьева, IV, 360—71.
чванія къ сказанію въ Христомъ Буслаява.

О плѣненіи и о приходѣ Тахта- та царя, и о московскомъ взятіи 1382.

ысть нѣкое проявленіе, по многіи но-
звляшеса таковое знаменіе на небеси:
остоцѣ, предъ раннею зарею, звѣзда
я, аки хвостата и якоже копейный
юмъ, овогда вечерней зарѣ, овогда же
трепей, тоже многожды бываше. Се
наменіе проявляше злое пришествіе
амышево на русскую землю, и горь-
поганыхъ татаръ нахождение на кре-
ны; якоже и бысть, гнѣвомъ божіимъ,
множеніе грѣховъ нашихъ. Бысть въ

3-ее лѣто царства Тахтамышева, царствую-
щему ему въ Ордѣ и въ Сарай, и того
лѣта царь Тахтамышъ посла слуги своя
въ градъ нарицаемый Болгары, еже есть
на Волзѣ, и повелѣ торговци рускія
и гости крестьянскія грабити, а суды ихъ
и съ товаромъ у нихъ отнимати и про-
лавати къ собѣ на перевозъ; а самъ по-
тицася съ яростію, събравъ вой многы, и
подвижеса къ Волзѣ съ всею силою своею,
перевезеса на сію страну Волги съ всею
своими князьми, съ безбожными вой-
съ татарскими полки, поиде изгономъ на
в. кн. Дмитія Ив. и на всю Русь; ве-
дяше же рать внезапно изневѣсти (*неиз-
вѣстно, невѣдомо*), умѣиомъ тацѣмъ
же злохитриемъ, недающе вести предъ се-
бе, да не услышано будетъ на Руси устре-
мленіе его. И то слышавъ князь Дми-
трій Костантиновичъ суздальскій посла къ
царю Тахтамышю 2 сына своя, Василья
да Семіона; они же пришедше не обрѣто-
ша его, бѣяше бо градя борю (*быстро*)
на крестьянъ и гнаша въ слѣдъ его нѣ-
сколько дній, переѣхаша дорогу его на мѣ-
стѣ нарицаемѣмъ Серьнацѣ, и поидоша
по дорогѣ его съ тѣнѣмъ, и постигоша
его близъ предѣлъ Рязанскія земля.
А князь Олегъ Рязанскій срѣте царя
Тахтамышта преже, даже не видѣ въ зе-
млю рязанскую, и бивъ ему челомъ бысть
ему помощникъ на побѣду Руси, но и
способшикъ на пакость крестьяномъ,
иная нѣкая словеса изнесе о томъ, како
плѣбити землю рускую, како безъ труда
взяти каменный градъ Москву, како по-
бѣдити и издобыти князя Дмитрія; еще
же ктому обведе царя около всей своей
отчины рязанскія земли хотяше бо до-
бра не измъ, но своему княженію пома-
гаше. А въ то время поздѣ нѣкако
(*какъ то*) си едва прииде вѣсть кня-
зю великому, възвѣщаючи рать татарь-
скую; аще бо и не хотяше Тахтамышъ,
дабы кто принеслъ вѣсть на Русь о
его приходѣ, того бо ради всѣ гости рус-

кія поимани быша и пограблени и удержани, дабы не было вѣсти Руси, но обаче суть нѣци доброты на предѣлахъ ордынскихъ на то устроени, поборници суще земли Русѣй. Слышавъ же князь великій такую вѣсть, како идетъ на него самъ царь въ множествѣ силы своей, нача собирати вой и съвокупляти полки своя, и выгѣхъ изъ града Москвы, хотя ити противу Татаръ; и ту начаша думати думати князь Дмитрій и съ прочими князи рускими, и съ воеводами и съ думцами и съ вельможами и съ боляры старѣйшими, и всячески гадавши, и обрѣтеся раздно въ князехъ, и не хотяху пособляти другъ другу, и не изволиша помогати братъ брату. Не помянуша Давыда пророка, глаголюща: се коль добро и коль красно, еже жити брати вкушѣ! и другому приснопоминному рекшу: другъ другу пособляя и братъ брату помагая яко градъ твердъ. Бывшу же промежи ими меединачеству по неимовѣрству (*разногласью*), и то познавъ и разумѣвъ и разсмотревъ благовѣрный князь бы въ недомышленіи велицѣ и убоися стати въ лице самаго царя, и не ста на бой противу его и не подня руки на царя; но поѣхъ въ градъ свой Переяславль, и отутуду мимо Ростовъ, и пакы реку вборзѣ на Кострому. А Кширіанъ митрополитъ пріѣхъ на Москву. А во градѣ Москвѣ бысть мятня (*смута*) многа и мятежъ великъ зѣло, бѣху людие смущени, яко овца не имуща пастуха, гражаньстии людие възмятошася и въсколебашася яко пьани: ови сѣдѣти хотяху затворившеся въ градѣ, а друзии бѣжати помышляху, и бывши промежи ими распрѣ велицѣ, ови же съ рухлядью въ градъ вметяхуся, а друзии изъ града бѣжаху ограблени суще; и створиша вѣче, позвониша во вся колокомы, и вѣстапа вечемъ народа мятежници, недобріи человекци, людие крамольници: хотящихъ изыти изъ града не токмо не пуцаху вонъ изъ града, но и

грабляху, ни самого митрополита не дѣшася, ни боярѣ нарочитыхъ не убишася, ни усраишася сѣдныи стѣны многолѣтныхъ, но и на вся огрѣшавшася на всѣхъ вратехъ градскихъ ху каменіемъ шибяху, а догѣ (сидѣ) земли съ рогатыными и съ сулицами съ обнаженнымъ оружіемъ стояху, и пущающе выгѣзти вонъ изъ града, и умолены быша, поздѣ нѣкогда выгѣзти изъ града, и то ограбивше. И же единаче въ мятежи смущающае море мутящуся въ буріи велицѣ, и откуда же утѣшенія обрѣтающу, и болшихъ и пуцыхъ золь ожидаху, и же тако бывающимъ, и потомъ поѣхъ къ нимъ въ городъ нѣкоторый князь товскій, именовъ Оствѣй, внукъ Олега и той окроти народъ и мятежъ градъ оставивъ, и затворися съ ними въ градъ во осадѣ съ множествомъ народа своимъ, елико осталось гражданъ, и обрѣжанъ сбѣжало съ волости, и отъ иныхъ градовъ и отъ странъ приходившася въ то время боляре и сурьки, суконники и прочіи кушци, и дроты и игумены и протопопы, и иерейскы, дьякони и чернцы, и иже възраст мужеска полу и женескаго младенци. Князь же Олегъ обведе около своея отчины и земли и укрѣпихъ вся броды суцая на рѣцѣ на Оствѣй. И же перешедъ рѣку Оку, и прежде не взя градъ Серпоховъ и огнемъ пожгохъ оттуда тако поиде къ Москвѣ, и устремився, духа ратнаго наполнихъ волости и села жгуци и воюющыи, и народъ крестьяньскій събуци и всакии убивающыи, а прочая люди въ паше емлющи. И пакы пріиде къ городу Москвѣ ратью, а сила татарьсская и де м. августа въ 23 въ понедѣльникъ и пріѣхаша не вси полци къ граду. Чаша кличюще въпрашивати, въшю глаголюще: «есть ли здѣ князь Дмитрій» они же съ града съ заборолъ отвѣщаху:

а: «нѣту.» Татарове же отступивше лече, и поѣхаша около города, обзи-е и рассмотряюще приступы, и рвы, ата, и забралы, и стрѣльницы, и патолху зряще на градъ. А тогда въ : внутрьуду добрии людие молахуся день и ночь, пристояще посту и гвѣ, ожидающе смерти, готовяхуся окаянiемъ и съ причастiемъ и сле- Нѣции же недобрии человекци нача-бходити по дворомъ, износяще изъ :бовъ меду господскiя, а сосуды сре-ля и стѣкляницы драгiя, и ушиваху-же и добыана, и къ шатанiю дер-прилагаху, глаголюще: «не устра-ся погавыхъ находенiя татарьскаго, ть (такъ) твердъ градъ имуще, еже стѣны каменны и врата желѣзна; зрятъ бо ти долго стояти подъ го-ръ града бойщи, а внѣуду града кня-зашихъ съвокушяемыхъ устремленiя ртсѣ.» И пакы вълазаяще на градъ, и сущи, шатахуся, ругающесе Тата-, образомъ безстуднымъ досажаяще и я словеса износяще исполвъ укориз-хулы, а кидяху на ня, мнѣху то-той есть силы татарьскiя; Татарове прямо къ нимъ на градъ голыми са-и своими машюще, образомъ аки ти- (спъчашу) накивяюще издамеча. И ой день къ вечеру тѣ полци отсту-отъ града, и наутрiа самъ царь гуци съ всею силою и съ всѣми : своими подъ градъ, граждане же рада урѣвше силу велику и убоиша-бло; Татарове же тако и подоша ороду, граждане же съ града пусти-а ня стрѣлы, и они паче стрѣляше аши своими, и идяху стрѣлы ихъ на : аки дождь великъ умноженъ зѣле, адуще ни прозрѣти, и мнози на гра-тоящiи на забралѣхъ отъ стрѣлъ па-, одоляху бо татарьскiя стрѣлы паче, ни гражданьскiя: бѣху бо у нихъ цди горащии велики, они отъ нихъ

стояще стрѣлаху, а друзiи скоро ричю-ше (*быстро быая*), изучени сущи, а ниш на кони борзо гоняще на обѣ рудѣ, и пакы напредъ и назадъ, скоро получно (*удлучно, благополучно*) безъ погрѣха стрѣлаху; а друзiи отъ нихъ створише лѣ-ствици и прислоняюще я лѣзяху на стѣ-ну, граждане же воду въ котлѣхъ варя-ще, кипятню, и ляху на ня варъ, ти (*да*) тако възбраняхуть имъ. Отшедшимъ же свиъ и пакы приступившимъ, и тако по 3 дни бяхуся межи собою, пренема-гающесе; егда бо Татарове пристунаху къ граду, близъ приступающе къ стѣ-намъ градскимъ, тогда же граждане стрегущи градъ, супротивишася имъ въбраляюще, они стрѣлаху стрѣлами съ заборолъ, они же каменiемъ шлбаху на ня, а ниш самострѣлы напразяюще пру-гаху, друзiи же тюфяки (*изъ ружей*) пуцаху на нихъ и пороки, есть же нѣ-ции, яко и самыя тѣ пушки пуцаху. Въ нихъ же бѣ единъ нѣкто гражданинъ Мо-сквитинъ, суконникъ, именовъ Адамъ, иже бѣ надъ враты Флорълаврьскими, примѣтивъ, назнаменовавъ единого Татари-на нарочита (*знатнаю*) и славна, иже бѣ сынъ нѣкоего князя орднiйскаго, на-пратъ стрѣлу самострѣльную, юже испу-сти напрасно, ею же уязви въ сердце его гнѣвливое и вскорѣ смерть ему на-несе, се же бысть велика язва всѣмъ Татаромъ, яко и самому царю стужити о-семъ. Смиъ же тако бывающимъ, царь же стоятъ у города 3 дни, а на 4 день оболга князя Остѣя лживыми рѣчи и лживымъ миромъ, и вызва его вонъ изъ града и уби его предъ враты града, а ратемъ своимъ всѣмъ повелъ обступити градъ съ вси стороны. Такова же бысть область (*обоманье*) Остѣю и всѣмъ гра-жданомъ, сущимъ въ осадѣ: и понеже царю стоящу 3 дни около града, а на 4 день наутрiа въ полъобѣда, по повелѣнiю цареву, приѣхаша Татарове нарочитии большии князи орднiйскiи и радци его, съ

ници же 2 князя суздальскій, Василей да Семіонъ, сынове князя Дмитрія суздальскаго; и пришедше подъ градъ, приближившеся близъ стѣнъ градскихъ по опасу (*осторожно*), и нача глаголати къ народу сущему въ градъ: »царь васъ своихъ людей хоцетъ жаловати, понеже неповинни есте и нѣсте достойни смерти; не на васъ бо воюя приде, но на Дмитрія ратуя приде ополчився, вы же достойни есте милванію, много же ничтоже не требуетъ отъ васъ, развѣ токмо изыдите противу его въ срѣтеніе ему съ честию и съ дары, кушно и съ своимъ княземъ; хоцетъ бо видѣти градъ сей и въ оны внити и въ немъ побывати, а вамъ даровати миръ и любовь свою, а вы ему врата градныя отворите;« также и князи Нижняго-Новгорода глаголаху: »имите вѣру намъ, мы есмь ваши князи крестьянствѣ, вамъ на томъ правду даемъ.« Народи же градскіи вѣру яша словесемъ ихъ, си помыслиша и прелстипася, ослѣпи бо я злоба татарская и омрачи ихъ прелесть бесерменская, ни познаша, ни помянуша глаголющаго: »не всякому духу вѣруйте,« отвориша врата градная; и выидоша съ своимъ княземъ и съ дары многими къ царю, также архимандритове и игумены и попове съ кресты, а по нихъ бояре болшіи мужи, и потомъ народъ и черныи люди. И въ томъ часѣ начаша татарове съчѣи всѣхъ, по ряду напрасно: прежде всѣхъ убьенъ бысть князь ихъ Остѣй предъ градомъ, и потомъ начаша съчѣи поповъ и игуменовъ, аще и въ ризахъ съ кресты, и черныхъ людій, и ту быше видѣти святыя иконы повержены и на земли лежаща, и кресты честныя безъ чести небрегома, ногами топчемы, обоеманы же и одраны. Татарове же тако и поидоша въ градъ, съкуще, а нини по лѣствицамъ въздоша на градъ, никому же възбраняющю съ заборолъ, не сущю забралнику на стѣнахъ и не сущю избавляющему, ни спасающему. И бысть

внутри града съча велика, а вѣбуду съчѣ, а лико же съчаху, дондеже рудѣ ихъ и шку ихъ измоклоша (*ослабѣли*), сила ихъ в немоще, сабли ихъ не имуть, острія ихъ тупишася. Людіе же крестьянствѣи сущигда въ градъ, бѣгающе по улицамъ ступаемо, скоро рещуще толпами, взыюще глаголюще, и въ перси своя бьюще: и гдѣ избавленія обрѣсти, и нѣсть ли смерти избыти, и нѣсть гдѣ острія ихъ укрытися, оскудѣ князь и воевода и воинство ихъ потребися, и оружія ш до конца изчезоша; овимъ въ церквахъ сборныхъ каменныхъ затворишася, и тамо не избыша, безбожніи бо си разбиша двери церковныя, и си ихъ изсѣкоша; вездѣ крикъ и вошь велика страшнѣ бываше, яко не слышати друг друга вѣплюща, множествомъ кричаща, они же крестьянѣ извоидоша и церкви дупяще (*обирающе*) и обижюще съчаху. А церкви сборныя разграбша олтаря святыя и мѣста попраша, кресты честныя и иконы честныя едина украшены златомъ и серебромъ и перчаткомъ и бисеромъ и каменіемъ драгимъ и целены златомъ шитыя и женичи саженыя оборваша, съ святыхъ имъ кузнѣ (*металлическія украшенія*) сдишше, а святыя иконы попраша и съсуд церковныя, служебныя, священныя, и токованныя и серебряныя многоцѣни поймаша, и ризы поповьскія многоцѣни и многія расхитиша; книгъ же имъ множество снесено съ всего града, сборныхъ церквахъ до *стропа* ⁽¹⁾ иштано, съхраненія ради спроважено, то безъ вѣсти створиша. Что же изърече о казнѣ князя великаго, яко и тоя игоцѣнное съкровище съкровениое сѣ истощися, и велехвалиное богатство и гатотворное имѣніе быстрообразно раз

(1) До стропа—до верха; оттуда сл. сн плыли.

не сено бысть? Придемъ же въ сказаніе и прочихъ и многихъ бояръ старѣйшихъ, ихже казны долговременствомъ собираемы и благоденствомъ наполнены, и хранилища ихъ исполнь богатствомъ мнѣніи многоцѣннаго и неслетнаго, то все взяша и понесоша; и пакы другія сущи въ градѣ кушци, яже суть богатіи людие, различнаго, та вся ваяша и расхитиша; многи монастыри разориша и многи церкви раздружиша, въ св. церквахъ убиство сдѣлаша, и въ священныхъ олтарѣхъ кровопролитіе сдѣлаша, и святая мѣста поганіи оскверниша. Якоже пророкъ глаголаше: Боже! придоша яззи въ достояніе твое, и оскверниша церковь святую твою; положиша Іерусалима, яко овощное хранилище, положиша трупья рабъ твоихъ брашно птицамъ небеснымъ, плоти преподобныхъ твоихъ звѣремъ земнымъ, проліаша кровь ихъ яко воду, окрестъ Іерусалима, не бѣ погребая ихъ; дѣвѣца ихъ неосѣтовани быша, и вдовици ихъ неоплакани быша, и священники ихъ оруженъ падоша. Была бо тогда сѣча зла зѣло, и много множество ту паде трушии Руси, отъ татаръ избѣенныхъ, и многихъ мертвыхъ лежаху тѣлеса мужъ и женъ непокровены. И ту убѣенъ бысть Семіонъ архимандритъ Спасовскій, и другій архимандритъ Іаковъ, и нѣиіи мнози игумены и попове и дьякони, криломане, четци и пѣвци, черници, простьци, и отъ юнаго и до старца, мужеска полу и женска, ти вси посѣчени быша; а друзи въ огнѣ изгорѣша, а нѣиіи въ водѣ истопоша, а нѣиіи множайшии отъ нихъ въ полонъ поведени быша и въ работу (съ рабство) поганьскую въ страну татарьскую плѣнени быша. И бѣше видѣти тогда въ градѣ плачь и рыданіе и вопль многъ и слезы неслетныя, крикъ неотолчимый, стenanіе многое, оханіе стованное, печаль горкая, скорбь неотѣшимая, бѣда нестерпимая, нужда ужасная,

горестъ смертная, страхъ и трепеть и ужась, драхлованіе и изчезнованіе, поправаніе, безчестье, поруганіе, посмѣханіе врагомъ, укоръ, студъ и срамота, поношеніе и униженіе. Сія вся приключишася на крестьянскомъ роду отъ поганыхъ за грѣхи наша. И тако злѣ и въскорѣ взяша градъ Москву, м. августа въ 26 день, на память св. мученикъ Андрѣяна и Натальи, въ 7 часъ дни въ четвертокъ по обѣдѣ, товаръ же и всякія имѣнія пограбиша, и градъ огнемъ зажгоша, а люди мечю предадоша; и бысть отголѣвъ огнь, а отселѣ мечъ, ови огня бѣжаще мечемъ умроша, а друзи меча бѣжаще въ огнѣ изгорѣша, и бысть имъ четверообразна пагуба 1-е отъ меча, 2-е отъ огня, 3-е въ водѣ, 4-е въ плѣненіе поведени быша. И бѣше дотогдѣ преже видѣти было Москва градъ великъ, градъ чуденъ, градъ многочеловѣченъ, въ немже множество господства, въ немже множество всякаго узорочья (*драгоценностей*), и пакы въ единомъ часѣ замѣнися видѣніе его, егда взять бысть и посѣченъ и пожженъ: и нѣчего его видѣти, развѣи токмо земля и черсть, прахъ, пощелъ, трупья мертвыхъ многа лежаща, и святыя церкви стояща акы разорены, акы осиротѣвши, акы овдовѣвши; плачется церкви о чадѣхъ церковныхъ, паче же о избѣенныхъ, яко матерь о чадѣхъ плачущиися: о чада церковная, о страстотерпци избѣеніи, иже нужную кончину подъясте, иже нужную смерть претерпѣсте отъ огня и меча; отъ поганыхъ насмѣства церкви стоять, не имуще глѣпоты, ни красоты. Гдѣ тогда красота церковная? понеже престала служба церковная, ею же многа блага у Господа просимъ, престала обѣдняя св. литургія, престала святая просѣура, приношеніе еже на святѣхъ жертьвеници, престала молитва заутренняя и вечерняя, престала гласъ псалму, по всему граду умолкоша пѣсни. Увы мнѣ страшное слышати, страшнѣе же тогда было видѣ-

ти! грѣси же наши то намъ сѣтворили. Гдѣ благочестіе и благосостояніе церковное? гдѣ четци и пѣвцы? гдѣ клиросники, церковники? гдѣ суть ерети, священники, служащии Богу день и ночь? вси лежать, вси уснуша и починуша, вси не сѣчени быша и избьени быша, устѣченіемъ меча умроша: нѣсть позвоненія въ колоколы, ни въ било (¹), нѣсть зовущаго, ни текущаго, не слышати въ церкви гласа поюща, ни слышати славословія и хвалословенія, не бысть въ церквахъ стихословія и благодаренія—въ истину суета человеческая, и бысть мятежь человеческій. Свѣце же бысть конецъ московскому плѣненію. Не токмо же одна Москва взята бысть тогда, но и прочіи грады и страны плѣненн быша. Князь же великій съ княгинею и съ дѣтми пребысть на Костромѣ, а братъ его Володимѣръ на Волокѣ, а мати Володимѣрова и княгини въ Торжку, а Герасимъ владыка коломенскій въ Новгородѣ. Кто насъ, братье, о семъ не утратится, видя таковое смущеніе Руской земли? Якоже Господь глагола пророкомъ: аще хощете, послушаете мене, благая земная свѣсте, и положю страхъ вашъ на врагѣхъ вашихъ; аще ли не послушаете мене, то побѣдите никимъ же гоними, пошлю на вы страхъ и ужасъ, побѣдять васъ отъ пяти сто, а отъ ста тысяща. Елма же царь распусти силу татарскую по земли Руской воевати княженіе великое, ови изшедше къ Володимѣрю и много людей посякоша и въ полонъ поведоша, а нини полци ходиша къ Звенигороду и къ Юрьеву, а нини къ Волоку и къ Можайску, а друзи къ Дмитрову, а иную рать послаа въ градъ Переяславль, они же его взяша и огнемъ

пожгоша, а Переяславци выбѣгоша и изъ града, а градъ повергну, но ои въ судѣхъ, а тако избыша, Татарове: много грады пошаша и волости нововаши и села пожгоша, а монастыри и грабиша, а крестьянъ посякоша, а нини въ полонъ поведоша, и много зла Ркъ сѣтвориша. Князь же Володимѣръ Андрѣевичъ стояше ополчився близъ Валки събравъ силу около себе; и ибѣи отъ Татаръ, не ведуще его, ни знающе, иша на нь, онъ же о Бозѣ укрѣпился: удари на нихъ, и тако милостию божіе оныхъ убилъ, а иныхъ живыхъ поимал, и нини побѣгоша, и прибѣгоша къ цркви и повѣдаша ему бывшее. Онъ же отъ того побѣдився, и оттолѣ начать по нму отступати; идуцю же ему отъ Москвы, и оттолѣ отступиша рать къ Коломнѣ, и тѣ медше взяша градъ Коломну и отидоша. Царь же переселся за Оку и рѣку, и взя землю Рязанскую и огнемъ поже, и люди посяче, а нини разбишася, а полоня поведе въ Орду бесчисленное множество; князь же Олегъ Рязанскій то видѣвъ побѣже. Царь же въ Ордѣ идущи отъ Рязани, отступи воевствомъ посла своего Шихмата, сына шюрна, къ Дмитрію суздальскому, купѣ съ его сыномъ съ княземъ Семіономъ, а другаго сына его князи Василія пошл съ собою въ Орду. Отшедшимъ же Татаромъ, и потомъ не по мнозиахъ днѣхъ благовѣрный князь Дмитрій и Володимѣръ, кождо съ своимъ болярмъ старѣиши, въѣхаста въ свою отчину въ градъ Мясву, и видѣша градъ взятъ, и плѣненъ и огнемъ поженъ, и святыя церкви разорены, а людій побитыхъ, трущя жертвыхъ безъ числа лежащихъ; и о семъ ожалишася зѣло, яко и расплакатися ни съ слезами. Кто бо не въсплачѣтся пловыя погибели градныя? Кто не жалуетъ толка народа людій? Кто не потушитъ о селицѣ множество крестьянъ? Кто и сѣтуеть сиеваго плѣненія и съкрушенія

(¹) Било—деревянная доска, употребляемая вмѣсто колокола въ Греціи и названіе это сохранилось въ Рускомъ Церковн. Уставѣ.

и тѣлеса мертвыхъ хоронити, въ 40 по полтинѣ, а отъ 50 и съчтоша, всего того дано погребанія мертвыхъ 300). А опроче того елико сдѣянапастію убытка Руси и князю, елико створиша протора своимъ ратнымъ находженіемъ, цдовъ поимаша и плѣннша, и га и сребра и всякаго товара змлю его до останка взяша и юриша, и всякого узорочья, остій (областей) пововаша, ижъ пожгоша, колико мечемъ елико въ полонѣ поведоша, и ищю было ти вси убытки и проторы изчитати, убо, не мню, яко ни тысяща тысящъ иметь числа. Не по мнозѣхъ нязь Дмитрій посла свою рать ага рязаньскаго; Олегъ же не дружинѣ едва утече, а землю ика взяша и пунту створиша, ииеть и татарскія рати. Тогда суцію Кипріану м-ту на Тевъзбывию ему ратнаго находжѣиха на Москву октября 7. сви къ князю Дмитрію на зь Тахмаша посоль пріѣха иру; князь же повелѣ крестъ ити двory и създати грады.

2. *Лит. IV, 84—90*).

вниманіе на упрощенный языкъ ной повѣсти, и на искусственные приемы

Крещаніе Татаръ 1390 (1).

осени пріѣхаша 3 Татарины Василью въ рядъ (на службу

м. труповъ похоронено 24,000.
іе этой статьи слѣд.: -о трехъ Та-
изъ Орды пріидоша на Москву и кре-

по уговору), и биша ему челомъ, хотяще ему служити, иже бѣша знакомити (знаменитые) двора царева и нарочитыи поставленици царева, въсхотѣша быти въ вѣрѣ крестьяньской, и жити на Руси и креститися, и пришедше къ м-ту Кипріану, просиша отъ него св. крещенія; онъ же поучивъ отъ святыхъ книгъ, и молитву створивъ, и приготовавъ я якоже подобаетъ, и бысть въ время, егда подобаетъ крестити я, позвоннша во вся колоколы, и събрася множество народа аки на дивное чудо, митрополитъ же облечеся въ вся своя ризы, и съ веѣмъ своимъ съборомъ, съ кресты и съ иконами и съ евангеліемъ и съ кандилами и съ свѣщами, снидоша на рѣку Москву, ту абіе митрополитъ самъ крести я во имя Отца и Сына и св. Духа; бѣша же кмъ до крещенія 3—мъ симъ Татариномъ имена были, по татарскы нареченіи быша: Бахтыхоза, Кидирьхоза, Мичатхоза, претвори же и преименова въ св. крещеніи ихъ имена: Ананья, Азарья, Мисаилъ; и бысть радость въ градѣ Москвѣ, по реченому: радость бываетъ на небесахъ о единомъ грѣшницѣ кающемся,— и вси вѣрніи человекчи слышавши и видѣвши, прославиша Бога, благодаряще и глаголюще: обрати, Господи, поганыя въ крестьяньство, да и ти будутъ братья наша, приеми св. крещеніе, и да будетъ едино стадо и единъ пастьръ.

(*П. С. Лит. IV, 97—98*)

Чрезвычайно замѣчательный взглядъ рус. летописца на иноверцевъ: во всякомъ человекѣ, присоединяющемся къ обществу православныхъ христіанъ, онъ видитъ брата, какой бы онъ ни былъ маѣн.

350. Объ избавленіи Москвы отъ Татаръ.

Въ лѣтѣ 6903 (1395). Во дни мичатхозіа благовернаго и христомлюбнаго м.

кн. Василя Дмитреевича, самодержца русьской земли, внука в. кн. Ивана Ивановича, правнука в. кн. Ивана Даниловича, при благолюбивомъ архіепискупѣ Кипріянѣ митрополитѣ кievскомъ и всея Руси, въ 15-е лѣто, царства Тахтамышева, а въ 7-е лѣто княженія в. кн. Василя Дмитреевича, а индикта въ 3, а въ 13 лѣто по татарщинѣ, по московскомъ взятіи, бысть замѣтна велика въ Ордѣ: пріиде нѣкоторый царь Темиръ Аксакъ, восточныя страны, отъ Синіе орды, отъ Самархискіе земли, велику брань сотвори, много мятежа воздвиже въ Ордѣ и на Руси своимъ приходомъ. О семъ убо Темиръ Оксацѣ повѣдаша, яко исперва не царь бѣ родомъ, ни сынъ царевъ, ни племенн царьска, ни князьска, ни боярьска, но тако изъ проста единъ сынъ отъ худыхъ людей, отъ Зааднихъ Татаръ, отъ Самархискія земли, отъ Синіе орды, иже бѣ за Желѣзными врата; ремесломъ же кузнецъ бѣ желѣзныи, обычаемъ же же и дѣломъ немилостивъ, хищникъ, и ябедникъ, и грабежникъ; иже бѣ преже холощъ былъ у нѣкоего государя, егоже за злонравіе отвержеся его государь, бивъ отсла его отъ себе, онъ же не имѣ чимъ питатися и пребываше татбою кормяся. Единаче бо ему тогда сушу мааду, во убожествѣ крады и ядше, онъ же у нѣкоего украде овцу, они же абіе очутивше его, онъ же мнѣшеса убѣжати, но скоро многими постиженъ бысть, ятъ бысть и удръжанъ крѣпко, и биша его нещадно по всему тѣлу, и умыслиша ему дати язву смертнѣю, яко да убіють ѿ, и пребиша ему ногу и бѣдру на полы, и абіе повергоща его мертва не движущеса и не дышуща; мнѣху бо якоже умре, и оставиша его псомъ на снѣденіе. Едва уздравися отъ таковыя смертоносныя язвы, воста, перекова себѣ желѣзомъ ногу свою перебитую, таковою нукою хромаше; того ради прозванъ бысть Темиръ Аксакъ, Темиръ бо зовется желѣзо, а Аксакъ хро-

мецъ; тако бо толмачеть на языкомъ, яко таковою зыкомъ бысть Темиръ Аксакъ, еже пріиде желѣзныи хромецъ, яко отъ нѣдѣль званіе пріимъ, по дѣйстви бѣ вѣтажа. Также потомъ, по отъ ранъ, по великихъ тѣхъ нѣлишился бѣ лихого своего обычаго, не смирился, ни укротился, ни на большее совращеся: горѣ нѣ лучше прежняго бысть лють рѣ. Потомъ же къ нему приложиша немилостивіи, мужіе суровіи, и ловцы, подобници ему, такои и бойници и хищници; и умножиша. И егда бысть числомъ яко 100, и рекоша его надъ собою старшии бойникомъ; а егда бысть ихъ числ и до 1000, тогда уже князья и ху; а егда ихъ болѣ умножиша, числомъ, многи земли поплѣни, и ды и царства понимали, тогда и его у себе именовашу. Сіи же Темиръ Аксакъ нача многи рати творити, и ги брани воздвиже, многи побѣды многимъ полкомъ сиротивнымъ ордѣ и грады раскопа, многи люди и многи страны и земли повоева, и и сти и языки поплѣни, многи ии царства покори подъ себе; и при Крещенія полони, царство за себя се имена тѣмъ землямъ и царствамъ бѣ поплѣнилъ Темиръ Аксакъ: Хосураній, Голустаній, Китай, Сида, Ширасъ, Испаганъ, Орнатъ, Сизъ, Шибренъ, Шамхикъ, Самзунумъ, Тефлизій, Тевризій, Горг Обезній, Багдатъ, Темиръ Кабу Желѣзная врата, и Асирію, и вское царство, идѣже былъ Нази царь, иже плѣнилъ Іерусалимъ и роки, Ананію, Азарію, Мисаила пророка, и Севастію градъ, и мученіе св. мученикъ 40, иже стѣи, и Арменію, идѣже былъ горей епископъ великіи Арменіи

кій; и сія имена тѣмъ землямъ, цюмъ, и тѣмъ царствомъ, надъ арствова Темиръ Аксакъ, со земель дани и оброки дають семъ ему повинующися. Онъ ги брани хожаше, а они съ волю его творяще; царя Крего во клѣцѣ желѣзной вожаше того ради, да аще бы видѣли и такую его славу, и силу безага и гонителя. Приде ратию царя Тахтамыша, и бысть имъ тѣ нарицаемыхъ Ораньскомъ, гѣ царя Тахтамыша; и прогнамыша. Оттогѣ возгордѣся окаяча мыслити во сердци своемъ юкую землю, поплѣнити ю; аки, за грѣхи наша пустившу Богу царь Батый Русьскую землю, и свирѣпый царь Темиръ Аксакъ шляше, хочеть взяти Русьскую. И собравъ все вое свое, прогду и всю землю Турскую, приредѣлъ рязанскія земля, взялъ, и князя елечьскаго изыма и помучи. И се слыша кн. в. Дмитреевичъ, собра воя свол мною Москвы къ Коломнѣ, хотя у ему во срѣтеніе; пришеду Оки рѣки на березѣ. Темиръ стоящу на единомъ мѣстѣ 15 шлая окаянный, хотѣ ити на гую землю, аки вторый Батый, ирестіанство. Слышавъ же бласхристолоубивый в. кн. Василей, самодржець Русьскія земля, имъ онаго незаконнаго и свирѣпамучителя и губителя Аксакъ Текако помышляше на правослабоголюбивый же в. кн. Васгреевичъ рупѣ на небо воздѣюми моляшеса, глаголюще: «созаступниче нашъ Господи, Гори отъ св. жилища твоего... и градъ нашъ отъ окаяннаширъ Аксака». Князь же Ва-

силей Дмитреевичъ посла вестъ ко отцу своему, боголюбивому архіеп. Кипріяну, м-ту кievскому и всея Руси, чтобы народу повелѣлъ пріяти постъ и молитву, со усердіемъ и со слезами Бога призывать. Пресвященный же Кипріянь слышавъ такую рѣчь отъ господина своего в. кн. Василія Дмитр. призва къ себѣ вся архимандриты и игумены, и повелѣ имъ пѣти по всему граду молебны, а дѣти своя духовныя повелѣ имъ наказати, дабы пріяли постъ и молитву и покаяніе со усердіемъ отъ всея душа своея. Самъ же м-тъ Кипріянь такоже по вся дни призывая къ себѣ благовѣрныя князи, благочестивыя княгини и вся волостели и воеводы, по вся часы наказая ихъ учаще; самъ же Кипріянь по вся дни и часы отъ церкви не отступая, принося молитвы къ Богу за князя и за люди. Такоже повелѣ князь намѣстникомъ своимъ и властелемъ и воеводамъ граднымъ укрѣпити осаду. Благовѣрный же в. кн. Василей Дмитр. помянувъ послать по икону пречистыя Владычица наша Богородица, призва князей своихъ и бояръ, и рече имъ: «хочу послати во градъ Владимиръ по икону Богородица, та можетъ преложити печаль нашу въ радость, можетъ заступити насъ и градъ нашъ Москву отъ нахоженія иноплеменныхъ, отъ нападенія вражія, отъ нашествія ратныхъ, отъ междуусобныя рати и кровопролитія всякого, и отъ мірскія печали, отъ напрасныя смерти, отъ всякого зла, находящая на ны... Протопопъ совѣщаея съ кривошаны пречастую и чудную икону взяша и понесоша отъ Владимира на Москву, страха ради Темиръ Аксакова Татарска, егоже иногда въ повѣстѣхъ слышахомъ далече суца подъ востоки солнечными, вынѣ же близъ яко при дверехъ приближился, и готовится, и пощрается, и вооружается на ны велии; и бысть тогда, м. августа 15 день... Егда же принесена бысть икона сія близъ града Москвы, то-

гда весь градъ изыде противу иконы на срѣтеніе ея, и стрѣтоша ю честно Ки-преанъ и-тъ со епискупы и архимандриты; со благовѣрными князи, со благовѣрными княгинями, съ боялары, всякъ возрастъ мужеска полу и женьска, отъ млада и до велика, все множество безчисленое народа людей, со кресты и со иконами, съ евангеліи и свѣщами и съ кандилами, со псалмы и пѣснями и пѣніи духовными, паче же рещи вси со слезами, маліи и велици, иже не обрѣсти челоуѣка не плачущася, но вси съ молитвою и съ плачѣнь, вси воздыханіи немолчними и рыданіемъ и благодареніемъ рудѣ воздвѣюще на высоту, вси моляхуся ко св. Богородицѣ, вопіюще и глаголюще: «о всесвятая Владычице Богородице! избави градъ нашъ Москву отъ нахоженія ратныхъ иноплеменихъ.» Тако божіею благодатию, неизреченною милостию, молитвами св. Богородица, градъ нашъ Москва цѣль и сохраненъ бысть; а Темиръ Аксакъ царь возвратися воспять, поиде въ свою землю. О е преславное чудо! О преславное удивленіе! О многое милосердіе къ роду христіанскому! въ который день принесена бысть икона пречистая Богородица изъ Володимера на Москву, въ той день Темиръ Аксакъ царь убоися и утрашися, и ужасеся и смятесе, и нападе на нь страхъ и трепеть, и вниде страхъ во сердце его и ужасъ въ душу его, вниде трепеть въ кости его, и скоро отвержесе и охабиси воевати Русьскія земли, и восхитишася быстрие путнаго шествія, скорѣе грядяху къ ордѣ, а къ Руси тылъ показующи, и обратися съ сродници своими воеводси, возвратишася и возколебашеса аки нѣкими гоними быша; не мы бо ихъ гонихомъ, но Богъ прогони ихъ невидямою силою своею и пречистыя его Матери, скорыя заступница наша въ бѣдахъ, и молитвою угодника его боголюбиваго пресвященнаго Петра м-та кіевскаго и всея Руси крѣпкаго заступника граду нашему Москвѣ

и млобника находящія на ны бѣда на нихъ страхъ и трепеть, да оубо Милостивъ бо естъ Богъ и самъ, хощеть и можетъ, еще шлѣтъ намъ насъ, яко избавилъ ны Господь отъ врагъ нашихъ Татаръ, избавилъ отъ сѣчи и меча и отъ крѣпости, мышцею силы твоея разгнаша насъ, сыны Агарины, русьскія и мышцею высокою утрашилъ Исманловы: не наши воеводы взяли миръ Аксака, не наши воиштыи шли его; но словомъ повелѣно имъ страхъ и трепеть, страхомъ бѣ утрашился, гнѣвомъ божіимъ гонимъ потщався отъиде отъ русьскія земли ступивъ поиде прочь отъиуде приду рустѣи не прикоснуся, ни оскорби, ни жи, ни вреди ея, но поиде бѣ и щенія; мы же востахомъ и прости оубо же заиде изчезе, мы же оубо цѣлени быхомъ, помощь наша отъ сотворшаго небо и землю.

(Пол. Собр. Лѣт. VI, 124—125)

См. V. 247—249. VIII, 65—68 и 258—264.

351. Намѣствіе Едиги.

а) Тое же зими (1408) и князь ординскій, именовъ Едига, гвниеть Булата царя, приде на Рускую землю, а съ нимъ 4 князи да мнози князи татарскіе. А се царевичемъ: Бучакъ, Тергиберди, миръ, Булатъ, а князи: в. кн. Махметъ Исупу Селемову сын гиня Шиховъ сынъ, Обрягинъ зевъ сынъ, Акшибѣи Едигъ Сентялибѣи, Бурнакъ, Ериклябер же слышавъ кн. в. Василій Диг не сталъ на бой противу Татаръ ѣха вбортъ на Кострому. И бѣ филипово говѣнье, м. декабря въ

Едигей къ Москвѣ ратю съ всею татарскою, и распусти ихъ по вел. княжеству и разоумашася по смилу, аки злиа быци по всѣмъ и по странамъ и по волостемъ и омъ, и не остаеа такового мѣста, небылаа Татарове; ааши градъ авль и огнемъ погрома, такоме и въ, и Дмитровъ, и Сарпуховъ, и родъ Нижней и Городецъ. А за . за великимъ посланъ бысть въ царевичъ Тергибардѣй, да князь ии сынъ Едигеювъ, да ки. Сантиа съ мшии изборныа рати 30 ты и тѣ главнѣеа по мѣстѣ не покиго, ниже обрѣтоша его и пакн ишася къ Едигею. Стоя же Едигеи Москвы; въ селѣ Коломенскомъ, и юсылаеть послы своя Булата цада ки. Ериклибердѣи на Тверь, в. Ивану Мих. тверскому, вала ги у Москвы часа того съ всею гверскою, и съ шумами, и съ , и съ самострѣлы и съ воими градобийными, хота разбита градъ ; князь же Иванъ не хота сего ти, ни пакн бити крестнаго цѣлодавнаго мѣра и любви съ в. ки.;) умысли: съ Твери поиде боеъ ю въ мнози дружинѣ и не доъ-осквы възвратися пакн съ Клинарь; сие же сътвори дабы, ни Едигеишети, ниже в. князю погуби-юнкъ обоого мѣбика, премудри бо вори. Градъ же Москва въ неча-цѣ бысть вой обстоитѣ, а людеъ затвернишася, посадъ же около и погрома, боащесеа примета; въ бо баше затворилася съ ними: Юлодимеръ Андрѣевичъ, ки. Ан-Дмитревичъ, и братъ его ки. и ки. Иванъ Юрѣевичъ, и мнози ѣ ними, и епископи, и весь свя-юкий чинъ и многое множество имочеслоа, отъ звоныхъ бо прѣдѣъ въбѣлошесеа хворосты ради градъ

ны; скорбию же великою одержани башу, ни откуду пѣсебѣи имуще, но точию отъ единого Бога помощи молучити прошашу, и пречистѣй Матери его молящесеа, скорою въ бѣдахъ помощницеа христіанскому роду, и достъ и молитву сътвораша, мо-бы же и моленіа приносаше съ слезами и въздыханіемъ, и поканіе же чисте отъ думи кѣждо молешина, отъ грѣаъ оцнцѣющесеа и смерти ожидающе. Восблагѣи же милостивый человеколюбивъ Богъ услыша скорбь людеи своихъ и молитвъ и моленіа и въздыханіа ихъ не прерѣ, но обычнымъ своимъ человеколюбивъ поми-лова людеи своя, отъ безбожныхъ Имамла-тѣвъ набави. Въ время бо се, въ цѣмѣ Едигѣи пришеа у Москвы стояше, доаи и замевати ту, всячески же похваляшесеа градъ ваити хотѣаше, се мѣкий царевичъ, въ то время, усмотривъ себе время молучне, егда вся Орда истощиа и вой Татарове на Русь замедоа въсвати, и мало ихъ окая царя остаа, той же царевичъ усмотривъ себе время таково и прибрѣтъ поборники себе, и крѣде ма-прасно изгонѣ на Орду; но сътвори ему спону проводникъ его: не на царя приведе его, но на торгъ, еше же и мѣла бысть велика въ довь той, егда же до-получи желаемого, тогда крѣдѣи повелѣ преговащаго его, замѣтию же велѣму сътвори и по премвогу смутѣ всю Орду за маломъ бо самого царя не захвати. Царь же Булатъ въ ужасѣ вѣло бысть, — и посылаетъ вскорѣ на Русь по Едигѣи скоромосолники своя, велѣше ему боеъ всякаго молдѣанна поити къ себе съ многою скоростію, боаеа да не пакн пришеа изгонѣти его съ Орды или имуть. Смышавъ же се Едигей, и искаше подобна вре-мени, дадо бы отступити отъ Москвы, некая не одолѣвъ, но всячески побѣдѣи, и аааа просити оудѣа за города; сущи же въ градѣ мѣлаи и боеаеа и вси людеи новѣдуше башнаго пѣаинушася аааи оудѣа 3,000 рублевъ. Едигѣи же ааааи оудѣа

поиде отъ Москвы въ Орду, стоя же у города 3 недѣли, а къ граду не приступалъ, ни рати приушчалъ, но стоялъ все въ Коломенскомъ селѣ; егда же отъйти хотѣше, и тако отпусти преже своя воя съ множествомъ полона, а самъ съ всею ратью поиде м. декабря въ 20 день, въ онъже празднують память преставленія Петра м-та, новаго чудотворца Рускаго. Мню бо яко и того молитва еже къ Господу Богу избави люди и градъ отъ толика нужи и бѣды, належашаа на нихъ; еще бо въ животѣ своемъ превозлюблю градъ свой паче всѣхъ градъ, въ немже и цѣлбоносный гробъ его бяше, имѣя честныя мощи его; его же ради молитвъ избавленъ бысть градъ сей отъ поганыхъ нашествія; якоже и великій христовъ мученикъ Дмитрій избавляше многаяжды градъ свой Селунъ отъ нахождения Срацинь, тако же и сему граду и людямъ сущимъ въ немъ дасть Богъ сицеваго святителя, заступати и спасати могуща отъ всѣхъ злыхъ находящихъ на насъ. Отшетшимъ же Татаромъ съ множествомъ полона, и всякого товара и всякого узорочія наивавшеся, полона же толика множество ведяху, яко многы тысяща числомъ превосхождаше; жалостно же бѣ видяху и достойно слезъ многыхъ, яко единъ Татаринъ до 40 христіанъ ведаше, съ нужею повязавши; многое множество иссѣчено бысть, ниини же отъ ираза изомроша, друзиини жажею и гладомъ умираху; отци и матери плакаху зрящи чады своихъ разбиваемыхъ и умерщвляемыхъ, тако же и чада рыдаху разлученія отъ родителей своихъ, и небысть помилюющаго, ниже избавляющаго, ни помогающаго. И бысть тогда во всей Руской земли всѣмъ христіанамъ туга велика, и плачь не утѣшимъ, и рыданіе и кричаніе; вся бо земля плѣнена бысть, наченъ отъ земля Разанскія и до Галича и до Белоозера, вси бо подвизашася и вси смутнишася, многи бо напасти и убыт-

ки всѣмъ человекомъ съдѣшася, и великимъ, и меньшимъ, и ближнимъ, и дальнимъ, и небысть такова, еже бысть убытка быль, но вси въ тузи и скорби и печалю одержани. Съ скорбь за много время нѣщии же отъ жиникъ провозвѣсташа, глаголюще, яко предущее лѣто будетъ скорбь велика, еже и збытсѣя въ время се; въ нѣкихъ же мѣстехъ отъ св. нбнъ не всхождаше, а отъ иныхъ кровъ не на наказаніе (*поученіе*) намъ грѣшнымъ. Преже бо казненія бывають жиникъ прещенія, да еще не покажемся тогда, и томъ казнь божія приходитъ на ны и наша прегрѣшенія.

(Ш. С. Лѣт. VIII, 82—84).

б) Се же великое зло сътвори на земли Руской, на родѣ христіанъ грѣхъ ради нашихъ. А нѣкій царь прииде къ Новгороду къ Нижнему, и имъ мнози Татарове, и болгарскыи и Мордва, взяша Новградъ Нижний и жгоша весь, монастыри и св. церкви, то огневи предаша, а люди старыи и младаа младенци иссѣкоша, а младаа полонъ поведоша. Оттогѣ окаяніи сирядци поидоша къ Городку, и городъ и ша, огнемъ пожгоша весь, и нѣкыи вси и св. церкви огневи предаша, и гдѣ побѣгоша кто кудѣ; они же есми всѣми путми гонимася въ слѣдъ и съкуще люди акы траву. И поидоша и Городца въ верхъ по Вьлзѣ, воюемъ и странѣ, и быша въ Бѣлогородіа, и постиже ихъ вѣсть отъ Едигѣа, и нѣкимъ увернутися въ Орду; они же есмини хотѣша ити на Кострому и на Вьлгу, въ слѣдъ вел. княжны. Господь избави градъ Кострому и Вологду отъ насилія поганыхъ, молитвами св. Бж. родица, и не предасть Господь ни своихъ въ рудѣ невѣрныхъ. Онъ окаяніи поидоша взадъ къ Городку и

Новугороду (*Нижегороду*), воюючи и съ-
кучи остатка людей, и поидоша отъ Но-
вагорода воюючи Уяды и Березово поле,
такъ поидоша обашоу и по лѣсомъ ищущи
людей, и многа люди по лѣсомъ истре-
сѣкоша; и оттоу поидоша къ Сурѣ, на-
чана Суру воевати, Кормышѣ пожгоша,
и Сару Великую пожгоша, и епископы
всѣ избѣша, а нѣе огнемъ скончашася,
а люди всѣ пострекоша, а нѣе огнемъ
skonчашася, а градъ весь сожгоша, и мѣ-
сто града того разорниша Сары Великыя,
и монастыри пожгоша, погосты и села
повоеваша, и все огневи предаша, полонъ
аки скотъ погнаша въ свою землю, мо-
лоди черницы и черноризицы все обнаже-
но, все поругано.

(*П. С. Лѣт. XV, 484*).

352. Посланіе Едигея Московскому князю.

Тое же лѣта (1409), Едигей князь
ординскій прислалъ къ в. кн. Василью
Дмитревичу тако ркучи:

«Слышавше намъ учинилось таково, что
Тахтамышевы дѣти у тебя, и того ради
пришли есмь ратью, да еще слышахомъ
такъ, что ся неправо у тебя чинитъ в
городехъ; послы царевы и гости изъ Ор-
ды къ вамъ приѣзжаютъ, и вы пословъ і
гостей на смѣхъ поднимаете, да еще ве-
лика имъ обида і истомы у васъ чинится
мно то недобро. А преже сего улусъ
былъ царевъ и державу держалъ и по-
шлины, и пословъ царевыхъ чтяли, и го-
стей держали безъ истомы и безъ обиды,
і ты бѣ спросилъ старцевъ, како ся дѣ-
ло преже сего, и ты нынѣ того не дѣ-
ешь ино тако ли то добро? А Темиръ
Кутлун сѣлъ на царствѣ, а ты услугу
государь учиниша, и отъ тѣхъ мѣсть у
царя еси во Ордѣ не бывалъ, царя еси
во очи не видалъ, ни княземъ, ни ста-
рѣишихъ бояръ, ни меньшихъ, ни много

еси ни кого не присылывалъ, ни сына,
ни брата ни съ которымъ словомъ непо-
сылывалъ. И потомъ Шадибѣкъ осмѣ
лѣтъ царствовалъ, и у того еси такожъ
не бывалъ и никого еси ни с которымъ
же словомъ не посылавалъ, и Шадибѣ-
ково царство такожъ мноло; и нынѣ
царь Булатъ—салтанъ сѣлъ на царствѣ,
и уже третей годъ царствуетъ, такожъ
еси самъ не бывалъ, ни сына, ни брата,
ни старѣйшаго боярина не присылывалъ,
а надъ толккимъ великимъ улусомъ ста-
рѣишій еси великій князь, а вся твоя
дѣла не добры и неправы. Добры нравы
і добра дума и добрая дѣла бывш, ко
Ордѣ отъ Федора, добрыи былии человекъ.
Которые добрыи дѣла ординские тои те-
бѣ воспоминалъ и то ся минуло, и нынѣ
у тебя сынъ его Иванъ казначен твоя и
любovníкъ и старѣишина; и ты нынѣ ис
того слова и іс тои думы не выступа-
ешь, и отъ того дума учинилася твоему
улусу пакость и христіяне изгибли; и ты
бѣ оиать тако не дѣялъ, а молодыхъ не
слушалъ, а собралъ бы еси старѣишихъ
своихъ бояръ и многихъ старцевъ зем-
скихъ, да думалъ бы еси с ними добрую
думу, коя бы пошла на добро, чтобъ тво-
имъ христіяномъ малымъ и великимъ бы-
ло добро, не погибли бы отъ твоеи гор-
дости в твоеи державе до конца никтожъ.
Аще ли ты не восхощени тако чинити,
но осваиватися восхощенъ, ино ти ся ро-
бятити и бѣгати, добро ти тако быти, ка-
ко бы ти прожити, и какъ быти пошла-
на вѣдати, і како быти во улусе семъ
жити безбѣдно и княжити. А обиды ка-
ковы ни будутъ или отъ князей русскихъ
или отъ Литвы, и ты къ намъ на нихъ
жалобныя плешъ ежегѣтъ, и жалобныя
грамоты, и оборони у насъ отъ нихъ
просишь, і покоя в томъ намъ отъ тебя
нѣтъ николи, а ркучи тако, что ся улусъ
истомилъ и выхода взяти вѣначемъ. И мы
прежъ сего улуса твоего сами своимъ
очима не видали, толко есмь слухомъ

спайте съ нами, витязь, бой держите—
идите, что насъ двое а насъ семеро—
знали витязи воеводъ,
знали Алеша Поповичъ на ихъ слова,
ликъ онъ коня борзого,
ликъ на воеводъ
Зубалъ ихъ пополамъ со всего плеча:
четверо—и живы всѣ.
ликъ на нихъ Добрыня воевода,
ликъ ихъ пополамъ со всего плеча:
шестеро—и живы всѣ.
ликъ на нихъ Илья Муромецъ,
ликъ ихъ пополамъ со всего плеча:
двое болѣе и живы всѣ.
ликъ на силу всѣхъ витязи:
оки-силу волоть-рубить...
на все растеть-да растеть,
на витязей съ боемъ идеть...
на витязи три дня, три часа, три мину-
точки,

шлися ихъ плечи могучими;
шлися кони ихъ добрыи;
шлися мечи ихъ булатные...
на все растеть, да растеть,
на витязей съ боемъ идеть...
шлися могучие витязи:
шлися въ каменные горы, въ темныя пе-
щеры...
подбѣжить витязь къ горѣ, такъ и ока-
менѣть;
подбѣжить другой, такъ и окаменѣть;
подбѣжить третій, такъ и окаменѣть.
Ихъ-то поръ и перевелись витязи на сѣ-
той Руси!—

(Сынъ отечества 1856, № 17).

333. Щелканъ Дудюговичъ.

А и дважо въ Ордѣ,
Передъялось въ Большой,—
На стулѣ золотѣ,
На рыжонъ бархатѣ,
На червчатой камѣ
Сидитъ тутъ царь Азякъ,
Азякъ Тавруловичъ;—
Суды разсуживаетъ
И радъ разряживаетъ,
Костылемъ размахиваетъ
По бритымъ тѣмъ усамъ,
По татарскимъ тѣмъ головамъ,
По синимъ плѣшамъ
Шуритъ царь даритъ,
Азякъ Тавруловичъ,
Городами столицами:
Василья на Плесу,
Гордѣ въ Вологдѣ,
Ахрамѣ въ Костромѣ;
Одного не пожаловалъ
Любимаго шурина.

Щелкана Дудюговича:
За что не пожаловалъ
И за то онъ не пожаловалъ,
Его дома не случалось,
Утѣжалъ-то младъ Щелканъ
Въ дальнюю землю Литовскую,
За моря сани,
Бралъ онъ, младъ Щелканъ
Дани, невыходы, царски невзылаты;
Съ княземъ бралъ по сту рублей,—
Съ бояръ по пятидесять,
Съ крестьянъ по пяти рубль,—
У котораго денегъ нѣтъ,
У того дати возьметъ;
У котораго дати нѣтъ,
У того жезу возьметъ;
У котораго жени-то нѣтъ,
Того самого головой возьметъ.
Вывезъ младъ Щелканъ
Дани выходы, царски невзылаты;
Вывезъ младъ Щелканъ
Коня во сто рублей,
Сѣдло во тысячу.
Удѣ цѣны ей нѣтъ.
Не тѣмъ удадъ дорога,
Что вся удадъ золота,
Она тѣмъ удадъ дорога,
Царское жалованье
Государеве величество;
А нельзя дескать,
Тое удадъ ни продать, ни промѣнять
И друга дарить,
Щелкана Дудюговича.
Проговоритъ младъ Щелканъ,
Младъ Дудюговичъ:
-Гой еси, царь Азякъ,
Азякъ Тавруловичъ!
Пожаловалъ ты молодцовъ
Любимыхъ шуриновъ,
Двухъ удалыхъ Борисовичевъ:
Василья на Плесу,
Гордѣ въ Вологдѣ,
Ахрамѣ къ Костромѣ
Пожалуй ты, царь Азякъ,
Пожалуй ты меня
Тверью старю, Тверью богатю
Двумя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи-
Проговоритъ царь Азякъ,
Азякъ Тавруловичъ:
-Гой еси, шурина мѣй.
Щелкана Дудюговича
Заколеть-но ты сына своего,
Сына любимаго,
Вроде ты чашу наряди,
Висей ты кранъ конъ горечи;
И тогда я тебе пожалю:
Тверью старю, Тверью богатю;
Двумя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи-
Василья младъ Щелканъ,
Сына своего любимаго,
Чашу кранъ наряди;

Ты не хочешь служить за вѣру христіанскую!

Пала лошадь во твоей подковы,
Остался Илейко во подковы.
Набѣжали злыя Татары,
Оковали Илеюшку желѣзами,
Ручными, ножными и запячными,
Проводили ко Батю Батыевичу.
Говорилъ ему Батый царь, сынъ Батыевичъ:
—Ужь ты гои еси, старъ казакъ Илья Муромецъ!

Послужи мнѣ-ка также, какъ Владимиру,
Вѣрую неизвѣдомою ровне три года!—
Отвѣчалъ старъ казакъ Илья Муромецъ:
—Нѣтъ у меня съ собой сабли острой,
Нѣтъ у меня копья мурзаметскаго,
Нѣтъ у меня палыцы боевья:
Послужилъ бы я по твоей по шеѣ по татарскимъ!

Говорилъ Батый царь, сынъ Батыевичъ:
—Ой вы, слуги мои вѣрные!
Вы ведите Илейку на широкій лугъ.
Вы стрѣляйте его стрѣлами казеными!—
То Илейникъ не поглянулося,
Говорилъ оиъ таково слово:
—Ой ты гои еси, Батый царь, сынъ Батыевичъ!

Ты такъ казни, какъ на Руси казнятъ богатырей:

У насъ выведутъ на поле на Куляково,
Положатъ голову на плашку на липову,
По плечъ отсѣкутъ буйну голову;
Не толь старику будетъ смерть страшна!—
То Батыю слово показалося:

—Выводите его на воле Куляково,
Положите голову на плаку на липову,
По плечъ срубите буйну голову!—
Возмолился старъ казакъ Илья Муромецъ
Тому угодику божьему Николаю:

—Погибаю я за вѣру христіанскую!
У Илейки силы вдвое прибыло;
Рвалъ оиъ оковы желѣзныя,
Хваталъ оиъ поганяго Татарина,
Который покрѣче, который на жалѣ не рвется,

Валъ Татаринюмъ помахивать:
Въ которую сторону махнетъ,—улица.
Подбѣгаетъ къ Илеюшкѣ добрый конь,
Садился оиъ на добра коня,
Билъ Татаръ чуть не до одного.
Убирался Батый царь съ большими убытками,
Съ большими убытками, съ малыми прибытками,

Съ малыми прибытками, со страмотою вѣчною,
На мелкикъ судахъ на павозкахъ.

(Пѣсни Кирьескаго, 4, 38—46).

367. Изъ гісторіи въ честь св. Иуды Сладивскаго.

—Како быша злыхъ Измаилтенъ маме плѣненію, тогда земля восплакала яко вѣки чадолюбивая мати, мы же тогда возрадовались, и возвеселились, видяще божіе милосердіе и пречистые Богородици зашщитенію, и споданія воина христова благочестію хладна. Како быша отъ нечѣрныхъ ирвославныхъ стонаше, воіе стѣваніе и вопль къ Госуду Богу, тогда наша мати земля жерломъ (м. т. юрломъ, юлосомъ) возстѣнаше, вопише Чаде мои, чаде мои! прогнѣвоваше Госудъ своего, а моего Творца и Бога! Мы же ни къ Госуду Богу и къ пречистѣй Богородици умншо возопишамъ, глаголюще: заступни наша господа Богородица! избави насъ мурварскаго нахожденія и алаго мѣщенія. Твѣ земля зря и возрыдала, како отъ нечуждѣ православнѣи отторгаемы и безмилостивѣи побиаемы; тогда мы рудѣ владѣннѣи и воддыханіемъ слезы испущающе, молчше Христу Богу и пречистой его Матери, и пиюще и глаголюще: Слава Тебѣ, Ісудъ, сыне божій! Слава Тебѣ, св. Богородица, избави насъ отъ агарискаго мѣселомнѣи горкаго томленія! Како намъ даровалъ скратное и милостивое заступленіе, помни и Богородица, тогда взомнѣи къ Богородици отъ усердіемъ молящеся, слезы отъ оиъ точаще и глаголюще: пресвятая господа! Богородица! Ты избавила родъ христіанскій отъ адова мучительства, и нынѣ насъ избави поганыхъ нахожденія, и алаго и нечестивѣи плѣненія и побѣченія! Мы же тебѣ, Богородице, пѣснѣно олавнѣи и величлемъ и помянемъ пречистому Твоему образу.

—Римъ оставъ и намъ пришесть еси; бѣ гатество римское оставъ и приять богатости на небесѣхъ, и нынѣ со ангелы водворѣи ся. Римское княженіе и славу суетну и во что же вѣннѣи, оставъ княженіе, и приять царство небесное и нынѣ знаменѣи е лики ангельскими. Римскѣи родители оелихъ небрегъ, единѣи вождѣи еси, за мѣ христову кровь свою пролиати и за православныхъ, вѣрующихъ въ Господа, и ои ради веселишися въ оелехъ небесныхъ...

—Начнемъ касатися духовнѣи бѣсѣи страданія воспомнѣи угодику и мученику христова Меркурія, како зачестивѣи и бѣгопротивнѣи царъ Батый наиде на грѣи нашъ мустъ сотворити, а насъ погубити; и Богомъ и мрсвятою его Матерію и страданіемъ угодикуа воина христова, спасѣи градъ и люди. По благовѣщенію св. Богородица, приде святѣи въ дарковѣ Богородици, и обрѣтоша сѣщю порану предъ самою иною господа Богородицы, отъ мѣи же оиъ гласъ понамари, и видше святѣи кровь обрѣзомъ, чудотворнѣи, маме мѣстнѣи: госуда

! буди поміщице на супротив-
 . И тако гласъ бысть отъ иконы
 ородицы и явленіе святому, без-
 захожденіе, и посла побѣдяти ихъ
 товою. Отъ чудотворныя иконы
 Богородица бысть гласъ глаголюще:
 Меркуріе! иди злотворнаго Батыя и
 зъ люди огрози; плѣнны свобода да-
 Христовымъ; домъ мой и градъ и
 дны и сотвори. Отъ пречистаго и
 го образа пресв. Богородица бысть
 оброну войну христову: Рабе мой
 иди, убій сильнаго исполнина, а
 го царя Батыя и поганыхъ Ага-
 они; божію благодатию люди и
 нихъ спасутся. Пречистая госпожа
 аца! неkosная наша заступнице!
 ржава, непобѣдимый воевода града
 мучи во своемъ градѣ такового
 годника своего Меркурія, и тако
 спосылаше огрозити и побѣдяти
 , и прогонити отъ лица нашего...

в святой на мѣсто, идѣже повелѣ
 лица, и ту побѣдилъ много вой
 , и оставшія варвари разъяряхуся
 распыхахуся суетмысленными ду-
 гохранимъ градъ Смоленскъ. И бѣ
 превелику и пресвѣтлу солнцѣоб-
 множествомъ вой небесныхъ, и
 , въскорѣ отбѣжа отъ насъ. Ша-
 зумнія въ мовѣ горкаго своего
 ня, яко провидѣли госпожу Бого-
 че солнца сіяюще и помогающе
 днику; и тако расыпашася мысли
 ть яко прахъ, и побѣгоша въскорѣ,
 себе адаша. Приде святой въ
 зный градъ, и ту блаженная гла-
 рошлудная маслина, процвѣте...

ліи Агаряне отсѣкоша главу св.
 и въсприятъ ю самъ святой и
 градъ, предъ всѣми людьми, гла-
 ююще глава, како бысть побѣда
 гъ госпожи и Богородицы заступле-
 му отъ нея поможения... «Красно
 ято, на немъ же твои всесестнѣи
 гъ, идѣже твоя святая глава усѣ-
 бѣ воинъ Христови свыше отъ
 царскую діадиму приятъ, сія въ
 хъ мученикъ, яко солнце посреде
 вая градъ и люди...

едставленія явися святой тому же
 яко живъ, въ воинскомъ подобіи,
 рцу: повѣждь гражданамъ, да устро-
 и копіе мое надъ гробомъ монимъ,
 детъ гражданамъ притуженіе отъ
 жденій тогда извоятъ мое оружіе,
 ще Господа славы и того рожде-
 атерь, и мене смиреннаго раба бо-
 іа поминающе, да подасть Госпо-
 гъ на супротивныхъ крѣпость и
 —Спомочника имѣяху вси гражда-
 терпче христовъ доблестный! ко-

пие и щитъ твой выну пособіе имущи, ты
 величаютъ, Христа Бога славяще, вѣнчавша-
 го тѣ!»

(Очерки Булаева, II, 182—185).

Когда Батый задумалъ плѣнить богоспасаемый
 градъ Смоленскъ, тогда св. Богогодица явилась отъ
 иконы пономарю и послала его за Меркуріемъ, ко-
 торый происходилъ «отъ римскихъ пазухъ», отъ
 славнаго княжескаго рода, изъ земли римской, а
 завѣхалъ въ Смоленскъ еще въ юномъ возрастѣ на
 службу къ самодержцу того города. Послала его Бо-
 городица на долгой мостъ и сказала, что онъ по-
 бѣдитъ мучителя—исполнина и обѣщала ему свою
 помощь—и вѣнецъ мученичества. Меркурій побѣдилъ
 враговъ и они предались бѣгству, но и ему отрубилъ
 голову, которую онъ принесть въ городъ собствен-
 ными руками—въ виду всѣхъ. Потомъ Меркурій
 явился тому же пономарю и велѣлъ поставить надъ
 гробомъ копье и щитъ. Это оружіе для гражданъ
 Смоленска было знаменіемъ побѣды и избавленія отъ
 вражескихъ нашествій. Какъ однажды этихъ оружіемъ
 отражены были Татары, такъ и всегда впредь бу-
 деть оно символомъ божества, могущества противъ
 враговъ православія. Къ этому нужно добавить, что
 каждая почти мѣстность въ россіи имѣетъ свои
 преданія о герояхъ, сражавшихся противъ Татаръ,
 (Очерки Булаева II, 185—198).

358. Легенда о Егоріѣ и Татархъ.

Не въ чуждомъ царствѣ, а въ нашемъ
 государствѣ было, родимый, времячко—охъ-
 охъ-охъ! Въ то время было у насъ много
 царей, много князей, и Богъ въсть кого слу-
 шаться; ссорились они промежь себя, дра-
 лись и кровь христіанскую даромъ проливали.
 А тутъ набѣжалъ злой татаринъ, заплонилъ
 всю землю мещерскую, выстроилъ себѣ го-
 родъ Касимовъ, и началъ онъ брать въюницъ
 (молодыхъ женщинъ) и красныхъ дѣвицъ себѣ
 въ прислугу, обращалъ ихъ въ свою вѣру
 поганую, и заставлялъ ихъ ѣсть пишу нечи-
 стую, маханину (лошадное мясо). Горе да
 и только; слезъ-то, слезъ-то что было проли-
 то! всѣ православные по гѣсамъ разбѣжались,
 подѣлали тамъ себѣ землянки и жили съ вол-
 ками; храмы Божіи всѣ были разорены, нег-
 дѣ было и Богу помолиться.

И вотъ жилъ да былъ въ нашей мещер-
 ской сторонѣ добрый мужичокъ Антипъ, а
 жена его Марья была такая красавица, что
 ни перомъ написать, только въ сказкѣ ска-
 зать. Были Антипъ съ Марьею люди благоче-
 стивые, часто молились Богу и далъ имъ
 Господь сына красоты невиданной. Назвали
 они сына Егоріемъ; росъ онъ не по днямъ,
 а по часамъ; разуть-то у Егорья былъ не
 младенческой: бывало, услышитъ какую мо-
 литву—и пропоеть ее, да такимъ голосомъ,

что ангелы на небеса радуются. Вот услышал схимникъ Ермогѣнъ объ умѣ-разумѣ младенца Егорія, выпросилъ его у родителей учить слову Божьему. Поплакали, погоревали отецъ съ матерью, помолились и отпустили Егорья въ науку.

А былъ въ то время въ Касимовѣ ханъ какой-то Брагимъ, и прозвалъ его народъ Зміемъ-Горюнычемъ: такъ онъ былъ золъ и хитеръ! просто православнымъ житья отъ него не было. Бывало выгѣдетъ на охоту—дикого звѣря травить, никто не попадается, сейчасъ заколится; а молодичъ да красныхъ дѣвицъ тащить въ свой городъ Касимовъ. Встрѣтилъ разъ онъ Антипа да Марью, и больно полюбилась она ему, сейчасъ велѣлъ ее схватить и тащить въ городъ Касимовъ, а Антипа тутъ-же предать злой смерти. Какъ узналъ Егорій о несчастной доль родителей, горько заплакалъ и сталъ усердно Богу молиться за мать за родную,—и Господь услышалъ его молитву. Вотъ какъ подростъ Егорій, вздумалъ онъ пойти въ Касимовъ-градъ, чтобъ набавить мать свою отъ злой неволи, велѣлъ благословеніе отъ схимника и пустился въ путь-дорожку. Долго ли, коротко ли шелъ онъ, только приходитъ въ палаты Брагимовы и видѣть: стоятъ злые нехристи и нещадно бьютъ мать его бѣдную. Повалялся Егорій самому хану въ ноги и сталъ просить за мать за родную; Брагимъ грозный ханъ закинулъ на него гнѣвомъ, велѣлъ схватить и предать различнымъ мученіямъ. Егорій не устранился, и сталъ возсылать молебны свои къ Богу. Вотъ повелѣлъ ханъ плять его псами, рубить топорами; у пилъ зубья пошибались, у топоровъ лезвія выбивались. Повелѣлъ ханъ варить его въ смоля кипучей, и велѣлъ ханъ посадить его въ глубокой погребъ; тридцать лѣтъ сидѣлъ тамъ Егорій—все Богу молился; и вотъ поднялась буря страшная, разнесли вѣтры всѣ доски дубовыя, всѣ пески желтые, и вышелъ святой Егорій на вольный свѣтъ. Увидалъ въ полѣ—стоитъ осѣдланый конь, а возлѣ лежитъ мечъ-кладенецъ, копьѣ острое. Вскочилъ Егорій на коня, приуправился и поѣхалъ въ лѣсъ; повстрѣчалъ здѣсь много волковъ и напустилъ ихъ на Брагима хана грознаго. Волки съ нимъ не сладили, и наскочили на него самъ Егорій и закололъ его острымъ копьемъ, а мать свою отъ злой неволи свободилъ.

А послѣ того выстроилъ святой Егорій соборную церковь, завелъ монастырь, и самъ захотѣлъ потрудиться Богу. И много пошло въ тотъ монастырь православныхъ, и создались вокругъ него келія и посадъ, который и понынѣ слыветъ *Егорьевскимъ*.

(*Легенды Аванасьева, стр. 132—134.*)

Образъ жизни Русскихъ столкнулся съ образомъ жизни Татаръ и невольно подчинился мѣтъ вліянію: подчиненіе царю, т. е. Хану заставляло перенимать его придворныя церемоніи, чины и хозяйственный бытъ. Отъ Татаръ перешло въ Россію много вещей азіатской работы и это имѣло вліяніе на русское зодчество и мастерства; въ постройкахъ и украшеніяхъ древне-русскихъ можно уловить черты Восточнаго вкуса. Ни начеиъ такъ ярко и наглядно не отразилось татарское вліяніе, какъ на средневековой пошлѣнной русской системѣ: тутъ и названія пошлѣнныя и названія таможенныя приставниковъ—все обличаетъ татарскій строй. Подъ вліяніемъ страха, жестокости со стороны завоевателей, послѣ татарскаго порабощенія, развилась сильно въ народѣ фантазія и аскетическое направленіе: когда лопнула надежда на свои силы, оставалась единственная надежда на помощь свыше. Оттого въ это время построено было громадное количество монастырей и надплены были они изумествами отъ усердія върующихся. Съ другой стороны долговременное подчиненіе и униженіе низшаго предъ сильными способствовало развитію шитрости, осторожности и стойкой политики московской; являлись деспотизма надъ Москвою вызвало въ ней самой деспотическія стремленія противъ подчиненныхъ и слабыхъ областей, и титулъ царя, принадлежавшаго прежде хану, перешелъ на в. князя Московскаго.

Первое нашествіе Монголовъ на Европу изъ „Histoire des Mongols depuis Tchinguiz — Klan jusq'a Timour — Lang". Paris. 1824. Сѣвер. Архивъ ч. 24, № 21 и 22. 43. № 23 и 24. 277, 1828 г. ч. 26, № 7. 209. № 8, 291. Исторія первыхъ четырехъ хановъ изъ дома Чингизова. О. *Іакинфа*. Моск. Телеграфъ. 1829, XX 529—532. 1828, XXII. 129—135. О Монголахъ *Абульгази*. Тамъ же 1826. XII, 301—304. О Монголахъ *Іакинфа Бичурин*. Москва. 1850. XXIV, 85—92. О Монгольск. ханахъ—*Буткова*. Сѣвер. Архивъ ч. 10, № 12. 279. ч. 11. № 13 и 14. 1. Нѣчто о вліяніи Монголовъ и Татаръ на Россію. А. *Рихтера*. Спб. 1822 г. *Ею же*: Иссл. о вліяніи Монголо-Татаръ на Россію Спб. 1825. Объ отношеніяхъ Рос. Князей къ Монгольск. ханамъ. П. *Наумова*. Спб. 1823, *такая*: Смытъ Отеч. 1823, LXXXVII, 69. 120. LXXXVIII, 20. 99. О мнимоиъ запустѣннхъ Украйны въ нашествіе Батыево. Рус. Бес. 1857. 4, III, 22—34. О золотой Орді изъ сочин. *Шилдбергера*. Зап. и Труды общ. Ист. 1824. ч. 2, кн. 2. 198—232. Ибнъ-Батута. Рус. Вѣстн. 1841. 4, 462. Марко-Поло. Чт. общ. Ист. 1861. кн. 3. См. еще: Библ. иностр. писат. о Россіи. Изд. Семенова. Спб. 1836. Ж. М. Н. Просв. I. 299. V, 594. ч. 37. VI. 168. ч. 38. II, 19. ч. 40. VI. 123. 131. ч. 44, II, 30. VI. 189 ч. 45 VII. 4 ч. 48.

II. 1. ч. 70. VI. 27. ч. 79. II, 221. Избавленіе Костромы отъ Татарс. нашествія. *А. Кавелина*. Малакъ. 1845. 2. Повѣсть о разореніи Рязани Батыемъ въ 1237 г. О малолѣтв. памяти. *Срезневскаго*. IV, 77—94. Изъясненіе словъ, перешедшихъ изъ восточн. языковъ въ Россію. *Фр. Ердмана*. Зап. и Труды общ. Ист. 1830. ч. V, 215—245. Ж. М. Н. Пр. 1842 ч. 36. Историч. сказанія о борьбѣ съ разными племенами и народами. Ист. Рос. *С. М. Соловьева*. IV, 388—400. Ист. Рус. Словес. *Галахова*. I, 81—83. О влія-

ніи татарс. языка. Шевырева. ч. III. Москва. 1854. № 22. *Галлера*. geschichte der goldenen Horde in Kiptschak, das ist der Mongolen in Russland. Пештъ. 1840. Исследов. о Касимовс. царяхъ и царевичахъ. *В. Вельяминова-Зернова*. Лѣтописецъ Казанскаго царства. *И. Глазатова*. Ркп. Казанс. Универс., изд. въ 1791 г.: «Ист. о Казанс. царствѣ». Начало Казанс. царства. *В. И. Повалова*. Моск. Универс. Изв. 1866—67 № 12.

4. ПЛЕМЕНА ФИНСКІЯ.

(Чудь, Емь, Корела, Водь, Югра).

359. Борьба съ Финнами въ XI и XII в.

а) Въ лѣто 6550 (1042). Иде Володимерь, сынъ Ярославъ на Ъмы, и побѣди ѿ, и плѣни множество Ъмы; и пошроша кони у воевъ Володимеровыхъ, яко еще дышущимъ конемъ, сдираху кожн съ нихъ съ живыхъ, — толкъ моръ бысть на кони. (*I Соф. 137*).

б) Въ 1054 г. иде Остромиръ съ Новгородци на Чюдь, и убиша его Чюдь, и много паде съ нимъ Невгородцевъ. И пакн Изяславъ иде на Чюдь, и взя оубѣкъ Деклннвъ, сирѣчь Солнца рука.

в) Въ 1058 г. побѣди Изяславъ Голоядъ. (*I Соф. 139*).

г) Въ 1113 г. побѣди Мъстиславъ на Бору Чюдь. (*I Новг. 9*).

д) Въ 1116 г. иде Мъстиславъ на Чюдь съ Новгородци, и взя Медвѣжю Голову (*Оденне*) на 40 святыхъ. (*I Соф. 156*).

е) Въ 1123 г. ходи Всеволодъ съ Новгородци на Емь въ великое говѣніе, и побѣди ѿ; нъ лють бѣше путь, оже купляху по ногатъ хлѣбъ. (*I Соф. 156*).

ж) Въ 1130 г. иде Всеволодъ съ

Новгородци на Чюдь зимѣ въ говѣніе; и самы изѣще, а хорошы пожъже, а жены и дѣти приведе домовь и дань на нихъ възложи. (*IV Новг. 3*).

з) Въ 1133 г. иде Всеволодъ съ Новгородци на Чюдь, и взя градъ Юрьевъ (*Дертъ*) февр. 9. (*I Соф. 156*).

и) Въ 1142 г. приходиша Емь, и воеваша область новгородскую; избиша ѿ (*мхъ*) Ладожане 400, и не пустиша ни мужъ. (*I Новг. 9*).

і) Въ 1149 г. на зиму придоша Ъмы на Водь ратью, овѣхъ 1000; и услышавше Новгородци, съ пятію сотъ съ воеводою вдоша на нихъ, и не упустиша ни одного мужа. (*I Соф. 160*).

к) Въ 1176 г. зимой приходиша вел Чюдская земля Пльскову, и бѣшася съ ними, и убиша ту Вячеслава и Микиту Захаринница и Станимира Иванца и нѣхъ, а Чюди множество избиша. (*I Новг. 16*).

л) Въ 1179 г. Мъстиславъ Ростисл. вниде въ Новгородъ ноябр. 1, и рече имъ: «братіе! се обидятъ ны поганыи, да быхомъ възрѣвше на Богъ и на св. Богородици помочь, помъстятн себе и

свободили быхомъ Новгородскую землю отъ поганыхъ. И ркоша ему Новгородци: «княже! аще се Богови любю и тебѣ, а се мы готови есмы.» И скопивъ вой новгородскихъ 20,000, и поиде на Чюдскую землю на Очелу, и стоя въ ней недѣлю, воюя по всей земли ихъ, а они отбѣгоша къ морю, и пожже села ихъ, и ополонившеся челядью и скотомъ, и придоша во свояси. (IV Новг. 15).

м) Въ 1187 г. избѣени быша данники перемьскіи и югорьскіи, а друзи за Волокомъ, и паде головъ о стѣ кштѣтей (боляръ, знатныхъ). (IV Новг. 17).

н) Въ 1191 г. ходиша Новгородци съ Корѣлю на Емь, и воеваша землю ихъ, и пожгоша, и скотъ изсѣкоша. (I Новг. 20).

о) Въ 1194 г. идоша изъ Новгорода въ Югру ратью съ воеводою Ядрѣйкомъ, и придоша въ Югру и взяша градъ; и придоша къ другому граду, и затворишася въ градѣ. И стояша подъ градомъ 5 недѣль, и высылахуть къ нимъ съ рѣчию льстивою, глаголюще тако, «яко копимъ серебро и соболи и иная узорочія, а не губите своихъ смердовъ и своя дани,» и льстячи имъ, а вои свои копячи; и яко скопнша вои, и выслашася изъ града къ воеводѣ: «пойди въ градъ, поими съ собою 12 мужъ.» И иде въ градъ, поимъ съ собою попа Иванка Легена и инѣхъ болшихъ, и иссѣкоша ѿ въ канунъ св. Варвары; и выслаша пакы, и поаша ихъ 30 мужъ лучшихъ, и тѣ всѣ иссѣкоша, и потомъ 50. И потомъ рече Савка князю Югорскому: оже и еще, княже, не убіеши Якова Прокшннича, а жива пустиши въ Новгородъ, ино ти, княже, опять вои приведетъ сѣмо и землю твою пусту сѣтворить.» И призвавъ же князь Яковца, и повелѣ убити; и рече Яковъ Савкѣ: «судить ти, брате, Богъ и св. Софія, оже еси подумалъ на кровь братія своей, и станеши съ нами предъ Богомъ и отвѣщаеши за кровь на-

шу;» и то рекшу, убіенъ бысть; той бо Савица перевѣтъ дрѣжаше отай съ княземъ Югорьскимъ. И потомъ яко мзнемогоша голодомъ,—стояли бо бяху 6 недѣль, слушающе льсти ихъ,—и на праздникъ св. Николы выльзѣше изъ града иссѣкоша вся, и бѣ туга и бѣда останку живыхъ, бѣ бо осталось 80 мужъ; и не баше вѣсти черезъ всю зиму въ Новгородъ на нихъ, ни на живыхъ, ни на мертвыхъ, и печаловахутся въ Новгородѣ князь, и владыка и весь Новгородъ.

п) Въ лѣто 6702 (1194). Придоша избытокъ живыхъ изъ Югры, и убнша Збышкю Волосовичъ, и Завида Нѣговичъ, и Мошслава Поповичъ, сами отбѣгоша, а инныя кунами ся откупиша: творяхуть бо а свѣтъ дрѣжаше съ Югрою на свою братью, а то Богъ вѣсть. (I Соф. 169—170, I Новг. 21—22).

368. Борьба съ Финнами въ XIII в.

а) Въ 1212 г. Ходи Мьстиславъ на Чюдь, рекомую Търму съ Новгородъци, и много полониша, скота безъ числа приведоша. Потомъ же на зиму иде князь Мьстиславъ съ Новгородъци на Чюдскыи городъ, рекомыи Медвѣжю Голову, села ихъ потрати, и придоша подъ городъ, и поклонилися Чюдь князю и дань на нихъ взя; и придоша вси здрави. (I Иск. 177; I Новг. 31—2).

б) Въ 1214 г. иде князь Мьстиславъ съ Новгородъци на Чюдь на *Ереву* (Jerwen) сквозѣ землю Чюдскую къ морю, села ихъ потрати и осѣкы ихъ взя; и ста съ Новгородци подъ городомъ Воробиннымъ (*Варболе?*), и Чюдь поклонилися ему; Мьстиславъ же князь взя на нихъ дань, и да Новгородцемъ двѣ чясти дани, а третью часть дворяномъ, блаше же ту и Пльсковскыи князь Всеволодъ Борисовичъ съ Пльсковци, и торопьцкыи князь Давыдъ Володимиръ

братъ, и придоша здрави вси съ множествомъ полона. (*I Новгород. 32*).

а) Въ лѣто 2725 (1217). Воеваша Литва на Шелонѣ, Новгородцы же поидоша по нихъ, и не согнаша ихъ (*не нагнали*); и оттолѣ поидоша на Чюдь къ Медвѣжьимъ Головамъ, со Псковичи со княземъ Володимиромъ. Чюдь же начаша съ поклономъ высылати лестію, а къ Нѣмцамъ послаша; и съ Нѣмцы бишася, и убиша двѣ воеводѣ, а третьяго руками яша, а лошадей отняли 700, и придоша вси здрави. (*I Пск. 177*).

б) Въ лѣто 6731 (1223). Ходи Ярославъ князь съ силою многою къ Колываню (Ревелю), и повоева всю землю Чюдскую, и полона приведе много; а города не взя, а злата взятъ много. (*I Пск. 177*).

в) Въ 1228 г. придоша Емь воевать въ Ладозское озеро въ лодкахъ и приде на Спасовъ день вѣсть въ Новгородъ; Новгородци же вѣсѣдавшѣ въ насады, въгребоша въ Ладогу съ княземъ Ярославомъ. Володиславъ посадникъ Ладозскихъ съ Ладожаны не ждя Новгородѣцъ, гонися въ лодіяхъ по нихъ въ слѣдъ, кдѣ они воюють, и постиже ѿ, и бися съ ними; и бысть ночь, и отступиша въ Островълецъ, а Емь на брезѣ съ полонномъ, воевали бо бяху около озера на Исадѣхъ и Олоньсѣ; тои же ноци просивъше мира, и не да имъ посадникъ съ Ладожаны, а они изсѣкше полонъ весь, а сами побѣгоша на лѣсъ, лодкы пометавъше, пѣши; много ихъ ту паде, а лодкы ихъ изъжгоша. Новгородци же стоявшѣ въ Невѣ нѣколко дній, створиша вѣче и хотѣша убити Судимира, и съкры ѿ князь въ насадѣ у себе; оттолѣ въспятшася въ Новгородъ, ни Ладожанъ ждавъше. Послѣдъ же оставшеся Ижеряне усрѣтоша ихъ бѣгающе, и ту ихъ избиша много, а прокъ ихъ разбѣжеся, куды кто видя; нѣ тѣхъ Корела, кдѣ обидуче, въ лѣсѣ ли, выводяче избиша. Бѣ бо

ихъ пришло творяху 2000, или болѣ — Богъ вѣсть, а то все мъртво. (*I Новгород. 42. II. С. Л. I, 219*).

г) Въ 1256 г. на зиму пріѣха князь Александръ и митрополитъ съ нимъ, и поиде князь на путь и митрополитъ съ нимъ; и Новгородци не вѣдаху, кдѣ князь идетъ, друзіи творяху, яко на Чюдь идетъ—идоша до Копорьи; и поиде Александръ на Емь, а митрополитъ поиде въ Новгородъ, а нии мнози Новгородци въспятшася отъ Копорьи, и поиде князь съ своими полкы и съ Новгородци; и бысть золь путь, акы же не видали ни дни, ни ночи, и многымъ шестникомъ бысть лагуба, а Новгородцевъ Богъ облюде; и пришедъ на землю Емьскую, овыхъ избиша, а другыхъ изымаша. И придоша Новгородци съ княземъ Александромъ вси здорови. (*I Новгород. 56; I Соф. 189*).

д) Въ 1268 г. Совокупшася вси князи: князь в. Дмитрій Александровичъ, Святъславъ, братъ его Михайлъ, Константинъ, Юрьи, Ярополкъ, Домонтъ Псковскій, и иныхъ князей нѣколко, и поидоша къ Раковору (*на Нльци*) м, генваря въ 23 день. И яко внидоша въ землю ихъ, и раздѣлишася на 3 пути, и много множество воеваша; и ту наѣхаша пещеру глубокую непроходну, въ ней же много бяху чюди, и баше не лѣзъ ихъ взяти, стояша ту три дни; мастеръ же порочныи (*стльнобитныи орудія—пороки*) хитростію пусти на нихъ воду. Чюдь же побѣгоша сами вонъ, и изсѣкоша ихъ, а товаръ великій князь Дмитрей весь взя... (*I Соф. 194*).

е) Въ лѣто 6786 (1278). Князь в. Дмитрей Алексан. (*перелаславскій*) съ Новгородци и съ Низовци казни Корѣлу и всю землю ихъ взя на щитъ. (*I Соф. 199*).

361. Борьба съ Финнами въ XIV.

а) Въ 1311 г. ходиша Новгородци воиноу на Нѣмецкую землю за море на Емь, съ кн. Дмитріемъ Романовичемъ и переѣхавше море, взяша первое Купецкую рѣку, села пожгоша и головы поимаша, а скоть изѣкоша; и ту убиенъ бысть Костянтинъ Ильинъ сынъ Станимировича въ загонѣ. Потомъ взяша Черную рѣку всю, и тако по Черной придоша къ городу Ваню и взяша городъ и пожгоша, и Нѣмци въбѣгоша на дѣтинець (*жръпность*); бѣше бо мѣсто велии сильно твердо, на камени высоцѣ, не имѣя приступу ни откуду же. И сослаша съ полкомомъ прослаче мира; Новгородци же мира не даша и стояша 3 дни и 3 ночи волость труче, села великая пожгоша, обиліе все потравиша, а скота не оставиша ни рога; и потомъ идуче, взяша Кавгалу рѣку и Перну рѣку, и выидоша на море, и придоша здорови вси въ Новъгородъ (*I Новг. 69; I Соф. 205*).

б) Въ лѣто 6822 (1314). Избиша Корѣла городчанъ, кто былъ Руси въ Корѣльскомъ городкѣ, и въведоша къ собѣ Нѣмецъ; Новгородци же съ намѣстникомъ Федоромъ идоша на нихъ, и передашася Корѣла, и избиша Новгородци Нѣмецъ и Корѣлу перевѣтниковъ. (*I Новг. 70*).

в) Въ лѣто 6826 (1318). Ходиша Новгородци воиноу за море въ Полную рѣку и много воеваша, и взяша Людеревь, городъ Сумьскаго князя, и пискупль; и придоша въ Новъгородъ вси здорови (*I Новг. 72*).

г) Въ лѣто 6832 (1324). Идоша Новгородци съ княземъ Юрьемъ, и взяша Устьюгъ на щить, и придоша на Двину; и ту прислаша послы князи Устьюжскими къ князю и къ Новгородцемъ, и докончаша миръ по старой пошлани, и придоша Новгородци вси здорови.

д) Въ 1329 г. Зимой избиша Новго-

родцевъ, которіи были пошли на Югру, Устьюжскими князи. (*I Новг. 74*).

е) Въ 1345 г. бысть мятежъ въ Нѣмцѣхъ великъ: избиша чюдъ своихъ бояръ земьскихъ, и въ Колываньской земли и въ Ругодивьской земли 300 ихъ; и потомъ стаха на нихъ Велневичи и Юрєвци, и избиша чюдъ 14,000, а избытокъ (*остатокъ*) ихъ убѣжа въ Островскую землю, и тамо по нихъ ходиша Велневичи въ Островскую землю и ихъ не взяли, но сами биты отъидоша. (*I. Соф. 224*).

362. Мордва.

а) Въ 1103 г. побѣдиша Ярославъ Мордва Муромѣ.

б) Въ 1226 г. посла в. кн. Гюрги Святослава, Ивана, брату свою, на Мордву и побѣдиша Мордву и взяста нѣсколко (*мьсколько*) селъ, и възвратистася съ побѣдоу. Тое же зимы Ярославъ, сынъ Всеволожь, ходи изъ Новгорода за море на Емь, гдѣ же ниодинъ отъ князь рускихъ не возможе бевати, и всю землю ихъ плѣни; и възвратися Новгороду, слава и хвала Бога, ведый множество полонна, якоже сущи съ нимъ не возмогоша всего полонна отнести, но овыхъ съчаху, а иныхъ множество пуцахуть опять всеояси. (*II. С. Лѣт. I, 190*).

в) Того же лѣта (1228), м. Сентябра, в. кн. Гюрги посла на Мордву Василка Костянтиневича, и своего мужа Еремѣ Глѣбовича воеводствомъ съ полкомъ: и бывшимъ имъ за Новымъгородомъ на предѣлѣхъ мордовьскихъ, пославъ Гюрги взврати ихъ, не дасть имъ воевати, зане погода имъ не бысть, бахуть бо дождовъ велии мнози день и ночь... Тогоже мѣсца въ 14 день в. кн. Гюрги, и Ярославъ, и Костянтиневича Василко, Всеволодь идоша на Мордву; и муромский князь Гюрги Давыдовичъ вшедъ въ землю Мордовскую,

Пургасову волость, пожгоша жита (*хльбъ*) и потравиша, и скоты избиша, полонъ послаша назадъ, а Мордва вбѣгона въ лѣсы своя, въ тверди, а кто не вбѣгль, тѣхъ избиша наѣхавше Гюргеви молодіи въ 4 день генваря. То видѣше молодіи Ярославли и Василкови и Всеволожи, утаившеся, назаутріе ѣхаша въ лѣсъ глубокъ, а Мордва давше имъ путь, а сами лѣсомъ обидоша ихъ около, избиша и, а иныхъ изъимаша; бѣжаша въ тверди, тѣхъ тамо избиша, и княземъ нашимъ не бысть кого воевати. А болгарскій князь пришелъ былъ на Пуреша, ротника Юргева (¹), и слышавъ, оже в. кн. Юрги съ братьею жжетъ села мордовская, и бѣжа прочь нощи; а Юрги съ братьею и со всѣми полки возвратишася всеяси добри здорови...

з) Въ лѣто 6737 (1229) м. апрѣля, придоша Мордва съ Пургасомъ къ Новугороду (*Нижнему*), и отбишася ихъ Новгородци; и зажегше манастирь св. Богородици и церковь, иже бѣ въ града, того же дни и поѣхаша прочь, поймавъ свои избѣенія болшія. Того же лѣта побѣди Пургаса Пурешевъ сынъ съ Половци, и изби Мордву всю и Русь Пургасову, а Пургасъ едва вмалѣ утече. (*П. С. Лѣт. I, 192*).

д) Того же лѣта (1239) взяша Татарове Черниговъ. Того же лѣта взяша Мордовскую землю, Муромъ, по Клязмѣ повоеваша, городъ св. Богородици взяша. Того же лѣта бысть пополохъ золь по всей

(¹) Странника Юрева, который обѣщался клятвою служить ему вѣрно.

земли, не вѣдяху и сами, кто гдѣ бѣжить. (*П. С. Лѣт. I, 225*).

е) Въ 6814 (1303 г.) къ Новугороду Нижнему пришли Мордва ратью безвѣстно, и в. кн. Дмитрій Константиновичъ посла противу ихъ брата своего кн. Бориса, да сына своего кн. Симеона, со многими ратными людьми, воевать поганую Мордву, а в. кн. Дмитрій Ив. московскій прислалъ къ нему на помощь воеводу своего Федора Андреевича Свиблова со многою московскою силою, и доидоша до мордовской земли, Мордву постокоша, а женъ ихъ и дѣтей въ полонъ взяша, и жилища ихъ взяша, и всю землю ихъ пусту учиниша, и въ городъ приведоша, и многихъ на льду волочили, и сами травили, и различно казнили. (*Нижегородс. лѣтоп. Древн. рос. Вилюевика. Н. И. Новикова. ч. XVIII, стр. 73. Изд. 2-е М. 1791 г.*).

Обратить вниманіе, какъ легко Русскіе побѣждали финскія племена.

О Финнахъ *П. Фр. Сума. Чт. общ. Ист. 1847. № 9. III. 1—12. Водъ въ Спб. губерніи. П. Кеплена. 1851. Самоѣды. Финс. Вѣсти. 1845. IV. Смѣсь 43. 1846. VII. 43 VIII, 43. 847. XV, 32. Печерскій край. Сынъ отеч. 1852. VI, 13. Чудь. Финс. Вѣст. 1845. IV. сѣвер. ист. 21. V, 1—36 VI. I, 1847. XXIV. I. Ж. М. Н. Пр. ч. 51. VI. 290. О Суми г. Гаге. Вѣсти. Евр. 1828. ч. 159. № 12. 241. О Голяди. *Ходаковскаго. Сѣвер. Архивъ ч. 2. № 10, 314. № 12, 465. О Вагѣ. Тамъ же ч. 27. № 9. 3. № 10. 89. № 11. 189. № 12. 273. Исторія Финляндіи и Риги. Сынъ отеч. 1836. CLXXXI. III. 53. 1842. VIII. 31. Эстонцы. Тамъ же 1849. LIII, 124. 219. Хронологич. указатель матеріаловъ для ист. инородцевъ Европ. Россіи. Составилъ *Лашбоу* подъ руководствомъ *П. Кеплена*. Спб. 1861. О географич. положеніи и исторіи Югерской земли. *А. Лерберга. Изслѣд., служація къ объясненію Рус. Исторіи. Спб. 1819. О жилищахъ Емш. ib. 83—192.***

5. НѢМЦЫ И ШВЕДЫ.

363. Отношеніе Новгорода къ Нѣмцамъ и Шведцамъ.

а) Въ лѣто 6725 (1217). Пойде Мьстиславъ Кіеву, оставивъ Новѣгородѣ княгину и сына своего Василія; и поя съ собою Гюрга Иванковица, Сбыслава Степаница, Ольксу Путиловица. Тѣгда же пойде Володимиръ въ Новѣгородѣ своими орудіи, и воеваша Литва въ Шелонѣ. Новгородци идоша по нихъ, и не състигоша ихъ; и поидоша къ Медвѣжи Головъ съ кн. Володимиромъ и съ посадникомъ Тврьдиславомъ, и сташа подъ городомъ. Чюдъ же начаша слати съ поклономъ лъстью, а по Нѣмци послаша; и начаша Новгородци гадати съ Пльсковичи о чюдской рѣчи, отшедша далече товаръ, а сторожи ночью бяху припли, а дневніи бяху не пошли; и наѣхаша на товары безъ вѣсти, Новѣгородци же побѣгоша съ вѣча въ товары, и поймавшѣ оружіе и выбиша ѣ изъ товаръ, и побѣгоша Нѣмци къ городу, и убиша Новгородци два воеводѣ, а третіи руками яша, а коневъ отъяша 700, и придоша здрави вси, князь же Мьстиславъ приде въ Новѣгородѣ безъ нихъ, ня (*схватилъ*) Станисира Дьрновица съ сыномъ Нѣзидлоу и оковавъ потоци, и товаръ пойма безъ числа; и опять пусти. (*I Новгород. 35*).

б) Въ лѣто 6742 (1234). Иде князь Ярославъ съ Новгородци и съ всею областью и съ полки своими на Нѣмци подъ Гюргевъ (*Дерптъ*), и ста князь недомедъ града съ пълки, и пусти люди своя въ зажитіе воевать. Нѣмци же изъ града высунушася, а иніи изъ Медвѣжъ Головы на сторожи, и бишася съ ними и до пълку; и поможе Богъ князю

Ярославу съ Новгородци, и биша і до рѣкы, и ту паде лучьшихъ Нѣмцъ нѣколико; и яко быша на рѣчѣ на Омыжи Нѣмци, и ту обломншася, истомихъ много, а ни извѣни въбѣгоша и Гюргевъ а друзи въ Медвѣжю Голоу, и много попустишиша землѣ ихъ и обіе потратиша. И поклонншася Нѣмци князю. Ярославъ же взя съ ними миръ на вси правдѣ свои, и възвратншася Новгородци здрави вси, а Низовчѣ нѣколико паде. (*I Новгород. 49*).

в) Въ 1262 г. Пойде кн. Ярославъ и Дмитрей Александровичъ съ Константиномъ зятемъ Александровымъ и со кн. полотскимъ съ Товтивиломъ, а съ кн. Полочанъ и Литвы 500, а княжихъ полковъ и Новгородцевъ безчисленное множество; и придоша къ городу къ нѣмецкому Юріеву (*Дерпту*), и сташа подъ градомъ. Бѣ бо великн крѣпокъ, о три стѣны каменные, и множество людей въ немъ всякихъ бяху пристроили велику бравъ на городѣ, но честнаго креста сила всегдн низлагаеть неправду дѣющихъ; также и си градъ, ни во чтоже бысть крѣпость его, но помощію божіею единѣмъ приступленіемъ взять бысть великій градъ Юріевъ нѣмецкый, и люди многы града того, овыгъ избиша, а иныхъ изымаша живыхъ, а кные огнемъ пожжени быша. И придоша въ землю свою вси здрави, со множествомъ полона и съ честію великою. (*I Софійск. 190—191*).

364. Повѣсть объ Александрѣ Невскемъ послѣ 1263.

О велицѣмъ князи нашемъ Александрѣ Ярославичѣ, о умномъ и кроткомъ и смы-

ленномъ, о храбростъ, тезоименитомъ царя Александра Макидонскаго, подобникъ царю Алевхису (*Ахиллесу*) крѣпкому и храброму, сице бысть повѣсть о немъ; ему же бже Богъ лѣта приложилъ по его правдѣ, и угобзи ему Богъ дни и чьсти въ славу его.

О господѣ божѣ нашемъ, азъ худый и грѣшный и малосмысленный покушаюся написати житіе св. в. кн. Александра Ярославича, внука в. кн. Всеволода. Помеже слышахомъ отъ отецъ своихъ, и самовидецъ емь възраста его, и радъ быхъ исповѣдалъ святое и честное житіе его славное; но яко же Приточникъ рече: »въ злохитру душу не видеть мудрость; на высокихъ бо краѣхъ есть, посреди же стезь стояще, при вратъ свльныхъ пристѣдти«. Аще грубъ емь умомъ, но молитвою св. Богородица и поспѣшеніемъ св. в. кн. Александра начатокъ положю. Сей бѣ князь в. Александръ Богомъ роженъ отъ отца боголюбива и мужелюбца, шаче же и кротка, в. кн. Ярослава Всеволодовича и отъ матери св. в. княгини Θεодосіи. Якоже рече Исаія пророкъ: »такъ глаголетъ Господь: князи азъ учиняю, священи бо суть, азъ возю я въ истину; безъ божія повелѣнія не бѣ няженіе его«. И възрастъ его наче илѣхъ человекъ, гласъ его яко труба въ народѣ, лице же его бѣ Іосифа прекраснаго, оже бѣ поставилъ его египетскій царь втораго царя въ Египтѣ, сила же его бѣ вторая часть отъ силъ Самсона; и далъ ему бѣ Богъ премудрость Соломоноу, храбрость же яко царя римскаго Еуспасьяна, еже бѣ плѣнилъ всю земаю іудейску. Иногда же исполчився къ граду Антупату приступити, и вышедше гражане побѣдиша полкъ его, онъ вѣста възврати силу ихъ вратомъ граднымъ, и посѣяся дружинѣ своей, рече: »оставите мя единото«; тако же и сій в. к. Александръ Ярославичъ бѣ побѣжая вездѣ, а не побѣдимъ николиже. Сего ради приде нѣкто отъ

Западныя страны, еже нарицаются Слуги божія, оттолѣ приде, хотя видѣти дивный възрастъ. Якоже древле царица Южская приходи ко царю Соломону, хотя слышати премудрость его; такоже и сій, именемъ Андрѣяшъ, видѣвъ в. кн. Александра Ярославича, възвратися къ своимъ и рече: »проходихъ многы страны и языки, не видѣвъ такова ни въ царихъ царя, ни въ князихъ князя«. Се же слышавъ король части римскія, отъ полунощныя страны, таковое мужество в. кн. Александра Ярославича и помысли въ себѣ побѣдити его, или руками яти, а В. Новгородъ плѣнити и вся грады ихъ и люди Словѣнскія къ себѣ въ работу створити, и рече: »пойду и плѣню землю в. кн. Александра Ярославича«. И собра силу велику, местери и бискупы свои, и Свѣя, и Мурмане, и Сумь, и Емь, и наполни корабля многи зѣло полковъ своихъ, и подвижеса въ силѣ велицѣ, пыхая духомъ ратнымъ, и приде въ рѣку Неву, и ста ша усть Ижеры, шатався безуміемъ своимъ, хотя въсприяти Ладогу, прочее же рку и Новгородъ и всю новгородскую область; но еще преблагій, премилостивый человеклоубецъ Богъ ублюде ны и защити отъ иноплемениннѣхъ, и всеу трудившася безъ божія повелѣнія. Приде бо вѣсть тогда, яко Свѣи плдутъ къ Ладозѣ, и въ то время присла король послы, загордѣвся, къ в. кн. Александру Ярославичу въ Новгородъ, а рка тако: »аще можеша противити ми ся, то емь здѣ уже и плѣню землю твою«. Великий же кн. Александръ Ярославичъ, слышавъ словеса ихъ и разгорѣся сердцемъ, и виде въ цѣрковь св. Софїи, наде на колѣну предъ олтаремъ и нача молитися со слезами св. Софїи, поминая неправленія родители своихъ и глаголя: »Суди Господи, обидящимъ мя и възбрани борющимся со иною, приими оружіе и щить, встави въ помощь шить«. И кончавъ молитву вставъ и поклонися архїепископу; архїеи. же Спирї-

доть новгородскій благослови его и отпусти съ миромъ, и Новгородцевъ. В. кн. Александръ ида изъ церкви, и нача крѣпити воля своя и рече: »не въ силахъ Богъ, но въ правдѣ; помянемъ прѣснописца Давыда глаголюща: сіи въ оружїи, а сіи на конѣхъ, мы же имя Господа Бога нашего призовемъ, и ти въспати быша и падоша«. И поиде на нихъ въ ярости мужества своего, въ малѣ вой своихъ, и недожда многа вой своихъ съ великою силою; но уповая на св. Троицу. Жалостно и слышати, яко отецъ его честный князь Ярославъ Всеволодовичъ не бѣ вѣдалъ такового встанїя на сына своего милого в. кн. Александра, ни оному бѣ вѣсти когда послати ко отцю, уже бо приближашася ратни; тѣмже и мнози Новгородци не совокуплешеся, понеже ускори в. кн. Александръ Ярославичъ поити противу ратныхъ. И прииде на ня въ недѣлю на Съборъ св. Отецъ 630, иже въ Халкидонѣ, на память святою мученику Кирика и Улиты и св. в. кн. Владимира, крестившаго Русьскую землю и нареченнаго въ св. крещенїи Василїа.

Имѣяше велику вѣру и надежду къ святыма мученикома Борису и Глѣбу, бѣ нѣкто мужъ старѣйшина въ земли Ижерьской, именемъ Пелгусїй, поручена же бысть ему стража морская; и въсприятъ св. крещенїе, и живяше посредѣ рода своего погана суца, наречено бысть ему имя въ св. крещенїи Филипъ, живяше же богоугодно, въ среду и въ пятокъ пребывая въ альчѣбѣ, тѣмже сподоби его Богъ видѣнїю страшну, скажемъ въкратцѣ. И увидѣвъ силу ратныхъ Пелгусїй, иде противу в. кн. Александра Ярославича, да скажетъ ему силу варяжскую и станы ихъ; обрѣте бо я. Стоящю же ему при край моря, стрегущю ему обои пути, и пребывъ всю ночь въ бдѣнїи, и якоже нача въсходити солнце, и услыша шумъ страшень по морю и видѣвъ насадъ единъ гребущъ, посредѣ же насада стояща свя-

тая мученика Борисъ и Глѣбъ въ сѣлахъ червленныхъ, и бѣста руки деща на рамихъ, гребци же сѣдаху и садѣ яко мъглою одѣян; и рече Бѣ »брате Глѣбе! вели грести, да поим сроднику своему в. кн. Александру (сливничю«. Видѣвъ же се Пелгусїй вая вѣдѣнїя, и гласъ слыша таковы св. Мученикъ Бориса и Глѣба, съ трепетомъ въ ужасѣ, дондеже насадъ иде отъ очю его: потомъ же побѣдо ро, и срѣте ѿ в. кн. Александръ славичъ, онъ же видѣ его радости очима, исповѣда ему единному все видѣ и слыша; великыи же князь ща ему: »сега не рци никомуже, о же! Отътогѣ же потщася наѣхати ихъ, въ 6 часъ дне, и бысть велика надъ Римляны, и избѣ мнози безчисленное Римлянъ и самому и възложи печать на лице острымъ съ мечемъ. Здѣ же явишася въ полку Александра Ярославича 6 мужъ храбрыи же съ нимъ крѣпко мужествоваху. выи именемъ Гаврило Олексичъ: съ наѣха на шнеку (судно), и видѣ ко вича мчаща подъ руки, и изъѣха зми по досцѣ до самаго корабля, по схожаху; и текопа въ корабль предѣ и паки обратшася и свергоша его съ ски и съ конемъ въ море. Божїею волею оттолѣ изиде неврежень; и наѣха, бѣся крѣпко съ самимъ вои посредѣ полку ихъ, и ту убиень бѣ воевода ихъ Спиридонъ, и бискупъ убиень бысть ту же. Второй же Ниродецъ именемъ Сбыславъ Якуновичъ же наѣхавъ многажды бѣшется еди топоромъ, не имѣя страху въ сердци, колко отъ руки его паде, и подивши силѣ его и храбрости. Третїй же Я Пполочанинъ, ловчей бѣ у князя: схавъ на полкъ съ мечемъ, и мужь вавъ крѣпко, и похвали его князь. Четвертый же Новгородецъ именемъ Миша; же пѣшъ съ дружиною своею натече

погуби Римлянъ 3 корабля. Пятый же отъ молодыхъ его нѣкто именемъ Сава: сій же наѣхавъ великій шатеръ злато-верхий, подѣче столцъ ему, шатеръ же падеся, полци же в. кн. Александра Ярославича видѣше паденіе шатра възрадовашася. Шестый же отъ слугъ его именемъ Ратмиръ: си бися пѣшь, и оступиша его мнози Римляне, и паде отъ многихъ ранъ, и тако скончася. Си же вся слышахъ отъ господина своего кн. Александра Ярославича, и отъ иныхъ, иже обрѣтошася въ то время въ той сѣчи. Бысть же въ то время чудо дивно: яко въ древняя дни при Езекии цари, егда приде Сенахиримъ царь асурійскій на Ерусалимъ, хотя пѣнити святой градъ, и внезапно приде ангелъ господень и избѣ отъ полка асурійска 100 и 80 и 5 тысящъ, и вѣставше утро и обрѣтоша вся трупія мертвыхъ; такоже и при побѣдѣ в. кн. Александра Ярославича, егда побѣди короля объ онъ полъ рѣкы Ижеры, идѣже и не бѣ проходно полку в. кн. Александра Ярославича, и тамо обрѣтошася много множество избѣнныхъ отъ ангелъ божіихъ, обрѣтохомъ много трупія избѣнныхъ лежаша. Остатокъ же ихъ побѣже посрамлени, а трупія же мертвыхъ своихъ наметаша 3 корабля великихъ воеводовъ, и потопишася вси на мори, а прочимъ ископаша ямы и вметаша въ нея безчислено, а иніи мнози язвени быша, и тое ноци побѣгоша; Новгородцевъ же ту паде: Константинъ Луготиничъ, Юрята Пнящиничъ, Намѣсть, Дрочило Нѣдзидовъ сынъ кожевниковъ, а всѣхъ 20 мужъ паде и съ Ладожаны, или менши, то Богъ вѣсть. Великій же князь Александръ Ярославичъ съ Новгородци възвратися съ великою побѣдою, и приде въ Новгородъ, сохранени вси Богомъ и св. Софією, хваля и славя св. Троицю, Отца и Сына и св. Духа, аминь...

Въ лѣто 6750 (1242). Поиде в. кн. Александръ съ братомъ своимъ Андрѣемъ,

и съ Новгородци и съ Низовци, на Нѣмецкую землю въ силѣ велицѣй, да не хвалятся ркуще: »укоримъ Словѣньскій языкъ, нежели себе«; уже бо бяшетъ взять градъ Псковъ, и тіуни ихъ посажени въ градъ. Великій же князь Александръ зая всѣ пути до Пскова и изгони градъ, и изыма въ Нѣмци и Чюдь, и намѣстники нѣмецкыя исковавъ поточи въ Новгородъ, а градъ Псковъ свободи отъ плѣна; а землю ихъ пожже и повоева, и полона много взя, а иныхъ изсѣче. Они же гордіи совкупившеся, и рѣша: »поидемъ, погубимъ в. кн. Александра и имемъ его руками«; и егда же приближишася, и почюдишася стражіе в. кн. Александра силѣ нѣмецкой, самъ же в. кн. Александръ Ярославичъ поклонися св. Троици, и поиде на землю нѣмецкую, хотя мѣстити кровь христіанскую. Бѣ бо зима въ то время, якоже бысть на земли ихъ, пусти вся полки своя въ зажитіа, а Домашъ Твердиславичъ и Кербетъ быша въ розгонѣ; и убиша ту Домаша брата посаднича, мужа добра, и иныхъ много избѣша съ нимъ, а иныхъ руками иша, а иные прибѣгоша къ в. князю въ полки. Се же слышавъ местеръ, изиде противу имъ со всѣми бискупы своими и со всѣмъ множествомъ языка ихъ и власти ихъ, что ни есть на сей сторонѣ, и съ помощію королевою, и снидоша на озеро глаголемо Чюдское. Велики же князь Александръ Ярославичъ вспятися на озеро, Нѣмци же и Чюдь повдоша по нихъ, князь же велики постави полки на озерѣ Чюдскомъ, на Узмени, у Воронія камени, и укрѣпився силою крестною, ополчився поиде на нихъ; наступиша же озеро Чюдское, бысть же обохъ множество велии. Отецъ же его в. кн. Ярославъ Всеволодичъ прислалъ бѣ ему на помощь брата его меньшаго кн. Андрѣя, со множествомъ вой своихъ. Тако бо баше у кн. в. Александра множество храбрыхъ, якоже древле у Давыда царя сид-

ни и крѣпци; такоже воя в. кн. Александра исполнишася духа ратна, бяху бо сердца ихъ акы лвомъ, и ркоша: «о княже нашъ честный и драгий! нынѣ присиѣ время положити главы своя за тя». Велики же князь Александръ, въздѣвъ рупцѣ на небо, и рече: «суди, Боже, и разсуди прю мою отъ языка велерѣчива; помози ми, Господи, яко же древле Моисѣеву на Амалика и прадѣду моему в. кн. Ярославу на окаянаго Святополка». Бѣ бо тогда день суботный, солицю всходящю, и съступашася обоя полци: Нѣмци же и Чюди пробѣшася свѣщюю (згломъ) сквозѣ полки, и бысть ту стѣча зла и велика Нѣмцамъ и Чюди, и трускъ отъ копей ломленія и звукъ отъ мечнаго стѣченія, якоже морю померзашю днугнутися, и не бѣ видѣти леду, покрыло бо есть все кровью. Се же слышахъ отъ самовида, рече ми: яко видѣхъ полки божіа на въздусѣ, пришедше на помощь в. кн. Александру Ярославичю. И побѣдѣвъ силою божіаю, и св. Софіи, и святою мученику Бориса и Глѣба, еуже ради кровь свою проліяша: и даша ратнии плещи своя, и стѣчашуть ѿ гоняще акы по аеру, и не бѣ имъ камо утѣщи, и биша ихъ на семи верстахъ по леду до Суболичьскаго берега; и паде Нѣмецъ 500, а Чюди безчисленное множество, а руками наша Нѣмецъ 50 мужъ нарочитыхъ воеводъ, и приведоша ѿ въ Новгородъ, а шмыхъ вода потоци, а нѣмъ злѣ язвенн отбѣгоша. Бысть же бой сій априля въ 5, на похвалу св. Богородица, на память св. мученика Клавдія; здѣ же прослави Богъ в. кн. Александра предъ всѣми полки, яко Иуса Навгѣна у Ерихона. Се же рѣкъ Нѣмци: «имешъ в. кн. Александра руками»; и сихъ ему предасть Богъ въ рупцѣ его, и не обрѣтѣся противникъ ему въ брани никогдаже. Възвратившю же ся в. кн. Александру съ славною побѣдою, быше же полна много въ полку его, ведяхуть бо ѿ подла конь иже именуются риторы (рм-

цари); и якоже прѣблжися в. кн. Александръ къ граду Пскову и срѣтоша со со кресты игумени и попове въ ризахъ; и народъ много предъ градомъ, поюще снгу Господеву и в. кн. Александру Ярославичю: «пособивый, Господи, кроткону дѣвду побѣдити иноплемешники и вѣрши князю нашему оружіемъ крестнымъ, свободи градъ Псковъ отъ мноязычныхъ; отъ иноплемешникъ рукою в. кн. Александра Ярославича». О невѣглася Псковчичи! аще забудете се и до правнучать в. кн. Александра Ярославича, уподобитѣся Жидомъ, иже прената Господь въ пустыни крастелми печеными, и сихъ всѣхъ забыша благъ Бога своего, изведшаго ихъ изъ работы египетскія Моисіомъ, се же вамъ глаголю: аще кто приидеть и иносладокъ рода его великихъ князей, или въ печали приидеть къ вамъ жити въ Псковъ, а не приметѣ его, или не почтѣте его, нарочетѣся вторая Жидова. И нача имя слыти в. кн. Александра Ярославича по всѣмъ странамъ, отъ моря Варяжского и до моря Понтъского, и до моря Хупожьскаго, и до страны Таверійскаго, и до горъ Араратскихъ, обѣ ову страну моря Варяжского и горъ Аравитскихъ даже и до Рима великого; распро- страни бо ся имя его предъ тмы тмами и предъ тысящи тысящами. И тако прииде къ Новгороду съ великою побѣдою....

Преставленіе в. кн. Александра Ярославича, внука в. кн. Всеволода. Горе тебѣ, бѣдный человекъ! како можеша написати кончину господина своего в. кн. Александра Ярославича? како не испадѣта зеници твои вкушѣ со слезами? како ли не разсѣдѣся сердце твое отъ многыи тугы? отца бо человекъ можетъ забыть, а добра господина, аще бы съ нимъ и въ гробъ влѣзълъ. Пострада Богови крѣпко. М-тъ же Кириллъ глагола людемъ: «чада моя милая! разумѣйте, яко заиде солнце земля Русьской; іерей, и діаконъ, и

черноризца, нищія, богатіи, и вси людіе мнозиі воиѣху, глаголюще: «уже почибаемъ». Святое же тѣло его несоша къ граду Володимерю, и-тъ же Кирилъ съ чиномъ церковнымъ, вкупѣ же князи и бояре, и весь народъ, мали и велиции, срѣтоша его у Боголюбова съ свѣщами и кандилами; отъ множества народа изгнѣтаахуся людіе, хотяше прикоснутися честивѣмъ тѣлѣ его, бысть же плачь велии и кричаніе и туга, якоже нѣсть такова бывала, токмо и земля трястися. Положиша же его въ Володимери, въ церкви въ Рождествѣ св. Богородица м. ноября въ 23 день, на память св. Анфологія. Бысть тогда чудо видно, памяти достойно: егда же вложиша тѣло святое его въ раку, икономъ же Севастіанъ и-та Кирила пристунилъ и хотѣ разняти руку его, да вложитъ митрополитъ грамоту душевную, онъ же самъ яко живъ сущи, распростеръ руку свою и взя грамоту отъ руки митрополита; пріять же я всѣхъ ужасъ великъ, егда отъ раки отступиша. Се же бысть проповѣдаво всѣмъ отъ Кирила и-та и отъ иконома его Севастіана. Се же слышавше, братіе, кто не дивится о семъ, яко тѣлу бездушну суццю, привезену отъ дальнихъ мѣсть во время зимы? тако прослави Богъ угодника своего, иже много тружешся за землю Русьскую, и за Новъгородъ и за Псковъ, и за все великое княженіе животъ свой отдавая, и за правовѣрную вѣру.

(Ш. Собр. Лѣт. V, 176—179, 180 181, 191).

См. в. кн. Александръ Ярославичъ Невскій. *Бѣллага.* Времен. IV. Изсл. 1—42.

365. Борьба съ Шведами.

а. Того же лѣта (1300) придоша изъ-за морія Свѣи, въ силѣ велицѣ, въ Неву, приведоша изъ своей земли масте-

ры, изъ великого Рима отъ папы мастерь приведоша нарочитѣ, поставиша городъ надъ Невую, на усть Охты рѣкы, и утвердиша твердостію несказанною, поставиша въ немъ пороки, похвалившися оканьиіи нарекоша его *Вънецъ земли* (Landskrone); бѣ бо съ ними нагѣстникъ король, именовъ Маскалка⁽¹⁾; и посадивше въ немъ мужи нарочитыи съ воеводою Стенемъ, и отъидоша, князю вел. тогда не будущю въ Новъгородѣ.

б. Въ лѣто 6809 (1301). Приде князь вел. Андрей съ полкомъ низовьскимъ, и иде съ Новгородци къ городу тому, и пристуниша къ городу м. мая 19, на память св. Патрикія, въ пятокъ предъ шестивіемъ св. Духа, и потягнуша крѣпко; силою св. Софья и помощію св. Бориса и Глѣба, твердость та ни во что же бысть за высокоумье ихъ, зане всеу трудъ ихъ безъ божія повелѣнія: градъ взять бысть, овыхъ избиша и насѣкоша, а иныхъ изыжавше поведоша съ города, а градъ запалиша и разгребоша. А покон, Господи, въ царствіи своемъ душа тѣхъ, иже у города того головы своя положиша за св. Софью... (I Новг. 67—8).

в. Въ лѣто 6819 (1314). Ходи князь Дмитрей Романовичъ съ Новгородци на нѣмецкую землю, за море на Бѣмъ: и переѣхавше море, первое взяша Купецьскую рѣку, и села пожгоша и въ полонъ понмаша многихъ, и скоты посѣкоша,—и ту убиенъ бысть Костянтинъ Ильинъ сынъ Станнимира въ загонѣ; и потомъ взяша Черную рѣку и вси села по Черной рѣцѣ повоєваша, и придоша къ г. Ванакъ, и городъ взяша и пожгоша, а Нѣмци вбѣгоша въ дѣтинець; бѣ градъ той крѣпокъ велии, на камени высоцѣ, не имѣи приступа никуды же; и

(1) Marschalcus—Маршалъ Торвалд Кнутсонъ. *Гейера Geschichte Schwedens.* I. 172.

прислала Нѣмци съ поклономъ къ Новгородцемъ, просячи мира у нихъ, Новгородци же миру имъ не даша, и стояша у града того 3 дни и 3 ноци, волости воююще, и села великая ихъ пожгоша, и обиліе все потравиша, а скота не оставиша ничтоже; и потомъ взяша, идущи назадъ, рѣку Кавгалу и Перну рѣку, и выидоша на море, и придоша въ Новгородъ вси поздорову. (*I Софійс. 205*).

г. Въ лѣто 6830 (1322). Приде князь Юрьи въ Новгородъ, позванъ Новгородци, и повелѣ пороки чинити; тогда же приходиша Нѣмци ратью къ Корѣльскому городку, и не взяша его. Того же лѣта поиде кн. в. Юрьи съ Новгородци къ Выбору, къ городу нѣмецкому, и биша ѿ 6-ю пороковъ, твердъ бо бѣ, и избѣша много Нѣмецъ въ городѣ, а иныхъ извѣщаша, а иныхъ на Низъ поведоша; и стоявше мѣсяць, приступиша, и не взяша его, но за грѣхъ наша, нѣколько мужъ добрыхъ паде...

д. Въ лѣто 6831 (1323). Ходиша Новгородци, съ кн. Юрьемъ, и поставиша городъ на усть Невы, на Орѣховомъ островѣ. Ту же прѣхавше послы великы отъ Свѣйскаго короля, и докончаша миръ вѣчный съ княземъ и съ Новымъгородомъ, по старой пошлѣнѣ.

(*I Новгород. 72—73*).

266. Договоръ Новгородцевъ съ Шведами 1323 г.

Я в. кн. Юрій съ посадникомъ Офромеемъ, тысяцкимъ Авраамомъ и со всѣмъ Новгородомъ заключилъ миръ съ братомъ своимъ, королемъ шведскимъ Магнусомъ Эриксономъ. По этому случаю къ намъ прибыли шведскіе послы: Эрикъ Турсонъ, Геммингъ Одгильсонъ (*а не Эдрислессонъ*), Петръ Юнсонъ, Видемундъ свя-

щенникъ; съ ними же были голландскіе купцы, Людвигъ и Федверъ,—представители голландскихъ торговцевъ. Мы возобновили вѣчный миръ и цѣловали крестъ. Ради дружбы, в. кн. Юрій, со всѣмъ Новгородомъ, уступилъ три округа: Саволакскъ, Эскисъ и Эврепе—корельскую часть. Грани и межи идуть такъ: отъ моря до р. Сестры, отъ Сестры къ Мосенѣ до горы Runetae, далѣе до р. Саа, которая впадаетъ въ Оксенъ, отъ Саа...⁽¹⁾. Потомъ въ Петаюки и наконецъ на сѣверѣ къ морю. Нашей новгородской области должны принадлежать р. Иловесь съ рыбными ловлями, (половина Ватукивъ, половина Самевеси, половина Упелакса, 6-я часть боброваго улова въ Кодеѣ и 6-я часть въ Кунустайнѣ). Все по сю сторону грани принадлежитъ Новгороду. Купцы нѣмецкіе, изъ Любека, Готланды и Швеціи могутъ безпрепятственно прѣзжать по Невѣ въ Новгородъ, какъ водою, такъ и сухимъ путемъ. Шведы и граждане Выборга обязаны не задерживать новгородскихъ купцовъ и другихъ лицъ, мирно отправляющихся изъ Россіи въ Швецію или изъ Швеціи въ Россію: въ силу этого договора, они должны пользоваться полною безопасностью. Съ этихъ поръ ни мы, ни вы не должны строить никакихъ крѣпостей въ Карелии. Должники, поручники, рабы или разбойники, бѣжавшіе къ намъ отъ васъ или отъ насъ къ вамъ, имѣютъ быть поправу выдаваемы. Шведы, равно какъ и граждане выборгскіе, не должны покупать ни земель, ни водъ, лежащихъ въ новгородской Карелии; къ тому же обязываются

⁽¹⁾ Здѣсь подробно обозначены границы новгородскихъ владѣній на финскомъ сѣверѣ; съ этой стороны грамота имѣетъ большую важность. Изслѣд. о ней П. Г. Буткова см. въ Ж. М. Внутр. Д. 1837 г. ч. 23. № 2. 325. Также не мѣшаетъ заглянуть въ Учен. Зап. Казанс. Унив. 1855, кн. 2. 103.

и Новгородцы относительно земли и воды шведской. Въ избѣжаніе разрыва, съ нашей или съ вашей стороны, должно соблюдать заключенный миръ ни въ чемъ не нарушеннымъ. Если же кто изъ насъ или изъ васъ нарушитъ что-либо, тотъ да подвергнется наказанію; нарушитель долженъ исправить свою ошибку по правдѣ божіей. Да будетъ всѣмъ Новгородцамъ миръ, всѣмъ ихъ городамъ и всей землѣ ихъ. В. князь новгородскій со всѣмъ Новгородомъ заключилъ вѣчный миръ съ королемъ шведскимъ и жителями Выборга въ пятницу предъ Успѣніемъ (во вторникъ послѣ Рождества Богородицы). В. князь русскій или Новгородскій обязывается не домогаться королевскихъ земель въ Швеціи, также и король шведскій обязывается не домогаться земель русскіхъ и новгородскихъ. Этотъ миръ утвержденъ съ обѣихъ сторонъ крестнымъ цѣлованіемъ. Кто его нарушитъ, тому да отмститъ всемогущій Богъ и св. Дѣва Марія.

(*Antiquités Russes. 1851 t. II, 490—491.*)

367. Борьба съ Шведами.

а. Тон же зимы (1337) Корѣла, подведши Нѣмецъ, побѣдѣ Русь, Новгородцевъ много и Ладжанъ гостей, и кто жилъ Христіанъ въ Корѣлѣ, а сами побѣжали въ нѣметскій городокъ; и потомъ много посякоша христіанъ изъ Нѣмецкаго города...

б. Тон же весны (1338) ходиша Новгородцы, съ посадникомъ. Теодоромъ, въ Неву, и стояша подъ Орѣховымъ, съсылающеса послы съ воеводою нѣметскимъ съ Стевомъ, и не бысть миру; но тако възвратившися Новгородцы въ Новъгородъ. Воеваша Нѣмци съ Корѣдою много, по Обонѣжю, послѣдъ же и Ла-

догу пожгоша, пригонивше, посадъ; нѣ города не взяша. Потомъ же ходиша молодцы новгородстїи съ воеводами, и воеваша Городецкую Корѣлу нѣмецскую, и много попустишиша земли ихъ, и обиліе пожгоша, и скотъ изсѣкоша; и придоша вси здрави, съ полохомъ. Того же лѣта приходиша Нѣмци изъ городка воевати на Толдогу, и оттолѣ идяху на Вотскую землю, и не взяша ничтоже, остерегли бо ся бяху; и пакы вышедше Копорьяне, съ Теодоромъ Васильевичемъ, и биша я, и убиша ту Михаила Копорьянина, мужа добра; а подъ Теодоромъ конь раниша, нѣ самому не бысть пакости; а они вышли бяхуть вмалѣ. Князь же Наримонтъ бѣше въ Литвѣ, и много посылаша по него, и онъ не идаше, нѣ и сына своего выведе изъ Орѣховаго, и именемъ Александра, токмо намѣстникъ свои остави... Тон же зимы прислаша послы изъ Нѣметскаго городка изъ Выбора, о миру, въ Новъгородъ, отъ Петрика воеводы, рекуще: «яко князь свѣвскїи того не вѣдаеть, что учинилося розмиріе съ Новымъгородомъ, нѣ то подъялъ Стень воевода о своемъ умѣ». Новгородцы же послаша Козму Твердиславича и Олександра Борисовича посольствомъ, и привезоша миръ, докончавше по тому миру, что докончали съ в. кн. Юрьемъ въ Невѣ; а про Кобылтѣскую Корѣлу послати къ свѣвскому князю.

в. Того же лѣта (1339) послаша Новгородцы Кузму Твердиславя и Олександра Борисовича, съ другы, а отъ владыкы сестричича его Матвеа, за море, къ свѣвскому князю, посольствомъ и наѣхаша его въ Мурманьской земли, въ г. въ Людовли, и докончаша миръ по старымъ грамотамъ. А про Корѣлу тако рекоша: «оже къ вамъ наши бѣжать, съкѣте ихъ или вѣшайте, или ваши къ намъ, также имъ створимъ, дажь не польстятъ промежу нами; а сяхъ не выладимъ, крещени суть въ нашу вѣру; а

и безъ того мало ихъ бѣ осталось, а то
вся помроша гнѣвомъ божіимъ (*отъ мора*).

(I Новг. 78—79).

368. Борьба съ Нѣмцами

Въ лѣто 6851 (1345), индикта 11
м. маія 26, на память св. апостола
Карпа, нагадавшеся Псковичи съ Избо-
ряны, подъяша всю область псковскую и
поѣхаша воевати земли нѣмецкія о князи
Иванѣ, и о изборскомъ князи Остафѣи, и
о посадникѣ Володѣи, и воеваше села
нѣмецкая около Медвѣжьѣ Головъ 5 дней
и 5 ночей, не слазячи съ коней, гдѣ то
не бывали отцы и дѣды, и поѣхаше
Псковичи во Псковъ съ многими поло-
номи. А Нѣмци скопивше силу, ополчився
погнаша въ слѣдъ Псковичъ, хотяще яти
руками князя Остафѣи и Ивана, лютой
смерти предати, а мужи Псковичи мечи
настѣчи; и надгониша Псковичи за 2 по-
прища (*версты*) не доѣхавше Нового го-
родка нѣмецкаго, на Маломъ Борку, на
тѣсни. И сташа Псковичи боеви, помо-
лившеся св. Троици и Всеволожи молит-
вѣи Тимофѣевѣи, и взяша прощениѣ про-
межи себе и ркоша: «братья мужи Пско-
вичи! не посрамятъ отецъ своихъ и дѣ-
довъ, кто старъ, то отецъ, а кто младъ
то братъ; се же, братья, предлежитъ
намъ животь и смерть; потягнемъ за
св. Троицу и за св. церкви, за свое
отечество». И бысть бо съча велика
Плесковичамъ съ Нѣмци, м. іюня въ 1,
на память св. мученика Іустина Филосо-
фа, въ самый Троицынъ день, и на пер-
вомъ ступѣи убиша кюра Костянтиновича,
и Кормана Постника, и Онтонна сына по-
садника Ильина и нѣхъ Псковичъ; и Богъ
поможе мужемъ Псковичемъ и Изборяномъ,
посѣкоша Нѣмецъ помощью св. Троица и
молитвою ки. Всеволода и Тимофѣя, овыхъ
побиша, а нѣи прочь побѣгоша посрам-

лени. И сташа Псковичи на костель,
убиша Псковичъ на томъ бою 17 че-
вѣкъ, а нѣи Псковичи безсоніемъ олу-
ли старыя и молодыя, и тако блум
по лѣсу много ихъ погнѣбло; а нѣи в
слѣ рати вышли. А коли Псковичи ст-
пишася съ Нѣмци битися, а въ то вре-
Руда поѣ Борисоглѣбскій, Домаш-
внукъ, пригнавъ въ Изборескъ и нос-
имъ лихую вѣсть: «всѣхъ Псковичъ
и Изборянъ побили»; такоже и во Пск-
пришедъ тую же вѣсть повѣда: «Пс-
вичъ всѣхъ побили и Изборянъ». И бы-
во Псковѣ плачь великъ и кричаніе, и
же не бывало николиже такого пла-
И Псковичи отрядиша гонцемъ въ Но-
родъ Оуму поца, старосту поковско
«Псковичи всѣ побиты, а вы, Ново-
родцы братья наша, поѣдте наборѣтъ,
говите Псковъ перво Нѣмецъ, оже Нѣ-
ци не загонять». И не поемше въ
Рудинѣ рѣчи, не отпускаючи поца
Новгородъ, послаша въ Изборескъ у-
дывать на Псковичъ Якова Домашини-
Андрея Степановича, Жидила Шестью-
ча; и пріѣхаше въ Изборескъ, оже Пс-
вичи подъ Изборскомъ въ станахъ ст-
ять, опочиваючи, и въ томъ часѣ посл-
та во Псковъ вѣсть добру, и бысть р-
дость и веселіе въ градѣ Псковѣ. И в
томъ сами пріѣхаше, князь и посадни-
и Псковичи, во Псковъ къ св. Троици

(П. С. Лѣт. IV, 189).

369. О королѣ Магнусѣ.

Въ лѣто 6856 (1348). Магнусъ, коро-
Свѣиской земли, прислалъ къ Новог-
родцемъ, рекъ: «пошлѣте на съѣздъ св-
философъ, азъ послю своихъ философъ, да
поговорятъ про вѣру; а азъ то хочу сл-
шеть, коя будетъ вѣра лучши: а нѣ
ваша будетъ вѣра лучши, ино азъ иду!

вашу вѣру, или пакы аще наша вѣра лучше, и вы поидѣте въ нашу вѣру, и будемъ вси за единъ человекъ; или не поидете въ единачество, и азъ хошу ити на васъ, съ всею моею силою. Владыка же Василіи, и посадникъ Феодоръ Даниловичъ, и тысяцкои Абрамъ, и вси новгородци, погадавши отвѣщаша Магнушу: »аще хощеша увѣдати, кая вѣра лучше, наша ли, или ваша, пошли въ Царьградъ къ патриарху, зане мы приняли отъ Грець православную вѣру, а съ тобою ся не спираемъ про вѣру; а кая будетъ обида межю нами, а о томъ шлемъ къ тебѣ на създѣ«. —И послаша Новгородци къ Магнушу Абрама тысяцского, Кузму Твердиславля и иныхъ бояръ. Абрамъ же, съ своими друзи, прииде въ Орѣховецъ и хотѣ поити къ Магнушу, а Магнушь тогда былъ въ Березовомъ островѣ, съ всею своею силою. Орѣховци же биша челомъ Абраму, чтобы не ходилъ отъ нихъ изъ городка; и поиде къ Магнушу Кузма Твердиславль съ друзи. Магнушь же отвѣчалъ Кузмѣ: »обиды ми съ вами нѣту никои« —но сиде рче имъ: »поидѣте въ мою вѣру, а не поидете, иду на васъ съ всею моею силою« —и отпусти Кузму съ друзи. И абіе дошедши Орѣховца, затворишася въ городкѣ вси, а Магнушь баше приступль къ городку ратию, съ всею своею силою; а Ижеру почалъ крестити въ свою вѣру, а кои не крестятся, а на тѣхъ рать пустилъ. Слышавши же Новгородци, яко уже король рать отпустилъ на Ижеру, послаша противу нихъ Онцифора Лукинича, Якова Хотова, Михайлу Фефилатова, съ малою дружиною. Молитвами же св. Богородица, и св. Софѣа пособіемъ, и св. мученикъ Бориса и Глѣба помощію, Богъ пособи Онцифору: избиша вѣмцевъ 500, а иныхъ живыхъ изымаша, а перевѣтныковъ казниша; и приидоша въ Новъгородъ вси здрави, развѣ 3 человекы убиша Новгородцевъ. Посадникъ же Феодоръ Дани-

ловичъ, и наместники князя в., и вси Новгородци, и Плесковичъ немного, и Новотръжци, и вся волость Новгородская, поидоша въ Ладогу, а къ князю Семену Ив. послаша послы, а рекъ тако: »поиди, княже, къ намъ боронити своеа отчины, яко идеть на насъ король свѣискии, на крестное цѣлованіе«; великии же князь Семенъ отвѣщалъ Новгородцемъ: »радъ, иду къ вамъ«. Медливъ же князь долго, поиде въ Новъгородъ; отшедши же отъ Тръжку до Ситна, и възвратися назадъ на Москву, а въ Новъгородъ посла брата своего Ивана; князь же Иванъ пришедши въ Новъгородъ, нѣ не поидаше къ Новгородцемъ въ Ладогу. Въ то же время Магнушь король взя Орѣховецъ, на Спасовъ день; Абрама же и Кузму и иныхъ бояръ 8 взялъ къ себѣ, а иныхъ всѣхъ пустилъ изъ городка, а самъ поиде прочь отъ городка, а въ Орѣховцѣ оставивъ рать. Князь же Иванъ слышавъ, яко взяша Нѣмци Орѣховецъ, и поидаше изъ Новгорода назадъ, не приавъ владычня благословенія и новгородскаго челобитія, — и Новгородци поидоша изъ Ладогы и сташа у Орѣховца.

(I Нов. 83—84).

370. Рукописаніе Магнуша короля свѣискаго.

Въ лѣто 6860 (1352). Се азъ Магнушь король свѣискии, нареченый въ св. крещеніи Григорій, отхода сего свѣта, пишу рукописаніе при своемъ животѣ, а приказываю своимъ дѣтемъ, и своей брати, и всей земли Свѣиской: не наступайте на Русь на крестномъ цѣлованіи, занеже намъ не пособляется. Первіе сего подъялся мистеръ Белгеръ и вшелъ въ Неву, и срѣте его кн. в. Алексайдръ Ярославичъ на Ижерѣ рѣцѣ, и самого прогна, а рать его побѣ. И потомъ братъ мой Маскалка, вшелъ въ Неву, городъ

постави на Охтѣ рѣцѣ и намѣстники своя посади со множествомъ Нѣмецъ, а самъ поиде за море; и пришедъ в. кн. Андрей Александровичъ городъ взя, а намыстники и Нѣмецъ побѣ. И потомъ было намъ розмирие съ Русію 40 лѣтъ; и потомъ за 40 лѣтъ съ в. кн. Юріемъ Даниловичемъ взяли есмы миръ вѣчный на Невѣ, земли есма и водѣ учинили роздѣлъ, кому чѣмъ владѣти, и грамоты есма пописали и попечатали. И потомъ за 30 лѣтъ язъ Магнушь король того же поряда, поднялся есмь со всею землею Свѣйскою, и вшедъ въ Неву, взявъ городъ Орѣховъ и намѣстники свои есмь въ городъ посадилъ, а съ ними нѣколько силы моя оставихъ, а самъ есмь пошелъ за море; и потомъ Новгородци пришедъ городъ свой взяли, а монахъ намѣстниковъ и Нѣмецъ побѣли, которые были въ городѣ. И язъ того же поряда, за одинъ годъ, опять пошелъ къ Орѣхову со всею Свѣйскою землею; и срѣте мя вѣсть, что Новгородци подъ Орѣховцемъ, и язъ опять пошелъ подъ Копорію, и подъ Копорію есмь ночевалъ. И приде ко мнѣ вѣсть: Новгородци на укрѣ (на краѣ) земли, и язъ то слышавъ побѣгъ за море, ино въ валу парусовъ не знати⁽¹⁾, вѣта буря сильна, и потоци рати моеи много на усть Неровы рѣкы; и пошелъ есмь въ землю свою съ останкомъ рати. И отъ того времени наиде на нашу землю Свѣйскую погибель, потоць, морь, голодь и сѣча межи собою. У самого у мене отъя Богъ умъ, и сѣдѣхъ въ полатѣ прикованъ годъ чепію желѣзною и задѣланъ есмь былъ въ полатѣ; и потомъ прѣйха сынъ мой Сакунъ изъ Мурманскіе (Нормандской, Скандинавской) земли, и выня мя изъ полаты, и везе въ свою землю Мурманскую. И удари на мене опять потоць, корабли мои и люди мои

(1) Невидно парусовъ отъ высокихъ волтъ.

истопи вѣтръ, а самъ створихся плавъ на днѣ корабленомъ, исторцѣнемъ пригвоздихся 3 дни и 3 ноци; и по божи повелѣнію, ирнесе мя вѣтръ подъ монастырь св. Спаса въ Полную рѣку, и сняху мя съ доски чернеци, и вънеса мя въ монастырь и постригоша ми въ черньци и въ скиму, и сѣтвори на Господѣ жива 3 дни и 3 ноци; а все то мене Богъ казнилъ за мое высокоуміе, что есмь наступалъ на Русь, а на крестномъ цѣлованіи. А нынѣ приказываю своимъ дѣтемъ и своей братіи: не наступайте на Русь на крестномъ цѣлованіи; а кто наступитъ, на того Богъ, и огонь и вода, ниже мене казнилъ, а все он створилъ то Богъ къ моему спасенію.

(П. С. Лпт. V, 227).

Характеръ Норманновъ и морскія ихъ набѣги. Перев. изъ сочин. Деринга: *Histoire des expéditions maritimes des Normands etc.* Paris. 1826. Сѣверн. Архивъ ч. 22 № 14 и 15. с. 184. ч. 23, № 17 и 18. с. 3. № 19 и 20. с. 261. ч. 24, № 21 и 22, с. 60. См. Ист. Шведс. Госуд. Олофа Даллина, перев. съ Шведскаго 1805 г. Борьба съ Шведами и Тевтонскими орденомъ. Н. И. Костомарова Сѣверно рус. археол. I, 329—394. Погодина Норманскій періодъ др. Руси и его же Лекціи, замѣч. О Варягахъ Байера въ перев. К. Кондратовича. Спб. 1767.

371. Борьба съ Нѣмцами.

а. Въ лѣто 6877 (1369). Приидоша Нѣмцы ко Изборску ратью въ силѣ велицѣ, со многими запасомъ замышленіи своихъ, съ пороки великими и съ грады и затворы, наричающе *ранымъ*, хуручися (отъ сл. *хапать*) безбожнии на домъ св. Николы (соборную церковь), хотя взяти градъ; и стояша 18 дней, пороки шибаячи во градъ, възгради привлачающеса, сами о стѣну толкуще, и много безумнии всеу трудшася, не могоша зла ничтоже сотворити, Богъ бо храняше градъ отъ супротивныхъ супо-

стать иноплеменных Нѣмецъ; тогда же и Новгородцы прѣхаша въ пособіе къ Пскову, то же слышавше и видѣвше Нѣмци, побѣгоша отъ Изборска прочь и запасъ свой весь повергоша. Потомъ, на другое лѣто, придоша Нѣмци ко Пскову и стояша 3 дни на двѣ ночи, и поидоша во свою землю, а ничтоже не взяли; тогда же убиша Нѣмци за Псковою на поля нѣсколько мужей Псковичъ, Якимъ Троядилова внука, Артемья діаконова брата, а Лутѣ Писоломиничи живого емше, поведоша во свою землю, но тамо его затравили (*собаками?*). На зиму прѣхавше Новгородцы ко Псковичемъ въ пособіе, и придоша къ Новому городку, и не поидоша отъ городка въ Нѣмецкую землю; но възвратилися оттуду взадъ, а Псковичемъ не учиниша пособья ни мало. А съ того же розрятья Псковичи ѣхавше, съ божиимъ пособіемъ, взяша городъ Нѣмецкій Цирьпигу и пожгоша, а много полона взяша, а Нѣмецъ овыхъ избиша, а иніи въ погребехъ запечатавшеса подохоша (*подошли*) зноемъ, аки свинія погорѣша; а Псковичи прѣхаша со множествомъ полона. Тоже бысть Псковичемъ Богомъ дарована война; а то розрятье бысть съ Нѣмци *про Жолчъ* обида много время, али по 5 лѣтъ, много же нужно (*нужды, скорби*) бяше людемъ тогда и болѣзными и моромъ, и бѣды ратныя, и всѣхъ настоящихъ на ны золъ за грѣхи наша. Тогда же и миръ Псковичи съ Нѣмци взяша. (*I Псковс. 192—193*).

б. Въ лѣто 6956 (1448). Князь Александръ Васильевичъ съ мужи Новгородци поиде противу князя Ризскаго местера (*маистра ордена*), и противъ короля прусскаго, и противъ короля свейскаго Карла, и стаха Новгородци на Норовѣ со княземъ Александромъ, біущеса черезъ Норову рѣку съ погаными Нѣмци; и пособи Богъ и св. Софїя пре мудрость божія мужемъ Новгородцемъ,

и побипа много поганыхъ Нѣмецъ, а иныхъ на мори въ бусахъ (*судахъ*) много побипа, а иніи истопоша въ мори, а иныхъ руками поимаша 84, а съ ними два князя нѣмецкая яша, и много добытка добыша, молитвами благовѣрныхъ князей; а иныхъ подъ Ямою городкомъ (*Ямбуриомъ*) побипа князь Василей Васильевичъ (*суздальскій*) съ мужи Новгородци...

в. Въ лѣто 6957 (1449). Послаша Псковичи своихъ пословъ на съѣздъ, на Норову рѣку, подлѣ новгородскихъ пословъ, и доковчаша миръ, по благословію архієпископа В. Новгорода и Пскова владыцѣ Евѳимїя: взяша миръ на полтретьядцать (25) лѣтъ съ княземъ мстеромъ ризскимъ и съ его князьми, такоже и съ пскупомъ юрьевскимъ и съ юрьевичи (*жителями Дерпта*). А что огняли бяше Юрьевци старинъ псковскихъ много, и милостию св. Троица и молитвою благовѣрныхъ князей, они поганіи возвратиша съ студомъ и ерамомъ вся старины псковскія ко Пскову, а докончаша той миръ на Успеніе св. Богородица. (*I Псковс. 213—214*).

372. О томъ же.

а. Въ лѣто 6967 (1459). Князь Александръ Васильевичъ и посадники псковскіи, съ мужи Псковичи, ѣхавше на землю св. Троица (*т. е. Псковскую, п. ч. соборный храмъ во Псковѣ былъ во имя св. Троицы, какъ въ Новгородѣ—во имя св. Софїи*) на Озюлицу и на Желачкѣ стѣно покосиша и ловцомъ своимъ повелѣша рыбы ловити по старинѣ; и церковь поставиша во имя св. архистр. Михаила, и Чюдъ на Рожкинѣ повѣсиша... Того же лѣта въ вел. постъ, поганая Латиня изгонивше изгоною, и не вѣруя въ крестное цѣлованіе, на то обидное мѣсто на Озюлицу, на землю св. Троица, и церковь св. Миха-

шла сожгоша и 9 человекъ. Въ то же время, на то же мѣсто, князь псковскій Александръ Вас. съ посадники псковскими и со Псковичи ѣхавше въ насадѣхъ (*большихъ судахъ*) и въ лодьяхъ на Озольцу и шедше въ Нѣмецкую землю, также много мужей и женъ пожгоша, и месть мстиша за тыя головы неповинныя. Того же лѣта за мало время, ѣхавше Нѣмцы въ снегахъ (*судахъ*) и въ лодьяхъ во Псковскую землю въ Норову рѣку, и насадку псковскую у лодцовъ отъѣша съ пущицами и со всѣмъ запасомъ ратнымъ и въ Березской волости 42 двора выжгоша, а людей Богъ ублюде...

б. Въ лѣто 6968 (1460). Тоя же осени пріѣха посолъ отъ Новгорода во Псковъ, посадникъ Карпъ Савиничъ и съ нимъ дружина его, по челобитью нѣмецкому и по ихъ сроку, и поѣха князь Александръ Вас. и посадникъ Новгородскій, и посадники псковскіи, и бояре изо всѣхъ концевъ на Озольцу и на Желачко на обидное мѣсто, и досмотрѣли того мѣста обидного, а тоя земля и вода св. Троица. И поганіи Нѣмцы, познавшіе свою вину, не сташа на то обидное мѣсто на свой срокъ, и князь псковскій Александръ Вас. и посадникъ новгородскій и посадники псковскіи и бояре много ждавше поганыхъ на то мѣсто, и отъѣхаша прочь. Тоя же зимы въ Рождественское говѣнье, князь псковскій съ посадники съ Псковичи, ѣхавше въ Нѣмецкую землю, и много шкоты учинили, повоевали землю Нѣмецкую на 70 верстъ, и 3 ноци ночеваша въ Нѣмецкой землѣ и много живота (*пожитковъ*) пограбиша и погостовъ нѣмецкихъ много пожгоша, и божищу велику выжгоша, и крестъ съ божищны взяша и 4 колоколы сняша, и попа нѣмецкаго поимаша и головъ нѣмецкихъ много поимаша, а все то—и животъ и животину и головы провадиша ко Пскову; а Псковичъ всѣхъ ублюде Богъ и св. Троица, не единъ человекъ не

погиблѣ; а тую месть мѣстиши Псковичи что на Норовѣ поганіи повоевали и въ Березской волости что пожгли.

Того же лѣта м. генваря 20 день и память св. и препод. и богоноснаго Еуміа Великаго, князь Василей Висильскій пріѣха съ Москвы въ свою отчину въ В. Новгородъ съ своими сынами, съ княземъ Юрьемъ и Андрѣемъ, о всѣхъ своихъ управахъ; и услышавше Псковичи князя великаго въ Новгородѣ, и послаши пословъ своихъ въ В. Новгородъ, Юри посадника Тимофеевича, Максима Ларионовича и бояръ изо всѣхъ концевъ, и даша Псковичи на дарове князю вел. 50 рублевъ. И повелѣша имъ бити челомъ господину и государю в. князю Василею Вас. о жалованіи и о печалованіи своемъ отчинею, мужей Псковичъ добровольныхъ людей, что «есмя приобщени отъ поганыхъ Нѣмецъ, и водою и землею и головвами, и церкви божія пожжени отъ поганыхъ на миру и на крестномъ цѣлованіи»; и потомъ биша челомъ князю вел. о князи Александрѣ Вас., чтобъ «ему быти отъ тебе намѣстникомъ, а во Псковѣ княземъ». Князь вел. отвѣща сице: «язъ васъ, свою отчину, хошу жаловати и боронити отъ поганыхъ, якоже отцы наши и дѣды наши князи великии; а что мнѣ повѣстуете о князи Александрѣ Черторизскомъ, и о томъ васъ свою отчину жалую: аже только поцѣлуеъ животворящей крестъ князь Александръ ко мнѣ къ в. князю и къ моимъ дѣтемъ къ в. княземъ, что ему зла на насъ не хотѣти, ни мыслити, ино буди вамъ князь, а отъ мене и намѣстникъ». И услышавъ князь Александръ отвѣтъ князя в., и не въсхотѣ цѣловати къ нему, ни къ его дѣтемъ и молвилъ: «не слуга—де язь в. князю, и не буди цѣлованіе ваше на мнѣ и мое на васъ; коли—де учнутъ Псковичи соколомъ вороны имать. ино тогда—де и мене Черторизского вспомянете», —и попрощався и вѣтъ, — «язъ—де вамъ не князь»; а дво-

о кованой рати боевых людей 300
ѣкъ, опричь кошовыхъ,—и поѣха изо
а; а Псковичи ему много биша че-
чтобы ся осталъ и онъ поѣха въ
, а псковскаго челобитья не пріять,
враля въ 10, на память св. муче-
Харлампія...

Въ лѣто 6969 (1461). Пріѣхаша
кинъ послове, судья великій отъ ар-
купа рязскаго и отъ юрьевского пи-
и отъ всея нѣмецкія земли въ В.
родъ ко владыцѣ Іонѣ и къ посадни-
новгородскимъ и ко всему В. Но-
ду бити челомъ послу в. кн. Ва-
Вас. и мужемъ Новгородцемъ, та-
и псковскому послу посаднику Зено-
Михайловичю, о перемирьѣ... И князь
силей Вас. доволилъ В. Новгороду
юву дати перемирьѣ на ту 5 лѣтъ.
местера рязскаго послы и юрьев-
юслы, на томъ перемирьѣ въ В.
ородѣ и крестъ цѣловаша, также и
псковскія; а въ ту 5 лѣтъ на спор-
иѣстѣ ловити Псковичемъ къ своему
, а Юрьевцомъ и пискупу къ сво-
ерегу. И пріѣхавше изъ Нового-
ю Псковъ послы нѣмецкія, и тако-
ловаша крестъ во Псковѣ по князя
окончанію; и еще отъ Пскова предъ
гакоже крестъ цѣловаша судьи псков-
и соцкии, что на томъ перемирьѣ
ны грамоты и печати прикладены,
е перемирьѣ держати крѣпко въ ту
ѣ.

1 Псковс. 218—219. 230).

373. Я т в я г и.

Въ 6491 (983). Ходилъ Владиміръ
вягъ, и побѣдя ихъ, покоря землю
возвратился къ Кіеву, и творя жер-
ушірамъ съ людьми своими, прино-
ь отъ людей илѣнныхъ и скотовъ
ство...

Ятвезжи. Ятвячи, Язиги, единое есть, на-
родъ сарматской, весьма жестокосердой и
военной, съ Литвою единъ языкъ имѣли,
надревле обитали они по Дунаю, и распро-
странялись до Чернаго моря. Ихъ географы
раздѣляли тремя званіи, яко Язиги Метанасты.
Язиги Сарматы и Язиги Базилен: первые жи-
ли вверхъ по Дунаю и р. Тейсѣ при грани-
цахъ Венгровъ, другіе по Черному морю на-
званы Сарматы, третьи Базилен, по сказанію
Плиніа (кн. 4 гл. 12), жили при Меотиче-
скомъ озерѣ по р. Геррусу, и си знатно пе-
решедъ поселились въ Литвѣ и въ Подляшіи
по Бугу, (о чемъ Плиніи кн. 4, гл. 12, Пто-
ломей кн. 3, гл. 7, Осидій въ стихахъ).
Другіе просто Язиги были Вязи близъ Ввѣра-
та, потомъ Язиды, послѣди Курди въ Даги-
стани именованы и доднесъ знаменн (*Лекси-
конъ историческій и Стрыковскій*). Сіи, о
которыхъ сказается, жили около Буга, что
нынѣ Подляшіе и Брестъ литовская. Истори-
ки польскіе Кромеръ, Бѣльскій, Стрыковскій
и пр. согласно сказуютъ о нихъ, что никто
съ бою бѣжать или въ плѣнъ живъ отдаться
не хотѣлъ, но съ женами въ бояхъ охотно
умирали,—и для того въ одной несчастливой
имъ битвѣ въ 1264 г. отъ Болеслава Студли-
ваго такъ побиты, что и памяти ихъ не оста-
лось. (*Ист. Рос. В. Н. Татищева. М. 1775.
II, 62 и прим. 167*).

б) Въ лѣто 6764 (1256). Повде Да-
нило на Ятвязѣ съ братомъ, и сыномъ
Лвомъ и съ Шварномъ младу сущу ему,
и посла по Романа въ Новгородокъ. И
приде къ нему Романъ, со вѣсти Новго-
родци и со цтемъ своимъ Глѣбомъ, и со
Изяславомъ со Вислочьскимъ, и со сеѣ
стороны приде Сомовитъ со Маговшаны,
и помочъ отъ Болеслава со Судимирци и
Краковляны; и бысть рать велика, якоже
наполнити болота Ятвяжская полкомъ.
Сотворивше же съѣтъ вси князи рустіи и
лядьстѣи, и рѣша мужи браньни: «ты
еси король, голова всемъ полкомъ; аще
насъ послеши напередъ кого, не послу-
шно есть въси бо ты воинскій чинъ, на
ратехъ обычай ти есть, и всякій ся те-
бе усрамить и убоятся; изъиде самъ на-
передъ». Данилъ же изрядивъ полки, кому
полкомъ ходити самъ изъиде напередъ и
стрѣльцѣ же пусти напередъ, а другіи
обаполы дороги; дворьскому же повелѣ за
собой ходити, самъ же ѣха въ магв отъ-

рокъ оружныхъ. Будушу же ему, и пріѣхавъ къ нему сынъ Левъ одинъ, и рече ему: «яко никто съ тобою нѣсть, азъ же ѣду съ тобою»; рече король ему: «буди тако» и идаше путемъ своимъ. Анкадъ же вожь ему бѣ и обѣща ему, да село его непожжено будетъ. И пріѣхавъ же ко всѣмъ, рекомѣи Болдыкища, посла Лва съ братомъ, Левъ же тихо обѣхавъ село, и съче все, одинаго же приведе; король же упрости его; одному же рекъ: «яко вси рекомѣи Привища, собралися суть Ятвязи», слышавъ король, посла отрока Андрѣя, рекый дворьскому: «аще узриши насъ погнавшихъ, скорѣе по насъ поженити и роспусти полкъ, якоже кто можетъ гнати». Василкови же князю и нѣмъ полкомъ рекъ, да поидутъ тихо на грунахъ, и своему полку такоже; одному же млоду сушу, и пакы слово рекъ, запрети дворьскому не распустиати людѣи и удержати полкъ. Одному же Ятвязину гонзанувшу изъ вестѣ Олыдыкища, онѣмъ же воружившимся, стрѣтоша стрѣлци конецъ вси, рекомѣи Привища, и возгнаша ѿ. Данило же и Левъ тоснушася къ нимъ, кликоста великимъ гласомъ: «бѣжъ, бѣжъ!» Ятвяземъ же видившимъ скорое пришествіе, и нестерпѣша и увратися набѣгъ; бывшимъ же имъ средѣ вси, пакы возвратися. Данилови же и Лвови одинако належачима на нѣ и вергшимъ сулицами, и пакы навратися на бѣгъ. Стрѣлцемъ же стрѣляющимъ, оружникомъ же небывшимъ съ ними, прибѣгшимъ же имъ къ воротомъ и сматшимся, и прибѣгшимъ же у ворота, друзіи же навернушася, многимъ же лѣтѣвшимъ другъ на друга, бѣ бо ледъ ползокъ; Данило же и Левъ вборзѣ скочиста на нѣ воротъ, они же побѣгоша и пакы не вратися. И бысть милость велика надъ королемъ, во день тѣи, и надъ воими его, яко въ селицѣ дружнѣ побѣдивъ горды Ятвязѣ, и Злиньци, и Кривенцѣ, и Покѣнцѣ; якоже пишеть

во книгахъ: нѣсть въ силѣ бранѣ, и Бозѣ стоять побѣда. Хотящю же леви далече гонити, по нихъ ити, и брани ему Левъ, рекъ: «пошли ити ихъ»; отецъ же не пусти ея. Онъ же воннѣ управи десъницю свою, и рогътицю изъ пояса своего, далече и срази князя ятвязьского съ конемъ и летящу ему до землѣ изыде душа съ кровью во адъ. Данилови же и Лвови онѣхъ вяжуще, иныя же изъ мѣста ведущу, съцахуть я. И приде Даниловъ съ полкомъ, Данилу же король рекъ: «азѣ створилъ еси». Данилу же король отвѣщавшу: «не азѣ, не мое, но злое ны створилъ не изнесъ слова права намъ». Поже король и Левъ изонма колодеи возвратися къ Василкови и Семенови и срѣтшимся имъ, и бысть радость и ка о погибели поганьской; и жьхати ихъ и плѣняху села ихъ. Стани Правичихъ на ночь и поймавши же нѣя ихъ, пожгоша домы ихъ. Наутрѣ поидоша плѣняюще землю и жгуще: жгоша Тамсевиче, и Бурия, и Раѣ и Комата, и Дора, и грады плѣняху паче домъ Стекинтовъ зажгоша, и сѣна селѣ Корковичихъ; и пристраньмъ яко селицѣмъ воимъ множествомъ ититися, конемъ и самѣмъ, на двѣи яко не возмогоша поести сами и ихъ, прокъ же пожгоша. Наутрѣ пріѣхавъ отъ Ятвязѣ Юндилъ, рекъ сице: «Данило добру дружину дерзави и велици полци твои».

Наутрѣ же поидоша плѣняюще ище землю ихъ, и небысть пакости и ихъ, якоже иногда храбрѣи бѣаху, и Богъ страхъ во сердце ихъ. Тоя же мѣста на болотѣхъ во островѣхъ; наутрѣ же пріѣхавъ Ятвязѣ дающе (заложниковъ) и миръ, молящася, не избилъ колодниковъ. Потомъ же бжею милостью приде въ землю свою съ славою, и одолѣвъ ворогомъ сво

у же ему пакы изыти на нѣ на и сбирающу вой, увѣдаше же Ятсе, послаша послы своя, и дѣти своя даша, и обѣщавашуся работѣ быти и города рубити землѣ своей. *т. 192—4*).

Въ лѣто 6765 (1257). Данило по-Коснятина, рекомаго Положишила, беретъ на нихъ дань; ѣхавъ же Контъ поима на нихъ дань, черныя купы да сребро; и вдасть ему изъ дани льской даръ Сигиѣву воеводѣ, послушь-ради, да увѣсть вся земля Лядская, анъ платити суть Ятвязи королевичу, сынови в. кн. Романа. По велѣ-бо князь Романъ никтоже не бѣ во-на нѣ въ русскихъ князихъ, раз-ына его Данила, Богомъ же дана ему послушество створи Лядскою землею, да во память дѣтемъ своимъ, яко отъ мужество ему показавшу; якоже добрый хронографъ списа, якоже доброе въ вѣкы святятся... (*Ипат. 194*).

Отношенія Русскихъ къ Ятвигамъ.

Въ (1273) сдумавше князи пойти ятвязи, приспѣвши же зимѣ сами князидоша, но послаша воеводы своя: Левъ же посла со своею ратью Путявичча, а Володимеръ посла со своею ратью Желислава, а Мстиславъ со своею ратью Володъслава Ломо-; ходивше же и взяша Злину, Ят-ъ же собравшимся и не смѣша бы-съ ними, и тако придоша съ побѣ-честью великою ко своимъ кня-И посемъ пріѣхаша князи ятвигъ-Минтела, Шюрпа, Мудѣйко, Пестичо Львови и Володимерови и Мъсти-мира просяче собѣ; они же одва-ниъ миръ, и ради быша Ятвигъ о и тако поѣхаша во свою землю. *т. 205*).

Въ лѣто 6787 (1279). Голодъ

бысть по всей землѣ и въ Руси, и въ Ляхохъ, и въ Литвѣ, и въ Ятвигѣхъ. По семъ же Ятвигъ прислаша послы своя къ Володимерови, тако рекуче: «господине княже Володимере! пріѣхали есмь къ то-бѣ ото всехъ Ятвигъ, надѣючись на Богъ и на твое здорovie; господине, не помори насъ, но перекорми насъ собѣ; пошли, господине, къ намъ жито свое продавать, а мы ради купимъ: чего восхочешъ, во-ску ли, бѣли ль, бобровъ ли, черныхъ ли кунъ, серебра ль, мы ради дамы». — Володимеръ же изъ Берестья посла къ нимъ жито въ лодьяхъ по Бугу, съ людь-ми съ добрыми, кому вѣря. Идущимъ же имъ по Бугу, и тако возидоша на Наровъ и поидоша по Нарови и придоша подъ городъ подъ Полтовескъ, ту же сташа на ночь опочивать собѣ; и тако избити бы-ша вси подъ городомъ, въ ночь; жито по-имаша, а лодья потопиша. Володимеръ же искаметъ сего велики, хотя увѣдати, кто се учинилъ, а ко Кондратови брату сво-ему слашетъ, тако река ему: «подъ тво-имъ городомъ избиты мое люде, любо твоимъ повелѣніемъ или иного, ты вѣда-ши во твоей землѣ; повѣжь». Кондрать же запрѣся: «я не избивалъ, а иного не вѣдаю, кто избилъ». Оны же повѣдъ Володимеру уи его, князь Болеславъ, на сыновца своего на Кондрата, тако река: «безъ лѣна ти ся притъ, а самъ ти из-билъ твои люди»; тогда Болеславъ въ не-любии живаше со сыновцемъ своимъ Кон-дратомъ; Болеславъ же рече Володимеро-ви: «увѣдайся съ нимъ, великъ бо со-рошъ возложилъ на тя; а сложи съ себе соромъ свой». Володимеръ же посла на Кондрата рать свою, и воеваша по сей сторонѣ Вислы, и взяша полона много. По семъ же Кондрать присла ко брату своему Володимеру, мира хотя съ нимъ; Володимеръ умирися, и начаста быти во велицѣ любви. Володимеръ же и челять ему вороти, што была рать повоевала... (*Ипат. 207—208*).

В. Л И Т В А.

375. Литовскія вѣрованія: «Оуказъ же поганской прелести сице, иже Совиа богомъ нарицають».

а) *Совий* бѣ человекъ. Оуловившю емоу дивнй вепрь, иже изъ него 9 слезениць и вѣдасть ей (?) испечи роженнымъ отъ него. Онѣмъ же изъѣдшимъ ѣ, разиѣваясь на рождшихся отъ него, покушася снйти во адъ. Осмерыми враты не възмогъ, деватыми хотѣние свое оуполоучивъ. Роженнымъ отъ него, рекше сыномъ, брати же его негодовавшимъ на нь, испросися оу нихъ дошедь възыщю отца своего,—и приде въ адъ. Отцю же вечеравшю с нимъ, сѣтвори емоу ложе и погребе ѣ въ земли. На оутрие въпроси его вѣставшима: «добро ли покояще имѣ?»—Оному же възпвшю: охъ, чрвьми изъѣденъ быхъ и гады.—Паки же наутрий сѣтвори емоу вечерю, и вложешемоу ѣ въ древо и положи ѣ. Наутрие въпроси ѣ; он же рече, яко бчелами и комары многими снѣденъ быхъ,—ухъ ми, яко тяжко спяхъ. Паки же на оутрие сѣтворивъ крадоу огненоу великоу и врьже ѣ на огонь. На оутрие жъ въпроси его: «добрѣ ли почи?» Оному же рекшу: яко дѣтищъ въ колыбѣли сладко спяхъ.

О великаа прелестъ діавольскаа, яже введе въ литовскій родъ и Ятвезъ, и въ Проусы, и въ Емь, и во Либъ и нынѣ многы языки, яже *Совицею* наричются, мняще и душамъ своимъ суца проводника въ адъ Совья. Бывшоу емоу въ гѣта Авимелеха, иже и нынѣ мертва телеса своя сжигаютъ на крадахъ, якожъ Ахилеосъ и Еантъ и нынѣ по радуу Еллинн. Сию прелестъ Совий введе въ нѣ, ижъ приносятъ жртвоу севернымъ богомъ Ан-

дави и Перкоунови, рекше грому, гѣ роунѣ, рекше Соуцѣ, и Телавел коузною, сковавше емоу солнце, и тяти по земли и възвергшю емоу и бо солнце. Си же прелестъ сквернаа иде в нѣ отъ Еллинъ. Лѣтъ же и отъ Авимелеха и многого родоу сквер Совья до сего гѣта, в няже нач писати книги сия есть гѣтъ 3000 и и 40 и 6 гѣтъ⁽¹⁾. (*Изъ византийскаго хронографа Иоанна антиохийскаго Малала по ркп. XV в. Лѣтоисчисленіе Суздальскіе предисл. XIX—XXI*)

б) Миндогъ (*литовскій князь*) и къ папѣ и приа крещеніе. Крещеніе его льстиво бысть: жраше боговъ имъ вѣтайнѣ, первому *Нѣнадѣси*, и *Лавели*, и *Диверикъзу* заячемоу б *Мвидѣину*. Егда выѣхаше на поле бѣгнаше заяць на поле, въ лѣсъ ро не възхожаше..., и мертвыхъ тѣлеса жигаше, и поганьство свое лѣше⁽²⁾. (*Ипат. 188*).

в) Романови же пришедшу ко гѣ Литвѣ, потекши на градъ Литвѣ и дѣша ништоже, токмо и головнѣ тѣ, течюще по городищу; тужаху же и ваху, по свойскы рекуще: *Янда!* вѣюще богы своя *Андая* и *Дивирни* вся богы своя понимающе, рекомы си. (*Ипат. 188. 195*).

(1) Авимелехъ, царь герарскій, былъ сынъ Авраама, а отъ Адама до Авраама 3324 отъ Авимелеха до писателя рукописи 3446 слѣдов. книга писана отъ сотворенія міра 677 въ 1261 г.

(2) Обрядъ сожженія покойниковъ оставалъ Литвѣ до поздѣйшаго времени: въ 1345 г., по с в. кн. Гедимина, тѣло его по древнему обычаю глн на костръ вѣствѣ съ боевымъ коземъ и о носецемъ.

Приведенное мѣсто изъ хронографа Іоанна Малалы, представляющее нѣсколько свидѣній о литовской мѣологии, можетъ служить пополненіемъ и поясненіемъ указаній на литовскія божества шпательской лѣтописи. Переписчикъ ли хронографа взялъ изъ лѣтописи свои замѣтки о литовскихъ вѣрованіяхъ, или лѣтописецъ Шпательскій заимствовалъ изъ древне-болгарскаго перевода Малалы, — это остается загадкой.

376. Борьба съ Литовцами.

а) Въ лѣто 6639 (1134) князь в. Мьстиславъ ходилъ съ Низовци на Литву, и плѣни ихъ. (*I Соф. 156*).

б) Въ 1234 г. изгониша Литва Русоли до тѣргу, и стаха Рушане и сасада, огнищане и гридба, и кто кушъцъ и гости, и выгнаша я изъ посада, опять бьющесея на полѣ, и ту убиша нѣсколько Литвы, а Рушанъ 4 мужа, попа Петрилу, 2, Павла Обрадница, и ина два мужа; а манастирь св. Спаса весь пограбиша, и церковь полуиша (*ободрали*) всю и иконы и престолъ, и цѣренци (*черницеовъ, монаховъ*) 4 убиша, и оступиша на Клянъ. Тѣгда же вѣсть приде въ Новгородъ къ кн. Ярославу; князь же съ Новгородци вѣсѣдавше въ насады, а ииш на коняхъ, поидоша по нихъ по Ловати; и яко быша у Моравишна, и вѣспятишася лодьничци отголѣ въ городъ, и князь я отпусти, не достало бо у нихъ баше хлѣба, а самъ поиде съ коньнички по нихъ; и постиже я на Дубровиѣ на селищи, въ Торопьчской волости, и ту ся бй съ безбожними оканью Литвою, и ту пособи Богъ и крестъ честный и св. Софія Премудрость божія надъ погаными кн. Ярославу съ Новгородци, и отъяпа у нихъ конь 300 и съ товаромъ ихъ, а сами побѣгоша въ лѣсъ, пометавше оружія и щиты и совни (*длинные копья*) все отъ себе, а ииш ту костью падоша, а Новгородць ту убиша 10 мужъ: Ѳедора Якуновича тысячьского, Гаврила Щитника, Пѣгугина на Лубяничци, Нѣжилу сере-

бреника, Гостилца на Кузмодемьяни улицы, Ѳедора Ума князь дѣцков, другое городищанинъ, и ивѣхъ 3 мужевн. А поком, Госиоди, душа ихъ въ царствіи небеснѣхъ, пролившихъ крѣви своя за св. Софію и за кровь хрестьяньскую. (*I Нови, 49—50*).

377. Сказаніе о благовѣртіи князи Домонть и о храбрости его и. 1299.

Въ лѣто 6773 (1265) заратишася Литва межю собою, якоже и всегда бываетъ княземъ межю ииш брани иногы и кровопролитія о суетнѣхъ царствіи свѣта сего: и взя Вѣшегль (*Вешелскъ*) землю литовскую. Тогда блаженный князь Домонть съ дружиною своею и съ вѣшъ домохъ своимъ оставль отечество свое, землю литовскую, и приѣже въ Псковъ. Сій же кн. Домонть отъ племени литовскаго, первіе иишъ къ идоломъ служенію, по отчю преданію; егда же Богъ всхотѣ избрати собѣ люди новы, и вдохну во нь благодать св. Духа, и забну (*пробудилсѣ*) яко отъ сна отъ идольскаго служенія. И крещень бысть во имя Отца и Сына и св. Духа въ церкви св. Троици (¹), и наречено бысть имя ему въ св. крещеніи Тимошей; и бысть радость велика въ Псковѣ, и посадиша его на княженіи въ градѣ Псковѣ. И нѣсколицѣхъ днехъ поимъ съ собою Псковичъ ратныхъ мужъ, три девяноста (²), иде въ землю литовскую и отечество свое повоева, и княгиню Ерденовую (*Герденя*) полони тетку свою Еупраксію и дѣти ея, и вся иишнія ихъ, и возвратиса со множествомъ полона. И перебродившеся Двину, отѣха за ѿ вереть, и сташи шатры на бору чистѣ, а стражи поста-

(¹) Главная церковь во Псковѣ, который и назывался отчю или домохъ св. Троици, какъ Новгородъ землей св. Софіи.

(²) Народный счетъ, какъ тридевять.

ви на рѣцѣ на Двинѣ, Давыда Якуновича съ Лукою Литвиномъ; двѣ же девяностѣ мужь отпусти съ половомъ, а въ единомъ девяностѣ самъ ся оста, ждя (ожидаѣ) по собѣ погони. Герденю же съ своими князми дожа не бывшию, и прѣѣхаша въ домы своя, оже домове ихъ и вся земля ихъ плѣнена; и оплчнися Герденій, и Гортунтъ, и Люмбій, и Люгайло и прочіи князи, въ 7 стахъ рати, и погнаша въ слѣдъ Домонта, хотяще ѣ руками яти и лютой смерти предати, а мужій его Псковичь мечи изсѣчи. И пребродившися Двину рѣку, сташа на брезѣ; стражіе же видѣвше рать велику, пригнавшѣ повѣдаша Домонту, что рать пребродилася Двину. Домонтъ же рече Давыду и Лукѣ: «помози вама Богъ св. Троица на стражи вашей»; и пакы рече: «братіе мужи Псковичи, кто старъ то отецъ, а кто младъ, то ни братъ! слышалъ есми мужество ваше въ всѣхъ страввахъ; се же вамъ предложитъ животь и смерть; братіе моя, потягнете за домъ св. Троица и за св. церкви, за свое отечество». Тогда же бѣ приспѣлъ день вел. и славнаго воеводы мученика христова Леонтія; и помолися глаголя: «св. живонячальная Троица, и св. в. воевода Леонте, и благовѣрный княже Всеволоде! помозите намъ въ часъ сій на спротивныя врагы». И сіа рекши, двинушися, и тако божіею помощію единъ девяностомъ 700 ратныхъ побѣди. Тогда убіенъ бысть кн. в. литовскій Гортортъ, и нѣхъ князей много избилъ, а князя Литва въ Двинѣ истопошл, а нѣхъ Двина изверже 70 на островъ Гойдовъ, а нѣхъ на прочая острова, а нѣи въ пизъ по Двинѣ отплыша. Тогда же убіенъ бысть единъ Псковитинъ Антоній, сынъ Лочковъ, братъ Смолиговъ, а нѣи вси безъ вреда съхранени быша, помощію св. Троица и молитвою и воеводствомъ св. Леонтія и благовѣрнаго кн. Всеволода; и возвратишися съ радостію къ городу Пскову и съ многою корместію. И потомъ благо-

вѣрныи кн. Домонтъ испроси за себе в. кн. Дмитрія Александровича дщерь княгиню Марью. Пакы же, на другій годъ кн. Домонтъ съ мужи своими Псковичи иде въ посobie тестю своему в. кн. Дмитрію на Нѣмецъ: и биашся на Рымарѣ, и одолѣша. Потомъ по нѣколикѣ днехъ останокъ събравшися поганое Литины, и пришедше тайно взяша украинъ нѣколько псковскихъ селъ, и взретишися вскорѣ. Боголюбивый же кн. Домонтъ не стерпѣ обидимъ быти отъ и паденія поганыхъ Нѣмецъ, выѣха въ погоню въ пятихъ насадѣхъ съ 60-ю кн. Псковичъ: и тако божіимъ пособіемъ побѣди Нѣмецъ, на рѣцѣ на Миронковыхъ изсѣче, а нѣи истопоша въ мѣста а двѣ насадѣ бѣжаша въ шныя острова. Князь же Домонтъ ѣхавъ повелѣ заѣхати островъ, и егда начаша поганіи бити палииѣ травѣ, въсполнѣша огнемъ и палиси на нѣчь и шорты, и тако убіи ихъ апрѣля 23, на память св. великомуч. Георгія, помощію и молитвою св. Слышавъ же мѣстеръ земля Рымскій мужество кн. Домонта, съвокуди много мовоныхъ и ополчнися въ силѣ тяжцѣхъ Бога и приде ко Пскову, ови на корабляхъ а нѣи въ кораблѣхъ и въ лодіяхъ и шоры, хотяще плѣнити домъ св. Троица, а кн. Домонта руками яти, а иже Псковичь мечи изсѣчи, а не шортивный народъ жены и дѣти плѣнившѣ въ работу вѣсти. Слышавъ же Домонтъ, оплчающася люди безъ умножествѣ силы безъ Бога, и видѣвъ церковь св. Троица, и положивъ мечъ себѣ предъ олтаремъ господнимъ⁽¹⁾, падъ в ляшеся много съ плачомъ, оице глаголю: «Господи Боже слава! мы людіе твои овца пажити твоея, нѣя твоѣ призываетъ призри на кроткыя люди своя, и слышныя възвыши, и гордыхъ высокыя низ-

(1) Средневѣковой обычай—освящать оружіе в церкви для успѣшныхъ дѣйствій на войнѣ.

и низложи, да не опустѣетъ пажить овецъ твоихъ. Игумень же Сидоръ и весь іерейскій чинъ, взявше мечъ и препоясавше, благословиша ѱ. Домонтъ же въ множествѣ ярости мужества своего, не дождавъ полковъ новгородскихъ, съ малою дружиною съ мужи Псковичи выѣхавъ, разби полки ихъ, и самого местера раниша по лицу; они же трупя своа многу учаны (1) накладше отвезоша въ землю свою, а прочій останокъ ихъ устремишася на бѣгъ, м. іюня въ 8 день, на память пренесенію мощей св. мученика Феодора. По прохоженіи же нѣколика времени начаша Латина насмліе Псковичемъ дѣяти, мападеніемъ и грабленіемъ; боголюбивый же кн. Тимошей не стерпѣ обидимъ быти отъ поганыхъ Латинъ, ѣха съ мужи своими Псковичи и плѣни землю ихъ, и села чюдская пожже, и полона много приведоша въ землю свою. И пакы въ 33-е лѣто княженія Домонтова, отведѣ же во Псковѣ бысть, изгонивша Нѣмци безвѣстно ратью посадъ у Пскова, марта въ 4 день, и тогда убиша Василіа игумена св. Спаса, Іосафа игумена Снѣтныхъ горы, и черноризецъ много избивша и женъ и дѣтей, а мужей Богъ ублюде. Въ утрин же день поганіи Нѣмци остушиша градъ; князь же Домонтъ не стерпѣ дождати мужъ своихъ большая рати, выѣха съ малою дружиною, противу имъ ополчися, съ Иваномъ Дорогомиловичемъ. И помощію св. Троица побѣди я у св. Петра и у Павла на брезѣ, овѣхъ избивша и овыхъ раниша, а иніи метяхуся съ берега въ кручю, а самого Кумендера раниша по главѣ, а Велневиць руками нѣколько ихъ имше, послаша къ в. кн. Андрѣви, а прочіи воскорѣ повергше оружія устремишася на бѣгъ, страхомъ грозы мужества Домонтова и мужей Псковичъ. И баше тогда въ Псковѣ моръ вельми золъ; то-

(1) Учанъ—отъ слова чанъ, плоскодонное судно.

гда и благовѣрный князь Тимошей, мало поболѣвъ, преставися къ Богу въ вѣчную жизнь, м. маіа въ 20 день, на память св. мученика Фалелѣя. Баше бо милостивъ паче мѣры, священники люба, церкви украшая, нищя милуя, и вся праздники честно проводя, сироты и вдовица заступаая и обидимыхъ измая. И проводивша его священноиноки, и священники и дякони, мнѣхи и черноризци, и все множество людей; и тако святое и честное его тѣло положиша въ церкви св. Троицы, съ похвалами и пѣсньми духовными. Бысть же печаль и жалость велика тогда Псковичемъ.

(И. С. Лѣт. V, 6—8).

378. Родимичъ.

а) Въ лѣто 6813 (1305) (1) нача княжѣти Кнедимичъ Витуновичъ въ Литвѣ, въ Новгородку и Керновѣ, и воева на Русь крѣпко. Сидѣвъ время въреде, Премышлява короля полскаго убили самы Ляхы пядого, въ мѣстѣ Рогозномъ; а забили бояре лядскіи Налецъ и Заремба; Богъ сотворилъ отмщеніе ему, понеже онъ прежде жену свою, именемъ Лукерію, удави ради другое, которая просия у него, да въ единой ризцѣ пуститъ ю въ домъ; она бо бѣ рода князей сербскихъ съ Камубѣ, отъ Поморія Вардаскаго, отъ стараго града за Кдѣнскомъ. По немъ Ляхи избрали Вацлава ческаго на королевство свое, понеже Премышлявъ не имѣ сына; Владислава Локетка не восхотѣли взяти, сей Локетка много имъ зла въ земли творилъ, изогнали его изъ землѣ, ходилъ до Риму, жалуюся царѣ на Ляховъ,—онъ ихъ прокля. По смерти Вацлавовай избрали его собѣ паномъ. Имѣ у себе сына Каамитъра, за него же взятъ въ жену дочеръ

(1) Годы означены по лѣтву; слѣдуетъ—1313.

Кгедина кн литовскаго, поганку, и перекрести ю; и много Ляховъ полоненыхъ Литва вмѣсто дара брачнаго пусти, много бо зла Ляхомъ Литва, Жмонть, прежде сотвори, Ляховъ и Мазуровъ полками въ полонъ бра, сице Ляхъ единъ по гривнѣ, се есть по 10 грошей литовскихъ, въ Литвѣ и въ Руси Бѣлой продаванъ былъ, и на лошахъ и волахъ Литва межн собою ихъ замѣниваху... (*Ипат. 227*).

б) Паки Гедиминъ, кн. литовскій, Овруче и Житомиръ взять подъ кн. кievскимъ Станиславомъ. Въ то же время и самаго кн. Станислава кievскаго, и Лва лупцкаго, и Романа брянскаго и прочихъ порази, и Кіевъ подъ нимъ взять и потомъ Каневъ, Черкасы, Путывль, Брянско и Волянъ. Въ сіе лѣто Гедиминъ заложилъ мѣсто Троки и Вилно, брани же непрестанныя имѣлъ съ Ляхами, Крыжаками, Мазовшанами, плѣнилъ ихъ землю. (*Густынк. 348*).

379. Казимиръ.

а) Въ лѣто 6848 (1340) Казимиръ король Полскій, собрався и поиде на Русь: во 1, прійде м. апрѣля подъ Львовъ и облаго его, Львовяне же, не имѣюще ни откуду помощи, поддашася Казимеру королю, единаче варуючи собѣ, абы въ старожитной вѣрѣ никто имъ николи ничего не чинилъ; еже Казимиръ обѣща имъ. Они же отверзоша градъ и поддашася зъ обоими замками, высокимъ и низкимъ, идѣже Казимиръ обрѣте безчисленная сокровища и богатства, отъ золота и серебра и каменія многоцѣннаго; къ симъ же обрѣте тамо два кресты отъ золота чиста, посажена каменіемъ многоцѣннымъ, а въ единомъ бѣ часть животворящаго древа. Сей же нынѣ крестъ обрѣтается въ костелѣ на замку краковскомъ. Обрѣте же тамо и двѣ коронѣ отъ золота и каменія многоцѣннаго, и престолъ царскій отъ золота и каменія многоцѣннаго, и престолъ царскій отъ золота

и каменія, и одежду златотканную селеніемъ, и прочее, еже все добра Казимиръ и въ Краковъ отнесе. И потомъ и бравъ еще болшую силу, поиде на Русь взять, въ самую жатву, Володымеръ, Фемисль, Галичъ, Ловичъ, Санокъ, Луцкъ, Любочовъ, Трембовлю и проч. А потомъ сей Казимиръ король собравъ сейтъ, и вемъ же Рускую землю на повѣты и сведства раздѣли, и шляхту рускую еяною волностію зъ полскими волностями вокупилъ и утвердилъ, а потомъ Львовъ городъ обмурова; и оттогда сія повѣты иже доннынъ (1670 г.) при ладзкихъ вояхъ неотступныя остаются. Въ сіе лѣто Олгердъ Гедиминовичъ поять себѣ жену Юліану, дщерь витебскаго князя, ея же мѣсто крестился со всеми бояры и людьми⁽¹⁾.

б) Въ лѣто 6851 (1343). Дашко староста премыслскій, и Данишль острожскій и прочія князи боялися, абы Ляхи не чинили имъ якого насилія въ вѣрѣ, иже многихъ уже прелестиша на свою вѣру; збунтовавшися призваша множество Татаръ на Польскую землю; но Казимиръ король не пусти ихъ чрезъ Выслу. (*Густынк. 349—350*).

380. Походъ Олгерда на Новгородъ.

Въ 1346 г. в. кн. Олгердъ литовскій и братъ его Кестутей приидоша со всю литовскою землею, и стаща на Шелонъ на усть Шпагы рѣкы, а позывая Новгородцевъ: «хочю съ вами битися и восати города и волости, занеже ми лзалъ и садникъ вашъ Остафей Дворянинцевъ, и звалъ мя *исомъ*»; и взя Шелону и Голынь и Лугу до Сабля, а съ Поринскаго городка взя окупъ 300 рублей.

(1) Ульяна была дочерью тверскаго князя, зятя витебскаго и женился Олгердъ на 1340 г. а 1348 когда братъ его Любартъ взял за жужу дочь князя Константина ростовскаго (Ист. гос. рос. IV. и 351).

И Новгородци выѣхаша противу его до Луга и въспятишася въ городъ, и созвонивша вѣче на Ярославль дворѣ у св. Николы, и убиша посадника Остафія Дворянипча на вѣчѣ, а ркучи: «яко въ тебѣ волости наши понямы отъ Литвы».

(I Софіѳс. 225).

381. О приходѣ Олгердовѣ изъ Москвит.

Того же лѣта (1368) кн. в. Дмитрей Ивановичъ събра воа многи и посла на кн. Михаила Александровича тверскаго; князь же Михайло бѣжа въ Литву къ в. кн. Олгерду зятю своему, бѣ бо за нимъ сестра роднаа княже Михайлова, и жаловашася ему на в. кн. Дмитрея Ив., и просяше у него помощи себѣ и оборони, паче же самого поущаше итти къ Москвѣ ратью и сестру свою научаа глаголати ему. Послушавъ же его Олгердъ, и събра силу многу, и поиде къ Москвѣ въ силѣ тяжцѣ на в. кн. Дмитрея Ив., а съ нимъ братъ его Кестутей съ сыномъ Витовтомъ, и сынове Олгердови, и вся князи литовстїи, и кн. Михайло тверскїй, и смоленская сила. Ведяше же ихъ съ собою, а невѣдя того никто камо идыше; бѣ бо обычай его таковъ: когда ни поидяше на вой, то не вѣдяше мысли его ни кто же камо идеть, се творяше того ради, да не будетъ вѣсть земли той, на ню же идыше. И таковою козвїю многы грады и земли поима и повоева, не токмо силою, но и злохитроствомъ симъ. Тако же и сего похода его не вѣдуше на себѣ в. кн. Дмитрїю Ив., еже идеть на него Олгердъ съ силою, донележе приде близъ рубежу, и тогда бысть вѣсть в. кн. Дмитрїю; онъ же то слышавъ нача розсылати грамоты по всемъ городомъ своимъ, веля быти къ себѣ воемъ своимъ, и неуспѣ ничтоже: близъ бо уже пришедшу Олгерду, а его воини которїи не успѣша отъ

далнихъ мѣсть, но елици близъ его обрѣтошася, сихъ отпусти въ заставу противу Олгерда, еже есть сторожевый полкъ, а воеводство приказа Дмитрею Минину, а тѣ кн. Володимера Андреевича воевода бѣ Окиноу Федоровичъ, нарицаемый Шуба, а съ ними: Москвичи, Коломенци, Дмитровцы; Олгердъ же прешедъ рубежь и начатъ воевати порубежнаа мѣста, жещи и грабита, а люди сѣци, хотють же на стрѣчѣ уби кн. Семена Дмитриевича стародубскаго Кропиву въ Холмѣ, но семъ же въ Оболенецѣ уби кн. Константина Юрьевича Оболенскаго и донде рѣки Тростныи, и ту избїи сторожевый полкъ князя в., заставу московскую, и уби ту Дмитрея Минина и Акиноа Шубу и иныхъ многыхъ, м. декабря 21 въ вторникъ. Нача же Олгердъ спрашивати изыманныхъ: «гдѣ есть князь в. съ силою своею?» Они же отвѣщаху вси, яко единѣми усты глаголющи: «князь в. въ градъ своемъ Москвѣ, а рати не успѣли къ нему събратиса». И оттогѣ начатъ Олгердъ подвижнее быти, и болше дръновенїе прїимъ, напрасно устремися къ Москвѣ, и пришедъ ста около града, посадъ же прежде ихъ пожженъ бысть приметю дѣля; князь же в. Дмитрей Ив. и кн. Володимеръ Андрѣевичъ и Алексїй м-тъ въ градъ затворившася, съ ними же боаре ихъ и вси прилучившїе тогда съ ними и вси христїане. Стоавъ же Олгердъ у города 3 дни и 3 ноци, отънде прочь, неуспѣвъ граду ничтоже; но остатокъ пожже, и монастыри, и церкви и волости и села почала, а христїаны изсѣче, а ны въ полонъ поведе, иже не успѣли разбѣжатися, шївнїе же ихъ пограби, и много зла сътворивъ възвратися въ землю свою. Се же пръвое зло Москвѣ отъ Литвы сътворися: отъ Федоричиковы бо рати татарскїе въ 40 и въ едно лѣто таковое ино не бывало ей ничтоже.

(Ш. С. Лѣт. VIII, 15—16).

382. О второиъ походѣ Олгердовѣ къ Москвѣ.

Князь Михайло прибѣгъ въ Литву (1370), и нача намовати в. кн. Олгерда зятя своего, дабы мстилъ его отъ в. кн. московскаго; Олгердъ же послушавъ князя Михаила и поиде вдругіе про него къ Москвѣ на в. кн. Дмитрія Ив. съ силою многою, съ нимъ же братъ его Бѣстутій и вси князи литовстїи, и кн. Святославъ смоленскій съ силою смоленскою, и кн. Михайло съ Тееричи. Приде же Олгердъ съ свѣими силами къ Волоку и ста около города, тогда же на мосту у града стоаша кн. Василей Ив. березуѣйскій, бѣ ту воеводствуа; вѣкій же Литвинъ единый утаюся отъ рати, иде подъ мостъ той; и сквозъ мостъ пронзе князю сулицею (*копьямь*), и отъ тоа язвы и разболѣвся, и постригся въ чернцѣи преставися. Олгердъ же неуспѣвъ граду Волоку ничтоже, и поиди отъ него къ Москвѣ, и пришедъ ста около Москвы декабря 6 на Николинъ день; а кн. в. Дмитрій Ив. затворися въ градъ, а Олексій м-тъ въ то время бѣ въ Новгородѣ въ Нижнеиъ, а кн. Володимеръ Андрѣевичъ съ силою собравшеся стоаше въ Черемышли и опочившеся; ту же приде къ нему кн. Володимеръ Дмитревичъ пронскій, съ нимъ же рать рязанскаа. Слышавъ же то Олгердъ убоися, и нача мира просити; князь же в. Дмитрій взя съ нимъ миръ до Петрова дни, Олгердъ же въсхотѣ вѣчнаго мира, и тако смирися, поиде отъ Москвы въ свою отчину, и идяше съ многими опасеніемъ, бояся за собою цюгани. Стоа же тогда Олгердъ у Москвы 8 днѣи, и посадъ поуже, но не весь, а волости повоева и поуже, а люди въ полонъ веде...

(П. С. Лѣт. VIII, 17).

383. Битва подъ Мстиславлемъ.

Того же лѣта (1386) бѣшася и съ Смоляны подъ г. подъ Мстиславлемъ и на томъ съступѣ убиша кн. вел. Святослава смоленскаго, и брата ево Ивана, а кн. Глѣба изымаша... А въ говѣніе на средокрестной недѣли, и въ 22, кн. вел. Святославъ Ив. смоленскій съвокупи около себе силу великую съ-имъ братаничъ ево кн. Иванъ Вада кн. Глѣбъ Святославичъ, и бѣ его Юрьи, и поиде ратью къ г. Мстиславлю, занеже Мстиславъ цю того бѣ городъ смоленскій; но отняли за себе, онъ же хотяше отъ Литвы отяти; идуще же во землю Литовскую, а кого гдѣ изымучаху нещадно различными казньми, жей и женъ и дѣтей, а иныхъ въ мнѣи насажавше зашрающе зажиа младенци на колы встыкаху. И въ Святославъ къ Мстиславлю на стра недѣли въ среду м. апр. 18 д., граде не же затворишася въ градъ, а на никъ у нихъ бѣше Коригаило; и съ Смоляны и видѣша въ полѣ, и севися стягъ (*знамя*), еже есть грати литовскія, въ немъ же бѣ кн. Скиригаило Олгердовичъ, а мало и другій полкъ кн. Корибутъ братъ а третій полкъ кн. Семіонъ Лугвѣнъими же вкуиъ и кн. Витовтъ Кутѣвичъ, и ти полца литовстїи бяхоу идуще на поле. Смоляны же видѣ смутшася, и начаша скорѣе въ крутитися, и повдоша къ бою обои и противу себе, и съступшася на подъ Мстиславлемъ, на р. на Велр людїе граждане стоаше на забралахъ *стѣнахъ, на заборахъ*), зряще сърода; а бысть имъ бой надолгъ, и семь князи литовстїи Олгердовичи дѣша, а Смоляны побѣени быша, а чинъ вдаше тылъ побѣгоша. И убѣсть кн. Святославъ, сынъ Иванъ

внукъ Александровъ, правнукъ Глѣбовъ, отъ нѣкоего Ляха въ дубравѣ; наѣхаша его ели жива суца, ту же и скончаша. Также и братанича его убиша Ивана; а сыновъ Святославлихъ поимаша Лятва и поведоша я, прочихъ Смоленянь бояръ и слугъ побивша, а иныхъ живыхъ поимаша, а друзи бѣжаще назадъ къ рѣцѣ къ Вехрѣ истопоша. Князи же литоветин такожде погнаша въ погоню за ними изгоною къ г. къ Смоленску, и пришедъ подъ городъ взяша окупъ съ города, а тѣлеса избѣеныхъ князей въдаша, а всю свою волю ваяша, вся елико въсхотѣша и створиша; а на княженіи на Смоленскомъ изъ своей руки посадиша кн. Юрья Святославлича, а брата его кн. Глѣба съ собою поведоша въ Литовскую землю, и оттолѣ поидоша во свояси съ вел. побѣдою. Се бысть побойще м. апр. 29.

(П. С. Лѣт. IV, 92—93).

384. Листъ перемирный Бориса Александровича в. кн. тверскаго съ в. кн. литовскимъ Витовтомъ 1393.

Се язъ, кн. в. Борисъ Александровичъ тверскій, взявъ еси любовь такую съ своимъ господиномъ съ дѣдомъ в. кн. литовскимъ Витовтомъ и многихъ рускихъ земель государемъ, быти ми съ нимъ за одинъ при его сторонѣ и пособляти ми ему на всякого не вѣдая; а господицу моему дѣду в. кн. Витовту, мене в. кн. Бориса Александровича, своего внука, боронити отъ всякого думою и помочію; а въ земли и въ воды, и во все мое в. княженіе тверское моему госп. дѣду в. кн. Витовту не вступатися; а дядемъ моимъ, и братьи моей и племени моему, княземъ, быти въ моей послуш. Я кн. в. Борисъ Александровичъ воленъ, кого жалую, кого казю; а моему г. дѣду, в. кн. Витовту не вступати-

ся; а который всхочетъ къ моему г. дѣду, къ в. кн. Витовту со отчиною, и моему г. дѣду, в. кн. Витовту, со отчиною не приймати; поидеть ли который къ моему г. дѣду къ в. кн. Витовту, и онъ отъ отчины лишень, а въ отчинѣ его воленъ я, в. кн. Борисъ Александровичъ: а моему г. дѣду в. кн. Витовту не вступатися. А рубежъ отчинѣ моего г. дѣда, в. кн. Витовта, по старинѣ; а которые мѣста порубежными потагли будутъ къ Литвѣ или къ Смоленску, а податъ будутъ давали ко Тѣери, ино имъ и нынѣчи тягнута по старому; а которые мѣста порубежными потагли будутъ ко Тѣери, а податъ будутъ давали къ Литвѣ или ко Смоленску, то имъ и нынѣчи тягнута по давному, а податъ давати по давному. А што вчинится межѣ вашими людьми и нашими, и волостели наши вчинять исправу: а чому наши волостели не вчинять исправы, и намъ съѣхався да вчинять исправу безъ перевода; а земли и водѣ и всему обидному дѣлу межѣ нами судъ обчымъ; а што будетъ вчинилося въ нашей любви и въ нашихъ перемиріяхъ, тому всему судъ и право безъ перевода; а судити судьямъ обчымъ цѣловать крестъ; а е што ся сопруть судьи, ино положити на моего г. дѣда, в. кн. Витовта; а суженое, заемное, положеное, поручное отдати по исправѣ; а холопа, робу, должника, поручника, тата, разбойника, выдати по исправѣ. А людемъ нашимъ ростемъ гостити межѣ насъ путь чистъ; безъ рубежа и безъ пакости, и пошлины имати съ моихъ тверскихъ людей въ моего г. дѣда, в. кн. Витовтовъ отчинѣ въ Смоленску, въ Витебску, на Кіевѣ, въ Дорогобужѣ, въ Вязьмѣ и по всему его в. княженію, по давному, а новаго не приимляти; а по моей отчинѣ, кн. в. Бориса Александровича, пошлины имати съ людей моего г. в. кн. Витовта, во Тѣери, въ Кашинѣ, въ городку въ Зыбцовѣ, и по всему мое-

му в княженію, по давному, а новаго не примыслати. А на семъ на всѣмъ я кн. в. Борисъ Александровичъ далъ есьми правду своему г. дѣду в. кн. Витовту, и крестъ цѣловалъ къ нему, а по сей ми грамотѣ правити. Писанъ въ Тѣери въ лѣто 6901 августа 3, индиктъ 5.

(Сборникъ Муханова № 1).

385. Подчиненіе Смоленска.

Въ лѣто 6913 (1405) Витовтъ съ Олгердовичи, съ Корнбутомъ, съ Лугвенемъ, и съ Свѣтригайлонтъ, и со всею силою приде ратью къ Смоленску; а кн. Юрьи затворися въ городѣ со всѣми Смоленяны. Витовтъ же весну всю стоявъ, колико бився и тружався и пушками бивъ, не може его выстоять, градъ бо Смоленскъ крѣпокъ бѣ великъ; 7 недѣль бытъ, и потомъ по велицѣ дни отступи прочь, а по зажитъемъ и по волостемъ смоленскимъ много зла учини. А кн. Юрьи, сослався съ Васильемъ съ кн. съ московскимъ, выѣха изъ города не во мнозѣ дружинѣ, а княгыню свою остави съ бояры въ Смоленскѣ и приказавъ имъ ждати себе первой срокъ, и на другій, и на третей; а самъ пріѣха на Москву и билъ чоломъ кн. Вас. Дмитрѣвичю, давался ему самъ и со всѣмъ своимъ княженіемъ смоленскимъ. Кн. же Василій не пріи его, ни всего его княженія, не хотя измѣнити къ Витовту. Егда же бысть кн. Юрьи на Москвѣ, а въ то время Витовтъ собравъ силу многу и ста у Смоленска; граждане же не могуще терпѣти глада въ градѣ, изнеможеніемъ и отъ всякая истомы градъ Смоленскъ (перевѣтницѣ) предаша Витовту. Се бысть послѣднее плѣненіе Смоленску отъ Витовта, въ Петрово говѣніе, м. іюня въ 26 д. въ четвергъ. И тако Витовтъ взя градъ и все смоленское

княженіе за себе, а княгыню Юр поймавъ сосла ѿ въ Литовскую за а князей смоленскихъ поймавъ и бы которыхи хотѣли кн. Юрью добра, а разведе и растоци, а иныхъ вѣдѣ въ Смоленскѣ свои намѣстники и Ляхы, и тѣмъ Ляхомъ предасть и держати, а по кн. по Юрья послѣ взысканіе. И кн. Юрьи то слышавъ сыномъ своимъ съ Федоромъ, съжаи въ горести душа, побѣжа съ Москы Новгородъ; и тамо Новгородци пріи въ честь и города подаваша ему и

(П. С. Лѣт. IV, 145).

386. Опустошеніе Псковской области.

а. Въ лѣто 6914 (1406) пріи ганный отступникъ правыя вѣры хриския и отметникъ божий, сынъ діаволъ вѣрникъ правдѣ, ни крестному цѣмъ кн. литовскій Витовтъ, съ мнозекъ ратныхъ, а миру не отказавъ, ни наго цѣлованія сложивъ, а розметну моту псковскую отсла къ Новгороду самъ изгономъ пришедь градъ Коложа а люди суцая въ градѣ и по волостехъ изстѣче, а во плѣнъ сведо душъ 11 тысяць, мѣс. февр. въ 5. Черкисовѣ недѣли въ пятокъ; и много учинивше, отъидоша прочь. И не по времени, того же мѣс. февр. въ 28, посадникъ Козачковичъ пойма съ мало дружины, охвочихъ людей Пско Изборянъ, Островичъ, Вороначанъ, Іанъ, и шедше повоеваша Ржову и а на Лукахъ на Великихъ и стягъ колескый взяша; и возвратишася со мнозю волъ колона. А къ Новгородцамъ тогда слаша Псковячи послы своя и биша челтыбы пособили противу Литвѣ, они прислаша нѣколько мужей своея силы съ лукавствомъ глаголюще: «намъ В. городъ не указалъ, ни владыка благослю

йти на Литву; идемъ съ вами на Нѣмци; и Псковичи отрекоша имъ по лукавству сердца ихъ, они же возвратишася.

6. Того же лѣта (1407) князь мостерь събравъ силы многыя, и задвинскую силу курскую подъямъ, приде отъ Бѣлого Камени въ землю Псковскую, мѣс. авг. въ 18 д., а Псковичи безъ пригородовъ поидоша противу имъ, токмо совокунившие волости своя, и усрѣтоша ихъ на броду у Выбута, а броды вси бяху затворены вѣрами⁽¹⁾, и стояша поганіи ту 4 дни, и многожды хотиху преобрести рѣку, и не возмогоша, Псковичемъ бѣоущемся съ ними, и поидоша прочь, а не учинивше ничтоже; и Псковичи идоша въ слѣдъ ихъ, и постигоша ихъ за Камномъ на Логовицкомъ поли, а Нѣмци станы сташа, въ недѣлю о вечернемъ годѣ, авг. въ 21 д., на память св. апост. Фаддея и св. муч. Вассы; и Нѣмци вскорѣ исполчишася, и тако Псковичи удариша на нихъ, и много бившеся одолѣша Нѣмци, а Псковичи побѣгоша, и убиша на сеступѣ Елентіа посадника, и Картата посадника, и Панкрата посадника, и бояръ много, а всѣхъ людей убиша 700 чел., и маде тогда и Нѣмецъ много. А въ то время иная рать Псковская ѣздиша въ лодяхъ и въ насадахъ за Норову, и егда быша на Псковскомъ озерѣ въ Осатиѣ, и Нѣмци въ шнекахъ постигше ихъ ударишася на нихъ: и Псковичи пометавше 7 насадовъ и прочіи посуду, и побѣгоша, и прибѣгоша ко Пскову пѣшь. И бысть Псковичемъ тогда многыя скорби и бѣды, ово отъ Литвы, а иное отъ Нѣмцевъ и отъ своелъ братья отъ Новгорода, ово смерти належаши, а все то Богу попустившю грѣхъ ради нашихъ. И егда коли бяхе кн. Константинъ въ Псковѣ, тогда бяхе овсяная зобница по гривнѣ, а ржи по 3 мѣрѣ за

⁽¹⁾ Воръ, воровъ—загорожа изъ жердей.

полтыну, а соль по гривнѣ да по 8 мордокъ пудъ, а полтына серебра 15 гривенъ.

(Ш. С. Лѣт. V, 19. 20).

387. Нашествіе Витовта на Псковъ.

а. Въ лѣто 6934 (1426). За старымъ Коложеиѣ, на Камени озерѣ, бысть знаменіе: отъ иконы св. Блгородица идыше кровь, м. септемвриа въ 16 д.; сіе убо знаменіе прояви нахоженіе поганого кн. Витовта, и многое пролитіе христіанскихъ кровей. Того же лѣта, м. іуниа въ 29, на самъ Петровъ день, поганый кн. литовскій, отступникъ христ. вѣры, Витовтъ разверже миръ съ Псковичамъ, и Псковичи послаша въ Новгородъ ѡмъ и челомъ, абы помогли; и не помогло, но еще и послаша Александра Игнагьеича къ Витовту на псковское оло. И егда мимоиде 4 недѣли и 4 днѣ, и онъ грѣдый князь Витовтъ, собравъ силы своя многыя и Татарь множество, приде преже къ Опочкѣ мѣс. авг. въ 1 д., и начаша прилѣжно къ городу лѣзти, а Опочани бяхуть ихъ ово каменьемъ, ово колодемъ, отъ заборолъ отсѣкая, и множество ихъ побиша; и много поганіи всеу трудившеся, 2 дни и 2 ноци стояше отъидоша, не учинивше граду ничтоже, Богъ бо св. Спасъ блюдише градъ⁽¹⁾. И тако възъярився приде къ Вороначю, авг. въ 5 въ понедѣльникъ; и иччинивше пороки, шибяху на градъ каменіе великое. И бѣ Вороначаномъ притужно велики, и послаша гонца ко Пскову, чтобы печаловалися о нихъ, и Псковичи послаша къ Витовту посадника Ѳедора Шибалкина, а съ нимъ бояръ, и

⁽¹⁾ См. Никон. лѣт. подъ 1426 г.

биша много челомъ; онъ же челобитья не приятъ. И тако начаша прилѣжнѣ къ городу лѣзти, пушками шибая и пороками. И приспѣвши нощи, и бысть чудо страшно: внезапно ванде туча страшна и грозна, и дождь силенъ, и громъ страшень, и мльвіа безпрестани блистая, яко мѣти уже всѣмъ отъ дождя потопленнымъ быти, ази отъ грому каменіемъ побіенымъ быти, или отъ мльвіа сожженнымъ. А Вороначани безпрестани съ слезами молахуся Богу и св. муч. Христову Георгію о избавленіи града; а Псковичи видѣвше, что Витовтъ челобитья ихъ не пріа, ожгоша посады своя. И Витовтъ въ велицѣ страхѣ бывъ, и призва къ собѣ Вороначанъ и обольстивъ ихъ взя съ ними перемирье, и Вороначани послаша гонца своего ко Пскову, и Псковичи послаша къ кн. Витовту Якимъ посадника, и Ѳедоса посадника, и вѣхъ бояръ. Еще же и о семъ повѣмъ: а въ засаду къ Котелну городу тогда же послаша посади. Селивестра и посади. Ѳедора Шибалкина, и съ ними 400 мужъ, а Витовтъ слышавъ то, посла къ Котелну 7000 мужъ Литвы и Татаръ, а Псковичемъ того не вѣдущимъ; и егда быша Псковичи подъ Котелномъ, удариша на нихъ Литва и Татаре и убиша Псковичъ 17 мужъ, а руками яша 13 мужъ, а Псковичи съ ними бишася, побѣгая къ городку, и побиха Литвы много, и тако вбѣгше въ Котелно и затворишася. А Островичи тогда ходиша торономъ (*набѣгомъ*) къ Велью, и наѣхаша на ночлезѣ Татаръ и убиша отъ нихъ 40 мужъ, а мало ихъ убѣжа, а иныхъ подо Вревомъ Вревичи побиха. Мы же сіа оставльше на предняя возвратимся. И пріѣхавше Якимъ посадникъ и Ѳеодосій биша много челомъ и срядишася дати 1000 рублевъ, и взяша миръ съ кн. Витовтомъ авг. 25, а полоненныхъ вдаде на поруку посадникомъ; а срокъ положиша привезти серебро 1000 р. и полоненныхъ всѣхъ въ Вяли

поставити предъ кн. Витовтомъ на крещеніе господне, и отъидоша.

6. Въ л. 6935 (1427), и септврѣ въ 5 д., бысть знаменіе въ сани около солнца 6 явися круговъ, и кругъ за кругъ связался, и различни цвѣтами, овъ чермень (*красный*), и зеленъ, а иный жолтъ. Того же и Псковичи послаша къ в. кн. Васильевичю Юрья посади. Тимоѣевича, съ нимъ бояръ, и биша челомъ, что послалъ своихъ бояръ къ дѣду сво кн. Витовту, и вдарили бы челомъ Псковичъ; и бише ему тогда брань и ка съ кн. Юрьемъ стрыемъ своимъ вел. княженіи, нъ обаче о всемъ не брегъ, вресеша (*отвернулся*). И зиму присла князь в. своихъ бояръ въ Псковъ и Псковичи послаша съ ними посади. Яма Павловича, и посади. Ив. Сидорова и иныхъ бояръ, и даша имъ речеи Витовту серебро, и поставиша плѣнен предъ кн. Витовтомъ и серебро полова 1000 р., и много биша челомъ; онъ поганый немилостиво имѣа сердце, съзя, а плѣненыхъ на крѣпости полова. Того лѣта умножи Богъ всякого обилѣба въ Псковѣ по 7 зобницъ ржи полтыну, а говядь 3 яловичи (*кортелки*) на полтыну.

в. Тоя же осени (1431) умре и ный кн. литовскій Витовтъ, и сѣде столѣ его кн. Свитригаило Олгердовичъ. Въ лѣто 6940 (1432). Послаша Псковичи къ кн. литовскому Свитригаилу Яма посадника, и Алексѣя Ефремовича, вѣхъ бояръ, и биша челомъ о ми и Свитригаило дастъ миръ и рубе земли и водѣ, по старинѣ, по крестни цѣлованію кн. Витовта; и утвердивъ миръ, цѣловаша на томъ крестѣ.

(*П. С. Лит. V. 25. 26. 27*)

O narodach Litewskich. *Пашкеви* 1329. Lithanische Märchen, sprichwörter, Räthsel und Lieder. *Августа Шли*

Хера. Веймаръ. 1857. *Obraz Litwy. Яроше-
мича*. Вильно. 1844. *Лѣтописецъ Литвы и Хроника
Русская. И. Даниловича*. Вильно. 1827 г. *Его
же*: О Литовскихъ Лѣтописяхъ Ж. М. Н. Пр.
1860. № 11. Лѣтопись князей Литовскихъ. А. Н.
Попова. Уч. Зап. Акад. I, III. 21. Литовское
племя и отношеніе его къ Россіи. *Костомарова*.
Рус. Сл. 1860. № 5, 1—100. Свѣтригайло.

А. Коцебу. Библ. для Чт. 1835, XIII, 25. Бѣглый
взглядъ на исторію Литвы. *Бандтке*. Вѣстн. Евр.
1826. ч. 146. № 7. 191. Латыши и Литва. Сынъ
От. 1842. 1. 40. 1838. II, 164. 1839. XI, 115.
Древности Литвы. Сѣверн. Архивъ. ч. 1, № 3.
221. Могилы древ. Ливонъ. *Бѣра*. Библ. для Чт.
1853. CXVII. 29—44. Ливонія. Сынъ Отеч. 1822.
LXXVII 3

В. СТАТЬИ ИЗЪ НОВЫХЪ СОЧИНЕНІЙ.

388. Слѣдствія татарскаго нашествія.

Татарское нашествіе произвело сильное впечатлѣніе на людей религіозныхъ. Они приписывали его гнѣву божію, карѣ за недостойную жизнь народа, которая и прежде возбуждала въ нихъ отвращеніе. Найдя такимъ образомъ причину страшныхъ бѣдствій, они еще внимательнѣе начинаютъ вглядываться въ окружающую жизнь и приходятъ въ ужасъ отъ ея противорѣчій съ требованіями христіанской жизни. Теперь въ нихъ возбуждается энергія дѣйствовать на народъ сильнымъ обличительнымъ словомъ, призывать къ покаянію, къ благочестивой жизни, развивать взаимную любовь для единодушія, которое необходимо было, чтобъ свергнуть съ себя тяжелое ненавистное иго. Жизнь, несогласная съ христіанскими понятіями, замѣчается не только въ народѣ, но и въ средѣ духовенства. Такъ обр. за совершившійся страшный фактъ оправдывается провидѣніе, допустившее его. Напуганное воображеніе слагаетъ всю вину на народъ. Теперь уже нельзя было удивляться въ монастырскихъ стѣнахъ: нужно было такъ или иначе дѣйствовать. М-тъ Кирилль II созываетъ во Владимірѣ соборъ епископовъ, чтобы дать правила для жизни духовенства сообразно съ православымъ идеаломъ. Положено было уни-

чтожить всякую симонію, которая, какъ видно, распространялась между духовными лицами: «семью гривнами на клирошанъ должна была ограничиваться вся издержка попа или дьякона». «Мздоимцы да будутъ извержены изъ церкви и ходатайствующіе за нихъ прокляты». Рабъ не могъ быть поставленъ, не принявъ отпуски отъ своего господина. Житіе ставленника должны были свидѣтельствовать 7 священниковъ и добрыя сосѣди, знавшіе его съ дѣтства. Не одни преступленія важныя мѣшали ставленію: кто отдавалъ деньги въ ростъ, удручалъ слугъ голодомъ и наготою, страдоу убѣгалъ дани, *чародѣйствова*лъ, не могъ быть ни попомъ, ни дьякономъ, ни даже причетникомъ. Въ священники ставили возрастомъ не менѣе 30 лѣтъ. Пьяницы всѣ отвергались, если не покаются: «лучше одинъ достойный служитель алтаря, нежели тысяча беззаконныхъ»... (*Ист. Шевыр. т. III, стр. 27—28*). Черезъ 10 лѣтъ (1284) м-тъ Максимъ собираетъ соборъ въ Кіевѣ, гдѣ составлены правила, касающіяся другихъ предметовъ. Тотъ же Кирилль II по свидѣтельству лѣтописей проходилъ города всей Руси, неутомимо училъ,ставлялъ, исправлялъ. Г. Шевыревъ приводитъ коротенькое его Слово, характеризующее его ученіе, основанное на любви и снисхожденіи. Оно было сказано

ростовскому епископу Игнатію, который, въроатно, желая дать сильный примѣръ своей паствѣ, приказалъ вынести прахъ покойнаго ростовскаго князя Глѣба Васильковича изъ соборной церкви и просто закопать въ землю. «Не возносись, не считай себя безгрѣшнымъ, сказалъ ему Кириллъ: не столько запрещай и отлучай, сколько освобождай и прощай; прощенье грѣхамъ нашимъ мы обрѣтаемъ въ прощеніи братій нашихъ, милость господня скрывается для насъ въ личности нашей къ ближнему. Плачься чадо и кайся до смерти о своей безстыдной дерзости, ты прежде суда божія осудилъ уже скончавшагося; а отъ живого ты принималъ дары; ты ѣлъ и пилъ съ нимъ, ты живалъ у него и веселился съ нимъ; когда можно было его исправить, ты не исправилъ и нынѣ ли исправить хочешь мертваго жестокимъ отлученіемъ? А ежели желаешь сотворить ему помощь, твори ее милостынями нищимъ, молитвою и божественною службою». (*Ист. Шевыр. III, 32—33*)... Съ энергическими словами обращался къ народу и суздальскій епископъ Серапіонъ, указывая на народныя бѣдствія отъ Татаръ и на причину ихъ, нехристіанскую жизнь людей, за которую Богъ и караетъ ихъ... Но проповѣдникъ требовалъ слишкомъ быстрой перемѣны въ своихъ слушателяхъ. Онъ упрекаетъ ихъ, что видятъ слишкомъ мало плодовъ отъ своего ученія: «Много разъ я говорилъ вамъ, но не вижу въ васъ перемѣны... Чѣмъ мнѣ утѣшиться, чѣмъ обрадоваться? Всегда сѣю въ ниву сердца вашихъ сѣмя божественное, и никогда не вижу, чтобы оно прозябало и плодъ породило... Я, грѣшный, всегда учу васъ, дѣти, велию вамъ каяться, вы же не перестали отъ злыхъ дѣлъ». Впрочемъ онъ хвалитъ ихъ и радуется тому, что они ходятъ съ великою любовью въ церковь и стоятъ съ благоговѣніемъ. «О если бы, при этомъ воскликаетъ онъ, я могъ наполнить сердце и утробу cadaго разума божественнаго!»

Конечно, всѣ эти рѣчи не могли дойти до народа. Они обращались въ себорныхъ церквахъ къ горожанамъ. Общія бѣдствія действительно сблизили ихъ съ духовенствомъ, которое въ лицѣ епископовъ и митрополитовъ и епископовъ стало дѣлать и практиковать въ отношеніи къ народу, и религиозное вліяніе на воображеніе массы стало сильнѣе. Горожане мало-по-малу действительно успѣли отстать отъ язычества и даже подъ вліяніемъ дѣйствій, иногда одушевлялись энтузіазмомъ противъ языческихъ явленій гнѣздившихся еще по деревнямъ въ сельскомъ населеніи. Они стали выказывать свою ревность къ христіанству въ сожженіи волхвовъ, которые появлялись и народѣ, такъ что тѣ же самые проповѣдники, настроившіе на религиозный путь ихъ воображеніе, должны были сильными словами и укорами сдерживать ихъ энтузіастическую ревность...

Такъ обр. первое слѣдствіе суроваго татарскаго владычества выразилось въ возбужденной дѣятельности, которая съ юга мало по малу переходила на сѣверо-востокъ, гдѣ народъ былъ еще въ самомъ грубомъ состояніи; югъ сталъ пустѣть отъ татарскихъ набѣговъ и отъ выселенія многихъ жителей на сѣверъ. Въ прежнемъ идеалѣ духовенства теперь особенно выдается одна черта, вызванная временемъ—это безпрестанное покаяніе и сокрушеніе о грѣхахъ своихъ, которые накали на Русь страшное бѣдствіе. По дѣятельности его—призываніе къ покаянію и благочестивой жизни. Понятно, что при такомъ стремленіи число монастырей должно было значительно увеличиться. Г. Шевыревъ насчитываетъ, что уже въ XIII ст. основано было 22 монастыря, а въ XIV доходитъ число ихъ до 80, если не болѣе. (*Ист. Шевыр. стр. 187*). Въ одномъ безыменномъ ученіи, обращенномъ «ко всѣмъ христіанамъ», советуется любить монастыри, п. ч. они

панища сего свѣта, сыновья свя-

»Входя въ нихъ, вы увидите, какъ въ пасеть свое стадо; одинъ черне говоритъ страха ради божія, возносить руки и сердце горѣ, а вржитъ долу, тотъ плачетъ въ своей и лежитъ ницъ; тотъ работаетъ полоненный, тѣ заняты дѣломъ, стоятъ въ церкви будто каменные подвижные, возсылая молитвы къ за весь міръ».

ѣ та монастырская жизнь, привлеченіи людей, воображеніе которыхъ съ стороны было напугано, съ другой влено на релігіозный путь. Этотъ сдѣлался единственнымъ для всѣхъ лхъ натуръ, которые искали себѣ ьности или высшаго духовнаго про- нія: никакихъ другихъ поприщъ для творенія духовныхъ стремленій че- 1 болѣе не было. Усвоивъ себѣ ическій идеалъ, сообразно съ нимъ располагали и свою жизнь и дѣя- сть. Так. обр. въ монастыри пе- 1тъ изъ князей, изъ дружинъ, изъ янъ; монашество быстро увеличи- 1. Въ число важныхъ добрыхъ дѣлъ ежнему ставится милостыня—раз- итѣнія нищимъ и монастырямъ. 1естивые люди дѣйствительно завѣ- , монастырямъ села. Многіе князья строятъ монастыри и щедро надѣ- ихъ, чтобы они могли надѣлать

уры дѣятельныя и страстныя, оду- 1ныя своимъ монашескимъ идеаломъ, 1самой суровой аскетической жизни, 1отся въ глушь, въ лѣса, и въ де- 1юселяются и собираютъ вокругъ се- 1дражателей, и вотъ основывается 1монастырь. Строгій пустычникъ 1аетъ славы, о немъ говорятъ въ 1востяхъ, къ нему стекается на- 1дивится его жизни, полной лишеній 1овъ, слушаетъ его ученіе. Вотъ 1образомъ распространились хри-

стіанскія понятія по деревнямъ и селамъ. Это было дальнѣйшее слѣдствіе татарскаго владычества. Монастыри наполнялись нерѣдко людьми, утомленными трудною жизнью, вѣчною боязнію огня и меча татарскихъ полчищъ, разграбленными, лишившимися родныхъ, захваченныхъ въ полонъ. Пристанищемъ и мѣстомъ успокоенія имъ служили монастыри, которые пользовались привилегіями отъ Татаръ и были безопаснѣе всякаго другаго жилища. Были между энергическими дѣятелями и такіе, которые отправлялись для распространенія христіанства въ мѣста, гдѣ еще господствовало язычество...

При особенномъ релігіозномъ направле- нии духа въ монастырскихъ стѣнахъ, послѣ смерти каждаго благочестиваго дѣя- теля, быстро составлялись о немъ сказа- нія по тому аскетическому монашескому идеалу, который привлекалъ воображеніе набожныхъ людей. Основаніемъ этихъ сказа- ній, конечно, были дѣйствительные фак- ты изъ его жизни, и вотъ они наконецъ записывались какимъ либо грамотнымъ монахомъ, иногда распространялись и раз- украшивались разными риторическими кра- сками и въ такомъ видѣ переходили въ послѣдующія поколѣвія. И иногда изъ та- кихъ сказаній составлялись сборники подъ названіемъ Прологовъ и Патериковъ, обра- зцомъ которыхъ служилъ патерихъ печер- скій, составленный еще въ XIII ст.

Так. обр. мало по малу въ разныхъ областяхъ составились свои мѣстныя свя- тыни, равно какъ и мѣстныя сказанія, до- стойныя полнаго вниманія историка лите- ратуры; но ихъ только начинаютъ у насъ разработывать, и нѣтъ сомнѣнія, что впо- слѣдствіи, при болѣе подробной разработ- кѣ, они доставятъ богатый матеріалъ для исторіи...

И доселѣ еще каждый изъ древнихъ городовъ, каковы Новгородъ, Муромъ, Ро- стовъ, Рязань, Смоленскъ, Псковъ сбе- регли свои мѣстныя преданія и сказанія,

которыя даютъ особую нравственную фазіономію каждому изъ нихъ. Эти мѣстные особенности обязательны для всякаго русскаго человѣка, п. ч. всѣ вмѣстѣ составляютъ они его завѣтное національное сокровище.

Г. Буслаевъ такимъ образомъ характеризуетъ Москву сравнительно съ другими городами: »Мрачнымъ тономъ отличаются преданія объ основаніи нѣкоторыхъ московскихъ святынь... Татарщина захватила своимъ темнымъ колоритомъ мѣстные сказанья и нѣкоторыхъ другихъ народовъ сѣверовосточной Руси, но не такъ полно и всецѣло обняла всѣ элементы жизни, какъ въ Москвѣ... Изъ самыхъ отношеній къ Татарамъ Москвы и другихъ городовъ уже явствуетъ, что нравственные понятія, состоявшія тогда преимущественно въ противоположеніи русскаго и христіанскаго иноземному, татарскому и поганому, неодинаково были развиты въ Ростовѣ, Ярославлѣ, Смоленскѣ, Твери, Псковѣ, Новгородѣ и Москвѣ. А такъ какъ нравственные начала историческаго народа возникаютъ и совершенствуются на основѣ историческихъ родовыхъ преданій, разрабатываемыхъ въ теченіи вѣковъ изустно и письменно, то бѣглый взглядъ на русскіе города и области XIV в. даетъ уже намъ разумѣть о неодинаковой степени ихъ просвѣщенія, т. е. грамотности и слѣдовательно литературы. Москва не только въ XIV, но даже и въ XV в. въ отношеніи литературномъ стояла несравненно ниже Кіева или Новгорода XII ст....

Въ татарское время прежній эпосъ не утратилъ для народа своего значенія; надъ нимъ продолжала работать фантазія, видоизмѣняя и перерождая его подъ вліяніемъ новыхъ вѣрованій и новыхъ событій. Тогда для героическаго эпоса не находилось темъ изъ современной жизни, и онъ продолжалъ развивать прежнія темы, сближая ихъ съ современностью. Причина такого явленія ясно выразилась въ одной

рапсодіи, которая заключаетъ собою богатырскій циклъ и которая сложилась именно въ этотъ періодъ, слѣдующій за богатырскимъ. Она и по содержанію и по этическимъ образамъ заслуживаетъ много вниманія историка. Я имѣю въ виду «Сказаніе, отчего перевелись витязи на Руси». Здѣсь мы видимъ еще въ полной мѣрѣ наивную вѣру въ богатырей, какъ существовавшихъ дѣйствительно въ былое время, видимъ и вѣрованіе въ какое-то чудесное, хотя рассказъ по своему содержанію современенъ историческимъ пѣснямъ. Тутъ самъ народъ смотритъ на прекращеніе богатырской жизни такъ обр.: онъ представляетъ какую то *нездѣшную* силу, которая подавила богатырскія стремленія народа, и обратила богатырей въ камни. На многіе камни въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи народъ и теперь указываетъ, какъ на окаменѣвшихъ богатырей. Эти камни служатъ ему какъ бы памятниками, подъ которыми скрывается могучая сила прошлаго. Какая же это нездѣшная сила? Эта сила—сила историческихъ обстоятельствъ, поставившая народъ въ такое положеніе. Въ рассказѣ ясно выразилось сознаніе силы подавляющей, наводящей страхъ и окаменяющей—передъ нею земская, богатырская сила приходитъ въ положеніе страдательное и каменѣетъ. Вотъ отвѣтъ, который сложилъ самъ народъ на собственный вопросъ: отчего въ его средѣ теперь нѣтъ богатырей? Время настало не то: самое сознаніе въ себѣ силы было подавлено. Первою изъ такихъ постороннихъ гнетущихъ силъ, конечно, была сила татарская, которая, поставивъ народъ въ страдательное положеніе, перемѣшила даже его нравственные понятія—тутъ приходилось стонать подъ игомъ, подавлявшимъ всякія силы, а было не до богатырскихъ стремленій, въ которыхъ выражается свободное проявленіе силъ. Въ сборникѣ русскихъ пѣсенъ Саратовской губ., г-жа

евои и г. Костомарова мы находимъ), сложенную въ тяжелыя татарскія на, пѣсню, замѣчательную въ томъ еніи, что ея тема основана на изнѣнѣннѣ тѣхъ нравственныхъ законовъ, ыя народъ вырабатываетъ себѣ въ- по своимъ понятіямъ и которыми осодорожить, какъ основой нравствен- сизни. Татаринъ извращаетъ эти за- ставитъ членовъ одной и той же въ самое неестественное положеніе:

за рѣченькой за быстрою,
онъ горитъ, а полымья;
Татарченки города берутъ,
а берутъ, по себѣ дѣлать,
му что достанется:
золото, кому серебро,
добрыи конь, кому платье цвѣтное,
платье цвѣтное, кому руска нянюшка.
валася теща зятюшкѣ.
береть тещу за бѣлы руки,
влъ ее во колясочку,
звлъ тещу къ широку двору,
кнулъ, взгаркнулъ громкимъ голо-
сомъ,
нимъ голосомъ молодецкимъ:
встрѣчай меня молода жена,
звезъ тебѣ руску нянюшку,
нянюшку—половяночку.
вставъ ее дѣлать три дѣла:
е дѣльцо—ковры вышивать,
е дѣльцо—гусей стеречи,
эти—дѣтей качати».
руками ковры вышивала,
изами гусей стерегла,
ами дитю качала:
ачу-баю, мое дитятко,
о батюшкѣ злои татарченкокъ,
е крещенои не молитвенной,
матушкѣ мой боярченкокъ (1).
боярченкокъ—руска косточка!»!

) У Сахарова: «А по матушкѣ мнѣ вну- къ».

Услыхала молода княжна:

«Почему знаешь моя нянюшка,
Что по батюшкѣ—злои татарченкокъ,
А по матушкѣ—боярченкокъ?»
— «Какъ мнѣ не знать, моя доченька,
Ты семи лѣтъ во полонъ взята» (2).

Мать—рабой у дочери, русская, пра- вославная нянчить внука—татарина, не- крещенаго, ненавистнаго русскому чело- вѣку, который въ своихъ пѣсняхъ не ина- че произноситъ, какъ съ эпитетомъ злои. Любовь и ненависть къ одному ребенку— два противоположныя чувства соединяют- ся въ ней. Вотъ эти то извращенныя нравственныя отношенія и смущали рус- скаго челоука. Вообще надо замѣтить, что нѣкоторыя историческія пѣсни отлича- ются замѣчательнымъ драматизмомъ, есте- ственно вытекающимъ изъ самыхъ обсто- ятельствъ, въ которыя жизнь ставила народъ. Подробный разборъ этихъ пѣсенъ, разумѣется, по мѣстностямъ, гдѣ они мо- гли сложиться, могъ бы раскрыть намъ и нравственныя понятія народа въ его иде- альныхъ стремленіяхъ, и взглядъ его на разныя событія изъ его исторической жизни.

(Изъ сочиненія Вл. Стоюнина: «О преподаваніи Рус. литературы. Спб. 1864, стр. 75—95).

389. Куликовская битва.

XIV вѣкъ былъ великимъ историчес- кимъ періодомъ въ жизни Славянскаго сѣ- вера. Это было время одряхлѣнія стараго удѣльно-вѣчеваго порядка, сформировавша- гося въ первые вѣка нашего тысячелѣтія, и время юности новаго строя, возмужав-

(2) Лѣтоп. рус. лит. и древ. IV стр. 47—48.

шаго и окрѣпшаго въ XVI в. Москва возвышалась посреди русско-славянскихъ земель и тянула ихъ къ себѣ волею и неволею. Тверская земля, оспаривавшая у нея право вести передъ рус. міра, уже склонилась передъ нею въ своей безсиьной борьбѣ. Недоставало у князей ея ни той хитрости и изворотливости въ затупанныхъ обстоятельствахъ, ни того умѣнья выбирать удачно и ловко минуты, благоприятныя для дѣла, выжидать, когда нужно, мириться и ссориться впору, по расчету а не по влеченію сердца, ни той рѣшимости отважиться на все, лишь бы оно приносило пользу и вело къ цѣли,—ничего того, чѣмъ отличались одинъ за другимъ московскіе князья. Въ 8-мъ десяткѣ XIV в. тверскіе князья дошли до печальной необходимости стать въ оборонительное положеніе. Последняя неудавшаяся попытка Михаила Александровича отнять у моск. князя великое княженіе не удалась; съ тѣхъ поръ ему и преемникамъ его оставалось только охранять себя отъ московскихъ покушеній,—плохая роль! Съ начала между Москвою и Тверью шло дѣло не о взаимной независимости; то была борьба на жизнь или на смерть: если не Тверь, то Москва; если Тверь взяла бы верхъ, независимость Москвы должна была бы погибнуть. Также точно не могла уже долго оставаться независимою и Тверь, когда Москва нѣсколько разъ одерживала верхъ въ борьбѣ съ нею. Тверь послѣ того просуществовала еще сотню лѣтъ въ оборонительномъ положеніи, но какъ земля подручная Москвѣ,—и легко было потомъ Іоанну III добыть ее, какъ только онъ захотѣлъ этого.

Въ подобномъ отношеніи находилась Москва къ Владимірской или Ростовско-Суздальской землѣ, съ тою разницею, что здѣсь Москва не боролась, какъ съ Тверью, за достиженіе первенства и власти надъ русскимъ міромъ, а преемственно овладѣла тѣмъ, что принадлежало прежде пер-

вой. Раздѣленная на мелкіе удѣлы, и для эта не могла соединиться и востать за себя: въ ней уже не стало ни пра, порвалась земельная связь ея удѣлы, или лучше сказать—Москва, бывъ прежде ея пригородомъ, сама собою дѣлалась ея новымъ центромъ. Оттого-то независимость ея не устояла такъ долго, какъ и-тарская, и пала при наследникѣ Дмитрія.

Великій Новгородъ былъ въ иномъ положеніи, чѣмъ эти обѣ земли: Новгородъ не шелъ за новымъ строемъ Русскаго Новгорода оставался вѣрнѣ старинн. онъ не хотѣлъ ни властвовать, ни расширять своихъ предѣловъ; онъ хотѣлъ самъ быть и видѣть вокругъ себя русскій міръ въ такомъ положеніи, въ какомъ онъ выросъ въ протекшіе вѣка; готовъ былъ, по стариннымъ обычаямъ, признавать надъ собою первенство в. князя въ качествѣ перваго между равными, но не въ значеніи властвующаго князьями; хотѣлъ, чтобы собственная его автономія не была нарушена. Но не возможно было устоять спору противъ молодого, драхлѣющему противъ исполненнаго свѣжихъ силъ. Москва еще не была сильна на столько, чтобы погубить его; на это потребовалась еще сотня лѣтъ; но она уже выросла до того, что старыми узлами, которыми Новгородъ уважалъ, могла опутать его, и судьба Новгорода была привязана уже къ судьбѣ Москвы задолго до паденія его свобод.

На юго-востокъ отъ Москвы была земля Рязанская. И ей приходилось только оборонять себя. О первенствѣ и о спорѣ съ Москвою не было рѣчи, но она не хотѣла подчиняться Москвѣ; она думала только удержать старину, какъ и Новгородъ, и обезопасить себя отъ возникающаго единовластія. Положеніе этой страны было болѣе печально, чѣмъ какой нибудь другой рус. земли; она стояла на границѣ рус. міра, на границѣ съ татарскими и подвластною Ордѣ Мордвою, и безаре-

станно торговля отъ нашествія Татаръ и Мордвы. По мѣрѣ возвышенія Москвы, которая и ей, какъ другимъ русскимъ краямъ, грозила покореніемъ, Рязанская земля должна была, ради своей безопасности, опираться на Орду; Орда не уничтожала автономіи земель русскихъ, оставляла въ нихъ порядокъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ находились тогда, когда подпали подъ власть хановъ. Рязанцы были въ непріязни съ Москвичами, они смотрѣли презрительно на московскій народъ и подозрительно на московск. политику. Рязань должна была, болѣе чѣмъ другія русскія земли, покоряться Ордѣ: съ одной стороны для того, чтобъ если не совсѣмъ избѣгнуть своевольныхъ опустошеній, то, по крайней мѣрѣ, чтобъ эти опустошенія были не такъ жестоки; съ другой—чтобъ удержаться съ помощію Орды противъ Москвы. Рязань не была, какъ В. Новгородъ, защищаема отъ ней естественными средствами обороны.

Что касается до множества мелкихъ князей, не входившихъ въ эти земли, то безсиліе управляемыхъ ими удѣловъ и волостей болѣе всего наклоняло ихъ, а еще болѣе народъ, управляемый ими, примыкать къ сильному центру, который образовался бы на Руси: оттого нѣкоторые изъ нихъ охотно покорялись Москвѣ, а другіе легко и безропотно были покоряемы или лишены своихъ удѣловъ.

Тогда какъ Москва дѣлалась русскимъ центромъ и приготовляла въ себѣ для руси новый государственный строй, на западномъ концѣ рус. міра у ней явилась сильная соперница—Литва. Литовскіе князья Гедиминъ и Ольгердъ успѣли соединить въ своей державѣ западныя и южныя русскія земли. Въ однихъ мѣстахъ князья Рюрикава дома поступили въ число подручниковъ великихъ литовскихъ земель, въ другихъ замѣнены были князьями изъ Гедиминова дома. Литва расши-

ривалась на востокъ. У литовскихъ великихъ князей образовывалось такое же стремленіе, какъ и у московскихъ—подчинить русскій міръ, а самимъ стать его владыками. Литва стояла Москвѣ поперекъ дороги; Литвѣ суждено было задерживать ей путь тогда, когда она успѣла уже совершить свое дѣло надъ половиною Руси. Въ XIV в. закладывалось начало той многолѣтней борьбы, которая наполняетъ нашу исторію XV и XVI в.,—борьбы, которая въ началѣ XVII в. развилась надъ Москвою эпохою смутнаго времени, потомъ на поляхъ избрала себѣ исходъ въ Малороссіи,—борьбы, которой слѣды отзываются до нашего времени, въ покушеніяхъ Польши, по древней передачѣ ей литовскими князьями своихъ покушеній. Во 2-й половинѣ XIV в. въ Литвѣ противобѣдствующая Москвѣ сила сосредоточилась въ двухъ одинъ за другимъ князьяхъ: то были Ольгердъ, могучій дарованіями, политикою и мужествомъ воевода, и Ягелло, его сынъ, который шелъ по дорогѣ отцовской и наконецъ нашелъ новый, выгодный поворотъ въ союзѣ съ Польшею. Подъ предлогомъ защиты своего шурина, Михаила тверскаго, два раза Ольгердъ подходилъ къ Москвѣ и два раза опустошилъ ея окрестности. Московская политика нашла тогда способъ вывернуться изъ бѣды на время. Ольгердъ съ своей стороны расчелъ, что разорить Москву хотя можно, но покорить ее еще не пришло время, и предпочелъ союзъ съ нею. Этотъ союзъ скрѣпленъ былъ бракомъ его дочери съ Володимиромъ Андреевичемъ, двоюроднымъ братомъ в. кн. московскаго. На нѣсколько лѣтъ Москва избавилась отъ Ольгерда. Но не стало Ольгерда, Ягелло сдѣлался великимъ княземъ. Для него родственныя связи съ Москвою были слишкомъ ничтожны; напротивъ другія связи съ Русью ставили его во враждебное положеніе къ Москвѣ: онъ былъ сынъ Тверитянки, и старая вражда его дѣ-

довъ съ матерней стороны сходилась съ политическими стремленіями.

Страшное ордынское владычество тотчасъ стало упадать, какъ только доставило Москвѣ главенство въ Руси. Еще недавно царствовалъ 30 лѣтъ въ Кипчакѣ Узбекъ. Русь трепетала передъ нимъ. Покушеніе освободиться отъ его власти было немислимо ни для князей, ни для народа. По приказанію грознаго властителя, 10 русскіихъ князей было казнено въ Ордѣ. Властитель по произволу тѣхъ каралъ своимъ гнѣвомъ, другихъ осыпалъ милостями. Московскіе князья были его любимцами. Ему преимущественно обязана была возвышеніемъ Москва. Но тѣ времена прошли скоро. Съ Кипчакскимъ царствомъ повторилась одна изъ обыкновенныхъ судьбъ, которыми подвергались всѣ завоевательныя восточныя царства, какія только извѣстны исторіи съ отдаленныхъ временъ библейской древности. Продержавшись съ небольшимъ сто лѣтъ, оно обезсильло чрезъ нравственный упадокъ силъ своихъ владыкъ, промѣнявшихъ поле битвы и разрушительный огонь на дворецъ и гаремъ; внутреннія усобицы и споры за престолъ разлагали его. Эпоха паденія наступала. Послѣ грознаго Узбека, усвоившаго уже съ магометанствомъ приемы восточной цивилизаціи, царствовалъ братоубійца Джанибекъ, которому злодѣянія не мѣшали у восточныхъ историковъ прослыть такимъ же мудрымъ властителемъ, какъ и отецъ его; Джанибека отправилъ на тотъ свѣтъ его сынъ Бердибекъ въ 1357 г., а на другой годъ нашелся за отца мститель: Кульна, какъ говорятъ, сынъ Бердибека, убилъ отца и съ тѣхъ поръ въ теченіе 10 лѣтъ перемѣнилось хановъ 15; ихъ было иногда по нѣскольку разомъ; они свергали другъ друга съ престола. Ханское достоинство ушло до значенія жалкихъ куколъ, которыхъ честолюбцы стали возводить на престолъ, чтобъ властвовать ихъ именемъ; части

Кипчакской орды начали отлагаться и разовались въ самобытныя государства. Такъ обр., въ срединѣ Золотой орды образовалось два ханства: одно—и *Велг* въ Сарай, другое, заложенное *Мини*, княземъ Орды между Волгой и *Дини*. Онъ самъ долго не хотѣлъ принять на себя ханскаго достоинства, а возводил престола и низводилъ съ престола самъ креатуръ и правилъ ихъ именемъ. Въ землѣ мордовской (*нынѣшней Пенж. губ.*) отдѣлился отъ Орды и сдѣлался самобытнымъ государемъ князь Тагай, оставившій свою столицу въ Наровчатѣ. Въ Булгарской землѣ утвердился Булатъ-Темиръ и положилъ начало Казанскому царству. Явился свой властитель въ Астрахани—Салчей. Въ Крыму возникла независимая Перекопская орда, а на Янтъ-Яницкая орда съ городомъ Сарайчиномъ; далѣе на востокъ отдѣлилась изъ Кипчака самобытная Шейбанская орда, и такъ пошла врозь *Монархія Батыева*.

Въ это-то время было естественно и Руси, входившей въ число ханскихъ вѣдѣній, по примѣру отложившихся частей, покуситься на отторженія, и, конечно, змя возстанія должно было подняться въ Москвѣ. Московскій князь былъ уже признаваемъ отъ хана намѣстникомъ русскаго міра; московскій великій князь естественно могъ и долженъ былъ заохотѣ также сдѣлаться независимымъ, въ качествѣ особаго хана, какъ дѣлали другіе.

Таково было положеніе дѣлъ, которое привело къ знаменитой Куликовской битвѣ.

Было естественно, что, при внутреннихъ смятеніяхъ въ Ордѣ, русскіе князья пользовались полученіемъ своихъ достоинствъ отъ хановъ и той и другой партіи. По смерти в. кн. Ивана Изв. озовалось двое претендентовъ на великое княженіе: нижегородско-суздальскій князь Дмитрій Констант. и московскій Дмитрій Изв., за котораго по несовершеннолѣтію стояли бояре. Они вѣрно проводили дѣло москов-

скаго главенства, и тѣмъ доказывали, что оно было дѣломъ не одного княжескаго дома, а всей земли московской. Ханъ Неврусь назначилъ в. княземъ суздальскаго, но самъ этотъ ханъ вслѣдъ за тѣмъ былъ низвергнутъ и убитъ Хидирбергомъ или Хидиремъ. Воспользовались этимъ Москвичи и выпросили у новаго хана ярлыкъ для своего князя; но потомъ вскорѣ Тимуръ Ходжа, сынъ Хидиревъ, убилъ отца и самъ былъ изгнанъ Мамаемъ. Въ самой Ордѣ вступили въ борьбу двѣ партіи, одна: противная Мамаю, провозгласила ханомъ Мюрида, другая, Мамаева—Абдулла. Мюридъ разбилъ Мамаю. Услышавъ объ этомъ, Москвичи тотчасъ обратились къ Мюриду, какъ къ сильнѣйшему, и выпросили у него подтвержденіе на достоинство вел. кн. Но вслѣдъ за тѣмъ услышали они, что Мамай беретъ верхъ, обратились къ Мамаю и получали для Дмитрія ярлыкъ на в. княженіе отъ имени Абдулла, Мамаевой креатуры. Тогда Мюридова партія, въ отищеніе за то, вручила ярлыкъ на вел. княженіе сопернику Москвы, Дмитрію Констант. суздальскому, чрезъ случившагося въ то время въ Ордѣ бѣлозерскаго князя Ивана. Суздальскій князь, сопровождаемый своимъ подручникомъ бѣлозерскимъ княземъ и 30 ю Татарами, на челѣ которыхъ былъ посломъ какой то Илякъ, сѣлъ въ другой разъ на столѣ во Владимірѣ и возвратилъ древнее первенство этому городу, уже со времени Калиты принужденному уступить его Москвѣ. Тогда Москва пошла на Владиміръ. На Русь двѣ партіи шли подъ знаменемъ двухъ партій въ Ордѣ. Суздальскій долженъ былъ уступить, побоявшись подвергать разоренію свою область, и примирился съ Дмитріемъ московскимъ. Чрезъ два года, въ 1364 г., сынъ Дмитрія суздальскаго, Василій Кирдяпа, снова выпросилъ для отца ярлыкъ у хана, противнаго московской партіи, и опять готовы были отразиться на Русь слѣды ор-

дынскихъ междоусобій; но и на этотъ разъ отецъ побоялся вести споръ съ Москвою, помирился. Дмитрій Константиновичъ на другой годъ скрѣпилъ съ нею союзъ родствомъ, отдавъ за Дмитрія Ив. дочь свою Евдокію.

Годы были тяжелы въ то время на Руси. Предъ тѣмъ только свирѣпствовала смертельная зараза, а на слѣдующій годъ повторилась она, да еще сверхъ того настала засуха и неизбежное ея слѣдствіе—голодъ.

Так. обр. московскій князь утвердился и поддерживался съ помощію Мамаю. Расчетъ былъ вѣренъ: Мамай былъ умнѣе и потому сильнѣе другихъ претендентовъ на власть въ Ордѣ. Нѣсколько лѣтъ Москва держалась Мамаю и было между ними доброе согласіе. Московскіе и суздальскіе полки ходили вмѣстѣ съ посломъ изъ Орды противъ непокорнаго Мамаю казанскаго владѣтеля. Но въ 1370 г. соперникъ моск. князя, в. кн. Тверской земли Михайло Александровичъ, подвигнувши на Дмитрія своего родственника Ольгерда, подорвалъ было его значеніе и у Мамаю. Онъ, по преданію, всѣми силами противодействовалъ возвышенію Москвы и сверхъ того мстилъ лично за себя за то, что его коварно задержали—было въ Москвѣ. Онъ сѣздалъ въ Орду и получалъ отъ имени Мамаева царя ярлыкъ на в. княженіе. Мамаю нужны были деньги. Невзвѣстно разщедрился ли тверской князь въ Ордѣ, или—что вѣрнѣе—заскупился московскій; Тверской князь шелъ въ Русь съ ханскимъ посломъ Сарыходжею. Этотъ посолъ призывалъ московскаго князя во Владиміръ слушать ярлыкъ. Но Дмитрій не поѣхалъ во Владиміръ, да и сами Владимірцы воспротивились признать великимъ княземъ Михаила Алексан. и не хотѣли сажать его на столѣ у себя. Дмитрій пригласилъ Сарыходжу въ Москву и тамъ одарилъ его такъ, что тотъ, вмѣсто того, чтобы по ханскому ярлыку принудить

тъ, что не боятся Орды, не слу-
 Мамай. Мамай не приходилъ.
 слѣдующій годъ, вмѣстѣ съ дружи-
 суздальскими и нижегородскими,
 жие полки, подъ начальствомъ
 Дим. Мих. Волынскаго, двину-
 на Казань. Война была удачна.
 ы пугали Русскихъ какимъ-то
 ь со стѣнъ своихъ, выпустили
 довъ, чтобъ переполошить рус. вой-
 ю всѣ эти хитрости восточнаго
 а не удался имъ. Русскіе вогна-
 въ городъ, осадили Казань, а двое
 ихъ князей, Гассанъ и Махметъ,
 еломъ в. князю и заплатили боль-
 купъ и ему, и союзнику его, и
 мъ со ратію, всего 5000 р., да
 къ Русскіе посадили въ Казани та-
 ювъ, слѣдов. подчинили своей вла-
 правленіе Казани. Это было уже
 ельство отплатить Татарамъ тѣмъ,
 свихъ поръ отъ нихъ получалось.
 были въ зависимости у Русскихъ—
 невѣданное, странное до того
 н. Оно указывало, до чего можетъ
 Русскихъ борьба съ Татарамъ;
 усскіе одолѣютъ—они не ограни-
 собственнымъ освобожденіемъ, они
 гъ въ свою очередь Татарщину.
) было не допустить Руси и думать,
 и можетъ вѣряться съ Ордою; на-
 ыло вогнать ее въ прежнія гра-
 поработить снова. Еще Мамай не
 а съ силами, чтобъ идти самому,
 нчивался посылкою своихъ подчи-
 ь. Въ 1376 г. (?) какой-то ца-
 Арапша изъ Синей орды пришелъ
 наю, а Мамай послалъ его воевать.
 Это былъ большой вонтель, очень
 ый, ростомъ очень малъ, да му-
 къ великъ. (Онъ перебилъ рус-
 на р. Шьяль и самъ князь ни-
 одскій Иванъ Дмитріевичъ
 ль въ рѣкѣ, а съ нимъ много
 См. «Витва съ Арапшой
 1.4).

На слѣдующій 1377 г. Мамай послалъ
 опять Орду свою на Русь. Татары на-
 пали на Нижній. Князя не было въ го-
 родѣ. Люди пустились бѣжать; оставшіе-
 ся заперлись и предлагали за себя окупъ.
 Но Татары не взяли окупа, взяли городъ,
 сожгли его и опустошили весь уѣздъ.
 Другое Мамаево войско подъ начальствомъ
 Бегича пошло на в. князя. Оно шло чрезъ
 Рязанскую землю на Москву. Но в. князь
 предупредилъ Бегича и самъ вышелъ ему
 на встрѣчу въ Рязанскую землю. Они
 встрѣтились на р. Вожѣ. Москвичи дали
 врагамъ переправиться на другую сторо-
 ну Вожи и потомъ ударили на нихъ съ
 разныхъ сторонъ: съ одной—полоцкій
 князь Андрей Ольгердовичъ, съ другой—
 пронскій князь; прямо ударилъ на нихъ
 московск. князь Дмитрій. Татары побѣ-
 жали; Москва наперла на нихъ и множе-
 ство враговъ цотонуло. На утро при ту-
 манѣ переправились Русскіе и погнались
 за Татарамъ. Татары убѣжали, покидавъ
 свои шатры, кибитки и тѣги; а въ те-
 лѣгахъ нашли Русскіе много добра. Тогда
 поймали Москвичи какого-то измѣнника;
 былъ онъ Иванъ Васильевичъ, тысяцкаго
 сана сынъ, и шелъ изъ Орды съ Тата-
 рами на своихъ собратіи. У него нашли
 цѣлый мешокъ какого-то зелья, должно
 быть, какъ думали, лихаго, и послѣ раз-
 спроса послали его въ заточеніе на Лать-
 озеро въ Каргополь, въ Новгородскую
 землю. Эта побѣда была предвѣстницею рѣ-
 шительной войны Мамай ожесточился. Онъ
 рѣшился наказать страшно своихъ рабовъ.
 Въ то время Мамай пересталъ ставить ку-
 колъ, называемыхъ ханами или царями.
 Онъ самъ назвался наконецъ царемъ.
 Онъ думалъ возстановить потерянное мо-
 гущество Кипчака. Онъ началъ съ Рус-
 скихъ.

Прежде всего должна была нести от-
 вѣтъ за поражение на Вожи Рязанская
 земля, п. ч. въ этой землѣ случилось
 восрамяненіе Орды... Самъ в. князь Олегъ

Ив. не въ слахъ былъ противостоять Татарамъ. Онъ бѣжалъ за Оку, покинувъ свои города на волю врагамъ. Они сожгли Дубокъ и Переяславль, сожгли и другіе города, и опустошивъ землю, ушли во свояси. Наконецъ самъ Мамай, нанявъ войска, двинулся на Россію. Олегъ рязанскій присталъ къ Мамаю и послалъ къ нему грамоту такого содержанія: «Восточному вольному великому царю царямъ, Мамаю, посаженникъ твой и присяженикъ Олегъ князь Рязанскій много молитъ тебя. Я услышалъ, господи, что ты хочешь идти и грозиться на твоего служебника Дмитрія князя Московскаго; теперь, всесвѣтлый царь, приспѣло время злата и многихъ богатствъ. Князь Дмитрій, какъ только услышитъ имя ярости твоей, убѣжитъ въ далекія мѣста, или въ В. Новгородъ или на Двину, а богатство московское будетъ въ рукѣ у тебя; а меня Олега Рязанскаго, раба твоего, сподоби своей милости. Мы оба твои рабы; но я служу тебѣ со смиреніемъ и покорствомъ; а онъ къ тебѣ съ гордостію и непокорствомъ. Я много великихъ обидъ принялъ отъ твоего улусника, Дмитрія. А когда я погрозилъ ему твоимъ именемъ, онъ не посмотрѣлъ на это, а еще заgrabилъ себѣ городъ мой Коломну. Молю тебя, царь, и бью тебѣ челомъ: накажи его, чтобъ онъ чужаго не похищалъ. (См. «Сказаніе о Мамаев. побоищѣ» у Сахарова).

Въ то же время Олегъ отправилъ пословъ къ Ягеллу, в. кн литовскому. Кромѣ того политическаго антагонизма Литвы съ Москвою, по которому каждый литовскій в. князь былъ естественнымъ соперникомъ возрастающей Москвы, Ягелло имѣлъ свѣжія причины неудовольствія противъ нея и ея князя. Послѣ переворота, отъ котораго погибъ дядя Ягелловъ Кейстутъ, Ягелло сдѣлался в. княземъ литовскимъ. Дмитрій московскій сталъ покровителемъ и сторонникомъ князей

противныхъ Ягеллу. Братъ Ягелла Андрей, полоцкій князь, напелъ противъ Москвѣ. Вмѣстѣ съ съ московскими князьями, онъ ходилъ на Трубчевскъ; и другой братъ Ягелла, Дмитрій (гердовичъ, призналъ надъ собою имство московскаго князя. Такъ московскій князь распространялъ московск. государство и уже посягалъ на то, что прежде захватить себѣ государство московское. Олегъ, по увѣренію лѣтописца писалъ къ Ягеллу: «ты давно хочешь прогнать московск. князя и овладѣть имъ; теперь пришло время; Мамай и на него, соединившись съ нимъ; послалъ своихъ пословъ къ нему съ дарами. (лучше меня знаешь, какъ поступить).

Расчетъ у Олега былъ таковъ: съ помощію Мамаю и Ягелла испровергнуть моск. государство, пресѣчь ходъ восточной самовластіи, Москву отдать Литвѣ, а рязанская земля увеличится частію владѣній, которыя прежде у другихъ хвачены Москвою... Так. обр. сообразно тогдашнимъ обстоятельствамъ, естественно было Олегу, дѣйствуя вмѣстѣ съ Мамаемъ, искать сколько возможно болѣе слабости Москвѣ силъ, чтобъ испровергнуть это могущество, начинавшее тяготѣть надъ Русью подобно татарскому.

Всѣ эти сношенія должны были происходить въ 1379 г., и вѣроятно въ концѣ. Весною 1380 г. получилъ Дмитрій извѣстіе, что Мамай уже вѣнчалъ. Самъ Олегъ Рязанскій, скрывъ свое соглашеніе съ врагами Москвы, вѣщалъ вел. князя объ опасности какъ будто дружелюбно. Вслѣдъ за тѣмъ были посланы отъ Мамаю съ требованіемъ такой дани, какую Москва платила Узбекѣ и Джанибекѣ, а не такой, которая была постановлена съ Мамаемъ въ первомъ признаніи имъ Дмитрія московск. княземъ. Дмитрій оскорбленъ и опечаленъ зѣло—говоритъ лѣтописецъ началъ прежде всего молиться... Онъ

слагъ въ Орду посла Захарія Пулчева съ двумя толмачами. Онъ везъ покорную грамоту и дань Мамаю; но дань была не въ той пропорціи, въ какой хотѣлъ получить властитель, думавшій о возстановленіи блеска и силы Кипчака. Посолъ этотъ едва вступилъ на Рязанскую землю, какъ узналъ, что Олегъ передался Мамаю, и извѣстия объ-этомъ Дмитрія... Мамай отвергъ умѣренную дань; предъ окончательнымъ опустошеніемъ и завоеваніемъ земли русской...

В. Князь послалъ по всемъ землямъ русскимъ свои грамоты, призывалъ всехъ князей и дружины ихъ и всехъ людей русскихъ сходиться на рать... Прошло нѣсколько времени. Въ Москву приходили ополченія за ополченіями уже не только по призыву, но и добровольно, услыхавъ, что идетъ туча на Русь...

Готовясь къ выходу, Дмитрій отправился къ Троицѣ. Живъ еще былъ основатель этой святыни московской земли; его благословенія испрашивалъ Дмитрій. Преподобный устроилъ трапезу въ своемъ монастырѣ для князя и для тѣхъ, кто прибылъ тогда съ нимъ. За трапезою стояла св. вода. Вѣрный православному смиренію, предпочитавшій лучше златомъ и серебромъ отдѣлаться отъ враговъ, чѣмъ отваживаться на кровопролитіе, за столомъ Сергій сказалъ в. князю: «почти дарами и честью нечестиваго Мамай; Господь увидитъ твоё смиреніе и вознесетъ тебя, а его неукротимую ярость низложитъ». Дмитрій отвѣчалъ: «Я уже поступилъ такъ, отче, но онъ тѣмъ болѣе несется на меня съ гордостью»...

Послѣ трапезы Сергій благословилъ в. князя и бывшихъ съ нимъ крестомъ и окропилъ св. водою. Старецъ исполнился вдохновеніемъ и пророчески сказалъ в. князю: «Господь Богъ будетъ тебѣ помощникъ и заступникъ, онъ побѣдитъ и низложитъ сопостатовъ твоихъ и просла-

витъ тебя». Эти слова обрадовали в. князя...

20 августа былъ день выхода войскъ изъ Москвы. В. князь, князья и воеводы молились въ Успенскомъ соборѣ, кланялись мощамъ Петра м-та, благословившаго въ началѣ главенство Москвы... Дмитрій съ московскими полками вѣхалъ въ Коломну; на другой день, въ воскресенье 21 авг. онъ велѣлъ всемъ собраться на лугу, который назывался Девичьимъ полемъ, близъ сада какого-то Памфила. Все поле было усажено необозримымъ воинствомъ. Никогда еще силы русской земли не были въ такомъ числѣ собраны на защиту родной земли.

Дмитрій устроилъ все свое ополченіе въ боевой порядокъ: каждый полкъ съ воеводою составлялъ отдѣлъ войска, а все вмѣстѣ изображали собранную русскую землю. ...Выбрали вожаковъ, знающихъ дорогу, а это были купцы Сурожа-не. Въ тотъ вѣкъ никто столько не путешествовалъ, никто такъ часто не передвигался съ мѣста на мѣсто, какъ торговцы, а потому естественно было ихъ употребить провожатыми. Дмитрій нашелъ такихъ, что много разъ бывали и въ Ордѣ, и въ Каѣ, и въ разныхъ далекихъ краяхъ, и знали обычаи чужихъ земель и народовъ; ихъ было числомъ 10; они должны были вести войско... Въ первый разъ со времени Батыева ира, Русь, собранная въ лицѣ воинственныхъ дѣтей своихъ, рѣшилась предпочесть смерть рабству. Войско двинулось къ Дону, и увидѣло его наканунѣ праздника Рождества Богородицы 7 сент. Пришла вѣсть: Мамай узналъ, что идетъ на него Дмитрій; передовые отряды Семена Меллика уже бились съ Татарами; Мамай уже видѣлъ своихъ Татаръ, исѣченныхъ русскимъ оружіемъ. «Все силы темныя, силы всехъ властей и князей своихъ Мамай ведетъ на насъ—говорилъ Семенъ Мелликъ—онъ уже на Гусиномъ броду.

Только одна ночь между нашими и их полками. Вооружайся, княже! Завтра упадут на нас Татары.

Русские стали строить мосты, искать бродовъ, и перешли черезъ Донъ... Утромъ рано все войско стало готовиться къ битвѣ. Взошло солнце, но густой туманъ покрывалъ землю и ничего не было видно. Такъ прошло часа два. Эта мгла помогла Русскимъ. Дмитрій отправилъ тѣмъ временемъ Владимира серпуховскаго и Дмитрія Боброка съ избраннымъ войскомъ на верхъ по теченію Дона за лѣсъ въ засаду. Наконецъ туманъ сталъ подыматься, засіяло солнце... Русское войско пошло къ устью Непрядвы... Такъ сходились русскія силы съ татарскими съ противоположныхъ возвышеній; и было страшно видѣть — говорить сказаніе — какъ двѣ великія силы шли на кровопролитіе и скорую смерть.

Мамай стоялъ на возвышеніи со своими князьями и сталъ оттуда наблюдать битву. Враждебныя полчища смотрѣли другъ на друга...

Послѣ единоборства Телебега и Пересвѣта, данъ былъ знакъ. Затрубили трубы. Крикнули Русскіе: «Богъ Христіанскій, помоги намъ!» Крикнули Татары, призывая Магомета. Началась всеобщая сѣча, и неистовая сѣча. Такой сѣчи, по сказанію современниковъ, не было еще на Руси. Бились не только оружіемъ, но и рукопашно; задыхались отъ тѣсноты; умирали подъ конскими копытами. Кровь полилась потоками по травѣ. Христіане и невѣрные испускали дыханіе, переплетаясь между собою руками и ногами въ предсмертныхъ страданіяхъ. Часа черезъ два Татары стали одождать... Было полное пораженіе русскихъ силъ, полное торжество Мамай... Рвались Русскіе изъ-засады, плакали надъ гибелью своихъ, а Боброкъ все ихъ удерживалъ и велѣлъ ожидать 8-го часа. Русскіе сражались, роптали, и не смѣли поступить противъ Боброка, и. ч. считали его

знахаремъ. Наконецъ, когда уже Татары считали себя окончательно побѣдителями, именно тогда-то приблизился обѣданный 8-й часъ... Боброкъ сказалъ: «Княже Владиміре и вы, сыны русскіе, братья и друзья! часъ присигль и пора пришла: идемъ, и поможемъ вамъ благодать св. Духа». Вѣтеръ южный дунимъ сзади. Выскочили они стремительно изъ засады, словно соколы на журавлиное стадо, говоритъ сказаніе, съ крикомъ и шумомъ, прямо въ тылъ Татарамъ и начали поражать ихъ. Нежданное появленіе свѣжаго войска оттуда, гдѣ никакъ его не предполагали, навело на Татаръ страхъ. Потерявъ уже свой строй, они не могли стать въ боевой порядокъ. «Бѣда намъ!» — кричали они — Русь захитрила насъ: худыхъ мы побили, а лучшіе теперъ на насъ обрушились. Показалось тогда имъ, что они совсѣмъ уже разбиты. Стали бить Татары со всѣхъ боковъ; а Татары сначала черезчуръ горячо напали и утомили себя. Оказалось, что тогда, когда напали на нихъ свѣжія силы, у нихъ и кони утомились и руки ихъ ослабѣли и ноги устали, и въ безпорядкѣ не видѣли и не знали они, гдѣ свой, гдѣ чужой, куда имъ повернуться. Русскіе прорывали ихъ толпы, били и вправо и влево, и сзади и спереди. Татары, метая оружіе, бѣжали. Русскіе догоняли и убивали ихъ. Мамай, увидя такое смятеніе, вѣдето того, чтобъ послать на помощь силы, которыя еще оставались около него, бросилъ свое возвышеніе и бѣжалъ; за нимъ бѣжали князья и всѣ, кто только успѣвалъ спастись отъ Русскихъ. Однѣ толпы Татаръ бѣжали за Непрядву, и множество ихъ потонуло въ Непрядвѣ; другія толпы бѣжали вправо къ рѣкѣ Красивой — Мечи. Русскіе гнались за ними и били ихъ уже безоружно. Татары кидали свои возы и свое имущество въ добычу побѣдителямъ. ...Восемь дней послѣ того стояли Русскіе на долѣ, кото-

рому суждена была неувидаемая слава въ Русской исторіи. Ратные люди разбирали тѣла, христіанъ отдѣляли отъ невѣрныхъ, оставили татарскія тѣла гнить на поверхности земли, а христіанскія предали погребенію съ обрадами. И воспѣли, говорить лѣтопись, священники вѣчную память избѣннымъ отъ Татаръ на Куликовомъ полѣ, между Дономъ и Мечею; и князь великій съ братомъ своимъ и все воинство пропѣли вѣчную память съ плачемъ и слезами. На сердцѣ у Русскихъ осталась скорбь о томъ, что не всѣхъ земляковъ своихъ тѣла могли они отдѣлить отъ татарскихъ и похоронить съ честью: многимъ крещенымъ пришлось гнить вмѣстѣ съ обрѣзанными и идолопоклонниками. «Это за грѣхи наши попустилъ намъ такъ Богъ», говорили Русскіе, вспоминая это обстоятельство.

Мамай бѣжалъ. Преслѣдуемый новымъ соперникомъ своимъ Тохтамышемъ, онъ искалъ убѣжища въ Каѣ. Генузцы тамъ и убили его. Ягейло не успѣлъ дойти къ союзнику и, стоя подъ Одоевымъ, услышалъ, что Русскіе разбили его союзника; онъ воротился съ своими и не сталъ уже нападать на Москву. Олегъ бѣжалъ изъ земли своей, а впоследствии покорился Москвѣ. Русь торжествовала. Русь одною битвою, трудами одного дня покупала себѣ свободу отъ полуторавѣковаго рабства. Но свобода не дается ни быстро, ни дешево. Черезъ два года послѣ того, Тохтамышъ, ниспровергнувши державу Мамая и ставши самъ ханомъ Золотой орды, нагрянулъ на Москву: онъ искалъ возвращенія правъ ханскихъ надъ строптивымъ рабомъ. Москва была разорена. Русь признала снова такъ внезапно сверженное иго. За то Куликовская битва всетаки предуготовила на будущее время независимость русскихъ земель и открыла борьбу на жизнь и на смерть между Славянами и Татарами. Память объ этой побѣдѣ напечатлѣлась въ русскомъ духѣ. Мно-

го разъ, послѣ того, Татары давали Русскимъ чувствовать себя, но впечатлѣніе Куликовской битвы не умирало: Русь уже испытала, что можно не только отбивать грозныхъ Татаръ, но истреблять многочисленныя ихъ полчища; а въ многочисленномъ полчищѣ была вся сила, все могущество Орды. Съ памятью Куликовского побойща, Русь возрастала и дожидая лучшихъ временъ, и когда пришли они, Русь совершила надъ всею силою завоевательнаго полчища то, что сдѣлала прежде на Куликовомъ полѣ надъ полчищемъ Мамаевымъ. Русь разсыпала, истребила, стерла съ земли эту грозную завоевательную силу. Так. обр. побѣда Куликовская нравственнымъ вдѣніемъ на духъ народный стала какъ бы первообразнымъ событіемъ не только освобожденія Руси отъ Татаръ, но и обратнаго пораженія первою послѣднихъ,—господства славянскаго племени надъ завоевательными и разрушительными племенами Средней Азіи.

(Изъ статьи Н. Ив. Костомарова. «Прилож. къ мѣсяцеслову на 1864 г.» стр. 1—24).

390. О литовскомъ князствѣ.

Нашествіе Татаръ, поразившее русскій народъ, около половины XIII ст., отодвинуло два центра политической русской жизни другъ отъ друга: восточный центръ отодвинулся на юго-востокъ отъ Суздаля къ Москвѣ; западный центръ или волынско-галицкій, послѣ кратковременнаго колебанія, уступилъ мѣсто литовско-русскому центру на сѣверо-восточной оконечности нынѣшней Западной Россіи.—Русскій народъ Западной Россіи потѣсненъ былъ Татарами съ юга-запада къ областямъ литовскаго племени, занимавшаго юго-во-

сточную прибалтійскую страну и также потъсненнаго отсюда Нѣмецкими рыцарями. Благодаря этому двойному натиску и движенію—Русскихъ съ юга на сѣверо-западъ и Литовцевъ съ сѣверо-запада на юго-востокъ—образовалось литовское великое княжество, которое съ 1-й половины XIV ст. занимало всю площадь отъ низовьевъ Нѣмана вверхъ по обѣимъ сторонамъ этой рѣки, затѣмъ на югъ черезъ Нарву до Буга, Карпатскихъ горъ и по восточному склону ихъ до степей Черноморскихъ и Днѣпра; дагѣ простиралось вверхъ по Днѣпру,—захватывало многія области къ востоку отъ Днѣпра, наконецъ на сѣверѣ простиралось по обѣимъ сторонамъ Западной Двины до низовьевъ ея.

Исторія этого новаго государства открывается передъ нами съ жизнію русскою. Малочисленное литовское племя, взявшее въ свои руки политическую судьбу русскаго народа, покоряется сильному русскому элементу на всѣхъ пунктахъ соприкосновенія съ нимъ, особенно въ сферѣ государственной и религіозной. Литовскіе великіе князья принимаютъ титулъ *русскій князь*; русское право, выработанное русскими народамъ подъ властію рода Рюрика, сохраняетъ свою силу въ литовскомъ княжествѣ; русскій языкъ становится государственнымъ, общественнымъ до такой степени, что на немъ пишутся грамоты, привилегіи, даваемая собственно литовскому народу—такъ называвшемуся Жмудскому княжеству, т. е. области, населенной чисто литовскимъ народомъ.

Вѣсть съ русскимъ правомъ, русскимъ языкомъ господствовала фактически и русская вѣра—православная.—Она исповѣдалась на всемъ пространствѣ нынѣшней Малороссіи и Бѣлороссіи, въ которой жилъ русскій народъ. Отсюда она перешла съ русскими колонистами подвинувъ самую Литву. Въ столицѣ литовскаго княжества—Вильнѣ были десят-

ки русскихъ церквей. Такое направленіе жизни въ литовскомъ княжествѣ явно вело къ тому, чтобы въ скоромъ времени оно сдѣлалось чисто русскимъ и православнымъ. Надъ литовскими князьями и ихъ народомъ готова была повториться исторія княжескаго рода Рюрика и его варяжской дружины въ Россіи, они близко были къ тому, чтобы всѣмъ имъ сдѣлаться русскими.—Между тѣмъ, въ то время, какъ на западной сторонѣ Днѣпра образовывалось русское государство при содѣйствіи литовскаго элемента, къ востоку отъ Днѣпра силы того же русскаго народа мало-по-малу группировались около Москвы, формировалось московское государство, подготовляло конецъ татарскаго ига и выступало на поприще такой же русской жизни.

Образовалось, такимъ образомъ, два русскія государства—литовское и московское изъ одного и того же народа, не раздѣленные притомъ никакими рѣзкими фактическими границами. Само собою разумеется, что между ними немедленно должна была возникнуть борьба и, раньше или позже, племенное единство народонаселенія этихъ государствъ, должно было переселить государственное раздѣленіе. Раньше или позже должно было образоваться одно государство. Этотъ результатъ явно подготовлялся особенно слѣдующими двумя обстоятельствами: многочисленными родственными связями литовскихъ и русскихъ князей и столь же многочисленными враждебными столкновениями между ними. Въ томъ и другомъ случаѣ обѣ половины Россіи сближались, обобщались и такимъ образомъ подготовлялись къ тому, чтобы при первой случайности слиться въ одно цѣлое.

Но этотъ естественный процессъ образованія одного государства на всемъ пространствѣ, населенномъ русскимъ народомъ, очень усложнился и долженъ былъ совершаться очень медленно, благодаря

соединенію литовскаго княжества съ Польшею,—соединенію, которое внесло въ исторію западной Россіи новые элементы, запутавшіе естественное развитіе сознанія и жизни западнорусскаго народа.

Соединеніе литовскаго княжества съ польскимъ королевствомъ произошло въ 1386 г. Оно вызвано было внѣшними и большею частію совершенно случайными обстоятельствами. Литвѣ нужна помощь противъ непримиримыхъ враговъ—нѣмецкихъ рыцарей. Польша, не знавшая покоя отъ тѣхъ же рыцарей, очень рада была такой союзницѣ, какъ Литва, тѣмъ болѣе, что посредствомъ этого союза избавлялась и отъ постоянныхъ набѣговъ самой Литвы. Кроме того, тогдашній литовскій князь Ягайло находился во враждѣ съ своимъ двоюроднымъ братомъ Витомтомъ, боялся быть низвергнутымъ съ престола и очень нуждался въ надежномъ союзникѣ. Съ другой стороны, Польша въ это время имѣла на своемъ престолѣ молодую королеву Ядвигу и пріискивала ей выгоднаго жениха. Вслѣдствіе такого неожиданнаго стеченія обстоятельствъ, союзъ двухъ государствъ совершился быстро и безъ всякихъ видимыхъ препятствій.

Обязанный такимъ внѣшнимъ и случайнымъ обстоятельствомъ союзъ Литвы съ Польшею былъ чисто внѣшнимъ союзомъ и могъ разрушиться отъ самыхъ маловажныхъ причинъ.—Онъ заключался въ слѣдующемъ: 1) Оба государства обѣщали имѣть одного государя, т. е. соединялись посредствомъ такъ называемаго—*unio personalis*. 2) Оба государства обѣщали имѣть общихъ друзей и общихъ враговъ, т. е. заключили союзъ политическій. 3) Внутреннее управленіе обоихъ государствъ было совершенно отдѣльно. Они имѣли особыя войска, особыя должности, особыя чины для управленія. Постановлено даже было, какъ неизмѣнное правило, чтобы ни въ какомъ случаѣ не смѣшивались люди литовскаго княжества

и польскаго королевства. Житель литовскаго княжества не имѣлъ права занимать должности и селиться въ Польшѣ, Полякъ въ литовскомъ княжествѣ.—Этими условіями различные элементы обоихъ государствъ повидимому хорошо были гарантированы отъ взаимнаго столкновенія, которое могло быть очень опаснымъ при столь непрочномъ союзѣ двухъ рѣзко различныхъ государствъ. Русскіе и Литвины литовскаго княжества повидимому могли и при союзѣ съ Польшею свободно развивать начала своей самостоятельной жизни. Даже можно было ожидать, что они будутъ развивать ихъ свободнѣе, чѣмъ прежде, погому что могли быть теперь безопаснѣе отъ нападений сосѣдей. На дѣлѣ, однако, оказалось иначе. Соединеніе литовскаго княжества съ Польшею повело къ жестокому столкновенію всѣхъ различныхъ элементовъ соединенныхъ государствъ—польскаго, литовскаго, русскаго. Важнѣйшимъ поводомъ къ столкновенію было латинство.

Однимъ изъ первыхъ условій согласія польской королевы Ядвиги на бракъ съ Ягайлою—было обращеніе литвы въ латинство. Литовскій народъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. главнымъ образомъ Жмудины, бывший еще тогда въ значительной массѣ языческимъ, первый испыталъ на себѣ силу этого условія. Онъ былъ крещенъ въ латинство правительственною властію при ближайшемъ участіи самого Ягайлы. Этотъ насильственный переворотъ, очень обыкновенный, впрочемъ, въ тѣ старыя времена, повелъ къ очень важнымъ послѣдствіямъ въ области чисто гражданскихъ дѣлъ. Латинская пропаганда между Литвианами, подкрѣпленная мѣрами правительства, естественно должна была положить предѣлъ распространенію здѣсь русскою православной цивилизаціи. Это не могло не раздражить русскіхъ жителей литовскаго княжества, привыкшихъ уже такъ давно владѣть въ этой

странѣ господство своихъ началъ. Мало того, латинская пропаганда коснулась русскихъ еще ближе. Мы говорили, что многіе литвины, особенно изъ высшаго сословія, были уже православными. Между тѣмъ, по условію соединенія съ Польшей, они должны были сдѣлаться латинянами, и многіе дѣйствительно сдѣлались вмѣстѣ съ Ягайлой. Русскіе увидѣли, что имъ не только заграждается путь къ распространенію своей цивилизаціи, но еще угрожаетъ опасность быть подавленными. Всѣ эти опасности они явно предвидѣли въ самое первое время какъ только начались переговоры о соединеніи литовскаго княжества съ польскими королевствомъ. Едва Ягайло женился на Ядвига, какъ въ русскихъ областяхъ литовскаго княжества поближе къ московскому государству (въ Бѣлоруссіи) поднялось возстаніе. Двигателемъ его былъ родной братъ Ягайлы, православный полоцкій князь, Андрей, который объявилъ, что Ягайло, соединившись съ латинскою Польшей и принявъ латинскую вѣру, не можетъ быть государемъ литовскаго княжества. Возстаніе это было подавлено соединенными силами Литвы и Польши. Русскіе литовскаго княжества очутились именно къ томъ положенію, котораго боялись. Ихъ стали принуждать къ латинству; Ягайло способенъ былъ прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ по отношенію къ русскимъ, и приказалъ, что всѣ Литвины должны быть латинской вѣры, что эту вѣру должны принимать и тѣ русскіе, которые породнились съ литвинами и латинянами, что въ этихъ случаяхъ русскихъ нужно принуждать къ латинству даже посредствомъ тѣлеснаго наказанія.

При тѣхъ тѣсныхъ связяхъ, какія имѣли Русскіе съ Литвинами—это было крайне жестокое постановленіе. Оно отрывало Русскихъ отъ Литвиновъ, рвало вѣковой союзъ между ними, полагало начало народной и религіозной борьбѣ между Русскими и Литвинами. Къ счастью, однако,

тѣхъ и другихъ, неожиданныя обстоятельства отсрочивали не разъ детали послѣдствія раздѣленія между ними и соединяли тѣхъ и другихъ для общей борьбы съ Польшей.—Для усиленаго вѣдѣнія латинской пропаганды необходимо было имѣть значительное количество духовенства. Новообращенная Литва не могла его дать. Нужно было брать его изъ Польши. Кроме того для поддержанія литовскаго духовенства нужно было имѣть значительное количество чиноуловителей. Между новообращенными Литвинами такихъ было не много. Оказалось нужнымъ призывать для этого и Поляковъ. Многочисленныя войны между Литвой и Польшей съ рыцарями тамъ давали возможность Ягайлу наполнить Литву Поляками и поручать имъ разныя должности. Такъ обр. нарушалось то условіе союза литовскаго княжества съ Польшей, по которому литовское и польское управление въ литовскіе и польскіе дѣла не должны были смѣшиваться. Но Ягайло пошелъ еще дальше.

Тревожное состояніе литовскаго княжества требовало особеннаго вниманія, (свѣдѣній о наблюденіи). Ягайло, отвлекаясь на Польшу, счелъ необходимымъ значить литовскому княжеству особаго вѣдѣтеля въ качествѣ намістника и назначилъ имъ своего любимаго брата Сигизмунда. Это было большое униженіе литовскаго княжества, привыкшаго къ самостоятельному государю. Въ особенности это было чувствительно для мощнаго удѣльнаго литовскаго князя Витовта, который потому и содѣйствовалъ соединенію Литвы съ Польшей, надѣялся самъ управлять литовскимъ княжествомъ. Поддерживаемый сочувствіемъ Русскихъ и особенно Литвиновъ—Кому новъ, Витовтъ возсталъ противъ Ягайла и для большаго успѣха соединился съ рыцарями. Много прошло времени и много потрачено было силъ и крови, пока Ягайло успѣлъ отвлечь Витовта отъ рыцарей.

и заключить съ нимъ миръ. Витовтъ сдѣланъ былъ великимъ литовскимъ княземъ, но долженъ былъ признать союзъ съ Польшей и часто потомъ возобновлять это признание. Это отшатнуло отъ него русскихъ. Въ южныхъ областяхъ литовскаго княжества, въ нынѣшней Малороссіи въ нѣсколькихъ мѣстахъ произошли возстанія противъ Витовта. Поляки съ замѣчательнымъ искусствомъ воспользовались этимъ раздѣленіемъ между Литвой и Русью, посѣяли между ними новыя сѣмена раздора и этимъ отерочили опасность грозившую союзу литовскаго княжества съ польскимъ королевствомъ. Руководимый ими Ягайло даетъ природнымъ литовцамъ въ 1400 и особенно 1413 г. на Городельскомъ сеймѣ особыя преимущества, даетъ имъ право составлять сеймы подобно Полякамъ, устанавливаетъ должности подобно польскимъ, даруетъ гербы польскаго дворянства, словомъ—снимаетъ съ нихъ, по его выраженію, узы рабства и даетъ польскую свободу; но Русскихъ онъ лишаетъ этой свободы. Только тѣ изъ нихъ, которые измѣняютъ своей православной вѣрѣ, могутъ участвовать въ этихъ преимуществахъ.

Эта была первая попытка внести въ литовское княжество пагубное польское шляхетство, то шляхетство, по которому одна часть народа произвольно удостоивается всѣхъ правъ и благъ, а другая столь же произвольно лишается ихъ. Литвины поставлены въ положеніе господъ, пановъ,—Русскіе въ положеніе рабовъ, хлоповъ. Система эта противорѣчила всѣмъ, исторически установившимся отношеніямъ литовскаго народа къ западно-русскому. Она подвигала дальше и дальше раздѣленіе между ними, вредное имъ обоимъ. Это и обнаружилось послѣ смерти Витовта (1430). Русскіе, подъ предводительствомъ литовскаго кн. Свидригайлы, пытались снова оторваться отъ Польши,—Литвины латиняне, подъ знаменемъ Ягайлы и его брата Сигизмунда, назначеннаго пра-

вителемъ Литвы, давили Русскихъ и притягивали ихъ къ Польшѣ.

Къ счастью опять среди этихъ раздоровъ и смуть, незамѣтно и неожиданно для Поляковъ, выработывалось объединеніе Литвы и Руси. Когда въ 1400 г. объявлено было, что только тѣ изъ русскихъ могутъ пользоваться политическими и гражданскими правами, которые примутъ латинство, то безъ сомнѣнія, между русскими находились охотники получить житейскія выгоды и принимали латинство. Въ тридцатыхъ годахъ XV ст. Полякамъ представился удобный случай увеличить число такихъ людей. На западѣ Европы тогда устраивалось соединеніе церквей. Литовско-польское правительство немедленно воспользовалось этимъ и требовало, чтобы Русскіе принимали унию. Старый вызовъ на отступничество отъ народныхъ началъ, смятенный такимъ образомъ, не могъ не увеличивать числа людей, отрывавшихся отъ русскаго народа. Но въ то время этотъ разрывъ не былъ еще такъ силенъ, какъ въ послѣдствіи. Уніатское вѣроисповѣданіе тогда еще не существовало, какъ особое. Оно выражалось только въ отвлеченномъ, отрѣшенномъ отъ практической жизни признаніи главенства папы. Даже принимая чистое латинство, Русскій тогда не переставалъ быть русскимъ, и ужъ во всякомъ случаѣ не дѣлался Полякомъ, п. ч. Поляковъ не было тогда въ литовскомъ княжествѣ, или если они бывали, то временно, и вовсе не въ такомъ числѣ, чтобы могли составить вліятельное общество. Русскіе того времени, принимавшіе латинство или унию, ненамѣренно выработывали для ближайшаго времени даже добро. Они естественно сблизались этимъ путемъ съ Латинянами—литовцами и сблизали ихъ съ своими братьями православными, отъ которыхъ на дѣлѣ ничѣмъ не отличались они сами.

Послѣ этого, раздѣленіе между Литвой и Русью, такъ насильственно внесенное

Ягайлой въ законодательство и жизнь, становилось крайне неестественнымъ. Его и начали уничтожать сперва подъ благовиднымъ предлогомъ, а потомъ и прямо. Въ 1443 г., грамотой Владислава Варнекаго, Русскіе уравнины были въ правахъ съ Латинянами по тому поводу, что церкви восточная и западная будто бы соединились на Флорентинскомъ соборѣ! (*А. Зап. Рос. I, № 42*). Этою грамотою сильно былъ подорванъ Городельскій актъ, даровавшій права только Латинянамъ литовскаго княжества, и проложенъ былъ путь къ открытому и законному возстановленію правъ западно-русскаго народа безъ всякаго отношенія къ вѣрѣ.—Въ 1440 г. убитъ былъ Сигизмундъ, управлявшій литовскимъ княжествомъ по назначенію Ягайлы. На польскомъ престолѣ былъ тогда старшій сынъ Ягайлы Владиславъ, извѣстный подъ именемъ *Варнекаго*. Вельможи литовскаго княжества не подчинились власти польскаго короля, какъ того требовало Городельское постановленіе, но избрали себѣ, помимо воли Поляковъ и ихъ короля, младшаго брата Владиславова, малолѣтняго Казимира (*Нарбутта, т. VIII, 9*). Пользуясь большою властью при малолѣтнемъ князѣ, вельможи литовскаго княжества постарались сейчасъ же порвать главнѣйшіе узы, соединявшіе ихъ съ Польшей. Они торжественно объявили, что считаютъ Казимира неподручнымъ польскому королю, а самостоятельнымъ, независимымъ княземъ. За тѣмъ обязали его клятвою возстановить цѣлость литовскаго княжества и не допускать Поляковъ въ Литву. Черезъ нѣсколько лѣтъ, обстоятельства стали очень неблагопріятны литовцамъ. Владиславъ палъ въ битвѣ съ Турками (1444 г.) Казимиръ избранъ польскимъ королемъ. Но это не ослабило энергіи литовскихъ и русскихъ вельможъ, добивавшихся независимости своей страны. Мало по малу они возвратили

подъ власть Литвы всѣ земли южной части этого княжества, присвоенныя Польшей. Благодаря этому, они стали еще сильнѣе и громче поговаривать о своей независимости отъ Польши. На многочисленныхъ сеймахъ, происходившихъ въ правленіе Казимира, они постоянно поднимали вопросъ о незаконности актовъ униі при Ягайлѣ,—объ исключеніи изъ нихъ выражений:—«одно государство, одинъ народъ», и т. п. Все это литовскіе и русскіе вельможи называли порабощеніемъ, рабствомъ Литвы и требовали уничтоженія этого позора. (*Нарбутта, т. VIII, 9*). Казимиръ явно стоялъ на сторонѣ литовской. Онъ былъ воспитанъ въ Литвѣ, большею частію жилъ въ ней и искренно любилъ эту страну. Для нашей цѣли важна еще та особенность, что Казимиръ очень расположенъ былъ къ русскимъ своимъ подданнымъ и пользовался у нихъ большою популярностію. Популярность его въ этомъ отношеніи была такъ велика, что нѣкоторые князья русскіе и цѣлыя области, какъ напр. Новгородъ, стали примыкать къ литовскому княжеству.—При такомъ направленіи дѣлъ, и при такомъ настроеніи Казимира, враждебныя отношенія между литвинами и русскими литовскаго княжества и юридическая неправомерность между ними должны были уничтожиться. Возстановленіе единства и равноправности между тѣми и другими дѣйствительно и послѣдовало въ 1457 г. Въ этомъ году Казимиръ на Виленскомъ сеймѣ далъ своимъ подданнымъ грамоту, которая разрушала Городельскую неправду. По этой грамотѣ оба народа литовскій и русскій получаютъ равныя права безъ всякаго различія по вѣрѣ и главное получаютъ ихъ не во имя союза съ Польшей, какъ говорилось въ Городельскомъ актѣ, а просто по любви Казимира къ своимъ подданнымъ и въ награду за ихъ вѣрность къ нему,—вѣрность, съ кото-

торой такъ неразрывно соединена была любовь къ родинѣ и защита ея отъ Польши (*А. Зап. Рос. I, № 61*).

Къ концу жизни Казимира объединенныя силы литовскаго княжества обнаружили еще большую энергію въ борьбѣ съ Польшей (*Стрыйковскаго Кроника II, 232. по изд. 1846*). Поляки и самъ король имѣли серьезное опасеніе, что союзъ Литвы съ Польшей разрушится (*Тамъ же 291*). Опасеніе это было совершенно справедливо. — Какъ только умеръ Казимиръ, литовскіе вельможи немедленно написали посланіе къ южно-русскимъ князьямъ и вельможамъ, усердно приглашая ихъ быть съ ними за одно, какъ братья. Призывъ этотъ былъ вызванъ очень важнымъ обстоятельствомъ. Литовскіе вельможи рѣшились настоять, чтобы у нихъ попрежнему былъ свой независимый государь. Въ союзѣ съ русскими людьми они избрали себѣ княземъ младшаго сына Казимира Александра и потребовали, чтобы уничтожены были всѣ условія соединенія литовскаго княжества съ польскимъ, невыгодныя для

литовскаго княжества, какъ то: «оба государства составляютъ одно государство, подъ однимъ государемъ, сливаются въ одинъ народъ, одно тѣло!» Мы должны здѣсь замѣтить, какъ весьма важное явленіе, то, что въ это время во главѣ вельможъ литовскаго княжества стоялъ русскій православный князь Михаилъ Глинскій. Независимость Литвы отъ Польши, казалось, теперь была упрочена и можно было думать, что при первой случайности оба эти государства разойдутся. Для этого оставалось только уничтожить тотъ видимый признакъ соединенія между ними, какой выражался въ сѣздахъ на общій сеймъ, и въ общихъ походахъ противъ неприятеля. — Но на дѣлѣ обстоятельства приняли обратный поворотъ, и повели къ скрѣпленію, а не къ расторженію союза Литвы съ Польшей...

(Изъ статьи М. О. Кояловича. *Докум. объясняющіе исторію зап. р. с. края. Спб. 1865, стр. XXVI — LXVI*).

УКАЗАТЕЛЬ ДРЕВНИХЪ ПАМЯТНИКОВЪ ВЪ ХРОНОЛОГИЧЕСКОМЪ ПОРЯДКЪ.

ВѢКЪ X.

До 950 г. № № 3. 292. 321. 1. 321, а. 2. 201. 189. 294. 38.

До 1000 г. № № 4, а. 6. 321, б. 4, в. 321, в. 5. 6. 373, а. 7. 37. 114. 8. 9. 10. 322. 138. 323.

ВѢКЪ XI.

До 1050 г. № № 331, а. 162. 173. 324. 202. 39. 359, а.

До 1100 г. № № 11. 463. 359, б. 40, а. 359, в. 325, а. 50. 325, б. 12. 13. 203. 68. 69. 40, б. 115. 204. 70. 41. 94. 295. 326. 327. 296. 95. 14.

ВѢКЪ XII.

До 1125 г. № № 52, а. 362, а. 51. 359, г. 205. 359, д. 186. 359, е. 206.

До 1150 г. № № 42. 359, ж. 237. 376, а. 359, з. 164. 165. 139. 238. 15. 359, и. 297. 96. 140. 359, i.

До 1175 г. № № 166. 298. 207, а. 97. 239. 331, б. 208. 43. 299. 240. 333, в. 71. 241.

До 1200 г. № № 141. 359, к. 299, в. 359, л. 332. 328. 209. 329. 207, б. 300. 359, м. 53, а. 359, н. 242. 116. 359, о. п. 54, а. 73. 190. 210. 74.

ВѢКЪ XIII.

До 1225 г. № № 52, б. 142. 75. 53, б. 211, а. 301. 212, а. 213, а. 360, а. б. 302. 360, в. 363, а. 303. 143. 144. 333, а. 360, г. 117.

До 1250 г. № № 362, б. 335. 145, а. 360, д. 362, в. 118. 56. 146. 362, г. 191. 46, а. 333, б. в. 57. 54, б. 213, б. 363, б. 376, б. 98. 212, з. 336. 337. 362, д. 99. 145, б. 338. 339. 55.

До 1275 г. № № 340. 244. 243. 119. 147. 360, е. 373, б. в. 245. 148. 76. 363, в. 341. 346. 364. 58, а. б. 149. 360, ж. 60, а. 342. 150. 374, а. 120. 16. 214. 215.

До 1300 г. № № 60, б. 44. 60, в. 360, з. 374, б. 121. 192. 174. 45. 187. 247. 176. 59, а. 377. 248. 175.

ВѢКЪ XIV.

До 1325 г. № № 365, а. 249. 365, б. 250. 362, е. 251. 46, б. 216. 217, а. 361, а. 365, в. 122. 361, б. 378, а. б. 151. 361, в. 344. 343. 365, г. д. 366. 361, г.

До 1350 г. № № 124. 304. 152. 361, д. 252. 305. 123. 367, а. б. 345. 60, г. 367, в. 253. 254. 177. 379, а. 59, б. 153. 217, б. 46, в. 255. 154. 368. 379, б. 256, 361, г. 380. 78. 178. 77, а. 369. 257. 179. 258. 218. 259. 375.

До 1375 г. № № 370. 61, а. 125. 219, i. 46, г. 180. 167. 193. 60, д. 260. 220, а. 181. 381. 371, а. 382. 306. 307. 47. 261.

До 1400 г. № № 308. 211, з. 220, б. 334. 346. 100. 168. 126. 347. 309. 127. 348. 221. 383. 262. 128. 263. 264. 182. 349. 310. 103. 130. 265. 384. 311, а. 266. 129. 350. 169. 131. 77, б. 102. 401. 183.

311, б. в. 267. 104. 268. 224. 155.
17. 18. 19. 20. 21. 22. 23. 48.
49. 79. 222. 223.

ВѢКЪ XV.

До 1425. г. № № 269. 105. 170.
270. 58, в. 312. 271. 194. 156. 385.
225. 60, е. 286, а. 272. 273. 61,

6. 386, б. 351. 352. 195. 353. 184.
226. 132. 133. 219, з. 134. 106.
135. 62, 274. 275.

До 1462 г. № № 107. 277. 397,
а. 60, ж. 397, б. 278. 136. 60, з.
196. 59, в. 276. 280. 313. 108.
281. 60, и. 379. 374, б. 109. 371,
в. 197. 62, в. 282. 314. 227. 315.
63. 372. 185. 283. 171.

УКАЗАТЕЛЬ ПАМЯТНИКОВЪ ПО РОДАМЪ И ВИДАМЪ.

Источники:

Текстъ лѣтописи, приписываемой преп. Нестору: № № 3. 292. 321, 1. 321, 2. 37. 321, а. 189. 294. 4, а. б. 321, б. 4, в. 321, в. 5. 6. 7. 114. 8. 322. 138. 323. 295. 324. 39. 325, а. 50. 325, б. 12. 326. 327. 206. 296.

Лѣтопись Суздальская: № № 70. 52, а. 51. 331, б. 299, б. 331, в. 299, в. 300. 52, б. 211, а. 53, б. 301. 212, а. 213, а. 303. 333, а. 362, а. б. в. г. 333, б. в. 54, б. 213, б. 336. 212, б.

Троицкая: № № 47. 302. 335. 362, д.

Кіевская: № № 15. 297. 140. 298. 240. 241. 328. 209. 53, а. 141. 54, а.

Волынская: № № 143. 444. 145, а. 337. 145, б. 53. 244. 375. 119. 373, б. в. 245. 58, б. 374, а. 44. 374, б. 174. 45.

Густынская: № № 24. 378, а. 58, а. 60, а. б. в. 378, б. 60, г. 379, а. б. 132.

I Новгородская: № № 359, г. и. к. в. 116. 359, п. 360, б. 363, а. 360, д. 146. 56. 57. 363, б. 376, б. 360, е. 147. 148. 150, 59, а. 365, а. б. 361, а. 217, а. 361, б. 151. 361, в. 365, г. д. 361, г. д. 305. 367, а.

б. в. 217, б. 153. 154. 369. 311, а. б. в. 60, ж. 59, в.

II Новгородская: № № 60, д. 106. 62, а.

III Новгородская: № № 9. 178.

IV Новгородская: № № 299, а. 359, л. м. 59, б. 219, а. 220, а. 306. 307. 308. 220, б. 346. 348. 383. 128. 349. 58, в. 225. 219, б. 133. 134. 281. 60, и. 385.

I Псковская: № № 360, б. в. г. 124. 368. 61, а. 60, з. 371, а. б. в. 372, а. б. в. 77, б.

II Псковская: № № 377. 386, а. б. 61, б. 274. 397, а. б. в.

I Софійская: № № 142. 359, а. б. в. д. е. ж. 376. 359, з. 139. 359, и. 208. 359, о. 363, в. 341. 360, ж. 342. 360, з. 365, в. 344. 361, е. 380. 370. 62, в.

II Софійская: № № 78; 103. 350. 60, е. 62, б. 63.

Воскресенская: № № 381. 382. 334. 126. 312. 351, а. 353. 107. 136. 313. 108. 315.

Никоновская: № № 345. 310. 100. 224. 352.

Тверская: № 351, б.

Нижегородская: № № 362, в. 211, б.

Степенная книга: № № 101. 226.

Синопись: № 293.

Сводная лѣтопись В. Н. Татищева: № № 373, а. 10. 331, а. 332.

Житія: № № 37. 41. 94. 95. 97. 98. 99. 343. 345. 100. 103. 101.

Отдельные рассказы и повествованія: № № 295. 296. 140. 141. 302. 535. 336. 337. 339. 364. 377. 344. 348. 350. 226. 136. 63.

Путешествія: № № 205. 77, а. 6.
Извѣстія иностранцевъ: № № 2. 201. 338.

Слова: № № 11. 69, а. 6. 14. 71. 75. 16. 214. 215. 210. 17. 18. 19. 20. 21. 22. 23. 49. 222. 223. 155.

Поученія: № № 114. 202. 38. 203. 13. 206. 121. 216. 218. 221. 134.

Посланія: № № 204. 115. 186. 117. 118. 76. 78. 129. 104. 105. 352. 133. 109. 314.

Церковныя уставы и правила: № № 162. 163. 164. 165. 238. 166. 207. 120.

Судебныя своды: № № 173. 178. 185.

Грамоты.

Благословенная: № 135.
Возныя послушныя: № 277.
Вкладная № 242.
Данныя: № № 243. 279.
Договорныя: № № 189. 191. 149. 251. 366. 304. 252. 193. 181. 309. 156. 194. 272. 196. 197.
Душевыя или духовныя завѣщанія: № № 96. 174. 175. 152. 258. 180. 260. 262. 264.
Жалованныя: № № 237. 177. 254. 255. 256. 261. 263. 266. 267. 270. 271. 184. 275. 276. 282.

Земныя и закладныя: № № 257. 278.

Кобальная № 182.
Купчая: № № 179. 259. 269. 283.
Мирныя: № № 190. 246. 192. 249. 250. 195.

Грамоты разнаго содержанія: № № 247. 248. 253. 125. 131. 169. 171. *Настольная* № 130.

Обводная или межсвая № 268.
Рядная № 176.
Таможенная № 273.

Уставныя: № № 127. 265. 183. 170.

Ярлыки ханскіе: № № 122. 123. 167. 168.

Показаніе № 280.
Исповѣданіе № 227.
Плачь № 102.

Записи, предисловія и послѣсловія: № № 40, а. 6. 41. 42. 239. 43. 46, а. 6. в. г. 47. 48.

Ложныя или апокрѣфическія книги: № № 79. 65. 66. 74. 80. 81. 82.

Легенды: № № 83. 84. 85. 137. 538.

Преданія и сказанія: № № 64. 172. 187. 228. 229. 231. 284. 316. 317. 330. 370.

Святскія повѣсти: № № 329. 73. 347. 188. 86.

Былины: № № 25. 26. 110. 232. 233. 286. 287. 288. 318. 354. 355. 356.

Стихи: № № 27. 28. 87. 88. 89. 90. 230. 285.